

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

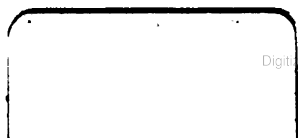
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929230 4

Coler

211

БИБЛОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

1838 Oct

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τὸ ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶσθαι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Secret. apud Xenophont., IV, 8, 9.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

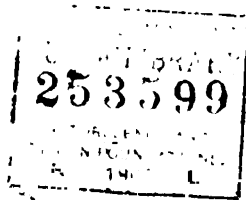
ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ОДУАРДА ПРАЦА N К°.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ шлѣзъ, чтобы по означеніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Санктпетербурга, 1836 года, августа 29 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

376

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

=

I.

Какъ дневной смокаетъ шумъ,
Какъ лазурный сводъ темнѣть,
Надъ землей незримо вѣсть
Тихой жизнью Ангель думъ!.....
Въ эту сладостную пору,
Какъ въ священной тишинѣ,
Предстаетъ природа взору,
Безмятежная во снѣ,
Страсти буйное безумье
Далеко бѣжить души,
И таинственно раздумье
Сходить на сердце въ тиши!
Въ это чудное мгновенье
Есть неясная печаль,
Есть неясное стремленье, --
Будто сердце рвется въ даль.

Будто хочет породниться
 Въ цѣломъ мірѣ съ чѣмъ-нибудь.
 И вдвойнѣ больная грудь
 Одиночествомъ томится.

II.

Одинокій гость земли
 Зреть ли звѣздочки вдали,
 Какъ онъ межъ облаками
 Блещутъ яркими чегами, —
 Иль, задумчивъ, смотритъ онъ,
 Какъ, всходя на небосклонъ,
 И любви и нѣги полный,
 Лобызаетъ мѣсяць волны, —
 Иль слѣдитъ за вѣтеркомъ
 Какъ онъ вѣется надъ цвѣткомъ,
 Какъ въ таинственномъ лобзаньи
 Пьетъ душистое дыханье.....
 Жизнь ихъ сладостна въ немъ
 Не горитъ живымъ огнемъ!
 Онъ душою отчужденной
 Ихъ союза не пойметъ:
 Для души уединенной
 Міръ прекрасный не живетъ.

III.

Но когда благословенны,
 Вседержавною рукой,
 Двѣ души союзъ священный
 Заключать между собой,
 Какъ огонь любви согрѣетъ
 Ихъ волшебной теплотой,
 Откровеніе повесть
 Вмигъ надъ любящей четой, —
 Тайны тѣ, что схоронила
 Грудь природы глубоко,
 Вдохновительная сила
 Разрѣшаетъ ей легко.
 Въ лоно пламенныхъ объятій

Двухъ любовниковъ какъ братій
 Міръ пріемлетъ, — и тогда
 Съ ними жизнь его слита ;
 Звѣздъ и мѣсяца сіянье,
 Шумъ деревъ и говоръ вода,
 И цвѣтовъ благоуханье,
 Все имъ голосъ подаетъ,
 Все въ нихъ жизнь переливаетъ,
 Какъ съ природой въ одно
 Навсегда соединяетъ
 Неразрывное звено.

IV.

Подъ навѣсомъ зыбкой стѣны
 Гдѣ цвѣтуція сирени
 Наклонились головой,
 Надъ дерновою скамьей,
 Слышенъ голосъ :

— Что, мой милый,

Смотришь въ очи мнѣ уныло?
 Что мнѣ руку пожалъ ты?

онъ.

Другъ мой, грустныя мечты
 Вволновали вдругъ мнѣ душу.

она.

Что жъ? Скажи!

онъ.

Зачѣмъ нарушу
 Грустной мыслию моею
 Сладкій сонъ души твоей?.....

она.

Ты печаленъ : почему же
 Мнѣ печальною не быть ?
 Радость я дѣлю : кому же
 И печаль съ тобой дѣлить ?

онъ.

Такъ взгляни жъ на это море,
 Какъ роскошно на просторъ
 Блещетъ тканью золотой,

Озаренное луной!
 Что же, если бь, перль вселенной,
 Неожиданно, мгновенно,
 Мѣсяць на небъ потухъ,
 И упаль на волны вдругъ
 Мракъ несходный и угрюмой?

Она.

Отъ чего же этой думой
 Ты глубоко пораженъ?.....

Онъ.

Ею былъ перенесенъ
 Я къ другой мечтѣ мятежной.
 Я тебя, мой ангель нѣжной,
 Съ этимъ мѣсяцемъ сравнилъ.
 Чтѣбъ мнѣ мѣръ прекрасный былъ
 Если бь снова я душою
 Въ немъ остался сиротою,
 Если бь (страшная мечта!)
 Эти очи и уста.....

Она.

Чтѣ жь печалиться, мой милой?
Жизнь върна и за могилой.
 Не равно ли, здѣсь нль тамъ?
 Лишь бы жить не розно намъ!

Онъ.

Вѣрю, вѣрю упованью!
 Но за гробъ однимъ путемъ,
 Къ замогильному свиданью,
 Все жь не вмѣстѣ мы поидемъ.
 Молодъ я, во цвѣтѣ силы:
 Мнѣ далеко до могилы!
 Ты же жизнию цвѣтокъ;
 Юныхъ дней твоихъ потокъ
 Унесетъ одно страданье,
 Какъ уносить втерокъ
 Жизнь цвѣтка благоуханье.
 О, коль это испытанье
 Суждено мнѣ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Я, клянусь, тебѣ во слѣдъ

Землю грустную оставлю
И, свободною душой,
Гдѣ бѣ ты ни была, направлю
Мой полетъ я за тобой! —

Онъ замолкъ; она молчала,
Но къ груди его припала
Чернокудрой головой,
И, храня слѣды печали,
Очи тихія сіили
Умиленною слезой.

V.

Есть предчувствіе; я вѣрю
Невозвратную потерю
Въ насъ душа предузнаетъ:
Вотъ сирень еще цвѣтетъ,
Надъ скамьей уединенной. —
Что жъ тропею потаенной,
Въ часъ, какъ ночи тѣнь падетъ,
Къ ней никто уже нейдетъ?.....

Не придетъ опять младая
Намъ знакомая чета!

Въ зломъ недугъ угасая,
Вотъ на ложѣ смерти та,
Чьи давно ль во мракъ ночи
Пламени въ тѣгой очи,
А теперь при блескѣ дня
Будто звѣзды безъ огня;
Вотъ и онъ, другъ сердца милый,
Неподвижный и унылый,
На колынахъ у одра:
Онъ слѣдитъ, какъ жизнь въ ней вьется,
Но не вѣрить что настанетъ
Сердцу страшная пора!

Не спасла любовь. О вѣра!
Мукъ земныхъ свершилась мѣра;

Сна могильнаго крыло
 Осѣняетъ ей чело.
 И на долгую разлуку
 Холодьющую руку
 Другу подала она:
 Жизни дрогнула струна, —
 И душа подобно звуку,
 На невидимыхъ крылахъ,
 Утонула въ небесахъ.

Есть предѣлы упованьямъ!
 Вотъ съ отчаяннымъ рыданьемъ
 Онъ упалъ у хладныхъ ногъ.
 Вдругъ у ногъ пахнулъ одеждой
 Перелетный вѣтерокъ:
 Вспыхнулъ юноша надеждой;
 Къ ней!..... зоветъ..... Обманъ жестокъ!
 Безотвѣтенъ зовъ бесплодный,
 Неподвиженъ трупъ холодный,
 Очи, перси и уста
 Все замолкло навсегда.

И безумнострашнымъ взоромъ
 Обратился онъ съ укоромъ
 Къ отдаленнымъ небесамъ;
 Но светло все было тамъ.
 Синева небесъ сіяла;
 Божьихъ ангеловъ семья
 Хоромъ въ рай сопровождала
 Душу чистую ея.....

VI.

Выпалъ жребій неизбежный!
 И любовникъ молодой
 Клятвы страшной, клятвы пѣжной
 Сохранилъ обътъ святой.
 Міръ безплодный, міръ печальной
 Для него пустыней сталъ;
 Тамъ, въ лазури, ясной, дальней,
 Міръ иной страдальца звалъ.

И пришелъ онъ вновь подъ сѣни,
 Гдѣ душистыя сирени,
 Наклонились головой
 Надъ дерновою скамьей;
 Но ужъ сердце въ немъ хладѣло:
 Клятву онъ свершилъ свою, —
 И безчувственное тѣло
 Тихо пало на скамью.

VII.

Какъ изъ храма паръ душистый,
 Какъ молитвы голосъ чистый,
 Окрыленна и вольна,
 Новой жизнью полна,
 Сумракъ ночи разсѣкая,
 Понеслась душа молодая, —
 И предъ нею все ярчѣй
 Звѣзды вдоль небесъ блистали
 И къ желанной цѣли ей
 Ясно путь обозначали.....
 И прекрасная заря,
 Блескомъ розовымъ горя,
 Вдалекъ предъ ней сіяла, —
 Будто солнце въ легионъ
 Слитый вмѣстѣ, озаряла
 Отдаленный небосклонъ.
 «Вижу, вижу край желанный,
 «Край любви обѣтованный,
 «И заранѣ узнаю:
 «Тамъ найду любовь мою!»
 Вдругъ невидимая сила
 Крыль полетъ остановила.
 И оттуда, гдѣ свѣтло
 Небо розами цвѣло,
 Что-то тихо отдѣлилось
 Искрой ярко-золотой;
 И надъ тѣнью молодой
 Свѣтлымъ облакомъ спустилось.

VIII.

Разошелся дымъ златой ;
 И сквозь паръ душистый дыма
 Блещетъ образъ серафима
 Златокудрый и молодой.
 «Тынь преступная, куда ты !
 Рая въ свѣтлыя палаты
 Не достигнешь ты къ вратамъ ;
 Ты не Бога любишь тамъ,
 Но любовь свою земную
 Переносишь въ жизнь иную, --
 И на казнь обречена
 Эта тяжкая вина !
 Между небомъ и землею
 Осужденъ ты жить душою ;
 Ты съ земли отторгъ себя, --
 Рай чуждается тебя !»

IX.

Отчужденною душою
 Въ цѣломъ мѣрѣ сирота,
 Между небомъ и землею
 Онъ живетъ ; пдутъ лѣта, --
 И неразъ ему случалось,
 Въ хорѣ ангеловъ, сдавалось,
 Милый гласъ слышалъ онъ.....
 О, какъ сильно этотъ звонъ
 И мучительнымъ желаньемъ
 И тоской и упованьемъ
 Душу бѣдную смущалъ !
 Крылы вновь онъ развивалъ,
 Но невидимыя силы
 Остановливали крылы.
 И на грустный край земли
 Безпощадныя влекли.

ГУРІЯ.

=

« Не ходи на поле битвы,
 Не точи свой ятаганъ !
 Не спасутъ тебя молитвы
 Въ тучѣ стрѣль отъ ѣдкихъ ранъ.
 Милый другъ, тамъ за Пророка
 Доны цѣлые въ крови :
 Не ходи жъ на встречу рока,
 Осуши слезу любви ! »

Дѣвъ страстной и покорной
 Воинъ-юноша внималъ,
 И въ раздумьѣ локонъ черной
 Ей свивалъ и развивалъ :
 Потухаетъ жажда брани,
 Въ сердце крадется печаль, —
 И скользятъ изъ жаркой длани
 Недоточенная сталь.

Вотъ и вечеръ ризой темной
 На сады, на волны, палъ ;
 Дѣвы милой, дѣвы томной
 Грустный другъ не покидалъ :
 Ихъ засталъ и часъ полночи
 Съ грудью грудь, — горагъ уста, —
 И смыкастъ сладко очи
 Утомленная чета.

Но, какъ съ неба голубаго
 Сходитъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
 Очи война младаго
 Сонъ волшебный постылъ.
 Снилось, кто-то въ моръ злата
 Пролетѣлъ, и вдругъ исчезъ :
 Но съ восхода до заката
 Онъ раздвинулъ сводъ небесъ ;

И въ сіяньи сходитъ дѣва :
 Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,
 Вѣтвь божественнаго древа,
 И фіяль въ ея рукъ.
 Станъ въ дыму прозрачной ткани,
 Бѣлъ, какъ снѣгъ на темъ горъ ;
 Грудь какъ волны, очи лани,
 Но упрекомъ блещетъ взоръ.

Воинъ медленно подъемлетъ
 Полусснпую главу.
 Пробудился онъ или дремлетъ, —
 Онъ не помнитъ ; на яву
 Передъ намъ все та же дѣва,
 Тотъ же блескъ со всѣхъ сторонъ ;
 И, какъ стройный звукъ напѣва,
 Голосъ дѣвы слышитъ онъ :

Не страшись. Я дѣва рая,
 Я, на легкихъ крыльяхъ сна,
 Изъ надсолнечнаго края
 Въ здѣшній міръ занесена.
 Въ звѣздномъ хорѣ одиноко
 Я полетъ свершаю мой,
 И поклонника Пророка
 Жажду страстною душой.

«Какъ недвижныя свѣтила
 Вѣченъ блескъ красы моей :
 Время, горе и могила
 Тратятъ власть свсю надъ ней :
 Отъ моихъ лобзаній таетъ
 Сердце въ пламени любви,
 И угасшій воскресаетъ
 Огнь желанія въ крови.

«Но того съ двойной любовью
 Приметь Гурія на грудь,
 Кто въ бояхъ своєю кровью
 Освятилъ пророка путь.

О, покаянь, кого ты любишь!
 Стань подъ знаменемъ святымъ!
 Ты небесное погубишь
 Наслаждениемъ земнымъ!»

Смокла. Ризой серебристой
 Обвилась, и вся въ лучахъ,
 Какъ алая паръ душистой,
 Дѣва тонетъ въ небесахъ;
 И за ней палящимъ взоромъ
 Вонь въ слѣдъ; душа полна
 Страстью новой, и укоромъ
 Грудь порою стѣснена:

На подругу взводитъ очи, —
 Но не къ ней любви огонь!
 Онъ встаетъ. Подъ кровомъ ночи
 Тихо выведенъ имъ конь.
 За плечами лукъ и стрѣлы
 Ятаганъ за кушакомъ.
 И понесся вонь слѣпый
 На свиданіе съ врагомъ.

День зажегъ края востока, —
 Притче конь, — и скоро онъ
 Подъ знаменами Пророка
 Ъздокомъ остановленъ.
 Мигъ вздохнулъ, и вновь летучій
 Въ бой помчался съ ѣздокомъ.
 И, какъ въ бурю туча съ тучей,
 Вонь встрѣтился съ врагомъ —

Вдругъ ударъ! Облитый кровью
 Онъ падетъ на груди тѣль.
 Смерть надъ нимъ; но къ изголовью
 Кто-то свѣтлый подметель.
 Онъ взглянулъ: то дѣва рая!
 Все въ ней блескъ и красота:
 И загляси умирая,
 И прильнули къ ней уста.....

СИРОТКА.

мальчикъ.

Родимая, пойдемъ скорѣе!
Ужъ стало поздно; все темнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой;
Мнѣ страшно здѣсь.....

поселянка.

Господь съ тобой!

мальчикъ.

Кругомъ кладбище; по долину
Однѣ могилы да кресты.....

поселянка.

Вотъ храмъ Господень по-средиу.
Перекрестись..... Ну, что же ты?

мальчикъ (жмется къ ней).

Потише! Видишь ли, родная,
Вонъ что-то черное встаетъ?.....
Все пуще страхъ меня беретъ.
Мертвецъ!.....

поселянка (оглядывается).

Гдѣ? Троица святая,
Помилуй насъ!..... Пойдемъ..... Ахъ, нѣтъ.
Ты испугалъ меня, мой свѣтъ!
Навѣрное сиротка наша
Зашла сюда. И впрямъ!

(Подходятъ къ девушкѣ, сидящей на могилѣ.)

Параша!

девушка.

Кто звалъ меня? Мой братъ, не ты ли
Услышалъ плачь мой и въ могилѣ?.....
Нѣтъ, не дождусь отвѣта я!
Нажала грудь его земля! (плачетъ).

поселянка.

Дитя мое!

девушка (равнодушно).

Кто здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Ужас!

Узнать неможешь ты меня?

ДѢВУШКА.

Ахъ, это ты! Узнала я.

ПОСЕЛЯНКА.

Чу! слышишь, пѣтухи прощали.

Вѣдь это полночь! Спать пора.

Пойдемъ, пробудешь до утра

У насъ въ избѣ.....

ДѢВУШКА.

За-чѣмъ отсюда!

Мнѣ хорошо и здѣсь покуда.

Идите съ Богомъ по домамъ;

Гостить здѣсь не у кого вамъ.

ПОСЕЛЯНКА (горестно).

А ты въ гостяхъ?

ДѢВУШКА.

Я здѣсь у брата.

Со мною онъ! Одна отрада

Надъ нимъ проплакать день и ночь.....

ПОСЕЛЯНКА.

Слезамъ горю не помочь.

Послушай.

ДѢВУШКА (задумчиво).

Въ утреннемъ туманѣ.

Нарву цвѣтовъ ему заранѣ,

И канетъ, прежде чѣмъ роса,

Къ нему на грудь моя слеза.....

ПОСЕЛЯНКА.

Пойдемъ!

(Отрываетъ ее насильно отъ могилы и уводитъ.)

И спутница младая

Идетъ, сама не понимая,

Куда, зачѣмъ. Ей всё равно, —

Всё горе на сердцѣ одно!

Пришли въ село; въ избушку вводятъ

Ее по темнымъ ступенямъ,

И вотъ покой: лучины тамъ

Т. XVIII. — Отд. I.

Горятъ, и свѣтъ кругомъ наводятъ.
Очнулась гостья.

ДѢВУШКА.

Гдѣ же я?

ПОСЕЛЯНКА.

Не бойся; ты въ избушкѣ нашей.
Садись поближе къ этой чашѣ.
Ты голодна?

ДѢВУШКА.

Пусти меня!

Мнѣ тяжело здѣсь; дышу насилу;
Пусти на братнюю могилу,
Мнѣ легче тамъ, мнѣ лучше тамъ (*блжситъ къ дверямъ*).

ПОСЕЛЯНКА.

Напрасно рвешься ты къ дверямъ,
Не отопру. Хоть по неволѣ
Ты у меня пробудешь долѣ.
Дитя! повѣрь мнѣ, ты больна,
И день и ночь незнаешь сна.....
Но вотъ постель тебѣ готова.
Ложись.

И болѣе ни слова.

Лучина вмигъ погашена.
Легла сиротка поневолѣ,
И о своей печальной долѣ
Опять задумалась она.
Мечты смѣшались; какъ ни больно
Ей было на сердцѣ, по сонѣ
Смѣжилъ глаза ея невольно,
Хоть не принесъ отрады онъ, —
И тѣ же думы обладали
Ея душою и во снѣ:
Уста лишь жалобы однѣ,
Да имя брата лепетали.
И тотъ, кто ей такъ дорогъ былъ,
Во снѣ являся, говорилъ:
«Сестра, не плачь, не плачь, сестра,
«Но мнѣ отъ утра до утра.
«Мнѣ дорогъ даръ твоей любви,

«Но слезы въ тягость мнѣ твои ;
 «Огнемъ онѣ текутъ по мнѣ,
 «И весь горю я какъ въ огонь.
 «Взгляни на саванъ : видишь, онѣ
 «Слезами жаркими прожженъ !
 «Сестра, въ залогъ своей любви,
 «Ты Бога долъ не гнѣви ;
 «Не плачь напрасно надо мной, —
 «И сладокъ будетъ мой покой!»

Она проснулась. Смутный взоръ
 Искаль вокругъ любимой тѣни :
 Ея мучительныя пѣни
 Ей въ душу врѣзались. Съ тѣхъ поръ
 Она томилась и вздыхала,
 Возведши взоръ на небеса,
 Но никогда ея слеза
 На память брату не блистала.

И черезъ годъ она пошла
 Опять на братнюю могилу.
 Тамъ было тихо ; и насилу
 Ее узнать она могла :
 По ней узорчатой грядюю
 Блистали яркіе цвѣты,
 Да разрослися полосою
 Травы заглохшіе кусты ;
 И безопасно въ ихъ срединѣ,
 Въ надеждѣ мира и тепла,
 На лѣто гостя въ той долинѣ,
 Гнѣздо малиновка вела.

А. ПОДОЛИНСКІЙ.

КЪ ШТЫКУ.

=

Блести, товарищ неизмѣнный,
Блести, мой троугранный штыкъ !
Какъ къ брату братъ, о другъ мой вѣрный,
Такъ точно я къ тебѣ привыкъ.

Мнѣ безъ тебя все какъ-то скучно,
Чего-то все не достаетъ,
А ты при мнѣ, — благополучный
Солдатъ и пѣсенки поеть.

Когда лучъ солнечный, игралъ,
Въ тебѣ, товарищ мой, блестить,
Мнѣ мнится — такъ любовь святая
Къ отчизнѣ милой въ насъ горить.

Тобою Россѣ свою свободу
Въ годину бѣдствій искупилъ,
И угнѣтенному народу
Былое счастье возвратилъ.

Тобою Россѣ воздвигнулъ троны,
Рукой побѣдною прервалъ
Потоки крови, плачь и стоны,
И міру миръ блаженный далъ.

Съ тобой шагнулъ Россѣ чрезъ Балканы,
Вершины Альповъ и Кавказъ:
Вездѣ оставилъ, троугранный,
Ты память о себѣ, о насъ.

Гдѣ были мы, — вездѣ во славѣ.
 Вездѣ гремѣлъ побѣднѣй кликъ.
 Но гдѣ же не былъ Россѣ во славѣ,
 И гдѣ же не былъ Русскій штыкъ?

Блести, товарищъ неизмѣнный,
 Блести, мой троуграннѣй штыкъ!
 Какъ къ брату братъ, о другъ мой вѣрный,
 Такъ точно я къ тебѣ привыкъ.

НИКОЛАЙ ВОЛОДКОВИЧЪ.

ОСЕЛЪ.

=

ВАСИЛЪ.

=

Есть въ Греціи гора, — Парнассъ:
 По сказкамъ болѣе извѣстная у насъ.
 Легко сказать — взойти на эту гору:
 И ходоку-то въ пору!
 Но всѣ вдутъ. Вотъ и Осель.
 Вслѣдъ за толпой пошелъ.
 Хоть онъ плохой ходокъ, -- къ тому жъ и нѣтъ умѣнья, —
 Зато ослиное терпѣнье.
 Идетъ, идетъ, идетъ, —
 Оглянитса, — ну хоть бы шагъ впередъ!
 Другой бы воротился,
 Но мой Осель былъ не таковъ!
 Упрямство — даръ ословъ.

Онъ вѣрно бѣ никогда до цѣли не добмлся,
Но Аполлонъ, глядя на чудака,
Захоталъ, и вдругъ приказъ — чтобъ дурака
Въ святилище наукъ впустили
(Чего не сдѣлали бы никогда у насъ!)
Тутъ за уши Осла схватили,
И на Парнасъ
Встащили.

Спасибо, уши длинны были!

с***.

П Р О З А.

Д Ж У Л І О.

=
ПОВѢСТЬ.
=

Джуліо было восемнадцать лѣтъ, его черты сильно напоминали лице Аполлона, когда Аполлу было тоже восемнадцать лѣтъ отъ роду. Если бъ вы знали, сударыни, Джуліо и Аполлона по восемнадцатому году, вы бы съ трудомъ различили ихъ другъ отъ друга, и часто приняли бъ молодого человѣка за этого бога: одинъ только признакъ могъ бы руководствовать васъ въ этомъ случаѣ и предохранить отъ ошибки, именно, что Джуліо носилъ щегольскій фракъ, а Аполлонъ ходитъ обыкновенно безъ кафтана. Эти лѣта и это лице были уже сами по себѣ богатствомъ; но Джуліо сверхъ того былъ богатъ. Веселый нравъ и доброе сердце придавалъ еще большую цѣну тремъ прекраснымъ качествамъ, юности, красоты и золота. И оттого у него было, какъ у Аполлона, до девяти любовницъ, и вдвое столько искреннихъ пріятелей, всегда готовыхъ за него пить и ѣсть до смерти. Былъ еще у него богатый дядя въ Римѣ, падре Томази, который послалъ его, съ деньгами и книгами, учиться во Флоренцію, но оба они имѣли другъ о другъ самыя невыгодныя мнѣнія, дотога что дядя на зло племяннику часто не хотѣлъ давать ему денегъ, а племянникъ на зло дядѣ часто не хотѣлъ учиться. Въ эту минуту, съ которой начинается моя исторія, падре Томази, пославъ Джуліо пять сотъ червонныхъ съ длиннымъ

письмомъ о пользѣ наукъ, былъ увѣренъ, что тотъ прилежно слушаетъ Исторію на скамейкѣ Флоренскаго университета, а между-тѣмъ Джуліо весело проводилъ карнавалъ въ Генуѣ. Я не оправдываю поведенія Джуліо, но вхожу въ его затруднительное положеніе: пять сотъ червонныхъ въ карманъ, передъ глазами университетъ съ Исторіей, а въ Генуѣ въ то самое время карнавалъ! Я бы и самъ улизнулъ изъ университета на карнавалъ. Джуліо такъ и сдѣлалъ.

Худо только то, что Джуліо влюбился въ Генуѣ въ женщину старѣе его по-крайней-мѣрѣ восемью годами. Но, съ другой стороны, какъ не влюбиться!

Прекрасно лѣтнее небо Италіи; но еще прекраснѣе глаза Лукреціи; роскошна волна Средиземнаго Моря, когда юго-западный вѣтеръ бьетъ ее о скалы Генуи; но еще роскошнѣе грудь Лукреціи, еще сильнѣе воздымается она, когда волнуется страстью. Величаво подымаетъ Сень-Готаръ чело свое; но еще болѣе идетъ величіе къ лебядиной шеѣ Лукреціи: на этой шеѣ поконтся головка, которой позавидовала бы сама фантазія, и Минерва подружилась съ Венерою, чтобы общими силами овладѣть этимъ сокровищемъ. Лукреція богата, Лукреція вдова, Лукреція красавица, — три качества, за которыя многія женщины отдали бы свою стыдливость. И притомъ она еще учена, и судить объ антикахъ какъ самъ Висconti! Покажите ей отбитую ногу какой-угодно древней статуи: она тотчасъ вамъ скажетъ какого бога или героя эта нога. Я часто соображалъ въ Италіи неудобства этой страсти тамошнихъ ученыхъ дамъ къ антикварству, но не мое дѣло измѣнять нравы народовъ. Дѣло въ томъ, что Лукреція была восхитительна, разсуждала и о любви какъ Италіянка, и объ антикахъ какъ Италіянецъ. Общество ея состояло большею частію изъ мужчинъ: она ненавидѣла женщинъ; и женщины ненавидѣли ее.

У нея былъ балъ. Лукреція, какъ Генуезка, любитъ жить пышно. Говорятъ, она очень богата; но главное богатство — она сама. Напрасно Туринъ черпаетъ сокровища Генуи; напрасно заманиваетъ своею столичною жизнію ея прелестныхъ обитательницъ: Генуя отдаетъ все, но не отдастъ себя самой; не отдаетъ ни своихъ Аппениновъ, ни своего Средиземнаго Моря, ни своихъ лимонныхъ садовъ, ни оливковыхъ рощей, ни своего неба, которому иногда завидуютъ и гордый Римъ и прекрасная Флоренція, ни своихъ прекрасныхъ женщинъ, которымъ нѣтъ ничего равнаго не только на всей землѣ, но даже въ Венеціи.

Комнаты облиты огнями; куренія востока спорятъ съ амброзіею цвѣтовъ; вызолоченныя залы, одѣтыя со всѣхъ сторонъ Венеціянскими зеркалами, тянутся анфиладою чертоговъ; Итальянская музыка переливается звучною рѣкою изъ комнаты въ комнату; Генуезцы кипятъ вокругъ своей богини Лукреціи. И Джуліо тутъ. Онъ уже возмъ нее, и она почти его не замѣчаетъ. Джуліо еще такъ молодъ, что вдовѣ простиительно не замѣчатъ его. Уйди, Джуліо; уйди къ этимъ прелестнымъ нимфамъ, за которыми сейчасъ бѣгаль ты подъ портиками. Онъ помогутъ тебѣ по-крайней-мѣрѣ убить время. Цвѣтокъ, около котораго ты ухаживаешь, очарователемъ только снаружи. Ты говоришь, что влюбленъ въ эту женщину? Но что значитъ любовь въ восемнадцать лѣтъ! Твоя любовь — прихоть, Джуліо. Уйди туда, гдѣ можешь лучше удостовѣриться въ этомъ. Но Джуліо не отходитъ. Онъ ловитъ ея взоры, и эти взоры, мелькнувъ яркою молніей, поминутно ускользаютъ отъ его жадныхъ взглядовъ. Наконецъ, ему удалось обмѣняться съ нею нѣсколькими словами. Дрожь и весь въ огонь, онъ просилъ ее танцовать. Она согласилась.

— Вы любите танцы? спросила его Лукреція своимъ прелестнымъ голосомъ, но оббѣгая въ то же вре-

ия глазами окружавшія ихъ пары, такъ, что Джуліо могъ сомнѣваться, къ нему ли относился вопросъ или ко всѣмъ танцующимъ.

Между-тѣмъ, не слыша отвѣта, она взглянула на Джуліо, и взоръ ея сказалъ: «Ахъ, извините! я васъ не замѣтила.»

Эта принужденная внимательность показала ему послѣднею степенью невнимательности, и наполнила его досадою. Вопросъ Лукреціи остался безъ отвѣта.

— Вы любите танцы? повторила она, и на этотъ разъ съ очаровательною улыбкою, какъ-бы желая придать бѣдному ребенку болѣе бодрости.

— Можно ли ихъ не любить! сказалъ съ жаромъ Джуліо, и пылкіе слова вдругъ погасли на его устахъ.

Онъ, кажется, былъ нѣсколько недоволенъ тономъ покровительства, съ которымъ съ нимъ разговаривали.

— Удовольствія созданы для юности! сказалъ Джуліо выразительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ тягостнаго молчанія. Есть столько удовольствій, столько прелестей жизни, отъ которыхъ мы не можемъ бѣжать, какъ бы ни желали. Есть даже удовольствія ужасныя; удовольствія, терзающія сердце, часто умерщвляющія умъ, волю, память, и мы однако ихъ жаждемъ, стремимся къ нимъ, бросаемъ въ жертву имъ свободу, беззаботность, разумъ, сердце, душу, и упоенные ихъ нектаромъ, сожженные ихъ огнемъ, обезумленные, потерянные, восклицаемъ, въ восторгъ: Еще, еще! Для чего быть свободными, для чего быть беззаботными, для чего имѣть разумъ и волю? Этотъ ужасный огонь, разрушающій сердце, дышетъ небомъ; этотъ напитанный ядомъ нектаръ вливаетъ въ жилы нѣчто похожее на безсмертіе.....

Джуліо говорилъ со всею напыщенностью страсти героевъ синьора *Бальзако*, и могъ говорить сколько

угодно : Лукреція его не слухала ; въ то время глаза ея бродили снова по рядамъ танцующихъ ; но въ то же время и легкая улыбка тайно бродила по ея красивымъ устамъ . Я увѣренъ , что она все слухала !..... Но стѣитъ ли слухать мальчика ?

Эту улыбку вѣроятно примѣтилъ и Джуліо , потому что онъ былъ необычайно веселъ послѣ танца . Онъ много читалъ въ университетѣ о разныхъ сортахъ улыбокъ , небесныхъ , горькихъ , сладкихъ , извительныхъ , злобныхъ , радужныхъ , и прочая . Эта улыбка казалась ему изъ рода сладкихъ , — лучшаго рода улыбокъ . Въ его воспламененномъ воображеніи все было — улыбка , блескъ и блаженство ; онъ видѣлъ только Лукрецію и себя въ цѣломъ свѣтѣ ; онъ думалъ , что уже обладаетъ сердцемъ любимой женщины и слѣдственно раемъ . Студентъ !

Предаваясь роскошнымъ мечтамъ , онъ искалъ случая съѣсть подлѣ блистательной хозяйки , какъ скоро откроются вакантныя кресла . Безпрерывное бучаніе роя обожателей , который кружился около нея , было весьма непріятно его ушамъ . Особенно возбуждалъ въ немъ досаду , и даже нѣчто похожее на ревность , этотъ бѣлокурый трутень , *signor Tedescho* , котораго Нѣмецкая фамилярность съ Лукреціей порой становилась ему даже подозрительною . Казалось , какъ-будто этотъ Германецъ былъ , подобно Лейденской бутылкѣ , заряженъ электричествомъ , которое , при каждомъ его приближеніи , перелетало искрою въ хозяйку и производило въ ней потрясеніе . Если бъ это было во Флоренціи , на университетской площади , Джуліо раздѣлялся бы съ нимъ установленнымъ порядкомъ ; но здѣсь , на балѣ , ему оставалось только мысленно примѣнить къ этому несносному иностранцу самую живописную изъ Итальянскихъ поговорокъ о Нѣмцахъ , и быть вѣжливымъ .

Наконецъ кресла около хозяйки очистились. Джуліо налетѣлъ на нихъ какъ орелъ на добычу, и устылся подлѣ очаровательной синьоры. Минута счастья пробилла для торжествующаго юноши. Онъ сладостно трепеталъ всѣмъ тѣломъ при мысли быть въ ея обществѣ, вбирать въ себя звуки ея голоса, упояться ея бесѣдою и высказать ей чувства своего сердца.

Лукреція обернулась къ нему съ той же таинственной улыбкою, которою она отвѣчала на его пылкія рѣчи во время танца. Джуліо уже былъ счастливъ.

— Oh, che siete bello! сказала она, всматриваясь въ него съ восторгомъ и невыразимою прелестью.

«Oh, che siete bello» значитъ по-православному — ахъ, какъ вы хороши! Этого православная женщина не скажетъ ни какому мужчине, ни на балѣ ни послѣ бала, но Итальянка скажетъ, даже незнакомому, если его красота произведетъ надъ ней впечатлѣніе. Я люблю Итальянокъ за это чувство изящнаго и за эту откровенность.

Джуліо смутился; онъ не зналъ что отвѣчать, но внутреннее удовольствіе ярко отразилось на его красивомъ лицѣ, и это привѣтствіе довершило его счастье. Какъ-бы то ни было, слова — «ахъ, какъ вы хороши!» можно всегда переводить — «ахъ, какъ вы мнѣ нравитесь!» Джуліо такъ и перевелъ ихъ.

— Давно ли вы получили извѣстія изъ Рима? спросила Лукреція. Что дѣлаетъ вашъ дядя, почтенный пашъ падре Томази?..... Я вамъ очень благодарна, signor Giulio, что вы не забыли обо мнѣ сегоднешней вечеръ и пріѣхали на мой балъ.

— Я напротивъ долженъ быть вамъ благодаренъ, signora, отвѣчалъ Джуліо, что вы позволили мнѣ видѣть именно сегодня столько красоты и столько благосклонности, сіяющихъ въ одномъ образѣ, передъ которымъ благоговѣтъ вся Генуя. Если бъ я былъ за тысячу миль отсюда, я прилетѣлъ бы къ вечеру, по-

лучивъ поутру ваше приглашеніе. Есть ли бѣльшее счастье въ мірѣ, какъ находится лично тамъ, куда стремятся всѣ наши мысли, всѣ чувства, всѣ желанія.....

Синьора Лукреція, которая во время этой второй рѣчи, пробѣгала взоромъ группы гостей и представлялась разсвѣянною, вдругъ обратилась къ нему съ вопросомъ.

— Чему вы теперь учитесь, signor Giulio? Чѣмъ вы занимаетесь?

Синьоръ Джуліо былъ пораженъ какъ громомъ. Предоставляю каждому судить о положеніи молодаго человѣка, которому обожаемая женщина напоминаетъ о книгахъ. Джуліо чувствовалъ себя именно въ томъ положеніи, въ какомъ находится червь, раздавленный въ цвѣтинкѣ нѣжною, розовою ножкою порхающей красавицы.

— Видѣли вы собраніе антиковъ, которое привезъ изъ Рима графъ Напоне?

— Я совершенный невѣжда въ антикахъ, сухо отвѣчалъ юноша.

— Ба! вы шутите! Быть-неможетъ, чтобы вы не любили искусствъ и нашей славной древности! Нѣтъ ни одного gentiluomo italiano, Италіянскаго дворянина, который бы не ощущалъ къ нимъ природнаго влеченія. Мы живемъ среди развалинъ. Вся наша прекрасная Италія огромная галлерей древностей. Да, да, caro signor Giulio! надо учиться.....

И между-тѣмъ взоры ея блуждали по залѣ, теряясь въ сложныхъ движеніяхъ кадрили. А бѣдный Джуліо сидѣлъ неподвижно, какъ древній мраморъ, только-что добытый изъ груды мусору, передъ страшнымъ судомъ антикварія. Каждое слово ученой красавицы молотомъ падало на его сердце. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ въ прахъ. Онъ былъ пристыженъ и обиженъ, и не смѣлъ роптать на высококомъ-

ную наставницу, потому что, къ несчастію, ея замѣчанія были отчасти справедливы.....

Надо признаться, что эти савантки — ужасныя женщины! Ихъ величайшее удовольствіе — экзаминовать юношество и унижать молодыхъ людей, которые, не кончивъ курса, хотятъ быть любезными. И не думайте, чтобы это происходило изъ любви къ наукамъ, или чтобы онѣ предпочитали ученыхъ всѣмъ прочимъ мужчинамъ. Нѣтъ! Я всегда замѣчалъ, что онѣ избираютъ въ свои любовники самыхъ огромныхъ невѣждъ. Это должно быть слѣдствіе ихъ глубокихъ познаній.

Между-тѣмъ, какъ я уже сказалъ, танцы продолжались и Лукреція смотрѣла на танцующихъ.

— Сегодняшній вечеръ я почитаю лучшимъ вечеромъ моей жизни, сказалъ Джулію послѣ нѣкотораго молчанія, всё еще не теряя послѣдней искры надежды: мнѣ дастъ совѣты женщина, которой уму, красотѣ и блестящимъ качествамъ, удивляется вся Генуя.....

Головка Лукреціи обернулась.

— Вы еще такъ молоды, *signor Giulio*, что эти совѣты могутъ быть для васъ благодѣтельны, если вы ихъ исполните, присовокупила она, устремивъ на него свои большіе, прекрасные глаза. Никто не имѣетъ столько свободнаго времени какъ молодые люди. Ихъ не связываютъ ни общество, ни приличія, ни заботы, ни обстоятельства. Если вы посвятите хоть пятую часть вашего времени на изученіе искусствъ и древностей, успѣхъ можетъ быть самый блистательный.

— Получивши первую о томъ мысль отъ такой необыкновенной женщины какъ вы, *signora*, надобно быть безъ сердца, чтобы не достигнуть до блистательнаго успѣха, сказалъ Джулію, думая всё о предметѣ, который вертѣлся въ его головѣ.

Лукреція не отвѣчала.

— Можеть ли кто чувствовать подобно молодости? продолжалъ онъ, помолчавъ немного: чувствовать и жить, для нея — одно и тоже. И надъ всеми ея чувствами господствуетъ могущественная любовь прекраснаго, которое дѣйствуетъ на насъ волшебнымъ, неизъяснимымъ образомъ..... Самая наша благодарность уже любовь..... Прекрасная женщина, которая намъ говорить..... Мы только ее видимъ въ цѣломъ свѣтъ.....

Джуліо опять потерялъ нить разговора, примѣтивъ что Лукреція его не слушаетъ. Все ея вниманіе было опять въ глазахъ ея; и на этотъ разъ глаза не бродили уже, какъ прежде, во рядамъ танцующихъ, во стояли твердо, неподвижно, устремленные на одну пару. Легкое, едва замѣтное, безпокойство отгнѣвало изъясныя черты ея лица. Но все это было дѣломъ одной минуты; глаза блеснули, и снова обернулись на Джуліо. Лукреція дѣйствительно не разслышала изъ его заученыхъ высокопарностей ни одного слова.

— Чтò вы говорили? спросила она съ тою роскошною улыбкою, которою женщины стараются заглаживать свою разсѣянность.

И взоры ея снова полетѣли къ той парѣ, на которую она сейчасъ такъ пристально смотрѣла.

— Я говорилъ о могуществѣ любви, сказалъ Джуліо, уже гораздо хладнокровнѣе нежели за минуту. Я говорилъ объ этомъ очарованіи, которое любовь налагаетъ на всѣ наши чувства..... объ этомъ сладостномъ, неизъяснимомъ очарованіи, котораго всѣ жаждутъ, и которое большая часть проклиняетъ..... Но мы можемъ больше чувствовать нежели пересказать словами; наши чувства тоньше и разнообразнѣе самыхъ звуковъ; языкъ сердца.....

— Вы обучаетесь языкамъ?..... древнимъ языкамъ? спросила Лукреція въ совершенной разсѣянности. Вы

очень хорошо дѣлаете..... Мы еще увидимся съ вами, неправда ли?.....

Она встала съ мѣста, не спуская глазъ съ пары, которая видимо причиняла ей досаду.

— Вы еще не такъ скоро уѣдете во Флоренцію?.....
Кланяйтесь отъ меня падре Томази..... И не забывайте о томъ, что я вамъ говорила..... Я знаю, какъ его радуютъ всѣ ваши успѣхи.....

Она мило кивнула ему головою, и убѣжала въ ту сторону, куда все это время стремилось ея вниманіе. Джуліо остался въ креслахъ, убитый стыдомъ и ея равнодушіемъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Голова у него горѣла; сердце страшно билось въ груди; всѣ надежды разомъ вспыхнули и испарились, какъ вода съ раскаленнаго желѣза. Онъ всталъ и хотѣлъ бѣжать. Богъ знаетъ, что бы съ нимъ случилось, если бы онъ на ту пору отыскалъ выходъ на парадную лѣстницу. Одна лишь невидимая рука судьбы спасла его отъ ужасной крайности: онъ попалъ въ буфетъ! Тамъ пили пуншъ, котораго обворожительный аромать, неизвѣстный нашимъ сѣвернымъ безцвѣтнымъ пуншамъ, разливался по всей комнатѣ. Джуліо опрометью бросился къ столу и, съ отчаяніемъ, проглотилъ три стакана пуншу.

— *Corpo di Baccho!* съ изумленіемъ вскричали всѣ Генуезцы, которые *riap-riapino* тянули въ буфетной горячую амброзію изъ маленькихъ стакановъ.

И такъ сильно было его отчаяніе, что онъ спросилъ еще четвертый стаканъ. Настоящій студентъ!

И пуншъ спасъ его отъ неминуемой гибели. Съ тѣхъ поръ я питаю къ пуншу особенное почтеніе, какъ къ одному изъ вѣрнѣйшихъ средствъ въ опасности. Джуліо стало легче. Взволнованная кровь мигомъ пришла въ равновѣсіе, чело прояснилось, незнаемая веселость заняла мѣсто мрачныхъ намѣреній. Какъ ни слабъ Италіанскій пуншъ при нынѣшнемъ

упадкъ народнаго духа и политическаго могущества Италіи, однако непривычный напитокъ скоро зашумѣлъ въ головѣ бѣднаго Джуліо. Самое мѣсто, гдѣ онъ пахотился первый разъ въ жизни, наполнило его безпокойствомъ и страхомъ. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ присутствующихъ, онъ увидѣлъ, что лица и носы ихъ вытягиваются болѣе и болѣе, и вскорѣ всѣ эти уродливые Генуезцы, со своими стаканами, всѣ столы, шкафы и бутылки, пачали кружить около него какъ планеты около солнца, такъ, что онъ могъ почесть себя за центръ тяготѣнія огромной пуншевой системы въ полномъ круговращательномъ дѣйствіи. Проникнутый невольнымъ ужасомъ, онъ поскорѣе убрался изъ буфета въ смѣжную комнату, которая опять привела его въ залу. Здѣсь онъ ясно примѣтилъ, что всѣ танцующіе и расхаживающіе качаются на своихъ ногахъ. Это явленіе поразило его тѣмъ болѣе, что самъ онъ, казалось, стоитъ твердо и не участвуетъ въ общемъ колебаніи. Онъ пошелъ далѣе. Въ слѣдующей комнатѣ сидѣло въ креслахъ и на диванахъ десятка два дамъ и мужчинъ: всѣ лица были подернуты легкимъ сѣрымъ туманомъ; губы шевелились, но однѣ изъ нихъ не издавали ни какого звука, а изъ другихъ слышался какой-то непонятный языкъ, довольно похожій на Италіанскій, однако жъ не Италіанскій. Рѣшительно, въ короткую его отлучку въ буфетъ, на землѣ произошелъ большой пероворотъ. Джуліо чувствовалъ неодолимую нужду уединенія, и рѣшился идти прямо на свою квартиру. Пройдя всю освѣщенную анфиладу комнатъ, болѣе и болѣе безлюдныхъ, онъ остановился въ послѣдней, изъ которой уже не было выхода: на небольшомъ столикѣ передъ диваномъ горѣла бронзовая лампа, которая сквозь разноцвѣтный шэръ разливала въ благоуханной атмосферѣ свѣтъ нѣжный и таинственный; чудныя Китайскія шторы были опущены; розо-

вые атласные обои пополамъ съ бѣлымъ газомъ раскидывались по стѣнамъ самыми прелестными складками; полъ устланъ былъ пышнымъ Персидскимъ ковромъ; вдоль стѣны тянулось съ дюжину вызолоченныхъ кресель; между ними стояло большое трюмò; посреди возвышался великолѣпный тронъ съ шелковыми драперіями, которые падали съ потолка. Цѣлота предметовъ безпрерывно мѣнялась, — въ натурѣ или въ глазахъ одинокаго посѣтителя, этого нельзя было рѣшить такъ скоро. Однимъ словомъ, все въ этой комнатѣ напоминало волшебныя картины Тысячи и Одной Ночи. Джуліо былъ увѣренъ, что онъ зашелъ на Востокъ, тѣмъ болѣе что онъ шелъ въ свою квартиру всё въ этомъ направленіи. Еще восточнѣе, между трономъ и мраморнымъ камнемъ съ зеркаломъ и прекрасными часами, стояли огромныя готическія кресла, которыхъ восхитительная мягкость и изысканныя удобства для нѣги явно показывали, что здѣсь обыкновенно садилась первая любовница Гаруна-аль-Рашида или первая пери Перистана. Джуліо обошелъ тронъ великаго халифа, — это была просто постель Лукреціи, — и, разогрѣтый, полусонный, бросился въ эти кресла.

Полу-свѣтъ лампы, раздававшаяся вдаль музыка, томный гулъ гостей, все это располагало къ усыпленію. Онъ скоро погрузился въ то сладостное самозабвеніе, которое, не будучи ни сномъ ни бдѣніемъ, переноситъ уже насъ въ другой міръ, еще не отдѣливъ совершенно отъ здѣшняго. Яркое освѣщенныя грезы уже влились въ его воображеніи; одна толпа призраковъ смѣнила другую; онъ видѣлъ множество антиковъ и разваливъ самого чистаго древняго стиля; между-тѣмъ онъ всё-еще слышалъ, и звуки музыки, и гулъ гостей, и даже по-временамъ самое шарканье танцующихъ гдѣ-то далеко, на Западѣ. Мало-по-малу темная завѣса начала закрывать его чувства; отдален-

ная музыка превратилась въ необозримое синее море, гулъ гостей въ шумящія волны. Джуліо леталъ между разныхъ слоевъ атмосферы; то погружался въ черную иглу, то вдругъ видѣлъ надъ собою огненное небо, то падалъ въ сіющую бездну, то несся въ нучищахъ полу-тмы, преслѣдуемый толпами боговъ и богинь съ одной ногой, и Римскихъ императоровъ верхомъ и пѣшкомъ, не считая Греческихъ философовъ, отстѣченныхъ по грудь и воткнутыхъ на палки. Наконецъ, настоящій сонъ началъ понемногу опускаться на него свои крылья. Вдругъ, чей-то шопотъ послышался въ дверяхъ комнаты. Джуліо открылъ глаза, и тотчасъ закрылъ ихъ снова. Въ дверяхъ разговаривали. Онъ приподнялъ голову. Да это уже не Востокъ и не древности! Это Лукреція.

— Фердинандъ! говорила она подавленнымъ голосомъ, въ которомъ однако жъ ясно отражалось отчаяніе: Фердинандъ, что вы дѣлаете! Вы хотите моей смерти!.....

— Я не хочу вашей смерти, равнодушно отвѣчалъ ей мужской голосъ: но между нами все кончено, все..... Я не позволю вамъ обижать честной и благородной женщины.

— Я ничего не говорила.....

— Я все знаю. Вы ее оклеветали. Вы цѣлый вечеръ терзали репутацію этой иностранки.....

— Въ которую вы влюблены.....

— Объ этомъ вы ничего не знаете.

— Вы танцовали съ ней весь вечеръ!..... Вы съ ней нарочно избрали мой домъ, чтобы меня обидѣть, чтобы въ моихъ глазахъ попруть все ваши клятвы..... Это ужасно! Я отмщу этой интриганткѣ.

— Прошу умирить ваши слова, signora, и уважать эту даму, какъ она того заслуживаетъ. Вы сами расторгли наши узы..... Мой долгъ защитить ее отъ

вась въ чужомъ городѣ и незнакомомъ ей обществѣ.....
Вы ее обезславили: я обличу васъ передъ всѣми!

— Фердинандъ!..... Фердинандъ!.....

Голоса исчезли. Джуліо хотѣлъ вскочить на защиту Лукреціи, но невидимая сила приковала его къ мягкимъ кресламъ. Онъ хотѣлъ говорить, и та же сила запечатала ему уста. Впрочемъ, онъ не такъ-то хорошо понялъ, въ чемъ дѣло. Сколько онъ могъ сообразить, разговоръ происходилъ не о наукахъ и не объ антикахъ. Для него было непонятно, какимъ образомъ такая ученая дама могла заниматься клеветою, ремесломъ дураковъ, или пристратиться къ какому-то Фердинанду, въ которомъ не было ничего древняго ни классическаго. И среди этихъ недоумѣній онъ заснулъ.

Такъ какъ Джуліо не въ силахъ встать съ мѣста и слѣдовать за Лукреціей, то мы принуждены идти сами за нею въ залу. Обстоятельство довольно любопытное.

Оставивъ Лукрецію въ дверяхъ спальни, Фердинандъ вмѣшался въ толпу и достигъ гостиной, смежной съ танцевальною залой; здѣсь онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, толковавшихъ объ охотѣ за фазанами, и началъ пересказывать имъ одно забавное приключеніе, которое случилось съ его знакомцемъ на кабаньей травлѣ. Всѣ слушали и хохотали.

Лукреція шла за нимъ издали, часто останавливаясь, чтобы говорить съ дамами. Проходя мимо кружка, въ которомъ Фердинандъ господствовалъ своимъ рассказомъ, она съ безпокойствомъ замѣтила веселость его слушателей и значительный взглядъ, который онъ на нее бросилъ. Послѣднія слова коварнаго — «я изобличу васъ передъ всѣми» — еще звучали въ ея ушахъ. Лукреція не сомнѣвалась, что онъ сдержалъ свое ужасное обѣщаніе. Лукреція считала себя обезчещенною..... Она поблѣднѣла. Подруга ея, Ан-

джелика, попалась ей на встрѣчу. Лукреція, судорожно пожавъ ея руку, сказала вполголоса.

— Я погибла!

— Какъ такъ? :

— Все кончено. Ты хорошо говорила, что онъ мнѣ измѣняетъ! А теперь еще онъ посягнулъ на мою репутацію.....

— O birbante!

— Tradditore!

— Questi maladetti uomini! Разскажите же, какъ это случилось.

— Послѣ бала. Теперь наблюдай за нимъ..... Не услышишь ли, чтѣ онъ говоритъ съ мужчинами и съ этой Нѣжкой?

Онъ разошлись въ противныя стороны.

Между-тѣмъ Джуліо спалъ сномъ самымъ приятнымъ.

Уже четвертый часъ утра. Залы опустѣли. Музыка утихла. Слышенъ только стукъ уѣзжающихъ экипажей. Молодой человекъ проснулся, и не успѣлъ еще сообразить, гдѣ онъ находится, какъ двѣ женщины вбѣжали въ спальню. Одна изъ нихъ бросилась на диванъ и начала рыдать. То была Лукреція. Вторая была Анджелика.

— Онъ уѣхалъ съ ней? спросила несчастная вдова.

— Съ ней!..... Maladetto Tedesco! стѣитъ ли изъ-за него печалиться?

— Уфъ! вскрикнула Лукреція, переводя дыханіе. Я не объ немъ жалю. Я его ненавижу..... Но онъ погубилъ меня! Моя репутація.....

Репутація? Джуліо вспомнилъ весь разговоръ въ дверяхъ спальни, слышанный въ началѣ сна: въ этомъ разговорѣ была также рѣчь о репутаціи. Репутація свѣтской женщины? Джуліо никогда не читалъ этой книги, и не зналъ даже, что она читается, какъ Еврейскія книги, съ конца: молодые люди обыкновенно хо-

тить читать ее съ начала, и ничего въ ней не понимаютъ. Онъ напрягъ все свое вниманіе.

— Но можетъ-быть, вамъ представилось это? сказала Анджелика.

Горничная вошла въ спальню со свѣчою.

— Уйди, Джузеппина, сказала Лукреція: я позволю..... Нѣтъ, нѣтъ, я все видѣла собственными глазами, Анджелика. Онъ былъ окруженъ всеми своими друзьями, и рассказывалъ имъ мои..... глупости..... Они хохотали, Анджелика! Теперь вся Генуя будетъ указывать на меня пальцами!

И слезы градомъ падали по розовымъ щекамъ Лукреціи; она закрыла глаза платкомъ, и замолчала.

— У насъ въ Генуѣ никто не обращаетъ вниманія на эти вещи. *Tutte le signore*, всѣ дамы, всѣ, имѣютъ своихъ *amoroso*..... Вѣдь это принято!

— Быть-можетъ..... по мое положеніе совсѣмъ другое, Анджелика..... Мой дядя кардиналъ..... ты знаешь!..... Ахъ, онъ никогда не проститъ мнѣ связи съ еритикомъ, съ лютераниномъ!..... Вотъ что значить быть безъ мужа! Мужъ необходимъ женщинамъ для наказанія подобнымъ измѣнникамъ, для отмщенія за оскорбленіе ея чести.....

— Совершенно справедливо! Безъ мужа нельзя быть женщинамъ въ подобныхъ случаяхъ. и я не понимаю упрямства *su eminenza monsignor* кардинала, который не позволяетъ вамъ выходить вторично замужъ.....

Для студента все это были іероглифы. Онъ ничего не понималъ; онъ хотѣлъ только все слышать и боялся быть открытымъ.

— Но вы быть-можетъ напрасно сомнѣваетесь въ его скремности, *saga amica*? продолжала подруга. Фердинандъ кажется мнѣ человекомъ благовосяитаннымъ.

— Скоромность оскорбленнаго эгоизма! вскричала Лукреція съ жаромъ. Если бъ онъ имѣлъ тысячи благородныхъ, я ни одному изъ нихъ не повѣрю при его характеръ. Мущина-эгоистъ ужаснѣе чѣмъ мужчина безъ правилъ: я ихъ знаю, Анджелика! Итальянецъ мститъ кинжаломъ, Германецъ злословіемъ..... Здѣсь страва любви, тамъ — царство сплетней. Фердинандъ привезъ все это съ собою..... Я погибла, другъ мой, а погибла. Завтра же меня не будетъ въ Генуѣ!

— Поспѣшность губить, Лукреція. Если бы подозрѣнія ваши были справедливы..... есть люди, которые примутъ вашу сторону, сага amica; есть мстители. Дерзкой иностранецъ долженъ получить достойное наказаніе. Безчестіе благородной Генуезски можетъ омываться только кровію.

— Мстить? Мищеніе?..... Пѣтъ, нѣтъ, Анджелика! я не хочу просить ни чьей помощи. Я лучше соглашусь навсегда оставить Италію чѣмъ двѣ минуты вымалывать защиту мущины. Женщина никогда не должна унижаться, тѣмъ больше въ несчастіи.

— Бѣдная моя Лукреція!

Анджелика пѣжно обняла ее и поцѣловала. Онѣ начали прощаться. Лукреція проводила свою пріятельницу въ другую комнату, гдѣ онѣ еще разговаривали нѣсколько времени. Джуліо между-тѣмъ выскочилъ изъ спонхъ глубокихъ креселъ и спрятался за высокій экранъ, которымъ заставленъ былъ огромный Італянскій каминъ. Спустия немного Лукреція возвратилась въ спальню въ сопровожденіи двухъ горничныхъ, которыя тотчасъ начали ее раздѣвать. Цвѣты, діадемы, косы, булки, волосы, талин, турниоры, блескъ, прелести, сметали одинъ за другимъ съ печальной вдовы: это былъ родъ химическаго разложенія красавицы на ея начала, и Джуліо съ любовитствомъ смотрѣлъ сквозь рѣзьбу экрана, что останется въ чистомъ результатъ отъ этой разрушительной операціи. Оста-

лись прекрасныя, бѣлыя какъ Каррарскій мраморъ плеча, и глаза студента впились въ это великое начало женщины. Другія начала таились еще подъ батистомъ. Лукреція стояла передъ зеркаломъ. Глаза ея, неподвижно устремленные на себя самихъ, неподвижно держащаяся голова, небольшая блѣдность, разлитая по лицу, самое лицо, сохранявшее все признаки онѣмѣнія, все это, при томномъ свѣтѣ двухъ свѣчей, придавало Лукреціи видъ довольно странной безжизненности; и если бы не томныя движенія рукъ около головы, ее самую и ея отраженіе въ зеркалъ можно было бы принять за два прелестныя изваянія, поставленныя для сравненія одно возлѣ другаго.

Горничная подала ночной чепчикъ. Лукреція надѣла его и сѣла въ кресла. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди: казалось, грудь освободилась отъ свинцоваго бремени. Джуліо въ забвеніи нѣсколько подвинулъ экранъ; произведенный этимъ шумъ заставилъ Лукрецію обернуться.

— Чтѣ это тамъ? спросила она слабымъ голосомъ.

— Чтѣ-то передвинули въ нижнемъ этажѣ, отвѣчала горничная спокойно.

Джуліо сдѣлался осторожнѣе.

Наступила рѣшительная минута, минута, которой нѣтъ равной въ цѣломъ столѣтіи, — скиданіе чулковъ. Бѣдный юноша! какая твердость духа нужна была, чтобы вынести такое зрѣлище! Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ схватился за сторонки экрана, припльнулъ глазами къ отверстію, притаилъ дыханіе и окаменѣлъ въ этомъ положеніи.

Напоследокъ церемонія кончилась. Лукреція надѣла пеньюаръ, Джузеппина положила передъ ней на столикъ книгу и придвинула свѣчи, Нина собрала все платье, и обѣ вышли изъ комнаты. Лукреція осталась одна.

Совершенно опустившись въ глубину кресель, дол-

то сидѣла она въ сильной задумчивости. Бѣлый цвѣтъ пеньюара, едва отходившій отъ бѣлизны лица, кружево чепчика, сливавшееся воздушнымъ узоромъ съ тонкими его чертами, полу-закрытые глаза и опущенныя на колѣни руки, дѣлали видъ ея еще поразительнѣйшимъ. Лукреція молчала; но уста ея по-временамъ шевелились: она кусала губы, — быть-можетъ за ихъ нескромность, разсорившую ее съ Фердинандомъ.

Джуліо вдругъ вышелъ изъ за экрана, и Лукреція вздрогнула. Надобно было видѣть этотъ взоръ, полный изумленія, испуга и гнѣва, который выметѣлъ изъ полусонныхъ глазъ ея и рассыпался пукомъ молній о лице дерзкаго повѣсы. Станъ ея выпрямился, щеки вспыхнули, голова поднялась выше; она оперлась о ручки кресель и сдѣлала движеніе чтобы встать.

— Не пугайтесь, сказалъ Джуліо, ни сколько не смущенный своимъ поступкомъ.

— Чтò вамъ угодно? спросила Лукреція твердымъ голосомъ, и рука ея схватилась за колокольчикъ.

— Не пугайтесь! повторилъ Джуліо, подходя ближе: мои намѣренія чисты; вы видите предъ собою скромнаго и благороднаго человѣка.

Но Лукреція не слушала.

— Извольте выйти вонъ! сказала она, держа одною рукою колокольчикъ, а другою указывая на дверь. Какъ вы осмѣлились войти въ мою спальню?

— Положите колокольчикъ! возразилъ Джуліо, сколько могъ спокойнѣе: ваша неосторожность будетъ стоить вамъ добраго имени.

— Извольте сейчасъ удалиться. Дерзость повѣсы никогда не лишаетъ добраго имени благородной женщины. Если вы тотчасъ не уйдете, я позову людей..... я напишу къ падре Томази.....

Джуліо улыбался, не трогаясь съ мѣста.

Лукреція смутилась: ей вдругъ пришла въ голову проклятая исторія съ Фердинандомъ.

— Вы меня губите! продолжала она. Выдьте; я васъ выслушаю завтра.....

— Я хочу сегодня, сказалъ Джуліо. Я былъ здѣсь весь вечеръ и..... все слыхалъ.

Лукреція побѣднѣла.

— Здѣсь? Въ этой комнатѣ? Боже мой!..... Какъ вы смѣли?.....

И въ странной нерѣшимости она устремила глаза на Джуліо. Вся трепещущая, не зная что дѣлать, она опустила въ кресла. Ничтожный ragazzo, на котораго она за два часа не обращала вниманія, былъ теперь властелиномъ ея судьбы, могъ принудить ее къ объясненію..... Но это ли тревожитъ ее теперь? Передъ этимъ ли станетъ трепетать Лукреція? Нѣтъ, она не страшится за себя; она страшится только за свое имя. Джуліо былъ весь вечеръ въ этой комнатѣ! Ему все извѣстно, онъ все слышалъ! Ея имя въ рукахъ Джуліо. Многіе могли бь не повѣрить разсказу иностранца; Джуліо былъ самъ свидѣтелемъ. Лукреція надобно преклонить этого свидѣтеля на свою сторону, и въ то же время избавиться отъ него.

— Простите меня! сказалъ онъ съ чувствомъ. Мой поступокъ дерзокъ, я это знаю. Я совершенно забылъ, что дѣлаю..... Но я не могъ болѣе выносить ужаснаго бремени, которое давить мнѣ сердце. Простите меня..... Я люблю васъ, *divina Lucrezia*. Я гибну въ неизвѣстности. Одно ваше слово можетъ возратить меня къ жизни; одно слово можетъ умертвить меня.....

— *Signor Giulio!* прервала она, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки: вы, право, во зло употребляете мою снисходительность къ вашимъ молодымъ лѣтамъ.

— Я васъ люблю, продолжалъ онъ: располагайте мною. Я весь въ вашей власти. Я никого не знаю въ мірѣ кромѣ васъ, кромѣ однихъ васъ..... Скажите,

что я долженъ дѣлать чтобы доказать мою преданность?..... Требуйте! Приказывайте! Одинъ вашъ взглядъ, одно ваше движеніе, и я готовъ идти противъ цѣлаго свѣта.....

— Вы сами не знаете, что говорите, caro signor Giulio. Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи.

— Вы обижены, сказалъ Джуліо, вы оскорблены самымъ коварнымъ образомъ. Мнѣ все извѣстно. Позвольте мнѣ быть вашимъ мстителемъ; предоставьте это право, эту награду человеку, который кладетъ къ ногамъ вашимъ свою жизнь, свое имя, свое будущее..... Позвольте мнѣ доказать, что высочайшее для меня блаженство умереть за васъ..... Лукреція!..... вы молчите?..... Иностранецъ всё-еще дорогъ вашему сердцу? Вы сожалеете объ немъ?..... Моя жертва недостойна васъ, Лукреція?..... Вы хотите страдать; хотите, чтобы все страдало кругомъ васъ; хотите сами удивляться своей жестокости?

Лукреція молчала; казалось, какъ-будто слова замерли на устахъ ея. Но это было притворство; слова всё жили, и она только старалась скрыть отъ Джуліо удовольствіе, какое въ ней возбуждали его благородная преданность и душа, еще не испорченная опытомъ. Это молчаніе было весьма краснорѣчиво. Боже мой, гдѣ эти наставленія, которыми она почти сейчасъ осыпала его; эта гордость, съ какою его встрѣтила; этотъ ученый педантизмъ, которымъ передъ нимъ блистала? Женщина въ обществѣ и женщина на-единѣ, женщина торжествующая и женщина въ несчастіи, женщина съ женщинами и женщина съ мужчинами, женщина съ мужчиною гадкимъ и старымъ и женщина съ молодымъ, красивымъ мужчиною, женщина днемъ и женщина ночью, женщина въ гостиной и женщина въ спальнѣ, -- кто пзвѣдаетъ беззну всѣхъ этихъ противоположностей?

— Чего же хотите вы отъ меня? кротко сказала Лукреція.

— Только позволенія быть вашимъ мстителемъ; только позволенія наказать гнуснаго иностранца за оскорбленіе первой женщины Генуи. Онъ долженъ заплатить за это. Права чести непоколебимы. Онъ оставить здѣсь свою жизнь залогомъ, что изъ Италіи не выйдетъ оскорбленіе благородной женщины. Вы колеблетесь, Лукреція? Ваше имя на вѣсахъ; одно слово можетъ уронить его въ болото..... Кто за нимъ пойдетъ туда? Кто принесетъ вамъ его тогда очищеннымъ? Вѣрьте мнѣ это имя; позвольте мнѣ имѣть святыню, которую бы могъ охранять я; надъ которою могъ бы разостлать все, что имѣю драгоценнѣйшаго. Позвольте мнѣ быть вашимъ защитникомъ!

— Вы такъ молоды, сказала Лукреція съ участіемъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу подвергать васъ такой опасности!

И она опустила голову. Кокетка!

— Я молодъ, но я Италіанскій дворянинъ. — *Son gentiluomo italiano!* произнесъ онъ съ торжественною важностью. И въ благородномъ сердцѣ мужество не измѣряется лѣтами. Освятите вашей рукою руку вашего поборника.

Лукреція, несмотря на него, тихо протянула къ нему бѣленькую ручку, которую онъ схватилъ и осыпалъ пламенными поцѣлуями.

— Такъ вы позволяете! вскричалъ онъ съ восторгомъ. О, скажите также, что вы не сердитесь на меня, что вы прощаете меня! Скажите, что любовь моя не оскорбляетъ васъ. Только это, Лукреція! только это!..... и болѣе ни слова..... Я весь въ вашей власти. Располагайте судьбой моей!

Джуліо, въ ожиданіи отвѣта, устремилъ страстные глаза на Лукрецію. Лукреція думала про себя: «Онъ мнѣ до чрезвычайности!» И между-тѣмъ оба молча-

ли; оба ловили другъ друга какъ опытные игроки. Лукреція была довольна: у нее есть мститель; больше ей ничего не надобно. Отвѣчать ему опасно, чтобы лишнимъ словомъ не возбудить его предприимчивости, — тѣмъ болѣе что онъ очень очень милъ, — и что это не гостинная.....

— Вы не хотите отвѣчать мнѣ? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Вы ненавидите меня? Вы хотите умертвить меня презрѣніемъ?.....

— Оставьте, оставьте меня! прошептала она съ тяжкимъ вздохомъ, приподнимая пылающее лице съ руки, которою подпирала голову.

— Нѣтъ, я не оставляю васъ! возразилъ Джуліо. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ узнаю свою участь, и тогда:..... послѣ..... Мнѣ все равно! Жизнь не имѣетъ для меня ни какой прелести. Лукреція! любите ли вы меня?

— Послѣ! послѣ! сказала Лукреція въ волненіи.

— Теперь, теперь. Я не сойду съ мѣста.

— Хотите ли вы воспользоваться моимъ положеніемъ? Хотите ли вынудить признаніе?.....

И на глазахъ ея заблестали слезы.

— Клянусь вамъ!..... честью, Богомъ!..... Лукреція! вѣрите ли вы мнѣ?

— Я васъ едва знаю.....

— Мое самоотверженіе, моя преданность..... Могу ли я обманывать? Хотите ли вы клятвъ, хотите ли обещаній?..... Но что все это значить! Что всѣ клятвы въ устахъ всякой страсти? Я отдаю вамъ жизнь свою, все что имѣю, все что могу имѣть: это несравненно лучше клятвъ. Завтра, быть-можетъ, эта жизнь будетъ выбита за васъ изъ этой груди. Быть-можетъ, завтра это сердце ударится въ послѣдній разъ, повторяя ваше имя, и вы его презираете?..... и вы ему не вѣрите?..... Я васъ люблю, обожаю. Я не могу жить одной минуты съ мыслию, что вы меня отвергаете. Лукреція, все отъ васъ зависитъ!

— Отмстите, другъ мой, и тогда услышите мой отвѣтъ, сказала Лукреція разтроганнымъ голосомъ. До тѣхъ-поръ, я ничего не скажу вамъ..... я не должна говорить.....

Но этого было уже довольно. Джуліо предугадывалъ отвѣтъ. Слова и голосъ Лукреція показали ему признаніемъ.

— Одинъ поцѣлуй до-тѣхъ-поръ, только одинъ, который бы скрѣпилъ ваше обѣщаніе!

— Вы съ ума сошли, caro lei!

— Вы только теперь это замѣчаете? Я давно уже съ ума сошелъ для васъ. Я васъ люблю, Лукреція, до безумія..... Одинъ поцѣлуй, и я счастливѣйшій изъ людей.

— Подите, fanciullo! Я не хочу васъ болѣе слушать!

— Лукреція! моя жизнь за одинъ вашъ поцѣлуй..... Будьте великодушнѣе..... Можетъ-быть, я васъ уже болѣе не увижу.

— Ровегіно! сказала Лукреція съ нѣжностью: неужели вы думаете, что я позволю вамъ такъ безумно рисковать жизнью.....

— Вы мнѣ это уже позволили; я не отдаю слова обратно.

— Вы достойны лучшей участи, возразила Лукреція, подавая ему руку. Мой поцѣлуй былъ бы слишкомъ слабою наградой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу другой награды, сказалъ Джуліо съ жаромъ. Неужели вы еще можете отказывать?

— Если вы хотите непременно, произнесла она, тихимъ голосомъ, улыбаясь.

И поцѣлуй запылалъ на чель Джуліо.

Онъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ; ея руки были въ рукахъ его.

— Довольно, довольно! сказала Лукреція. Я не хо-

чу болѣе слышать ни одного желанія, ни одного слова..... Подите.

— Еще одинъ поцѣлуй! возразилъ Джуліо, не двигаясь съ мѣста.

— И вы меня любите? спросила Лукренія съ ивж-нымъ упрекомъ.

— Люблю ли я васъ!

— Такъ вы должны удалиться..... До пріятнаго свиданія! прибавила она выразительно.

Надобно было повиноваться. Онъ отыскалъ свою шляпу и хотѣлъ идти.

— Пойдите, сказала Лукренія: куда вы идете? Тамъ заперто.

Она взяла ключъ изъ ящика, отдернула завѣсу, которой Джуліо до того времени не замѣчалъ на стѣнѣ, и выпустила его въ потаенную дверь, рассказавъ подробно, какимъ образомъ и гдѣ найдетъ онъ калитку, которую надобно отворить этимъ ключемъ.

— Вы мнѣ отдадите этотъ ключъ завтра, прибавила она.

Онъ вмѣсто отвѣта бросился ей на шею, и сильно, сильно, поцѣловалъ ее въ самые уста, — отчего впрочемъ она ни сколько не защищалась. Джуліо ушелъ съ этими двумя поцѣлуями изъ спальни прелестной вдовы. Экой студентъ!..... Но онъ сдѣлался героемъ приключенія, и у него была новая любовница за которую ухаживаетъ цѣлая Генуя! Завтра, его ожидаетъ новое наслажденіе или вселенная завтра не дочтется еще одного изъ своихъ обитателей, — можетъ быть, твердаго, предпримчиваго, благороднаго.

Возвратившись домой, Джуліо былъ слишкомъ утомленъ, чтобы начать свой день вмѣстѣ съ прочими. Полураздѣтый, онъ кинулся на постель, и тотчасъ же уснулъ крѣпкимъ сномъ, какимъ обыкновенно спятъ беззаботные. Его разбудили. — Что? — Пись-

мо, запечатанное античною облатой. Письмо отъ Лукреціи?

Джуліо наскоро пробѣжалъ :

«Вчерашнее обстоятельство не позволяетъ мнѣ болѣе оставаться въ Генуѣ. Всѣ ваши старанія видѣть меня напрасны. Куда я ѣду, узнаете послѣ.

«Имя иностранца—Фердинандъ фонъ Стадергольмъ. У него есть брилліантовое кольцо, въ видѣ змѣи, «внутри котораго вырѣзано — Eternio amore, и литеры L. T. Получивъ этотъ перстень, получите полную мою признательность.»

И Джуліо не увидитъ теперь Лукреціи? Досадно! А какія у ней плеча!..... Но разлука не можетъ быть продолжительна.

Джуліо кинулъ письмо на столъ, наскоро одѣлся, взялъ шляпу, и пошелъ напередъ разказать всѣмъ своимъ пріятелямъ, что у него будетъ дуэль, а потомъ отыскивать синьора Стадергольма. Но и его уже не было въ Генуѣ: прямо съ бала онъ уѣхалъ въ Римъ. Вотъ это еще досаднѣе!

Что теперь дѣлать? Онъ вызвался самъ быть мстителемъ оскорбленной женщины; онъ разказалъ всѣмъ о предстоящей дуэли; онъ получилъ обѣщаніе въ любви отъ одной изъ знаменитѣйшихъ красавицъ Генуи,— и вдругъ отказаться отъ всего. Нѣтъ, Джуліо не отказывается отъ подобныхъ случаевъ. Онъ найдетъ синьора Стадергольма на днѣ Средиземнаго Моря.

Его Генуезскіе пріятели не хотѣли вѣрить, когда онъ объявилъ имъ, что ѣдетъ отыскивать своего противника по всей Италіи. И когда онъ уѣхалъ, многіе блились объ закладъ, что онъ возвратился въ свой университетъ.

Однако онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился отыскивать Стадергольма. Безуміе! ребячество! До-сихъ-поръ еще не представлялось ему ни одного подобнаго случая. До-сихъ-поръ онъ только дрался на палкахъ съ

своими товарищами за субретокъ. Кто удержитъ тебя, свободная молодость? Какой мудрецъ волеетъ въ твою кипучую кровь частицу своей оледеняющей премудрости? Дурачься, бѣснуйся, беззаботная! Шутковской кофакъ, который ты носишь, нейдетъ къ другимъ возрастамъ. Но ты не влюбленъ, Джуліо, въ Лукрецію; ты не любишь ее тою нѣжною, пламенною любовною «которая даруетъ блаженство на землѣ», какъ выражаются поэты: ты хочешь только обладать ею.....

Роскошно раскинувшись по пуховымъ волнамъ спяго, прозрачнаго ложа, подъ чуднымъ наметомъ полуденнаго неба, прекрасная Италия покоится между двумя морями, вѣчными стражами ея одиночества. Много вѣковъ тяжелыми стопами прошло по ея красивому тѣлу, отряхая прахъ съ свинцовыхъ ногъ своихъ; много бичей изсѣкло грудь ея, созданную дышать любовною и счастьемъ; но этотъ прахъ засыпалъ только ея развалины, эти бичи ударили только по ея латамъ: распустивъ ремни кирасы, утомленная славою Амазонка явилась пльнительною дѣвою, чтобы побѣждать не оружіемъ, а взглядомъ, улыбкою, прелестями всегда юнаго лица, — красавица принадлежащая только ей красотой.

Напитанная древнимъ духомъ рыцарства, Калабрія, съ гитарой въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой; беззаботный Неаполь, пляшущій при багровомъ заревѣ пылающаго Везувія; суевѣрный Римъ, до-сихъ-поръ воображающій себя повелителемъ вселенной, дѣлый годъ перепоясанный веригами и двѣ недѣли бѣгающій въ платьѣ арлекина, — это голова ея и сердце. Здѣсь-то каждая капля крови согрѣта пылающимъ солнцемъ, близнецомъ солнца Африки; каждая мысль взмелѣйна очаровательною природою; каждое чувство закалено огнемъ волкана. Здѣсь-то чудесная волшебница перевила чело ея благоухающею гирляндой изъ

померанцовыхъ цвѣтовъ и ясмина, и, разурмянивъ щеки утреннею зарею; вдохнула мечты и взволновала грудь сладострастіемъ. И туда отправился теперь Джуліо, забывши стыдливую Флоренцію, изысканно набросившую на себя покрывало не совсѣмъ невинной невѣсты, и навсегда оставивъ холодную развратницу, Геную. Природа, освѣженная дыханіемъ наступающей весны, приняла юнаго путешественника со всѣмъ своимъ радушіемъ. Чье сердце не сочувствовало вамъ, очаровательныя мѣста Италіи? Чья душа не привѣтствовала васъ удивленіемъ, встрѣчаемая вашимъ вѣчнымъ празднествомъ! Кто не оставилъ вамъ части самаго себя, чтобы купить за нее ваши впечатлѣнія! Безпечный Джуліо, сорившій жизнь на одиѣ наслажденія, былъ однако рожденъ съ душою пылкою и чувствительною. Явившись въ этотъ міръ почти спротою, выросши въ кругу чужихъ, онъ не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы показалъ ему дорогу. Все неоконченное воспитаніе его заключалось въ нѣсколькихъ отрывочныхъ познаніяхъ, въ нѣсколькихъ языкахъ, которыми онъ иногда любилъ заниматься; разгульное товарищество умчало его за собою, и онъ закружился въ вихрь чувственныхъ наслажденій. Очутившись теперь вдругъ съ самимъ собою, переѣзжая изъ одного любопытнаго города въ другой болѣе любопытный, поминутно окружаемый новыми картинами, новыми лицами, новыми костюмами, непрерывнымъ разнообразіемъ, онъ нашелъ, что есть еще удовольствія совершенно различныя отъ тѣхъ, которыя были ему извѣстны. Онъ полюбилъ путешествіе; но не забывалъ о свсей цѣли. Справляясь повсюду о пути сеньора Фердинандо фонъ Стадгергольма, онъ летѣлъ почти по его пятамъ; проѣхалъ Лукку, проѣхалъ Пизу, прискакалъ въ Сіену, — и вдругъ потерялъ Стадгергольма изъ виду. Однако Стадгергольмъ не перемѣнялъ пути: онъ нигдѣ не оста-

навливался, ѣхалъ быстро, повсюду оставляя слухи, что ѣдетъ къ Риму непременно черезъ Сиену; лошади, на которыхъ онъ выѣхалъ изъ Пизы, провозили его станцію по дорогѣ къ Сиенѣ. И со всѣмъ тѣмъ Стадергольма не оказалось въ этомъ городѣ. Его здѣсь не видали. Къ вечеру дошло до Джуліо извѣстіе, что за сутки до его пріѣзда, по дорогѣ изъ Пизы ограблена экстрапочта и путешественники пропали безъ вѣсти, — случай, обыкновенный въ Италіи. Сколько Джуліо ни старался узнать имена погибшихъ, онъ никакъ не могъ успѣть въ этомъ предпріятіи: по всѣмъ признакамъ надлежало быть жертвою и Стадергольму. И дѣйствительно, на другой день предположеніе подтвердилось. Погибъ Нѣмецкій путешественникъ, ѣхавшій съ однимъ докторомъ: имя, совершенно псковерканное Италіянами, еще довольно напоминало имя Стадергольма; но Папскіе драгуны обѣщали отыскать разбойниковъ. Довольно; узелъ развязался самъ собою, безъ помощи Джуліо. Чтѣ ему теперь дѣлать? Путешествіе занимало его болѣе и болѣе. Возвратиться въ Геную? Лукреціи тамъ уже нѣтъ, и гдѣ она, неизвѣстно. Ѣхать во Флоренцію? Пустое; тамъ скучно. Куда же ѣхать? Путешествовать въ самомъ дѣлѣ превесело! Джуліо думалъ недолго. Лошадей! Въ Римъ!..... Неужели къ дядѣ?

Римъ, Римъ! могучій Римъ, сластолюбивый Римъ, поэтическій Римъ, несчастный Римъ, сколько одеждъ переиѣнилъ ты съ тѣхъ поръ какъ, закованный въ латы, съ мечемъ въ одной рукѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ другой, вышелъ изъ объятій своего основателя! Сколько вѣковъ любовались на тебя, проклинали тебя, боготворили тебя! Герой и законодатель, ораторъ и развратникъ, богословъ и художникъ, въ латахъ и въ тогѣ, въ царской мантии и въ перевязи гладиатора, всегда ты былъ прекрасенъ. Гдѣ теби цынче отыскать? Гдѣ оплакивать твои развалины? Тамъ ли, гдѣ

широкій плющ вьется по дворцамъ твоихъ Цезарей, или гдѣ новыя дворцы оглашаются буйнымъ крикомъ торгашей? Тамъ ли, гдѣ потомокъ, и можетъ быть въ прямой линіи, Камилла ждеть, за угломъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, богатаго иностранца, или гдѣ грязный фигляръ выманиваетъ байоку за арлекнаду? Каждое твое святилище осквернено чернію; каждый съдой локонъ съ головы твоей продается съ молотка иноземцамъ. Ты чувствуешь свое униженіе, и, окруженный холмами, долго стыдишься показаться глазамъ любопытнаго путешественника; и, въ надеждѣ примириться съ нимъ, показываешь прежде всего куполъ Святаго Петра, свою послѣднюю побѣду. Миръ тебѣ, великій нищій! Всякой благородный путешественникъ радушно кинетъ въ бѣдную суму твою сладостное воспоминаніе о твоёмъ прошедшемъ и слезу горести о твоёмъ настоящемъ.

Долго глаза Джуліо искали Рима, оставленнаго имъ еще въ дѣтствѣ. Наконецъ, выбѣжавшій изъ караульной солдатъ съ двумя ключами и митрою на киверѣ, записавъ паспортъ его въ книгу, сказалъ, что при поворотѣ дороги на лѣво, Римъ покажется во всемъ величій. Джуліо остановился въ трактирѣ на Испанской Площади, недалеко отъ Пропаанды; и на другой же день отправился къ дядѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ запретъ его? Старикъ удивился и обрадовался; но, привыкши всегда скрывать свои чувства, не показалъ ни какого признака удовольствія. Приѣмъ былъ важенъ, холоденъ и привѣтливъ, — какъ всѣ приѣмы высшихъ сановниковъ Рима. Джуліо, не ожидавшій ничего лучшаго, остался доволенъ и этимъ.

Падре Томази, къ радости путешественника, ничего не говорилъ о самовольномъ оставленіи университета, и весьма естественно: онъ зналъ поведеніе своего племянника, и ему уже пріятнѣе было видѣть Джуліо въ своемъ домѣ, чѣмъ платить за его шалости во

Флоренціи. Теперь Джуліо былъ въ его рукахъ. Падре Томази предназначалъ его къ духовному званію, единственному поприщу отличія въ Римѣ. Джуліо былъ ближайшій его наслѣдникъ и преемникъ его имени. Дядя надѣялся еще сдѣлать его преемникомъ своего значенія въ Ватиканѣ. Старикъ рѣшился наблюдать за нимъ, и разгадать, что скрывается подъ этою беззаботною и пылкою наружностью. Джуліо съ большимъ удовольствіемъ позволилъ дядюшкѣ разгадывать. Новыя знакомства, которыя онъ здѣсь дѣлалъ, были большею частію съ художниками и путешественниками; онъ могъ объясняться по-Французски, по-Нѣмецки и по Англійски, — мудрость необыкновенная между Италіанскою молодежью. Время шло пріятно безъ прежнихъ проказъ. Остроумный, веселый отъ природы, онъ находилъ повсюду пищу для своего воображенія. Между-тѣмъ наблюденія дяди шли успѣшно: падре Томази находилъ, что изъ Джуліо можно на первый случай сдѣлать хорошаго каноника.

Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Римъ, вошелъ тамъ въ моду одинъ Нѣмецкій баронъ изъ Мюнхена, который привезъ съ собою въ Италію вмѣстѣ съ своими риксталлерами славу знаменитаго сочинителя двухъ огромныхъ томовъ о Римскихъ императрицахъ, старушку мать и прелестную воспитанницу. Свѣтскій человекъ въ полномъ смыслѣ слова, богатый и прекрасной наружности, дерзкій въ сужденіяхъ и услужливый въ знакомствахъ, все презирающій и ко всемъ относящійся съ удивительнымъ почтеніемъ, все видѣвшій и все знающій, онъ въ короткое время успѣлъ приковать къ себѣ вниманіе высшаго общества. Дамы были отъ него безъ ума. Баронъ фонъ-Нахтигальталъ увлекъ все за собою. Онъ привезъ между прочимъ рекомендательныя письма и къ падре Томази. Старикъ, проведшій всю юность въ Германіи, между тамошни-

ми учеными, былъ радъ знакомству съ этимъ человекомъ, и, видясь съ нимъ почаще, нашель, что онъ заслуживаетъ уваженія. Намѣренія насчетъ племянника заставили его сблизиться съ Иѣмецкимъ барономъ, который однажды въ разговоръ сказалъ, что, путешествуя по своимъ ученымъ изысканіямъ, желалъ бы имѣть кого-нибудь товарищемъ. Падре Томази, не зная какъ лучше обратить племянника на путь науки, пожелалъ воспользоваться случаемъ. Товарищество ученаго человека, какимъ казался баронъ, путешествіе съ нимъ по южной Италиі, Австріи и Германіи, все это могло принести большую пользу Джуліо и заохотить его къ занятіямъ, къ наблюдательности, къ серіозному ученію. «Время еще не прошло, размышлялъ падре Томази: изъ него можно сдѣлать человека. Всѣ были молоды; всѣ знаютъ, что опытъ даромъ не достается.....» И такъ далѣе. Размышленія стариковъ извѣстны.

На третій день Пасхи, Джуліо получилъ билетъ на балъ къ банкиру Торлони. Балы всегда занимательны для молодыхъ людей съ ногами. Джуліо отправился. Римская знать, состоящая изъ однихъ кардиналовъ и двухъ или трехъ рѣисіре не многочисленна; но пѣтъ ни одной Европейской столицы, куда бы съѣзжалось столько иностранцевъ, какъ въ Римъ во время Пасхи: это его храмовой праздникъ; все христіанство принадлежитъ къ приходу. Общество банкира состояло бѣльшею частію изъ путешественниковъ, и между всѣми отличался баронъ фонъ-Нахтигальталь. Иногда находятъ на людей родъ какого-то опьяненія, родъ болѣзни: одинъ заражаетъ другаго, цѣлые круги знакомыхъ, цѣлыя общества, бредятъ въ непонятной слѣпотѣ, увѣряютъ другъ друга, сами не зная въ чемъ, удивляются механизму новой игрушки, которую завтра же разобьютъ со смѣхомъ объ уголь. Точно такъ случилось и въ то время. Всѣ были заняты барономъ,

всѣ говорили о баронѣ. Италіянскія савантки, которыхъ образецъ видѣли вы уже въ Лукреціи и которыхъ множество въ Римѣ, — почти сколько же какъ и записныхъ кокетокъ, — не давали ему покою. Баронъ торжествовалъ. Общество женщинъ, по-видимому, нравилось ему болѣе всѣхъ прочихъ. Любезный, несмотря на свои высокопарности; вкрадчивый, несмотря на свое педанство, говорунъ, прислужникъ, шарлатанъ гостиныхъ, онъ пользовался этимъ съ удивительною ловкостью. Онъ имѣлъ для дамъ особые антики, которыхъ не показывалъ мужчинамъ; озадачивалъ савантокъ электро-магнитическими продѣлками и, въ случаѣ нужды, показывалъ имъ удивительные фокусы съ картами. И всѣ онѣ кричали: «Ахъ, какой ученый баронъ!» Его обыкновенно называли *il divino barone*. Одно было въ немъ непріятнаго, — необыкновенная скрытность, которую однако жъ онъ умѣлъ такъ заштукатурить любезностью, что надобно было имѣть наблюдательность самую тонкую, не искаженную свѣтскимъ пустоуміемъ, чтобы замѣтить это. Джуліо успѣлъ поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ: баронъ, котораго онъ, какъ ученаго, какъ знаменитаго писателя, считалъ прежде за человѣка надутаго и неприступнаго, оказался напротивъ самымъ снисходительнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Джуліо былъ отъ него въ восхищеніи. Балъ продолжался до утра, какъ всѣ балы на свѣтѣ; наконецъ развѣхались.

Возвратившись домой, Джуліо всю первую половину дня прогрезилъ о баронѣ; никогда еще не занимала его такъ ни одна красавица. Въ его воображеніи баронъ былъ даже выше Лукреціи. Общее уваженіе къ этому человѣку, волшебное могущество его имени, родъ энтузіазма, съ какимъ стремились по слѣдамъ его, вертѣлись въ головѣ молодаго человѣка. Усыпленное до-сихъ-поръ честолюбіе заговорило. «Что если бы мнѣ сдѣлаться подобнымъ человѣкомъ! думалъ

онъ, лежа на постели. Отчего же нѣтъ? Неужели я не имѣю столько генія? Неужели я долженъ быть ничѣмъ?» Человѣкъ подобенъ катящемуся по наклонной плоскости шару: каждая неровность кидаетъ его въ сторону; и чѣмъ быстрее летитъ шаръ, тѣмъ сильнѣе будетъ его новое направленіе. Есть случаи, есть впечатлѣнія, есть встрѣчи, перемѣняющіе всю задуманную нами дорогу, даже дорогу, которую мы уже почти совершили. Истина горькая; но не менѣе того это истина. Джуліо летѣлъ со всею быстротою юности по крутой покатости разгульныхъ наслажденій, и вдругъ былъ остановленъ знаменитостью Пахтигальталя, которую онъ не лучше понималъ репутаціи сипьоры Лукреціи. Джуліо захотѣлъ быть вторымъ Пахтигальталемъ. «Науки! Учитесь! Неужели я не могу учиться?» бредилъ онъ въ полу-снѣ: «слава, извѣстность!.....» И Итальянская кровь его кипѣла. Твои мечты неблагоприятны, Джуліо! Будь лучше всегда беззаботнымъ повѣсою, — это также занятіе; но не прикасайся къ жертвеннику науки съ намѣреніемъ вылить себѣ на его священномъ огнѣ только извѣстность. Огонь, похищенный Прометеемъ, всегда останется между людьми огнемъ небеснымъ. Загляни въ великолѣпный храмъ науки, но не переступай порога: изъ храмовъ изгоняются оглашенные. Не оскверняй торжественной молитвы мелочнымъ требованіемъ, обѣтованной земли прахомъ ногъ идолопоклонническихъ! Наука — святыня. Не всходи на колесницу Фаэтона, не подвязывай себѣ восковыхъ крыльевъ Икара; лучъ солида, который ты хочешь обвить около твоей обыкновенной головы, сожигаетъ и чела геніевъ. Хочешь итти за наукою? — откажись прежде отъ самаго себя.

Но Джуліо не разсуждалъ, съ позволенія сказать, такъ умно, какъ теперь мы съ вами, о благосклонный читатель. Впрочемъ, не одна знаменитость барона, не

однѣ почести общества, размалеваннаго подѣ науку (высшія общества въ Европѣ обыкновенно красятся подѣ науку, точно такъ же какъ Петербургскія ворота подѣ дубъ: оно не дубъ и не наука, но на видѣ кажетъ очень хорошо), не одно это кружило голову Джуліо. Съ барономъ путешествовала его мать и племянница Фанни, — прелестная Фанни, за которою волочились Римляне (новѣйшіе, а не древніе). Джуліо забылъ уже о Лукреціи: образъ Фанни теперь носился передъ нимъ, окруженный всѣмъ очарованіемъ.

На другой день, когда еще Джуліо лежалъ на постели, его потребовали къ дядѣ.

— Хочешь ли продолжать свое путешествіе? спросилъ падре Томази, послѣ небольшого предисловія, которое мы, для краткости, пропускаемъ.

— Если вы мнѣ позволите, дядюшка.

— Хочешь ли ѣхать съ барономъ Нахтигальталемъ? Джуліо, неожиданный подобнаго предложенія, былъ изумленъ и обрадованъ.

— Я привыкъ вамъ во всемъ повиноваться, дядюшка.

Старикъ, который также не ожидалъ подобнаго отвѣта, былъ доволенъ до чрезвычайности. Угрюмое лице его оживилось.

— Случай, который сводитъ тебя съ этимъ знаменитымъ человѣкомъ, открываетъ тебѣ путь къ выгодамъ, о какихъ ты досель и не думалъ. Надобно пользоваться случаемъ. Наблюдай свѣтъ; не страшись, сынъ мой, науки. Она даетъ человѣку такое же преимущество надъ прочими людьми, какія природа дала ему надъ безсловесными животными. Баронъ ѣдетъ въ Германію; я провелъ тамъ лучшіе мои годы. Ты полюбишь Пьмцевъ: умный человѣкъ уважается тамъ болѣе нежели у насъ въ Италіи. Между тѣмъ я буду прочищать тебѣ здѣсь дорогу.....

И старикъ началъ пересказывать разные свои планы, разныя надежды и намѣренія. У стариковъ есть своего рода воображеніе. Джуліо, и безъ того уже воспламененный, слушалъ его со вниманіемъ. Казалось, услышанныя досель, способности въ немъ проснулись; онъ прозрѣлъ. Неожиданная встрѣча выхватила его вдругъ изъ толпы, оторвала отъ колеса прежней жизни, и указала на новые, лучшіе подвиги, — на великолѣпный храмъ или ничтожный призракъ, еще неизвѣстно. Сколько людей дѣлалось такимъ образомъ великими людьми! сколько людей доходило такимъ образомъ до самоубійства!

Прекрасно ты, Средиземное Море, зеркало чистаго неба Италіи! Прекрасно ты, когда спокойное, нѣжишься между бархатными берегами; прекрасно, когда, взрываемое буйнымъ вихремъ, вступаешь съ нимъ въ битву, грозншь небу сорвать облака и унести ихъ въ пропасти. Первородная дочь великаго океана, сестра Европы и Африки, ты видала побѣдоносные флоты на раменахъ своихъ; они рѣшали судьбу міра и привѣтствовали тебя криками радости. Теперь рѣдко корабль, наполненный героями, носится по волнамъ твоимъ: неси благополучно купеческіе суда и пароходы, загроможденные богатствомъ и любопытными путешественниками. Вотъ летитъ одинъ, дробя бирюзовые валы своими колесами; путь его направлень къ берегамъ Италіи, и палуба покрыта прогуливающимися пассажирами. Двое изъ нихъ, отдѣлившись отъ толпы стоятъ на кормѣ, облокотясь на перила. Море совершенно тихо; легкій вечерній вѣтерокъ едва надуваетъ главный парусъ. Дымъ стелется полосою за торжественною колесницею моря, и потомъ, соткавшись въ сѣроватое облачко, несется по ясному небосклону. Путники, собравшіеся съ разныхъ странъ свѣта на нѣсколькихъ утлыхъ доскахъ плавающихъ по неизмѣримой могилѣ, уже

познакомились между собою : имъ надобно убить время, и никто лучше морскаго путешественника не можетъ посягать на подобное убійство. Однако жъ становится сыро ; дамы скрылись въ каюты , группы начались рѣдѣть , палуба пустѣетъ. Только двое стоящихъ на кормѣ остаются въ прежнемъ положеніи ; оба они молчатъ ; одинъ смотритъ въ воду , глаза другаго устремлены на небо. Это Джуліо и баронъ фонъ-Нахтигальталь.

Замѣтно , что они сейчасъ разговаривали ; но уже не разговариваютъ. Джуліо задумчивъ ; баронъ важенъ. Лице одного выражаетъ довѣренность и покорность , лице другаго самоувѣренность и покровительство.

— Да, да, Джуліо ! вѣрьте мнѣ ; я желаю вамъ счастья , сказалъ вдругъ баронъ. Въ Италіи ни одинъ молодой человѣкъ , кромѣ художника , не можетъ сдѣлать себѣ карьера. Къ искусствамъ вы не имѣете особеннаго расположенія ; принуждать себя въ подобныхъ случаяхъ значитъ силиться передѣлывать природу : природа въ основныхъ своихъ законахъ неизмѣнима. Будьте тѣмъ , что вы есть , и вы будете , чѣмъ должны быть. Слова «я могу» и «я долженъ» — синонимы ; благоразумный человѣкъ не раздѣляетъ ихъ въ умѣ своемъ. Возможность и обязанность — два выраженія , между которыми заключены всѣ наши отношенія къ самимъ себѣ и къ обществу ; степень взаимнаго приближенія ихъ другъ къ другу назначаетъ намъ мѣсто между людьми и опредѣляетъ наши заслуги въ лѣтописяхъ. Вы молоды ; вы должны имѣть руководителя : отъ него зависитъ положительное и отрицательное всего вашего будущаго.

Джуліо слушалъ ; баронъ продолжалъ.

— Молодой человѣкъ не имѣетъ голоса въ обществѣ до тридцати лѣтъ ; до тѣхъ поръ онъ кандидатъ на члены общества ; до тѣхъ поръ ему надобно пригото-

вляться къ вступленію въ это завѣтное, сплоченное изъ эгоизма и правилъ, святилище. Нѣтъ ничего въ мірѣ требовательнѣе общества; его постановленія не-нарушимы. Имя вступающаго есть лоунгъ, отъ котораго зависитъ его принятіе. Короткое время, которое провелъ я съ вами, сблизило насъ довольно тѣсно: я васъ понялъ, Джуліо. Никто, можетъ-быть, не пойметъ васъ такъ хорошо и безпристрастно. Вы таите въ душѣ своей зародышъ таланта сильнаго и глубокаго; предоставьте мнѣ развить его. Я открою вамъ дорогу, съ которой трудно будетъ сбиться, если даже судьба и разлучитъ насъ. Съ Италіей, какъ уже рѣшено между нами, вы должны проститься на-время: Германія понравится вамъ еще болѣе.....

— Дѣлайте со мной, что хотите, сказалъ Джуліо съ живостью.

— Я буду только дѣлать съ вами, что слѣдуетъ. Эта жажда познаній, которая вдругъ развилась въ душѣ вашей, прекрасна; она поведетъ васъ далеко. Жажущій путникъ оставляетъ все, и бѣжитъ къ благо-творному источнику. Что кажется намъ невозможнымъ въ спокойныя минуты, то становится легкимъ въ минуты желанія. Возможность и невозможность — качества условныя: сила ихъ зависитъ отъ внутренняго расположенія нашего духа; средства рождаются и уничтожаются, смотря по тому же расположенію, и человекъ съ душою твердою однимъ мановеніемъ своей воли уничтожаетъ всѣ препятствія. Мы ѣдемъ въ Мюнхенъ, Джуліо. Тамъ меня знаютъ лучше нежели гдѣ-нибудь; тамъ вы пачнете свое поприще. Пріѣхавши на мѣсто, узнаемъ какъ лучше это сдѣлать. Начало — условіе важное въ каждомъ дѣлѣ. Вы исполнены внутренней силы, но не надобно пренебрегать и посторонними пособіями: сколько бы человекъ могучъ ни былъ, онъ всегда имѣетъ нужду въ опорѣ;

во всю свою жизнь онъ не перестаетъ быть машиной; средства и люди, которыхъ считаетъ онъ своими орудіями, не менѣе того держать его въ зависимости. Я не стану ничего говорить вамъ о будущемъ: каждый день по немногу раскрываетъ его завѣсу; вы увидите сами, что слѣдуетъ дѣлать. Мой планъ обдуманъ; я буду зодчимъ, вы подрядчикомъ: ежели матеріаловъ достанетъ, ваше будущее устроено.

— Я готовъ на все. Италия мнѣ наскучила; съ вами въ силахъ я жить въ снѣгахъ самой Россіи.

— Судьба свела насъ не даромъ, продолжалъ на это баронъ своимъ важнымъ тономъ, взвѣшивая на устахъ каждое слово и какъ-бы опасаясь проговориться. Мы будемъ жить вмѣстѣ; семейство мое, какъ вамъ уже извѣстно, состоитъ только изъ старой матери и ея внучки, Фанни, моей племянницы, дочери моей единственной покойной сестры. Мюнхенскій университетъ теперь — одинъ изъ блистательнѣйшихъ въ Германіи: тамошніе профессора мнѣ искреннѣйшіе пріятели. Успѣхъ зависитъ отъ вашей старательности и отъ мужества: не надобно пугаться первой неудачи. Не мѣняйте никогда цѣлей жизни въ надеждѣ найти лучшія: иначе не найдете никакой. Постоянство такъ же могущественно какъ и сила; въ чемъ послѣдняя успѣваетъ въ пространствѣ, въ томъ первое успѣваетъ посредствомъ времени.

Джуліо ловилъ каждое слово наставника. Довольно странно было видѣть его въ такой зависимости отъ этого человѣка; но Джуліо вѣрилъ ему какъ знаменитому сочинителю двухъ огромныхъ томовъ, какъ опытному кормчену, знакомому со стихіей, въ которую онъ пускался. Честолюбіе, болѣе и болѣе разжигаемое барономъ, влекло его впередъ; молодость и пробудившееся желаніе дѣятельности придавали ему крылья. Въ самомъ дѣлѣ, кто лучше этого человѣ-

ка могъ быть руководителемъ на поприщѣ, которое Джуліо избиралъ себѣ? Кто лучше этого человѣка, опытнаго, знаменитаго, сильнаго, богатаго, могъ открыть ему дорогу? Все говорило ему о необходимости, въ нынѣшнемъ обществѣ, отличиться какими-нибудь высокимъ дарованіемъ: надо быть великимъ героемъ или великимъ писателемъ, чтобы ходить свободно по поверхности толпы, по этому морю пустыхъ головъ, которыя трещать и съ грохотомъ раздавливаются подъ вашими ногами, какъ скоро вы твердо на нихъ наступите: изъ этого образуется громъ вашей славы; нето васъ самихъ источать, изгрызуть, съѣдать въ толпѣ мелкія знаменитости, которыхъ отголоска вы не слышите, когда говорите, но которыя, лишь-только вы умолкнете, слышны какъ черви въ бревнѣ деревянной стѣны, производящіе глухой стукъ карманныхъ часовъ и славные своей славой въ этомъ бревнѣ. Не всегда однако есть случай быть героемъ: имя великаго писателя приобрѣтается гораздо легче, и оно притомъ безсмертнѣе. Гомеръ и Платонъ будутъ всегда владѣть умами и возбуждать удивленіе міра: а кто знаетъ дѣянія Сезостриса или Чингисхана? Нѣсколько ученыхъ, о знаніи которыхъ свѣтъ и не справляется. Да! въ нашемъ обществѣ нужно возвыситься надъ нимъ наукою и талантами, если вы хотите повергнуть его передъ собой на колѣни. Талантъ безъ науки то же что, ружье безъ пороху. Наука! наука! это первая необходимость жизни въ нашемъ вѣкѣ. Это говорили ему во Флоренціи профессоры, которыхъ онъ не хотѣлъ слушать. Это говорили ему и угрюмый падре Томази, и прелестная Лукреція, которыхъ онъ готовъ былъ послушаться, того за деньги, другую за поцѣлуй. Это говоритъ и баронъ, которому онъ вѣритъ. Джуліо долженъ былъ ему вѣритъ: съ этимъ вѣрованіемъ было соединено его будущее. Онъ грезилъ только о наукахъ: искус-

ства уже слишкомъ обыкновенны для богатаго Итальянца; надо отличиться въ наукахъ.

Между-тѣмъ небо усыпалось звѣздами; ни одно безпокойное облачко не прокрадывалось подъ его безконечнымъ сводомъ. Усыпленное море, чуть-чуть подымая упругую грудь, роскошно колыхалось на своемъ широкомъ ложѣ. Луна, подобно свѣтлому видѣнію, таинственно выплывала изъ-за горизонта, проливая серебристый дождь лучей на синій шелкъ воды. Пароходъ летѣлъ. Картина была очаровательна! Черезъ полчаса на палубѣ не было уже никого: только рулевой стоялъ подлѣ своего колеса передъ двумя компасами; только какія-то двѣ тѣни, — мужская и женская, — мелькали между потонувшими въ сумракъ реямъ. Я полагаю, что одна изъ нихъ была Джулио, а другая Фанни, и боюсь очень, чтобы мой юный и красивый послушникъ науки не распорядился такъ, что изъ него ни коимъ образомъ нельзя будетъ сдѣлать даже каноника.

Что жъ вы думаете! въ самомъ дѣлѣ лукавый ниспровергъ всѣ планы почтеннаго падре Томази.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, и спустя мѣсяцъ послѣ письма, которымъ Джулио доносилъ дядѣ о своихъ успѣхахъ въ наукахъ и о томъ, что онъ въ скоромъ времени торжественно возведенъ будетъ въ званіе доктора Философіи, вечеромъ, двадцать перваго мая, одна изъ главнѣйшихъ улицъ Мюнхена была почти запружена экипажами; группы зѣвакъ, столпившихся около великолѣпнаго дома, богато иллюминированные окна и подвѣзды, разряженные слуги и безпрестанный приливъ новыхъ каретъ показывали, что въ этомъ домѣ происходитъ что-то необыкновенное.

То была свадьба. Домъ принадлежалъ барону фонъ Нахтигальтаю. Въ срединѣ пышно освѣщенной залы

стояли прекрасный молодой мужчина и обворожительная Нѣмочка лѣтъ двадцати, красные и счастливые какъ Турки въ банѣ, и принимали поздравленія многочисленныхъ гостей. То были Джуліо и Фанни. Да! Джуліо женился. Сдѣлайте жъ теперь изъ него Римскаго каноника, если вы искусники.

Старая баронесса фонъ-Нахтигальталь обнимала молодыхъ и плакала съ радости. Знаменитый баронъ фонъ-Нахтигальталь, съ бокаломъ въ рукѣ, достойнымъ его знаменитости, пилъ за ихъ здоровье. Онъ въ эту минуту имѣлъ видъ Вакха-Побѣдителя, съ торжествомъ возвращающагося изъ Индіи. Поздравьте же и барона! Онъ также герой въ этомъ празднествѣ. Чьему искусству, если не его, обязаны вы этою свадьбою? Съ первой минуты знакомства съ Джуліо въ Римѣ, старая баронесса и ея сынъ рѣшили, что это была бы превосходная партія для ихъ Фанни, тѣмъ болѣе что молодой Римлянинъ чрезвычайно ей понравился. Баронъ взялся устроить дѣло. Онъ распространилъ надъ нимъ свои чары, обворожилъ его любезностію, воспламенилъ славою, далъ совершенно другое направленіе его ладзаронскому образу мыслей, увлекъ его изъ Италіи, сдѣлавъ изъ него Пѣмца и женилъ на Пѣмкѣ, между-тѣмъ какъ добрый падре Томази каждую ночь видѣлъ во снѣ своего племянника то каноникомъ, то епископомъ, то великимъ инквизиторомъ, то наконецъ кардиналомъ, а нѣсколько разъ даже папою. Это предательски! Одно только, за что можно извинить барона въ этой черной интригѣ, было то, что онъ далъ Джуліо жену прелестную, кроткую, чувствительную, съ которою тотъ могъ бы быть счастливъ въ полной мѣрѣ, если бъ умѣлъ, — если бъ не былъ слишкомъ ученъ для супружескаго счастья, растенія толстаго, сыраго, сочнаго, любящаго предпочтительно жирный черноземъ невѣжества, если бы Джуліо не зарылся такъ въ книгахъ, если бы

имъ не овладѣла ученая гордость..... Но не станемъ опережать событій.

Слѣдуя хронологическому порядку, послѣ брачнаго обряда былъ ужинъ, послѣ ужина наступило торжественное шествіе, съ бокалами въ рукахъ, для провожанія молодыхъ супруговъ на ихъ половину; потому что старая баронесса испремьнно желала, чтобы они жили нѣкоторое время въ одномъ домѣ съ нею. Но когда шествіе устроилось, и баронъ сталъ въ чель, держа за руку свою племянницу, молодого не оказалось на-лице въ залѣ. Всѣ лакеи, всѣ горничныя, бросились искать Джуліо. Шумъ, бѣготня, суматоха по всему дому. Молодой пропалъ безъ вѣсти! Нѣтъ Джуліо! Можно себѣ представить затруднительное положеніе новобрачной, которой супругъ пропадаетъ въ такой великій моментъ. Самъ баронъ оставилъ свой постъ, и, созвавъ людей со свѣчами, побѣжалъ по комнатамъ искать молодого дезертера, скрывающагося передъ самымъ сраженіемъ. Наконецъ нашли молодого. Онъ преспокойно писалъ въ своемъ кабинетѣ, посреди десяти старыхъ книгъ, разложенныхъ на столѣ.

— Джуліо! что ты тутъ дѣлаешь?

— Пишу, отвѣчалъ Джуліо.

— Полно, любезнѣйшій! Ты забываешь всѣ приличія. Тебя ждуть.....

— Сейчасъ! сейчасъ!.....

— Да полноте, Джуліо! вскричалъ баронъ, пыша отъ усталости и смѣясь. Писать въ такой день! въ такое время!.....

— Сейчасъ! сейчасъ!..... Минутку!..... Позвольте дописать фразу..... Мнѣ вспало на мысль перемѣнить одно мѣсто въ моей диссертациі о Неронѣ..... Боюсь забыть.....

— Сумасшедшій! воскликнулъ баронъ, вырывая бумагу изъ-подъ его руки.

— Ну, хорошо, пойдёмъ, сказалъ Джуліо, важно приподнимаясь со стула. Я допишу завтра..... Во время обряда въ церкви, и за ужиномъ, я всё думалъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что на свидѣтельство Тацита нельзя слишкомъ полагаться въ этомъ дѣлѣ..... Какъ вы думаете, баронъ?

— Да! да! отвѣчалъ баронъ хохоча и съ нетерпѣніемъ, и утѣшилъ его заруку къ собранію.

Всобщій смѣхъ раздался въ залѣ, когда баронъ разсказалъ, гдѣ и-за какою работою онъ нашель своего новаго племянника. Это происшествіе разсказывали пять дней сряду во всѣхъ Мюнхенскихъ гостиныхъ, съ разными украшеніями и островами.

Наконецъ шестіе тронулось съ мѣста. Новобрачныхъ привели въ ихъ комнаты, и оставили. Въ прекрасной спальнѣ, убранной съ роскошью и со вкусомъ.....

Здѣсь хронологическій порядокъ прерывается.

Мы забыли разсмотрѣть важный историческій вопросъ. Любилъ ли Джуліо свою невѣсту?..... Чрезвычайно! Онъ обожалъ ее. Помните ли, на пароходѣ.....? ночью.....? эти двѣ тѣни..... что при свѣтѣ луны.....? Они уже тогда были влюблены другъ въ друга.

Баронъ фонъ-Нахтигальтъ, успѣвшій приобрести полную довѣренность Джуліо во время путешествія, но пріѣздъ въ Мюнхенъ еще подкрѣпилъ свое вліяніе надъ его умомъ новыми доказательствами своей знаменитости. Мѣсто, которое онъ занималъ при дворѣ, знатное имя, хорошее состояніе, связи съ филосогами, профессорами и артистами, которые бывали у него почти ежедневно, покровительство наукамъ и художествамъ, собственныя его собранія, галлерей и ученые труды, все давало ему право на ту блестящую роль, какую онъ игралъ въ Мюнхенѣ. Шеллингъ и Корнелиусъ обладали у него каждую недѣлю, и онъ по-

сѣщаль ихъ весьма часто. Этому уже было довольно, чтобы ослѣпить молодаго честолюбца. Но баронъ умѣлъ еще лучше дѣйствовать на общество и на тѣхъ, кто даже нечаянно приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Его кабинетъ состоялъ изъ многихъ залъ. При входѣ въ первую вы уже были поражены огромностью его ума: эта зала была наполнена электрическими и оптическими машинами, колесами, столбами, крюками и щипцами всѣхъ родовъ, веревками протянутыми съ конца въ конецъ, проволоками, прутами, рашпелями; Турецкій посланникъ прінялъ ее за подземелье Мюнхенскаго бостауджи-бани, гдѣ пытаются государственныхъ преступниковъ. Въ слѣдующей комнатѣ находилась прекрасная бібліотека съ письменными столиками, на которыхъ лежало множество древнихъ медалей, антиковъ и книгъ Греческихъ и Латинскихъ. Въ третьей были разложены на столахъ Арабскія, Китайскія, Тибетскія, Санскритскія, Монгольскія, Манджурскія рукописи и книги: здѣсь баронъ составлялъ лексиконы неизвѣстныхъ языковъ и словесно переводилъ посѣтителемъ и посѣтительницамъ любопытныя мѣста изъ всей Азіатской чертовщины. Далѣе находился богатый милицъ-кабинетъ, собраніе классическихъ и Египетскихъ древностей, нѣсколько огромныхъ плитъ и мумій съ іероглифами, въ которыхъ баронъ былъ большой знатокъ, и выходъ на другую лѣстницу. Надо вамъ сказать еще и то, въ похвалу искусству барона, что физиковъ и естествоиспытателей онъ принималъ къ себѣ черезъ милицъ-кабинетъ, а филологовъ черезъ машинную залу, отчего слава его энциклопедическихъ познаній чрезвычайно увеличивалась, такъ, что, въ обществахъ, его называли Мюнхенскимъ Гумбольтомъ. Сверхъ-того онъ былъ членомъ почти всѣхъ ученыхъ обществъ Германскаго Союза и состоялъ въ перепискѣ почти со всѣми его знаменитыми учены-

ми, которые весьма исправно присылали ему свои новыя сочиненія съ подписью: «Его превосходительству барону Готфриду фонъ Пахтигальтано, въ знакъ глубочайшаго уваженія, отъ автора».

Джуліо былъ въ восхищеніи, что нашелъ такого руководителя и патрона. Онъ началъ тотчасъ же по приѣздѣ, посѣщать Мюнхенскій университетъ, и нашелъ удовольствіе въ наукахъ. Можетъ быть, это бы скоро и кончилось; но баронъ поддерживалъ его своими совѣтами; урѣялъ, что онъ гений, что его ожидаетъ великое будущее, что безъ труда не дѣлается ни одного приобрѣтенія. «Неужели этотъ великій человекъ можетъ ошибаться! думалъ Джуліо. Для чего ему меня обманывать? Баронъ фонъ Пахтигальталь!..... Кто не произноситъ этого имени съ уваженіемъ? Какой образованный человекъ осмѣлится противорѣчить ему!» И Джуліо усердно шелъ впередъ.

Иногда его поражала странная натянутость и родъ тайны, которыя онъ нечаянно замѣчалъ въ чувствахъ и поступкахъ барона: казалось, каждая мысль этого человека была выкрадена изъ какой-то диссертацие, каждое движеніе расчитано напередъ съ недоверчивостью къ самымъ короткимъ знакомцамъ; но Джуліо не могъ не извинять этого барону: необыкновенные люди имѣютъ свои причуды. Пахтигальталь всегда торжествовалъ въ блестящемъ обществѣ: небольшой педантизмъ, умно прикрытый свѣтскою одеждою, знаменитому человеку въ Германіи всегда къ лицу.

Джуліо, по совѣту его, ѣздилъ въ Берлинъ, Гёттингенъ, Боннъ, Іену, Лейпцигъ, слушать чтенія славнѣйшихъ профессоровъ, написалъ самъ нѣсколько разсужденій и издалъ ихъ отдѣльными книжками: каждая изъ этихъ брошюрочекъ была превознесена до небесъ не только Баварскими, но и загранич-

выми Германскими журналами. Успѣхъ этотъ увлекать Джуліо болѣе и болѣе, и его ревность къ ученію необычайно усиливалась. Журналы говорили объ немъ, какъ о прекрасной надеждѣ наукъ, взысканной «славнымъ» барономъ фонъ-Нахтигальталемъ; какъ объ удивительномъ молодомъ человѣкѣ, который скоро превзойдетъ старыхъ ученыхъ. Позволительно догадываться, что тутъ было немножко умѣнія дѣйствовать и со стороны славнаго, потому что въ каждомъ номерѣ, гдѣ говорили о Джуліо, было всегда что-нибудь сказано и о баронѣ. Джуліо гордился этимъ: его имя стояло подлѣ имени одного изъ первыхъ мужей Германіи!..... Такимъ образомъ Джуліо продолжалъ зарываться въ книги; Нахтигальталь продолжалъ давать обѣды и переписываться съ ученымъ свѣтомъ, пока молодой человѣкъ не получилъ степени доктора Философіи и Супружества. Приобрѣсть обширныя, основательныя познанія и жену — чего жъ вамъ болѣе? Конечно; но теперь надо умѣть пользоваться, вмѣсто одного, двумя капиталами: надо быть счастливымъ съ познаніями и счастливымъ съ женою. А это два великія искусства!

Со страстью къ наукамъ усиливалась въ Джуліо и страсть къ юной Фанни. Фанни была прекрасна, Фанни была предобрая и отлично воспитанная дѣвушка, съ любящимъ сердцемъ, съ мечтательнымъ воображеніемъ, которое всегда стремилось къ идеалу счастья; съ малою склонностью къ наукамъ. Она была вся сердце, и вся кипѣла любовію. Джуліо въ Италіи, страстный, пылкій, веселый Джуліо, былъ, казалось, нарочно созданъ для ея блаженства. Она съ прискорбіемъ видѣла, какъ эта пылкость и беззаботность, притуплялись отъ тренія объ Швецкія книги; какъ ясное чело юноши хмурилось глубокомысленными заботами; какъ онъ становился разсѣяннѣе и угрюмѣе. Но она вѣрила въ любовь, и надѣялась, что пе-

ремьна положенія, слѣдующая за бракомъ, возвратитъ ему прежній счастливый характеръ.

Первые мѣсяцы супружества отчасти удовлетворили ея ожиданія. Джуліо былъ принужденъ являться съ нею съ свѣтъ: блескъ, шумъ, беззаботность этого празднаго міра подѣйствовали на его молодая чувства, и сначала онъ находилъ удовольствіе быть съ людьми. Благородное происхожденіе, родство съ барономъ фонъ-Нахтигальталемъ, умъ пріятный и тонкій, прекрасныя познанія, пріобрѣтенныя совѣстливо и съ настоящимъ трудомъ, не могли не сдѣлать самаго выгоднаго впечатлѣнія. Онъ начиналъ имѣть большіе успѣхи въ обществахъ, и даже любить эти успѣхи. Какая радость для милой Фанни! Какое торжество! О, какъ она любила слышать изъ чужихъ устъ похвалы ему и изъ его устъ увѣренія, что, въ цѣлой этой толпѣ блестящихъ женщинъ, нѣтъ ни одной, которая бы могла въ чемъ-либо сравниться съ его милой, добродушной, прелестной Фанни!

Но, увы, этотъ самый источникъ радости долженъ былъ извергнуть въ ея сердце смертельный ядъ; эти самые успѣхи готовили ему ужасныя огорченія. Джуліо, искренно, безъ увертокъ, приступалъ къ наукѣ, а для общества нужно только ученое шарлатанство: оно лишь одно можетъ быть счастливо въ обществѣ. Если ты истинно ученый, запись, запись въ своей пустынь, какъ Нѣмецкій *Gelchrter*, и живи съ книгами: въ обществѣ, въ свѣтъ, для тебя нѣтъ счастья; эти пустые люди, которыхъ зовутъ образованными, первые гонители науки, хуже самихъ невѣждъ, и, встрѣтись съ нею, стараются скорѣй удушить ея въ дымъ дурнаго опиума, какъ язычники гнѣвъ боговъ своихъ. Надъ ними царствуютъ только фонъ-Нахтигальтали, цари достойные ихъ и, въ нужномъ случаѣ, ихъ проводители противъ той же самой науки, которою они ихъ дурачатъ.

Джуліо былъ молодъ и красавецъ ; баронъ былъ толстъ и уже лѣтъ за сорокъ. Само собою разумѣется, что молодыя женщины тотчасъ начали находить въ Джуліо гораздо болѣе познаній во всемъ, нежели въ славномъ баронѣ. Онъ пошелъ у нихъ въ моду. Онъ восхищались его обширными свѣдѣніями, потому что имъ не ловко было бы восхищаться его особою, особенно въ присутствіи Фанни. Слава барона начала упадать пли, точнѣе, приходитъ въ забвеніе, именно въ той части общества, которая ему наиболѣе нравилась, — въ самой свѣжей, красной и любезной части. Съ быстротою орлянаго взора, онъ открылъ подрывъ, который дѣлаетъ ему Джуліо, и съ той минуты великій жрецъ наукъ, покровитель и наставникъ молодаго Итальянца, явился его тайнымъ врагомъ и гонителемъ. Первымъ его дѣломъ было сдѣлать Джуліо смѣшнымъ, и въ этомъ онъ успѣлъ очень легко. Нѣсколько анекдотовъ, искусно пущенныхъ въ ходъ объ его странностяхъ, тотчасъ отдали его на жертву всѣмъ молодымъ мужчинамъ, которые весьма рады были отплатить ему за свое невѣжество, и всѣмъ старухамъ, которыхъ воспомнанія прошедшаго клонили на сторону барона. Джуліо терзали со всѣхъ сторонъ, и онъ не примѣчалъ этого. Даже молодыя женщины, его природныя покровительницы, не смѣли защищать его, одни изъ угожденія къ своимъ обожателямъ, другія со страху вооружить противъ себя тетусекъ и бабушекъ. Фанни, счастливая Фанни, которой недавно всѣ завидовали, сдѣлалась для нихъ предметомъ искренняго состраданія.

Но Джуліо скоро удовлетворилъ всѣхъ. Пустота этихъ головъ уже начинала наводить на него скуку. Онъ примѣтилъ еще внезапную холодность обращенія съ нимъ тѣхъ, которые принимали его такъ радушно, и оставилъ общество. Любовь его къ наукамъ была неподдѣльна. Она легко восторжествовала надъ ми-

нутною склонностью къ развлеченіямъ, и онъ закопался въ книгахъ пуще прежняго. Прерванные изслѣдованія и труды опять поглотили всего Джуліо.

Бѣдная Фанни осталась одна. Сперва скука одиночества, потомъ сомнѣнія въ любви мужа, заставляли ее проливать слезы, которыя однако жъ она старалась скрывать отъ своего Джуліо. Нерѣдко по цѣлымъ днямъ она не слыхала отъ него ни одного слова. Онъ вообще не любилъ, чтобы ему мѣшали въ занятіяхъ, но во время писанія былъ особенно недоступенъ, и довольно брюзгливо прогонялъ отъ себя даже жену, когда она приходила поцѣловать его или спросить что-нибудь, въ минуту самаго сильнаго напряженія его мыслей. Фанни уходила и плакала, — горько плакала, и за себя, и оттого что, какъ ей казалось, она заслуживала гнѣвъ мужа. Уважая его занятія, она уже не смѣла явиться въ его кабинетъ, и только въ случаѣ необходимой нужды подходила къ нему на цыпочкахъ, спрашивала робко и со страхомъ ожидала отвѣта. Они видѣлись большею частью только въ время обѣда: но и тутъ какое мученіе! Фанни разъ десять должна была докладывать ему, что супъ на столъ, прежде чѣмъ отторгнетъ его отъ работы. «Сейчасъ! сейчасъ!» было обыкновеннымъ его отвѣтомъ, и послѣ каждаго «сейчасъ» онъ еще полчаса писалъ или рылся въ книгахъ. Просиживая за письменнымъ столомъ далеко за полночь, онъ рѣдко видѣлъ какъ его жена ложилась спать: замужняя вдова, она всегда засыпала безъ мужа, и вставала потихоньку одна, стараясь охранять его утренній сонъ послѣ истощенія силъ ночьюю работою.

Внутреннія страданія, плачь, смерть бабушки, огорчившая ее чрезвычайно въ такомъ положеніи, мысль о потерѣ его любви, быть-можетъ и самая нѣжность организаціи, все вмѣстѣ сильно подвѣство-

вало на это слабое, чувствительное существо. Фанни начала увядать, и въ концѣ третьяго года замужства у ней уже была порядочная чахотка. Ученый Джуліо даже не примѣчалъ этого.

Какъ не впасть въ чахотку! Я, не будучи женщиною, я просто съ ума сошелъ бы отъ такого мужа, какъ бы онъ ни увѣрялъ меня, періодически, разъ въ недѣлю, что обожаетъ меня по-прежнему; особенно когда бы онъ еще напустилъ ко мнѣ въ гостиную цѣлый соборъ Нѣмецкихъ педантовъ. Любимыя знакомства и связи Джуліо заключались почти все въ табачной чертѣ *almae matris universitatis*, «батюшки кормильца университета», говоря официально Латинскою фразою, въ дикости которой покорнѣйше прошу извиненія, потому что це я выдумалъ ее. Онъ предпочтительно водилъ дружбу съ профессорами и докторами Философін, и обладалъ особеннымъ даромъ выдергивать изъ ихъ круга самыхъ скучныхъ и смѣшныхъ для общества своей жены, увѣряя ее, что это самые ученые. Несчастная женщина принуждена была выносить по пяти и шести битыхъ часовъ ужасной борьбы съ своими первами, истерзанными сномъ и скукою, когда эти господа, собравшіеся въ ея гостиной подъ председательствомъ мужа, начнутъ, бывало, разсуждать объ «источникахъ», то есть, о старыхъ книгахъ, откуда почерпаются во Франціи все мыслитъ, которыя вамъ кажутся новыми, а въ Германіи все цитаты. Они только и знаютъ источники. Чтобы дать вамъ приблизительное понятіе о невежествѣ многихъ Германскихъ ученыхъ внѣ этого круга, я расскажу одинъ случай со мною, которому, конечно, вы бѣ не повѣрили, если бѣ не знали, что я человекъ добросовѣстный и лгать не стану. Я жилъ, однажды, за городомъ и, не имѣя другихъ книгъ подъ рукою, перечитывалъ сочиненіе госпожи Сталь «О Германіи». Это было въ 1832 году. Вдругъ отворяется дверь, и

входить мой хорошій Германскій знакомецъ, ординарный профессоръ «Средней и новѣйшей Исторіи» при одномъ изъ знаменитѣйшихъ университетовъ въ Европѣ, ученый сочинитель нѣсколькихъ весьма уважаемыхъ твореній по этой части, человекъ совершившій два или три путешествія, и прочая, и прочая. Послѣ первыхъ словъ разговора, мой гость, по обыкновенію, налагаетъ руку на мою книгу. Заглавіе, имя сочинительницы, содержаніе главъ, поражаютъ его страннымъ образомъ.

— Это должно быть любопытно, сказалъ мой ученый пріятель.

Я не понялъ замѣчанія, будучи увѣренъ, что прославленное сочиненіе баронессы Сталь о Германіи давно знакомо ординарному профессору Средней и Новѣйшей Исторіи при одномъ изъ знаменитѣйшихъ университетовъ въ Европѣ.

— Кто она такова, баронесса де Сталь? спросилъ мой ученый пріятель. *Она Пѣмка что ли?*

Я поглядѣлъ на него съ изумленіемъ, думая, что это Witz, остроуміе особеннаго рода. Мой ученый пріятель преспокойно повторилъ вопросъ:

— Она Пѣмка что ли?

— Какъ! вы не знаете, кто госпожа Сталь? воскликнулъ я въ остоленіи.

— Не знаю, равнодушно возразилъ мой ученый пріятель.

— Госпожа Сталь дочь известнаго министра Неккера.

— А!

— Неужели вы не слышали о госпожѣ Сталь и ея сочиненіяхъ?

— Не слыхалъ.

— Странно. Однако жъ, госпожа Сталь лице историческое и одна изъ замѣчательнѣйшихъ писатель-

ниця или, правильнѣе, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей нашего вѣка,

— О?

— Да что жъ вы, мой любезный профессоръ Новѣйшей Исторіи, читаете, сказалъ я шути, если вы не читаете преумныхъ сочиненій госпожи Сталь?

— Ich lese nur die Quellen, я читаю только источники, съ важностью отвѣчалъ мой ученый пріятель, кладя книгу на диванъ.

Какъ вамъ это нравится?..... Я повернулъ разговоръ на другой предметъ, какъ теперь, примѣрно сказать, повертываю, переходя отъ моего ученаго пріятеля обратно къ Фанни.

Вообразите же милую, молоденькую женщину, созданную для любви и счастья, воспитанную для свѣта и его быстродвижныхъ наслажденій, вообразите ее въ кругу подобныхъ ученыхъ самогудовъ, настроенныхъ все на одну, дикую ноту, неспособныхъ ни къ какому другому звуку, когда они закуритъ во все трубки и заговорятъ около нея объ источникахъ! Кто изъ васъ, сударыни, не упалъ бы въ обморокъ?.... По-крайней-мѣрѣ тридцать тысячъ прелестныхъ женщинъ въ Германіи чахнутъ постоянно въ этой тяжелой атмосферѣ табаку, учености, книжной пыли и убойственной скуки. О, благословите Россію, что въ ней еще такъ мало ученыхъ! Но прійдетъ время, что и мы поровняемся съ Германіей. Часть Русскаго населенія также осмирѣетъ со-временемъ въ дремучихъ лѣсахъ букиновъ, и превратится въ книгогудовъ; многія, многія изъ вашихъ внучекъ, сударыни, будутъ вести такую жизнь какъ бѣдная Фанни и исчезать въ чахоткѣ отъ учености мужей.

Я надѣюсь, что никто не сочтетъ этого за выходку противъ наукъ. Моя цель — только изобразить слѣдствія злоупотребленія наукъ и ученаго честолюбія относительно къ домашнему счастью семействъ.

Джуліо, брошенный въ рабочую область книгодѣлія, гдѣ людей уважаютъ только по числу листовъ, которые они напечатали; гдѣ есть свои колоссальныя репутаціи, основанныя на открытіи одной медали, на объясненіи одного спорнаго слова въ текстъ древняго писателя, иногда на перестановкѣ запятой; гдѣ чело-вѣкъ безъ своей книги не ставится въ чело-вѣка, — при-нялъ всѣ понятія этого отдѣльнаго міра и не причислялъ себя къ лику разумныхъ тварей, пока не пре-вратится въ толстую книгу съ своимъ именемъ. Онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ трудился надъ своимъ «большимъ» сочиненіемъ, которое ему хотѣлось ско-рѣе издать, чтобы занять мѣсто въ ученомъ свѣтѣ. Кто никогда не занимался умственными трудами и изслѣдованіями, тотъ не воображаетъ, какъ далеко они могутъ увлечь и какъ легко переходятъ въ опас-ную страсть, если не управляетъ ими благоразу-міе и чувство долга общественнаго и семейнаго чело-вѣка. Джуліо жертвовалъ всѣмъ для своей книги, съ которою, какъ ему казалось, было связано его без-смертіе. Со времени смерти баронессы фонъ-Нахти-гальталъ онъ переехалъ въ другой домъ и совершенно отказался отъ свѣта, въ которомъ уже его сдѣлали посмѣшищемъ. Онъ еще ничего не зналъ о проискахъ барона и питалъ къ нему прежнее уваженіе, хотя они видались гораздо рѣже. Баронъ однако издали наблю-далъ за Джуліо: онъ слѣдилъ каждый его шагъ и, страшась уже его основательныхъ познаній, теперь еще какъ-будто боялся тѣсныхъ связей его съ члена-ми университета. Джуліо не примѣчалъ и этого. Онъ былъ счастливъ съ своими книгами, и не заботился ни объ чемъ въ мірѣ. Презирая «невѣжественную Ита-лію», которая, какъ увѣряютъ Нѣмецкіе профессоры, не знаетъ своихъ собственныхъ развалинъ, онъ даже рѣшился навсегда поселиться въ Мюнхенъ и жить въ «фокусъ всего чело-вѣческаго знанія», Германіи.

— Вы заняты, Джуліо?

Молодой ученый сидѣлъ съ перомъ въ рукѣ за столомъ, загроможденнымъ бумагами и рукописями.

— Къ вашимъ услугамъ, баронъ.

Джуліо положилъ перо; но лице его показывало, что ему помѣшали.

— Послѣ, послѣ, другъ мой. Я не хочу васъ беспокоить.....

— Ваше присутствіе всегда для меня пріятно. Сдѣлайте одолженіе, безъ церемоній.

Джуліо подвинулъ ему кресла.

— Я хотѣлъ говорить объ одномъ важномъ дѣлѣ, которое меня беспокоитъ..... Но въ другое время; занимайтесь.

— Я васъ слушаю.

— Благодарю за снисхожденіе. Я хочу говорить съ вами о васъ самихъ. Мы сошлись съ вами такъ близко, какъ едва-ли сходились когда между собою ученые. Все утверждаютъ, что я приготовлю въ васъ великаго человѣка для потомства: при всемъ моемъ самолюбіи я могу только согласиться съ этимъ, взявъ на свою долю развѣ одну славу, что отыскалъ въ отсталой Италіи свободнаго генія, который безъ меня вѣроятно погубъ бы въ неизвѣстности. Свѣтъ всегда любитъ увеличивать или унижать наши заслуги по своимъ прихотямъ. Но, какъ бы то ни было, вы идете гигантскими шагами къ цѣли; и между-тѣмъ какъ ваши умственныя занятія отвлекаютъ васъ совершенно отъ сущности, я желалъ бы быть вамъ также сколько-нибудь полезнымъ въ одномъ случаѣ.....

— Я, право, не знаю какъ благодарить за всѣ ваши благодѣянія! сказалъ Джуліо съ особеннымъ чувствомъ.

— Истинная благодарность не нуждается въ словахъ, возразилъ баронъ съ обыкновенною важностью. Благодарность — чувство условное; дружба выше бла-

годарности. Вы живете теперь въ другомъ домѣ. Пока мы жили вмѣстѣ, я имѣлъ попеченіе о вашихъ дѣлахъ. Теперь, кажется, никто не смотритъ за ними, потому что вы только думаете о славѣ. Видно, мнѣ придется быть вашимъ казначеемъ, чтобы охранить ваше состояніе отъ разстройства. Придетъ время, вы будете свободнѣе, — сосчитаемся.....

— Вы хотите заставить краснѣть самую дружбу своими одолженіями !

Баронъ какъ-будто не разсмѣялся.

— Дядюшка вашъ умеръ, продолжалъ онъ съ прежнимъ хладнокровіемъ: вы получите послѣ него большое наслѣдство; все наслѣдство заключается въ денежномъ капиталѣ. Что намѣрены вы дѣлать съ этими деньгами ?

— Ничего. Пусть лежатъ до времени, возразилъ Джуліо равнодушно.

— Это значитъ, вы только начтаете жить. Надобно изъ всего извлекать пользу. Вы человекъ женатый и не должны презирать достояніе. Два рода мудрости въ свѣтѣ, теоретическая и практическая; первая въ головѣ, вторая въ поступкахъ. Деньги, лежащія безъ употребленія, подобны работнику, котораго вы сковали, между-тѣмъ какъ онъ долженъ на васъ трудиться. Жизнь наша не ограничивается одними сутками, какъ у комаровъ. Каждый новый шагъ впередъ открываетъ новыя нужды. Надобно всегда имѣть въ виду будущее: вмѣстѣ со временемъ должны идти и наши средства. Пропустите одинъ случай обезпечить ихъ заранѣе, этотъ одинъ случай увлечетъ за собой еще четыре, и вотъ пяти какъ-будто не бывало. Надобно пустить ваши деньги въ оборотъ.

— Я въ этомъ рѣшительно ничего не смыслю.

— Предоставьте же мнѣ все устроить. Завтра я имѣю случай сдѣлать пѣзъ нихъ хорошее употребленіе.....

Денегъ вамъ теперь не кадобно ; если же будете нуждаться въ нихъ , мой кошелекъ къ вашимъ услугамъ.....

Джуліо былъ тронуть до глубины души. Сердце молодого человѣка было еще добро. Есть время въ жизни каждаго цѣль насъ , когда мы , утративъ всѣ лучшіе дары природы, лишенные себя самихъ, идемъ одинокіе передъ судьбою какъ эти нищіе , которые думаютъ , что они умрутъ съ голоду , если не встрѣтятъ благотворителя , и проливаютъ слезы благодарности за пожертвованіе , которое часто тому ничего не стоить.

Баронъ оставилъ Джуліо , осыпанный всѣми ласками признательности.

Молодой человѣкъ погрузился снова въ занятія. Мысли его начали приходить въ прежній порядокъ ; вниманіе получило надлежанцію силу , умственная машина пришла въ движеніе. Перо Джуліо скрипѣло уже по бумагѣ , какъ дверь отворилась опять ; кто-то вошелъ и остановился позади кресла. Джуліо оглянулся : это была Фанни , блѣдная , съ заплаканными глазами.

Ему опять мѣшаютъ ! Въ самомъ дѣлѣ , это несносно. Напряженное вниманіе лонается ; мысли , сейчасъ вышедшія одна за другою стройною шеренгою , мѣшаются ; кровь , потревоженная въ своемъ обращеніи , приливаетъ къ головѣ ; желчь расходится по сердцу.

Можно вообразить какимъ взоромъ встрѣтилъ Джуліо свою супругу ; но этотъ взоръ былъ скоро смягченъ приличіемъ. Джуліо не говорилъ ни слова.

— Я помѣшала тебѣ , Джуліо ? спросила она трепещущимъ голосомъ.

— Да !

— Могу я пробыть здѣсь нѣсколько времени ?

— Ежели угодно.

- Тебѣ, можетъ-быть, надобно заниматься?
- Джуліо продолжалъ писать.
- Мы почти никогда не видимся.....
- Джуліо продолжалъ писать.
- Можно мнѣ работать въ твоёмъ кабинетѣ?
- Можно. Только ты станешь мѣшать мнѣ!
- Я не скажу ни слова.

Она просидѣла почти два часа въ молчаніи, печально поглядывая на своего мужа.

— Джуліо, ты себя убиваешь!..... Выслушай меня, Джуліо. Подари мнѣ минутку своего времени.....

— Сейчасъ, сейчасъ.

Прошло четверть часа: онъ всё-еще писалъ.

— Другъ мой!.....

— Сейчасъ, Фанни. Позволь..... пять секундъ!.....

Вотъ только допишу фразу.....

И еще прошло полчаса: онъ писалъ, она молчала.

Наконецъ Фанни подошла къ нему потихоньку, оперлась на спинку кресель и поцѣловала его въ голову. Джуліо затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, какъ-будто его ударили палкою по голозѣ, топнула ногою съ нетерпѣніемъ, и вскричалъ:

— Боже мой!..... ты мнѣ помѣшала..... въ самомъ трудномъ мѣстѣ. Не можешь ли подождать пяти секундъ?

Онъ съ гнѣвомъ бросилъ перо и оборотился къ женѣ.

— Ну, что ты хотѣла мнѣ сказать?

— Что ты себя убиваешь, мой добрый Джуліо. Ты работаешь свыше силъ человѣческихъ. Посмотри, какъ ты высохъ..... Твое здоровье, Джуліо, для меня драгоценнѣе всего.....

Несчастная, она не помнила, въ какомъ положеніи находилось собственное ея здоровье.

— Ничего, мой другъ, сказалъ Джуліо. Я молодъ. Придетъ старость, будемъ отдыхать!

— Зачѣмъ ты, ангель мой, не занимаешься науками какъ мой дядя, который находитъ время и для книгъ и для необходимыхъ развлеченій.

— Твой дядя..... твой дядя..... О, это совсѣмъ другое дѣло! Я не нахожу ни какой пріятности въ обществѣ..... И притомъ, я уже просилъ тебя не говорить мнѣ объ этомъ. Я такъ хочу.

Фанни замолчала.

— Ты не любишь меня, Джуліо!

— Какая ты странная!

Джуліо взялъ книгу и провелъ рукою по лбу, какъ-бы припоминая что-то. Фанни опять съела; онъ взглянулъ на нее. Изъ ея глазъ готовы были брызнуть слезы. Сердце упрекнуло Джуліо. Онъ взялъ Фанни за руку.

— Ты должна простить меня, другъ мой! Я тебя люблю..... Но, ты видишь, я занятъ; каждая минута для меня драгоценна. Имѣющій право требовать, долженъ имѣть право просить съ надеждою на успѣхъ просьбы. Супружество хорошо, пока соединяетъ, а не связываетъ. Будемъ откровенны. Излишняя взыскательность есть уже притѣсненіе. Нигдѣ столько не пужна снисходительность какъ между супругами. Любить человека и не понимать его, значитъ — обманывать себя. Время идетъ и не возвращается. Я теперь занятъ важнымъ сочиненіемъ. Не безпокой же меня, другъ мой! Я долженъ заниматься.....

Тонъ, съ которымъ произнесены были все эти слова, свидѣтельствовалъ вполне о состояніи сердца Джуліо; Фанни слушала и молчала. Она уже ясно видѣла, что книги занимали Джуліо болѣе нежели любовь, — сеперничество не опасное, однако не менѣе того непріятное. Слезы, которыми за минуту наполнены были ея глаза, исчезли; но лице было печально и задумчиво по-прежнему. Какое-то желаніе, какая-то просьба, готовы были сорваться съ языка.

— Пусть будет по твоему, Джуліо, сказала она тихимъ голосомъ. Большою частию желаніи нашего сердца такъ похожи на прихоти, что не смѣешь просить за нихъ. Занимайся! Женщина, которая сплится завовать себя любовь супруга требованіями, жалкая женщина! Права супружества даютъ каждому изъ насъ большія преимущества: ты пользуйся своими, я уступаю тебѣ и мои. Но (и голосъ ея сталъ еще тише), Джуліо, можешь ли ты исполнить хоть одно мое желаніе? Только одно!..... Самое пустое..... Можетъ-быть, оно тебѣ не понравится!

— Что такое, другъ мой? спросилъ Джуліо съ нѣкоторою нежностью, почти тронутый ея простосердечіемъ.

— Если ты любишь меня, Джуліо, сколько-нибудь, сколько ты можешь любить, удѣли мнѣ хоть часть того времени, которое ты охотно даришь этимъ господамъ изъ университета. Какое-то ужасное предчувствіе тяготѣетъ на душѣ моей..... Ты не вѣришь предчувствіямъ, Джуліо? Но если даже ты не вѣришь, — для меня, мой другъ; для моего спокойствія..... Мнѣ кажется, что я уже не долго..... (И слезы заструились по ея лицу). Чтò значитъ тебѣ пожертвовать нѣсколькими минутами для счастья женщины, которая тебя любитъ, которую ты любишь самъ, какъ увѣрялъ сейчасъ. Ты не замѣчаешь, чтò кругомъ тебя дѣлается.....

— Охотно, мой другъ! сказалъ Джуліо, нежно прижимая ее къ сердцу. Все сдѣлаю для тебя, чтò только тебѣ угодно! И ты могла сомнѣваться въ этомъ?..... Но кто-то звонитъ. Вѣрно, профессоръ Бухмантъ..... Ступай же, моя добрая Фанни, въ свою комнату; я сейчасъ прійду къ тебѣ. Только скажу ему пять словъ.....

Фанни вышла изъ комнаты. Джуліо проспѣлъ у себя съ Бухманномъ до полуночи, разсматривая съ

нимъ рѣдкія книги, медали, обломки древнихъ мраморовъ, и толкуя объ источникахъ. Онъ очень хорошо помнилъ обѣщаніе, данное женѣ, и помпучно собирался бѣжать къ ней; но прелесть любимаго предмета, дѣйствовавшая надъ нимъ со всею силою страсти..... Я говорю вамъ, что страсть къ книгамъ иногда такъ же ужасна какъ и страсть къ картамъ!

Фанни, по обыкновенію, не дождавшись, легла спать одна и уснула въ потокъ слезъ.

Такая жизнь была нестерпима. Уже значительно ослабленная внутреннею болѣзнію, Фанни пожелала по-крайней-мѣрѣ облегчить скуку своего одиночества. Она просила тѣхъ, которые изрѣдка ее навѣщали, бывать у ней почаще. Мало-по-малу гостиная ея наполнилась, особенно молодыми мужчинами, которые находили въ ней умъ плѣнительный и интересный отблескъ прежней красоты подъ этою томною блѣдностью. Мужъ рѣдко бывалъ въ этихъ дружескихъ собраніяхъ, и едва зналъ объ нихъ. Фанни нѣсколько ожила; даже здоровье ея поправилось, и она порой позволяла себѣ выѣзжать къ своимъ пріятельницамъ. Но это тотчасъ подало поводъ къ толкамъ и сплетнямъ. Баронъ, сдѣлавшійся изъ покровителя соперникомъ, былъ весьма радъ добровольному удаленію Джуліо изъ общества, однако всегда страшился его возвращенія, зная что одинъ только Джуліо можетъ затмить его въ гостиныхъ. Отъ него не скрылось жалкое положеніе Фанни, и онъ, стараясь всячески вредить Джуліо въ общемъ мнѣніи, вдругъ сдѣлался поборникомъ правъ своей племянницы противъ ея мужа. Съ какою трогательною горестью намѣкалъ онъ по секрету всѣмъ знаменитѣйшимъ сплетницамъ, что его бѣдная Фанни несчастлива въ супружествѣ, и что Джуліо пренебрегаетъ такую безцѣнную жену! Этого было довольно, чтобы утвердить мнѣніе, что супруги живутъ очень дурно, и когда еще Фанни на-

чала принимать у себя прежнихъ знакомцевъ, злость, душа гостинныхъ, тотчасъ рѣшила, что несчастная жена ищетъ себѣ утѣшеній. Называли даже утѣшителей. Графиня фонъ-К*** пустила въ ходъ нѣсколько язвительныхъ эниграммъ, которыя имѣли удивительный успѣхъ въ Мюнхенѣ. Фанни была обезславлена.

Тутъ баронъ фонъ-Нахтигальталь могъ уже съ полнымъ успѣхомъ явно вооружиться добродѣтельнымъ негодованіемъ противъ мужа своей племянницы. Онъ изображалъ его почти извергомъ рода человѣческаго, и хотя самъ не вѣрилъ слухамъ, однако предвидѣлъ возможность воспользоваться ими для удаленія Джуліо изъ Мюнхена.

Въ одно утро, когда Джуліо по обыкновенію занимался въ своемъ кабинетѣ, вошелъ баронъ и попросилъ его прогуляться по саду. Лице Нахтигальтала было пасмурно и важно; во всѣхъ движеніяхъ отражалась торжественность. Джуліо сначала не обращалъ на это вниманія; но потомъ, удивленный его чрезвычайною холодною, спросилъ о причинѣ. Въ это время проходили они мимо уединенной ясенной бесѣдки; баронъ пригласилъ Джуліо войти въ нее и, занявъ мѣсто на скамьѣ, подаль ему знакъ сдѣлать тоже. Джуліо повиновался.

— Вы сегодня не расположены, баронъ? спросилъ молодой человѣкъ, желая скорѣе начать какъ-нибудь разговоръ.

— Терпѣніе есть первый признакъ могущества души, сказалъ Нахтигальталь торжественно, какъ-бы не разслышавъ вопроса. Безъ этого качества не прививается къ намъ ни одна добродѣтель. Есть многое въ жизни, передъ чѣмъ блѣднѣемъ мы, не имѣя силы дать себѣ отчета въ причинѣ страха; надъ чѣмъ при другомъ расположеніи духа стали бы можетъ-быть смѣяться. Человѣкъ съ душою твердою есть могучій самодержецъ, вмѣщающій въ себѣ больше силъ,

нежели судьба имѣеть обстоятельствъ : борьба , которая утомила бы другаго , способствуетъ еще болѣе къ развитію его способностей . Мы должны всегда болѣе ожидать нежели надѣяться ; болѣе надѣяться нежели опасаться ; и болѣе опасаться нежели ожидаемъ.....

Джуліо , который вовсе не понималъ , къ чему клонится такое высокопарное предисловіе , которое однако жъ было лучше всѣхъ предисловіій , писанныхъ къ книгамъ нашихъ Русскихъ поэтовъ , — Джуліо , наклонившись нѣсколько впередъ и облокотясь лѣвою рукой на свою ногу , чертилъ по полу тросточкой и слушалъ . Баронъ обыкновенно говорилъ такія высокопарности , когда хотѣлъ сообщить что-нибудь важное .

— Душа человѣческая подобна легкой ласточкѣ , продолжалъ Нахтигальтъ : она взвивается подъ самое небо и стелется надъ самою землею . Въ наше время можно хвалиться всѣмъ , даже честью жены своей . Гдѣ ничего нѣтъ страннаго , тамъ все странно . Мы должны быть ко всему готовы .

— Что это значитъ , любезный баронъ ? вскричалъ Джуліо . Что вы хотите сказать ?

— Буде хладнокровны , возразилъ баронъ . Дѣло , за которымъ я рѣшился прійти къ вамъ , чрезвычайно важно ; дѣло идетъ о чести моего семейства и о вашей . Вамъ остается одно средство — немедленно оставить Мюнхенъ и ѣхать съ вашею женою въ Вѣну или въ Италію .

— О чести вашего семейства ?..... вскрикнулъ изумленный Джуліо . Ѣхать въ Вѣну ?.....

— Да ! Куда-нибудь , пока пройдутъ эти ужасные толки.....

— Какіе толки ?..... Баронъ , прошу мнѣ объяснить скорѣе эти логогрифы , сказалъ Джуліо съ важностью . Я не намѣренъ слушать ихъ терпѣливо тамъ , гдѣ упоминають о моей чести . Что за толки ?

— Очень жаль, милостивый государь, что вы совершенно оставили общество, и не слышите того, что говорят въ свѣтъ, отвѣчалъ баронъ, нѣсколько удивленный тономъ Джуліо. Слѣдственно, я долженъ сказать вамъ, какое впечатлѣніе производятъ ваши поступки. Вы получили изъ моихъ рукъ жену, прелестную, воспитанную въ строгихъ правилахъ добродѣтели, привязанную къ вамъ. Вы должны были беречь такое сокровище: напротивъ, вы его забыли. Вы совершенно предались вашимъ ученымъ занятіямъ, отъ которыхъ, сказать вамъ откровенно, я не вижу ни какого толку и ничего не надѣюсь.....

Кровь закипѣла въ Джуліо. Онъ чуть-чуть не вскричалъ: «Не потому ли, что я не покупаю у Бухманна его сочиненій и не выдаю ихъ подъ моимъ именемъ?» Но онъ удержался, рѣшась выслушать рѣчь до конца.

— Вы не видите, что вокругъ васъ дѣлается. Пренебреженная вами, лишенная вашего руководства, жена ваша принимаетъ у себя людей, которые играютъ мерзкую роль утѣшителей несчастливыхъ супруговъ. Я не виню ее въ этомъ: въ ся положеніи, я самъ можетъ-быть сдѣлалъ бы то же; но она по-видимому забываетъ свои обязанности..... Свѣтъ говоритъ!..... Мое семейство обезчещено.....

— Баронъ! вскричалъ Джуліо, въ пѣступленіи срывалъ со скамьи.

Уста его дрожали; онъ не могъ говорить. Баронъ продолжалъ:

— Вы имѣете здѣсь много враговъ..... Я требую, чтобы вы немедленно увезли жену вашу отсюда, и прекратили всѣ эти толки и связи, которыя.....

— Баронъ! повторилъ Джуліо сильнымъ голосомъ: я объявляю подлецомъ и мерзавцемъ того, кто осмѣливается порочить поведеніе моей добродѣтельной Фанни, и кто повторяетъ такую низкую клевету зависти и злобы.

— Вы, кажется, не исключаете и меня из этого приговора? сказал баронъ, видимо обиженный словами Джуліо.

— Я никого не исключаяю, твердо произнесъ Джуліо.

Нахтигальталь вспыхнулъ. Съ обѣихъ сторонъ посыпались горькіе упреки. Голоса возвысились. Фанни уже была забыта, и ссора двухъ ученыхъ знаменитостей высшаго общества принимала, казалось, оборотъ литературный. Имя Бухманна было произнесено нѣсколько разъ. Баронъ быстро всталъ съ своего мѣста и оставилъ Джуліо въ бесѣдкѣ. Молодой ученый, разгоряченный не менѣе своего противника, преслѣдовалъ его по главной аллеѣ, крича вслѣдъ ему:

— Ничего изъ этого не будетъ. Первый врагъ мой вы!..... Меня уже давно предваряли о вашихъ проискахъ..... Трепещите, сударь! я сорву съ васъ маску..... Я не уѣду изъ Мюнхена, на зло вамъ, и Фанни останется здѣсь со мною..... Она принимаетъ у себя людей благородныхъ и съ моего согласія..... Если я добиваюсь литературной славы, какъ вы говорите, изъ честолюбія, то добиваюсь ея собственными трудами, и трудами совѣстливыми, а не черезъ Бухманна.....

Не знаю, разслышалъ ли почтенный баронъ фонъ-Нахтигальталь это послѣднее обращеніе *ad hominem*, потому что онъ уходилъ скорыми шагами и уже былъ далеко; но теперь, для ясности дѣла, подобаетъ намъ объяснить, что такое знатить — Бухманнъ.

Августъ Карлъ Эрнстъ Оттокаръ фонъ Бухманнъ, докторъ Философіи, гофратъ и экстраординарный профессоръ Греческихъ и Латинскихъ древностей при королевскомъ Мюнхенскомъ университетѣ, съ давняго времени былъ короткій пріятель барона фонъ-Нахтигальтала и первый энтузіастъ его глубокихъ познаній. Никто не подозрѣвалъ, чтобы этотъ энту-

зіазмъ былъ заказной, и удивленіе Бухманна дарованіямъ и учености барона заставляло самыхъ недоувѣрчивыхъ перемѣнить свой образъ мыслей. Онъ издалъ нѣсколько незначительныхъ сочиненій по древней Филологіи, и, судя по нимъ, въ Бухманнѣ можно было предполагать много механической эрудиціи, но очень мало высшей способности ума. Онъ былъ почти домашнимъ у барона фонъ-Нахтигальталя, и вы могли бѣ застать его всякое утро въ кабинетѣ знаменитаго свѣтскаго ученаго. Не задолго до ссоры Джуліо съ барономъ, эта старинная дружба вдругъ разстроилась; Бухманнъ бѣсился на Нахтигальталя, и изъ его отрывистыхъ выходокъ можно было заключить, что онъ считалъ себя обманутымъ въ денежномъ отношеніи. Онъ ясно видѣлъ, что его «знаменитый пріятель», — такъ всегда выражался Бухманнъ, говоря о баронѣ, — постоянно употреблялъ все свое искусство, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ между нимъ и Джуліо; и, поссорившись съ своимъ знаменитымъ пріятелемъ, онъ на зло ему пожелалъ сблизиться съ молодымъ ученымъ. Баронъ увѣрялъ его, что Джуліо — человекъ безъ всякихъ способностей, а тому всегда изображалъ Бухманна набитымъ дуракомъ. Бухманнъ часто слышалъ о Джуліо противное отъ своихъ университетскихъ товарищей, которые высоко цѣнили познанія молодаго Римлянина, и Джуліо имѣлъ нѣсколько разъ случай удостовѣриться, въ бѣгломъ разговорѣ, что этотъ книжникъ только смѣшенъ, но отнюдь не дуракъ. Весьма естественно, что преграда, пасильно поставленная между ними ихъ общимъ покровителемъ, возбуждала ихъ обоюдныя подозрѣнія и подстрекала любопытство объяснить эту загадку. Послѣ разрыва съ барономъ, Бухманнъ тотчасъ упросилъ извѣстнаго профессора Р***, короткаго пріятеля Джуліо, свести его съ «его высокородіемъ господиномъ кавалеромъ Джуліо фонъ Пие-де-Монте»,

какъ онъ изъяснялся съ свойственною ему аккуратностью. Они провели вечеръ у Джуліо, и Бухманнъ вышелъ отъ него — въ восхищеніи! Съ того времени нашъ гофратъ былъ неистощимъ въ похвалахъ его высокородію господину кавалеру Джуліо фонъ Пие-де-Монте, котораго онъ сравнивалъ съ «его прѣвосходительствомъ барономъ фонъ-Нахтигальталемъ» очень невыгодно для послѣдняго.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого вечера, и мѣсяца за два или за три до ссоры дяди съ племянникомъ, Джуліо отправился къ Бухманну съ визитомъ. Взбираясь по крутой лѣстницѣ въ четвертый этажъ, гдѣ жилъ этотъ Gelehrter, онъ неожиданно встрѣтился съ Нахтигальталемъ, который выходилъ отъ господина гофрата. Нахтигальталь, очевидно встревоженный намѣреніемъ Джуліо, сказалъ ему, что Бухманна пѣтъ дома и хотѣлъ утащить его съ собою.

— Ничего, отвѣчалъ молодой человекъ. Одно мгновеніе..... Я только брошу ему визитную карточку.

И онъ побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Кухарка отворила дверь. Джуліо, не говоря ни слова, вынулъ билетъ изъ бумажника.

— Господинъ гофратъ дома, сказала служанка. Пожалуйста!

Джуліо, нѣсколько удивленный этимъ, рѣшился войти. Онъ засталъ Бухманна краснаго и въ бѣшенствѣ.

— Я очень радъ, сказалъ профессоръ безъ околнчностей и даже не попросивъ его присѣсть, что вы пришли ко мнѣ въ эту минуту. Только-что вышелъ отсюда вашъ первый злодѣй, съ которымъ я за васъ бранился. Я высказалъ этому шарлатану всю подноготную.

— О комъ вы говорите, господинъ гофратъ?

— О дядѣ вашей высокопочтенной *супруги*, кото-

рый надулъ меня безчестнымъ образомъ и васъ старается всячески унижить въ общемъ мнѣніи.

— Меня?..... за что?..... Онъ, напротивъ того, былъ всегда моимъ благодѣтелемъ..... Въ чемъ же онъ обмануль васъ, господинъ гофратъ?

— Онъ мнѣ долженъ до четырехъ тысячъ таллеровъ за всѣ мои книги и брошюры, которыя издалъ онъ подъ своимъ именемъ, и теперь хочетъ отдѣлаться пятьюстами червонныхъ.

— Ваши книги?..... подъ его именемъ?.....

— Конечно, мои! Что вы думаете, развѣ «Исторія Римскихъ императрицъ» его сочиненіе? Развѣ онъ въ состояніи написать такую ученую книгу, въ которой я такъ тщательно вывелъ изъ источниковъ всѣ ихъ тайныя похождения? Когда онъ читалъ источники? Онъ даже не знаетъ ни по-Латыни ни по-Гречески: набитый невѣжда, *беллетристъ!* — Онъ въ состояніи читать только какого-нибудь Гёте, прибавилъ Бухманнъ съ ученымъ презрѣніемъ *Gelehrter'a* къ Словесности и ея писателямъ.

Джуліо хотѣлъ смѣяться, и былъ въ остолбененіи. Возможно ли чтобы превосходное и такъ умно написанное твореніе, которое составляетъ положительное право барона на ученую и литературную славу, которое съ такою жадностью было читано во всей Европѣ, особенно женщинами большаго свѣта, которое было расхвалено и расхищено Англійскими и Французскими журналами, — чтобы это твореніе было плодомъ головы Бухманна и не принадлежало тому, кто почитается его авторомъ во всемъ мірѣ? Ему никакъ не вѣрилось.

— Вы не вѣрите? вскричалъ Бухманнъ. Позвольте же вамъ доказать, что я говорю правду.....

— Я думаю, прервалъ Джуліо, что мой дядя, который вовсе не дуракъ, принялъ бы въ такомъ случаѣ всѣ предосторожности, и что, желая отнять у него

славу этого сочиненія, вы подвергаетесь опасности быть обвиненнымъ въ клеветѣ.

— О, не бойтесь, онъ принялъ всѣ предосторожности! Да и я не дуракъ. Я тоже одаренъ нѣкоторою дальновидностью, и принялъ свои мѣры на всякій случай..... Онъ переписалъ все сочиненіе своей рукою и сжегъ мою рукопись; но я сохранилъ у себя черновую, съ первоначальными поправками. Она послужитъ мнѣ теперь документомъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, господинъ гофратъ, что это еще не документъ. Скажутъ, что вы могли составить ее по печатной книгѣ моего дяди. Какое же у васъ доказательство?

— Какое доказательство?..... Какое доказательство? вскричалъ Бухманнъ, быстро вынувъ изъ конторки толстую рукопись и собиравъ нѣсколько книгъ на полкахъ своей библіотеки. Доказательство неоспоримое. Доказательство, которое я заранее приготовилъ для себя съ большимъ искусствомъ. Я всунулъ въ такъ называемую его книгу сто шестнадцать ложныхъ цитатъ, сто шестнадцать ложныхъ ссылокъ на странницы, которыхъ нѣтъ въ приводимыхъ изданіяхъ. Благоволите удостовѣриться сами.... Вотъ первая ссылка на Лейпцигское изданіе Тацита, 1789 года: сказано — «смотри страницу 582», а во всемъ этомъ изданіи, смотрите, только четыреста двѣ страницы! Нахитальталъ не догадывается, что это значитъ. Это значитъ, сударь мой, что число 582 надо читать на оборотъ, 285; и вотъ вамъ..... извольте видѣть..... на страницѣ 285..... вотъ онъ..... тотъ самый пассажъ, который показанъ на 582 страницѣ! Что, славная штука?..... ха, ха, ха, ха!.... Вторая ссылка на Плутарха: Базель, 1760, страница 895. Вотъ Базельское изданіе; въ немъ, какъ вы видите, нѣтъ и шести сотъ страницъ. А прочтите-ка числа въ обратномъ порядкѣ, 398..... Сейчасъ найду..... Триста..... девяно-

сто..... четыре..... шесть..... восемь..... вотъ оно!
Вотъ это мѣсто! Третья ссылка.....

Бухманнъ сталъ показывать всё по порядку ложныя ссылки, торжествуя при каждой и расточая похвалы своей «дальновидности». Джуліо хохоталъ отъ чистаго сердца отъ этой книгодѣльческой уловки, которой, какъ увѣрялъ гофратъ, нѣтъ подобной во всей новѣйшей литературѣ.

— Это еще не все, говорилъ Бухманнъ. Этого было бы мало. Я, сударь мой, заставилъ его неоднократно повторить почти всё эти ложныя ссылки въ разныхъ брошюрахъ, вышедшихъ подъ его именемъ, чтобы еще убѣдительнѣе показать, что онъ никогда не читалъ и не видалъ источниковъ, которые приводитъ. Если дѣло пойдетъ въ судъ, я скажу: «Мой любезный баронъ, вотъ Тацитъ, вотъ Плутархъ, вотъ Проконій; покажите мнѣ на приведенныхъ страницахъ мѣста, о которыхъ здѣсь упоминается!» Тутъ онъ и станетъ въ тупикъ. А я покажу; я объясню ключъ, по которому можно отыскать всё эти цитаты..... Надѣюсь, господинъ кавалеръ, что вы мнѣ не измѣните?

— О, будьте спокойны! Даю вамъ мое слово.

— Вотъ это одна исторія, продолжалъ Бухманнъ. Теперь, вторая. Знаменитое сочиненіе барона Нахтигальталя о Римскомъ Пантеонѣ писалъ я. Книгу его о древностяхъ Калабріи писалъ я. Всё его разсужденія и брошюры, расхваленныя въ журналахъ, писалъ я. Онъ никогда не сдерживалъ условій со мною. Я всегда вѣрилъ его честному слову, и питался одними льстивыми обѣщаніями. Правда, онъ уплатилъ мнѣ до шести тысячъ таллеровъ, но долженъ еще около четырехъ тысячъ, и хочетъ по квитаться бездѣлицею. Этому не бывать. Онъ пришелъ сегодня уговаривать меня и надбавилъ еще сотню червонныхъ. Не хочу! Всѣ деньги на столъ, или я вдругъ уничтожу его славу и сдѣлаю его посмѣшищемъ міра!

Тутъ Бухманнъ распространился о началъ своей связи съ Нахтигальталемъ, обо всѣхъ продѣлкахъ его шарлатанства, объ его завистливомъ характерѣ и способѣ, какими онъ старается благовременно убить репутацію Джуліо въ обществѣ. Джуліо повѣрилъ озлобленному Пьемцу только въ половинцу, и все предалъ забвенію. Но Нахтигальталь, равно виноватый передъ племянникомъ и передъ поставщикомъ своего ума, болѣе всего въ свѣтъ боялся слѣдствій сближенія ихъ между собою. Бухманна надѣялся оцъ утѣнить деньгами и новыми обѣщаніями; Джуліо пужно было удалитъ изъ Мюнхена, во что бы то ни стало: Теперь каждому будутъ ясны побудительныя причины, которыя заставили этого человѣка пожертвовать честию племянницы и такъ жестоко огорчить ея мужа. Вообще надо помнить, что нѣтъ ничего злѣе, ничего свирѣпѣе подъ солнцемъ, какъ человѣкъ, принужденный защищать свой умъ. Отнимите у него деньги, жену, — онъ еще можетъ забыть эти обиды; онъ скажетъ: «Я обойдусь безъ денегъ, и найду себѣ другую жену, еще лучше прежней». Но провозгласите его бездарнымъ, невѣждою, отнимите у него умъ, — и тогда что онъ такое? Что ему остается дѣлать, когда вы изъ него выдули всю пыль, которая казалась ему золотомъ? Безъ прежняго ума ему не жить; новаго нигдѣ не найти. Что ему дѣлать? Разтерзать васъ зубами, какъ иной зато же самое терзаетъ. Литературную. Истопнись.

Джуліо долго ходилъ въ волненіи по саду, послѣ ссоры своей съ барономъ. Онъ презиралъ этого человѣка; но этотъ человѣкъ нанесъ ему смертельный ударъ. Этотъ человѣкъ говорилъ съ такою увѣренностью!..... какъ о вещи совершенно доказанной и всѣмъ извѣстной..... Джуліо размышлялъ. Ни одно чувство не порождаетъ столько мыслей, какъ ревность, и ни одно не размышляетъ такъ долго и такъ безумно. Непримѣтное жало, которымъ ревность уязв-

ляеть сердце, ужаснѣе всѣхъ скорпіоновъ Египта и всѣхъ змѣй Поваго Свѣта. Нанесенная имъ рана такъ скоро заражаетъ всѣ наши умственныя способности и нравственныя качества, что мы не имѣемъ времени замѣтить опасности и принять противъ нея мѣры; и самое лекарство, которымъ мы надѣемся исцѣлить эту рану, еще болѣе растравляетъ ее, и часто дѣлаетъ неизлечимою. Джуліо вѣрилъ и не вѣрилъ своему несчастію. Онъ уже бѣжалъ объясниться съ Фанни, и остановился. Объясненіе могло быть ужаснѣе неизвѣстности. Джуліо самъ чувствовалъ, что упреки барона были отчасти основательны: дѣйствительно, онъ слишкомъ пренебрегалъ жену, и женщина, вся любовь и сердце, не могла быть счастлива при такомъ образѣ жизни. Совѣсть Джуліо была нечиста, и гордость его обижена. Онъ нѣсколько разъ принималъ благородное намѣреніе ничему не вѣрить; но чѣмъ далѣе проникалъ онъ въ свое поведеніе, тѣмъ вѣроятнѣйшею казалась ему измѣна, или месть, Фанни. Разныя мелкія обстоятельства подтверждали его подозрѣніе. Когда ревность начнетъ сближать случаи, она изъ самыхъ малозначащихъ словъ и движеній составить уголовное дѣло, по которому можно безъ суда повѣсить обвиненнаго. Джуліо рѣшился удостовѣриться собственными глазами и стеречь жену.

Первымъ слѣдствіемъ этой рѣшимости было довольно невѣжливое запрещеніе Фанни принимать у себя кого-либо изъ мужчинъ и выѣзжать безъ его позволенія. Само собою разумѣется, что это позволеніе давалось очень рѣдко и съ большими предосторожностями. Фанни скоро примѣтила, что она становится предметомъ обидныхъ подозрѣній, и отчаяніе овладѣло ея чувствительною душею. Она плакала, жаловалась; мужъ былъ неумолимъ. Заключеніе ся дѣлалось день-ото-дня строже и несноснѣе. Пошли ссоры, и за ссорю никогда не наступало полного примире-

вія. Супруги болѣ и болѣ раздражались. Нѣсколько возстановленное здоровье Фанни опять разстроилось. Союзъ ихъ былъ союзомъ ада, а не знаменіемъ тихаго семейнаго блаженства, изъ котораго Богъ создалъ первый рай на землѣ, еще невинной.

Джуліо между-тѣмъ съ прежнимъ усердіемъ занимался своимъ сочиненіемъ, которое уже приходило къ концу. Но покорнѣе прошу сочинять, когда ревность грызеть вамъ сердце! Среди самыхъ важныхъ соображеній, среди самаго труднаго изысканія, онъ вдругъ срывался со стула, и бѣжалъ посмотрѣть, гдѣ его жена, что она дѣлаетъ, и нѣтъ ли у нея кого-нибудь. Удостоверившись въ безопасности, онъ возвращался въ кабинетъ, не помнилъ уже, на чемъ остановился, начиналъ все съ изнова, передѣлывалъ написанное, мучился и проклиналъ супружество. Не женись, пріятель! Не женись, когда ты хочешь еще сдѣлаться безсмертнымъ!

Авторъ, въ супружествѣ, долженъ быть чуждъ всякой ревности. Если, въ то самое время какъ вы пишете книгу, случится что-нибудь такое, если вдругъ явится помощникъ по дѣламъ жизни, тѣмъ лучше: это умножаетъ достоинство сочиненія.

Одно довольно странное обстоятельство жестоко напугало ревниваго Джуліо. Однажды, когда Фанни поѣхала въ церковь, онъ пошелъ дѣлать изысканія въ ея бюро, въ надеждѣ открыть тамъ завѣтный архивъ нѣжной переписки. Онъ осмотрѣлъ всѣ ящики, всѣ бумажки, всѣ книжки: ничего любопытнаго не оказалось. Онъ сталъ открывать поочередно всѣ красныя и зеленыя коробочки съ драгоценностями. Женщины — плутовки: онъ иногда прячутъ отъ мужей любовныя записки въ такихъ мѣстахъ, куда вамъ и въ голову не прійдетъ заглянуть при обыскѣ. Въ одной коробочкѣ, запрятанной очень далеко, Джуліо нашелъ весьма красивое брилліантовое кольцо, котораго онъ

никогда не видывалъ у Фанни. Внутри была надпись : Eterno amore, и литеры L. T. Чтò это такое? Свѣтлая мысль блеснула въ его умъ. Онъ побѣжалъ въ свой кабинетъ, отворилъ ящикъ съ бумагами своей холостой жизни, и сталъ перебирать ихъ со вниманiемъ. Есть! Вотъ она! Записка Лукрецин!..... «Имя иностранца — Фердинандъ фонъ-Стадергольмъ. У него «есть брилльянтовое кольцо въ видѣ змѣи.....» Джулио осмотрѣлъ кольцо: да, въ видѣ змѣи. «Внутри надпись — Eterno amore, и литеры L. T. Получивъ это «кольцо, получите мою благодарность,» и прочая. Джулио послѣшно спряталъ записку вмѣстѣ съ кольцомъ. Какъ же оно очутилось у Фанни? Не иначе, этотъ волокита, оболъститель, негодяй, долженъ быть здѣсь въ Мюнхенѣ, и Фанни уже съ нимъ подружилась. Мерзкая женщина!..... Открыть его! Открыть!..... Но Джулио вовсе не помнилъ его фizioномин; онъ даже почти не видалъ его; только однажды мелькомъ, издали, на балѣ у Лукрецин, и то непзвѣстно, его ли или кого-нибудь другаго, Джулио сталъ допрашивать швейцара и служанокъ, не бывалъ ли у него въ домѣ нѣкто Стадергольмъ. Никто не зналъ этого имени. Они подкуплены! Это ясно какъ солнце! Или можетъ-быть онъ перемѣнилъ фамилию?..... Нужды нѣтъ: Джулио непременно доберется до самого узла этой связи. Онъ будетъ наблюдать, скоро ли Фанни спохватится, что у ней нѣтъ кольца «въ видѣ змѣи». Онъ разставитъ сѣти кругомъ, и непременно поймаетъ голубчика. Ахъ, они, мерзавцы!.....

Открытiе этого кольца лишило Джулио всего покоя. Онъ не могъ ни работать, ни спать: впрочемъ сочиненiе его было кончено, и оно уже печаталось. Джулио, читая корректуры, въ каждомъ словѣ видѣлъ имя Стадергольма, въ каждой опечаткѣ измѣну Фанни. Но онъ напрасно напрягалъ свою бдительность. Несмотря на всѣ свои уснлiя и хитрости, онъ ничего

не могъ открыть. Фанни не спрашивала о кольцѣ и вовсе не замѣчала пропажи; никто, похожій на обольстителя, не попадался ему на глаза. Между-тѣмъ и ревность Джуліо была нѣсколько подавлена другимъ, сильнѣйшимъ чувствомъ, — опасеніемъ за жизнь жены, которая такъ терпѣливо, съ такою кротостью, съ такимъ упованіемъ на свою добродѣтель, переносила это жестокое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ увѣрилась, что Джуліо дѣйствительно мучить ее изъ одной только ревности: въ этихъ мученіяхъ она находила невыразимую сладость, потому что въ этой ревности видѣла отблескъ прежней любви. Но здоровье бѣдной женщины было уже такъ разстроено, что пособіе врачей сдѣлалось необходимымъ. Доктора не утаили отъ Джуліо опасности ея болѣзни, которой одно названіе привело его въ трепеть. Тогда только открылъ онъ глаза. Тогда только отвергъ онъ все свои безразсудныя подозрѣнія, и раскаяніе его было безпредельно. Онъ лежалъ у ногъ жены, плакалъ, клялся въ своей любви и молилъ о прощеніи. Доктора советовали доставить ей по болѣзне развлеченій. Онъ бросилъ все, и началъ ѣздить съ ней въ общества; онъ открылъ свой домъ, пригласилъ къ себѣ людей веселыхъ и приятныхъ, окружилъ Фанни всеми удовольствіями, какія только могли быть допущены въ ея положеніи. Баронъ фонъ-Нахтигальталъ, услышавъ объ ея опасности, явился самъ въ домъ Джуліо. Встрѣча двухъ соперниковъ была благородная: Джуліо подалъ первый руку барону, пожалъ дружески его руку, и сказалъ: «Все забыто! Я помню только то, что вы дядя моей Фанни и были руководителемъ моей юности.» — Вы меня не поняли, любезный Джуліо, отвѣчалъ баронъ, и поцѣловалъ его.

Плѣнительная свѣтскость барона немало способствовала къ разлитію прелести на общество, которымъ Джуліо окружилъ свою Фанни: дядя старался

загладить прежнія свои прегрѣшенія относительно племянника доказательствами совершенной преданности, и они опять сдѣлались искренними друзьями. Воскресшія любезность и остроуміе Джуліо, которыя такъ радовали Фанни и многихъ любительницъ красивыхъ мужчинъ, казалось, уже не тревожили барона, и онъ самъ пособлялъ его успѣхамъ въ обществѣ, которыми впрочемъ Джуліо не дорожилъ. Нахтигальталь часто спрашивалъ его, скоро ли выйдетъ его «большое» сочиненіе, предвѣщалъ этой книгѣ самую блистательную судьбу, съ восхищеніемъ говорилъ объ ней съ Фанни и благовременно разсуждалъ въ свѣтъ ея высокія достоинства. Фанни была востановилась; ея здоровье опять нѣсколько поправилось и Джуліо не зналъ предѣловъ своей радости. Весною они сговорились отправиться къ водамъ.

— Фанни! мой чистый ангелъ! душа моя! говорилъ однажды Джуліо, сидя съ женою у камина въ ея будуарѣ: извини мое любопытство; клянусь тебѣ, что это не ревность, а простое любопытство.....

— Ревнуй меня, Джуліо, ревнуй всегда, прервала Фанни съ кроткою улыбкою. Я никогда не буду сердиться, что ты одинъ хочешь быть моимъ любовникомъ.

Джуліо покраснѣлъ и поцѣловалъ жену отъ всего сердца.

— Скажи мнѣ, другъ мой, продолжалъ онъ, вынимая брилліантовое кольцо изъ кармана: отъ кого ты получила это кольцо?

— Это кольцо? спросила Фанни, равнодушно его осматривая. Я забыла объ немъ!..... Это кольцо дядюшка далъ мнѣ въ Римѣ, какъ очень счастливое. Дядюшка говорилъ, что оно принесетъ мнѣ счастье. — Спросила, Джуліо, этому кольцу; я приписывала твою любовь, нашъ бракъ, мое блаженство, этому талисману, присовокупила она съ невыразимою нѣжностью.

Джуліо схватилъ въ восторгъ руку Фанни, и обилье ее своими слезами.

— Подари мнѣ это кольцо, Фанни, сказалъ онъ, послѣ долгаго молчанія.

— Возьми его себѣ, другъ мой, съ чувствомъ отвѣчала Фанни. Покуда ты сохранишь это кольцо, я буду принадлежать тебѣ.

Джуліо, вмѣсто отвѣта, расцѣловалъ ноги жены. Несмотря на свой восторгъ, на радость, что кольцо происходило отъ дядюшки, а не отъ кого другаго, онъ однако жъ не могъ понять, какъ судьбами оно досталось дядюшкѣ, и рѣшился спросить у нею при первомъ удобномъ случаѣ.

— Вы мнѣ только разъ говорили о Генуѣ, сказалъ Джуліо Нитигальтало: долго ли вы тамъ прожили?

— Почти цѣлый карнавалъ. Чтѣ это вамъ вздумалось спрашивать объ этомъ?

— Не помните ли вы маркизы Лукреціи Толози?

— Самая вздорная кокетка, какую я только встрѣчалъ когда-либо.

— Подъ чьимъ именемъ жили вы въ Генуѣ?

— Подъ именемъ Фердинанда фонъ-Стадергольма, зятя..... Развѣ вы имѣете какую надобность?

— Совершенно никакой. Гдѣ же были въ это время ваши покойная матушка и Фанни?

— Во Флоренціи. Тамъ впоследствии я соединился съ ними и отправился въ Римъ.

— Черезъ Сіену?

— Черезъ Перуджію.

— Въ то самое время, когда вы проѣзжали тамъ, носился слухъ, что какой-то Стадергольмъ пропалъ безъ вѣсти.

— Это былъ одинъ Франкфуртскій пріятель, котораго паспортомъ и именемъ пользовался я въ Генуѣ. Мнѣ не хотѣлось, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, быть тамъ подъ своимъ именемъ: мы помѣнялись съ

нимъ паспортами. Съ этимъ пріятелемъ съѣхались мы потомъ въ Пизъ, и тамъ разстались: онъ, съ своимъ паспортомъ, подъ именемъ Стадергольма, отправился къ Риму; а я, принявъ опять свое настоящее имя, поѣхалъ во Флоренцію.

— Стадергольма, я слышалъ, долго вспоминали въ Генуь!

— Безъ-сомнѣнія меня, потому что я имѣлъ преглу-пой романъ съ этою маркизой..... Я расскажу вамъ послѣ!

«Онъ!» сказалъ внутренно Джуліо. «Онъ! Вотъ, страдалъ вѣстрѣча!.....»

Недолго суждено было Джуліо и Фанни радоваться и вкушать блаженство, какового они не знали со времени своего брака; блаженства поздняго, но столь очаровательнаго, что одинъ часъ его достаточенъ былъ бы для услажденія цѣлой жизни, еслибъ мы знали ему цѣну. Туча новыхъ огорченій и страданій уже собиралась надъ головою супруговъ. Джуліо, Джуліо, зачѣмъ тебѣ вздумалось быть безсмертнымъ, когда такъ пріятно быть забытымъ людьми! И стоить ли покупать память ихъ по той цѣнѣ, за которую они продаютъ ее? И еще какую память? чью память? Память ихъ потомковъ, которые всегда предковъ называютъ дураками и невѣждами! Это сущій грабежъ. Такъ не надуваютъ и въ гостиномъ дворѣ.

Зима клонилась къ исходу, и вмѣстѣ съ нею опять наклонилось бѣдное здоровье Фанни. Кратковременное поправленіе кончилось жестокою обманомъ надеждъ Джуліо. У Фанни открылся опасный кашель, она исчезала..... она уже исчезала, хотя еще имѣла довольно силъ чтобы выѣзжать иногда въ театръ или въ гости къ короткимъ друзьямъ. Врачебныя пособія мало приносили пользы или, лучше сказать, уже не приносили ни какой. Между-тѣмъ вышло и сочиненіе Джуліо, — *Recherches historiques, ethnographiques et*

archéologiques sur la civilisation, les mœurs et les institutions des diverses parties de l'Empire Romain, par le chevalier Jules de Piè-de-Monte, — сочиненіе, признанное теперь классическимъ, которое всѣ вы знаете или читали; великолѣпное in-folio съ богатымъ атласомъ гравюръ; книга, на которую Джуліо употребилъ безвозвратно лучшія лѣта своей жизни, значительную часть своего имѣнія и все свое домашнее счастье, не считая здоровья своего и своей жены. Мпихенскіе ученые прочитали ее съ восторгомъ и изумленіемъ; многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и Букманцъ, прибѣжали поздравить молодого ученаго съ такимъ твореніемъ, которое вдругъ ставило его на ряду отличнѣйшихъ писателей, критиковъ и археологовъ нашего времени. Какая радость для Фанни! Съ какимъ трогательнымъ участіемъ раздѣляла она это тихое и чистое торжество своего мужа, за которое впрочемъ заплатила такъ дорого! Дань частнаго уваженія его талантамъ отъ людей, способныхъ измѣрить всю ихъ обширность, возвышала ее въ собственныхъ ея глазахъ и она, на краю пропасти, еще гордилась тѣмъ, что прошла короткій путь жизни съ такимъ человекомъ. Но Джуліо былъ, по званію, писатель большаго свѣта, и самолюбіе его съ тайнымъ беспокойствомъ обращалось къ тому обществу, въ которомъ ему надо было жить по-неволѣ, и гдѣ жилъ первый его образецъ, славный баронъ фонъ-Нахтигальтъ: какъ ни толкуйте, онъ былъ его соперникомъ въ уваженіи этого общества; дѣло съ барономъ рѣшено было окончательно въ умъ Джуліо: баронъ — просто фигляръ, онъ, Джуліо — ученый по всѣмъ правиламъ и добросовѣстный писатель; и онъ считалъ себя въ правѣ ожидать, за честныя заслуги, хоть части того лестнаго вниманія, какое расточали даромъ наглому шарлатану, тѣмъ болѣе что онъ уже былъ вполне увѣренъ въ одобреніи ученаго свѣта. Но въ обществѣ

его умственный подвигъ не производилъ ни какого отголоска. Великолѣпно переплетенная въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ, книга его лежала почти во всѣхъ гостиныхъ; дамы разсматривали гравиюры, и никто не говорилъ ни слова. Баронъ молчалъ. Всѣ взоры были обращены на барона, — что скажетъ баронъ? — не отзовется ли онъ съ похвалою? если онъ скажетъ, что книга хороша, и скажетъ почему она хороша, тогда всѣ эти завитые и надушенные умы станутъ читать ее сквозь лорнетки и скажутъ, не только что она хороша, но и почему хороша. Одно слово великаго барона озаритъ всѣ эти головы лучемъ яркаго свѣта и наполнитъ ихъ ученостию на цѣлую недѣлю. Но идолъ не издавалъ прорицаній, и толпа молчала.

Такъ вы думаете, что это общество, которое представляетъ высшую образованность и бредитъ науками между чаемъ и кадрилию, такъ легко поддается на признаніе самыхъ очевидныхъ достоинствъ котораго-нибудь изъ своихъ сочленовъ, самыхъ важныхъ заслугъ его на пользу образованности? Ба! Хлопните по немъ невзначай большею книгою, какъ-бы она мила и умна ни была, и вы увидите какъ оно испугается, чтобы вы его не убили. Съ нимъ надо поступать осторожно: къ алтарю науки надобно всегда проводить его сквозь машинную залу барона фонъ-Нахтигальталя, которую Намыкъ-Паша принялъ за комнату пытки, и на алтарь разложить книги съ страшными іероглифами Китая и Тибета; — тогда только оно падетъ ницъ съ суевѣріемъ и трепетомъ.

Упорное молчаніе свѣтскаго суда было бы только досадно для честолюбиваго Джулио, но оно скоро разрѣшилось самымъ неприятнымъ образомъ. Черезъ три недѣли послѣ выхода сочиненія, въ одномъ изъ первыхъ Мюнхенскихъ журналовъ явился предлинный разборъ, — статья ужасная по однимъ только цита-

тамъ и сокращеніямъ, статья безсовѣстная по своему содержанію. Книга Джуліо была пережевана зубами истинно Германской критики, осмѣяна тяжелымъ хохотомъ, оплевана, уничтожена. Можно себѣ вообразить огорченіе бѣднаго Джуліо.

Спустя нѣсколько дней всѣ Мюнхенскіе журналы и газеты заговорили въ томъ же духѣ, и почта начала каждое утро привозить изъ Лейпцига, Гёттингена, Лены, Вьны, Берлина, Бонны, критическія статьи, одна безбожнѣе другой. Въ самомъ совершенномъ твореніи можно всегда отыскать множество мелкихъ ошибокъ и недосмотровъ; но, когда критика занимается только раскопываніемъ этого сору и закидываетъ имъ блестящія части произведенія ума, это настоящій разбой, для котораго нѣтъ въ цѣломъ литературномъ доволно высокой висѣлицы. И невидимая рука дѣятельно распространяла эти безчестныя статьи по всѣмъ гостинымъ Мюнхена, между-тѣмъ какъ Джуліо читалъ ихъ сперва съ гнѣвомъ, потомъ съ уныніемъ, наконецъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ. И такъ онъ лѣтъ десять трудился только для того чтобы доказать свою неспособность! И такъ всѣ выгодные отзывы его ученыхъ пріятелей были только простою лестью! Его скромность и пылкое воображеніе соединились между собою чтобы унижить его въ собственномъ мнѣніи, и онъ былъ уже убитъ чувствомъ своего ничтожества. Онъ сперва старался скрывать отъ Фанни свою неудачу, но растерзанная душа имѣла нужду излиться, и онъ показалъ жемъ эти грязные, сѣрые листки, которыми Германія душитъ въ самомъ зародышѣ высшее стремленіе талантовъ и приводитъ ихъ къ одинаковому уровню начитанной посредственности. Фанни плакала, рыдала, приходила въ отчаяніе, и однако жъ утѣшала своего несчастнаго мужа. Она, съ своей превосходною женскою проникатель-

ностью, тотчас догадалась, что все это была работа барона. Онъ не хотѣлъ вѣрить.

— Ты мнѣ всегда запрещалъ говорить, примолвила она, когда я тебѣ намѣкала, что, погруженный въ свои занятія, ты не видишь, что вокругъ тебя дѣлается. Я давно примѣчаю ненависть къ тебѣ этого чело-вѣка. Онъ тебя боится, мой Джуліо!

Джуліо, легковѣрный какъ всѣ преданные умствен-ному труду, прельщенный недавними доказательствами дружбы и преданности барона, всё-еще не хотѣлъ вѣрить. Между-тѣмъ Джуліо былъ уже торжественно принесенъ въ жертву злости и блистательному невежеству въ высшемъ обществѣ. Твореніе его никто не читалъ, критики были читаны всѣми. Пріятели со-общали ихъ одинъ другому; франты приносили ихъ въ собранія; дамы отъ чистаго сердца хохотали при гру-быхъ потѣхахъ Германскихъ «ученыхъ рецензентовъ». Эпиграммамъ не было конца. Спрашивали великаго барона, что онъ думаетъ объ этихъ критикахъ. Баронъ отвѣчалъ со вздохомъ, что онъ любитъ Джуліо отъ всей души, но что, къ сожалѣнію, замѣчанія эти..... спра-ведливы. Вслѣдъ за этимъ баронъ мускался защи-щать Джуліо, но защищалъ такимъ образомъ, что лучше бы молчалъ, бездѣльникъ! Джуліо былъ уже совершенно смѣшенъ въ этомъ кругу. Многіе вспо-нили прежнія его причуды и странности; его част-ная жизнь была подвергнута строгому разбору; рѣчь коснулася и госпожи фонъ Пье-де-Монте, и оконча-тельно осмѣяли бѣднаго Джуліо. Впрочемъ литера-турная неудача, въ томъ обществѣ, которое называетъ себя «свѣтомъ», всегда дѣлаетъ чело-вѣка смѣшнымъ. Это вы можете повѣрить и на Санктпетербургскомъ. Я знаю нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые стали въ немъ смѣшны и навсегда уронили свой каррьеръ, потому что одинъ изъ нихъ написалъ вялый романъ,

другой скучную комедію, третій холодную драму, четвертый не помню что.

Примѣчаніе. Все это было написано по-Французски.

Джуліо былъ въ такомъ уныніи отъ недостойныхъ критикъ, которыми первенствующіе Германскіе журналисты разразили его авторское самолюбіе, что Фанни умоляла его искать нѣкотораго разсѣянія въ обществахъ. Онъ рѣшился поѣхать къ графинѣ А-бергъ. Онъ ничего не зналъ о томъ, какъ его растерзали въ обществѣ.

Графиня А-бергъ очень стара, и есть преданіе въ Мюнхенѣ, что она брѣветъ себя усы. Она въ родствѣ со всею Баварскою аристократіей; всѣ графини и баронессы, которыя уже не показываютъ своихъ волосъ, всѣ ей племянницы. Въ этотъ вечеръ у ней было такое собраніе старыхъ бабъ, какого еще не видали со временемъ всеобщаго потопа. Между старухами было нѣсколько дамъ, довольно молодыхъ. Остальная часть общества состояла изъ пожилыхъ мужчинъ, которые раздѣлялись на лысыхъ и на прикрытыхъ шариками. Лысыхъ однако было больше.

Пріемъ, сдѣланный печальному Джуліо, былъ такой, какого можно ожидать отъ людей благовоспитанныхъ. Джуліо ничего не замѣтилъ. Его появленіе или прежній предметъ разговора привели къ рѣчи о баронѣ фонъ-Нахтигальталъ. Всѣ превозносили его, какъ великаго, единственнаго челоуька. Эти похвалы, расточаемыя прямому шпарматану въ присутствіи челоуька, который благородно шелъ путемъ, совершенно противоположнымъ, и зато получалъ только оскорбленія, не могли не взволновать уязвленной души Джуліо. Онъ позволилъ себѣ нѣсколько двумысленностей насчетъ знаменитости барона, намѣкнувъ между-прочимъ, что самъ будетъ къ осени такой же великій писатель какъ его дядя Нахтигальталъ, потому что заказалъ для себя преученное сочиненіе томъ

же самому профессору, которому отъ обыкновенно заказываетъ свои.

— Какъ это можно говорить! съ комическимъ ужасомъ воскликнула старая графиня А—бергъ. Вы обижаете барона! Это непростительная личность!

— Есть люди, запищала въ углу дрожащимъ голосомъ одна почтенная старушка, которой угловатое, морщинистое лице, натертое бѣлилами, удивительно было похоже на взболтанную простоквашу: есть люди, которыхъ слава поражаетъ насъ такъ неприятно, что мы готовы пожертвовать всѣмъ, чтобы ее уничтожить.

— Милостивый государь, произнесъ изъ глубокихъ кресель шталмейстеръ короля Баварскаго, покачивая ногою, заложенною на другую: я осмѣлюсь вамъ замѣтить..... вы еще молоды, и потому легко можете ошибаться..... что между нами нѣтъ ни одного вельможи ученѣе и съ обширнѣйшими познаніями по всѣмъ частямъ какъ господинъ тайный совѣтникъ баронъ фонъ-Нахтигальталя. Его величество король цѣнитъ весьма высоко его дарованія, и самъ господинъ фонъ-Шеллингъ отзывается объ немъ съ совершенно должнымъ почтеніемъ. Мы не имѣемъ въ Германіи людей знаменитѣе его превосходительства барона фонъ-Нахтигальталя и его превосходительства барона Александра фонъ-Гумбольдта.

«Да какъ можно отзываться такъ смѣло о баронѣ фонъ-Нахтигальталѣ? — Да что это такое? — Да баронъ единственный человѣкъ въ мірѣ, и подобные ему люди записываются въ исторіяхъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ. — Боже мой, унижать такимъ образомъ одного изъ знаменитѣйшихъ писателей! — Есть ли у насъ хотя кто-нибудь, кто бы замѣнилъ его? — Развѣ мы не читали и не знаемъ его произведеній! Путешественникъ! — Ораторъ! — Философъ! — Археологъ! — Свѣтскій человѣкъ! — Да откуда вы взяли это, го-

сподинъ фонъ Пие-де-Монте? — Да можно ли имѣть такія черныя подозрѣнія? — Да знаете ли, что если бы Мюнхенъ имѣлъ еще одного барона Нахтигальтала, Мюнхенъ былъ бы первымъ городомъ въ Европѣ.»

И всѣ эти возраженія сыпались болышею частію изъ самыхъ старыхъ устъ, вмѣстѣ съ карминномъ. Джуліо принужденъ былъ замолчать. Такое нравоученіе, въ домъ, гдѣ онъ прежде встрѣчалъ только дружбу и ласки и который былъ въ родствѣ съ его женою, — Фанни приходилась по отцу двоюродною внучкою старой графини, — могло удивить его. Но онъ слишкѣмъ хорошо зналъ общество, и смѣкнулъ, что на этихъ поляхъ участь его уже рѣшена.

Этотъ ударъ былъ для него чувствительнѣе всѣхъ. Сердце въ немъ разрывалось. Едва онъ вышелъ въ другую комнату, какъ все возстало.

«Вотъ неблагодарный! — Вотъ человекъ, не знающій ни какого приличія! — Бѣдная Фанни!..... она принуждена жить съ такимъ человекомъ! — Кому не извѣстно, сколько онъ обязанъ барону фонъ-Нахтигальталю! Вывести изъ Италіи, любить какъ сына, доставить званіе въ общество, женить на прелестной дѣвушкѣ, сдѣлать человекомъ, и за все это получить подобную благодарность! — Вотъ люди! — Да можно ли же было ожидать чего-нибудь лучшаго отъ Итальянца? — Но клеветать съ такою дерзостью! — Подобные характеры, моя милая, всегда стараются вымѣщать свое ничтожество на другихъ. Нынче нѣтъ ничего святаго въ свѣтѣ! Всякой ребенокъ имѣетъ свой голось, и свободно высказываетъ свои мнѣнія.»

Общество никого не преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ какъ людей, которые не уважаютъ его идоловъ. Джуліо пріѣхалъ домой совершенно растроненный. Уже упавая подъ тяжестью огорченія, онъ еще старался казаться спокойнымъ, чтобы не опеча-

лить Фанни; но его чувствительное, нервическое сложеніе, сильно раздраженное умственными занятіями и ночнымъ бдѣніемъ, не вынесло неровной борьбы съ горемъ: въ ту же ночь онъ сдѣлался болѣнь, и на другой день былъ уже въ бреду. Девять дней находился онъ между жизнью и смертію; наконецъ последовалъ переломъ жестокой болѣзни. Выздоровливаніе его шло медленно, но благополучно, при нѣжной заботливости Фанни, которая, уже слабая и едва въ силахъ перетаскивать колеблющіяся ноги, съ удивительною твердостью духа перенесла это несчастіе. Она проводила безсонныя ночи у его постели; она сама за нимъ ухаживала, старалась развеселить его своей милою дѣтской болтовнею, утѣшала его, и всѣми силами поддерживала въ немъ мужество. И благодарность, обоженіе, преданность мужа могли сравниться только съ ея самоотверженіемъ. Эти сладкія, цѣлительныя чувства дѣйствовали надъ нимъ могущественнѣе всѣхъ лекарствъ. Наконецъ, онъ началъ выходить.

Но этотъ подвигъ высокой добродѣтели былъ бѣдственъ для Фанни. Страшная болѣзнь мужа, испугъ, огорченіе, — она все узнала! — труды и усилія свѣше разстроенныхъ силъ, ускорили теченіе ея губительнаго недуга. Она слегла въ постель, съ которой уже не вставала. Джуліо былъ неотступно при ней, и отлучался на самое короткое время только въ тѣ минуты, когда лживые признаки возврата къ здоровью, столь обыкновенные въ чахоткѣ, воспаляли въ немъ надежду, которая черезъ день опять потухала.

Въ это время, онъ узналъ, что, въ публикѣ, первую статью, предлинную и преученую, которая была напечатана противъ него въ главномъ Мюнхенскомъ журналѣ, приписываютъ единогласно барону фонъ-Нахтигальтаю, и что баронъ отъ ней не отказывается. Джуліо былъ довольно приготовленъ ко всѣмъ низостямъ со стороны этого человѣка, но ему

не върнлось, чтобы Нахтигальталъ былъ настоящимъ ея авторомъ. Онъ зашелъ къ Бухманну, который зналъ всѣ стези его дядюшки и одинъ могъ сообщить достовѣрное свѣдѣніе.

— Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть, господинъ кавалеръ! вскричалъ Бухманнъ. Я слышалъ, вы были большы..... Ну, что, читали вы разборъ вашего прекраснаго сочиненія, который тиснулъ вашъ почтенный дядюшка?

— Читалъ, равнодушно возразилъ Джуліо.

— Ну, что вы объ немъ думаете?

— Ничего. Да полно, его ли это статья?

— Его. Мнѣ сказывалъ самъ редакторъ журнала, что его.

— Но мы съ вами знаемъ, любезный господинъ на- дворный совѣтникъ, что онъ не въ силахъ написать подобнаго разбора.

— Куда ему написать! Разумѣется писалъ другой, а онъ, по обыкновенію, переписывалъ. Но, скажите правду, что вы думаете объ этой статьѣ?

— Я не хочу быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что она принадлежитъ человѣку весьма ученому, который..... Но вы должны знать, кто писалъ се?

— Какъ не знать!

— Ну, скажите, кто.

— Дайте мнѣ слово, что вы меня не окомпрометируете.

— Вотъ вамъ моя рука, почтенный другъ. Вы можете полагаться на мою скромность.

— Гдѣ ему написать такую статью! продолжалъ Бухманнъ, покрививъ губы презрительно. Развѣ онъ читалъ источники?..... Писалъ я.

— Вы? вскрикнулъ изумленный Джуліо.

— Я! повторилъ Бухманнъ съ неподобнымъ протодушіемъ. Конечно, я. Развѣ онъ самъ въ состояніи написать что-нибудь ученое?..... Куда ему!..... Вы не

знаете, любезный господинъ кавалеръ, мы съ нимъ помирились. Онъ заплатилъ мнѣ все сполна.

— Бухманнъ! вскричалъ съ удивленіемъ Джуліо: что это значитъ? Такъ вы, за деньги написали статью противъ меня?

— Я пишу не иначе какъ за деньги, сказалъ Бухманнъ. Для личной моей извѣстности въ ученое свѣтъ, я издалъ Греческую грамматику, и съ меня довольно; а всѣ прочія свои сочиненія, вмѣсто того чтобы продавать книгопродавцамъ, я продаю Нахтигальталю, который платитъ несравненно лучше книгопродавцевъ. Съ этими живодерами я не хочу имѣть ни какого дѣла! И почему жъ не писать за деньги? Это принято во всей Германіи. Всѣ критики, какія ни напечатаны противъ васъ, въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Боннѣ, Гёттингенѣ, всѣ писаны за деньги, и по заказу Нахтигальталя. Но знаете ли, я опять подсыпалъ ему въ статью ложныхъ ссылокъ на разныя изданія, по дружбѣ къ вамъ! Я выставилъ почти всѣ числа страницъ наоборотъ, чтобы вы, если захотите, могли его одурачить и доказать, что статья не его, что онъ невѣжда и не могъ написать этой статьи.....

— Да мнѣ какая отъ этого прибыль, его ли статья, или не его? возразилъ Джуліо съ сердцемъ. Развѣ это въ чемъ-нибудь измѣняетъ ея содержаніе?..... Скажите, господинъ Бухманнъ, неужели это ваше искреннее мнѣніе о моей книгѣ?

— Сохрани Господи! воскликнулъ Германскій книгодѣлецъ съ уморительнымъ негодованіемъ. Клянусь вамъ честью, я не имѣлъ противъ васъ ни какого дурнаго намѣренія: я хотѣлъ только *побѣсить васъ немножко*..... Но я вездѣ отзываюсь объ вашей книгѣ съ величайшимъ уваженіемъ, какого она истинно заслуживаетъ. Спросите, что я говорилъ объ ней на лекціи всѣмъ слушателямъ!..... Я писалъ разборъ въ духѣ вашего дяди, по словамъ просителя, и смот-

рѣчь на ваше твореніе съ особеннаго Standpunkt, съ другой точки зрѣнія, которой отнюдь не признаю моею. Это его Standpunkt, а не мой..... Знаете, что? надо проучить этого невѣжду, надо написать смѣльную антикритику, которая бы уничтожила шарлатана.

— Антикритику на вашу критику? спросилъ Джуліо съ новымъ изумленіемъ.

— Да. Я вамъ скажу, какъ надобно сдѣлать. Надо избрать другой Standpunkt, разсматривать сочиненіе съ другой точки зрѣнія, съ высшимъ взглядомъ на предметъ, и опрокинуть ту критику вверхъ-ногами, показавъ всю ея ложность, то есть, ложность Standpunkt'a, и особенно цитаты и ссылокъ на изданія.

— Я не стану писать антикритикъ, сказалъ Джуліо съ важностью.

— Такъ позвольте, я напишу за васъ! подхватилъ Бухманнъ. Я заходилъ къ вамъ два раза чтобы присовѣтовать вамъ это, но вы были больны и никого не принимали. Предоставьте мнѣ: я его отдѣлаю! Я дамъ ему такую чесу, что онъ впередъ не станетъ писать критикъ! Лучше меня никто не можетъ этого сдѣлать, потому что, когда я писалъ эту критику, я тутъ же обдумалъ, при каждомъ замѣчаніи, какимъ образомъ и съ какого Standpunkt можно его опровергать..... Ха, ха, ха! будетъ славная штука.... Только, пожалуйста, никому не говорите!

— Послушайте, Бухманнъ! сказалъ Джуліо: я вижу по вашему простодушію, и по вашимъ совершенно книгодѣльческимъ понятіямъ, что вы сами не понимаете того, что сдѣлали, и коряя, въ вашихъ четырехъ стѣнахъ, не догадываетесь даже, какъ этотъ поступокъ называется между людьми. Пишите же теперь антикритику! Я не отстану отъ вашего слова: и если не сдержите его, то вы со мной будете имѣть дѣло.

— Да за что жъ вы сердитесь, господинъ кавалеръ?

— Я не сержусь, господниъ гофратъ , а только предварлю васъ, что теперь вы въ моихъ рукахъ.

— Вамъ совсѣмъ не за чтѣ сердиться. Въдь я съ васъ ничего не требую! Я хочу писать для остроты, для своего удовольствія, потому что это будетъ очень забавно, и особенно для защиты истины.....

Вышедши отъ Бухманна, Джуліо самъ не зналъ, печалиться ему или смѣяться надъ своимъ литературнымъ приключеніемъ. Онъ до-тѣхъ-поръ не имѣлъ понятія, что въ этомъ грязномъ закоулкѣ вселенной, гдѣ книги и репутаціи шьются какъ сапоги, есть весельчаки особеннаго рода, которые пишутъ язвительныя критики длятого чтобы «побѣсить» васъ, и считаютъ это постѣхою. Трудитесь же для славы! Они играютъ вашею славою, какъ кошка мышью. Вы въ упыніи, вы больны; они хохочутъ. И они правы: безумцы только тѣ, которые приписываютъ какую-нибудь важность современнымъ критикамъ.

«Слава, слава! размышлялъ Джуліо дорогою: истинная заслуга затоптана въ грязь; безстыдный самозванецъ облекается въ умъ жаднаго торгаша познаніями, схватываетъ бравды общаго мнѣнія и, превознесенный, прославленный, съ дерзостью идетъ передъ толпою!.... и все рукоплещетъ ему, все бѣжитъ по его слѣдамъ!..... Презрѣнная пародія разыгрывается въ самомъ святилищѣ безсмертія; послѣдняя утѣшительная мысль и самая мерзкая клевета, рядомъ продаются съ молотка подобно тряпью изношенныхъ юбокъ! Кто не посмотритъ на самого меня съ презрѣніемъ, когда ему скажутъ, что всѣ мои украшенія могутъ быть сорваны съ ливреи площадного лакея? какой молодой труженикъ не вправѣ послѣ этого бросить своего Плутарха кухаркѣ на папильоты?....»

Но не долго Джуліо могъ размышлять такимъ образомъ. Всѣ его мысли, всѣ заботы, вся скорбь, должны были вскорѣ сосредоточиться на одной Фанни.

Она была уже при смерти. Она догорала тихо и ясно как тонкая свѣча передъ образомъ Спасителя, сопровождаемая молитвою. Лютая болѣзнь оглодала ея красивое тѣло, и передъ печальнымъ мужемъ лежали только живыя кости, въ которыхъ еще кипѣла любовь къ нему. Это раздирающее зрѣлище продолжалось слишкомъ три недѣли. Джуліо не отходилъ отъ постели жены.

— Не унывай, мой Джуліо! сказала она въ одно утро, слабымъ голосомъ, протягивая къ нему сухую руку. Люби науки: онѣ доставятъ тебѣ утѣшеніе и усладятъ твое одиночество.....

Джуліо зарыдалъ.

— Ты много претерпѣлъ, мой добрый Джуліо, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія: но не обвиняй наукъ; виноваты люди, которые ухаживаютъ за науками..... Не унывай, Джуліо! Я впущу то время, когда тебѣ воздадутъ полную справедливость, и кости мои будутъ радоваться въ могилѣ твоимъ успехамъ.....

И она погасла. Джуліо все это время держалъ ея руку въ своихъ рукахъ, и долго еще обливалъ слезами, между-тѣмъ Фанни уже не существовала. Легкая прощальная улыбка застыла на ея устахъ, и осталась навсегда. Съ этою улыбкою, въ которую стекла изъ сердца и жила вся ея любовь, всѣ надежды, всѣ желанія блага мужу, она и встѣла въ землѣ. Но предсказаніе ея было свято, какъ самая минута, въ которую она произнесла его. Года черезъ два, какъ водится, сперва въ Англии Quarterly, Edinburgh, Foreign Quarterly, Westminster Review, потомъ во Франціи Journal des Savans, всѣ истинно достойные органы просвѣщенія XIX вѣка, посвятили обширныя и превосходныя статьи разбору творенія Джуліо, и обнаружили Европѣ его рѣдкія достоинства. Въ самой Германіи люди высшаго литературнаго званія, не-

причастные къ книгодѣльческой шайкѣ, Ипбуръ, Геренъ, Фарнгагенъ и другіе, наконецъ удѣлили часть своего времени справедливой оцѣнкѣ великаго труда, который критическіе поденщики убили въ день его рожденія. Но эта заслуженная дань таланту пришла поздно: между-тѣмъ на несчастнаго автора обрушились одно за другимъ всѣ бѣдствія, какія только дано испытывать писателю независимому, который вдругъ изъ другаго общества попадаетъ съ своимъ твореніемъ и самолюбіемъ въ исключительное общество книжниковъ, обращающихся съ умственными трудами, отъ привычки, какъ кожевники со шкурою животнаго.

Нельзя выразить горести и отчаянія Джуліо, когда, невзначай приподнявъ голову, онъ увидѣлъ, что его Фанни, его единственный ангель-утѣшитель, уже отошла въ другой міръ. Весь рядъ ея страданій живо представился его уму, и въ первую минуту онъ хотѣлъ лишить себя жизни. Онъ сидѣлъ, убитый духомъ, подлѣ ея одра, проклиналъ свое авторство и сильно помышлялъ о самоубійствѣ. Что ему оставалось въ этомъ мірѣ?..... Но въ то самое время принесли корректуру статьи на Нахтигальталь, состряпанной Бухманномъ съ удивительною злостью и большимъ искусствомъ. Ахъ, да! въ этомъ мірѣ ему оставалась еще антикритика; и онъ отложилъ свое намѣреніе до ея выхода. Кто бы подумалъ! онъ тутъ же принялся читать корректуру и исправлять опечатки карандашомъ на постели покойницы и почти на трупѣ жены. О авторство!..... о страсть!..... Вы не вѣрите? Божусь вамъ, что я, собственными глазами, видѣлъ сочинителя, который читалъ корректуру на гробѣ своей дочери.

Нахтигальталь, въ глубокомъ траурѣ, явился на выносъ тѣла своей племянницы, хотя Джуліо не посылалъ ему билета. Онъ подошелъ къ хозяину и съ

печальнымъ видомъ протянулъ къ нему руку. Джуліо отступилъ съ важностью. «Полно, сударь! сказали онъ. Уважайте по-крайней-мѣрѣ святость моей глубокой печали, и благодарите одно приличіе за то, что я не велю прогнать васъ отсюда, какъ разбойника..... Вы, сударь, вы убили мою жену! Вы причина всѣхъ ея страданій и моихъ несчастій!.....» Нахтигальталь пошелъ далѣе, какъ-будто не разслышавъ словъ грознаго обвинителя.

Послѣ похоронъ, Джуліо тотчасъ собрался ѣхать къ водамъ. Имѣніе его было значительно разстроено; онъ желалъ прежде всего уплатить свои долги, и потомъ проститься на всегда съ Мюнхеномъ. Ему нужно было расчитаться съ барономъ. Джуліо употребилъ одного изъ своихъ пріятелей, чтобы убѣдить барона кончить съ нимъ дѣло честнымъ образомъ. Они сошлись въ домъ этого пріятеля, который оставилъ ихъ на-единѣ въ своей гостиной и самъ удалился въ другую комнату.

— Вотъ ваши деньги, милостивый государь, сказалъ Нахтигальталь, кладя на столъ пукъ банковыхъ билетовъ.

— Сколько ихъ тутъ? спросилъ Джуліо.

— Все, что вамъ слѣдуетъ, сто двадцать пять тысячъ.

— Вы вѣроятно забыли, господинъ баронъ, сказалъ Джуліо съ усмѣшкою, что это не составляетъ и половины той суммы, которую вы получили за меня изъ наслѣдства моего дяди?

— Я не имѣю нужды въ вашихъ деньгахъ, возразилъ баронъ съ презрѣніемъ, какъ-бы обиженный его улыбкою. Все, что у меня хранилось, я отдаю; остальное давно истрачено на ваши надобности. Одни объѣды литературные составляютъ порядочный счетъ.

— Объѣды?..... литературные?..... Чтò это такое?

— Да! объѣды, сударь, объѣды журналистамъ и ли-

тераторамъ, которые я давалъ для того, чтобы они хвалили ваши брошюрки. Развѣ хотите, чтобы я поставилъ ихъ на свой счетъ?

Джулио, не воображавшій услышать ничего подобнаго, былъ пораженъ этою колкостью до глубины сердца. Лице его покрылось багровымъ румянцемъ; глаза, полные изумленія и негодованія запылали; онъ вспыхнулъ отъ упизительной мысли, что первые и самые сладостные его успѣхи были куплены, и отъ безстыдства, съ какимъ его обирали.

— Хорошо! вскричалъ онъ: я принимаю въ счетъ ваши объѣды; мы съ вами квиты, и чтобы вамъ доказать, что я не хочу быть вамъ въ убытокъ ни въ какомъ отношеніи..... Сколько вы заплатили за мерзкія критики противъ меня, которыя по вашему заказу были напечатаны въ разныхъ Пѣмецкихъ журналахъ?..... Говорите сейчасъ, сколько?..... Тысячъ десять что ли?..... Вотъ вамъ десять тысячъ! Прому взять ихъ теперь же. — Берите, сударь, заревѣль онъ въ бѣшенствѣ: нето я принужу васъ рукою!.... а квитанцію мы подпишемъ кровію.

— Чтò это? чтò? спокойно произнесъ баронъ, отступая со страху и стараясь насмѣшливою улыбкой прикрыть свое изумленіе. Вы, я вижу, ищете предлога драться со мною?..... Не ребячьтесь, *signor Giulio*. Въ досадѣ на ваши литературныя неудачи, вы можете взодить на меня такія клеветы, какія вамъ угодно: никто имъ не повѣритъ; можете даже оскорблять меня: я не подамъ соблазна свѣту, вступая въ дуэль съ род.....

Громкая пощечина зажала ротъ оратору. Испуганный хозяинъ выбѣжалъ изъ другой комнаты. Джулио, обращаясь къ нему, произнесъ торжественно:

— Милостивый государь, прошу быть свидѣтелемъ, что этотъ господинъ не смѣлъ подымать противъ меня оружія, пока я не разорву родственныхъ узъ на-

шихъ на его лицѣ, и что теперь онъ можетъ убить меня по чистой совѣсти.

Хозяинъ употребилъ всѣ средства, чтобы привести ихъ къ мирной сдѣлкѣ, которая была невозможна.

Они стрѣлялись близъ Эмса, перваго іюля.

Первые два выстрѣла оставили обоихъ противниковъ невредимыми. Секунданты хотѣли примирить ихъ. «Нѣтъ!» вскричалъ Джуліо: «нѣтъ! Я поклялся, еще не зная его, расчитаться съ нимъ на жизнь и смерть, и тогда только сойду съ поля, когда меня или его унесутъ отсюда.» При второмъ выстрѣлѣ Джуліо упалъ на земь. Пуля раздробила ему правое плечо и засѣла подъ лопаткою. Его привезли въ Эмсъ, безъ памяти. Надобно было дѣлать операцію. Онъ пролежалъ здѣсь полгода.

Представьте себѣ черную, закопченную, перерезанную извилинами, готическую темницу, посреди щегольскаго, широкаго бульвара, кругомъ опоясанаго рядами улицъ повѣйшей архитектуры. Не пугайтесь этой темницы! Заключенные въ ней узники живутъ, можетъ-быть, веселѣе насъ съ вами. Пробѣгите ея душные корридоры: пестрота выставленныхъ сокровищъ поразитъ васъ. Всмотритесь въ фізіономіи обитателей: ихъ дѣятельность, ихъ довольство, заставятъ васъ совершенно забытья. Тамъ все живо, все снуеть, все хлопочеть. Природа изгнала отсюда угрюмыя лица, и, чтобы дать душу этимъ мертвымъ стѣнамъ, которыя тянутся передъ вами однообразными фалангами, влила между нихъ волны народа, который превратитъ и самое кладбище въ шумное гулянье. Взгляните на одиѣ эти вывѣски, со всѣхъ сторонъ, манящія ваше любопытство своей оригинальностью: какая столица покажетъ вамъ подобныя? Арзамасскій помѣщикъ составилъ бы изъ нихъ цѣлую картинную галерею. Но не засматривайтесь: васъ

столкнуть съ мѣста, васъ раздавятъ; суетящійся передъ вами народъ едва видитъ, что у него подъ носомъ. Онъ весь въ хлопотахъ; весь занятъ дѣлами. Прислушиваясь къ разнымъ языкамъ, на которыхъ говорятъ кругомъ васъ, не подумайте, что здѣсь Вавилонское столпотвореніе: эта смѣсь происходитъ отъ множества иностранцевъ. Всѣ Европейскіе дворы, всѣ торговыя общества, имѣютъ здѣсь своихъ агентовъ, своихъ посланниковъ, своихъ управляющихъ. Сколько богатствъ, сколько удовольствій, сколько зрѣлищъ, пестроты, шуму, роскоши! Замѣчайте, по какому направленію начали свою прогулку: корридоры этой темницы пересѣкаются на каждыхъ десяти шагахъ другими корридорами; замѣчайте, иначе заблудитесь въ ея узорчатомъ лабиринтѣ. Взгляните на чистое, безоблачное небо, которое стелется надъ вами голубымъ куполомъ: вы уже близки къ Италіи; но это еще не Италія, — это Вѣна.

Выйдемте на гулянья; но выйдемте, когда таинственный сумракъ одѣнетъ ихъ своимъ чернымъ покрываломъ и ночь воцарится во всемъ величій. Выйдемте хоть только для того чтобы взглянуть на эти тысячи горящихъ фонарей, разсыпанныхъ по разнымъ направленіямъ: вамъ покажется, что небо сбросило сюда всѣ звезды и засвѣтило ихъ яркими огнями, какими горѣли онѣ въ первые дни міра, на совѣмъ новой тверди. Эти гулянья лежатъ между городомъ и предместьями. Взошедши на церковь Святаго Стефана, вы увидите ихъ во всемъ объемъ; увидите, какъ онѣ зеленою, широкою лентою тянутся вокругъ мрачнаго города, и, соединившись концами, замыкаются Пратеромъ, чистою, веселою рощею, которая, подобно огромному фермоару, связываетъ это живое ожерелье. Тамъ скрипачъ Штраусъ смычкомъ управляетъ всемъ этимъ кроткимъ и добродушнымъ народонаселеніемъ. Штраусъ завладѣлъ Шенбруномъ и Прате-

ромъ, и даже Іозефштатскій театръ долженъ былъ уступить ему своихъ посѣтителей.

Вѣна щеголяетъ разнообразіемъ удовольствій. Безчисленныя объявленія о концертахъ, гуляньяхъ, спектакляхъ, которыя она каждый день прибываетъ къ своимъ стѣнамъ, достали бы намъ на цѣлые мѣсяцы. -- *Es ist nur ein Wien!* «Во всей вселенной только одна Вѣна!» — восклицаетъ за стаканомъ пива ея восторженный житель; и эти слова, подобно эху, перекатываются по всей Германіи, гдѣ они сдѣлались поговоркою. Счастливый городъ! Я хотѣлъ бы въѣхать жить въ Вѣну, несмотря на ея закончѣныя стѣны, и не дивлюсь, что Джуліо пріѣхалъ сюда оплакивать свою Фанни. Онъ жилъ здѣсь въ уединеніи, рѣдко показывался въ публичныхъ собраніяхъ, и большую часть своего времени посвящалъ чтенію.

Джуліо получалъ по временамъ извѣстія изъ Мюнхена, и зналъ все, что происходило въ Аѳинахъ Германіи. Одинъ изъ его друзей отдалъ ему вѣрный отчетъ въ томъ, какъ его терзали въ обществѣ по случаю вызова на дуэль. Бухманнъ писалъ къ нему, что баронъ всё также толстъ и румянь, но что онъ теперь, послѣ ихъ антикритики, совершенно уничтоженъ и значить меньше тоненькой брошюрки въ поллиста печати. Другіе объяснили остальное. Дѣло въ томъ, что пощечина, приложенная къ шарлатану, была черта истинно гениальная, и потрясла его ложную славу въ самомъ основаніи. Цѣтъ знаменитости въ мірѣ, которая бы не сдѣлалась смѣшною отъ оплеухи. Это во-первыхъ, чрезвычайно забавляетъ тѣхъ, которые ея не получили. Антикритика Бухманна, которой въ другое время не читали бы и не знали, приобрѣла отъ той же вышеупомянутой оплеухи новую степень занимательности. Поставщики анекдотовъ съ большимъ талантомъ пересказывали знаменитый разговоръ его съ Джуліо; и какъ раздоръ племянника съ

дядею былъ слишкомъ гласенъ, то всѣ стали доискиваться первыхъ причинъ ссоры и разсматривать поступки великаго чловѣка. Безъ пощечины никто бы не повѣрилъ, что Пахтигальталь покупалъ за деньги сочиненія, которыя составляли его ученую славу: теперь почти весь городъ вѣрилъ этому какъ факту, не разбирая даже его основательности. Слава барона упала такъ быстро и насмѣшники являлись въ такомъ множествѣ, что онъ вдругъ уѣхалъ путешествовать по Франціи. Все это могло утѣшать Джулію; но литературное его поприще было кончено, и онъ занимался книгами и науками только для своего удовольствія, а не для честолюбія.

Онъ прожилъ два года въ Вѣнѣ, не зналъ даже того, что Лукреція тутъ. Прошло около двѣнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ они разстались. Время много перемѣнило въ ихъ наружности и душѣ. Однако Джулію тотчасъ узналъ ее, встрѣтивши однажды на Пратерѣ. Она была одѣта съ удивительнымъ вкусомъ, и ея Италіянское лице сквозь блонды и кружева показалось ему восхитительнымъ подъ этою милою шляпкою. Лукреція не узнала его.

Сколько мечтъ вспыхнуло въ душѣ Джулію при этой печальной встрѣчѣ! Онъ вспомнилъ свою юность, свою веселую, беззаботную юность, которую онъ ничтожно промоталъ, гоняясь за пустымъ призракомъ славы; и свой обѣтъ любить науки для Лукреціи; и всѣ бѣдствія, въ какія онъ его повергнул; и эти чудесныя плеча, которыя онъ видѣлъ въ спальнѣ послѣ бала; и эти два поцѣлуя, которые вынесъ оттуда. Они здѣсь, эти плеча! вотъ подъ этимъ зеленымъ канотомъ. На алыхъ устахъ вьются тѣ же самые поцѣлуи, и время вѣроятно еще придало имъ болѣе теплотвора и силы. «Моя бѣдная Фанси!» думалъ Джулію: «зачѣмъ она не походила на Лукрецію! Если бы она была хоть нѣсколько учена, если бы она такъ любила науки какъ

эта женщина, мы бы жили какъ двѣ горлицы. Но она, къ несчастію, не имѣла ни какой склонности къ наукамъ; науки были для ней скучны..... Фанни меня не понимала! И отсюда произошли всѣ наши недоразумѣнія, всѣ наши несчастія..... Лукреція безъ сомнѣнія поняла бы гораздо лучше..... Я больше не женюсь, потому что не найду никогда другой женщины, такой доброй и кроткой какъ Фанни..... Чтò жь мнѣ остается? Ничего; кромѣ дружбы. О, если бь по-крайней-мѣрѣ дружба Лукреціи могла наполнить эту ужасную пустоту, которая поселилась въ моей груди!..... Если бь я могъ приобрести ея дружбу!..... Лукреція, своимъ образованнымъ, просвѣщеннымъ умомъ, одна въ состояніи понять меня, и я бы имѣлъ въ этомъ мірѣ хоть одну душу, въ которую могъ бы излить лучшія свои мысли.....» Проектъ былъ какъ-нельзя болѣе превосходный. Въ Вѣнѣ, за нѣсколько крейцеровъ, можно тотчасъ узнать въ Справочномъ Мѣстѣ квартиру любова челоуѣка, какого бы онъ пола ни былъ. На слѣдующій день Джуліо отправился съ визитомъ къ Лукреціи.

Лукреція жила роскошно, и домъ ея былъ на ту пору одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ веселой столицѣ Австріи. Она приняла Джуліо въ маленькой щегольской гостиной, гдѣ царствовалъ таинственный полу-мракъ; придававшій особенную прелесть хозяйкѣ, которая по-видимому въ числѣ прочихъ наукъ, отлично знала и всѣ тайны туалета. Джуліо и не подумалъ о назначеніи этого важнаго полу-мрака, держась теоріи, что когда челоуѣкъ находится съ женщиною, опущенные шторы могутъ вообще оставаться опущенными. Первое ихъ свиданіе было очень интересно. Я не стану выписывать всѣхъ полу-словъ, всѣхъ полу-улыбокъ, которыя придали ему особенную занимательность. Лукреція была весьма рада видѣть Джуліо, и очень любезно просила его бывать въ ея домѣ. Разу-

мѣется, что Джуліо съ радостью исполнилъ ея просьбу. Они скоро подружились, и бесѣда ихъ, — всё въ этомъ полу-мракѣ, — часто бывала столь ученая, что ни я ни вы вѣрно не поняли бѣ въ ней ни слова. Лукреція, казалось, находила большое удовольствіе въ его сообществѣ. Джуліо также былъ восхищенъ ею, но ему начинали наскучать ея безпрестанныя диссертаціи о древностяхъ, наукахъ и искусствахъ. Онъ желалъ бы уже, чтобы Лукреція была немножко невѣжда, потому что она очень хороша. Однажды, послѣ Химіи, или послѣ Астрономіи, — право не знаю, — Джуліо показалъ ей записку, которую она писала къ нему въ Генуѣ, и брильянтовое кольцо, «въ видѣ змѣи». Кольца онъ не отдалъ; записку она вырвала у него изъ рукъ, и спрятала за корсетъ, что подало поводъ Джуліо искать, по Римскому Праву, своей собственности *ibi ubi*, «вездѣ». Такъ гласитъ Римское Право, лучшее изъ Правъ. Дальнѣйшихъ обстоятельствъ *sego* спорнаго дѣла излагать я не намѣренъ, и удовольствуюсь только замѣчаніемъ, что подъ тѣмъ же корсетомъ были и эти знаменитыя плеча. Я предполагаю, что, черезъ двѣнадцать лѣтъ, они или измѣнились въ своемъ цвѣтѣ, или потеряли свою обворожительную полноту и сдѣлались какъ щепки, или что-нибудь такое, — потому что Джуліо скоро пересталъ бывать у Лукреціи, и теперь онъ утверждаетъ, что науки (говоря въ женскомъ родѣ), безъ плечъ — никуда негодны.

Нынче онъ живетъ въ Римѣ, и сдѣлался настоящимъ ладдзароне.

Т. М. Ф. ВЪ. — А. БЪЛКИНЪ.

=

ПЛАВАНІЕ ПО ДУНАЮ

ОТЪ ВѢНЫ ДО ГАЛАЦА

ВЪ АВГУСТѢ, 1835 Г.

=

Я готовъ былъ ѣхать въ Италію; но извѣстіе, что тамъ появилась холера, заставило меня измѣнить свой планъ и искать въ другой сторонѣ убѣжища, чтобы послѣ минеральныхъ водъ провести зиму въ тепломъ климатѣ. Куда дѣваться? гдѣ найти мѣсто, въ которомъ бы можно было избавиться отъ зимы, холеры и чумы? Крымъ былъ чуждъ всѣхъ бѣдствій. Это Россія; и я тамъ буду почти дома; ктому жъ по Дунаю ходятъ пароходы отъ Вѣны до самаго Галаца.

Тотчасъ побѣжалъ я въ контору пароходства. Этотъ путь такъ новъ, что еще очень не многіе его совершили, и я по-крайней-мѣрѣ могъ увидѣть нѣчто весьма любопытное.

Проездъ за огромное разстояніе отъ Вѣны до Галаца стоитъ только семьдесятъ гульденовъ, или сто ~~шестьдесятъ~~ ~~рублей~~. Пять лѣтъ тому назадъ, былъ построенъ на акціяхъ первый пароходъ для сообщенія между Вѣною и Пестомъ; но по причинѣ мелководія онъ ходитъ только отъ Прессбурга, куда изъ Вѣны отправляются на лодкахъ, принадлежащихъ пароходной компаніи. Теперь компанія имѣетъ уже четыре парохода: «Паннонія» ходитъ отъ Прессбурга до Песта, «Францъ Первый» отъ Песта до Молдавы, «Арго» отъ Кладова до Галаца, а четвертый пароходъ, который еще не совсемъ конченъ, будетъ плавать по Турецкому берегу отъ Скела-Кладова до самаго Ком-

стантинополя. Одинъ изъ директоровъ сказывалъ мнѣ, что предполагаютъ еще устроить пятый, который будетъ ходить изъ Галаца въ Одессу.

Тринадцатаго августа, въ пять часовъ утра съѣхъ и въ лодку, или такъ называемый Jagdschiff. На лодкѣ была самая пестрая компанія женщинъ и мужчинъ: въ числѣ ихъ находился молодой путешествующій Англичанинъ, нѣсколько молодцоватыхъ Венгерцовъ и пять католическихъ священниковъ; другіе путешественники почти все безъ изъятія были веселые Вѣнцы, которые во все продолженіе переезда до Пресбурга, рассказывали довольно пошлые анекдоты, хохотали и пѣли. По срединѣ дороги, на границѣ Венгріи, оставили лодку и мы были свидѣтелями вторженія нѣсколькихъ чиновниковъ въ наши чемоданы. Кушцы, бывшіе съ нами, очень жаловались на эти таможенные набѣги, какъ стѣсняющіе торговлю съ Венгріею. Берега Дуная представляютъ здѣсь мало интереснаго; они болѣею частію ровны, низменны и не заселены, только довольно живописно расположенный на крутомъ берегу городокъ Гейдельбергъ и развалины старинной крѣпости Девенъ могутъ составить пріятное исключеніе. Намъ встрѣтились нѣсколько барокъ, которыя тянулись вверхъ двадцатью и болѣе лошадьми. После двѣнадцати-часоваго плаванія мы пріѣхали въ Пресбургъ.

Въ городѣ такъ мало трактировъ, что они почти всегда бываютъ полны, и я долженъ былъ остановиться въ одной комнатѣ съ двумя незнакомцами, изъ которыхъ одинъ прибылъ вмѣстѣ со мною изъ Вѣны. На мое счастье, было гулянье и спектакль. Переодѣвшись, я отправился черезъ плувучій мостъ на правый берегъ Дуная въ городской садъ. Онъ весьма великъ и хорошъ, но, къ моему удивленію, въ немъ почти никто не гулялъ; дамы сидѣли все за маленькими столиками, поставленными около трактира и пили

кофе, мужнины стояли въ одной кучѣ возлѣ хора военныхъ музыкантовъ расположеннаго здѣсь полка. Тамъ нашелъ я Англичанина, спутника моего изъ Вьны, и мы очень обрадовались другъ другу, потому что никто изъ насъ не имѣлъ знакомыхъ въ Пресбургѣ. Мы вмѣстѣ пошли въ училище плаванія, которое лежитъ тутъ же черезъ дорогу, и куда уходили многіе съ гулянья чтобы покупаться. Мы долго любовались на искусство плававшихъ и ловкость, съ какою многіе бросались въ воду съ значительной высоты: эта высота и стоящіе на ней герон прѣсной воды видны съ гулянья, что мнѣ показалось не совсѣмъ согласнымъ съ уставомъ о ценсурѣ: но интересныи Венгерки не такъ застычивы, и я засталъ очень порядочныхъ дамъ, съ своими мужьями, которыя любовались, какъ молодежь плаваетъ. Наглядѣвшись вдоволь на купальныя сцены и на Венгерокъ, мы пошли въ театръ, гдѣ давали извѣстную оперу Цампу. Театръ довольно хорошъ и величиною равняется нашему Александринскому; костюмы бѣдны, играютъ и поютъ дурно. Вотъ Пресбургъ.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра отплыли мы на пароходѣ Панноніа въ Пестъ. Оба берега Дуная очень низки и болотисты; во многихъ мѣстахъ на отмеляхъ, видны сотни крестьянъ промывающихъ золото, но это, говорятъ, доставляетъ имъ жалкое пропитаніе, потому что Дунайскій золотоносный песокъ очень бѣденъ металломъ. Кромъ крѣпости Коморна, здѣсь нѣтъ ничего интереснаго. Послѣ скучнаго плаванія, пятнадцатаго августа въ семь часовъ вечера пріѣхали въ Пестъ. Подъѣзжая къ городу, мы имѣли передъ собою прелестную картину: на обоихъ берегахъ освѣщенные зданія, на лѣво Пестъ, на право Буда, или Офенъ, столица Венгріи. Буда имѣетъ тридцать тысячъ жителей, но Пестъ взялъ сильный надъ нею перевѣсъ: хотя всего двадцать лѣтъ, какъ

онъ началъ отстроиваться, однако въ немъ считается уже до семидесяти тысячъ жителей и дома все трехъ-и четырехъ-этажные, прекрасной, новой архитектуры. Видъ Песта доставилъ мнѣ, какъ жителю Петербурга, особенное наслажденіе: прекрасные четырехъ-этажные хорошо освѣщенные дома Песта, и стукъ его экипажей заставили меня забытья; мнѣ казалось, что я плыву по Невѣ, гдѣ у меня съ одной стороны великолѣпная Англійская набережная, которой фонари отражаются въ хрустальной водѣ; а съ другой менѣе освѣщенный Васильевскій Островъ, точно такъ какъ теперь Офенъ. Длинный мостъ съ фонарями, соединяющій оба города, довершилъ мое очарованіе.

Я остановился въ лучшемъ трактирѣ Песта, подъ знакомъ Охотничьяго Рога, гдѣ меня встрѣтилъ швейцаръ въ ливрѣ, а вслѣдъ за нимъ хозяинъ. Въ общемъ залѣ я засталъ множество народу за ужиномъ и шумными разговорами. Тутъ же очень порядочные музыканты играли квартетъ. Въ особености, привлекала общее вниманіе одна хорошенькая женщина, игравшая на скрипкѣ: при всей красотѣ и нѣжности, она имѣла что-то мушкетерское въ своей осанкѣ и, если бы ее одѣть въ рыцарское платье, нельзя было бы и желать лучшей Амазонки въ наше время. Въ Германіи, содержатели трактировъ, по особеннымъ причинамъ, которыхъ я не могъ изслѣдовать за болѣзнію, щеголяютъ миловидными горничными; эта же совершенная красавица и я слышалъ о ней еще въ Вѣнѣ. Она родомъ изъ Богеміи. Вообще между Богемками очень много красавицъ.

Здѣшній новый театръ, говорятъ, прелестенъ: но, увы, я не увижу его, и вообще ничего во всемъ городѣ, потому что пароходъ отходить завтра рано по утру. Отправленія пароходовъ на Дунай разписаны не для путешественника, а для купца, который боится потерять минуту. Это очень неприятно для тѣхъ, ко-

торые такъ богаты временемъ, что потерять даже годъ или два года жизни — для нихъ не составляетъ никакой разницы. Въ пять часовъ утра мы уже были на пароходѣ Францъ Первый. Я перепугался множества народа и громоздкости товаровъ, которыми была завалена, забита, вся палуба, такъ что негдѣ было даже ходить. По справкѣ у капитана оказалось, что насъ на пароходѣ было около двухъ сотъ человѣкъ: легко себѣ представить чтò за толкотня! Компанія пароходства такъ корыстолюбива, что принимаетъ неопредѣленное число пассажировъ, и въ этотъ разъ многіе, заплативъ деньги за первое мѣсто, не могли даже протолкаться въ каюту и должны были мокнуть на палубѣ: капитанъ отговаривался тѣмъ, что онъ будетъ высаживать пассажировъ у cadaго городка, и что къ ночи сдѣлается просторнѣе. Впрочемъ такая тѣснота случается только разъ въ годъ, при возвращеніи купцовъ съ Пестской ярмарки. Пестрота костюмовъ доставляла намъ пріятное развлеченіе; между множествомъ Нѣмцовъ, Венгерцовъ и Сербовъ, было нѣсколько Турковъ, Грековъ и Евреевъ, а Русскихъ, Англичанъ и Испанцевъ по одному. Тутъ же находились и дамы, нѣкоторыя изъ весьма хорошихъ фамилій: одна изъ нихъ очистила себѣ уголокъ въ каютѣ, поставила маленькій столъ и пригласила меня и еще двухъ молодыхъ людей составить вистъ. Мы просидѣли за столикомъ до самой ночи и этотъ вистъ доставилъ намъ большое удовольствіе, которое впрочемъ заключалось не въ козыряхъ, но въ племянницѣ нашей дамы, въ прелестной молодой графинѣ К***, не отходившей отъ нашего стола. Переночевавши кое-какъ, мы на другое утро принялись опять за вистъ, ради рѣченнаго удовольствія. Вдругъ, послѣ большаго шлема, увидѣли мы страшную крѣпость. Она явилась еще издали, не доѣзжая до Нейзаца. Это былъ знаменитый Петервардейнъ, который лежитъ на горѣ, на самомъ изгибѣ

Дуная, такъ что крѣпость съ трехъ сторонъ окружена водою и неприступными двухъ-ярусными валами. Со стороны сухаго пути построено шесть шанцевъ и подъ ними минныя галлерей; огромныя каменныя казармы составляютъ центръ города и видны за цѣлую милю. На противоположномъ берегу лежитъ городокъ Нейзаць, который прежде составлялъ Нѣмецкую колонію въ Славоніи, а теперь возвышенъ на степень города: онъ довольно опрятенъ, имѣетъ много хорошихъ домовъ и окруженъ виноградными садами. Мои вистовые товарищи съ хорошенькою племянницею и половиною товаровъ остались въ этомъ городѣ, откуда происходила значительная часть пассажировъ.

Пробывъ въ Нейзаць часа три, мы отправились въ дальнѣйшій путь, и къ сумеркамъ пріѣхали въ Землинъ, гдѣ пробыли весь слѣдующій день, потому что пароходъ нагружался углемъ. Послѣ обѣда я услышалъ, что на пароходѣ двое пассажировъ разговариваютъ между собою точно какъ-бы по-Русски: я тотчасъ вмѣшался въ разговоръ и узналъ, что они Иллирійцы; по сходству ихъ языка съ нашимъ церковнымъ я могъ понимать все, что они мнѣ говорили. Беседа съ ними доставила мнѣ также большое удовольствіе, потому что я узналъ отъ этихъ откровенныхъ Славянъ ихъ отношенія къ Австрійскому правительству. Привязанность ихъ къ Россіи чрезвычайна; едва они узнали, что я Русскій, какъ меня окружило ихъ человекъ пять, и всѣ начали спрашивать про Государя, про Россію, про нашу Словесность. Они говорили, что получаютъ нѣкоторыя Русскія книги, но что имъ годъ-отъ-году труднѣе ихъ понимать, потому что нашъ языкъ быстро отклоняется отъ «Славянскаго» и принимаетъ національную фizioномію. Тутъ же имѣлъ я случай познакомиться съ ихъ священникомъ, весьма умнымъ человекъ: чтобъ лучше понимать другъ друга мы говорили по-Нѣмецки. Одѣяніе священника

совершенно такое какъ у нашихъ; только на подрясникъ широкій красный поясъ означалъ въ немъ протоіерей.

Восемнадцатаго августа, рано по утру, я вышелъ на палубу и увидѣлъ на противоположномъ берегу древнюю столицу Сербіи, крѣпость Бѣлградъ, занятую Турецкимъ гарнизономъ. Я тотчасъ хотѣлъ было туда ѣхать, но мнѣ сказали, что для этого нужно имѣть позволеніе Австрійскаго мѣстнаго начальства и получить гвардіона изъ карантина: иначе я долженъ буду выдержать пяти-дневное очищеніе. Какъ мы должны были въ двѣнадцать часовъ сняться съ якоря, то я, не надѣясь воротиться къ тому времени, предпочелъ любоваться городомъ издали, тѣмъ болѣе что мнѣ удалось узнать объ немъ очень подробно отъ одного молодого Венгерца, который пріѣхалъ оттуда только вчера: Весь Бѣлградъ состоитъ изъ нижней и верхней крѣпости; въ нижней разбросано отъ пятнадцати до двадцати тысячъ домовъ построенныхъ въ величайшемъ безпорядкѣ и безъ всякой архитектуры: возлѣ большаго венеціанскаго окна, вы найдете маленькое, треугольное, и тому подобное; мостовую называется куча каменьевъ брошенныхъ въ грязь. Караулы у крѣпостныхъ воротъ состоятъ изъ восьми человекъ различно одѣтыхъ; чалмы, фески и шапки на головахъ; у всего караула только три ружья; впрочемъ они вооружены пистолетами и саблями. Бомбы и ядра съ незапамятныхъ временъ валяются на улицахъ; огромныя чугунныя орудія на невыкрашенныхъ лафетахъ составляютъ крѣпостную артиллерію. Въ верхней крѣпости, дома построены тоже безъ всякаго порядка, съ плоскими крышами; лавки съ передней стороны не имѣютъ стѣнъ, а только два столба, между которыми ночью вставляются двери. Немногіе порядочно выстроенные дома принадлежатъ ко времени Юсифа II; но Турки желалъ имъ придать болѣе виду.

вынули всё стекла, и эти дома приходятъ теперь въ разрушеніе. Огромныя стада тощихъ кошекъ и собакъ дополняютъ грязную картину «богохранимой» Оттоманской крѣпости. Шалуны мальчишки, зная, что путешественникъ, если дотронется до чего-нибудь, обязанъ выдержать карантинъ, съ намѣреніемъ бросаютъ въ прохожихъ шапками и хватаются за платье.

Рѣшившись не вхатъ въ Бѣлградъ, я пошелъ въ прозябскій Землинъ прописать свой паспортъ, и потомъ, по грязнымъ улицамъ мимо жалкихъ каменныхъ домовъ и мазанокъ, помолиться въ Славянскую церковь. Богослуженіе совершается какъ у насъ, съ тою только разницею, что вмѣсто дьячка прислуживаютъ шесть мальчиковъ въ стихаряхъ съ превысокими свѣчами, и что на одномъ клиросъ поютъ по-Славянски, или по-Сербски, а на другомъ по-Гречески. По сходству богослуженія съ нашимъ я думалъ, что уже нахожусь въ Россіи и только когда священникъ, при переносѣ, началъ помпнать Фердинанда II, а не нашего Царя, я неприятнымъ образомъ былъ выведенъ изъ заблужденія. Сербы душевно любятъ Русскихъ и все Русское. Внимательность ихъ къ иностранцу меня поразила: когда я выходилъ изъ церкви, шелъ проливной дождь, и какой-то мужчина тотчасъ предложилъ мнѣ итти съ нимъ подъ зонтикомъ; а когда дорога насъ разлучила, меня догналъ мальчикъ и всунулъ мнѣ въ руку зонтикъ, за которымъ онъ пришелъ послѣ на пароходъ. Въ городѣ я осмотрѣлъ еще прекрасно устроенный карантинъ.

Около двухъ часовъ пополудни снялись мы съ якоря, и вечеромъ остановились ночевать. Ночью опасно плавать здѣсь по Дунаю: во многихъ мѣстахъ есть отмели, и до-сихъ-поръ еще нѣтъ подробной и вѣрной карты Дуная; всё доселѣ изданныя чрезвычайно ошибочны. Сейчасъ проѣхали мы мимо Турецкой крѣпости Семендринъ, построенной въ видѣ треуголь-

ника съ двухъ-ярусными башнями на исходящихъ углахъ; стѣны, у подошвы, окружены палисадами. Странно видѣть съ одной стороны дурныя поля, хорошо обработанныя, между-тѣмъ какъ на Турецкой сторонѣ тучныя стоятъ пустыми и не видно даже стада: это параллель просвѣщенія и невѣжества, потому что, хотя съ обѣихъ сторонъ живутъ Сербы, здѣсь народъ находится подъ мирнымъ правленіемъ кроткой и ученой Австріи, а тамъ беспорядокъ грубаго деспотизма заставляетъ бѣдныхъ жителей ходить всегда съ обнаженнымъ мечемъ, чтобы оберегать свои жилища; тамъ каждый земледѣлецъ—воинъ. Въ этотъ день когда мы останавливались у одного маленькаго мѣстечка для выгрузки товаровъ, съ противоположнаго берега подъѣхалъ два Турка полюбоваться на пароходъ, и хотя имъ запретили приближаться болѣе, однако они не слушали: капитанъ и всѣ пассажиры уже боялись, что они взойдутъ на пароходъ, и тѣмъ заставить насъ держать карантинъ. При этомъ случаѣ рассказывали, что недавно съ Австрійской границы были убиты два Турка, которые не отвѣчали на вопросъ патруля и хотѣли взобраться на лѣвый берегъ. Для охраненія границы отъ чумы, на Австрійской сторонѣ выстроены, черезъ каждые четверть часа, три маленькіе домика, въ которыхъ живетъ кордонная стража.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Молдавію, гдѣ оканчивается плаваніе на пароходѣ, потому что отсюда до самой Орсовы оно очень опасно, а далѣе до Скелаклагова, по причинѣ подводныхъ скалъ, и совершенно невозможно.

Поутру Англичанинъ и я отправились на маленькой лодкѣ съ зонтикомъ въ Орсову. Рулевой нашъ былъ Италіянecъ, а гребцы Сербы. Мѣстоположеніе съ обѣихъ береговъ Дуная превосходно: огромныя крутыя скалы висятъ надъ самою рѣкою; только из-

рѣдка видны съ Австрійской стороны деревеньки, а съ Турецкой и того менѣе. Паденіе воды на всемъ этомъ пространствѣ чрезвычайно сильно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно около Изласа, гдѣ есть еще подводные камни, вся рѣка покрыта пѣною: шумъ слышенъ уже издали. Хотя гребцы наши часто проѣзжали это мѣсто, однако жъ и на ихъ лицахъ видѣнъ былъ страхъ. Рулевой кричалъ имъ безпрестанно по-Сербски: «Смѣло! Смѣло!» Только мой Англичанинъ былъ совершенно покоенъ, но и онъ нѣсколько подскочилъ, когда лодка ударилась о подводный камень.

Проехавши около мили отъ Изласа, рулевой направилъ лодку къ Турецкому берегу, и на огромной скалѣ показалъ намъ высѣченную надпись, называемую Траяновою Доскою: это квадратъ имѣющій полторы сажени въ каждой сторонѣ, съ широкою, въ три четверти аршина, рамою украшенною барельефами; на доскѣ находится надпись — въ которомъ году была начата и когда кончена высѣченная въ скалахъ дорога, идущая почти отъ самой Молдавы до Орсовы. Говорятъ, что Турки, завладѣвъ этимъ краемъ и желая истребить всѣ памятники своихъ предшественниковъ, старались изгладить и эту надпись: они обломали ее снизу, и какъ не было возможности достать до самаго верху, то они разкладывали снизу огонь и жгли камень; однако жъ, для славы Траяна и этой басни, верхній край остался невредимымъ. Остатки Траяновой дороги видны еще и теперь, хотя время и небреженіе Турокъ привели ее въ совершенное разрушеніе. Съ особеннымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на этотъ гигантскій трудъ, который ясно показываетъ, на какой степени находилась здѣсь нѣкогда образованность, промышленность и торговля. Военная дорога Римлянъ была вмѣстѣ и торговою и устраняла неудобство тянуть бечевою суда вверхъ по Дунаю. Австрійцы, соревнуя древнимъ, высѣкаютъ на противу-

положномъ берегу въ скалахъ новую дорогу, которой выполненіе по своей трудности, едва-ли будетъ уступать Траянову подвигу. Нѣскольکو тысячъ человекъ работаютъ надъ ней уже третій годъ: говорятъ, что она будетъ совершенно окончена не прежде какъ черезъ три года. Хотя эта дорога стѣитъ правительству ужасныхъ издержекъ, но она необходима, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно невозможно тянуть барки даже бечевою: скалы въ семьдесятъ и болѣе сажень вышины опускаются вертикально въ воду. На одной изъ нихъ я замѣтилъ деревянный крестъ поставленный на вершинѣ: вѣроятно какой-нибудь благочестивый человекъ съ опасностью жизни водрузилъ его на этомъ неприступномъ мѣстѣ. Во время плаванія нашего между этими скалами, матросы забавлялись эхомъ: голосъ ихъ откликался чрезвычайно ясно по нѣскольکو разъ; особенно разительно было это явленіе, когда мы приблизились къ тому мѣсту, гдѣ для новой дороги рвали камни; гулъ отъ взрывовъ былъ ужасенъ, и превосходилъ самую сильную грозу; перекалъ этого грома повторялся по-крайней-мѣрѣ пятнадцать разъ.

Послѣ десяти-часоваго, неизмовѣрно быстрого и пріятнаго, плаванія, — мы сдѣлали въ это время около ста пятидесяти верстъ, — пріѣхали мы въ Новую Орсову. Я остановился въ трактирѣ: окна моей комнаты обращены были къ Турецкой границѣ, и я, сидя на квартирѣ въ Австріи, могъ видѣть, что дѣлается въ Турціи. Въ Турціи кажется все обстояло благополучно, и мы съ Англичаниномъ, моимъ товарищемъ, побѣхали на знаменитыя минеральныя воды около деревни Мехадін. Дорогою, мой интересный спутникъ разсказалъ мнѣ свои походы: онъ ходилъ кругомъ свѣта, прожилъ шесть лѣтъ въ Индіи, и теперь, возвратившись оттуда, пустился шататься по сухому пути. Въ нынѣшнемъ году онъ исходилъ въшкомъ всю Швейцарію и

дошелъ до Вѣны; теперь отправляясь онъ въ Константинополь, посмотреть, здоровы ли Турки и какимъ образомъ дѣлаютъ они свой *кейфъ*, который хотѣлъ онъ соединить въ одну систему съ Англійскимъ *комфортомъ*. Онъ родился въ Петербургѣ, но ему было только нѣсколько мѣсяцовъ какъ его повезли въ Англію, и потому, хотя уроженецъ Россіи, онъ не зналъ по-Русски. Въ будущемъ году онъ пріѣдетъ на свою родину, въ Петербургъ. Физиономія его весьма странна; онъ малъ ростомъ, сутуловатъ и курносъ, и притомъ со всеми *oddities and excentricities*, со всеми странностями и причудами Англичанина. Вы его легко узнаете на Англійской Набережной.

Дорога въ Мехадію идетъ бѣльшею частію между высокими горами, покрытыми лѣсомъ; на всемъ разстояніи трехъ съ половиною часовъ встрѣчаются только двѣ деревеньки, на берегу каменистой рѣчки, и развалины древней колонады, прислоненной къ скалѣ. По мѣрѣ приближенія къ Мехадіи горы становятся выше и мрачнѣе. Проѣхавъ ее, должно еще сдѣлать версты двѣ до самыхъ водъ, отъ которыхъ чрезвычайно сильный сѣрный запахъ чувствителенъ издали. Черезъ рѣчку, лежащую у самыхъ водъ, былъ прежде каменный мостъ на высокихъ столбахъ, но теперь отъ него остались однѣ развалины. Строенія на водахъ всѣ — каменные, хорошей архитектуры; особенно отличаются казармы квартирующаго здѣсь полка. Отобѣдавъ въ трактирѣ за общимъ столомъ, мы пошли къ такъ называемымъ Геркулесовымъ Водамъ. Возлѣ дороги вдѣланы въ скалу два древнія изображенія высѣченныя на каменныхъ доскахъ, которыя были найдены здѣсь въ развалинахъ. Богатый источникъ Геркулесовой Воды, извѣстный уже Македонянамъ, вытекаетъ изъ голой скалы; высѣченная въ камнѣ галлерей ведетъ къ самому истоку; надъ большимъ бассейномъ, общимъ для всѣхъ посѣтителей,

изваяно въ скалѣ, въ незапамятныя времена, изображеніе Геркулеса, отъ котораго источникъ получилъ это названіе, ежели только это названіе не метафора, которою хотѣли сказать, что вода имѣетъ свойство укрѣплять тѣло и дѣлать всѣхъ, кто ею пользуется, маленькими Геркулесами. Эту воду не пьютъ, а употребляютъ только для ваннъ; впрочемъ не взирая на двадцать градусовъ теплоты, она имѣетъ довольно пріятный вкусъ. Кромѣ этого источника, здѣсь находятся еще слѣдующіе: Карлсбадъ, котораго воду большею частию пьютъ и берутъ на маленькія ванны для ногъ; Людвигсбадъ, Каролинсбадъ, Кейзерсбадъ, Аугенбадъ, Думбадъ и еще одинъ, котораго названія не помню. Каролинсбадъ и Кейзерсбадъ выходятъ изъ одного ключа и издають ужасный паръ; докторъ говоритъ, что вода эта имѣетъ 44° Реомюра, а Франценсбадская 45 $\frac{1}{2}$. Число посѣтителей здѣсь ежегодно такъ увеличивается, что правительство строить для нихъ еще домъ. Мехадія лежитъ, подобно Карлсбаду, въ ущелии, окруженномъ высокими горами, которыхъ вершины поросли небольшимъ лѣсомъ. Когда покойный Императоръ Францъ I посѣтилъ эти воды, жители, желая съ честью сдѣлать иллюминацію, зажгли вечеромъ деревья, растущія на верху скалъ, и картина, говорятъ, была очаровательна. Дорога отъ Новой Орсовы до Скепа-Кладова, которая лежитъ уже въ Валахїи, не длинна, но затруднительна; сухимъ путемъ везуть туда не охотно, потому что, если пзвощикъ не успѣетъ возвратиться до заката солнца, онъ долженъ держать пяти-дневный карантинъ. Путешествіе водою считается весьма опаснымъ, особенно провѣздъ черезъ такъ называемыя Желѣзныя Ворота. Здѣсь, на пространствѣ около двухъ верствъ, паденіе воды необыкновенно велико и рѣка усѣяна множествомъ подводныхъ скалъ и камней, такъ, что большому судну рѣдко удастся пройти безъ несчастія.

Съ нами ѣхалъ почти отъ самой Вѣны одинъ изъ директоровъ компаніи пароходства, который былъ посланъ для изслѣдованія, нѣтъ ли средства уничтожить нѣкоторыхъ скалъ, чтобы пароходъ могъ проходить безпрепятственно, и для узнанія глубины Дуная на всемъ этомъ пространствѣ. Директоръ, разумѣется, долженъ былъ ѣхать водою; Англичанинъ, какъ искатель приключеній, также выбралъ этотъ родъ путешествія, и оба они уговорили и меня не отставать отъ нихъ. Эти господа думали тронуть мою слабую струну, и увѣряли, что если я Русской, то долженъ любить опасности: хотя я возражалъ, что Русской по пустому не любить рисковать своею жизнью и бережетъ ее для чего-нибудь лучшаго, однако изъ любопытства рѣшился ѣхать съ ними. Въ восемь часовъ утра 22 августа мы сѣли въ лодку. Не мало удивился я, когда нашелъ здѣсь мужичку въ богатомъ Турецкомъ платьѣ, съ женщиною и двумя Арнаутами; все они также отправлялись въ Скела-Кладова. Этотъ мужчина былъ знатный Сербъ С***, а эта Сербинка его супруга. Онъ жилъ долгое время въ Константинополь, гдѣ былъ коротко знакомъ съ Россійскимъ посольствомъ и научился говорить по Русски. Впоследствии оказалось, что онъ и жена его не знали всей опасности этого плаванія: онъ сидѣлъ совершенно покойно, но лице жены покрылось смертною блѣдностію, когда мы приблизились къ Железнымъ Воротамъ и она увидѣла передъ собою бушующія волны, которыя, отражаясь отъ скалъ, ходятъ по всемъ направленіямъ. На одной скалѣ мы замѣтили барку съ углемъ; когда-то выброшенную на нее, и видъ этой черной массы, окруженной сѣдою пѣною, дѣлалъ картину еще мрачнѣе и ужаснѣе. Одно мѣсто около Изласа сдѣлало однако жъ на меня большое впечатлѣніе, но тогда я уже привыкъ къ подобнымъ явленіямъ, и, вѣроятно, еслибы пришлось проѣзжать

третье такое мѣсто, и бы сидѣть также покойно какъ въ каретѣ. Матросы, желая придать себѣ болѣе бодрости, кричали изо всей мочи; и хотя они держали весла съ величайшимъ напряженіемъ силы, однако жъ у одного изъ нихъ его вырвало изъ рукъ. Платье на насъ совершенно измокло отъ брызгъ и волнъ, хлеставшихъ въ лодку. Директоръ, капитанъ и нѣскольکو чиновниковъ, посланныхъ отъ правительства, рѣшили, что едва ли можно здѣсь что нибудь сдѣлать. Потому что, по словамъ лоцмана, часто огромныя камни исчезаютъ въ одномъ мѣстѣ и появляются въ другомъ. Порой вода на Дунаѣ бываетъ очень низка, какъ это случилось два года тому назадъ; и тогда подводныя скалы выходятъ наружу. Пароходное общество думаетъ воспользоваться подобнымъ временемъ, чтобы рвать скалы и, если не уничтожить, по крайней-мѣрѣ уменьшитъ ихъ до такой степени, чтобы пароходъ могъ при средней высотѣ воды ходить надъ ними безопасно. Глубина рѣки на всемъ этомъ простраствѣ чрезвычайно велика.

Когда опасность миновалась, я былъ очень доволенъ, что рѣшился на это путешествіе, потому что видѣлъ картину чрезвычайную, изумительную. Дунай, какъ отчаянный бѣрсеркеръ, громитъ скалы, пробивается сквозь толпы враговъ, бѣсится, реветъ, опрокидываетъ все и, посядѣвъ отъ трудовъ, вырывается на свободу чтобы отдохнуть въ отлогихъ берегахъ, усѣянныхъ цвѣтами, гдѣ онъ засыпаетъ подъ тѣнію деревь, повисшихъ надъ его водою. Этотъ переходъ восхитителенъ! Въ ухахъ еще раздается ревъ волнъ, между-тѣмъ какъ глаза уже покоятся на зеркальной поверхности рѣки и только кое-гдѣ видны ключки пѣны, какъ доказательства, что это та самая вода, которая за минуту бесновалась сама и васъ приводила въ ужасъ.

Въ десять часовъ мы прѣѣхали въ деревню Кладова, лежащую противъ Турецкой крѣпости Кладова. Во всей деревнѣ нѣтъ ни одного порядочнаго дома, и даже находящійся здѣсь карантинъ состоитъ изъ мазанокъ. Толпа карантинныхъ служителей тотчасъ окружила насъ, чтобы мы не *смѣшались*, — техническое выраженіе этихъ господъ. Тутъ пришли къ намъ здѣшній смотритель карантина и другіе чиновники, Валахи въ Турецкомъ платьѣ. Первый изъ нихъ, узнавъ, что я Русской, сказалъ мнѣ черезъ переводчика, что ему весьма пріятно познакомиться съ офицеромъ того войска, которое было ихъ избавителемъ, и что они безпрестанно благословляютъ Императора Николая и генерала Киселева.

На другой день поутру, директоръ карантина пригласилъ меня ѣхать съ нимъ во вновь строящійся карантинъ; я тѣмъ охотнѣе согласился, что пароходъ *Арго* отходилъ только завтра. Я очень удивился, увидѣвъ вчерашняго моего знакома, директора карантина, не въ турецкомъ, а въ Нѣмецкомъ кафтанѣ, и на вопросъ мой получилъ отвѣтъ, что имъ запрещено отъ правительства носить Турецкое платье, и что вчера онъ былъ по-домашнему и донашивалъ прежнее. Спустившись въ лодкѣ версты на двѣ, почти къ самому городу Чернецъ мы вышли на берегъ. Здѣсь, въ древнія времена, стоялъ городъ Северинъ, и еще видны развалины замка, существовавшаго въ началѣ Христіанской эры. По приказанію генерала Киселева къ нимъ придѣланы контрфорсы, для того чтобы остатокъ стѣны не обрушился. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Северинъ, предположено выстроить городъ по плану, утвержденному генераломъ Киселевымъ; мѣста площадей и улицъ уже назначены, и всѣ участки разобраны. Лучшая площадь будетъ названа Киселевскою, по имени основателя города. При насъ за-

ложпли зданіе, назначенное для карантинна и смотри- тель работъ просилъ меня, какъ Русскаго, положить также камень. При рытіи фундаментовъ находятъ здѣсь много древнихъ монетъ: я видѣлъ ихъ, и какъ любитель хотѣлъ купить нѣкоторыя, но отъ князя Гики приставленъ нарочный человекъ, который ихъ собираетъ и смотритъ чтобы работники не продавали, и такимъ образомъ мнѣ не удалось ничего достать. Осмотрѣвъ развалины, мы бечевою возвратились къ пароходу.

По просьбѣ Англичанина, я хотѣлъ быть ему компаньономъ и записался во второе мѣсто; но я провелъ тамъ только одну ночь, и едва не заболѣлъ отъ ужасной нечистоты. Я тотчасъ перешелъ въ первыя мѣста. Мой разсчетливый товарищъ не побоялся неопрятности и остался на второмъ мѣстѣ. Вообще, не къ чести пароходной компаніи, должно сказать, что Дунайскіе пароходы довольно грязны, въ особен- сти этотъ.

Августа 24, мы снялись съ якоря у Скела-Кладова и отправилсъ въ дальнѣйшій путь. Около самой развалины башни Северина, построень былъ на Дунаѣ Траяновъ мостъ, каменный, на двадцати двухъ аркахъ. Капитанъ парохода говорить, что при мелко- воды показываются изъ воды столбы, на которыхъ лежали арки; на противоположномъ берегу видны развалины укрѣпленія, къ которому вѣроятно велъ мостъ. Не далеко отсюда лежитъ на правомъ берегу Дуная Турецкая крѣпость Кладова, построенная безъ всякихъ правилъ фортификаціи; черезъ ея каменную стѣну мы очень хорошо видѣли съ парохода внутренность твердыни. Обывательскіе дома, не исключая дворца самого пашы, почти всѣ разваливаются. Но тѣнистые кипарисы, возвышающіеся надъ жалкими строениями, придаютъ этому мѣсту видописную прелесть. На той же, на Булгарской, сторонѣ встрѣчаютъ

ся развалины стариннаго укрѣпленія, Флорентинъ: оно состоитъ изъ башни, построенной на скаль, которая вдалась въ рѣку; и подлѣ развалинъ лежитъ большое селеніе, нѣкогда богатое значительною торговлею съ Валахіей: со времени самостоятельности этой области, торговля совершенно прекратилась и селеніе почти опустѣло.

Я проспалъ Виддинъ, у котораго мы почсвали 25 августа. Утромъ проѣхали мы только одно интересное мѣстечко, именно Раховъ, гдѣ генераль баронъ Гейсмаръ персправился черезъ Дунай; оно теперь очень благообразно и ново, благодаря барону, который сжегъ прежнее. Мѣстоположеніе обонхъ береговъ пусто и безплодно: на лѣвой сторонѣ совсѣмъ не видать жителей, на правой есть нѣсколько деревень, но они почти не видны, потому что Булгары строятъ жилища особеннымъ образомъ: они вырываютъ въ землѣ ямы, и, оставивъ только маленькую лазейку, живутъ въ нихъ зиму и лѣто, и можетъ-быть очень счастливо. Не доѣзжая до Русчука, близъ села Батина, лежитъ большой лѣснстый островъ, на которомъ безсмертный Кутузовъ заперъ въ 1812 году верховнаго визиря съ тридцатю тысячами войска. Съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ я на это мѣсто, священное для Русскаго: могла ли бы Россія смѣло подвергнуться нашествію Европы, если бъ въ такое время она должна была бороться еще съ Турціею и миръ, который былъ слѣдствіемъ отчаяннаго положенія визиря, не внушилъ ли ей болѣе самонадѣянности при самомъ началѣ войны съ Наполеономъ?

Русчукъ лежитъ на высококомъ берегу Дуная и окруженъ землянымъ валомъ. Здѣсь мой Англичанинъ вышелъ на берегъ, чтобы черезъ Варну отправиться въ Константинополь. и я проводилъ его въ городъ, гдѣ насъ встрѣтило множество народу. Всѣ оглядыва-

ли насъ съ любопытствомъ ; мы платили имъ тѣмъ же. Особенно обратили на себя мое вниманіе женщины съ закутанными лицами, потому что во всемъ скрытомъ отъ нашихъ глазъ весьма естественно скорѣе предполагаешь что-нибудь хорошее, нежели что-нибудь дурное ; впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ, случайно или съ намѣреніемъ, открывались на нѣсколько секундъ и я не замѣтилъ ничего миловиднаго. Мужчины, всѣ до одного, не-исключая нищихъ, были съ трубками въ зубахъ или въ рукахъ. Простившись очень нѣжно съ моимъ товарищемъ и пожелавъ ему счастливаго пути, я возвратился на пароходъ и мы отправились въ Журжу.

Крѣпость Журжа совершенно уничтожена : теперь подлѣ нея строить городъ, который состоитъ изъ круглой площади и нѣсколькихъ прямыхъ улицъ, идущихъ радіусами. Въ городъ уже устроено множество лавокъ на восточный манеръ : полъ ихъ поднятъ отъ земли фута на два, и кушцы сидятъ на этомъ возвышеніи по-Гурецки, а товары разложены около нихъ. Ремесленники имѣютъ свои мастерскія въ такихъ же лавкахъ. Все это составляетъ очень хорошій видъ ; кажется, будто передняя стѣна домовъ вынута и вы можете, не снимая крышъ съ города, разсматривать съ хромоногимъ бѣсомъ, что происходитъ внутри жилищъ. Я вошелъ въ кофейный домъ, единственный во всемъ городѣ : это большой сарай, въ концѣ котораго стоитъ биллиардъ, а около стѣны разставлено нѣсколько стульевъ самой грубой работы. Одинъ уголь заваленъ цѣлою грудой трубокъ, въ другомъ сдѣланъ прилавокъ, гдѣ продаютъ разные сладости, въ третьемъ стоитъ большая печь съ очагомъ на которомъ варятъ кофе въ маленькихъ жестяныхъ кружечкахъ, каждую чашку особенно. Минъ прежде подали пустую фарфоровую, съ отбитой ручкой, а послѣ изъ печи привалила запачканная кру-

жечка съ кофе, который поспѣшно влили въ мою чашку, и къ этому мнѣ подали очень хорошее розовое варенье и стаканъ воды.

Мы проѣхали, 27 августа, совершенно уничтоженную крѣпость Туртукай, и подошли къ Силистрии. Надѣясь найти здѣсь знакомыхъ между Русскими офицерами, я просилъ капитана остановиться. Бросили якорь; я отправился на берегъ съ карантиннымъ служителемъ, который ѣхалъ все время съ нами для наблюденія, чтобы пароходъ не сообщался съ жителями праваго берега, и на пристани мы встрѣтились съ морскимъ офицеромъ. Онъ, живя въ Турціи, такъ изволилъ отвыкнуть отъ чумы, что не подпускалъ насъ близко, боясь отъ насъ зачумиться, а карантинный служитель, который считалъ его набитымъ чумою, со своей стороны заботился о моемъ здоровьи. Крѣпость содержалась Русскими въ величайшемъ порядкѣ: чисто выбѣленные дома съ красными крышами придавали ей особенно опрятный видъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости были выстроены огромные военные госпитали и карантинъ. Въ Силистрийскій округъ, въ которомъ находятся двѣнадцать деревень, доставляющихъ крѣпости жизненные потребности, не иначе впускали кого-либо какъ по выдержаніи карантина.

Отъ Силистрии до самаго Браилова оба берега низменные и совершенно незаселенные, унылы до невѣроятности: только Русскіе солдаты, которые на Валахской сторонѣ заготавливали фуражъ, нѣсколько развлекали наши взоры, утомленные единообразіемъ, и мѣстами стаи птицъ, въ родѣ ласточекъ, вились надъ гладкою какъ зеркало водой. На правомъ берегу мелькнули между скалами развалины крѣпости Гирсова. Здѣсь Дунай дѣлится на множество рукавовъ.

Послѣ очень скучнаго плаванія, мы пріѣхали на слѣдующій день къ Браилу и я поспѣшилъ на берегъ

чтобъ видѣть мѣсто, которое играло такую роль во всѣхъ войнахъ съ Турцією. Крѣпость совершенно разрушена и валы опрокинуты въ ровъ, кромѣ того мѣста, со стороны кладбища, гдѣ во время послѣдней осады былъ сдѣланъ приступъ: оно оставлено, какъ было послѣ взрыва, или по-крайней-мѣрѣ менѣе другихъ разрушено. На кладбищѣ, у самаго рва, гдѣ пало такъ много храбрыхъ, воздвигнуть каменный крестъ на четырехугольномъ пѣдесталѣ, и съ лицевой стороны креста изсѣчено изображеніе всевидящаго ока; на оборотѣ — якорь; на крестѣ лавровый вѣнокъ; съ четырехъ сторонъ пѣдестала мертвыя головы. Вотъ скромный, но прелестный, памятникъ павшимъ героямъ. Завидуя славной ихъ участи, я долго стоялъ у подножія монумента; сильныя чувства волновали грудь мою и я оросилъ слезами землю, обогрѣнную кровью братьевъ. За монументомъ стоитъ деревянный крестъ съ локаническою надписью: — «Россійскимъ воинамъ.» Одну изъ упавшихъ съ пѣдестала головъ, я нашелъ на кладбищѣ, и придѣлалъ ее какъ могъ на прежнее мѣсто, стараясь пріостановить дѣло разруженія, которое успѣю уже наложить свою руку. Поклонившись еще разъ праху героевъ, я пошелъ въ городъ. Браиловъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ Валахіи, отстраивается очень хорошо; въ немъ есть даже щеголеватыя зданія. Къ сожалѣнію мнѣ по краткости времени, не удалось видѣть памятника воздвигнутаго на томъ мѣстѣ гдѣ 12 маія 1828 ядро упало къ ногамъ нашего Государя, лично подававшего войску примѣръ неустрашимости.

Возвратившись на пароходъ, я нашелъ тамъ нѣсколько дамъ и мужчинъ, которые для прогулки собрались ѣхать съ нами въ Галаць. Дамы вообще здѣсь очень бойки и большія кокетки, а мужчины — ихъ покорнѣйшіе слуги. И кавалеры и дамы говорили

все время по-Французски : это образованность людей непросвѣщенныхъ. На пароходѣ познакомился я съ маіоромъ Г***, который, съ Высочайшаго разрѣшенія, перешелъ изъ Русской службы въ Валахскую; это впрочемъ не первый, и дня два тому назадъ я говорилъ съ однимъ офицеромъ, который сдѣлалъ тоже. На вопросъ мой, какія важныя причины могли побудить его оставить службу своего отечества, онъ сказалъ, что женитьба и хорошее приданое удержали его въ Валахіи : такимъ же образомъ обвалашился и маіоръ Г***.

Послѣ полутора часоваго плаванія пріѣхали мы въ Галацъ, который видѣли уже изъ Браилова. Городъ довольно великъ, и по-крайней-мѣрѣ въ трое больше Браилова; отъ самаго берега поднимается онъ вверхъ по крутой горѣ; дома всѣ безъ исключенія уродливой архитектуры, — самая неудачная смѣсь Азіи съ Европой; внизу грязныя лавки набитыя торгующими Жидами и Греками. Отсюда нанялъ я лошадей до Леовскаго карантина, гдѣ для въѣзда въ Россію, нужно держать только четыре дня очищенія, между тѣмъ какъ въ Реннскомъ карантинѣ, находящемся около Галаца, оно продолжается четырнадцать дней.

Отѣхавъ двѣ почты, лошади до того устали, что я долженъ былъ остановиться ночевать въ Молдавской деревнѣ, гдѣ не нашелъ никого кто бы разумѣлъ по-Русски и едва могъ добиться чего-нибудь, чтобъ утолить голодь. Молдавія, право не такая бѣдная страна, какою ее описываютъ; напротивъ я вездѣ видѣлъ прекрасныя виноградники, стада быковъ и овецъ и огромныя табуны.

На третій день по выѣздѣ изъ Галаца, прибыли мы въ два часа послѣ обѣда къ Пруту, гдѣ устроена переправа и карантинъ. Подняли флагъ, и я побѣжалъ къ карантину съ паспортомъ, но неумолимый смотритель

не захотѣлъ принять меня ранѣе какъ на другой день и надобно было провести ночь на голыхъ доскахъ. Меня утѣшала надежда, что смотритель сдержитъ свое слово, и приметъ на другой день утромъ: но не тутъ то было; я, голодный, долженъ былъ дожидаться до двухъ часовъ. Такимъ образомъ конецъ моего путешествія за границею былъ конецъ голодный.

Длинными желѣзными щипцами взяли у меня паспортъ, и карантинный чиновникъ приставилъ ко мнѣ гвардіона, который повелъ меня въ мою комнату. Четыре несносныхъ дня миновались: уфъ!..... слава Богу! карантинъ конченъ! Скоро пришелъ докторъ и поздравилъ меня съ благополучнымъ испытаніемъ. Въ таможи осмотрѣли мои вещи, и я, получивъ подорожную, пустился изъ Леова безъ оглядки. Дорога отсюда до самаго Кишинева идетъ по степи, усыпанной безчисленными курганами, что однако жъ не значитъ, чтобы ихъ не можно было сосчитать, а только, что никто ихъ не считалъ. На другой день прибылъ я въ Кишиневъ, — столицу Бессараби. Это довольно хорошій городокъ, съ церквами, колокольнями, домами и трактирами, который лежитъ въ ложинѣ и окруженъ прекрасно обработанными полями и виноградниками: всю эту долину можно бы было принять за землю аккуратныхъ Нѣмцевъ.

Черезъ четыре часа, изъ Кишинева вы будете въ Бендерахъ. Крѣпость стоитъ отдельно отъ города и содержится въ большой чистотѣ; въ восточной ея сторонѣ находится древній замокъ съ шестью круглыми башнями; онъ сохранился очень хорошо, хотя какъ говорятъ, принадлежитъ къ давнимъ временамъ и построенъ еще во время владычества Поляковъ. Турки, завладѣвъ Бендерами, обнесли городъ землянымъ валомъ и другими пристройками. Возлѣ замка лежатъ развалины мечети съ высокимъ минаретомъ.

Перевозъ черезъ Днѣстръ устроенъ близъ самой крѣпости, и видъ съ парома на городъ, крѣпость и развалины минарета, прелестенъ. За Днѣстромъ Тирасполь, городокъ состоящій изъ одной улицы, съ чистенькою крѣпостью того же имени; за Тирасполемъ степь, часто пересѣкаемая лѣсками; за степью Одесса и Черное Море. Изъ всей прекрасной Одессы, Итальянскаго города Россіи, я опишу только баню и гулянье. Когда вы прїѣдете въ Одессу, покрытые толстою корою пыли, тончайшей пыли въ мїръ, или толстою корою грязи, первой грязи въ свѣтъ, — Одесса гордится своей пылью и своей грязью, и обижается, если вы скажете, что видали пыль или грязь больше этой, — идите прямо въ Греческую баню, гдѣ увидите вы Востокъ со всею его нѣгою, ежели не со всемъ великолѣпїемъ. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ комнатъ для раздѣванія, съ Турецкими диванами вдоль стѣнъ, и изъ круглой залы въ которой моются. Полъ, стѣны и скамейки сдѣланы здѣсь изъ мрамора и содержатся въ величайшей чистотѣ; печи устроены подъ поломъ, который всегда тепелъ и вы не подвергаетесь простудѣ какъ въ Русскихъ баняхъ, гдѣ часто изъ подъ полу препорядочно дуетъ. Предайтесь въ руки молодому Греку, и прикажите себя выскоблить, вымѣсти, выщелкать, вывернуть себѣ всѣ члены изъ суставовъ по-Турецки, — и вы увидите, что это за сладострастїе! Чтò касается до гулянья, то вы можете имъ пользоваться каждый день послѣ обѣда на бульваръ, на берегу моря, между дворцомъ графа Воронцова и прекраснымъ зданїемъ биржи. Видъ отсюда на гавань и рейду, усѣянная множествомъ кораблей, на которыхъ по праздникамъ раздѣваются разноцвѣтные флаги, прекрасенъ; этого мало, — обворожительнень, безпрѣдѣленъ. Бульваръ есть любимое гулянье высшаго класса Одесскихъ жителей; дамы, разряженныя по послѣдней модѣ, разхаживаютъ цѣлое

послѣ-обѣда взадъ и впередъ; около нихъ вертятся адъютанты и нашептываютъ имъ что-то въ уши..... Кстати объ ухахъ! въ Одессѣ есть опера; лучшая опера въ Россіи, — Италіянскій театръ, который всегда имѣеть отличныхъ пѣвицъ и хорошій оркестръ. Но уже бурое облако дыму клубится надъ быстрымъ судномъ; вотъ звонитъ колокольчикъ, якорь поднялся, и прекрасный пароходъ Петръ Великій понесъ насъ въ Черное Море, — самое синее море, какое только вы можете себя представить. Видъ на Одессу прелестенъ; особенно дворецъ графа Воронцова съ садомъ, бульваръ по которому гуляютъ дамы, и биржа дѣлаютъ самое пріятное впечатлѣніе.

На пароходѣ я познакомился съ двумя путешествующими Американцами, которые возвращались черезъ Москву изъ Петербурга. Они были въ восхищеніи отъ Москвы. Въ Петербургѣ все такъ огромно и величественно, что они терялись отъ изумленія; но Москва, сердце Россіи, правилась имъ безконечно: тамъ люди веселы, добры, гостепріимны въ высшей степени и умѣютъ пользоваться жизнью; мы провели въ ней, говорили они, три недѣли не замѣтивъ какъ прошло время. Москва чудо-городъ! восклицали Американцы: Москвичи преумные люди и великіе философы!.....» Спасибо тебѣ, бѣлокаменная, что поддержала нашу славу. Что и говорить, мастерица лицомъ продать товаръ!

Деятнадцатаго сентября мы увидѣли въ туманѣ Севастополь, и черезъ часъ бросили якорь близъ входа въ Балаклавскій заливъ. Противъ насъ, на голыхъ скалахъ, видны были развалины старинной крѣпости, построенной будто-бы Генуезцами; но профессоръ Dibois, въ письмѣ къ Г. Кеппену, говорить, что это долженъ быть одинъ изъ семи замковъ, которыми Сколури окружилъ несчастныхъ Херсонцевъ: онъ на-

зывается его Символономъ*. Одна изъ башень, находящаяся на самой вершинѣ скалы, обращенной къ морю, сохранилась очень хорошо, какъ и часть стѣны, которая идетъ вдоль Балаклавскаго залива. Пробывъ нѣсколько часовъ въ Балаклавѣ, я отлучился въ Бакчисарай, который расположенъ очень живописно на двухъ горахъ, находящихся у рѣки Чурукъ. Здѣсь большая часть жителей Татары или Караймы, и отъ того Бакчисарай болѣе всѣхъ городовъ Крыма сохранилъ восточный характеръ. На всѣхъ дворахъ, даже самыхъ бѣдныхъ, вы найдете мраморные фонтаны ключевой воды. Примѣчательнѣйшее, и почти единственное хорошее, строеніе есть Ханскій дворецъ, построенный 1519 году ханомъ Адиль-Сахибъ-Гиремъ: все зданіе обнесено каменною стѣною; внутри стоитъ отдѣльно гаремъ, окруженный также стѣною, которая гораздо выше первой. Въ комнатахъ двора стѣны и двери украшены богатою позолотою. Особенно примѣтельна зала, въ которой собирався диванъ; здѣсь наружныя стекла оконъ разцвѣчены яркими красками, а внутреннія матовыя, что придаетъ всѣмъ предметамъ въ залѣ цвѣтъ, весьма пріятный. Мнѣ показывали комнаты, въ которыхъ, какъ говорить преданіе, жила несчастная Польская княжна Марія, и гдѣ по ея желанію была устроена ханомъ католическая церковь. Въ саду я видѣлъ роскошную купальню хановъ, и наконецъ въ одной изъ комнатъ нижня-

* G. Dubois, въ теченіи 1833 и 1834 годовъ, объѣздилъ всю южную Россію, занимаясь изысканіемъ древностей и особенно геогностическимъ описаніемъ Крымскихъ и Кавказскихъ горъ. Я имѣю случай видѣть его въ Дрезденѣ въ ноябъ прошлаго года; онъ съ торгомъ отъѣзжаетъ о гостепріимствѣ, съ которымъ онъ былъ принятъ въ Крыму и въ Закавказскихъ областяхъ и о готовности, съ какою оказывали ему помощь въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ. Зимой онъ надѣялся успѣть привести въ порядокъ свои записки о южной Россіи, которыя будутъ изданы въ Берлинѣ.

го этажа тотъ фонтанъ, о которомъ говоритъ Пушкинъ ;

«И въ память горестной Маріи
Воздвигнуть мраморный фонтанъ.»

Возлѣ самаго дворца, черезъ дворъ, лежитъ кладбище. Всѣ памятники, находящіеся здѣсь, сдѣланы изъ бѣлаго мрамора, а въ двухъ круглыхъ склепахъ стоитъ повѣскольку деревянныхъ гробницъ покрытыхъ черными и зеленымъ бархатомъ, отъ котораго время оставило только лоскутъ. Въ головахъ повѣшены зеленныя чапмы, означающія потомковъ Магомета. Къ сожалѣнію, гробницы остаются безъ всякаго присмотра и надписи растеряны.

21 сентября мы пріѣхали въ Симферополь. Онъ дѣлится на двѣ части, на старый и новый городъ. Старый состоитъ изъ кривыхъ, узкихъ улицъ и переулковъ ; дома, по Азіятскому обычаю, на дворахъ и окружены каменными стѣнами, такъ что вы не можете наслаждаться чистымъ Европейскимъ удовольствіемъ глядѣть по окнамъ. Въ новомъ городѣ посреди огромной площади стоятъ прекрасный соборъ. Отъ площади идетъ по разнымъ направленіямъ нѣсколько прямыхъ широкихъ улицъ, уже довольно хорошо застроенныхъ опрятными домиками Европейской архитектуры. Уже слѣшкомъ два мѣсяца живу я въ Симферополь, и досихъ-поръ не имѣлъ причины жалѣть, что не попалъ въ Италію. Напротивъ того, гостепріимство Симферопольскихъ жителей и прекрасно образованное общество заставляютъ меня радоваться, что я предпочелъ Русскую Италію Италіанской. Сегодня, перваго декабря, на дворѣ 15° тепла, — что здѣсь совсѣмъ не рѣдкость: если хотите, можете въ этомъ удостовѣриться изъ результата двадцати-лѣтнихъ метеорологическихкихъ наблюденій Г. Стевена, помѣщенныхъ въ

одной из книжек «Журнала Министерства Внутренних Дѣлъ». Я слышалъ отъ него, что онъ частенько на Рождествѣ сидѣлъ съ гостями въ саду, и всѣ жаловались на солнечный жаръ, любясь съ балкона на съдой Чатыръ-дагъ и на цѣпьъ прекрасныхъ горъ. На южномъ берегу Крыма, въ продолженіи всей зимы термометръ стоитъ почти всегда 10° выше нуля, и въ февралѣ вы найдете тамъ миндальныя деревья и розы въ полномъ цвѣту. Оставьте вы свой Каменный Островъ, и пріѣзжайте въ Крымъ наслаждаться жизнью!

Н. МАРКЕВИЧЪ.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТРИ ПОРЫ.

Была пора, — во мнѣ тревожное волненье,
Какъ передъ пламенемъ въ вулканѣ гуль глухой,
Кипѣло день и ночь; я вся была стремленье,
Я вторила судьбѣ улыбкой и слезой.
Удѣлъ таинственный мнѣ что-то предвѣщало:
Какъ жрица духа ждетъ, я будущность ждала,
Я волю замысламъ, просторъ мечтамъ дала;
Я все высокое участвомъ понимала,
Всему прекрасному платила дань любви.....
Жила я сердцемъ въ оны дни!

Потомъ была пора.....и свѣта быть лукавой
Своею мишурой мой взоръ околдовалъ;
Баль, искуститель нашъ, магической отравой
Прельстилъ меня, завлекъ, всѣ думы обаялъ.
Пиры и праздники, изящные наряды,
Головокружный вальсъ вполнѣ владѣли мной,
Я упивалася роскошной суетой.
Я вдохновенья огонь тушила безъ пощады
Для блеска бальныхъ свѣчъ..... Я женщиной была.
И женщины тщеславіемъ жила!

И третія пора теперь мнѣ наступила;
И демонъ суеты изъ сердца изжененъ;
И свѣтлая мечта поэзіи смѣнила
Самолюбивыхъ смуть опасно-сладкій сонъ.
Воскресло, ожило святое вдохновенье;
Т. XVIII. — Отд. I.

Дышу свободнѣе; душъ царственный полетъ
 Впятаетъ въ небесахъ, и Божій міръ беретъ
 Себѣ въ минутное, но полное, владѣнье.....
 И, жизнь переселивъ изъ сердца въ голову,
 Я мыслію живу!

ГР. А—А Р—А.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ.

My heart took the hue of the hour.

THOMAS MOORE.

Когда порой зимы такъ рано вечерѣтъ,
 И солнце безъ лучей на западъ тускнѣтъ,
 Зачѣмъ, зачѣмъ такъ грустно мнѣ?
 Когда природы день такъ молодъ умираетъ
 И день подложный нашъ его переживаетъ,
 Зачѣмъ печаль встанетъ въ душѣ?....

Смотрю, какъ стелятся туманы черной мглою,
 Внимаю птицъ ночныхъ пронзительному вою,
 И, мысли грезой замѣня,
 Видѣнья мрачныя, тоскующія думы
 Чернѣе вешней мглы, станицею угрюмой,
 Унынѣемъ вбѣютъ на меня.

Зачѣмъ?..... Какая связь межъ сердцемъ безпокойнымъ,
 Кипящимъ жизнію, и этимъ, дивно-стройнымъ,
 Но столь холоднымъ, естествомъ?
 Зачѣмъ мечты мои цвѣтъ неба отражаютъ?
 Зачѣмъ сочувствія міръ видимый сдружаютъ
 Съ неосязаемымъ умомъ?.....

Иль перстъ вѣдательный всему даетъ значенье.
 Иль все окрестнос есть притча и сравненье,
 Прообразъ нашего житья?
 Иль это таинство созвучій сокровенныхъ
 Въ мигъ посвященія, въ часъ сумеркъ вдохновенныхъ
 Чутьемъ души постигла я?.....

И можетъ-быть затѣмъ такъ сердце приуныло
 Что есть и у него закатное свѣтило,
 И безотрадная зима?.....
 Что полдень радости и утро упованья
 Не долго рдѣють намъ?..... Что всякое сіянье
 Невѣрно, бѣгло, какъ мечта!

Неразъ младую жизнь страданья облекали
 Могильнымъ саваномъ; не рѣдко ночь печали
 Смѣняетъ счастья красный день.....
 Но жертвы тайныя скорбей неизлечимыхъ
 Живуть, живутъ свой вѣкъ: и въ ихъ сердцахъ томимыхъ
 Все холодъ, пустота, и тѣнь.

Когда порой зимы такъ рано вечерѣть,
 И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣть,
 Мнѣ жаль, мнѣ жаль младаго дня!
 Когда съ отцвѣтшею душою я встрѣчаюсь,
 Я за нее грущу; участье съ ней сливаюсь;
 Мнѣ страшно..... страшно за себя!

ГР. А—А Р—А.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Черезъ всѣ пути земные
 Съ незапамятной поры
 Въ міръ ходятъ двѣ родныя,
 Но несходныя, сестры.
 Вся, одна изъ нихъ, цвѣтами
 Какъ невѣста убрана,
 И опасными свѣтами
 Смертныхъ путаетъ она; †
 На устахъ любви приманка,
 Огонь въ очахъ, а въ сердцѣ ледь, —
 И какъ бурная Вакханка
 Дѣва пляшетъ и поетъ.
 Не блеститъ сестра другая:

Черень весь ея покровъ ;
 Взоръ недвижимо суровъ ,
 Перси — глыба ледяная ;
 Но въ груди у ней — любовь .
 Всѣмъ какъ-будто незнакома ;
 Но явится у дверей , —
 И богачъ затворный дома
 Долженъ сказываться ей ;
 И чредой она приходитъ
 Къ сыну горя и труда ,
 И бессонницу отводитъ
 Отъ страдальца навсегда .
 Та страстей могучинъ хмѣлемъ
 Шаткій умъ обворожить ,
 И, сманивъ къ невѣрнымъ цѣлямъ ,
 Съ злобнымъ смѣхомъ убѣжитъ .
 Эта въ трудный часъ недуга
 Насъ , какъ вѣрная подруга ,
 Посѣтитъ , навѣтъ сонъ ,
 Сникнетъ къ ложу съ состраданьемъ
 И замкнетъ своимъ лобзаньемъ
 Тяжкій мученика стонъ .
 Та , напѣвами соблазна ,
 Обольщаетъ сжатый духъ ,
 И для чувственности праздной
 Стелетъ нѣги жаркій пухъ .
 Эта тушитъ пылъ тѣлесный ,
 Прахъ съ души , какъ цѣпи , рветъ ,
 И изъ мрака въ свѣтъ небесный
 Вдохновенную влечетъ :
 Рухнетъ грустная темница , —
 Прахъ во прахъ ! душа ораица
 Снова родину узритъ ,
 И , безъ шума , безъ усилъя ,
 Вскинувъ дѣвственные крылья ,
 Въ мѣръ эфирный воспаритъ .

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

ПРОБУЖДЕНІЕ ВО СНѢ.

=

«Я снова проснулся, я снова лечу
 На встрѣчу глухому, надменному, міру.
 И мвртиться силой съ гигантомъ хочу,
 Иль жечь омиамъ, и несть жертвы кумиру!
 Я снова вашъ, люди. Терзайте меня!.....
 Закуйте въ объятъя, засыпьте цвѣтами,
 Язвите и пойте; и ~~дайте~~ дайте огня,
 И сердце пилите златыми пилами.
 На сѣверъ — солнце, на югъ — заря:
 И сѣверъ и югъ удивляются оба.....
 Отъ сна пробудилось кладбище-душа,
 И сердце-отшельникъ возстало изъ гроба:
 Вдругъ въ сторону — саванъ, въ могилу — вѣнецъ!
 Вотъ перси отдѣлись, какъ тканью, крылами;
 Вотъ очи зажглись, и юный мертвецъ
 Сзываетъ на праздникъ всѣ гробы съ гостями.
 Чу! грянуло эхо..... И бурной волной,
 Кружась вереницей, слетають желанья,
 И выкся въ веселья надъ черной землей,
 И манять на землю былыя страданья.
 Чу! остовы ржавыхъ, усопшихъ страстей,
 Стуча и звѣня торопливо костями,
 Стрѣхаютъ ярмо подмогильныхъ цѣпей,
 И рдятся въ тѣло съ вѣнками-кудрями.....
 Ко мнѣ, наслажденья! Сюда, хороводъ
 Восторговъ, надеждъ, обвѣтшалыхъ мечтаній!
 Проснулся владыка: ко мнѣ мой народъ!
 О други, о братья, лобзаній! лобзаній!.....»
 Такъ старецъ мастыстый во снѣ лепеталъ
 При блескѣ зарницы, надъ сѣнью полночи.
 «Я снова проснулся!» безумный мечталъ;
 А сонъ лишь смежилъ утомленные очи.

ТИМОФЕЕВЪ.

ЖНЕЦЫ.

Однажды вечеръль прекрасный лѣтній день,
 Дышала нѣгою зеленыхъ рошей тѣнь, —
 Я тамъ бродилъ одинъ, гдѣ синими волнами,
 Отъ Кунцовскихъ холмовъ струяся подъ Филими,
 Шумить Москва рѣка; и духъ плѣнялся мой
 Занятъ сельскаго священной простотой,
 Богатой жатвою въ душпстомъ тихомъ полѣ,
 И пѣснями жнецовъ счастливыхъ въ бѣдной долѣ.
 Ихъ острые серпы межъ нивъ вездѣ блестятъ;
 Колосья желтые подъ ними вкругъ лежать;
 И, собраны жнецовъ женами молодыми,
 Они ужъ связаны снопами золотыми;
 И трудъ полезный всѣмъ, далекій отъ тревогъ,
 Улыбкою отца благословляетъ Богъ.

Ужъ солнце гаснуло, багровый блескъ бросая;
 На жнивѣ кончилась работа полевая;
 Радужные жнецы идутъ уже домой, —
 Одинъ во цвѣтѣ лѣтъ стоялъ передо мной:
 Его жена мой взоръ красою удивляла;
 Съ младенцемъ радостнымъ, счастливая, играла,
 И въ кудри темныя вплетала васильки,
 Колосья желтые и алые цвѣтки;
 А жнецъ на нихъ смотрѣлъ; и видъ его веселый,
 Являлъ, что жаръ любви живитъ удѣлъ тяжелый.
 Въ отраднй свой приютъ уже собирався онъ.
 Съ кладбища сельскаго летитъ вечернй звонъ!.....
 И къ тихимъ небесамъ взоръ пылкй устремился
 Отецъ и мужъ, душой за милыхъ онъ молился,
 Колѣна преклонивъ. Думъ набожныхъ полна,
 Младенца яснаго взяла его жсна;
 Рученки на груди крестомъ ему сложила,
 И, мнилось, благодать ихъ свыше осынила.

Но дремлетъ все кругомъ. Серебряный туманъ
 Таинственной луной разсыпанъ по снопамъ;

П Р О З А.

К О К Е Т К А.

=
П О В Ъ С Т Ъ ,
=

У И-скаго посла былъ рауть. Экипажи тянулись по обѣимъ Морскимъ и Гороховой; лакен суетились на лѣстницахъ, гости тѣснились въ залахъ. Залы блестяли шелкомъ, мраморомъ, живописью, бронзою. Вдоль стѣнъ перегибались канделябры, и въ этихъ канделябрахъ горѣло такъ много свѣчь, и эти свѣчи озаряли такъ много хорошенькихъ головокъ, и на этихъ головкахъ колыхалось такъ много цвѣтовъ, перьевъ и газу, что глаза посѣтителей невольно разбѣгались, плавали, утопали въ ослѣпительномъ сліяніи красоты, огня, вкуса и комфорта.

Царьца общества окружали ихъ почетные и дѣйствительные обожатели. Каждый кружокъ стульевъ былъ предводительствуемъ своимъ чепчикомъ, своимъ берстомъ, своей прической; но не всѣ кружки были одинаково многочисленны, одинаково пышны. Пожилые, выбритые какъ зеркало, холостяки, члены разныхъ миссій и любители неистовой литературы, толпились около госпожи ***, ультра-женщины, которую называли — Русскою Рекаміе, и которую мнѣ однажды вздумалось назвать сѣвѣрною Ниноною. Свѣтъ однако называлъ ее иначе.

Въ противоположномъ углубленіи ораторствовала дѣвушка, стройная какъ тополь, смуглая какъ Егип-

тяжка. Ее съ большимъ вниманіемъ слушали два писателя, — одинъ въ очкахъ, другой безъ очковъ, — но тѣмъ не менѣе равно великіе поэты; одинъ Французъ любимецъ Петербургскихъ дамъ, три молодыхъ франта и нѣсколько нулей. Франція торжествовала.

Далѣе, въ другихъ комнатахъ, виднѣлись группы военныя, группы дипломатическія, группы придворныя, и въ нихъ пять, шесть, десять женщинъ. Далѣе были столы съ картами; еще далѣе былъ буфетъ.

Но центромъ общаго движенія, но притягательною силою поклоненій, любезничанья, взглядовъ и вздоховъ, но солнцемъ этого раута и всѣхъ раутовъ того незабвеннаго года была безспорно графиня Зенеда К***. Она владычествовала, она царствовала. Пунсовый табуретъ, полузакрытый эфирнымъ платьемъ ея, былъ ея трономъ, въеръ — ея скипетромъ; ея голосъ, какъ слово Наполеона, повелѣвалъ всѣми волями и умолкши, долго еще, подобно мотивамъ Вебера, звучалъ въ ушахъ и отдавался въ сердцѣ. Самые прихотливые, самые взыскательные наблюдатели, увидѣвъ ея, столбенѣли отъ удивленія: до такой степени лице ея было прелестно, локоны ея роскошны, грудь и плеча бѣлы, поступь стройна и величава. Талию графини обхватывалъ корсажъ изъ розоваго тюля безъ лентъ, и перестегивался изумрудными аграфами и нитками крупнаго жемчуга. Платье ея изъ блондоваго газу, поднятое съ одного боку, внизу было переплетено гирляндою яркой зелени; изъ подъ гирлянды *отчетливо* выставилась маленькая чародѣйская ножка, обутая въ самые крошечные башмаки. Черные и глянцовитые волосы графини были свиты въ греческую прическу; спереди они лежали плавно и гладко, къ верху сбѣгались вмѣстѣ и сквозь брилліантовый діадемъ струились каскадомъ букетами. Ея шею окружалъ воздушный эшарпъ. Красавица, казалось, утопала въ этомъ мимолетномъ облакѣ, живо напоминая

собою тѣ поэтическія головки, которыми Isabeau обогатилъ Искусство.

— Вербицкій, тихо сказалъ стоявшему подлѣ адъютанту поручикъ Извъковъ : представь меня графинѣ.

— Къ чему поведетъ тебя это , отвѣчалъ Вербицкій вполголоса. Во-первыхъ , ея сіятельная добродѣтель не знаетъ кораблекрушеній, а во-вторыхъ, ты ѣдешь въ отпускъ. Впрочемъ изволь!

Онъ подошелъ къ графинѣ. Графиня улыбкулась. Вербицкій поклонился , и черезъ минуту повлекъ Извъкова къ пунсовому табурету.

— Графиня , имѣю честь представить вамъ моего друга, мосіе Извъкова.

Графиня повернула личико и изящная фраза, звонкая какъ дребезжаніе колокольчика , скатилась съ ея привѣтливыхъ губокъ ; но когда она подняла глаза, чтобы окинуть новаго знакома, ей вдругъ сдѣлалось страшно ; она дрогнула какъ будто мертвая рука провела свои холодные пальцы по становому крестцу ея ; однако она не перемѣнилась въ лицѣ и примолвила ласково :

— Вы здѣсь недавно ? Я , кажется , въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

— Такъ точно , графиня ; я только въ послѣднихъ числахъ сентября возвратился изъ Константинополя.

— Изъ Константинополя ?.... . И долго останетесь еще въ Петербургъ ?

— Нѣтъ, я прошусь въ отпускъ.

— А что тамъ въ Константинополѣ ? Видѣли ли вы султана ?..... О! да вы вѣрно видѣли и его одалискъ. Быть-можетъ, которая-нибудь изъ нихъ васъ очаровала.

— Я имѣлъ честь видѣть султана , но одалискъ его не видалъ. Впрочемъ, если бѣ Махмудъ, вопреки Корану и величавой строгости Оттоманской, и допустилъ меня въ свой гаремъ, я и тутъ не потерялъ бы ума, имѣя особенныя понятія объ этихъ предметахъ.

— Востокъ видно не воспламенилъ вашего воображенія?

— Напротивъ, охолодилъ его.

— Какъ же это? Я не понимаю.

— Гаремы выворотили вверхъ дномъ всѣ мои понятія о.....

— Вы не поэтъ?

— Нѣтъ, графиня.

— Вы должны быть ревнивы?

— Да; я ревнивъ. По-моему, любовь и ревность такъ же неразлучны между собою какъ тѣнь не разлучна съ предметомъ.

— Ха, ха, ха! благодарю за откровенность и даю вамъ слово никогда не искать вамъ невѣсты.

— Отчего же, графиня? Чувства мои не выкрадены изъ печатнаго; быть-можетъ, я грѣшу противъ уложенія свѣта, говоря откровенно то, что думаю; но виновать, иначе говорить не умѣю.

— По-этому.....

Госпожа *** или ультра-женщина подвела къ графинѣ ново-приплывшаго Англичанина. Извѣковъ уѣхалъ. Графиня поговорила съ нимъ четверть часа: Петербургъ цѣлую недѣлю будетъ говорить объ этомъ предпочтеніи. Милордъ мучилъ графиню. Графиня отвѣчала милорду, не думая объ немъ. Она казалась совершенно спокойною; но если бѣ кто-нибудь имѣлъ право въ эту минуту продѣть руку свою подъ ея поясъ, тотъ нашелъ бы, что сердце графини Зенеиды хочетъ выскочить: такъ сильно билось оно, тревожимое не чувствомъ, но предчувствіемъ.

Наконецъ Англичанинъ оставилъ ее въ покоѣ.

Ему наследовалъ баронъ М***, длинный какъ торжественная ода.

Графиня Зенеида, слушая барона М***, придвинула къ миниатюрному ротуку свое опахало.

— Вы вздыхаете, графиня? заметилъ обрадованный дедки.

— Нѣтъ..... я..... (я зѣваю — хотѣла сказать она); нѣтъ, я хочу уѣхать. Рауть кончился.

=

Есть ли въ мірѣ что-нибудь лучше спальни! То есть, спальни молодой щеголихи. Гдѣ можно роскошнѣе надышаться нѣгою, какъ не въ дыму этихъ тапштенныхъ курильницъ? Гдѣ отраднѣе молнія длиннаго взора какъ не при трепетномъ мерцаніи этой алебастровой лампы? Гдѣ возмутительнѣе огонь поцѣлуя, какъ не на этомъ великолѣпномъ и богатомъ ложѣ?

Хотите ли вы, я поведу васъ туда. Хотите?..... Ну такъ станьте на цыпочки, притаите дыханіе, и идите за мною.

Мы въ спальнѣ. У! какъ здѣсь хорошо! Любуйтесь!

Розовый левантинъ, собранный въ складки и фестоны вѣется по стѣнамъ и карнизамъ, скрывая двери и окна, и у плафона скручивается въ куполь. Онъ усыпанъ серебряными звѣздами, пронизанъ серебряными стрѣлами, прикрѣпленъ серебряными застежками. Пушистый, мягкій, почти шелковый коверъ раскинутъ по паркету; коверъ такъ свѣжъ и такъ ярокъ, что невольно ступаешь по немъ бережно; всё кажется будто топчешь ногами цвѣты Кашмира, прославленные мечтательнымъ Саади. Въ одномъ углубленіи камень, — чудесная игрушка, высѣченная изъ Карарскаго мрамора, въ другомъ огромное Италіянское зеркало. Вправо отъ зеркала столъ, усыпанный миллиономъ бездѣлокъ; влѣво два треножника, увѣнчанные курильницами, которымъ бы позавидовали фаворитки Махмута II. Они дымятся, разливая въ воздухъ благодатное дыханіе кинамона, резеды и левкоя. Среди ихъ душистаго облака является постель, оза-

ренная полу-луннымъ, фантастическимъ цвѣтомъ, столь дивнымъ и упонительнымъ, что если бѣ онъ могъ проникнуть подѣ своды Нерчинскихъ подземелій, то и тамъ, въ изсохшихъ жилахъ страдальца, пробудилъ бы сладкую, живительную надежду.

Любуйтесь, говорю вамъ; любуйтесь и ступайте вонъ.

Занавѣсь, скрывавшій дверь, поднялся и Зенеда впорхнула какъ ласточка.

— Вѣра! сказала она своей горничной: мнѣ скучно, мнѣ тошно; разшнуруй меня.

Вѣра и еще двѣ горничныя раздѣли графиню.

Тогда графиня подошла къ зеркалу, — коснулась его, — оно скрылось въ сторону, — пропустило спльфиду, — и опять заняло прежнее мѣсто свое.

Сильфида съѣла въ ванну, спросила книгу, бросила книгу на полъ, и стала думать.

Теперь, покуда она думаетъ, я поспѣшу сообщить вамъ то, что думаетъ объ ней свѣтъ, и что знаю про нее я, котораго никто не знаетъ.

Позвольте, скажутъ мнѣ многіе читатели: ужъ если вы взялись описывать, такъ описывайте все сплошь да рядомъ. Зачѣмъ перескочили вы черезъ ванну? Мы хотимъ видѣть вашу красавицу въ ваннѣ!

Мою красавицу? Въ ваннѣ?..... Я весь покраснѣлъ отъ такого требованія..... Я давно замѣчаю, что вѣтъ въ свѣтъ людей нескромнѣе многихъ читателей. Да кто вамъ сказалъ, что она красавица?..... Я? Никогда! Имѣю честь доложить вамъ, что она — оборотень!

Чудесныя свойства Зенедаы обнаружались съ ребячества; никто не могъ упрекнуть ее въ упрямствѣ, въ непослушаніи, въ зависти; но никто также не могъ похвалиться ея нѣжностью, лаской, привѣтами. Она никого не огорчала и никого не любила. Науками занималась она успѣшно; ея бойкій, вѣрный умъ легко схватывалъ тайны каждаго языка, каждаго познанія;

но къ изящнымъ искусствамъ, къ этимъ сестрамъ души человеческой, она была холодна. Ни живопись, ни музыка, ни поэзія, не производили надъ ней никакого дѣйствія. Она смотрѣла на картины Сальватора и Рафаэля, она слушала концерты Бетговена, она читала стихи Шиллера и Гёте, но всё прелести, всё искры творческаго жара, все, все, даже Ораторія Гайдена, эта трагедія музыки, и Гамлетъ Шекспира, эта ораторія поэзіи, скользили мимо ея глазъ, ушей и сердца безъ отголоска, безъ сочувствія, какъ поцѣлуй живаго по мертвому. Однако, невзирая на эту холодность, Зененда обладала качествами природной женщины. Она любила свѣтъ, шумъ, танцы, поклоненія, она по нѣскольку часовъ сряду не отходила отъ зеркала и глядѣлась въ него, — не любуясь огненною своею наружностью, не разсѣкая бѣлыми ручками черныхъ, волнистыхъ кудрей, не тормаша пояса, сжимавшаго талю, узкую какъ горлышко рюмки, въ которую шанпанское падаетъ огненною струей подобно вдохновенію поэта, но увѣренная въ божественности глазъ своихъ, несравненно прелестнѣйшихъ чѣмъ глаза Дантовой Беатриче, но убѣжденная, что женщина рождена повелѣвать, царствовать, двигать сердцами и обществомъ.

Въ семнадцать лѣтъ Зененда, избалованная ласкательствами, требовала уже безусловной покорности, самоотверженія, рабства, жаждала славы и своей маленькою ножкою попирала любовь!

Когда ея сверстницы учили наизусть «Свѣтлану», плакали читая Ламартина, вспыхивали завистью, глядя на ротикъ Доминикиновой Сивиллы или непрерывно разигрывали мотпы изъ «Семирамиды», она удивлялась и пожимала плечами.

Когда онѣ описывали ей восторгъ свой при видѣ прелестей природы, при созерцаніи мѣсяца, при глядѣніи на море, одну изъ величественнѣйшихъ идей

мірозданія, при слуханіи рева величественной бури, она опять удивлялась имъ и опять пожимала плечами.

Когда въ порывъ ребяческой откровенности онъ повѣряли ей семнадцать лѣтнія тайны свои; когда, краснѣя, говорили, что морозъ и пламя пробѣгаютъ по ихъ жиламъ въ вихрѣ галлопада; что иногда слово, сказанное такимъ то, по цѣлымъ ночамъ слышится у ихъ изголовья; что часто, — особенно передъ восхожденіемъ солнца, — когда луна прячется и звѣзды блѣднѣютъ, ихъ сжимаетъ невѣдомая дрожь, ласкаютъ невѣдомыя грезы, она рѣшительно взглядывала на нихъ съ недоувѣрчивостію, и готова была сказать: «Со мной этого никогда не бываетъ.»

И она не обманывала. Въ самомъ дѣлѣ сердце ея никогда не тревожилось. Она являлась на выставкахъ Академіи Художествъ, въ концертахъ Филармонической Залы, въ представленіяхъ Михайловскаго Театра — по всегда съ удивительнымъ равнодушіемъ. Ее влекли туда не Брюлловъ, не Оберъ, не Дюма: ее влекла толпа. Судите сами, въ искусствахъ — толпа, въ концертѣ — толпа, въ драмѣ — толпа! Толпа боготворила Зенеиду, толпа ей поклонялась. Чего же ей болѣе? На балахъ она прыгала, танцовала, сводила съ ума; но сама оставалась свободною. Вездѣ она владычествовала, но никто не владѣлъ ею. Вездѣ и всюду, въ уединеніи и въ обществѣ, днемъ и ночью, даже посреди предразсвѣтной дремоты, Зенеида была холодна. Она просто была безчувственна.....

Послѣ этого я васъ спрашиваю: что такое Зенеида, красавица или оборотень?

Греки не удивлялись бы ей: Греки видали сирень. Наши прадѣды не удивлялись бы ей тоже: они водились съ русалками. Но мы, люди девятнадцатаго столѣтія, мы должны удивляться ей. Для насъ сирень и русалки — гиль, пустяки. Мы въ нихъ не вѣримъ.

Въ обожателяхъ у ней не было недостатка. Ея разговоръ увлекалъ всякаго. Она такъ ловко опутывала вниманіе, такъ искусно вкрадывалась въ души, такъ быстро перелистывала страницы каждаго сердца, такъ неожиданно вписывала имя свое, что, поговоривъ съ нею, не полюбить ея было бы столько же трудно, какъ въ іонскій полдень, посмотрѣвъ на солнце, не зажмурить глазъ. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобъ довести васъ до изступленія и потомъ бросить, осмѣять, презрѣть, отвергнуть.

Разъ только что-то похожее на впечатлѣніе потрясло ея мысли и вотъ какимъ образомъ :

Она была на балѣ. Волны мужчинъ и женщинъ шумѣли въ залахъ. Утомленная котиліономъ, задыхаясь отъ жару и глупости своего кавалера, она сквозь три гостиныя умчалась въ кабинетъ хозяйки и тамъ одна-одинешенька кинулась на кушетку. Глаза ея бѣгали по комнатѣ, увѣшенной картинами. Ничто не привлекало ихъ. Ей стало легче; она подошла къ этажеркѣ, наполненной модными игрушками и вдругъ между ними встрѣтила портретъ. Она дрогнула. Никогда еще ничто такъ сильно не поражало ея. Портретъ этотъ, писанный акварелью, изображалъ молодаго человѣка. Голова его опиралась на правую руку; грудь и станъ были стянуты Турецкимъ архалухомъ. «Еслибъ онъ былъ здѣсь», подумала Зененда, «я бы притворилась влюбленною!» И она опять убѣжала въ залу, и опять завертѣлась въ вальсъ.

Вальсъ — выдумка искусителя: въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Я поклялся не вальсировать ни съ кѣмъ въ мірѣ, даже съ моей женою, чтобы никого не вводить въ искушеніе.

На девятнадцатомъ году Зененда вышла замужъ, за шестидесяти-лѣтняго графа К***. Она вопреки волю матери отказывала сотнѣ молодыхъ, богатыхъ, любезныхъ жениховъ: не хочу, да не хочу — было всег-

дашнимъ ея возраженіемъ. Зенеида разсуждала такъ: «Любить я немогу и не умѣю: я считаю любовь — болѣзнию, разслабленіемъ нервовъ; но я хочу нравиться, я хочу ослѣплять красотой. Отдавъ же себя молодому мужу, я должна буду покоряться его прихотямъ, его ревности, я промѣняю свободу на рабство; я погублю его и себя. Отъ этого образа мыслей графъ К*** сдѣлался мужемъ Зенеиды. Петербургская молодежь узнавъ о свадьбѣ ея, говорила: — «Это почти благодѣяніе,» — и улыбалась лукаво, даже очень лукаво. Ужъ эта мнѣ молодежь!

Графъ К*** принадлежалъ къ тому разряду людей, которыхъ мы называемъ добряками. Зенеида не могла желать себѣ лучшаго мужа. Она угождала ему; онъ ея не беспокоилъ.

Черезъ нѣсколько времени графъ по дѣламъ службы уѣхалъ въ Варшаву.

Графиня не измѣняла. Число ея поклонниковъ возрастало съ каждымъ баломъ, съ каждымъ раутомъ; но счастливица не было. Объ ней кричали — Она кокетка, она ужасная кокетка, — и ни пол-звука болѣе. Молодежь ошиблась. Злословіе скрежетало зубами, Зенеида хохотала надъ молодежью и надъ злословіемъ. Никто впрочемъ не могъ обвинять ея; и хоть она вездѣ являлась, давала праздники, принимала мужчинъ отъ полудня до полуночи, однако вмѣстѣ съ этимъ умѣла поставить себя выше всѣхъ подозрѣній, выше всякой клеветы и потому самые отчаянныя Ловеласы; даже князь Биби, король обѣихъ Набережныхъ, не осмѣливались говорить про нея двусмысленно или въ пылу пирушки хвастать малѣйшею ея ласкою.

Графиня по середамъ и по субботамъ писала къ графу.

Графъ развилъ въ графиню чувство благодарности. Такъ промчались три года.

Большое зеркало снова шевельнулось, снова спряталось и Зенеида снова очутилась въ спальнѣ. Ванна освѣжила ее, ванна ее приголубила. Она вышла изъ душистой купальни, какъ Киприда изъ пѣнистаго моря; бѣлая грудь ея казалась вдвое бѣлѣе; ножки отдыхали въ фиолетовыхъ туфляхъ; густые волосы развивались словно чернѣйшій бархатный плащъ. Вѣра разрознила ихъ гребнемъ, свила въ двѣ длинныя косы, согнула подъ зубчики черепаховаго вѣнчика и накрыла тюлевымъ чепчикомъ.

Зенеида легла въ постель, махнула ручкой, осталась одна. Долго молчала она. Вы бы сказали — она почи-ваетъ: но нѣтъ, она не почивала; думы ея толпились, сталкивались, и наконецъ выразились звуками: «Этотъ онъ!..... О, я непременно притворюсь влюбленною!»

И вдругъ Зенеида дрогнула точно такъ, какъ дрогнула въ ту минуту, когда увидѣла она портретъ прекраснаго юноши; какъ въ то мгновеніе, когда глаза ея встрѣтились съ глазами Извѣкова; и встревоженная, она спрятала головку подъ атласное одеяло.

=

Два дни послѣ этого, почталіонъ принесъ Извѣкову письмо. Письмо это было отъ его матери.

Она звала его домой, увѣдомляла о болѣзни отца, писала, что сосватала для него невесту; она ожидала его и надѣялась скоро увидѣть.

Извѣковъ, прочитавъ письмо, началъ ходить по комнатѣ. Приготовленія къ отъѣзду были совершенно кончены. Его восхищала мысль о близкомъ свиданіи съ родными, милыми сердцу. Онъ давно уже не былъ дома; многое измѣнилось тамъ, многого нѣтъ, подросточки выросли, взрослые постарѣли. Но радушіе, но гостепріимство, не измѣнились въ сельцѣ Х-овѣ. Его ожидаютъ друзья и знакомые; род-

ственныя ласки отогрѣютъ сердце его, иззябшее въ омутъ свѣтскаго эгоизма.

«Бду, непременно бду!» восклицалъ Извъковъ. «Эй, человекъ, сбѣгай въ канцелярію, въ Главный Штабъ.....»

— Тише, любезнѣйшій, раздалось за плечами его. Онъ обернулся и увидѣлъ Вербицкаго.

— Какое впечатлѣніе произвела на тебя графиня?

Дмитрій покраснѣлъ; поблѣднѣлъ, смѣшался и отвѣчалъ, запинаясь: — Ни какого!

— Шутишь, милый; шутишь; меня провести трудновато. Ты былъ у нея съ визитомъ.

— Былъ; не засталъ дома и только вчера видѣлъ ее въ театрѣ.

— Она говорила съ тобою?

— Многоходомъ, садись въ карету.

— Поздравляю. Ха, ха, ха! бѣдный Извъковъ!

— Я не понимаю тебя, Вербицкій! Ты, или сошелъ съ ума или неосторожно позавтракалъ?

— Ни то ни другое, душа моя; а ты посылай-ка лучше за лошадьми и скачи домой. Эта женщина проведетъ тебя. Повѣришь ли, легче безъ выстрѣла пробить брешь въ непріятельскомъ брустверѣ, чѣмъ коснуться пальчикомъ ея ленты.

Извъковъ взглянулъ на Вербицкаго, и сталъ снова ходить по комнатѣ.

— Послушай, продолжалъ адъютантъ: я знаю тебя съ ребячества; мы были однокашники въ училищѣ, однокартечники въ войну противъ Турковъ. Ты самолюбивъ и настойчивъ: ты не въ состояніи перенести равнодушія, и, влюбившись.....

Извъковъ прервалъ его съ жаромъ: — Не смущай меня, Владиміръ; не произноси всуе имени любви. Если бъ ты зналъ меня въ самомъ дѣлѣ, такъ зналъ бы тоже, что я ни разу еще не былъ влюбленъ.

— Тѣмъ хуже, братъ, тѣмъ опаснѣе..... Мы, грѣш-

ные, дѣлимъ и дробимъ силу страстей, а ты ихъ бережешь и скопляешь. Въ твоей груди бочка пороху: одна искра и взлѣтишь на воздухъ.

Дмитрій кинулся на софу. — Кѣмъ подученъ ты? закричалъ онъ: кѣмъ ты подосланъ? Чьи бредни не совѣстишься передавать товарищу дѣтства? И какал у тебя цѣль? И съ чего взялъ ты, что графиня мнѣ нравится? Если это шутка, такъ перестань; если же нѣтъ, такъ объясняйся. Десять лѣтъ скитаюсь я по свѣту; десять лѣтъ трусь около удовольствій, однако тѣнь любви не закрадывалась въ сердце мое. Этимъ обязанъ я чудному свойству души и духа. Я чувствую, что могу любить только разъ, что у меня не хватить ни силы, ни крови, для другаго подобнаго ощущенія. Я чувствую, что если я влюблюсь, такъ любовь, до-сихъ-поръ придавленная и стиснутая, вспыхнетъ, разгорится, сожжетъ меня, вгонитъ въ чахотку, изпепелитъ, изкрошитъ, и я бѣгу ея, боюсь ея; и потому имеемъ той, которая первая поцѣловала тебя въ губы, Владиміръ, прошу, заклинаю, не говори со мной никогда объ этомъ предметѣ, не дразни, не мучь меня.....

Вербицкій кивнулъ головой, и поправилъ усы.

Лице Извѣкова озарилось дивнымъ свѣтомъ; глаза его могли воскресить мертваго. Онъ сложилъ руки на грудь и хотѣлъ проникнуть взглядами мысли Вербицкаго.

Вербицкій бросился къ нему на шею. — Милый Дмитрій, спѣши вонъ изъ Петербурга. Твои мятежныя страсти не могутъ остыть здѣсь; онъ могутъ только взлетѣть на воздухъ, какъ помнишь, тотъ валъ въ Силлистріи, и тогда мы потеряемъ тебя. Ахъ, ради Бога, не ѣзди къ графинѣ..... Эта женщина — колдунья. Я знаю это по опыту, и благодарю Провидѣніе, что созданъ иначе чѣмъ ты. Я люблю, какъ любятъ всѣ; могу быть хорошимъ мужемъ и добрымъ отцомъ; но

у меня правило — послѣ знака восклицанія ставить точку съ запятой; даже не одну, а нѣсколько точекъ.... Это гораздо здоровѣе.

— Спорить съ тобой я не буду, Владиміръ, возразилъ Извѣковъ. Мы никогда не согласимся; участь моя горька; я принадлежу къ числу тѣхъ созданий, которыхъ судьба лишила всѣхъ радостей и какъ-будто нарочно надѣлила всѣми печалями. Люди не угнетаютъ меня: мое зло во мнѣ!

— Вздоръ, любезнѣйшій! вздоръ! Ты просто сбился съ толку; мнѣнй любовницъ какъ фешенебли мѣняютъ перчатки, а покуда катись кубаремъ вдоль терристаго пути, прозваннаго жизнью. Въ противномъ случаѣ побѣжай въ глушь, въ степь; тамъ воюй сердцемъ, чистымъ какъ листъ бѣлой бумаги, пиши на немъ все, что придетъ тебѣ въ голову; но не возвращайся сюда, если ты не хочешь добровольно попасться въ отдельный корпусъ рогатыхъ героевъ.

Извѣковъ его не слушалъ. Мысли мечтателя переносились въ вихрь раута, блуждали по среди блеска цвѣтовъ и канделябровъ, и отдыхали только у золоченыхъ ножекъ пунсоваго табурета.

Тѣ, которые сдѣлали изъ любви коммерческой оборотъ или ученую систему, влюбляются постепенно, но тѣ, чьи чистыя, свѣжія, непорочныя души долго таятъ заповѣдныя тайны свои и весь запасъ ихъ кладутъ къ ногамъ одной, чтобъ, истощивъ его угаснуть, тѣ только вспыхиваютъ вдругъ, мгновенно, неразгаданно.

«Эта женщина меня очаровала,» думалъ Извѣковъ. «Никогда сердце мое не билось такъ сильно, такъ неровно. Сужденное совершается.» И рука его хваталась за бумажникъ, въ листки котораго передъ приходомъ Вербицкаго вложилъ онъ письмо, полученное утромъ.

Молчаніе нарушилось поѣщеніемъ подполковника Квитскаго.

— Поздравляю тебя, Извъковъ, сказалъ подполковникъ. Сегодняшнимъ приказомъ по штабу ты уволенъ въ отпускъ на четыре мѣсяца.

Что-то, только не улыбка, скривило губы Дмитрія.

Разговоръ перемѣнился.

Квитскій толковалъ о Фенелль : Вербицкій объ Александровской колоннѣ ; Извъковъ о санной дорогѣ.

Наконецъ Владиміръ первый взялъ шляпу, зацѣлъ свою любимую пѣсенку, и отправился любезничать къ знаменитой фонъ Г***, бывшей въ то время въ Петербургѣ.

Квитскій отретировался въ Англійскій клубъ.

Дмитрій остался одинъ.

«Послѣ завтра, говорилъ онъ, я буду уже скакать по Московскому шоссе; въ субботу я дома. Мнѣ не должно медлить. Зенеида замужемъ; Зенеида никогда не будетъ моею. Я не хочу ее видѣть, не поѣду даже прощаться съ нею.» И милое письмо вертѣлось передъ глазами его; онъ съ умиленіемъ перечитывалъ строки, писанныя матерью.

Ему сдѣлалось легче. Кто-то позвонилъ въ колокольчикъ.

Василій взошелъ съ запискою. Дмитрій ее распечаталъ, прочиталъ и остолбѣнѣлъ отъ удивленія.

Записка была пригласительный билетъ графини. Графиня звала Извъкова на вечеръ.

Черезъ часъ косицы его чернаго султана развѣвались у колѣнъ Зенеиды.

=

Морозное Петербургское утро склонялось къ вечеру, — потому что въ Петербургѣ, въ эту пору года, есть только утро и вечеръ : дня не имѣется въ налич-

ности Шумъ утихалъ вдоль улицъ, Шевскій Проспектъ пустѣлъ, экипажи мелькали рѣже, гуляющіе расходились, время склонялось къ обѣду. На башнѣ Городовой Думы пробило четыре.

— Гдѣ ты обѣдаешь сегодня? спросилъ ротмистра поручикъ.

— У Дюмè, отвѣчалъ ротмистръ.

Оба они повернули въ Морскую.

Маленькія комнаты угольнаго дома наполнялись голодными физиономіями; истощенные желудки катились со всѣхъ сторонъ. Негоціанты, иностранцы, путешествующіе комиссіонеры, актеры Французскаго театра, располагались вокругъ длиннаго стола первой комнаты, гдѣ веселый хозяинъ, воспламеняемый портретомъ предмѣстника своего Андриè, говорилъ похвальное слово супу à la Condé.

Во второй собрался le monde élégant. Трибуномъ этого засѣданія былъ ротмистръ, душа кочующаго племени трактирныхъ гастрономсвъ, удалая голова беззаботныхъ товарищей.

Стулья передъ нѣкоторыми приборами были перевернуты, означая мѣста абонированныя.

Влѣво отъ балкона сидѣлъ графъ Ф^{***}, совѣтникъ посольства, которому онъ никогда ничего не присовѣтывалъ. Возлѣ графа Ф^{***} расположился молодой человекъ; возлѣ молодаго человека пѣхотный поручикъ; возлѣ пѣхотнаго поручика Французикъ изъ Бордо, москѣ Шнапанъ, который изъ конторщика переименовалъ себя въ маркизы и пріѣхалъ въ Россію искать славы и обѣда. Замѣтивъ сосѣдство маркиза, поручикъ встревожился, и тутъ же началъ рекогносцировку своихъ кармановъ. Въ слѣдствіе таковой рекогносцировки оказалось, что въ нихъ кромѣ подкладки нѣтъ ничего лишняго: поручикъ успокоился.

Между-тѣмъ ротмистръ кушалъ и ораторствовалъ. Правое крыло тучило. Его составляли человекъ во-

семь офицеровъ , нѣсколько щеголей , нѣсколько Иванъ-Ивановичей , двѣ знаменитости и десять ничтожествъ .

Обѣдъ разыгрывался ; ротмистръ не умолкалъ .

— Будете ли вы сегодня у князя К*** спросилъ его одинъ изъ Иванъ-Ивановичей .

— Кто , я ? отвѣчалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ : слуга покорный ! Чего я тамъ не видалъ ?

— Неужели большой свѣтъ не имѣетъ для васъ ничего привлекательнаго ?

— Ровно ничего , почтеннѣйшій ; я ѣзжу только туда , гдѣ мое присутствіе или отсутствіе бываетъ замѣчено , гдѣ я почти необходимъ , гдѣ уважаютъ мою голову , а не мои ноги . Обратитъ же на себя такое вниманіе въ кругу , который называетъ себя высшимъ , потому что сидитъ въ низелькихъ креслахъ — вещь довольно трудная . Для этого надобно имѣть то , чего нѣтъ ни у меня ни у васъ .

Иванъ Ивановичъ поморщился .

Ротмистръ продолжалъ : — Надобно въ немъ родиться и вырасти , надо принадлежать къ нему по связямъ или получать пятьдесятъ тысячъ годоваго дохода , и быть вписаннымъ въ реестръ выгодныхъ жениховъ . Одни эти господа играютъ тамъ роль первыхъ сюжетовъ ; всѣ же прочіе не что иное какъ балетные фигуранты . Ихъ зовутъ для танцовъ , кормятъ ради танцовъ и знаютъ только въ теченіе танца . Многіе даже и танцовать-то ѣздятъ противъ воли , а принуждаютъ себя , и всё изъ того чтобъ сказать потомъ встрѣчному и поперечному : « Я вчера былъ у Англійскаго посла ; сегодня я буду у графа Депеша ; завтра у княгини Б*** . » Но спросите ихъ , гдѣ они бываютъ во время поста ? что они дѣлаютъ лѣтомъ ? Назовите мнѣ хоть одного изъ этихъ полотеровъ , который бы рѣшился явиться къ графу Депешу или княгинѣ Б*** безъ зва и безъ бала , поболтать между одиннадцатыми .

часомъ и полночью..... Да ихъ просто не примуть; а если примуть, такъ они сконфузять и себя и хозьяку. Нѣтъ, я слишкомъ самолюбивъ, чтобъ быть знакомъ такимъ образомъ, и вотъ почему бѣгу этого большаго свѣта.

Иванъ-Ивановичъ съ товарищи обратился къ соусу изъ пѣтушьихъ гребешковъ.

Пичтожества спрятались въ галстухи; знаменитости гордо улыбнулись.

Маркизь сказалъ что-то на-ухо совѣтнику посольства.

Щеголи выпили по стакаму вина, и благо имъ было.

Ротмистръ продолжалъ болтать: Шумъ увеличивался.

— Здравствуй, Вербицкій! раздалось со всѣхъ сторонъ: гдѣ пропадалъ ты?

Владимиръ сѣлъ между поручикомъ и полковникомъ У***.

— Я сейчасъ отъ Извъкова, господа, отвѣчалъ онъ.

— Развѣ Извъковъ еще не уѣхалъ? Онъ мѣсяцъ тому назадъ получилъ свой отпускъ.

— Не только не уѣхалъ, да и не думаетъ ѣхать.

— Странный человекъ! Чтѣ жъ его удерживаетъ?

— Ахъ, не говорите мнѣ объ немъ, возразилъ Вербицкій. Мое краснорѣчье стало въ тупикъ! Мои проповѣди разсыпались въ пустыню; ни что, даже смертельная болѣзнь отца и просьбы матери, не могутъ тронуть его. Онъ остается здѣсь и не ѣдетъ въ отпускъ.

— Но по какой же причинѣ?

— По причинѣ самой естественной, и слѣдственно самой глупой. Онъ влюбленъ.

— Ого! влюбленъ?... Мальй!.... шампанскаго!..... Какъ же онъ влюбленъ?.....

И вопросы посыпались на Вербицкаго.

— Извъковъ влюбленъ? Это очень забавно..... Од-

нако въ кого? Объяви скорѣе. Полно же тебѣ вѣсть, будь любезнѣе!

— Въ графиню Зененду К***. Горчицы!..... И влюбленъ дотога что..... Бифстекъ совсѣмъ холодный!

Всѣ захохотали.

— Какъ?.... Быть не можетъ!..... Въ графиню К***?

— Какая глупость! сказалъ нѣкто, авторъ двадцати четырехъ глупостей.

— Сумашествіе! сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Я этого ожидалъ, замѣтилъ ротмистръ.

— А я этого не ожидалъ, замѣтилъ лейтенантъ.

— *C'est du sublime!* воскликнулъ маркизь.

— Смѣшно и жалко! воскликнулъ графъ Ф***.

— Далекю кулику до Петрова дня, ввернулъ словечко одинъ изъ щеголей.

— «Не для него она сіяеть,
Не для него она цвѣтеть!» —

включилъ стишокъ одинъ изъ Иванъ-Ивановичей.

Ротмистръ между-тѣмъ игралъ съ конно-гвардейцами въ матку-правду, — игра, которой пулька лежитъ на днѣ бутылки.

Маркизь подсылъ къ нимъ, и пилъ съ жаромъ чужое шампанское.

— Каюсь, господа, говорилъ Владиміръ: я всему виноватъ, я всему причиной. Дернулъ же меня дьяволъ представить его графинѣ Зенендѣ К***! Повѣрите ли вы..... котлеты очень хороши..... какъ мнѣ этого не хотѣлось! Я будто предчувствовалъ все, что случится..... Не даютъ ни земли, ни соуса! Этакой чудакъ! Утромъ онъ еще растрогалъ меня, а ввечеру одурачилъ. Съ тѣхъ поръ онъ безвыходно у графини. Она его погубить. Жаль, очень жаль! Извѣковъ много обѣщалъ, и много бы выполнилъ.

— Да вѣдь онъ, кажется, не дуракъ, вмѣшался лейтенантъ. Какъ же ему не раскусить, что эта женщина

создана не для страсти, что ею можно любоваться, но нельзя любить ее. По-моему, отдать ей сердце всё равно что плыть въ безвѣстную экспедицію.

— Терпѣніе, милый, терпѣніе! вскричалъ поручикъ. Берегъ-то есть въ каждомъ морѣ. Графиня К*** опирается теперь на святость супружества; но мужъ когда-нибудь умретъ же, и тогда..... Извѣковъ..... смѣлымъ Богъ владѣеть!

— О! такъ надо еще сражаться съ ея добродѣтелью? замѣтилъ полковникъ У***. — Чортъ возьми, это очень опасно. Между добродѣтельными и холодными часто никакъ разберешь; и я въ такихъ случаяхъ предпочитаю лѣзть на стѣну Турецкой крѣпости: по-крайней-мѣрѣ, знаешь кому и за что отдаешь жизнь.

— И я тоже, сказалъ Владиміръ. Я вашего мнѣнія, полковникъ. Судите сами: хороша какъ ангелъ, лукава какъ бѣсъ, добродѣтельна какъ Церберъ, и холодна какъ пушка зимою. Выиграешь противъ нея главное сраженіе, сожжешь городъ, и все это не болѣе принесетъ вамъ пользы чѣмъ пожаръ Москвы Наполеону. Спустия немного надо ретироваться и окопаться въ этихъ снѣгахъ. Эта женщина — переводъ поручиковъ. Въ два года свела съума два баталіона гвардіи, опутывая молодцовъ сътми, какъ та Греческая чертовка, которой имени я теперь не припомню, и вдругъ вышла замужъ за человѣческіе остатки. Эти остатки обрѣтаются теперь въ Варшавѣ, а она, пользуясь свободой, продолжаетъ уничтожать людей въ Петербургѣ. Я готовъ присягнуть, что это хвостъ Галлѣевой кометы.

— *Bravissimo*, Вербицкій! кричали юноши.

— Дичь, любезный! возразилъ лейтенантъ. Она не хвостъ кометы, а женщина, только самага отвратительнаго сорту: женщина безъ сердца.

— *Femme sans cœur!* произнесъ Русскій челоувѣкъ, котораго весь умъ остался у Французовъ.

— Русская «Федора», сказала одинъ изъ щеголей, которому въ этотъ достопамятный день въ первый разъ отъ роду удалось сказать нечто похожее на острое слово.

— Просто женщина, какъ всѣ женщины, вмѣшался ротмистръ, и въ добавокъ умная женщина, которая умѣетъ скрывать то, что другія обнаруживаютъ, а главное, умѣетъ выбирать своихъ любовниковъ.

— Она строга не со всеми, прибавилъ съ дурацкою улыбкою неизбежный М***.

— Ужь не съ вами ли она милостива? спросилъ лейтенантъ.

— Почему знать! таинственно отвѣчалъ денди.

— Ха, ха, ха! Это что за извѣстiе? крикнулъ морякъ. Слышите ли, господа? М*** объявляетъ, что онъ любовникъ графини К***. Нѣтъ, милостивый государь, клянусь вамъ грось-марсь-вымпеломъ, вы лжете! Вы оскорбляете фе-но-менъ! Я васъ у-у-ничтожу.

М*** имѣлъ благоразумiе скрыться.

Оргiя шумѣла. Бутылки тѣснились, стаканы опрокидывались, головы уже были опрокинуты.

Вдругъ отворилась дверь. Подполковникъ Квитскiй явился въ ту самую минуту, когда, наскучивъ однообразiемъ клякò, пирующие зажгли ромъ, и вливали въ него: сокъ апельсиновъ, влагу ананасовъ, золотыя струи Меттершхова рейнвейну и брилiантовыя брызги шампанскаго. Табачный дымъ, обвивая костеръ, спорилъ съ парами кардинальскаго пуншу.

Тосты смѣнялись тостами:

— Здоровье мужей минотавровъ!

— Здоровье дамъ неистовой литературы!

— Здоровье вдовы Клякò!

— Здоровье Крымскихъ винъ!

— Здоровье А — вой! ревъль вовсе горло лейтенантъ.

— Здоровье Ольги! шепнулъ про себя молодой человекъ, до-сихъ-поръ ни къмъ незамѣченный.

Благоразумный Квитскій сѣлъ у окна съ своимъ стаканомъ пуншу и взялъ газету, чтобы прочесть ее, пока еще не потемнѣло въ глазахъ.

— О! вскричалъ онъ. Слышали про такую исторію?

— Что за исторія?

— А вотъ какая..... «Варшава, 17 сентября. Вчерашняго числа въ здѣшнемъ городѣ.....»

— Говори, говори скорѣе! восклицали всѣ.

Квитскій натужился и произнесъ громко: — Графъ К*** умеръ..... Графиня вдова. Господа!..... ловите.

Все застучало, все зашумѣло, — рюмки, стаканы, чашки, бокалы.

Оргія распахнулась.

Зала трактира преобразилась въ пандемоніумъ лѣшихъ.

Тотъ, который пилъ здоровье Ольги, убѣжалъ домой.

Я люблю женщинъ, — разумѣется хорошенькихъ; я ужасно люблю женщинъ: это не подлежитъ спору. Я люблю ихъ во всякую пору; я готовъ цѣловать ихъ ручки, исполнять ихъ прихоти, смотрѣть имъ въ глаза, особенно когда глаза выражаютъ что-нибудь. Я готовъ угождать имъ, даже иногда ихъ обманывать: видите ли какъ я люблю ихъ! Однако, признаюсь вамъ, люблю не безусловно. Миѣ нравится красавица въ роскошномъ нарядѣ праздника; въ щегольскомъ спенсерѣ каруселя, въ пестрой блузѣ утренняго таулета, въ снальной кофточкѣ вечерняго отдыха: но мой идеалъ — красавица въ траурѣ.

Женщина на балѣ — проза. Женщина на могилѣ — поэзія.

Вотъ что я думаю, и вотъ почему бѣгу теперь къ Зенеидѣ, взглянуть на нее, насладиться ею. Зенеида лишилась мужа: Зенеида должна плакать. Посмотримъ.

Ахъ, какъ досадно! Зенеида не плачетъ. Зенеида не думаетъ плакать!

Я чисто въ дуракахъ.

Головка ея поконтя на ручкѣ, ручка облокотилась на спинку дивана; но пзъ очей ея не сыплется влажный жемчугъ. Талья ея окутана черною фланелью; полы платья обрисованы плѣрезами; но лице тоже, — совершенно тоже, — что было во время раута.

Она встала, надѣла шляпку, очутилась на лѣстницѣ, съѣла въ карету, уѣхала.

Извѣковъ, спустя немного, вошелъ въ швейцарскую.

— Дома ли графиня?

— Ея сіятельства нѣтъ дома.

— Куда графиня поѣхала?

— Не знаю, сударь.

Онъ сжалъ обѣ руки: перчатки лопнули на обѣихъ рукахъ.

«Это ни на что не похоже!» пробормоталъ онъ. И, точно, онъ былъ жалокъ.

Я расскажу вамъ исторію любви его.

Получивъ приглашеніе Зенеиды, Дмитрій былъ у нея, танцевалъ съ нею, влюбился въ нее безъ памяти. Минула недѣля. Второе письмо матери напомнило ему о дорогѣ. Оно воскресило въ немъ прежнюю рѣшимость; онъ пріѣхалъ проститься, не простился, отложилъ поѣздку на день, потомъ на шесть, потомъ на десять, потомъ на двадцать дней. И такимъ образомъ прошло полтора мѣсяца.

Въ груди Извѣкова скрывался, какъ говорится, вулканъ: страсти его были бѣшены; понятія о любви необыкновенны. Прекрасное лице и вкрадчивая любез-

ность влекли къ нему сердца и лорнеты, но онъ пренебрегалъ легкими побѣдами; онъ берегъ себя исключительно для той, которая осуществивъ созданіе юношескихъ грезъ его, скажетъ ему — Я твоя, Дмитрій, твоя на всегда!

Мысли его не измѣнялись; цѣлая сокровищница восторговъ тайлась въ груди его, ожидая олицетворенія идеала. Слѣдствіемъ этихъ напряженныхъ понятій было то, что Дмитрій, избалованный мечтами, сталъ взыскательнѣе въ отношеніи къ дѣйствительности. Онъ требовалъ совершенства. Часто воображеніе рисовало ему дѣвушку чистую какъ небо, когда оно лазурно отъ востока и до запада, неизмѣтную какъ земля, которую никогда еще не попирала живая нога; но еще чаще оно чертило ему женщину прекрасную какъ солнце, увлекательную какъ запрещенный плодъ. Дѣвушка можетъ влюбиться изъ любопытства; женщина влюбляется изъ страсти. Дѣвушка увлекается; женщина сравниваетъ. Дѣвушка говоритъ — Вы мнѣ нравитесь; женщина — Я васъ предпочитаю. Любовь дѣвушки — успѣхъ; любовь женщины — побѣда.

Такъ думалъ онъ въ училищѣ; такъ думалъ онъ и въ свѣтѣ, когда встрѣтился съ Зенеидой.

Сколько разъ хотѣлъ онъ открыть ей любовь свою, сколько разъ признаніе шевелилось на его устахъ, и всегда тщетно! Непонятная робость удерживала слова и движенія. Онъ медлилъ, и не смѣлъ выразить рѣчью того, что давно изображали его взоры; не смѣлъ схватить ея руки, не смѣлъ сказать ей — Будь моею! Онъ тонулъ въ ея лучахъ, какъ тонетъ комета въ лучахъ солнца, когда подойдетъ къ нему близко.

Слухи о добродѣтели графини приводили его въ отчаяніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ подстрекали его самолюбіе. Дмитрій видѣлся съ нею каждый день. Глядѣть на нее, слушать ее, сдѣлалось необходимою для

его души, пищею его жизни. Графиня была съ нимъ мила, пріятлива, любезна; иногда казалось ему, что она къ нему неравнодушна: онъ выводилъ это изъ милліона полусловъ и полу-знаковъ, ничтожныхъ для посторонняго, — неоцѣненныхъ для влюбленнаго. Иногда даже любезность ея превращалась въ нѣжность; нѣжность въ взыскательность, предтечу пламеннаго чувства.

Если бъ Извъковъ зналъ лучше свѣтъ, если бъ, просвѣщенный опытомъ, онъ глубже изучалъ сердца, ему легко было бы догадаться, что все это кокетство. И тогда, онъ могъ бы, нераздрознивая страстей, ограничиться волокитствомъ, основаннымъ на великомъ магическомъ словѣ «авось!» Но Извъковъ былъ созданъ не такъ какъ другіе. Онъ въ двадцать пять лѣтъ былъ ребенкомъ по душѣ и по понятіямъ онъ все видѣлъ въ розовомъ цвѣтѣ, и не признавалъ лукавства въ существѣ, одѣтомъ ангельскою наружностью; онъ считалъ женщину высшимъ и прекраснѣйшимъ произведеніемъ создателя; онъ все злое, все дурное, отдавалъ въ удѣлъ мужчинамъ, и не вѣрилъ, не припускалъ себя вѣрить, что женщина по Линнею млекопитающее плотоядное, по Виктору Hugo усовершенствованный демонъ, — что впрочемъ не составляетъ комплимента для madame Victor Hugo, — особенно, свѣтская женщина, умная женщина, можетъ быть свирѣпа какъ тигрица и коварнѣе самаго чорта.

Первыя свиданія его съ графиней были робки и не ловки. Представьте себѣ молодаго офицера, выросшаго въ училищѣ, воспитаннаго на тригонометрическихъ съемкахъ, развернувшася въ кругу товарищей, въ дыму табаку и пороху; неимѣющаго вѣрнаго понятія о свѣтѣ, и знакомаго съ свѣтскими щегольками единственно по описаніямъ такого умнаго наблюдателя каковъ, не въ обиду будь сказано Извъкову, господинъ Бальзакъ. Представьте его себѣ, гово-

«О я, лобъ-объ-лобъ съ султаншею надменнаго общества, и придайте ему огненные страсти Русскаго, внутреннюю организацію Отелло, желанія Тантала. Онъ считалъ труднымъ только выбрать предметъ страсти: объясниться въ страсти полагалъ онъ безвѣлкой. «Можетъ ли женщина противиться», думалъ онъ, «когда мужчина истинно любить ее?» О томъ — можетъ ли женщина притворствовать, не приходило ему и въ голову. Онъ сравнивалъ любовь, съ слезиною росы, которая, несомая зефиромъ, летитъ, летитъ, не вѣдая сама, куда онъ уронитъ ее, — въ пластинку ли цвѣтка, — или въ скважину камня. Сравненіе хорошее, и довольно поэтическое, но которое имѣетъ неудобство всѣхъ сравненій — именно представляеть вмѣсто одной вещи другую. Онъ называлъ святотатствомъ ласковый взглядъ, возбуждаемый чувствительностью; онъ былъ убѣжденъ что любить, такъ же какъ жить, можно только одинъ разъ, хотя ежедневный опытъ доказываетъ противное; и готовилъ себя будущей подругѣ, какъ мать готовить невесту избранному жениху. Встрѣча съ графиней перевернула его. Стыдъ, называемый нынѣшнею молодежью ложнымъ, смѣшнымъ, глупымъ, стыдъ говорить о любви съ той, которая торжественно объявилась любить другаго, овладѣлъ имъ. «Я оскорблю ее», мыслилъ Дмитрій, «я унижу себя и Зененду!» Все это продолжалось ровно три недѣли.

Разъ пріѣхалъ онъ къ ней вечеромъ послѣ театра. Зененда была одна. Она приняла его въ кабинетъ, покоясь на роскошной кушеткѣ и озаренная молочнымъ свѣсомъ лампы, скрытой мраморомъ Греческой урны.

Ивѣнковъ сѣлъ въ кресла. Никогда еще не проникалъ онъ въ это святилище. Никогда еще не видалъ онъ своей графини въ такомъ небрежномъ, чародѣйскомъ положеніи. Глаза молодаго чловѣка пожирали ее.

Графиня раздражала его, безпрестанно мѣняя движенія и виды. Она то полу-лежала, то лежала совершенно, то облакачивалась на столъ, то свѣшивалась на подушку. Вы бѣ подумали — это — Геро ожидающая Леандра, и вы бѣ ошиблись, — ужасно бѣ ошиблись. Она дрожала отъ удовольствія успѣха. Она играла глазами, потому что убѣдилась въ любви Извъкова, двигала ножками, потому что на-канунѣ танцевала отъ десяти часовъ вечера до шести часовъ утра. Сердце ея радовалось; ножки тосковали.

Извъковъ началъ разговоръ съ герцогини Беррійской, о которой тогда много говорили. Отъ нея перешелъ онъ къ самоотверженію, отъ самоотверженія къ любви.

Графиня то спорила съ нимъ, то его поддерживала. Графиня удивительное твореніе. Всѣ говорившіе съ ней объ изящномъ готовы присягнуть, что она виртуозка, поэтъ и художникъ. Всѣ говорившіе съ ней о страстяхъ клянутся, что она способна оправдать сильнѣйшіе характеры исторіи, отъ Семирамиды до мамзель Луизъ, включительно. Надобно было не влюбляться въ нее, а изучать ее и ясное понимать свѣтскихъ женщинъ, чѣмъ понималъ Извъковъ, чтобъ сказать про нее то, что я сказалъ недавно — эта женщина оборотень, то есть волшебница; по-Нѣмецки, кокетка; по-Русски, Полька.

Они говорили о любви.

— Что бы вы сдѣлали, спросила Зенеида, съ дѣвушкою, которая, обѣщавъ вамъ быть вашею женою, вышла бы за другаго?

— Я удушилъ бы ее.

— Это ужасно! Я вамъ не вѣрю.

— Напрасно, графиня.

Чувства въ Дмитріѣ сгущались какъ тоны, переходящіе изъ *andante* въ *allegro*: онъ бѣмъ готовъ прыгнуть на шею Зенеидѣ.

— Возьмите шаль съ дивана, прошептала она ласково, и покройте мнѣ ноги.

Дмитрій схватилъ шаль, развернулъ ее, постлалъ ее на колѣни красавицы и вдругъ печально, коснувшись рукою возмутительно — хорошенькихъ ножекъ ея. Свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ его. Онъ забылся. Опъ сжалъ ихъ такимъ бѣшеннымъ пожатіемъ, онъ поцѣловалъ ихъ такимъ пропитательнымъ поцѣлуемъ, онъ выговорилъ такъ звучно, такъ отрывисто — «Зенеида, я люблю васъ!», что Зенеида вскочила, что Зенеида выпрямилась и сказала: — Вы съ ума сошли! Впрочемъ я сама виновата, позволивъ вамъ быть здѣсь въ такую пору. Я полагала что вы въ состояніи понимать прелесть дружбы..... Я ошиблась въ васъ; вы употребили во зло мою довѣренность. Вы забыли, что я замужемъ!

Извѣкова обдало кипяткомъ и морозомъ.

Графиня была на розахъ. — Оставьте меня, продолжала она: я въ васъ ошиблась.....

— Графиня, прервалъ Дмитрій: впишите не меня а судьбу. Я созданъ и живу подъ вліяніемъ фатализма. Сотни свободныхъ дѣвушекъ отдавались мнѣ: я пренебрегъ ихъ, я пренебрегъ ихъ любовью, и влюбился въ васъ, когда вы принадлежите другому..... Я хотѣлъ умереть не нарушая вашего спокойствія, но невольное прикосновеніе къ вамъ, первое прикосновеніе къ обожаемой женщинѣ, рѣшило мою участь. Я осмѣлился выразить сердце и душу.

Она захохотала.

— Вы очень смѣшны, сказала она: вы дитя; мнѣ вздумалось прочесть вамъ тираду, правоученіе и вы приняли это за правду. Конечно, вашъ поступокъ не обдуманъ; но я никогда не лишу себя удовольствія видѣть васъ у себя. Вы заслуживаете выговора, а не наказанія; я хотѣла испытать васъ и теперь скажу вамъ одно; ежели вамъ угодно бывать у меня, то объ-

щайтесь не намѣкать мнѣ никогда о любви вашей; помните что у меня есть мужъ, который удостоилъ меня своей довѣренности; будьте моимъ другомъ, моимъ лучшимъ другомъ, но ничѣмъ болѣе. На этихъ условіяхъ я прошу васъ.

Извѣковъ схватилъ руку красавицы, прижалъ ее къ своимъ воспаленнымъ устамъ и произнесъ тихо:

— Но ежели вы когда-нибудь будете свободны?

— О, тогда, возразила Зененда, я даю вамъ слово предпочесть васъ.

Зененда только за четверть часа предъ прїездомъ Извѣкова получила письмо отъ графа, который уведомлялъ ее, что онъ, благодаря Бога, здоровъ и веселъ.

Дмитрій растаялъ.

Графиня убѣжала въ спальню и заперла дверь на ключъ.

Четыре дня она не принимала Извѣкова. Извѣковъ чахнулъ. Вдругъ Вербицкій, возвратясь отъ Дюмэ, объявилъ ему новость, прочитающую Квитскимъ.

Онъ полетѣлъ къ графинѣ.

— Гдѣ графиня? повторилъ онъ.

— Ея сіятельства нѣтъ дома.

— Куда она поѣхала!

— Не знаю-сь.

Извѣковъ задумался. Полу-имперіаль, изъ его кармана, перескочилъ въ руку швейцара.

— Говори, ради Бога, шепталъ онъ ему. Швейцаръ отвѣчалъ въ полголоса: Ея сіятельство, садясь въ карету, изволили сказать кучеру — Пошелъ въ Англійскій магазинъ.»

=

Кто въ Россіи не знаетъ Англійскаго магазина? кто не бывалъ въ немъ? кто объ немъ не слыхивалъ? Кому не случилось видѣть этого великолѣпнаго базара,

цѣлаго трехъ-этажнаго дома , превращеннаго въ одну огромную лавку , гдѣ ленты , бритвы , бархаты , щетки , тибеты , терно , фуляры , Польскія сукна , Московскія бумажныя ткани , Лионскія матеріи , Англійскіе ковры , Французскія и Португальскія вина , перья , брилльянты , хрусталь , фарфоръ , мраморъ , женщины , бронза , чугуны , дипломаты , франты , сталь и желѣзо , разбросаны и перемѣшаны въ самою симметрическую безпорядкъ ; гдѣ всѣ разоряются и откуда всѣ выходятъ счастливы , въ восхищеніи , какъ-будто выиграла миллионъ золотыхъ въ Варшавской лотереѣ . Днемъ онъ очарователенъ , вечеромъ онъ еще лучше . Жаль , что на ночь онъ запирается . Я знаю людей , которые охотно провели бѣ въ немъ всю ночь ; графъ Р*** — первый .

Это было вечеромъ .

Передъ подъездомъ стояло нѣсколько экипажей . Извѣковъ мигомъ различилъ карету графини . Кучеръ спалъ на козлахъ ; лакей дремалъ на крыльцѣ ; Невскій проспектъ шумѣлъ за угломъ . Покрытый кулемъ фонаричикъ , страшный какъ Титанъ , который лѣзетъ по лѣсенкѣ на Олимпъ , чтобы похитить священное масло , довершалъ картину .

Извѣковъ убѣдился , что швейцаръ не обманулъ его , и онъ уже хотѣлъ итти на верхъ , какъ вдругъ , не довѣряя самому себѣ , снова подошелъ къ лакею , и осмотрѣлъ гербы на его ливреѣ . Онъ тщательно повѣрилъ и графскую корону , и горностаевую мантию , и Славянскій щитъ , поддерживаемый Британскимъ леопардомъ , и Русскаго сокола , парящаго сверху . Онъ видѣлъ ихъ , онъ ихъ разсматривалъ , и потомъ въ два скачка очутился въ магазинѣ .

Графиня была въ третьей комнатѣ . Извѣковъ остался во второй . Графиня торговала брилльянтовыми серьги .

Сердце Дмитрія сжалось какъ птичка , придавлен-

ная рукой. «Она ли это, или не она?» спросилъ онъ у души своей и подошелъ къ одному столу, чтобъ купить какую-нибудь ненужную бездѣлку.

Зенеида пристально глядѣла на брилльянты, то отдаляла ихъ отъ себя, чтобъ лучше любоваться на нихъ, то взвѣшивала, чтобъ основательнѣе судить объ ихъ цѣнности. Улыбка не покидала ея. Каждое движеніе рукъ, каждое положеніе тѣли, было расчислено. Она помнила, что около нея и надъ ней висятъ зеркала, которыя ее отражаютъ.

Наконецъ она повернулась къ дверямъ; тогда Извъковъ пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Я не ожидала васъ здѣсь видѣть, проговорила она: велите подать мою карету. Я очень устала!

Но Дмитрій, какъ будто не разслышавъ, подаетъ ей руку. Зенеида приняла ее машинально.

Они вышли въ переднюю; сошли по лѣстницѣ; лакей проснулся, велѣлъ подать карету, откинулъ подножки; она прыгнула въ карету; и онъ прыгнулъ въ карету, — и очутился подлѣ нея.

Дверцы захлопнулись.

— Чтò это значить? спросила изумленная Зенеида.

— Это значить, отвѣчалъ Дмитрій, что я хочу объяснитьсь съ вами. Вы должны меня выслушать.....

Онъ сжалъ ее такъ сильно, что если бъ графиня не была графиня, она бъ вѣрно закричала.

— Да! прибавилъ онъ: вы должны меня выслушать.

Графиня поняла свое положеніе.

Женщина, менѣе привыкшая къ обществу, узнала бы въ обморокъ.

Провинціалка кликнула бы на помощь Гг. Никольса и Плинке.

Свѣтская женщина не перемѣнилась въ лицѣ.

— Прикажете вѣхать сперва по Певскому, а потомъ по Литейной, сказалъ Извъковъ ей на ухо.

Графиня повторила слова его.

Карета поехала.

Извѣковъ продолжалъ: — Мой поступокъ васъ удивляетъ, графиня. Онъ нарушаетъ неприкосновенность вашей свободы, приличія общества, права собственности. Онъ дурень, не обдуманъ, я это знаю; но, виновать, поступить иначе я былъ не въ силахъ. Прежде знакомства съ вами, я не имѣлъ понятія о любви, я не любилъ ни разу. Вы возбудили во мнѣ чувство, которое люди называютъ любовью, а которому я, ощутивъ его, не могу приискать ни звука ни имени. Увидѣвъ васъ, я совсѣмъ измѣнился. Я хотѣлъ спать, и не могъ заснуть; я хотѣлъ писать, и не могъ выразить ни одной мысли; я хотѣлъ читать, и строчки рябли и двоились въ глазахъ моихъ какъ узоры вашего эшарпа, который обвивалъ вашу шею на раутѣ И — скаго посла. Я измѣрилъ бездну, которая насъ раздѣляла, и, очертя голову, бросился въ эту бездну. До меня доходили разные слухи; меня увѣрили, будто вы отвергаете любовь, будто вы бунтуете противъ ея верховной власти. Я ничему не вѣрилъ. Мнѣ утверждали будто удовольствіе состоитъ для васъ единственно въ томъ, чтобъ завлекать молодыхъ людей, приманивать ихъ надеждами, разгорячать ихъ до безумія, и послѣ отвергать, отталкивать. Я пренебрегалъ это какъ низкую, гнусную клевету. Я уже боготворилъ васъ, но мнѣ казалось страшнымъ признаться вамъ. И что жъ, графиня? Вы, вы сами, уничтожили всѣ преграды, давъ мнѣ случай невольно прикоснуться къ вамъ. О, тогда вы развили во мнѣ желанія, которыя и въ грезахъ безсонницы не приходили на умъ мнѣ! Тогда только я увидѣлъ берегъ: я помирился съ жизнью, услышавъ отъ васъ, что, сдѣлавшись свободною, вы предпочтете меня. Теперь мужъ вашъ умеръ..... я вправъ открыть вамъ мою душу. Слушайте же меня. Я люблю васъ..... Нѣтъ, слово «люб-

лю» бессильно! То, что жжетъ меня, то, что кипить во мнѣ, не можетъ быть выражено ни на какомъ языкѣ. Возьмите меня, дѣлайте изъ меня все, что хотите: я клянусь вамъ беречь васъ, обожать васъ, быть вашимъ рабомъ и вашею радостью, потому что съ этой минуты вы для меня все, и сестра и супруга и счастье. Я хотѣлъ бы быть вмѣстѣ Густавомъ Адольфомъ, Моцартомъ и Байрономъ, чтобы повергнуть къ ногамъ вашимъ раба знаменитѣйшаго! Теперь отъ васъ зависитъ..... отвѣчайте мнѣ, скажите — да..... одно да..... ничего болѣе какъ да, и я мгновенно изъ человѣка незначащаго сдѣлаюсь героемъ; музыкантомъ, поэтомъ. Любовь волшебница!

Въ эту минуту толчокъ отъ ухаба приблизилъ Извѣкова къ Зенеидѣ; его волосы смѣшались съ ея локонами; онъ ощутилъ ея дыханіе, былъ уже на полпути отъ поцѣлуя, но она оттолкнула его. Она заплакала. Вы думаете, отъ состраданія. Нѣтъ, отъ досады. Ее мучила мысль, что Извѣковъ перещеголялъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Будь это у нея въ кабинетѣ, она велѣла бы его вытолкать. Ей никогда не приходило въ голову, что мужчина можетъ быть такъ смѣлъ, такъ рѣшителенъ, что онъ умѣетъ говорить такимъ языкомъ съ женщиною. Не даромъ дрогнула она, увидѣвъ портретъ его; не даромъ затрепетала, взглянувъ на него въ залѣ П—скаго министра. Она раскаявалась въ своемъ намѣреніи притворится влюбленною, и предугадывала, что онъ въ состояніи погубить ее.

Наконецъ она сказала:

— Вы компрометируете меня передъ моими людьми. Вы пользуетесь моею слабостью..... (и другой толчокъ откинулъ ихъ въ разные углы кареты). Вы бы могли сказать мнѣ все это завтра, у меня дома.

— Нѣтъ, графиня, нѣтъ, прервалъ Дмитрій: здѣсь я на просторѣ. Въ вашей гостиной, я всегда былъ бы

ученикомъ, мальчикомъ, шутомъ. Тамъ безпрестанно бы удерживала меня боязнь смять вашъ бархатный диванъ, разорвать ваше платье; здѣсь, напротивъ, въ темнотѣ, въ движеніи мы на свободѣ! Здѣсь нѣтъ ни графини ни Извѣкова; здѣсь только я да я, то есть, мужчина и женщина. Эта карета—для меня цѣлый міръ, въ которомъ живемъ только мы двое; міръ, со всѣми его волненіями, со всѣми страстями; но безъ его причудъ, безъ его глупыхъ требованій. Собственно мы даже не на землѣ: мы между землею и небомъ, носимся въ пространствѣ. Представьте себѣ, что мы никогда отсюда не выйдемъ, и вспомните ваше обѣщаніе. Вы дали мнѣ слово послѣ кончины графа быть моею. Я пользуюсь, не вашею слабостью, но первымъ удобнымъ случаемъ требовать отъ васъ исполненія даннаго слова, которое столько же священо для женщины какъ и для мужчины. Не станемъ разсуждать здѣсь о приличіяхъ; я презираю свѣтъ и его обычаи: отвѣчайте просто, сдержители вы ваше слово?

Карета остановилась. Лакей спросилъ: куда прикажите ѣхать?

— Куда хочешь! отвѣчалъ Извѣковъ въ изступленіи.

— Вы забываетесь, шепнула графиня, и потомъ прибавила громко: — Сперва по Дворцовой, а послѣ по Англійской Набережной.

— Пошелъ!

Карета помчалась снова.

— Я не разбираю дѣйствій моихъ, началъ опять Извѣковъ: они отзываются неопытностью. Но я создамъ иначе чѣмъ другіе. Я вѣрю родству душъ: я убѣжденъ, что моя душа разрозненная половина души вашей! Вы видите, я сумасшедшій..... Я бѣшеный. Я все, чѣмъ вы не назовете меня, но я люблю васъ. — Я люблю тебя, Зенеида! прибавилъ онъ раздражающимъ голосомъ: ты моя! ты дала мнѣ честное слово быть моею; а честнымъ словомъ никто шутить не въ

правъ. Въ любви, какъ и на полѣ брани, честное слово дѣйствительно заключаетъ въ себѣ всю честь и жизнь человѣка.

— Я сдержу мое слово, отвѣчала графиня.

— Ты сдержишь его! Ахъ, Зенеида, повтори, повтори твое обѣщаніе! Вѣдь ты сама вызвала меня на любовь? Неужели же ты рѣшишься сказать мнѣ въ глаза — Я тебя обманывала! Пойми непорочность моей любви; до-сихъ-поръ я свято чтилъ твою брачную неприкосновенность; но смерть разрушила клятву брака; клятва любви связываетъ тебя со мною.

И, говоря это, онъ сорвалъ съ шеи крестъ, благословеніе матери, поднялъ его надъ головою, и шептала задыхаясь: — Видишь ли это знаменіе? Перекрестись! повтори твою клятву! Повтори ее! Позволь убѣдиться мнѣ, что она не насмѣшка и не мистификація! Скажи — да или — нѣтъ: вотъ все, что я требую.

Зенеида почувствовала тягость перста Божія. Прегнѣя безчисленныя жертвы кокетства ея вставали передъ нею какъ призраки изъ гробовъ. Она хотѣла отвѣчать, и не находила словъ для отвѣта. Балованное дитя моды, она трепетала передъ тѣмъ, котораго мода почти еще не замѣтила. До-сихъ-поръ бойкая, лукавая, хитрая, она терялась, нѣмѣла и казалась дѣвочкою, монастырскою, озадаченною первымъ намѣткомъ о любви.

— Говори, Зенеида! продолжалъ Извѣковъ: говори! Я не отступлюсь ни отъ тебя, ни отъ твоей клятвы.....

Рука его сжимала ея руку. Никогда еще подобное ощущеніе не волновало крови Зенеиды. Никогда еще мѣжчина не былъ съ ней такъ настойчивъ. Она отдала бы половину красоты своей, чтобъ растерзать Дмитрія; и не знала какимъ образомъ рѣшить участь его. Сказать — нѣтъ значило занести надъ его головой

топоръ ; сказать — да, значило предаться бѣшеной волѣ его. Нѣтъ и да сражались въ ея душѣ, какъ Ариманъ съ Ормуздомъ, начало зла съ началомъ добра въ душѣ древняго Перса. Наконецъ, боязнь ли довести его до иступленія, желаніе ли отомстить ему въ послѣдствіи, или просто страхъ оставаться съ нимъ долѣе, взяли верхъ надъ нею. Она улыбкулась, какъ свѣтская женщина; улыбкулась барскою, розовою, магнетическою улыбкою, одною изъ тѣхъ улыбокъ, которыя только кисть Рафаэля умѣла передавать холсту а перо Богдановича бумагѣ. Она выговорила — да!

Слезы брызнули изъ глазъ Извъкова; онъ прижалъ крестъ къ устамъ своимъ, и сказалъ торжественно:

— Если я измѣню тебѣ, пусть казнятъ меня казнью отцеубійцы! Пусть я буду безчестенъ въ этомъ мѣрѣ, и проклятъ въ другомъ!

Онъ поцѣловалъ крестъ.

Она тоже поцѣловала крестъ и тоже повторила клятву.

Чудовище! Она обманывала и его и Бога.

Карета остановилась передъ ея домомъ. Дмитрій выскочилъ первый и помогъ ей выйти. Она сказала ему — «Уважайте мой трауръ», и кивнула ему головой.

Онъ поклонился ей и остался въ низу.

Залы Энгельгардтова дома кипѣли народомъ. Во всѣхъ комнатахъ горятъ люстры и жирандоли; вездѣ нестрѣютъ маски и лица; всѣ двери настежь. На верху громъ музыки; въ низу шумъ разговоровъ.

Легіоны мундировъ и фраковъ томно двигались въ жаркомъ климатѣ, въ толпѣ актрисъ, модистокъ и танцовщицъ. Темные капуцины, дикія *chauve-souris*,

яркіе домино, характерныя костюмы, черныя и бѣлыя султаны, круглыя и трехугольныя шляпы, мечь и тога, кудель и мечь, сталкивались, расходились, и опять сталкивались, и опять расходились. Свѣтъ стоялъ вверх-погами. «Ты» замѣняло «вы», женщины преслѣдовали мужчинъ. Упреки, обѣщанія, воспоминанія, надежды, истины, сплетни, завязки, развязки, свистѣли мимо ушей и сердець. Чувственность расширяла крылья подъ плащемъ.

Длиныя вереницы пронзывали бель-этажъ, толпы кочевали, вакханки всѣхъ цвѣтовъ увлекали за собой обожателей, юноши таяли, старики горячились. Маскерадъ былъ великолѣпный!

Маскерадъ есть, если не торжество нравственности, то безъ сомнѣнія торжество ножекъ и ручекъ.

Ротмистръ купался въ наслажденіи. Онъ баловалъ глаза, давъ имъ волю бѣгать по залу и въ каждой группѣ встрѣчаться съ знакомыми.

Одна шентала ему: Неблагодарный и въроломный!

Другая лепетала: Ты несносенъ сегодня!

Третья спрашивала: — Давно ли сталъ такой гордецъ?

Четвертая пищала: Отступишь, тигръ! Поди прочь, повеса!

Ротмистръ отвѣчалъ каждой категорически. Лейтенантъ, котораго вы уже знаете, напалъ на него.

— Здравствуй, милый! что ты дѣлаешь?

— Я дѣлаю несчастливыхъ.

— Непзлечимъ, хоть брось! Что слышно про Извъкова?

— Онъ женится на графинѣ К***.

— Это что за новость! Гдѣ подцѣпилъ ты ее?

— Между Невскимъ Проспектомъ и Караванной улицей.

Квитскій перебилъ ихъ:

— Вы говорите объ Извъковѣ?

— Да, возразили оба.

— Поздравляю. Извъковъ сошелъ съ ума.....

— Безъ-сомнѣнія. Потому что онъ женится.

— Нѣтъ; онъ рѣшительно сошелъ съ ума. Я видѣлъ его сегодня. Курьозная исторія! Графиня К*** его не принимаетъ. Шесть недѣль сряду швейцарь твердитъ ему одно и то же: «Ея сіятельство бслъны.» Отъ этого припѣва бѣдняжка высохъ какъ мумія.

— Новость! сказалъ поручикъ Х***. Сію минуту графиня К***, дама слово этому монументу предразсудковъ и надгробному камню страстей, князю М***, по окончаніи траура осчастливить его своей рукой.

— Помилуйте, князю восемьдесятъ лѣтъ!

— Потому-то графиня и предпочла его.

— Но въ немъ едвали есть двѣ капли крови?

— Тѣмъ лучше.

— Странная женщина! А..... Извъковъ?

— Извъкову посоветовала она ѣхать на теплыя воды.....

Розовое блестящее домино перебило поручика. — Отъищите мнѣ Вербицкаго, сказала она: онъ замаскированъ. Я дѣлѣй вечеръ ищу его и немогу найти.

— Лестное порученіе! Какъ-будто я самъ не могу замѣнить Вербицкаго..... хоть на это время.

— Васъ просить дама.

— Повинуюсь.

Х*** пристально взглянулъ въ скважинки маски.

— Я буду ждать васъ въ готической комнатѣ.

— Слушаю.

Онъ погрозилъ ей пальцемъ, и пустился отыскивать адъютанта.

Порученіе было не легкое. Разъ пять пришлось ему обгъгать весь залы, обшарить весь уголки: Вербицкій не попадался. Куда ни глядѣлъ онъ, ни гдѣ не было Вербицкаго. Наконецъ встрѣтился онъ съ лейтенантомъ.

— Видѣли ли вы Вербицкаго?

— Его здѣсь нѣтъ.

— Онъ здѣсь, только замаскированъ.

— А начто вамъ онъ?

— Какое-то розовое домино хочетъ просить его, чтобъ онъ на немъ женился сейчасъ послѣ ужина.

Лейтенантъ улыбнулся.

— Пойдите; мнѣ кажется, я гдѣ-то его примѣтилъ.... Да, именно онъ въ коричневомъ капуцинѣ съ преогромнымъ горбомъ. Вы найдете его въ столовой.

Поручикъ побѣжалъ въ столовую.

Въ самомъ дѣлѣ направо отъ буфета сидѣлъ коричневый капуцинъ. Поручикъ вцѣпился въ него.

— Ну, сказалъ онъ, по твоей милости я оттопталъ себѣ ноги. Пойдемъ, любезнѣйшій, торопись! Прехорошенькая весталка хочетъ открыть тебѣ ужасную тайну.....

И прежде чѣмъ горбунъ могъ опомниться, поручикъ притащилъ его въ готическую комнату.

— Вотъ вамъ Вербицкій, сказалъ онъ незнакомкѣ.

Розовое домино схватило руку капуцина. Они вмѣшались въ толпу.

— Вербицкій, произнесла она тихо, но своимъ голосомъ.

Горбунъ приросъ къ землѣ: онъ узналъ голосъ Зенеды!

— Вербицкій, продолжала она, я васъ искала: не для того чтобъ интриговать васъ, нѣтъ; я хочу ввѣрить мою участь и мое счастье. Конечно, вы не заставите меня раскаться въ моемъ выборѣ?

Горбунъ кивнулъ головой.

— Слушайте; время дорого. Вы въ началѣ этой зимы представили мнѣ Извъкова. Вы должны теперь спасти меня отъ него. Да! спасти. Иначе я погибну. Этотъ сумасшедшій меня преслѣдуетъ. Онъ влюбился въ меня..... Прекрасно! Но съ чего вообразилъ онъ,

что я должна любить его? Я, которая никогда, никого не любила! Я, которая не вѣрю любви! Ради Бога, образуйте вашего товарища, откройте ему глаза, скажите ему, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ; скажите ему моимъ именемъ, что прежде онъ мнѣ былъ смѣшенъ, а теперь онъ мнѣ песносенъ; что онъ мнѣ.... будьте моимъ спасителемъ; жените его, увезите на край свѣта, дѣлайте съ нимъ все что хотите..... Я прошу, заклинаю васъ.

Капуцинъ отвѣчалъ шопотомъ :

— Но не вы ли сами влюбили его въ себя? Не вы ли сами свели его съ ума? Онъ бывалъ у васъ съ утра до вечера: вы ему общались.....

— Онъ ребенокъ, прервала графиня: онъ провинціалъ..... Женщина въ свѣтъ такова со всѣми. Это еще не дастъ никому права на предпочтеніе. Женщинѣ позволительно немножко играть мужчинами. Не таковы ли вы, господа, съ нами? Не всѣ ли мужчины играютъ нами, женщинами? Вы ищете наслажденія, клянетесь въ любви, покуда не достигнете цѣли, а тамъ топчете несчастную довѣрчивую любовницу, какъ цвѣтокъ, упавшій на полъ на балѣ. Женщина, которая выше соблазна, должна вамъ мстить за весь нашъ полъ. Я выше соблазна..... Никто не имѣетъ правъ надо мною; никто не говорилъ мнѣ — «Ты моя», и потому никто не скажетъ — «Ты мнѣ не надобна.» Я слишкомъ горда чтобы влюбляться въ васъ, господа. Вы человекъ разсудительный, вы хорошо знаете свѣтъ и общество, и легко извините меня въ своей совѣсти. Вы спасете меня, хоть бы для того чтобъ этимъ великодушнымъ поступкомъ вознаградить тысячу страданій, которыя вы, повѣса, причинили бѣднымъ женщинамъ, обманутымъ вами. Я надѣюсь на васъ, Вербицкій..... Не говорите мнѣ о выспренности истинной любви и домашняго счастья! Въ на-

шемъ обществѣ, любовь — расчетъ, дѣло; а о домашнемъ счастьи мы говоримъ, скрѣпя сердце, какъ объ удовольствіяхъ вѣчной пытки. Кто изъ насъ видѣлъ это счастье? Кто испыталъ его?..... Счастливы одни эгоисты..... Вы сами это знаете. И если счастье — въ одномъ только эгоизмѣ, то я не вижу почему бы стыдно было быть эгоистомъ и счастливымъ?..... Я люблю себя. У каждаго своя слабость: вы любите почести, дорожите вашими знаками отличія; я люблю ту красоту, которою Богъ надѣлилъ меня. Это мой знакъ отличія. Я влюблена въ себя, въ одну себя!..... Понимаете ли меня, Вербицкій?

— Но думали ли вы, графиня, чему подвергаете молодого челоуѣка, который, не зная васъ, даритъ вамъ свою душу?

— Чему?..... Ахъ, Боже мой! тому же, чему и женщина подвергаетъ обезславленную, отвергнутую женщину. Повторю вамъ, я мщу за весь нашъ полъ. Небо справедливо. Неужели однимъ вамъ дано оно право обманывать? Неужели женщина ничто?

— Вы клялись Извъкову принадлежать ему!

— Я клялась изъ приличія. Онъ могъ забыться, я боялась огласки. Клятва эта была вышуждена. И кому же, говорю вамъ, я имѣла цѣлю долька..... очаровать Извъкова..... Я только хотѣла..... Вербицкій, я открыла вамъ душу мою, и полагаюсь на вашу скромность. Вы между мужчинами то же что я между женщинами. Мы товарищи. Такъ, милый Вербицкій, исполните просьбу мою. Извъковъ ревнив и мстительенъ..... Онъ можетъ быть мнѣ опасенъ. Уговорите его переселиться въ домъ сумасшедшихъ или осчастливить въ деревнѣ какую-нибудь мечтательную дурочку, плачущую надъ Грандисономъ; но только чтобъ я его болѣе не видала.

— Я тебя знаю, прекрасная маска! шепнулъ ей кто-то на ухо.

Т. XVIII. — Отд. I.

Она оглянулась.

Передъ нею стоялъ — Вербицкій! Горбуна уже не было.

Она взвизгнула, и исчезла.

Между тѣмъ столовая галлерей наполнялась постьтителями; лакеи бѣгали, тарелки звенѣли, пробки хлопали, свѣчи догорали, общество, цѣльное во время прогулокъ, раздробилось на тысячу отдѣльныхъ группъ, маски едва прикрывали лица, костюмы носили слѣды предприимчивыхъ рукъ, языки ворочались свободнѣе, утомленные волокиты спѣшили домой, неутомимыя одалиски упрекали молодежь двятнадцатаго вѣка; прислужники суетились на лѣстницѣ, кучера просыпались, ваньки предлагали свои услуги.

Наконецъ маскарадъ сталъ хаосомъ.

Потомъ жирандоли потухли. Вся честная компанія разсыпалась, и черезъ часъ Петербургъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

Не спали только двое!

=

Мы опять въ спальнѣ, опять топчемъ пушистые ковры, глядимся въ огромное зеркало, грѣмся у Карарскаго каминна, дышемъ благодатнымъ паромъ кинамона, упиваемся полу-луннымъ сіяніемъ алебастровой лампы, рассматриваемъ туалетъ красавицы, цѣлуемъ кончики одѣяла восхитительной ея кровати; и опять принуждены бѣжать вонъ, оттого что мы не имѣемъ права путешествовать по спальнямъ.

Графиня весь день была нездорова. Произшествіе въ маскарадъ ее тревожило: она догадывалась, кто такой горбунъ. Она предчувствовала грозу, бѣдствіе. Чтò-то сверхъестественнаго сжимало и леденило ея сердце.

Она хотѣла разсѣять себя, и не успѣла въ этомъ; ничто, даже любимое удовольствіе: перелистываніе каррикатуръ и разговоръ съ попугаемъ, не помогли ей.

Къ вечеру обнаружилась лихорадка. Графиня рѣшилась лечь.

Не такъ беззаботно вошла она въ спальню, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, возвратясь изъ раута, гдѣ все ей улыбалось, все покорствовало. Тогда будущее было свѣтло; теперь на горизонтѣ чернѣлось пятно. Дорого бы дала Зенсида, чтобъ вырвать изъ жизни своей эту связку дней, въ которой заключалось цѣлое сборище упрековъ!

Она могла пощадить его, могла его помиловать. Неужели ея не тронули его воинственная красота, его безгрѣховная молодость? Будь онъ записной развратникъ, никто не осудилъ бы ея, никто бъ не пожалѣлъ объ немъ. Многіе бы сказали — Подъломъ вору и мука. Но Дмитрій предался ей душою; но душа его чужда порока: онъ общалъ ей мириады утѣхъ, и она ихъ разрушила! Онъ вѣрилъ добродѣтели, и она испровергла его вѣру, унизила добродѣтель! Поступокъ ея — преступленіе.

Вѣра раздѣла графиню.

Графиня легла въ постель. Ознобъ увеличивался. Она старалась заснуть, и сонъ бѣжалъ ея изголовья. Герничныя удалились. Къ Зенсидѣ долетали ихъ шаги, ихъ шопоть; потомъ то и другое становилось тише и тише, и вотъ все умолкло; все обволокло спокойствіемъ ночи: только подлѣ кровати слышалось біеніе маятника, а на кровати біеніе сердца. Сердце опережало часы.

Сладки, утѣшительны мечты засыпающей дѣвушки! Ей видится любовь. Роскошны думы дремлющей женщины! Ей снится удовольствіе. Но черствы, холодны, убійственны, мысли созданія, для котораго

все ничтожно, — и первый поцѣлуй жениха, — и первая ласка мужа.

Зенеида воображала, какъ бы ей избавиться отъ Дмитрія.

Вдругъ левантинь, скрывавшій дверь, шевельнулся..... подвинулся..... Она приподнялась и вперила въ него тоскующіе глазки. Занавѣсь была неподвижна.

Зенеида снова окунулась въ подушки. Мысли ея плавали въ прошедшемъ; минувшее развертывалось передъ нею; ее мучили боязнь и раскаяніе. Уноеніе победы исчезло. Она протянула ручку къ столику и схватила ближайшую книгу.

Занавѣсь опять шевельнулась. Зенеида позвонила. Вѣра не явилась.

Казалось, кто-то отрывисто дышалъ въ углубленіи. Страхъ отнялъ у нея силы.

Колокольчикъ покатился на полъ. Дыханіе унялось.

Зенеида раскрыла книгу: ее поразили слова «приговоренный къ смерти». Она взглянула на обертку: «Последній день приговореннаго къ смерти», книга которая тогда лежала на всѣхъ туалетахъ, которою все восхищались, и которой теперь никто не читаетъ. Холодный потъ облилъ ее съ ногъ до головы. Она кинула эту книгу, и спряталась подъ одеяло.

Тамъ ей стало душно. Ознобъ смѣшился жаромъ. Темнота испугала ее. Ей вообразилось, будто она въ гробъ, будто ее хоронятъ живую, будто гвозди проникаютъ въ доски, будто смола кипитъ вокругъ ихъ мажоромъ, будто холстъ трещитъ, опуская тяжелую ношу, будто глыбы земли обрушиваются на крышу..... Она сбросила одеяло.

Холодъ повѣялъ ей прямо въ лице, не отрадный какъ дуновеніе вечерняго зефира, но тлетворный

какъ изъ сыраго подземелья. Способность говорить, способность двигаться пропали. Зенепда изгибалась въ конвульсіяхъ. «Я умираю», простонала Зенепда, и ножки ея вытянулись, глаза подернулись туманомъ. Въ эту самую минуту замокъ шелкнулъ, левантииъ распахнулся, и кто-то приблизился къ кровати.

Послѣднія силы воскресли въ Зенепдѣ. Она быстро приподнялась. Передъ нею стоялъ Извѣковъ!

— Графиня, сказалъ онъ: не смѣйтесь искать помощи, я все предусмотрѣлъ..... я предпринялъ все мѣры. Ничто не спасетъ васъ, никто вамъ не поможетъ..... Слушайте обвиненіе. Я приношу вамъ только собственныя слова ваши: *«Цѣлю моею было очаровать Извѣкова. Я хотѣла только..... включить его въ число моихъ жертвъ; теперь цѣль эта достигнута, онъ мнѣ болѣе не нуженъ, очередь ждетъ другаго»*.

Зенепда молчала.

Извѣковъ продолжалъ: — Я умѣлъ сберечь въ вихрь походной жизни, въ искушеніяхъ Петербурга, чистоту души и силу тѣла. Я жилъ надеждою сойтися съ олицетвореніемъ мечты моей. Я пренебрегалъ многихъ, вѣря этой надеждѣ и полюбилъ васъ; полюбилъ такъ, какъ никто еще не любилъ и любить не будетъ! Чѣмъ отплатили вы мнѣ? чѣмъ вознаградили? Знаете ли, что вы поступили со мною безсовѣстнѣ чѣмъ воспитатель, развращающій своего воспитанника? что еслибы при жизни вашего мужа вы всенародно объявили меня своимъ любовникомъ — вы бы стояли большаго милосердія чѣмъ теперь? Тогда довольно было бы презирать васъ; теперь васъ стоитъ обезславить.

Чувство оскорбленнаго самолюбія проснулось въ Зенепдѣ.

— Вы забываете, возразила она, что я беззащитна.... что у меня нѣтъ ни мужа ни братьевъ!

Движеніе Димитрія принудило ее молчать.

— Не перебивайте меня, сказалъ онъ: первое свиданіе съ вами произвело во мнѣ райское впечатленіе. Второе внушило благодатное чувство. Вамъ угодно было развить его: я предался вамъ со всею откровенностью юности; я сосредоточилъ земное блаженство мое въ счастіи глѣдѣть на васъ и восхищаться вами; я дѣйствовалъ по внушенію, вы дѣйствовали по расчету. Вы употребляли всѣ средства, чтобъ приковать меня къ своей побѣдной колесницѣ. Вы меня ласкали..... вы меня обманывали, и теперь, насладившись моими муками, вздумали прогнать, опозорить, объявить сумасшедшимъ. Къ несчастію, страсти мои не стынутъ такъ скоро. Ваша клятва даетъ мнѣ надъ вами права. Я болѣе не рабъ, не любовникъ: я судія..... я мститель!

Вьюга усиливалась; окна дребезжали. Извѣковъ жалъ руки. Зенеида рыдала. Онъ былъ великъ, какъ Божія гроза! Она была плѣнительна какъ плачущая Магдалина, волосы ея падали на плеча, глаза горѣли, грудь вздымалась.

— Вчера, прибавляя Димитрій, вы открыли мнѣ тайну вашего сердца. Она отвратительна! Не правда ли, она отвратительна?

Зенеида молчала.

— Ты не отвѣчаешь, сказалъ онъ съ гнѣвомъ. О, если бъ ты поняла меня, если бъ ты въ состояніи была прочесть мою душу: сколько счастія ожидало тебя! Я бъ потопилъ тебя въ счастіи; я бъ окружилъ тебя лучами славы; я былъ бы всѣмъ, чѣмъ бы ты велила мнѣ быть. Я бъ нѣжилъ, берегъ, ласкалъ, голубилъ, боготворилъ тебя! И ты сама все расторгла..... Ты сама все разрушила! Твоя участь въ рукахъ моихъ, я долженъ наказать тебя, мерзкая женщина.....

Зененда бросилась на постель и закрыла лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Тутъ она встала. Ея блѣдное лице встрѣтилось съ пылающимъ лицомъ Извъкова.

— Убейте меня, сказала она : но только поскорѣе!

— Убить тебя? Нѣтъ! я не убью тебя, ты будешь долго жить, чтобъ страдать, чтобъ терзаться въ раскаяніи. Мое мщеніе ужаснѣе смерти. Смерть — мнута! казнь твоя будетъ продолжаться годы, десятки лѣтъ. Ты будешь жить, проклиная день, въ который меня встрѣтила, и ночь, въ которую пришла тебѣ на умъ вполне женская мысль, разорвать мое сердце. Моя тѣнь будетъ вѣчно стоять у твоей кровати. Ты не избавишься отъ меня никакою молитвою. Ты умрешь, повторяя имя мое. Смотри на эту стеклянку!.....

Онъ вынулъ изъ кармана небольшую стекляночку, налитую до половины какою-то прозрачною жидкостью.

— Ты меня еще не вполне убила, коварная! вскричалъ онъ съ яростью и отчаяніемъ : ты должна докончить меня собственной рукою..... Собственной рукою должна ты мнѣ влить въ горло этотъ ядъ, и будешь потомъ наслаждаться зрѣлищемъ моихъ ужасныхъ мученій..... Я умру держа тебя въ своихъ объятіяхъ.

Онъ схватилъ ея руку, всунулъ въ эту слабую ручку роковую стекляночку, и сильно потащилъ ее къ своему рту, чтобы заставить мучительницу довершить свое дѣло. Она вдругъ прыгнула съ постели какъ львица, ухватилась обѣими руками за его руку и почти повисла на ней.

— Стой!..... Дмитрій!..... Стой! вскричала она. Все сдѣлаю, чтобъ загладить мое преступленіе.....

— Не хочу ничего слышать! не хочу, ревѣль не-

счастный, и, въ совершенномъ изступленіи, потащилъ снова руку ея со стекляною къ своему рту.

Зенеида напрягла всѣ свои силы, чтобъ удержать его. Стеклянка лопнула въ ея рукѣ, и вся жидкость пролилась ей на лице и на грудь.

Извѣковъ отскочилъ въ испугъ. Она бросилась къ двери.

Она вцѣпилась въ дверь. Она стала кричать, кровавленными руками стучала въ безотвѣтныя доски. Тщетныя усилія, все было предусмотрено.

Въ стеклянкѣ было купоросное масло. Этимъ жгучимъ веществомъ онъ хотѣлъ умертвить себя, и это самое вещество вылилось на лице и грудь красавицы. Обтираясь, она еще болѣе его размазала. Въ одно мигновеніе все почернѣло, побагровѣло, вспѣнилось. Бѣлизна, свѣжесть, румянецъ исчезли.

Зенеидѣ казалось, будто льютъ на нее горячій свинецъ, будто сдираютъ съ нее кожу; но ни одна жалоба, ни одинъ стоанъ не обнаружилъ страданія ея.

Волосы ея посѣдѣли.

Извѣковъ, страшными, помѣшанными, глазами долго смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ. Потомъ онъ воскликнулъ :

— Зенеида! казнь Божія свершилась надъ тобою. Богъ собственною твоею рукою отпилъ у тебя красоту, которую ты возло употребляла, и отнынѣ ты будешь омерзительна всемъ людямъ. Я отомщенъ! Поди къ зеркалу.

Извѣковъ притащилъ ее къ зеркалу. Она упала въ обморокъ. На другой день, Извѣкова отвезли въ домъ сумасшедшихъ. Графиня К*** черезъ недѣлю уехала въ деревню.

Лѣтомъ прошлаго года вѣдиль я нижегородца вѣдильскаго въ воздушныя губерніи. Августъ мѣсяць провелъ я въ Х-ѣ, и вотъ, какъ то вечеромъ, случилось

мнѣ забрѣсти на кладбище. Кладбище — альбомъ. Я пересматривалъ этотъ альбомъ, гдѣ есть все, и плачевныя урны и пылающія сердца, и потухшіе факелы, и тоскующія голубки, и дурная проза, и дурные стихи, и уморительныя эпитафіи. На одномъ богатомъ памятникѣ была слѣдующая надпись: *Подъ симъ камнемъ погребено тѣло рабы Божіей коллежской ассессорши Лукеріи Федотовны Г-овой, которой мужъ недослужилъ только четырехъ мѣсяцевъ до надворнаго совѣтника. Я списалъ себѣ эту знаменитую эпитафію, и она такъ мнѣ понравилась, что стала читать всѣ по порядку надгробныя признаія, въ надеждѣ открыть еще нѣсколько подобныхъ. Представьте себѣ мое изумленіе, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого памятника я нашелъ свѣжую могилу и узналъ изъ коротенькой надписи, что она принадлежитъ графинѣ Зенендѣ К***. Она лечилась въ деревнѣ три года, и, видя невозможность возстановить, даже приблизительно, свою красоту, бросилась съ отчаянія въ колодець.*

Извѣковъ умеръ въ бѣшенствѣ. . .

А. РАХМАННЫЙ.

==

ОЧЕРКИ ПЕРСИИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Однажды утромъ я гулялъ по узкимъ и мрачнымъ улицамъ Тебриза, которая безконечно извивалась, кажется, какъ-будто бѣгаютъ домовъ. Съ перваго взгляду можно было примѣтить, что какая-то тайна ходила по городу: народъ толпился по базарамъ и образовалъ группы; любопытные со вниманіемъ прислушивались къ рассказамъ вполголоса; купцы, сидя на пяткахъ у пороговъ лавокъ, не съ такимъ усердіемъ тянули дымъ своихъ кальяновъ, слишкомъ часто поглаживали длинныя бороды, складывали руки на кушакахъ и всеми ужимками давали уразумѣть, что они, — слава Аллаху, — знаютъ кое-что про это дѣло. Въ одной толпѣ, у которой я остановился, раздалось довольно внятно:

— Аллахъ видитъ мое сердце! Чтò я за собака, чтобъ мнѣ васъ обманывать? Пять дней тому назадъ, за два часа до полуденной молитвы выѣхалъ я изъ Тегерана, и завтракалъ передъ отъѣздомъ съ *тишхидметомъ* Мугаммедъ-Багиръ-Хана, беглербега Тегеранскаго: онъ стоялъ за дверью въ то время какъ ханъ читалъ письмо изъ Испагана.

— Это все вздоръ, возразилъ другой голосъ: всякой, кто былъ въ Тегеранъ, знаетъ, что слуги беглербега ужасные лгуны, и можно только удивляться, какъ шейтанъ не вырвалъ у нихъ до-сихъ-поръ языка изъ гортани.

— Полно вамъ спорить въ пустыковъ, сказалъ одинъ старикъ: не прерывайте Гуссейнъ-Бега; дайте ему кончить свою исторію.

Гуссейнъ-Бегъ, какъ человекъ обладающій важною тайною, заткнулъ лѣвую руку за кинжалъ а правою поправилъ шапку, и, посмотрѣвъ выразительно на присутствующихъ, началъ важно:

— Я сказалъ, что пишхидметъ беглербега стоялъ за дверью когда Багиръ-Ханъ читалъ письмо изъ Испагана одному изъ пріятелей своихъ Мирзѣ Исмаилу. Сказалъ ли я, или нѣтъ?

— Сказалъ! Чтò жъ было въ письмѣ?

— Пойдите! Скажу. Письмо было писано рукою высокостепеннаго *шиикъ-агасы* (коменданта Порога, церемоніймейстера).

— Да его не было тогда въ Испаганѣ.

— Молчи, *пезевенкъ*! Ничего не знаешь. Я говорю вамъ, что письмо было писано самимъ *шиикъ-агасы*. Сказалъ ли я, или нѣтъ!

— Сказалъ!

— Хорошо! Ну, такъ вотъ пишхидметъ Мугаммедъ-Багиръ-Хана слышалъ слово въ слово отъ начала до конца все письмо *шиикъ-агасы*. Въ немъ было написано, что падишахъ, убѣживше міра, изволилъ скушать въ Испаганѣ за ужинномъ четыре дыни разомъ.

— Аллахъ! Аллахъ! четыре дыни!

— Да! четыре дыни. Хорошо! Я сказалъ, что падишахъ изволилъ скушать за ужинномъ четыре дыни. Послѣ того онъ изволилъ пить много шербета, и на другой день опасно занемогъ лихорадкою.

— Лжетъ!

— *Истагфиръ Аллахъ*! Я не хочу и слушать такихъ рѣчей.

— Береги свою бороду Гуссейнъ-Бегъ! не поддайся грязи! Чтò это за вѣста разсѣваешь ты про падишаха?

Гуссейнъ - Бегъ посмотрѣлъ съ презрѣніемъ на окружающихъ и однимъ взглядомъ уничтожилъ того, кто называлъ его лгуномъ. Онъ вытянулъ шею, расправилъ усы, и сказалъ твердымъ голосомъ :

— Вы всѣ болваны. Самому шейтану не нужно такихъ глупцевъ. Знайте же, бараньи головы, что падишахъ умеръ!

— *Аманъ! Аманъ!* — *Истагфиръ Аллахъ!* — *Вай, вай!* закричали хоромъ въ толпѣ и въ одну секунду раскащикъ, тѣснимый прежде отсюда любопытною публикою, остался одинъ посреди улицы базара; всѣ кинулись бѣжать отъ него какъ отъ зачумленнаго. Никому не приходило въ голову, чтобы Фетхъ-Али-Шахъ могъ когда-нибудь умереть. Каковъ бы онъ ни былъ, но въ теченіи сорока-лѣтняго царствованія его, всѣ такъ привыкли имѣть его своимъ повелителемъ, что мысль о новомъ государѣ не могла ужиться ни подъ одной бараньей шапкой. Упавшее теперь какъ снѣгъ на голову извѣстіе о смерти Фетхъ-Али-Шаха перепугало всѣхъ до крайности въ Тебризѣ. Большая часть думала, что это хитрая выдумка начальниковъ, которые ищутъ обличить кого-нибудь изъ правовѣрныхъ въ недостатокъ преданности къ падишаху и на этомъ основаніи ободрать его какъ липку или можетъ быть даже выколоть ему глаза.

По этой причинѣ не трудно понять панический страхъ, который овладѣлъ всѣми при разсказѣ Гуссейнъ-Бега.

Нѣкоторые собирались даже итти къ беглербегу Тебриза съ жалобою на Гуссейна, осмѣлившагося выдумать такую ужасную новость. Разумѣется, никто не вѣрилъ его разсказамъ.

Однако, пріѣзжающіе изъ Тегерана, если не вполне подтверждали извѣстіе о смерти шаха, всѣ единогласно говорили, что его величество присмертъ боленъ; но правительственныя мѣста на всѣ вопросы

по этому предмету отзывались совершеннымъ невѣдѣніемъ, говоря, что не имѣютъ никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, спустя три дня послѣ сцены здѣсь описанной, прибылъ посланный изъ Тегерана къ наследнику престола, Мугаммедъ-Мирзѣ, съ извѣстіемъ, что великій дѣдъ его, Фетхъ-Али-Шахъ отъ этого тѣннаго міра «изволилъ переѣхать» въ міръ вѣчный 8 октября, въ Испаганѣ, послѣ кратковременной болѣзни, причиненной дѣйствительно невоздержаніемъ въ пищѣ. Чудесныя Испаганскія дыни погубили его.

Фетхъ-Али-Шахъ умеръ на семьдесятъ шестомъ году отъ роду послѣ тридцати девяти лѣтъ царствованія. Какъ государь, онъ не совершилъ ничего такого, что бы могло дать ему право на блестящее имя въ Исторіи, но, какъ человекъ, онъ, по характеру своему, стоить того, чтобы обратить на себя вниманіе современниковъ. Постараюсь дать объ немъ нѣкоторое понятіе. Начну, какъ водится, съ его наружности; и хотя она, по портретамъ приложеннымъ къ разнымъ путешествіямъ, извѣстна болѣе или менѣе читающей публикѣ, тѣмъ не менѣе я не хочу лишиться себя удовольствія начертать здѣсь на память изображеніе бывшаго падишаха Ирана. Оно не трудно и можетъ быть сделано въ двухъ словахъ.

Фетхъ-Али-Шахъ былъ небольшого росту и очень худощавъ. Выразительные глаза и довольно большой, нѣсколько горбатый носъ, были единственныя черты его лица, видныя изъ-за густой бороды, которая начиналась подъ самыми глазами и простиралась до нижнихъ областей желудка. Эта борода считалась самою длинною во всей Персін. Живописцы, лѣтя во всѣхъ случаяхъ шаху вмѣстѣ съ другими придворными, увеличивали ее до безконечности на портретахъ. Вотъ все, что можно сказать о наружности покойнаго «убѣжища міра». Можетъ-быть, если бѣ оцупать его черепъ, нашлось бы въ немъ что-нибудь

любопытнаго для приверженцевъ системы доктора Галля, но, во-первыхъ, я не принадлежу къ приверженцамъ вышерѣченнаго доктора, а во-вторыхъ врядь ли кому, кромѣ шахскаго цирюльника, удавалось имѣть честь осязать вмѣстѣлице «ума, равняющагося сложности всѣхъ умовъ въ мѣръ».

Всевозможныя чувственныя наслажденія и удовольствіе господствующей его страсти копить деньги составляли главную цѣль его жизни. Гаремъ его состоялъ изъ трехъ сотъ привилегированныхъ женщинъ, а если причестъ къ нимъ прислужницъ и танцовщицъ, то всего набралось бы болѣе тысячи душъ женскаго пола. За то и оставилъ онъ послѣ себя *девять сотъ тридцать пять* человекъ потомковъ, — сыновей, дочерей, внуковъ, внучекъ, и прочаго. Большая часть ихъ жила при немъ, въ Тегеранѣ, а остальные были разбросаны по всей Персїи. При выборѣ женъ Фетхъ-Али-Шахъ не стѣснялся ни какими законами: дамы самаго высокаго званія, женщины самаго низкаго происхожденія, поправившись его шахскому величеству, безъ лишнѣхъ церемоній дѣлались его сожительницами. Первая жена шаха, въ послѣднее время его царствованія, была дочь *Кебабчи*, продавца жаренаго мяса на базарахъ, и нажила титулъ *таджи-доулетъ*, «Короны государства».

Скупость Фетхъ-Али-Шаха превосходила всякое понятіе: онъ самъ сознавался, что день, въ который ему не удалось ничего положить въ свой кошелекъ, считался у него потеряннымъ днемъ жизни, и что онъ не могъ спокойно спать послѣ этого ночью. Про него рассказываютъ въ Персїи бездну анекдотовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по моему мнѣнію, весьма интересны, потому что они изображаютъ шаха нѣсколькими чертами.

Онъ имѣлъ привычку почти каждый день выѣзжать верхомъ за городъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ де-

сѣтковъ вельможъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, отъѣхавъ отъ города версты четыре, увидѣлъ онъ нищаго, стоящаго у колодца и который кричалъ во все горло самымъ жалобнымъ голосомъ: *Дерь раги Худа, іекъ кара нуль бе менъ бе-дегидъ!* «На пути Бога, дайте мнѣ одинъ мѣдный грошъ!» *Гуламъ* шаха (верховой прислужникъ) собрался уже исполнить свою обязанность, и подскакалъ къ нищему съ поднятою плетью, какъ вдругъ шахъ приказалъ ему остановиться, подозвалъ бѣдняка къ себѣ, началъ шутить съ нимъ, спрашивать объ его семействѣ, объ его дѣлахъ, и, насмѣявшись до-сыта его отвѣтами, вынулъ изъ кармана червонецъ и сказалъ: «Вотъ тебѣ червонецъ; я даю его какъ капиталъ, съ тѣмъ уговоромъ, что ты подѣлишься со мною процентами.» Нищій взялъ червонецъ, и долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія, такъ что шахъ давно уже проѣхалъ съ своею свитою, а онъ всё-еще стоялъ какъ вкопанный на томъ же мѣстѣ, не сводя безсмысленнаго взора съ блестящей монеты. Наконецъ обернулся онъ въ ту сторону, гдѣ видѣлся шахскій поѣздъ: долго слѣдилъ онъ его глазами, какъ-бы углубленный въ грустную думу. Вдругъ пришла ему въ голову чудная мысль: онъ сѣлъ на камень возлѣ колодца подѣ тѣнью густаго чинара, и, держа въ рукѣ червонецъ рѣшился ждать обратнаго проѣзда его величества. Нѣсколько разъ демонъ соблазнялъ его положить деньги въ карманъ и отправиться домой, однако жъ онъ устоялъ противъ искушенія. Завидѣвъ издали падишаха, онъ всталъ съ мѣста и почтительно ждалъ приближенія *Убъжища* міра. Шахъ, подъѣзжая къ нищему, узналъ его и пришелъ въ бѣшенство: онъ полагалъ, что ему понравились золотыя деньги и что онъ проситъ еще. Каково было его удивленіе, когда нищій подошелъ къ его лошади и протягивая руку отдавалъ шаху червонецъ. — «Что это значить?» спросилъ шахъ. — «Я

отдаю вамъ ваши деньги, государь, потому что боюсь, что при дѣлежѣ процентовъ придется мнѣ отдать послѣднюю рубашку съ тѣла.» Шаху очень понравилось это приключеніе: онъ взялъ червонецъ назадъ, и во всю дорогу много забавлялся насчетъ нищаго, радуясь внутренно тому, что получилъ обратно выданныя деньги, издержанныя «на пути Бога», для исполненія одной изъ первыхъ обязанностей вѣры Пророка: онъ не надѣялся на этотъ приходъ.

Всякой разъ какъ шахъ выѣзжалъ на охоту, это удовольствіе приносило ему болѣе денегъ чѣмъ дичи. Дѣлалось это очень просто. Онъ приглашалъ обыкновенно съ собой нѣсколькихъ вельможъ. Всѣ боялись этой чести: она была разорительна. Начать съ того, что Фетхъ-Али-Шахъ, по примѣру Людовика XIV, не давалъ никогда промаху, — ни изъ ружья, ни изъ лука, ни даже при метаніи джеридомъ: на случай неудачи, слуги имѣли съ собой достаточное количество благовременно убитой дичи. Когда шахъ собирался стрѣлять, онъ обращался къ одному изъ присутствующихъ и говорилъ: «Ханъ! шахъ стрѣляетъ на твое здоровье!» Тогда, откинувъ на сторону свою огромную бороду, онъ прицѣливался. Лишь только выстрѣлъ раздастся, слуги бросаются впередъ и черезъ нѣсколько минутъ приносятъ его величеству убитое животное. Въ этомъ промежуткѣ времени, шахъ стоя на-мѣстѣ, клалъ руку за спину, а ханъ, на здоровье котораго стрѣляли, обязанъ былъ положить въ «золотую руку» повелителя столько золота, сколько могъ по своему состоянію. Мало было такихъ, которые смѣли заплатить за честь, сдѣланную имъ выстрѣломъ менѣе пятидесяти *баджъ-огли* (червонныхъ): это исключеніе допускалось только въ пользу самыхъ небогатыхъ, которымъ самъ шахъ говорилъ: «Ты бѣднякъ; отъ тебя довольно и тридцать или двадцать пять, *баджъ-огли*.» Привычка обращаться съ

деньгами, надѣлила Фетхъ-Али-Шаха удивительною способностью, которую въ Европѣ тотчасъ приписали бѣ магнетизму и ясновидѣнію: онъ, по вѣсу, зналъ сколько денегъ держитъ въ горсти и не ошибался, какъ говорятъ, никогда ни на одинъ червонецъ.

Посылка, кому-нибудь изъ придворныхъ, чашки молока или блюда плодовъ, стоила также осчастливленному льстецу «царя царей» изрядной суммы денегъ.

Такимъ образомъ покойный шахъ не упускалъ ни одного случая, гдѣ и отъ кого бы то ни было онъ могъ брать деньги. Страсть къ золоту, доводящая часто скрягъ до самыхъ безразсудныхъ поступковъ, имѣла и на него такое же вліяніе. Стоитъ только заглянуть въ учрежденный имъ образъ управленія Персіею. Всѣ области государства раздѣлялъ онъ между своихъ сыновей, которые и имѣли ихъ какъ-бы на арендѣ, и были обязаны выплачивать шаху извѣстную сумму въ годъ. Принцы правители Мазандерана и Шираза нажились дотога, что сдѣлались богаче самаго отца и отказывались платить ему подъ разными предлогами. Послѣ нѣсколькихъ письменныхъ убѣжденій доставить должную сумму, Фетхъ-Али-Шахъ отправлялся самъ съ войсками къ предѣламъ одной изъ этихъ провинцій. Принцы испуганные выѣзжали къ отцу на встрѣчу и повергали къ стопамъ его по нѣскольку тысячъ червонныхъ, — можетъ-быть самую незначительную часть того, что имъ слѣдовало востать, но при видѣ золота шахъ всегда уничижался: онъ отправлялся обратно въ Тегеранъ. Эта финансовая система очень проста и вѣрна.

Главные его расходы относились къ содержанію огромнаго гарема, который дѣйствительно пожиралъ тму денегъ, и къ платежу пенсій, назначенныхъ тмъ изъ сыновей, которые не управляли провинціями.

Роскошь при дворѣ была вовсе не такъ велика, какъ это можетъ-быть думаютъ въ Европѣ, основываясь на понятіяхъ о Восточной пышности и на сказаніяхъ многихъ путешественниковъ, бѣльшая часть которыхъ по-истинѣ не знаю откуда брали свѣдѣнія свои о Персіи. Богатыя краски ихъ описаній вовсе не похожи на голыя степи, занимающія огромную часть Персіи и на безвкусныя дѣла рукъ ея жителей. Прочитавъ почти все писанное объ этой странѣ, я долженъ по совѣсти отдать справедливость книгѣ изданной двѣсти лѣтъ тому назадъ, — Путешествіе Шардена. Добросовѣстность, съ какою оно написано, заслуживаетъ похвалы самаго строгаго критика. Персія не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ въ просвѣщеніи; умы стоятъ всегда на одной и той же точкѣ, весьма близкой къ точкѣ замерзанія, такъ, что картина Шардена, списанная вѣрно съ натуры, можетъ прожить еще столько же и остаться лучшею книгою объ «стечествѣ розъ и соловьевъ». Дай Богъ по-больше такихъ во всѣхъ словесностяхъ.

Жители большихъ городовъ вообще не очень строго держатся законовъ пророка. Чтò касается до вина, то несмотря ни на запрѣты Корана, ни на усердіе муллъ, иногда довольно строгихъ блюстителей чистоты, вѣры и нравовъ, эта контрабандная жидкость въ большомъ употребленіи въ высшемъ сословіи и у богатыхъ людей. Правда, что открыто ни одинъ правовѣрный не осмѣлится осквернить усть своихъ прикосновеніемъ къ чашѣ, но за то тайкомъ, запершись въ отдаленныя комнаты гаремовъ, Персіане напиваются пьяны хуже всякаго кафира. Тебризскій Беглербегъ, Фетхъ-Али-Ханъ, человекъ пожилой, дотога пристрастился къ вину и притупилъ имъ вкусъ, что уже никакой напитокъ не приводилъ его въ опьяненіе. Онъ обратился съ просьбою къ Англійскимъ купцамъ, и они выписали для него какого-то спирту необык-

новенно крѣпкаго. Фетхъ - Али - Ханъ мѣшалъ этотъ спиртъ на половину съ ромомъ, и достигалъ въ нѣкоторой степени своей цѣли, выпивъ заразъ отъ двухъ до трехъ и болѣе стакановъ этаго огненнаго напитка. Покойный Шахъ былъ тоже преданъ тайно употребленію запрещенной влаги : послѣ его смерти найдено въ его погребѣ безчисленное множество бутылокъ Ширазскаго вина. Онъ не взыскивалъ за этотъ грѣхъ и съ своихъ приближенныхъ. Въ одно изъ своихъ путешествій, на обратномъ пути въ Тегеранъ, Фетхъ-Али-Шахъ, взѣхавъ на Кафлапъ-кухъ, хребетъ горъ, отдѣляющій Адербаеджанъ отъ Хамсы, и сдѣловательно и отъ Ирака сказалъ тавризскому Беглербегу, о которомъ мы сейчасъ говорили : «О, какъ пріятно мнѣ здѣсь ! До меня доходитъ запахъ Ирака.» Беглербегъ, думая что дѣло идетъ объ араклъ (водкѣ) началъ клясться бороною, могилою своего отца, и всѣмъ что было для него свято, что въ этотъ день онъ не бралъ въ ротъ ни какого крѣпкаго напитка. Шахъ много тѣшился этимъ недоразумѣніемъ.

Въ числѣ характеристическихъ анекдотовъ о Фетхъ-Али-Шахъ, какъ не упомянуть о томъ, который болѣе всѣхъ можетъ интересовать Русскаго, именно, объ участи постигшей великолѣпную хрустальную кровать, посланную нашимъ Дворомъ въ подарокъ падишаху Ирана. Кто изъ Петербургскихъ жителей не спѣшилъ любоваться на чудесное произведеніе здѣшняго стекаяннаго завода, которое должно бы было жить вѣки на славу Русскихъ мастеровъ. Въ книгѣ судебъ написано было иначе. Когда привезли это диво въ Тегеранъ, восхищенный шахъ приказалъ поставить его въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ залъ своего дворца: это было исполнено Русскимъ чиновникомъ Г. Носковымъ, который сопровождалъ ее въ столицу Персін. Фетхъ-Али-Шахъ долго не могъ наглядѣться на свое великолѣпное ложе, и всѣ придворные, осматри-

вая его, держали по цѣлымъ часамъ пальцы во рту отъ удивленія. Персидскіе поэты писали оды къ этой кровати; въ Тегеранѣ только и говорили что о хрустальной кровати, «которая сіяетъ подобно тысячи одному солнцу». Между-тѣмъ возгорѣлась война съ Россіей. Эривань была взята, Нахичевань также. Русскіе приближались къ стѣнамъ Тебриза. Въ одно прекрасное утро шахъ, возвратившись съ прогулки, проходилъ мимо той залы гдѣ стояли подарки Русскаго Государя. Красота кровати соблазнила убѣжище міра: не смотря на войну, ему захотѣлось полежать на ней. Вздумано, сдѣлано. Спустия не болѣе четверти часа послѣ того какъ «тѣнь Аллаха» улеглась и покоила уставшіе члены, пріѣзжаетъ *чапаръ* (куріеръ) изъ Тебриза, съ извѣстіемъ, что главный города Адербаеджана и мѣстопробыванія наследника Персидскаго престола, заняты Русскими. Бѣшенство шаха, когда онъ узналъ объ этомъ, не имѣло границъ. Онъ по суевѣрію своему, приписалъ взятіе Тебриза, невѣрной кровати, на которой онъ въ тотъ день въ первый разъ расположился. Тотчасъ велѣлъ онъ разобратъ этотъ даръ, уложить се въ ящики, въ которыхъ хрусталь была привезена, и поставить въ подвалы. Ревность слугъ шаха къ исполненію какъ можно скорѣе его воли была такъ велика, что они въ торопяхъ переломали много кусковъ. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ болѣе знаменитой кровати и вѣроятно никто ее уже и не увидить.

Но гнѣвъ шаха не ограничился разрушеніемъ кровати: онъ принялся перебирать въ умъ, кто бы еще, кромѣ этой хрустали, могъ быть причиною взятія Тебриза. Свѣтлая идея мелькнула въ головѣ его, и онъ тотчасъ же послалъ за Аллаяръ-Ханомъ.

Аллаяръ-Ханъ, происходящій изъ фамиліи Каджаровъ, то есть, нынѣ царствующаго дома, носитъ почетное званіе *Асифу-дъ'доулета*, «Государственнаго

Соломона», и былъ женатъ на одной изъ дочерей шаха. По этому видно что онъ былъ довольно важный человекъ въ государствѣ.

Пославъ за нимъ, шахъ отправился въ одно изъ отдѣленій своего дворца, выходящее окнами на большой *мейданъ* (площадь) и приказалъ разостлать передъ нимъ коверъ. Аллаяръ-Ханъ, привыкшій къ частымъ посылкамъ шаха, который любилъ его общество, принарядился какъ слѣдуетъ; надѣлъ шалевою *кичѣ*, богатую *чуку* и заткнулъ за поясъ осыпанный дорогими камнями *кичкаль*. Его однако жъ удивило приказаніе шаха явиться не во внутреннія комнаты дворца, а на большой *мейданъ*, предъ тѣмъ флигелемъ дворца изъ котораго шахъ обыкновенно смотрѣлъ разныя *теманшій*, зрѣлища, происходящія на площади. Когда тотъ явился на назначенное мѣсто, шахъ далъ ему окончить все обыкновенныя поклоны и льстивыя фразы, и потомъ началъ: «Какъ съ близкимъ къ шаху, хотѣли мы съ тобой поговорить о постигшемъ насъ несчастіи. Ты знаешь что невѣрныя овладѣли Тебризомъ?» — «Слышалъ я, отвѣчалъ онъ, что ненобъдимая армія вашего величества побѣждена этими проклятыми, и сердце мое преданное шаху превратилось въ воду отъ горести. Но Аллахъ великъ, и если только тѣнь вашего благорасположенія не уменьшится для вселенной.....» — «Вздоръ! грозно проговорилъ шахъ. Вздоръ! Моя тѣнь тѣнью, а ты долженъ знать, что всему этому причиною ты.» — *Истагфиръ Аллахъ!* Избави Боже! могу ли я, ничтожнѣйшій рабъ, недостойный лобызать прахъ туфель вашихъ, быть причиною такого важнаго происшествія? Что я за собака, чтобъ быть причиною взятія Тебриза? Развѣ я не готовъ броситься въ *джегенемъ*, въ адъ, для пользы службы моего шаха и благодѣтеля?» — «Полю врать, старая лисица! не ты ли мнѣ совѣтовалъ начать войну съ Русскими?» — «Правда,

я былъ въ числѣ тѣхъ которые совѣтовали вамъ, падишахъ, стяжать рай и прославить оружіе ваше уничтоженіемъ этихъ злыхъ. Да успѣхъ этого завистель не отъ меня.» — «Врешь! Ты увѣрялъ меня что войско мое непобѣдимо.» — «Да кто жъ можетъ противостать силѣ падишаха, убѣжища міра!» — «Молчи, не увеличивай моего гнѣва; я выучу тебя впередъ подавать мнѣ совѣты мудрые и знать толкъ въ дѣлахъ.» Съ этими словами шахъ хлопнулъ въ ладоши, и явились четыре *фетраша*, «постельничіе», съ козодкою и палками; повалили государственнаго Соломона на коверъ, заключили ноги его въ роковыя доски, и по знаку «Тѣни Аллаха на землѣ» отколотили прензрядно по пятамъ злѣя его величества. Государственный Соломонъ лежалъ три недѣли съ распухшими ногами послѣ этой попытки въ мудрости*.

Фетхъ-Али-шахъ однако отвлекъ насъ слишкомъ далеко отъ Тебриза. По прошествіи нѣсколькихъ дней, миновалъ страхъ овладѣвшій всѣми при полученіи перваго извѣстія о смерти шаха. Персіяне мало-по-малу свыклись съ мыслию о концинѣ человѣка, котораго имя въ теченіи сорока лѣтъ стояло у нихъ почти на равнѣ съ именемъ Аллаха. Мугаммедъ-Мирза, сынъ покойнаго Аббасъ-Мирзы, бывшаго наследникомъ Персидскаго трона, былъ, по смерти отца своего, назначенъ дѣдомъ своимъ Фетхъ-Али-Шахомъ, заступитъ по немъ его мѣсто. Съ этимъ званіемъ Мугаммедъ-Мирза жилъ въ Тебризѣ, и имѣлъ въ своемъ управленіи весь Адербаеджанъ и все регулярное войско. Спустя нѣсколько дней онъ назначилъ у себя во дворцѣ *селямъ*, «поклонъ». Всѣ придворные, находящіеся при его особѣ, духовенство, представи-

* Впрочемъ точность повелѣваетъ сказать, что *Асуфу'дъ Доулетъ*, значить не — государственный Соломонъ, но — государственный великій везиръ Соломоновъ. По преданіямъ Восточныхъ, Асифъ былъ визиремъ Соломона, но отнюдь не уступалъ ему въ мудрости.

тели купечества, явились для поздравленія новаго шаха. Молодой монархъ, сидя на тронѣ, сказалъ краткую рѣчь, въ которой изъяснилъ сокрушеніе свое о кончинѣ дѣда и объявилъ, что онъ въ скоромъ времени намѣренъ ѣхать въ Тегеранъ, чтобы принять бразды правленія.

Вечеромъ въ тотъ же день получены изъ Тегерана довольно непріятныя вѣсти. Зелли-Султанъ, одинъ изъ старшихъ сыновей покойнаго шаха, жившій въ Тегеранъ, узнавъ о смерти отца, провозгласилъ себя шахомъ и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ и слышать ничего о законномъ наслѣдникѣ престола. Въ числѣ множества глупостей, которыя этотъ принцъ надѣлалъ въ свое короткое княженіе, онъ писалъ Мугаммедъ-шаху, приглашалъ его оставаться спокойно въ Тебризъ, сохранялъ ему всѣ званія, дарованныя покойнымъ дѣдомъ, и увѣрялъ, что онъ, его государь и повелитель, уважая память и исполняя волю августѣйшаго родителя своего, будетъ всегда почитать Мугаммеда законнымъ своимъ наслѣдникомъ. Это письмо, и другія частныя извѣстія, изъ которыхъ видно было, что Зелли-Султанъ, овладѣвъ шахскою казною, сыплетъ горстями деньги, чтобы пріобрѣсти себѣ друзей, обезпокоили нѣсколько Мугаммедъ-шаха, и онъ началъ помышлять объ отъездѣ. Вообще надобно сказать, что Персіяне много думаютъ, въ десятеро больше говорятъ, и почти ничего не дѣлаютъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ, гдѣ, напротивъ, надлежало дѣйствовать съ силою и твердостью, какъ того требовали обстоятельства. Въ Персіи невозможно кончить самаго пустаго дѣла безъ ужасной потери времени. Ни какое событіе, какъ бы оно важно ни было, не заставитъ Персіянина отстать отъ его привычекъ. Ни какой разговоръ не обойдется безъ трехъ кальяновъ табаку, чашки чаю и чашки кофе. Накурившись и напившись, вы можете, если достанетъ

времени, приступить къ дѣлу. Всѣ эти продѣлки, сопровождаемыя мудрыми изрѣченіями, освѣдомленіемъ объ исправности вашего мозга, и рыганьемъ, которое у знатныхъ въ большой модѣ, пожирають все ихъ золотое время такъ что, просидѣвъ часъ у Персіянина, употребишь три четверти часа на эти пріятныя препровожденія времени.

Теперь надобно вывести на сцену новое дѣйствующее лице, весьма примѣчательное, — перваго министра и совѣтника новаго шаха; лице, которое находилось въ этомъ званіи и при Аббасѣ-Мирзѣ; человека важнаго по необыкновенному вліянію и на дѣла всей Персіи и на поступки своихъ государей въ ихъ частномъ быту; однимъ словомъ Мирзу Абуль-Касима, каймакама и атабека, то есть, намѣстника и наставника.

Вообразите себѣ человека средняго росту, съ толстымъ брюхомъ, съ карими всегда прищуренными глазами, съ довольно большимъ и развалистымъ носомъ, съ жидкою черно-красноватою бородою, съ двумя выходящими изъ-за верхней губы клыками, и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о томъ какъ выглядѣлъ каймакамъ. Одѣвался онъ всегда съ большимъ нерадѣніемъ, въ до крайности неопратно; послѣ всякаго обѣда можно было набрать корзинку всякаго провіанту, который по дорогѣ въ ротъ оставался у него въ бородѣ и на платьяхъ. Не знаю, почему не занимался онъ собою: потому ли, что полагалъ небрежность въ наружности достояніемъ великаго человека, званіе на которое онъ крѣпко мѣтилъ, или потому, что это было въ его природѣ; только трудно было найти въ мірѣ созданіе противнѣе этого человека, который игралъ такую роль въ государствѣ. Его поступки отличались всегда неимовѣрными странностями; все, что есть предрасудковъ въ Персіи, сосредоточивалось въ немъ. Интересно было послушать

какъ онъ заказывалъ себѣ кушанье. Когда ему принесли длинный списокъ блюдъ, изъ которыхъ онъ долженъ былъ назначить то, что ему болѣе нравилось, онъ бралъ въ руки четки и гадалъ по нимъ передъ всякимъ кушаньемъ; и то изъ нихъ, при которомъ оказывалось на отдѣленныхъ шарикахъ четное число, было выбираемо, какъ здоровое на этотъ день; о томъ, которое ознаменовывалось числомъ нечетнымъ, не могло быть и рѣчи.

Вѣрный слуга его, Гасанъ — также лице пресимпатическое. Это была олицетворенная глупость, и Мирза Абуль-Касимъ всегда говорилъ, что именно за эту добродѣтель и держитъ его при себѣ. Глухой прислужникъ былъ, по его мнѣнію, сокровище неоцѣненное. «Посмотрите, говаривалъ онъ: это не человекъ а чудо, дайте ему прочесть что хотите, онъ прочтетъ безъ остановки; спросите, что онъ читалъ, такъ, хоть выколи ему глаза, ничего не знаетъ.»

Но каймакамъ рѣшительно былъ умнѣйшій человекъ во всей Персін, и онъ былъ бы умнѣе даже въ Европѣ. Честолюбіе и страсть къ деньгамъ составляли основаніе его характера: онъ удовлетворилъ ихъ въ полномъ смыслѣ слова, потому что сдѣлался важнѣйшимъ лицомъ въ государствѣ, управлялъ волею шаха, и имѣлъ, какъ говорятъ, до четырехъ сотъ тысячъ червонныхъ годового дохода. У него были два сына: одинъ изъ нихъ, Мирза-Мугаммедъ, былъ визиремъ Мугаммедъ-шаха, не только въ то время, когда тотъ былъ наследникомъ престола, но и въ началѣ его царствованія. Другой, Мирза-Али, еще почти ребенокъ, не имѣлъ ни какой должности, но былъ очень уважаемъ всеми. Вся Персія ненавидѣла каймакама, какъ человека недоброжелательнаго и какъ грабителя: взятки, которыя онъ бралъ всюду, превосходятъ всякое описаніе; зато и говорили, что два его зуба, выходящіе наружу изъ-подъ верхней губы, съѣдали всѣ

доходы Адербаеджана. Хитрость его была необыкновенна. Мивъ разсказывали очевидцы, что будучи какъ-то приглашенъ къ Англійскому посланнику для переговоровъ, по одному важному дѣлу, въ которое ему не хотѣлось мѣшаться, онъ пробылъ въ домѣ посланника восемь часовъ, и избѣгъ всякаго разсужденія о предметѣ свиданія. Онъ явился туда за два часа до полудня; сперва какъ водится, начались угощенія: когда все унесли, онъ попросилъ посланника дать ему сладкихъ лимоновъ, потомъ дынь; ѣвши все это очень долго, притворился не совсѣмъ здоровымъ и просилъ позволенія прилечь отдохнуть, увѣряя, что, поспавши съ полчаса, онъ готовъ будетъ говорить о чемъ угодно. Вся эта сцена, до сна, продолжалась около двухъ часовъ. Прислонивъ голову къ подушкамъ софы для отдыха, Персидскій дипломатъ пролежалъ въ этомъ положеніи цѣлыхъ пять часовъ съ зажмуренными глазами, между-тѣмъ какъ посланникъ съ безпокойствомъ ждалъ минуты его пробужденія. Наконецъ его высокостепенность изволилъ возстать, и, узнавъ, что на минаретахъ поютъ уже призывъ къ вечернему намазу, онъ принялся за умовеніе, за молитву, за извиненія передъ хозяиномъ, что пропустилъ часъ, въ который должно ему ѣхать къ шаху, и улизнулъ со двора. Таковъ былъ знаменитый каймакамъ, первый паяцъ въ этой землѣ паяцовъ, гдѣ на каждомъ шагу, при небольшомъ расположеніи къ комическимъ предметамъ, поймашь оригинальную фигуру, которую можно сейчасъ пустить на балконъ балагана для потѣхи публики. Имя его сдѣлалось пугаломъ для всей Персіи; но онъ имѣлъ большое вліяніе на Мугаммедъ-Шаха, который былъ, такъ сказать, орудіемъ его воли.

Главные силы шаха, то есть, регулярная пѣхота и артиллерія, подъ начальствомъ Эмиръ-Низама, находились тогда въ окрестностяхъ Хоя. Рѣшившись выступить къ Тегерану, Мугаммедъ-Шахъ послалъ къ

Эмиръ-Низаму приказаніе явиться съ войскомъ въ Тебризь. Черезъ нѣсколько дней, вмѣсто войска, прибылъ изъ Хоя чапаръ съ извѣстіемъ, что ни одинъ солдатъ не хочетъ тронуться съ мѣста прежде нежели получатъ должное себѣ жалованье: инымъ не было оно выдано за пять и за шесть лѣтъ! Эта новость произвела тревогу: казна новаго шаха оказалась несостоятельною, а между-тѣмъ отъсюду раздавались крики—«Денегъ, денегъ!»—Денегъ рѣшительно не было. Вся надежда была на несмѣтные богатства каймакама; но его высокостепенность не подавалъ знака жизни и прикидывался бѣднякомъ. Положеніе шаха было отчаянное: надобно было однако жъ начать, что-нибудь. Знаменитый Персидскій *ишиаллахъ* (Богъ дастъ) вывелъ изъ бѣды. Послали вторичнаго курьера къ Эмиръ-Низаму, приглашая его привести войско и обѣщая солдатамъ, что по прибытіи ихъ въ Тебризь они будутъ удовлетворены. А изъ какихъ суммъ, этого никто не зналъ. *Ишиаллахъ*, найдутся! Хотя вообще Персіяне не привыкли очень много доверять своему правительству, однако, на этотъ разъ, кажется Аллаху точно было угодно подать руку помощи Мугаммедъ-Шаху: войско пришло и расположилось лагеремъ за стѣнами Тебриза.

Я сожалею, что мои читатели не могутъ поѣхать со мною въ лагерь Персидскаго регулярнаго войска. Чудеса и только! Какъ не посмотреть на этотъ знаменитый лагерь! *Яллахъ!* неси меня конь мой. Вотъ, мы проѣхали базары. Вотъ, въ двухъ шагахъ оттуда, домъ Тебризскаго беглербега, Фетхъ-Али-Шаха, который вѣрно молится о душѣ покойнаго падишаха съ стаканомъ рому въ рукахъ. Его ферраши валяются у дверей съ длинными палками, и ждутъ не прикажетъ ли высокостепенный господинъ отогрѣть кому пятки палками или, взамѣнъ палокъ, взять съ него золота. А вотъ и городская стѣна: только миновать возвы-

шенное мѣсто, гдѣ правовѣрные часто творять свои намазы, и мы у воротъ города. Тѣхъ, которые отпра- вляются въ Тебризъ, не худо предварить, чтобы они проѣзжали осторожно по этому дряхлому мосту, ви- сящему надъ глубокимъ ровомъ, и не трогали бѣ своей лошади ни шпорами ни плетью: нето, съ ними какъ- разъ случится то, что случилось съ однимъ Францу- зомъ. Онъ ѣхалъ по этому же самому мосту, и взду- малъ школить своего коня. Конь зафыркалъ, стѣлъ на дыбы и свалился черезъ перилы въ ровъ, такъ, что нашли однѣ косточки Француза и сго коня. На- конецъ мы за городомъ. Надобно еще миновать тепе- реннѣй арссналь съ высокою башнею, — скверное мѣсто, откуда бросаютъ невѣрныхъ женъ. Мнѣ раз- сказывали примѣчательный случай. Разъ какъ-то бы- ла присуждена къ этому наказанію одна молоденькая женщина, которую уличили въ невѣрности къ мужу. Ее взвели на вершину башни, которая ужасно высо- ка, и оттуда толкнули въ ровъ. Къ счастью, престес- ная преступница сохранила на себѣ много одежды: тугія парчевыя юбки и шаравары образовали во кругъ нея родъ парашюта; она довольно долго удер- живалась въ воздухѣ, и, упавши въ ровъ, только по- вредила себѣ немного ногу. Персидскіе законники, видя въ этомъ персть Божій, обличающій невинность женщины, не позволили возобновлять надъ нею каз- ни и приказали мужу принять ее обратно въ свой домъ.

Поворотивъ отъ башни налѣво и проѣхавъ нѣсколь- ко шаговъ мимо рва, потомъ длинною и широкою улицей, я увидѣлъ направо большую равнину: что- то бѣлое, что-то красное, шумъ, беспорядокъ, суета..... Это Персидскій лагерь! Я счелъ долгомъ прс- жде всего засвидѣтельствовать мое почтеніе начальни- ку.—«Гдѣ высокостепенный Эмиръ-Низамъ?» Этотъ во- просъ былъ предложенъ мною одному изъ его людей.—

«Въ своей палаткѣ, сагибъ! отвѣчали мнѣ. Я повкалѣ къ нему. — Эсселямъ алейкумъ! — Алейкумъ селлямъ! — Пошли обоюдные возгласы при видѣ другъ друга; затѣмъ «пожатіе руки съ притряской», осведомленіе о состояніи нашихъ мозговъ, и такъ далѣе. Слава Аллаху, кончилась проклятая прелюдія! Эмиръ-Низамъ, усѣвшись и усадивши меня, кричитъ: — Бечега! каліунъ! «Ребята, кальянъ!» Тутъ онъ разсыпался въ изъявленіяхъ своего сожалѣнія, что рѣдко со мною видится (я едва зналъ его), и, наговоривъ мнѣ три короба всякой всячины, коснулся неизбежнаго предмета, — Европы, которую онъ зналъ только въ лицѣ Россіи, бывши въ Петербургѣ съ Хосровъ-Мирзою. Отъ Европы не далеко до *Енги дюнья*, «Новаго Свѣта», или Америки, которая для Восточныхъ еще столько же нова, какъ была для насъ въ день смерти Христофора Колумба. Вотъ какимъ образомъ зашла рѣчь объ этомъ. Онъ началъ говорить о безконечномъ протяженіи Россіи отъ береговъ Аракса до Певы; оттуда свернулъ онъ на разстоянія вообще и вдругъ спросилъ меня: Скажите, пожалуйста, сколько *агаджей* (версть) отъ Тебриза до поваго Свѣта?» Не запинаясь ни мало, я отвѣчалъ ему наугадъ — тридцать пять тысячъ агаджей! «А сколько будетъ до туда *мензилей* (станцій).» — Навѣрное не упомяну, отвѣчалъ я, а знаю, что около десяти тысячъ.—Остальная часть разговора не представляла ничего интереснаго, — всё повторенія одного и того же, хвастливыя фразы съ обѣихъ сторонъ, запутанные комплименты, которые даже не входятъ въ ухо, а летаютъ по воздуху какъ мухи. Раскланявшись съ главнокомандующимъ сухопутныхъ силъ новаго «царя царей», я былъ вполне вознагражденъ за его нескѣжество зрѣлищемъ Восточной природы, столь умной въ своемъ великолѣпнн, столь искусной въ употребленіи богатыхъ красокъ своихъ. Дѣло шло къ вечерней зарѣ, когда я вышелъ

изт. палатки Эмиръ-Низама. Солнце, этотъ царь Восточныхъ странъ, уже скрылось за горизонтомъ, уже утонуло въ волнистыхъ очеркахъ не высокаго хребта, синющаго вдаль; но послѣдніе, прощальные лучи еще радовали глазъ, золотя или, лучше сказать, зажигая вершины красныхъ горъ, стоящихъ по ту сторону Тебриза. Развалины Решидіе, замка построеннаго Решидомъ, визиремъ шаха Казана, шесть сотъ лѣтъ тому назадъ, — разбросанныя на пологихъ и крутыхъ скатахъ этихъ горъ, рѣзко отдѣлялись отъ ихъ массы. Въ Тебризѣ вечеръ съ заходящимъ солнцемъ уже самъ по себѣ — картина чудесная, необыкновенная. Но прибавьте къ этому заунывное пѣніе муэззиновъ, возвѣщающихъ съ кровли каждой мечети часъ молитвы къ Всесильному, эти вопли, дикіе для Европейскаго уха, но отнюдь не безъ гармоніи, и которыя я бы уподобилъ стонамъ души, преданной вѣчнымъ мукамъ; прибавьте шумъ безалаберной музыки въ лагерь, барабанный бой, ржаніе лошадей, крикъ верблюдовъ, ословъ, лошаковъ, часовыхъ; вообразите себѣ все это поражающимъ въ одно мгновеніе слухъ и зрѣніе ваше, и невольно забудете невѣжество, лагерь и комплименты Персіанъ. Это разнообразное представленіе, эта смѣсь чего-то святаго съ чѣмъ-то грубымъ, самая нестройность звуковъ, при видѣ исполинскаго рисунка, набросаннаго рукою создателя, произвели надо мною несказанное впечатлѣніе. Я дотога заглядѣлся и заслушался, что долго не могъ прійти въ себя, долго не могъ различить, что это за муравьи суетятся вокругъ меня, какъ я очутился среди ихъ, и что за крошечные бѣленькіе домишки окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ. Эта вторая картина, видъ лагерь, казалась мнѣ такою незначительною и нищенскою, что я думалъ видѣть передъ собою безсмысленную пародію того пышнаго зрѣлища, которымъ за минуту я восхищался.

Страненъ Персидскій лагерь для Европейскаго глаза, соединяющаго всегда съ понятіемъ о войскѣ идею необыкновеннаго порядка и однообразія. Вовсе не такъ у этихъ сыновъ Востока: эти палатки всѣхъ возможныхъ видовъ и величинъ, круглыя, четырехъ-угольныя, восьми-угольныя, овальныя, высокія, плоскія, огромныя, маленькія, разбросаны были въ лирическомъ безпорядкѣ по равнинѣ. Ослы, лошаки, верблюды, привязанные къ палаткамъ, жуютъ свою порцію *самана* (рубленой соломы) или ячменю, или прогуливаются между ними, запутываясь въ веревкахъ, прикрѣпляющихъ къ землѣ ставки, которыя расположены такъ неудачно что представляютъ настоящій образъ паутины. Еслибъ непріятель попалъ ночью на Персидскій лагерь, нельзя себѣ вообразить, какой безпорядокъ могъ бы пронзойти отъ тревоги: большая часть солдатъ передала бы другъ друга не будучи въ состояніи выбраться изъ этого хитросплетенія веревокъ и кольевъ.

Надобно признаться, что, вообще, Персидскій солдатъ, какъ пѣхотный, такъ кавалерійскій и артиллерійскій, вовсе не имѣетъ воинственнаго виду. Нарисовать *сарбаза* (регулярнаго пѣхотинца) очень не трудно. Можно начать съ головы или съ ногъ, это всё равно. Голова его выбрита, за исключеніемъ *зюльфовъ* (пуклей на вискахъ) и *чуба* (хохла на маковкѣ), и прикрыта черной бараньей шапкой. Изъ этого видно что голова солдата ничѣмъ не отличается отъ головъ гражданскихъ чиновниковъ и прочаго народонаселенія. Красный однобортный мундиръ съ широкими полами, сидитъ на немъ мѣшковато, и горестный видъ воина, заключеннаго въ эту странную для него оболочку, ясно доказываетъ что она ему не по вкусу. Широкіе бѣлые шаравары, собранныя внизу и прикрѣпленные въ полъ-икры ремнями башмаковъ въ родѣ сандалій, заставляють его вздыхать по своимъ

длинымъ кичѣ и чуахъ, какъ по одвѣнію болѣе благопристойному или, по-крайней-мѣрѣ, болѣе сообразному съ его понятіемъ о благопристойности. Португел и перевязь лежатъ на крестѣ на его груди, и большое ружье тяжестію своею, кажется, такъ и давить его къ землѣ. Все это надѣто и держится криво и косо. Съ сотворенія міра и понынѣ ни одинъ человекъ, съ оружіемъ въ рукахъ прогуливающійся по земному шару, не былъ такого страннаго, смѣшнаго и вмѣстѣ жалкаго виду. Хотя Англійскіе офицеры, находящіеся въ службѣ его шахскаго величества, стараются образовать войско, не жалѣя ни *God-dam* овъ ни другихъ энергическихъ восклицаній при обученіи солдатъ, однако все что-то крѣпко не ладится. Примѣтивъ впереди себя караулъ, который занимался вечернею зарею, я повхалъ къ нему, и увидѣлъ ловольно курьозныя вещи. Несчастнѣйшій барабанщикъ и два или три флейщика, ни сколько не думая о томъ, что все они заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ, работали всякой по-своему, безъ малѣйшаго уваженія къ такту и гармоніи. Въ это время караулъ стоялъ подъ ружьемъ, выстроившись въ наикривѣйшую по возможности линію, и представляя собой самое безпорядочное цѣлое, какое только можно вообразить. Иные стояли сложивъ подъ ружьемъ руки, другіе почесывали въ головѣ, и такъ далѣе. Англійскій офицеръ стоялъ съ боку и командовалъ ими по-Персидски. По пробитіи зорн, онъ прокричалъ громко — направо! Тутъ пошла каша неизъяснимая: цѣльные обороты и полу-обороты, обороты направо и налево, на лѣвокругомъ, все это смѣшалось вмѣстѣ; музыка, состоящая изъ множества флейтъ и барабановъ, большихъ и маленькихъ, грянула изо всей мочи, и караулъ двинулся съ мѣста въ такомъ же порядкѣ въ какомъ стоялъ на-мѣстѣ. Я похалъ далѣе къ артиллеріи: она покраснѣла и въхоты, и польза отъ нея должна быть дѣйствительнѣе.

Пушки хорошо содержатся, люди вообще гораздо расторопнѣе и, какъ говорятъ, любятъ свое дѣло и поддають надежды на будущее. Но, для непривычнаго глаза, чрезвычайно смѣшно видѣть артиллериста съ банникомъ въ рукахъ и въ этой одеждѣ. Упряжка ихъ похожа на нашу; однако она нѣсколько опасна, потому что подъ пушки употребляютъ всё жеребцовъ, отчего происходятъ иногда несчастія. Тебризскій арсеналъ, надъ которымъ начальствуетъ нѣкто Мугаммедъ-Али-Ханъ, человекъ смѣшленный, который вздѣлъ въ Англию и не даромъ совершилъ это путешествіе, могъ бы снабжать артиллерію хорошими лафетами; но великая скудость и небреженіе правительства не позволяютъ завести ничего путнаго, такъ, что колеса въ иныхъ орудіяхъ до-сихъ-поръ некрашены. Верблюжья артиллерія, кажется, можетъ быть признана оружіемъ совершенно бесполезнымъ какъ по неправильности своихъ выстрѣловъ такъ и по недостаточной силѣ снарядовъ, не говоря уже объ этой ужасной медленности, съ какою она во время дѣла должна дѣйствовать. Вообще, должно сказать, что изъ Персіянъ трудно, если не невозможно, сдѣлать хорошихъ воиновъ: необыкновенная трусость, всеобщая въ Персіи, есть первое и главное препятствіе; а присоединивъ лѣнь и нерадѣніе, трудно вообразить себѣ, чтобы при такихъ условіяхъ можно было устроить какую-нибудь армію. Регулярной кавалеріи вовсе нѣтъ: говорятъ, что новый шахъ имѣетъ намѣреніе завести нѣсколько эскадроновъ, но отъ намѣренія до исполненія долга пѣсня; а то, что толкуютъ объ Азіатскомъ наѣздничествѣ, совсѣмъ не такъ страшно, какъ оно кажется въ краснорѣчивыхъ описаніяхъ. Ни одинъ наѣздникъ не вступить съ непріателемъ въ рукопашный бой, и ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ порядочно стрѣлять съ лошади; правда, что всѣ они владѣютъ конемъ какъ собственными ногами: но что въ этомъ за польза, ес-

ли у нихъ нѣтъ столько духа чтобы наскочить на противника? Ктому жь, число кавалеристовъ, которые имѣють хорошихъ лошадей, весьма ограниченно, и большая часть ихъ, будучи бѣдны, вьзять на такихъ клячахъ, что Боже упаси. Лошадь Персидской или Арабской породы не означаетъ еще хорошей лошади; есть Азиатскіе кони, на которыхъ тамъ развѣзжаютъ съ мечемъ въ рукахъ, такіе, что, ни дать ни взять, наши водовозные или извожничьи одры.

Персидскіе офицеры — лица весьма забавныя. Одежда ихъ состоитъ изъ сюртука доходящаго до коленъ, съ шитымъ воротникомъ и съ густыми эполетами; изъ панталонъ, засунутыхъ подъ сапоги, и изъ той же барапей шапки. Не понимая почти ничего изъ своего дѣла, они ужасные охотники разглагольствовать и хвастать. Одѣтые въ такую форму, они имѣють видъ самый оффиціальнѣйшій, и на лицѣ у нихъ написано, что они почитаютъ себя выше всего на свѣтѣ. Англичане, обучающіе солдатъ, не входятъ въ хозяйственныя распоряженія о продовольствіи, выдачѣ жалованья и такъ далѣе; эта обязанность возложена на Персидскихъ офицеровъ и военачальниковъ, которые не считая за грѣхъ класть въ карманъ деньги, проходящія черезъ ихъ руки, обкрадываютъ бѣдныхъ солдатъ съ неслыханною наглостью. Причисляя себя къ просвѣщеннымъ людямъ государства, они соображаются во всемъ съ приемами высшаго сословія. Отличительная черта этихъ людей, какъ постигающихъ Европейскіе обычаи, и первый шагъ ихъ къ просвѣщенію, есть употребленіе бѣлыхъ носовыхъ платковъ, которые обыкновенно бываютъ не обрубленные, такъ, что нитки какъ бороды висятъ съ краевъ. Эмиръ-Низамъ изъ щегольства, всегда вертитъ въ рукахъ свой носовой платокъ.

Въ лагерь встрѣтилъ я знакома моего, Али-Хана, *масакчи-баши*, пачальника жандармовъ: я очень радъ

быль съ нимъ видѣться; онъ страшный болтунъ и иногда довольно оригинальный; я пригласилъ его ѣхать со мною изъ лагеря въ городъ. Дорогою наговорилъ онъ мнѣ множество новостей, по большой части выдуманыхъ, и объявилъ, что отправляется въ Тегеранъ въ свитѣ шаха. Фигура этого Али-Хана и его образъ изъясненія преуморительны. Огромные бычачьи глаза па выкатъ, расплюснутый носъ, безконечный ротъ, все лице въ морщинахъ и желто-коричневаго цвѣта. Мы ѣхали шагомъ. Отъ политическихъ новостей перешелъ онъ къ разнымъ баснямъ и прибауткамъ, и цѣлые полчаса докладывалъ мнѣ какой-то анекдотъ объ обезьянѣ и человѣкѣ, сопровождая рассказъ ужимками и тѣлодвиженіями, достойными обезьяней исторіи, такой запутанной и безтолковой, что я окончательно ничего не понялъ. Я предпочелъ обратить его къ предшествовавшему.

— Не знаете ли вы чего нибудь о каймакамъ, спросилъ я его: мнѣ бы хотѣлось знать что-нибудь объ немъ; онъ человѣкъ необыкновенный.

— Ба! необыкновенный! возразилъ онъ, приподнявъ съ видомъ презрѣнія нижнюю губу къ верху, отчего лицо его наморщилось какъ грибокъ, обданный кпяткомъ.

— Развѣ вы каймакама считаете дуракомъ, что отзываетесь объ немъ съ такимъ презрительнымъ видомъ?

— Али-Ханъ испугался, думая, что я хочу донести на него; но я скоро разувѣрилъ и успокоилъ его, смѣясь въ душѣ объ его страхѣ. Разговоръ пошелъ своимъ порядкомъ.

— Расскажите мнѣ, ханъ, что-нибудь о каймакамъ, сказалъ я съ улыбкою, чтобы ободрить его: клянусь вамъ головою, ни одна душа въ Персін не узнаетъ того, что вы мнѣ сообщите.

— Да что я вамъ стану рассказывать про этого мерзавца! Кромѣ низкихъ поступковъ ни кто за нимъ ничего не знаетъ.

— Какъ, мерзавца? закричалъ я довольно громко. Неужели каймакамъ мерзавецъ?

— Ахъ, ради Аллаха, какъ вы меня пугаете! сказалъ Али-Ханъ. Мнѣ всё кажется, что какой-нибудь наушникъ каймакама подслушиваетъ насъ, и мнѣ придется плохо.

По безотчетному чувству страха, хотя мы были въ чистомъ полѣ, Али-Ханъ сталъ оглядываться во всѣ стороны; но онъ тотчасъ самъ устыдился своей чрезмерной трусости и началъ смѣяться надъ ней вмѣстѣ со мною. Потомъ онъ снова принялъ важный видъ, погладилъ бороду и произнесъ краткую молитву, которую Персіяне часто ни къ селу ни къ городу примѣшиваютъ къ разговорамъ.

— Что жъ, ханъ, вѣдь вы всё-еще ничего не рассказали мнѣ про каймакама? Любилъ ли его покойный Аббасъ-Мирза?

— Такъ любилъ, что не проходило дня, чтобъ онъ его не выбранилъ или не прибилъ. Что онъ за человекъ, этотъ каймакамъ! Пхе!..... онъ не человекъ; дрянъ. Я напримѣръ, такъ дѣло другое: мнѣ отъ роду шестьдесятъ лѣтъ; въ службѣ я уже сорокъ лѣтъ, и двадцать три года находился при покойномъ *наибъ-султанѣ* (наслѣдникъ престола) Аббасъ-Мирзѣ, въ должности насакчи и насакчи-баши. Что онъ за собака чтобъ сравняться со мною? Слава Аллаху, я отъ его высочества покойнаго *наибъ-султана* получилъ въ двадцать три года, за мою примѣрную службу, всего только одну оплеуху, а онъ нахватался оплеухъ, *валлахъ*, *билляхъ*, ей-ей, болѣе чѣмъ звѣздъ на небѣ!

Я едва не свалился съ лошади со смѣху, и, удержавъ порывъ веселости только для того чтобы продолжать разговоръ, который становился забавнымъ и да-

валъ мнѣ въ одной чертѣ полную мѣру низости Персіанъ. Я рѣшился спросить его :

— Скажите однако, эта оплеуха, которую изволилъ дать вамъ его высочество Аббасъ-Мирза была крѣпкая или нѣтъ?

— Такъ; довольно было больно; у него была тяжелая рука.

— А за чтò онъ изволилъ васъ ударить?

— Да всё нзъ-за этого собачьяго сына, каймакама! Онъ былъ сердитъ на него за его вѣчныя глупости; я какъ-то подвернулся въ ту минуту, сказавъ чтò-то не впопадъ, онъ меня и хлопъ! *Ишшалахъ*, если угодно Аллаху, я коеда-нибудь оскверню гробъ отца каймакама!

— По всему вижу я, что вы его не терпите; однако когда бываете у него, то вѣрно говорите, что готовы «принести за него въ жертву вашу голову».

— А чтò я за дуракъ, чтобы говорить иначе? Мнѣ дороги глаза мои. Увѣряю васъ, если бъ онъ узналъ хоть сотую долю того чтò я вамъ говорю, мнѣ бы не развязаться съ нимъ и на томъ свѣтѣ. Ради Алія, не будемъ больше говорить объ немъ; его имя мнѣ противно.

Мы проѣхали остальную часть пути почти безмолвно. Приближаясь къ моей квартирѣ, я извинился, что не могу пригласить его къ себѣ, потому что заверну домой только на одну минуту, и потомъ опять уйду со двора.

— Прощайте, *барунъ*, сказавъ грозный начальникъ исполнительной полиціи. Еще одно словечко!..... Не можете ли вы, душа моя, прислать мнѣ еще нѣсколько бутылочекъ того шербету, которымъ вы меня подарили съ недѣлю назадъ.

— Съ удовольствіемъ, любезный ханъ. *Худа гафизъ!* Богъ вашъ хранитель!

— Аллахъ да хранитъ сыновъ вашихъ!

Мы разошлись. Пришедши домой, я отправилъ къ старику Али-Хану шесть бутылокъ мадеры: это и былъ тотъ *шербетъ*, котораго онъ просилъ у меня.

Я не могу разстаться съ моимъ почтеннымъ другомъ насакчи-баши, не рассказавъ здѣсь еще одного анекдота, который я слышалъ отъ него. Дѣло идетъ уже не о чертахъ природной низости или двуличности, но о вѣроломствѣ, о безчеловѣчїи, до какого иногда доводятъ Персіянь эти два порока. Надо сдѣлать составъ изъ свойствъ лисицы, кошки и тигра, чтобы получить настоящій Персидскій характеръ. Жители Іезда, которыхъ правителемъ былъ Мухаммедъ-Вели-Мирза, — одинъ изъ сыновей шаха, — дѣйствуя за-одно съ кочующими племенами Бахтіяровъ и Шах-севеновъ и самимъ правителемъ, производили большіе безпорядки. Для прекращенія этихъ смуть, покойный шахъ принужденъ былъ отправить войско подъ начальствомъ Касимъ-Хана: не смѣю ручаться за вѣрность имени, однако, кажется, оно справедливо. Мухаммедъ-Вели-Мирза, услышавъ о приближеніи войска, бросилъ свой домъ, то есть, гаремъ, и убѣжалъ изъ города. Касимъ-Ханъ былъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, заклятымъ врагомъ Вели-Мирзы: онъ жестоко наказалъ жителей Іезда, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отмстить самому приицу. Занявъ городъ, онъ выгналъ изъ него постыднымъ образомъ всѣхъ женъ бѣжавшаго правителя. Вели-Мирза жаловался на него отцу, но шахъ не хотѣлъ взыскать съ твердаго военачальника за неуваженіе къ царевичу и уговаривалъ сына своего, Вели-Мирзу, забыть это происшествіе. Касимъ-Хана вытребовали въ Тегеранъ. Шахъ призвалъ къ себѣ обоихъ враговъ, обласкавъ ихъ, склонилъ къ миру и заставилъ при себѣ обнять другъ друга. Вели-Мирза отъ всей души простилъ Касимъ-Хана, и, чтобы доказать ему, что онъ не гнѣвается, чтобы лучше упро-

читъ новый союзъ, Вели, въ присутствіи шаха пригласилъ его къ себѣ обѣдать въ тотъ же вечеръ. Касимъ-Хану нельзя было отказаться. Насталъ вечеръ, и онъ отправился къ принцу. Онъ не могъ однако постигнуть, какимъ образомъ Вели-Мирза такъ скоро и такъ легко забылъ ужасную обиду. Слишкомъ хорошо зная своихъ соотечественниковъ, онъ предвидѣлъ измѣну и при входѣ въ домъ принца хотѣлъ поразить себя кинжаломъ. Его удержали. Принцъ рсточалъ передъ нимъ всѣ доказательства искренней дружбы, за обѣдомъ былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, смѣялся, пилъ вино съ дорогимъ гостемъ. Общество, развеселившись, просидѣло до глубокой ночи. Когда разговоръ, смѣхи и шутки были во всемъ разгарѣ, вдругъ отворились двое дверей, и изъ нихъ высыпали въ комнату разъяренныя какъ фуріи женщины: онъ бросились на Касима съ ножами, ножичками, иглками, ножницами, булавками, и несчастнаго хана растерзали на куски этими орудіями. Это были жены Вели-Мирзы, — тѣ самыя, которыхъ Касимъ велѣлъ постыдно выгнать изъ Іезда!

Имѣя намѣреніе отправиться въ одно время съ шахомъ въ Тегеранъ, я занялся приготовленіями къ путешествію; купилъ себѣ и людямъ походныхъ лошадей, отпустилъ на всякой случай саблю, привелъ въ порядокъ двухъствольное ружье и пистолеты, вооружилъ такимъ же образомъ слугъ, и ждалъ минуты отъѣзда. Но эта минута не наставала. Остановка была за деньгами, и не предвидѣлось конца дѣлу. Между тѣмъ извѣстія изъ внутреннихъ областей Персін были не самыя утѣшительныя. Правитель Мазадерана, сынъ покойнаго Фетхъ-Али-Шаха и дядя новаго государя, Мулькъ-Ара-Мирза, провозгласилъ себя шахомъ; другой дядя, Гусейнъ-Али-Мирза, носившій званіе *ферманъ ферма*, «повелителя», правитель Ши-раза, послѣдовалъ также примѣру брата, и царство-

валъ себѣ въ Ширазѣ, въ полной увѣренности, что вскорѣ вся Персія ему покорится. Земли-Султанъ, подъ именемъ Адиль-Шаха, держался въ Тегеранѣ и не помышлялъ о возможности низложенія своего величія. Такимъ образомъ въ одно время было въ Персіи четыре шаха, — Гебризскій, Тегеранскій, Ширазскій и Мазандеранскій. Кочующія племена, которыми наводнена Персія, пользовались этимъ безпорядкомъ, грабили по большимъ дорогамъ путешественниковъ, разбивали караваны. Главнымъ полемъ безначалія, безпорядковъ и разбоевъ были дороги между Тегераномъ, Испаганомъ и Ширазомъ. Азербайджанъ оставался въ совершенномъ спокойствіи. По всемъ этимъ причинамъ надобно было Мухаммедъ-Шаху торопиться выступить изъ Гебриза. Наконецъ пятое число ноября, (1834) назначено было днемъ отъезда, потому что добрые люди дали денегъ.

Отрядъ войскъ, составлявшій главныя силы шаха, отправился впереди подъ начальствомъ сиръ Генри Бетьюна, который оставилъ службу Остъ-Индской Компаніи, чтобы вступить подъ знамена Мухаммедъ-Шаха. Сиръ Генри превосходилъ ртомъ своимъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей, даже Персидскаго каймакама. Онъ умѣлъ объясняться по-Персидски, впрочемъ довольно плохо. Костюмъ его, какъ главнокомандующаго, былъ собственнаго его изобрѣтенія, — мундиръ полу-Англійскій, полу-потѣшный, шитый золотомъ; генеральскія эполеты, огромныя ботфорты, бѣлые панталоны, кирасирскія перчатки, шляпа съ галуномъ и съ длиннымъ бѣлымъ перомъ, кривая сабля и золотыя шпоры. Въ этомъ нарядѣ онъ былъ уморителенъ. Въ его отрядѣ находилось нѣсколько Англійскихъ офицеровъ, одѣтыхъ такъ же фантастически какъ и онъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ выступленія сиръ Генри Бетьюна съ его побѣдоносною арміею, двинулся изъ Гебриза и Мухаммедъ-Шахъ съ своею огромною

свитою, двумя батальонами пѣхоты и шестью орудіями. Болѣзнь не позволила мнѣ выѣхать въ это время: я долженъ былъ отправиться въ путь пять дней спустя. Крѣпко скучалъ я, что мнѣ придется одному догонять поѣздъ его величества. Въ чужой землѣ путешествовать одному — дѣло очень непріятное: это знаетъ каждый, кто бывалъ въ подобномъ положеніи. Но судьбѣ угодно было сжалиться надо мною и даровать мнѣ въ спутники двухъ Англичанъ. Одинъ изъ нихъ, капитанъ Ф***, состоялъ въ службѣ шаха и велъ въ подкрѣпленіе къ дѣйствующей арміи отрядъ нерегулярной кавалеріи, который онъ набралъ изъ племенъ Авшаровъ Урмійскихъ. Другой спутникъ былъ купецъ Б***, ѣхавшій въ Тегеранъ по торговымъ дѣламъ. Компания эта, которая съ пернаго взгляду казалась интересною, на-дѣлъ вышла очень скучна. Затрудненіе объясняется, — они оба вмѣстѣ знали по-Французски словъ двадцать, а я зналъ только два слова по-Англійски, — вѣчные толки капитана о лошадяхъ разныхъ породъ и купца о добротѣ товаровъ Персидскихъ сравнительно съ Англійскими, Великобританская флегма, Остъ-Индскій обѣдъ, состоящій изъ кушаньевъ, напитковъ жгучимъ перцомъ, солью, уксусомъ и тому подобными ѣдкими принадлежностями кухни по-сю-сторону Гангеса, все это надоѣло мнѣ безмѣрно на третій день нашего странствованія, такъ, что на четвертый я рѣшился оставить свои выюки, Англичанъ и ихъ отрядъ Авшарской кавалеріи, которая за немоцію коней шла всл пѣшкомъ, и отправился впередъ съ тремя служителями.

Дорога отъ Тебриза до Тегерана столько разъ была описана путешественниками, что совѣстно пользоваться этимъ случаемъ, чтобы описывать ее снова. Притомъ же, чтò и описывать? «Персія раздѣляется на пустыни соляныя и на пустыни безъ соли», говоритъ одинъ писатель. Я слѣдую его раздѣленію. До-

волью знать, что отъ Тебриза до Тегерана считается двадцать *мензлей*, или станцій, и съ небольшимъ сто *агаджей*, то есть, около семи сотъ верстъ, и что на этомъ пространствѣ есть только два города, Зенганъ и Касбинъ: всѣ остальные станціи находятся въ болѣе или менѣе значительныхъ селеніяхъ.

Рано поутру, 24 ноября, распростившись съ Англичанами, выѣхалъ я изъ станціи Ермагонн, и пустился рысью по дорогѣ въ городъ Зенганъ. На ночлегъ сказывали мнѣ, что я непременно застаю шаха на половинномъ разстояніи между Ермагонн и Зенганомъ. Въ этой утѣшительной надеждѣ я безпрестанно ускорялъ ходъ своей лошади. Упованія мои не сбылись: на мѣстѣ, гдѣ былъ лагерь шаха, нашелъ я только много соломы и потухшихъ углей. Между тѣмъ небо готовило мнѣ праздникъ: отъсюду собирались тучи, одна чернѣе другой; поднялся вѣтеръ и грянулъ дождь, да такой, что черезъ полчаса на мнѣ не было сухой нитки. Ужаснѣйшій вѣтеръ вырывалъ меня изъ сѣдла: я принужденъ былъ остановиться, нашедши, по счастью, крутой, довольно высокій пригорокъ, за которымъ можно было притаиться. Просидѣвъ съ четверть часа въ этомъ укрѣпленіи, какъ скоро погода улучшилась, я пустился далѣе. Дорога, размытая дождями, сдѣлалась до того скользкою, что лошади скользили на каждомъ шагѣ. Послѣ семи часовъ этой утомительной ѣзды, явились башни и стѣны Зенгана. Шахъ былъ здѣсь; но лагерь стоялъ по ту сторону города. Проѣхать сквозь Зенганъ было не легкое дѣло. Отсталые сарбазы, व्यюки, верблюды, дотога загородили узкія улицы, что не было проѣзда. Подвигаясь шагъ за шагомъ, пробирался я цѣлый часъ черезъ городъ. За воротами открывалась равнина. Въ полу-верствѣ виднѣлись палатки, и..... о благополучіе! — мнѣ бросился въ глаза Русскій орелъ на флагѣ полномочнаго министра. Палатка Англійскаго послап-

ника паходилась не далеко оттуда. Слава Богу, здьсь опять Европа! Кусокъ сухой ветчины и рюмка портвейну показали мнѣ Магометовымъ раемъ.

Новости, которыя дошли до меня въ Зенганъ, были очень занимательны. Число приверженцевъ Мугаммедъ-Шаха съ каждымъ днемъ увеличивалось. Нерегулярная кавалеріа, присоединявшаяся къ войскамъ шаха по дорогѣ, простиралась уже до шести тысячъ и болѣе. Четырнадцать принцевъ, сыновей покойнаго Фетхъ-Али-Шаха, находились въ лагерь и стали добровольно подъ власть юнаго монарха. Однако жъ Тегеранскій, Мазандеранскій и Ширазскій шахи упорствовали по-прежнему каждый въ своемъ углу. Зелли-султанъ посылалъ одно письмо за другимъ къ Мугаммедъ-Шаху и къ каймакаму, увѣряя ихъ въ своемъ брагорасположеніи и приглашая ихъ въ Тегеранъ къ своему коронованію. Носились слухи, будто онъ выслалъ изъ Тегерана войско подъ начальствомъ брата своего Имамъ-Верди-Мирзы, которое должно было отразить Мугаммедъ-Шаха отъ Тегерана ежели онъ захочетъ вступить въ него.

Перепочевавъ въ лагерь, я пошелъ на другой день смотрѣть официальную палатку шаха. Великоною будетъ она съ хорошею домъ и внутри раздѣлена на двѣ части: одна изъ нихъ служить ему спальнею, а другая пріемною; внутреннія стѣны обиты шелковой матеріей, полы устланы богатыми коврами. Вся палатка обнесена заборомъ изъ холста, прибитаго къ деревяннымъ рамамъ; снаружи заборъ этотъ обшить бѣлымъ полотномъ, а внутри бумажною тканью, на которой преискусно нарисованы на красномъ полѣ солдаты съ ружьями въ рукахъ и въ полной амуниціи; возлѣ палатки стоитъ часовой и въ нѣкоторомъ отдаленіи родъ почетнаго караула.

Въ Зенганъ остался шахъ до 27 ноября: все ждали переменъ погоды. Хорошая причина медлить для че-

ловѣка, который идетъ короноваться на царство, и для котораго каждая лишняя минута можетъ стоить хлопотъ, крови и жизни! Двадцать седьмого числа выступили изъ Зенгана и пришли вечеромъ въ деревню Султание, мѣсто примѣчательное развалинами знаменитой мечети. Вышиною и огромностью своей эта мечеть превосходитъ всѣ зданія Персїи и можетъ сравниться съ самыми большими строеніями Европы. Куполь огромной величины окруженъ двѣнадцатью минаретами: изъ нихъ въ совершенной цѣлости только три, остальные болѣе или менѣе пострадали отъ времени. Вотъ что рассказывали мнѣ о происхожденіи этой великолѣпной мечети. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, не помню въ которомъ году, шахъ Худъ-Бендѣ, монархъ чрезвычайно благочестивый, вздумалъ перевезти остатки Алія изъ Кербелы и похоронить въ мѣстѣ приличномъ для помѣщенія костей «друга Аллаха», *вели Аллаха*. На этотъ конецъ приказалъ онъ построить огромную мечеть въ Султание. Когда работа этого зданія приходила къ окончанію, то Худъ-Бендѣ увидѣлъ во снѣ Алія, который приказалъ ему оставить себя на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поконится, благодарилъ его за намѣреніе и объявилъ, что великолѣпная мечеть, которую онъ готовилъ для него, будетъ его собственной могилой, потому что онъ черезъ годъ умретъ. Худъ-Бендѣ, какъ человекъ набожный, не испугался предрѣченной ему кончины, но не хотѣлъ быть погребеннымъ въ мѣстѣ, назначенномъ для святаго, построилъ на этотъ конецъ небольшое зданіе рядомъ съ мечетью и тамъ дѣйствительно онъ былъ похороненъ. Все это рассказываютъ на мѣстахъ. Нѣкоторыя части уже приходятъ въ разрушеніе, не столько отъ дѣйствія времени, сколько отъ грубаго неуваженія Персіянъ къ памятникамъ своей древности. Эта мечеть вѣроятно сохранилась бы гораздо долѣе, если бѣ Фетхъ-Али-Шаху не вздумалось построить возлѣ нея увесели-

тельного дворца, который по истинѣ можно назвать уродомъ Архитектуры. Не достало матеріалу для постройки этого чудовищнаго дворца, и шахъ приказалъ разобрать часть стѣны мечети и употребить добытый отъ этой ломки камень и кирпичъ.

Не много осталось теперь отъ великолѣпнаго города Султаніе, о которомъ говорятъ съ такимъ почтеніемъ прежніе путешественники по Персіи: маленькая деревушка и, на большомъ протяженіи разбросанныя, развалины домовъ, вотъ и все. Гдѣ этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ восемьдесятъ тысячъ жителей? Султанійская равнина славится въ Персіи своими пастбищами, и была лѣтнимъ пребываніемъ Фетхъ-Али-Шаха. Тутъ Алексій Петровичъ Ермоловъ имѣлъ свиданіе съ его величествомъ и выхлопоталъ между прочимъ для Русскихъ право являться ко двору въ сапогахъ. Англичане не пользуются этимъ преимуществомъ, и обязаны всякой разъ когда ѣдутъ къ шаху, надѣвать по подобію всѣхъ Персіанъ, красные чулки и туфли.

Дорогой познакомился я съ однимъ изъ сыновей Фетхъ-Али-Шаха, принцемъ Мелекъ-Касимъ-Мирзой, который очень порядочно говоритъ по-Французски: этому выучила его нѣкая madame Lamarginière, старая Француженка, которая живетъ въ Персіи уже болѣе шестнадцати лѣтъ и занимается обученіемъ почетныхъ людей своему природному языку. Мелекъ-Касимъ-Мирза — человѣкъ довольно умный; мы съ нимъ много смѣялись порядку, въ какомъ шествовали войска, сопровождающія шаха. Всѣ они шли въ разбродъ; барабанщики для облегченія себя привязывали барабаны на спины ословъ; примѣру ихъ слѣдовали и другіе солдаты, командируя туда же свои ружья. Кавалерія, умножавшаяся каждый день, тянулась вся вслѣдъ за шахомъ въ одну безконечную

вереницу ; шумъ, разговоры, крики — ужасные. Его величество почти всю дорогу ѣхалъ въ некотораго рода каретъ, запряженной одною лошадыю, которую вель подъ уздцы верховой конюхъ.

Изъ Тегерана пришли извѣстiя грозныя: Зелли-Султанъ приказалъ войску своему, состоящему подъ начальствомъ Имамъ-Верда-Мирзы, вступить въ рѣшительный бой и трусы увѣряли, что непріатели уже на носу. Дорога здѣсь чрезвычайно скучна, — томительное единообразіе, — камни да камни. Виды Персiи вообще можно сравнить съ театральной декорацией, которою восхищаешься издали, а вблизи не видишь ничего кромѣ грубыхъ красокъ набросанныхъ на толстомъ холстѣ: деревня, городъ, издали кажутся вамъ въ этомъ краю прекрасными, но вблизи вы увидите только ничтожныя домишки, по большой части безвкусныя мечети и грязь на всемъ и во всемъ.

Второга декабря прибыли мы въ городъ Казбинъ, который красивѣе всего, что я видѣлъ въ Персiи. Улицы довольно широки и не очень кривы, нечистота какъ-то меньше замѣтна, площадь передъ дворцомъ принца, правителя Казбина, усаженная вокругъ чинарами, мечети выстроены съ большимъ вкусомъ, и только базары не соответствуютъ всему городу. За городскою стѣною — огромное кладбище, усѣянное жертвами холеры и чумы, свирѣпствовавшихъ здѣсь въ одно время въ 1852 году. Эти ужасныя болѣзни обыкновенно являются въ Персiи въ одно и тоже время и дѣлаютъ ужасныя опустошенія. Впрочемъ надобно сказать, что чума только въ новѣйшее время дѣлаетъ частыя посѣщенія въ Персiю, прежде проходили многіе десятки лѣтъ безъ ея появленія.

Въ Кишлокѣ получено новое письмо отъ Зелли-Султана; храбрый самодержецъ писалъ къ каймакаму: что, видя непокорность своего племянника Мугамме-

да, и его упрямство, онъ въ случаѣ крайности возьметъ всѣ драгоценныя камни, находящіеся въ шахской казнѣ, истолчетъ ихъ въ порошокъ и, забравъ всѣ наличныя деньги, убѣжитъ изъ Тегерана, оставивъ Мугаммедъ-Шаху городъ, наполненный неутѣшными вдовами и дѣтьми покойнаго отца своего. Это совершенно по-Персидски!

Дѣло шло не нашутку. Похититель престола грозилъ безчеловѣчными мѣрами, и законный повелитель Ирана понялъ всю важность этихъ угрозъ. Истолочъ всѣ каменя, взялъ всѣ деньги и взвалить на плеча царю царей престолъ оборванный, казну пустую, да еще пять сотъ бабушекъ съ ихъ голоднымъ потомствомъ! Мугаммедъ Шахъ послалъ парламентаровъ къ начальнику войскъ Земли-Султана. Имамъ-Верди-Мирза, видя отчаянное положеніе брата и незначительность силъ своихъ, сдался, и войско его, разрядивъ ружья и пушки, вошло въ лагерь Мугаммедъ-Шаха.

Странныя вещи происходили въ Тегеранѣ. Земли-Султанъ, вмѣсто того чтобъ воспользоваться своимъ шести-недельнымъ царствованіемъ, въ теченіе котораго онъ имѣлъ въ рукахъ всю казну, и утвердить похищенный престолъ какимъ-нибудь образомъ за собою, провелъ все это время въ увеселеніяхъ, пьянствѣ и развратѣ. Когда пришлось плохо, онъ забралъ кое-какія драгоценности и хотѣлъ бѣжать, но прежде онъ взялъ въ руки четки и сталъ гадать по нимъ, куда бы лучше всего скрыться. Въ минуту этого гаданья, беглербегъ Тегеранскій, Мугаммедъ-Багиръ-Ханъ, желая угодить Мугаммедъ-Шаху, который по всѣмъ вѣроятіямъ неминуемо долженъ былъ скоро вступить въ столицу, схватилъ Земли-Султана, отобралъ у него драгоценныя вещи и посадилъ его подъ арестъ. Извѣстіе это, полученное въ лагерь Мугаммедъ-Шаха, произвело необычайную радость, въ

знакъ которой сдѣлали порядочный переходъ изъ Кишлока въ Сулейманію. Дворецъ Сулейманійскій очень хорошъ. Зеркальная зала устроена, съ большимъ вкусомъ, такъ, что можно бы даже сомпѣваться, Персидское ли она произведеніе: не менѣе того оно дѣйствительно такъ. Отъ Сулейманіе до Тегерана будетъ около двадцати двухъ верстъ. Кажется немного, можно бы однимъ переходомъ прибыть въ Тегеранъ, вѣдь оттуда такія хорошія извѣстія. Нѣтъ, нельзя! Въ Персіи нельзя предпринимать важныхъ дѣлъ, подобныхъ вшествію новаго монарха въ свою столицу, не посоветовавшись съ астрологами, а они, сообразивъ положеніе звѣздъ, рѣшили, что первый благополучный день для Мугаммедъ-Шаха будетъ не ближе какъ девятаго декабря, и что въ этомъ днѣ есть только одинъ счастливый часъ, именно, за часъ до восхожденія солнца. По этой причинѣ армія шаха на слѣдующій день вышла изъ Сулейманіе и остановилась за два агаджа (четырнадцать верстъ) отъ Тегерана, близъ Имамъ-Задѣ Ибрагима.

Вступленіе Мугаммедъ-Шаха въ столицу, еще не рѣшало дѣла. Онъ былъ только обладателемъ столицы, но не государства. Еще оставались два сильныхъ противника, — шахи Мазандеранскій и Ширазскій; еще вся драма была впереди.

БАРОНЪ Ф. КОРФЪ.

II. ШЛОТРАШНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЖОБЪ ПИППИНСЪ,

ИЛИ

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ — НЕ МОЖЕТЪ ВЫДЕРЖАТЬ!

ГЛАВА I.

Не вводите въ искушеніе сердца, глазъ, слуха, пальцевъ почтеннаго Джоба Пиппинса, если не хотите увидѣть образчика власти надъ собою! Это человекъ, который — не можетъ выдержать! Онъ тогда только не пилъ бы вина, когда бъ вина не было на свѣтъ; и если вы поставите передъ нимъ стаканъ яду, я и тутъ не ручаюсь, чтобы онъ удержался и не хватилъ изъ этого стакана. Таковъ у него нравъ! Будь онъ слѣпъ, его бъ не соблазнила ни какая красота въ мірѣ; будь только онъ глухъ, онъ никогда бы не послушался лукавыхъ внушеній. Этого только и не достасть для его совершенства. Но среди такого множества соблазновъ и искушеній, какъ ему быть безгрѣшнымъ! Джобъ пречестный малый, однако жъ, если бъ нечаянно подставили ему свой карманъ, я увѣренъ, онъ въ первый моментъ погрузилъ бы руку и въ вашъ карманъ. Ну, чѣмъ же онъ былъ бы виноватъ, вытащивъ у васъ платокъ или портфель? Обвишайте природу, которая такимъ создала бѣднаго Джоба.

Пою, о Муза, приключенія мужа, который испытываетъ тяжкія бѣдствія и несчастія, многія, единственно

потому что голубоокая Минерва не дала ему своего хладнокровнаго благоразумія. Поди сюда, о Васька, возьми эти гадкія чернила, негодную смѣсь желчи и кислоты, принеси мнѣ медовый сотъ. Избавь меня также отъ этого издѣлія грязнаго Вулкана, который прежде коваль грома для отца боговъ, а нынче, увы, дѣлаетъ стальные перья для конторщиковъ; принеси мнѣ перо изъ крыла жарь-птицы. Пусть всѣ сердца разнѣжятся, слушая разсказъ о походеженіяхъ новаго Одиссея. Я начинаю исторію Джоба Пиппинса.

На двадцать второмъ году Джобъ могъ располагать собою и ему нечего было жаловаться на неволю. Но это была только хитрость судьбы, которая дала ему свободу только для того чтобы тѣмъ жесточе преслѣдовать его за каждое употребленіе злополучнаго дара. Первое достопамятное событіе жизни Джоба Пиппинса покажетъ, какъ, въ полнотѣ надеждъ и счастья, онъ вдругъ долженъ былъ бѣжать изъ города, гдѣ родился, со стыдомъ, который гнался за нимъ ядовитою змѣей.

Сирь Сципіонъ Меникинъ былъ жемчужина Англійскихъ баронетовъ. Въ немъ сосредоточивались цѣломудріе, благочестіе и чистота нравовъ трехъ незамужнихъ тетушекъ. Можно сказать, что сирь Сципіонъ самъ былъ старая дѣвушка, — такъ онъ уподоблялся тремъ своимъ тетушкамъ скромностью и омерзениемъ ко всему мірскому и вольному. Вся разница между нимъ и тетушками состояла въ томъ, что сирь Сципіонъ брилъ бороду, а тетушки не брили. Счастливъ бы былъ Джобъ Пиппинсъ, если бы и этой разницы не было между баронетомъ и его почтенными родственницами!

Я совершенно убѣжденъ, что молодая леди Меникинъ, супруга сирь Сципіона, была счастлива, тихо, безмятежно счастлива. Иначе и не могло быть. Она была тридцатую годами моложе своего мужа и могла

весною своей жизни вкушать зрѣлыя плоды осени. Когда она рѣзвилась, твердая рука опытности умѣряла ея живость. Хотѣлось ли ей высказать все, что у ней было на душѣ, сирѣ Сципіону стоило только взглянуть, и нескромная откровенность замерзала на ея губкахъ. Когда она говорила объ удовольствіяхъ сего міра, ея мудрый супругъ доказывалъ какъ дважды два, что исключая его помѣстья и его самага, вся земля была ничто иное какъ огромный вертепъ разврата; а люди не болѣе и не менѣе какъ мерзкіе гады. При этой картинѣ семейнаго благополучія, мнѣ кажется, что я слышу тоненькіе голоски моихъ читательницъ, которыя восклицаютъ: «Счастливая леди Меникинъ!»

Нѣтъ сомнѣній, что одно только несчастное стеченіе обстоятельствъ могло наполнить домъ сирѣ Сципіона всѣмъ, что есть лучшаго въ суетахъ міра. У него былъ отличнѣйшій въ цѣломъ графствѣ поварь, самыя рѣдкія вина, самыя статныя лошади и красавица жена. Что можетъ быть утѣшительнѣе для бѣдняка, какъ зрѣлище людей умѣренныхъ, которыхъ благодать угнетаетъ своими щедротами. Человѣку, который самое имя женщины находилъ неблагопристойнымъ, судьба дала женою ангела красоты, настоящаго ангела, который сложилъ на время свои крылья. Баронетъ всегда доказывалъ, что одна вода есть природный, святой и здоровый напитокъ для человѣка; и судьба принуждала его запивать бургондскимъ стразбургскіе пастеты!

— Что, онъ имѣетъ хорошія правила, то есть, благопріятіе, этотъ молодой человѣкъ? спросилъ сирѣ Сципіонъ.

— Говорятъ, сударь, у него самая легкая рука во всемъ графствѣ.

— Какъ исполняетъ онъ обязанности чистой нравственности?

— Онъ брѣветъ бороду такъ чисто и ловко, что вы и не замѣтите.

— Послушный ли онъ сынъ, смирный ли онъ со-
сѣдь?

— Леди Бегъ изволилъ отзываться, что онъ уби-
раетъ волосы не хуже Французскаго парикмахера.

— Пусть его придетъ.

И Джоба Пиппинса позвали брить сира Сципіона Меникина. Онъ такъ отличился, что баронетъ тотчасъ наименовалъ его своимъ придворнымъ бородобрѣемъ.

Педѣли проходили, и Джобъ каждый день пожи-
налъ новые лавры на бородѣ сирѣ Сципіона. Его
бритва какъ зефиръ летала около жирнаго подбородка
баронета, его рука порхала какъ мотылекъ по кудрямъ
парика. Какъ жаль что гениальный артистъ не имѣлъ
власти надъ собою!

Около того времени съ леди Меникинъ случилось
приключеніе: горничная отошла отъ нея. Дѣвушку
уличили въ полученіи записки, съ весьма неблаго-
пристойною печатью, — двумя сердцами на стрѣлѣ,
двумя гадкими голубями вверху и любовнымъ девизомъ
внизу. Горничная, къ которой посылаютъ такія
омерзительныя вещи, не можетъ служить въ домъ ба-
ронета сирѣ Сципіона Меникина. Негодующая добро-
дѣтель караетъ порокъ, не думай о послѣдствіяхъ: не-
то сирѣ Сципіонъ не согналъ бы преступницы со дво-
ра. Горничная съ необыкновеннымъ искусствомъ уби-
рала волосы своей госпожи, и въ этомъ дѣлѣ она
уступала только великому Джобу. Случилось, что
слѣдующій день, послѣ удаленія безп्राветственной гор-
ничной, былъ назначенъ сирѣ Сципіономъ для угощенія
желудка предсѣдателя Общества Воздержности,
учрежденнаго въ сосѣднемъ городѣ. Уже цѣлую пе-
дѣлю двѣ черепахи ожидали смерти лежа на спинѣ
въ кухнѣ баронета. Изъ уваженія къ гостямъ, сирѣ
Сципіонъ хотѣлъ, чтобы жена его явилась во всей

красотѣ. Какъ досадно, что преступленіе горничной узнали не послѣ пира. Двадцать было нечего: въ первый разъ рука чужаго мужчины должна была коснуться локоновъ леди Меникинъ. Джобу предстояло счастье причесывать волосы миледи.

Во время оно дамы пудрились.

ГЛАВА II.

Теперь мы приближаемся къ грѣхо-паденію Пиппинса. Я отдалилъ, сколько могъ, его стыдъ, но болѣе откладывать невозможно, и я вывожу на сцену новаго Тарквинія съ бритвою. Сбереитесь съ духомъ, сударыни: является на сцену Джобъ Пиппинсъ.

Право, видный молодой человекъ; очень хорошій собою. Сколько милаго плутовства въ его лицѣ! А глаза у негодя какъ у сокола! Прекрасный молодой человекъ.

Впрочемъ это не мое мнѣніе, но общій голось дамъ того околотка, который онъ причесывалъ какъ первый подмастерье главнаго парикмахера графства, пока находился у него въ ученьи.

— Отмѣнно статный мужчина! сказала однажды старая леди Модлинкортъ, осматривая его съ ногъ до головы; и приговоръ ея обратился въ пословицу, потому что леди была знатокъ дѣла и особенно славилась толщиною икоръ своихъ лакеевъ.

Вотъ Джобъ въ библіотекѣ сирь Сципіона, который рѣшилъ, что его супруга приметъ нашего героя въ святилищѣ наукъ, а самъ онъ сядетъ въ кресла противъ нея и будетъ присматривать за благочиніемъ производства. Артистъ, легкой рукой, съ невинными мыслями, принимается за работу. Онъ взглянулъ на величественную красоту леди Меникинъ, и пальцы его съ почтеніемъ прикоснулись къ ея изящной го-

ловкъ. Онъ дотрогивался до волосъ ея, какъ-будто до ея сердца; раскладывалъ локоны направо и налево съ такою осторожностью какъ брилліанты въ нѣскольکو милліоновъ. Сиръ Сципіонъ держалъ въ рукъ Тита Ливія, и не сводилъ глазъ съ Джоба.

Артистъ продолжалъ работу уже не съ такою самоувѣренностью. Его смущала, какъ говорятъ про новобранныхъ, новость его положенія. Взглянувъ на миледи и ея почти неподвижнаго парикмахера, вы бы сказали, что Діана заставила мраморную статую Актеона чесать свои золотыя кудри.

— Господинъ Спринджъ пріѣхалъ, сказалъ слуга, отворяя до половины двери.

— Сейчасъ, отвѣчалъ сиръ Сципіонъ, и выбѣжалъ изъ библіотеки. Тутъ солнце, которое яркими лучами освѣщало благородный и чистый гербъ Меникиновъ на окошкахъ замка, померкло и скрылось за тучами.

Джобъ приближался къ концу своего испытанія: уже наступала минута торжества добродѣтели, но врагъ рода человѣческаго попуталъ смертнаго. Локоны миледи были завиты, какъ слѣдуетъ, и лежали каждый на своемъ мѣстѣ: Фидій не налюбовался бы на эту голову; оставалось только довершить трудъ, — повѣять пудру, легкую какъ первый снѣгъ, душистую, какъ крылья весеннихъ зephyровъ. Леди Меникинъ надѣла маску; Пиппинсъ взялъ кисть съ пудрой.

Два или три раза обошелъ онъ около ея милости, и задрожалъ; началъ пудрить, но его нетвердая рука бросала порошокъ на плеча, на колѣни, а локонамъ ничего не доставалось. Джобъ хотѣлъ собраться съ духомъ, кашлянулъ, чтобъ укрѣпить нервы своихъ пальцевъ; повернулся какъ левъ въ пещерѣ. Нѣтъ, никогда еще парикмахеръ не подвергался такому соблазну. Впрочемъ пусть читатель попробуетъ самъ пудрить такую красавицу наединѣ.

Я сказалъ, что леди падѣла маску : это сказано было неосновательно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она закрыла себѣ кускомъ какой-то клеенки лобъ, глаза и носъ : но губки ! розовыя, пухленькія губки !..... Въ томъ-то и дѣло что губки не были закрыты. Этотъ спѣлый, махровый, полу-открытый ротикъ дышалъ зноемъ Аравіи на чувства бѣднаго Джобъ и говорилъ его воображенію, чего ввѣкъ не выразить словами. Глаза, хранители этого сокровища, были закрыты; драконы, которые стерегли запрещенный плодъ, спали. Несмотря на это, Джобъ всё-еще старался пудрить !

Человѣкъ, у котораго есть чувства, болѣе сдѣлать не въ силахъ. Славно, Джобъ ! продолжай пудрить, и не засматривайся. Вотъ на шкафу бюстъ Сенеки : взгляни на него, и старайся философскою думою подавить волненіе сердца. Вотъ, насупротивъ тебя книга тоненькаго формата въ зеленомъ переплетѣ : это, Джобъ, сочиненіе Цицерона о обязанностяхъ человѣка ; чудесная книга для людей съ пылкими страстями. Посмотри еще въ эту сторону, и ты побѣдишь врага : Платонъ на тебя смотритъ, Джобъ, между-тѣмъ, какъ ты пудришь ! Какаѣ божественная голова у него ! Сколько могущества, сколько спокойствія въ этомъ величественномъ челѣ ! Платонъ есть.....

— Чмокъ — чмокъ — чмокъ — чмооооокъ !!!

О ужась ! О дерзость !..... Свѣтопреставленіе ! По-вѣрите ли вы такой наглости, такому безстыдству ? Люди крали у самой вѣслицы ; есть мошенники, которые тутъ же, гдѣ столпившійся народъ любитъ на казнь вора, не отстаютъ отъ дурной привычки принимать чужіе карманы за свои : но чтобы кто-нибудь, глядя на Платона, осмѣлился поцѣловать чужую жену, это, право, не слыхано !

Жаль, что мы не можемъ показать на дѣлѣ, какъ Джобъ поцѣловалъ леди Меникинъ. Помните ли

первые пять шесть звуковъ крика дрозда , когда онъ бросается на червя , звонкихъ , рѣзкихъ , свистящихъ , истерическихъ?..... Пѣть , они еще не имѣютъ той быстроты , пронзительности , полноты ! Въ отчаяніи , что не можемъ дать вамъ понятія объ этомъ , мы должны привести живописное выраженіе служанки , которая хотя и не была на ту пору въ комнату , однако божилась , что Джобъ «вырвалъ поцѣлуп съ корнями.» Къ сожалѣнію , прекрасное выраженіе служанки нѣсколько темно ; но въ такихъ случаяхъ я всегда предпочитаю сужденіе женское всѣмъ мужскимъ фразамъ.

Теперь я долженъ обратить вниманіе ваше на печальную картину супружескаго быта. Послѣдній поцѣлуй еще безъ сомнѣнія раздается въ ушахъ вашихъ ; еще своды дровянаго замка Меникиновъ колеблются отъ этого звука.

Вообразите , — есть ли только у васъ есть воображеніе , — женщину молодую и прекрасную , которой вдругъ представилось что-нибудь страшное , отвратительное ; положимъ , удавъ. Руки ея хотятъ оттолкнуть гадкое чудовище : ротъ открыть , въ глазахъ мракъ , грудь надута громкимъ крикомъ , готовыиъ вырваться : это леди Меникинъ.

Потомъ представьте себѣ недурнаго собою молодого человѣка , который лежитъ у ея ногъ : его дрожанія руки судорожно сжаты , его лице вытянулось на пол-аршина , глаза его опущены , онъ какъ-будто хочетъ пробить колѣнами полъ и провалиться сквозь него : это Джобъ Пиппинсъ.

Поглядите же теперь вправо : дверь отворена и въ дверяхъ стоитъ почтенный мужчина лѣтъ пятидесяти ; лице его , обыкновенно румяное , теперь синяго , почти чернаго цвѣту ; его плоскій носъ распухъ еще болѣе ; его губы разбухли отъ ярости ; онъ совершен-

но похожъ на Отелю. Это баронетъ; это оскорблен-
ный супругъ.

Изъ-за плеча баронета выглядываетъ пара глазъ ак-
ва-мариннаго цвѣту, драгоценная принадлежность
господина Семуеля Спринджа, стряпчаго по частнымъ
дѣламъ, нѣчто въ родъ ищейки баронетовой.

Одинъ глазъ и часть носа лакея видны между ру-
кою сира Сципіона и дверью. Это только отрывки, но
изъ нихъ можно безошибочно заключать о цѣломъ.

Непродолжительно было ужасное безмолвіе. До-
гадливый Спринджъ подавъ свою палку баронету;
тотъ, не говоря ни слова, скрежеща зубами, схватилъ
ее, занесъ надъ головою артиста, и разбилъ бы че-
репъ Джоба какъ куриное яйцо, но къ счастью палка
зацѣпилась за огромные оленья рога, которые висѣли
надъ дверью библіотеки, какъ трофей безсмертнаго
подвига баронетова на одной достопамятной охотѣ.
Сиръ Сципіонъ, желая поскорѣе добраться до против-
ника, дернулъ изъ всей силы, и украшеніе библіоте-
ки съ громомъ рухнуло на него; Спринджъ и лакей
бросились помогать ему, и только помогли упасть
прямо на рога. Тутъ жена закричала, и въ самомъ
дѣлѣ было отъ чего. Какая женщина не испугается,
когда мужъ въ глазахъ ея изранитъ себя собственны-
ми рогами!

Сиръ Сципіонъ кричалъ и бѣсился; Спринджъ съ
лакеемъ старался освободить его отъ роговъ, но,
какъ они ни хлопотали, баронетъ болѣе и болѣе запу-
тывался въ проклятыя вѣтви полами платья, петли-
цами и парикомъ. Весь домъ пришелъ въ смятеніе,
вся дворня сбѣжалась: бѣдный сиръ Сципіонъ завязъ
въ рогахъ дотого, что они какъ-будто приросли къ не-
му. Наконецъ онъ упрямилъ усердныхъ слугъ оста-
вить его въ покоѣ, и тотчасъ избавился съ удивитель-
ною ловкостью.

Баронетъ, съ разодраншымъ платьемъ упалъ въ кресла. Джобъ дотога перепугался что и не вздумалъ бѣжать. Какая глупость! Онъ упалъ на колѣни, и любопытные зрители обступили его.

Сиръ Сципионъ важно повернулъ голову, и взглянулъ изъ-подлобья на разкраснѣвшуюся жену. Она поблѣднѣла. Потомъ баронетъ обратился къ Джобу, и поднялъ указательный палецъ.

Надо знать величественную осанку Сиръ Сципиона Меникина, чтобы постичь силу этого указательнаго пальца и то впечатлѣнiе, какое перстъ человѣческой произвелъ надъ артистомъ. Джобъ затрѣсся такъ, что три шиллинга и шесть пенсовъ весьма слышно стучали другъ о друга въ карманъ его жилета. Человѣкъ можетъ притвориться; но золота, серебра, и даже мѣди, никакъ не принудишь къ притворству. Джобъ дрожалъ, голосъ его замеръ, и, съ крайнимъ усиленiемъ, бѣдный молодой человѣкъ могъ произнестъ только слѣдующее оправданiе: «Простите, сударь!..... виновать!..... не выдержалъ!.....»

— Какъ?..... не выдержалъ?..... Еще смѣешь?..... Мошенникъ!..... воръ! закричалъ сиръ Сципионъ, задыхаясь отъ гнѣва. Въ судъ, бездѣльника!

— Въ судъ, повторилъ страпчій.

— Въ тюрьму! закричалъ сиръ Сципионъ.

— Въ тюрьму, повторилъ страпчій.

Джобъ прыгнулъ въ окно, и помчался черезъ огороды и пашни.

— Ловите! ловите!.....

Въ тѣ самую минуту въѣхала на дворъ карета предсѣдателя Общества Воздержности.

ГЛАВА III.

Куда годится мужчина, женщина или дитя безъ характера? Скелеть, который стоитъ въ кабинетъ хирурга, не такъ отвратителенъ и пнѣсть болѣе права на наше участіе. Чтѣ сталося бы съ нами, съ обществомъ, съ безопасностью гражданъ, если бъ всѣ парикмахеры, которые причесываютъ нашихъ женъ и невѣсть, всѣ башмачники, которые примѣряютъ имъ башмаки, были люди безъ власти надъ собою и не могли выдержать искушеній! Сиръ Сципюнъ былъ человекъ добраго сердца; но онъ выше всего любилъ справедливость и чистоту нравовъ, и безъ содроганія предалъ бы суду человека безъ правды, который бы укралъ изъ его саду яблоко; и если бы вора повѣсили, баронетъ произнесъ бы еще надъ его бранными остатками прекрасную рѣчь о немощи плоти, о необходимости строгаго исполненія законовъ и о страшномъ судѣ. Боился ли Джобъ суда и рѣчи баронета, или его гнала совѣсть, только онъ, увернувшись отъ погонн, бѣжалъ даже изъ города.

Два дня послѣ приключенія своего въ замкъ, — одинъ говорилъ, что это было просто наглосе покушеніе молодаго парикмахера на честь леди Менкинъ, но другіе утверждали, что парикмахеръ и миледи обожаютъ другъ друга и сговорились было бѣжать вмѣстѣ, — преступникъ сидѣлъ уже у печки въ гостинницѣ подъ вывѣскою зайца съ собаками, въ десяти миляхъ отъ своей родины. Онъ хотѣлъ, не останавливаясь, итти въ Лондонъ, но пригожая Молли, дочь трактирщика, стояла у порога. Джобъ не выдержалъ! Онъ забылъ объ опасности, и вошелъ. Джобъ обладалъ въ высокой степени тремя совершенствами, которыя по мнѣнію Элонзы весьма опасны для прекраснаго пола: онъ писалъ хорошо, говорилъ хорошо, пѣлъ хорошо. Оттого онъ прославился во всѣхъ кух-

пяхъ; и какъ Джобъ былъ изъ тѣхъ умныхъ людей, которые думаютъ, что лавры годятся только къ украшенію окороковъ и въ соусъ, то онъ преимущественно употреблялъ свои дарованія къ обвороженію тѣхъ, кто могъ наградить его кускомъ ростбифу. Джобъ легко произвелъ выгодное впечатлѣніе надъ Молли своей наружностью и краснорѣчіемъ, и надъ трактирщикомъ двумя шиллингами, которые онъ безъ торгу заплатилъ за свой ужинъ. Но прелести Молли невидимо цѣпью приковывали его къ скамьѣ гостиницы. На третій день онъ издержался до послѣдней пенни, и ему не оставалось другаго пути въ кухню трактирщика, кромѣ какъ черезъ сердце Молли. Любовь молодой кухарки есть пропасть, наполненная яичницами, котлетками и кремами!

Однако Джобъ жилъ слишкомъ долго въ гостиницѣ, не платя хозяину ни гроша, и трактирщикъ начиналъ уже значительно посматривать на дверь. Было три часа, а Пиппинсъ еще не объдалъ. Онъ глядѣлъ въ окошко, и разсматривалъ гранитный столбъ, на которомъ было написано: «Отъ Лондона 112 миль.» Вдругъ кто-то позвонилъ въ колокольчикъ, и Джобъ встрепелся, какъ-будто его обдали холодной водой; онъ издали узналъ голосъ Коттельса, смотрителя своего прихода.

— Я зналъ навѣрное, что найду его здѣсь! Здравствуйте, миссъ Молли. Вы еще ни съ кѣмъ не убѣжались?..... Хорошо, хорошо, дайте мнѣ справиться съ дѣлишками; я.....

Джобъ не слышалъ, объ чемъ Коттельсъ говорилъ съ Молли, но черезъ минуту дверь отворилась, и онъ увидѣлъ передъ собою члена Земской полиціи.

— Мистеръ Пиппинсъ, мое почтеніе!

Коттельсъ былъ простой человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, и лице его имѣло только два выраженія, — суровую повелительность и низкое рабство. Тогда

онъ смотрѣлъ сколько могъ грозить. Бѣдному Джобу казалось, что передъ нимъ стоитъ палачъ графства, съ длинной цѣпью въ рукѣ, и каждое слово зрителя превращалось въ его ушахъ въ зловящее бряканье желѣза. У совѣсти воображеніе удивительно пылко!

Но, къ удивленію Джоба, зритель заговорилъ съ нимъ такимъ образомъ, который ясно показывалъ, что онъ явился не по обязанности своего званія.

— Прошедшаго не воротить, пріятель! сказалъ Коттельсъ съ важностью. Надо поправить все это. Расскажи мнѣ по-дружески, отъ начала до конца, какъ все это случилось.

Приходскій чиновникъ сѣлъ на стулъ, заложилъ ноги и уставилъ глаза на Джоба.

— Я всегда зналъ чиновочитаніе, угрюмо отвѣчалъ Пиппинсъ.

— О! сказалъ Коттельсъ и отворилъ ротъ, какъ-будто собирався имъ слушать. Хорошо!

— Я знаю, какое уваженіе должно имѣть нашему брату къ господамъ, продолжалъ Джобъ. Поэтому, когда на прошедшей недѣль меня позвали.....

Тутъ артистъ повернулся, важно взглянулъ на зрителя и спросилъ торжественнымъ голосомъ. «Знаете ли, что въ этомъ трактирѣ прекрасное пиво?» Коттельсъ, видно, зналъ сердце человѣческое, потому что онъ, не отвѣчая, позвонилъ и сказалъ: «Молли, кружку пива!»

— самого лучшаго! прибавилъ Джобъ.

— И такъ, тебя позвали, продолжалъ Коттельсъ, когда Джобъ опорожнивъ кружку поставилъ ее на столъ.

— Да!..... Я не виноватъ, что она меня позвала. Зачѣмъ же ей было звать меня къ себѣ?

Коттельсъ отодвинулъ стулъ, и сказалъ:—Никогда! Она не звала тебя.

— Не звала? возразилъ Джобъ съ жаромъ: развѣ она меня не звала?

— Я не вѣрю, чтобы она сдѣлала первый шагъ..... Да впрочемъ женщинъ не разгадаешь! прибавилъ смотритель.

— Онѣ какъ пчелы, господинъ Коттельсъ: пока не ужалятъ и не догадаешься, что у нихъ есть жало.

— Такая кроткая! такъ хорошо воспитанная! такая смиренница! говорилъ Коттельсъ въ раздумьѣ. Пиппинсъ, другъ мой, если все это правда, съ тобой очень худо поступили. Но я пріѣхалъ за дѣломъ и все долженъ знать. Потомъ?

— Потомъ..... вы не повѣрите, господинъ Коттельсъ, сказалъ съ улыбкою Джобъ, но я клянусь честію, отецъ Молли все утро не выходилъ изъ дому, и оттого у меня сегодня съ пяти часовъ ничето не было на зубахъ.

Коттельсъ, съ непонятною щедростію приказалъ подать обѣдать. Артистъ выразительно мигнулъ Молли, и она поставила на столъ ветчины, холоднаго ростбифу и новую кружку самаго лучшаго пива. Когда Джобъ утолилъ голодъ, Коттельсъ снова принялся допрашивать его.

— Хорошо, Пиппинсъ, она позвала тебя: потомъ?

— Господинъ Коттельсъ, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ, къ удивленію зрителя: я не понимаю вашего любопытства..... Молли, убери все это..... Я знаю все, что будетъ, и больше пичего знать не хочу!

— Что будетъ?..... Я привезъ двадцать фунтовъ стерлинговъ!

— Я говорю вамъ, господинъ Коттельсъ, что все это напрасно! Четыре слова тоже значуть что и тысяча. Дѣлайте со мной, что хотите! Ну, виновать, и полно!

— Нехорошо! очень нехорошо! Одѣлако ты не безъ друзей, пріятель! (Джобъ покачалъ головою.) Безъ

сомнѣнія очень дурно послѣ всѣхъ милостей сирь Сципіона, стараться соблазнить его жену. (Джобъ изумился), — обольстить такую благородную даму и еще хотѣть бѣжать съ ней за море.....

— Господинъ Коттельсъ, чтѣ вы говорите? закричалъ Джобъ, ударивъ кулакомъ по столу и вскочивъ со стула.

— Впрочемъ, продолжалъ смотритель хладнокровно, о твоёмъ благѣ пекутся добрые люди. Дамы Человѣколюбиваго Общества занялись твоимъ дѣломъ, и хотя онѣ и считаютъ тебя злодѣемъ, однакожь какъ теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновности васъ обоихъ, какъ вы очевидно увлечены неволью въ бездну несчастной страсти и ты можешь еще сдѣлаться жертвою ревности этого стараго тирана, Меникина, то онѣ составили между собою подписку въ знакъ своего состраданія, и посылаютъ тебѣ со мною двадцать фунтовъ стерлинговъ.....

— Двадцать фунтовъ! повторилъ Джобъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Это еще не все, продолжалъ Коттельсъ. Леди Джорджилль, председательница Дамскаго Человѣколюбиваго Общества, поручила мнѣ сказать тебѣ, что если сирь Сципіонъ, прежде развода, подастъ жалобу въ судъ, онѣ за тебя заплатятъ всѣ издержки; и хотя ты безиравственный, опасный челоуѣкъ, однако тебя не допустятъ повѣсить.

— Двадцать фунтовъ и издержки, повторилъ Джобъ, переводя дыханіе. Чтѣ вы это говорите?

— Послушай, мой другъ, продолжалъ смотритель, не оставиай города. Воротись, найми лавку въ лучшемъ мѣствѣ: ручаюсь честію, это приключеніе съ леди доставитъ тебѣ большіе барыши.

— Въ самокъ дѣлъ? спросилъ парикмахеръ, подумавъ.

— Разумѣется! И если только снрь Сциціонъ подасть на тебя жалобу въ уголовный судъ.....

— Въ уголовный судъ? жалобно протоналъ Джобъ.

— Ты разбогатѣешь.

Туть Коттельсь перевелъ духъ, и милостиво посмотрѣлъ на Джоба.

Какъ ни ломалъ себѣ голову Джобъ, онъ не могъ ничего понять, и наконецъ спросилъ:

— Господинъ Коттельсь, что все это значить?

— Вотъ двадцать фунтовъ. Трактирщику за пиво и обѣдъ заплатишь, конечно, ты.....

Смотритель положилъ деньги на столъ.

— Теперь, Пиппинсь, другъ мой, продолжалъ онъ, потирая руки: расскажи мнѣ все. Ты и ея честь хотѣли бѣжать во Францію. Люди такъ говорили, а кучерь.....

— Господинъ Коттельсь, признаюсь съ сокрушеніемъ, что я поцѣловалъ леди Меникинъ. Что жъ дѣлать? Грѣшный человекъ! Не выдержалъ!..... Потомъ.....

— Хорошо, хорошо. Потомъ?

— Потомъ я упалъ на колѣни съ чистосердечнымъ раскаяніемъ. Потомъ пришелъ снрь Сциціонъ и едва не убилъ меня. Потомъ я выскочилъ въ окно и ушелъ..... Потомъ я очутился здѣсь. Что жъ касается до ея чести, то, господинъ Коттельсь, кто осмѣливается сказать хоть одно слово противъ нея, тотъ подлець и негодяй.

— Такъ то, что говорятъ, неправда? спросилъ смотритель.

— Богъ накажи лжецовъ, а я сказалъ сущую правду.

— Такъ только и было что одинъ похищенный поцѣлуй? Больше ничего?

— Ничего! закричалъ Джобъ такъ громко, что Мол-

ли съ отцемъ прибѣжали въ комнату. Ничего! Божусь вамъ, ничего!

Коттельсь мигомъ схватилъ деньги со стола и взялъ шляпу.

— Въ настоящемъ положеніи дѣла, мистеръ Пиппнсь, такъ какъ не было ни несчастной страсти, ни обольщенія, ни покушенія на бѣгство, я отвезу деньги назадъ. Дамское Человѣколюбивое Общество полагало, что подѣисывается въ пользу злополучнаго преступника, въ пользу человѣка, который хотѣлъ спасти нѣжную и молодую женщину отъ тиранства стараго ревнивца: такъ какъ онъ ошибльсь, то деньги надо возвратитъ имъ.

Три минуты послѣ этого Коттельсь скакалъ назадъ, донести председательницѣ общества о случившемся. Дамы долго за чаемъ превозносили честность смотрителя.

— Чтò за дуракъ! вздумалъ же сказать правду во время, воскликнулъ трактирщикъ. Чтò за дуракъ!

Джобъ покраснѣлъ до ушей, всталъ съ мѣста и сказалъ жалкимъ голосомъ: — Мистеръ Пипъ, чтò жъ прикажете дѣлать? Ну, не выдержалъ!....

— Чтò за дуракъ!

ГЛАВА IV.

«Отъ Лондона 109 миль». При видѣ такого столба есть о чемъ подумать путнику съ пустымъ карманомъ. Для васъ, господа, которые ѣздите въ своихъ или почтовыхъ каретахъ, путевые столбы составляютъ пустое украшеніе дороги; но они совсѣмъ не то для бѣднаго пѣшехода, который въ первый разъ обращаетъ безпріютную голову къ мѣсту, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, — къ столицѣ. Чѣмъ ближе онъ къ цѣли, тѣмъ болѣе они возбуждаютъ въ немъ радость или опасеніе. Эти столбы точь въ точь рядъ сторожей

очарованнаго зѣмка въ Арабскихъ сказкахъ; каждый изъ нихъ страшнѣе своего сосѣда, такъ, что путникъ, приведенный наконецъ въ ужасъ этими уродливыми пугалами, которые чѣмъ далѣе тѣмъ гаже, лишается силъ, когда, подходя къ послѣдному, отвратительнѣйшему изъ всѣхъ, онъ начинаетъ вбирать въ себя пары таинственнаго города. Размышляйте объ этомъ, поэты! Мудрецы говорятъ, что и камни глаголятъ: какъ же не имѣть путевому столбу большой столичной дороги выпренихъ мыслей, глубокихъ мечтаній?

«Отъ Лондона 109 миль». Джобъ Пиппинсъ сидѣлъ на камнѣ, и отъ бездѣлья смотрѣлъ на заходящее солнце. Солнце сѣло; нашъ артистъ повернулъ голову, и увидѣлъ тяжелую пзвощичью бричку, которая, какъ слонъ въ водяной болѣзни, медленно къ нему приближалась. Извозчикъ подзвалъ его на помощь; тотъ подошелъ къ бричкѣ, и съ удивленіемъ увидѣлъ сѣрую лошадь сира Сципіона. Конь привязанъ былъ къ бричкѣ сзади. Джобъ Пиппинсъ не успѣлъ вымолвить слова, какъ извозчикъ осканилъ зубы, почесалъ въ головѣ, и съ довольнымъ видомъ сказалъ:

— Вѣдь у меня въ бричкѣ лежитъ мертвецъ!

— Мертвецъ? вскрикнулъ испуганный Джобъ. Какъ мертвецъ?

— Онъ лежалъ поперекъ дороги; конь стоялъ надъ нимъ словно ягненокъ. Я довезу его до Барли-Мурской гостиницы.

— Ради Бога постой! прервалъ Джобъ и прыгнулъ въ бричку.

Въ бричкѣ лежалъ баронетъ. Джобъ увидѣлъ что баронетъ вовсе не думалъ умирать. Съ нимъ случилось только апоплексическій ударъ, и онъ свалился съ лошади. Въ одно мгновеніе ока, Джобъ сорвалъ съ сира Сципіона сюртукъ, перевязалъ ему руку, и вынулъ изъ кармана бритву. Извозчикъ хладнокровно

посматривалъ на эти приготовленія, и наконецъ спросилъ :

— Чтò ты хочешь съ нимъ дѣлать?

— Пустить ему кровь, отвѣчалъ Пиппинсъ : я боюсь, чтобъ у него сердце не перестало биться.

— Кажется, это странчій Гриндерсъ, изъ нашего города..... Хорошенько его!

Извозчикъ нагнулся къ рукъ пациента, чтобъ посмотреть, кровь ли пойдетъ изъ жилъ стряпчяго или чернила.

— Хорошенько его!

— Какой Гриндерсъ, возразилъ Джобъ. Это сирь Сципионъ Меникинъ.

— Сирь Сципионъ? Право? такъ постой же, не трогай его!

Извозчикъ схватилъ Пиппинса за руку, когда этотъ заносилъ уже бритву : онъ хотѣлъ удержать оператора, но только всадилъ всю бритву въ руку баронета. Джобъ поблѣднѣлъ, извозчикъ взмогнулъ.

— Нась повѣсятъ, закричалъ жалобно извозчикъ; и эхо въ утѣшеніе ему повторило — «повѣсятъ».

Извозчикъ быстро отвязалъ коня, съѣлъ на него и пустился во всю прыть, оставивъ бѣднаго Пиппинса вдвоемъ съ израненнымъ пациентомъ. Кровь текла ручьемъ; онъ сталъ считать удары пульса у баронета, который началъ ужъ приходить въ себя, и едва снова не упалъ въ обморокъ, увидѣвъ надъ своей головой Джоба съ окровавленной бритвою. Въ то же время послышался конскій топотъ; Джобъ Пиппинсъ поднялъ глаза, и увидѣлъ извозчика, скачущаго на баронетовой лошади; за ней плелась какъ могла другая лошадь, которая, судя по ея неуклюжему галопу и по огромности, происходила отъ знаменитаго Троянскаго коня : на ней трясся маленькій толстый человечекъ, въ шляпѣ съ широкими полями.

Къ счастью, какъ говорилъ потомъ баронетъ, хо-

зянь Барли-Моуской гостиницы сломалъ себѣ ногу и послалъ-было за докторомъ Сеффрономъ, и къ счастью этотъ Сеффронъ былъ домашній докторъ баронета. Докторъ осмотрѣлъ изрѣзанную руку, и взглянулъ на Пиппинса :

— Это твоя работа ?

Пиппинсъ взглянулъ на доктора, и отвѣчалъ : — Да!

— Иногда въ нашемъ искусствѣ случаются чудеса, продолжалъ докторъ : можетъ-быть не нужно будетъ отпиливать руку. — Ты хотѣлъ пустить кровь, умница, продолжалъ докторъ, бросая сердитые взгляды на Пиппинса : ты хотѣлъ всю ее выпустить !

— Чортъ побери, не выдержалъ ! отвѣчалъ Джобъ, обтирая бритву.

— Мм ! Вы нашли сирь Сципіона лежащимъ на дороге ?

— Лежалъ свернувшись какъ ежъ, отвѣчалъ извощикъ.

— А ! сказалъ докторъ, пристально всматриваясь въ баронета. — А ! И онъ три раза покачалъ головою.

— А ! черепаха, черепаха !

Извощикъ съ удивленіемъ оглянулся во все стороны, и нигдѣ не увидалъ черепахи. Гдѣ ему было знать, что Сеффронъ намекалъ на обѣдъ, на которомъ былъ супъ *à la tortue* (смотри выше), и на который, по какому-то странному случаю, его не позвали. Изъ Барли-Моу подъѣхала тележка ; докторъ посадилъ въ нее сирь Сципіона, и отвезъ его въ замокъ. Хотя леди Меникпшъ, по свойственному ей великодушію, простила уже дерзость Джоба Пиппинса въ отношеніи къ себѣ самой, она однако жъ разсердилась, какъ слѣдуетъ доброй женѣ, когда узнала жестокое обращеніе своего парикмахера съ ея бѣднымъ мужемъ.

Джобу предстоялъ длинный, утомительный путь ; неумолимый извощикъ не согласился взять его въ свою бричку. Ночь приближалась ; бѣдняжка съ отчал-

немъ смотрѣлъ кругомъ себя и не видѣлъ ни одного жилища. Три раза онъ обратился было къ Барли-Моу, но его тамъ знали, и онъ три раза остановился. Онъ стоялъ въ перѣшности, какъ вдругъ вдалекъ между деревьями мелькнулъ свѣтъ. Джобъ мигомъ перепрыгнувъ черезъ плетень, и побѣжалъ къ огню, который то являлся, то исчезалъ. Наконецъ паткнулся онъ на хижину, которая по виду и по величинѣ не предвѣщала ничего утѣшительнаго. Онъ подошелъ къ двери, и вдругъ остановился, услышавъ тяжкое дыханіе, которое казалось исходило изъ нѣдръ земли. Свѣтъ исчезъ. Пиппинсъ нагнулся, протянувъ руки, но не могъ ничего ощупать. Опять послышалось прежнее храпѣніе. Въ то же время раздался громкій лай цѣпной собаки, и Джобъ различилъ женскій голосъ: «Цыцъ! Кто тамъ?» Пиппинсъ былъ въ восторгѣ, услышавъ женскій голосъ, и настроилъ свой собственный на самый пріятный тонъ: онъ началъ говорить про далекій путь, про холодъ, про голодъ, про бѣдность, и о прочемъ; собака отвѣчала на все это воемъ, который показался ему безчеловѣчнымъ въ такомъ какъ его положеніи. Проклиная въ душѣ собаку, Пиппинсъ прислушивался, не скажетъ ли чего женщина; но она не говорила болѣе ни слова, и оставила его разсуждать съ несговорчивымъ четвероногимъ, которое, при каждомъ убѣжденіи, рычало сердитѣе. Пиппинсъ истощилъ все свое краснорѣчіе; собака была неумолима. Наконецъ онъ отошелъ отъ хижины и снова побрелъ къ большой дорогѣ. И опять вспомнилъ Джобъ о женскомъ голосѣ, и остановился: въ этомъ звукѣ что-то говорило его сердцу — воротись, Джобъ Пиппинсъ! Онъ стоялъ, потушивъ глаза, какъ вдругъ раздался шестъ шаговъ. Онъ спрятался за дерево, и увидѣлъ что три челоуѣка шли къ хижинѣ: они постучались, дверь ту же минуту отворилась, и путники вошли. Пиппинсъ успѣлъ разгля-

дѣтъ, что въ печкѣ горитъ огонь, и въ то же самое время порывъ вѣтра пронялъ его до костей. Тутъ онъ рѣшился: подошелъ къ двери, коснулся до замка, и къ нему вышелъ тотчасъ челоуѣкъ весьма не гостепріимной наружности. Пиппинсъ началъ убѣждать его; но скорѣе убѣдилъ бы онъ осиновый чурбанъ. Хозяинъ отступилъ и готовъ былъ вытолкать бѣднаго артиста, какъ вдругъ глаза его засверкали, ротъ, скривясь, образовалъ нѣчто въ родѣ улыбки, и онъ провелъ рукою по съдымъ волосамъ: «Э!..... что?..... холодно? Хорошо, войдите. Полли, стулъ!» Притащили стулъ для Пиппинса; онъ сѣлъ и придвинулся къ огню, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе; но, какъ онъ ни бился, самое мѣсто, и лица, которыя его окружали, сильно тревожили его воображеніе.

Хижина была вся смазана изъ глины и покрыта соломой. Ее какъ-будто построили на одну недѣлю, или она сама выросла изъ земли украдкою: въ ней могъ жить только мизантропъ Тимонъ или фальшивый монетчикъ. Мебель представляла странную смѣсь: на столѣ изъ сосновыхъ досокъ стоялъ прекрасный хрусталь; подлѣ него этруская бронзовая лампа; но не было ни одного стула, кромѣ того, на которомъ сидѣлъ Пиппинсъ. Хозяева, — ихъ было трое, — отдыхали на пустыхъ ящикахъ. Въ одномъ углу, на соломѣ, лежали разныя платья, которыя по-видимому были сшиты не для нихъ. Пиппинсъ взглянулъ на стѣну, обломокъ большаго зеркала приколоченный гвоздями, показалъ ему все общество. Несмотря на свою бойкость, и на мужество, свойственное каждому бѣдняку, онъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха, и безпокойно повернулся два три раза, какъ школьникъ, котораго только-что высѣкли. Ни на чьемъ лицѣ не было пріятливой улыбки. Тотъ, который казался старѣе прочихъ, — тотъ самый, который впустилъ его, —

былъ человекъ средняго росту, съ страшными глазами, съ носомъ какъ у орла и съ шеей какъ у быка. Онъ сидѣлъ подлѣ стола, подперши руками щетинистый подбородокъ, и какъ-нельзя болѣе походилъ на дикаго звѣря, который собирается прыгнуть. На немъ была широкая куртка изъ бѣлаго сукна, старые лосинные панталоны, полосатая рубашка, растянута на косматой груди, загорѣвшей точно какъ изношенная подошва. Финіасъ, такъ его звали, пристально смотрѣлъ на Пиппинса.

Бетсъ и Мортлекъ казались гораздо моложе друга своего, Финіаса. Бетсъ былъ ужасно безобразенъ. Его лице мерцало чистымъ багровымъ цвѣтомъ; глаза его были маленькіе, подслѣповатые и одинъ изъ нихъ всё смотрѣлъ на носъ, загибавшійся въ ту сторону какъ-будто желая съ нимъ встрѣтиться; зубы его, изъ которыхъ не доставало многихъ, походили на заржавѣлые и изломанные гвозди; весь лобъ свой онъ могъ бы закрыть двумя пальцами, и красоту эту довершали еще курчавые рыжіе волосы. Эта Горгона, будь сказано мимсходомъ, осмѣливалась смотрѣть на Полли, которая однако жъ была для него какъ каменная. У Мортлека, младшаго изъ трехъ, глаза были живые, цыганскіе, очень не дурные, если бы онъ не прищуривалъ ихъ безпрестанно. Оба они поглядывали то на Пиппинса, то на Финіаса: этого нечаяннаго гостепріимства они никакъ не могли понять. Подлѣ нихъ стояла Полли, прислонясь къ стѣнѣ, и сложивъ руки на груди.

Въ ея обращеніи пробивалось что-то дикое, даже возбуждающее опасеніе, но не было ничего неблагогоднаго. При высокомъ ростѣ, она имѣла прекрасно выточенные члены, глаза быстрые и черные, волосы темнорусые, которые падали длинными кудрями и хорошо отгнѣняли ея блѣдное, но здоровое, лице. Подъ нѣсколько полными губами сіяли зубы бѣлые

какъ перламутръ. Джобъ отдохнулъ , увидѣвъ въ зеркалѣ ея привлекательныя черты : Медицейская Венера не такъ бы сильно поразила его своей красотой.

Долго молчали они. Наконецъ Бетсъ , изъ человѣколюбиваго намѣренія завести разговоръ , спросилъ , который часъ.

Въ эту минуту зазвенѣли часы съ репетиціей. Пиппинсъ вскочилъ на ноги , и вынулъ изъ кармана богатый хронометръ , о которомъ онъ совершенно забылъ. При видѣ золотыхъ часовъ , глаза Бетса и Мортлека заблистали. Финіасъ не оказалъ никакого удивленія , потому что онъ замѣтилъ красивую цѣпочку и печать еще прежде , чѣмъ пустилъ его въ хижину.

— Пріятель ! сказалъ Финіасъ : вѣрно , время тебя дорого , когда ты мѣришь его такими дорогими часами ?

— Это не мои часы , сказалъ оторопѣвшій Джобъ : часы не мои.....

Тутъ всѣ трое захохотали.

— Да вы не знаете , какъ они мнѣ достались , возразилъ Джобъ ; и опять его собесѣдники засмѣялись.

Артистъ опустилъ руки въ карманъ , чтобъ посмотреть , не попалъ ли туда еще что-нибудь чужое , и вынулъ свой платокъ , напѣтанный кровью сирь Сципіона. Финіасъ всталъ съ своего мѣста , Мортлекъ выразительно щелкнулъ языкомъ , а Бетсъ свиснулъ.

— А ! ты охотился ?..... Ну , дѣло сдѣлано ; расскажи , какъ что было , спросилъ Финіасъ.

— Сперва скажи , куда ты зарылъ тѣло , прибавилъ осторожный Мортлекъ.

Напрасно Пиппинсъ говорилъ правду ; напрасно толковалъ онъ имъ какъ пускалъ кровь баронету , какимъ образомъ вынулъ часы изъ его кармана , чтобы считать удары пульса , какъ потомъ , въ торопяхъ , положилъ ихъ въ свой жилетъ и забылъ возвратитъ законному владѣльцу : ему отвѣчали только хохотомъ.

— Хорошо, господа, сказалъ Джобъ Пиппинсъ, который начиналъ сердиться на ихъ веселость и отчасти опасаться ихъ взглядовъ: хорошо! какъ ни темно теперь, и какъ ни далеко до замка Меникинъ, я сейчасъ туда отправлюсь. Я отдамъ часы, и пусть сирь Сципионъ знаетъ, что я взялъ ихъ только для него и безъ всякаго дурнаго намѣренія.....

Онъ повернулся къ двери, но Финіасъ заслонилъ ее своей широкой спиною, и сказалъ:

— Итти сегодня? въ такое время? Ты не знаешь, съ кѣмъ еще встрѣтишься: ну, если тебя обокрадутъ дорогой.

Не ожидая отвѣта Финіасъ заперъ дверь, и закричалъ: «Полли, джину!»

Черезъ нѣсколько минутъ стоворчивый Джобъ сидѣлъ на стулѣ съ стаканомъ джину, приготовленнаго самою Полли, и Полли сидѣла подлѣ него, смотря прямо въ лице ему своими черными глазами. Три новые друга помѣстились напротивъ. Вѣтеръ засвистѣлъ сильнѣе, огонь разгорался болѣе и болѣе, и пламя ярко отражалось на лицахъ хозяевъ, которые показались Пиппинсу чрезвычайно откровенными и добрыми. И стѣны мазанки потеряли свою мрачность; и Полли уже не была такъ горда: Пиппинсъ сдѣлался словоохотнѣе.

— Еще стаканчикъ! еще!..... пожалуйста, говорилъ Финіасъ: увидишь, какъ запоешь!

— Прибавьте немного воды, сказалъ Пиппинсъ, который спохватился, да уже поздно: крошечку воды!....

Онъ протянулъ стаканъ.

— Изволь..... но только вода здѣсь такая дурная, — и Бетсъ долилъ водкой полу-опорожненный стаканъ Джоба.

Я сказалъ уже, что герой нашъ пѣлъ прекрасно. У него всегда были въ запасѣ пѣсенки для красавиць, — и для блѣлыхъ и для смуглыхъ; стояло

только переменить два три слова, вклеить имя волшебницы, и ода была готова. Онъ выпилъ еще стаканъ, бросилъ страстный взглядъ на Поми, и, взявъ ее за руку, началъ пѣть:

•И очарованный и страстный,
Гляжу на красоту твою,
И полонъ страстно ужасной
Терзаюсь, Поми, по люблю.....•

Но, не окончивъ и этой первой строфы, Джобъ свалился со стула. Увѣрившись, что онъ ничего не чувствуетъ, Финіасъ нагнулся къ нему, какъ вдругъ раздался громкій стукъ у дверей.

— Что тамъ за чортъ? проворчалъ Финіасъ, приподнявъ голову.

ГЛАВА V.

Бетсъ осторожно отворилъ дверь, и новый посетитель однимъ шагомъ очутился у неподвижнаго туловища Пиппинса.

— Это что? спросилъ онъ ударивъ ногою въ плечо Бахусова поклонника.

Бетсъ хотѣлъ рассказывать, но гость знакомъ приказалъ ему молчать, ловкимъ движеніемъ руки вытащилъ въ одно мгновеніе ока часы изъ кармана Пиппинса и переложилъ въ свой. Ясно, что онъ былъ мастеръ своего дѣла. Финіасъ нахмурился. Я догадываюсь, что у воровъ есть соревнованіе: непріятно же видѣть, что товарищъ проворнѣе насъ дѣйствуетъ своими десятью пальцами! Отсюда легко догадаться, почему Финіасъ не порадовался искусству Скинкса, который, какъ видно съ перваго взгляда, имѣлъ отличныя дарованья.

Нашъ новый знакомецъ былъ Геркулесъ большой дороги. Многихъ показывали за деньги какъ великановъ, хотя они далеко не стоили Скинкса. Въ

немъ, безъ подошвы, было два аршина тринадцать вершковъ; сверхъ-того самая счастливая наружность: взглянуть на него, вы бы никакъ не подумали, что это негодяй, особенно когда онъ порядочно одѣнется и прїѣдетъ къ вамъ въ гости. Но теперь онъ не глядѣлъ франтомъ. Острые взоры его безпрестанно переходили съ одного предмета на другой. Лице было блѣдно, оттого что онъ не спалъ нѣсколько ночей, и голосъ хриплый, который давно уже обратился въ сиповатый басъ отъ ночнаго воздуха и водки. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и сильно. Не однихъ только пѣшеходовъ убѣждалъ онъ остановиться своимъ словомъ. Сила его была удивительна, и онъ не разъ удерживалъ карету, одной рукою, особенно когда въ ней блистала заряженный пистолеть. Страшный его костюмъ шелъ къ нему какъ нельзя болѣе: на немъ былъ темнокоричневый сюртукъ съ галунами, которые когда-то слыли золотыми; черные бархатные панталоны, сапоги, доставшіеся видно отъ какого-нибудь великана, треугольная шляпа съ разными вычурами и пара отличныхъ пистолетовъ.

Скинксъ, сложа руки, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Пиппинса. А что дѣлала Полли? Она стояла, съ раскраснѣвшимися щеками, съ трепещущимъ сердцемъ, и не сводила глазъ съ колоса, который былъ также нечувствителенъ какъ Родосскій.

«Люцій! Люцій!» говорила она, и наконецъ Скинксъ откликнулся глухимъ ревомъ: «Полли!» Онъ сълъ. Полли съла ему на колѣни, и обвила его шею руками. Скинксъ въ раздумьѣ игралъ хронометромъ Пиппинса. При этомъ видѣ сердце Финіасово разрывалось.

— Удалось ли? спросилъ Мортлекъ Скинкса. Есть ли что на дорогѣ?

— На дорогѣ? повторилъ Скинксъ съ досадой, какъ человекъ который чувствуетъ, что онъ рожденъ для

чего-то высшего. Что проку на дорогъ безъ лошади! Каково мнѣ теперь грабить пѣшкомъ! Чтобы этой собакѣ, которая застрѣлила мою лошадь..... гмъ! гмъ!

Скинксъ хотѣлъ было вздохнуть, но закусилъ губу, свиснулъ, и сталъ бить маршъ по плечу Полли.

— Вотъ все, присовокупилъ онъ, что я добылъ на этой недѣлѣ.

И онъ съ довольнымъ видомъ сталъ разсматривать часы сиръ Сципіона.

— Не трудно подобрать съ земли птицу, которую подстрѣлилъ другой, сказалъ Финіасъ съ досадою.

— Что? сказалъ Скинксъ: что такое?..... Ты начинаешь умничать? Да что бы вы значили, дураки, если бы у меня не было головы за васъ! Отъ васъ такъ же мало пользы какъ отъ повѣшеннаго вора. Подстрѣлилъ! Ужъ лучше скажи, что ты выдумалъ ружье и порохъ.

— Выдумать не выдумалъ, возразилъ Финіасъ вполголоса, а употреблять ихъ умью хоть противъ кого.

— Молчи, Финіасъ, ты разсердилъ Люція, сказала Полли.

— Разсерди его палачъ! проворчалъ Финіасъ сквозь зубы.

— Кто тамъ ворчитъ? Ты ли, Финіасъ, или собака?

Скинксъ снялъ Полли съ колѣнъ, всталъ, подошелъ къ мятежнику, и взглянулъ на него такъ, что тотъ задрожалъ. Скинксъ ожидалъ отвѣта.

— Собака, отвѣчалъ Финіасъ, тономъ очень похожимъ на собачій вой.

Скинксъ спокойно сѣлъ на стулъ, и Полли по прежнему помѣстилась на его колѣнахъ.

— Какъ не стыдно, братъ Финіасъ, спорить о такой дряни! сказалъ Бетсъ. Эти игрушки на то и годятся, чтобъ платить ими за вѣсти, которыя сообщаютъ на-

шему капитану о провѣжающихъ и движеніи военной команды.

— Безъ сомнѣнія капитанъ хочетъ подарить часы этой служацкѣ въ трактирѣ подь вывѣской зайца съ собаками, присовокупилъ злой Мортлекъ. У плутовки прехорошенькіе голубые глаза; капитанъ очень любить голубые глаза и говоритъ, что они лучше черныхъ.

Клэопатринъ аспидъ не былъ такъ ядовитъ какъ Мортлекъ. Полли, ужаленная въ самое сердце, прыгнула съ колѣнь на середину комнаты, вся дрожа, какъ стрѣла, которая только что воцѣлилась въ цѣль. Глаза ея сверкали, лице покраснѣло, черныя косы распались на всѣ стороны. Она не могла выговорить ни одного слова; кинулась какъ кошка на Скинкса, выхватила часы у него изъ кармана, и бросила ихъ нѣо всей силы на полъ. Скинксъ вскочилъ, между-тѣмъ какъ всѣ колеса хронометра описывали кривыя круги около его стула.

Скинксъ обыкновенно владѣлъ собою, но дѣло шло о золотыхъ часахъ, и онъ забылся. Онъ взглянулъ грозно на Полли, произнесъ ужасное ругательство, сжалъ кулакъ, и занесъ его на любовницу. Она уклонилась отъ удара, потеряла равновѣсіе и упала прямо на желудокъ Шиппинса, который застоналъ глухимъ голосомъ.

Стонъ бѣднаго Джоба, паденіе Полли, общій хохотъ, обезоружили капитана. Онъ приказалъ Бетсу собрать обломки часовъ. «Гдѣ ты досталъ его, Фиппаса?» спросилъ онъ ласково. Это вниманіе смягчило обиженнаго Фиппаса, и онъ разсказалъ, какъ все случилось; какъ часы перешли во владѣніе Джоба, и какъ онъ имъ показывалъ окровавленный платокъ.

— Э! такъ онъ даже васъ увѣрялъ, что честнымъ образомъ добылъ часы? сказалъ Скинксъ съ предательскою улыбкою. Видно, молодецъ разумѣетъ ремесло

свое. Подай-ка лучину; посмотреть, каковъ собою этотъ добродѣтельный мужъ.

Послушный Финіасъ поднялъ голову Пиппинса. Скинксъ взялъ горящую лучину, и поднесъ ее къ лицу спящаго артиста.

— Ха, ха, ха! старый воробей, ребята! воскликнулъ Скинксъ. Я знаю его какъ своихъ десять пальцевъ; онъ беретъ все, что ни попадетъ. Его недавно судили въ Йоркѣ за то, что онъ спроворилъ королевья погремушки у альдермаповой малютки. Я видѣлъ, какъ его повели въ смиренительный домъ; видно, убѣжалъ. Его зовутъ Вилліамъ Тикетъ.

Надобно полагать, что, сходство Пиппинса съ Тикетомъ было разительно, когда такой человекъ какъ Скинксъ обознался. Я не думаю, чтобы онъ говорилъ это въ шутку. Нѣтъ, овладѣвъ принадлежностью Пиппинса, онъ былъ увѣренъ, что наказываетъ притворщика, хитраго вора, который хотѣлъ провести свою братью.

— Вотъ что я сдѣлаю, говорилъ Скинксъ: мы.....

— У! закричалъ Пиппинсъ судорожно ухватившись за лицо, на которое упалъ уголь отъ горячей лучины. Скинксъ и его товарищи расхохотались и пришли въ самое веселое расположеніе духа. Приговоръ былъ произнесенъ, и его тотчасъ исполнили. Но какъ? и гдѣ? Что случилось съ Пиппинсомъ?

—

ГЛАВА VI.

Было прекрасное апрѣльское утро; солнце сіяло съ безоблачнаго неба; поля, усыянные цвѣтами испускали благоуханія; птицы пѣли и щебетали; заяцъ то прыгалъ по лугу, то садился и умывался росой; ежъ, проснувшись отъ долгаго сна, расправлялъ свои члены; улитки ползали въ грязи; ягпата играли, а Джобъ Пиппинсъ еще не просыпался.

Гдѣ же нашъ Джобъ? Его нѣтъ на этомъ прекрасномъ лугу. Куда его забили мошенники?... .. Видите ли эту высохшую кашаву? Тамъ, тамъ лежитъ Джобъ Пиппинсъ.

Тогда какъ вся земля убрана цвѣтами, онъ несчастный лежитъ на ложѣ изъ кранивы! Въ головѣ у него терновникъ, кругомъ его пресмыкаются гадины! жаба квакаетъ у твоего лица, надъ тобою воронъ поетъ плачевныя пѣсни! Бѣдный, бѣдный Джобъ Пиппинсъ!

Джобъ Пиппинсъ проснулся. Глаза у него горѣли, языкъ былъ сухъ и голова болѣла; другими словами, онъ чувствовалъ все слѣдствія похмѣлья, и, что еще хуже, онъ былъ въ одной рубашкѣ, — какъ Гамлетъ. Она изъ бѣлой сдѣлалась цвѣту грязи, въ которой Джобъ лежалъ. Маленькое пастыкомое пѣло надъ нимъ свою звонкую пѣсенку. «Часы!» закричалъ онъ, и вскочилъ на ноги; все кружилося около него, — деревья, поля и стада.

Было, повторяю, прекрасное апрѣльское утро, когда Пиппинсъ всталъ въ одной рубашкѣ посреди обширнаго поля или, скорѣе, посреди вселенной, — безъ шляпы, безъ сапоговъ, безъ чулокъ. Дерзкіе зефиры развѣвали это послѣднее платье, образуя изъ него траурный флагъ, дающій знать о крайней степени бѣдствія. Пиппинсъ начиналъ чувствовать мученія голода: онъ поглядѣлъ на коровъ, и ему смерть захотѣлось бифштеку. Онъ не зналъ на чтѣ рѣшиться. Итти ли къ избушкѣ, гдѣ съ нимъ такъ неблагородно поступили? Но чтѣ можетъ сдѣлать человекъ въ одной рубашкѣ противъ четырехъ мужчинъ и одной женщины! Бѣжать въ первую деревню и рассказать все происшествіе? Кто повѣритъ человеку въ такомъ нарядѣ!..... Пока стоялъ онъ въ раздумьѣ, быкъ съ сосѣдняго поля, которому не понравилась его странная наружность, перескочилъ черезъ плетень и устремился прямо на него. Джобъ, примѣтивъ опасность, бросился че-

резъ заборъ къ сосѣднему лугу и въ нѣсколько прыжковъ очутился на большой дорогѣ. Быкъ махалъ рогами, и съ негодованіемъ смотрѣлъ на костюмъ быльца. До этого событія, Джобу казалось, что ему ужъ нельзя хуже быть на свѣтъ; нѣсколько секундъ тому назадъ онъ готовъ былъ вызывать фортуна на борьбу съ собою, увѣренный, что она не можетъ болѣе разорить его. Надменный человекъ! Тогда, онъ былъ однако жъ владѣльцемъ цѣлой рубашки. Теперь, онъ на большой Лондонской дорогѣ, а половина его единственнаго украшенія, осталась на сучьяхъ проклятаго забора! Отступленіе Джоба было самое постыдное: онъ не спасъ даже своего знамени. (Правоченіе: человекъ у котораго всего одна только рубашка, еще не долженъ гордиться и презирать судьбу, потому что она можетъ отнять и эту.)

Джобъ стоялъ на дорогѣ, и сердце его разрывалось при видѣ разодранной собственности, раззѣвавшейся на сучьяхъ забора подъ стражею быка, который, какъ казалось, чувствовалъ всю важность своихъ трофеевъ. Въ безсиьной злости Джобъ обернулся спиною къ быку, который однако жъ перенесъ обиду съ удивительною философіей.

Теперь-то, вы думаете, фортуна Джоба остановилась рѣшительно на точкѣ нуля? Онъ голоденъ, у него нѣтъ ни копейки денегъ въ карманъ, даже нѣтъ кармана. Гдѣ найти ему друга? Рѣка, которая серебристою леигюю извивается по изумруднымъ лугамъ, дастъ ему и платье, и пищу, и приютъ. Боже мой! Самоубійство? Нѣтъ. Джобъ зналъ цѣну жизни; она теперь никуда не годилась, и совсѣмъ тѣмъ онъ не бросилъ ея съ презрѣніемъ рыбаць. Это благоразуміе, первое, которое онъ оказалъ въ жизни, не могло остаться безъ награды, и вы увидите, что эта рѣка сдѣлалась для Пиппина Пактоломъ.

Оставивъ врага своего, онъ пошелъ къ рѣкѣ. Когда Джобъ былъ еще мальчикомъ, онъ часто купался въ ней съ сотнею рѣзвыхъ школьниковъ. Онъ вспомнилъ объ этихъ счастливыхъ дняхъ, и вздохнулъ. Думалъ ли онъ тогда о рубашкѣ!.....

Онъ пробрамся полемъ и скоро дошелъ до ивовыхъ кустарниковъ, которые росли на берегу. Ясно, что въ его положеніи всего приличнѣе было расхаживать между кустарниковъ, и онъ съ необыкновенною вѣрностью взгляда тотчасъ оцѣнилъ всю ихъ практическую пользу. Сколько извѣстно, Джобъ Пиппинсъ первый открылъ, что кустарники могутъ съ выгодною замѣнить одежду. Вотъ онъ въ кустарникахъ, на берегу рѣки. Что это?..... Нечистый ли вздумалъ освѣжать обожженные члены въ водѣ? Или благодатный геній, сжалившись надъ бѣднымъ артистомъ нарочно спустился на землю? Искушеніе ли это демона, или даръ милосердаго неба? Пиппинсъ задумался, и было отъ чего. Вообразите, почтеннѣйшій читатель, что на васъ только и есть — половина Джобовой рубашки: вы голодны, устали, безпріютны въ кустарникахъ, и вдругъ видите вы передъ собою хорошую пару платья, жилетъ, галстухъ, шляпу, перчатки, сапоги, тросточку, все, что дѣлаетъ человѣка порядочнымъ. Чтѣбы вы сдѣлали?..... И прибавьте, что все это у васъ подъ рукою, что нѣтъ никого свидѣтелей. Чтѣбы вы сдѣлали?..... Вы видѣли, въ какія несчастія повергся Джобъ, оттого что онъ никогда не могъ выдержать; но спрашивается — выдержали ли бы вы сами?.....

Вотъ что сдѣлалъ Джобъ. Онъ сълъ на траву, перемѣнилъ свою полу-рубашку на цѣлую, батистовую, бѣлую какъ снѣгъ, которая передъ нимъ лежала; примѣрилъ чулки и сапоги, — и они шли ему какъ невозможно лучше; надѣлъ брюки; застегнулъ жилетъ и сюртукъ, взялъ шляпу, перчатки, тросточку,

положилъ галстухъ въ карманъ, съ тѣмъ, чтобы завязать на досугъ; и такъ какъ онъ ходилъ очень скоро, то въ три минуты очутился снова на большой дорогѣ. Онъ опять прошелъ мимо достопамятнаго забора: быкъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, и сердито смотрѣлъ на остатки рубашки. Пиппинсъ взглянулъ на лоскутъ, грозилъ быку тросточкой, и улыбнулся съ видомъ глубочайшаго презрѣнiя.

Джобъ продолжалъ итти, какъ вдругъ почувствовалъ что-то тяжелое у себя въ карманъ. Онъ сунулъ руку, и вытащилъ кошелекъ: въ кошелекъ было восемь гиней и столько же доллеровъ. Это уже слишкомъ! Пиппинсъ прислонился къ дереву, держа въ одной рукѣ кошелекъ, а другую прижимая къ сердцу, отъ глубины чувствъ благодарилъ Провидѣнiе. Кто знаетъ, сколько времени нашъ артистъ остался бы въ этомъ положенiи, если бы не помѣшалъ ему стукъ телеги, которая мчалась во всю прыть. Въ ней сидѣло двое мужчинъ; они проскакали мимо его, вскрикнули отъ удивленiя, и одинъ прибавилъ: «Браво, Виллиамъ Тикетъ! Айда, хватъ!..... Посмотри, какое славное у него платье! А не болятъ у тебя зубы?.....»

— Нѣтъ сомнѣнiя, подумалъ Пиппинсъ: платье принадлежит какому-то господину Тикету.

Онъ остановился: лица ихъ, кажется, были ему знакомы; но они проѣхали такъ скоро..... и притомъ могъ ли знать Джобъ, что Скинксъ принялъ его вчера за мошенника Виллиама Тикета? Ничего этого онъ не зналъ. Но замѣчанiе проѣзжихъ, которые, я думаю, торопились куда-нибудь на промыселъ, заставило его принять нужныя мѣры. Платье, которое на немъ было, по-видимому всѣ знали въ этой сторонѣ, и потому онъ, лишь только поровнялась почтовая карета и кондукторъ спросилъ его, не угодно ли его чести съѣсть, съ непритворнымъ удовольствiемъ прыгнулъ въ ди-

лижансь, возеращавшійся откуда-то безъ съдоковъ; опустили сторы, и поскакаль въ ближайшій городъ, за десять миль отъ этого мѣста. Сидя въ каретъ онъ по крайней мѣрѣ двадцать разъ вынималъ кошелекъ и считалъ деньги.

Кондукторъ получилъ приказаніе остановиться, потому, что «его чести» нужно зайти въ сосѣдную деревню. Джобъ хотѣль въ ней отдохнуть весь день, — еще было рано, — и къ ночи пуститься въ Лондонъ. Онъ еще не завтракаль. Джобъ, черезъ мостъ, пошелъ къ гостинницѣ. Вдругъ раздался крикъ. Джобъ оглянулся, и увидѣль женщину, которая рвала на себѣ волосы и призывала на помощь, показывая на рѣку. Онъ посмотрѣль, и примѣтилъ въ водѣ ребенка. Въ одно мгновеніе ока Джобъ бросилъ съ моста въ рѣку и поплыль къ нему. Дитя погружалось и всплывало. Пиппинсъ вырнулъ разъ, другой; — онъ плавалъ хорошо, но сюртукъ былъ немножко узокъ, — и благополучно вытащилъ Августина Винкса, сына и наследника господина Николая Винкса, козюшаго, владѣльца великолѣпнаго помѣстья Ледибердъ-Лоджъ, котораго садъ простирался до самой рѣки.

—

ГЛАВА VII.

— Настоящій джентльменъ! это видно по бѣлью, утверждала Ледибердъ-Лоджская прачка о Джобѣ, который въ это время занималъ голубую спальню, лучшую во всемъ домѣ. Настоящій джентльменъ! Его рубашку можно продѣть сквозь обручальное кольцо. Какой батистъ! Долженъ быть изъ дворянъ.

— И я полагаю, онъ не женатъ, сказала горничная неосмотрительному камердинеру.

— Плаваешь-то какъ утка, говорилъ тотъ не слушающая слд

— Вотъ было бы жаль, если бы нашъ молодой баринъ, мистеръ Августинъ, утонулъ! А завтра его рожденіе. И такой обѣдъ приготовили!

— Ну, я думаю, что этотъ господинъ останется до завтра и будетъ обѣдать у насъ. Ему и золота не грѣхъ дать кушать. Да что золото! Такого человѣка надо кормить чистымъ жемчугомъ. (Пипивсь давно уже былъ того же мнѣнія).

Выше-сказанное есть краткая выписка изъ занимательной бесѣды, происходившей въ людской о чело-вѣколюбивомъ избавителѣ, котораго уложили въ постель въ голубой комнатѣ. Мистеръ Винксъ, конюшій, со слезами на глазахъ, суетился около посланнаго небомъ гостя; то называлъ его ангеломъ хранителемъ своего рода, то предлагалъ ему другую половину цыпленка (Джобъ скушалъ первую въ постели), то наставлялъ, чтобы его еще обложили горячими одеялами. Тщетно Джобъ поминутно докладывалъ ему о поправленіи своего здоровья: благодарный отецъ утверждалъ, что послѣ такого великодушнаго подвига силы его должны быть совершенно истощены. И вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ подать кофе и поджареннаго хлѣба; потомъ побѣжалъ въ другую комнату цѣловать маленькаго Августина, котораго, спасши отъ влажной смерти, посолили всего горячей солью; а тамъ опять явился къ Джобу, и объявилъ уже рѣшительно, что докторъ — домашній докторъ — долженъ посмотреть его. «Отличный человѣкъ — десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ отъ практики — необыкновенный человѣкъ. Докторъ Сефронъ — вы слышали про доктора Сефрона?» Джобъ очень хорошо слышалъ про него, но видно сомнѣвался въ его искусствѣ, потому что онъ положительно отрицалъ его вмѣшательство въ дѣла своего тѣла. Онъ очень радъ, если имѣлъ случай быть полезнымъ Г. Винксу, но что касается до доктора, то — очень благо-

даренъ — онъ чувствуетъ смертельное отвращеніе ко всемъ докторамъ на свѣтъ. «Хорошо, хорошо! Да позвольте только ему пощупать вашъ пульсъ, и покажите ему языкъ.» Джобъ поморщился, и закусилъ губу. «Хорошо, я не буду докучать вамъ; но если вы получите лихорадку за то что спасли мое дитя..... гдѣ горячія одѣяла?» Винксъ съ бѣшеною заботливостью сталъ дергать колокольчикъ, и потомъ убѣжалъ изъ комнаты, а Джобъ между-тѣмъ проглотилъ втораго цыпленка и десятую чашку кофе, роскошно развалившись на пуховикахъ подъ шелковыми занавѣсами. Насытись наконецъ, онъ съѣлъ на постели, и началъ размышлять, какъ вдругъ входитъ черезчуръ услужливый Винксъ, и съ нимъ непогрѣшимый докторъ Сефронъ. Джобъ мигомъ нырнулъ въ пуховики, какъ въ воду.

— Извините..... я не выдержалъ..... Вы мой благодѣтель..... Поговорите, пожалуйста, съ докторомъ. Сдѣлайте милость!

Джобъ молчалъ какъ камень.

— Ну, такъ дайте руку и покажите языкъ. Можетъ-быть, вы нездоровы и сами того не знаете. Это очень возможно..... Не правда ли, докторъ?

— Нѣтъ ничего вѣроятнѣе, отвѣчалъ мудрый Сефронъ.

— Я только прошу объ одномъ : пожалуйста, покажите языкъ!

Видя, что ему не отдѣлаться, Джобъ протянулъ руку. Сефронъ взялъ ее и вынулъ часы. Это былъ хронометръ. Джобу сдѣлалось дурно, лишь только онъ слышалъ стукъ хронометра.

— Ммъ! сказалъ Сефронъ, выпуская руку: позвольте вашъ языкъ?

Джобъ проворно насунулъ почти до оконечности носа почной колпакъ, излщную работу госпожи

Винксъ, закрывъ бороду и нижнюю губу простышею и, скрививъ сердце, высунулъ языкъ.

— Да! языкъ нехорошъ, примолвилъ докторъ: какъ будто обожжешь. Языкъ нехорошъ! Это слѣдствіе воды.

Джобъ не сказалъ ни слова, но подумалъ: «Воды съ джиномъ!»

— Ничего! продолжалъ Сефронъ. Вамъ должно, сударь, пустить кровь.

Джобъ отрицательно покачалъ головою и закутался въ одѣяло.

— Нѣтъ, пожалуйста, позвольте доктору пустить вамъ кровь! сказалъ Винксъ и побѣждалъ къ колокольчику. Пожалуйста! я васъ покорнѣйше прошу..... Съ такую драгоценною жизнью какъ ваша..... Нанси, принеси скорѣе тарелку..... Съ такую жизнью шутить не должно. — Право, присовокупилъ онъ самымъ ласковымъ голосомъ, право, вамъ надо пустить себѣ кровь!

Джобъ продолжалъ сопротивляться, но упрямый Сефронъ уже вынулъ ланцетъ.

— Въ подобныхъ случаяхъ, важно произнесъ докторъ, нѣкоторые врачи употребляютъ медленные средства, какъ то, слабительныя и прочая, но я всегда на органы жизни дѣйствую ланцетомъ.

— Такъ и должно! воскликнулъ Винксъ.

— Сюда, Нанси, сказалъ Сефронъ горничной, которая подошла съ прекрасною тарелкою настоящаго Китайскаго фарфора, достойною принять въ себя кровь Джоба. Теперь, сударь, дайте мнѣ руку. Вамъ никогда не пускали крови? Это ничего; сущая бездѣлица; вамъ можно даже будетъ обѣдать со всѣми.

— Я надѣюсь на это, сказалъ Винксъ. А вы, докторъ, останетесь ли обѣдать съ нами сегодня?

Джобъ съ трепетомъ ожидалъ отвѣта друга адравія.

— Безъ сомнѣнія! И завтра тоже.

Джобъ удержалъ горькій вздохъ, готовившійся вырваться изъ груди, и съ самоотверженіемъ преслѣдуемой невинности протянулъ руку. Онъ понялъ, что во все время пребыванія доктора въ этомъ домѣ, ему должно быть больнымъ, очень больнымъ и лежать въ постели.

— Славно! славно! говорилъ докторъ, смотря съ наслажденіемъ на кровь Джоба, которая лилась ручьемъ въ тарелку, между-тѣмъ какъ Нанси съ каждой каплей становилась блѣднѣе. Славно!..... Это очень здорово! Пускать кровь — святое дѣло. Я доложу вамъ, мистеръ Винксъ, что недалѣе какъ вчера одно это спасло сирь Сципіона Менжкина. Не дергайте, сударь, вашей руки..... Да, сирь Сципіонъ можетъ поставить монументъ ланцету.

«Развѣ моей бритвѣ», подумалъ Пиппинсъ.

— Сирь Сципіонъ? вскричалъ Винксъ. Да онъ крестный отецъ моему Августину! Онъ объдасть у меня завтра.

— У васъ ознобъ, сударь? спросилъ докторъ съ участіемъ у своего паціента, видя, что кровать подъ нимъ трясется. Неужели ознобъ?

Джобъ искривилъ ротъ, чтобы сказать — Нѣтъ, и дрожалъ по-прежнему.

— Сирь Сципіонъ никакъ не можетъ быть, продолжалъ Сефронъ: хоть онъ и внѣ опасности, благодаря счастливому случаю, который привелъ меня къ нему въ минуту опасности, однако..... Не бойся, Нанси..... Апоплексическій ударъ.

— Такъ вы ему пустили кровь? воскликнулъ Винксъ.

— Да; ему пустили кровь, отвѣчалъ Сефронъ.

— Чтò говорить про эту исторію? спросилъ значительно Винксъ почти шопотомъ.

— Какую? Про парикмахера?

Сефронъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— Чтò касается до меня, примолвилъ добрый

Винксъ, то я не вѣрю сплетнямъ; хотя леди Меникинъ и не изъ лучшей фамиліи и воспитывалась въ посредственномъ пансіонѣ, всё-таки я полагаю, что она не въ состояніи..... Скажите, докторъ, что за человѣкъ этотъ Пиппинсъ?

— Вы никогда его не видали? О! онъ..... онъ.....

— Говорятъ, недурень собою?

— У женщинъ странный вкусъ, мистеръ Винксъ. По-моему, въ немъ нѣтъ ничего хорошаго. Узкій выдавшійся лобъ, большія скулы, носъ какъ у мартышки, покрытый веснушками, глаза какъ у щуки..... Какъ вы себя теперь чувствуете?

Джобъ сжалъ губы и съ усиліемъ кивнулъ головою.

— Я вамъ говорилъ, что вы почувствуете облегченіе!..... Къ счастью для уродовъ, у женщинъ странный вкусъ, мистеръ Винксъ. Вы знаете, что я называю френологію вздоромъ, однако, если бы обвиняемый въ преступленіи былъ похожъ на этого молодца, я едва ли бы оправдалъ его!

— Очень странно!..... Говорятъ, для него собиравъ подписку, сказалъ Винксъ.

— Можетъ быть, что дамы подарятъ ему серебряный сервизъ, если только его не повѣсятъ прежде, чѣмъ сервизъ поспѣетъ. Его вездѣ ищутъ.

— Такъ новаго нѣтъ ничего? Совершенно ничего.

— Богъ вѣсть чего не надѣлалось въ замкѣ Меникинъ, съ тѣхъ поръ какъ его туда пустили! Даже вчерашній вечеръ..... Но вы все узнаете, дайте срокъ. Я скажу только одно: этого негодяя непременно повѣсятъ, и подѣломъ. Какъ вы чувствуете себя теперь, сударь? спросилъ ласково докторъ.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? повторилъ съ участіемъ Винксъ.

— Онъ въ обморокъ! закричалъ Сефронъ. Воды! Нанси, воды скорѣе! Этотъ тяжелый колпакъ..... Прочь его!

И самъ Сефронъ протянулъ руку къ кисточкѣ : еще полсекунды, и злой клеветникъ увидѣлъ бы лице Джоба ; но больной рѣшительно схватился за колпакъ, и сказалъ :

— Очень хорошо ; покорно васъ благодарю, мнѣ очень хорошо.

— Я вамъ это говорилъ, съ торжествующимъ видомъ произнесъ Сефронъ. Видите, какъ хорошо пускать кровь ! Убери это, Нанси, продолжалъ онъ, перевязывая руку.

Нанси вынесла кровь.

— Не лучше ли ему не вставать нынче ? спросилъ заботливый Винксъ.

— Да ; лучше не вставать, отвѣчалъ Сефронъ.

— Чтò жь можно ему дать къ обѣду ?

— Посмотримъ. Сегодня..... по моему мнѣнiю..... сегодня ему можно давать все, чего онъ ни попроситъ.

— Какъ ! когда у него открывается лихорадка ?

— Это моя система. Я держусь теорiи, что можно все ѣсть. Если ему это такъ пройдетъ, значитъ, что онъ выздоравливаетъ ; если напротивъ ему будетъ хуже, то завтра болѣзнь усилится, и мы увидимъ яснѣе чтò дѣлать.

Сефронъ взялъ шляпу и палку, и отправился къ выздоравливающему Августину. Винксъ подошелъ къ больному.

— Почтенный другъ мой ! спаситель моего сына, благодѣтель моего семейства, чего вамъ угодно покушать ?

Джобъ отвѣчалъ слабымъ дрожащимъ голосомъ :

— Стаканъ рому съ горячей водой и сахаромъ.

Желанiе было довольно странно для больного, но его тотчасъ исполнили. Потому онъ пожелалъ видѣться съ камердинеромъ, Джекомъ, которому поручено было катать маленькаго барича на лодкѣ, и ко-

торого неосторожность едва не стоила жизни наследнику имени Винксовъ. Прежде чѣмъ его прогнали, Джекъ, имѣлъ удовольствіе говорить на-единѣ съ Джобомъ, — объ чемъ, я не знаю. Вѣрно, Джобъ давалъ ему золотые совѣты, какъ вести себя впередъ и наставлялъ несчастнаго въ правилахъ благоразумія. Наконецъ онъ пожелалъ спать; и уснулъ твердымъ сномъ; и спалъ на мягкихъ пуховикахъ; и того, кто утромъ еще не имѣлъ рубашки, берегли и холили, какъ наследнаго принца.

ГЛАВА VIII.

Съ слѣдующимъ утромъ все пришло въ движеніе въ Ледибердъ-Лоджъ и окрестностяхъ. Хотѣли праздновать день рожденія и избавленія маленькаго Августина съ великимъ торжествомъ. Рано утромъ признательный отецъ стоялъ уже у кровати Джоба, который объявилъ ему, что онъ не въ состояніи обѣдать съ гостями. Мистеръ Винкъсъ, конюшій, былъ въ отчаяніи.

— И вообразите какое несчаствіе! воскликнулъ Винкъсъ. Докторъ Сефронъ пишетъ, что ему никакъ нельзя навѣстить васъ сегодня; онъ провелъ всю ночь у леди Джимины и не ложился спать. Докторъ не будетъ! Какое несчаствіе!.....

— Вы изволите говорить, что докторъ Сефронъ.....? Я попробую встать. Можетъ-быть мнѣ доставятъ силы обѣдать съ вами.

Винкъсъ пожалъ руку своему гостю.

— Да; я думаю, что мнѣ теперь лучше..... Но..... но.....

— Понимаю! Ваше платье..... Оно совершенно испорчено. Невозможно его надѣть.....

— Да; оно..... то есть.....

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія! Но посмотримъ.....
Позвольте ли мнѣ вамъ предложить: у меня есть платье; оно будетъ вамъ совершенно въ пору. Я надевалъ его только одинъ разъ, когда я былъ шерифомъ графства и отвозилъ прошеніе обывателей къ королю. Снѣжу сказать, прекрасное платье: кафтанъ шоколатнаго бархату, съ вышитыми цвѣтами на фалдахъ, и съ букетами на карманахъ; жилетъ бѣлый атласный, съ золотымъ шитьемъ; и нижнее платье подь стать. Оно будетъ вамъ въ пору, вы увидите! Я тогда былъ потоньше. Право, оно будетъ вамъ въ пору.

И Винксъ, въ восторгъ отъ своего плана, побѣждалъ исполнять его.

Мы пропускаемъ весь процессъ таулета. Позвольте вамъ теперь представить Джоба, — виновать! — Джона Джоэля, Конюшаго, въ томъ самомъ, платьѣ въ которомъ бывшій шерифъ графства ѣздилъ во дворецъ; въ платьѣ, которое нѣкогда было заказано Винксомъ въ тщетномъ ожиданіи баронетства. Если бы добродушный, гостепріимный Винксъ и былъ склоненъ къ подозрѣніямъ, онъ и тогда бъ не узналъ Джоба въ этомъ великолѣпномъ нарядѣ, — тѣмъ болѣе что Сефронъ описалъ его такъ безбожно. Джобъ былъ точь-въ-точь новопожалованный графъ. Если бы колоколь не позвалъ его къ обѣду, онъ, какъ Нарциссъ, до самаго вечера любовался бы на себя въ зеркалѣ. И дѣло въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ красавецъ; эту истину доказалъ общій шопоть дамъ, которыя съхались праздновать рожденіе Августина и награждать ласковыми улыбками его избавителя. Джобъ притомъ ходилъ съ подвизанною рукою, и это давало ему новое право на благосклонность и участіе прекраснаго пола. Онъ вошелъ въ залу и робко окинулъ глазами собраніе, — чтѣ можно приписать замѣшательству чело-
Т. XVIII. — Отд. II.

рядочномъ обществѣ, но также можно отнести и къ его скромности. А въ самомъ-то дѣлѣ Джобъ искалъ глазами и боялся увидѣть доктора Сеффома.

Джобъ думалъ, что церемонія представленій уже кончилась, когда Винксъ подвелъ къ нему молодого человѣка, котораго и по росту и по сложенію тѣла можно было бы счесть за близнеца съ Пиппинсомъ.

— Мистеръ Джоэль, позвольте мнѣ познакомить васъ съ моимъ пріятелемъ, господиномъ Франкомъ Тритономъ. Вашъ образъ мыслей и ваше воспитаніе сблизятъ васъ потомъ еще болѣе. Вы непременно полюбите другъ друга!.....

Джобъ поклонился Франку, Франкъ поклонился Джобу, а Винксъ тихонько сказалъ своему пріятелю:

— Молодецъ! Какъ плаваетъ!..... Онъ перещеголялъ бы всѣхъ васъ; даже вашего Дельфина.

Джобъ поклонился еще ниже.

— Но!..... Винксъ поднялъ указательный палецъ, съ трудомъ удерживая хохотъ, и отошелъ принимать новаго гостя, который пріѣхалъ съ Франкомъ.

— Мистеръ Джоэль, позвольте вамъ рекомендовать!..... Господинъ Вигморъ!

Огромный Вигморъ приподнялся, кивнулъ головою Джобу какъ мемноновъ колоссъ, и опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Этотъ новый знакомецъ, довольно грубой наружности, былъ по-видимому воспитанъ хуже всѣхъ, и между-тѣмъ, — странно! — Джобъ чувствовалъ себя передъ нимъ не совсѣмъ ловко. Дамы, добрыя дамы, суетились около Джоба: онъ только и дѣлалъ, что своимъ звонкимъ голоскомъ превозносили его великодушіе и мужество. Въ тысячный разъ почтенная мистриссъ Винксъ благодарила его за спасеніе сына; бабушки, тетупки, кузины, каждая въ свою очередь, изъявляли ему самую нѣжную признательность. Тутъ пошла распросы о здоровьѣ. Не

болить ли у него голова, рука, нога; не чувствует ли онъ нѣсколько лихорадки? На всѣ эти заботливые вопросы Джобъ умѣлъ отвѣчать очень ловко: «Нѣтъ, не болить; благодарю васъ, сударыня.» Но вопросы повторялись такъ часто, что наконецъ Джобъ, измучившись, смѣшавшись, не зная что говорить и почти не различая уже спрашивающихъ, только кланялся во всѣ стороны и повторялъ машинально: «Нѣтъ, не болить; благодарю васъ, сударыня; нѣтъ не болить.»

На минуту всѣ замолчали по какому-то поводу, и Джобъ случайно очутился подлѣ Г. Вигмора.

— Не болить ли у васъ зубы, сударь? спросилъ хриплымъ басомъ Г. Вигморъ.

— Нѣтъ, не болить; благодарю васъ, сударыня.

Тутъ всѣ обернулись къ Вигмору, который, твердый какъ щитъ, смѣло выдержалъ взгляды всего общества. Шопотъ пронесся по всей залѣ; нѣкоторые изъ мужчинъ засмѣялись. «Чортъ побери, думалъ Джобъ: не далѣе какъ вчера кто-то спрашивалъ меня тоже о зубахъ. Что имъ за надобность до моихъ зубовъ?..... Конечно, въ этой проклятой канавѣ, гдѣ я вчера почевалъ, было такъ сыро.....» Въ замѣшательствѣ онъ взглянулъ на Вигмора. Но въ эту самую минуту слуга доложилъ, что кушанье подано.

Джобъ..... Джобъ..... Джоэль, Конюпій, повелъ госпожу Винксъ.

Обѣдъ начался съ необыкновенною важностью. Это великое событіе каждыхъ сутокъ въ настоящемъ случаѣ занимало болѣе чѣмъ когда-либо и гостей и хозяйку Ледибердъ-Лоджа. Джобъ держался какъ-нельзя лучше: онъ говорилъ очень мало, и произвелъ впечатлѣніе не на одну хорошенькую собесѣдницу. Между-тѣмъ Вигморъ очень громко изъявлялъ свое удовольствіе видѣть, что у него такой хорошій апетитъ. Винксъ удивился этой невѣжливости, и досадовалъ,

зачѣмъ Франкъ привелъ съ собою своего пріятеля. Джобъ былъ очень внимателенъ къ своимъ сосѣдямъ, и этимъ возбуждалъ ихъ непритворную дружбу къ себѣ, особенно пастора Ломби, который сидѣлъ у черепахи. Три раза, — въ эти счастливые дни еще не ограничивались одною тарелкою, — три раза пастору накладывали съ блюда, а онъ все еще не сводилъ глазъ съ него. Часто хотѣлъ онъ спросить еще, и также часто преодолевалъ эту постыдную слабость. Борьба страстей въ его сердцѣ не укрылась отъ пронизательнаго взора Джоба. Пасторъ взглянулъ еще разъ на черепаху, вздохнулъ, и уже готовъ былъ отвернуться отъ нее на всегда, какъ Джобъ, съ неподражаемою ловкостью схватилъ ложку и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ извиниться, тарелка его снова наполнилась верхомъ. Лице пастора заблестало радостью. «Какъ вы добры!» сказалъ онъ признательнымъ голосомъ, протянулъ свою руку и сжалъ Пиппинсову такъ, что всѣ пальцы хрупнули какъ казенные орѣхи. Немногіе видѣли этотъ прекрасный поступокъ, а благодарность слышалъ одинъ Джобъ.

Примѣчательнаго ничего не случилось, пока не явился на столъ аршинный сазанъ. Пасторъ сказалъ:

»Чудо, какая рыба, мистеръ Винкъсъ!»

— По-моему, сазанъ царь всѣхъ плавающихъ, замѣтилъ неосторожный Франкъ.

— Лучше Дельфина? спросилъ лукаво Винкъсъ.

— Ха, ха, ха! загремѣлъ Вигморъ, такъ что одна нѣжная леди, которая только шесть мѣсяцевъ тому назадъ овдовѣла, вспрыгнула на стулъ какъ-будто вдругъ раздалось подлѣ нея рычаніе льва.

— Чтò такое? чтò вы говорили про дельфина? спросила съ невиннымъ удивленіемъ госпожа Винкъсъ.

Винкъсъ посмотрѣлъ изкоса на Франка; тотъ бросилъ на него умоляющій взглядъ, и госпожа Винкъсъ не получила отвѣта.

— Знаете ли, сударь, спросилъ Вигморъ, вдругъ обращаясь къ Джобу, какъ ловятъ жемчугъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Пиппипсъ.

— Я думаю, какимъ опасностямъ подвергаются бѣдные люди при этой ловлѣ? замѣтила нѣжная вдова.

— Для этого употребляютъ однихъ преступниковъ, сказалъ Франкъ.

— Правда ли это? спросилъ Вигморъ Джоба.

— Не думаю, возразилъ этотъ.

Вникъ съ нетерпѣніемъ потеръ руки, пасторъ кашлянулъ. Вигморъ нахмурился.

— Для меня, продолжала нѣжная вдова, жемчугъ лучше брилліантовъ.

— Чтò бы вы взяли, если бы пришлось выбирать, спросилъ въ свою очередь Джобъ Вигмора.

— Безъ-сомнѣнія то, что взяла бы дама, отвѣчалъ Вигморъ улыбаясь.

— Слѣдовательно жемчугъ, сказала вдова.

— Жемчугъ, сказалъ рѣшительно Вигморъ, и, обращаясь къ Джобу, спросилъ его довольно грубо: — А знаете ли вы, какъ добываютъ кораллы?

— Вигморъ, вы спрашиваете господина Джозля, какъ-будто онъ былъ въ самомъ дѣлѣ рыбакомъ, сказалъ Франкъ, которому поведеніе его пріятеля начинало казаться страннымъ.

— Правда, правда, Франкъ! примолвилъ добрый Вникъ. Жемчугъ и брилліанты..... Онъ спасъ драгоценнѣйшую мою жемчужину. Да благословить его Богъ! Вотъ все чтò я могу сказать.....

Слезы навернулись на глазахъ отца. Госпожа Вникъ, со всею теплою материнскаго чувства, взглянула на избавителя.

— Если бы вы видѣли господина Джозля въ эту минуту! сказала она. Говорятъ, что онъ нырялъ какъ..... какъ.....

— Какъ дельфинъ, подхватилъ одинъ молодой человекъ, насмѣшливо дополняя сравненіе. Мушщины замѣлились, дамы подняли глаза съ удивленіемъ, Винкъсъ хохоталъ отъ чистаго сердца, поглядывая на Франка.

— Какъ хотите, а я расскажу, вскричалъ веселый хозяинъ. Вы слышали, мистеръ Джоэль, про человека, котораго прозвали Дельфинномъ? Извините, я забылъ, что вы не здѣшній!..... Здѣсь есть одинъ молодецъ, который плаваетъ право не хуже кита. Мой пріятель Франкъ вообразилъ, что онъ ему не уступаетъ и..... ха, ха, ха!..... вчера утромъ, не говоря никому ни слова, только съ однимъ свидѣтелемъ, именно съ господиномъ Вигморомъ..... ха, ха, ха!..... они сошлись плавать въ запуски на рѣкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда и рѣшить споръ значительнымъ залладомъ. Франку не посчѣстливилось; Дельфинъ побѣдилъ его, бѣдный Франкъ проигралъ пари, и, вообразите, когда онъ вышелъ на сушу, оказалось, что Наяды, рѣзвыя шалуныи съ жемчужными поясами, какъ говорить, кажется, Мильтонъ, сговорились удержатъ его у себя въ плѣну. Знаете ли, что онъ съ нимъ сдѣлали?..... Онъ украли у него платье.

Мушщины покатились со смѣху, при мысли о затруднительномъ положеніи Франка; дамы, которымъ эта шутка не понравилась, опустили глаза; Джобъ смѣлся пуще всѣхъ, потому что, не будучи твердъ въ миеологін, онъ пріицалъ Наядъ за прачекъ.

— Такъ точно, мистеръ Джоэль! продолжалъ Винкъсъ: клянусь вамъ, правда; другими словами, воръ укралъ его платье.

У Джоба вытянулось лице; ему показалось, будто его всего обложили испанскими мухами.

— И представьте себѣ, что ему оставили..... ха, ха, ха!..... (тутъ Винкъсъ, съ похвальной предосторожностью, приставилъ руку къ одной сторонѣ рта,

такъ, что его могъ слышать одинъ Джобъ), что ему, взамятъ всего платья и денегъ (зубы Джоба застучали другъ о друга), оставили только половину изорванной, грубой и грязной рубашки..... ха, ха, ха!

Джобъ вспомнилъ о заборъ, о быкъ, и столь съ гостями закружился передъ нимъ; онъ ничего не могъ различить, кромъ глазъ Вигмора, которые пристально на него смотрѣли.

— Чтò съ вами? спросила госпожа Винкъсъ, и всѣ обернулись къ Джобу. Вамъ дурно?

— Я виновать! вскричалъ Винкъсъ. Ему не должно было сходить съ постели! Не болитъ ли у васъ голова?

— Не болитъ ли у васъ рука? спросила сострада-тельная вдова.

— Не болятъ ли у васъ зубы? сказалъ Вигморъ, то есть, капитацъ Скинксъ, потому что это былъ онъ.

— Говоря это, Скинксъ игралъ съ цѣпочкою хронометра сира Сципиона.

Теперь вы конечно понимаете, за что онъ во все время преслѣдовалъ бѣднаго Джоба, и почему говорилъ ему о перлахъ и кораллахъ. Скинксъ, принимая этого молодого человѣка за мошенника Тикета, полагалъ что тотъ его поддѣлъ, и ему досадно было видѣть вора искуснѣе себя, хотя онъ и удивлялся въ душѣ необыкновенному искусству и смѣлости мнимаго своего соперника. Скинксъ устроилъ весь закладъ между Франкомъ и Дельфиномъ, съ тѣмъ чтобы обобрать первого, когда они будутъ плавать. Проѣзжіе въ телегѣ, которыхъ вы видѣли вчера, были его подчиненные и скакали въ указанное мѣсто, чтобы похитить платье Франка. И между-тѣмъ добыча досталась другому, проворнѣйшему! Хоть кому, станетъ досадно.

— Слава Богу, слава Богу! закричала госпожа Винкъсъ: слава Богу, вотъ ѣдетъ и докторъ Сефронъ.

— Въ постель, въ постель, простоналъ Джобъ, и, пробившись сквозь гостей, вбѣжалъ въ спальню и вырнулъ въ пуховики.

Докторъ Сефронъ, не теряя времени, пустился въ погоню за господиномъ Джоэлемъ.

ГЛАВА IX.

Снова докторъ посягнулъ на шмель Джоба, и снова Джобъ надвинулъ колпакъ на глаза до самой оконечности носа.

— Кажется, что я прѣхалъ очень кстати, сказалъ докторъ, держа за руку пациента.

На это одинъ Джобъ могъ дать отвѣтъ, но онъ предпочелъ молчать. Сефронъ всталъ со стула, стошелъ, засунулъ руки въ карманы, и произнесъ приговоръ: «Еще нѣсколько крови.»

— Я думаю то же, сказалъ Винкъс и, благосклонно улыбаясь, шепнулъ: — Нанси, тарелку.

— Какихъ-нибудь шестнадцать унцій, и шпанскую мушку на желудокъ, примолвилъ Сефронъ. Да!..... На сегодняшній день будетъ довольно.

— Обѣдъ не могъ повредить ему; онъ почти ничего не ѣлъ..... три, четыре блюда! сказалъ Винкъс жалкимъ тономъ.

— Могу увѣрить васъ только въ томъ, прервалъ Сефронъ съ самымъ цѣлительнымъ расположеніемъ къ больному, что если завтра не будетъ лучше, я вырублю ему голову. (Винкъс пожалъ руку доктора въ знакъ благодарности.) Есть у васъ голуби?

— Вы знаете, что мы ихъ страхъ любимъ. Но вы можете вриказать что-нибудь получше..... идутъ ли они къ его желудку?

— Желудку? Ба! къ его подошвамъ. Если мы не употребимъ всѣхъ возможныхъ стараній (Сефронъ

понижилъ голосъ до тона, которымъ сообщаются только великія тайны), если мы не употребимъ всѣхъ стараній, дѣло можетъ кончиться сумасшедшимъ домомъ. (Винкъсъ вздрогнулъ.)

— Да, мистеръ Винкъсъ! не должно терять ни одной минуты.

Въ это мгновеніе явилась Нанси съ полотенцемъ и съ роковою тарелкою Китайскаго фарфора. Снова Сефронъ вынулъ свой ланцетъ, и снова занесъ его надъ пациентомъ, какъ вдругъ громкое храпѣніе Джоба остановило его кровопрлитное усердіе.

— Боже мой, онъ спитъ! вскричалъ Винкъсъ, и Джобъ въ подтвержденіе справедливости его замѣчанія, сталъ храпѣть еще громче, такъ что пологъ задрожалъ отъ звука. — Не будите его, сказалъ Винкъсъ, видя что докторъ налагаетъ руку на оѣяло: развѣ сонъ не принесетъ ему облегченія, любезный докторъ?

— Излечить его кореннымъ образомъ, насмѣшливо возразилъ Сефронъ. Дайте ему шесть часовъ такого сна, и мое пособіе уже не будетъ нужно. (А Джобъ нарочно захрапѣлъ еще сильнѣе.) Не полагайтесь вы на этотъ сонъ. Со многими изъ моихъ пациентовъ случалось то же, и, смѣю васъ увѣрить честнымъ словомъ, несмотря на всѣ мои усилія, сонъ такой всегда окончивался смертнымъ сномъ.

— А я такъ думалъ, что сонъ есть цѣлительный бальсамъ! сказалъ поверхностнаго ума хозяинъ.

— Онъ и есть бальсамъ, сухо примолвилъ докторъ: только въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлительный бальсамъ хуже самаго смертельнаго яду; этотъ случай одинъ изъ тѣхъ. Милостивый государь!..... милостивый государь!.....

Докторъ сталъ будить Джоба, какъ послышалось легкое стучанье въ дверь. Лаксѣй, съ должнымъ уваженіемъ къ спальнѣ больнаго, просунулъ только уго-

локъ своего лица, и самымъ кроткимъ голосомъ спросилъ доктора, будетъ ли онъ обѣдать виѣсть со всѣми или прикажетъ поставить для себя приборъ въ особой комнатѣ. Сефронъ, погруженный въ свои врачебныя занятія, казалось, не слышалъ этого; но, простоявъ немного подлѣ больнаго, который между-тѣмъ творилъ чудеса, потому что каждый его храпокъ отличался новымъ усовершенствованіемъ противъ предыдущаго, и въ тонѣ и объемѣ звука, — простоявъ немного, онъ отправился въ табакерку, понюхалъ табакъ и сказалъ: «А! хорошо!..... теперь лучше..... вотъ теперь гораздо лучше. Что ты говорилъ, братецъ?» И онъ обернулся къ лакею, который ждалъ отвѣта. Лакей повторилъ вопросъ. «Я думаю, любезный другъ,» продолжалъ Сефронъ, обращаясь къ хозяину, «что мы можемъ оставить больнаго на нѣсколько времени..... Но послушай, Нанси, если замѣтишь малѣйшее измѣненіе, тотчасъ дай мнѣ знать.» Они отошли отъ постели. Тутъ Джобъ принялся храпѣть изо всѣхъ силъ, а докторъ, покамѣстъ звуки не перестали доходить до его слуха, одобрялъ каждый храпокъ — хорошо! — лучше — лучше — лучше — лучше....

Появленіе доктора въ столовой привело всѣ любопытства въ движеніе. Каждый, исключая одного Скипса, или Вигмора, хотѣлъ знать, въ какомъ положеніи больной, и докторъ Сефронъ отвѣчалъ каждому общими словами, въ которыхъ, я думаю не было ни какого смысла, потому что всѣ остались довольны отвѣтомъ. Прерванный обѣдъ, на который докторъ, оставивъ больную леди Джимины, прискакалъ верхомъ за четыре мили, продолжался съ усиленнымъ аппетитомъ. Всѣ были веселы. Я не могу однако жъ скрыть огорченія доктора: черепахи уже не было! Тщетно докторъ значительно мигалъ лакеямъ, тщетно призывалъ ихъ своему стулу для вопроса: черепахъ уже не было!

Я пишу повесть, а не сатиру на людей; однако жъ долженъ сказать правду, что минутъ черезъ пять всѣ совершенно забыли о великодушномъ избавителѣ Августина: никто, отъ Винкса до доктора Сефрона включительно, не думалъ уже о обитателѣ голубой комнаты, и индѣйка съ трюфлями казалась этимъ плотояднымъ двуногимъ несравненно важнѣе страждущаго человечества. Эгоизмъ людей объдающихъ превосходить всѣ эгоизмы! Совсѣмъ тѣмъ было одно сердце, — было одно, которое думало о Джобѣ, и котораго аппетитъ исчезъ при десятомъ глоткѣ, потому что докторъ мимоходомъ упомянулъ объ опасномъ возвратѣ Джобовой болѣзни. И какое сердце! Прекрасная вдова носила въ груди одно изъ тѣхъ сердецъ, сильныхъ и мягкихъ, которыя, относительно нужности, можно сравнить только съ персиками. Оттого ли, что она довольно долго жила съ мужемъ, или оттого, что его похоронила, только она обладала чрезвычайно зоркимъ взглядомъ, который проникалъ въ существо вещей, и въ одно мгновеніе ока оцѣнила надлежащимъ образомъ достоинства Джоба. Большой ростъ, прекрасное лице, по-видимому пріятный характеръ и, несмотря на толки доктора, здоровое сложеніе, суть такія качества, которыя не могли ускользнуть отъ ея опытности. Она нужно думала о Джобѣ, между-тѣмъ какъ другіе предавались постыдному обжорству.

Въ самое рабочее время обѣда, прекрасная вдова, сидя подлѣ доктора, — онъ залечилъ ея мужа, и оттого она имѣла большую къ нему довѣренность, — рѣшилась предложить ему рядъ вопросовъ касательно здоровья интереснаго пациента. Докторъ былъ человѣкъ систематическій, и не любилъ чтобы ему подавали блюда и больныхъ вмѣстѣ. Сверхъ-того, въ настоящемъ случаѣ, онъ былъ свѣрѣпо голоденъ, проскакавъ четыре мили въ обѣденное время и проводимъ

всю ночь безъ сна у постели леди Джимини, о которой онъ печально вспомнилъ на ту пору.

— Что жъ, любезный, докторъ? какъ?..... какъ тамъ у васъ?..... хорошо?

Докторъ, ворочая во рту кусокъ гуся, отвѣчалъ: «Хорошо, сколько можно ожидать въ подобныхъ случаяхъ.» Это былъ его любимый отвѣтъ для всѣхъ отчаянныхъ случаевъ, потому что неумѣренныхъ ожиданій нѣкоторыхъ людей онъ никогда не принималъ въ уваженіе.

— Какъ же вы думаете? нѣтъ ничего опаснаго?

— Опаснаго? О, нѣтъ!..... нѣтъ ни какой опасности. Я..... съ большимъ удовольствіемъ (Сефронъ подвинулъ свою рюмку сосѣду, который желалъ налить ему своего вина)..... послалъ за кормилицей. (Онъ опять набилъ ротъ гусемъ.)

— За кормилицей!..... Да пачто жъ?

Докторъ, очпстивъ во рту проходъ для словъ, наклонилъ голову къ вдовѣ, и самымъ сладкимъ врачевнымъ голосомъ отпустилъ ей въ ухо: «Молока нѣтъ!»

— Фуй, что вы это! вскрикнула вдова, покраснѣвъ до самыхъ ушей.

— Но разрѣшеніе было благополучно (докторъ осушилъ залпомъ рюмку вина), и мальчикъ..... такой прекрасный, здоровый.....

Вдова разкраснѣлась еще болѣе и отворотилась отъ Сефрона.

— Что вамъ такъ не понравилось, миледи? Въдь вы любите ся превосходительство.

— Ея превосходительство?..... Да я васъ спрашиваю о томъ, который..... объ этомъ..... что..... О комъ же вы говорите, любезный докторъ?

— Я говорю о вашей пріятельницѣ, леди Джимини. Развѣ господинъ Винксъ вамъ не сказывалъ, что она въ нынѣшнюю ночь родила сына?

— Сына? Ахъ, я очень рада!..... Но спаситель нашего Остиньки?

— Онъ..... онъ въ постели.....

И Сефронъ, котораго эти вопросы стали обременять, отворотившись въ другую сторону, провелъ испытующій взоръ по столу въ надеждѣ открыть что-нибудь достойное его желудка. Вниманіе его остановилось на огромной индѣйкѣ, которую разръзывала одна изъ гостей на концѣ стола, и онъ, при общемъ шумѣ разговоровъ, вступилъ съ операторомъ въ гастрономическій разборъ предмета, между-тѣмъ какъ вдова, потупивъ глаза, продолжала его спрашивать.

— Но любезный докторъ.... что жъ у него болитъ?

— Грудь!..... я нахожу, грудь, отвѣчалъ Сефронъ своему собесѣднику, трудящемуся надъ индѣйкой.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула вдова въ душѣ, и прибавила вслухъ: — Но онъ, кажется, такой видный молодой человекъ..... и хорошій собою.....

— Нѣтъ, нѣтъ; ноги не хороши, произнесъ докторъ.

— Ну, объ этомъ я не могу судить..... однако жъ скажите, любезный докторъ..... при его здоровомъ сложеніи.....

— Пережжено все легкое! воскликнулъ Сефронъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія.

— Боже мой, что вы говорите!..... Глаза его не показываютъ этого, возразила вдова со вздохомъ. Несмотря на легкую блѣдность, лице у него полно и пріятно.

— Безъ соуса, отвѣчалъ докторъ на выраженное жестомъ предложеніе разръзывавшаго индѣйку, и тутъ только изумленная вдова, подпавъ глаза, съ негодованіемъ увидѣла, что докторъ занятъ весь презрѣнною, бездушною птицею. О, какъ пламенно желала она въ душѣ, чтобы слова Сефрона относились къ индѣйкѣ, а не къ Джабу! Однако она не была увѣрена въ ихъ назначеніи и осталась въ мучительной

неизвѣстности. Сефронъ, получивъ тарелку жаркаго, принялся пожирать его съ эпикурейскимъ наслажденіемъ. Вдова надулась. Нѣсколько времени она не говорила ни слова. Себялюбіе эскулапа внушало ей омерзеніе, и она даже рѣшилась хранить вѣчное молчаніе: но можно ли задумитъ голосъ сострадательнаго сердца? Въ ту самую минуту, какъ доктору перемѣнили тарелку и онъ углубился въ новую поживу, прекрасная вдова пристала къ нему съ самымъ серебрянымъ голоскомъ: «Но, любезный докторъ, пожалуйста, скажите..... скажите мнѣ, пожалуйста.....»

Сефронъ положилъ ножъ и вилку (онъ тогда трудился надъ фазаномъ), и съ жалкимъ взглядомъ, съ чувствомъ, съ упрекомъ, почти патетическимъ голосомъ, началъ умолять вдову: — Ради Бога, сударыня, не говорите со мною, когда я ѣмъ!..... Сдѣлайте милость, не говорите!..... Покорнѣйше прошу васъ!..... Я проглотилъ три куска жиру, оттого что меня безпрерывно развлекаютъ.»

Видѣли ль вы когда-нибудь, какъ, сгибая шею вдвое, индѣйка прячетъ голову подъ крыло передъ дождемъ? Такъ точно вдова, уколотая брюзгливою выходкой эскулапа, свернула свою шейку и головку. Сефронъ мало заботился объ этомъ движеніи, и, съ важностью продолжая великое занятіе, при своей самопадѣйности, былъ увѣренъ, что устранилъ всѣ дальнѣйшія помѣхи. Роскошный кусокъ фазана красовался на его вилкѣ, — вилка приближалась ко рту, — ротъ уже былъ разпнутъ и готовъ принять нежный глотокъ въ свои объятія, какъ, съ длиннымъ, длиннымъ вздохомъ, голова вдовы упала на плечо доктору. Все взволновалось вкругъ стола, и раздался общій крикъ: «Въ обморокъ!» И самъ судья, пережевывая личину, рѣшилъ, что она, очевидно, въ обморокъ. Вигморъ унесъ вдову изъ столовой. За нимъ побѣжала хозяйка и одна дама,

пріятельница несчастной. Дама тотчасъ воротилась, и всѣми силами старалась отторгнуть Сефрона отъ тарелки. Докторъ готовъ былъ бросить ей свой дипломъ и отказаться отъ медицины.

— Это настоящее несчастіе! вскричалъ хозяинъ. Сперва господинъ Джоэль упалъ въ обморокъ за объѣдомъ, потомъ леди Сара!

— Симпатія, сказалъ Франкъ Триptonъ съ усмѣшкой.

— Какой вы злой! возразила одна пріятельница вдовы, помирая со смѣху.

— Надо положить ее на постель, произнесъ докторъ, вставая со стула съ видомъ чловѣка разобиженнаго.

— Въ розовую комнату! въ розовую комнату! закричалъ Винксъ, и одинъ изъ лаксвѣ побѣжалъ показать дорогу.

Вигморъ, по указанію слуги, отправился въ розовую комнату съ своей истерической пошею и сдалъ ее Сефрону, который слѣдовалъ за ними съ погребальною торжественностію. Возвращаясь въ столовую, Вигморъ проходилъ мимо комнаты Джоба, и услышалъ его голосъ: больной, казалось, весело разговаривалъ съ женщиною и смѣялся. Будучи такъ близко, не учтиво было бы съ его стороны не навѣстить знаконца. Онъ слегка пріотворилъ дверь и, не показываясь въ комнату, спросилъ своимъ желѣзнымъ голосомъ: «Ну что, господинъ Тикетъ, лучше ли вамъ теперь?» Нанси вскочила со стула, и побѣжала къ двери. «Скажите, примолвилъ Скинксъ, что Вигморъ, капитанъ Вигморъ, приходилъ справляться о здоровьѣ и желаетъ знать не болятъ ли зубы.» Скинксъ ушелъ.

— Тикетъ?..... Зубы?..... Что такое онъ говоритъ, сударь? сказала Нанси.

— Богъ его знаетъ, что такое! отвѣчалъ Джобъ, и у него опять закружилась голова.

Спустия немного, снова дверь тихонько отворилась, и вошла Дженни, горничная прекрасной вдовы. Она, сдѣлавъ миленкѣй книксенъ, тысячу разъ покоряйше просила извиненія, — мистеръ Джоэль, по милости своей, благоволилъ простить ее, — ей бы никакъ не хотѣлось причинить ему безпокойство, — но нужно, чтобы Фанси пошла къ ея барынѣ, потому что докторъ хочетъ пускать кровь ея барынѣ, — а она не можетъ смотреть на кровь своей доброй барыни, — такъ какъ она боится крови и очень любитъ свою барыню, — и Нанси будетъ такъ добра, что подержитъ тарелку для ея барыни, а между-тѣмъ она останется здѣсь, къ услугамъ его милости, господина Джоэля, если только угодно господину Джоэлю. Джобъ отвѣчалъ знакомъ, что его милости это угодно. Нанси ушла.

— А чѣмъ, спросилъ Джобъ горничную вдовы слабымъ и страждущимъ голосомъ, а чѣмъ заболѣла ваша прелестная госпожа?

— Не могу сказать, сударь..... но докторъ говорить, что у ней такая же болѣзнь какъ и у васъ.

— Какая же это болѣзнь? спросилъ Джобъ въ большомъ затрудненіи.

— Кажется, онъ называлъ ее симъ..... симпанія. Извините, если я не умѣю выговорить докторскихъ названій..... Но, пускай ее называется какъ хочетъ, только докторъ говорить, что противъ этой болѣзни одно лекарство — бросить кровь. Онъ и вамъ, сударь, тоже бросалъ кровь?

— Проваль его возьми! сказалъ Джобъ.

— Поэтому онъ и моей госпожѣ хочетъ бросать кровь.

Джобъ не сказалъ ни слова.

— Да, сударь! онъ говорить, что вашу милость и мою барыню слѣдуетъ лечить одинаковымъ образомъ, и уже послалъ въ городъ за испанскими мушками.

Вы, сударь, я думаю, не позволите ему брить себя голову?..... Сдѣлайте милость, не позволяйте!

— Почему такъ? спросилъ Джобъ, тронутый участіемъ, которое дѣвушка, какъ онъ думалъ принимала въ его особѣ.

— А потому, сударь, что у моей барыни такіе прекрасные волосы. Если докторъ станетъ лечить ее, какъ васъ..... Ей такъ идутъ къ лицу волосы! Пока жилъ покойный барицъ..... Фу! онъ былъ такой старый! Я не понимаю, какъ моя барыня согласилась выйти за него. И такой капризный..... Вы не повѣрите, сударь, какъ она хороша въ волосахъ!

— А богата ли она?

— Довольно богата; конечно, нельзя сказать, чтобы..... однако очень богата.

Возвращеніе Нанси положило конецъ этому разговору. Нанси допесла, что все кончено. Дженни встала, и, уходя, бросила на Джоба взглядъ таинственный, полный слезъ и горя; вздохнула изъ глубины сердца и примолвила: «Бѣдная моя госпожа!»

— А гдѣ она? спросилъ Джобъ послѣ ухода Дженни. Не здѣсь ли, подлѣ?

— Черезъ стѣну, въ розовой комнатѣ, сказала Нанси.

— Черезъ стѣну! подумалъ Джобъ. И лечить насъ будутъ одинаково!

И, при небольшомъ усилии воображенія, онъ такъ ясно увидѣлъ сквозь стѣну миленькое личико вдовы, и ея черные глаза, и бѣлую перевязанную руку, что лучше онъ бы не могъ видѣть въ седьмой степени магнетизма. И хотя онъ видѣлъ только сквозь стѣну, однако жъ все это произвело надъ нимъ глубокое впечатлѣніе.

ГЛАВА X.

Цѣлые три дня, — три темныя ночи, — Джебъ и вдова были сосѣдями по комнатамъ. Ихъ чувства, настроенныя, какъ утверждалъ докторъ, и какъ сами они вѣрили, на одинаковую болѣзнь, производили своей совокупною игрою самую сладкую гармонию. Они могли слышать, если кто изъ нихъ закашляетъ, и лишь только удостовѣрились въ возможности, это не музыкальное дѣйствіе нашего горла сдѣлалось для нихъ источникомъ прекрасныхъ аккордовъ. Чудесныя вещи разыгрываются въ наше время на жидовскихъ цимбалахъ, составленныхъ изъ кусковъ сосноваго дерева и пучковъ соломы, но это еще ничего не значить въ сравненіи съ кашлемъ вдовы и Джеба. Они такъ прилежно упражнялись въ этой новой отрасли музыки, кашляя на разные тоны, то *piano*, то *affettuoso*, то *allegretto*, то *con espressione*, то наконецъ *fortissimo*, что къ вечеру втораго дня могли бъ уже давать публичный концертъ. Я читалъ недавно любопытную статейку о концертахъ, даваемыхъ въ Англии на колоколахъ, и о совершенствѣ, до котораго довели тамъ звонарское искусство: говорятъ, будто нашли средство выражать колокольнымъ набатомъ всѣ возможныя чувства, даже самыя нѣжныя. Статься можетъ; однако жъ я не думаю, чтобы колокола могли имѣть ту выразительность, какую имѣлъ кашель нашей вдовы. Она однажды прокашляла очень ясно—«пиши, Джебъ Пипписъ!», и Джебъ сѣлъ писать.

«Голубая комната, сельцо Ледибердъ-Лоджъ»

«Мистеръ Джоэль, свидѣтельствуя свое глубочайшее почтеніе, счелъ бы себя за величайшее счастье получить извѣстіе о томъ, какъ леди Сара Кенди провела вчерашнюю ночь. Мистеръ Дж. *сильно интересовался* ея кашлемъ, и боится, не причинилъ ли безпокойства своимъ собственнымъ. Есть ли какого средства противъ кашлю?»

Розовая комната, сельцо Ледибердъ-Лоджъ.

«Леди Сара Кенди, взаимно свидѣтельствуя уваженіе свое мистеръ Джоэлю, ласкаетъ себя мыслию, что онъ проведеть вчерашнюю ночь гораздо лучше; весьма огорчена его простудою, и сожалеетъ, что голубятникъ такъ близокъ къ голубой комнатѣ, потому что утреннее воркованіе голубей, вѣроятно, безпокойно для нѣжнаго состоянія его здоровья. Леди Кенди желаетъ удостовѣрить мистеръ Джоэля, что въ ея маленькомъ кашлѣ нѣтъ ни какой опасности, она подвержена ему всякую весну; и надѣется, что онъ не помѣшалъ покою мистеръ Дж.»

«Голубая комната, сельцо Ледибердъ-Лоджъ.»

«Dear my lady — Я слушалъ всю ночь съ величайшимъ вниманіемъ, и былъ пріятно удивленъ значительнымъ уменьшеніемъ вашего драгоценнаго кашлю, потому что онъ не болѣе трехъ разъ поразилъ мой слухъ, совершенно вамъ преданный. Я приписываю это счастливое событіе освѣжительному дѣйствию сна. Боюсь только, что эти мерзкіе воробы проснулись сегодня слишкомъ рано, и помѣшали вашимъ прелестнымъ сновидѣніямъ, хотя и осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что ихъ несносный шумъ не причинилъ вреда вашему здоровью. Съ совершенною преданностью имѣю честь быть, my lady, вашимъ, и прочая.

Джонъ Джоэль.

«PS. Если вы изволили выпить всю свою стлянку лекарства, то въ моей еще остается довольно. Я считаю излишнимъ удостовѣрять васъ, что она совершенно къ вашимъ услугамъ.»

«Розовая комната, сельцо Ледибердъ-Лоджъ.»

«Dear sir — Ваша заботливость льститъ меня и вмѣстѣ смущаетъ. Я бы желала утѣнить грустное обстоятельство, но всегда любила истину превыше всего. Всю ночь не могла я сомкнуть глазъ ни на одну минуту. Въ дни, болѣе счастливые, спала я спокойно, какъ дѣва волшебной сказки. Но есть обстоятельства, есть печали, потери, — и съ тѣхъ-поръ какъ я оспрогва, — но оставимъ это дѣло. Прошедшаго не воротить.»

«Я не могла уснуть; но были звѣзды на небѣ, — и полная луна сіяла чистымъ, невиннымъ блескомъ, какъ огонь весталки, — и соловей пѣлъ въ рощѣ — и легкій вѣтерокъ шумѣлъ около моихъ оконъ, — и листъ дерева съ глухимъ шелестомъ ударялся въ стекло — бываютъ такіа сочетанія юности — дѣтства, я хочу сказать, бываютъ чувства — то есть, мечтанія — относительно ощущеній, которыя благодать природы — ахъ, мистеръ Джоэль, что значилъ бы этотъ міръ безъ симпатіи! САРА Кенди.

«PS. Не можете ли уделить мнѣ одинъ изъ вашихъ порошковъ?»

«Голубая комната, сельцо Ледибердъ-Лоджъ.»

«My dearest lady — Сердце мое разрывается отъ печальной необходимости увѣдомить васъ, что у меня не осталось ни одного порошка. Но я послалъ сказать господину Винксу, и нарочный уже поскакалъ въ городъ.

«И вы не спали всю ночь! Странное обстоятельство, — я тоже не могъ уснуть! Я тоже смотрѣлъ на звѣзды, и размышлялъ, не тамъ ли живетъ надежда! Я тоже любовался на мѣсяцъ, круглый и блестящій какъ обручальное кольцо! Такъ ваше почтенное имя — Сара? Ахъ, миледи, видѣли ль вы когда-нибудь, какъ представляютъ въ театрѣ «Кровавую монахиню»? Если вы видѣли, — тамъ тоже есть прекрасная Сара, — то вы видѣли и израненное сердце: я не скажу больше ничего. И между-тѣмъ, какой осель этотъ Раймундъ — убѣжать съ привидѣніемъ! О, если бъ я имѣлъ — то есть — о, почему бы и мнѣ не имѣть моей, моей собственной Сары! Твой навсегда, Джонъ Джоэль.

«PS. У меня есть еще одна сткляночка неначатая.»

«Розовая комната, сельцо Ледибердъ-Лоджъ.»

«Dear Mr Jewel — Вашъ разборъ прославленной драмы дѣлаетъ честь равно вашему критическому дарованію, какъ и вашимъ чувствамъ. Неправдоподобность бѣгства съ привидѣніемъ, такъ резко обнаруженная врожденнымъ вамъ вкусомъ, признаюсь поражала часто и меня, но никогда такъ сильно какъ теперь, когда вы очертали ее золотымъ перомъ

вашимъ. Ахъ, мистеръ Джозъ, зачѣмъ вы не благоволите писать для театра! Ради умирающей драмы нашей, забудьте, что вы дворянинъ и напишите хоть одну пьесу.

«Вы говорите о Раймундѣ, что онъ принялъ призракъ за живую особу. Увы, мало-ли такихъ Саръ на свѣтъ, которыя тоже были обмануты призракомъ! И напротивъ, мало примѣровъ побѣговъ — мало браковъ, состоявшихся черезъ похищенія — но куда я сбиваюсь?

«Я слышала, что вы скоро будете уже выходить. Позвольте мнѣ первой поздравить васъ съ благополучнымъ выздоровленіемъ. Какъ отрадно, — говоря словами старика, который является въ «Неожиданной встрѣчѣ», — чувствовать себя хорошо послѣ долгаго страданія! Дышать свѣжимъ воздухомъ, — блуждать наудачу между сельскими картинами, — сидѣть въ сумракѣ прелестнаго вечера, — такого вечера, какъ, напримѣръ, будетъ по всей вѣроятности сегодняшній, — въ роскошной ясиновой бесѣдкѣ, — такой какъ та, что въ концѣ втораго саду, по правую сторону акацій, пройдя калитку что подлѣ уединенной самбуковой рощицы, потому нѣсколько влѣво, какъ отрадно въ такой восхитительный вечеръ, въ такомъ мѣстѣ вдыхать благоуханіе снѣжныхъ цвѣтковъ ясины, — сидѣть и бесѣдовать о нашихъ надеждахъ въ томъ мѣрѣ, о нашихъ удовольствіяхъ въ этомъ! Ахъ, мистеръ Джозъ!

«Adieu, душевно вамъ преданная, А. К.»

Мы не имѣемъ намѣренія критиковать этой корреспонденціи; мы приводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ ее получили отъ достовѣрнаго человѣка. Найдутся другіе, которые не совсѣмъ будутъ согласны съ леди Кенди на счетъ правильности многихъ выраженій «Золотаго пера» господина Джозя. Взыскательная критика можетъ также замѣтить, что прекрасная вдова собирается вдыхать благоуханіе ясиновыхъ цвѣтовъ въ апрѣль мѣсяцъ. Но это такія мелочи, что не стѣитъ обращать на нихъ вниманія. Велика бѣда, что ясины не цвѣтутъ въ апрѣль! Сколько

разъ присутствіе хорошенькой женщины превращало въ настоящіе яднты, зловонную и ядовитую крапиву, растущую гдѣ-нибудь за плетнемъ? Дѣло въ томъ, что во всей письменной литературѣ, по-крайней-мѣрѣ сколько намъ извѣстно, едва-ли найдется десять писемъ равно примѣчательныхъ, по своей формѣ, слогу, мѣсту, откуда они писаны, мыслямъ и чувствамъ, какія въ нихъ содержатся, и наконецъ по самимъ обстоятельствамъ двухъ корреспондентовъ. Какое дѣйствіе произвела эта переписка надъ умомъ Джоба, легко вообразить, вспомнивъ, что онъ былъ человѣкъ, который — не могъ выдержать!

Джобъ находился на высочайшей степени страсти. Но съ другой стороны онъ чувствовалъ, что долженъ почтенному хозяину дома и благородной дамѣ, которая съ нимъ переписывалась.

Джобъ лежалъ на постели, въ сладостномъ раздумьѣ, держа двумя пальцами последнее письмо вдовы, когда Винкъсъ постучался въ дверь.

— Лучше?..... Ого, лучше! гораздо лучше! вскричала эта гостепріимная душа, чистосердечно улыбаясь Джобу. А вдова-то!..... Она тоже собирается оставить сегодня свою комнату.

Джобъ покраснѣлъ и спряталъ письмо въ карманъ.

— Видите, какъ Сефронъ поднялъ обоихъ васъ на ноги! Ха, ха, ха!..... Онъ клянется, что еще никогда не случилось ему лечить труднѣйшей болѣзни. Да что жъ я забываю сказать вамъ, что вамъ сундукъ привезли!

— Сундукъ! вскричалъ изумленный Джобъ, забывъ совершенно, что онъ говорилъ хозяину, что у него вещи, — прекрасное бѣлье и платье, — которыя онъ оставилъ въ одной дальней гостинницѣ, — предпочитая довершить пѣшкомъ свое путешествіе, по примѣру любителей сельской природы и видописныхъ мѣстоположеній.

— Сундукъ! повторилъ Джобъ, не вѣря своимъ ушамъ, хотя Винкъсъ свидѣтельствовалъ положительно о существованіи его сундука.

Джобъ думалъ, что возвратилось время волшебства и чародѣйства.

— Какой-то молодой человекъ привезъ сюда и оставилъ, продолжалъ Винкъсъ. Панси, прикажи Джопу принести сюда сундукъ нашего дорогаго гостя. Ха, ха, ха, а вдова-то!

Винкъсъ ударилъ раза три кулакомъ въ стѣну, въ отвѣтъ на легкій женскій смѣхъ, который раздавался въ сосѣдней комнатѣ: смѣхъ повторился.

— Ха, ха, миледи! прокричалъ Винкъсъ вдовѣ, и потомъ, лукаво посматривая на Джоба, спросилъ его: Вы не можете мнѣ сказать, кто тамъ, въ этой комнатѣ?

— Мой сундукъ? отвѣчалъ Джобъ въ замѣшательствѣ.

— Ха, ха, ха! миледи, слышите?..... Да вотъ вашъ сундукъ. Джонъ, станови его сюда.

Слуга поставилъ передъ Джобомъ знаменитый сундукъ, — правильнѣе, деревянный ящикъ, съ крышкою, весьма похожій на тѣ, въ которыхъ продаютъ матросамъ сухари.

— Сундукъ! вскричалъ Джобъ еще разъ, глядя на ящикъ съ такимъ страхомъ, какъ-будто въ немъ заключалась зажженная бомба.

— Съ вашимъ именемъ однако жъ, сказалъ Винкъсъ. Посмотрите, вотъ вашъ адресъ — John Jewel, Esq. И вы хорошо дѣлаете. Въ дорогу никогда не должно брать много вещей. К чему? Пару чистыхъ рубашекъ, и довольно. Здѣсь, вѣрно, ваши рисунки? Вы много сняли видовъ?

Джобъ пытался отвѣчать, но уста его были скованы.

— Пойдите, я хочу посмотрѣть вашъ портфель. Вы не знаете, мистеръ Джозль, я большой охотникъ до

рисунковъ, и у меня есть, могу похвастать, прекрасное собраніе видовъ Англій и Шотландій..... Гдѣ ключъ отъ сундука?..... Да онъ не запертъ! (Винксъ открылъ ящикъ: на верху въ самомъ дѣлѣ лежала какал-то бумага). Какъ, мистеръ Джоэль, скиццы? Право? Юмористическіе скиццы? Ха, ха, ха!..... Хорошо! Очень хорошо.

Джобъ въ ужасномъ смущеніи, и стараясь подавить его всѣми мѣрами, подошелъ къ Винксу полюбоваться въ первый разъ въ жизни на произведеніе своего рисовальнаго дарованія. И что жъ онъ увидалъ? На оборотъ предсмертной рѣчи одного славнаго вора лошадей, отпечатанной на полулистѣ бумаги, нарисована была перомъ и чернилами висѣлица, — два столба и перекладина, фантастически составленные изъ дѣтскихъ коралловыхъ игрушекъ, и между столбами чловѣкъ, повѣшенный по всѣмъ правиламъ искусства, съ чернымъ колпакомъ на глазахъ и съ головою, наклоненною всторону.

— Странный сюжетъ! продолжалъ Винксъ, очень странный!..... А что тутъ подписано внизу?..... Ого! вижу, вижу: *Конецъ Вилліама Тикета*. Ха, ха, ха! забавно..... Я, признаться вамъ по совѣсти, люблю этого рода сюжетовъ, но вашъ рисунокъ выполненъ превосходно. Вы отлично рисуете.

У Джоба потемнѣло въ глазахъ, и онъ легъ опять на постель, дрожа какъ осиновый листъ отъ ужаса. Голосъ потухъ въ его груди. Онъ лежалъ, пригвозженный къ кровати зловѣщимъ предсказаніемъ, и медленно умиралъ со страху. Винксъ, въ которомъ любопытство одерживало верхъ надъ приличіемъ, пошелъ еще искать рисунковъ въ сундукъ своего гостя. Рисунковъ болѣе не было. Винксъ нашелъ только грубое и грязное платье, котораго плебейскій покровъ поразилъ его необычайнымъ изумленіемъ.

— Ваше платье, мистеръ Джоэль? вскричалъ онъ съ комическимъ выраженіемъ: *ваше?*

И, говоря это, онъ держалъ далеко отъ себя, двумя пальцами, за конецъ, какъ змѣю, старые холстинные панталоны, очевидно опасаясь, чтобы они не обвились около его руки и неужалили. Онъ ждалъ отвѣта, но подобное ожиданіе было неумѣстно: могъ ли Джобъ говорить, когда къ ужасу, какимъ его поразило злодѣйскій рисунокъ, присоединилось еще то остолебеніе, въ какое приходитъ человѣкъ, узнавая свои собственные панталоны? Это уже было свыше его силъ, умственныхъ и тѣлесныхъ!

Въ сундукъ дѣйствительно заключался весь гардеробъ Джоба Пиппинса, его синяя камлотовая куртка, его старый жилетъ нѣкогда огненнаго цвѣту, его черный галстукъ, его сапоги съ заплатками, и прочая. Винксъ посмотрѣлъ еще на адрессъ.

— Это неслыханная исторія! восклицалъ честный Винксъ, выбрасывая по-одиначкѣ всѣ эти вещи на полъ. Это ужасъ!..... Это срамъ!..... Это должна быть какаля-нибудь глупая шутка!..... какаля-нибудь пошлая мистификація!..... (Джобъ улыбнулся въ знакъ согласія.) Потѣха безмозглаго остроумія!..... (Джобъ пожалъ плечами изъ жалости объ ея изобрѣтателяхъ.) Я доберусь до истины!..... (Джобъ махнулъ рукою, какъ-бы желая сказать, что это не стоить труда.) Нѣтъ, мистеръ Джоэль, я непременно узнаю, кто это сдѣлалъ!..... Я отыщу проказниковъ!..... Въ моемъ домѣ!..... моему гостю!..... Нѣтъ, я не допущу такой наглости! Нѣтъ, нѣтъ, это не водится между порядочными людьми! Я хочу знать, кто осмѣлился.....

И лице Винкса вдругъ озарилось свѣтлою мыслию.

— А!..... постойте! Теперь я догадываюсь. Теперь я знаю, чья это выдумка. Это не кто иной какъ.....

И въ то самое мгновеніе дверь отворилась настезь. Вошелъ рѣчной герой, Франкъ Тритонъ.

— Здравствуйте, любезный Джозль! какъ можете?..... Здоровы?..... очень радъ, сказалъ посьтитель съ той свободною любезностью, которою отличаются истинно-благовоспитанные люди.

Джобъ томно улыбулся Франку, и зажмурилъ глаза, потому что около его кровати вдругъ выросъ ивовый кустарникъ, и свѣтлая, серебристая рѣка потекла поперекъ комнаты.

— Здоровы? повторилъ Франкъ, и подошелъ къ Винксу, чтобъ пожать ему руку; но Винкъ выпрямился, и съ достоинствомъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Мистеръ Тритонъ! торжественно сказалъ Винкъ: ежели вы дворянинъ..... и честный человекъ.....

— Ого! вскричалъ Тритонъ, по-видимому не привыкшій къ этому образу заклинанія. Ого! Чтò за чортъ?

Винкъ сбился съ своего предисловія, и началъ да саро: «Мистеръ Тритонъ, ежели вы дворянинъ, и честный человекъ, то вы мнѣ скажете, чтò это значитъ?» И, устремивъ свой указательный палецъ на щикъ, а глаза на Франка, онъ предсталъ воиощеннымъ демономъ вопрошенія.

— Это? сказалъ Франкъ своимъ ледянымъ голосомъ.

— Да! это. И это..... и это..... и это, возразилъ Винкъ, поочередно указывая на разбросанныя по полу остатки бывшего Няпписа.

Франкъ прибѣгнувъ къ обыкновенной уловкѣ открытаго преступленія: онъ хотѣлъ смѣяться, но Винкъ остановилъ его.

— Нѣтъ, сударь, это не смѣшное дѣло; оно можетъ имѣть важныя послѣдствія. Дѣло идетъ о моей чести, которую я считаю оскорбленною, и я опять васъ спрашиваю, знаете ли вы это платье.

Тритонъ опустилъ голову на грудь чтобъ скрыть

улыбку, и, не зная что отвѣчать, сталъ перекидывать тросточкою злополучное платье Джоба.

— Ну, этого довольно! сказалъ Винксъ. Довольно; дѣло кончено. Я вижу, что это твоя шутка, Франкъ, и, признаюсь тебѣ, шутка очень неприличная. Какъ она покажется господину Джоэлю, я этого не знаю, только..... Полно, сударь! ни слова!..... вы не можете отречься. Теперь я все помню: когда я говорилъ о сундукъ господина Джоэля, кромѣ васъ и господина Вигмора никого тутъ не было. При имени Вигмора, Франкъ началъ вертѣть тросточкою, а Джобъ громко прокашлялъ, чтобы заглушить этотъ неприятный звукъ: и вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался пѣжный, тоненькій кашель. Только я повторяю, что какъ бы на это не смотрѣлъ господинъ Джоэль, а что касается лично до меня.....

Винксъ, не зная какъ окончить фразу, взглянулъ на Джоба, котораго лице, судорожно искривленное, и дрожащія губы, показывали въ это время сильное душевное волненіе. Этотъ разговоръ о чести, и эта вдова съ своимъ кашлемъ, этотъ Вигморъ, который явился вездѣ какъ кровавое привидѣніе, повергли бѣднаго парикмахера въ отчаяніе. Добродушный Винксъ принялъ его страхъ за припадокъ сильнаго благороднаго гнѣва, и испугался. Возвращаясь вдругъ къ своей природной кротости, онъ вздумалъ явиться примирителемъ, чтобы предупредить слѣдствія Джобова ожесточенія. «Это очень не хорошо, сказалъ Винксъ съ заботливымъ безпокойствомъ: это очень глупо со стороны Франка, но онъ, знаете, острякъ, — а остроумные люди часто бываютъ сумасшедшіе, — но Франкъ, если бъ только онъ захотѣлъ оставить свое остроуміе, увѣряю васъ, былъ бы славный малой, — и поэтому господинъ Джоэль благоволилъ простить тебѣ эту шутку и не станетъ думать о тряпѣ, прислакномъ въ сундукъ.»

Джобъ пошевелился для отвѣта, но языкъ его еще былъ немъ.

— Поди, поди, тебѣ прощаютъ. Забудьте, сударь, объ этомъ. Общайте мнѣ, мой дорогой Джоэль, что вы не будете думать объ этой мистификаціи. Вы не будете думать? да?

— Я..... я постараюсь..... забыть великодушно, отвѣчалъ Джобъ.

— Вотъ это благородно! Храбрые люди всегда великодушны; и человекъ, который въ состояніи броситься въ рѣку.....

Джобъ жалко посмотрѣлъ на Винкса.

— Ну, ну, хорошо, я не буду упоминать объ этомъ болѣе! Но вы дружески пожмете руку Франка. (Джобъ хотѣлъ протянуть руку, но не осмѣлился.) Поди сюда, Франкъ: я долженъ видѣть васъ друзьями, рука въ руку; я непременно хочу видѣть.....

И въ могущественномъ порывѣ человеколюбія, Винксъ вытащилъ руку Джоба изъ-подъ одеяла, притянулъ Франка бечевой, сложилъ ихъ руки, и, склотивъ объ своей собственной, началъ трясти ихъ изъ всей силы, чтобы взболтать обоюдную дружбу.

— Теперь я счастливъ! вскричалъ Винксъ. — Теперь я совершенно счастливъ! повторилъ онъ, быстро расхаживая по комнатѣ, и побѣжалъ къ женѣ, вѣ себя отъ радости, что посадилъ древо міра.

Джобъ, оставшись съ Тритономъ, хотѣлъ пуститься въ погоду, но Франкъ предложилъ нижеслѣдующій вопросъ: — Скажите, сдѣлайте милость, давно-ли вы знакомы съ господиномъ Вигморомъ?

За минуту, Джобъ имѣлъ намѣреніе повернуться на бокъ для вступленія въ бесѣду съ Франкомъ, но этотъ вопросъ, произнесенный значительнымъ тономъ, пронзилъ его на-сквозь, и пригвоздилъ спину его къ тюфяку. Джобъ только вздохнулъ.

ГЛАВА XI.

— Скажите, сдѣайте милость, давно вы знакомы съ капитаномъ Вигморомъ? съ свирѣлымъ хладнокровіемъ повторилъ Франкъ свой прежній вопросъ.

У Джоба кровь застыла въ жилахъ. Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ..... я съ нимъ незнакомъ.

— Странно!..... Мнѣ! А мнѣ показалось, какъ-будто онъ узналъ васъ во время обѣда.

— Нѣтъ, повторилъ Джобъ нѣсколько приличнѣйшимъ голосомъ.

— Какъ же! онъ еще, помнится, намѣкалъ на вашу прежнюю болѣзнь. Не спрашивалъ ли онъ васъ о..... о зубной боли?

— Никогда въ жизни не видалъ я его до встрѣчи у господина Винкса, сказалъ Джобъ, и онъ сказалъ сущую правду, потому что, если вы хорошо помните, онъ былъ пьянъ и спалъ въ первое свое знакомство съ Вигморомъ въ хижины.

— Онъ, мнѣ кажется..... порядочный человекъ? примолвилъ Франкъ сомнительно, на что Джобъ не отвѣчалъ ни слова. — Однако жъ, продолжалъ Франкъ помолчавъ немного, это очень, очень странно!

— Я думалъ, напротивъ, что онъ вашъ старинный пріятель, замѣтилъ Джобъ, ободренный тономъ Франка, который, казалось, не слишкомъ жаловалъ его злодѣя, и любопытствуя узнать что-нибудь о проклятомъ Вигморѣ. Вѣдь вы друзья съ нимъ?

— Только знакомцы, и очень поверхностные. Я расскажу вамъ, мистеръ Джоэль, какъ это было. Вы слышали, что я бился объ закладъ съ Дельфиномъ о томъ, кто лучше изъ насъ плаваетъ? Это случилось въ гостинницѣ, когда я возвращался изъ Лондона. Вигморъ былъ тутъ и разговаривалъ съ Дельфиномъ о плаваніи. Вотъ и поводъ къ знакомству. Вигморъ рассказывалъ, что онъ когда-то состязался съ Дель-

Финномъ на Темзѣ, и проигралъ ему пари; однако жъ онъ утверждалъ, что Дельфинъ плаваетъ весьма посредственно, и что онъ слышалъ объ одномъ человѣкѣ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, который въ состояніи побѣдить его. «Кто онъ таковъ?» спросилъ я. — Нѣкто Франкъ Тритонъ. — «Да это я!» — Вы? — Конечно! И, признаться, самъ онъ подстрекнулъ меня къ вызову Дельфина. По рукамъ; дѣло слажено; и мы избрали его въ свидѣтели. Но господинъ Винкъсъ уже рассказывалъ вамъ, чѣмъ это кончилось! Какой-то мошенникъ укралъ мое платье; оставивъ меня безъ всего. Вы можете себѣ представить мое положеніе, когда я вышелъ изъ воды! (Джобъ могъ себѣ представить.) Безъ Вигмора, не знаю, что бы я сдѣлалъ. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ моемъ приключеніи, ужасно взбѣспяся на вора, искалъ его въ кустарникахъ и клялся, что удушить этого негодяя собственными руками, ежели только его поймасть..... Что съ вами, мистеръ Джоэль?

— Ничего; такъ; колотье въ боку.

— Онъ былъ такъ добръ, что самъ побѣждалъ искать для меня одежды въ ближайшую хижину, и черезъ нѣсколько минутъ принесъ.... вотъ это самое платье, которое вы видите здѣсь на полу. Онъ занялъ его у хозяйки.

— Въ самомъ дѣлѣ? произнесъ Джобъ, уныло поглядывая на свое родное имущество.

— По-крайпей-мѣрѣ онъ такъ говорилъ. Но дѣло въ томъ, любезный Джоэль, что никто не любитъ быть поддѣтымъ: бездѣльникъ, который похитилъ мое платье, во-первыхъ укралъ тоже мои деньги..... Вы первый, которому я признаюсь въ этомъ.

Тутъ Франкъ дружески взялъ руку Джоба, и прибавилъ:

— Сдѣлайте милость, никому не говорите о томъ, что у меня украли и деньги!

— Будьте увѣрены, что никому не скажу ни слова! твердо произнесъ Джобъ.

— Я не люблю, чтобы надо мной смѣялись..... Что касается до мошенника, который ихъ украсть, то ему не миновать заслуженной награды. Онъ скоро кончитъ поприще свое на висельницѣ, и я уже вижу петлю на его шеѣ.....

Джобъ мгновенно закутался съ головой въ одеяло, со страху.

— Что такое? Вамъ дурно?

— Дурно!.....

— Стаканъ воды.

Джобъ выпилъ воду, которую налилъ ему Франкъ.

— На меня поминутно находить тошнота и ознобъ послѣ кровопусканія..... И Виг..... Вигморъ занялъ это платье у хозяйки хижины?

— Какъ онъ говорить. Но, между нами будь сказано, я не побожусь, что онъ не содралъ его съ костей какого-нибудь висельника. — Посмотрите, Джозль, присовокупилъ ораторъ, поднявъ съ земли куртку концемъ тросточки: вѣдь это совершенно покрой Шигатской тюрьмы?

— Совершенно, сказалъ Джобъ, и, чтобы скорѣе перейти къ другому предмету, онъ спросилъ: — Почему жъ вы подозреваете Вигмора?

— Я вамъ скажу. Будучи тронуть его дружескою въжливостью, я пожелалъ доставить ему знакомство моего друга Винкса, и привезъ этого человека сюда. Здѣсь, въ одномъ разговорѣ..... Что это за шумъ?

Въ соседней комнатѣ послышались звонкіе женскіе голоса, смѣхъ, шарканье, перестановка стульевъ.

— Это у вашей соседки, сказалъ Франкъ. Что, она уже здорова?..... Ха, ха, ха! — Джозль, прибавилъ онъ, приложивъ палецъ къ носу и лукаво улыбаясь: вы, право опасный человекъ! Винксъ замѣчаетъ..... Но, послушайте, это не водится: вы вскружаете го-

ловы нашимъ вдовамъ, и однимъ своимъ появленіемъ, говорить, уничтожилъ всѣ мои долговременные труды. Мы будемъ драться на пистолетахъ.....

Франкъ вдругъ остановился, увидѣвъ, что у дверей стоитъ Винкъсъ.

— Чтоооо? спросилъ протяжно Винкъсъ, услышавшій два послѣднія слова.

— Ничего, отвѣчалъ Франкъ.

— Одѣньтесь, любезный Джоэль, сказалъ Винкъсъ Джобу: одѣньтесь скорѣе и пожалуйте сюда. Миледи вотъ въ этой комнатѣ, у вдовы; она скоро выйдетъ, и вы увидите, что за чудесная женщина. Чтѣ ваша вдова! Посмотрите-ка ее! Я познакомлю васъ съ ея мужемъ. — Надѣюсь, что вы еще друзья между собою? быстро спросилъ онъ Франка, съ недоувѣрчивостью глядя ему въ лице. — Чтѣ, друзья еще? сказалъ онъ Джобу.

— Безъ сомнѣнія. Прощайте, Джоэль!.....

И тутъ Франкъ понизилъ голосъ, однако жъ не столько, чтобы внимательный Винкъсъ кое-чего не разслышалъ: Помните ли, что вы мнѣ обѣщали?..... Пожалуйста, ни слова! ни одного слова! Особенно Винксу! — Прощайте; до свиданія; мы увидимся, сказалъ онъ вслухъ, и ушелъ.

Винкъсъ стоялъ посерединѣ комнаты, и мысленно благословлялъ звѣзды за то, что онъ во время привелъ его сюда. «Такъ это только притворное примиреніе! Драться на пистолетахъ! — не говорите ни слова Винксу! до свиданія, увидимся! — Ого!..... Хорошо, хорошо. А вотъ, увидимъ! Слава Богу, въ Англіи есть полиція,» — все это простучало въ черепъ Винкса съ неимовѣрною быстротою, и онъ, скрывая свою провинительность, опять обратился къ Джобу. «Вы пожалуйте къ намъ? Приходите непременно. Джонъ, уберите отсюда эти лохмотья. Ко мнѣ пріѣхало нѣсколько челоувѣкъ моихъ друзей, съ которыми вы дол-

жны познакомиться. Я оставилъ миледи у вашей со-
сѣдки..... Ха, ха, ха!..... чудеса происходятъ на
бѣломъ свѣтѣ..... Да встѣ онъ; вотъ ея мужъ. По-
смотрите въ окошко! Сирь.....

Джобъ приподнялся съ постели, и, несмотря на
деревья, которыя заслоняли часть террасы, ясно уви-
дѣлъ между двумя кустами розъ столь хорошо из-
вѣстный ему парикъ сирь Сципіона Меникина. Джобъ
полу-мертвый повалился на подушки.

— Придете вы къ намъ? спросилъ Винксъ, стоя за-
домъ къ Джобу и лицомъ къ саду, въ которомъ рас-
каживалъ сирь Сципіонъ.

— Вечеру; постараюсь.

Полный сомнѣнія взглядъ Винкса, заставилъ Джоба
повторить обѣщаніе съ особенною торжественностью,
и хозяинъ, притворившись довольнымъ, ушелъ. Я
говорю — притворившись, потому что Винкса не про-
ведешь!

И вотъ Джобъ снова подъ одною крышею съ сирь
Сципіономъ и съ леди Меникинь! съ тою, которой
розовый ротикъ, былъ причиною всѣхъ его несчастій!
съ тѣмъ, чье неумолимое правосудіе грозило ему уго-
ловнымъ судомъ! Въ двадцатый разъ уже спрашивалъ
Джобъ самого себя, что ему дѣлать, когда взоръ его
упалъ, нечаянно на рисунокъ, сдѣланный перомъ и
чернилами и изображающій печальную кончину Вил-
ліама Тикета. Роса ужаса покрыла его холодное тѣло.
И страхъ Джоба былъ довольно основателенъ, по-
тому что, когда Джонъ уносилъ вмѣстѣ съ ящичкомъ,
скромное платье, которое покрывало Пиппинса въ
дни его невинности, Винксъ и сирь Сципіонъ попа-
лись слугъ на встрѣчу, и барошеть, лишь-только
болтливымъ хозяинъ показалъ ему знаменитый кос-
тюмъ, присланный его благодѣтелю, тотчасъ узналъ
куртку и жилетъ бездѣльника, который воруетъ по-
цѣлуи, разсѣкаетъ пробѣжимъ артеріи и вытаски-

васть часы изъ кармановъ, — всю ливрею своего придворнаго цырюльника. «Нѣтъ ни какого сомнѣнiя, что этотъ мошенникъ, сказалъ сиръ Сципiонъ, — а никто въ свѣтъ не произносилъ слова «мошенникъ» живописнѣе и звучнѣе чѣмъ сиръ Сципiонъ, отъ частаго употребленiя, — что этотъ мошенникъ присоединился къ шайкѣ воровъ и бродягъ въ окрестностяхъ. Онъ долженъ непременно быть здѣсь. Его отыщутъ! — И вотъ, сударыня, прибавилъ онъ обращаясь къ леди Меникинѣ: вотъ какого человѣка вы защищали!» Леди Меникинѣ ничего не отвѣчала, но, пользуясь правомъ прекраснаго пола, она заслонила себѣ глаза отъ солнца носовымъ платкомъ. Одинъ только носовой платокъ знаетъ сердце женщины и всѣ его тайны!..... И еще разъ спросилъ Джобъ, чтò дѣлать? Но послѣ этого разговора, который происходилъ подъ его окнами, благоразумiе отвѣчало ему рѣшительно — бѣжать!.... Бѣжать! оставить все! мужественно отказаться отъ этой мягкой постели, отъ этихъ вкусныхъ блюдъ, отъ всей этой суеты мiрской, и бѣжать! Одной вдовы жаль: но чтò значить вдова въ сравненiи съ жизнью! Бракъ — сомнительное благо, а висѣть — явное зло. Притомъ Вигморъ!.... Но я не хочу разсвѣкать ножомъ страстнаго анатомиста чувствъ, мыслей и страданiй Джоба, потому что это значило бы писать новый «Послѣднiй день приговореннаго къ смерти», — книгу, въ которой я не нахожу ни какого смысла. Уже наступилъ вечеръ, уже заблестали звѣзды, уже соловей началъ свою пльнительную пѣсню, — впрочемъ, звѣзды можно выпустить, потому что небо покрыто было облаками, — уже Джобъ обдумалъ свой планъ. Онъ всталъ съ постели, одѣлся, тихонько подошелъ къ двери, еще тише повернулъ ручку замка. О горе! дверь заперта ключемъ извнѣ.

Холодный потъ выступилъ на его лицѣ.

Джобъ долго сидѣлъ на стулѣ подлѣ двери, обреме-

невный черными мыслями. Комната его выходила на лестницу. На лестницъ раздался громкій разговоръ.

— Куда тебя чортъ посылтъ, Филиппъ? Вѣрно въ кабакъ! Тебя принесли, что ли, или ты самъ пришелъ?.....

— Ну вотъ! въ кабакъ! Я уже три недели вина въ глаза не видалъ.

— Гдѣ же былъ? Мы вездѣ искали тебя къ ужину.

— Въ мѣстечко ѣздилъ.

— Зачѣмъ?

— Баринъ посылалъ за приходскимъ констеблемъ.

— Ну, что, привезъ ли ты его?

— Привезъ.

И въ то же время послышались на лестницъ тяжелые шаги, но отголоску которыхъ Джобъ мигомъ узналъ оффиціальныя сапоги грознаго блюстителя благочинія.

— Сюда, сударь! раздался прежній голосъ. Пожалуйста!

Джобъ вскочилъ съ своего стула. Другой, на его мѣстѣ, упалъ бы въ обморокъ: но вы не знаете Джоба. Въ минуты великой опасности, онъ одушевляется геройскою рѣшимостью и превосходитъ самого себя. Свѣрь Сципионъ! Платъе! Вигморъ! Франкъ Тритонъ! Висляца на рисункъ! Дверь, запертая снаружи! И констебль въ добавокъ!..... Человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ, въ такихъ случаяхъ выскакиваетъ въ окно. Окно было не выше какъ въ два человѣческихъ роста. Въ саду господствовала темнота. Связавъ двѣ простыни вѣстѣ, Джобъ продѣлъ ихъ въ сердце, вырѣзанное во внутренномъ ставнѣ, и благополучно спустился на террасу. Отсюда онъ побѣжалъ прямо, въ надеждѣ добраться гдѣ-нибудь до забора, но въ незнакомомъ саду, ночью, при этомъ множествѣ извилистыхъ дорожекъ, невозможно было не заблудиться. Джобъ ходилъ цѣлый часъ; два раза проклятыя

дорожки, обратно приводилим его къ дому, и два раза онъ со страхомъ побѣжалъ отъ него въ противоположную сторону; наконецъ совершенно онъ потерялъ голову въ этомъ лабиринтѣ, и бродилъ уже на удачу. Отчаяніе сжало его сердце. Джобъ плакалъ..... Да! Джобъ плакалъ.

Была лужайка. Черезъ эту лужайку шла дорожка. По этой дорожкѣ плелся бѣдный Джобъ, обливаясь горькими слезами, какъ вдругъ явились изъ-за деревьевъ двѣ темныя, мрачныя, страшныя человѣческія фигуры, которыя шли къ нему на встрѣчу. Джобъ задрожалъ и остановился. Спрятаться было негдѣ. Онъ бросился немного всторону и припалъ къ землѣ, на травѣ.

Двѣ мрачныя фигуры прошли мимо его, и остановились у скамейки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ онъ лежалъ. Одна мрачная фигура присѣла, другая мрачная фигура стояла.

— Какая роскошная ночь! сказала сидячая фигура.

— Чтò жъ теперь будетъ, сударыня? сказала стоячая фигура.

— И, нечего бояться. Онъ запертъ въ своей комнатѣ, и его стерегутъ. Констебль здѣсь!

«И ты противъ меня!» горестно произнесъ Джобъ въ душѣ своей, какъ Юлій Цезарь, потому что онъ лвстенно различилъ при этихъ жестокихъ словахъ голосъ вдовы.

— Неужели его повѣсятъ, сударыня?

Сидячая фигура не отвѣчала ни слова, и казалась погруженною въ глубокую задумчивость.

— Повѣсить господина Джоэля!..... дворянина! это ужасъ, продолжала стоячая фигура съ нѣжнымъ негодованиемъ.

Джобъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вдова молчала. Спустя нѣсколько минутъ, она спросила разсѣянно: — Чтò ты говоришь?

— Я говорю всё про то, что этотъ высокій, толстый господинъ сказалъ мнѣ въ день рожденія Остиньки. Онъ говорилъ: «Господинъ Джоэль вамъ очешь правится, а его скоро пов.....»

— Перестань! сказала вдова.

Продолжительное молчаніе. Слышны только легкіе вздохи сидячей фигуры.

— Но я всё думаю; сударыня, о томъ куда дѣвался вашъ брилліантовый фермуаръ. Это непонятно! Когда вы упали въ обморокъ за обѣдомъ, и этотъ высокій господинъ принесъ васъ на рукахъ въ розовую комнату, я очень хорошо помню, у васъ на шеѣ не было фермуа.....

Тутъ трава попала въ ноздри Джобу, и онъ чихнулъ.

— Филиншъ? быстро спросила задумчивая госпожа.

— Нѣтъ! это мужчина!..... вскричала горничная съ болѣе обширнымъ знаніемъ предмета, и объ бросилась бѣжать со страху назадъ, откуда пришли.

Горничная, какъ легкая дѣвушка, умчалась быстрѣе серны. Вдова, какъ барыня, не могла бѣжать такъ скоро, и чтобы сократить путь, избрала діагональное направленіе по травѣ, черезъ лужокъ; палетъла на лежащаго Джоба и упала прямо въ его объятія. — «Это я!.... Я, твой Джоэль!» сказалъ онъ вполголоса, не выдержавъ и забывъ опасность, констебля, все. «Это я!» И въ удостовѣреніе истины словъ своихъ, приложилъ къ губкамъ вдовы формальный поцѣлуй, сильно прижимая ее къ сердцу. Крикъ испуга, который готовъ былъ вырваться изъ груди вдовы, остался безъ употребленія.

— Какой вы проказникъ, сказала она тихо высвобождаясь изъ рукъ Джоба. Послѣ такой болѣзни ходить ночью по травѣ!..... Воротитесь тотчасъ въ свою комнату!

— Невозможно! вскричалъ онъ, вдругъ вспомнивъ о

своемъ положеніи и выпуская вдову изъ своихъ объ-
ятій. Невозможно! Участь моя рѣшена!

— Что вы говорите!

— Я говорю, что участь моя рѣшена!..... Но гдѣ бы
я ни былъ, миледи, что бы со мной ни случилось,
воспоминаніе о вашихъ прелестяхъ, о вашихъ добро-
дѣтеляхъ, о сладкомъ времени болѣзни, проведенномъ
въ голубой комнатѣ..... Ахъ, миледи!..... я несчаст-
нѣйшій человекъ въ мірѣ!

— Я все знаю. Господинъ Винкъсъ рассказывалъ мнѣ
всю исторію..... Но какъ же вы здѣсь? Вы были за-
перты?

— Да, да! сказалъ Джобъ, содрогаясь при одной
мысли объ этомъ.

— И вы ушли? зачѣмъ?

— Я долженъ былъ уйти..... Все кончено!

— Кончено?..... Несчастнѣйшій!..... вы пролили его
кровь!

— Да! отвѣчалъ Джобъ, жалкимъ голосомъ, полагая,
что она говоритъ о сирѣ Сципюнѣ. Но я сдѣлалъ это
безъ всякаго худаго намѣренія. Я считалъ своимъ дол-
гомъ.....

— Безъ сомнѣнія! Но свѣтъ, мистеръ Джоэль, о луч-
шихъ нашихъ намѣреніяхъ судить — всегда..... А гдѣ
же..... А гдѣ жъ онъ теперь?

— Здѣсь, въ сельцѣ!..... въ домѣ!

— И это вѣрно?

— Какъ нельзя болѣе. Я самъ видѣлъ между кустовъ
его голову.....

— Охъ!..... охъ!..... Джоэль! вскричала вдова, пла-
ча и закрывая лице руками: охъ!..... что вы сдѣла-
ли? что теперь будетъ?..... Они васъ поймаютъ!.....
Здѣсь уже есть полиція! Вы погибли! Ваша драгоцен-
ная жизнь сдѣлается жертвою жестокихъ законовъ....
Ахъ, Джоэль (и говоря это, она нежно прислонила
голову къ его плечу), они васъ повесятъ!

Ну, воля ваша, а это ужь слишкомъ! Джобъ много претерпѣлъ въ послѣдніе пять или шесть дней; онъ довольно храбро перенесъ весь мученія, весь несправедливости, всѣ насмѣшки, — но этого трогательнаго подтвержденія никакъ не могъ онъ вынести. Онъ зарыдалъ, и слезы Джоба потекли ручьемъ на шляпку леди Кенди, между-тѣмъ какъ его рука судорожно обвивалась около ея талии.

— Но здѣсь не мѣсто для насъ, сказала вдругъ вдова: то есть, для васъ, Джоэль. Вы должны бѣжать.... выѣхать изъ Англіи. Черезъ нѣсколько времени все забудутъ, вы возвратитесь, и тогда.....

— Да, миледи; вы правы. Это было бы самое лучшее средство, самое благоразумное..... Но, такъ какъ вы оказали мнѣ столько благосклонности, то я долженъ признаться передъ вами, что не могу оставить Англіи безъ.....

— Нѣтъ, нѣтъ, Джоэль!

— Не могу пуститься за.....

— Послѣ, послѣ!

— Не могу тронуться съ мѣста безъ..... (денегъ — хотѣлъ сказать Джобъ; но у вдовы не достало терпѣнія).

— Честный ли вы человекъ, мистеръ Джоэль? живо спросила она.

— О, не сомнѣвайтесь въ этомъ! воскликнулъ Джобъ съ удивительною смѣлостью, кладя руку на сердце, вмѣсто заемнаго письма.

— Такъ..... такъ..... такъ и моя судьба рѣшена. Прощай, Англія..... Джоэль, я твоя навсегда! вскрикнула чувствительно вдова и бросилась на шею Джобу, у котораго согнулись колѣни подъ тяжестью этой новой отвѣтственности.

Велико было изумленіе Джоба; страненъ былъ и самый казусъ. Уходя отъ петли, вмѣсто денегъ достать на дорогу вдову, — этого, я думаю, ни съ кѣмъ

еще не случилось. Какъ быть? Брать ли, или не брать?..... Взять — не что; но куда дѣваться, на одной висѣлицѣ съ женой?..... Джобъ не выдержалъ, — взялъ. Висѣть, такъ висѣть вдвоемъ!

И въ эту минуту раздались со всѣхъ сторонъ громкіе клики. Сиръ Сципионъ и Винкъсъ кричали во все горло для ободренія псимщиковъ.

— Время дорого! вскричала вдова. Сюда!..... по этой дорожкѣ!..... вотъ сюда, сюда!

Госпожа Кенди прыгнула въ кусты; Джобъ безмолвно пошелъ за нею, дивясь самъ своему положенію; клики поминутно усиливались, и кто-то выстрѣлилъ изъ пистолета, — какъ далеко, не знаю, — Джобъ бѣжился, что у него подъ носомъ. Но предоставимъ бѣглецовъ ихъ судьбѣ; пока они уходятъ, я объясню вамъ, что значилъ этотъ шумъ.

Винкъсъ, смертельно страхась вспыльчивости Джоба, заперъ его замкомъ, для того чтобы воспрепятствовать неизбѣжной, по его мнѣнію, дуэли между его благодѣтелемъ, Джоэлемъ, и его другомъ, Трипомъ, о которой онъ разсказалъ всѣмъ съ величайшею достовѣрностью. Это сдѣлано было по совету сиръ Сципиона, въ мудрость котораго онъ измилъ горечь своего сердца, и отчаяніе свое по случаю «такой исторіи», происходящей въ его домъ. Для бѣльшей безопасности они позвали еще полицейскаго чиновника, который долженъ былъ арестовать обоихъ противниковъ, какъ скоро поднято будетъ оружіе. Принявъ всѣ мѣры благоразумія, долго ждали они, не позвонитъ ли Джобъ, для того чтобы его выпустили; наконецъ Винкъсъ самъ пошелъ къ нему, вмѣстѣ съ сиръ Сципиономъ, съ тѣмъ чтобы его уговаривать соединеннымъ краснорѣчіемъ. Входя въ голубую комнату, — какое счастье для Джоба, что онъ во время избѣгъ этого посѣщенія! — они, вмѣсто знаменитаго гостя, нашли только отворенное окно и простыни на ставнѣ.

Для Винкса дѣло было яснѣе солнца: его гость, руководимый глубокимъ чувствомъ мнимаго долга чести, улизнулъ въ окошко, чтобы не опоздать на мѣсто роковаго вызова и не прослыть трусомъ послѣ претерпѣнной обиды. Это было тѣмъ очевиднѣе, что въ то же самое время исчезъ и Франкъ. (А Франкъ просто утхалъ, не простившись, къ одному изъ сосѣдей — пить: онъ обѣщалъ почтенному сосѣду непременно явиться ввечеру по этому важному дѣлу, для котораго собирались многія опоры портвейна и хереса). Тутъ вооружили всѣхъ камердинеровъ, лакеевъ, буфетчиковъ, поваровъ, псарей, конюховъ, и они, подъ личнымъ предводительствомъ Винкса и сирь Сципіона, разсыпались по цѣлому околотку ловить смертоубійць. Экспедиція не достигла своей цѣли, потому что поимщики дѣйствовали за садомъ, а Джобъ былъ въ саду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, въ объятіяхъ прекрасной вдовы. Но они вмѣсто Джоба поймали трехъ воровъ, которые, свернувшись какъ ежи, лежали въ крапивѣ подъ заборомъ во ожиданіи благопріятнаго часа, когда всѣ уснутъ въ сельцѣ. Этотъ почтенный триумвиратъ состоялъ изъ Финіаса, Мортлека и Бетса. Бетсъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и сдался; другіе даже не защищались. Возвратимся къ любовникамъ.

Они благополучно вышли на большую дорогу, пробѣжали мостъ, ведущій къ деревнѣ, и увидѣли почтовую карету, которая остановилась передъ харчевнею. Вдова обладала убѣдительными доводами, которые мигомъ рѣшили почталіона взять ее и Джоба и скакать безъ остановки. По извѣстнымъ мнѣ причинамъ я не желаю описывать того, что происходило въ каретѣ, въ которой они были одни. Но едва счастливые любовники отъѣхали полторы мили отъ Ледибердъ-лоджа, какъ вдругъ кто-то удержалъ ихъ стремленіе. «Стой!..... деньги!» заревѣлъ грубый голосъ,

и лошадиная голова заглянула въ окно кареты. Вдова вскрикнула — «Вигморъ!» и со страхомъ вынула кошелекъ. Джобъ, пряча лице въ уголь, протянулъ руку чтобы подать добычу разбойнику, но, къ удивленію, никто не принималъ ея. Лошадь стояла передними ногами на коленяхъ, и всадникъ, сидя на задней части спины, изо всей силы колотилъ шпорами животное, которое никакъ не хотѣло подняться. Почтальонъ, примѣтивъ это, къ счастью догадался ударить по лошадамъ, и вдова съ Джобомъ ускакали. На другой день Вигмора нашли мертвымъ въ томъ мѣстѣ: онъ былъ весь избитъ копытами. Теперь, какъ вся опасность для нашего героя прошла, то можно откровенно сказать, что онъ былъ бы повѣшенъ, если бъ сирь Сципіонъ или кто-нибудь узналъ его въ домъ этого честнаго Винкса. Дѣло въ томъ, что Франкъ не все сказалъ: онъ утаилъ, что, вмѣстѣ съ платьями и деньгами, у него украли также коня, на которомъ онъ пріѣхалъ къ рѣкѣ, — прекраснаго коня и только имѣвшаго тотъ порокъ, что любилъ порой становиться подъ всадникомъ на колѣни; а какъ платье нашли бъ у Джоба, то онъ же, Джобъ, отвечалъ бы и за лошадь; а какъ за лошадь въ Англии челоуѣка вѣшаютъ какъ тряпку, то вы можете себѣ представить, какъ печально кончилъ бы свое поприще добрый и невинный юноша за то, что не выдержалъ и поцѣловалъ коралловыя губки леди Меникинъ; за то, что не выдержалъ и сказалъ, что онъ не обольщалъ ея, за то, что онъ не выдержалъ и изъ страданія пустилъ кровь своему врагу; за то, что не выдержалъ, и признался, что находящіяся у него часы — не его; за то, что не выдержалъ, и, будучи безъ рубашки, одѣлся въ найденное въ лѣсу платье, — и за прочее.

Чѣмъ же кончилась исторія?

Нячьми! Финіаса, Мортзека и Бетса повѣсили. Скинска, — мнѣмаго Вигмора, убила Франкова лошадь. Полли вышла замужъ за того же полицейскаго, который прїѣзжалъ къ Винксу, и носила фермуаръ леди Кенди.

А Джобъ.

Джобъ ушелъ за границу съ вдовою, женился на ней, совершилъ свой tour по Европѣ, послалъ новые часы сирь Сципіону, и безъименно пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ Франку Тритону за его платье, и жилъ очень весело. Однажды, гулялъ онъ съ своей супругою по набережной Темзы, вдругъ, покинувъ ея руку, вскочилъ на перила и бросился въ воду.

Какъ? что!..... По какому поводу?

Ну — не выдержалъ! Что прикажете дѣлать!..... Вдова была такая капризная, такая сварливая, что изъ рукъ вошь. Не выдержалъ и

конецъ!

Blackwood's Magazine.

=

ВОСХОЖДЕНИЕ

■ ▲

PIC-DU-MIDI.

==

Общество наше состояло изъ друга моего, капитана К***, двухъ молодыхъ Англичанъ, Италіянскаго живописца, меня и трехъ дюжихъ охотниковъ, которые служили намъ проводниками. Мы пустились въ то самое время, когда солнце закатывалось за долину Адуръ, столь знаменитую тѣмъ, что здѣсь Велингтонъ проникъ изъ Испаніи во Францію черезъ всю армію маршала Сульта. Цель нашего предпріятія состояла въ томъ, чтобы по закатѣ солнца достигнуть вершины горы, и съ вершинъ Пиренейскихъ насладиться картиною его восхожденія. Мы проѣхали небольшое селеніе Святой Марін, еще съ полдюжины другихъ, съ грубыми, Басскими наименованіями, которыхъ я не припомню; и наконецъ достигли селенія Грипъ: одинъ изъ проводниковъ нашихъ называлъ его La Ggippe, въ честь господствовавшаго тогда повѣтрія, — гриппа. Онъ забавлялся самъ, и забавлялъ своихъ товарищей, подобными остротами; они шутили на природномъ языкѣ своемъ, составленномъ изъ смѣси Испанскаго съ Французскимъ; мы едва понимали мѣстами два, три слова. Неподалеку отъ селенія, мѣстоположеніе начинаетъ возвышаться, и здѣсь образуется уже подошва знаменитой горы, Pic-du-Midi: всё покрыто пастбищами, вездѣ пасутся овцы. При нашемъ появленіи огромныя собаки, оберегательницы стадъ отъ нападенія волковъ, подняли

страшный лай, котораго отголосокъ въ пещерахъ горъ производилъ чудный эффектъ рева тысячи подземныхъ черберовъ. Путь нашъ скоро превратился въ узкую тропинку, которая извивается вверхъ по теченію Адура, стремительно падающаго здѣсь съ порога на порогъ. Но и тропинка становилась всё уже и уже: мы вскорѣ были принуждены спѣшиться, и, подобно нашимъ предшественникамъ, оставили лошадей въ маленькомъ, деревенскомъ *chalais*; ихъ принялъ отъ насъ ожидавшій прислужникъ, одѣтый въ платье изъ овечьей шкуры. Отсюда начинается путешествіе пѣшкомъ. Уже здѣсь ощутили мы холодъ; и провзительные, сильные порывы вѣтра, дующаго между оврагами, напомнили намъ, что мы оставили подъ собою теплый, солнечный міръ, который казался намъ тѣмъ прелестнѣе, что въ томъ мірѣ, куда мы забрались, трудно держаться на ногахъ. Прошедши еще нѣсколько сотъ сажень, мы еще болѣе сожалѣли объ немъ. Почти на половинѣ пути лежатъ одно изъ тѣхъ болотъ и озеръ, которыя такъ часто встрѣчаются въ Шотландіи: около него надобно пробираться по каменной закраинѣ; эта переправа приводитъ въ содроганіе. Путнику стѣдуетъ только оступиться, чтобъ заплатить жизнию за неосторожность; и если даже, при паденіи съ такой высоты, онъ не утонетъ, оледенѣлая тина лишитъ его возможности пошевелиться въ пропасти. Мы прибыли къ этому мѣсту идя гужемъ другъ за другомъ. Уже порядкомъ утомленные, мы стали бранить грозную крутизну, и тѣмъ значительно облегчали свое положеніе. Я не знаю, ничего глупѣе удовольствія побывать на высокой горѣ: со всѣмъ тѣмъ, я взбирался, въ то время, уже на четвертую такую гору, и не ручаюсь, что завтра не полѣзу еще на пятую. Таково челоуѣчество!

Была полночь. Луна только что вошла на горизонтъ, и широко разливала свѣтъ свой по туману,

распространившемся надъ долиною. Между мрачныхъ, исполинскихъ громадъ, лежало море блестящаго серебра,—но намъ было недо видовъ. Намъ предстояла переправа. До-сихъ-поръ я предводительствовалъ шествіемъ, но тутъ нашъ Италіянецъ, страстный любитель мѣстоположеній, обѣжалъ меня, прыгнувъ на выдавшійся утесъ и потомъ ползкомъ спустился на узкую закраину. Одинъ изъ охотниковъ, не желая отстать отъ него, последовалъ за нимъ. У насъ произошло нѣкоторое замѣшательство: въ это время мѣсяцъ скрылся, и рѣзкій, сильный порывъ вѣтра принудилъ насъ всѣхъ прикинуться къ землѣ. Въ одно мгновеніе ока все покрылось густымъ мракомъ; надъ тропинкою посыпалась каменья и раздался дикій крикъ. Я полагалъ, что Италіянецъ или охотникъ, или тотъ и другой, поплатились за свою поспѣшность. Какъ нельзя было и думать о подавнн имъ помощи, не подвергаясь опасности раздѣлить ихъ участь, то я предложилъ приостановиться, добыть огня, и, удостоверившись въ томъ, что случилось съ нашими товарищами, рѣшить, идти ли далѣе или вернуться назадъ. Мысль моя была одобрена; съ помощію фосфорки и кучи сухаго хворосту насъ скоро освѣтило яркое пламя, и мы, съ горящими сучьями въ рукахъ, начали нашъ поискъ. Это послужило къ спасенію Италіянца. Онъ достигъ-было до половины закраины, — до того мѣста гдѣ находится поворотъ, едва въ одинъ футъ шириною; послѣдній лучъ скрившейся луны отразился подъ нимъ на днѣ страшной пропасти, и голова у него закружилась. Онъ не смѣлъ двинуться впередъ, и внезапная темнота повергла его въ совершенное отчаяніе. Не видя никого изъ насъ, онъ заключилъ, что всѣ мы обрушились, рассказывалъ намъ послѣ, что первою его мыслию было-броситься въ бездну, чтобъ однимъ разомъ избавиться отъ своего страшнаго, висячаго положенія. Онъ даже на-время лишился слу-

ха, и не слыжалъ нашего крика. Къ счастью, свѣтъ пламени привелъ его въ чувство, и онъ прильнулъ къ скалѣ. Блескъ нашихъ лучинъ довершилъ его спасеніе, хотя, въ первую минуту страха онъ подумалъ, что солнце восходитъ подъ его ногами и насталъ послѣдній день. Цѣлые полчаса послѣ того, какъ мы вывели его изъ этого положенія, онъ былъ какъ безумный отъ радости; плясалъ, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, обвинялъ каждого изъ насъ. Послѣ Итальянца мы начали отыскивать охотника, хотя не имѣли ни какой надежды спасти его, потому что крикъ и паденіе каменьева удостоверяли насъ въ его несчастной участи. Мы зажгли еще нѣсколько свѣточей и начали кричать какъ-можно громче; одинъ изъ охотниковъ выстрѣлилъ изъ ружья: не было отвѣта, и мы сочли товарища нашего погибшимъ. Продолжать путь, предпринятый изъ пустаго любопытства было бы безумно; и мы единогласно рѣшили возвратиться домой съ горестнымъ извѣстіемъ. Уже начали мы спускаться, какъ наверху послышался снова шумъ падающихъ камней и слабый крикъ. Мы увидѣли, что несчастный Ловчій лежалъ на каменной площадкѣ, въ двадцати или тридцати футахъ надъ нашими головами. Призвавъ пастуха, близлежащаго *chalaïs*, мы, съ помощію веревокъ, сдѣланныхъ наскоро изъ соломы, стащили его оттуда. Онъ былъ полумертвъ отъ страху. Торопясь опередить насъ на переправѣ около озера, онъ ступилъ на слабо державшійся камень, зашатался и, объятый ужасомъ, сдѣлалъ невѣроятное усиліе, — поднялся къверху по перпендикулярной скалѣ и достигъ вышины, почти вдвое превосходящей собственный свой ростъ; тамъ онъ уцѣпился за растенія, но они вырвались и, увлекая за собою камень и землю, посыпались въ воду. Этотъ-то шумъ приняли мы за его паденіе въ озеро. Онъ вовсе не помнилъ, какимъ образомъ полезъ на это возвышеніе и очутился на пло-

щадкѣ, гдѣ онъ ту жъ минуту заснулъ крѣпкимъ сномъ, со страху.

Продрогнувъ отъ холоду, мы выпили по рюмкѣ водки, и снова направили путь къ вершинѣ. Я далъ моимъ спутникамъ надлежащее наставленіе, раздѣлилъ ихъ попарно, съ тѣмъ чтобы одинъ могъ подать помощь другому, и торжественно повелѣлъ ихъ по страшному борту. Вѣтеръ всего болѣе препятствовалъ нашему шествію; я право дивлюсь какъ никого изъ насъ не снесло въ долину. Мы вступили въ снѣжную полосу. Снѣгъ былъ глубокой въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ вѣтру. Странно видѣть снѣгъ вполоніи августа подъ знойнымъ небомъ юга! Я прозябъ до костей. Мы безпрестанно поддерживали свои силы, по обыкновенію горцевъ, водкою, и достигли наконецъ до вершины. Мы потеряли столько времени въ хлопотахъ у переправы, что едва не упустили главной цѣли нашей экспедиціи, то есть, едва не опоздали къ восходу солнца. Густой мракъ начиналъ видимо рѣдѣть, блѣдые лучи свѣта пробивались сквозь облака со стороны востока, и неровная верхушка пика начинала мало-по-малу очерчиваться въ сѣромъ воздухѣ. Мы дружно устремились къ ней черезъ трещину, по голому камню. Пособляя другъ другу и цѣпляясь горными крючковатыми палками, мы всѣ вмѣстѣ вступили на темя горы. Мы ошиблись, полагая, что видѣли изъ долины самую верхнюю оконечность пика: это былъ только узкій, неровный уголъ скалы, расщепленной многочисленными удами грома. Передъ нами открылась безпредѣльная картина.

Все подъ ногами нашими было нѣсколько времени покрыто тмою, сквозь которую проглядывали Пиреней, подобно островамъ на океанѣ. Басскія селенія, разбросанныя подъ нашими ногами, казались математическими точками. Вся обширная окрестность подо-

швы Пика, усыпанная холмами, представлялась намъ въ видѣ раковины, исчерченной серебряными змѣйками, которыя означали бѣгущіе по ней горные потоки. Туманъ началъ разсѣиваться: тогда открылась Тулуза, которую можно было бы подать къ завтраку на тарелкѣ. Какъ, неужели въ этомъ ничтожномъ пирожкѣ, есть люди, которыхъ считаютъ великими, есть дѣла, которымъ приписываютъ всемірную важность, есть умы, которые судятъ о природѣ и мірахъ, есть гордость, есть тщеславіе, есть честолюбіе? Въ этомъ пирожкѣ? Нѣтъ, тамъ могутъ только гнѣздиться черви! Воля ваша, а когда поглядишь съ высокой горы, наше величіе чрезвычайно мало. Орлы, которые живутъ на этихъ вершинахъ померли бы со смѣху, если бы они читали наши исторіи и академическія рѣчи. Вошло солнце, и передъ насъ предстала выпрепная картина южнаго утра, распространяющагося по необозримому горизонту. Вотъ гдѣ величіе! Вотъ то, чему позволено быть нѣсколько тщеславнымъ собою!..... Мы ошиблись только въ одномъ: съ восходомъ солнца, отдаленные предметы не прояснились, а еще болѣе перемѣщались. Тулуза мгновенно скрылась отъ нашихъ глазъ; она была поглощена массою золотыхъ лучей. Адуръ и другія прилегающія къ ней рѣки походили на разноцвѣтную паутину. Но богатѣйшимъ украшеніемъ картины были Пиреней, и въ особенности гора Mont-Perdu: бока ея сіяли всеми оттенками зелени, вершина отражала первые лучи солнца, и вся гора уподоблялась серебряной твердынь, окруженной мрачными облаками.

Хотя, конечно, ни какое описаніе не можетъ сравниться съ такими зрѣлищами, но должно признаться, что до-тѣхъ-поръ пока люди не выдумаютъ способа управлять воздушными шарами или не изобрѣтутъ крыльевъ, главнѣйшее удовольствіе восхожденій, подобныхъ нашему, будетъ заключаться въ ожи-

даніи. Бѣльшеею частію духъ любопытства, оживляющій путешественника, испаряется или простываетъ прежде нежели успѣешь взобраться до верху. Мы устали до-смерти, и хотя сидѣли на вершинѣ одной изъ великолѣпнѣйшихъ горъ Европы, однако, — подлое племя челоуѣкъ, — гораздо менѣе помыслили мы о красотѣ великаго чертога природы, котораго исполнинскія двери были отворены передъ нами, нежели о удобствахъ нашей гостиницы и о возможности насладиться спокойнымъ сномъ далеко отъ бурь, холоду и пещеравъ шириною въ полдюйма.

Мы стали спускаться какъ скоро увидѣли, что солнце, озаривъ небесный сводъ, начало собирать туманы въ огромныя массы, которыя тихо подымались на верхъ, прижимаясь къ бокамъ горъ. Препятствій врагъ нашъ, вѣтеръ, также началъ грозно завывать, шумя въ ущелияхъ подобно грому. Если бъ поднялась буря, она вѣроятно бы сорвала и бросила насъ верстъ за сто. Мы спѣшили сколько могли. Путешествіе наше хотя не безъ затрудненій, однако кончилось безъ дальнѣйшихъ происшествій. Послѣ двадцати часовъ почти безпрестанной ходьбы, я съ восторгомъ ступилъ на ровную землю, которая показала мнѣ такимъ чуднымъ изобрѣтеніемъ природы, что я готовъ поговорить еще о ровной землѣ, начиная съ Барейской гостиницы, ея первѣйшаго украшенія.

Барейская гостиница плоха, какъ всѣ гостиницы южной Франціи и какъ самый городъ Барейжъ, въ которомъ я пробылъ цѣлый мѣсяць. Мнѣ хотѣлось испытать здѣшнія воды надъ раною, полученною въ одномъ жаркомъ дѣлѣ въ Персидскомъ Заливѣ. Объ этихъ водахъ идетъ слава, что онѣ излечаютъ всѣ возможные раны. Послѣ минеральныхъ водъ Англіи, такъ хорошо устроенныхъ и окруженныхъ безчисленными удобствами, и вообще послѣ водъ образо-

ванныхъ государствъ, Пиренейскимъ водамъ нечѣмъ хвастать. Несчастные больные принуждены вариться въ узкихъ темныхъ ящикахъ. Чтобы хладнокровно смотрѣть на эти ванны, надобно быть отмѣнно здоровымъ: я, всякой разъ, отправляясь въ нихъ, призывалъ на помощь всю мою философію. Но послушайте тамошнихъ жителей и вы подумаете, что времена Римскихъ чудесъ совершенно затмилась. По ихъ мнѣнію, эти заведенія не имѣютъ себѣ равныхъ, и больному стѣдуетъ только нѣсколько разъ побывать въ ящикѣ, чтобъ изцѣлиться отъ какой бы то ни было болѣзни. Послѣ этого, удивительно, что Барезскіе жители рѣшаются умирать отъ первой лихорадки. Но я долженъ признаться, что эти воды помогли мнѣ, не смотря на отвратительный видъ ваннъ и на свой ужасный запахъ. Привычка много дѣлаетъ: спустя нѣсколько времени, эти воды, отъ которыхъ пахнетъ какъ изъ нечищенного ружья, становятся, если не пріятными, по-крайней-мѣрѣ сносными, и сладостная надежда возвратить себѣ здоровье заставляеть безъ ропота подвергать себя мученью.

На прощанье я посетилъ живописнѣйшій въ Пиренсахъ, а можетъ быть и во всемъ свѣтѣ, водопадъ или, лучше сказать, соединеніе нѣсколькихъ водопадовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Гаварини. Этотъ водопадъ не имѣетъ ни какого сходства съ тѣми горными каскадами, которые Сальваторъ Роза изображалъ на своихъ картинахъ. Около него нѣтъ ни возвышеній, ни лѣсовъ, ни романтическихъ скалъ: не смотря на это онъ производитъ необикновенно сильное впечатлѣніе. Каждый путешественникъ уподобляетъ его чему-нибудь: мнѣ кажется, что всего скорѣе можно сравнить его съ колоссальнымъ мраморнымъ амфитеатромъ, въ который съ самыхъ верхнихъ ступеней мчится огромная масса воды. Геологи увѣряють, что

это кратеръ нѣкогда страшнаго вулкана. Ихъ предположеніе опровергается тѣмъ, что въ окрестностяхъ нѣтъ ни какихъ вулканическихъ слѣдовъ. Но теоретики отвѣчаютъ, что вулканъ могъ существовать за нѣсколько милліоновъ лѣтъ, когда земля была мягка какъ миндальное тѣсто. Такъ какъ я знаю, что для всѣхъ ихъ, вообще, и для тѣхъ, которые напечатали уже свои теоріи, въ особенности, аргументы ничего не значатъ, то и не пускаюсь съ ними въ споры, и заключу мое восхожденіе на Pic-du-Midi тѣмъ, что во всѣхъ городахъ этой страны встрѣчалъ я множество Испанцевъ, бѣжавшихъ отъ междоусобій, которыя раздраютъ ихъ несчастное отечество, и что во Франціи, ожидала ихъ голодная смерть.

Athenacium.

ЮНОСТЬ АЛКВИАДА *

СОЧИНЕНІЕ Г. ЛАНДОРА.

«Его добродѣтели, его блистательныя дарованія, его гнусныя пороки представляютъ смѣшеніе самыхъ рѣзкихъ противоположностей, живой типъ Аѳинскаго характера. Воинъ и щеголь, честолюбецъ и сибаритъ, демагогъ и патріотъ, ораторъ и пьяница, заика увлекающій вниманіе своихъ слушателей, мотъ, котораго расточительность приносила честь его родинѣ, человекъ, который хотѣлъ дать своему отечеству владычество надъ міромъ и который ввергъ его въ погибель. Вотъ Алквиадъ.» *Сенфордъ.*

I.

Мастерская Фидіаса. Алквиаду шесть лѣтъ отъ роду.

ФИДИАСЪ. ПЕРИКЛЪ.

ФИДИАСЪ. (Смотритъ внимательно на стоящую передъ нимъ статую; потомъ оборачивается и при-

* Мы помѣщаемъ эту статью по двумъ уважительнымъ причинамъ: первое, потому что обѣщали сообщить ее, говоря однажды о сочиненіи Г. Landor'a, «Аспазія»; второе, потому что и у насъ, на Руси пытались писать «Исторію въ разговорахъ». Сочинители этихъ разговорныхъ исторій найдутъ въ очеркѣ молодости Алквиада опытъ того, какъ умно, живо, прелестью, можно превращать историческое повѣствованіе въ разговоры, а читатель такихъ исторій — образецъ того, чего позволительно требовать отъ нихъ сочинителей. Замѣтимъ еще, что заставляя говорить приличнымъ образомъ такія лица, каковы Периклъ, Сократъ, Алквиадъ, Аспазія, должно быть *нѣсколько труднѣе чѣмъ* выводить на сцену нашихъ болѣе шестнадцатаго вѣка. Тѣ, которые читали Платоновы «Бесѣды», отдадутъ справедливость искусству, съ какимъ авторъ этого очерка поддѣмался, въ VIII и IX сценахъ, подъ манеру Сократа, или, такъ называемую, его «вопросительную діалектику».

Т. XVIII. — Отд. II.

отвѣтствуетъ входящаго Перикла). А. это ты Периклъ! Милости просимъ. Я только что о тебѣ думалъ.

периклъ. Чтò, вѣрно, опять готовишь новое образцовое произведеніе.

Фидіасъ. Не совсѣмъ такъ. А вотъ, люблюсь отличнѣйшею работою, какая только могла выйти изъ подъ рѣзца ученика. Ты знаешь Левкиппа? Того самаго, котораго я называю первымъ изъ моихъ учениковъ. Посмотри же на этого Купидона, и скажи самъ, не заслуживаетъ ли онъ того названія.

периклъ (*осматривая статую, которая представляетъ Купидона, держающаго себѣ лукъ изъ пащцы Геркулеса*). Заслуживаетъ ли? Какъ-нельзя-болѣе! Восхитительно! Какой нѣжный и очаровательный взоръ! Кажется, такъ и вызываетъ любовь; во всемъ печать божественности, и вмѣстѣ младенческой невинности, дѣтской граціозности и прелести. Я ничего не видалъ подобнаго.

Фидіасъ. Такъ ты думаешь.....

периклъ. Что ученикъ, который употребилъ свой рѣзецъ на произведеніе этого опыта — совершенный, истинный художникъ. (*Молчаніе. Периклъ продолжаетъ разсматривать статую съ бôльшею внимательностью*). Однако жъ, другъ мой, чѣмъ долѣе я всматриваюсь, тѣмъ болѣе нахожу, что тутъ не достасть чего-то, чтò вѣрно я бы нашель, если бы ты былъ творцемъ этого мрамора.

Фидіасъ. Чтò же такое?

периклъ. Не умѣю выразить, но понимаю чувствомъ. (*Краткое молчаніе*). А, нашель! Вообрази себѣ варвара, который никогда не слыхалъ о божествѣ, которое мы называемъ Купидономъ, ни о приписываемыхъ ему свойствахъ; который не имѣетъ и понятія о значеніи этого лука и этихъ стрѣлъ: положимъ теперь, что мы вдругъ привели бъ его къ этой статуѣ; сказали бы даже, что она изображаетъ бога,

а какого бога, дали бы ему самому отгадать: кажется, что онъ скорѣе назвалъ бы его богомъ невинности, нежели любви. Ну, замѣчасшь ли теперь, чего не достаетъ?

ФИДА СЪ. Еще не совсѣмъ.

ПЕРИКЛЪ. Того соединенія надежды и безпокойства, которыми должны быть проникнуты черты божества любви, и которыя въ каждомъ наблюдателѣ должны производить постоянный приливъ и отливъ ощущеній. Здѣсь, въ этомъ взорѣ, правда, есть томленіе любви, но нѣтъ и слѣда того коварства, которымъ такъ опасенъ сынъ Киприды. Въ этомъ тѣмъ вижу одно только полное спокойствіе любви, какъ въ него ни всматриваюсь. Но будь онъ самъ, — какой смертный не былъ бы смущенъ отъ одного взгляда на него? Тутъ невинность, это условіе дружбы; тамъ печать могущества, грознаго въбравдѣ. Словомъ, передъ нами богъ чистоты: тогда какъ истинный, — положимъ, что мы не посвящены въ высшія его таинства, — есть вмѣстѣ богъ чистоты и коварства, тотъ или другой, или оба вмѣстѣ, какъ случится.

ФИДА СЪ. Понимаю. Но, прости Перикль, я все стою за своего Левкиппа. Что Купидонъ точно таковъ, какъ ты говоришь, не отвергаю; но что бы онъ казался такимъ, въ томъ я сомнѣваюсь. Посмотри, какой поэтъ не дрѣидетъ въ вдохновеніе отъ этого очаровательнаго взора, отъ этой младенческой невинности, разлитой во всѣхъ чертахъ?

ПЕРИКЛЪ. Да; согласенъ; съ перваго взгляду, но не надолго. Внимательный наблюдатель найдетъ, что въ этихъ чертахъ слишкомъ мало выразительности, ужъ по одному тому, что въ нихъ много доброты.

ФИДА СЪ. Замѣчаніе слишкомъ утонченное! Не забудь однако, что передъ нами не самое божество, а только слабое его подобіе, кусокъ камня; что рѣзецъ или кисть художника не въ силахъ уловить болѣе од-

ного момента, одной искры небеснаго огня души, и потому.....

пЕРИКЛЪ. Знаю, что ты хочешь сказать. Сама природа тебя противорѣчитъ. Развѣ она не производитъ такихъ дѣтей, въ выраженіи которыхъ съ одного взгляда открываешь смѣшеніе возвышеннѣйшаго благородства и раждающагося коварства? Несомнѣнные зародыши добродѣтели и порока? Правда, рѣдки они; но бываютъ. Если не ошибаюсь, у меня самаго есть такой маленькій племянникъ.

ФИДІАСЪ. У тебя? Кто такой?

пЕРИКЛЪ. Сынъ Клиніаса.

ФИДІАСЪ. Не тотъ ли, котораго зовутъ Алквивіадомъ?

пЕРИКЛЪ. Тотъ самый. (Съ видомъ удивленія). Но почему тебя извѣстно имя этого шалуна?

ФИДІАСЪ (съ жаромъ). О, скорѣй, скорѣй! заклинаю тебя всѣмъ священнымъ, сведи меня скорѣй къ нему. Вотъ ужъ четыре дни, какъ я ищу его повсюду, чтобъ только на него взглянуть.

пЕРИКЛЪ (съ бѣльшимъ еще удивленіемъ). Ты?..... чтобъ только взглянуть? зачѣмъ?

ФИДІАСЪ. Этотъ мальчикъ, какъ сознается самъ Левкиппъ, подалъ ему первую идею Купидона, котораго мы видимъ передъ собой. Онъ наговорилъ мнѣ три сорока чудесъ объ его красотѣ, и употреблялъ всѣ средства, чтобъ имѣть его своимъ натурщикомъ.

пЕРИКЛЪ. Не ужелп?..... Какимъ же образомъ ему это удалось?

ФИДІАСЪ. Онъ его когда-то видѣлъ въ толпѣ другихъ мальчиковъ передъ домомъ его отца. Физиономія мальчика бросилась ему въ глаза. Долго слѣдилъ онъ его повсюду; снялъ съ него едва ли не двадцать эскизовъ, пока наконецъ удалось ему нарисовать такой, какъ ему хотѣлось; по немъ изваялъ онъ статую, и

назвалъ Амуромъ. И вотъ совершеннѣйшій Амуръ, какого только мнѣ случилось видѣть, пока твои замѣчанія не поколебали моего убѣжденія. Еще разъ прошу, покажи мнѣ этого мальчика, чтобы я могъ самъ судить, въ чемъ ты правъ и въ чемъ ошибаешься.

периклъ. Странно! Удивительно!..... Какъ этотъ маленькій шалунъ сталъ бы радоваться и прыгать, когда бъ зналъ, что его изображеніе будетъ предметомъ всеобщаго поклоненія! Пойдемъ, покажу тебѣ. (*Остановившись*). Нѣтъ, не лучше ли зазвать его сюда?

Фидіасъ. Для чего?

периклъ (*указывая на статую*). Для сравненія.

Фидіасъ. Точно! Только думаешь ли, что твой племянникъ.....

периклъ. О, это мое дѣло! (*Подходитъ къ дверямъ и кличетъ*). Эвклій! (*Входитъ невольникъ*). Сходи въ домъ къ родственнику моему Клиніаду; отыщи кормилицу Амиклу, и скажи ей, чтобъ она пришла сюда съ своимъ питомцемъ, Алкивиадомъ. Если онъ ззупрямится, скажи ему, что Периклъ его проситъ. Понимаешь? Я прошу.

невольникъ. Понимаю. (*Уходитъ*).

периклъ. Ну, вотъ, другъ мой, наконецъ ты увидишь такого мальчика, какого едва-ли когда видѣлъ; мальчика, которому дай, какъ этому Амuru, согнуть въ лукъ Геркулесову палицу, и онъ ее согнетъ. Назови какую хочешь добродѣтель, ты найдешь ее въ немъ..... нѣтъ, не въ зародышѣ, а уже въ полномъ развитіи: еще шагъ, и этотъ шагъ будетъ переходъ къ пороку. Честолюбивъ какъ душа Фемистокла; любезенъ какъ Кимонъ, лукавъ какъ женщина, и не устрасимъ какъ мужъ; исполненъ дарованій, но, къ сожалѣнію, не знаетъ имъ цѣны.

Фидіасъ. Все это еще болѣе возбуждаетъ мое любопытство. Чтѣ, если онъ не захочетъ прійти?

периклъ. Быть не можетъ. Онъ будетъ непременно. Я зову его! Мое имя такъ громко въ ушахъ этого мальчика, что маленькій чистюлюбецъ не упуститъ случая быть предметомъ моего вниманія. Это не мало придастъ ему спѣси передъ своими товарищами. (*Подходя къ окну, и, посмотрѣвъ минуты съ двѣ на улицу:*) Видишь, не говорилъ ли я тебѣ? Вотъ ужъ онъ бѣжитъ, такъ что невольникъ и Амкла едва могутъ догнать его.

Фидіасъ (*подходя къ окну*). Клянусь богами, славный мальчикъ! Вотъ и онъ насъ завидѣлъ.

периклъ. Да; и тотчасъ перемѣнилъ походку, пошелъ степеннѣе, лишь только замѣтилъ, что его видятъ.

(Алкивїадъ входитъ.)

алкивїадъ. Здравствуйте, Периклъ! Я хотѣлъ было играть, но мнѣ сказали, что ты зовешь меня, и я все бросилъ. Чтѣ ты прикажешь?

периклъ. Тебѣ приказать? Такому милому мальчику (*цѣлуя его*) приказываютъ, когда онъ дурно себя ведетъ; а этого мой Алкивїадъ никогда не сдѣластъ. Слыхалъ ли ты когда про Фидіаса?

алкивїадъ. (*какъ бы обидясь*) Я думаю; вѣдь я уже не дитя; мнѣ шестой годъ.

периклъ. Уже шестой! Подумайте!..... Ты очень старъ. Смотри жъ, вотъ Фидіасъ! Поклонись ему.

алкивїадъ (*окинувъ глазами художника, съ прѣмьтливимъ уваженіемъ*). Ты Фидіасъ?..... Какъ я радъ, что увидѣлъ тебя! Ты долженъ быть великій человекъ: это говорилъ батюшка, и я это чувствую. Я не могу смотрѣть въ лице твоему Юпитеру такъ смѣло, какъ богамъ другихъ художниковъ. Фидіасъ, если ты во чтѣ-нибудь ставишь поздравленіе мальчика, то я поздравляю тебя.

Фидіасъ (*обнявъ его*) Милый ребенокъ! Алкивїадъ, ты уже умѣешь цѣмногими словами лучше хва-

лить нежели другие краснорѣчивые ораторы наши цѣлыми рѣчами.

Алкивиадъ. Неужели умѣю? Мнѣ пріятно это слышать. Можетъ-быть потому, что они менѣе чувствуютъ; а я, повѣрь мнѣ, какъ ни малъ, могу уже сильно чувствовать.

Периклъ. Ахъ, ты, маленькій болтунъ!

Алкивиадъ. Болтунъ? Нѣтъ, извини, дядюшка; молоко-то сосалъ я у Спартанской груди. Оно нѣсколько укрощаетъ потокъ рѣчи, который, по милостя твоей, сталъ свойственъ нашему семейству.

Периклъ. Тонкій отвѣтъ! Но поговоримъ о другомъ. Знаешь ли, что у насъ здѣсь есть твое изображение?

Алкивиадъ. Мое изображение?

Периклъ. Да; именно твое; изъ мрамора; въ мастерской Фидіаса. Ужъ не много ль чести такому шалуну мальчишкѣ.....

Алкивиадъ (*важно*). По-крайней-мѣрѣ довольно чести! Но гдѣ жъ?

Периклъ. Не скажу, ницѣ самъ.

Алкивиадъ. О, когда такъ, извольте. Можно?

Фидіасъ. Можно, другъ мой.

Алкивиадъ. Благодарствую! Пойду жъ искать по всему дому, по всемъ комнатамъ. (*Убѣгаетъ изъ комнаты*).

Периклъ (*обращаясь къ Фидіасу, который съ удивленіемъ смотритъ ему вслѣдъ*). Чтѣ, Фидіасъ, каковъ мой племянникъ? Какъ онъ тебѣ показался?

Фидіасъ. Бѣдный Левкиппъ, какъ далеко ты отъ оригинала! Но все-таки Левкиппъ мастеръ своего дѣла, потому что — кто можетъ состязаться съ такимъ образцемъ?

(*Входитъ Амвціа.*)

Амвціа. Прошу прощенья, батюшки, что бошла ме званал. Мой мальчуга такой рѣзвый.....

ФИДИАСЪ. Ничему здѣсь не сдѣлаетъ онъ вреда. Онъ смотритъ мои статуи, и съ такою разборчивостью, такъ скромно, какъ-будто онъ былъ взрослый и зна-токъ.

ПЕРИКЛЪ. Не хвали его при Амиклѣ. Она суевѣрна, и такъ слишкомъ его любитъ.....

АМИКЛА. Какъ можно не любить его? Да такого мальчика, не въ обиду сказать моему родному Илишѣ, нѣтъ во всѣхъ Аѳинахъ!

ПЕРИКЛЪ. Прекрасно! Не думаешь ли ты въ самомъ дѣлѣ, что онъ безъ порока?

АМИКЛА. У него пороковъ-то больше чѣмъ у всякаго другаго ребенка. Больше чѣмъ у цѣлой сотни самыхъ негодныхъ мальчиковъ. Примѣрно сказать, мой сынъ, Илиша.....

ПЕРИКЛЪ. И ты всё-таки его любишь?

АМИКЛА. Да зато, что на каждый-то порокъ у него по три добродѣтели. Каждой своей шалости онъ умѣетъ придавать такой любезный видъ..... Ну вотъ недалеко какъ за минуту до прихода твоего посланнаго, я видѣла живой тому примѣръ.

ПЕРИКЛЪ. А что такое? Поди сюда, матушка, расскажи намъ.....

АМИКЛА (*одушевленнымъ тономъ*). Вы знаете, что я имѣла счастье родиться Спартанкой. Младшій сынъ мой, который только полгодомъ старше Алкивиада, вскормленъ одною съ нимъ грудью; они всегда жили вмѣстѣ, то въ дружбѣ то въ ссорѣ, какъ искони ведется между мальчиками.....

ФИДИАСЪ. Дай-то небо, чтобы на этотъ разъ дѣло шло только о дѣтской дружбѣ!

ПЕРИКЛЪ. Хорошо, когда бы такъ!..... Ну, Амикла, рассказывай.

АМИКЛА. Мой Илиппъ высокъ и силенъ, какъ всѣ, которыхъ купали въ водахъ Эвроты; этотъ же хоть и слабъ, да и моложе, но ловче его, и въ дракъ часто

одолевалъ моего. Нынче же случилось на оборотъ. Я только что вышла изъ комнаты, какъ слышу крикъ, визгъ. Бѣгу, — и что же? — оба лежатъ на землѣ; Илиппъ сверху; но Алкивиадъ, схвативъ палецъ у своего побѣдителя, такъ сильно стиснулъ его зубами, что мой мальчикъ, забывъ свое званіе, не могъ удержаться, чтобъ не завизжать. Разумѣется, своего я тутъ же за это наказала; но не забыла побранить и Алкивиада, что онъ кусается какъ женщина. Тутъ-то посмотрѣли бы вы, какъ онъ измѣнился въ лицѣ! Навернулись слезы, какъ-будто ему сдѣлана была смертельная обида; но онъ тотчасъ подавилъ плачь; и закричалъ: «Какъ женщина? Ты бы сказала лучше, какъ левъ».

Фидіасъ. Славно! По его лѣтамъ даже невѣроятно.

Периклъ. Не совсѣмъ; я его лучше знаю.

Амикла. Ахъ, дней, недѣль, было бы мало, чтобъ рассказать вамъ одинъ только его необыкновенные поступки! Когда ему было не болѣе двухъ лѣтъ, только что я однажды задумала легонько ударить его розгой, — какъ взглянетъ онъ на меня! Такъ и руки опустились. Или когда еще онъ не могъ говорить, а ему хотѣлось попросить чего-нибудь, то одинъ взглядъ, одно выраженіе личика или пожатіе рученки говорили за него внятнѣе мудреныхъ словъ стараго ретора, который ходитъ къ нашему барину.

Периклъ. Ты заставляешь меня страшиться за него!

Фидіасъ. Страшиться! А я такъ радуюсь.

(Алкивиадъ вбѣгаетъ съ недовольнымъ видомъ.)

Алкивиадъ. К чему вы надо мной такъ подшутили? Я пересмотрѣлъ и перешарилъ весь уголки; видѣлъ много удивительныхъ вещей, но себя не нашелъ.

Фидіасъ. Быть-можетъ; потому, что ты слыш-

комъ далеко искалъ того, что могъ бы найти гораздо ближе.

ПЕРИКЛЪ. Осмотрись, мой другъ. Не заметишь ли ты здѣсь чего?

АЛКВИАДЪ. Что жъ кромѣ Кушидона? (*Всматривается внимательнѣе.*) Ахъ!

АМИКЛА (*которая также не обращала вниманія на статую*). Га! это онъ самъ, какъ живой! Такъ вѣрно, какъ я стою здѣсь!

АЛКВИАДЪ (*съ презрительной улыбкой*). Это не я!..... Такой сонный! Фидіасъ, неужели эта кукла мое изображенье?

ФИДИАСЪ (*съ удивленіемъ*). Кукла?

АЛКВИАДЪ. Конечно, кукла. Посмотри самъ; дай мнѣ стать вровень, и не считай пьедестала: видишь не меньше ли онъ меня по-крайней-мѣрѣ на цѣлыхъ два пальца? Скажи по правдѣ, точно ли это я?

ФИДИАСЪ. Говорятъ. Что жъ, ты не доволенъ?

АЛКВИАДЪ. Нѣтъ. Онъ что то глуповать.

ФИДИАСЪ. Такъ ли ты думаешь и о прочихъ статуяхъ?

АЛКВИАДЪ. О, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ эти (*указывая на двѣ фигуры работы Фидіаса*) совсѣмъ другое дѣло.

ПЕРИКЛЪ. А палица Геркулеса.....

АЛКВИАДЪ. Въ этихъ ручкахъ едвали ей быть лукомъ. Новсѣ-таки мнѣ это больше нравится нежели все прочее. Скажи по чести, Фидіасъ, ты самъ работаешь этого Кушидона?

ФИДИАСЪ. Нѣтъ, Левкищъ; первый, лучший изъ моихъ учениковъ.

АЛКВИАДЪ. Учениковъ? оно и видно. Зачѣмъ же ты не самъ его сдѣлалъ?

ФИДИАСЪ (*съ нѣкоторымъ замышательствомъ*). Потому что у меня не было времени; потому что я.

сказать ли правду, былъ бы не въ силахъ сдѣлать этого.

АЛКИВІАДЪ (*покачавъ головою*). Странно, очень странно: давать дѣлать Купидоновъ Левкиппу! Милый Фидіасъ, молю боговъ, чтобъ у тебя было времени болѣе чѣмъ у кого-либо въ Аѳинахъ!

ФИДІАСЪ. Начто, мой другъ?

АЛКИВІАДЪ. Тогда бы я имѣлъ надежду видѣть свое подобіе не руки ученика, но самого мастера. (*Убѣгаетъ*).

=

II.

Прошло четыре года. Алкивиаду минуло девять лѣтъ. Аѳиняне разбили Віотіпъ въ Коронейскомъ сраженіи. Кливіасъ, отецъ Алкивиада, убитъ. Мать его, Динномаха, еще ничего не знаетъ о потерѣ мужа. Комната Динномахи.

ДИНОМАХА. НЕВОЛЪНИЦА. АЛКИВІАДЪ.

АЛКИВІАДЪ (*вбѣгая въ комнату*). Маменька! дражайшая маменька!

ДИНОМАХА. Чтò съ тобой, сынъ мой!

АЛКИВІАДЪ. Скажи, заклинаю тебя, скажи радоваться, или умереть мнѣ?

ДИНОМАХА. Отчего?

АЛКИВІАДЪ. Отъ двухъ извѣстій: оба пришли въ одно время и оба равно важны. Войско наше.....

ДИНОМАХА. О, говори скорѣй!

АЛКИВІАДЪ. Сразилось съ Віотянами и побѣдило! На улицахъ торжествуютъ побѣду; уже влекутъ жертвы къ алтарямъ боговъ, и жрецы облеклись въ праздничныя гирлянды.....

ДИНОМАХА. И ты усомнился, радоваться ли намъ?

АЛКИВІАДЪ. Ни-мало! но мой отецъ.....

ДИНОМАХА (*съ безпокойствомъ*). Какъ! чтò мое дитя?..... твой отецъ?..... Получены вѣсти объ немъ? Чтò съ нимъ? Каково ему?

алкивѣадъ. Ахъ! Хорошо, очень хорошо! Онъ палъ..... и намъ прислалъ свой щитъ.

диномаха (*въ величайшей горести*). Боги! Ахъ, я несчастная! Клиніасъ, мой безцѣнный Клиніасъ! Палъ? О, зачѣмъ я живу!.....

невольница. Сударыня.....

диномаха. Прочь, прочь! Скорѣй! Бѣги, зови Перикла!

(Невольница уходитъ.)

алкивѣадъ. Не такъ ли я сказалъ, маменька? Чтѣ, плакать ли намъ, иль веселиться?

диномаха. Плачь, плачь, другъ мой! Плачь, пока глаза изсохнутъ, пока сердце разорвется! Наша опора, наша честь, наша слава..... Онъ погибъ! несчастная Диномаха! несчастное дитя! Все, все потеряно!

алкивѣадъ. Все?..... Прости мнѣ, мамены а: еще не все. Картина эта (*указывая на стѣну*) не представляетъ ли битвы при Артемизіи? Корабль этотъ не тотъ ли самый, который мой отецъ самъ вооружилъ, и которымъ онъ потопилъ три непріятельскіе корабля.

диномаха. Увы! тотъ самый.

алкивѣадъ. Тогда, милая, дражайшая маменька, еще не все потеряно, ты имѣешь эту картину и меня.

диномаха. Ничтожное утѣшеніе!

алкивѣадъ. Нѣтъ, совсѣмъ не ничтожное. Картину для воспоминанья, меня для утѣшенія, а современемъ для мести.

диномаха. Тебя, бѣдный, несчастный ребенокъ?

алкивѣадъ. Да. Не всегда жъ останусь я такимъ! Прійдетъ пора, и я возьму мечъ и щитъ, говорилъ мой родитель: тогда я принесу ему кровавую жертву. Не плачь такъ горько, маменька: у тебя еще есть картина и я.

III.

Отдаленная и пустая Афинская улица.

АЛКИВИАДЪ, МЕЛИТЬ, ТИМНИХЪ,

и нѣсколько другихъ мальчиковъ играютъ въ домики.

АЛКИВИАДЪ. Ну, кончили вы свою постройку?

МЕЛИТЬ. Я готовъ.

ТИМНИХЪ. И я.

МАЛЬЧИКИ. Мы все кончили.

АЛКИВИАДЪ. Пойдемъ, похвастаемъ нашею работою. Мелить, почему твой домъ такъ простъ и скромнень?

МЕЛИТЬ. Потому что я хотѣлъ сообщить ему все удобства. Смотри, вонъ рядъ комнатъ, вонъ столовая, дворъ, огородъ, конюшни, погреба. Чего еще вамъ нужно больше?

ТИМНИХЪ. Украшеній! Я — такъ старался подѣлать ихъ какъ-можно больше. Не правдали, Алкивиадъ, я построилъ лучше? Вездѣ золотое, серебро, въ каждой комнатѣ Тирскіе обои, а снаружи весь какъ ярко раскрашенъ!

МЕЛИТЬ. Да! Зато какія дурныя, кривыя комнаты, какой тѣсный дворъ, какія жалкія сѣни! Вездѣ сколько забыто нужныхъ вещей! Не такъ ли?

Нѣкоторые мальчики. Мелить правъ!

Другіе мальчики. Нѣтъ, нѣтъ, дурно!

МЕЛИТЬ и ТИМНИХЪ. Пусть Алкивиадъ рѣшить.

АЛКИВИАДЪ (*съ судейскою важностью*). Хорошо. Ты, Мелить, перенеси свой домъ въ Спарту; а ты, Тимнихъ, отдай свой женоподобный Персамъ. Теперь посмотрите: я совсемъ иначе построилъ мой домикъ. Я помню, что живу въ Афинахъ, и построилъ какъ Афинянинъ. Не забыты ни украшения ни удобства. О, я еще хорошо помню слова моего отца, — что тотъ и благоразумнень, который заслуживаетъ похвалу тол-

пы наружнымъ великолѣпиемъ, а одобреніе мудреца удобствами въ домашнемъ быту! Взгляните, братцы, на мой домъ, и рѣшите.

всѣ мальчики. Правда!..... И опять-таки Алкивиадъ взялъ верхъ.

Алкивиадъ (*съ ушмшкой*). Опять? Я удивляюсь, что вы это говорите, какъ-будто вы еще къ тому не привыкли.

нѣсколько мальчиковъ (*оглянувшись назадъ*). Ай, ай, наши домики! наши домики! Смотрите, прямо на насъ ѣдетъ вотъ эта грязная телега! Она все опрокинетъ!

другіе мальчики. Да развѣ насъ мало? Мы ее поворотимъ назадъ.

нѣсколько голосовъ. Просить погонщика чтобы онъ воротился.

другіе голоса. Алкивиадъ! Алкивиадъ! что намъ дѣлать?

Алкивиадъ (*спѣсиво*). Что угодно! Когда дѣло дойдетъ до дѣла, я помогу.

тѣмъ изъ (*обращаясь къ погонщику, ласково*). Другъ мой, сдѣлай одолженіе, поѣзжай назадъ! Мы думали, что намъ здѣсь, въ этомъ переулкѣ, никто не помѣшаетъ, и настроили домиковъ. Влишь, какіе хорошенькіе!

погонщикъ. Пустое! Прочь съ вашими игрушками! Мнѣ нужно тутъ проѣхать.

мелитъ (*повелительно*). Повороти сію жь минуту, нето мы закидаемъ тебя камнями.

погонщикъ. Какъ! еще грозить? Попробуй-ка. Прочь съ дороги, мальчишка, иль я тебя такъ отдѣлаю плетью по спинѣ, что двѣ недѣли будешь почесываться. Ну, пошелъ!

Алкивиадъ (*ласково*). Ужели ты не уступишь, упрямый человекъ? Если бѣ даже я попросилъ?

погонщикъ. А ты что за птица, моя куколка?

Алкивиадъ (съ увѣренностью). Я..... я Алкивиадъ. погонщикъ. Алки..... Какъ? Поди ты, шутъ! Я отродясь не слыхалъ этакого имени.

Алкивиадъ. Такъ ты вѣрно, сего дня только первый разъ въ Аѳинахъ. Ну, прошу же тебя. ступай назадъ.

погонщикъ. Убирайся, чертенокъ! Прочь, не то я.....

Алкивиадъ (бросается въ глубокомъ отчаяніи передъ лошадьми). Хорошо! Ступай, если можешь.

всѣ мальчики. Боги! Алкивиадъ, что ты?

погонщикъ. Ребенокъ, съ ума что ли ты сошелъ?

Алкивиадъ. Ступай, говорю, когда такъ непременно хочешь. Что тебѣ беречь какого-нибудь шалуна, котораго имени ты никогда еще не слыхалъ!

погонщикъ. Такъ оставайся же здѣсь весь вѣкъ! Этакое повѣсы я никогда еще..... (Между-тѣмъ поворачиваетъ свою телегу, бормоча сквозь зубы). Вишь какой плутяга!..... Однако я бы хотѣлъ, чтобъ мой сынъ былъ похожъ на него..... (Утѣжаетъ).

=

IV.

Прихожая Перикла. Алкивиадъ уже юноша.

НЕВОЛЬНИКИ. АЛКИВИАДЪ. ПЕРИКЛЪ.

Алкивиадъ (входя). У себя Периклъ?

невольникъ. У себя, но, не знаю, можно ли съ нимъ видѣться.

Алкивиадъ. Почему?

невольникъ. Потому, что онъ очень занятъ..... (споголоса) изволить думать объ отчетѣ, который ему надобно представить Аѳинянамъ, въ своемъ управленіи.

Алкивиадъ (засмѣявшись). Гмъ! зачѣмъ онъ лут-

ше не подумаетъ, какъ бы вовсе не давать отчета. Кажется, это было бы гораздо легче.

пЕРИКЛА *(являясь въ дверяхъ съ улыбкой)*. Прекрасный совѣтъ! Слушай, племянничекъ, ты что-то очень скоро сдѣлался государственнымъ человѣкомъ. Однако войди, мой глубокомысленный политикъ.

АЛКИВИАДЪ. Съ твоего позволенія?

пЕРИКЛА. Натурально. Невольникъ впрочемъ не солгалъ: это утро сказываюсь я дома для весьма не многихъ; ты изъ ихъ числа. *(Алкивиадъ входитъ въ комнату.)* Ну, что ты мнѣ принесешь?

АЛКИВИАДЪ. Аттестаты моихъ учителей за весь мѣсяцъ, котерому сегодня конецъ.

пЕРИКЛА. Хорошо. Давай ихъ. По твоему веселому виду, я напередъ знаю, что они хороши.

АЛКИВИАДЪ. Это можно видѣть по одному тому, что я самъ ихъ принесъ.

пЕРИКЛА *(разсматривая аттестаты)*. Очень хорошо! Ба! да тутъ не всѣ; одного недостаетъ.

АЛКИВИАДЪ. Быть не можетъ. Какого?

пЕРИКЛА. Исменіева.

АЛКИВИАДЪ *(презрительно)*. Исменіева! Флейтиста. К чему его имени быть въ кругу этого почтеннаго общества? Грязные лохмотья сами знаютъ, что они не достойны быть подлѣ пурпура.

пЕРИКЛА. Острословъ! Ты, вѣрно, думаешь, что я уже забылъ послѣднюю комедію Аристофана, и не замѣчу, что ты крадешь оттуда свой отвѣтъ? Ты знаешь, что я нанялъ Исменія давать тебѣ уроки на флейтъ: почему я его здѣсь не вижу?

АЛКИВИАДЪ *(обидясь)*. Будетъ ли также остро, если я скажу: его потому здѣсь не видно, что онъ меня не видитъ.

пЕРИКЛА *(съ строгимъ видомъ и тономъ)*. Поэтому учитель правъ, когда онъ жалуется, что ты прини-

маешь его ужасно грубо, насмѣхаешься надъ его искусствомъ.....

Алкивидъ. Прости, Периклъ, моей откровенности: онъ совершенно правъ.

Периклъ (съ гнѣвомъ). Какъ! Это ли послушаніе, которое ты мнѣ обѣщаль? Развѣ ты такъ думаешь обходиться съ наставниками, которыхъ я тебѣ даю?

Алкивидъ. О, нѣтъ, нѣтъ, мой родитель. Спроси другихъ: я стараюсь, и умѣю; заслужить ихъ одобреніе..... Но Исменій..... избавь меня отъ этого Исменія!

Периклъ. Да что ты противъ него имѣешь?

Алкивидъ. Противъ него, ничего. Но противъ его искусства. Быть-можетъ, я ошибаюсь, но не самъ ли ты говариваль, что не можешь терпѣть такихъ вещей, которыя хороши только съ одной стороны, а вредны со многихъ другихъ.

Периклъ. Правда. Дальше?

Алкивидъ. Потому я удивляюсь, какимъ образомъ игра на флейтѣ, могла найти сколько-нибудь уваженія въ твоемъ умѣ. Я не говорю — для невольника: но для гражданина!..... Искусство, которое принадлежитъ къ такимъ двусмысленнымъ талантамъ, если еще не хуже!

Периклъ. Чѣмъ же ты докажешь это, другъ мой, чѣмъ докажешь?

Алкивидъ. Вотъ чѣмъ. Изъ всѣхъ инструментовъ, приличныхъ порядочному человѣку, флейта одна, которая обезображиваетъ лице и искажаетъ физиономію. Арфа и лира не портятъ наружности. Играя на нихъ, человѣкъ сохраняетъ благородный видъ. Веселья ощущенія, томная задумчивость, полетъ внезапной мысли, попеременно выражался въ извлекаемыхъ звукахъ, придаютъ новую красоту положенію музыканта, и всѣ несутъ ему въ дань любовь какъ человѣку, удивленіе какъ художнику. Совсѣмъ дру-

гое игрокъ на флейтъ. Его надутыя щеки, напряженныя глаза, искривленный ротъ такъ его измѣняютъ, что самые друзья съ трудомъ узнаютъ его; (*съ видомъ величайшаго отвращенія*;) словомъ, такое придаютъ ему безобразіе, что..... Фуи! я не въ состояніи докончить картины.

периклъ (*всторону*). Бьюсь объ закладъ жизни, что этотъ урокъ дала ему Аспазія. (*Вслухъ*.) Много ли заплатилъ ты твоего сердца, молодой человекъ, тому кто выучилъ тебя этому сужденію?

алкивидъ. Я выучилъ его не сердцемъ. Все, что я сказалъ, обдуманно и обсуждено собственнымъ умомъ моимъ.

периклъ. Но все это пустыя причины.

алкивидъ. Можетъ-быть. Но у меня есть еще другія. Когда играешь на лирѣ, что мѣшаетъ вести разговоръ или сопровождать игру пѣніемъ? Не получаетъ ли отъ этого новой прелести и самая пѣснь поэта? Завистливая флейта требуетъ, напротивъ, одна всего дыханія человека, поглощаетъ всѣ органы голоса. Предоставимъ учиться на ней однимъ Фиванамъ, пасынкамъ природы, которымъ она отказала въ даръ слова. Имъ простиительно домогаться подобныхъ совершенствъ, потому что имъ не дано лучшихъ. Но мы, Аѳиняне, краснорѣчивѣйшій народъ Греціи, и я, съ дѣтства прозванный товарищами ораторомъ, намъ, думаю, даны уста для чего-нибудь лучшаго нежели для надуванія флейты.

периклъ. Bravo, молодой человекъ! ты витѣйствуешь превосходно. Еще одну причину, какъ бы она ни была пуста — и побѣда за тобой, — Исмению отгазуть.

алкивидъ (*хлопая въ ладони*). Только одну! Счастье твое, дражайшій Периклъ; потому что у меня ихъ въ запасъ по-крайней-мѣрѣ дюжина. До этихъ поръ заимствовалъ я свои причины у земнаго; по

слѣдную возьму у самихъ боговъ. Скажи мнѣ, благодѣтель, какія божества главные покровители Аѳинъ? периклъ. Странный вопросъ! Минерва и Аполлонъ.

алкивиадъ. Еще страннѣе то, что именно они объявили себя открытыми врагами флейты! Не Минерва ли съ гнѣвомъ бросила ее отъ себя, когда другія богини шутили надъ ея лицомъ искаженнымъ отъ вгры? Не она ли прзекла страшное проклятіе надъ тѣмъ, кто подыметъ эту флейту? А тотъ, кто дасть почувствовать всю тяжесть этого грознаго проклятія несчастному Марсіасу, которому она досталась, не самъ-ли Аполлонъ?

периклъ. Стой! Довольно, мой милый! Я откажу Исменію, и вмѣстѣ съ тѣмъ увольню тебя на цѣлый день. Не останови тебя, такъ прійдется выслушать исторію всѣхъ боговъ и богинь. Впередъ, если хочешь послушать моего совѣта, вѣрь больше своимъ собственнымъ вымысламъ нежели тѣмъ, которые родятся въ мозгу нашихъ жрецовъ, и нашихъ.....

алкивиадъ. Благодѣтель, ради неба не договаривай! Я дрожу, чтобъ ты не сказалъ — и нашихъ поэтовъ, и нашихъ писателей.

периклъ. Ну, а если бъ такъ?

алкивиадъ. Это было бы неблагодарно. Не они ли даютъ тебѣ безсмертіе?

периклъ. Ужель они одни?

алкивиадъ. По-крайней-мѣрѣ всѣхъ больше и вѣрнѣе. Твой всликопный Одеонъ, твой ямкъ рѣзца Фидіаса — о, твердѣйшій его мраморъ едва ли такъ долговѣченъ какъ страницы нашихъ поэтовъ! Прости мнѣ, если я увлекаюсь: вѣдь я уже читалъ Гомера; еще вчера, когда ты говорилъ съ Аспазією о заслугахъ Фидіаса, о томъ, что ему будешь обязанъ жизнію въ потомствѣ, у меня такъ и вертѣлось на языкъ: покажите мнѣ зданія, памятники искусствъ,

временъ Агамемнона, которые бы такъ хорошо сохранились, какъ пѣсни великаго Меонида!

НЕВОЛЬНИКЪ (*входитъ*). Софистъ Дамонъ пришелъ.

ПЕРИКЛЪ. Впусти его. (*Улыбаясь*) Очень сожалею, что онъ тебя прервалъ. Я замѣчаю, ты расположенъ сегодня выказать весь свой запасъ свѣдѣній. Какъ видно, они ничего не теряютъ въ твоихъ рукахъ. Но сознайся самъ, двухъ софистовъ заразъ слишкомъ много для меня.

АЛКВИАДЪ (*всторону, уходя*). Особенно, когда уже одинъ, первый, не по твоимъ силамъ.

=

V.

Комната въ домъ Перикла.

ПЕРИКЛЪ. АЛКВИАДЪ.

АЛКВИАДЪ (*входя поспѣшно*). Рѣшено! Шагъ сдѣланъ! Первый, важный шагъ.

ПЕРИКЛЪ (*съ удивленіемъ*). Что сдѣлано? Какой шагъ?

АЛКВИАДЪ. Шагъ на томъ поприщѣ, на которое или никогда не должно вступать, или мужественно проходить его; путь, который иногда ведетъ къ величію, но чаще къ паденію; нерѣдко къ тому и другому. Шагъ водить людей за носъ; шагъ къ политической жизни.

ПЕРИКЛЪ. Не собираешься ли ты вхвать къ мудрымъ Индѣйцамъ, что уже заранѣе началъ говорить загадками.

АЛКВИАДЪ. Почему знать! Но прежде всего скажи, Периклъ, сколько было денегъ въ кошелькѣ, который я вчера отъ тебя получилъ?

периklä. Развѣ ты не считаешь?..... Такъ-то цѣнишь ты мои подарки?

алкивиадъ. Именно потому, что я ихъ цѣню! Уважаю не подарки, но дающаго. Впрочемъ, считать деньги, фу! Уступаю это купцамъ и скрягамъ, двумъ классамъ людей, къ которымъ я не имѣю притязанія принадлежать.

периklä. Хорошо; такъ дай ихъ сосчитать своему невольнику, когда хочешь знать, сколько ихъ было.

алкивиадъ. Какимъ же образомъ, любезный дядя? (Показывая пустой кошелекъ:) Смотри: будь проклять тотъ оболъ, который выпадетъ изъ этого кошелека! Я все роздалъ черни.

периklä (съ удивленіемъ). Какъ! всю сумму? Это что? Когда?..... И не предупредивъ меня ни словомъ.

алкивиадъ. Потому, что я самъ того не зналъ, уходя изъ дому. Потому что прежде надобно самому предвидѣть то, въ чемъ хочешь предупредить другаго. (Со смѣхомъ:) Истина, которая можетъ объяснить, почему столько предсказаній нашихъ жрецовъ остаются безъ исполненія.

периklä (съ укорительнымъ видомъ). Сынъ Кливіаса!

алкивиадъ. Довольно. Буду серіозенъ. Только не будь и ты такъ суровъ. Видишь, я шелъ къ Саміанской красавицѣ, о прелестяхъ которой столько всѣ трубятъ. Естественно, что въ такомъ случаѣ я долженъ былъ вооружиться болѣе надежнымъ орудіемъ нежели своей наружностью или любезностью, чтобъ одержать побѣду надъ этимъ женскимъ сердцемъ.

периklä. Какъ ты опытенъ!

алкивиадъ. Плодъ хорошаго дерева скоро зрѣетъ. Теперь, выслушай меня. Невольникъ несъ за мной мѣшокъ, который ты мнѣ далъ, какъ вдругъ воскли-

цація на площади заставили меня свернуть съ дороги и посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Подхожу, — и что жъ! — вижу, Никіасъ окруженъ толпой народа; онъ только-что окончилъ рѣчь холодную, вѣрно, какъ онъ самъ, и готовился разогрѣть ее другимъ огнемъ, бросивъ голодной черни денегъ.

пЕРИКЛА. Никіасъ? Никератовъ сынъ?

АЛКВИАДЪ. Тотъ самый.

пЕРИКЛА. Какъ! онъ такъ рано началъ говорить передъ народомъ?

АЛКВИАДЪ. И мнѣ это показалось страннымъ! Хотя не однихъ лѣтъ, мы знали съ самаго дѣтства, — какъ знаютъ тѣ, которые рождены ненавидѣть другъ друга. Онъ всегда бралъ на себя роль наставника, совѣтника, между-тѣмъ какъ его робость никому не внушала покорности. Въ какой бы то ни было загѣ, я всегда считалъ своей обязанностью ободрять товарищей, и пугать его. Во всемъ находить трудности, препятствія, опасность, вотъ основаніе его ума; и нерѣдко, когда онъ только-что пускался намъ доказывать неисполнимость нашего предпріятія, мы уже его совершали. Слѣдственно, когда я увидѣлъ его на площади, увидѣлъ, что онъ сыплетъ деньги, это такъ меня взбѣсило, что я ту жъ минуту схватилъ мѣшокъ у невольника, и щедрою рукой бросилъ въ толпу вдвое больше. Это, повѣрь мнѣ, Перикла, сдѣлалось въ одно мгновеніе ока.

пЕРИКЛА (*улыбаясь*). Вѣрю, вѣрю.

АЛКВИАДЪ. И одобряешь?

пЕРИКЛА. И одобряю.

АЛКВИАДЪ (*съ восторгомъ, схвативъ его руку*). Великій мужъ! О, дражайшій дядя! такъ долженъ былъ сказать глава Аѳинъ и мой образецъ. Ты одобряешь мой поступокъ? Благодарю тебя за то. Но не ты одинъ; и боги имъ довольны. Лишь-только я сказалъ три слова и бросилъ первую горсть, какъ вся

толпа, оставивъ Никіаса, окружила меня съ радостными восклицаніями. Тщетно онъ кричалъ и упрашивалъ! Едва десятка два съдыхъ головъ на драхломъ тѣлѣ остались у него, не смѣя вмѣшаться въ толпу, которая ревѣла кругомъ меня. Перикль, какъ легко управлять этою сволочью, которую дѣды наши сдѣлали верховнымъ судьей судебъ отечества! Они считаютъ себя свободными, потому что имъ предоставлено право продавать себя кому угодно, — кто больше дастъ..... Я буду управлять ими! Да; буду. Это рѣшено. Дай руку, великій Перикль: я въ душѣ такой же аристократъ какъ и ты, — и умному человѣку нельзя быть иначе, — но я перещеголяю тебя въ демагоги; они будутъ у моихъ ногъ..... мои рабы.....

перикль (*въ изумленіи*). Тише, тише, любезный! Не хочешь ли ты меня свергнуть?

алкивиадъ. Тебя свергнуть? Нѣтъ. Играй ими, сколько хочешь. Моя чередѣ впереди. Ахъ, если бѣ ты видѣлъ Никіаса въ ту минуту! Забытый всѣми, онъ скрылся со стыдомъ, а меня проводили домой со всѣми знаками торжества.

перикль. Лестная награда для такого молодого честолюбца.

алкивиадъ. Но не лучшая. Это только мнѣ польстило. Другая заплатила съ избыткомъ: я приобрѣлъ сокровище, лучше котораго душа не можетъ пожелать: я приобрѣлъ друга. (*Отворяя дверь, кличетъ*). Антиохъ, войди. А ты, Перикль, прими, пожалуйста, этого гражданина какъ моего друга!

Входитъ молодой человѣкъ въ простой одеждѣ и почтительно кланяется Периклу.

перикль (*съ видомъ либеральнаго лорда, который въ эту минуту не имѣетъ надобности въ вашемъ голосѣ*). Кто ты таковъ?

антиохъ. Алкивиадъ уже назвалъ меня; Антиохъ.

перикль (съ прежшмъ видомъ). Имя слишкомъ обыкновенное. Этого не довольно. Твой отецъ?

антиохъ. Спевзипъ; сражался при Микалъ, и палъ.

перикль. Не помню.

антиохъ. Повѣрю; онъ былъ бѣденъ и, что хуже, честенъ: оттого онъ и умеръ въ бѣдности.

перикль (съ негодованиемъ). Алкив.....

алкивиадъ (тихо Периклу). Взоръ этотъ, Перикль, не дѣлаеть тебѣ чести. Прежде нежели сердиться, выслушай, что я скажу тебѣ о моемъ другѣ. (Громко). Видишь. Саміанская дѣва, къ которой я шелъ, изволить до-смерти любить ручныхъ птичекъ. Для шутки, и чтобъ ей угодить, я купилъ перепела и спряталъ въ пазуху. Въ жару, когда я сыпалъ деньги, я забылъ о своемъ узникѣ, который, разумѣется, тотчасъ воспользовался моею безпечностью и — былъ таковъ! Я вскрикнулъ, когда онъ пометѣлъ; вскрикнула толпа, — и бросилась снова подымать съ земли деньги. Антиохъ одинъ кинулся за ней; схватилъ ее, потому что съ обрѣзанными крыльями она не могла высоко подняться, и принесъ ко мнѣ.

перикль. И этого довольно, чтобъ.....

алкивиадъ (тихо). Довольно, думаю; слишкомъ довольно. Вспомни, чѣмъ онъ жертвовалъ? Интересомъ. И для чего? Для моей прихоти. Этого «свободнаго гражданина» я не выпущу изъ моихъ рукъ. Онъ достоинъ быть первымъ моимъ невольникомъ. Въ толпѣ друзей, которые около тебя увиваются, назови мнѣ троицъ, которые, изъ одного тебѣ угожденія, были бы готовы забыть вѣрную выгоду, и, чтобъ тебѣ услужить, не погнались за деньгами: а пѣсколько драхмъ, которыя могли достаться на долю Антиоха, были точно для него богатствомъ. Каковъ же мой Антиохъ?

ПЕРИКЛЪ. Ты, какъ видно, равно хорошо умѣешь разсуждать о пустыхъ и важныхъ дѣлахъ.

АЛКИВІАДЪ. Да не самъ ли ты совѣтовалъ въ пустыхъ дѣлахъ искать зародыша будущихъ важныхъ? Видишь, какъ я пользуюсь твоими совѣтами? (Громко). Антіохъ, дай, братъ, руку! Черезъ десять дней о тебѣ заговорятъ, не какъ о сынѣ Спевзиппа, но какъ о другѣ Алкивиада; имя твое, котораго донынѣ не зналъ первѣйшій изъ Аѳинянь, да будетъ впредь всѣмъ извѣстно, — первымъ и последнимъ. Пойдемъ, дай себя одѣть приличнымъ тебѣ и мнѣ образомъ*.

=

VI.

За городомъ. Алкивиадъ уже въ милости у народа.

АЛКИВІАДЪ. ГЛАВКЪ.

АЛКИВІАДЪ. Такъ въ вашемъ кругу говорятъ обо мнѣ?..... Что жъ они говорятъ?

ГЛАВКЪ. Много страннаго, такъ что не знаешь, вѣрять ли?

АЛКИВІАДЪ. Когда только странное, почему не вѣрять? Я этого не боюсь. Знаешь, я не скрываю своихъ слабостей; все, чего я прошу, не давать мнѣ совѣтовъ.

ГЛАВКЪ. Тебѣ совѣтовать! Это было бы такъ же безразсудно, какъ совѣтовать Ксерксу, который выскъ море. Скажи однако, точно ли у тебя есть собака, за которую ты заплатилъ семьдесятъ минъ**?

АЛКИВІАДЪ. Точно. А что, по-вашему дорого? Красивѣйшее животное, которое не имѣетъ себя по-

* Алкивиадъ любилъ Антіоха какъ Прометей челоѣка, — какъ свое созданіе.

** Около двадцати одной тысячи рублей.

добнаго! Лучшій другъ во всѣхъ Аѳинахъ! Ты не видѣлъ ея? О, вѣрно понравится! Самъ Иперболосъ не найдетъ въ ней порока.

главкъ. Особенно, — прости, что я говорю съ тобой о такихъ пустякахъ, — особенно очень хорошъ хвостъ.

алкивиадъ (*про себя*) Ха, ха! ужъ и то знаютъ? (*Вс. пухъ*) Да; былъ хорошъ.

главкъ. Какъ? неужели правда, что ты, такъ, изъ прихоти, отрубилъ его?

алкивиадъ (*засмѣявшись*). Именно. Только я не думалъ, чтобы Главкъ сталъ ему пѣть элегію.

главкъ. Но скажи, что побудило тебя сдѣлать это? Всѣ Аѳины только объ этомъ и говорятъ, и всѣ въ одинъ голосъ тебя осуждаютъ.

алкивиадъ (*кричитъ во все горло*). Вивааать!

главкъ. Это почему?

алкивиадъ. Потому что такъ дѣлается, какъ я хотѣлъ. Они должны разгадывать меня: это — очень хорошее занятіе для дураковъ. И счастливъ я, если городъ не скажетъ никогда обо мнѣ худшаго! Любопытство и зависть всегда должны имѣть какую-нибудь пищу. Я бросилъ имъ собачій хвостъ, — понимаешь? — чтобы отклонить ихъ вниманіе отъ моихъ плановъ. Пусть умудряются надъ этимъ хвостомъ; и прежде чѣмъ они его разгадаютъ, я между-тѣмъ..... Пойдемъ, Главкъ!

=

VII.

Сначала, Аѳинская улица; потомъ дѣйствіе происходитъ въ школѣ.

АЛКИВИАДЪ. АНТИОХЪ. ПОТОМЪ ДВА УЧИТЕЛЯ.

алкивиадъ. Ты толкуешь мнѣ характеръ Ахилла!

антиохъ. Хотя, кажется, онъ не изъ числа твоихъ любимыхъ героевъ.

Алкивиадъ. Никакъ; или я былъ бы столь же несправедливъ какъ Юпитеръ, который погубилъ Гектора. Однако любимая моя книга, безъ-сомнѣннѣя, Гомеръ. По немъ выучился я читать, и съ тѣхъ-поръ нѣкогда онъ не сходилъ съ моего стола.

Антиохъ. Положимъ. Всѣ-таки иногда ты его забываешь.

Алкивиадъ. Никогда! Но зачѣмъ такъ долго объ этомъ спорить? Въ Аѳинахъ, куда ни пойдешь, вѣроятнѣе есть списокъ Гомера. (*Осмотрѣвшись кругомъ, указываетъ на ближній домъ*). А, вотъ, школа! Войдемъ, спросимъ Гомера.

Антиохъ. Охотно.

Входятъ въ школу, и видятъ множество учениковъ съ двумя учителями.

Алкивиадъ. Который изъ васъ главный?

Первый учитель. Я благословлю день, въ который мы осчастливлены посѣщеніемъ сына Клиніаса.

Алкивиадъ. Благодарю; но, сказать правду, посѣщеніе наше не столько относится къ тебѣ сколько къ твоему Гомеру.

Первый учитель (*покачавъ головой*). Моему Гомеру?

Алкивиадъ. Мы заспорили объ одномъ мѣстѣ Илиады. Каждый утверждаетъ, что хорошо его помнить, и каждый читаетъ его по своему. Подай-ка самъ его самага; увидимъ, кто изъ насъ правъ.

Первый учитель. Чрезвычайно сожалѣю, что не могу тебѣ имъ служить: у меня нѣтъ Гомера.

Алкивиадъ. Нѣтъ Гомера? Шутнишь!

Первый учитель. Зачѣмъ мнѣ шутнишь?

Алкивиадъ. Нѣтъ Гомера! И учитель?

Первый учитель. Да, учитель; а.....

Алкивиадъ (*съ гнѣвомъ*). Это такое преступленіе, котораго ничѣмъ невозможно оправдать! (*Давъ ему*

пощещину) Прими это как советъ заpastись Гомеромъ какъ-можно поскорѣе. Вонъ отсюда! Антиохъ поидемъ къ людямъ. (*Хочетъ идти*).

второй учитель. Погоди немного, горячій молодой человекъ! Успокойся! У меня есть.

алкивиадъ. Точно?

второй учитель. Вотъ онъ.

алкивиадъ. (*Развертывая папирусъ*) Благодарю! Пѣснь первая — вторая — третья (*Внезапно останавливается*). Это что такое? Что за поправки? И приписки на поляхъ?

второй учитель. Это мѣста, которыя я переиhrалъ. Смотри, тутъ ты найдешь много замѣчаній, которыя тебѣ покажутъ, что я не только могу поцимать Гомера, но и поправлять его.

алкивиадъ (*захохотавъ, съ презрѣнiемъ*). И ты еще за это не получилъ награды отъ города?

второй учитель. Нѣтъ.

алкивиадъ. Такъ получишь ее отъ меня. (*Даетъ ему двѣ пощещины*).

второй учитель. Ай! Разбой! Помогите! (*Ученики смѣются*). Наглець! сумасшедшiй молокососъ! Какъ ты смѣешь приходить сюда, чтобъ оскорблять насъ?

алкивиадъ. Молчите, вы, грамматикн!..... словесды! Я пришелъ мстить за Гомера; наказать васъ за обиду, которую вы, певжды, ему дѣлаете.

антиохъ (*останавливаетъ его*). Алкивиадъ, успокойся! Можетъ быть, онъ и хорошо поправилъ. Какъ ты можешь судить о вещахъ, которыхъ даже порядочно не рассмотрѣлъ?

алкивиадъ. Какая мнѣ надобность разсматривать! Взгляни на эту бороду, и скажи мнѣ самъ, поедѣлъ ли бы онъ грамматикомъ, спрягателемъ, если бъ въ самомъ дѣлѣ былъ человекъ съ дарованiемъ или могъ

поправлять Гомера?..... Пойдемъ отсюда! Пойдемъ къ людямъ. (*Уходятъ*).

второй учитель. Ну, если бы онъ не былъ племянникъ Перикла.....! (*Обращаясь къ первому учителю*). Другъ, прошу тебя, помоги мнѣ скропать сатиру на этого негодяя! Ты хорошо слагаешь гекзамеры. А на него надо написать гекзамеромъ.....

первый учитель. Нѣтъ, пиши ты. Пиши ямбами. Мое дѣло постараться, чтобы ее всѣ читали. Я боюсь писать. Этотъ баловень грубаго народа, пожалуй, какъ-разъ бросить меня въ тюрьму, въ какое-нибудь срадное подземелье, даромъ что въ Аѳинахъ позволено всякому писать что угодно. Развѣ это первый примѣръ? Помнишь ли софиста Хрисолла, который написалъ замѣчанія на рѣчь Перикла?

второй учитель. Такъ что жъ теперь дѣлать. Молчать что-ли? Какъ ты совѣтуешь?

первый учитель. Я думаю, — молчать. Оно, видишь, любезный, всё-таки безопаснѣе.

второй учитель (*обращаясь къ ученикамъ*). Эй! вы!..... повѣсы! Что шумите? По мѣстамъ! Склоняйте!

ученики (*садятся на двухъ противоположныхъ скамейкахъ и начинаютъ двумя хорами*):

сей, сѣ, сѣ,	онѣй, оная, оное,
сего, сей, сего,	онаго, оной, онаго,
сему, сей, сему,	оному, оной, оному.
и прочая.	и прочая.

Грамматикн опять счастливы, какъ-будто ни въ чемъ не бывало!

=

VIII.

Домъ Сократа. Алкивиадъ — ученикъ и другъ этого философа.

СОКРАТЬ. АЛКИВИАДЪ.

СОКРАТЬ (*встрѣчая Алкивиада, который весь красенъ отъ досады*). Э! Что это? Мой милый Алкиви-

адъ, ты, кажется, очень раздосадованъ, разгнѣванъ.

Алкивиадъ. Не только кажется, но и въ самомъ дѣлѣ.

сократъ (*захохотавъ*). Я это вижу. Ты такой горячій! Что опять тебя подожгло?

Алкивиадъ. Ты, вѣроятно, знаешь Алкмеона?

сократъ. Сына богача Мегиста? Немножко.

Алкивиадъ. Благодареніе небу, что не больше. Это глупѣйшій, несноснѣйшій осель, какого земля когда-либо носила.

сократъ. Быть-можетъ.

Алкивиадъ. Болванъ; про котораго не знаешь сказать, что въ немъ худшаго, — тѣло ли, голова, или сердце. И ктому такъ нестерпимо падутъ своимъ богатствомъ!

сократъ. Пусть его! Вѣдь надо же цѣнить себя за что-нибудь. Кто не отдалъ бы охотно жизни, если бы не мѣчалъ, что и онъ имѣетъ какое-нибудь преимущество передъ другими?

Алкивиадъ. Правда. Но давать чувствовать прочимъ свое совершенство — слѣдуетъ-ли такъ?

сократъ. Безъ-сомнѣнія, нѣтъ. А развѣ Алкмеонъ это дѣлаетъ?

Алкивиадъ. Разумѣется. Я былъ съ нимъ въ собраніи. Два битыхъ часа болталъ онъ безъ умолку, такъ что у него засохъ языкъ, а у насъ устали уши. А какъ бы ты думалъ о чемъ? О томъ, сколько ему досталось невольниковъ, сколько домовъ онъ купилъ, построилъ или думаетъ построить. Наконецъ, заговорилъ о своихъ земляхъ, — и, повѣришь ли, имѣлъ дерзость сравнить себя со мной?

сократъ. Въ самомъ дѣлѣ? И ты снесъ это терпѣливо!

Алкивиадъ. Ну, нѣтъ. Повѣрь мнѣ, не снесъ. Сначала я ему возразилъ очень хладнокровно; но онъ былъ такъ грубъ, такъ дерзокъ.....

СОКРАТЪ. Что и ты такимъ же сдѣлался? Не такъ ли?

АЛКИВІАДЪ. Безъ-сомнѣнія.

СОКРАТЪ. Не потому ли, скажи, что грубость его была несправедлива?

АЛКИВІАДЪ. Точно такъ.

СОКРАТЪ. И ты замѣтилъ, что это оскорбляло цѣлое общество?

АЛКИВІАДЪ. Какъ не замѣтить!

СОКРАТЪ. И что это казалось неприличнымъ въ собраніи порядочныхъ людей. Не такъ ли?

АЛКИВІАДЪ. Я думаю!

СОКРАТЪ. Теперь скажи, любезный Алкивиадъ: если бь Алкмеонъ пришелъ въ наше общество въ грязной и изодранной одеждѣ; почли ли бы и вы нужнымъ запачкать и изодрать свою?

АЛКИВІАДЪ. Зачѣмъ?

СОКРАТЪ. Или вообрази, что онъ вздумалъ бы свѣсть съ наемными шутами, которыхъ вы любите сажать такъ часто за столы: сдѣлали бь и вы тоже?

АЛКИВІАДЪ. Едва-ли.

СОКРАТЪ. А почему? Потому ли, что это не прилично, унизительно для вашего званія, и обидно всему обществу?

АЛКИВІАДЪ. Именно.

СОКРАТЪ. Не говорилъ ли ты сейчасъ, — плъ я ошибся, — что грубый тонъ въ разговоръ неприличенъ и обиденъ для хорошаго общества?

АЛКИВІАДЪ. Не отрѣкаюсь; говорилъ.

СОКРАТЪ. Хорошо. Послѣ этого мнѣ удивительно, какъ ты захотѣлъ подражать Алкмеону въ одномъ неприличіи, когда не рѣшился бы подражать ему въ другихъ.

АЛКИВІАДЪ. Эти неприличія были бы неприятны всѣмъ, тогда какъ то касалось меня одного. Впрочемъ,

когда кровь моя разъ взволнована , уже ли мнѣ ее успокоивать для каждаго дурака ?

СОКРАТЪ. Вѣрю! это не легко. А общество? чью сторону оно должно принять?

АЛКИВИАДЪ. Мою. А ты ?

СОКРАТЪ. О , естественно ! Сдѣлай одолженіе , милый Алкивиадъ , достань мнѣ этотъ свертокъ .

АЛКИВИАДЪ. Съ удовольствіемъ . *(Снялъ свертокъ съ полки, развертываетъ его).*

СОКРАТЪ. Ты знаешь , что такое изображаютъ эти черты ?

АЛКИВИАДЪ. Грецію . Я хорошо знаю эту карту . Говорятъ , Пифагоръ рисовалъ ее . *(Съ восторгомъ).* Этотъ Пифагоръ былъ удивительный человекъ !

СОКРАТЪ. Да ; точно ; хотя онъ эту карту и не такъ вѣрно начертилъ , какъ бы слѣдовало .

АЛКИВИАДЪ. Покрайней-мѣрѣ она у насъ лучшая .

СОКРАТЪ. Очень радъ , что ты этого мнѣнія . Но у меня что-то глаза слабы . Сдѣлай одолженіе , покажи мнѣ Пелопонесъ .

АЛКИВИАДЪ. Здѣсь !

СОКРАТЪ. Аттику ?

АЛКИВИАДЪ. Вотъ она !

СОКРАТЪ. А твои зсми ?

АЛКИВИАДЪ. Земли мои ?

СОКРАТЪ. Покрайней-мѣрѣ то пространство , которое онъ занимаютъ ; также и Алкмеоновы , что бы я могъ сравнить тѣ и другія .

АЛКИВИАДЪ. Добрый Сократъ , какъ мнѣ ихъ найти ? Какое было дѣло до моихъ земель сочинителемъ этой карты .

СОКРАТЪ. А вѣдь карта вѣрна !

АЛКИВИАДЪ. Разумѣется .

СОКРАТЪ. И твои владѣнія такъ значительны , обширны .

Алкивиадъ. Значительны для меня, а не для него. сократъ. Почему?

Алкивиадъ. Потому, что географу, который изображаетъ государства и страны, все равно, что есть такія-то частныя владѣнія, что нѣтъ ихъ.

сократъ. Правда. Въ томъ-то и дѣло, что въ каждомъ общемъ взглядѣ на вещи, мы упускаемъ изъ виду частности и ихъ взаимныя отношенія.

Алкивиадъ. Что ты этимъ хочешь сказать?

сократъ. Положимъ, что Пифагоръ писалъ бы исторію своего времени: не былъ ли бы онъ обязанъ передать потомству заслуги и добродѣтели нѣкоторыхъ частныхъ лицъ?

Алкивиадъ. Конечно.

сократъ. Полководецъ, наиримѣръ, есть только частный человѣкъ; но если онъ своимъ искусствомъ или храбростію побѣдилъ непріятели, то такой гражданинъ не заслуживаетъ ли похвалъ и прославленія?

Алкивиадъ. Безъ всякаго сомнѣнія.

сократъ. Или мирный законодатель народа? Справедливо ли было бы не спасти отъ забвенія Солонъ?

Алкивиадъ. Разумѣется, не справедливо.

сократъ. Слѣдственно, не обязанность ли историка упомянуть также объ его владѣніяхъ, и очислѣ его невольниковъ?

Алкивиадъ. Едвали.

сократъ. Чтожь должно быть выше въ глазахъ Пифагора, — богатства въ земляхъ и вещахъ, или сокровища ума?

Алкивиадъ. Безъ-сомнѣнія, послѣднія.

сократъ. А то, что Пифагоръ почелъ маловажнымъ для высшаго и мудрѣйшаго существа, не будетъ ли еще ничтожнѣе?

Алкивиадъ. Вѣроятно.

сократъ. Поэтому, что Пифагору казалось песчинкой, то едвали покажется атомомъ пылинки Богу.

Т. XVIII. — Отд. II.

АЛКВИАДЪ. Согласенъ ; такъ.

СОКРАТЬ. О Алквиадъ ! и ты не стыдишься гордиться тѣмъ, что почелъ слишкомъ маловажнымъ даже географъ, котораго, не забудь, вся цѣль измѣрять пространства земли ! И ты еще можешь горячиться и спорить о своихъ незамѣтныхъ клочкахъ ! Что твои владѣнія въ сравненіи съ Аттикой ? что Аттика съ Греціею ? Что Греція съ Европой ? что самая Европа въ отношеніи ко всему объему земли ! Оставь эту бездушную массу ! Обладаніе частичками на ея поверхности, не дастъ безсмертія. Имя бѣдняка Аристида такъ же далеко извѣстно, какъ и богача Кимона. Но то что въ тебѣ, то чѣмъ ты дышешь, чѣмъ мыслишь, — этотъ даръ Божества не гораздо ли дороже всѣхъ твоихъ земель ? Сами боги судятъ тебя по этому ; по этому будетъ судить потомство, смотря по употребленію какое ты сдѣлаешь. И никакой Алкмеонъ съ тобой не поспоритъ, если ты только захочешь быть тѣмъ чѣмъ можешь.

АЛКВИАДЪ. Сократъ, хочу. Вотъ моя рука ! Но пусть и твоя послужитъ мнѣ залогомъ въ обѣщаніи предостерегать меня, когда увидишь, что я буду падать.

СОКРАТЬ. Добрый знакъ ! Кто за ранѣй бонется упасть, тотъ пойдетъ благоразумно, а идущій благоразумно, рѣдко падаетъ.

=

IX.

Комната Теодаты.

СОКРАТЬ, АЛКВИАДЪ, АПОЛЛОДОРЪ И ТЕОДАТА.

СОКРАТЬ (*послѣ долгаго посѣщенія, собирается идти.*) И такъ, друзья, со стороны Теодаты было очень любезно, что она осчастливила насъ позволеніемъ

емъ взглянуть на свои прелести сквозь эти легкія покрывала, чтобы показать собственнымъ примѣромъ до чего могутъ доходить совершенства тѣла. При этомъ однако можно было бы предложить вопросъ: которая сторона болѣе обязана другой, — мы ли, удостоившіеся созерцать ея красоту, или она, показавъ ее?

Алкивиадъ. Какъ это, мой отецъ?

Аполлодоръ. Сократъ, ты шутишь?

Теодата (съ насмѣшкой). Или хотѣлъ сказать любезность въ философскомъ родѣ?

Сократъ. Тише! Погодите. Кто въ выигришѣ, мы ли, что ее видѣли, или она, что показала себя? Не то ли я сказалъ?

Аполлодоръ и Алкивиадъ. Именно.

Сократъ. Такъ выслушайте же меня. Она получаетъ похвалы, которыя сперва льстятъ самолюбію, а потомъ, будучи далѣе распушены, принесутъ ей прибыль. Мы же пріобрѣли новыя желанія, новую страсть, которая поселяетъ отвращеніе къ обыкновеннымъ женскимъ прелестямъ и поддерживаетъ въ насъ желаніе насладиться вновь такимъ же видомъ. Аполлодоръ подходилъ близко къ этому очаровательному созданію. Пусть самъ признается, горѣлъ ли онъ желаніемъ еще болѣе приблизиться. Такимъ образомъ, она становится кумиромъ, а мы только простыми его поклонниками.

Аполлодоръ. Какъ тонко, и какъ справедливо!

Теодата. Очень лестно, Софронискичъ! Клянусь Зевесомъ, если такъ, то мнѣ слѣдовало бы благодарить тебя за это посѣщеніе.

Сократъ (улыбаясь). Прелестная Теодата, въ моей силѣ сдѣлать, чтобъ эта благодарность была сказана прямой отъ сердца.

Теодата. А что жъ въпадаетъ?

Сократъ. Незнаніе тебя короче. Но у меня есть здѣсь порука (указывая на Алкивиада), для которой ты

едва-ли мнѣ откажешь въ желаніи ближе съ тобой познакомиться.

ТЕОДАТА. Разумѣется, но не ближе того, сколько прилично сану философа.

СОКРАТЪ. Конечно, конечно. Но прости, Теодата, мое любопытство. Домъ твой такъ великолѣпнень, отдѣлка его такъ роскошна, утварь такъ драгоценна, толпа слугъ такъ богато одѣта, и твоя собственная одежда такъ блестяща, что, входя сюда, я сначала думалъ, что вступилъ не въ частное жилище, а въ чертоги бога богатствъ, Плутуса. Большія у тебя помыслы?

ТЕОДАТА (*захохотавъ*). О, нѣтъ, дражайшій!

СОКРАТЪ. Такъ вѣрно большіе дома въ городъ?

ТЕОДАТА. Никакихъ.

АЛКИВИАДЪ (*всторону*). Желалъ бы знать, к чему это поведетъ!

СОКРАТЪ. Поэтому, хорошее наслѣдство послѣ отца?

ТЕОДАТА. Ни какого.

СОКРАТЪ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Какъ? А столько великолѣпія! столько игрушекъ роскоши! столько произведеній художествъ!

ТЕОДАТА. Все подарки моихъ друзей!

СОКРАТЪ. Друзей? А, клянусь Юноной, вотъ лучшее богатство! Рота такихъ друзей, мнѣ кажется дороже всѣхъ сокровищъ Креза. Рѣдкое пріобрѣтеніе! Скажи, какъ оно тебѣ досталось? Простымъ ли случаемъ, или какимъ-нибудь искусствомъ?

ТЕОДАТА. Какое же искусство могла я тутъ употребить?

СОКРАТЪ. Какое? Тогда позволь себѣ сказать, что и паукъ умнѣй, предусмотрительнѣе, искуснѣе тебя. Правда, ему часто только случай несетъ мухъ, но все-таки онъ ставитъ сѣти.

ТЕОДАТА. Не принять ли это за советъ и мнѣ статься свѣти? Такъ ли?

СОКРАТЪ. По-крайней-мѣрѣ ты не должна надвѣяться, всегда и каждый разъ ловить эту лучшую изъ всѣхъ добычъ случайно! Смотри, съ какимъ напряженіемъ ловець преслѣдуетъ свою! Для какого-нибудь тщедушнаго зайца, — щадить ли онъ свои силы? не жертвуетъ ли nokоемъ ночи, не терпитъ ли зной днемъ? не для него ли кормить, поднимаетъ, учить цѣлыя своры собакъ? Однѣхъ, чтобъ находить его нору, другихъ попадать на слѣдъ, третьихъ, чтобъ бѣдняка затравить? Накопецъ, если еще и этого мало, какъ неутомимо старается онъ запереть ему всѣ выходы и поставить западню!

ТЕОДАТА. Какъ ты распространился о своемъ ловцѣ! Скажи, что жъ мнѣ взять у него для образца?

СОКРАТЪ. Быть можетъ все! Вотъ, напримѣръ, вмѣсто гончей собаки, заведи себѣ послушнаго пріятеля, который только бы и зналъ, что бѣгать и скликать къ тебѣ богатыхъ молоденькихъ волокитъ, знатоковъ и цѣнителей красоты, — вѣдь не всегда же Алкивиады сами набѣгаютъ въ западню! — и загонять ихъ, какихъ найдеть, въ твои сѣти.

ТЕОДАТА. Въ мои сѣти? Какія же могутъ быть у меня сѣти?

СОКРАТЪ. Такія, отъ которыхъ едва ли кто уйдетъ, — твоя красота. Ея одной уже довольно, чтобъ какъ для Данан превратить любовь боговъ и смертныхъ въ золотой дождь; особенно (съ большимъ выраженіемъ), когда ей дана, какъ мы надѣемся, еще другая сила — даръ болѣе могущественный.

ТЕОДАТА. Какой!

СОКРАТЪ. Душа, чтобы всему дать жизнь. Душа, которая бы тебя учила, какъ взглянуть на того, кому желаешь правиться; что сказать тому, кого хочешь обворожить; какъ принять съ достоинствомъ дань

удивленія, съ равнодушіемъ презрѣніе; душа, которая бы внушала, какъ быть любезной съ тѣмъ, кто истинно тебя любитъ, признательной къ щедрому, внимательной къ страдальцу, сострадательной къ несчастному, искреннею съ другомъ. Что ты умѣешь ужъ любить, сладострастно, нѣжно, откровенно, въ томъ я не сомнѣваюсь. А какъ у тебя такое множество друзей, то вѣрно знаешь, какъ и чѣмъ ихъ пріобрѣтать?

ТЕОДАТА. Ахъ, нѣтъ, Сократъ! Клянусь богами, ты предполагаешь во мнѣ такое искусство, котораго я вовсе не имѣю.

СОКРАТЪ (*посмотрѣвъ пристально на нее*). Не имѣешь? Можетъ ли быть? И будто ты не знаешь, что и сколько нужно для того чтобъ сдѣлать первый шагъ къ тому, кого ты хочешь ободрить и кто тебя нравится, не давая однако того замѣтить? Силой никогда нельзя ни пріобрѣсть ни сохранить друзей. Только кротость можетъ приманить эту робкую добычу; удержать ее въ состояніи одна только доброты.

ТЕОДАТА. Совершенная правда!

СОКРАТЪ. И такъ, сначала требуй только того отъ своихъ друзей, что они охотно могутъ сдѣлать, и что имъ самимъ можетъ быть пріятно. За угожденіе плати другимъ. Все это будетъ болѣе и болѣе приковывать ихъ къ тебѣ, сдѣлаетъ прочнѣе ихъ любовь, — щедрость еще щедрѣй, — а тебя самую еще необходимѣе для ихъ существованья. Еще одно: не будь расточительна черезъ чуръ на ласки! И самыя лакомыя яства тому, кто ихъ не ищетъ, не всегда пріятны, а отвратительны для тѣхъ, кто всѣмъ пресыщенъ. Но какъ-скоро голодь возбужденъ, тутъ и самая простая пища становится вкусна.

ТЕОДАТА. Чѣмъ же возбудить мнѣ этотъ голодь? Скажи; подай совѣтъ.

СОКРАТЬ. Конечно, не одними богатыми, прихотливыми нарядами! Конечно, не однимъ очаровательнымъ положеніемъ! Тѣ не всегда нравятся, къ другому скоро привыкають. Но умѣнемъ ничего не допускать до пресыщенья, убѣгая отъ возбужденныхъ желаній, однако не болѣе того, сколько нужно чтобъ ихъ еще болѣе возбудить терпѣнемъ.

ТЕОДАТА. Bravo, Сократъ! Жизнью клянусь, такого вѣрнаго, тонкаго знанія свѣта я никогда не ожидала отъ тебѣ. Не можешь ли ты самъ помочь мнѣ въ этой ловлѣ друзей?

СОКРАТЬ (*засмѣявшись*). Почему не такъ? Если только ты меня къ тому уговоришь.

ТЕОДАТА. А какъ же это сдѣлать?

СОКРАТЬ. Нѣтъ, нѣтъ, милая Теодата; предоставляю это тебѣ одной!

ТЕОДАТА (*посмотрѣвъ на него съ кокетствомъ и принимая болѣе приманчивое положеніе*). Прошу тебя, навѣщай меня по-чаще!

СОКРАТЬ (*съ улыбкой*). Славно, прекрасная Гречанка! Одну приманку, по-крайней-мѣрѣ, ты уже имѣешь, — взоръ и голосъ. Но, чтобъ сказать тебѣ всю правду, я не всегда имѣю досугъ. Общественныя и домашнія обязанности, прогулки съ тѣми изъ Аѳинской молодежи, которые имѣють ко мнѣ маленькое довѣріе, все это поглащаетъ всю мою дѣятельность. Ктому жъ, у меня есть нѣсколько пріятельницъ, которыя учатъ меня своему колдовству и зельямъ.

ТЕОДАТА. Какъ? Ты и въ нихъ искусенъ?

АПОЛЛОДОРЪ (*всторону*). Вотъ это ужъ я слышу въ первый разъ!

СОКРАТЬ (*шутливо*). Видно такъ! Скажи сама, какъ могъ бы я иначе привлечь къ себѣ Аполлодора, Федона, Критіаса и цѣлую ватагу другихъ? Какъ бы удалось мнѣ привязать къ себѣ всеобворожающаго сына

Клиниаса такъ крѣпко, что и твоя красы, — по ихъ новости, — могли его заставить меня забыть едва ли на нѣсколько дней?

Алкивиадъ (*покраснѣвъ и потупивъ глаза, встопорону*). О, мой учитель, какъ ты заставляешь меня стыдиться самаго себя!

сократъ. Спроси его самого, Теодата, какимъ чародѣйствомъ, какимъ зельемъ, я приворожилъ его къ себѣ.

теодата. Ахъ, умоляю тебя всѣмъ священнымъ, дай и мнѣ эти чары, чтобъ я могла ихъ испытать на тебѣ же первомъ!

сократъ. Да сохранить меня Зевесъ! Я не желаю быть причарованнымъ. Все, чего я хочу, привлечь самому.

теодата. И ужъ успѣлъ, старый Фавнъ! Отнынѣ я съ удовольствіемъ буду тебя посѣщать, если только могу быть увѣрена въ пріемъ.

сократъ. Въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, я что-то сомнѣваюсь! До-сихъ-поръ двѣ только гостыи меня подчасъ павѣщали, — спокойное размышленіе и небесная муза. Промѣнять ихъ на вѣтрреную любовь было бы безразсудно, и по моимъ лѣтамъ и по моему званію. Но на этотъ разъ довольно. Дѣла зовутъ меня домой. Такъ, молодые люди (*обращаясь къ Алкивиаду и Аполлодору*), угодно ли вамъ остаться здѣсь, у Данаина ложа, или итти съ Софронискичемъ, оставляю на вашу волю.

Алкивиадъ. Иду съ тобой!

Аполлодоръ. Я также.

сократъ (*улыбаясь*). Видишь, Теодата? Новое доказательство моего чародѣйства. Иначе, что бы могло заставить этихъ юношей оставить прелестнѣйшую изъ женщинъ и итти за безобразнымъ старикомъ, какъ я?

=

X.

Алкивиадъ у Аспазіи. Комната Аспазіи.

АСПАЗІЯ. АЛКИВІАДЪ.

аспазія. Да перестанешь ли ты когда-нибудь, болтунь неистощимый? Вотъ уже который день всё та же пѣсня! Неужели ты думаешь, что я вовсе не знаю вашего ремесла обманывать женскія сердца, потому смѣяться надъ ихъ же легковѣрностью; что я повѣрю всѣмъ твоимъ рѣчамъ безъ значенія — всѣмъ твоимъ словамъ безъ чувствъ?

алкивиадъ. Аспазія! клянусь всѣмъ священнымъ, я уже не нахожу словъ для выраженія того огня который сожигаетъ всю мою внутренность. Очаровательное существо! Чье сердце въ состояніи вмѣстить въ себя всё ощущенія, которыя рождаются при видѣ твоихъ прелестей? Какой языкъ ихъ выразить? Эти глаза, уста, грудь..... самая богиня любви не можетъ.....

аспазія. Ха, ха, ха! Перестань же, прошу тебя; или дай мнѣ воды забвенія, чтобы забыть все, что ты наговорилъ. Эти уста, глаза, грудь! Да; правда, Алкивиадъ; не отрицаю, — это было бы верхъ ложной скромности, — что все это имѣло нѣкогда свою цѣну и не разъ доставляло торжество ихъ хозяйкѣ.....

алкивиадъ (*прерывая*). Ахъ, кто сильнѣе меня это чувствуетъ? Кто.....

аспазія (*заслонивъ ему ротъ рукой*). Молодой человекъ! эти уста цѣловалъ Периклъ, когда ты еще едва-ли могъ лепетать слово «поцѣлуй»; первенецъ мой, который покоился, или могъ бы покоиться на этой груди, когда бы дожилъ до этой поры, былъ бы теперь старше тебя нѣсколькими мѣсяцами, мой безбородый обожатель!

алкивиадъ (*улыбаясь*). Пусть такъ! Будь я льстецъ, я бы отвѣчалъ, что прелести твои не ста-

рѣютъ! Всякой другой, кто считаетъ себя не хуже Анакреона, былъ бы радъ и этой мечтѣ; но для меня это чистая, совершенная истина. Положимъ, обворожительная Аспазія, что твои лазуревые глаза блистали прежде живѣе и ярче; что эти алебастровыя ручки восхищали, можетъ-быть, еще бѣльшею округлостью формы; что эта грудь, эти плечи, лѣтъ за десять были полнѣе чѣмъ нынче. Пусть все это такъ. Теперь отгадай же, какія чувства возбудило во мнѣ это предположеніе.

АСПАЗІЯ (*потупивъ глаза при послѣднихъ словахъ*). Состраданіе, — если ты мнѣ другъ; презрѣніе, — если ты похожъ на прочихъ мужчинъ.

АЛКВИАДЪ. Не отгадала! Признательность и радость.

АСПАЗІЯ (*съ удивленіемъ*). Ужъ не во снѣ ли ты говоришь?

АЛКВИАДЪ. Никогда пробужденіе мое не было живѣе какъ теперь. Да, да, Аспазія! съ восторгомъ долженъ я благодарить боговъ за ихъ предусмотрительность, что дозволили мнѣ насладиться твоимъ лѣтомъ, а не весной. — (*Съ жаромъ*) Вѣнецъ созданія! гдѣ бы я ни былъ, всѣ мои мысли обращены къ тебѣ. Тобой живу, съ тобой сравниваю всѣ предметы. Читаетъ ли Сократъ свои уроки краснорѣчія, мнѣ стѣнитъ только вспомнить десятокъ пламенныхъ словъ твоего потока рѣчи, и лучшія его правила остаются бесполезными и меркнутъ жаръ его витійства. Хочу ли изобразить Венеру или Музу, твоя красота водить моею кистью; думаю ли представить Алкида, черты твои и тутъ смѣются надъ моимъ усиліемъ сквозь кожу Немейскаго льва. Бывалъ ли кто съ другимъ соединенъ тѣсно и тѣломъ и душею какъ я съ Сократомъ: а вотъ ужъ сколько прошло дней, какъ я съ нимъ не видѣлся! Все это для тебя. И вотъ, каково твое лѣто! Боги безсмертныя, что бы со мной было,

когда бы я видѣлъ, зналъ, любилъ, обожалъ тебя въ лучшую пору твоей весны? (*Бросается къ ея ногамъ*).

Аспазія (*поднимая его*). Ты вѣрно хочешь заставить меня своими преувеличенными похвалами уйти отсюда?

Алкивиадъ. Нѣтъ, нѣтъ, Аспазія! клянусь небесными силами, если я преувеличиваю, такъ самое это преувеличеніе, которымъ хвалитель старается увлечь другаго, увлекаетъ его перваго къ страсти, къ любви. Не хочешь ли, чтобъ я это доказалъ тебѣ?

Аспазія. Согласна.

Алкивиадъ. Скажи мнѣ, могу ли я думать безъ тщеславія, что въ Афинахъ не безъ причины признали меня самымъ совершеннымъ юношей, молодымъ человѣкомъ, наиболее подающимъ надежды?

Аспазія. Ха, ха, ха! вотъ изъ-за маски показалась и гордость.

Алкивиадъ. Не гордость, а самосознаніе. Какъ! желала ли бы ты, чтобъ я видѣлъ достоинства другихъ, и не замѣчалъ своихъ? Неужли я вѣчно долженъ считать простымъ случаемъ, что, кто бы ни вступилъ со мною въ борьбу, остается побѣжденнымъ? Или когда я вездѣ первый у цѣли, ужели вся честь моему коню? Слѣпому ли счастьемъ обязанъ я тѣмъ, что прелестнѣйшія женщины, въ полномъ амфитеатрѣ, первыя спѣшатъ меня привѣтствовать? Но все это клонится къ тому, чтобъ доказать тебѣ, какъ чисто, какъ пламенно, я люблю тебя, когда бросаю все, что мнѣ открыто, — арену, театръ, женщинъ, — для тебя одной, для твоего взора, для твоихъ устъ!

Аспазія (*со смѣхомъ*). То же самое слышу я и отъ философовъ, которые однако не преслѣдуютъ меня любовными своими объясненіями.

Алкивиадъ. Быть можетъ это твоя тайна. Впрочемъ, если бѣ въ самомъ дѣлѣ было такъ, какъ ты го-

воришь, это легко объясняется: они приходятъ къ тебѣ въ такомъ возрастѣ, когда уже все облакають въ суровое любомудріе и на любовь смотрять какъ на игрушку.....

Аспазія (*прерывая*). Но всегда ли любовь игрушка для стариковъ?

Алкивиадъ. По-крайней-мѣрѣ такъ должно быть. Напротівъ мои лѣта даютъ мнѣ полное право шалить и веселиться. Одна только любовь сильна заставитъ меня отъ этого отказаться. Суди же, какъ должна быть могущественна эта любовь, когда для ней рѣшился я на такой подвигъ самоотверженія.

Аспазія. Ты меня почти убѣждаешь; не словами, но своимъ тономъ. И хотя тонъ быть-можетъ не совсемъ мнѣ нравится, однако, — прости меня, — я какъ будто его не слыхала.

Алкивиадъ (*съ удивленіемъ*). Почему?

Аспазія. Потому что онъ уже исчезъ.

Алкивиадъ. Скорѣе Алкивиадъ перестанетъ быть Алкивиадомъ! скорѣе.....

Аспазія (*съ нѣкоторымъ огорченіемъ*). Какъ! даже когда глаза эти потеряли свой блескъ? когда грудь эта уже не имѣетъ прежней свѣжести? когда уже показалась первая морщина, за которою скоро послѣдуютъ и другія?

Алкивиадъ. Аспазія, Аспазія, благодари боговъ, что они падѣлили тебѣ не одною красотой! Блѣдны были бѣ эти уста, если бѣ рой мыслей, который изъ нихъ стремится, не представлялъ ихъ глазамъ влюбленнаго въ самомъ розовомъ цвѣтѣ? Какъ не называть Сатиромъ того, котораго бы вѣчно-прекрасная душа любимой женщины не приковала къ себѣ еще крѣпче, еще неразрывнѣе, даже на вечеръ ея прелестей? Вѣришь ли теперъ мнѣ? Ужели нѣтъ?.... Нѣтъ? (*Цѣлуетъ ее; она молчитъ.*) О Аспазія, моя

душа, мой кумирь! Если ты такъ страшишься полета годовъ, зачѣмъ же медлишь насладиться настоящимъ часомъ? К чему еще отсрочивать блаженство твоего пламеннѣйшаго, нѣжнѣйшаго обожателя? Ты молчишь: могу ли я принять это молчаніе за согласіе?.....

Аспазія (съ гнѣвомъ). Алкивиадъ! Сумасшедшій! оставь меня, не то я.....

Алкивиадъ (захохотавъ). Станешь кричать! позовешь на помощь?..... Фу! кто нынче кричитъ! Аспазія, я не думалъ найти въ тебѣ жеманство дѣвочки..... Милая, дражайшая Аспазія! если этотъ гнѣвъ — одно только притворство, такъ прочь его, прочь это неужастное притворство.

Аспазія. Клянусь богами, ты самый дерзкій шалунъ, какой только есть между небомъ и землей. Не думаешь ли ты разыгрывать роль Зевеса въ Иліадѣ.

Алкивиадъ. Вѣдь называютъ же тебя Юноной.

Аспазія. Оставь меня, или я разсержусь не шутя.

Алкивиадъ. Тогда я долженъ выдержать твой гнѣвъ съ мужествомъ. Неужели позволить тебѣ бѣжать меня?

Аспазія (съ нѣжностью). Я не бѣгу тебя; я остаюсь. Чего жъ тебѣ еще больше?

Алкивиадъ. Твою руку и твой поцѣлуй.

Аспазія. Чего я не должна дѣлать, чтобъ удержать этого милаго ребенка отъ слезъ? (Обратясь къ нему.) Легкомысленный юноша, что, если бъ твой отецъ вошелъ теперь сюда!

Алкивиадъ. Кто, кого ты назвала? Мой отецъ?

Аспазія. Да, отецъ твой, Перикль. Развѣ въ первый разъ его такъ при тебѣ называютъ?

Алкивиадъ (торопливо). О, благодарю, благодарю — за это названіе!..... (Поспѣшно уходитъ.)

XI.

Та же комвата.

АЛКИВИАДЪ. АСПАЗІЯ.

АЛКИВИАДЪ. Ахъ, прелестная Аспазія, ты вѣрно удивишься, что я, преступникъ, осмѣлился такъ скоро опять прійти; но прости меня; поспѣшность, съ которою я отъ тебя ушелъ, заставила меня забыть.....

АСПАЗІЯ. Сдѣлать новую обиду?

АЛКИВИАДЪ. О, нѣтъ, нѣтъ! Только вымолить прощенье за прошедшее. Одного признанія, что оскорбилъ, еще не довольно; долгъ требуетъ просить у оскорбленнаго помилованья.

АСПАЗІЯ (съ недоверчивымъ видомъ). Дятого чтобы снова оскорбить?

АЛКИВИАДЪ. Оскорбить? О, нѣтъ, не дятого! Не въ моей власти имѣть такія намѣренія. Очаровательная женщина! Какъ ни велика, ни гнусна, была моя дерзость признаться въ моей любви, ты не можешь не согласиться, что эта любовь была неизбѣжна, неотвратима. Жить подъ одной кровлей съ самою прелестною, обворожительною, умною дочерію Греціи; каждый день мѣняться съ нею думами; каждый день лелѣять слухъ нѣжными звуками ея серебрянаго голоса, услаждать жадный взоръ непокрытыми ея прелестями, — и не любить ея! Какой звѣрь, какой камень, какой философъ, будетъ до того бездушень, чтобы.....

АСПАЗІЯ (съ притворною досадою). Прошу только — безъ насмѣшекъ, Алкивиадъ.

АЛКИВИАДЪ. Да растерзаютъ того Фуриі ада, кто думаетъ о насмѣшкахъ! И послѣ признанія моей страсти, быть съ тобой наединѣ, сидѣть подлѣ тебя, вдыхать благовоніе твоего дыханья, касаться прелестнѣйшей изъ прелестныхъ рукъ — какое блаженство! О

Аспазія, простишь ли ты мою дерзость — теперь когда я высказалъ все то что чувствую? Простишь ли?

Аспазія (*посль нѣкотораго молчанія*). Если ты точно это чувствовалъ.....

Алкивиадъ. И общаешь ли забыть?

Аспазія (*съ нѣжной улыбкой*). Можетъ ли кто это общать? Можетъ ли кто общать забыть такого человека какъ ты?..... И что бы сказала твоя гордость, если бь это было возможно?

Алкивиадъ. Остановись, волшебница! Не довершай! (*Бросаясь передъ ней на колѣни*). Еще одинъ взоръ твоихъ очей, еще одно слово твоихъ устъ, еще одно волненье этой груди..... Нѣтъ, стой! я опять готовъ на новую дерзость, на новое преступленіе. Ужасная мысль, что Перикль, мой благодѣтель, мой второй отецъ, когда-нибудь узнаетъ объ моей страсти.....

Аспазія (*со смѣхомъ*). Когда-нибудь? Что, если онъ уже догадывается?

Алкивиадъ (*удивленный*). Перикль?..... Не вѣрю. Какъ онъ можетъ?

Аспазія. Скажи лучше, чего онъ не можетъ? Неосторожный юноша, если ты также неопытенъ въ скрытности, какимъ кажешься въ любви, то можно ли думать, чтобы твой разсѣянный видъ, твой восторженный взоръ, эти вздохи, этотъ румянецъ, укрылись отъ пронизательности Перикла? Какъ мнѣ не трудно было проникнуть тайну, которую наконецъ ты самъ объявилъ, такъ точно и онъ, мой супругъ, тотчасъ примѣтилъ твою страсть, и обратилъ ее..... (*Она останавливается*).

Алкивиадъ. Безсмертные боги! обратилъ во что?

Аспазія (*со смѣхомъ*). Въ шутку.

Алкивиадъ (*встала*). Въ шутку? Аспазія! Въ шутку?

Аспазія. Ну, да; въ шутку. Чтò-жь такое?

Алкивιάдъ (*съ огорченіемъ*). Какъ! развѣ мы шутимъ, когда кто-нибудь хочетъ похитить у насъ неоцѣненное сокровище?

Аспазія (*шутливо*). Смотря потому, боится ли кто похитителя или нѣтъ; — и соотвѣтствуютъ ли силы похитителя привязанности хозяина къ обладаемому предмету, или напротивъ.

Алкивιάдъ (*съ возрастающимъ огорченіемъ*). Какъ, Аспазія? ужели я кажусь тебѣ столь презрѣннымъ, что считаешь меня даже не стоящимъ опасенія?

Аспазія. Сказать ли тебѣ, Алкивιάдъ, мои собственныя мысли, или передать мнѣніе Перикла? Выслушай; выслушай хоть бы это нанесло самый смертельный ударъ твоему самолюбію. Периклъ ни сколько не боится. Супруга правителя Аѳинъ, думаетъ онъ, найдетъ въ себѣ довольно твердости, чтобъ не промѣнять мужа на мальчика. (*Смѣется*). Ну, чтò, зачѣмъ отворачиваешься? Отъ чего такъ поблѣднѣлъ, тщеславный юноша? Или ты думаешь, что если нѣсколько безстыдныхъ нимфъ тебя привѣтствуютъ, если я сама забылась на минуту и терпѣливо слушала твою докучливую болтовню, такъ потому и всѣ должны смотреть моими глазами?

Алкивιάдъ (*прерывая ее*). А ты смотришь на меня благосклонными глазами?.....

=

ХII.

Опять комната Аспазіи.

АЛКИВІАДЪ. АСПАЗІА.

Алкивιάдъ (*внезапно переменяя разговоръ*). Ахъ да! прежде нежели я уйду, скажу тебѣ новость. Дра-

жайшая Аспазія, я придумалъ сегодня, средство, чтобы успокоить всѣ твои опасенія.

Аспазія. Какія опасенія?

Алкивиадъ. Всѣ тѣ, которыя отравляютъ нашу любовь, хотя пламя ея уже не такъ живо какъ прежде. Впрочемъ я не замѣчаю въ себѣ этой мнимой переменны. Однако никто не вѣритъ менѣе своему собственному сердцу, и болѣе твоимъ словамъ, какъ я. По этому я принялъ такое намѣреніе, которое надѣюсь, будетъ вполне тобой одобрено.

Аспазія (съ нѣкоторымъ смущеніемъ). Отъ подобнаго предсловія скорѣе должно ожидать противнаго. Говори скорѣй! Какое намѣреніе?

Алкивиадъ. Отправиться въ экспедицію противъ Мелосцевъ.

Аспазія (съ безпокойствомъ). Противъ Мелосцевъ? (обнимал его). Ты шутишь, милый.

Алкивиадъ. Ни мало. Имя мое уже внесено въ списокъ въ полномъ собраніи.

Аспазія (упадал въ кресла). Га, вѣроломный! Такъ это твоё намѣреніе? Такъ ты отъѣздомъ хочешь прикрыть свою невѣрность? Ступай, непостоянный! ты не достоинъ моей нѣжности. Иди! Но по-крайней-мѣрѣ пощади меня, не смѣйся надо мною когда не пожалѣлъ растерзать мое сердце.

Алкивиадъ. Аспазія, ты меня обижаешь! Выслушай, и потомъ рѣши. Не съ тѣмъ ли я тебя оставляю, чтобы воротившись, съ новымъ упоеніемъ прижаться къ твоей груди? Не съ тѣмъ ли, чтобы снова жадными устами впитать твои жгучіе какъ огонь, но сладостные какъ амброзія, поцѣлуи? Не длятого ли чтобы никогда потомъ не видѣть конца нашимъ бесѣдамъ, охлажденія нашихъ объятій? Представь себѣ, что мы нѣсколько дней не видѣлись, что мы въ скучномъ обществѣ, которое мѣшаетъ намъ быть однимъ,

Т. XVIII. — Отд. II.

или что мы разлучены небольшою поѣздкой. Отчего супружество такъ однообразно? Отчего мы рѣдко находимъ горячихъ друзей между тѣми, которые часто изъ видятъ? О ты, наставница въ искусствѣ любить, какъ могла ты забыть, что эта страсть гибнетъ отъ пресыщенья и живетъ однимъ препятствіемъ?

Аспазія (*съ нѣжностью*). Если я это забыла, вини мою любовь.

Алкивиадъ. О, тѣмъ скорѣе ты мнѣ простишь, что я тебѣ это напомнилъ!

Аспазія. Но только ни слова о разлукѣ. (*Обнимая его.*) Нѣтъ, вѣтренникъ, я слишкомъ хорошо тебя знаю и разгадываю твое притворство. Неужели ты думаешь, что я не могу замѣтить признаковъ пресыщенья?.....

Алкивиадъ. Остановись! Не повторяй этого слова, Аспазія! Это — самое несправедливое, самое оскорбительное для меня, подозрѣніе. Пройдутъ два, три мѣсяца, и я опять у твоихъ ногъ; и я опять, если ты удостоишь меня къ себѣ приблизить, опять въ твоихъ объятіяхъ, на твоей груди.

Аспазія. Невозможно. Ты не осмѣлишься меня оставить! Твое обѣщанье любить.....

Алкивиадъ (*прерывая*). Было слово гражданина, какъ и то, которое я далъ итти противъ враговъ: обомъ я долженъ быть вѣренъ. Избавь меня отъ этихъ слезъ: онѣ падаютъ мнѣ на сердце, но я былъ бы недостоинъ тебя, если бы имъ уступилъ.

Аспазія. Не достоинъ меня, если бъ имъ уступилъ? Ахъ, невѣрный!

Алкивиадъ. Успокойся, Аспазія. У меня еще осталось одно средство тебя убѣдить. (*Раскрывая одежду.*) Узнаешь ли ты это?

Аспазія. Что значитъ эта блеклая вѣтвь?

Алкивиадъ. Ахъ, да, точно, блеклая! Тому уже давно, какъ она сорвана. Ты уже не помнишь лавро-

ваго вѣнка, который я получилъ въ Потидеѣ. Сегодня, утромъ, сидѣлъ я одинъ; этотъ вѣнокъ упалъ самъ со стѣны, и воскресилъ во мнѣ усыпленную страсть къ славъ. Я всталъ и поднялъ его съ полу. Невыразимый жаръ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Волна думъ залила мою душу. — «Покровительница Аѳинъ!» воскликнулъ я: «понимаю твой призывъ, и повинуюсь. Ты недовольна моимъ бездѣйствіемъ? Ты права. Какъ! Периклъ, супругъ Аспазіи, осыпанъ лаврами, а я, ея любимецъ, заслужилъ понышъ только этотъ одинъ? О, тогда я не достоинъ ни ея любви, ни ея ревности!» — Теперь, обращаюсь къ тебѣ, благороднѣйшая изъ женщинъ: спроси собственное сердце, что бы ты сказала, на что бы рѣшилась, что бы сдѣлала. Ты молчишь? Молчишь, потому что сама одобряешь мое намѣреніе? Такъ прійми отъ меня въ залогъ этотъ вѣнокъ! Еще послѣдній поцѣлуй, и я уйду.

АСПАЗІЯ (*цѣлуетъ его*). А вѣнокъ зачѣмъ ты оставляешь?

АКИВИАДЪ. Затѣмъ, чтобы обмѣнить его на новый, когда я ворочусь съ побѣдой; или чтобъ твои слезы возвратили ему свѣжесть, если рокъ судилъ мнѣ гибель, если онъ положилъ — развѣять прахъ мой не на родинѣ. (*Подаетъ ей вѣнокъ; она содрогается.*) Молчишь? Ты отвергаешь мой скромный залогъ?.... (*Показываетъ видъ какъ-будто хочетъ уйти.*)

АСПАЗІЯ (*вырываетъ у него вѣнокъ*). О, нѣтъ! Если ужъ ты непременно долженъ уѣхать, оставь его мнѣ. Самого незначащаго воспоминанія о тебѣ я не промѣняю ни на что на свѣтѣ..... кромѣ тебя самого!

* * *

АСПАЗІЯ (*одна, держитъ въ одной рукѣ круглое металлическое зеркало, а другою расправляетъ свои кудри.*) О Периклъ, Периклъ! и ты, великій чело-

лѣтъ, величайшій изъ Грековъ, и ты..... съ рогами!¹ Ха, ха, ха! вотъ, что значить величіе мужчины передъ женщиной!..... Теперь остается только молить боговъ, чтобы объ этомъ не узнало потомство: великій человекъ былъ бы смѣшонъ. (*Кладетъ зеркало, надъвѣваетъ вѣнокъ на голову и подходитъ къ статуѣ.*) Милосердая Всенра! храни.... Алкивиада для Аспазіи!

=

XIII.

Компата Аспазіи, наполненная гостями. Гости расходятся.

АЛКИВИАДЪ. АСПАЗІЯ.

АЛКИВИАДЪ (*смотритъ вслѣдъ уходящимъ; потомъ возвращается и подходитъ къ Аспазіи съ открытыми объятіями*). Наконецъ, царица Греческихъ женъ, дождался я случая привѣтствовать тебя привѣтомъ любви, положить къ твоимъ ногамъ лавры, которыми меня увѣнчали, спросить тебя — всё та ли же ты моя Аспазія, потребовать поцѣлуя, которымъ..... при чужихъ, я уже встрѣченъ какъ двоюродный братъ. но теперь хочу быть награжденъ какъ побѣдитель.

АСПАЗІЯ (*уклоняясь отъ его объятий и отталкивая его съ отвращеніемъ*). Прочь! Я могла привѣтствовать тебя какъ родственника, но не больше. Прочь! прочь! на твоемъ лицѣ и рукахъ осталась еще кровь Мелосцевъ.

* Свѣдимъ предварить читательницъ и читателей, что это по-Гречески. Тѣ, которые любятъ восходить до начала вещей и, следовательно, гнушаются анахронизмами, узнаютъ съ удовольствіемъ, что страшное выраженіе, употребленное здѣсь Аспазіей отнюдь не выдумка новѣйшихъ временъ: оно носитъ на себѣ печать глубочайшей древности; оно совершенно классическое, и, помнится, Аэній говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Дипнософистовъ»: *отан гни сор поришеі, кѣ та легомена кератп сеі поишеі, к. т. л. Б. для Ч.*

Алкивиадъ (удивленный). Какъ! желала ли бы ты, чтобы моя кровь осталась на ихъ рукахъ? Кровь враговъ — что лучше украшаетъ мужчину и побѣдителя?

Аспазія. Побѣдителя, но не убійцу! Скажи, или лучше опровергни, если можешь: не умертвили ль вы всѣхъ юношей Мелоса, послѣ того какъ они бросили оружіе?

Алкивиадъ. Точно такъ.

Аспазія. И ты дерзаешь предлагать мнѣ эту лавровую вѣтвь, которою Тисифона, вмѣсто змѣйнаго своего бича, будетъ казнить тебя. Ты удивляешься, что я принимаю тебя какъ убійцу?

Алкивиадъ. Не только удивляюсь, но даже пораженъ; потому что я привыкъ слышать сужденіе Аспазіи тогда только, когда она знаетъ всѣ обстоятельства дѣла. До тебя, вѣрно, также дошелъ слухъ, что въ битвѣ я оставался невредимъ?

Аспазія. Да.

Алкивиадъ. А эту рану на моей груди видѣла ли ты прежде?

Аспазія (съ нѣкоторымъ безпокойствомъ). Рану?

Алкивиадъ. Я получилъ ее въ то время, когда старался укротить ярость войска. Выслушай меня, и потомъ проси у меня прощенія. Утомленный битвой, я отдыхалъ въ своей палаткѣ. Безразсудная дерзость одного плѣнника ожесточила его стражей. Ярость скоро сообщилась всему войску, и отъ словъ дошло до дѣла. Ты знаешь Аѳинянь, каковы они, когда придутъ въ бѣшенство. Я былъ разбуженъ воплемъ несчастныхъ, которые погибли подъ мечами своихъ побѣдителей. Бросившись къ нимъ, я просилъ, умолялъ, грозилъ, — кинулся самъ между убійць и ихъ жертвъ, — получилъ вотъ эту рану, — и все напрасно. Я опасался, чтобы эта кровожадность нашихъ ратниковъ не обратилась съ такимъ же безчеловѣчїемъ на

женъ и дѣтей погибшихъ, и поспѣшнѣ воспользоваться первою минутой утомленія отъ убійства, чтобы предупредить по-крайней-мѣрѣ это бѣдствіе. — «Друзья, довольно!» закричалъ я, и принялъ веселый видъ, какъ-будто одобряю ихъ поступокъ: довольно; врагъ низложенъ, и оставилъ памъ своихъ женъ и дѣтей. Раздѣлимъ добычу!» — Съ восторгомъ приняли они это предложеніе. Собраны жены и дѣти, раздѣлены по жеребьямъ между воннами и отведены въ рабство. Такъ въ чемъ заключается мое преступленье? Не въ томъ ли, что не остановилъ потока, не укротилъ бури?

Аспазія. Никто этого отъ тебя не требуетъ. Но прежде нежели я признаю тебя совершенно виновнымъ, отвѣчай мнѣ еще на нѣкоторые вопросы. Изъ числа женщинъ, не получилъ ли и ты на свою долю мезовъницы?

Алкивѣадъ. Безъ-сомнѣнія.

Аспазія. Имя ея?

Алкивѣадъ. Мирида.

Аспазія (*всторону*). Точно такъ, какъ я слышала! (*Вслухъ*). Хороша ли она?

Алкивѣадъ. Такъ хороша; что уступаетъ только одной тебѣ: (*улыбался*) иначе, выбралъ ли бы я ее для себя?

Аспазія (*съ негодованіемъ*). Прекрасно! прекрасно! Благодарю за честь.

Алкивѣадъ. Какъ! возможно ли, чтобы Аспазія была мной недовольна, что я спасъ существо ея пола?

Аспазія. Что спасъ ее, ни мало; но..... И думаешь оставить ее у себя?..... Нѣтъ отвѣта? Говори откровенно. Это ли твое намѣреніе?

Алкивѣадъ (*откровенно*). Да!

Аспазія. Для какой цѣли?..... Не смѣйся, наземъщикъ! Вѣдь упрекалъ ты меня, что я, не выслушавъ,

тебя обвиняю. Для какой цѣли оставляемъ ты у себя эту прекрасную Мириду?

Алкивидъ. Ты ревнуешь? Нѣтъ, никогда Аспазія не должна болѣться соперницы! Каждое сравненіе не ведетъ ли къ бѣдѣшему возвышенію цѣны твоихъ прелестей? Каждая маленькая невѣрность не приковываетъ ли еще сильнѣе къ тебѣ обожателя? Я обѣщаль, къ несчастью, по собственной ея просьбѣ, въ одну изъ тѣхъ минутъ разсѣянности, которою ей удалось воспользоваться, — а кто упрекнетъ меня, когда вдалекѣ отъ тебя, я не отвергъ утѣшенія въ горести разлуки? — Въ одну изъ такихъ минутъ, я обѣщаль никогда не оставлять ея. Дать ей свободу, значило бы бросить ее на произволъ судьбы. Очаровательная Аспазія, не можетъ быть, что бы ты ревновала къ простой невольницѣ! Возможно ли, чтобъ кто рѣшился предпочесть Мириду тебѣ? Когда я ее обнимаю, тогда только я живо чувствую все безконечное разстояніе между ею и первою женщиною Греціи, — и неодолимая сила влечетъ меня съ новымъ желаніемъ къ твоимъ ногамъ. (*Бросается на колѣни, и обвиваетъ руками станъ Аспазіи*).

Аспазія (*съ строгимъ видомъ*). Встань, и дай мнѣ поцѣлуй.

Алкивидъ (*пламенно цѣлуетъ ее*). Поцѣлуй прощанія? или примиренія?

Аспазія (*съ холодностью*). Поцѣлуй прощальный. Знай, молодой человекъ, что Аспазія никогда еще не дѣлалась, и не хочетъ дѣлаться, сердцемъ своего любовника съ какою бы то ни было женщиной.

Алкивидъ (*хочетъ еще разъ ее обнять*). О, я не оставлю тебя, несравненная! Когда бы ты видѣла, какъ восхитительна ты въ гнѣвѣ!

Аспазія. Прочь! Отнынѣ передъ тобой не Аспазія, но жена Перикла. Непостоянный! никогда еще,

для кого бы то ни было изъ твоего пола , я не жертвовала столько какъ для тебя ! За милость каждый почиталъ одно счастье любить меня : не многимъ было это дозволено ; ты , одинъ ты , былъ любимъ взаимно ; и я тебя любила , — сознаюсь къ стыду , — любила перваго. Благодарю твоей измѣнѣ , что она такъ скоро сорвала съ моихъ глазъ постыдную повязку. Твоя неблагодарность возвращаетъ мнѣ то , чего меня лишило заблужденіе , — спокойствіе души и власть надъ твоимъ поломъ !

Алкивиадъ. Аспазія.

Аспазія (*удаляясь отъ него*). Прочь ! Не думай , чтобы я разыгрывала роль жеманной невѣсты ! Да обратятъ меня боги въ презрѣннѣйшую изъ презрѣнныхъ , если я когда-либо обниму тебя , если я дамъ тебѣ страстный поцѣлуй ! Ступай. Руки твоей Мириды , быть-можетъ , полнѣй моихъ ; въ ней ты не найдешь еще того , что тонкій взоръ твой открылъ уже во мнѣ. Ступай ; жестоко было бѣ удерживать тебя долѣе , когда дома ждетъ такая красавица. (*Уходитъ*).

Алкивиадъ (*смотря ей вслѣдъ , въ изумленіи ; наконецъ , видя , что дѣло пошло не на шутку , начинаетъ хохотать*). Прекрасно ! Отставка во всей формѣ. Тысяча настоящихъ разводовъ не бывали торжественнѣе. И это мнѣ ? Мнѣ , и отъ Аспазіи ? Великая Венера , Алкивиадъ отставной любовникъ ! Свѣтъ оборотился вверхъ-ногами. Осень отвергаетъ весну ! Ха , ха , ха ! (*Ударяя себя въ лобъ*). Но , клянусь безсмертными ! съ тѣхъ-поръ какъ она въ первый разъ мнѣ добровольно отдалась , никогда еще не была она такъ достойна моей любви какъ теперь , когда меня отвергаетъ. (*Молчаніе*). Какъ быть ? Стараться ли удержать ее ? Еще разъ броситься къ ея ногамъ и вымолить прощеніе ? Стыдись , Алкивиадъ ! Въ твои лѣта , съ твоими средствами , это было бы унижительно.

Не бывать этому. Вотъ моя священнѣйшая клятва, Аспазія: Какъ я былъ единственный мужчина, котораго ты истинно любила, такъ точно ты будешь единственная женщина, которая когда-либо меня обманеть прощальнымъ поцѣлуемъ! Любить въ тебѣ и ненавидѣть весь твой ревнивый полъ — будетъ для меня одно! Объявляю войну всѣмъ вашимъ слабостямъ..... Но изъ чего я такъ бѣсуюсь! Развѣ первый случай со мной? Развѣ подобный мнѣ человекъ, которой все хочетъ испытать, все совершить, долженъ огорчаться, если изъ толпы женщинъ и дѣвицъ, привѣтствующихъ его на пути, которая-нибудь и проскользнетъ сквозь сѣти? Особенно когда она въ нихъ такъ долго находилась. Къ Миридѣ! Да, къ Миридѣ! Ничтожны были бы хитрость Гречанки и то искусство опутывать мужчинъ какъ мухъ своей паутиной, которымъ славятся дѣвы нашей Эллады, если бѣ она не умѣла заставить меня въ своихъ объятіяхъ позабыть Аспазію.

И. П.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ БРУННЕРА

ЧЕРЕЗЪ ОДЕССУ ВЪ КРЫМЪ *.

=

Крымъ, какъ извѣстно, есть уголокъ Россіи, болѣе всѣхъ другихъ посѣщаемый изъ любопытства. Своею Европейскою извѣстностію онъ много обязанъ пребыванію въ немъ и сочиненіямъ знаменитаго Палласа. Не менѣе содѣйствовала къ его извѣстности правительственная заботливость герцога Ришльё, который познакомилъ западныхъ Европейцевъ съ Одессою. Съ назначенія его главнымъ начальникомъ Новороссійскаго Края, Крымъ и Одесса сдѣлались поприщемъ ученыхъ изслѣдованій или коммерческихъ предпріятій для иностранцевъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ этотъ край представляется едва-ли не обѣтованною землею. Бальзакъ заставляетъ своего старика Горіо бредить объ Одессѣ, и тотъ воображалъ открыть золотое дно, закуная тамъ хлѣбъ и доставляя его готовымъ въ мукъ для Франціи. Ouvrard, какъ свидѣтельствуя его записки, не на шутку собирался до пачатія знаменитаго процесса провести остатокъ своей жизни въ тихомъ пріютѣ Одессы. Англичане давно равнодушны къ Крыму. Мистриссъ Guthrie, въ своемъ путешествіи, не могла говорить безъ восторга о Байдарской долині. Между-тѣмъ Англійскіе путешественники по удовольствію одного изъ нихъ, помѣщаютъ о Крымѣ въ

* Ausflug über Konstantinopel nach Taurien, im Sommer 1831, von Samuel Brunner, M. D. St.-Gallen und Bern, 1833.

книгахъ едва-ли десятую часть тѣхъ похвалъ, какими превозносятъ его на словахъ въ Англии. Видя какъ Крымъ ихъ занимаетъ, и сколько они объ немъ пишутъ, подумаешь что это ихъ провинція. У Французскихъ путешественниковъ, Castella, Raily, видно болѣе системы и менѣе восторговъ. Но всѣ они, — Англичане и Французы, — наблюдали болѣе или менѣе то, что привлекало ихъ вниманіе или что имъ было сруки, каждый въ своемъ національномъ духѣ. Вотъ явился Швейцарскій путешественникъ, Г. Бруннеръ. Намъ знакомъ уже одинъ Швейцарецъ, Даниель Шлаттеръ, но онъ въ своемъ сочиненіи, о Ногайцахъ на Молочныхъ водахъ, занимается главнѣйше однимъ народомъ, Ногайцами. Какими глазами смотрѣлъ на этотъ край, его жителей и учрежденія, членъ Бернскаго Пятисотнаго Совѣта и докторъ Медицины?

Желая познакомить Русскихъ читателей съ книгою Г. Бруннера, мы выпишемъ изъ нея то, что намъ покажется болѣе заслуживающимъ вниманія, пояснимъ несовсѣмъ понятное, пополнимъ свѣдѣніями мѣста, гдѣ образъ наблюденія автора могъ привести къ неправильнымъ заключеніямъ; наконецъ укажемъ на промахи, впрочемъ, неизбежные для всякаго путешественника, особенно для путешественника, пишущаго о Россіи.

Г. Бруннеръ прибылъ моремъ въ Одессу, и оттуда отправился въ Крымъ черезъ Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Искреконъ. Въ Крыму, побывавъ въ Симферополь и Бакчисаразъ, и, объѣхавъ два раза правую сторону южнаго берега, онъ возвратился въ Одессу тою же самою дорогою. Въ обратный путь за границу Г. Бруннеръ собрался черезъ Австрію. Получивъ извѣстіе, что Австрійскѣе правительство готовится учредить карантинъ близъ Бродъ, въ Клекотовъ, по поводу холеры, — это было въ 1851, — онъ поспѣшилъ оставить Одессу и пустился на Балту и

Радзивиловъ, чтобы предупредить Австрійцевъ и избѣгнуть карантина. Но по разнымъ причинамъ ему не удалось прибыть во время. Цѣпь была уже поставлена, и бѣдный путешественникъ, трудившійся для славы нашего края, долженъ былъ, несмотря на свою ученость, выдержать два очищенія, одно въ Одесскомъ карантинѣ отъ Турецкой чумы и другое въ Клекотовѣ отъ Русской холеры. Послѣдуемъ за нимъ со времени прїезда его въ Россію.

Авторъ — въ Одесскомъ карантинѣ. До представленія рекомендательныхъ писемъ начальству Одессы, онъ, къ крайнему его сожалѣнію, былъ запертъ въ одномъ изъ кварталовъ съ Жидами. Въроятно, карантинные чиновники думали сдѣлать тѣмъ угожденіе иностранцу, говорившему по-Иѣмецки, и доставить ему возможность съ кѣмъ-нибудь промолвить слово во время заключенія; но, какъ бы то нибыло, этотъ случай не могъ произвестъ надъ авторомъ благоприятнаго впечатлѣнія. Ему весьма не понравились всѣ лица, принадлежащія къ карантину. Вскорѣ перевели его, вмѣстѣ съ однимъ Италіянскимъ учителемъ, въ отдѣльныя комнаты. Тутъ пребываніе показалось ему довольно сноснымъ, такъ сноснымъ, что онъ на свободѣ предался литературнымъ занятіямъ и не замѣтилъ какъ наступилъ день выпуска. Это однако жъ не перемѣнило его нерасположенія къ карантиннымъ лицамъ, съ которыми, по незнанію языка, онъ не могъ говорить. Гвардіонъ, пожилыхъ лѣтъ инвалидъ, маркитантъ изъ Грековъ, прислуга маркитанта, карантинный чиновникъ, карантинный медикъ, явившійся только одинъ разъ, и священникъ, который читалъ ему при выходѣ изъ карантина присягу на Латинскомъ языкѣ, всѣ подпали его неблагополѣнію.

Для сравненія нужно привести то, чтоъ рассказываетъ авторъ о лицахъ Австрійскаго карантина въ

Клекотовъ. Тамошнимъ пріемомъ онъ остался весьма доволенъ. У рогатки Австрійскій офицеръ забавлялъ его остроумными шутками. Докторъ приходилъ нѣсколько разъ осведомляться о здоровьѣ и заводилъ, для удовольствія, рѣчь о политикѣ. Оба, разумѣется, говорили чисто по-Нѣмецки, и Г. Бруннеръ по-крайней-мѣрѣ могъ понимать ихъ. Это большое удобство. Г. Бруннеръ находитъ удобнымъ мѣстоположеніе Одесскаго карантинна и его внутреннее расположеніе.

«По странному предубѣжденію, будто пѣвчія птицы, приманываемыя деревьями, могутъ также разносить чуму, говоритъ онъ, во многихъ Европейскихъ карантиннахъ не разводятъ ни деревъ ни кустарниковъ. Въ Одесскомъ, напротивъ, бѣдные заключенники укрываются отъ палищаго зноя въ тѣни деревъ. Между-тѣмъ неизвѣстно, чтобы въ немъ когда была бѣольшая смертность нежели въ другихъ карантиннахъ, напримѣръ Италіянскихъ, гдѣ поступающіе въ карантинъ лишены этой отрады.»

Въездъ въ городъ отъ карантинна поразилъ автора.

«Видъ желѣзныхъ крышъ, покрытыхъ зеленою краскою, производитъ на непривычнаго необыкновенный эффектъ и какъ-будто говоритъ вамъ, что вы ступили на Русскую землю. Этого вида нельзя ни съ чѣмъ сравнить, развѣ только съ видомъ сѣрыхъ свинцовыхъ крышъ Парижа. Красивыя дома, какъ дворцы, возвышаются по обѣимъ сторонамъ въезда. Жаль только что улица не вымощена камнемъ, и оттого покрыта невыразимо обильною пылью.»

«Великолѣпныя палаты стоятъ рядомъ съ сельскими хижинами, какъ-будто нарочно, чтобы въ разительной противоположности лучше выказать свою обширность и изящную архитектуру и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрить васъ, что все это произведено усиліями, а не естественнымъ развитіемъ.»

«У насъ въ устарѣвшей Европѣ, псевдъ городъ считается большою рѣдкостью. Только на востокъ можно видѣть такой городъ и понять какъ основываются города, которымъ не достаетъ лишь славы историческаго происхожденія, чтобъ быть образцовыми. Въ этомъ смыслѣ Одесса есть единственный Европейскій городъ, новый, не совсѣмъ еще оконченный.»

Многіе читатели Г. Бруннера, даже устарѣшіе Европейцы, не отказались бы отъ удовольствія ближе познакомиться съ причинами быстраго возвышенія Одессы, узнать тѣ необыкновенныя усилія, помощію которыхъ, какъ говоритъ авторъ, создана и движется коммерческая дѣятельность Одессы или учреждаются наши юные приморскіе города. Къ сожалѣнію, авторъ не позаботился развить мысль, которую самъ подалъ. Все что нашли мы въ его книгѣ о началѣ Одессы, ограничивается этими словами: «Французскій дипломатъ Ришельё, первый градоначальникъ Одессы, скоро успѣлъ поставить ее на значительную степень благосостоянія. Его весьма уважали жители, въ памяти которыхъ и теперь живетъ онъ подъ именемъ *графа Юка*..... Корабли Одессы не замедлили явиться на всѣхъ моряхъ. Многіе извѣстнѣйшіе дома изъ Петербурга и Москвы поселились въ этомъ городѣ.»

Вникнувъ лучше въ происхожденіе Одессы, Г. Бруннеръ узналъ бы, что она первоначально была поселеніемъ Греческихъ выходцевъ и что эти переселенцы были первыми ея жителями. Дальновидное соображеніе выгодъ вывоза произведеній нашихъ юго-западныхъ губерній путемъ, тогда еще неизвѣстнымъ, внушило герцогу Ришельё мысль, одобренную правительствомъ, дать Одессѣ высшее назначеніе. Онъ раскрылъ важность сосредоточенія въ Одесскомъ портѣ предпріятій Черноморской торговли. Надежды его оправдались удачными опытами заграничныхъ

купцовъ по всѣмъ отраслямъ этой торговли, — по вымѣну Европейскихъ товаровъ на Русскія произведенія, по привозу произведений Востока, по вывозу посредствомъ транзита Европейскихъ товаровъ для Восточныхъ земель. Къ этому надобно прибавить оказанныя Императоромъ Александромъ истинно царскія пособія и милости, безъ которыхъ вся блестящія предположенія объ Одессѣ умерли бы въ самомъ началѣ, — назначеніе милліоновъ на устройство порта и набережныхъ и на раздачу жителямъ подѣлы залоговъ для постройки домовъ и магазиновъ; дарованіе городу части питейныхъ сборовъ, пятой части таможенныхъ пошлинъ; льготы купечеству въ платежѣ гильдейскихъ денегъ; освобожденіе домовъ отъ воинскаго постоя. Наконецъ должно оцѣнить необыкновенную дѣятельность герцога Ришельё, облеченнаго Высочайшимъ довѣріемъ Царя, дѣятельность, которая велась къ одной задуманной цѣли. Рѣдкое соединеніе счастливыхъ событій и сильныхъ средствъ имѣло и результатомъ неизвѣрно быстрые успѣхи. На попріище вызваны иностранная предпріимчивость и Русское досужество. Негоціанты, повѣренные заграничныхъ купцовъ, стали строить магазины съ домами для оптовой складки пшеницы и другихъ произведений, закупаемыхъ въ мѣстной и сосѣднихъ губерніяхъ черезъ комиссіонеровъ, большею частію Жидовъ. Работы при нагрузкѣ и мелочная закупка на рынкѣ пшеницы для продажи ея потомъ негоціантамъ по выгодной цѣнѣ достались на долю Русскихъ мѣщанъ и крестьянъ, которые также стали строить для себя магазины съ домами. Явились толпы Русскихъ подрядчиковъ, мастеровыхъ, работниковъ. Нѣкоторые изъ мѣщанъ и крестьянъ нажились своими промыслами, вышли въ купцы, въ богачи, и по примѣру иностранцевъ построили на лучшихъ мѣстахъ огромные дома и магазины. Такъ ужилась на первыхъ порахъ Русь-

ская промышленность съ иностранною, и такъ жить онъ теперь. По принятому правилу, нельзя было построить магазина, не выстроивъ при немъ дома съ хорошимъ фасадомъ. Отсюда отличительная черта Одесскихъ улицъ, — попеременная встрѣча то дома, то магазина, мало чѣмъ уступающаго дому, и обширность зданій, по видимому несоразмѣрныхъ съ числомъ жильцовъ. Лучшею эпохою Одессы, ея золотымъ вѣкомъ, были 1816 и 1817 годы, когда Одесскіе негоціанты поставляли пшеницу по комиссіямъ въ заграничные порты по сорока пяти рублей за четверть, подряжая иногда привозить ее за шесть сотъ верстъ. Та же пшеница покупалась на мѣстѣ по четыре рубли и даже дешевле, а на Одесскомъ рынкѣ не свыше восьми рублей четверть. Простой работникъ получалъ въ день три и четыре рубля, извозчикъ за телегу, запряженную парою воловъ, восемь и въ одну лошадь десять рублей. Авторъ повидимому разумѣлъ — коммерческіе дома, говоря объ извѣстнѣйшихъ домахъ Петербургскихъ и Московскихъ, которые будто-бы поселились въ Одессѣ. Главные дѣйствователи изъ Русскихъ, сдѣлавшіеся впоследствии извѣстными купцами, были тутъ, какъ мы уже сказали, мѣщане и крестьяне, можно даже прибавить, помѣщичьи. На этотъ фактъ, при сбивчивости понятій какія имѣютъ иностранцы о крестьянствѣ, Г. Бруннеру стоило обратить свое вниманіе. Если остается чего желать, такъ это именно бѣльшей предприимчивости Русскому купечеству, по Одесской заграничной торговлѣ, — заведенія Русскихъ конторъ для непосредственныхъ сношеній съ заграничными купцами: въ этомъ, конечно, нельзя отчаяваться. Это современъ — будетъ.

А знаменитый «графъ Юкъ»? Graf Yuk, какъ пишетъ Г. Бруннеръ? Этотъ графъ Юкъ требуетъ комментарія. Graf Yuk значитъ въ Русскомъ переводѣ —

графъ Герцогъ. Авторъ худо разслушалъ слово дюкъ duc, которое въ Одессѣ употребляютъ сокращенно, вмѣсто duc de Richelieu, говоря о герцогѣ, и принявъ это за прозвище и придалъ ему титулъ графа. Герцогъ Ришельё, надобно знать, никогда не бывалъ графомъ.

Авторъ, какъ водится, не забылъ описать наружность Русскаго, пользуясь дорогимъ случаемъ снять портретъ съ натуры. Но, по-крайней-мѣрѣ онъ не вводитъ читателя въ заблужденіе, и говоритъ откровенно, что сюжетомъ его были носильщики, извозчики, судорабочіе, слуги. Въ этомъ очеркѣ, разумѣется играетъ первую роль борода, въ которой непременно долженъ быть отгѣнокъ рыжеватости. Потомъ Г. Бруннеръ истощается въ выборѣ словъ для точнаго изображенія фигуры Русской шляпы. Описывая Русскую прическу съ подрѣзанными на лбу волосами, онъ вспомнилъ о парикѣ и, для большой ясности, называетъ ее естественнымъ круглымъ парикомъ. Затѣмъ слѣдуетъ костюмъ. Кажется, довольно для изображенія Русскаго. Но нѣтъ! Г. Бруннеръ прибавляетъ кое-что и отъ себя, какъ видно, по собственному наблюденію: онъ говоритъ, что у Русскихъ примѣтно выдавшіяся скулы и у каждаго, въ рукахъ, если не плеть, то палка.

Привыкнувъ къ дрожкамъ, мы не воображаемъ, какимъ владѣемъ сокровищемъ. Авторъ открываетъ намъ глаза. Онъ отдаетъ полное преимущество нашимъ дрожкамъ предъ многими легкими экипажами. Это, по словамъ Г. Бруннера, преостроумное изобрѣтеніе. Онъ подробно разсматривалъ устройство дрожекъ. Мы приведемъ одно мѣсто изъ этого похвальнаго слова дрожкамъ и извозчикамъ, которымъ авторъ также отдаетъ должную дань благодарности.

«Изъ всѣхъ наемныхъ экипажей въ большихъ городахъ, отдаю неоспоримое преимущество Русскимъ

дрожкамъ. Хотите ль състь или сойти, все это дѣлаете вы какъ-нельзя скорѣе и безопаснѣе. Парижскіе кабриолеты, Вѣнскіе *coiré*, Неаполитанскія каріоллы, не представляютъ этого удобства. Русскія дрожки имѣютъ еще то совершенство, что не легко опрокидываются (!). Мнѣ нигдѣ не случалось ѣздить лучше и платить дешевле какъ въ Одессѣ. Хотя мнѣ приходилось объясняться одними знаками, однако я безъ затрудненія попадалъ, куда мнѣ было надобно, съ помощію всегда веселаго и довольнаго Одесскаго извозчика. Какая противоположность — Парижскій извозчикъ, съ его надменною фигурою и дрянными мячонками!»

Еще одно наблюденіе Г. Бруннера падъ Одессою, и потомъ мы отправимся съ нимъ далѣе.

«Для предохраненія себя отъ простуды, а болѣе отъ непріятной сырости, которая легко прививаетъ лихорадку, мужчины и дамы въ Одессѣ круглый годъ, даже въ жаркіе дни носятъ плащи; зонтиковъ, по жестокости здѣшнихъ вѣтровъ, совсѣмъ не употребляютъ. Эти плащи бываютъ суконныя или другихъ легкихъ матерій, и вмѣстѣ съ палисадниками у домовъ придаютъ пасмурную наружность городу, а жителямъ фizioномію Богъ знаетъ какихъ, прадедовскихъ временъ.»

Въ Николаевѣ авторъ не въѣзжалъ. Городъ былъ оцѣпленъ по случаю холеры и проѣзжая дорога на то время была отведена въ поле. Поэтому Г. Бруннеръ не видѣлъ ученыхъ достопримѣчательностей Николаева, — тамошней обсерваторіи и известнаго астронома, Г. Кнорре.

Вотъ что пишетъ Г. Бруннеръ о Херсонѣ :

«Херсонъ, новый городъ, основанъ при Екатеринѣ II. Образъ построекъ его такой же какъ въ Одессѣ. Улицы и площади такъ широки, что люди на нихъ

кажутся ползающими мухами. Дома, принадлежащіе но большей части жидамъ, и тутъ не могутъ разстаться съ палисадниками и выказываютъ бѣдную наружность, съ придачею Русской неопрятности.»

Не споримъ, что улицы и площади Херсона, и нѣкоторыхъ другихъ городовъ южной Россіи очень широки: но неужели это недостатокъ? Развѣ узкія улицы лучше? Странно слышать насмѣшки надъ широкими улицами отъ доктора Медицины! И говоря о Жидовскихъ домахъ, онъ называетъ ихъ неопрятность «Русскою»! Почему жъ не Жидовскою? Жиды — въ претензіи на Г. Бруннера; Русскіе мужики тоже. Предоставивъ Жидамъ жидовское, онъ могъ бы сказать что-нибудь о Русской чистоплотности. Онъ могъ узнать отъ всякаго встрѣчнаго, что у насъ даже простой работникъ считаетъ необходимою каждую субботу выпариться въ бань; что Русскій мужикъ будто не свой, когда не сходить въ баню разъ въ недѣлю. Какъ наблюдательный путешественникъ, онъ тотчасъ открылъ бы, что это народный и весьма древній обычай, что содержаніе бань для общественнаго употребленія, въ Херсонѣ и во всей Россіи, составляетъ особый промыслъ, которымъ по значительности сбора, многіе обогатились и богатеютъ. Какъ докторъ Медицины, онъ могъ бы войти въ изслѣдованіе, по-крайней-мѣрѣ столько, какъ о Русскихъ дрожкахъ, того вліянія, какое производитъ это обыкновение на здоровье, крѣпость тѣла и народный характеръ. Это было бы очень любопытно. Но всего вдругъ не вспомнишь! Авторъ не съ той какъ должно точки смотритъ на торговлю и занятія жителей Херсона. Онъ говоритъ: «Херсонъ былъ нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи; теперь онъ въ упадкѣ. Но всё еще, вивствѣ съ Таганрогомъ, онъ остается главнымъ пунктомъ вѣншей торговли для хлѣбородной Украйны, какъ Одесса для Подольской и Волынской губерній съ остальною ча-

стіе Польши.» По этому указанію иные спекулянты могли бы отправить корабли въ Херсонъ для нагрузки Украинскою пшеницею. Но они не нашли бы тамъ достаточныхъ запасовъ. Съ учрежденіемъ Одессы, привлечена туда важнѣйшая нагрузка произведеній, особенно пшепцы, изъ губерній составлявшихъ некогда Польскую Украину по правую сторону Днѣпра, и назначеніе Херсона, какъ главнаго пункта вышшей торговли, измѣнилось. Отдѣленный на шестьдесятъ верстъ отъ моря всею длиною Днѣпровскаго лимана, и отъ самага лимана протоками и островами, онъ не имѣетъ всѣхъ удобствъ приморскаго города. Его непосредственная заграничная торговля при соперничествѣ удобнѣйшаго Одесскаго порта необходимо должна была ограничиться немногими отпускными статьями. Изслѣдованіе направленія и путей его внутренней торговли можетъ доставить довольно новыхъ и любопытныхъ фактовъ. Потребности края ставятъ Херсонъ въ постоянныя сношенія съ городомъ Брянскомъ, — отдаленною пристанью на одномъ изъ притоковъ Днѣпра въ Орловской губерніи. Сосредоточиваемыя здѣсь Русскія произведенія и издѣлія, и нерѣдко заграничные товары, привезенные черезъ Рижскій портъ, нагружаются на барки. Одинъ разъ въ годъ. — что бываетъ весною, — эти барки собираются, идутъ по теченію Днѣпра въ сопровожденіи плотовъ строеваго лѣсу, сплаваемого изъ Могилевской губерніи; переплываютъ въ полную воду пороги и, достигнувъ Херсона, исчезаютъ вмѣстѣ съ своимъ грузомъ и плотами въ рукахъ Херсонскихъ промышленниковъ. Въ самомъ Херсонѣ дѣятельность комисіонеровъ, или жидовъ, приготовляетъ запасы Русскихъ произведеній, шерсти, кожъ, сала, — которыя скупаются въ разныхъ мѣстахъ сосѣднихъ губерній для нагрузки въ Одессу или для отправленія черезъ Бердичевъ въ Австрію. Для перевоза моремъ казенныхъ

и частныхъ грузовъ, Херсонскіе жители содержатъ цѣлый флотъ каботажныхъ судовъ, извѣстныхъ между жителями подъ названіемъ «мореходныхъ лодокъ», которыхъ постройка, надобно замѣтить, производится на мѣстѣ въ Херсонѣ изъ сплаваемаго туда лѣсу. Эти лодки заходятъ во все Крымскіе и другіе Черноморскіе порты, доставляютъ туда изъ Херсонскихъ складовъ разныя произведенія и издѣлія и получаютъ обратные грузы для приморскихъ городовъ. У Русскихъ мореходцевъ, большею частію Малороссійцъ, составляющихъ экипажъ этихъ лодокъ, нѣтъ пока мѣстъ искусныхъ шкиперовъ. Несмотря на то, они часто, съ Божію помощію, благополучно достигаютъ отдаленнѣйшихъ береговъ Азовскаго Моря и устьевъ Дуная. Г. Бруниеръ замѣтилъ въ Одессѣ, близъ порта, особую пристань, которую зовутъ «практическою», то есть, незачумленною, и видѣлъ небоольшія двухмачтовья суда, которыхъ число повременамъ бываетъ довольно значительно: это именно и есть большею частію тѣ смѣлыя Херсонскія лодки, доставляющія Одессѣ разные продукты для нагрузки и потребленія. Вотъ богатый просторъ внутренней торговли. Она, не смотря на развалины Херсона, — остатки блеска прежняго заграничнаго торговаго, — и теперь оживляетъ его пристань и побуждаетъ жителей строиться. Прибывающее съ каждымъ годомъ народонаселеніе края, умножающіяся потребности Черноморскаго флота, который получаетъ все нужное для снаряженія черезъ Херсонъ, и увеличивающаяся масса отечественныхъ продуктовъ, отправляемыхъ не только въ Одессу, но даже въ Австрію, обѣщаетъ Херсону въ этой торговлѣ счастливую будущность, даже въ случаѣ политическихъ перемѣнъ по Черноморской заграничной торговлѣ.

Перейдемъ теперь въ Таврическую губернію, на землю которой Г. Бруниеръ вступилъ въ Аleshкахъ.

Ему предстоялъ скучный переѣздъ по почтовой доро-
гѣ черезъ Перекопъ на разстояніи двухъ сотъ двад-
цати верстъ. Упомянувъ какъ трудно послѣ Гумбольд-
това описанія Венесуельской степи написать что-ни-
будь въ этомъ родѣ, авторъ выдаетъ картину своего
переѣзда за образчикъ всѣхъ степей южной Россіи.
По его географіи, которая болѣе годилась бы для вре-
менъ царя Алексѣя Михайловича, тенерешнюю юж-
ную Россію составляютъ у него — Украина, Ногай-
скія, Калмыцкія и Крымскія степи. «Вообразите, го-
воритъ онъ, необозримое поле, покрытое то травами, то
полухукустарниками двѣнадцати не болѣе родовъ расте-
ній, которыхъ пышный и большой ростъ заставляютъ
угадывать естественное плодородіе земли. Предста-
вьте себѣ, что на всемъ пространствѣ, сколько можно
окинуть глазомъ, нѣтъ ни одного дерева, ни одной
сколько-нибудь замѣтной неровности; не видно водъ,
ни ручейка, ни источника, кромѣ полуразрушенныхъ
колодець, брошенныхъ тамъ и сямъ, и вокругъ ко-
торыхъ бродитъ томный жаждою рогатый скотъ.
Представьте себѣ верблюдовъ, важную поступью из-
мѣряющихъ обширную равнину; полудикихъ коней,
убѣгающихъ встрѣчи съ человекомъ или съ этими
двугорбыми животными; одичалыхъ, черныхъ какъ
смоль, щетинистыхъ свиней, промышляющихъ у жи-
лицъ и какъ бы природныхъ обитателей этой без-
людной страны; самыя хижины съ плоскими земля-
ными крышами, поросшими травой, не хуже окрест-
ныхъ полей; стада драхвъ, какъ-будто нарочно допу-
скающихъ къ себѣ путника для выказанія ему своей
красивой, пестрой одежды и по удовлетвореніи свое-
му тщеславію тотчасъ удаляющихся тяжелымъ шле-
томъ; цѣлые ряды возовъ, запряженныхъ парю во-
ловъ, ровно и тихо идущихъ или изъ Перекопа съ
кладью соли для внутренней Россіи, или въ Симфе-
рополь съ запасами хлѣбнаго вина; наконецъ первый

человѣческій образъ въ Монгольскомъ лицѣ степнаго Татарина съ овчинною шапкою и черными блестящими глазами; представьте себѣ все это и вы будете имѣть понятіе о видѣ степей, пролегающихъ по южной Россіи до Кавказскихъ и Крымскихъ горъ.» Эта картина степей, или почтовой дороги отъ Алешекъ къ Симферополю, можетъ быть имѣть свое достоинство въ поэтическомъ отношеніи; но жаль, что она вводитъ въ заблужденіе читателей. Послѣ очерка вида, отзывающагося первобытною дикостью Аравійскихъ пустынь, кому прійдетъ на мысль, что въ разстояніи двадцати пяти или тридцати верстъ отъ почтовой дороги лежатъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, хотя не частыя, но многолюдныя, Русскія селенія, а отъ Перекопа, въ Перекопскомъ уѣздѣ, маленькія и частыя Татарскія деревни; что на такомъ же разстояніи въ Днѣпровскомъ уѣздѣ живутъ въ довольствѣ трудолюбивые помѣщики, между которыми есть люди весьма просвѣщенные и ничѣмъ не хуже старыхъ Европейцевъ. Не надо пугаться слова — степь, и еще — «Погайская степь»: довольно сдѣлать верѣздъ по этой, такъ называемой, Погайской степи верстъ на восемьдесятъ къ Мелитопольскому уѣзду: тамъ найдете вы, въ числѣ владѣльцевъ, даже соотечественниковъ Г. Бруннера, Швейцарцевъ, и увидите цѣлые ряды, не чумацкихъ воевъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, а прекрасныхъ селеній иностранныхъ пришельцевъ, селеній, не уступающихъ въ хозяйствѣ и удобствахъ жизни лучшимъ фермамъ западной Европы; увидите степныхъ Татаръ, Погайцевъ дѣлающихъ замѣчательные успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ и грамотности. Вся тайна въ томъ, что путешественникъ, наблюдающій край, не долженъ ограничиваться горизонтомъ почтовой дороги.

Въ Симферополь особенно поразила автора Татарскій базаръ: замѣтивъ множество продаваемыхъ ко-

десъ , онъ назвалъ его колеснымъ рынкомъ. Онъ находитъ въ немъ большое сходство съ вагенбургамъ древнихъ Германцевъ и говоритъ : «У Татаръ колеса въ повозкахъ вертятся вмѣстѣ съ осями. Пара колесъ и ось, выдѣланныя изъ цѣльнаго куска , составляютъ часть набора и такъ продаются.» Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ то же , прибавляя , что и несносный скрипъ Татарскихъ колесъ происходитъ отъ этого. Ничего не бывало ! Татарскія колеса также вертятся на осяхъ , какъ и всѣ другія , а скрипятъ оттого , что не смазываются. Бакчисарай правится автору своей Восточною оригинальностію. Г. Бруннеръ былъ въ немъ три раза и при всемъ томъ желалъ бы еще разъ посмотрѣть на него. Въ своихъ Бакчисарайскихъ поѣздкахъ онъ наблюдалъ Татаръ по окрестнымъ долинамъ , и собралъ не малый запасъ такихъ же свѣдѣній объ ихъ нравахъ и обычаяхъ , какъ и объ ихъ колесахъ. Мы не станемъ исчислять его промаховъ.

Г. Бруннеръ разсматриваетъ Крымъ въ физическомъ отношеніи. Сказавъ , что Крыма нельзя считать полуостровомъ ; что онъ , отдѣляясь отъ твердой земли только небольшимъ перешейкомъ у Перекопа и держа въ себѣ степи и прибрежныя горы , столько же можетъ назваться твердою землею , какъ и островомъ , авторъ продолжаетъ : «На южномъ берегу Крыма не знаютъ ни палящаго зноя степей , ни суровости Русской зимы. Умѣренный воздухъ вѣетъ прохладно или пріятною теплою въ этой блаженной странѣ. Защищенная съ сѣвера хребтомъ Яйлы , она , по естественнымъ произведеніямъ , можетъ стать наряду съ верхнею Италією. Ея прозябенія во многомъ сближаются съ прозябеніями Босфора. Это я замѣтилъ , имѣвъ случай наблюдать объ страны. И нѣтъ сомнѣнія , что мало изслѣдованные берега бассейна Чернаго Моря имѣютъ , какъ и болѣе извѣстные берега Средиземнаго ,

свою собственную флору, можетъ-статься не такъ богатую, но не менѣе того отличную. Полуденная часть Крыма стоитъ на той же широтѣ какъ и Генуя; но восточныя страны вообще холоднѣе западныхъ *по ближнему сосѣдству плоской возвышенности (?)* и нимѣнно ни какой защиты отъ сѣвера. Высота нижней покатости Италіянскихъ Альповъ надъ поверхностью Средиземнаго Моря ставитъ ее почти въ такое же положеніе. Поэтому, хотя Симферополь лишень вліянія морскаго воздуха и, по климату своему, неблагопріятному для кипарисовъ и фиговыхъ деревьевъ, вѣроятно, не выдержитъ сравненія съ столицею Пиемонта, Туриномъ, съ которымъ стоитъ онъ подъ однимъ градусомъ широты, однако среднюю температуру полуденнаго берега, почти безошибочно, можно полагать сходною съ среднею температурою Боромейскихъ Острововъ *Laggo Maggiore*. Къ сожалѣнію, для точныхъ выводовъ недостаетъ сравнительныхъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи самый берегъ въ различныхъ точкахъ долженъ, кажется, являть разности въ температурѣ. Еще Палласъ замѣтилъ справедливость общей молвы у Татаръ, что со времени присоединенія Крыма къ Россіи въ немъ сдѣлалась чувствительнѣе холодъ.»

Забавно читать, какъ Г. Бруннеръ однимъ почеркомъ пера рѣшилъ великій вопросъ о причинѣ сравнительной холодности странъ восточныхъ. Близость великой плоской возвышенности! Великая плоская возвышенность, о которой идетъ дѣло, есть Монгольская Стѣнь Тибетъ и Бутанъ: между-тѣмъ Хорасанъ и сѣверная Персія, которыя лежатъ у самой этой возвышенности, суть страны жаркія, а въ Америкѣ, гдѣ нѣтъ великихъ плоскихъ возвышенностей и которая лежитъ на крайнемъ западѣ, климатъ суровѣе нежели какъ въ западной Европѣ подъ тѣми же широтами. Татарское повѣріе о томъ, будто-бы въ Крыму стало

холоднѣе со времени присоединенія полуострова къ Россіи, несмотря на авторитеты Палласа и Г. Бруннера, не стѣить разбора. Нынче извѣстно каждому, кто знакомъ съ новѣйшими наблюденіями, что климаты не измѣняются въ отношеніи къ средней температурѣ. Преобразование наружнаго вида почвъ можетъ имѣть вліяніе на температуру отдѣльныхъ временъ года; зимы стануть легче: весны и лѣта зато будутъ менѣе жарки; холодъ, отнятый у одного времени, разольется на другія, и всѣ они сдѣлаются равнѣе, но количество мѣстнаго теплотвора въ сложности за нѣсколько лѣтъ всегда окажется одно и то же. Въ самомъ дѣлѣ, вырубка лѣсовъ произвела это дѣйствіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крыма. Послѣ сходства, которое Г. Бруннеръ находитъ въ Крымскомъ полуостровѣ берегу, по произведеніямъ, съ плодородною верхнею Италіею, а по климату съ отраднѣмъ воздухомъ Боромейскихъ острововъ, онъ указываетъ мѣста, напоминающія пейзажи Франціи и Италіи. Такъ, видъ части долины у каменнаго моста на рѣкѣ Алмѣ, сравниваетъ онъ съ видомъ Pont du Gard въ Лангдокѣ. Городъ Чуфуть-Калѣ, какъ-бы орлиное гнѣздо, свитое на скалѣ, близъ Бакчисарая, даетъ понятіе, по мнѣнію Г. Бруннера, о городкахъ гористой части Аппениновъ, Эльбы, Корсики, Сардиніи. Видъ подъема на гору у Таушанбазарской станціи, по дорогѣ отъ Сямферополя къ Алуштѣ, показался ему ничѣмъ не хуже вида близъ Serravalle на Сѣверномъ склонѣ Лигурійскихъ Аппениновъ. Пробѣгая горный хребетъ отъ Алупки къ Кокозу, онъ при видѣ кошей Яйлинскихъ *чобановъ* вспомнилъ о такихъ же точно хижинахъ Швейцарскихъ *настуховъ* на Альпахъ. Отъ Кучукъ-Ламбата къ Алуштѣ онъ удивлялся огромности фисташковыхъ деревьевъ, *секизъ-агачъ*, чего, по его словамъ, нельзя видѣть въ самой Италіи, гдѣ ихъ срѣзываютъ низко, для собиранія терпентина. Въ утѣ-

шеніе Татаръ, онъ говоритъ даже, что такіе же Татары есть и въ устарѣвшей Европѣ; что ровно такимъ же скрипомъ дерутъ уши Испанцевъ Бискайскія повозки, у которыхъ, вмѣсто колесъ, кружалы. Авторъ оканчиваетъ свой физическій обзоръ климатическимъ раздѣленіемъ Таврической губерніи: «Я дѣлю Таврію, относительно прозябенія, на четыре климата, или физическія полосы. Первый отдѣлъ представляютъ степи, непримѣтно или мало возвышающіяся надъ уровнемъ моря и заключаетъ въ себѣ четыре-пятыхъ или даже пять-шестыхъ всей поверхности.» Симферополь, крайняя точка этого отдѣла, по свѣдѣніямъ Г. Бруннера, находится только въ шести стахъ футахъ надъ уровнемъ моря. «Тутъ вообще замѣтно господство флоры Южной Россіи. Вамъ попадаются травы песчаной почвы, луговья и у приморскихъ береговъ травы почвы солонцоватой, — всѣ изъ разряда растений, живущихъ общественно. Во всемъ виднѣнъ рѣзкій отпечатокъ степнаго свойства земли, которую такъ хорошо опредѣлялъ Годе въ своемъ описаніи Кавказскаго Края *. Узоры убогой полевой ткани этого отдѣла почти исключительно составлены изъ донника, или мелилотовой травы, шалфею, бѣлой польни, гусиной лапы, синеголовника, чертополога, и другихъ сложно-мѣтнѣныхъ растений. По мѣрѣ того какъ блекнуть одиѣ и разцвѣтаютъ другія, съ переменною временемъ года ткань мѣняется стой видъ, и только весеннею порою доставляетъ нѣкоторую отраду глазамъ. Стада овецъ, буйволы, рогатый скотъ и верблюды питаются этими травами. Сокровище степей, — вкусные арбузы и дыни, поздно лѣтомъ собираются съ полей и складываются кучами на рынкахъ. Однолѣтнія ядовитыя травы, бѣлена и дурманъ, растутъ и здѣсь, какъ во

* Bibliothéque Universelle, 1831.

всей южной Россіи, на улицахъ и въ деревняхъ и, вмѣстѣ съ репейникомъ и степнымъ бурьяномъ, довершаютъ картину дикой, необработанной почвы. Отъ известковыхъ возвышеній у Симферополя начинается второй отдѣлъ, который я называю предгорною полосою. На этой полосѣ, еще не совсемъ лишенной степнаго свойства, но уже частію защищенной, и частію орошаемой водами, произрастаютъ виноградъ, хлѣбныя растенія, прекрасныя плоды. Отличительнымъ ея признакомъ должно считать появленіе неизвѣстнаго въ степяхъ держидерева, *palıugus australis*, который растетъ здѣсь мелкими кустами. Не ближе какъ на южномъ берегу онъ получаетъ видъ совершеннаго кустарника и достигаетъ большаго росту. Слѣдуя направленію горнаго кряжа, восходящаго подъ острымъ угломъ и пересѣкаемаго во многихъ мѣстахъ долинами, вы достигаете до третьяго отдѣла, — буковыхъ лѣсовъ, до сѣвернаго склона Крымскихъ Альпъ. Буковыя лѣса составляютъ его главное украшеніе. Онъ идетъ отъ Бакчисарая, Байдаръ, источника рѣки Салгира, и оканчивается на вершинѣ горнаго хребта. Роскошныя кормовыя травы, большіе толсто-стебельные кусты тысячелиствинника, девясила, бѣлокопытника, пиретры и кроющіяся въ тѣни кукушкины слезки, *orchis*, населяютъ этотъ отдѣльный міръ. На сѣверной покатоности Чатырдага, у лѣсистаго источника рѣки Амы, какъ увѣряютъ, растетъ также во множествѣ красавица — трава *Anthropa bella dona*. Если позволительно допустить нѣкоторое сравненіе втораго отдѣла съ внутренними областями средней Франціи, то для сравненія третьяго надобно податься нѣсколько назадъ: эту часть Крыма, возвышенную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на пять тысячъ и болѣе футовъ, правильно можно сравнить съ положеніемъ Жюры, имѣющей съ ней и другое сходство, — одинаковое об-

разованіе каменныхъ массъ. Четвертый отдѣлъ есть отдѣлъ полуденнаго берега, или южнаго склона Крымскихъ Альпъ. Сама природа указываетъ границы этой полосы, и было бы излишне подраздѣлять ее на части. Только на высотахъ Яйлы и въ разсѣлинахъ по ту сторону Алушты замѣтны еще кое-гдѣ буквые лѣса; прочую часть горныхъ высотъ плотнаго известковаго камня покрываетъ особеннаго вида сосна, — сосна Таврическая, *pinus Taurica*. Далѣе идутъ клубничное дерево, *arbutus andrachnæ*, сумашъ, орѣшникъ, грецкія орѣшины, садовая рябина, фиштакковыя деревья, *pistacia terebinthus*, и виноградныя лозы, дающія лучшее вино. На приморскихъ скатахъ дозрѣваютъ почти безъ исключенія всѣ плоды умѣренно-теплыхъ климатовъ. Большая часть флоры состоитъ изъ растеній флоры южной Франціи, съ которою этотъ край имѣетъ сходство.»

Изъ всѣхъ пріютовъ на южномъ берегу Г. Бруннеру особенно нравится Алушитинская долина. Взглянемъ вмѣстѣ съ авторомъ на видъ ея съ высоты горной дороги идущей отъ Симферополя: «Когда станете у прекраснаго фонтана, пѣнящаго въ каменной чашѣ чистую и прозрачную воду, видъ оттоль восхитителенъ. Нечаянный выходъ изъ лѣсу вдругъ открываетъ вамъ Алушитинскую долину, и взоръ, пробѣгая тихій скатъ ея, стремится вдаль, скользя по безграничному зеркалу моря. Съ запада дикія скалы хребта Яйлы, увѣчанная лѣсомъ, съ востока утесистые обрывы нѣкогда рухнувшей вершины Демержинской горы, стоятъ неизмѣнно въ важной и неприступной осанкѣ, какъ чародѣи, гордые своимъ могуществомъ, которое создало у нихъ подножія волшебный край, — эту прелестную кайму, чудесно прибранную къ синему, аквамаринному, дву Эвксина.»

Вообще, почтенный членъ Пятисотаго Совѣта не столько углубляется въ разысканія торговаго и про-

мышленного состоянія края, сколько любить наглядныя описанія мѣстоположеній и ихъ особенностей; и здѣсь, за вѣрность, должно отдать ему справедливость. Г. Бруннеръ бросаетъ иногда поверхностный взглядъ на вещи, но у него встрѣчаются и замѣчанія довольно дѣльные. Онъ между прочимъ основательно разсуждаетъ о выгодахъ и невыгодахъ поселенія иностранцевъ на южномъ берегу Крыма и о сельскомъ быту Татаръ. Сужденія о лицахъ, которыхъ онъ видѣлъ или съ которыми имѣлъ сношенія, и отчеты въ предметахъ разговора съ ними, или скучны, или длинны, и вообще не совсѣмъ уместны. Зато физическаго рода изслѣдованія, кажется, конекъ автора; и мы подробнѣе занялись ими, думая, что никогда не бесполезно изучать въ этомъ отношеніи край, котораго богатая природа представляетъ новое поприще для нашей дѣятельности по сельскому хозяйству и мануфактурной промышленности.

Мы могли бѣ замѣтить Г. Бруннеру нѣсколько промаховъ. Авторъ утверждаетъ, на примѣръ, что предмѣстье Перекопа, называемое Армянскимъ Базаромъ, населено исключительно одними Армянами; что будто городъ Керчь, въ царствованіе Императора Александра, былъ ссылочнымъ мѣстомъ для провинившихся; что въ Бакчисаратъ пмяннымъ указомъ дозволено селиться только Татарамъ; что у Татарскихъ сѣделъ стремленные ремни неровны, — одинъ короче, другой длиннѣе: и ученій наблюдатель приписываетъ это не случайной несправности сѣдла, а существующему будто-бы между Татарамъ обычаю ѣздить верхомъ поджавши одну ногу. Но это бездѣлицы. А вотъ дѣло, и дѣло весьма важное, — медицинское замѣчаніе, которсе мы подвергаемъ соображенію дамъ, переселяющимся въ древнюю Тавриду: «Говорятъ, что въ Крыму завѣжіе жители чрезвычайно скоро старѣются. Одинъ только тамошніе уроженцы не подвер-

гаются этому непріятному случаю, котораго причину, вѣроятно, полагать можно въ сухости климата. По-крайней-мѣрѣ очень замѣчательно, что во всѣхъ умѣренныхъ климатахъ, гдѣ влажность болѣе или мѣнѣе смягчаетъ палящую сухость воздуха, свѣжесть лица и полнота щекъ у молодыхъ людей гораздо прочнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ.»

Если бы это была правда, Крымъ потерялъ бы въ глазахъ нашихъ половину своихъ прелестей. Но позволительно сомнѣваться въ справедливости того, что говорятъ.

Мѣста приведенныя изъ сочиненія Г. Бруннера, достаточно показываютъ неравнодушіе, съ какимъ онъ отзывается о самой примѣчательной части Крымскаго полуострова. Но надо прибавить, что онъ оканчиваетъ свою поѣздку «Тоскою по Тавридѣ», стихотвореніемъ въ сорокъ двѣ строфы, и, разставаясь съ Крымомъ, томится жаждою опять его увидѣть. Мы не хотимъ судить о совершенствахъ его врачевой Музы, но этотъ поэтическій взрывъ сердца, какими бы ни выражался онъ стихами, доказываетъ то, что Швейцарскій путешественникъ былъ глубоко тронуть красотами Крымской природы, дѣйствительно изящной. Г. Бруннеръ, какъ намъ извѣстно, посѣтилъ Крымъ въ 1855 году вторично.

Послѣ этого мы позволимъ себѣ спросить нашихъ читателей, изъ которыхъ многіе бывали въ Крыму: какъ это случилось, что, никто изъ нихъ, при своихъ дарованіяхъ, при своемъ знаніи мѣстности и живомъ чувствѣ прекраснаго, доселѣ не описалъ путешествія своего по Тавридѣ, и что Русская публика, желая познакомиться съ этимъ знаменитымъ полуостровомъ, должна прибѣгать къ сочиненіямъ иностранцевъ? Мы не говоримъ о брошюрахъ: брошюры ничего не до-

казываютъ, и ихъ никто у насъ не читаетъ ; мы говоримъ именно — о «путешествіи», о порядочной книгѣ, о сочиненіи въ родъ Англійскихъ *tours, wanderings, pencillings*, если ужъ нельзя ожидать ничего лучшаго. И не одинъ Крымъ, — всѣ части нашего огромнаго и любопытнаго отечества, особенно присоединенныя, могли бы сдѣлаться предметомъ такихъ твореній, которыя были бы читаны съ несравненно бѣльшимъ удовольствіемъ, и конечно съ бѣльшею пользою, чѣмъ повѣсти и были. Отправившись въ отпускъ на лѣтніе мѣсяцы или пробывъ нѣсколько времени на службѣ въ отдаленной области, почему не издать умной и пріятной картинки того, что вы видѣли, что чувствовали, что васъ болѣе всего поразило въ природѣ, обществѣ, зданіяхъ, занятіяхъ народа, просвѣщеніи страны, правахъ и обычаяхъ жителей? Повѣрія, преданія, лѣсни, историческіе памятники, все могло бы войти въ рассказъ и придать ему разнообразіе. Позволяется даже, по примѣру доктора Бруннера, въ концѣ напечатать свои стихотворенія. Это уже чистая прибыль!

ИВАНЪ АНДРЕЕВСКІЙ.

=

III. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И
ПРУССО-ГЕРМАНСКИЙ ТОРГОВЫЙ СОЮЗЪ,

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ АНГЛІИ.

Мы рѣшились привести главныя разсужденія одного Англійскаго журнала, уважаемаго всеми партіями, о двухъ предметахъ, изъ которыхъ одинъ лично касается до насъ, Русскихъ, а другой живѣйшимъ образомъ возбуждаетъ нынче любопытство и безчисленные толки всей Европы, — о нешуточныхъ опасеніяхъ, порождаемыхъ въ Англійи успѣхами нашей промышленности, опасеніяхъ, которыя очень лестны для нашего народнаго самолюбія, и о союзѣ Германскихъ государствъ, составившемся подъ предсѣдательствомъ Пруссіи для выгодъ заграничной торговли. Объ этомъ предметѣ у насъ по-сю-пору господствуютъ самыя неясныя понятія.

Въ этой статьѣ, говоритъ Англійскій журналъ, мы намерены доказать фактами вредъ, который наносятъ сбыту Англійскихъ произведеній промышленныя успѣхи Россіи и распространеніе Пруско-Германскаго Союза. Для этого мы сначала бросимъ бѣглый взглядъ на нынѣшнее положеніе нашей торговли съ Россіею и съ Оттоманскою Портою.

Торговля Европейской Турціи, Малой Азіи и транзитъ въ Персію состоитъ почти исключительно изъ Англійскихъ издѣлій.

Вотъ усиленіе торговли Великобританіи съ Турціею въ послѣдніе годы :

	въ 1827.	въ 1830.
Вывозъ.....	18,833,325 рублей.	34,199,550 рублей.
Объявленная цѣна привозныхъ товаровъ.....	18,446,725 — —	20,896,800 — —

Но какъ объявленная цѣна бываетъ обыкновенно десятью процентами ниже настоящей, то можно полагать что цѣна привозныхъ товаровъ простиралась въ 1830 году до двадцати пяти милліоновъ рублей. Изъ этого видно, что вывозъ Англійскихъ произведеній въ Турцію въ три года почти удвоился.

Теперь рассмотримъ результаты торговли Англійи съ Россіею и мы увидимъ, представляетъ ли она тѣ же выгоды.

	въ 1827.	въ 1830.
Объявленная цѣна Русскихъ произведеній, ввезенныхъ въ Англію.....	104,336,750 рублей.	100,612,750 рублей.
Всего вывоза.....	57,441,750 — —	56,506,000 — —

При первомъ взглядѣ замѣтно, что торговля Англійи съ Россіею не усиливается подобно торговли съ Турціею, но остается въ одномъ положеніи. Но не станемъ останавливаться на этомъ, рассмотримъ также результаты. Цѣна вывоза собственно Англійскихъ произведеній простиралась въ 1830 году до 37,238,500 рублей, въ томъ числѣ было пряденой бумаги на 27,191,500 рублей. Цѣнность каждаго предмета мѣны, разсматриваемая съ національной точки зрѣнія, должна быть изчислена по цѣнности работы, особенно, если матеріалъ производится внѣ государства. Средняя цѣна пряденой бумаги, потребленной Россіею въ 1830 году, составляетъ, по увѣренію Г. Маршала, 14 копѣекъ на фунтъ. Если цѣна непряденой бумаги составляла 7 копѣекъ, то вывозъ этого продукта доставилъ государству барыша сто на сто капитала и процентовъ. Но если бы вмѣсто бумажной пряди, Англія вывозила бумажныя ткани, выгода была бы гораздо значительнѣе. Она составляла бы не 100, но 300 и 400 процентовъ. Таково положеніе торговли Англійи съ Турціею, отъ которой она получаетъ около чегырехъ сотъ процентовъ барыша.

Такимъ образомъ бумажной пряжи вывезено въ 1830 году въ Россію на.....	27,191,500	рублей.
Цѣна необработаннаго матеріала, полученнаго изъ Соединенныхъ Штатовъ, составляла.....	13,595,750	— —
Барыша.....	13,595,750	— —
Въ томъ же году вывезено въ Турцію бумажныхъ тканей на.....	21,798,500	— —
Цѣна необработаннаго матеріала составляла $\frac{1}{8}$ или	4,399,750	— —
Барыша.....	17,398,750	— —
Барышъ отъ торговли съ Россіею.....	13,595,750	— —
Балансъ барыша въ пользу торговли съ Турціею	3,803,000	— —

А между-тѣмъ вывозъ изъ Англій въ Россію превъшалъ цѣлою четвертью вывозъ въ Турцію.

Этотъ легкій сбытъ произведеній Англійской промышленности, который ежедневно становится все выгоднѣе, можетъ въ случаѣ войны, совершенно прекратиться, потому что Россія съ удивительнымъ искусствомъ и дальновидностью заключила съ Турціею трактатъ, по которому она при первомъ разрывѣ запретъ намъ Дарданеллы, Босфоръ, порты Смирскій и Салоникскій. Но что говорить о войнѣ! Она и посреди мира скоро отниметъ у Англій эту столь выгодную торговлю. И не должно думать, чтобы эти опасенія были преувеличены. Россія каждый день дѣлаетъ огромные успѣхи въ промышленности и непрерывно старается о распространеніи своихъ издѣлій во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Слѣдующая таблица, показывающая двойное движеніе ея внѣшней торговли въ послѣдніе годы, сдѣлаетъ наше замѣчаніе еще болѣе явственнымъ.

Вывозъ изъ Россіи въ 1834 году.

Въ чужіе краи на.....	217,322,446	рублей.
Въ Финляндію.....	2,440,993	— —
Въ Польшу.....	10,656,441	— —
Итого	230,419,880	— —

Ввозъ въ Россію въ 1834 году.

Изъ чужихъ краевъ на	214,324,630.
Изъ Финляндіи.....	969,919.
Изъ Польши.....	2,798,801.
Итого	218,093,350.

Балансъ въ пользу вывоза былъ бы еще значительнѣе, если бы неурожай предъидущаго года не сдѣлалъ необходимымъ ввозъ иностраннаго хлѣба. Русскіе порты были открыты и хлѣба ввезено 1,100,000 четвертей, на сумму 20,714,000 рублей. между-тѣмъ какъ, въ обыкновенное время, Россія напротивъ того вывозитъ свой хлѣбъ въ чужіе края. Но факты, наиболѣе занимательные для Англіи, касаются до успѣховъ Русскихъ мануфактуръ, которыя не могутъ не процвѣтать при поощреніи и покровительствѣ, какое имъ оказывается. Слѣдующая таблица выставитъ эту истину во всемъ ея свѣтѣ.

Возрастаніе количества необработанныхъ матеріаловъ, ввезенныхъ въ Россію съ 1832 по 1834.

	1832.	1833.	1834.
Хлопчатой бумаги.....	127,124 пуд.	139,032 пуд.	152,110 пуд.
Бумажной пряжи.....	544,255	517,693	525,296.
Индюго.....	33,318	22,950	25,284.
Сырцу.....	69,565	46,613	79,440.
Масла.....	200,079	217,948	305,529.
Сахарнаго песку.....	1,317,723	1,537,673	1,573,137.

Всего болѣе увеличился ввозъ хлопчатой бумаги, масла и сырцу. Съ другой стороны какъ ввозъ бумажной пряжи уменьшился, то очевидно, что Русскія прядильни сдѣлали въ это время такіе успѣхи, что Россія не нуждается въ Англійской пряжѣ. Взглянемъ теперь на этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія; посмотримъ въ какой прогрессіи уменьшался ввозъ въ Россію Англійскихъ мануфактурныхъ произведеній въ то же самое время.

Уменьшеніе количества Англійскихъ мануфактурныхъ произведеній, ввезенныхъ въ Россію съ 1832 по 1834.

Бумажныхъ тканей... 10,383,161 руб.	10,586,723 руб.	8,786,072 руб.
Холстяныхъ — — ... 946,694	776,284	906,634.
Шелковыхъ — — ... 10,317,676	8,289,817	9,442,567.
Шерстяныхъ — — ... 10,982,916	8,412,957	7,690,193.
Блондъ, витокъ, кру- жевъ..... 2,259,288	1,693,463	1,297,744.

Эти цифры такъ ясны, что не требуютъ комментарій. Они очевидно показываютъ, что Русская промышленность идетъ быстрыми шагами и что черезъ нѣсколько лѣтъ она ниспро-

вергнуть Англійскую торговлю не только на сѣверъ но и въ Левантъ.

Перейдемъ теперь къ успѣхамъ Пруссіи.

Какимъ образомъ уничтожилось такъ скоро вліяніе Англіи, которое было душею оппозиціи въ Германіи? Это вопросъ, на который мы постараемся отвѣчать. Германія, столь долго бывшая театромъ и жертвою революціонныхъ неистовствъ, привыкла видѣть въ Великобританіи мощную союзницу, всегда готовую поддержать ее противъ нихъ. Въ 1830 году, когда Французская революція заставляла сѣверные народы опасаться возвращенія сдва изглаженныхъ бѣдствій, они должны были надѣяться, что Англія приметъ за прежнюю роль свою и остановитъ порывы демократіи въ самомъ началѣ. Но когда они напротивъ замѣтили, что Англія, управляемая вигами, вмѣсто того чтобы удерживать духъ революцій, благопріятствуетъ ему и пособляетъ его разпространенію, они съ безпокойствомъ начали искать отъ кого бы могли получить помощь, тщетно ожидаемую отъ Англіи. Россія слишкомъ далеко. Пруссія напротивъ близко и притомъ могущественна, всегда готова. Она искусно воспользовалась своимъ положеніемъ. Она подоспѣла на помощь къ своимъ испуганнымъ сосѣдямъ. Она не только не сдѣлала свое шокровительство тягостнымъ, но представила его какъ источникъ выгодъ для нихъ самихъ. Такимъ образомъ составилъ обширный торговый союзъ, который принялъ на всемъ своемъ пространствѣ Пруссійскій тарифъ, Пруссія таможен и сдѣлала Пруссію своимъ казначеемъ. Прежде всякое небольшое Германское государство имѣло свои собственные таможи, что много вредило успѣшному ходу внутренней и вѣншей торговли; нынче между Германскими государствами, принявшими Пруссійскій тарифъ, совсемъ нѣтъ торговыхъ границъ; товары свободно переходятъ изъ одной земли въ другую; внутренняя торговля совершенно свободна и таможи, взимающія пошлины съ иностранныхъ товаровъ, расположены по вѣншей окружности всего пространства, занимаемаго союзными государствами. Необходимо надобно было, чтобы одно какое-либо государство завѣдывало всѣми этими таможнями, и Пруссія приняла это на себя. Она собираетъ всю пошлину съ иностранныхъ товаровъ, и

въ концѣ года этотъ сборъ раздѣляется въ опредѣленной пропорціи между союзными государствами.

Мысль окружить нѣсколько независимыхъ государствъ одною таможенною линіей, мысль смѣлая и безпримѣрная въ Исторіи; но она не новая, потому что Пруссія давно уже ею занимается. Въ 1830 году однако жъ Германія была еще раздѣлена на двѣ большія части. Партія Союза содержала въ себѣ только Пруссію и Гессенъ-Дармштадтъ, который она заключила въ своей таможенной границѣ. Противная партія, соединенная узами выгодъ или дружбы съ Англіею, состояла изъ всѣхъ остальныхъ государствъ. Она называлась Ганноверскимъ противо-союзомъ. Народонаселеніе Пруссіи и Гессенъ-Дармштадта вмѣстѣ простиралось до 14,020,000 жителей. Противо-Союзъ представлялъ массу несравненно важнѣйшую, но не столь сплошную и болѣе раздѣленную по своимъ выгодамъ. Онъ уступалъ постепенно вліянію Пруссіи. Вотъ состояніе Противо-Союза въ 1830 году:

Составъ Ганноверскаго противо-союза въ 1830 году.

	<i>Число жителей.</i>
Баварія.....	4,300,000.
Виртембергъ.....	1,700,000.
Саксонія.....	1,600,000.
Саксенъ-Веймаръ.....	700,000.
Баденъ.....	1,300,000.
Нассау.....	375,000.
Гессенъ-Кассель.....	700,000.
Франкфуртъ.....	55,000.
Ганноверъ.....	1,700,000.
Мекленбургъ.....	560,000.
Ольденбургъ.....	270,000.
Брауншвейгъ.....	270,000.
Разныя другія мелкія Государства	600,000.

И того.....14,130,000.

Мы еще не считаемъ Гольштейна и Ганзеатическихъ городовъ, которые содержатъ въ себѣ до 400,000 жителей. Эти владенія, хотя и враждебныя Прусской системѣ, не вступили ни въ какой союзъ. Въ пять лѣтъ всѣ роли измѣнились и сильнѣйшая партія сдѣлалась почти незамѣтною.

Противо-Союзъ постепенно ослабѣвалъ и нынѣ состоитъ уже только изъ Ганновера и Брауншвейга, въ которыхъ счи-

тается 1,960,000 жит. а Пруско-Германскій союзъ постепенно возрастаетъ, и нынѣ обнимаетъ уже $4\frac{1}{12}$ всей Германіи. Это видно изъ слѣдующей таблицы.

Составъ Прусскаго союза въ 1835 году.

	Число жителей.
Пруссія.....	13,250,000.
Баварія	4,300,000.
Виртембергъ.....	1,700,000.
Саксонія	1,600,000.
Саксенъ-Веймаръ.....	700,000.
Баденъ	1,300,000.
Нассау	375,000.
Гессенъ-Кассель	700,000.
Гессенъ-Дармштадтъ	770,000.
Франкфуртъ-на-Майнѣ.....	55,000,
Разныя другія мелкія Государства	600,000.
И того.....	25,350,000.

Ганноверъ и Великое герцогство Брауншвейгское предоставили себѣ право приступить къ союзу въ 1841 году, или и прежде, если они найдутъ это нужнымъ. Ольденбургъ, Мекленбургъ и Голштейнъ еще противятся, но скоро, безъ сомнѣнія, тоже приступятъ къ союзу. Что касается до Ганзейскихъ городовъ, а именно Бремена и Гамбурга, то Пруссія смотритъ уже на нихъ, какъ на складочныя мѣста товаровъ, которые союзъ назначаетъ къ вывозу.

Система торговаго союза, которую Пруссія, съ такимъ искусствомъ и постоянствомъ привела въ исполненіе, безъ сомнѣнія весьма выгодна для союзныхъ государствъ, потому что она отчасти осуществила во внутренности Германіи правило свободной торговли и тѣмъ необходимо должна увеличить ея благосостояніе. И вотъ почему всѣ эти государства охотно приступаютъ къ союзу, хотя въ другомъ отношеніи довольно странно видѣть, что независимыя государства, раздѣленные между собою въ политикѣ и часто враждебныя, въ коммерціи составляютъ какъ бы одно владѣніе. Пруссія, Саксонія и Баварія не могутъ слѣдовать одной политикѣ, и каждая изъ нихъ имѣетъ другихъ природныхъ союзниковъ, а между-тѣмъ въ торговлѣ идутъ дружно. Но, какъ бы то ни было, эта система чрезвычайно вредна для Англіи, потому что она ввела во многихъ государствахъ Прусскій тарифъ,

весьма невыгодный для Английской торговли. При существовании этого тарифа торговля Англии съ Пруссіею быстро, въ нѣсколько лѣтъ, упала, и очевидно, должна упасть такимъ же образомъ и во всѣхъ тѣхъ государствахъ, которыя приняли Прусскій тарифъ, потому что такимъ образомъ въ коммерческомъ и промышленномъ отношеніи вся Германія сдѣлалась Пруссіей. Чтобы получить понятіе о вліяніи, которое Прусскій таможенный союзъ необходимо долженъ произвести на Английскую торговлю, надобно только взглянуть на слѣдующую таблицу, изъ которой видно пониженіе торговли Великобританіи съ Пруссіею.

Вывозъ изъ Англии въ Пруссію.

Въ 1820.....	32,929,500 руб.
Въ 1831.....	20,732,550

Меньше 12,196,950.

Вывозъ изъ Пруссіи въ Англию.

Въ 1820.....	18,542,075 руб.
Въ 1831.....	30,002,550

Больше 11,460,475.

Такимъ образомъ вывозъ изъ Англии почти вполнину уменьшился, а вывозъ изъ Пруссіи почти вдвое увеличился, въ тотъ же самый періодъ времени. Теперь посмотримъ на тотъ же вопросъ съ другой точки зрѣнія, именно въ отношеніи къ грузу.

	<i>въ 1820.</i>	<i>въ 1831.</i>
Грузъ Английскихъ кораблей, употребленныхъ въ торговлю съ Пруссіею.....	87,451 тоннъ.	83,908 тоннъ.
Грузъ Прусскихъ кораблей.....	60,450.	140,532.

Сравнивъ два отдѣльные періода въ четыре года каждый, мы получимъ слѣдующіе результаты :

	<i>1820 — 1823.</i>	<i>1829 — 1832.</i>
Грузъ Английскихъ кораблей.....	87,772 тоннъ.	93,663 тоннъ.
— — Прусскихъ.....	60,613.	124,306.

Такимъ образомъ отъ одного періода до другаго Английскій грузъ увеличился 5,893 тоннами, или 62 процентами, а грузъ Прусскихъ кораблей, подъ покровительствомъ Прусскаго тарифа, 63,693 тоннами, то есть, 105 процентами.

Означивъ истинную точку зрѣнія, съ которой надобно смотрѣть на Пруско-Германскій Союзъ въ отношеніи къ Англіи, мы должны сказать нѣсколько словъ о свойствахъ этого Союза. Журналы распространяли объ этомъ предметѣ самыя ложныя понятія и увѣряютъ Европу, будто бы вся Германія поставила себя въ зависимость отъ Пруссіи тѣмъ, что приняла ея тарифъ и ввѣрила ей управленіе своими таможенными. Позвольте васъ спросить, какая же тутъ зависимость? Германскій коммерческій союзъ, конечно, выгоденъ для Пруссіи. Ставъ посредницею этого союза, она получила средства защиты противъ честолюбія Франціи и приобрѣла возможность выйти изъ подъ зависимости Англіи; но она не найдетъ въ этомъ союзѣ орудія, которое бы могла употребить для нарушенія Европейскаго равновѣсія. Одна только общность торговыхъ выгодъ могла воздвигнуть зданіе, котораго матеріялы такъ трудно было собрать. Какъ скоро политическіе виды заступятъ мѣсто промышленныхъ, о которыхъ заботится теперь Берлинскій кабинетъ, зданіе тотчасъ обрушится, и надобно будетъ начинать снова.

Blackwood's Magazine.

=

ВАРОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ *

=

Вароломеевская ночь до-сихъ-поръ остается историческою загадкою. Ни одно событіе новѣйшей исторіи не окружено такимъ мракомъ. Разсматривайте источники, разспрашивайте современниковъ : всѣ они другъ другу противорѣчатъ.

Регіеузъ увѣряетъ, что при этихъ убійствахъ погибло до ста тысячъ человекъ. Регіеузъ — Католическій епископъ и слѣдственно не имѣетъ ни какой причины увеличивать число протестантскихъ жертвъ. Sully, гугонотъ, говоритъ, что убитыхъ было семьдесятъ тысячъ. De Thou, принадлежавшій къ партіи философовъ, негодующихъ на нетерпимость и ярость католиковъ, считаетъ только тридцать тысячъ убитыхъ. Laroque уменьшаетъ это число до двадцати тысячъ; въ Кальвинистскомъ «спискѣ мучениковъ» показано только пятнадцать тысячъ; а Papire Masson, который почитаетъ это событіе славнымъ подвигомъ католиковъ, утверждаетъ, что убито было только десять тысячъ. Наконецъ Аббатъ Caveiras увѣряетъ, что въ этомъ смертномъ спискѣ не болѣе двухъ тысячъ именъ.

Теперь, что такое Вароломеевская ночь? Была ли она заранѣе обдуманна, издаиска приготовлена? Правда ли, что Испанскій король Филиппъ II лѣтъ за шесть или за семь соѣтовалъ это Карлу IX и королеву Екатерину? Съ намѣреніемъ ли старались усыпить протестантскую партію довѣренностію и наружною безопасностію? Было ли это ужасное намѣреніе, съ такимъ искусствомъ приготовленное, предъ

* Статья эта составлена преимущественно по изысканіямъ и открытіямъ Г. Раумера въ Парижскихъ архивахъ. Одно имя Г. Раумера достаточно уже, чтобы придать ей занимательность въ глазахъ просвѣщенныхъ читателей; но она отличается еще прекрасною оценкою событія и характера дѣйствовавшихъ лицъ, кромѣ множества новыхъ подробностей.

метомъ долговременныхъ разсужденій и неусынной попечительности Карла IX, Екатерины и ихъ приверженцевъ? Или, какъ увѣряють католики, это убійство было слѣдствіемъ народнаго возстанія, сильнаго, но кратковременнаго возмущенія, которое король освятилъ своею властью, чтобы удовлетворить воспламененный фанатизмомъ толпы и утолить ихъ мстительность?

Этотъ вопросъ также мало рѣшенъ какъ и предъидущій. По увѣренію первыхъ католическихъ историковъ, Паппра Массона и Камилла Капилупи, въ этомъ дѣлѣ была обдуманность долговременная, постоянная, неизмѣнная, глубоко скрытая. Громъ, который долженъ былъ поразить Кальвинистовъ, медленно образовался въ недрахъ тучъ. Филиппъ II, Ватиканъ, Карлъ IX, Екатерина, Гвизы, однимъ словомъ всѣ католическія могущества согласились между собою, чтобы издали приготовить это убійство. Вотъ мнѣніе, принятое Вольтеромъ и наиболѣе разпространенное. Оно основывается на нѣкоторыхъ правдоподобіяхъ.

Филиппъ II изъявилъ чрезвычайную радость, когда ему донесли объ этомъ событіи. Одинъ придворный вскричалъ что честь этого дѣла принадлежитъ не королю Французскому, но народу, и что кальвинисты погибли отъ неожиданнаго взрыва народнаго ярости. «При этихъ словахъ, говоритъ Французскій посоль, который сообщаетъ этотъ разговоръ, король Испанскій презрительно повернулъ голову, посмѣялся надъ придворнымъ, и ясно показалъ, что кару, постигшую еретиковъ, онъ приписываетъ воинской хитрости, изобрѣтенной умомъ и поддержанной могуществомъ вашего величества.» Въ Римѣ думали такъ же какъ и въ Мадридѣ. Римскій дворянинъ Камиллъ Капилупи издалъ, подъ заглавіемъ *Stratagemata*, брошюру очень хорошо написанную и содержащую въ себѣ подробное изложеніе католическаго заговора, его успѣха и слѣдствій. Это — дѣло достойное всякаго уваженія, по мнѣнію Капилупи; онъ признается что Варооломеевскія убійства плачевная трагедія, но говоритъ, что они подвигъ знаменитый и необходимый. Капилупи воспитанникъ Макиавелли: онъ твердо убѣжденъ, что притворство благороднаго мужества и что убійство, совершенное посредствомъ хитрости, есть дѣло достославное. Въ его книгѣ мож-

но вполне изучить коварную политику, которую Италия распространяла при Французскомъ дворѣ; и такова нагота его безнравственнаго устава о хитрости и коварствѣ, что многіе важные историки полагаютъ, что эта книга написана на Итальянскомъ языкѣ кальвинистами, для того чтобы повредить противной партіи.

Но какой же критикъ когда-нибудь утверждалъ, что il Principe Макиавеля написанъ не Макиавелемъ? А между-тѣмъ il Principe наполненъ правилами и примѣрами, совершенно подобными асіомамъ Капилуни и сообразными съ нравоученіемъ, которое онъ проповѣдуетъ въ своей *Strategema*. Все, что католическая партія издавала въ эту несчастную эпоху, доказываетъ, что мнѣнія Капилуни были обще принятыми мнѣніями католиковъ. Въ Парижѣ напечатано было болѣе пятидесяти памфлетовъ, въ которыхъ поведение Карла IX выставляли какъ высшую степень мудрой хитрости и превосходнѣйшее украшеніе его королевской короны. Папиръ Массонъ сожалѣетъ, что нельзя было однимъ ударомъ погасить весь пламень ереси, то есть, истребить вдругъ всѣхъ гугенотсвъ. Проповѣдникъ Sorbinъ выражается столь же ясно. Большая часть Испанскихъ историковъ того же мнѣнія. Собирая всѣ факты, которые доказываютъ, что убійство было заранее замышлено, обдуманно, приготовлено, устроено, они, по ихъ мнѣнію, ни сколько не оскорбляютъ памяти Карла IX, но напротивъ дѣлаютъ честь его набожности.

Новѣйшіе католическіе историки съ негодованіемъ отвергаютъ предположеніе обдуманности убійства. Чѣмъ болѣе отдалялись они отъ несчастной эпохи, когда хитрость и подлое убійство были въ чести, тѣмъ болѣе почитаютъ они необходимымъ смыть постыдное и кровавое пятно, напечатленное на челѣ католиковъ.

Докторъ Lingard и Caveiras называютъ клеветою рассказы Капилуни, Пашира Массона и Августа de Thou. Caveiras, искусный діалектикъ, писатель чистый и правильный, преданный католицизму, доставилъ послѣдующимъ историкамъ и особенно доктору Лингарду главные доводы, которые они употребили въ дѣло. Его небольшое разсужденіе

превосходно относительно къ силѣ доводовъ. Невозможно представить съ большимъ искусствомъ, и хитрѣе развить историческія событія въ пользу своей теоріи.

Мнимый заговоръ всѣхъ католическихъ державъ и властей противъ кальвинизма, есть просто мечта, говорятъ Saveigac и Lingard. Карлъ IX, въ то самое время когда Морефель убилъ адмирала Колиньи, намѣревался объявить войну Испаніи. Между этими двумя дворами было скрытное неувольствие. Филиппъ II, котораго два въ Бельгій были въ плохомъ положеніи, чрезвычайно боялся, чтобы король Французскій не увеличилъ затруднительности его положенія непріязненными дѣйствіями, которыя, по-видимому, готовы были начаться. Притомъ, говоритъ Saveigac, въ исполненіи этой кровавой трагедіи нѣтъ того единства распоряженія, той ровности плана, которыхъ бы требовала давняя обдуманность. Если бы это было заранѣе приготовлено, то дворъ, конечно, приказалъ бы умерщвлять протестантовъ въ одно время во всей Франціи. Между-тѣмъ убійства происходили въ Мо 25 августа; въ Шаритѣ 26; въ Орлеанѣ 27; въ Сомюрѣ и Анжерѣ 29; въ Лионѣ 30; въ Троя 2 сентября; въ Буржѣ 11; въ Руанѣ 17; въ Романѣ 20; въ Тулузѣ 23; въ Бордо 3 октября. Одна уже разность этихъ чиселъ показываетъ, что примѣръ кроваваго фанатизма порождалъ убійство и что оно распространилось по всей Франціи, какъ по-роховая полоса воспламеняется на пути своемъ.

Это замѣчаніе достойно вниманія. Saveigac и Lingard упорно и съ искусствомъ его выставляютъ. — Гдѣ же обдуманность и преднамѣренность? говорятъ они. Гдѣ эти повелѣнія высшей власти, по которымъ протестанты должны были умереть все въ одно время? Народное мщеніе послѣдовательно изливалось въ разныхъ мѣстахъ на кальвинистовъ, которыхъ повсюду ненавидѣли. Какъ скоро знакъ былъ поданъ, все кинжалы поднялись. Дворъ не имѣлъ на это ни какого вліянія; достаточно было одной ненависти между партіями, чтобы искра, упавшая на эти горючіе матеріалы, разнесла повсюду пожаръ и опустошеніе.

Такимъ образомъ вопросъ о преднамѣренности убійствъ остается столь же сомнительнымъ, какъ и вопросъ о числѣ

погибших протестантовъ. Съ обѣихъ сторонъ представляють противоположныя доводы, которые по-видимому, взаимно уничтожаются. Вотъ еще другіе вопросы, не менѣе спорныя. Кому принадлежитъ ответственность за убійство? Королю и знати, какъ увѣряетъ Вольтеръ и всѣ писатели философской школы? Или народу, какъ утверждаетъ безпристрастный историкъ de Thou?

Съ одной стороны являються тѣ, которые вѣрятъ заговору знати и отвергають предположеніе внезапнаго и ужаснаго народнаго возстанія; они ссылаются на Кипилуца, *d'Aubigné*, *Brantome*'а, на записки Конде и вообще всѣхъ протестантскихъ писателей. Они говорятъ, что народъ не питалъ ни какой ненависти къ еретикамъ; они увѣряють, что планъ заговора начертанъ былъ въ небольшомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ Екатерины, Таванна, Бирага, подъ руководствомъ Испанскаго двора. Они утверждаютъ, что не только граждане, но даже большая часть знати, не знали, что эти убійства готовятся. Въ доказательство этого утвержденія, они приводятъ разговоръ Карла IX съ однимъ изъ своихъ придворныхъ. Тотъ далъ почувствовать королю, что знаетъ намѣренія двора, и что ему говорилъ о нихъ герцогъ д'Анжу; Карль IX разсердился, позвалъ тотчасъ къ себѣ брата, и строго выговаривалъ ему за его нескромность. Изъ числа тѣхъ, которые поддерживають это мнѣніе, какъ напримѣръ Таваннъ въ запискахъ о жизни отца своего, нѣкоторые утверждаютъ, что умертвить хотѣли только предводителей мятежниковъ, но что ярость народа сдѣлала убійство всеобщимъ. Другіе, напротивъ того, не сомнѣваются въ томъ, что дворъ хотѣлъ погубить однимъ разомъ всю партію.

Такимъ образомъ чѣмъ далѣе стараемся проникнуть въ глубину этой загадки, тѣмъ болѣе мракъ увеличивается. Если вы совѣтуетесь съ твореніями кальвинистовъ, съ трагедіею *Chénier*, съ исторіею *Hume*'а и вообще протестантскихъ писателей, вы видите, что всему виною король Французскій, Италіянская королева и нѣсколько гнусныхъ клеветовъ. Если, напротивъ того, вы положитесь на доктора *Lingard*'а, выйдетъ, что это преступленіе принадлежитъ цѣлой націи. Современныя брошюры, кажется, подкрѣпляютъ это послѣднее мнѣніе. Крикъ радости, испущенный чернью

ывается болѣе нежели въ тысячи страницахъ въ стихахъ и прозѣ, внушенныхъ ужасною трагедіею. Судя по этимъ сочиненіямъ, надобно думать, что не Карлъ IX управлялъ своимъ народомъ, но народъ руководствовалъ его поступками. Народная муза пробуждается не для того, чтобы заклеить печатью отверженія палача, но чтобы вознестъ до небесъ народное мщеніе, которому онъ далъ волю:

.....L'Eternel Dieu veritable
 Qui descouvre tous les secretz
 A permis de droit équitable
 Les perfides être massacrez.
 Car le dimanche vingt-quatrième
 Furent tués plus d'un centième
 Fauteur da la loi calvinienne.
 Depuis on a continué
 De punir les plus vicieux
 De ceux qui avoient remué
 Toute la terre, voire les cieux.

Гнусный сочинитель этихъ стиховъ, Corrier de Vellay, конечно, былъ дурной поэтъ; но народная баллада, выражавшая подобныя чувствованія и подобныя идеи, не продавалась бы на парижскихъ улицахъ, если бы она не удовлетворяла страстей толпы и не была органомъ ея кровожадной ярости. Только въ подобныхъ случаяхъ можно позволить себѣ столь мерзкіе стихи; и чтобы народное чувство обнаруживалось такимъ грубымъ, отвратительнымъ образомъ, надобно предполагать въ немъ много бѣшенства и гласности. Другія творенія въ этомъ же родѣ *La Marmite renversée des hérétiques*, *La Juste vengeance de Dieu sur les hérétiques*, свидѣтельствуютъ о ярости черни. Гравюры того времени, медали, выбитыя въ честь католиковъ, которые, какъ тогда говорили, были исполнителями небеснаго мщенія; проповѣди, которыя произносились передъ гражданами и ими были внушаемы; ужасы Лиги, ужасы совершенно народные, — вотъ какъ много доказательствъ въ пользу тѣхъ, которые приписываютъ преступленія Вареоломеевской ночи всей массѣ народа, а не малому числу заговорщиковъ. Мы разсмотримъ далѣе эти противорѣчащія мнѣнія.

Но это еще не весь рядъ трудныхъ задачъ, представляемыхъ этимъ историческимъ вопросомъ. Что было первою побудительною причиною къ убійствамъ, — религиозный фанатизмъ, или честолюбіе власти? Вольтеръ видитъ въ нихъ дѣйствіе одного только фанатизма: то же думаютъ и философы осмнадцатаго вѣка. Въ современныхъ твореніяхъ религиозное побужденіе является на первомъ планѣ; между тѣмъ de Thou, такъ же какъ Lapeletière, d'Aubigné, Tavernier и почти всѣ авторы записокъ, принимавшіе дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, прежде всего жалуются на наглость кальвинистской партіи и на заговоръ адмирала Колиньи и его приверженцевъ, заговоръ, потушенный Карломъ IX въ крови. По этой гипотезѣ, поддерживаемой Caveiras'омъ и John'омъ Lingard'омъ, религія ни сколько не была причиною Варооломеевскихъ убійствъ. И дѣйствительно, въ тайномъ совѣтѣ, который положилъ произвести убійство и распоряжалъ всѣми приготовленіями, не было ни кардиналовъ, ни епископовъ, ни священниковъ. Онъ состоялъ изъ людей государственныхъ, управляемыхъ развращенною женщиною и воспитанныхъ въ правилахъ Италіискаго макиавеллизма. Имъ, людямъ съ распутными нравами и испорченными душами, не было ни какого дѣла до чистоты догматовъ вѣры. Публика привыкла почитать это огромное убійство результатомъ католицизма только потому, что мнѣніе *Voltaire*'а превозмогло всѣ прочія, и что ему всѣ средства были хороши, лишь бы только очернить религію, которую онъ ненавидѣлъ. Lingard и Caveiras почитаютъ Варооломеевскую ночь казнью цѣлой партіи, а исполнителей королевскаго мщенія политическими клеветами. Тутъ не было религиозной ярости, не было рукъ, вооруженныхъ вмѣстѣ и крестомъ и кинжаломъ. Кальвинисты были преступники противъ величества, мятежные подданные, которые поднимали оружіе противъ своего короля, устрашали его своими угрозами, принуждали его исполнить ихъ волю, и они были поражены общею карою, точно такимъ же ударомъ, какъ мечъ Силлы поразилъ въ одинъ день шесть тысячъ Римлянъ.

Съ перваго взгляда этотъ образъ воззрѣній на предметъ кажется вѣроятнымъ и по-видимому хорошо объясняетъ со-

бытіе необычайное; по множество других фактовъ доказываютъ его ложность. Едва только разнеслась вѣсть о «кровавой свадьбѣ», какъ все католичество затрепетало отъ радости. Взаимныя поздравленія католическихъ государей развозились отъ края до края Европы. Въ Римѣ служили благодарственныя молебствія; Григорій XIII совершилъ крестный ходъ изъ церкви Святаго Марка въ церковь Святаго Людовика. По его повелѣнію выбита была медаль въ память этого событія; *indicto jubileo christiani orbis populos convocavit ad Galliae religionem et regem Supremo Numini commendandos*, «и, назначивъ торжественный праздникъ съ постомъ и молитвами, онъ пригласилъ народы христіанскаго мира препоручать Всевышнему Существо религію и короля Франціи». Не смѣшно ли же утверждать, какъ аббатъ Саверіасъ, что предметомъ, истинною и единственною причиною этихъ радованій и благодареній было открытіе обширнаго заговора, составленнаго противъ короля гугенотами и въ особенности предводителемъ ихъ, адмираломъ Колиньи.

Да и дѣйствительно-ли существовалъ подобный заговоръ? Это новый вопросъ, такъ же мало объясненный какъ и всѣ тѣ, о которыхъ мы говорили. Этотъ заговоръ просто мечта, пустой предлогъ, говорятъ гугеноты. Всѣ слова, всѣ поступки Колиньи доказываютъ, что онъ былъ вѣрный подданный. «Онъ предостерегалъ короля противъ козней Филиппа II. Очень естественно, что кальвинисты были вооружены; нельзя же ожидать, чтобы люди, противъ которыхъ была восстановлена половина Франціи, смиренно подставляли горло палачамъ своимъ. У нихъ были смертельные непріатели: весь домъ Гвизовъ, вдовствующая королева, чернь и духовенство. Можно ли же упрекать ихъ за то, что они всегда были въ оборонительномъ положеніи? Престолу надобно было опасаться не протестанта Колиньи, а католиковъ, принцевъ Лотарингскаго дома. Всѣ соглашаются, что протестантовъ было несравненно меньше чѣмъ католиковъ. Не должны ли же они были остерегаться непріателей, которые со всѣхъ сторонъ ихъ осаждали?»

Послушайте, опять, католиковъ. Адмиралъ, по ихъ словамъ, былъ начальникомъ возмущенія, которое не прерывалось многіе годы, и клонилось къ тому, чтобы произвестъ со-

вершивший переворотъ въ государствѣ. учредить надъ королемъ опеку и измѣнить религію Франціи. «Развѣ онъ не устроилъ во всемъ государствѣ огромной протестантской партіи, которая повиновалась мановенію руки его и дѣлала его вторымъ Французскимъ королемъ? Развѣ у него не были въ провинціяхъ, своихъ правителей, своихъ сборщиковъ податей, намѣстниковъ, ихъ помощниковъ и совѣтниковъ? Какому же подданному позволено дѣлаться такимъ образомъ вторымъ государемъ? Какой государь могъ бы спокойно терпѣть это опасное и незаконное соперничество? Вотъ что думалъ объ этомъ Карль IX и какъ выражался онъ въ одномъ письмѣ къ Шомьерзу.

«Адмиралъ, говоритъ онъ, былъ сильнѣе чѣмъ я, и смѣе лучше чѣмъ мнѣ повиновался; посредствомъ власти, которую себѣ присвоилъ, онъ могъ заставить моихъ подданныхъ поднять противъ меня оружіе, какъ и когда ему вздумается, и это онъ не разъ мнѣ доказывалъ; и какъ онъ присвоилъ себѣ подобную власть надъ моими подданными, то я не могъ уже считаться королемъ самодержавнымъ, но только правителемъ нѣкоторой части моего государства. И потому, если Богу угодно было избавить меня отъ него, то я имѣю полную причину восхвалять его за это и благословлять праведное наказаніе, которому подвергъ онъ адмирала и его сообщниковъ. — Мнѣ не возможно было долѣе терпѣть его, присвокупляетъ король, и я долженъ былъ позволить совершиться правосудію, правда, необычайному и не такому, какого я бы желалъ, но такому какого съ подобнымъ человекомъ нельзя было не употребить.»

«Его величество, говоритъ Bellièvre, разговаривая съ нѣсколькими своими служителями, въ числѣ которыхъ былъ и я, сказалъ, что «волосы у него становятся дыбомъ, когда онъ видитъ, что ему угрожаетъ подобная опасность». Слѣды того же самаго страха замѣтны и въ *Brantôme*'ѣ, въ *Tavannes*'ѣ, въ *Montluc*'ѣ, которые всѣ принимали участіе въ дѣлахъ двора.

Кто бы не принялъ за наглость и умышленное тиранство, за нестерпимое оскорбленіе, слова Колigny къ королю: «Государь, патните войну съ Испанцами, не то мы начнемъ»

войну съ вами»? Онъ даже пытался ослабить власть Екагерныи. Когда эта женщина, жившая только для того, чтобы царствовать, увидѣла, что и ей угрожаютъ, она употребила всевозможныя средства, чтобы погубить враговъ своихъ. Ей помогали ревностныя придворныя, и въ числѣ прочихъ *Tavannes*: король однажды сказалъ ему, что одинъ изъ его подданныхъ предлагаеъ ему десять тысячъ войска, чтобы вестн войну въ Нидерланды, Таваннь, очень хорошо зналъ, что одинъ только Колянья можетъ сдѣлать подобное предложеніе, отвѣчалъ: «Государь, вы бы должны были отрубить голову тому изъ вашихъ подданныхъ, кто вамъ говоритъ подобныя слова: какъ онъ можетъ предлагать вамъ то, что вамъ принадлежитъ? Это явный признакъ, что онъ ихъ обольстилъ и подкупилъ, и что онъ, ко вреду вашему, предводитель партіи. Онъ сдѣлалъ эти десять тысячъ вашихъ подданныхъ своимн, чтобы при случаѣ употребить ихъ противъ васъ». Колянья съ давняго времени собралъ надъ своей головою ненависть, которая должна была погубить его.

Приведемъ себѣ на память всѣ задачи, которыя мы до сихъ-поръ только обозначили. Надобно знать: не преувеличенъ ли результаты и ужасы этихъ пагубныхъ дней? какимъ образомъ погибли протестанты, въ качествѣ еретиковъ или млгежниковъ? исполненіе кары было ли внезапное или обдуманное? чему повиновались исполнители, внѣшнему ли вліянію, или своей собственной волѣ и жаждѣ крови? кто болѣе виновенъ, народъ или тѣ, которые его возбуждали? какое это было преступленіе, народное или личное, политическое или религіозное? кому оно принадлежитъ, двору или эпохѣ? Все эти вопросы сильно возбуждаютъ мысль философа и вниманіе ученаго.

Постараемся сначала составить себѣ понятіе о тогдашнемъ положеніи Европы. Партія «вѣры», привязанная къ догматамъ и религіи предковъ, повсюду сильно боролась съ партією нововведеній, партією протестантскою. Это двойное чувствованіе развивалось со всею силою страсти, которой порывы неразъ пораждали преступленія. Каголическая Испанія сжигала на площади несчастныхъ, подозрѣваемыхъ въ ереси; протестанты-анабаптисты умерщвляли женщинъ,

стариковъ, дѣтей. Сорбонскіе докторы богословія осуждали на костеръ всякаго, кто не принималъ ихъ символа; Кальвинъ, Женевскій папа, посылалъ на казнь Сервѣ, который понималъ догматы вѣры не такъ какъ онъ. Главные центры католицизма, Римъ, Парижъ и Мадридъ, вооружались яростію противъ Виртемберга, Базеля и Лондона. Такимъ образомъ вся Европа раздѣлялась на двѣ полосы, изъ которыхъ одна была предана прошедшему, другая будущему. Будущаго нельзя основать безъ борьбы и насилія, безъ страданій возрожденія. Католицизмъ былъ въ союзѣ съ властію; онъ остановилъ науку; хотѣлъ удержать умъ въ неподвижности. Онъ глубоко проникъ во все жилы общественнаго тѣла; составлялъ одно съ Французскими муниципалитетами. Для Парижскаго гражданства онъ представлялъ политическое и религіозное начало бытія.

Для массы Французскаго народа, католицизмъ былъ нравственною жизнію, лучемъ минувшаго и будущаго, вѣрою предковъ, обезпеченіемъ всѣхъ правъ. Для Испанскаго народа онъ былъ залогъ завоснанія, знамя Пизарра, Колумба, Васко-де-Гама. Римско-католическое правотвѣріе, гражданское и домашнее во Франціи, героическое и священное въ Испаніи, для новѣйшей Испаніи было могучимъ политическимъ рычагомъ; за это правотвѣріе стояли во Франціи войско, церковь и теплая вѣра Парижскаго гражданина; въ Испаніи мечъ Кастильскаго солдата; въ Италиі конклавъ Ватиканскихъ кардиналовъ. Сколько страстей поднялись и встревожились, страстей ужасныхъ, кровавыхъ, на все готовыхъ, когда Лютерово нововведеніе, проникая въ умы, вдругъ поразило высшую политику, душевное вѣрованіе среднихъ классовъ, источникъ энтузіазма воинствъ? Все что составляло счастье однихъ, подпору, надежду, честолюбіе другихъ, подверглось опасности. Все умы мирные, души робкія или мѣжвыя, начали, и не безъ причины, беспокоиться. Сильные затрепетали, слабые и бѣдные, особенно ремесленники въ большей части Европы, вступили подъ одно общее знамя.

Между-тѣмъ новое движеніе нравилось мечтателямъ будущихъ благъ. Ученые, которые разбирали свое вѣрованіе, мелкіе владѣльцы, веселившіеся тѣмъ, что могли сбросить съ себя церковные палогя; умы проникательные, которые

чувствовали злоупотребленія Рима , три четыре короля , которые надѣялись , ставъ главами новой Церкви , сдѣлаться въ свою очередь папами и воздвигнуть алтарь противъ алтаря , — составили воинствующую протестантскую армію и явились тѣмъ болѣе страшными , чѣмъ болѣе чувствовали со всѣхъ сторонъ сопротивленіе.

Эти двѣ партіи обозначались въ своей политикѣ красками чрезвычайно рѣзкими. Во Франціи провинціальные дворяне , звуки прежнихъ могущественныхъ владѣльцевъ , лишеныя со временъ Карла VI своей феодальной власти , нашли въ новой религіи родъ независимости , особенности , возвышенности , которая имъ нравилась. Не ведя съ престоломъ и народомъ войны открытой , они стали однако жъ отдѣльно , и на тотъ и другой нападали. Страшныя по своему характеру , опытности въ военномъ дѣлѣ , храбрости , связанъ , они составляли союзъ , скрѣпленный узами общаго втравленія и были весьма сильны противъ двора Италіянскаго , двор Франціи , развращеннаго и нерѣшительнаго. Къ этимъ дворянамъ присоединились ученые ; принявъ кальвинизмъ , они отдѣлились отъ знати и отъ черни , которую презирали по причинѣ ея невежества. Умственное отличіе , возвышенность характера , гордость , честолюбіе , отчасти , можетъ-быть , и зависть , соединились во Французской протестантской партіи , которая воспламенялась мыслию о мученичествѣ , сознаниемъ своего умственнаго превосходства и мечтами о будущихъ политическихъ преобразованіяхъ , которыя происекали по-необходимости изъ преобразованія главнаго начала общества , — вѣры.

Кровь начала течь съ самаго перваго столкновенія этихъ двухъ партій ; правители , священники , народы , всѣ были равно преступны. Каждый приписывалъ первую вину своему противнику ; взаимныя обвиненія были тѣки и безчисленны ; и какъ скоро началась борьба идей , борьба оружія нагромодила трупы труповъ. Напрасно историки вступались за дѣло протестантовъ или католиковъ. *Varillas* и *Voltaire* , равно несправедливыя , не помѣшаютъ безпристрастному потомству взвѣшивать объ секты на однѣхъ вѣсахъ , видѣть съ обѣихъ сторонъ мечи , обогрѣнные невинною кровію и открыть въ этой истребительной войнѣ , не преступленіе увлеченныхъ

вированіемъ, не кровожадность Французскаго двора, не порывы фанатизма, но дѣйствіе вѣчныхъ страстей чловѣчества.

Убійства, происходившія въ Васси, которыхъ гнусность обѣ партіи старались сложить на противную сторону, подали первый сигналъ. Вскорѣ протестанты и католики начали соперничествовать въ кровожадности. Протестанты полуденной Франціи производили надъ католиками жестокости ужасныя. Католики центральныхъ областей не отставали отъ своихъ противниковъ. Съ обѣихъ сторонъ было страшное равенство преслушеній. Кто жъ одержалъ верхъ въ этой борьбѣ? За кѣмъ осталась палма убійства? Трудно сказать. Если католическія жертвы были не столь многочисленны какъ протестантскія, такъ это потому что и самихъ протестантовъ было несравненно менше чѣмъ католиковъ. Одни были въ непрерывномъ возмущеніи, другіе въ непрерывной ярости. Въ 1567 и 1569 улицы Нима обогрелись кровью католиковъ. Ни что не можетъ быть ужаснѣе убійствъ, которыя протестанты произвели въ 1567 году съ страшною правдивостію въ Михаиловъ день и которыя народъ прозвалъ «Мпхайловщиною», la michelade. Католики, заключившіеся въ ратушѣ и окруженные со всехъ сторонъ, были безчеловѣчно умерщвляемы гугенотами, такъ, что эта сцена въ точности напоминаетъ сентябрьскіе ужасы Французской революціи. Несчастныхъ, обреченныхъ смерти, сводили по одному въ подвалы и тамъ кальвинисты убивали ихъ кинжалами. На площадкѣ и окнахъ колокольни поставлены были люди съ факелами, чтобы освѣщать эту рѣзню, которая продолжалась цѣлыя два часа. Большая часть жертвъ была брошена въ колодезь въ сорокъ два фута глубины и болѣе четырехъ футовъ въ діаметръ, и онъ совершенно наполнился. Вода, смѣшанная съ кровію, лилась черезъ край, и еще долго послѣ этого слышны были глухіе крики и стоны несчастныхъ, заваленныхъ трупами. Въ домахъ католиковъ производились обыски, и убійства продолжались съ одиннадцати часовъ вечера до шести утра.

Тѣ же событія проявлялись въ разныхъ видахъ по всей Франціи, и трудно сказать которая партія была зачинщицею. Гдѣ большинство составляли протестанты, какъ на-

прихъръ въ Нимъ, тамъ гибли католики. Гдѣ протестанты были слабѣе, какъ въ Парижѣ, убійства производили католики. Моревель католикъ умертвилъ Коллинъ, Гвиза умертвилъ Польтро, протестантъ. Принужденные вооружиться и подчиниться дисциплинѣ для собственной своей защиты, гугеноты образовали военный станъ посреди Франціи. Положеніе короля и двора стали нестерпимы. Король не былъ уже для народа представителемъ спасительной власти, на которой основаны выгоды государства и частныя, и его забыли; подданные сами соединились для защиты священныхъ вѣдѣй, оставленныхъ безъ покровительства отъ престола. Это неизбежно во время общей борьбы старины съ нововведеніями. Это самое и случилось при Карлѣ IX, Генрихѣ II и Генрихѣ III. Справа и слѣва королевской короны, явились двѣ другія короны, — корона протестантства на голову Коллинъ и корона католицизма на голову Гвизовъ. Лишенный силы, дворъ прибѣгнулъ къ хитрости, и коварство Екаторины Медичи весьма хорошо изображаетъ макиавелизмъ ея родины. Отсюда зрѣлище чрезвычайно занимательное, которымъ, къ удивленію, ни одинъ драматическій писатель не воспользовался: съ одной стороны волокитство, сластолюбіе, разпутство Французскаго двора; съ другой воинская строгость, мятежное упорство, ненужная твердость протестантовъ; и наконецъ народный фанатизмъ и воспаленное рвеніе католиковъ. Слабый монархъ, примыкавшій попеременно то къ той то къ другой партіи, наружно еще уважаемый, но потерявшій все способы заставить уважать себя, былъ по невѣдѣ сообщникомъ злодѣяній, которыя онъ хотѣлъ бы прекратить; сообщникомъ мятежничества, котораго не смѣлъ наказывать, и сообщникомъ Варооломеевской ночи, которую замышлялъ съ католиками.

Если бы въ этомъ положеніи вещей тогдашнему двору сказали — для того чтобы снова овладѣть властію, надобно принять протестантскую религію, дворъ безъ сомнѣнія обратился бы въ протестанство. Для него дѣло шло о существованіи; и старинная его привязанность къ католицизму происходила, не столько отъ убѣжденія и набожности, какъ отъ того, что религія Лютера и Кальвина носила на себѣ

печать независимости отъ властей. Политика не что иное какъ современная выгода.

Могъ ли питать истинную любовь къ религии дворъ столь предашный суеть, что самъ король, не смотря на строгость своихъ католическихъ правилъ и непомянутую набожность, *s'esbattoit a foytter les jeunes jentils hommes et jeunes demoiselles au lit*, какъ рассказываетъ посолъ Карреро. Балы, маскарады, обѣды и ужины, приготовляемые Итальянскими поварами, непристойныя пѣсни распѣвались по ночамъ, постыщенія астрологовъ, поединки и распутства; *leurs du plaisir teintes de pourpres sanglantes* «цвѣты удовольствія, окрашенные кровавою пурпурою», по выраженію *Pasquier*, — такова была жизнь двора Карла IX. Молодые дворяне, которые его окружали, тратили силу душъ на телесныя упражненія и нелѣпыя странности. Любопытна была бы вѣрная картина этого легкомысленнаго двора, въ которомъ «король бѣлся объ закладъ съ *G. de Chaulnes* емъ, что въ слѣдующемъ году онъ въ состояніи будетъ поцѣловать свою погу». Документы этого нисколько не шуточного пари хранятся въ Парижской Королевской Библіотекѣ между рукописями *Béthune*'а. Екатерина Медичи ничего не жалѣла чтобы усилить эту страсть къ забавамъ, эту причудливость и развращенность нравовъ, которыя она почитала благопріятными для исполненія своихъ намѣреній. Истинно религіознымъ было одно только провинціальное протестантское дворянство. Зато оно отъ всей души ненавидѣло Вавилонскій развратъ католиковъ. Это отвращеніе отъ порока составило часть силы кальвинизма, котораго партія, конечно, одержала бы побѣду, если бы народная ярость католическаго гражданства, не остановила ея порывовъ и не преобразовала ее, то храбростію, то преступленіями.

Ко всему этому хаосу примѣшались еще движенія державъ протестантскихъ и католическихъ. И тѣ и другія старались перетянуть во Франціи вѣсы на свою сторону; и тѣ и другія подавали совѣты, которые были выслушиваемы съ намѣреніемъ при случаѣ ими воспользоваться. Но желанія, интриги, поступки, по-необходимости подчинялись теченію происшествій, которыхъ ни кто не могъ предвидѣть. К чему

требовать отъ челоуѣка и его судьбы хода геометрическаго и всегда опредѣленнаго? Кто не знаетъ, что самыя обдуманныя иаши намѣренія рѣдко исполняются? И зачѣмъ историки самыя ученыя забываютъ народную поговорку, которая научаетъ насъ, что челоуѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ?

Наскучивъ усиленіемъ и могуществомъ кальвинистовъ, дворъ сначала искалъ средствъ отъ нихъ избавиться; потомъ старался выиграть время; потомъ примирился съ ними; то возставалъ противъ нихъ, то льстилъ имъ; старался привлечь ихъ къ себѣ, обѣщалъ имъ свободу вѣры, пугалъ ихъ угрозою, и наконецъ впасть въ отчаяніе, которое обратило его къ первымъ идамъ истребленія и подвигло на убійства. Но правда ли, что эти убійства семь лѣтъ обдумывались и приготовлялись? Конечно, нѣтъ. Правда ли, что объ немъ помышляли уже со времени Байоннскаго свиданія? Да, безъ-сомнѣнія. Было хотѣніе, общее, неопредѣленное, но не было рѣшительнаго замысла. Показанія историковъ не позволяютъ въ этомъ сомнѣваться. Tavannes, Castelnau, Le Laboureur, Mathieu, Calignon, Lagone, Адриани, Давила, Фабианъ Страда, признають вліяніе, которое Байоннское свиданіе произвело на Французскій дворъ. «Оба двора, говоритъ Страда, согласились между собою, насчетъ денежныхъ пособій, которыя надлежитъ оказывать другъ другу для искорененія ереси, и насчетъ лекарства отъ зомъ, которыя религія терпитъ во Франціи».

Адриани выражается гораздо яснѣе. «Наконецъ, говоритъ онъ, рѣшились послѣдовать совѣтамъ, которые герцогъ Альба давалъ въ Байоннѣ, согласно съ мнѣніемъ короля Испанскаго; всѣ признали, что ничего нельзя сдѣлать, не умертвивъ всѣхъ гугенотскихъ начальниковъ, и не возобновивъ въ Парижѣ Сициліанскихъ вечерень: и этотъ совѣтъ былъ исполненъ въ 1572 году, какъ скоро представился случай». Вообще полагають, что Адриани заимствовалъ матеріалы своего творенія въ частномъ дневникѣ Козьмы, великаго герцога Тосканскаго. Давила, пріятель вдовствующей королевы, свидѣтельствуеть, что въ Байоннѣ были разсматриваемы и опредѣлены средства, которыя надлежало принять

для искорененія ереси. Герцогъ Альба совѣтовалъ особенно, не оставлять въ живыхъ ни одного изъ начальниковъ, прибавляя, что «одна люсосинная голова стоитъ сотнѣ лягушекъ». Королева отвѣчала, что она употребитъ это средство только въ послѣдней крайности, и попробуетъ сначала избѣжать кровопролитія и возвратитъ гугенотовъ въ лоно церкви кротостью и убѣжденіемъ». При прощаніи, продолжаютъ тотъ же писатель, все обѣщали другъ другу помощь и содѣйствіе, но предоставили себѣ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, которыя могли измѣнить намѣренія каждаго. «На Байоннскомъ съѣздѣ рѣшено было, говорить авторъ записокъ *Tavannes'*а, что объ коронѣ будутъ одна другой пособлять, поддерживать католическую религію, карать своихъ мятежныхъ подданныхъ, и что предводители ихъ будутъ attrapez и justiciez, изловляемы и засуждаемы». Le Laboureur, пояснитель словъ Castelnau, говоритъ, «что гугеноты очень знали о замыслахъ, которые почти открыто противъ нихъ готовились со времени Байоннскаго свиданія». Не подлежитъ сомнѣнію, да и Pasquier говоритъ, что, со времени Байоннскаго съѣзда, подозрѣнія кальвинистовъ безпрестанно возрастали, и что они именно съ тѣхъ поръ старались сдѣлать свое воинское устройство болѣе сильнымъ и страшнымъ.

Я не знаю, что можно противопоставить этимъ соединеннымъ, точнымъ, свидѣтельствамъ католиковъ и протестантовъ. Есть люди, которые утверждаютъ, что союзъ католическихъ государей былъ только проектомъ безъ слѣдствія; что «Эдиктъ о замрненіи», 1570 года, выражалъ искреннее желаніе мира; что гугеноты употребили во зло снисходительность, которую дворъ имъ оказывалъ; что бракъ Генриха Беарнскаго съ Маргаритою Французскою внушилъ имъ слѣпую самонадѣянность. Быть-можетъ; но все это, хоть бы оно и было доказано, не уничтожаетъ свидѣтельствъ, которыя мы привели. Естественное и согласное съ духомъ политики дѣло было, чтобы католическіе государи согласились между собою для искорененія ереси, которая угрожала имъ первѣйшимъ выгодамъ. Союзъ образовался; но сначала былъ только частію приведенъ въ исполненіе. Естественно также и то, что идеи благоразумія и чловѣкопо-

бѣя, а можетъ-быть и личныя опасенія, противился исполненію плана, принятаго въ Байоннѣ; и что наконецъ после многихъ перыптительностей, сомнѣній, колебаній, противорѣчащихъ другъ другу дѣйствій, прибѣгли къ мѣрамъ, самымъ насильственнымъ, къ мѣрамъ, которыя давно были приговѣрованы, замыслиемы, приготовляемы; которыя то приходили въ забвеніе, то возобновлялись въ умѣ, но всегда почитались послѣднимъ средствомъ, крайностью. Естественно, что нѣкоторые скрытные и глубокіе характеры никогда не теряли изъ виду предположенной цѣли; что другіе, напротивъ того, то склонялись къ предпріятію столь коварному и кровавому, то отвращались отъ него. Такъ и дѣйствительно было.

Овладевъ вѣтшими отношеніями государства, увлекая Францію къ системѣ реформы, пробуждая независимость провинцій отъ столицы и могучій бытъ прежнихъ мелкихъ начальниковъ, заставляя короля обезоруживать Парижскихъ гражданъ, Французскіе кальвинисты, конечно, не питали въ предметъ ни царубійства, ни низпроверженія монархін; но страшная ихъ сила все болѣе и болѣе возрастала. Они были для двора и католиковъ источникомъ безпрестанныхъ опасеній. Германскіе протестанты служили имъ опорой. Въ этой партіи были добродѣтель, величіе и славныя воспоминанія, но былъ также рѣшительный республиканскій духъ. Строгость его правовъ была непрерывнымъ укоромъ легковѣрности невѣжественной черни, и сластолюбію двора. Противъ кальвинизма въ одно время возставали городскія власти, Парижская чернь, приаорная знать, духовенство и почти всѣ женщины. Народъ возмущался и опрокидывалъ кафедрныя кальвинистовъ. Колинни, въ письмѣ къ королю, изображаетъ многочисленныя жалобы гугенотовъ; онъ, по-видимому, справедливо говоритъ, «что обѣщанныя ему суммы не выплачены; что католическія собратства оскорбляютъ протестантовъ; что ему не воздаютъ должныхъ почестей, отказываютъ въ състныхъ припасахъ, и что двое людей его недавно были зарѣзаны». Если бъ даже дворъ дѣйствовалъ добросовѣстно, онъ не могъ бы воспротивиться народному раздраженію. Народъ почиталъ оскорбленіемъ себя мпости, которыя дворъ оказывалъ кальвинистамъ. Ихъ ласкали, а

между-тѣмъ боялись: положеніе несносное! Всего опаснѣе внушать страхъ людямъ, которые имѣють власть въ рукахъ.

Съ 1548 по 1559 годъ гугеноты основали свою воинскую силу и учредили публичныя проповѣди. Дворъ хотѣлъ усмирить ихъ гоненіемъ, сначала казнивъ Анне Dubourg'a потомъ, подвергнувъ опалъ всѣхъ протестантскихъ начальниковъ. Лотарингскій домъ, повергнутиій въ опасность Амбоазскимъ заговоромъ, предалъ нѣсколько головъ палачу. Средняя партія хотѣла принять на себя посредничество и умѣрить съ одной стороны стремленіе кальвинистовъ, съ другой католическое гоненіе. Эта тщетная попытка продолжалась два года, 1560 и 1561, и не произвела ничего. Война была неизбежна. Старинное католическое общество раздражалось уступками двора послѣдователямъ новой религіи, и между-тѣмъ эти уступки не удовлетворяли кальвинистовъ. Безпорядки въ Васси, оскверненіе церкви Святаго Медарда, нападенія на храмы и проповѣди протестантовъ, выжженіе монастырей и аббатствъ были сигналомъ ужасной междоусобной войны, которая продолжалась до 1562 года.

Въ этомъ году происходило и знаменитое Байоннское свиданіе, о которомъ мы говорили. Послѣдній католическій историкъ этой эпохи, Г. Сарсеіgue, признается, что «внутреніе избавитися, какимъ бы то ни было способомъ, отъ гугенотовъ, было принято и можетъ-быть условлено при этомъ свиданіи». Напрасно, прибавляетъ онъ, что гугеноты были слишкомъ могущественны и партія ихъ слишкомъ хорошо устроена, чтобы можно было думать объ ихъ истребленіи. Именно это устройство, это могущество, и надобно было уничтожить. «Уловки уже ни къ чему не служатъ», говорилъ Карль IX въ присутствіи канцлера *L'Hopital'*'я. Слабая и пылкая голова юнаго короля напиталась уже прозкомъ, который былъ ей сообщенъ герцогомъ Альбою и Екатериною. Онъ уже мечталъ о Варооломеевской ночи, которая замедлилась нерѣшительностью и разными препятствіями. Усилія средней партіи произвѣсть примиреніе, поддержать данныя клятвы, умѣрить насиліе однихъ и упорство другихъ, не остановили второй религіозной войны, которая

искоръ вспыхнула. Она продолжалась съ 1566 по 1570 годъ, и не прозвела другаго слѣдствія, кромѣ того, что приучила кальвинистовъ къ битвамъ и усилила народную ярость. Парижъ приготовился къ междоусобной войнѣ. Протестанты привыкли къ воинственному фанатизму, котораго величественный характеръ достоинъ бы былъ пера Вальтера-Скотта. Римскій дворъ совершенно овладѣлъ дворомъ Французскимъ, и Пій V, увѣщевая Европейскихъ монарховъ помогать Карлу IX, который намѣревался «предпринять святое истребленіе гнусныхъ гугенотовъ», писалъ къ одному государю: «Ни какиѣмъ образомъ, ни подъ какиѣмъ предлогомъ не должно щадить ихъ! Надобно поступать строго съ тѣми, которые не щадили ни Бога, ни сыновей твоихъ! Никакое уваженіе къ вещамъ или людямъ не должно никогда побуждать тебя къ снисходительному обращенію съ врагами Божиими. Сражайся съ ними до самой смерти!» Таковы были слова главы католической Церкви: сравните ихъ со словами герцога Альбы, Филиппа II, Екатерины Медичи, Карла IX, и вы увидите, что Варроломеевская ночь просто — послѣдній взрывъ бѣдствія, давно приготовленнаго обстоятельствами и положеніемъ партій.

Около 1570 года въ умахъ произошла счастливая перемена, склонность къ миру, въ слѣдствіе утомленія въ борьбѣ кровавой и тщетной. Между-тѣмъ люди съ горячими мнѣніями еще роптали; городскіе граждане обижались, гугенотскіе дворяне неохотно слагали оружіе. Дворъ увлекался попеременно желаніями насильства, соглашенія, открытой войны и посредничества, которыя ему внушали Гвизы и средняя партія, Римъ и кальвинисты, и уступилъ наконецъ направленію совѣта, направленію гугенотскому. Къ концу 1572 года все, повидимому, приходило въ порядокъ и клонилося къ религиозному миру; и я твердо убѣжденъ, что обширное избіеніе, такъ давно замышленное и обдуманное, было тогда оставлено Карломъ IX, хотя на время. Онъ пробудился, когда гугенотство овладѣло властію послѣ брака Генриха IV съ Маргаритою; когда король замѣтилъ, что его облегаютъ со всѣхъ сторонъ кальвинисты, строгіе, надменные, неумолимые; когда Парижскій народъ съ негодованіемъ увидѣлъ, что протестантскіе дворяне, вступивъ какъ-бы съ

побѣдою въ ихъ городѣ, не ходять къ обѣднѣ, въ древній соборъ, заступникъ Парижа и гражданства; когда вся привязанность жителей обратилась къ Генриху Гвизу, главѣ католиковъ, вся ненависть къ адмиралу Колиньи и къ королю, который слѣдовалъ его совѣтамъ. Съ тѣхъ поръ тайная боязнь распространилась въ умахъ: все говорили, что *les porces seront vermeilles*, что «пирь будетъ красенъ.» Montluc, въ своихъ запискахъ признается, что съ этого уже времени гугеноты были въ большой опасности. «Слыша придворныя вѣсти, говорить онъ, я повторялъ всякой день про себя, что гугенотовъ тамъ слишкомъ ласкаютъ, и что въ городѣ пойдетъ на драку.»

И дѣйствительно, когда дворъ, выходя изъ своего усыпленія, вдругъ уразумѣлъ и раздраженіе народа, и честолюбіе протестантовъ, и свою собственную опасность, и превосходный случай, который ему представлялся, онъ долженъ былъ вспомнить все свои обиды и созвѣтъ, данный ему въ Байоннѣ. «Невыгодно оскорблять своего государя, говорить на этотъ случай старый Montluc. Король очень помнитъ, что адмиралъ Колиньи заставилъ его пробѣжать въ Мо во весь опоръ.» И какую горечь должна была приливать къ подобнымъ воспоминаніямъ новая наглость Колиньи и его приверженцевъ! Въ это самое время адмиралъ вздумалъ предложить Карлу IX, который достигъ тогда двадцати трехлѣтняго возраста, помощь своихъ дворянъ противъ невинной опеки его матери. Она это узнала и сдѣлалась ревностною поборницею злодѣянія, котораго католическое гражданство давно уже желало. Со вѣсть сторонъ получались вѣстія объ убійствахъ, совершенныхъ надъ кальвинистами, въ Оранжѣ, въ Руанѣ. Еще Карлъ IX, наскучивши властію своей матери, повиновался вліянію важнаго и строгаго Колиньи, какъ уже народъ жаждалъ крови, и католическіе претводители плѣшились мыслию о томъ, какой благопріятный случай представляется имъ истребить однимъ ударомъ весь своихъ противниковъ. Трудно не почувствовать нѣкоторой жалости къ королю юному, слабому, пылкому, который былъ поставленъ въ такое критическое положеніе.

Наконецъ давно желанная минута наступила. До нея достигли, какъ говорить Tavannes, лисьиими шагами. Въ Ита-

ліанскіе істэрыкі ўтверджаюць, што і маті і сынъ равно виновны въ этомъ обдуманномъ злодѣйствѣ; Французскіе лѣтописцы оправдываютъ Карла IX и слагаютъ все преступленіе на одну Екатерину. Мы скорѣе готовы были бы согласиться съ послѣдними; но историческая точность побуждаетъ насъ привести факты, которые доказываютъ полную виновность самаго Карла IX. Давила восхваляетъ притворство Карла, который, говоритъ онъ, «хотѣлъ сначала удалить изъ Франціи иностранныя арміи, чтобы потомъ искусно подавить главы секты.» Mathieu, Mézerai, патеръ Griffet, того же мнѣнія. «Король, говоритъ Mathieu, рѣшился отмстить за оскорбленія, нанесенныя его юности, его религіи, его коронѣ, наложить топоръ на самый корень раздора и уничтожить зачинщиковъ; благоразуміе, превращенное въ великое притворство, и рѣшительность, руководимая глубокою тайною, породили жестокий и пагубный день Парижскихъ заутренъ.»

Кардиналь d' Ossat, историкъ Катска и Thomas Smith, Англійскій посолъ, приводятъ чрезвычайно характеристическій разговоръ между Карломъ IX и кардиналомъ Алессандриню, племянникомъ Пія V, которому Папа поручилъ противиться заключенію брака Генриха Беарнскаго съ Маргаритою. Карль IX, вмѣсто отвѣта на дороды кардинала, взялъ его за руку и сказалъ: «Все, что вы мнѣ говорите, очѣнь хорошо и я благодарю за это и папу и васъ. Если бы я имѣлъ какой-нибудь другой способъ отмстить моимъ врагамъ, я бы не допустилъ этого брака. Но у меня нѣтъ другаго.»

Тотъ же кардиналь говоритъ: «Получивъ вѣсть о Варолюмеевской ночи, папа вскричалъ: Да благословенъ будетъ Господь! Французскій король сдержалъ данное мнѣ слово.» Капилюпи, рассказывая этотъ анекдотъ, прибавляетъ, что Карль IX предлагалъ кардиналу драгоцѣнный перстень въ залогъ своего слова, но тотъ не принялъ. Находящіяся въ рукописи письма посла Smith'а, подтверждаютъ всю эту исторію; онъ былъ свидѣтелемъ этой сцены и пишетъ къ своему двору: «Бѣдный кардиналь не могъ помѣшать этому браку, а что всего немѣнѣе, онъ отказался отъ брилліанга въ шесть сотъ червонцевъ, который король предлагалъ ему.»

Но какъ согласить умышленность Карла IX съ остальнымъ его поведеніемъ? Доказано, что въ то время онъ не только былъ въ близкихъ связяхъ съ адмираломъ, но что даже въ письмахъ своихъ къ нему, не задолго до Вареоломеевской ночи, жаловался на королеву, на Итальянскихъ любимцевъ, которые ее окружали, на родъ рабства, которое онъ принужденъ терпѣть. Всѣхъ этихъ противорѣчій нельзя объяснить иначе, какъ составивъ себѣ вѣрное понятіе о непостоянномъ и бѣшенномъ характерѣ Карла. Недовольный королевою, недовольный гугенотами, нетерпимый, горячій, безпокойный, способный къ величайшимъ насильствамъ и въ то же время ко всѣмъ противоположностямъ, Карль IX, какимъ изображаетъ его исторія, легко могъ обѣщать папѣ истребленіе гугенотовъ, и адмиралу Колиньи свою дружбу и покровительство; потомъ, недоумывая нѣсколько времени въ положеніи столь затруднительномъ, онъ легко могъ и съ яростію устремиться на убійство. Ничто лучше не изображаетъ нерѣшительности души его, какъ слова, которыя произнесъ онъ, когда, играя въ мячи, услышалъ о смерти Колиньи: «Par la mort Dieu, да не ужели жъ я никогда не буду покоенъ?»

Что Екатерина и герцогъ Анжу поручили *Mauvevel'ю* убить Колиньи, это доказано признаніями самаго герцога, когда онъ проѣзжалъ Германію, и проклятія протестантовъ породили въ немъ раскаяніе. Мучимый воспоминаніемъ Вареоломеевской ночи, онъ призвалъ врача своего, *Miron'a*, и открылъ ему угрызенія своей совѣсти. Онъ признался, что они съ королевою не считали себя въ безопасности, пока Колиньи былъ живъ; что эти опасенія побудили ихъ рѣшиться убить его; и что неудавшееся покушеніе повергло ихъ въ ужасный страхъ. Во всемъ этомъ разсказѣ герцогъ Анжу самъ себя обвиняетъ: невозможно ему не вѣрять. Участіе, которое Карль IX принималъ въ состояніи раненаго Колиньи, впечатлѣніе, которое слова адмирала производили на него, усилили еще опасенія Екатерины. Съ этого только времени планъ Вареоломеевской ночи можетъ считаться утвержденнымъ. Послушаемъ признаній герцога Анжу.

«Послѣ обѣда, мы вмѣстѣ пошли къ королю. Королева дала ему почувствовать, что онъ одинъ, окруженъ непріятеля-

ня; что сила и могущество его не велики; что все противъ него; что надобно только убить адмирала и нѣсколькихъ предводителей партіи. Я и другіе, — маршалы Tavannes, герцогъ Nevers, канцлеръ Vigague, поддержали это, не забывая ничего, что-бы могло подкрѣпить наше мнѣніе. Король, хотя и былъ пораженъ опасностію, которую мы ему изображали, но пришелъ въ ужасную ярость и вскричалъ, что не позволить никому дотронуться до адмирала. Онъ спрашивалъ, нѣтъ ли какого другаго средства пособить дѣлу, и потребовалъ, чтобы каждый изъ насъ откровенно высказалъ свои мысли. Всѣ были согласны со мною и съ королевою, за исключеніемъ только маршала Retz'a, который, къ величайшему нашему удивленію, сказалъ, что хотя онъ личный врагъ адмиралу, однако не можетъ подать намъ таково пагубнаго совѣта; что за подобный поступокъ, насъ, по справедливости, стали бы укорять въ безчестности и коварствѣ. Эти причины зажали намъ ротъ и лишили даже насъ мужества думать объ исполненіи нашего нахѣренія. Но потомъ мы снова стали говорить, переубѣдили, и нашли въ королѣ *внезапную перемѣну*: «Молчать! вскричалъ онъ въ ужаснѣйшемъ гнѣвѣ и изступленіи: par la mort Dieu! Если вы думаете, что надобно убить адмирала, я согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ убить и всѣхъ гугенотовъ по всей Франціи; чтобы не осталось ни одного, кто бы могъ упрекать мнѣ за смерть его! Распорядитесь поскорѣ!» Онъ вышелъ въ бѣшенствѣ, и оставилъ насъ однихъ.

Удивительно, что историки такъ мало пользовались этимъ простодушнымъ объясненіемъ, которое содержитъ въ себѣ рѣшеніе задачи. «Внезапная перемѣна» въ королѣ есть именно доказательство отличительнаго безпокойства и нервности, которыя мы уже замѣтили въ его характерѣ. Не видѣнъ ли въ этомъ тотъ самый человекъ, который обещалъ намъ истребить гугенотовъ, потомъ простилъ ихъ, потомъ елъ съ ними войну, потомъ бросился въ ихъ объятія, и наконецъ позволялъ перебить ихъ всѣхъ, лишь бы только не стало никого, кто бы могъ упрекнуть его! Положеніе, выходы, прежнее поведеніе дѣйствующихъ лицъ этой драмы, се объясняютъ. Екатерина развила въ Карлѣ IX чувственыя наклонности и звѣрскіе инстинкты; и дѣйствитель-

но есть что-то звѣрское въ этихъ быстрыхъ, буйныхъ, внезапныхъ побужденіяхъ, которыя управляли его поступками.

И рѣшивъ дѣло, онъ ни сколько не занимается тѣмъ, что должно свершиться; онъ впадаетъ въ отчаянное безчувствіе и предоставляетъ матери и придворнымъ дѣлать все приготовленія къ убійствамъ. Вотъ удивительное доказательство его грубаго равнодушія: часовъ за девять или за десять до убійствъ онъ сошелъ съ королемъ Наварскимъ, принцемъ Кондѣ и нѣкоторыми другими вельможами, въ кузницу, которая была устроена подъ его покоями, и гдѣ онъ часто работалъ въ одной рубашкѣ, или въ черномъ полукафтанѣ. Онъ принялся, по обыкновенію своему, ковать, роздалъ работу присутствующимъ и ни малѣйшее волненіе не обличало ужасной тайны, которая обременяла его душу. То же отвратительное равнодушіе замѣтно и въ письмѣ, которое онъ тотчасъ послѣ убійства писалъ къ *Ferails*'у, своему посланнику въ Римъ. Три четверги письма наполнены незначащими, пустыми подробностями; и въ концѣ только, въ видѣ приписки, онъ прибавляетъ: «*Au demeurant*, я долженъ васъ уведомить, что одинъ изъ враговъ адмирала выстрѣлилъ по немъ изъ аркебузы, отъ этого въ городѣ произошло возмущеніе; многіе убиты.»

Народное волненіе произведено было герцогомъ Гвизомъ; Екатерина распорядилась королевскими войсками; первый сигналъ былъ поданъ часами Городской Думы, на Гревской Площади, и имъ отвѣчали съ колокольной Святаго Германа, *St.-Germain-l'Auxerrois*. Граждане начали убійство; духовенство принимало на себя всю отвѣтственность; поведеніе Карла IX было совершенно страдательное. Что касается до гражданъ, то они исполнили данное имъ порученіе съ безчеловѣчною точностію, съ невѣроятною яростію, которую впрочемъ чернь всегда выказываетъ, когда она воспламенится зрѣлищемъ убійства. Въ архивѣ ратуши есть доказательства, что въ недѣлю, до 13 сентября 1572, въ окрестностяхъ *Saint Cloud*, *Auteuil*'я и *Chaillot*, погребено было одиннадцать тысячъ труповъ; съ 24 августа по 5 сентября, конечно, также похоронено много; но бѣды большее число, какъ выражается современный лѣтописецъ, ревностный католикъ —

.....Furent par eau
Envoyés à Rouen, sans bateau.

«Были отправлены въ Руанъ, водою, безъ лодки.» На чемъ же основывается погребальная статистика *Caveirac*'а, который только оти тысячу сто труповъ признаеть принадлежащими жертвамъ Варооломесвской ночи? По увѣренію *Péresfixe*'а во всей Франціи погибло до ста тысячъ человекъ. Это число кажется весьма преувеличеннымъ; и хотя съ точностью опредѣлить числа жертвъ совершенно невозможно, но мы готовы принять показаніе трехъ историковъ, важныхъ и католическихъ, *Адриани, de Serre*'а и *de Thou*, которые считаютъ тридцать тысячъ убитыхъ.

Теперь спрашивается, какіе политическіе результаты произвело это преступленіе, которое, какъ мы доказали, было вмѣстѣ и умышенное и непредвидѣнное, и правительственное и народное, преступленіе двора и гражданства, — мятежъ и заговоръ? Во-первыхъ, убиты были не все эти «проклятые еретики», эти приверженцы Бсарица, эти провинціалы, эти рыцари, которые помнили старинныя феодалныя войны: съдѣственно цѣль не была достигнута. Между-тѣмъ какъ Испанія и Римъ радовались и торжествовали, средняя партія присоединилась къ остаткамъ гугенотовъ и принялась за оружіе. Вмѣсто того, чтобы поправить дѣла двора, Варооломесевская ночь привела ихъ еще въ худшее положеніе. Все сѣверныя дворы разомъ вооружились, и въ то же время учредилась Лига. Католики почувствовали совершенное ничтожество королевской власти въ рукахъ Карла и коварную покорность его двора обстоятельствамъ. Они видѣли, что невозможно полагаться на это сборище людей безнравственныхъ и сластолюбивыхъ, которыми управляла женщина кинжалъ *Jacques*'а *Clément* уже натачивался, и Варооломесевскія убійства только замедлили соглашеніе двухъ партій, которое произошло при Генрихѣ IV.

Надобны вѣка, чтобы объяснить какой нибудь историческій вопросъ; побудительныя причины человеческихъ дѣйствій почти всегда скрываются въ самыхъ недосягаемыхъ глубинахъ. Только въ пригельскихъ письмахъ и рукопис-

ныхъ дневникахъ находятся нѣкоторыя слѣды, бѣглыя упоминанія объ этихъ причинахъ. Но и эти документы болѣею частію истребляются временемъ. Часто нельзя даже полагаться и на нихъ: рассказы современниковъ, движимыхъ страстями, бываютъ несправедливы. Проходить нѣсколько сотъ лѣтъ, и любопытный философъ начинаетъ сравнивать эти пристрастныя свидѣтельства, эти неточные или неполные документы; разсматриваетъ, разбираетъ, оцѣниваетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Искру несомнѣнной истины надобно извлекать изъ цѣлыхъ горъ старыхъ бумагъ, забытыхъ лоскутовъ пергамена. Надобно распознавать и отвергать ложь и сплетни, накопленные лѣтописцами на пути. И это не легко: часто случается, что, по поводу одного спорнаго пункта, надѣлано столько предположеній, и такое множество басней закрываетъ своими туманами простоту факта, что едва можно добиться до сущности дѣла.

Revue Britannique.

==

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

=

Читатели этого журнала конечно не забыли разныхъ статей «Смѣси», въ которыхъ помѣщено было описаніе великолѣпнаго дождя огненныхъ шаровъ, бывшаго въ Сѣверной Америкѣ два года сряду въ ночь съ 12 на 13 ноября, новаго стила. Въ одной изъ нихъ приведена была также теорія, которую предложилъ Г. Араго для объясненія этого любопытнаго феномена и падающихъ звѣздъ вообще. Эти свѣтлостыя тѣла, одаренныя такимъ живымъ блескомъ и такимъ мгновеннымъ существованіемъ, составляютъ чрезвычайно любопытный, хотя досель неразгаданный, предметъ, для ученаго наблюдателя природы. Ихъ обыкновенно почитали за фосфорическія воспламененія, зараждающіяся въ предѣлахъ нашей атмосферы, между-тѣмъ какъ многіе лучше разсмотрѣнные случаи удостовѣряютъ, что эти летучія звѣзды вообще падаютъ въ воздухъ нашей планеты извнѣ, приходя изъ пустыхъ пространствъ, въ которыхъ земля, планеты и кометы текутъ въ своихъ орбитахъ около солнца. Важность ихъ въ порядкѣ мирозданія должна быть гораздо значительнѣе, нежели какъ предполагаютъ люди, которые относятъ всѣ подобныя явленія къ игрѣ слѣпаго случая; въ ясную безоблачную ночь, наблюдатель, поставленный въ каждой точкѣ земнаго шара, можетъ насчитать, въ предѣлахъ своего ограниченаго горизонта и зрѣнія, отъ пяти сотъ до тысячи такихъ звѣздъ; днемъ упадетъ ихъ столько же если не болѣе, хотя ихъ не видно за солнечнымъ свѣтомъ. Надо еще прибавить, что даже ночью, мы видимъ только тѣ падающія звѣзды, которыя, прежде чѣмъ лопнуть, проникаютъ такъ близко къ поверхности земли, что могутъ быть примѣчены человеческимъ глазомъ: вѣроятно, міриады ихъ, по своей отдаленности, слабости свѣта или малому объему, гибнутъ въ безвѣстности за предѣлами нашего зрѣнія. Если бъ мож-

Т. XVIII. — Отд. III.

но было взлѣзть вверхъ до половины атмосферы, версть на шестьдесятъ или семьдесятъ отъ поверхности земли, и остаться тамъ довольно долго въ совершенной темнотѣ, мы конечно увидѣли бы, глядя вдоль горизонтальной перспективы, самое чудное, самое пышное зрѣлище, какое только одно поэтическое воображеніе можетъ представить себѣ въ юдоли, обитаемой нашимъ родомъ, — величественный фейерверкъ несметныхъ огней всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и видовъ; огней, сыплющихся безпрестаннымъ дождемъ на глубокой и прозрачный слой воздуха, въ которомъ погруженъ шаръ твердой, темной массы, и угасающихъ, безъ изыятія, въ различныхъ высотахъ не доходя до его поверхности. Можетъ ли все это быть дѣломъ случая, простой игры стихій? Неужели это непрерывное и великолѣпное явленіе, устроенное съ такимъ предусмотрѣніемъ вреда, который неминуемо произошелъ бы отъ него, если бы стрѣмящіеся внизъ огни достигли до поверхности шара, создано для пустой потѣхи, для развеселенія воздушныхъ областей, недоступныхъ ни органической жизни ни зрѣнію, или же оно нужно для потребностей самой планеты и необходимое условіе ея существованія? Кажется, что падающія звезды и другаго рода огненные шары, которые являются въ нашемъ воздухѣ, суть первоначально безцвѣтные, прозрачныя скопленія какой-то весьма тонкой матеріи, образующіяся въ пространствахъ, изъ которыхъ они приходятъ въ воздухъ; что эти невидимые, но иногда огромные, мыльные пузыри проникаютъ въ атмосферу въ этомъ незримомъ видѣ; что они большію частію здѣсь уже воспламеняются и, нарисовавъ своимъ паденіемъ путь, болѣе или менѣе длинный и свѣтлый, лопаются подобно ракетамъ. Г. Араго, какъ извѣстно, предполагалъ, что вокругъ нашего шара тайно текутъ миллионы *незримыхъ планетъ*, скопленныхъ въ облака, которыя земля, въ своемъ стремленіи, иногда разбиваетъ, и что оттого они сыплются въ нашъ воздухъ дождемъ метеоровъ. Приводя эту остроумную теорію, мы тутъ же изъявили наше мнѣніе объ ея неудовлетворительности: во-первыхъ она допускаетъ участіе случая, и потому самому уже не въ состояніи объяснить намъ, какимъ образомъ земля можетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ разбивать облако незримыхъ планетъ

периодически два, три, четыре года средѣ; во-вторыхъ—есть ли какая сообразность думать, чтобы въ благоустроенномъ мірѣ два независимыя небесныя тѣла могли сталкиваться или *разбивать* другъ друга? Знаю, что этотъ планетный разбой въ большой славѣ у известнаго класса философовъ истолкователей природы, для которыхъ нѣтъ ничего легче какъ двумъ небеснымъ тѣламъ невпопадъ встрѣтиться въ пути своемъ и повалиться другъ на друга; но эти странныя понятія, происходящія все вообще изъ болѣе или менѣе явнаго отрицанія Разумной Причины, устроившей вселенную, и желанія объяснить все дурною механикою, имѣютъ нынче силу только для Французскихъ ученыхъ, еще погрязшихъ въ шпитезъ бездушнаго матеріализма: они уже поблскли во всѣхъ другихъ страхахъ, гдѣ наука, менѣе заносчивая, менѣе враждебная религіознымъ чувствамъ, позволяетъ съ каждымъ днемъ яснѣе видѣть руку верховной, непостижимой Мудрости, которая расположила все съ величайшею точностью и благимъ преднамѣреніемъ, все разочла къ наибольшей пользѣ каждаго созданнаго предмета, и отсюду изгнала Случай, какъ врага міровъ, который въ одну минуту, если-бъ допустить его существованіе, превратилъ бы всю эту прекрасную вселенную въ беспорядочный хаосъ. Ни одна падающая звѣздочка не падаетъ *случайно*: все онѣ должны быть слѣдствіемъ неизмѣннаго и благаго закона; каждая изъ нихъ должна быть необходима нашей планетѣ, — иначе бы она не упала въ нашъ воздухъ. Какая можетъ быть цѣль этого искристаго фонтана, который изъ глубины пространства осыпаетъ безпрестанно и со всѣхъ сторонъ атмосферу земнаго шара градомъ потышныхъ огней? Мы болѣе, чѣмъ когда-либо утверждаемся въ нашемъ понятіи, что этотъ приливъ посторонняго вещества составляетъ насущную пищу нашей планеты, пищу необходимую для поддержанія силъ ея и безъ которой она бы умерла или, по-крайней-мѣрѣ, превратилась въ пустыню; что его назначеніе — безпрестанно пополнять въ нашей атмосферѣ убытокъ известныхъ началъ, высасываемыхъ изъ нея самою планетою или ея существами: въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить безкопечное увеличеніе объема, или сгущеніе массы, воздуха; что, это, можетъ-быть, *дождь жизни*, раститель-

★

ной и животной, вѣчно идущій на воздушную оболочку земли. Можно даже усмотрѣть сходство, отнюдь не чуждое занимательности, между влажнымъ дождемъ, который, падая съ облаковъ, оживляетъ почву и этимъ небеснымъ «эфирверкомъ», происходящихъ на послѣднихъ предѣлахъ воздуха: можно сказать, что *невидимыя облака огнемъ орошаютъ извнѣ атмосферу*.

Наблюденія створо-Американскаго астронома, Г. *Olmsted*'а надъ дождемъ огненныхъ шаровъ, о которомъ сказали мы вначалѣ, и любопытные выводы этого ученаго, подкрѣпляютъ подобное понятіе. Мы приведемъ разсужденіе о падающихъ звѣздахъ, помѣщенное въ *New Philosophical Journal*, и котораго авторъ старался изложить содержаніе примѣчательной брошюры Г. *Olmsted*'а, вышедшей въ Америкѣ.

Теорія тѣлъ, извѣстныхъ въ простонародіи подъ названіемъ «падающихъ звѣздъ», и «огненныхъ шаровъ», говоритъ рецензентъ, есть одна изъ занимательнѣйшихъ и, къ сожалѣнію, самыхъ темныхъ задачъ метеорологической Физики. Все заставляетъ думать, что они не принадлежатъ нашей землѣ и приходятъ изъ пространствъ, вышнихъ въ отношеніи къ земному шару. Но если многочисленныя наблюденія надъ образомъ появленія этихъ свѣтистыхъ тѣлъ, надъ сильными взрывами, слышными при ихъ лопаніи, надъ дождями воздушныхъ камней или отдѣльными аэролитами, которые они роняютъ, и особенно надъ направленіемъ и удивительною быстротою ихъ паденія, уже дозволяютъ назначить имъ происхожденіе *небо-родное*, *иганіс*, то мало еще думать о томъ, что они могутъ появляться періодически. Нѣсколько достоверныхъ случаевъ убѣдило насъ, что и это не безпримѣрно въ земной природѣ; но если бы доказано было, что всѣ вообще летучія звѣзды, огненные шары, воздушные камни, слѣдуютъ закону періодическаго паденія, это составило бы одинъ изъ самыхъ удивительныхъ фактовъ въ наукѣ. Тогда надобно было бы допустить, что въ пространствѣ, которое окружаетъ землю на безконечную даль, носятся въ извѣстныхъ направленіяхъ, и обтекаютъ путь свой въ правильные періоды времени, цѣлыя тучи метеоровъ и воздуш-

выхъ камней, движущихся вокругъ солнца и ежегодно, въ опредѣленные сроки, подходящихъ къ землѣ, такъ что изъ нихъ сыплются въ ея атмосферу блестящія огни или плотныя тѣла. Существованіе такихъ тучъ, по видимому столь невѣроятное, кажется, между-тѣмъ, почти доказаннымъ наблюденіями, произведенными въ Соединенныхъ Штатахъ въ ночь съ 12 на 13 ноября 1833, и въ ту же ночь 1834 года, когда съ большей части Американскаго материка видѣли небо, нѣсколько времени наполненное несмѣтными падающими звѣздами и метеорами.

Разные ученые составляли тщательные списки паденія аэролитовъ и появленія свѣтлыхъ метеоровъ: изъ этихъ списковъ видно, что 12 ноября 1799 въ Куманъ и другихъ мѣстахъ Южной Америки замѣчены тысячи огненныхъ метеоровъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ продолженіе четырехъ часовъ; въ концѣ октября и 5 ноября 1814 года, близъ Генуи и въ Индіи, были дожди камней и металлической пыли; въ исходѣ 1815 года Индѣйскій Океанъ опять покрылся огромнымъ количествомъ пыли, падавшей съ неба; 5 сентября 1819, свѣтлое облако усыпало многіе округи Моравіи металлическою пылью; 5 ноября того же года въ Голландіи былъ красный кремнистый дождь, и въ то же самое время огромный метеоръ пролетѣлъ по небу въ Канадѣ; 14 октября 1824, въ Богсміи, упалъ большой камень, который хранится въ Прагѣ. Вотъ уже довольно замѣчательный рядъ совпадающихъ чиселъ, которыя всѣ заимствованы изъ нашихъ временъ. Но еще удивительнѣе то, что 12 ноября 1832 множество метеоровъ, или падающихъ звѣздъ, чрезвычайно яркихъ, замѣчено въ Мохъ, въ Аравіи, а 19 того же мѣсяца нѣчто подобное видно и въ Англіи. Наконецъ, кажется, что въ разныхъ мѣстахъ Европы слѣды подобныхъ явленій обнаружились 12 ноября, въ 1834 и 1835 годахъ: это обстоятельство довольно достоверно, и Г. Араго внесъ его въ инструкцію, составленную для офицеровъ фрегата *La Bonite*, который совершаетъ теперь путь вокругъ свѣта. Этотъ знаменитый астрономъ приглашаетъ ихъ обращать особенное вниманіе на состояніе неба въ предполагаемую эпоху возвращенія падающихъ звѣздъ, то есть, около 12 и 13 ноября.

Наблюдения, сделанные в 1833 году в разных местах Соединенных Штатов, были сравнены Г. *Olmsted* ом, профессором при Gale College в Нью-Гавне, и напечатаны в American Journal of Science; впоследствии тот же ученый изложил в отдельной брошюре самые достоверные из этих наблюдений и свои замысловатые выводы, которыми он старается объяснить это явление. Мы сначала позаимствуем из его сочинения описание огненного дождя, который угрожал Соединенным Штатам в 1833 году и которого периодическое возвращение по видимому свидетельствует о существовании одного весьма обширного облака легких газообразных тел и аэролитов различной плотности; облака, обращающегося около солнца между Землею и Венерою, и к которому наша Земля подходит дважды в год, осенью и весною, чтобы принять от него подавание огня, камней и металлической пыли. Потом последуем мы за профессором в его выводах.

Сравнивая рассказы о падающих звездах замеченных в Соединенных Штатах, мы находим, что обстоятельства этого явления были почти везде одинаковы. Вот, с небольшими изменениями, их главный характер.

Двенадцатого ноября 1833 года, около девяти часов вечера, начали довольно часто замечать в небе падающие звезды; они сыпались всю ночь, и два раза с большим блеском, именно, в одиннадцать часов вечера и в четыре часа утра. С этого времени метеорическія явления продолжались до самого разсвѣта, и даже сквозь первые солнечные лучи видели нѣсколько огненных шаровъ. Границы пространства, в котором они обнаруживались, с точностью не известны; но все доказываетъ, что оно заключало въ себя значительную часть земной поверхности. Въ длину оно по видимому, простиралось отъ 61° западной долготы отъ Гринвича, въ Атлантическомъ Океанѣ, до 100°, внутри Мексики, а въ ширину отъ сѣверныхъ Американскихъ озеръ до полуденной оконечности Ямайки. Между тѣмъ ихъ не видали нигдѣ, ни въ Европѣ, ни въ Южной Америкѣ, ни надъ Тихимъ Моремъ. Но въ этихъ границахъ наблюдатели вездѣ описываютъ явление какъ огромный фей-

сверкъ, покрывавшій весь сводъ неба мириадами огненныхъ шаровъ, похожихъ на ракеты. Больше внимательное наблюдене показало въ этихъ метеорахъ три различные вида: во-первыхъ яркія фосфорическія черты, phosphoric lines, описываемыя въ небѣ свѣтящимися точками; во-вторыхъ, большіе огненные шары, large fire balls, которые по-временамъ пробѣгали по небесному своду, оставляя по себѣ длинный свѣтлый слѣдъ: этотъ слѣдъ иногда былъ виденъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и болѣе получаса; наконецъ третій родъ метеоровъ состоялъ изъ неопредѣленныхъ свѣтлыхъ тѣлъ (неопредѣленного виду, undefined luminous bodies), которыя довольно долго оставались на небѣ неподвижными. Метеоры перваго рода (черты) были самыя многочисленныя и представляли какъ бы пламенный слѣдъ, который ужасная сила стремилась съ необычайною быстротою къ сѣверо-западу. Огненные шары имѣли обыкновенный видъ падающихъ звѣздъ, и заставили многихъ думать, что звѣзды дѣйствительно падаютъ на землю. Есть сомнѣнія, что подобное зрѣлище должно было поразить удивленіемъ и ужасомъ всякаго, кто не имѣлъ ученыхъ свѣдѣній объ его причинахъ, тѣмъ болѣе, что шары казались иногда чрезвычайно огромными. По свидѣтельству доктора *Smith'a*, изъ Сѣверной Каролины, одинъ шаръ былъ больше и свѣтлѣе луны. «Я былъ ужасно пораженъ, говоритъ онъ, яркимъ свѣтомъ, который озарилъ всю окрестность, такъ, что можно было разсмотрѣть малѣйшіе предметы.»

Всѣ эти метеоры, казалось, лучеобразно выходили изъ одного мѣста въ небѣ; то есть, если бы заставить всѣ эти огни возвратиться по пути ихъ паденія, они встрѣтились бы въ одномъ мѣстѣ на юго-востокъ отъ зенита. Они вылетали изъ этого неподвижнаго пункта во всѣ возможныя стороны, и неслись по небу съ неизмѣрною быстротою, описывая иногда, менѣе нежели въ четыре секунды, дуги въ тридцать и сорокъ градусовъ. Свѣтлые слѣды ихъ были болѣею частью бѣлаго цвѣта; но иногда являли всѣ цвѣты радуги. Одинъ изъ огненныхъ шаровъ, замѣченный въ Нью-Гавнѣ*,

* Есть, ужъ право лучше писать и географическія иностранныя названія полными ихъ буквами! Съ позволенія читателя, мы будемъ

и видѣнный весьма многими, летѣлъ къ сѣверо-западу и лопнулъ недалеко отъ блестящей звѣзды «Козы», оставивъ послѣ себя зеленое фосфорическое облако, чрезвычайно красивое: оно было сначала прямо и тонко, но потомъ начало разширяться и походило на змѣю, которая распускаетъ и собираетъ свои кольца; потомъ видѣлся уже только легкій свѣтлый паръ. Метеоръ былъ увлеченъ къ востоку, въ направленіи противоположномъ быстрому его паденію. Полагали что это произошло отъ дѣйствія вѣтра, который дулъ тогда въ эту сторону.

Профессоръ Olmsted приводитъ слѣдующіе примѣры метеоровъ третьяго рода. Въ Полендѣ, въ штатѣ Огайо, замѣтили въ сѣверовосточной части неба свѣтлое тѣло, которое было видимо болѣе часу. Оно казалось чрезвычайно блестящимъ и имѣло видъ серпа, «примѣрно футовъ въ двадцать длиною и въ осмнадцать дюймовъ шириною». Оно постепенно приближалось къ горизонту и наконецъ исчезло. Близъ Шагарскаго водопада видѣли, почти на самомъ зенитѣ, яркое квадратное тѣло, весьма большаго размѣра: оно простояло нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, испуская широкіе снопы свѣтлыхъ лучей. Въ Чарлзтонѣ метеоръ необыкновенной формы быстро пролетѣлъ по небу и вскорѣ лопнулъ съ трескомъ, похожимъ на пушечный выстрѣлъ.

Всѣ видѣвшіе это явленіе, утверждаютъ, что лучевой центръ, или то мѣсто, изъ котораго вылетали всѣ метеоры, находилось насупротивъ созвѣздія Льва. Въ *New Haven's*, оно казалось противъ рукоятки Серпа, небольшой группы звѣздъ находящейся на самой груди Льва, нѣсколько на западъ отъ звѣзды *гамма* этого созвѣздія. Наблюдатели находившіеся въ большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, относятъ эту точку всѣ къ одному созвѣздію, но къ разнымъ мѣстамъ его, что происходитъ отъ различнаго положенія ихъ странъ. Это называется «паралаксомъ», или измѣненіемъ угла, подъ которымъ одинъ и тотъ же предметъ видѣнъ смотрящему на него съ разныхъ точекъ.

Профессоръ Olmsted замѣтилъ весьма важное обстоятельство, подтвержденное впоследствии показаніями всѣхъ дру-
впередъ писать — въ *New Haven's*, «во избѣжаніе всякаго могущаго случиться недоразумѣнія.»

гихъ наблюдателей, именно, что лучевой центръ, точка, изъ котораго вылетали метеоры, во все продолженіе явленія, то есть, всю ночь съ 12 на 13 ноября, оставался на одномъ мѣствѣ, противъ однихъ и тѣхъ же неподвижныхъ звѣздъ. Заключение, которое выводится изъ этого, весьма просто: очевидно, что центръ метеоровъ не обращался вмѣстѣ съ землею отъ запада къ востоку, но напротивъ того слѣдоваль кажущемуся обращенію неподвижныхъ звѣздъ отъ востока къ западу: это доказываетъ, что метеорное облако было совершенно чуждо землѣ, что оно находилось за предѣлами нашего воздуха и нисколько не подвергалось дѣйствию обращенія земнаго шара на своей оси. По свидѣтельству почти всѣхъ очевидцевъ, дождь свѣтистыхъ метеоровъ не сопровождался ни какимъ шумомъ. Нѣкоторымъ слышались свистъ и легкіе взрывы, но прочіе зрители вообще ничего, или почти ничего не слышали. Достоверно также, хотя и весьма странно, что въ Соединенныхъ Штатахъ нигдѣ не нашли на землѣ ни камней, ни металлической пыли, словомъ ни какого вещества, которое бы доказывало, что эти метеоры въ паденіи своемъ достигали до земли. Но во всѣхъ штатахъ замѣчено внезапное измѣненіе температуры отъ жара къ холоду. Впрочемъ пѣтъ достаточнаго повода непременно усматривать соотношеніе между столь обыкновеннымъ обстоятельствомъ, каково перемена погоды, и появленіемъ этихъ метеоровъ.

«Что касается до теоріи этого страннаго явленія, присо-вокупляетъ профессоръ Olmsted, то прежде всего надобно сознаться, что центръ, или источникъ огней дѣйствительно находился внѣ предѣловъ нашей атмосферы, и что онъ необходимо лежалъ въ областяхъ внѣшняго пространства. Въ тѣла, зависящія отъ земли, въ томъ числѣ и окружающая его атмосфера, обращаются вмѣстѣ съ нею къ востоку; напротивъ того метеорный центръ несомнѣнно поинновался, подобно звѣздамъ, обыкновенному суточному движенію неба; онъ не слѣдовалъ круговращенію земли и, слѣдственно, находился гораздо выше земной атмосферы.»

Удостоверившись въ справедливости этого замѣчанія, надобно было опредѣлять истинную высоту центра метеоровъ; или, другими словами, найти какъ высоко надъ землею и ея

атмосферою находилось это метеорное облако. Само собою разумъется, что рѣшеніе такой задачи было бы чрезвычайно любопытно. Ясно, что, если бы метеорное облако было въ недалекомъ разстояніи отъ земли, оно бы должно имѣть довольно замѣтный паралаксъ, то есть, зрители, отдаленные одинъ отъ другаго, видѣли бы его каждый противъ другаго созвѣздія и относили къ различнымъ мѣстамъ на небѣ. Если бы напримѣръ, наблюдатель Бостонскій замѣтилъ, что метеорный центръ находится противъ такой-то звѣзды; другой наблюдатель въ Южной Каролинѣ, видѣлъ бы его далеко къ сѣверу отъ этой звѣзды; третій, въ Огайо, далеко къ востоку. Опредѣливъ угловыми величинами всѣ эти разницы и зная разстояніа между наблюдателями, не мудрено вычислить настоящую высоту явленія. Точно такимъ же способомъ измѣряютъ высоту обыкновенныхъ облаковъ, и всякаго недосягаемаго предмета.

Всѣ подобныя наблюденія Американскихъ ученыхъ, сравненныя профессоромъ Olmsted'омъ показываютъ, что средняя высота метеорнаго центра была около трехъ тысячъ трехъ сотъ пятидесяти верстъ надъ землею. Но, принимая въ соображеніе ошибки, неизбежныя въ этого рода измѣреніяхъ, сдѣланныхъ на-скоро и безъ приготовленія, можно полагать, что лучевая точка, изъ которой «лучились» всѣ эти падающія звѣзды, находилась дѣйствительно не ближе какъ въ *четыре тысячи верстахъ* отъ поверхности земнаго шара. Г. Olmsted думаетъ, что въ ночь съ 12 на 13 ноября 1833 года огромное облако или купа легкихъ тѣлъ, явившихся въ видѣ падающихъ звѣздъ, стояло, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ четырехъ тысячахъ верстахъ отъ земли, и что земное притяженіе отделило отъ него множество изъ этихъ тѣлъ, которыя и устремились на нашъ шаръ, однако не лучеобразно, но параллельными линіями. Весьма замысловатый чертежъ воздушной перспективы, составленный Г. Olmsted'омъ, удостовѣряетъ, что параллельное стремленіе метеоровъ, падавшихъ съ облака на поверхность Соединенныхъ Штатовъ, должно было отсвѣчиваться отъ вогнутаго свода неба въ видѣ лучей, исходящихъ изъ общаго центра, изъ котораго, по-видимому, всѣ метеоры должны были вылетать, описывая блестящія дуги. Мы не можемъ здѣсь описать этой фигуры, дѣ-

вольно сложной. Но, назначивъ приблизительно такую высоту метеорному облаку, необходимо допустить, что эти легкія тѣла отдѣлились отъ него и достигши до земной атмосферы, проникли въ нее и здѣсь уже загарались. Не трудно вычислить скорость, которую наконецъ пріобрѣтаетъ тѣло, падающее съ высоты въ три тысячи триста пятьдесятъ верстъ (2,238 миль) прежде чѣмъ оно достигнетъ до ощутительной границы нашего воздуха, которая находится почти въ семидесяти пяти верстахъ отъ поверхности земли: эта скорость должна составлять около шести верстъ въ секунду, — что составляетъ въ десять разъ болѣе противъ скорости ядра, вылетающаго изъ пушки (двѣ тысячи футовъ въ первую секунду) и въ двадцать разъ противъ скорости звука (тысяча футовъ въ секунду). Съ такою силою, отдѣлившись отъ своего облака, влетали метеоры въ земную атмосферу! Г. Olmsted говоритъ, что этотъ чрезмѣрно быстрый полетъ необходимо долженъ былъ сильно давить воздухъ, встречаемый метеорами, и что отъ такого давленія должны были происходить сильный жаръ, свѣтъ, и слѣдственно возгараніе падающихъ тѣлъ. Онъ думаетъ, что составъ ихъ былъ весьма легокъ и чрезвычайно неплотенъ, потому что въ прогнвномъ случаѣ, ихъ не остановилъ бы въ быстромъ паденіи одинъ воздухъ. «Если бы масса вещества, изъ котораго состоятъ эти падающія звѣзды, была значительна, говоритъ профессоръ Olmsted, онъ, конечно пріобрѣли бы силу паденія, достаточную для того чтобы достигнуть до самой поверхности земли, и причинили бъ страшныя опустошенія.» Дѣйствіе ихъ было бы, конечно еще разрушительнѣе, если бы какъ другой Сѣверо-Американскій физикъ, Г. Twining, доказываетъ вычисленіями, метеоры 13 ноября падали съ быстротою, состоящею изъ собственной ихъ скорости и изъ скорости земли, приближавшейся къ облаку силою своего годичнаго обращенія: тогда быстрота ихъ паденія должна равняться двадцати верстамъ (14 милямъ) въ секунду.

Сѣверо-Американскіе наблюдатели старались также рѣшить занимательный вопросъ о дѣйствительной величинѣ падающихъ звѣздъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ тѣлъ, издававшихъ такой блескъ въ ночь 13 ноября, были весьма значительнаго размѣра. Какъ скоро настоящее разстояніе

тѣла и его угловой діаметръ известны, опредѣленіе его величій не представляетъ ни какого затрудненія. Къ несчастію, отдаленіе этихъ метеоровъ отъ земли остается нѣсколько сомнительнымъ, а угловыхъ размѣровъ снять было невозможно. Однако жъ нашли возможность получить результаты по-крайней-мѣрѣ приблизительныя. Докторъ Smith, въ Сѣверной Каролинѣ, и многіе другіе наблюдатели въ другихъ мѣстахъ, замѣтили одинъ метеоръ, который казался величиною съ луну. Основываясь на этой данной, Г. Olmsted говоритъ, что если метеоръ былъ только во ста сорока верстахъ отъ земли, то истинный его діаметръ долженъ составлять не менѣе четырехъ верстѣ. По собраннымъ наблюденіямъ видно, что метеоры были бѣльшею частію очень велики, и хотя нельзя съ точностью опредѣлить ихъ объема, однако многіе изъ нихъ имѣли не менѣе двѣнадцати или пятнадцати верстѣ въ діаметрѣ. Весьма вѣроятно, что радіусъ метеора, который, по словамъ доктора Smith'a, казался величиною съ луну, заключалъ въ себѣ до двадцати верстѣ и болѣе, и что слѣдственно масса его представляла по меньшей мѣрѣ отъ 14,000 до 15,000 кубическихъ верстѣ. Нѣкогда Halley, а въ наше время докторъ Ольберсъ приписывали нѣкоторымъ метеорамъ размѣръ несравненно значительнѣйшій.

Всего труднѣе объяснить въ метеорахъ 1833 года то обстоятельство, что они были такъ близко отъ земли, проникли даже въ ея атмосферу и потомъ совершенно исчезли, не достигнувъ до почвы. Въ странахъ, надъ которыми носились огромныя воспламененныя тѣла, не нашли ни воздушныхъ камней, ни металлической пыли. Ни Американскіе, ни Европейскіе физики не растолкутъ, отчего эти метеоры, вступая въ область земной атмосферы и съ шумомъ въ ней возгораясь, послѣ того останавливались какъ-бы удерживаемые волшебною силою въ своемъ паденіи. Г. Olmsted полагаетъ, но мы не вѣримъ этой причинѣ, что какъ всѣ эти небо-родныя тѣла, *organic bodies*, по существу своему чрезвычайно легки и стремились съ ужасною быстротою, то сдвоенныя ими слои воздуха, черезъ которые они пролетали, поставили имъ наконецъ такое сопротивленіе, что они были удержаны и, такъ сказать, оттолкнуты столбами атмосферы. «ди

это время центръ, изъ котораго они выходили, казался на одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Теперь, если бы эта купа падающихъ звѣздъ не была одарена точно такимъ же родомъ движенія въ пространствѣ какъ и самая земля, очевидно, что эти два тѣла черезъ одну минуту очутились бы весьма далеко одинъ отъ другаго. Земля пробѣгаетъ по своей орбитѣ 1,717 верстъ въ минуту; слѣдственно въ восемь часовъ она пролодитъ около 830,000 верстъ; а какъ земнымъ зрителямъ весьма долго казалось, что метеорное облако остается все на одномъ мѣстѣ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что оно летѣло въ томъ же направленіи и съ тою же скоростію, какъ и земной шаръ. Профессоръ Olmsted приводитъ еще одно замѣчательное обстоятельство, -- что къ утру 13 ноября центръ, изъ котораго падалъ метеорическій дождь, не только оставался попрежнему противъ созвѣздія *Лѣва*, но даже, съ весьма незначительною разностью, сохранилъ то же самое направленіе, въ какомъ земля стремилась по своей орбитѣ. Другими словами, центръ земнаго шара находился противъ центра метеорнаго облака, какъ-будто оба они стремились къ одному пункту по линіи, проходящей черезъ ихъ центры. По земля проходитъ 1,717 верстъ въ минуту, и въ двѣ минуты совершаетъ болѣе 3,400 верстъ: слѣдственно оба встрѣтились бы непременно въ теченіе третьей минуты, если не принять что купа метеоровъ двигалась параллельно къ землѣ и съ такою же скоростью какъ и она. «Если бы пути и скорости ихъ не были совершенно одинаковы, говорить профессоръ Olmsted, очевидно, что, пока явленіе продолжалось, земля въ одну минуту или бы опередила облако или отъ него отстала, или само облако удалилось бы отъ нея. Такимъ образомъ надобно допустить, что во все это время оба тѣла сопровождали другъ друга и шли совершенно ровно.»

Пересматривая всѣ факты, представленные этимъ необыкновеннымъ феноменомъ, профессоръ Olmsted выводитъ три слѣдующія чрезвычайно любопытныя предложенія, которыя, если бы они были доказаны, составили бы эпоху въ наукѣ небесной Физики:

1. Тѣло, собраніе тѣлъ, изъ котораго выстали свѣтлыя метеоры 13 ноября, двигалось вокругъ солнца рядомъ съ землею.

II. Это тѣло совершаетъ свое теченіе въ овальной орбитѣ, весьма мало наклоненной къ орбитѣ, по которой движется земля; и точка самаго большаго разстоянія этого тѣла, или тучи тѣль, отъ солнца, то есть, точка ея афелии лежитъ близъ орбиты земли.

III. Это тѣло, или купа тѣль, совершаетъ теченіе свое вокругъ солнца въ шесть мѣсяцевъ.

Последнее положеніе заставляетъ думать, что облако падающихъ звѣздъ совершаетъ въ годъ два полныхъ оборота около солнца и что оно должно подходить къ землѣ черезъ каждыя полгода такъ, что мы могли бъ видѣть его огненные шары въ началѣ апрѣля и ноября. Г. Араго, въ инструкціи офицерамъ фрегата *La Bonite*, говоритъ объ одномъ только ноябрьскомъ періодическомъ паденіи метеоровъ. Но профессоръ *Olmsted* приводитъ многіе примѣры весеннихъ этого рода явленій. Впрочемъ, не смотря на замысловатость теоріи Американскаго астронома, нѣтъ еще ничего рѣшеннаго; собранные факты еще не довольно многочисленны. Мы приводимъ мнѣнія Г. *Olmsted*'а только длитого чтобы познать чигателей съ феноменомъ, безусловно самымъ любопытнымъ, какой только представлялся наблюденію человека. Выводы его еще не могутъ быть внесены въ науку, какъ истинны положительныя, но между-тѣмъ они столько умны и вѣроятны, что астрономы и естествоиспытатели должны обратитъ на нихъ вниманіе и тщательно замѣчать свѣтлые метеоры, которые будутъ появляться въ началѣ апрѣля, и особенно 12 и 13 ноября въ созвѣздіи Льва. О періодическомъ паденіи метеоровъ, въ правильности котораго такъ важно было бы удостовѣриться, собрано уже довольно большое число достовѣрныхъ извѣстій. Просматривая Хладневъ каталогъ аэролитовъ и падающихъ звѣздъ, перепечатанный и пополненный въ *Annuaire du Bureau des Longitudes* на 1836 годъ, мы находимъ въ самомъ дѣлѣ, что съ самой древности и до нашихъ временъ эти явленія были замѣчаемы весною и осенью чаще чѣмъ во все другія времена года. «Капли, падающіе съ неба, огни, пролетающіе по высшимъ областямъ воздуха, дожди землянистой или мегалиической пыли, появляются обыкновенно въ мартъ и маѣ, въ ноябрѣ и октябрѣ. Это конечно можетъ служить доказательствомъ пе-

рiодическаго дважды въ годъ возвращенiя большаго метеорнаго облака, о которомъ говорятъ Г. Olmsted. Все заставляетъ думать, что безпредѣльные пространства, въ которыхъ плаваютъ, какъ атомы, планеты и даже наше солнце, наполнены еще миллионами другихъ, несравненно меньшихъ атомовъ, — тѣхъ невидимыхъ различной степени плотности, которыя текутъ во всѣхъ направленiяхъ съ неизмовѣрною быстротою: и вѣроятно, по причинѣ малаго размѣра этихъ тѣхъ, мы видимъ только тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ подлѣ самой земли или попадаютъ въ ея атмосферу. Но вотъ одно замѣчанiе, котораго нельзя не сдѣлать Г. Olmsted'у и его рецензенту. Если метеорное облако, обращаясь въ своей орбитѣ около солнца, два раза въ годъ подходитъ къ землѣ и высыпаетъ на нее изъ себя цѣлый арсеналъ огненныхъ шаровъ, то съ сотворенiя мiра по первое октября 1836 года это облако, какъ бы оно ни было набито плотно маленькими небесными тѣлами, уже истощилось бы совершенно. При такой разорительной издержкѣ, нѣтъ для него спасенiя, какъ только прибѣгнуть къ предположенiю, что перiодическiе уроны тѣхъ постоянно вознаграждаются новыми тѣлами, образующимися въ недрахъ его, и что это фабрика, въ вѣчномъ дѣйстви, метеоровъ и падающихъ звѣздъ для земли.

Заклучимъ словами Г. Olmsted'a. «Оканчивая этотъ опытъ, нельзя не сказать еще о томъ, съ какою благой предусмотрительностью Творецъ мiровъ предохраняетъ нашу землю отъ разрушительныхъ послѣдствiй, которыя могли бы произвегти подобные огненные дожди. Если бы метеоры были нѣсколько плотнѣе, они достигали бы до самой земли; если бы они могли продолжать свой путь еще три секунды, они тоже достигали бы до земли, и тогда невозможно описать всѣхъ бѣдствiй, какiя произвело бы паденiе на нашу почву тѣхъ столь огромныхъ и одаренныхъ столь сильнымъ жаромъ. Половина материка была бы погребена въ собственныхъ своихъ развалинахъ!»

=

ОТКРЫТИЕ

САНХОНИАТОНОВОЙ ИСТОРИИ ФИНИКІЯНЪ

ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ ФИЛОНА БИВЛОССКАГО *.

«Одна изъ самыхъ чувствительныхъ и совершенно невознаградимыхъ потерь древней Исторіи, говоритъ ученый Нееген, есть утрата твореній, касающихся до государственнаго устройства, предпріятій и трудовъ Финикійцевъ. Чѣмъ болѣе этотъ народъ имѣлъ вліянія на развитіе человѣчества своими изобрѣтеніями, основаніемъ многочисленныхъ колоній и огромною торговлею, тѣмъ горестнѣе пустота, оставленная въ лѣтописяхъ рода человѣческаго потерей этихъ сочиненій.» И между-тѣмъ, несмотря на совершенный недостатокъ оригинальныхъ документовъ, почтенный Гегтпягенскій профессоръ, не имѣя другаго пособія, кромѣ нѣсколькихъ данныхъ, разсѣянныхъ въ Библии и въ писателяхъ Греческихъ и Латинскихъ, по руководимый глубокимъ познаніемъ жизни древнихъ народовъ, достигъ до того, что познакомилъ насъ съ политическимъ состояніемъ, государственнымъ устройствомъ, колоніями Финикійянъ, и путями, которымъ слѣдовала ихъ обширная торговля. Но сколько

* Читателямъ Б. для Ч. уже извѣстно объ этомъ знаменитомъ открытіи: всѣ журналы говорили объ немъ съ восторгомъ въ началѣ нынѣшняго года; потомъ все замолкло, и ничего не было слышно о рукописи Санхониатона, найденной, какъ сказывали, въ одномъ Португальскомъ монастырѣ. Но вотъ она снова взволновала историческій и антикварскій міръ, и теперь это такое ученое событіе, котораго подробностей нельзя не знать любителю наукъ историческихъ. Мы сообщаемъ здѣсь записку извѣстнаго Французскаго археолога, господина Lebas, которая хорошо объясняетъ состояніе вопроса.

разъ сожалѣть онъ въ своей книгѣ о томъ, что не имѣеть подъ глазами исторій Діоса и Мевандра Эфесскаго, изъ которыхъ Іосифъ сохранилъ намъ нѣсколько отрывковъ, и особенно Санхоніаттоновой исторіи Финикійцевъ, откуда Евсевій, въ своемъ «Евангелическомъ Приготовленіи», заимствовала длинныя отрывки, къ несчастію, содержащіе въ себѣ только космогоническую часть творенія. Знаменитый историкъ съ живѣйшею радостью прочиталъ извѣстіе, напечатанное съ полгода назадъ во всѣхъ газетахъ, что въ одномъ монастырѣ въ Португаліи нашли рукопись Санхоніаттоновыхъ книгъ, переведенныхъ съ Финикійскаго на Греческій Филономъ Библиоскимъ. Эту радость раздѣляли съ нимъ всѣ любители древности: но уныніе скоро заступило мѣсто надежды, потому что за первымъ объявленіемъ, не послѣдовало ни какого извѣстія ни о состояніи и содержаніи этой рукописи, ни о ея будущемъ издателѣ.

Наконецъ это прискорбное молчаніе прервано: недавно появилась брошюрка, о которой объявлено, какъ о предвѣстницѣ Греческаго текста. Она издана Г. *Hahn*'омъ въ Ганноверѣ, подъ заглавіемъ: «Разборъ первоначальной Санхоніаттоновой исторіи Финикійцевъ, составленный по вновь открытой рукописи полного Филонова перевода», съ примѣчаніями Фридриха Вагенфельда, снимкомъ рукописи и предисловіемъ доктора Гротенсанда, директора Ганноверскаго Лицея, уже давно известнаго въ ученномъ свѣтѣ важными разысканіями о гвоздеобразной грамотѣ и разборомъ Персеполитскихъ и Ликійскихъ надписей.

Мы обыкновенно встрѣчамъ подобнаго рода новости съ недоверчивостью и подозрѣніемъ, не смѣя вѣрить такому счастью. Но здѣсь сомнѣніе не могло имѣть мѣста. Одно имя Гротенсанда достаточно, чтобы внушить полное довѣріе ученому свѣту и убѣдить каждого, что рукопись дѣйствительно открыта. что она существуетъ, что этотъ «Разборъ» сдѣланъ по Филонову переводу Санхоніаттоновыхъ книгъ, что наконецъ приводимыя выписки изъ подлинника вѣрны. Впрочемъ выписки сами себя оправдываютъ: повѣствованіе носитъ на себѣ печать глубокой древности; оно совершенно таково, какаго можно было ожидать отъ Санхоніаттона, писателя жившаго за шестьсотъ лѣтъ до Рождества Христова. Читатели сами удостовѣ-

рятся въ этомъ изъ отрывковъ, которые мы сейчасъ приведемъ изъ любопытной брошюры Г. Вагенфельда.

Начнемъ съ мистической исторіи Меликерта, или Мелькарта, Тирскаго Геркулеса (кн. II, гл. 9 — 15).

«Этотъ мнѣ, говоритъ «Разборъ», рассказанъ весьма подробно по священнымъ пѣснямъ, которыя Санхоніатонъ слышалъ въ молодости своей въ Тирѣ, и которыхъ чудесный смыслъ долженъ былъ произвести живѣйшее впечатлѣніе надъ умомъ его. Идея мнѣа состоитъ въ томъ, что до божественнаго сана нельзя возвыситься иначе, какъ стремясь сквозь опасности къ цѣлямъ великимъ и благороднымъ и преодолевая всѣ преграды. Меликертъ предполагаетъ себѣ цѣль отдаленную, на другомъ берегу бурнаго моря, на концѣ земли; и эта цѣль достойна неба: тотъ, кто достигнетъ ея достоинъ божества. Меликертъ, дѣйствительно, изъ Тира, приходитъ въ Тартесу и открываетъ нынѣшнюю Испанію. Такой подвигъ, въ тѣ вѣка младенчества, былъ конечно важнѣе чѣмъ Колумбово открытіе Америки для врсменъ новѣйшихъ; и если Колумба пожаловали въ вице-короли, въ тѣ баснословные годы нельзя было сдѣлать для Меликерта менѣе какъ произвестъ его въ боги. Удивленные современники воздвигаютъ ему храмы и алтари, и призываютъ его наравнѣ съ Кроносомъ и другими богами. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ мнѣа содержитъ въ себѣ много историческихъ воспомнаній, какъ напримѣръ свѣдѣніе о томъ, что Испанія изобилуетъ драгоценными металлами.

«Авторъ сначала рассказываетъ намъ любовное приключеніе молодаго Меликерта и трагической конецъ этой исторіи. Сыновья Демароона, Меликертъ и Исроасъ, совершивъ походъ противъ гигантовъ, и, раздѣляя отнятую у непріятеля добычу, поссорились за Денсону (Изобиліе, *Еврейск.*), юную дѣву горъ, когорою овладѣлъ Исроасъ. Меликертъ предлагаетъ предоставить ей выборъ между ими; Исроасъ соглашается, и Денсона избираетъ Меликерта, потому что онъ былъ также прекрасенъ, какъ Исроасъ (*Ишъ роа*, Мужъ злости, *Евр.*) безобразенъ.

«Тогда Меликертъ воспѣваетъ супругу свою въ пѣсняхъ, которыя сохранились до врсменъ Санхоніатона и были рас-

убиваемы въ праздникъ этого героя. Но Исроась пришелъ похитить Дейсону силою и осадилъ башню Меликерта. Напрасно тотъ увѣщевалъ его. «Коршунъ убиваетъ коршуна и кедръ горный, падая, подавляетъ своего брата. Но зачѣмъ ты хочешь брани, зачѣмъ ты начинаешь войну противъ брата? Ты знаешь мое мужество: я бы не желалъ встрѣтиться съ тобою въ битвѣ. Развѣ мы, о братъ мой, не два потока, извергающіеся изъ одной рывины? Зачѣмъ ищешь ты битвы со мною, Исроась?» Исроась, увидѣвъ, что не можетъ овладѣть дѣвою, пронзилъ ее стрѣлою издали, чтобы и братъ его также не могъ обладать ею. Меликертъ прибѣгаетъ и находитъ ее мертвою. Онъ три дня ее оплакивалъ, и потомъ потребовалъ отъ Кабировъ кораблей, на которыхъ, предводительствуя многочисленными товарищами, отплылъ въ Киттіонъ (Кипръ): тамъ жители вели тогда войну съ горцами. Съ помощію Меликерта, Киттійцы одерживаютъ побѣду и, въ награду за это, хотятъ сдѣлать героя царемъ своимъ. Но онъ отправляется на берегъ, лежащій противъ Киттіона, гдѣ жилъ братъ отца его, Юросъ. Описание свиданія Меликерта со слѣпымъ старикомъ, весьма трогательно.

«Тамъ онъ останавливается на нѣсколько времени, потому что море бурно и вѣтры дуютъ съ яростью. Юросъ, чувствуя приближеніе своей кончины, благословляетъ Меликерта по древнему обычаю Востока, совѣтуетъ ему продолжать свое путешествіе и предсказываетъ будущее: «Ты возторжествуешь надъ моремъ неизвѣстнымъ, и, первый изъ смертныхъ, увидишь край земли. Ты сдѣлаешься столь великимъ, что Кроносъ и другіе боги будутъ считать тебя равнымъ себѣ.»

«Юросъ умеръ; Меликертъ похоронилъ его и плакалъ объ немъ три дня. На четвертый день онъ встаетъ, очищается, садится съ товарищами на корабль, и продолжаетъ путешествіе. Но яростная буря долго посила ихъ по морю. Наконецъ они вошли въ бухту, въ которой было много мелей, и они претерпѣли кораблекрушеніе; нѣсколько человекъ изъ экипажа погибло. Остальные спаслись и достигли до берега.

«Сначала они хотѣли было построить себѣ на этомъ берегу новый корабль, но принуждены были отказаться отъ намѣ-

ренія, потому что не нашли въ той землѣ строеваго лѣсу и что, притомъ, плаваніе было въ тѣхъ мѣстахъ весьма опасно, по причинѣ множества мелей и подводныхъ камней. Они рѣшились идти по берегу, пока не найдутъ безопаснаго порта и строевыхъ матеріаловъ.

«Это кораблекрушеніе, по всей вѣроятности, случилось на сѣверо-западномъ берегу Италиі, потому что страна, въ которую потомъ путешественники приходятъ, называется «Эрсифонією», слово, которое, судя по сходству Финикійскаго языка съ Еврейскимъ должно значить — земля сѣверная, *эрицъ цифонъ*. Они поселились тутъ у подошвы одной горы, которую назвали Либаномъ (*лебанонъ*, снѣжныя горы, *Евр.*). Изъ сравненія этого мѣста съ другими выходитъ, что подъ именемъ Эрсифоніи надобно разумѣть берега Лигуріи, а подъ названіемъ Либана, Альпы. Тутъ была также дорога, ведущая за горы, вдоль морскаго берега. Меликертъ, узнавъ, что эта гора почитается священной и что на ней живутъ боги, послалъ товарищей своихъ впередъ по дорогѣ, а самъ взошелъ на гору помолиться и принести жертву. Въ этой легендѣ нельзя не узнать священнаго преданія, которое Финикійцы очевидно заимствовали у Евреевъ, исказили и приписали Меликέρту: такъ точно народъ Израильскій остается въ долинѣ, а Моисей одинъ всходитъ на вершину горы, чтобы тамъ вступить въ сношеніе съ Еговою. Есть еще и другое сходство между обѣими преданіями, осличающее явное подражаніе Библии: Меликертъ, также какъ и Моисей, остается на горѣ сорокъ дней. Финикійскій герой живетъ тамъ въ близкихъ сношеніяхъ съ богами; потомъ сходить къ своимъ товарищамъ, которые, между-тѣмъ, на берегу большой рѣки, построили корабль. Эта рѣка не можетъ быть другая кромѣ Роны, потому что Меликертъ шелъ пять дней къ западу, пока встрѣтилъ своихъ товарищей.

«Здѣсь авторъ сообщаетъ разныя подробности о священной горѣ. Меликертъ одинъ изъ смертныхъ могъ взобраться на эту крутую и неприступную вершину, потому что, говоря уже объ ужасахъ дикой природы, подобное предпріятіе представляло трудности, которыя могли бы остановить самаго отважнаго. Въ болотахъ и озерахъ, окружающихъ гору, жили огромные драконы, которые обвивали

своими кольцами и пожирала всякаго, кто на приближался къ этимъ заповѣднымъ мѣстамъ, а въ сосѣднихъ лѣсахъ являлись посреди деревьевъ страшныя иривидѣнія. Середина горы одѣта туманами и облаками. Выше облаковъ является высочайшая вершина, покрытая вѣчными снѣгами. Тамъ находится жилище боговъ, недоступное смертнымъ.

«Меликертъ пустился въ море на своемъ новомъ кораблѣ, и присталъ къ острову, на которомъ были многочисленныя стада быковъ. Онъ желалъ имѣть нѣсколько штукъ скота, потому что былъ въ большой нуждѣ. Но скупой и негостеприимный Обибакросъ (*Абибакаръ*, отецъ скота, *Евр.*), которому принадлежали эти стада, не захотѣлъ исполнить его просьбы, и Меликертъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ насилию и прогнать его. Между-тѣмъ, товарищи спокойно увели столько скота сколько имъ было нужно, и осыпали насмѣшками Обибакроса, который издали, выражалъ свою ярость ужаснѣйшими ругательствами.

«Безполезно было бы обращать вниманіе читателя на совершенное сходство этого преданія съ тѣмъ, которое существовало у Грековъ, о похищеніи Геріоновыхъ быковъ Геркулесомъ. Последнее очевидно родилось у Финикияны, и Греки только украсили его и приписали своему Геркулесу. Юстинъ говоритъ даже, что Геркулесъ былъ родомъ изъ Азій. Что касается до мѣста дѣйствія, то оно одинаково у Грековъ и у Финикияны; тѣ и другіе помѣщаютъ его на Балларскихъ островахъ. Такимъ образомъ Меликертъ уже почти достигъ до береговъ Испаніи.

«Отправившись отсюда, онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе на берегахъ сосѣдняго острова, покрытаго лѣсами. Какъ Меликертъ былъ боленъ, то никто безъ него не смѣлъ итти на охоту въ эти густыя чащи, потому что всѣ были утрачены ужасными звуками, которые въ нихъ слышались и походили на ревъ страшнаго льва. Товарищи смѣлаго мореплавателя принуждены были питаться рыбою и раковинами, которыхъ въ этомъ портѣ было весьма много.

«При видѣ страха своихъ людей, Меликертъ почувствовалъ, что геройскій духъ его воспламеняется: никто не хотѣлъ ему соизувѣствовать, и онъ, не смотря на свою болѣзнь,

рѣшился проникнуть одинъ въ глубину лѣса. Вскорѣ замѣтилъ онъ, въ самой густой чащѣ, спящую женщину, красоты удивительной. Шумъ шаговъ героя разбудилъ ее, и она приказала ему приблизиться. Онъ повиновался; но, о чудо! ноги этой женщины оканчиваются змѣинымъ хвостомъ. Меликертъ идетъ неустрашимо выслушать ея приказанія. Женщина объявляетъ, что она одна изъ служительницъ *Лелтаны*, царицы змѣй (*ливилтанъ*, излучистый, *Евр.*), и проситъ его слѣдовать за нею. Меликертъ соглашается и идетъ къ пещерѣ царицы, окруженной прислужницами, которыя всѣ были подобны ей. Царица сказала ему, что она изгнана изъ своихъ владѣній Масисабасомъ, который удерживаетъ ее въ этихъ мѣстахъ своими волхвованіями. «Но, прибавила она, я избрала тебя въ мои мстителн, потому что, какъ я вижу, ты человекъ неустрашимый. Иди; ты найдешь его въ Тартессѣ, на краю свѣта, и убивъ моего врага, овладеешь, въ награду себѣ, большими сокровищами, которыя хранятся въ его жилищѣ.» Сказавъ это, она дала ему ящичекъ, въ которомъ былъ смертельный ядъ. Онъ долженъ былъ омотать стрѣлы свои въ этомъ ядѣ, и поразить имъ врага на смерть. Тогда Меликертъ спѣшилъ къ берегу, и рассказываетъ товарищамъ чудеса, которыхъ былъ свидѣтелемъ.

«Товарищи его дивятся разсказу и идутъ починять корабль. Нѣсколько дней плывутъ они къ западу и наконецъ открываютъ землю. Они тотчасъ вышли на берегъ и примѣтили внутри страны Тартессъ, крѣпость, которая, по описанію Лелтаны, могла быть жилищемъ Месисабаса. Месисабасъ, увидѣвши издали корабль, приближающійся къ берегамъ, не сталъ дожидаться нападенія чужеземцемъ, и самъ побѣжалъ на берегъ вступить съ ними въ сраженіе. Онъ былъ огромнаго росту, цѣлою головою выше Меликерта; блестящее его оружіе, удивительная сила, все дѣлало побѣду весьма невѣрною для Финикійскаго героя. Неожиданный случай сдѣлалъ положеніе Меликерта еще болѣе затруднительнымъ: въ ту минуту, какъ онъ шелъ противъ непріятеля, лукъ его, слишкомъ туго натянутый, переломился и онъ не могъ воспользоваться имомъ, который дала Лелтана. Преданіе, конечно, прибавило этотъ эпизодъ для того чтобы показать, какъ герой, одною своею силою, безъ

всякаго посторонняго пособія, можетъ совершитьъ всѣ предпріятія.

«Въ этой крайности, Меликертъ схватываетъ дротикъ и бросаетъ его въ непріятеля съ такою силою, что пронзаетъ его насквозь и даже прикалываетъ къ ближайшему дереву. Победа — въ рукахъ Меликерта; онъ подходитъ къ Месисабасу и отрубаетъ ему голову.

«Тутъ начинается исчисленіе сокровищъ, найденныхъ побѣдителемъ въ завосванной крѣпости; они состояли изъ большаго количества золота и огромныхъ грудъ серебра. При вѣсти объ этомъ знаменитомъ подвигѣ, жители окрестныхъ странъ сбѣжались, чтобы поклониться герою и изъявить ему свою признательность. Они также принесли ему въ подарокъ огромное количество драгоценныхъ металловъ. Меликертъ узналъ отъ нихъ, что недалеко отсюда море оканчивается, и тамъ есть проливъ (Гибралтарскій), который ведетъ въ океанъ. Онъ тотчасъ снова садится на корабль и, слѣдуя по указанному направленію, въ тотъ же день достигаетъ до пролива. Но какъ было уже поздно, то онъ рѣшился не сходить на берегъ до слѣдующаго дня. Прибрежные жители, увидѣвъ привѣщенную къ корму голову Месисабаса, котораго они догрозъ почитали непобѣдимымъ, начали воспѣвать неустрашимость Меликерта и приняли его съ радостью.

«Такимъ образомъ Меликертъ достигъ цѣли, къ которой долго стремился. «Онъ первый увидѣлъ предѣлы земли. Онъ «прежде всѣхъ Сидонцевъ и Тирянъ проникъ до пустынныхъ равнинъ океана. Онъ получилъ за это обѣщанную награду. Жителямъ, людямъ грубымъ и дикимъ, все въ «этихъ пришельцахъ казалось изумительнымъ, — ихъ корабль, ихъ отдѣліе, ихъ утвари. Они пытались зѣтриною и «рыбною ловлею и хотя имѣли суда, однако весьма малыя и «неискусно построенныя. Они не носили платьевъ и одѣвались кожами звѣрей, потому что не умѣли ткать и не «знали никакого другаго ремесла. Всѣ ихъ утвари были чрезвычайно просты и неуклюжи. У пришельцевъ, напротивъ, «были большой корабль, прекрасныя одежды, изящныя «утвари. По этимъ причинамъ, и особенно по великимъ под-

вигаемъ, которыя Меликертъ совершилъ, они признали его богомъ. Сопутниковъ его они также почитали богами, но богами низшими.

«Потомъ Санхоніатонъ рассказываетъ какъ Меликертъ воздвигъ два столба, какъ онъ царствовалъ и какъ сдѣлалъ богомъ. На томъ и другомъ берегу пролива были горы: на вершинѣ ихъ онъ поставилъ по одному столбу. «Эти столбы «видны и понынѣ, говоритъ Санхоніатонъ, и заимствовали имя свое отъ Меликерта.» Всякому извѣстно, что въ разсказахъ о своемъ Геркулесѣ Греки присвоили себѣ эту экспедицію: во времена несравненно позднѣйшія, когда они осмѣлились тоже проникнуть въ эти страны, древніе столбы Меликерта давно уже были разрушены и исчезли, и Греки придумали сказку, будто Геркулесъ, въ память своихъ подвиговъ, воздвигъ у пролива двѣ горы, Гибралтаръ и Сеуту, которыя съ тѣхъ поръ и стали называть «Геркулесовыми Столбами».

«Меликертъ поселился въ этой странѣ и старался сообщить жителямъ восточную образованность. Прежде всего онъ построилъ крѣпость и городъ. Признательные Гартесіянцы соорудили ему въ городѣ и въ окрестныхъ странахъ храмы, въ которыхъ изображеніе его, изъ чистаго серебра, было предметомъ теплаго богопочитанія. Наконецъ, онъ однажды отправился безъ провожатыхъ на охоту, и уже не приходилъ и никто не могъ найти ни тѣла ни могилы его, потому что, по мнѣнію древняго Востока, могила людей, которые подобно Меликерту, были въ сообщеніи съ богами, всегда оставалась неизвѣстною. Послѣ того, какъ онъ исчезъ, тѣ изъ его товарищей, которые были въ живыхъ, рѣшились сообщить отечеству плоды своей экспедиціи, и избрали для этого людей не женатыхъ, такъ какъ иныя вступили въ бракъ съ туземными дѣвками. Послѣ многихъ трудовъ и опасностей, посланные прибыли въ Сирію и на томъ самомъ мѣстѣ, откуда отправились, соорудили храмъ Меликерту. «Этотъ храмъ еще и понынѣ видѣнъ въ древнемъ городѣ «Тирійцевъ.» И самый городъ Тиръ впоследствии построенъ былъ на этомъ же мѣстѣ.

«Въ послѣдней главѣ этой книги, авторъ описываетъ статуи этого бога и празднества, которыя давали въ честь его,

на кануть своего отъезда, тѣ, которые отправлялись въ Гартессу.»

Надобно сознаться, что нѣтъ ничего любопытнѣе и протѣе этого описанія открытія Испаніи, — Перу древнихъ, славившейся своими металлами до временъ Римской имперіи; ничего правдоподобнѣе этого истолкованія занимательнаго символа успѣховъ мореплаванія и торговли Финикіянъ. Не менѣе истинны и въ описаніи экспедиція, отправленной для открытія Тирскимъ царемъ Юрамомъ, или Гиравомъ, современникомъ Соломона, и достигшей до острова Цейлана. Рѣчь идетъ въ этой выпискѣ изъ Санхониятоновыхъ книгъ о трехъ Еѳіоплянахъ, — трехъ Индійскихъ фокусникахъ, которые долгое время жили при дворѣ царя Сидонскаго. Г. Гротендъ полагаетъ, что подъ именемъ Еѳіоплянъ надобно разумѣть уроженцевъ Цейлана.

«Еѳіопляне сказали Юраму, что на югъ есть также обширныя и богатыя страны; что въ нихъ много народу; что произведенія земли тамъ разнообразны и замѣчательны, и состоятъ изъ золота, серебра, жемчугу, драгоценныхъ камней, чернаго дерева, слоновой кости, обезьянъ, попугавъ, павлиновъ, и прочая; что всѣ эти произведенія находятся въ самомъ отдаленномъ херсонесѣ, на востокъ, тамъ, гдѣ солнце выходитъ изъ моря.

«Тогда Юрамъ отправилъ посольство къ Натамбалосу, царю Вавилонскому и велѣлъ сказать ему: Я слышу, что земля Еѳіоплянъ пространна и многолюдна, и что изъ Вавилона туда доѣхать легко, а изъ Тира нельзя. Если ты согласишься дать моимъ людямъ нужныя для этого корабли, я приплюну тебѣ сто пурпурныхъ мантий.» Царь сначала согласился; но потомъ не сдержалъ своего обѣщанія, когда Еѳіопскіе купцы, находившіеся въ Вавилонѣ по дѣламъ торговли, объявили ему, что всѣ они уйдутъ, если онъ дастъ Тирянамъ корабли свои.

«Тогда Юрамъ предложилъ царю Іудеевъ, Иреніусу (Саломону), что поставитъ ему весь лѣсъ, нужный для постройки новаго дворца, если онъ согласится уступить ему гавань на Еѳіопскомъ морѣ и Иреніусъ отдастъ ему городъ и портъ Эйлоту (Елаѣ).

«Хотя по близости гавани росли обширные пальмовые леса, но какъ корабельнаго леса тамъ не было, то Юрамъ принужденъ былъ отправить туда нужный лесъ на осьми тысячахъ верблюдахъ. Тамъ построили флотъ въ десять кораблей и начальство надъ нимъ поручено было Кедару, Яинну и Котилосу. Ланкапатосъ*, одинъ изъ трехъ Египтянъ, оставшійся въ живыхъ, пожелалъ увидѣть снова свое отечество, и отправился съ ними. Флотъ пошелъ въ путь.

«Они скоро прошли море Эйлотское (Черное), но буря помѣшала путешественникамъ переплыть проливъ, черезъ который следовало вступить въ открытое море. Они рѣшились выйти на одинъ островъ, и переждать дурную погоду. Во время пребыванія на этомъ островѣ, они посѣяли въ удобномъ мѣстѣ пшеницу и собрали богатую жатву. Потомъ, прошедши проливъ, направили путь къ востоку и вскорѣ послѣ отъѣзда своего изъ Аравіи встрѣтили Вавилонскіе корабли, которые возвращались изъ Египта въ свое отечество.

«На слѣдующій день Финикійцы увидѣли Египетскую землю, бесплодную и пещаную по берегу, внутри наполненную горами. Десять дней шли они вдоль этого негостеприимнаго берега, направляясь всё къ востоку, и достигли наконецъ до того мѣста, гдѣ берегъ, покрытый многочисленными городами, идетъ безконечно къ югу. Египтяне также имѣли корабли и занимались мореходствомъ; но корабли ихъ не были вооружены, и они не знали парусовъ. Тиряне продолжали путь еще тридцать шесть дней, пока не достигли до острова Рахіоса.

«Они вышли на берегъ весьма низкій, покрытый огромными деревьями. Ночью бурный вѣтеръ удалялъ ихъ отъ земли, и они подвергались большимъ опасностямъ, пока не нашли удобнаго якорнаго мѣста. Во внутренности страны видѣлись многочисленныя весьма населенныя деревни, и когда Финикійцы проникли туда, они были окружены туземцами, которые сбѣжались во множествѣ и отвели ихъ къ

* Ланкапати, по-Санскритски, значитъ — владѣтель Ланки, Цейлона.

правителю области. Правитель цѣлыя семь дней съ пышностью угощалъ ихъ. Между-тѣмъ онъ послалъ гонца къ царю той страны, чтобы донести ему о прибытіи иностранцевъ и испросить повелѣнія. На седьмой день гонецъ возвратился, и на слѣдующее утро правитель повелъ Тириянъ къ царю, который жилъ въ большомъ и многолюдномъ городѣ Рохапатта, во внутренности острова.

«Шестіе открывалось отрядомъ дорифоровъ (копьеносцевъ), которыхъ царь прислалъ, чтобы сопровождать чужестранцевъ и отгонять звономъ оружія слоновъ, которыхъ въ той странѣ весьма много и которые весьма опасны для путешественниковъ. За этимъ отрядомъ шли Тирияне: предводители ихъ, Кедаръ, Котилось и Яминъ, сидѣли на носилкахъ. Потомъ, деревенскіе жители, которые несли подарки для своего государя. Наконецъ, правитель, окруженный своєю стражею, верхомъ на слонѣ. На пути, они прибыли на берега рѣки, гдѣ во множествѣ водились крокодилы, которые и пожрали одного изъ провожатыхъ.

«По прошествіи трехъ дней, они увидѣли передъ собою Рохапатту, окруженную высокими горами. Когда они приблизились къ городу, безчисленное множество людей явилось къ нимъ на встрѣчу, одни на слонахъ, другіе на ослахъ, иныя въ носилкахъ; но большая часть пѣшкомъ.

«Тамъ, встрѣтилъ ихъ паредворецъ, и повелъ въ обширный и пышный замокъ. Онъ затворилъ за собою дверь, чтобы толпа любопытныхъ не вошла за чужеземцами и ихъ провожатыми; и представилъ ихъ царю Рахіосу, который сидѣлъ на драгоценномъ коврѣ. Тирияне поднесли ему свои подарки, состоявшіе изъ коней, пурпурныхъ ткапей и съдалицъ изъ кедроваго дерева. Царь, со своей стороны приказалъ имъ дать жеззугу, золота, двѣ тысячи слоновыхъ клыковъ, и большое количество корпцы. Потомъ онъ предложилъ имъ гостить у него тридцать дней.

«Нѣсколько человекъ Тириянъ умерли на островѣ, одни отъ болѣзни, другіе, пораженные богами. Одинъ Тириянинъ, собравъ козьяго помету, провелъ въ песокъ черты и пригласилъ одного изъ товарищей, который былъ близко, играть съ нимъ. Тотъ началъ искать верблюжьяго помету,

но не нашель, потому что верблюдовъ на томъ островѣ не водятся, и онъ замѣнилъ верблюжій коровиный пометомъ, который разрезалъ на куски; потомъ онъ сталъ противъ своего товарища, положилъ куски въ проведенныя въ песокъ черты, и игра началась. Жрецъ, проходившій мимо, приказалъ имъ оставить эту игру, потому что коровиный пометъ считается священнымъ въ той землѣ. Но Тириане поспѣялись надъ его требованіемъ, и продолжали игру. Жрецъ удалился, но чрезъ нѣсколько времени игроки упали замертво, къ великому ужасу присутствующихъ. Одинъ изъ умершихъ былъ Еврей и родился въ Иерусалимѣ.

«Большой островъ Рахіоса окруженъ со всехъ сторонъ моремъ, исключая только сѣверной части, гдѣ онъ сообщается посредствомъ перешейка съ противоположнымъ материкомъ. Баауть, слѣды стоиць котораго еще доселѣ видны на горахъ, создалъ этотъ островъ изъ первороднаго ила. Отъ Бааута происходитъ и великій царь*. Этотъ островъ шириною въ шесть дней ходьбы, а длиною болѣе двѣнадцати. Произведенія его разнообразны и драгоценны. Море съ изобиліемъ доставляетъ прибрежнымъ жителямъ вкусную рыбу, а въ горахъ водятся много дичи. Корица тамъ весьма сильна, а слоны — самые большіе какіе только бывають. Въ рѣчкахъ находятъ золото и дорогія каменья, а на берегу моря жемчугъ.

«Четыре царя владѣють этою страной; но они повинуются великому царю, и платятъ дань корницею, слонами, жемчугомъ и каменьями. Они не даютъ ему золота, потому что у него золота много.

«Владѣнія перваго царя находятся на югѣ, въ той части острова, гдѣ водятся слоны и гдѣ ихъ ловятъ во множествѣ;

* Нѣкоторые полагаютъ, что имя Баауть употреблено здѣсь для означенія Будды и основывали на этомъ сомнѣнія въ подлинности разсказа. Но, во-первыхъ, еще не доказано, чтобы Буддическая религія существовала на островѣ Цейланѣ въ десятомъ вѣкѣ до Р. Х. а во-вторыхъ съ чего взяли, что Баауть значитъ — Будда. Баауть есть имя, которое Финикіяне давали Хаосу. Находить слѣды божества въ мѣстахъ неприступныхъ есть религіозная идея, общая всемъ народамъ. Впрочемъ эти мнимые слѣды Бааута называются у Цейланскихъ магометанъ «Адамовыми стопами».

морсго на западѣ, гдѣ собираютъ коринцу: въ этой-то странѣ Тиріане вышли на берегъ; государство третьяго царя лежитъ на сѣверѣ, гдѣ добываютъ въ большомъ количествѣ жемчугъ. Во всю ширину перешейка построена стѣна для защиты острова отъ набѣговъ варваровъ твердой земли. Наконецъ владѣнія четвертаго царя на востокѣ и тамъ-то находятся въ изобиліи драгоценныя каменья. Все четверо — братья великому царю Рохапаттскому, котораго званіе всегда возлагается на старшаго брата.

У этого великаго царя есть тысяча бурныхъ слоновъ, которые весьма обыкновенны въ той странѣ, и пять бѣлыхъ, которые здѣсь чрезвычайно рѣдки, а въ другихъ странахъ и не попадаются. Когда охотникамъ случится поймать бѣлаго слона, они тотчасъ приводятъ его къ царю Рохапаттскому, потому что, по законамъ, никто кромѣ его, имѣть подобныхъ не можетъ.

Крокодилы также весьма обыкновенны въ той землѣ, но жители убиваютъ ихъ въ болотахъ кольями. Тиріане были очевидцами этого рода охоты днѣй черезъ десять по прибытіи въ Рохапатту. Впрочемъ, крокодилы суть не одни опасныя животныя, которыя живутъ тамъ въ мѣстахъ уединенныхъ. Мухи такъ многочисленны и такъ падки на кровь, что царскіе гонцы, которые, для большей скорости, припуждены проходить черезъ большіе лѣса, часто бываютъ съѣдаемы ими.»

Юрамъ, по возвращеніи кораблей, приказалъ вырѣзать все эти подробности на колоннѣ, которая по его повелѣнію, была воздвигнута на паперти храма Меликертова. «Правда, что эта колонна опрокинута землетрясеніемъ, бывшимъ годъ «тому назадъ», говоритъ Санхоніатонъ, но она не разбилась, и надпись на ней легко можно прочесть.

Я долженъ сказать здѣсь, что одинъ ученый индологъ, которому я сообщилъ этотъ отрывокъ, не нашелъ въ немъ ничего такого, чтобы не было согласно съ дѣломъ. Мы приведемъ еще часть осьмой книги, которая содержитъ въ себѣ любопытное исчисленіе военныхъ силъ Тира и списокъ странъ, посѣщаемыхъ его кораблями.

КНИГА ОСЬМАЯ.

ПЕРИКЛЪ ИОРАМА.

I. СОЧИНЕНІЕ ПЕРИКЛА. (Глав. 1 — 2).

«Это есть перикль (описание морской экспедиціи), который царь Тирскій Иорамъ повелѣлъ Иоараму, жрецу Меликерта, составить и вырѣзать на колонѣ, воздвигнутой въ предверіи храма этого бога. Царь повелѣлъ писцу Сидику снять съ перикла четыре списка для отсылки къ жителямъ Сидона, Бибиоса, Арадоса и Берита.» (Но почти всѣ эти списки утрачены и, самая колонна опрокинулась. Одинъ только списокъ сохранился въ храмѣ Баалатисы въ Библосѣ, и Санхоніатонъ приводитъ подлинныя слова его, какъ они писаны тѣми письменами. Начало было слѣдующее:

«Иорамъ, сынъ Бартофаса, царь Тирскій призвалъ къ себѣ Иоарамъ, Маднесова сына, около времени собиранія первыхъ винныхъ ягодъ, и сказалъ ему: «Возьми твою книгу и составь списокъ всѣмъ государствамъ, всѣмъ островамъ, всѣмъ варварскимъ землямъ, и покажи ихъ сплы и сколько у нихъ триремъ, кораблей, и колесницъ, потому что наши триремы, плывя къ острову Рахиоса, достигли до восточныхъ предѣловъ земли, такъ, что мы теперь знаемъ страны самыя отдаленныя и ихъ жителей, и знаемъ то, чего отцы наши не знали, хотя они и плавали къ островамъ и къ западу, но не знали восточныхъ странъ, которыя нынче намъ извѣстны. Напиши все это, чтобы передать память о томъ сынамъ нашимъ». Когда царь сказалъ эти слова, я палъ ницъ и удалился, чтобы составить это писаніе.»

§ II. ВЛАДѢНІЯ ТИРЯНЪ НА ТВЕРДОЙ ЗЕМЛѢ. (Гл. 3—8).

I. тиръ и сидонъ. (Гл. 3 — 4).

Подобно тому какъ царь Тирянъ есть могущественнѣйшій изъ всѣхъ царей, такъ и городъ Тиръ есть величайшій и богатѣйшій изъ всѣхъ городовъ. Въ немъ изобрѣтены ремесла и искусства. И дѣйствительно въ той землѣ товарищи Усуса, первые построили корабль, чтобы избѣжать преслѣдованія Ипсураніоса; и жители той земли первые предались земледѣлю и другимъ трудамъ.

«Войско царя состоитъ изъ шестидесяти тысячъ воиновъ, ста триремъ и безчисленнаго множества перевозныхъ судовъ. Онъ имѣетъ сверхъ-того тысячу копьеносцевъ, покрытыхъ золотыми бронею и восемьдесятъ военныхъ колесницъ. Храмъ Меликерта и весь городъ построены товарищами этого бога, по возвращеніи ихъ изъ Тартесса. Въ окрестностяхъ Тира лежатъ города Hysoga, Maene, Silyphe, Bethobarkas, который называется также Bethataba, и Ramase.

«Городъ Сидонянъ также весьма богатъ. Сухопутныя его силы состоятъ изъ ста тысячъ воиновъ, тысячи копьеносцевъ и двадцати колесницъ; морскія силы изъ шестидесяти триремъ. Къ землѣ Сидонянъ принадлежатъ города Monychos, Jauphe, Моуга, Dibon, мѣстопребываніе дѣтей царя, Nebra и Soate.»

II. Библосъ, Арадусъ, Беритъ. (Гл. 5—7).

«Войско Библосцевъ состоитъ изъ двадцати тысячъ воиновъ, двухъ тысячъ копьеносцевъ и двадцати колесницъ. Сверхъ-того у нихъ есть восемьдесятъ галеръ. Въ ихъ городѣ находятся храмы Кроноса, которымъ городъ основанъ, Баальтисы и другихъ боговъ. По близости Библоса лежатъ города Asmania, Jasude, Nebite, и Nebra, отличная отъ Небры Сидонянъ.

«Арадяне имѣютъ войско въ восемь тысячъ человекъ, болѣе тысячи копьеносцевъ, пять сотъ стрѣлковъ, двадцать военныхъ колесницъ и пятьдесятъ триремъ. На ихъ землѣ стоятъ города Arbose, Kasauron, Иуппа, Delibas и Asyrotia. Между Делибасомъ и Итинною, находятся misybata, прорицательные камни, воздвигнутые богомъ Ураносомъ*.

«Беритяне могутъ выставить до десяти тысячъ воиновъ, тысячу копьеносцевъ и сорокъ военныхъ колесницъ. Флотъ ихъ состоитъ изъ тридцати галеръ. Городъ построенъ Эліуномъ, который далъ ему имя жены своей Бериты. Всего удивительнѣе тамъ храмы Понта и Астарты. Города, населенные Беритянами, суть Arbe, Isbas, Sydrobal, и Bethastaroth. На дорогѣ въ Библосъ, близъ города Сидробала, находятся

* По-Еврейски *матсебетъ*.

развалины башни Египтянъ, которые, подъ предводительствомъ Пасургоса, пытались покорить эту страну. Два Адрамотъ * побѣдила ихъ и разрушила ихъ пристанище.

Ш. горы. (Гл. 8).

Силы жителей горъ простираются до тридцати двухъ тысячъ человекъ, въ томъ числѣ двухъ тысячъ стрѣлковъ. У нихъ нѣтъ ни городовъ, ни кораблей, ни военныхъ колесницъ; они живутъ во многочисленныхъ деревняхъ. У нихъ, въ деревняхъ Гобора, Ориксъ и Гадра, находятся бетаи, тоже прорицательница, учрежденныя Ураносомъ. Знаменитѣйшіе лежатъ на горѣ Зетуносъ, покрытой маслинами. и на дорогѣ, ведущей съ горъ въ Тиръ. На противоположащей горѣ находится деревня Момигура, въ которой есть крепость съ валами и ратниками.»

§ III. Изчисленіе силъ Тира. (Гл. 9).

«Эти города, деревни, горы, состоятъ все подъ властію Юрама, и когда государь готовится къ войнѣ, онъ собираетъ въ Тиръ все воинскія силы, именно шесть сотъ восемь тысячъ воиновъ, сто восемьдесятъ колесницъ, шесть тысячъ копьеносцевъ, двѣ тысячи пять сотъ стрѣлковъ и триста осмнадцать триремъ. Если война должна происходить на морѣ, жители острововъ и колоній присылаютъ ему положенное число воинскихъ силъ, которыя составляютъ семьдесятъ тысячъ воиновъ, двѣ тысячи восемь сотъ стрѣлковъ, и триста осмнадцать перевозныхъ судовъ.

§ IV. Владѣнія Тирянъ за моремъ. (Гл. 10—14).

«Первый изъ острововъ есть Китіонъ, (Кипръ). Онъ плодороденъ и хорошо населенъ. Во внутреннихъ частяхъ острова живутъ варвары, безбожные и грубые, которые по нравамъ и языку походятъ на гигантовъ горы Ливана. По берегамъ, богатымъ гаванями, лежатъ города, деревни и крепости, построенныя нашими предками. Городъ Китіонъ, построенный Демаорономъ, имѣетъ войско въ десять тысячъ человекъ, шестьдесятъ галеръ и пять сотъ стрѣ-

* Въ другомъ мѣстѣ Филовъ придаетъ имени Адрамотъ Греческую форму, Адрамуса.

ковъ; но тамъ нѣтъ колесницъ, потому что употребленіе колесницъ на островахъ неизвѣстно. Въ той же землѣ находятся города Lydapa и Gola, и множество деревень. На томъ же островѣ стоитъ городъ Masuda*, который основанъ Сидоняномъ Бималомъ, и можетъ выставить четыре тысячи человекъ и двадцать галеръ. Близъ этого города, на вершинѣ горы, воздвигнуть въ честь Кроносу большой жертвенникъ, который всегда сіяя сильнымъ блескомъ, можетъ быть видимъ плавателями въ дождливое время.

«Плывъ къ западу, встречаемъ островъ Родосцевъ, который въ случаѣ нужды можетъ выставить три тысячи человекъ и десять кораблей. Сидоняне, во времена весьма отдаленныя, основали тамъ городъ; но безплодіе почвы заставило жителей удалиться, и съ тѣхъ поръ они живутъ по разнымъ деревнямъ.

«Противоположный берегъ весьма плодороденъ и населенъ. Тамъ находятся три поселенія Сидонянъ, одно Арадянъ и четыре Тирянъ. Имена Сидонскихъ городовъ суть Machira, Suphâ, Zoaga; поселеніе Арадянъ носитъ названіе Sale, а Тирійскія колоніи суть Ozyne, Bethomalkrot, Masaba и Kasra. Жители Махиры имѣютъ армию въ пять тысячъ человекъ и двадцать кораблей. Жители Суфы могутъ вооружить двѣ тысячи человекъ и десять кораблей. Жители Зоары тысячу человекъ и десять кораблей. Саяне съ своей стороны имѣютъ тысячу пять сотъ воиновъ и флотъ въ восемь кораблей. Наконецъ, Озиняне выставляютъ двѣ тысячи человекъ; граждане Бетомалькрота тысячу двѣсти; Масабы пять сотъ, Касры восемь сотъ. Всѣ четыре города вмѣстѣ имѣютъ пятнадцать кораблей.

«Махирияне, Суфияне и Озиняне часто плаваютъ къ островамъ и проливамъ, лежащимъ на югъ, сражаться съ варварами тѣхъ странъ, которые занимаются морскими разбоями и имѣютъ корабли, подобные нашимъ.

Островъ Кератось (Критъ) довольно обширенъ. Сидоняне построили тамъ городъ Матизу, а Тиряне поселеніе, называемое Мапристоръ, потому что Тиряне имѣютъ тамъ

* Г. Гротендъ находитъ въ словѣ Masuda слѣды имени города Amathouse (Amathus).

портъ *. Матиза доставляетъ три тысячи воиновъ, пятнадцать кораблей и сто срълковъ, Мапристоръ четыреста человекъ и шесть кораблей. Въ горахъ живутъ Кераты, которые нынѣ покорены, но некогда были страшны на морѣ и основали поселенія на землѣ Газской.

«Гадира, городъ богатый и населенный, есть колонія Матизсанъ. Тамъ есть храмъ Астарты, окруженный стѣнами, отъ чего городъ и получилъ названіе, потому что *гадира* значитъ — стѣна **. Городъ имѣетъ семь тысячъ воиновъ, двѣсти стрѣлковъ, и флотъ въ тридцать галеръ. На противоположномъ берегу Гадиране заселили много деревень и замковъ.

«Плыва на западъ отъ этого острова, при попутномъ вѣтрѣ приходишь въ четыре дня къ острову Мазауриса (Сициліи), также весьма населенному. Тириане и Сидоняне населяютъ тамъ шесть городовъ, — Nasbos, Melikertion, Jitron, Malkuba, Orhala и MogaBa, и многія деревни. Эти колоніи выставляютъ одиннадцать тысячъ человекъ и флотъ въ тридцать восемь кораблей.

«Изъ Морабы въ одинъ день достигаешь до Mylite (Мальта, по мнѣнію Г. Гротесенда), гдѣ нѣтъ города, а только деревни. Островъ выставляетъ двѣ тысячи воиновъ и можетъ вооружить пятнадцать кораблей. Онъ покрытъ жертвенниками, воздвигнутыми Астартъ Милетской.

«Оттуда недалеко до Marhile, колоніи (на Африканскомъ берегу), заселенной Арадянами, Библиянами и другими. Въ древнѣйшія времена тамъ были пять колоній, которыя потомъ опустошены дикими туземцами; жители этихъ пяти городовъ собрались въ этомъ мѣстѣ и построили городъ. Военныя силы ихъ состояли изъ четырехъ тысячъ воиновъ и тридцати шести кораблей. Это поселеніе находится въ странѣ Тенга, странѣ обширной, но весьма пустой, потому что въ ней мало воды и солнце слишкомъ палитъ ее.

Плыва на сѣверъ отъ Мазаурисы, приходишь въ Эрсифонію, гдѣ находятся четыре колоніи, которыхъ войско про-

* По-Еврейски Мифраць Торъ значитъ — портъ Тира.

** Г. Гротесендъ, въ предисловіи къ брошюрѣ Г. Вагенфельда, говоритъ что Гадира — то же что Кнеера (Цитера).

стирается до двѣнадцати тысячъ человекъ, а флотъ до двадцати пяти кораблей. Эта важная воинская сила существовать съ тѣхъ поръ, какъ во время войны съ Тартессіянами, Сидоняне прислали туда подкрѣпленіе. Туземцевъ опасаться нечего, потому что они не многочисленны и весьма мирны. Въ этой странѣ лежатъ гора Либнасъ, посвященная Меликерту, который оставилъ на ней слѣды ногъ своихъ.

«Близъ Эрсифоніи находятся острова Китонъ и Gadyla (Корсика и Сардинія), раздѣленные проливомъ, на которомъ стоитъ небольшой городъ. Оттуда въ десять дней поспѣваютъ въ Тартессу, черезъ пустой островъ Лелтаны и острова Обибакроса.

«Теперь, если собрать всѣ морскія и сухопутныя силы царя Юрама, выйдетъ, что армія его состоитъ изъ двадцати пяти тысячъ воиновъ, различнымъ образомъ вооруженныхъ, а флотъ изъ шести сотъ сорока трехъ кораблей. Сверхъ-того онъ имѣетъ сто восемьдесятъ военныхъ колесницъ, и несметныя сокровища; потому что въ военное время города посылаютъ ему вспомогательныя войска, а въ мирное платятъ дань.

§ V. ТАРТЕССА И ИМИРХАКИНЫ (Гл. 15).

Тартессіяне, потомки Меликерта, суть союзники Тирянъ и обитаютъ на западѣ. Государь у нихъ теперь — Науситаносъ, Хароновъ сынъ; онъ весьма могущественъ, и имѣетъ много галеръ и другихъ кораблей. Этотъ народъ населяетъ пять городовъ и много деревень. Земли, лежащія по близости рѣкъ, весьма плодородны; горы заключаютъ въ себѣ богатые золотые и серебряные рудники, особенно въ деревняхъ Ardiabe и Ophile.

«Тартесса лежитъ на проливѣ и на океанѣ. По сѣверному океану плавать нельзя, потому что волны его слишкомъ воздымаются, а по южному потому что берега его пустыньны. Тамъ находится мысъ Tiborsypha. Самыя отдаленныя страны этого океана суть Imyrchakinae, то есть, острова Нугеса, Нугисима, Макауриса и Igydula, которые сначала были весьма населены, но потомъ совершенно опустошены

моровою лзвою. Онѣ находятся на десять дней ходьбы отъ мыса Тиборсифа*.

§ VI. югъ, сѣверъ и востокъ земли. (Гл. 16.)

«Въ соседствѣ съ Тирянами живутъ Кереты, Иудеи, Египтяне, Арабы, Дамаскинцы и Гаматанцы, всё союзники Юрама.

«Въ Египтѣ течетъ Нилъ. Плывъ вверхъ по немъ, въ семь дней достигашь до стѣлицы, въ которой много Еёіопскихъ рабовъ, привезенныхъ изъ полуденныхъ странъ. У нихъ кожа черная, но, по своимъ нравамъ и образу жизни, она очень походитъ на Египтянъ. Еёіопяне обитаютъ въ самыхъ полуденныхъ странахъ земли.

«На сѣверѣ живутъ Арменіанс, Фригійцы и Лидяне; еще сѣвернѣе Гамбры, Амидоны и Титаны. Титаны суть племя полу-дикое и полу-голое; они ѣздятъ въ Мидію за бѣлыми конями, которыхъ считаютъ за боговъ; живутъ около одного большого озера и находятся въ двадцати дняхъ ходьбы отъ Мидовъ.

«Къ востоку живутъ Вавилоняне, Меды и Еёіопяне. Городъ Вавилонянъ великъ и многолюденъ. Мидія содержитъ многочисленныя табуны бѣлыхъ коней. Земля Еёіопянъ песчана и безплодна у береговъ моря, гориста во внутренности страны.

«Самая дальняя къ востоку страна есть херсонесъ Рахіоса куда ходили Юрамовы триремы.»

Выпишемъ еще одну или двѣ національныя пѣсни, приводимыя въ этомъ твореніи. Въ слѣдующей поминальной пѣснѣ Тирянъ, погибшихъ въ Тартессѣ, есть поэзія высокая и образы достойныя лучшихъ памятниковъ древняго Восточнаго гения. Г. Гротендъ особенно восхищается ея красотою.

«Море-ли тебя выбросило на берегъ, какъ блестящую перлу, или ты родился въ небѣ свѣтлою звездою? Земля озаряется твоимъ блескомъ и море отражаетъ красоту твою.

* Это очевидно Канарійскіе Острова: «Имвракины» можно объяснить Еврейскими словами или *рахожизъ* «дальніе острова».

«О царца валовъ! видя, что народъ твой ходитъ по морю, ты радуешься, какъ счастливая мать при взглядѣ на дѣтей своихъ.

«Но вперя взоры въ даль и слезы покатятся по щекамъ твоимъ и оросятъ землю; и море огласится жалобными твоими пѣснями;

«Потому что триремы твои разбиты въ Тартессъ и храбрѣйшіе изъ сыновъ твоихъ повержены мертвые на отдаленномъ берегу и служатъ пищю рыбамъ и хищнымъ птицамъ.»

Не менѣ величія и въ пѣсни царя Гамальскаго, изгнаннаго изъ своихъ владѣній.

«Амиссоъ прогналъ меня изъ города; слуги мои осыпали меня насмѣшками; но я высылку слугъ моихъ и убью Амиссоа.

«Нѣкогда я покоился на Тирской багрянницѣ, а подушка моя была сдѣлана изъ шелку Вавлонскаго.

«Но неужели вы думаете, что я дрожу когда мракъ нпзпадаетъ на рощи, и буря мчится межъ деревьевъ какъ левъ рыкающій?

«Неужели вы думаете, что я пугаюсь при видѣ скалъ, которыя блестятъ подъ лучами луны и блѣдныхъ привидѣній, которыя выходятъ изъ всякой глубы земли?

«Неужели въ своемъ мрачномъ логовищѣ мы не дышимъ мужествомъ? Видали ль вы когда, чтобы вепрь трепеталъ отъ страха? Дикій вепрь безъ страху пробѣгаетъ горныя стремнины и ревъ льва приводитъ въ трепеть враговъ его.»

—

Что жъ вамъ кажется, читая эти превосходныя мѣста, въ которыхъ такъ прекрасно отражается древность трехъ тысячъ лѣтъ? Что думать объ этой драгоценной исторіи? Минификація или подлинный памятникъ Финикійскаго генія? Имя Гротенда, — если только не употребили его во зло, какъ прошлую зимою имя Гершеля, — не позволяетъ и подозревать подлога въ брошюркѣ Г. Вагенфельда. Германія не можетъ счтаться классическою землею такихъ обмановъ, какими обезславли себя Италия и Англія. Подобной мысли

недопускает добросовѣстность, — скажемъ болѣе, — просто-душіе Нѣмцевъ. Въ снимкѣ почерка рукописи видно письмо весьма древнее и притомъ рука не Грека, но уроженца Запада; а человекъ который вздумалъ бы сдѣлать подлогъ, не избралъ бы подобнаго письма, потому что оно могло бы обличить его. Притомъ, мистификаторъ, который пѣлъ бы цѣлю распродажу своей книги, придумалъ бы что-нибудь болѣе романическое и наполнилъ бы свое сочиненіе занимательными эпизодами; трудно изобрѣсть полную исторію народа каковы Финикіяне, потому что на каждомъ шагу можешь выдать себя. А надобно признаться, что въ разборѣ Санхоніатона и выпискахъ изъ его текста истина и простота разсказа, согласіе съ Библіею, обиліе подробностей, легкость, съ которою собственныя имена объясняются Еврейскимъ языкомъ, — все показываетъ твореніе оригинальное. Наконецъ — и этотъ доводъ довольно силенъ — авторъ относитъ существованіе Санхоніатона къ шестому столѣтію до Р. Х. и, конечно, воспользовался бы случаемъ, чтобы помѣстить въ своей книгѣ полную исторію основанія Карфагена, и особенно описаніе Навуходоносоровой осады Тира: между тѣмъ онъ останавливается за девять сотъ лѣтъ до нашей эры и только указываетъ на Историковъ, которые писали о послѣдующихъ временахъ. Нельзя также извлекать отрицательнаго довода изъ поздняго открытія рукописи, потому что иначе пришлось бы отвергать существованіе Цицероновой «Республики», Гаусовыхъ «Институтовъ», Евсевіевой лѣтописи, разныхъ твореній Лида и такъ далѣе. Притомъ уже не въ первый разъ говорятъ о рукописяхъ твореній Санхоніатона. Беккъ, въ запискѣ о Греческой библіотекѣ Фабриція, утверждаетъ, что во Флоренціи, въ Медицейской Библіотекѣ, есть неизданный отрывокъ изъ этого автора; онъ присовокупляетъ, что третій отрывокъ найденъ на Востоку *Pieresc'омъ*, который свезъ его въ Римъ, патеру Кирхеру, но этотъ отказался издать его. Наконецъ Леонъ Албаціусъ, если я не ошибаюсь, говоритъ гдѣ-то, что онъ собственными глазами видѣлъ рукопись Филона Библосскаго въ одномъ монастырѣ въ окрестностяхъ Рима.

Единственный уважительный доводъ противъ этой брошюрки, состоитъ въ совершенномъ недостаткѣ свѣдѣній о

рукописи, которая, какъ утверждаютъ, открыта на Пирнейскомъ полуостровѣ. Впрочемъ говорятъ, что эта книга хранилась въ Португальскомъ монастырѣ, который разграбленъ во время эскадриіи донъ Педро противъ своего брата, и привезена въ Германію ГанOVERскимъ офицеромъ: если это правда, то очень понятно, почему надатели не хотѣли вѣско называть по имени.

Объ этомъ открытіи уже были многіе совершенно противоположныя, толки. Въ Athenaeum, отъ 23 прошедшаго іюля, сказано, что ученый Гезеніусъ, знаменитѣйшій изъ Германскихъ Евреистовъ, Гезеніусъ, который объщаетъ издать въ скоромъ времени истолкованіе Финикійскихъ надписей, пощаженныхъ временемъ, не сомнѣвается въ подлинности Греческой рукописи, разобранной и описанной Г. Вагенфельдомъ. Правда, что, по словамъ того жъ самаго журнала, Г. Вилькенъ, историкъ крестовыхъ походовъ, отвергаетъ возможность существованія этой рукописи; но, какъ ни уважительно мнѣніе Г. Вилькана, въ подобномъ дѣлѣ отзывъ Гезеніуса заслуживаетъ предпочтеніе. Правда, что въ той же статьѣ Athenaeum'a есть другое, еще сильнѣйшее, показаніе, — будто-бы Г. Гротендъ уже напечаталъ о брошюрѣ Г. Вагенфельда слѣдующее: «Чтобы предупредить напрасный трудъ тѣхъ, которые вздумали бы перевести эту книжку на другіе языки, я долгомъ почитаю, безъ потери времени, объявить публично, что по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, извлеченіе изъ Санхоніатона не что иное какъ вымыселъ. И я объявляю это безъ всякихъ дальнѣйшихъ разысканій, которыя потребовали бы много времени: если бы результатъ ихъ и доказалъ впоследствии неосновательность моего объявленія, оно по-крайней-мѣрѣ послужитъ къ тому, что нынѣ же побудитъ Г. Вагенфельда защищать свою честь, и представить доказательства своей добросовѣстности.»

Какъ! господинъ Гротендъ объявляетъ это? Г. Гротендъ, который писалъ предисловіе къ «книжкѣ» Г. Вагенфельда; который объяснялъ разные мѣста отрывковъ изъ Санхоніатонова творенія; который восхищался его красотами и провозглашалъ важность открытія? Весьма сомнительно,

чтобы Г. Гротендъ сдѣлалъ подобное объясненіе. Тутъ что-нибудь одно: или онъ сдѣлался жертвою немилосердой мистификаціи, или его имя безчестно употребляютъ возло. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, всякой бы на его мѣстѣ, съ его значеніемъ въ ученomъ свѣтѣ, поспѣшилъ подавить виновнаго всею тяжестью своего справедливаго негодованія. Я, признаюсь, думалъ, что если объявленіе, приписываемое *Athenæum* омъ Г. Гротенду, дѣйствительно принадлежать ему, то оно навѣрное переименовано Англійскимъ переводчикомъ, или безъ намѣренія, или по какой-нибудь личности.

Таковы были размышленія, когда я получилъ слѣдующее письмо отъ Г. Гротенда, къ которому обратился съ просьбою разрѣшить мое недоумѣніе.

Ганноверъ, 18 августа, 1836.

«Милостивый государь,

«Вскорѣ послѣ того какъ я рекомендовалъ ученымъ разборъ Греческаго перевода Саихоніатовыхъ книгъ, *будто бы* недавно открытаго, я имѣлъ случай удостовѣриться, что авторъ этого разбора просто меня надуваетъ, и я принужденъ былъ объявить всенародно мои сомнѣнія о подлинности открытія. *Правда, что въ пользу подлинности этого творенія есть такъ много доводовъ, что людямъ самымъ искуснымъ трудно найти какую-либо причину къ сомнѣнію.* Но какъ все, что доселѣ издано объ этомъ предметѣ, показываетъ въ Г. Вагенфельдѣ записнаго мистификатора, и какъ никто еще не видалъ самой рукописи, то нельзя не усомниться въ подлинности, если не всего, *по-крайней-мѣрѣ многихъ подробностей.* Подобнаго обмана тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ молодаго чловѣка, который получалъ въ Бременѣ степень кандидата Богословія и Филологіи, что любовь къ истинѣ есть характеристическая черта Германцевъ. Но къ несчастію, Г. Вагенфельдъ такъ мало любитъ истину, что я принужденъ былъ прекратить всякія сношенія съ нимъ. Сомнѣніе, которое изъявилъ я въ журналахъ, имѣю цѣлію заставить его объясниться и самому узнать отъ него что-нибудь достовѣрное. Слѣдствіемъ ихъ было то, что онъ вступилъ въ переговоры съ Бременскимъ книгопродавцемъ Шюнеманномъ о напечатаніи Греческаго оригинала. Но, къ несчастію, многіе сомнѣваются въ подлинности и этого самаго оригинала, который онъ теперь показываетъ книгопродавцу. И даже допустивъ, что этотъ Греческій текстъ основанъ на древней рукописи, нельзя принимать за наличныя деньги словъ, че-

ловка, который, подобно Г. Вагенфельду признается самъ, что онъ готовъ прибѣгнуть къ лжи, чтобы имѣть удовольствіе подшутить надъ публикою.

«Пріймите, и прочая.

G. F. GROTEFEND.

Изъ этого письма видно, что сомнѣнія совѣсть еще не разсѣяны; но оно доказываетъ, что предисловіе къ брошюркѣ, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно написано Г. Гротендомъ, и что, не зная неблагородныхъ причинъ, по которымъ Г. Вагенфельдъ рѣшился употребить во зло добросовѣстность ученаго и публики, онъ сначала вѣрилъ подлинности открытія. Но не надобно порицать почтеннаго директора ГанOVERскаго Лицея, что онъ вдался въ обманъ, потому что, какъ мы всѣ видали, «Разборъ» Г. Вагенфельда сдѣланъ съ такимъ искусствомъ, съ такою ученостью, что самый опытный глазъ не откроетъ въ немъ подлога. Можно ли полагать, чтобы молодой человекъ, только оставившій университетскія лавки, приобрѣлъ такія познанія, что онъ въ состояніи оживитъ древній народъ въ Исторіи связной и вѣроятной? Какъ подумать, чтобы молодой человекъ, для удовлетворенія странной, непостижимой прихоти, рѣшился съ самаго вступленія на ученое поприще уронить всю свою будущность и навсегда подвергнуться презрѣнію соотечественниковъ? Не только Г. Гротендъ, но и всякій другой ученый, не зная характера Г. Вагенфельда и прочтя брошюру, былъ бы въ восторгѣ отъ его открытія, потому что, повторяю, ничего не можетъ быть вѣроподобнѣе этого разсказа. Гезеніусъ повѣрилъ, и можетъ быть, вѣрять доселѣ, подлинности рукописи. Многіе другіе вѣрили тоже. И надобно подлогу имѣть всѣ признаки истины, чтобы такіе люди, какъ Гезеніусъ и Гротендъ, повѣрили тому, что имъ выдаютъ за исторію Финникійцевъ. Читая мѣста, которыя мы здѣсь выписали и Гротендъ и Гезеніусъ могли быть приведены еъ заблужденіе. Впрочемъ, дѣло еще не приведено въ надлежащую ясность и подлогъ не доказанъ. Г. Гротендъ не перемѣнилъ своихъ мыслей, но вытѣшнія его сомнѣнія происходятъ, кажется, болѣе отъ свѣдѣній собранныхъ о характерѣ Г. Вагенфель-

да, нежели содержанія самой книги. Письмо его не обнаруживает, чтобы тутъ была поддѣлка полная, потому что онъ не отрицаетъ существованія рукописи и думаетъ только, что Г. Вагенфельдъ ее искажилъ. Общаніе издать Греческій текстъ скоро подастъ критикѣ вѣрное оружіе, и если наконецъ придется видѣть въ Г. Вагенфельдѣ только премника Анніа Витербскаго и Лигори, то нельзя будетъ не пожалѣть, что съ такими познаніями, съ такимъ глубокимъ чувствомъ Семитической древности, съ воображеніемъ столь поэтическимъ и плодovitымъ, онъ запятналъ себя обманомъ, который не можетъ повредить тѣмъ, кого онъ обманулъ, а его лишить непретѣвно уваженія всѣхъ людей честныхъ и добросовѣстныхъ.

PH. LEVAS.

Revue des deux Mondes.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О СИСТЕМѢ АРЕНДНАГО СОДЕРЖАНІЯ

ЗЕМЕЛЬ ВЪ АНГЛІИ.

Въ прежніе времена, когда въ Англіи мало понимали искусство земледѣлія и еще меньше умѣли приспособлять его къ дѣлу, земля обрабатывалась въ пользу владѣльцевъ людьми взятыми въ услуженіе, которые, въ вознагражденіе трудовъ и на содержаніе скота и орудій, получали опредѣленную часть произведеній земли. Почти во всей Европѣ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, эта система была обще принятою, но она постепенно измѣнялась, по мѣрѣ того какъ земледѣльцы пріобрѣтали, капиталы а съ ними и возможность брать, у владѣльцевъ, земля въ арендное содержаніе. Прежде плата состояла изъ личной работы наемщиковъ, или фермаровъ, почти такъ же какъ это еще и теперь дѣлается во многихъ частяхъ гористыхъ острововъ Шотландіи; потомъ она была замѣнена положеннымъ помѣстнымъ сборомъ, который выплачивали или зерновымъ хлѣбомъ или другими произведеніями земли, по назначенному количеству съ взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ; наконецъ введены были улучшенія въ земледѣліи, больше явилось наличныхъ денегъ, и начали уже платить за наемъ деньгами. Нынѣ вездѣ вообще слѣдуютъ это-

му способу, который действительно гораздо удобнее и приятнее какъ для владѣльца такъ и для фермара.

Всѣмъ извѣстно, каково было положеніе Британскихъ фермаровъ въ средніе вѣка. Содержатели земель обязаны были слѣдовать на войну за владѣльцами своими, подъ опасніемъ быть выгнанными изъ ихъ помѣстій. До 1449 года, ни одинъ Шотландскій фермаръ не былъ увѣренъ, что можетъ удержать за собой свою ферму, потому что по прибытіи новаго владѣльца въ замокъ, онъ могъ быть изъ нее выгнанъ безъ всякаго суда. Не трудно понять, въ какомъ положеніи было земледѣліе въ то время; надобно однако жъ сдѣлать исключенія, особенно для фермаровъ на земляхъ духовенства: съ ними обходились гораздо милостивѣе нежели съ ихъ собратьями въ помѣстьяхъ свѣтскихъ владѣтелей. Шотландія также, во время своихъ Саксонскихъ королей, находилась сравнительно въ болѣе мирномъ положеніи; земледѣльцы могли оставаться при своихъ домахъ, заниматься своими работами и очень рѣдко принуждены бывали отражать набѣгъ или нападеніе ближняго непріятеля. Этотъ порядокъ вещей измѣнился по смерти Александра III, послѣдняго изъ Саксонскихъ королей Шотландіи. Въ продолженіе семидесяти лѣтъ она была позорищемъ войнъ самыхъ кровавыхъ и жестокихъ, замедлившихъ успѣхи внутренней образованности и причувившихъ народъ къ грабежу и разбоямъ, удаливъ его отъ честной и трудолюбивой жизни. Войны прекратились не прежде вступленія на престолъ фамиліи Стюартовъ, которая возстановила внутреннее спокойствіе. Разные феодальные начальники, враждуя между собой, разоряли и предавали огню и мечу владѣнія другъ друга, а содержатели ихъ земель, принужденные принимать участіе въ этихъ опустошеніяхъ, подвергались въ свою очередь подобнымъ поступкамъ со стороны ихъ противниковъ. Даже и на равнинахъ Шотландіи миръ былъ совершенно возстановленъ не прежде какъ въ концѣ шестнадцатаго вѣка, когда Іоаннъ VI утвердился на престолѣ.

Въ Англіи положеніе дѣлъ было не лучше. До конца пятнадцатаго вѣка, эпохи царствованія Генриха VII, Англичане находились безпрестанно въ войпахъ междоусобныхъ или вѣншихъ. Въ продолженіе этого времени фермары были

увлекаемы на войну своевольствомъ владѣльцевъ и подвергались смерти и грабежамъ. При такихъ обстоятельствахъ земледѣліе, какъ искусство болѣе всѣхъ другихъ страдающее отъ политическихъ смуть, не могло процвѣтать, и люди, посвящавшіе себя ему, не могли улучшить ни своего труда ни своего состоянія. Фермы были небольшого пространства, и оставались вѣроятно такими до-тѣхъ-поръ пока народонаселеніе земледѣльцевъ значительно не умножилось. Введеніе такъ недавно пара въ Шотландіи, въ исходѣ семнадцатаго столѣтія, служитъ сильнымъ доказательствомъ невѣжества и малаго вниманія, съ какою производилось тамъ хозяйство. Только съ восшествіемъ на престолъ нынѣшней династіи, когда всѣ семена внутреннихъ раздоровъ истребились, Англія начала развивать свою великолѣпную систему сельскаго хозяйства, основанную на фермарствѣ, или арендномъ содержаніи земель самими хлебопашцами.

Состояніе, въ какомъ находится арендное содержаніе фермъ въ Англіи, хотя далекъ отъ совершенства, однако жъ можетъ похвастаться превосходнѣйшимъ въ Европѣ.

Причины этого превосходства — большія выгоды въ условіяхъ найма фермъ; достаточное состояніе земледѣльцевъ; употребленіе машинъ и вниманіе, обращаемое на улучшенія въ искусствѣ земледѣлія; образованіе того класса людей, которые посвящаютъ себя сельскому хозяйству; благоразумное соображеніе воздѣлывать въ соразмѣрности зерновые хлѣба и кормовыя травы, что даетъ большую цѣну и тѣмъ и другимъ; и наконецъ увѣренность находить на торгахъ, учрежденныхъ съ большою расчетливостью, сбытъ разнымъ сельскимъ произведеніямъ и обращать ихъ въ наличныя деньги. Каждая изъ этихъ причинъ способствовала улучшенію аренднаго содержанія фермъ съ большою или мѣньшею силою. Первая, четвертая и послѣдняя суть главныя, которыхъ благотворныя дѣйствія вездѣ становятся ощутительными; но другія много завѣсятъ отъ мѣстностей и подвержены измѣненіямъ въ разныхъ округахъ, особенно на стверѣ и югѣ острова. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе причины превосходства аренднаго содержанія фермъ и вліяніе его на улучшеніе земледѣлія въ Великобританіи.

1. Начала, на которыхъ основаны контракты, много способствуютъ къ улучшениямъ земледѣлія. Нѣтъ сомнѣнія, что распространеніе обычая аренднаго содержанія хлѣбопашенныхъ земель способствовало сильнѣйшимъ образомъ къ благосостоянію земледѣлія. Полной свободѣ, данной условіямъ контрактовъ на наемъ земель, должно также приписать многочисленныя и великія улучшения, которыя совершили Англійскіе фермары въ сельскомъ хозяйствѣ и его обстройкѣ. Фермары, зная, что они проживутъ почти всю жизнь на одной землѣ, стараются объ ея улучшеніи для своихъ выгодъ и даже украшаютъ ее какъ свою собственность. Обыкновеніе отдавать фермы на большіе сроки гораздо прежде распространилось въ Шотландіи нежели въ Англии; къ этому случаю можно отнести и превосходство улучшеній, замѣтныхъ съ первымъ изъ этихъ королевствъ. Столѣтъ тому назадъ во многихъ частяхъ Англии земледѣліе уже стояло во всѣхъ отношеніяхъ на высокой степени искусства, благодаря этому обыкновенію, и та же самая причина въ последнее время такъ сильно подвинула Шотландское хозяйство, что нынче оно не уступитъ Англійскому, особенно если принять въ соображеніе мѣстныя обстоятельства. Съ нѣкотораго времени, въ Англии наймы по контракту на долгіе сроки поколебались, и многіе фермары принуждены были положиться на великодушіе владѣльцевъ касательно продолженія найма по истеченіи короткаго срока. Это произвело большую остановку въ улучшенияхъ.

2. Распространеніе богатства по всей Англии имѣетъ сильное вліяніе на успѣхи сельскаго хозяйства. Хотя богатство не есть прямая причина ловкости и искусства земледѣльца, однако безъ него самыя большія познанія, въ приложенія къ дѣлу могутъ быть отчасти безполезны. Англійскій фермаръ вообще, имѣя возможность располагать болѣе значительнымъ капиталомъ нежели фермары другихъ странъ; онъ въ состояніи предпринимать и исполнять большія работы, и не только слѣдовать прежнимъ способамъ, но и испытывать новые.

3. Употребленіе машинъ, еще недовольно общее, и ободреніе, оказываемое изобрѣтеніямъ орудій, способствуютъ къ легкости земледѣльческихъ работъ — обстоятель-

ства очень благоприятны для Британскаго фермара. Молотильныя машины производятъ работу превосходнѣйшую чѣмъ та, которая дѣлается руками человѣческими для той же цѣли; онѣ теперь уже въ повсемѣстномъ употребленіи, и у всѣхъ почти фермаровъ есть машины подсѣвальные. Машины для дробленія, и чтобъ крупно молоть зерна для кормленія лошадей, устроены при всѣхъ почти большихъ фермахъ. Но всеобщее вниманіе, обращаемое на производство другихъ земледѣльческихъ орудій: плуговъ, сохъ, сѣворальниковъ, боронъ, катковъ, конныхъ копытъ, телегъ и тележекъ, распространяетъ неисчислимыя выгоды между Британскими фермарами, и даетъ возможность, каждому земледѣльцу производить всякаго рода сельскія работы совершеннѣйшимъ и выгоднѣйшимъ образомъ. Что касается до этихъ столь необходимыхъ орудій, то можетъ быть нѣтъ земли на свѣтѣ, которая бы представляла художниковъ и механиковъ способнѣйшихъ работать искуснѣе и дешевле какъ Великобританскіе. Напримѣръ, молотильныя машины, построеныя на твердой землѣ, вообще подвержены большой потерѣ силъ, и неспособны, при одинаковой тратѣ, съ одинаковымъ успѣхомъ производить важную работу, — отдѣлять зерна отъ соломы, работу, которая, во все времена и всѣми земледѣльцами, почиталась за самую трудную въ сельскомъ хозяйствѣ. Хорошее расположеніе, вездѣ почти замѣтное въ построеніи зданій фермы, гдѣ земледѣлецъ находитъ покойное жилище не только для себя, но для всѣхъ своихъ работниковъ и для скота, также много привлекаетъ вступать въ званіе фермаровъ въ Великобританіи; когда увидишь ничемъ не огороженую, открытую землю, когда замѣтишь дома фермы и другія строенія для помѣщенія скота, тѣсно и неправильно выстроенныя и расположенныя, можно сказать не болѣе ошибиться, что состояніе земледѣлія въ этой странѣ, не успѣшно. Вообще, въ такомъ случаѣ всегда найдешь очень плохое хозяйство.

4. Большая часть земледѣльцевъ Великобританіи, обрабатывающихъ фермы значительнаго пространства, вообще получили приличное образованіе, посредствомъ котораго умственныя способности ихъ возвысились, напитались желаніемъ улучшить свое званіе, приобрѣли возможность понимать

и усвоивать себѣ полезныя нововведенія, которыя случай открылъ имъ у другихъ. Прежде говорили, что Англійскіе фермеры были люди упрямые, со множествомъ предрасудковъ, враги всякаго рода нововведеній. Этотъ упрекъ могъ быть справедливымъ прежде, а не теперь, потому что нѣтъ класса людей, болѣе расположеннаго убѣждаться выгодами новыхъ дѣлопроизводствъ и употреблять ихъ какъ скоро доказана ихъ полезность.

5. Тѣсная связь между воздѣлываніемъ кормовыхъ травъ и зерновыхъ растений очень была благоприятна для земледѣлія Великобританіи. Ни въ какой странѣ Европы, исключая Фландрію, эта связь не почиталась важнѣе какъ въ Англии, и она можетъ еще болѣе утвердиться тамъ, гдѣ будутъ введены плодосрѣбные ствообороты. Это послѣдуетъ во многихъ округахъ Англии, когда земля будетъ раздѣлена на особыя частныя собственности, и когда старыя пастбища и луга будутъ обращены на пашню. Комитетъ сельскаго хозяйства приступалъ нѣсколько разъ къ предложенію закона, которымъ бы предписано было непремѣнное раздѣленіе земель черезполосныхъ и приходскихъ; но законъ этотъ, касаясь до выгодъ многихъ лицъ, до сихъ-поръ не могъ пройти. Пользы, которыя бы отъ него произстали, такъ многочисленны, что благоразумное законодательство должно бы лучше разсѣчь этотъ узелъ, котораго развязать невозможно, нежели лишать пацію благодѣтельныхъ послѣдствій.

6. Наконецъ удобство и многочисленность рынковъ Великобританіи, на которыхъ фермаръ можетъ имѣть вѣрныи сбытъ разныхъ произведеній, должны почитаться важными причинами, утверждающими превосходство ея земледѣлія. Торговля не можетъ процвѣтать если на произведенія промышленности нѣтъ достаточнаго требованія или, лучше сказать, если требованія не равняются количеству произведеній, предполагаемыхъ въ продажу. На произведенія Англійскаго земледѣлія требованія вообще равняются предложеніямъ и часто ихъ превосходятъ; и фермаръ побуждается этии къ умноженію своихъ продуктовъ, которые онъ можетъ немедленно представить для продажи на рынки и обратить ихъ въ деньги, не опасаясь чтобъ они остались у него на ру-

кахъ, или чтобъ пришлось сбывать ихъ съ большими хлопотами.

Кажется очевиднымъ изъ этого обзора, что Англійскіе фермеры поставлены въ положеніе предпочтительное тому, въ какомъ находятся хлѣбопашцы твердой земли. Иностранцы, посещающіе Англію, часто затрудняются въ открытіи причинъ этого превосходства состоянія фермеровъ, когда сравниваютъ его съ тѣмъ, каково оно въ другихъ странахъ. Всѣ они признаютъ, что въ Великобританскомъ фермеръ замѣтно большее развитіе способностей по его званію; что земля лучше обработана, что она въздѣлывается правильнѣе и съ большимъ познаніемъ законовъ природы, что нивы представляютъ видъ необыкновеннаго благосостоянія и плодородности, что наконецъ состояніе земледѣльца несравненно лучше нежели у нихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознаются что причины поставлющія это различіе между земледѣіемъ Англійи и твердой земли остаются для нихъ непостижимыми. Мы представили, хотя кратко, эти причины.

Въ странахъ, гдѣ званіе фермера составляетъ особый родъ промышленности, и гдѣ земледѣльцы могутъ располагать большимъ капиталомъ, ясно, что фермы должны быть довольно пространными, чтобъ доставить постоянное занятіе и фермеру и всѣмъ его работникамъ. Выгоды отъ расчетливаго распределенія работъ въ мануфактурахъ давно уже очень всѣмъ понятны; но сколько приложеніе этого благоразумнаго правила было бы полезно для земледѣлія, почувствовали еще весьма недавно. Въ прежнія времена тотъ же человѣкъ, который управлялъ плугомъ въ одно время года, дѣйствовалъ серпомъ при жатвѣ и цѣпомъ во время зимы; иногда косилъ на лугахъ траву, а въ другое время копалъ канавы заступомъ, употребляя такимъ образомъ силы свои для разныхъ работъ, между-тѣмъ какъ лошади его бесполезно стояли въ хлѣвѣ или отыскивали тощій кормъ на выгонахъ. Таковъ былъ тогда земледѣлецъ, и только недавно работы его начали благоразумно распределяться. Нынѣ на фермѣ каждый имѣетъ свой родъ опредѣленной работы, и при хорошо устроенномъ хозяйствѣ всякій работникъ употребляется для одного чего-нибудь: это даетъ навѣкъ исполнять разныя работы съ меньшимъ трудомъ и большею точностью.

Фермарь, предполагающій нанять ферму или назначить ей оброчную плату, долженъ при этомъ случаѣ призвать на помощь все свое искусство и ловкость. Ему должно обратить равное вниманіе на выгоды и на невыгоды фермы, и сообразить ихъ съ платою требуемою владѣльцемъ.

Фермарь долженъ чрезвычайно остерегаться брать ферму, для которой нужно больше капитала нежели какимъ онъ располагаетъ. Иногда Англійскіе фермары стараются достать пространство земли, несоответственное съ ихъ денежными средствами. Вѣрнымъ послѣдствіемъ этого бываетъ плохая система хозяйства. Приличное употребленіе веществъ поправляющихъ почву, извести, рыхляку, и прочая, если пѣтъ на это готовыхъ денегъ, будетъ невозможно. Въ сосѣдствѣ городовъ земледѣлецъ, легко бы могъ достать себѣ разныхъ туковъ и за сходную цѣну: но какъ это сдѣлать, не имѣя капитала соразмѣрнаго пространству земель воздѣлываемыхъ?

Общее пространство земли, воздѣлываемой въ Англійи самими владѣльцами помѣстій, сравнительно, очень не велико, потому что, утвердительно можно сказать, изъ ста частей по-крайней-мѣрѣ девяносто девять отдаются по контрактамъ въ арендное содержаніе фермарамъ, на болѣе или менѣе длинныя сроки, и на условіяхъ, опредѣляющихъ начала, которыми будетъ слѣдовать фермарь при воздѣлываніи и время владѣнія. Эта система очень выгодна для владѣльцевъ земли; безъ помощи фермаровъ они бы ни какимъ образомъ не могли получить соразмѣрныхъ доходовъ съ своихъ имѣній, и даже обрабатывать и возвысить плодородіе до такого совершенства, къ какому земли по свойству своему способны. Есть однако жъ исключенія изъ этого правила, но ихъ очень не много. Нѣсколько извѣстныхъ владѣльцевъ, или помѣщиковъ, точно успѣли улучшить земли свои также хорошо, какъ бы это сдѣлали искуснѣйшіе фермары, только можетъ-быть съ бѣльшими издержками. Этого послѣдняго обстоятельства никакъ нельзя избѣгнуть, потому что фермары всегда сами завѣдываютъ своими дѣлами, а помѣщики поручаютъ обыкновенно присмотрѣть за своими имѣніями управителямъ, которыхъ выгоды не соединяются такъ тѣсно съ ихъ выгодами.

Такъ, можно сказать, что земледѣліе въ Великобританіи совершенно въ рукахъ фермаровъ, которые берутъ земли въ арендное содержаніе на условіяхъ, поставленныхъ между ними и ихъ владѣльцами, и определенныхъ контрактомъ на срокъ болѣе или менѣе продолжительный, смотря по мѣстнымъ обычаямъ или по желанію владѣльца. Вообще сроки контрактовъ въ сѣверной части Великобританіи назначаются отъ 19 до 21 года, по меньшей мѣрѣ. Иногда бываютъ и короче, но когда почва истощена, разумѣется, срокъ контракта долженъ бытъ продолжительнѣе, для того чтобъ фермаръ могъ охотнѣе предпринимать улучшенія; иначе ему бы невозможно было воспользоваться плодами трудовъ своихъ. Цѣнность почвы дотогу возвышается къ двадцатому году, что многіе владѣльцы отказываются заключать контракты на длинныя сроки, въ надеждѣ скорѣе получить подобную выгоду, между-тѣмъ какъ вѣрно можно доказать, что, сокращая срокъ, цѣнность почвы никакъ не можетъ возвыситься въ одинаковой соразмѣрности. Обыкновенно въ контрактахъ помѣщается нѣкоторое число ограниченій, всегда неминуемо въ невыгоду фермара, между-тѣмъ какъ самимъ владѣльцамъ нѣтъ отъ нихъ ни какой прибыли. Когда контракты только годовые, или если имѣютъ право выслать фермара, предупредивъ его о томъ за полгода впередъ, — обыкновеніе чаще встрѣчающееся въ Англии нежели въ Шотландіи, — то фермаръ, имѣя въ виду только прибыль одного года, можетъ уклониться отъ истинныхъ началъ основательнаго земледѣлія и истощать почву, ему довѣренную. Гдѣ контракты заключаются на девятнадцать лѣтъ и на двадцать одинъ годъ, тамъ предварительныя соглашенія, какого бы рода они не были, исключая ежегодной платы за наемъ, кажется, совсѣмъ бесполезны. Достаточно, чтобы владѣлецъ и фермаръ постановили между собой, какимъ образомъ должны быть воздѣлываемы земли въ четыре послѣдніе года контракта, если они опасаются вреднаго спора о своихъ обоюдныхъ выгодахъ и поводовъ къ недоразумѣніямъ при концѣ аренднаго срока. Даже и въ такомъ случаѣ имъ нужно только уговориться на счетъ луговъ, пару, хозяйственныхъ строеній и загородокъ; потому что, до срочнаго времени по контракту, собственная польза фермара сильнѣе побуждаютъ его къ

хорошему управленію, нежели всѣ постановленія написанныя въ контрактъ.

Воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ почитается важнѣйшимъ предметомъ хозяйства Англійскихъ фермаровъ; однако жъ посквы искусственныхъ луговъ также очень обыкновенны въ нѣкоторыхъ округахъ острова, гдѣ зерновыхъ растеній воздѣлываютъ не болѣе, какъ сколько нужно для потребленія жителей. Совершеннѣйшая система земледѣлія конечно та, въ которой соединено соразмѣрное воздѣлываніе зерновыхъ растеній съ луговыми и кормовыми травами. Это обыкновенно называется плодоперемѣнной системой, въ которой двѣ зерновыя жатвы не могутъ непосредственно слѣдовать одна за другой въ сѣвооборотѣ, но всякой разъ должны смѣняться или кормовыми травами или въ зелени скашиваемыми растеніями. Когда со вниманіемъ будутъ слѣдовать этой системѣ, для владѣльца всё равно, гдѣ ли или другіе роды зерновыхъ посквовъ, или кормовыхъ травъ, станутъ воздѣлывать, потому что почва во всякомъ случаѣ улучшится; при нѣкоторыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ иногда фермару можетъ быть выгоднѣе предпочесть одинъ посквъ другому.

Плодоперемѣнное хозяйство принято гораздо болѣе въ Великобританіи нежели въ какой-либо другой части Европы, исключая Фландрію, и продолжаетъ быстро распространяться во всѣхъ частяхъ государства. Дѣйствительно эта система употребленія земли выгодна, при всѣхъ почвахъ и для всѣхъ земледѣльцевъ, хотя учрежденіе сѣвооборотовъ зависитъ совершенно отъ свойства почвы и климата. Сѣвообороты такъ разнообразны въ Великобританіи, что невозможно съ точностью опредѣлить, которые изъ нихъ могутъ быть приняты за выгоднѣйшіе; но гдѣ почва и климатъ благоприятны, и гдѣ земледѣлецъ легко можетъ достать туковъ для удобренія, пшеница составляетъ главный предметъ хозяйства Англійскаго фермара. Однако жъ столько земель низшаго качества, и климатъ во многихъ округахъ такъ неблагоприятенъ произрастанію этого хлѣба, что часто выгоднѣе бываетъ воздѣлывать вмѣсто его овесъ. Впрочемъ посквы и урожай пшеницы въ Великобританіи еще недостаточны чтобъ удовлетворить потребленію жителей, которые вообще предпочитаютъ хлѣбъ пшеничный всякому другому.

Не смотря на всѣ выгоды, происходящія для Англіи отъ усовершенствованнаго земледѣлія, эти выгоды тогда только будутъ вполне ощутительны, когда контракты станутъ заключать на лучшихъ основаніяхъ и фермарь не будетъ стѣсняемъ излишними условіями. Между-тѣмъ, Англія есть государство, гдѣ система аренднаго содержанія фермъ наиболее всеобща, и этому только обстоятельству, развитому благоразумными законами, надобно приписать превосходство ея сельскаго хозяйства, которое превратило всю страну въ роскошный садъ и придало землѣ способность приносить доходы, какихъ не получаютъ владѣльцы, быть-можетъ, ни въ одномъ государствѣ.

В. Пановъ.

ПАРОВЫЕ ПЛУГИ.

Въ послѣдней книжкѣ В. для Ч. было помѣщено краткое извѣстіе о важномъ изобрѣтеніи Г. Heathcoat'a на пользу сельскаго хозяйства. Вотъ, что нынче пишутъ въ *Mechanic's Magazine*, журналъ, котораго мнѣніе можетъ быть принято въ дѣлахъ этого рода.

«Приспособленіе неодушевленной силы къ паханію земли, вѣроятно, считалось у практическихъ хозяевъ несбыточнымъ или представляющимъ непреоборимыя трудности: иначе пары давно уже замѣнили бы воловъ и лошадей въ качествѣ земледѣльческихъ двигателей. Разныя хозяйственныя работы, какъ то, молотьба, рѣзка союмы, и прочая, которыя могутъ быть исполняемы осязною силою, отчасти обращали на себя вниманіе механиковъ, и уже извѣстны множество машинъ, водяныхъ, вѣтряныхъ и маленькихъ паровыхъ, которыя съ выгодною употребляются для этого. Но идея «паровой усадьбы», усадьбы вполне обрабатываемой парами, считалась до-сихъ-поръ мечтою и сумасбродствомъ, за исключеніемъ немногихъ паролубцевъ и двухъ или трехъ экономическихъ обществъ, которыя, въ своихъ изданіяхъ, ма-

ставали на возможности применения паровъ къ самому тяжкому изъ производствъ земледѣльческихъ.

«Наконецъ экономическія общества дождались вождсвеннаго событія. Въ самомъ дѣлѣ, Г. Heathcoat, членъ Нижней Палаты, остроумный и весьма пзвѣстный изобрѣтатель машины для дѣланія кружева, предначерталъ и обдумалъ этотъ новый и замѣчательный подвигъ науки на пользу обогащенія отечества. Его изобрѣтеніе, послѣ многихъ лѣтъ опытовъ, созрѣло и усовершенствовалось при помощи механическихъ дарованій и постоянства Г. Josiah Parkes'a, гражданскаго инженера, котораго Г. Heathcoat избралъ для исполненія своего плана и щедро снабжалъ нужными для этого средствами. Первая машина была построена исключительно для подъема болотныхъ почвъ и съ успѣхомъ работала нѣсколько мѣсяцевъ близъ Bolton-le-Moors'a, на болотѣ Red Moss.

Нынѣшнимъ лѣтомъ многочисленное собраніе свидѣтелей изъ разныхъ частей государства съѣхалось туда чтобъ посмотреть на это занимательное изобрѣтеніе; въ числѣ прочихъ находились господа М. L. Charman, членъ парламента; Handley, членъ парламента; Featherstone; Westmeath, предприимчивый и искусный болотныхъ дѣлъ мастеръ (мы не знаемъ, какъ иначе выразить по Русски званіе, которое не соотвѣтствуетъ ни одному изъ известныхъ у насъ занятій: bog-reclaimer значитъ — исправитель болотъ); Brown; James Smith, прославившійся въ механическомъ мѣрѣ своими замысловатыми изобрѣтеніями для мануфактуръ и сельскаго хозяйства; наконецъ инженеры Hick и Rothwell, и многіе другіе знатоки хорошіе судьи дѣла. Всѣ они единогласно признали, что это изобрѣтеніе будетъ ядромъ великихъ перемѣнъ въ наукѣ и практикѣ сельскаго хозяйства, и превосходно приспособлено къ своей цѣли. Два плуга различнаго устройства были приведены въ дѣйствіе для наслажденія удивленныхъ зрителей; особенно восхитилъ ихъ второй, сдѣланный недавно, который дѣйствуетъ вдвойнѣ, то есть, имѣетъ два паха на одномъ планѣ, такъ, что можетъ, безъ потери времени, поворачивать назадъ въ концѣ борозды и начинать новую. Совершенство механизма, дѣйствіе сошниковъ и подразсѣкающихъ ножей, которые разсѣкаютъ

сорные травы по волокнамъ, ширина и глубина борозды, оборачиваемой какъ-нельзя полнѣе, новый и удивительный способъ тасканія, безъ цѣпей и веревокъ, и наконецъ легкость, съ какою вы можете владѣть огненною машиною, которая пашетъ за человѣка, все это доставило величайшее удовольствіе присутствовавшимъ. Плугъ работалъ съ быстротою почти $2\frac{1}{2}$ миль (почти четырехъ верстѣ) въ часъ, выворачивая борозды въ 18 дюймовъ ширины и 9 дюймовъ глубины, и укладывая ихъ совершенно на спину. Каждая борозда, въ 220 ярдовъ (сто десять сажень) длиною, была вспахана менѣе чѣмъ въ 3 минуты, такъ, что въ двѣнадцать часовъ, пзъ которыхъ состоитъ рабочій день, одна машина обрабатывается болѣе 10 акровъ (до четырехъ казенныхъ десятинъ) болотной земли.

«Машина, въ которой находится паровой котель, совершаетъ путь свой сама; но какъ плуги движутся подъ прямымъ угломъ къ пути машины, а не тащутся за нею, то ей стобитъ только передвинуться на ширину одной борозды, то есть, на восемнадцать дюймовъ, и плуги совершаютъ почти полверсты пути; другими словами, между-тѣмъ какъ машина проходитъ только тридцать одну сажень, плуги въ тоже самое время проходятъ семнадцать верстѣ, то есть, вспахиваютъ цѣлую десятину ($2\frac{3}{4}$ акра). И это главная черта изобрѣтенія; здѣсь напечатлѣлся механической геній изобрѣтателя пароваго плуга и рѣшилась задача о пользѣ паровъ для земледѣлія: очевидно, что если бы нужно было подвигать машину съ быстротою, равною быстротѣ плуговъ, таща ихъ съ собою, огромное количество силы паровъ было бы бесполезно издержано.

«Другое важное свойство машины, и которое чрезвычайно сберегаетъ издержки на обработку болотъ, состоитъ въ томъ, что для ней не нужно дѣлать предварительно ни какихъ дорожекъ, и достаточно вырыть только двѣ канавы по обѣимъ сторонамъ пашни, для осушенія топкихъ мѣстъ. Болѣе всего поразила зрителей, и для тѣхъ кто знакомъ съ неудобствами болотныхъ почвъ, была совершенно неожиданнымъ явленіемъ, возможность устроить машину такъ, что она путешествуетъ по неровному, наполненному кочками грунту. Red Moss, «Красный Мохъ», мѣсто, гдѣ она работала, въ

самомъ дѣлѣ красное, и притомъ волокнистое, топкое болото. Машинны Г. Heathcoat'a могутъ дѣйствовать съ силою пятидесяти лошадей; но работы, слѣдующія за первото распашкою, требуютъ силы гораздо меньшей въ сравненіи съ первымъ трудомъ подъема болотной нови. Каждый плугъ потребляетъ на себя до двѣнадцати лошадиныхъ силъ, и тяжесть дерна, поднимаемаго плугомъ за-разъ, простирается до семи съ половиною пудовъ. Котель необычайно великъ, какъ для само-движной машинны, оттого что онъ приспособленъ къ отопленію торфомъ, вмѣсто угля, и такимъ образомъ произведеніе вырытыхъ канавъ служитъ первымъ матеріаломъ запашки болота. Восемь человекъ нужны для управленія одною машиною и двумя плугами, что составляетъ почти по два съ половиною работника на десятину. Но это число людей, разумѣется, нужно только для перваго подъема болота, а не для дальнѣйшихъ, ежегодныхъ работъ, и отнюдь не относится къ обработкѣ обыкновенныхъ, сухихъ полей.

«Налюбовавшись на эти плуги и на разныя свойства и способы употребленія машины, свидѣтели опытовъ изъявили Г. Heathcoat'у живѣйшую признательность, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что онъ расширитъ кругъ пользы своего изобрѣтенія, приспособивъ машину къ обработкѣ твердой глинистой земли, и особенно къ важнымъ въ хозяйствѣ производствамъ паханія подъ-почвы и рытія усовершенствованныхъ канавъ, съ какими Г. Smith, изъ Динстона, недавно познакомилъ міръ земледѣльческій. Для подобныхъ производствъ нужна большая сила, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что машина Г. Heathcoat'a также превосходно можетъ служить къ этому, какъ служить къ превращенію болотъ въ плодоносныя поля.»

=

ВОЛОВАЯ МЕЛЬНИЦА Г. РИДА,

МУКОМОЛЬНАЯ И ПИЛЬЧАЯ.

Dear Sir, дѣлая неоднократно планы и чертежи съ маштабомъ для мукомольныхъ и пильныхъ мельницъ, дѣйствующихъ силою волвъ, я старался изслѣдовать дучшіе способы устройства подобныхъ машинъ, и теперь сообщаю результатъ моихъ наблюденій вашему общечитаемому журналу. Надѣюсь, что это руководство съ пользою будетъ употреблено въ Россіи и въ Польшѣ, гдѣ много есть помѣстьевъ такихъ, въ которыхъ нѣтъ проточной воды, но довольно лѣсу, хлѣба и луговъ, для кормленія рогатаго скота. При весьма небольшомъ увеличеніи расходовъ, этотъ скотъ можетъ быть употребленъ въ мельничную работу, тѣмъ болѣе, что волы еще лучше откармливаются, когда они года два поработали на колесѣ.

Я замѣтилъ важный недостатокъ въ бѣльшей части сочиненій, имено, что ихъ пишутъ ученые люди, а не механики. Какъ скоро ученый, или вообще писатель, не въ состояніи сдѣлать машины, онъ не можетъ и правильно описать ея. Отсюда происходитъ, что чертежи не довольно ясны, и что въ нихъ пропускаются такія части, которыя работнику больше всего нужны: напримѣръ, величина колесъ, ихъ скорость, бывають описаны дурно, иногда и совсѣмъ забыты. Часто также, модели, изготовляемыя въ институтахъ, неправильны, безъ соблюденія соразмѣрности частей и съ дурнымъ ходомъ, несмотря на ихъ отличную полировку и чистоту; потому что главный смотритель работъ, не будучи самъ практическимъ механикомъ, составляетъ эти модели на показъ, а не для употребленія. Плохо бывасть дѣло, когда кто изъ помѣщиковъ вздумаетъ послать одну изъ такихъ моделей въ своеимѣніе: его столяръ и кузнецъ сдѣлають машинну точь-въ-точь по модели, но скоро оказывается, что машина либо вовсе не дѣйствуетъ, либо не соответствуетъ своей цѣли. Вся вина падаетъ тогда на работника, между-тѣмъ какъ

въ самомъ дѣлѣ виновата одна модель, которую ему доставили.

Чтобъ быть увѣреннымъ въ хорошемъ устройствѣ мельницы или машины, самый лучший способъ — купить дѣйствующую модель у такихъ мануфактурствъ, каковы напримѣръ генералъ Кларкъ, генералъ Шепелевъ, Г. Бердъ, Г. Шильсъ или всякой другой опытный строитель машинъ; если она будетъ стоить немного и подороже, зато будетъ вѣрна и вы можете надѣяться что не случится неудачи. Но вотъ —

Описание мельницы, приводимой въ движеніе четырьмя волами.

- № 1. Большое колесо, по которому ходятъ волы, имѣющее по окружности деревянные зубцы (кулаки), зацѣпляющіеся за зубцы чугунаго колеса, утвержденного на вертикальной оси № 2. На этомъ большомъ колесѣ, стоятъ отдѣльно одинъ за другимъ 4 вола, какъ-можно ближе одинъ къ другому, чтобы они не занимали болѣе половины колеса, — въ противномъ случаѣ собственная тяжесть ихъ была бы противовѣсомъ, и какъ-можно ближе къ ободу колеса; оно имѣетъ 21 фугъ или 3 сажени въ діаметръ, почти $9\frac{1}{2}$ сажень въ окружности и дѣлаетъ два оборота въ одну минуту или 132 фута въ минуту, что и составляетъ скорость хода воловъ.
- № 2. Вертикальная ось, приводимая въ движеніе большимъ воловьимъ колесомъ: она имѣетъ въ діаметръ 3 фута и 3 дюйма, или съ небольшимъ $1\frac{1}{4}$ аршина, и при каждомъ оборотѣ воловьего колеса дѣлаетъ 7 оборотовъ, то есть, 14 оборотовъ въ минуту.
- № 3. Зубчатое колесо на оси № 2; имѣетъ 5 аршинъ въ діаметръ, или 11 футовъ 8 дюймовъ, и служитъ для приведенія въ движеніе жернова и его шестерни.
- № 4. Шестерня въ 18 дюймовъ въ діаметръ для приведенія въ движеніе верхняго жерноваго камня; она, при каждомъ оборотѣ колеса № 3, приводящаго ее въ движеніе, дѣлаетъ $7\frac{1}{2}$ оборотовъ, то есть, эта шестерня и жерновныи камень дѣлаютъ по 105 оборотовъ въ ми-

нута, что и составляет настоящую скорость, съ какою должны ходить мельничные камни, имѣющіе въ діаметръ 2 аршина, или 4 фута и 8 дюймовъ.

Англійскія паровыя и водяныя мельницы, имѣютъ Французскіе камни въ 4 фута 6 дюймовъ въ діаметръ, которыхъ пара стѣитъ около 40 фунтовъ стерлинговъ; когда все въ хорошемъ порядкѣ, они идуть 120 разъ въ минуту и смалываютъ въ часъ 5 бушелей пшеницы, то есть, почти куль.

№ 5. Движущійся, то есть, верхній жерновой камень, который можетъ быть поднятъ или опущенъ особымъ брускомъ, посредствомъ винта съ ручкою, хорошо извѣстныхъ мельникамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и кузовъ съ немолотымъ хлѣбомъ.

Что касается до высоты мельницы и величины ея, то это зависитъ отъ состоянія и вкуса того, кто строитъ: я здѣсь далъ самый маленькій размѣръ, въ какомъ только можно сдѣлать.

Англійскія и Французскія книги часто бываютъ наполнены описаніемъ крыши, окошекъ, лѣстницъ, и прочая, вмѣсто того чтобъ заботиться о частяхъ нужнѣйшихъ, какъ будто каждый плотникъ не можетъ догадаться сдѣлать тамъ окошко или дверь, гдѣ они нужны.

№ 6 и 7. Колеса для уменьшенія тренія. Можно устроить два такія колеса подъ тою частію воловьего колеса, гдѣ ходятъ волю; для дешевизны можно поставить здѣсь и тележныя колеса. Они не должны касаться нижней части воловьего колеса, когда оно свободно; но когда на него встанутъ 4 вола, то, можетъ-быть, оно немного подастся и осядетъ; и тогда эти колеса поддержать боковой напоръ его на нижній пятникъ. Правда, они отнимутъ немного силы, однако очень мало, и я знаю, что собственная тяжесть быковъ, почти такое же производить дѣйствіе какъ и сила ихъ упора.

Жерновые камни въ два аршина діаметра самую бездѣлицу больше тѣхъ, какіе употребляются въ паровыхъ или водяныхъ мельницахъ. Полагаютъ въ Англии, что пара жерновыхъ камней въ 4 фута 6 дюймовъ, или въ 2 аршина діаметра

истра, для приведения ихъ въ движеніе, требуютъ силы 4 сильныхъ лошадей, то есть, что паровая машина силою въ 20 лошадей можетъ двигать въ одно и тоже время 4 пары жернововъ.

На этомъ воловьемъ колесѣ довольно будетъ 4 воловъ, чтобъ привести въ движеніе одну пару жернововъ; но не надобно забывать, что нужно имѣть нѣсколько перемычъ воловъ, и что они не должны работать болѣе трехъ часовъ сряду. Когда волю будутъ сведены съ колеса на площадку Е, то колесо надобно закладывать. Рѣшетка I служитъ для привязыванія воловъ за голову, когда они ходятъ по колесу; для каждаго вола нужно имѣть отдѣльную рѣшетку. Средняя колеса должна быть огорожена досками, какъ видно въ К, для того чтобъ волю не могли упасть внутрь.

Надо быть весьма осторожнымъ въ устройствѣ центровъ осей, называемыхъ пятниками (смотри Д). Они должны быть изъ кованаго желѣза, не плоскія, но болѣе крестообразныя, то есть, съ перекрестинами и ко внутренней части въ 1 дюймъ толщины, а къ наружной въ $\frac{3}{4}$ дюйма, какъ видно въ фигурѣ L. На каждый пятникъ набиваются 3 крѣпкихъ желѣзныхъ обруча, и эти пятники хорошенько прикрѣпляются къ оси желѣзными клиньями. Пятникъ N° 1 долженъ имѣть 6 или 7 дюймовъ въ діаметрѣ при концѣ и быть полушаровой формы, какъ видно въ Д.

Пильная мельница.

Когда мукомольная мельница будетъ остановлена и нужно употребить пильную, надобно отнять шестерню, приводящую въ движеніе жерновой камень, и на колесо N° 9 опустить шестерню пильни N° 10. Это колесо N° 9 имѣетъ 4 аршина, или 9 футовъ 4 дюйма, въ діаметрѣ. Шестерня N° 10 имѣетъ одинъ аршинъ, или 28 дюймовъ въ діаметрѣ, и дѣлаетъ 56 оборотовъ въ минуту, вмѣстѣ съ пильною рамою (паровыя и водяныя пильныя мельницы приводя въ движеніе двойную пильную раму по 6 пилъ въ каждой, дѣлаютъ 120 ходовъ въ минуту, имѣя силу равную отъ 12 до 15 силъ лошадей; но въ этой воловьей пильной мельницѣ нельзя употребить болѣе 2 или 3 пилъ. Пилы мож-

но покупать въ Петербургъ или въ Москвѣ изъ Англійской не полированной стали по 11 рублей каждую: въ Петербургъ можно достать у Г. Чигсона, у Казанскаго Моста; ихъ нужно точить послѣ 24 часовъ работы, и для точенія употреблять полукруглые напильки въ 12 дюймовъ длины, стѣлціе по 2 рубля каждый; гораздо лучше купить ихъ 2 или 3 дюжины за разъ. Рамы изъ кованаго желѣза съ нужнымъ числомъ пилъ въ нихъ устроенныхъ, можно купить на каждомъ желѣзномъ заводѣ и у всякаго машиниста. Пилы бывають длиною около 2 аршинъ и дѣлають прорѣзъ въ 18 дюймовъ глубины при каждомъ ходѣ. Колѣно въ пространствѣ между центрами имѣеть 9 дюймовъ.

Буква С показываеть планъ неподвижной рамы и подвижной, приводящей бревно къ распилкѣ. А показываеть разрѣзъ всего завода; В планъ съ основаніями для центровъ колесъ, показанныхъ въ А довольно ясно для челоѣка знакомаго съ устройствомъ мельницъ; но если бы описывать каждую вещь такъ, чтобы по этому описанію челоѣкъ вовсе незнающій могъ устроить мельницу, то нужно бы было написать цѣлую книгу съ двумя дюжинами чертежей.

Форма нижнихъ пятниковъ (всѣхъ вертикальных осей), сдѣланныхъ изъ кованаго желѣза съ 4 обручами должна быть крестообразная, какъ видно въ Д; толщина внутренней части должна быть въ 1 дюймъ, внешней въ $\frac{1}{2}$ дюйма: тогда лучше держатся клинья. Каждый конецъ какой-либо деревянной оси, съ утвержденнымъ въ немъ пятникомъ, долженъ имѣть 3 крѣпкихъ желѣзныхъ обруча, туго набитыхъ на перекрестки этихъ пятниковъ, какъ показано въ Д. Нижний конецъ, или подпятникъ, долженъ быть выточенъ въ видѣ полушарія. Пятники измѣняются въ діаметръ, смотря по тяжести колесъ: напримеръ пятникъ жернова долженъ имѣть на концѣ 2 дюйма въ діаметрѣ, вертикальной оси № 2 можетъ быть въ $3\frac{1}{2}$ дюйма, а большаго воловьаго колеса до 6 дюймовъ, потому что онъ долженъ нести на себѣ, кромѣ тяжести колеса, еще тяжесть воловъ. Всѣ пятники должны ходить въ крѣпкихъ мѣдныхъ или изъ колокольнаго металла подпятникахъ (гнѣздахъ). Каждая мельница, начиная устрой-

ваться, должна имѣть Англійскій точильный камень, который продается по 25 рублей и имѣеть немного больше аршина въ діаметрѣ; онъ можетъ сберечь впоследствии до ста рублей: купить его можно въ лавкахъ, во всѣхъ большихъ городахъ. Надобно всегда помнить, что стараніе работать безъ инструментовъ, есть только жалкая трата времени. - Въ старинныхъ мельницахъ видалъ я маховыя колеса; но они все въ нихъ не нужны, потому что тяжелый жерновой камень, обращаясь болѣе 100 разъ въ минуту, самъ по себѣ дѣлаетъ довольно сильный размахъ, и вообще впрочемъ маховыя колеса, тогда только полезны, когда движеніе бываетъ неровное, какъ напримѣръ при протягиваніи полосоваго желѣза.

Теперь остается внушить публикѣ довѣріе къ плану машины. Я долженъ сказать, что я приобрѣлъ тридцати-лѣтнюю опытность въ Англій на различныхъ заводахъ и мануфактурахъ, и уже болѣе двадцати лѣтъ служу въ Россіи практическимъ механікомъ. Эту волюшку мельницу я осматривалъ со всею подробностью и собралъ всевозможныя свѣдѣнія, какія до нея относятся. И какъ я, человекъ уже старый, хочу только быть полезнымъ членомъ общества и не ищу ничего другаго, то мнѣ будетъ очень пріятно передавать тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ доставила опытность въ механическихъ работахъ, каждому, кто пожелаетъ адресоваться ко мнѣ.

Надобно какъ-можно избѣгать введенія иностранной визны и дорогихъ машинъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ людей, которые бы, въ случаѣ порчи, могли починить ихъ. Меня однажды пригласили съѣздить за двѣсти верстъ отъ Петербурга на пильный заводъ одного покойнаго адмирала: тамъ была дорогая чугунная рама, по образцу Брюнелла, строителя подземнаго хода подъ Темзою; и когда она сломалась, никого не нашлось, кто бы могъ починить ее, хоть тутъ были хорошіе плотники и кузнецы. Поэтому, принуждены были, бросивъ ее, замѣнить старинною рамою изъ кованаго желѣза. Ошибка заключалась не въ самой вещи; а въ недалковидности машиниста, который посоветовалъ употребить ее. Россія наводнена прожектерами, которымъ хочется привести въ исполненіе невозможныя вещи, какъ-будто нѣтъ тысяча

изобрѣтеній, придуманныхъ на-мѣсть и гораздо удобнѣй-шихъ, и особенно хочется приводить въ исполненіе на чужія деньги. Единственное средство быть полезнымъ — уметь выбирать то, что дѣйствительно полезно странѣ и согласно съ потребностями и средствами ея общества.

Имѣю честь быть, и прочая.

WILLIAM REED.

Машинистъ и механикъ Императорской Бумажной
Мануфактуры въ Петербургѣ.

ФАБРИКАЦІЯ ИСКУССТВЕННОЙ СОДЫ.

Всякому должно быть извѣстно, какое важное мѣсто занимаютъ въ числѣ химическихъ произведеній поташъ и сода *. Употребленіе ихъ имѣло безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ вліяній на благосостояніе и просвѣщеніе народовъ. Чтобы въ томъ убѣдиться, стоить только подумать о несчастныхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, которыми обязанъ родъ человѣческой фабрикаціи стекла. Какіе успѣхи могла бы сдѣлать Химія безъ помощи этого вещества, которое одно соединяетъ, съ совершенною прозрачностью, надлежащую степень твердости для выдержанія дѣйствія кислотъ и огня? Емуже одолжена Физика важнѣйшими опытами надъ электричествомъ, воздушнымъ давленіемъ, теоріею свѣта и множествомъ другихъ. Астрономія, быть можетъ, наиболѣе воспользовалась этимъ изобрѣтеніемъ: что сказали бы древніе звездочеты съ ихъ полу-опытными полу-мечтательными системами, еслибъ вдругъ возвратились къ жизни и увидѣли исполненскіе явилы, сдѣланные наукою Птоломеевъ и Страбона при помощи телескоповъ! За Астрономіею такъ же быстро пошла наука мореплаванія, которой успѣхи придали столько жизни народамъ и такъ разширили кругъ ихъ промышленной дѣятельности. Не говорю

* Словами «поташъ» и «сода» я всегда буду означать издвѣія, входящіяся въ торговлю. Слова «кали» и «натръ», будутъ тогда означать чистыя химическія произведенія.

уже о тѣхъ неоцѣнимыхъ житейскихъ наслажденіяхъ, которыми надѣлило насъ употребленіе стекла. Подумайте только, что стало бы съ нами, если бы вдругъ у насъ отняли это драгоценное достояніе, и наши жилища, изъ свѣтлыхъ и веселыхъ, вдругъ превратились въ темныя нѣры? Потребность чловѣка имѣть окна или отверстія для свѣта въ жилищахъ, такъ сильна, что бѣдные жители сѣвера, Лопари, къ которымъ образованность не занесла еще стекла, закрываютъ его, съ горемъ пополамъ, слюдою. Природа такъ любезна намъ, что, даже сидя между четырьмя стѣнами, мы хотимъ по крайней-мѣрѣ гулять глазами по всегда новой и прелестной картинѣ, которую она вокругъ насъ раскинула.

Но не одно стекло подарили намъ эти два истинно благодѣтельные произведенія. Есть почти ни одного искусства, которое бы хоть отчасти, косвенно или непосредственно, не воспользовалось ими. Медицина взяла съ нихъ обильную дань: цѣлительныя дѣйствія ихъ неисчислимы, и съ каждымъ днемъ открываются новыя. Мы получимъ въ некоторое понятіе о вліяніи поташа и соды на жизненную экономію рода чловѣческаго, когда вспомнимъ что «каль» входитъ въ составъ множества полезныхъ растений, и что «натръ» служитъ основаніемъ поваренной соли, которой употребленіе такъ повсемѣстно и такъ важно въ хозяйствѣ. Сверхъ-того, сколько полезныхъ издѣлій получили отъ нихъ свое начало, издѣлій, изъ которыхъ каждое принесло людямъ болѣе или менѣе самой существенной пользы! На нихъ основано приготовленіе квасцовъ, селитры, пороху, мыла, щелоковъ и множества другихъ самыхъ употребительныхъ веществъ.

Свойства этихъ двухъ тѣлъ давно уже были предметомъ постоянныхъ изысканій Химіи. Они были еще извѣстны Финикіянамъ, которымъ Исторія приписываетъ честь изобрѣтенія стекла. Изъ словъ Плинія - старшаго должно заключить, что Римляне довольно много употребляли поташу и соды. Долго считали ихъ простыми тѣлами; и даже, когда убѣдились въ томъ, что они суть окиси, до знаменитаго Davy ни кто не успѣлъ отдѣлать отъ нихъ металла. Ему первому, 1807 года, удалось добыть въ чистомъ и отдѣльномъ состояніи «потасій» и «содій». Не пускаясь въ подробное описаніе химическихъ свойствъ, мы замѣтимъ

только, что почти во всѣхъ случаяхъ поташъ и сода взаимно замѣняютъ другъ друга; въ техническомъ значеніи различіе ихъ весьма незначительно. Но ихъ добываніе не представляетъ подобнаго сходства, и на него-то въ особенности надобно обращать вниманіе, чтобы отдать преимущество тому или другому изъ двухъ произведеній, въ отношеніи хозяйственномъ.

Вещество, извѣстное въ торговлѣ подъ названіемъ поташу, есть просто углекислый кали съ примѣсью въ болѣе или меньшей степени постороннихъ веществъ, между которыми важнѣйшую, и часто очень полезную, роль играютъ хлористый потасій и сернокислый кали. Этотъ продажный поташъ всегда происходитъ отъ превращенія въ пепель растений и отъ промыванія полученной отъ нихъ золы. Промон, въ которыхъ заключаются всѣ растворимыя соли, содержащіяся въ золѣ, выпариваются досуха, и такъ добывается *шадрина*. Раскаленный до-красна, этотъ послѣдній доставитъ поташъ.

Одного этого показанія способа добывать поташъ, способа впрочемъ очень хорошо извѣстнаго въ Россіи, довольно чтобы дать понятіе, какихъ пожертвованій требуетъ отъ лѣсовъ подобное производство. Обстоятельство это очень важно: ясно что не всѣ страны могутъ доставлять поташъ, и особенно тѣ, гдѣ успѣхи земледѣлія и садоводства много содѣйствовали къ истребленію или уменьшенію лѣсовъ. Въ земляхъ богатыхъ виноградниками, дѣлали удачныя опыты добыванія поташу черезъ персжиганіе винной гущи. Этотъ процессъ основанъ на существованіи, въ гущѣ, двувиннокислаго кали, который находится въ ней смѣшанный съ различными органическими веществами, сернокислымъ кали и нѣкоторыми другими солями. Поташъ, получаемый такимъ образомъ, извѣстенъ въ торговлѣ подъ именемъ «погашной золы», или «печенатаго поташу», *cendre gravelée*. Если можно, то всегда выгоднѣе извлекать изъ него двувиннокислый кали, который въ торговлѣ имѣетъ гораздо болѣе цѣны.

Въ Россіи, гдѣ до-сихъ-поръ еще не ощущали значительнаго недостатка въ лѣсѣ, добываніе поташу изъ древесной золы составляло одну изъ обширныхъ отраслей народной

промышленности. Имъ занимались почти во всѣхъ лѣсныхъ губерніяхъ, особенно въ Казанской и Оренбургской, на востокъ, и въ губерніяхъ: Виленской, Могилевской, Минской, Черниговской, Волынской, Кіевской и даже Полтавской, на западѣ. Поташъ, доставляемый этими губерніями, извѣстенъ подъ общимъ названіемъ «Казанскаго», и весь получается изъ древесной золы. Погашъ «Починскій» добывается изъ травяной золы, преимущественно въ губерніяхъ: Тамбовской, Пензенской и Нижегородской. Этотъ ничтожескій продуктъ досель употреблялся у насъ исключительно во всѣхъ фабрикаціяхъ, въ которыхъ иностранцы замѣняютъ его содою. Сверхъ огромнаго количества поташу, которое выходило на стеклянныя и мыльные заводы, на бѣленіе матерій и разные другіе предметы, онъ постоянно былъ важною статьею отпускной торговли. «Виды внѣшней торговли», издаваемые министерствомъ финансовъ, показываютъ, что изъ одного Санктпетербургскаго порта каждый годъ вывезется отъ четырехъ сотъ до пяти сотъ пудовъ поташу, большею частию приготовленнаго въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ. Весьма значителенъ также вывозъ этого продукта изъ западныхъ губерній черезъ Рижскій и другіе Балтійскіе порты, и черезъ сухопутныя таможи, Юрбургскую, Гусятинскую, Радзивиловскую.

При первомъ взглядѣ, нельзя не порадоваться цвѣтущему состоянію этой вѣтви отечественной промышленности. Но отрадное чувство слабѣетъ, подумавъ о будущемъ, — о той незамѣнимой, или такъ трудно замѣняемой, потерѣ лѣсу, которою она угрожаетъ. Уже въ Москвѣ, гдѣ болѣе всего занимаютъ выдѣлкою мыла и бѣленіемъ матерій, цѣна дровъ значительно повысилась въ послѣдніе три года. Нынче недостатокъ въ лѣсѣ сдѣлался ощутительнымъ на восемьдесятъ верстъ вокругъ столицы. Не спорю, что многія другія причины могли къ тому содѣйствовать, и въ особенности размноженіе чугунно-плавильныхъ заводовъ. Странно только, что въ то же самое время повысилась цѣна на поташъ, и пудъ его, который стоилъ за два года шесть рублей, теперь продается по десяти. Очевидно, что это повлекло за собою повышеніе цѣнъ на всѣ произведенія, въ которыхъ участвуетъ поташъ; повышеніе, тѣмъ болѣе прискорбное, что всѣ они

принадлежать къ самымъ употребительнымъ, и что слѣдовательно отъ него постраждутъ преимущественно бѣдные.

Мы уже не будемъ распространяться о другихъ важнѣйшихъ послѣдствіяхъ обезлѣсенія странъ; новѣйшія наблюденія Гумбольдта, Араго и другихъ знаменитѣйшихъ ученыхъ, доказали, что отсюда проистекаютъ не только значительный вредъ въ отношеніи хозяйственному, но даже пагубное вліяніе на атмосферическое и гигиеническое состояніе страны.

Указывая такимъ образомъ на угрожающую опасность, никто не думаетъ охлаждать промышленную ревность нашихъ фабрикантовъ: желательно только дать этой ревности направленіе, болѣе согласное съ требованіями общей пользы и которое, не напирая на одинъ пунктъ, обнимало бы все способы, дарованные Провидѣніемъ къ обезпеченію нашего существованія. И действительно въ этомъ случаѣ заботливость неба о челоѣкѣ истинно родительская. Заклучивъ вещество столь полезное, каково поташъ, въ растенія, украшающія нашу землю, оно долго позволяло намъ, за выгоды, которыя предлагаетъ его употребленіе, жертвовать лѣсами, не менѣе драгоцѣнными для нашего благополучія. Но источникъ этотъ могъ бы иссушиться, и вотъ въ ту самую минуту, какъ эти опасенія частію уже сбываются, умъ челоѣчскій находитъ способъ извлекать изъ хранилища неособозримого, неисчерпимаго, изъ волнъ океана, вещество, вполне замѣняющее поташъ. Вещество это есть *искусственная сода*, которой польза и выгода признаны нынче всю Европою, и на приготовленіе которой мы желаемъ обратить вниманіе нашихъ соотечественниковъ.

Скажемъ сперва объ естественной содѣ. Слово «сода» есть Арабское: слѣдственно, и способъ добывать ее принесенъ въ Европу Аравитянами. Въ пустыняхъ Сиріи и Египта растутъ разныя горько-кислыя травы, которыя общимъ словомъ, называются *хомдъ*, солонцы. Въ числѣ этихъ растений есть особенно одно, извѣстное подъ именемъ *кали*, или *аль-кали*, и еще болѣе подъ простонароднымъ названіемъ *эль-хатише эль-суда*, «черной травы». *Суда*, по Арабски, значитъ — черная. Отсюда два извѣстныхъ въ цѣлой Европѣ слова, «сода» и «какали» потому что Аравитяне

выжигаютъ изъ этой травы свой поташъ, или по-нашему *соду*, которая служить имъ преимущественно для дѣланія мыла. Въ странахъ прибрежныхъ Средиземному морю, особенно въ Испаніи, гдѣ некогда владычествовали Аравитяне, собираютъ для этого нѣкоторыя морскія растенія: ихъ рубятъ въ куски, сушатъ на воздухѣ и потомъ сожигаютъ въ ямахъ, глубиною въ аршинъ шесть вершковъ, а ширинсю въ аршинъ и три четверти. Жженіе производится подъ открытымъ небомъ, на сколько возможно сухою грунтою, и продолжается нѣсколько дней. Оно доставляетъ, вмѣсто золы, уже полу-расплавленную солянистую массу, твердую и плотную, которую разбиваютъ въ куски и пускаютъ въ продажу подъ названіемъ «соды». Разныя соды отячаются по имени мѣстъ, гдѣ онѣ производятся, или растеній, которыя ихъ доставляютъ.

Подобная естественная сода содержитъ различныя количества углекислаго и сѣрнокислаго натра, сѣрнаго содія, морской соли, углекислой извести, глинозему, кремнезему, желѣзной окиси, и наконецъ нѣкоторыя части угля, оставшагося отъ превращенія въ пепель. Иногда въ ней находится сѣрнокислый кали, хлористый потасій, іодистый и бромистый кали.

Больше всего уважается Барилловая Испанская сода, извѣстная въ торговлѣ подъ названіемъ «Алкантаской»: она извлекается изъ многихъ растеній, но особенно изъ *бариллы*, родъ солонцової травы *salsola*, тщательно разводимой по берегамъ Испаніи. Эта сода содержитъ отъ 25 до 30 долей на сто сухаго углекислаго натра.

Естественныя соды, собираемыя во Франціи, отнюдь не могутъ похвалиться такою силою. Ихъ различаютъ три рода, изъ которыхъ *салипоръ*, или сода Нарбонская, содержитъ отъ 14 до 15 на сто углекислаго натра и употребляется преимущественно въ стеклотѣи для зеленого стекла. *chambrougin*; сода *Aigue-Morte*'ская, въ которой бываетъ отъ 3 до 8 на сто углекислаго натра, и наконецъ сода Норманская, или «Варсковая», извлекаемая изъ мху, обильно растущаго по берегамъ океана. Она бѣднѣе двухъ другихъ углекислымъ натромъ, но содержитъ много сѣрнокислаго натра и кали, и хлористаго потасія, или содія, съ примѣсью

юдистаго потасія. Это свойство придаетъ ей большую цѣну для стеклянныхъ и селитренныхъ заводчиковъ. Нынче ее употребляютъ для добыванія юда, который пріобрѣлъ въ послѣднее время значительную важность въ Медицинѣ, по причинѣ спасительнаго дѣйствія противъ зоба, или горловой опухоли.

Количества естественной соды, добываемой такимъ образомъ во Франціи, никогда не было достаточно для удовольствіи нуждъ различныхъ мѣстныхъ фабрикъ, которыя употребляютъ это вещество. Постоянно выписывали значительныя массы соды изъ Испаніи; годами, ее привозили оттуда болѣе чѣмъ на двадцать милліоновъ. Сверхъ того, по причинѣ оскудѣнія въ лѣсѣ, и слѣдовательно по невозможности добывать поташъ, Франція много покупала поташу въ Россіи и Америкѣ. Зависимость въ этомъ случаѣ отъ иностранныхъ державъ сдѣлалась весьма чувствительною во время революціи, когда внѣшнія сношенія Франціи вдругъ прервались. Привозъ поташу значительно уменьшился, а прекращеніе торговли съ Испаніею, по причинѣ войны, лишило Французовъ возможности получать оттуда соду, необходимую для заводовъ. Тогда революціонное правительство обратилось къ химикамъ съ просьбою отыскать способъ приготовленія соды, и къ этому — то времени относятся важное открытіе искусственной соды, которое составило эпоху въ исторіи промышленности.

Французскіе химики ревностно принялись за исследование свойствъ тѣлъ, содержащихъ въ себѣ содій. Прежде всего, вниманіе устремилось къ морской соли, или хлористому солю, который природа доставляетъ въ такомъ изобиліи. Сдѣлано много попытокъ получать соду прямо изъ морской соли. Привѣчательнѣйшія состоятъ въ упогребленіи извести и свинцовой окиси, или глета, для того чтобы разложить ее. Первый способъ былъ наблюдаемъ многими учеными, между прочими Proust'омъ и Pelletier: они замѣтили на сырыхъ стѣнахъ выцвѣты углекислой соды, которые приписали свойству негашеной извести разлагать морскую соль. Основываясь на этомъ, они опускали въ соляной растворъ груды извести, которыя, будучи оставлены на воздухъ и содержимы въ постоянной сырости, покрывались тамъ парослями

углекислой соды. Этотъ способъ, по причинѣ малости добываемаго количества соды, остался безъ употребленія. Второй способъ, состоящій въ употребленіи глета, открытъ Шееле'мъ, и давно уже употреблялся въ Англии для полученія хорошей желтой краски. Chaptal и Bégarд примѣнили его къ приготовленію соды. Въ этомъ случаѣ образуется хлористый свинецъ и чистый натръ, который отдѣляютъ отъ перваго промываніемъ; но высокая цѣна глета препятствуетъ употребленію въ большомъ размѣрѣ этого способа, впрочемъ весьма остроумно придуманнаго.

Всѣ эти неудачные опыты заставили искать средствъ извлекать соду изъ другаго вещества, и именно изъ сѣрнокислаго натра.

Прежде отъ разложенія морской соли сѣрною кислотою, для добыванія соляной, или водородохлорной, кислоты, оставались значительныя массы вещества, изъ котораго не знали что сдѣлать. Остатки эти измучили фабрикантовъ соляной кислоты: они тщетно старались открыть въ нихъ что нибудь полезное; и долго остатки носили отверженныя прозванія *caput mortuum* и *terra dampnata*, «дряни» и «проклятой земли». Наконецъ Глауберъ открылъ въ нихъ сѣрнокислый натръ, который онъ весьма удачно примѣнилъ къ леченію желудочныхъ болѣзней. Вещество это и понынѣ извѣстно въ Медицинѣ подъ именемъ «дивной соли Глауберовой», *sal mirabile Glauberi*.

Но это употребленіе было бы недостаточно для сбыта огромныхъ запасовъ селитрокислаго натра, если бь открытіе способа извлекать искусственную соду изъ этого химическаго продукта не показало въ немъ новой пользы. Скоро нашли даже, что прежняя «проклятая земля» обходилась слишкомъ дорого, по причинѣ высокой цѣны сѣрной кислоты, которую употребляли въ чистомъ состояніи для разложенія морской соли. Поэтому прежде всего обращено вниманіе на экономическое добываніе сѣрнокислаго натра.

Предложены были между многими другими два главные средства, и каждое изъ нихъ можетъ быть выгоднымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Одно состоитъ въ смѣшеніи въ водѣ порошка морской соли съ сѣрнокислымъ желѣзомъ, полагая 73 доли соли на 172 сѣрнокислаго желѣза: эта про-

порція признана выгодѣйшею. Смѣсь поливаютъ слегка водою и оставляютъ въ кучѣ на нѣсколько дней; пока она еще холодна въ ней образуется сѣрнокислый натръ и хлористое желѣзо; потомъ ее раскаляютъ до-красна, и отъ дѣйствія жару, разлагающаго воду, хлористое желѣзо разлагается также на водородохлорную кислоту, которая испаряется, и желѣзную окись, которая остается въ смѣшаннѣ съ сѣрнокислымъ натромъ. Подобный процессъ имѣетъ ту выгоду, что при немъ мало отдѣляется сѣрноватой кислоты и хлора; пережиганіе очень удобно въ отражательной печи. Значительную часть остаточной массы распускаютъ въ водѣ, причѣмъ осаждается желѣзная окись. Вода содержитъ тогда одинъ только сѣрнокислый натръ, который легко можно получать черезъ кристаллизацию или просто черезъ выпариваніе. Этому способу въ особенности слѣдуютъ на нѣкоторыхъ заводахъ на сѣверѣ Франціи.

Другой способъ основанъ на превращеніи морской соли въ сѣрнокислый натръ, помощію сѣрнаго колчедана. Сто частей колчедана, содержа въ одномъ атомѣ два атома сѣры, могутъ разложить двѣсти частей морской соли. Оба вещества, въ смѣси, должны быть подвергнуты умѣренному обжиганію въ отражательной печи; стра, отъ вліянія жару, воздуха и содія, превращается въ сѣрную кислоту; содій, перешедшій въ состояніе окиси натра, совокупляется съ этой кислотою. Наконецъ хлоръ, заключающійся въ морской соли, соединяясь съ водородомъ воды и топлива, переходитъ въ состояніе соляной кислоты. Остатокъ отъ этого, полученный черезъ промываніе, доставляетъ сѣрнокислый натръ. Смѣсь можно пережигать въ кучѣ, перемѣшавъ ее съ каменнымъ углемъ или перестлавъ ее хворостомъ.

Остановимся на этихъ двухъ способахъ добывать сѣрнокислый натръ, потому что они бы могли быть употреблены съ пользою въ нашемъ отечествѣ, которое представляетъ столь обильныя руды сѣрнаго колчедана. Впрочемъ, при этомъ должно принимать въ разсужденіе разстояніе и издержки провоза. Необходимость употреблять морскую соль, кажется, назначила выдѣлкѣ искусственной соды мѣсто на морскихъ берегахъ. Вспомнимъ однако, что въ Россіи находятся многія горько-соленыя озера и значительныя образо-

ванія горной соли, которыми можно было бы воспользоваться. Рассмотреніе этого вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко; кому жъ онъ тѣсно связанъ съ другими вопросами по части нашей промышленности, которыхъ невозможно разрѣшить безъ глубокихъ и продолжительныхъ наблюдений. Во Франціи выдѣлка искусственной соды, нынче распространявшаяся повсюду, особенно утвердилась на югѣ, въ Марсели. Тамъ же по-сую-пору исключительно добываютъ сернокислый натръ изъ морской соли, помощію продажной серной кислоты. Къ этому, вѣроятно, способствуетъ также удобный привозъ туда серы, необходимой для производства серной кислоты.

Для превращенія въ соду приготовленнаго сернокислаго натра есть также многіе способы. Самый удовлетворительный, и которому нынче вообще слѣдуютъ во Франціи, изобрѣтенъ хирургомъ *Leblanc*'омъ. Изъ прочихъ упомянемъ только о способѣ, который былъ предложенъ въ 1778 году монахомъ Бенедиктинскаго ордена *Malesherb*'омъ для приготовленія соды. Его употребили во Франціи во время революціи: химикъ *Alban* сдѣлалъ опытъ въ присутствіи комиссаровъ, назначенныхъ отъ правительства. Для этого взяли 100 килограмовъ пережженнаго сернокислаго натра, 20 килограмовъ толченаго угля, 11 килограмовъ погасшаго угля въ кускахъ, и 33 килограмма обрѣзковъ листоваго желѣза или жести. Сперва смѣшали сернокислый натръ съ толченымъ углемъ; потомъ грѣли смѣсь въ отражательной печи, такъ, чтобы сернокислый натръ превратился въ стрный содій: ясно, что при этомъ образовался углеродный газъ, который улетѣлъ въ трубу. Въ стрный содій, хорошо приведенный въ жидкое состояніе, бросили 20 килограмовъ желѣза; массу взболтали сильно и въ нѣсколько пріемовъ; она вздулась, вскипѣла, и желѣзо скоро расплавилось. Тогда прибавили туда 8 килограмовъ угля въ кускахъ, которые произвели отдѣленіе водородо-сернаго газа. Нѣсколько времени спустя присоединили къ смѣси остатокъ желѣза и угля въ кускахъ; продолжали часто и тщательно перемешивать, пока дѣлалось отдѣленіе водородо-сернаго газа; наконецъ успокоившуюся расплавленную массу выпустили изъ печи: она вѣсила 107 килограмовъ. Вещество это со-

тонть изъ чпстаго безводнаго натра и сѣрнаго желѣза; оно сильно-чернаго цвѣту, бѣко на языкѣ, изломъ имѣеть металлическій и струнстый; на воздухѣ разрушается съ издѣленіемъ теплоты, и покрывается желтыми выцвѣтами желѣзной окиси. Черезъ промываніе водою изъ него можно извлечь довольно натра для составленія 100 килограмовъ углекислой соды.

Не смотря на подобное обиліе въ содѣ, нельзя однако выдвать этого способа за совершенный. Онъ требуетъ еще многихъ опытовъ и наблюдений. Мы менѣе распростанились бы о немъ, если бѣ въ последнее время не было подтверждено, что желѣзо можно въ немъ замѣнить смѣсью желѣзной руды и угля въ надлежащихъ пропорціяхъ. Обстоятельство это очень важно: къ нему относятся сдѣланныя выше замѣчанія о богатствѣ Россіи желѣзными рудами.

Займемся теперь описаніемъ *Leblanc*'ова способа. Онъ основанъ на превращеніи въ соду сѣрнокислаго натра, которому тотъ подвергается, когда его персжигаютъ съ надлежащимъ количествомъ угля и мѣлу. Въ слѣдующей таблицѣ изображено это замѣчательное взаимнообратное дѣйствіе.

Беруть :

2 атома сѣрнокислаго натра сухаго	=	1784	или	41.
3 атома углекислой извести (мѣлу)	=	1893		44.
18 атомовъ угля.....	=	673		15.
		<hr/>		<hr/>
		4540.		100.

Получаютъ :

2 атома углекислаго натра сухаго.....	=	1332	или	30.
1 атомъ извести	} въ соединеніи	=	1270	29 — 5.
2 атома сѣрнаго кальція				
20 атомовъ углероднаго газа.....	=	1750		40 — 5.
		<hr/>		<hr/>
		4352.		100.

При первомъ взглядѣ нельзя дать себѣ отчета въ употребленіи угля; но вникнувъ въ ходъ процесса, легко убѣдиться въ его необходимости. Предположимъ сперва, что черезъ взаимнообратное дѣйствіе сѣрнокислый натръ и часть мѣлу превращаются въ сѣрнокислую известь и углекислый натръ. Превращеніе это несовершенно, потому что черезъ раствореніе въ водѣ, мѣлу и сѣрнокислый натръ могутъ возстановиться, чего не можетъ случиться, когда къ нимъ прибавле-

но надлежащее количество угля, при помощи которого сернокислая известь разлагается: образуется серный кальций, часть свободной извести и углеродный газъ. Этотъ послѣдній весь улетаетъ воспламеняясь на поверхности. Должно замѣтить еще, что если бы были только два атома мѣлу, то хотя сернокислая известь была бы превращена углемъ въ серный кальцій, однако кальцій въ водяномъ растворѣ неминусемо былъ бы разложенъ углекислымъ натромъ, и въ смѣси снова оказались бы мѣлу и серный содй. Для отвращенія этого, должно непременно употреблять три атома мѣлу, потому что тогда остается одинъ атомъ извести свободнымъ и, въ соединеніи съ двумя атомами сернаго кальція, составляетъ сложное вещество, нерастворимое въ холодной водѣ. Такъ образовавшійся углекислый натръ растворяется одинъ, и совершенно избѣгаетъ обратнаго дѣйствія сернаго кальція.

По этому видно, что вся тайна производства, имѣвшего такое вліяніе на Французскую торговлю; заключается въ соблюденіи надлежащихъ и атомическихъ пропорцій между мѣломъ и сернокислымъ натромъ. Что касается до угля, то количество его можетъ мѣняться: дѣйствительно должно класть его болѣе чѣмъ показываетъ исчисленіе, для замятаго который сжигается во время процесса; кому жъ излишекъ угля можетъ повредить только усиливъ ѣдкость соды, неудобство очень маловажное.

Приведемъ теперь размѣры, употребленные *Leblanc* и произведенія его способа приготоуленія.

Взято :

1000 частей сухаго сернокислаго натра.

1000 частей мѣла.

550 частей угля.

2550 частей всей употребленной смѣси.

Получено :

1530 частей неочищенной соды.

900 частей углекислаго кристаллизованнаго натра, добытаго изъ неочищенной соды.

1000 частей нераствореннаго вещества, осажденнаго неочищающею содою.

3430.

Такъ производство соды, посредствомъ сернокислаго натра, по способу *Leblanc*'а есть процессъ частный и нѣко-

торымъ образомъ не представляющей трудности. Нельзя сказать того же о производствѣ сѣрнокислаго натра: въ сущности оно очень легко, но сопровождается важными неудобствами отъ выварки огромнаго количества соляной кислоты, которую нѣтъ возможности сбыть и трудно сгустить безъ большихъ издержекъ. Поэтому должно различать, въ производствѣ соды, мануфактуры, собирающія соляную кислоту, отъ такихъ, которыя оставляютъ ее безъ употребленія.

Въ первомъ случаѣ можно воспользоваться обыкновенными сгустительными приборами. На нѣкихъ большихъ заводахъ въ Англии и во Франціи принято устройство, которое позволяетъ производить значительнѣйшія количества сѣрнокислаго натра, хотя впрочемъ на нихъ можно сгустить только нѣкоторую часть образовавшейся соляной кислоты. Самый простой аппаратъ для этого состоитъ въ отражательной печи для нагреванія смѣси сѣрной кислоты и морской соли, изъ которой дымъ направляется черезъ цѣлый рядъ конденсаторовъ; по выходѣ изъ нихъ, онъ вытягивается въ трубу другой печи, служащей собственно для приготовленія соды. Если привять подобный снарядъ, необходимо должно производить превращеніе сѣрнокислаго натра въ соду въ особенной печи.

Но вообще значительныя фабрики находятъ слишкомъ мало сбыта для соляной кислоты, и потому стараются только ее сгущать, чтобы избѣгнуть вреда, который могло бы причинить окружающему прозябанію разлитіе ея въ воздухъ. Самое простое средство — направить дымъ въ обширную комнату, наполненную кусками углекислой извести; оттуда онъ проходитъ въ длинный каналъ, котораго стѣны сдѣланы изъ такихъ же кусковъ. Если возможно, то прислоняютъ этотъ каналъ къ какой-нибудь возвышенности, чтобы онъ могъ въ то же время служить трубою. Въ противномъ случаѣ устриваютъ на концѣ его вытяжную трубу для дыму. Если есть много воды, можно употребить ее на это сгущеніе: стоитъ только, какъ предлагаетъ Г. Clément-Desormes, пропускать газы черезъ башню, наполненную голышами, которые безпрестанно орошаются водянымъ потокомъ. Въ Марсели многія фабрики устроены такимъ образомъ. Вообще, нигдѣ выдѣлка искусственной соды не достиг-

ла такого развитія какъ въ этомъ городѣ, и ему-то большую частію она одолжена своимъ цвѣтущимъ состояніемъ.

Сгущенію соляной кислоты часто препятствуетъ устройство печей. Когда одна и та же печь служитъ для приготовленія сѣрнокислаго натра и для превращенія его въ соду, сильная тяга воздуха, которой требуетъ производство натра, не позволяетъ съ успѣхомъ примѣнить къ ней ни одного изъ описанныхъ здѣсь способовъ сгущенія. Напротивъ, при двойныхъ печахъ, сгущеніе производится очень удобно. Къ тому жъ эта система представляетъ многія другія преимущества.

Двойная печь есть печь отражательная съ убавочнымъ сводомъ, которой подъ раздѣленъ на два эллиптическія отдѣла. Первый отдѣлъ имѣетъ десять футовъ въ длину и восемь въ ширину; онъ предназначенъ для производства соды. Другой осьми футовъ въ длину, и семи въ ширину, остается для приготовленія сѣрнокислаго натра. Для соды подъ сводомъ изъ кирпичу; для сѣрнокислаго натра всегда изъ песчанику: этотъ послѣдній, събываясь сѣрною кислоту никогда не служитъ болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Горнилу даютъ четыре фута длины на два фута ширины.

Въ подобной печи разлагаютъ въ однѣ сутки 1,600 килограмовъ морской соли, посредствомъ 2,000 килограмовъ сѣрпой кислоты въ 50°. Изъ этого добывается 2,000 килограмовъ сухаго сѣрнокислаго натра.

Въ то же время, 2,000 килограмовъ сѣрнокислаго натра, смѣшанные съ 2,060 и даже 2,100 килограмовъ мѣду и 1,000 или 1,060 килограмовъ угля, превращаются въ соду и даютъ 2,800 килограмовъ соды хорошаго сорта. Дѣйствуютъ разомъ надъ 400 килограмами смѣси, и каждый процессъ продолжается два часа.

Результаты эти согласны съ исчисленіями; но главная выгода заключается въ выигрышѣ времени и топлива. Въ простой печи для выдѣлки одного изъ двухъ веществъ сжигаютъ 12 гектолитровъ каменнаго угля; для двойной, количество это весьма мало увеличивается.

Разсуждая объ устройствѣ печей, нельзя не вздохнуть о горькой участи изобрѣтателя искусственной соды, который

пострадалъ именно отъ ошибки въ этомъ устройствѣ. Leblanc, который занимался Химіею какъ наукою вспомогательною и имѣлъ объ ней только познанія общія, безъ большой технической опытности, употребилъ на своей фабрикѣ, устроенной въ окрестностяхъ Парижа, четвероугольныя печи. Сѣрный содѣй, скоплавшійся въ углахъ, оставался тамъ неразложеннымъ, и потомъ примѣшиваясь къ добытой содѣ, дѣлалъ ее совершенно негодною къ употребленію. Можно себѣ представить отчаяніе фабриканта: въ недоумѣніи, онъ потерялся; простая мысль замѣнить свои четвероугольныя печи эллиптическими или, просто, обыкновенными пламенными печами, не пришла ему въ голову. Между-тѣмъ здѣлія фабрики не имѣли сбыта; издержки на ея устройство не окупались: по необходимости, производство остановилось. Всѣ орудія, сосуды, матеріалы, даже кирпичи, изъ которыхъ были построены роковыя печи, проданы для уплаты долговъ. Разореніе, столь неожиданное, сильно поколебало разсудокъ Leblanc'a и онъ застрѣлился 1812 года.

Открытіе, на которое онъ получилъ привиллегію, не смотря на то, что Наполеонъ принудилъ его обнародовать свой способъ, нѣсколько лѣтъ не приносило пользы. Наконецъ въ Парижѣ составила компания для производства искусственной соды. Заводъ расположенъ въ окрестностяхъ Парижа. G. Darcey, принявшій на себя надзоръ за мануфактурою, послѣдовалъ совершенно способу Leblanc'a, и употребилъ только эллиптическія печи. Дѣло пошло съ рѣдкимъ, несбыточнымъ, успѣхомъ; всѣ Марсельскіе и другіе мыльные заводчики съ жадностью набросились на искусственную соду Darcey'a, и отсутствіе всякаго соперничества позволило держателямъ мануфактуры наложить высокія цѣны. Квинталъ соды, стоящій нынче пять франковъ, продавали тогда по сто пяти франковъ, что доставляло фабрикѣ болѣе тридцати тысячъ чистаго барыша въ день. Зато и дѣятельность мануфактуры была чрезвычайная: каждый мѣсяць надлежало возобновлять мостовую двора, по которому привозили первые матеріалы и вывозили готовую соду. По-сосѣдству, былъ постоянно открытъ трактиръ, предлагали безмездную пищу во множествѣ стекавшимся туда работникамъ. Скоро новые фабриканты наняли полу-разрушенный заводъ своего пред-

шественника, и это заведеніе, исправленное и передѣланное, начало приносить имъ новыя значительныя выгоды.

Но этотъ насильственный успѣхъ былъ не продолжительнъ. Соляная кислота, противъ распространенія которой содержатели фабрики не принимали предосторожностей, уничтожала окрестное прозябаніе, истребляла хлѣбъ на корнѣ и наполняла воздухъ вредными и нестерпимыми испареніями. Тщство представляли поселяне о вредѣ, который наносила имъ фабрика; наконецъ они рѣшились достигнуть силою того, чего не могли устранить жалобами. Вооруженные дрекольями, вилами, косами, всѣми земледѣльческими орудіями, они устремились на мануфактуру; многочисленныя работники; съ своей стороны, въ ожиданіи нападенія, приготовились къ оборонѣ. Угрожала кровопролитная схватка, если бѣ полиція не успѣшила предупредить междоусобіе, остановивъ заводъ.

Тогда распущенные работники вдругъ увидѣли себя безъ занятія. Содержатели назначили имъ по полуфранку въ день, желая удержать ихъ въ Парижѣ, пока мануфактура снова приведется въ дѣйствіе, а между-тѣмъ старались открыть способы огущать соляную кислоту. Но такъ они сохранили только работниковъ молодыхъ и неопытныхъ: всѣ поискушнѣ пошли на югъ, въ Марсель, открыли тамъ своя способы, и съ того времени въ Марсели преимущественно утвердилась фабрикація искусственной соды.

Обратимся опять къ наблюденіямъ надъ этою фабрикаціей. Превращеніе морской соли въ стрнокислый натръ не представляетъ ничего особеннаго. Соль кладутъ въ печь, и вливають туда кислоту сквозь отверстіе, продѣланное въ сводѣ. Что касается до превращенія стрнокислаго натра въ соду, оно сопряжено съ нѣкоторыми особенностями, заслуживающими вниманія. Смѣсь, хорошо истолченная, кладется на подъ черезъ боковыя дверцы; въ ту же самую минуту вѣтеръ уноситъ часть мелко измолотаго матеріала въ трубу; но смѣсь скоро начинаетъ разжигаться, ежится, клокотать; ее сильно мѣшаютъ греблюмъ, и лишь-только она начнетъ расплавляться, отъ нея отдѣляется множество пузырьковъ углероднаго газа, которые воспламеняются на воздухъ. Вода заключающаяся въ матеріалѣ, разлагается, и между прочимъ

производить углеводородный или сероводородный газ. Пока продолжится это последнее дѣйствіе, надобно сильно мѣшать; лишь-только оно прекратится, масса бываетъ гораздо жиже и процессъ приближается къ окончанію. Тогда погружаютъ въ нее желѣзный пруть, который покрывается пленкою; эта пленка ломается охлаждаясь, и если она представляетъ ровную рябь, операцію можно считать оконченною. Въ это время огонь требуетъ постоянного надзора: слишкомъ сильный, онъ можетъ прижечь соду и неразложенную известь; слишкомъ слабый, онъ дастъ окръпнуть массу. Вещество, извлеченное изъ огня, бросаютъ на землю, гдѣ оно застываетъ кучею; потомъ его ломаютъ въ куски и хранятъ въ анбарахъ. Эта неочищенная сода содержитъ часто немного сернаго содія; но отъ дѣйствія воздуха онъ скоро переходитъ въ состояніе серноватокислаго натра.

Для извлеченія, изъ неочищенной соды, углекислаго натра, который въ ней содержится, ее толкутъ и промываютъ, такъ точно какъ мусоръ для добыванія селитры. Щелокъ выпаривается въ приборѣ, составленномъ изъ четырехъ котловъ; первый, то есть, наиболее удаленный отъ горнила, служитъ для нагрѣванія щелока; два слѣдующіе предназначены для сгущенія жидкости; наконецъ въ четвертый, поставленный надъ горниломъ, вливаютъ жидкость, уже очень усиленную; и тамъ она выпаривается до-суха. Довершаютъ осушеніе соли въ отражательной печи, похожей на ту, какая употребляется для пережиганія шадрина. Полученное такимъ образомъ вещество въ торговлѣ носитъ названіе содовой соли, *sel de soude*.

Подъ именемъ «углекислой соды», *carbonate de soude*, преимущественно разумѣютъ окристаллизованную соль. Ее готовятъ подвергая въ холодное время кристаллизаціи щелокъ. Маточныя воды, выпаренныя до суха, даютъ содовую соль.

Такъ, помощію способа довольно простаго, Французы успѣли замѣнить недостатокъ естественнаго произведенія, столь необходимаго въ промышленности. Англія не оставила тоже воспользоваться этимъ открытіемъ, и производство искусственной соды начинаетъ распространяться въ этою государствѣ. Во многихъ частяхъ Германіи дѣлали удачные

опыты приговления соды. Всего болѣе потеряла оттого Испанія, которая лишилась сбыта болѣеи части своей естественной соды. Даже вывозъ поташу изъ Россіи нѣсколько уменьшился въ последнее время, и кажется это обстоятельство должно приписать тѣмъ же причинамъ. Впрочемъ поташъ всегда останется у насъ статьею отпускной торговли: въ стеклѣи употребленіе его необходимо, для зеркальных стеклъ и хрустала. Сода почти всегда сообщаетъ этимъ издѣліямъ зеленоватую мутность, которая уменьшаетъ ихъ цѣну. Съ другой стороны сода предпочтительнѣе для фабрикаціи оконнаго и бутылочнаго стекла, потому что даетъ имъ болѣе твердости и позволяетъ имъ лучше выносить вліяніе сырости и жару. Въ выдѣлкѣ мыла, сода всегда должна имѣть верхъ надъ поташемъ: содовый мыла гораздо плотнѣе и лучше соотвѣтствуютъ своему назначенію. Сильнѣйшимъ доводомъ тому служить слава и употребительность, пріобрѣтенныя Марсельскими мылами. Въ Москвѣ, гдѣ мыльные заводы довольно многочисленны, въ послѣдніе годы одинъ Г. Бессъ употреблялъ соду для приговления мыла. Преимущества его мыла скоро были признаны всеми потребителями, и выгодный сбытъ вѣроятно наградила фабриканта за первый у насъ опытъ усовершенствованія этой фабрикаціи.

Г. Бессъ, одинъ также, явился на Московскую выставку произведеній отечественной промышленности 1835 года, съ образчиками искусственной соды. Нельзя не имѣть надежды на успѣхи этого начала, когда примѣръ подастъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ фабрикантовъ по части химическихъ произведеній. Обширное производство соляной кислоты, идущей у насъ на бѣленіе разныхъ тканей и на другіе предметы, накопило въ Москвѣ большіе запасы сѣрникоислаго натра. Приговленіе искусственной соды дало бы фабрикантамъ средство сбыть ихъ или употребить съ выгодною. Въ то же время оно позволило бы замѣнить частію поташъ, котораго добываніе сопряжено съ большими издержками, особенно съ тѣхъ поръ какъ оно производится далеко отъ столицы. Уже мы сказали, что цѣна на это произведеніе повысилась. При употребленіи лѣсу чугуноплавильными заводами, которые размножились въ окрестностяхъ Москвы, повышеніе это легко

объяснить: легко также предвидѣть, что оно еще усилится на будущее время. Поэтому нельзя довольно заочинивать наших заводчиковъ къ фабрикаціи, которая можетъ одна предупредить эти неудобства.

Въ заключеніе, мы коснемся другаго, важнѣйшаго вопроса, который тѣсно связанъ со всѣми соображеніями о промышленности. Вопросъ этотъ касается топлива. Промышленность наша растетъ; шаги ея истинно исполинскіе; Русская природная смышленность уже умѣла, особенно въ последнее десятилѣтіе, воспользоваться всѣмъ, что трудъ западныхъ народовъ создалъ въ теченіе вѣковъ. Но кажется, пользуясь ихъ успѣхами, намъ слѣдовало бы также имѣть передъ глазами ихъ ошибки. Въ Европѣ почти вездѣ, гдѣ мануфактуры достигли цвѣтущаго состоянія, онѣ пожрали лѣса; позднее раскаяніе уже не могло возстановить истребленнаго неосмотрительною поспѣшностью, и каждый день нынче оплакиваютъ потерю этихъ драгоценныхъ регуляторовъ атмосферы, такъ благотворно дѣйствующихъ на растительныя и жизненныя силы. И чтоъ стало бы съ людьми, если бѣ Провидѣніе, въ то самое время какъ истощились лѣса, не дало имъ возможности замѣнить ихъ горючимъ матеріаломъ, обильнымъ остаткомъ исчезнушаго прозябенія, который перевороты сокрыли въ недрахъ земнаго шара. Мы говоримъ о каменномъ углѣ. Пора и намъ прибѣгнуть къ этому дару природы. Екатеринославская формація, открытая въ последнее время, словно призываетъ промышленность въ этотъ край, гдѣ она еще такъ мало распространилась. Во многихъ частяхъ Россіи жалуются на недостатокъ топлива; но нѣтъ сомнѣнія, что тщательные поиски открыли бы и тамъ или по-близости другія формаціи каменнаго угля. Уголь сдѣлается скорѣю одною изъ первыхъ потребностей въ Россіи, а для того чтобы употреблять его съ выгодною, необходимы быстрыя и дешевыя сообщенія, — желѣзныя дороги. Такъ въ промышленности одно условіе влечетъ за собой другое, такъ все здѣсь связано одною цѣпью общественной пользы, и нѣтъ ни одного предпріятія, котораго патріотизму добрыхъ сыновъ отечества не слѣдовало бы поддерживать всѣми силами. *Александръ Бутовскій.*

Парижъ, 1836.

НАУКА ДОМОВОДСТВА.

Статья первая.

Въ сельскомъ хозяйствѣ дѣйствуютъ двѣ главныя производящія силы, — природа и человекъ. Они дѣйствуютъ иногда отдѣльно, иногда дружно. Любопытно знать въ какомъ случаѣ и въ какомъ отношеніи оба могучіе дѣятеля, умъ и природа, сходятся въ дѣйствіяхъ, такъ, что составляютъ одно безразличное цѣлое, и въ какомъ расходятся; гдѣ рубежъ соединенія и разгласія; когда требуютъ они взаимной помощи; какія плоды приносятъ ихъ согласіе; чье изъ нихъ участіе важнѣе для сельскаго хозяйства, и кто именно ведетъ къ усовершенствованіямъ и процвѣтанію.

Въ сельскомъ хозяйствѣ есть области, собственно принадлежащія природѣ, гдѣ она владычествуетъ, торжествуетъ, развивается самостоятельно. Человекъ въ нихъ — лице постороннее. Это видимъ мы въ двухъ главныхъ вѣтвяхъ хозяйства, — земледѣліи и животноводствѣ. При однихъ и тѣхъ же условіяхъ обработки и тучности почвы, всходъ, произрастаніе, цвѣтеніе и спѣлость прозябеній суть дѣло природы, а не человека. Отъ состоянія атмосферы, отъ сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ потоковъ электро-магнитности въ недрахъ и надъ поверхностью земли, зависятъ вѣтры, холодъ, морозы, теплота, дожди, засухи, бури. Предупредить или отворотить ихъ на обширной сценѣ сельскаго хозяйства, не сильна рука человѣческая. Для человека до-сихъ-поръ остается тайною, отчего въ такомъ-то году облака бѣльшую частью были наэлектризованы отрицательно, и въ слѣдующій положительно; отчего атмосфера и потоки электро-магнитности въ иной годъ дружатся съ землею, стараются общими силами лелѣять ея произведенія и проводятъ ихъ черезъ всѣ періоды ихъ кратковременной жизни съ торжествомъ и успѣхомъ, и въ другой годъ гнѣвный воздухъ отказываетъ растительному населенію въ необходимомъ или даже становится непримиримымъ врагомъ его. Въ животноводствѣ то же. Въ иной годъ животныя отменно веселы, здоровы, плодильны,

въ другой унылы и хворы ; кормъ неидеть имъ впрокъ ; они безпрестанно подвергаются болѣзнямъ, претерпѣваютъ морь и безплодіе, не смотря на всѣ усилія чловѣка въ ихъ пользу. Въ этихъ двухъ областяхъ сельскаго хозяйства все зависитъ отъ воли природы , все ей покоряется. Тутъ конечно участвуетъ и чловѣкъ , но не самовластно и не творчески. Онъ ничего самъ собою не производитъ въ земледѣіи и животноводствѣ : онъ только разгадываетъ ходъ , замѣчаетъ законы и цѣли природы , ограничивается изученіемъ того , чего она желаетъ и что полезно для успѣха ея производства, и за это пособіе получаетъ отъ нея произведенія лучшаго качества и въ большемъ количествѣ. Онъ ничего не можетъ измѣнить въ природѣ. Что установлено, то и будетъ появляться вѣчно на своемъ мѣстѣ, въ свое время , въ известномъ объемѣ, съ одинаковымъ очертаніемъ. Ему остается только помогать природѣ, дѣйствуя въ ея духъ, съ познаніемъ ея нуждъ, прихотей, законовъ и тайнъ, чтобы улучшить то, что она сама собою производитъ. Улучшеніе породъ растеній и животныхъ, преобразование ихъ въ новыя, лучшія виды суть только отѣнки, которые чловѣкъ кладетъ на картину созданія, не нарушая ея рисунка ни колорита. Словомъ , въ этихъ двухъ областяхъ природа требуетъ отъ насъ только услугъ, повинновенія , но иногда и въ нихъ не нуждается, имѣя всѣ собственныя средства выводить превосходное въ изобиліи : таковы всѣ дикія произведенія , — лѣса, хлѣбное дерево, смолы, пряности, дикій скоть, птицы лѣсныя, степныя и живушія на водахъ ; даже, на естественныхъ черноземныхъ почвахъ, самый хлѣбъ , небрежно разбрасываемый земледѣльцемъ. Но въ этихъ двухъ областяхъ и оканчивается первенство природы передъ чловѣкомъ и ея господство. Въ ремеслахъ , третьей главной вѣтви сельскаго хозяйства, чловѣкъ уже разъединяется съ природой. Иногда онъ идетъ особою дорогой, къ особеннымъ цѣлямъ, ему только известнымъ, и которыя самъ онъ создалъ. Здѣсь онъ первенствуетъ и, наоборотъ, требуетъ отъ природы только пособія. Здѣсь рубежъ союза и раздѣла природы съ чловѣкомъ. Природа не строитъ такихъ зданій какъ чловѣкъ, ея зодчество на поляхъ, лугахъ, въ горахъ, совсѣмъ другаго рода. Чловѣкъ, въ ремеслахъ, часто даже опережаетъ при-

роду: изъ желѣза дѣлаетъ онъ упругую сталь, какой нѣтъ въ природѣ; изъ земли черной, напитанной углеродомъ, гошитъ струи металлической жидкости, — чугуны, котораго такъ же нѣтъ въ природѣ; изъ коры и пней древесныхъ выжимаетъ деготь, изъ сѣмянъ масло; — словомъ, приготовленіе льну, пеньки, сыру, бѣленье, ткачество, пряденье, плотничество, кузнечное и машинное дѣло, постройка земледѣльческихъ орудій, сбруи, повозокъ и прочая, — все это вѣтъ чисто человѣческія, для его удовольствія, спокойствія, наслажденій, счастія. Природа дѣлится съ нимъ только своими силами, которыя она позволяетъ ему употреблять для своихъ надобностей согласно свойству и законамъ этихъ силъ. Человѣкъ долженъ изучить ихъ, и тогда можетъ ими пользоваться какъ ему угодно. Конечно, здѣсь часто выходитъ недоразумѣнія между природою и человѣкомъ, который не всегда ее понимаетъ и не впопадъ распоряжается ея дарами. Умъ и природа спорять, враждуютъ, но наконецъ природа уступаетъ и повинуется уму, сохраняя впрочемъ свою независимость. Она даетъ человѣку свой ленъ или пеньку, и при нихъ дерево, огонь, воду, воздухъ, металлы, и позволяетъ ему выдѣлывать для себя батистъ или тончайшее кружево; садится съ нимъ за работу, двигаетъ его рычаги, вертитъ его шпули, персметываетъ ткацкія челноки его, своими силами, но лишь только онъ прозѣвалъ что-нибудь или оказалъ малѣйшее неуваженіе къ ея законамъ, она взорветъ на воздухъ его станки, переломаетъ его веретена, перепутаетъ его нитки, предастъ огню или зальетъ водою все заведеніе, или по-крайней-мѣрѣ введетъ въ убытки и накажетъ нищетою.

Но есть четвертая область сельскаго хозяйства, — домоводство, гдѣ человѣкъ — вождь и повелитель независимый. Здѣсь онъ разстается съ природою, поблагодаривъ ее за всѣ дары. Онъ развиваетъ изъ нихъ собственную вселенную; онъ самобытенъ, вѣренъ самому себѣ, не подчиненъ ни по годамъ ни временамъ года. Въ его комнатѣ потоки электромагнитности смиряются; атмосфера, съ своими бурями и измѣненіями, не вырветъ легкаго пера изъ рукъ мыслящаго сельскаго хозяина, не разстроитъ его благоразумныхъ цѣлей, не остановитъ прозорливой дѣятельности въ распоряженіи-

яхъ, не потушить нравственныхъ чувствъ, великодушія, справедливости въ управленіи себѣ подобными сотрудиниками, не смутить расчетовъ труда и оборотливости. Въ этой области человекъ, какъ верховный властитель, призываетъ передъ судъ своего ума природу, обозрѣваетъ ея годичныя дѣйствія, превращаетъ ея тяжелыя массы, въ краткіе символы — цифры, оцѣниваетъ полученныя выгоды отъ употребленія ея силъ для сельскихъ ремеслъ, обвиняетъ, соображаетъ все это въ цѣломъ, иное уменьшаетъ, другому придаетъ больше развитія, и дѣйствуетъ могуществомъ души своей, отгадывая будущее, приготавливая для будущаго, творя мысленно, укрѣпляя теореніе знаніемъ и наукою; и двигаетъ свою вселенную, — сельское хозяйство, — на которую онъ полагаетъ вездѣ печати порядка, пользы, изящества, благости.

Въ этой области пребываетъ геній-хранитель сельскаго хозяйства. Безъ тѣхъ живительныхъ силъ, которыя въ ней заключаются, — безъ счетоводства, отчетности, сбыта, бережливости, домоустройства, управленія имѣніемъ, людьми и работами, общественной и частной запасности и заведеній довѣрія, что представляетъ сельское хозяйство? Машину разложенную, шаткую, всегда готовую сокрушиться; массу произведеній, смѣшанную, беспорядочную; соединеніе труда запутаннаго, безъ плана и цѣли; призракъ промышленности жалкой, груды, развалины безобразнаго предпріятія. И эта вѣтвь сельскаго хозяйства, въ которой заключается истинное достоинство земледѣльца, была забыта въ наукѣ сельскаго хозяйства, не оцѣнена и не изслѣдована!

Тезръ, знаменитый писатель и опытный хозяинъ, первый почувствовалъ этотъ важный пропускъ въ наукѣ. Въ своемъ сочиненіи о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ, онъ уклонился отъ прежняго, избитаго и невѣрнаго, пути, и избралъ новый. Въмѣсто того, чтобъ по обыкновенію, начать книгу изъясненіемъ законовъ природы и правилами земледѣлія и скотоводства, онъ прямо приступилъ къ опредѣленію науки сельскаго хозяйства, какъ промышленности. Его опредѣленіе, на первый случай, было не совсѣмъ удачно. Тезръ называетъ сельское хозяйство промышленностью, которой цѣль сколачивать копѣйку отъ произведеній земли и животныхъ.

Какое низкое, ремесленное направлѣніе! Постановивъ однажды цѣлю своего «высшаго, совершеннаго *раціональнаго*» хозяйства мысль — набивать плотно карманъ деньгами, онъ не могъ удержать этого общенароднаго занятія на той высокой степени, которую оно дѣйствительно занимаетъ въ гражданскомъ обществѣ, ни показать всего участія земледѣльца въ благоденствіи государствъ, и въ жребіи человѣчества, особенно при стремленіи къ усовершенствованіямъ. Мѣсто сельскаго хозяина въ благоустроенномъ обществѣ не есть мѣсто сборщика дани съ поземельной собственности ни копителя денегъ, съ которыми такъ часто идутъ неразлучно корыстолюбіе, скряжничество, несправедливость, угнетеніе своихъ сотрудниковъ, предпочтеніе личныхъ выгодъ общему благу. Теэръ выпустилъ изъ виду, что мысль сельскаго хозяина должна вращаться не на однихъ барышахъ и высокихъ доходахъ отъ труда, но также на усовершенствованіи этой основной производящей силы; что онъ обязанъ заботиться о постоянномъ распространеніи изобилія отлично-хорошихъ сельскихъ произведеній и вообще о цвѣтущемъ состояніи сельскаго хозяйства въ отношеніи къ благу своихъ ближнихъ и государства. Сельскій хозяинъ, какъ существо разумное, можетъ и долженъ быть выше мытаря, жаждущаго только золота; можетъ и долженъ быть великодушень, благородень, полонъ любви къ добру, чувствителень къ славы и счастію соотечественниковъ, къ успѣхамъ своей науки; можетъ и долженъ стремиться къ высшему совершенству своей промышленности и жертвовать иногда даже своими доходами съ добродѣтельнымъ самоотверженіемъ.

Теэръ замѣнилъ все это отвлеченными и запутанными толками о раздѣленіи и основаніяхъ науки и промышленности сельскаго хозяйства; кудреватыми ивмецкими умозрѣніями поднялъ эту науку на схоластическія ходули; доказывалъ, и не доказавъ, необходимость Физики, Химіи, Ботаники, Математики, для хозяина, между-тѣмъ какъ онъ равно необходимы для всякаго образованнаго чловѣка, подобно Географіи, Исторіи, Логикѣ, Грамматикѣ своего языка, чѣмъ бы чловѣкъ ни занимался, и нисколько неважны въ сельскомъ хозяйствѣ Архитектуры, Механики, Технологіи: быть можетъ, эти еще нужны для сельскаго хо-

зьяна. После того, Теэръ переходитъ къ очерку управляющаго лица. Не думайте, чтобы тутъ были развиты понятія объ управленіи имѣніемъ, людьми и работами. Ничего. Объ этихъ предметахъ есть особыя статьи: «о помѣстьѣ и принятіи *онаго* во владѣніе; о трудѣ вообще, о работникахъ.» Тутъ же есть еще статья: «О управленіи сельскимъ хозяйствомъ.» Въ первой статьѣ онъ убѣждаетъ управляющее лице не быть легкомысленнымъ; соединять съ дѣятельностью нѣкоторое спокойствіе духа; переносить съ покорностью свои несчастія, какихъ много встрѣчается, и непредвидимо, въ сельскомъ хозяйствѣ, и забывать ихъ «по флегматическому ли темпераменту или находя утѣшеніе въ высшихъ воззрѣніяхъ Религій и Философій.» Вотъ слова Теэра, по древнему (ему уже шесть лѣтъ!) Русскому переводу Г. Маслова: «*Поиску* ни какая промышленность не можетъ быть подвержена столь многимъ и неожиданнымъ случайностямъ, какъ сельское хозяйство; то необходимо, чтобъ человекъ, желающій заняться *онымъ*, для счастья своей жизни, соединялъ въ себѣ съ *потребною* дѣятельностію и нѣкоторое спокойствіе духа.» Теэръ тутъ же совѣтуетъ управляющему лицу изучать на досугъ природу, «которой красоты не только *удовлетворяютъ* нашему вкусу, но вмѣстѣ доказываютъ, что вѣчная Премудрость, раскрывая себя предъ нашими глазами въ мірѣ вещественномъ и производя матерію всегда въ новыхъ видахъ, такимъ же образомъ *устраиваетъ* все и въ мірѣ моральномъ, по стройному плану, исполненіе коего предоставлено для вѣчности.» После маленькаго сумбура происшедшаго отъ этого перевода, въ другой статьѣ, «О управленіи сельскимъ хозяйствомъ,» онъ доказываетъ выгоды управлять самому владѣльцу; но если уже помѣщикъ, говоритъ Теэръ, препоручить помѣстье управителю, онъ не долженъ мѣшаться въ его распоряженія, и дѣлать перемѣны, какъ бы маловажны онѣ ни были. «Стѣсненіе власти управляющаго бесполезно,» гласитъ Русскій переводъ. Далѣе Теэръ толкуетъ о качествахъ лица управляющаго; потомъ о жалованьи ему; о другихъ должностныхъ лицахъ; о домашней полиціи, и мимоходомъ бросаетъ поверхностный взглядъ на бережливость и на продажу произведеній; разсуждаетъ о торговыхъ цѣнахъ, о рынкахъ, о оборотахъ

земледельческими продуктами; о съездахъ сельскихъ хозяевъ для совѣщаній касательно торговли сельскими произведеніями, и только опасается, чтобы они, вмѣсто совѣщаній, не завели игры и пировъ (по-нашему). Но отъ вниманія знаменитаго раціоналиста ускользнули самыя важныя отрасли домоводства, — домоустройство, общественная запасность и заведенія довѣрія, эти неусыпные стражи благоустройства сельскаго хозяйства. Въ замѣнъ того Теэръ подробно, превосходно и основательно, развилъ понятія о счетоводствѣ, — впрочемъ смѣшивая его съ отчетностью, — о трудѣ вообще, о капиталахъ и оцѣнкѣ имѣнія. Но Теэру принадлежитъ слава, что онъ первый почувствовалъ необходимость домоводства и неполноту, безъ него, Науки сельскаго хозяйства. Онъ не могъ, по новости предмета, даже придумать ему приличнаго названія, не зналъ какъ связать, и въ какомъ порядкѣ помѣстить эти великія начала. Онъ высказалъ неполно и сбивчиво свои полезныя мысли и здравыя сужденія въ статьяхъ разбросанныхъ, но между тѣмъ оказалъ важную услугу наукѣ тѣмъ, что первый обличилъ въ ней главнѣйшій пропускъ, возбудилъ любопытство, заставилъ почитать составною частію науки соображенія хозяйственныя и изслѣдовать этотъ предметъ внимательнѣе.

Домоводство, которое гораздо приличнѣе слѣдовало бы назвать по-Русски «домовѣдѣніемъ», включаетъ въ себя слѣдующія отрасли: счетоводство, отчетность, сбытъ, бережливость, или экономію, домоустройство, управленіе имѣніемъ, людьми и работами, общественную и частную запасность и заведенія довѣрія. По своей важности, домоводство занимаетъ почетное мѣсто между главными производительными силами сельскаго хозяйства, — земледѣіемъ, животноводствомъ и сельскими ремеслами. Она заботится о водвореніи порядка, души всякаго дѣла, и о благоуствѣ имѣнія; соображаетъ всѣ его способы и все производство; приводитъ въ ясность настоящее положеніе хозяйства; считаетъ приходы и расходы; обозначаетъ выгоды и невыгоды, открываетъ чистую прибыль; заботится о спокойствіи, довольствѣ и здоровьи крестьянъ и домочадцовъ; думаетъ о будущемъ, даетъ всему направленіе и ходъ. Предусмотрительная и расчетливая домовитость есть отличитель-

ная черта домоводства, котораго соображенія отражаются на всѣхъ отрасляхъ и произведеніяхъ сельскаго хозяйства, ругаются за успѣхъ усовершенствованій и нововведеній, одушевляютъ всѣ его производительныя силы и напрягаютъ всѣ его средства къ благой цѣли, — процвѣтанію. Безъ дальновиднаго, расчетливаго и рациональнаго домоводства производительныя силы слабѣютъ и средства истощаются, сколько бы велики ни были. Слово «рациональность» (основательность, разсудительность) принадлежитъ собственно домоводству: отсюда эта идея распространяется на цѣлое зданіе хозяйства. Для успѣховъ сельскаго хозяйства еще не довольно имѣть ученныя познанія въ Наукѣ природы, Механикѣ, Архитектурѣ: необходимы еще и сила духа, разумъ, дѣятельность, предприимчивость; необходимы также двѣ добродѣтели, — справедливость и вслικοдушіе къ своимъ сотрудникамъ.

1. счетоводство.

Первая отрасль домоводства есть счетоводство, а самая ближайшая къ ней — отчетность. Долго смѣшивали между собою эти двѣ части. Тесѣрь соединялъ ихъ въ одно понятіе, и помѣстилъ въ отдѣленіе о сельской бухгалтеріи. Если подъ бухгалтерією разумѣть механической трудъ веденія счетныхъ книгъ, такъ это еще не отчетность, которой нельзя подводить подъ эту статью, потому только что въ ней есть также свои книги: это значило бы не имѣть яснаго понятія объ ея цѣли и сущности. Во всѣхъ отрасляхъ домоводства есть необходимо свои книги: безъ записокъ и соображеній обойтись нельзя и въ сбытѣ, и бережливости, и благоустройствѣ, и управленіи имѣніемъ, людьми и работами, и запасности, и въ заведеніяхъ доверія; отсюда жъ всѣ эти отрасли не бухгалтерія, или наука веденія торговыхъ книгъ; онѣ даже не счетоводство, или веденіе приходныхъ и расходныхъ книгъ, и счетныхъ вѣдомостей: цѣли ихъ иныя.

Въ счетоводствѣ производится безостановочный счетъ, изо дня въ день, всему приходу и расходу денегъ, домашнихъ животныхъ, всѣхъ произведеній и принадлежностей хозяйства. Въ немъ заключаются вѣдомости ежедневныя, еженедѣльныя, какъ заведено у иныхъ хозяевъ, ежемѣсячныя и годовыя. Главное достоинство счетоводства состоитъ

въ ясности, простотѣ, точности и краткости счетовъ и вѣдомостей, которыя при томъ должны быть не затѣйливы, слѣдственно доступны для простолюдиновъ, особливо въ Россіи, гдѣ мало грамотныхъ. Напрасно и вредно было бы затѣвать для Русскаго хозяйства сложную бухгалтерію Итальянскую съ ея *дебетами* и *кредитами*, съ журналами, и большою коммерческою книгою, втискивая правила торговли въ область сельской промышленности. Самъ Теэръ сознается, что, подражая торговой двойной бухгалтеріи, онъ сбивался съ толку и мудрилъ въ своихъ «Земледѣльческихъ Лѣтописяхъ.» Онъ совѣтуетъ тому, кто бы хотѣлъ вести свои счета по изложенному имъ способу, сначала испытать, какъ пойдетъ у него это счетоводство въ теченіе гола, не оставляя въ то же время и прежнихъ своихъ книгъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ чѣмъ проще и чѣмъ яснѣе счетоводство, тѣмъ оно полезнѣе. Безъ счету и мѣры никакое хозяйство удержаться не можетъ.

Синклеръ, основатель въ Англіи Общества Сельскаго Хозяйства, подъ названіемъ Board of agriculture, и богатый Шотландскій помѣщикъ, въ превосходномъ сочиненіи, не уступающемъ Теэрову, «Кодексъ Земледѣльческой» *, замѣчаетъ, что даже въ Великобританіи, между фермарами, веденіе правильныхъ хозяйственныхъ счетовъ не вездѣ исполняется рачительно; что занимающіеся другими промышленностями гораздо внимательнѣе и точнѣе въ этомъ отношеніи, что богатые фермары, употребляя значительные капиталы на свое хозяйство, ведутъ счета и книги гораздо небрежнѣе простыхъ купцовъ, торгующихъ на капиталъ въ двадцать разъ меньшій. Неоспоримо, продолжаетъ Синклеръ, что сельское хозяйство гораздо сложнѣе, разнообразнѣе и зависимѣе отъ непостоянства погодъ и цѣнъ, нежели торговые обороты: поэтому всякій благомыслящій хозяинъ, если онъ не желаетъ разстроить своего заведенія и разориться, долженъ поставять себѣ первою обязанностью вести съ особеннымъ раченіемъ свои приходныя и расходныя книги и ни на часъ не выпускать изъ виду хорошаго сче-

* Эта книга переведена на Русской и издана С.-Петербургѣ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, подъ заглавіемъ: «Практическое и умозрительное земледѣліе Синклера.»

водства, этой предостерегательной отрасли домовѣдѣнія. У Голландцевъ есть пресправдливая пословица — «кто точенъ въ счетахъ, тотъ не разорится.» Нельзя сомнѣваться, при-совокупляетъ Синклеръ, въ пользу правильного счетоводства: фермаръ, который обращаетъ на него вниманіе, узнаетъ вѣрно и подробно всѣ роды издержекъ, количество и свойство прибылей въ каждой отрасли своего хозяйства, имѣетъ безошибочное понятіе о послѣдствіяхъ всякаго предпріятія и можетъ держаться той системы хозяйства, которая не вовлекаетъ въ напрасныя траты, — которая выгоднѣе и доходнѣе. Римляне постигали необходимость счетоводства и бережливости въ хозяйствѣ. Варронъ совѣтуетъ всячески стараться, чтобы расходъ не превышалъ доходовъ: *ne sumptus fructum superet.* «Только съ хорошимъ домоводствомъ сельское хозяйство выгодно; съ расточительнымъ оно разорительно», говоритъ Плиній. Имѣя передъ глазами своими вѣрные счета и подробныя вѣдомости, хозяинъ не смѣшается въ соображеніяхъ. Онъ тогда знаетъ основательно свое положеніе, и располагаетъ дѣла свои по мѣрѣ средствъ и возможности, безъ мечтательства. Счетоводство и отчетность имѣютъ вліяніе на самую нравственность сельскаго хозяина, сколько бы незначительно ни было его хозяйство. По опыту извѣстно, говоритъ Синклеръ, что мелкіе фермары, у которыхъ приходы и расходы не велики и капиталъ незначителенъ, привыкаютъ къ безпечности и небреженію о своемъ хозяйствѣ, какъ скоро не имѣютъ отчетности и счетоводства. Дѣйствуя наобумъ, кажется исполнишь завтра дѣло такъ же хорошо, какъ сегодня; но подоспѣваютъ другія дѣла, вчерашнее опаздываетъ или дѣлается наскоро и дурно. Ничто столько не побуждаетъ къ дѣятельности, и не разрушаетъ привычки къ безпечности, какъ счетоводство и отчетность. Одна мысль, что ввечеру надо непременно записать все, что сдѣлано въ теченіе дня, что вышло въ расходъ или поступило въ приходъ, что будутъ дѣлать завтра, уже поощраетъ вниманіе къ дѣламъ и заставляетъ соображать ихъ. Привычка вести основательно счета и всегда имѣть вѣрныя вѣдомости есть постоянная пружина дѣятельнаго труда, къ которому такъ же привыкаютъ какъ и къ безпечности.

Тезерь, въ своемъ сочиненіи, представляетъ примѣры Нѣмецкаго сельскаго счетоводства; Домбаль, въ Роввильскихъ лѣтописяхъ за 1825 годъ, примѣры Французскаго. Разсмотрѣвъ тѣ и другіе, всякой убѣдится, что формы ихъ темны и сбивчивы, именно потому, что оба писателя безусловно подражали коммерческой бухгалтеріи, и не думали создать для сельскаго хозяйства особаго счетоводства, болѣе свойственнаго этой промышленности. Нельзя не одобрить за ясность и краткость образцы вѣдомостей у Синклера, во второй части его сочиненія.

Я раздѣляю у себя счетоводство на шесть частей, и имѣть случай удостовѣриться на опытѣ въ удобствѣ принятой мною системы. Оно состоитъ: 1. въ ежедневной «рабочей вѣдомости», гдѣ означаются наряды на работы обоюго пола крестьянамъ, успѣхи работъ, съ метеорологическими наблюденіями; также сколько вышло въ расходъ всякихъ произведеній, сколько поступило въ приходъ: эта вѣдомость чрезвычайно краткая и простая, служитъ вмѣсто журнала коммерческой бухгалтеріи; 2. изъ «денежной книги,» о приходѣ и расходѣ денегъ; 3. изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о состояніи всего хозяйства, о приходѣ и расходѣ всѣхъ произведеній и всѣхъ домашнихъ потребностей; 4. изъ предварительной годовой вѣдомости о собранномъ хлѣбѣ, сѣнѣ, съ приблизительнымъ расчетомъ по снопамъ, замолсту и уборкѣ сѣна о количествѣ всѣхъ этихъ запасовъ, и о годичномъ расходѣ на людей и домашнихъ животныхъ, съ означеніемъ сколько за всѣмъ годичнымъ продовольствіемъ и употребленіемъ на сѣяна должно остаться избытковъ на продажу; 5. изъ годовой вѣдомости дѣйствительнаго годоваго прихода и расхода; 6. изъ скопныхъ ежедневныхъ вѣдомостей о молокѣ*.

II. отчетность.

Отчетность есть отрасль противоположная счетоводству. Въ счетоводствѣ заключаются счета и вѣдомости текущія,

* Формы всѣхъ этихъ вѣдомостей, чрезвычайно простыя и удобныя для нашихъ доморощеныхъ регистраторовъ приложены будутъ къ сочиненію — «Народное руководство для современнаго сельскаго хозяйства.»

въ отчетности постоянные. Сюда принадлежать: 1. планы, съ межевыми книгами, именно планы географическіе, общіе, сель и деревень, со всеми принадлежащими къ нимъ пустошами; планы агрономическіе, или хозяйственные, съ подробнымъ означеніемъ расположенія усадьбы, построекъ, садовъ, огородовъ, пахатныхъ полей, луговъ, лѣсовъ съ ихъ раздѣленіями: Теоръ совѣтуеъ еще имѣть планы геологическіе, на которыхъ означаются роды почвъ, по качествамъ, съ отмѣтками, гдѣ одинъ родъ почвы оканчивается и другой начинается, и дѣлать эти планы въ большемъ масштабѣ; снимать каждый участокъ поля, луга, cadaго лѣсосяка на особую карту для руководства въ выборѣ сѣвооборотовъ и назначенія порубки; означать также на нихъ мокрѣя и сухія мѣста. 2. Ревизскія сказки, подворныя крестьянскія описи, инвентари, или описи всего имущества, всѣхъ оброчныхъ статей, которыя доставляютъ особый доходъ, съ отдающимися въ насъ мельницами, отхожими пустошми подъ пашню и стенокъ; вѣдомости дворовъ скотнаго, коннаго, птичнаго и пчельниковъ, съ означеніемъ въ графахъ всего, что необходимо знать хозяину, именно, лѣтъ животнаго, породы, случки, теленя, количества и качества корму, болѣзней; эти послѣднія вѣдомости возобновляются дважды въ годъ, при выпускѣ скота въ поле и постановкѣ на дворѣ; посредствомъ счетоводства узнается, сколько вышло на кормъ сѣна, соломы, зеренъ, а посредствомъ отчетности — сколько на каждое животное, по его возрасту и достоинству, должно выходить того и другаго; 3. всѣ хозяйственныя постановленія, — о повинностяхъ крестьянъ въ работахъ и сборахъ; о порядкѣ и количествѣ работъ, зимнихъ и лѣтнихъ, жатъя, кошенья, пряденья, тканья, рубки дровъ, подвоя, единожды установленныхъ; о порядкѣ полеводства, луговодства, лѣсоводства; объ очереди сѣвооборотовъ, землеудобренья, поствовъ, порубки лѣсу на постройку и на дрова; объ испытанія годности сѣмянъ; о порядкѣ хожденія за домашними животными, госпитаніи и кормленія ихъ въ разныя времена года; о мѣрѣ, величинѣ и количествѣ всѣхъ

* Формы всѣхъ этихъ вѣдомостей будутъ приложены къ «Парадному руководству.»

сельскихъ произведеній, собираемыхъ въ скирды, стоги, ометы, въ сараи, анбары и закромы; 4. назначеніе построекъ и починокъ.

Такимъ образомъ, въ этой отрасли домоводства сохраняются, такъ сказать, скрижали закона хозяйственного: это цыркуль всего устройства и всего производства. Ея постоянныя книги и вѣдомости составляютъ кодексъ, или уложеніе, каждаго хозяйства. Посредствомъ этихъ двухъ отраслей, счетоводства и отчетности, приводится въ извѣстность прошедшее и настоящее и обнаруживается будущее. Собирая, онъ можетъ предвидѣть послѣдствія своихъ мѣръ и вести хозяйство вѣрною стезею къ благоустройству и процвѣтанію. При помощи отчетности извѣстны ему не только дѣйствія каждаго лица въ хозяйствѣ, обширность и направленіе каждой отрасли, но и результаты многихъ лѣтъ прибыли и убыли. Нетрудно по нимъ опредѣлить выгодный способъ хозяйства, чтобы впередъ придерживаться производства, доставляющаго высшіе доходы. Не зная прошедшаго, или хода работъ, посѣвовъ, урожаявъ, и настоящаго положенія помѣстья и крестьянъ съ ихъ способами, трудно, и вовсе невозможно, придумать полезныя мѣры для будущаго, поддержать порядокъ и благоустройство. Въ отчетности есть для всякаго дѣйствія причина, цѣль, назначеніе. Все обдуманно, все опредѣлено, на годъ и на десятки лѣтъ. Нѣтъ мѣста, нѣтъ зданія, нѣтъ посаженнаго деревца и кустарника, проложенной дорожки, проведеннаго стока, которые были бы безъ какой-нибудь цѣли, — на пользу или для украшенія помѣстья. Со счетомъ и мѣрою въ умѣ, съ извѣстностью цѣлей и назначенія каждаго предмета, хозяинъ есть истинный господинъ дома, вождь хозяйства, не по виду, но по призванію. Истинный хозяинъ не можетъ выдержать, чтобы не имѣть точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о пространствахъ и мѣстоположеніи своего помѣстья, обо всѣхъ его угольяхъ и средствахъ: онъ знаетъ состояніе крестьянъ, мѣстность, нравы, обычаи стороны; онъ имѣетъ во всемъ *только* хозяйственный, съ которымъ не собыется въ распоряженіяхъ; онъ тотчасъ пойметъ и можетъ сказать навѣрное, что возможно исполнить съ средствами его помѣстья; онъ не упуститъ работъ ни по времени, ни по количеству,

и не обременить излишнимъ трудящихся, но взыщеть только должное; онъ съ одного взгляду знаетъ сколько въ скирдѣ, ометѣ, закромѣ, сараѣ, сѣна, сноповъ или зеренъ; сколько по замолоту должно получить хлѣба, и на сколько времени станетъ сѣна, соломы, мякны для домашняго потребленія. Стоглазый Аргусъ, онъ все видитъ, слышитъ, чувствуетъ, потому что ему все извѣстно подробно и основательно. Разумѣется, что у такого хозяина планы, вѣдомости, счетныя книги, не остаются безъ призора, и лежатъ въ сухомъ мѣстѣ. У многихъ нашихъ хозяевъ было все это, — да крысы съѣли.

III. СВЫТЬ.

Двѣ слѣдующія отрасли домоводства, сбытъ и бережливость, или экономія, такъ же какъ счетоводство и отчетность, весьма тѣсно связаны между собою, хотя тоже другъ другу противоположны. Сбытъ есть сила изводящая сельскаго хозяйства, эволюція; бережливость — сила сводящая и сосредоточивающая, инволюція.

Теэръ, разсуждая о сбытѣ, или продажѣ сельскихъ произведеній, вмѣняетъ всякому хозяину въ обязанность продавать свои произведенія какъ можно дороже, «хотя бы моралисты и иначе о томъ разсуждали; ибо *симъ* только способомъ и умѣньемъ пользоваться счастливыми обстоятельствами можно поддержать земледѣліе (какая ложная мысль!), несмотря на рискъ и несчастные случаи, *коимъ* оно подвержено.» Оставимъ въ покоѣ переводъ, и, скажемъ только о сущности дѣла. Поставляя обязанностью хозяйства продавать дорогою цѣною свои произведенія, Теэръ, первое, ни слова не сказалъ о средствахъ, которыми можно всегда достигнуть высшихъ цѣнъ за свои произведенія передъ другими продавцами, какія бы ни были общія базарныя цѣны; второе, не опредѣлилъ самаго важнаго, — что именно въ хозяйствѣ можетъ поступать въ продажу; и, третье, забылъ — въ чемъ заключается истинный, безвредный доходъ хозяйства.

Толковать о причинахъ возвышенія и пониженія рыночныхъ цѣнъ на сельскія произведенія, о колебаніи торговли и о томъ обманѣ, въ который впадаютъ покупщики и продавцы, отъ ложной молвы объ урожаѣ и неурожаѣ, не есть предметъ сельскаго хозяйства. Это случайности, независи-

мыя отъ хозяйства. Какія бы ни были цѣны базарныя, отъ чего бы ни зависѣло возвышеніе и пониженіе цѣвъ, оно имѣетъ въ рукахъ средства вѣрнаго сбыта, доходовъ постоянныхъ и возрастающихъ; оно имѣетъ свои постоянныя правила сбыта и бережливости, и если отъ нихъ уклонится, оно слабѣетъ, разстроивается и приходитъ въ упадокъ; напротивъ того, придерживаясь ихъ, оно укрѣпляется и быстрыми шагами идетъ къ процвѣтанію. Въ этомъ случаѣ хозяйство не изнуряется отъ сбыта, но только облегчается отъ бремени избытковъ, которыя оно обращаетъ въ производящія движимыя капиталы хозяйства.

Продаются, или сбываются, въ сельскомъ хозяйствѣ произведенія излишнія, ненужныя, составляющія избытокъ. Деньги, выручаемыя за нихъ, называются доходомъ. Если въ сельскомъ хозяйствѣ продаются не избытки, но вещи полезныя и необходимыя для производства, оно останавливается, а иногда разстроивается до того, что не даетъ не только избытковъ на продажу, но даже самаго необходимаго содержанія хозяину.

Первая необходимая вещь, первый постоянный капиталъ сельскаго хозяйства, есть недвижимое имѣніе, усадьба съ садомъ, огородами, домомъ и строеніями; пахатныя поля, луга, лѣсъ и другія угодыя. Второй необходимый постоянный капиталъ есть движимость хозяйства, — скотъ для работъ и для земледобренія, сбруя, упряжь, земледѣльческія орудія, ремесленные инструменты, хлѣбъ сѣмянный и ѣмный, матеріалы для сельскихъ ремеслъ, припасы продовольствія, одежда, обувь. Третій капиталъ, временной, послѣдствіе, или плодъ двухъ первыхъ, суть сельскія произведенія, обдѣланныя и необдѣланныя, которыя составляютъ избытокъ и могутъ безъ вреда и разстройства хозяйству поступить въ продажу и обратиться въ деньги, нужныя для поддержки хозяйства и на житейскія потребности.

Очевидно, что первые два капитала, недвижимый и движимый, не могутъ не только издерживаться и продаваться, кромѣ известнаго количества лѣсу, но даже остаться безъ поддержки, обработки и возобновленія. Проданная пахатная земля, лугъ, постройка; проданная необходимая лошадь, корова, одежда, земледѣльческое орудіе, матеріалъ реме-

сленный, сѣмянный и тѣмный хлѣбъ, лишаютъ хозяина возможности производить свое дѣло и добывать третій капиталъ, — избытки, то есть, получать доходъ, деньги.

Это раздѣленіе капиталовъ, эта цѣль и сущность каждаго, столь естественныя, неоспоримыя и очевидныя, кажется, давно извѣстны всякому сельскому хозяину и безъ повторенія. Но всякой ли хорошо различаетъ между собою эти капиталы, помнить ихъ цѣли, и руководствуется въ своихъ поступкахъ правилами домоводства? Не касаются ли многіе, особливо въ Россіи, основныхъ производящихъ капиталовъ сельскаго хозяйства? щадятъ ли наличный капиталъ, произведеніе двухъ первыхъ? всегда ли отдѣляютъ изъ наличнаго хоть ничтожную часть для возстановленія и улучшенія своихъ производителей? Къ несчастію, можно представить тысячи примѣровъ совершеннаго опустошенія помѣстій, разстройства и упадка сельскаго хозяйства до нестерпимости, въ самое короткое время, и въ самыхъ превосходныхъ помѣстьяхъ съ богатѣйшими лѣсными дачами, со всѣми возможными выгодами, отъ незнанія свойствъ капиталовъ и отъ пренебреженія правилъ домоводства. Эти отличныя помѣстья, выгодныя во всѣхъ отношеніяхъ, доставлявшія при своемъ благоустройствѣ десятки тысячъ дохода, дѣлаются вовсе бездоходными, и иногда требуютъ посторонняго пособія даже на прокормленіе крестьянъ и на уплату за нихъ повинностей. Въ особой статьѣ будетъ описано одно сельское хозяйство, любопытное по многимъ отношеніямъ и извѣстное намъ какъ *нельзя болѣе*. Оно теперь создается отъ водопы. Оно огромно въ своихъ размѣрахъ и было опустошено какъ земля непріятельская. Въ дачахъ помѣстья протекаютъ четыре рѣки, соединяющія его съ Балтійскимъ и Каспійскимъ морями. Оно имѣетъ двѣ тысячи четырехста десятинъ земли въ одной окружной межѣ со всѣми угодьями и со ста тридцатью двумя душами крестьянъ; въ длину простирается оно на девять верстъ. Такое помѣстье въ Англіи доставляло бы по крайней мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода; теперь не доставляетъ оно и двухъ сотъ пятидесяти рублей. Въ 1833 году оно не могло уплатить ломбардныхъ, столько нынче лѣтнихъ, процентовъ, потребовало обѣщанія полсѣи, и на полгода покупнаго продоволь-

ствія крестьянамъ. Это ужасно! Можно сказать безъ преувеличиванія, что надобно ухитриться, чтобы довести земледѣльческую собственность до подобнаго ничтожества. Зато и продаются эти помѣстья за ничтожную цѣну, какъ выжатый лимонъ, брошенный въ груду сору.

Приведемъ теперь примѣръ того, какія послѣдствія влечетъ за собою уклоненіе отъ правилъ домоводства, нерасчетливый сбытъ и небреженіе о раціональной бережливости. Въ 1832 году лѣто было отменно холодное; съ іюля мѣсяца до половины августа дули сильные вѣтры, облака носились взадъ и впередъ и рѣдко открывали солнце; жатвы не успѣвали; земледѣльцы принуждены были, больше отъ недостатка въ продовольствіи и отъ приближавшагося времени озимаго поства, начать жать рожь не совсѣмъ спѣлую, съ седьмага августа; да и надежды не было, чтобы рожь вызрѣла, какъ должно, безъ яснаго неба. Зерна ржи на видъ были полны, но не имѣли растительной силы. Всходы отъ новыхъ сѣмянъ отличались зеленою тощею, слабою, томною: она тянулась вверхъ, заостривалась, не укоренялась, не кустилась стволами толстыми съ темно-зелеными листьями, которые составляютъ вѣрный признакъ растительной силы и спѣлыхъ сѣмянъ. На слѣдующій 1833 годъ всѣ, сѣявшіе рожь новыми неспѣлыми сѣмянками, потерпѣли неурожай, но отъ спѣлыхъ, запасныхъ сѣмянъ ущерба противъ прочихъ годовъ ни въ зернѣ, ни въ соломѣ не было. Въ одномъ сельскомъ хозяйствѣ, въ отсутствіе помѣщика, не стали наблюдать строгой отчетности и счетоводства. Полагаясь, по старинѣ, на мнимую полноту закромовъ и на предстоящую хорошую жатву: такъ какъ крестьяне требовали въ рабочую пору пособія въ прокормленіи, для котораго, бывало, всегда имѣлись запасы ѣмennaго хлѣба, вмѣсто того чтобы купить ржаной муки, продававшейся тогда дешево, выдали крестьянамъ, а отчасти и продали на житейскія потребности, половину сѣмянной запасной ржи, прошлогодней, отменно всхожей и полновѣсной. Удовлетворили этимъ на время свои нужды, но всдесятеро прибавили ихъ на слѣдующій годъ, когда поднялись цѣны на рожь и урожаи хлѣбовъ вообще были хуже обыкновеннаго. Въ 1832 году поствъ озимой ржи новыми сѣмянками, худо вызрѣвшими и поздно снятыми, не могъ про-

изведенъ быть иначе какъ послѣ пятнадцатаго августа; напротивъ того запасными, прошлогодними, кончился раньше двумя недѣлями. Прежде посянная рожь захватила теплаго времени и сдобрилась перепадавшими дождями. Послѣ пятнадцатаго августа небо выяснилось и болѣе мѣсяца продолжалась сухая погода, неблагоприятная для позднихъ посявовъ, особливо для сѣмянъ худо выспѣвшихъ. На слѣдующій годъ оказалось, что половина поля, посянная поздно и плохими сѣмянами доставила, зерномъ и соломой, на двѣ тысячи рублей менѣе дохода нежели другая половина, обсяменная внору и зрѣлыми запасными сѣмянами. «Никто не могъ предугнать будущаго», оправдывались распорядители: «никто не предвидѣлъ, что солнце будетъ прятаться полтора мѣсяца, что хорошія жатвы не выспѣютъ; на нихъ всякой надѣялся.» Пустая отговорка! Надобно было держаться въ точности правилъ раціональнаго домоводства, и убытка бы не было. Выгоднѣе было бы занять въ 1832 году денегъ за самыя высокіе проценты, на встрѣтившуюся нужду, нежели нарушать коренный законъ домоводства — «имѣть всегда въ хозяйствѣ запасный ѣмennyй хлѣбъ и сѣмянный испытанной «годности на посявъ и ни подѣ какимъ видомъ наудачу не «опускать невѣрныхъ сѣмянъ въ землю». Въ 1832 году четверть ржи продавалась по десяти рублей, а къ концу 1833 и въ 1834 по двадцати семи рублей. Продали и роздали крестьянамъ двадцать четвертей, всего на двѣсти рублей, а не родилось на двѣ тысячи. Очевидный ущербъ для хозяйства!

Спрашивается: какія суть средства вѣрнаго сбыта и какіе источники высихъ цѣнъ для сельскихъ произведеній, независимые отъ общихъ цѣнъ торговыхъ? Трудъ внимательный и разборчивый надъ обдѣлкою произведенія продажныхъ. Продаваемая вещь должна быть во всѣхъ отношеніяхъ годною для употребленія, прочною, полезною. Поспѣшная, легкая и дурная обдѣлка произведеній на-показъ никогда не выдержитъ сравненія съ искусною и никогда не удержитъ за собою преимущества въ продажѣ. Искусство, отличная годность продаваемыхъ вещей, и притомъ честность продажи, суть источники вѣрнаго и безостановочнаго сбыта, хорошихъ цѣнъ, барышей и обогащенія ремесленни-

ка и земледельца. Какъ скоро купецъ удостовѣрится, что ему доставляются отъ сельскаго хозяина всегда добротныя, превосходныя произведенія, — хлѣбъ полновѣсный и чисто простынный, жирный скотъ, разобранныя по добротѣ пенька, шерсть и ленъ, прочный и мѣрный холстъ, масло и сыръ вкусные и свѣжіе, отъ такого продавца онъ беретъ товаръ заглазно, не терпя времени на пересмотръ и съ полною увѣренностью, что отличный товаръ дойдетъ въ срокъ къ мѣсту своего назначенія. Купецъ необходимо возвышаетъ зато продавцу цѣну, предпочитаетъ его всѣмъ другимъ, забираетъ у него постоянно произведенія, и обходитъ другія, лучшія по виду, но часто обманныя по внутреннему достоинству. Обдѣлка вещи безъ всякаго обмана для покупателя, вѣрность и честность въ продажѣ, снискивають всегда сельскому хозяину справедливо заслуженную славу искуснаго и добросовѣстнаго производителя, а его товару высшую цѣну и предпочтеніе. Такъ, въ Твери извѣстенъ и цѣненъ картофель помѣщика П. П. Воробьева, о хозяйствѣ котораго скажемъ отдѣльно. Его вкусный, разсыпчатый картофель, собраненный во всю зиму отлично, привозимый осторожно на рынокъ, продаваемый полною мѣрою, всегда разбирается на подхватъ и высшею цѣною; чуть гдѣ появится спѣлый, чистый, приглядный картофель, покупатели идутъ къ нему толпою, какъ къ любимому знакомцу, съ радостными восклицаніями: «Вотъ Воробьевскій картофель!» Въ Горжкѣ столько же извѣстенъ Латышинскій хлѣбъ, который купцы называютъ, по добротѣ и обдѣлкѣ, «жемчужнымъ». Хорошая слава, и въ продажѣ, персходитъ изъ рода въ родъ: къ ней привыкають съ одними производителями, какъ съ другими къ обману и невѣроятности, этимъ, такъ называемымъ, хозяйственнымъ спекуляціямъ, которыя противны и нравственности и личной выгодѣ, — къ подсыпкѣ въ муку золы, въ рожь земли, въ овесъ тарницы, въ молоко воды съ мѣломъ и такъ далѣе.

Дѣло другое — не плюшать въ продажѣ, держать ухо остро въ промышленности, то есть, обращать особенное вниманіе на сбытъ расчетливый и предусмотрительный. Сюда принадлежатъ — соображеніе цѣнъ разныхъ мѣстъ сбыта во вѣдомостяхъ и другимъ извѣстіямъ изъ разныхъ торговыхъ

городовъ; доставка произведеній въ тѣ мѣста, гдѣ цѣны выше, гдѣ произведенія имѣютъ ходъ, или гдѣ больше требуются, на пристань, въ торговый городъ, на заводы; предварительныя условія съ покупателями; разсрочка уплаты денегъ; доставка въ сухое время или зимнимъ путемъ, когда сбруя и упряжь менѣе портятся; задатки отъ купцовъ въ вѣрпомъ и безостановочномъ пріемѣ произведеній противъ образцовъ. Все это содѣйствуетъ успѣшной продажѣ, и доставляетъ выгодный сбытъ и высшія цѣны. Есть однако жъ примѣры, что сельскіе хозяева нарочно дожидаются, для продажи своихъ произведеній, распугицы или самой рабочей поры, когда всѣ продукты нѣсколько дорожаютъ въ городахъ отъ малаго подвоза. Они спѣшатъ скорѣе отдѣлаться работами, дѣлаютъ все кое-какъ наскоро, чтобъ выиграть время для отвоза и снаряжаютъ обозы. Топція крестьянскія лошади тонуть въ лужахъ, надрываются и издыхаютъ; возы отстаютъ другъ отъ друга; хлѣбъ доставляется не въ цѣлости, убываетъ тихомолкомъ на подкѣрпленіе бѣдныхъ животныхъ, и дѣлаются большіе «промѣры». О портѣ сбруи, упряжи и говорить нечего. Накладъ явный, вмѣсто барышей, для нерасчетливаго хозяина, у котораго за липнюю полтину, на пятналтыниникъ несвоевременной продажи вылетаютъ изъ кармана десятки рублей на поправку крестьянъ, на покупку имъ лошадей и за промѣру хлѣба. Получить безъ убытковъ высшую цѣну на произведенія, предусмотрѣть цѣну, воспользоваться высокою цѣною въ благопріятное для перевоза время и въ ближайшее мѣсто доставки — похвально, честно, выгодно и для хозяина и для хозяйства. Но все это достается не даромъ. Барышъ любитъ умъ. Надо еще читать газеты о цѣнахъ и урожаяхъ хлѣба, имѣть знакомство и переписку съ лучшими торговцами въ разныхъ мѣстахъ сбыта, посѣщать лично хорошихъ торговцевъ. Здѣсь барышъ любитъ дѣятельность и неусыпность.

Въ прошломъ 1835 году, нѣкоторые Зубцовскіе помѣщики, усматривая изъ земледѣльческой и другихъ газетъ, что въ этомъ году нигдѣ въ Россіи не оказалось значительныхъ неурожаевъ, подобныхъ прошлогоднимъ, спохватились заранее, что цѣна на рожь спадетъ зимою непременно, когда

ляжетъ путь и начнутся подвозы изъ степныхъ губерній. Они рѣшились, вопреки обыкновенію, молотить рожь прежде ярового, и продали ее съ осени и по перевозимью въ Торжокъ отъ девятнадцати до двадцати одного рубля за четверть. Другіе, которые придерживались стариннаго обычая молотить прежде яровое, и даже тѣ, которые намолотили довольно ржи, но не заглядывали въ газеты, пропустили высокія цѣны на рожь, полагая, что зимою по прошлогоднему рожь вздорожаетъ. При упадкѣ цѣнъ, они временили продажей, ожидая авось опять возвысятся; наконецъ въ декабрь и январь, продали по пятнадцати съ полтиною. Спросятъ: длячего же Торжковскіе купцы, будучи увѣрены въ пониженіи цѣнъ на рожь зимою, закупали ее съ осени и по перевозимью дорогою цѣною? Длятого, что многимъ изъ нихъ нельзя было дожидаться зимняго подвоза: у многихъ заведены обширныя солодовни; надо нагрѣть ихъ съ осени и сдѣлать нѣсколько переваловъ солоду, чтобъ измѣститься товаромъ и окончить медленное дѣло солодоращенія во-время.

Остается рассмотреть еще одинъ вопросъ относительно сбыта. Выгоднѣе ли обдѣлывать продажный хлѣбъ дома самымъ лучшимъ образомъ и отсылать на продажу одинъ только чистый, полновѣсный, крупный или прибыльнѣе сбывать всякую смѣсь съ сорными сѣмянами, съ пылью, съ песочкомъ? Щеголь ли на продажныя произведенія остается въ барышахъ или сбывающіе ихъ по-просту, по-старинѣ, безъ затѣй, безъ очистки хлѣбовъ трещетками, цымбалами и грохотами, которыхъ у него нѣтъ и въ заводѣ, какъ книжныхъ хитростей? Многіе утверждаютъ, что первый пріобрѣтаетъ дымъ, — славу, а послѣдній денежки: дурныхъ-де произведеній въ хозяйствѣ всегда найдется больше, нежели хорошихъ. Но отчего жъ купцы сами очищаютъ купленный хлѣбъ грохотами и цымбалами, прежде насыпки въ кули для отправления, и разбираютъ еще хлѣбъ по добротѣ въ разныя кладя, нагружая на суда? Неужели они дѣлаютъ тѣмъ себѣ убытки добровольно? Неужели ни почемъ трудъ обдѣлки хлѣба въ городѣ, и дороги хлѣбныя выскѣпки? Предупредить трудъ купца домашнею обдѣлкою произведеній, значить получить отъ него высшую цѣну, именно ту, которую онъ платитъ въ городѣ за подобную работу и еще за освобожде-

не себя отъ высвоекъ, не имѣющихъ цѣнности въ городѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ есть напротивъ того множество предметовъ для полезнаго употребленія всякихъ хлѣбныхъ остатковъ, которые идутъ на посыпку птицъ и скоту. Въ сельскомъ хозяйствѣ «уховстье», или мелкій легковѣсный хлѣбъ, лежащійся при вѣяніи у хвоста вороха, играетъ значительную роль въ откармливаніи животныхъ. Эти остатки гораздо сытнѣе барды винокуренныхъ заводовъ, изъ которыхъ самыя питательныя хлѣбныя части обратились въ спиртъ.

IV. бережливость.

Бережливость, или экономія, четвертая отрасль домоводства, имѣетъ цѣлю, первое, удерживать сельское хозяйство въ равновѣсіи, останавливать его отъ напрасныхъ тратъ и оберегать отъ излишнихъ издержекъ, второе, подкрѣплять его производительныя силы и питать источники доходовъ, чтобы они не ослабли и не изсякли. Бережливость всегда имѣетъ открытые взоры на весь капиталъ сельскаго хозяйства и поспѣшаетъ къ каждому на помощь, чтобы упрочить его существованіе и вообще сохранить благоустройство и цвѣтущее состояніе промышленности. Оно также, словно волшебнымъ жезломъ, можетъ вдругъ прибавить доходу отъ хозяйства.

Теперь ошибочно понявъ идею экономіи. Онъ не захотѣлъ принимать этого слова въ простомъ смыслѣ бережливости. Онъ далъ экономіи иное, несвойственное, слишкомъ ученое значеніе, включилъ въ ея область посторонніе предметы, и спуталъ дѣло. У него все экономія, — трудъ, раздѣленіе работъ, упряжная работа воловъ и лошадей, расходы на содержаніе тѣхъ и другихъ, издержки на упряжь, управленіе сельскимъ хозяйствомъ, домашняя полиція, работники и ихъ содержаніе, ученики и ихъ образованіе, отношенія должностныхъ лицъ, продажа, торговые обороты, сельская бухгалтерія, — все экономія, — и кромѣ того еще стѣвообороты, разныя системы полеводства и отношеніе навозовъ къ кормамъ. Вотъ его собственныя слова (принемъ, извините за переводъ): «Мы, возвращаясь къ Латинскому значенію *sego* слова, подъ именемъ «экономія», въ отношеніи къ сельскому хозяйству, разумѣемъ ученіе о соотношеніяхъ *онаго*, наибо-

лѣе сообразныхъ съ его цѣлю (ужь чего-нибудь одного, его или онаго), о распоряженіи и употребленіи *работающихъ* силъ, о соразмѣрности скотоводства, или лучше сказать, корма и удобренія съ земледѣіемъ, объ *основанныхъ на семьъ* сѣвооборотахъ, или системахъ сельскаго хозяйства (какъ будто система и сѣвооборотъ одно и тоже!) для *возможно лучшаго*, судя по мѣстному положенію, *достиженія* цѣли сей промышленности, состоящей въ *вышемъ* и постоянномъ чистомъ доходѣ отъ всего хозяйства вообще; наконецъ ученіе объ управленіи хозяйствомъ и о *представленіи* (?) онаго въ конторскихъ книгахъ и счетахъ.» Насилу перевели духъ! Не поберегъ честный переводъ легкихъ въ груди своихъ «благосклонныхъ» читателей! Да не въ томъ дѣло. Послѣ такого опредѣленія экономіи, что остается для сельскаго хозяйства? Для него Теэръ оставляетъ основанія науки, понятіе о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ, основанія промышленности (какъ-будто есть одни основанія для науки, другія для промышленности сельскаго хозяйства и третьи для экономіи!); лице управляющее въ отношеніи къ познаніямъ и наукъ, средства преподаванія науки, капиталы, (но какъ же не перешли они на сторону экономіи, которая завѣдываетъ трудомъ и управленіемъ помѣстій? Безъ понятій о капиталахъ шагу нельзя сдѣлать въ томъ и другомъ); помѣстье и принятіе онаго во владѣніе; оцѣнка имѣній; поскольку можно полагаться на разспросы объ имѣніи; отдача на аренду, наследственная аренда, и только. Куда жъ послѣ этого преклонить готову бѣдному земледѣлю съ своими отраслями, животноводству и сельскимъ ремесламъ съ своими? Кто дастъ имъ мѣстечко въ своей области, сельское ли хозяйство или экономія? Правда, съ перваго листа Теэрова сочиненія, не добьешься толку, по-крайней-мѣрѣ въ Русскомъ переводѣ, что важнѣе въ наукъ, сельское ли хозяйство или земледѣіе, кто изъ нихъ родоначальникъ, отъ кого можно получить самый высшій чистый доходъ, передъ кѣмъ надо бить челомъ хлѣбопашцу, чтобы оно любило и жаловало? Въ третьемъ параграфѣ Русскаго перевода сказано: «*Посему* рациональное ученіе сельскому хозяйству должно показать: какимъ образомъ при всѣхъ обстоятельствахъ возможно получить отъ онаго самый высшій чистый доходъ.» Въ

слѣдующемъ, четвертомъ: «ученіе земледѣлію можетъ быть трехъ родовъ, то есть, *сей* промышленности можно учить и учиться, 1. какъ ремеслу, посредствомъ ручной работы; 2. какъ искусству; 3. какъ наукѣ.» Въ слѣдующихъ параграфахъ, до двѣнадцатаго, земледѣліе беретъ рѣшительный верхъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, которое почти вытѣснено изъ науки. Сказано: искусство земледѣлія, наука земледѣлія, ученіе земледѣлію, «одни могутъ быть общепользны, обнимать все хозяйство въ совокупности и руководствовать къ достиженію совершенства въ *ономъ* при всѣхъ обстоятельствахъ.» Слѣдственно земледѣліе играетъ главное лице въ наукѣ? Но веледъ затѣмъ, въ томъ же осьмомъ параграфѣ говорится: «И такъ одно только *высшее*, или совершенное сельское хозяйство можетъ назваться *раціональнымъ*.» Съ двѣнадцатаго параграфа опять выступаетъ на сцену сельское хозяйство. Въ двадцать осьмомъ сказано: «преподаваніе науки сельскаго хозяйства должно постоянно основываться на истинныхъ началахъ Физики и Химіи.» Читатели Библіотеки уже знаютъ, много ли познаній въ Физикѣ и Химіи надобно для домоводства, одной изъ главнѣйшихъ вѣтвей сельскаго хозяйства, и въ чемъ помогутъ домоводству обвѣ эти науки, извѣстныя впрочемъ каждому образованному чловѣку, который образовался не на романахъ.

Экономія, или бережливость, есть тотъ цементъ, которымъ связывается обширное зданіе сельскаго хозяйства. Поэтому, въ наукѣ и въ практикѣ, должно тщательно отдѣлить понятіе о бережливости отъ Латинскаго слова *сесопоміа*, «домовѣдѣніе», домоводство, и, окрестивъ это понятіе бережливостью или экономіей, — какъ угодно, — всегда имѣть передъ глазами предметъ, который оно выражаетъ и безъ котораго ни какое сельское хозяйство устоять не можетъ. Можетъ ли наготовиться сельское хозяйство доходовъ на расточительнаго помѣщика, который ничего не щадитъ для удовлетворенія прихотей и страстей своихъ; который ничего не сберегаетъ для будущаго, не имѣетъ ничего заветнаго на черный день? Прихоти онъ удовлетворяетъ, если нѣтъ собственныхъ доходовъ, займами, займовъ не платитъ отъ непрерывныхъ тратъ; для уплаты процентовъ опять занимаетъ, и такимъ образомъ входитъ въ долги неоплатные и

разоряется. Не помогают такому помѣщику ни богатая наследственная помѣсть, ни доставшіяся послѣ тетушекъ рѣки молока и меду, съ безчисленными стадами домашнихъ животныхъ, съ цѣлыми городами скирдъ хлѣба: поля истощаются, дуга зарастутъ кустарникомъ, лѣса исчезнуть; останутся только бѣдныя хижины земледѣльцевъ, разорившихся съ своимъ расточительнымъ владѣльцемъ.

Соблюдая капиталы сельскаго хозяйства съ благоразуміемъ, пользуясь ими умѣренно, бережливый хозяинъ постоянно наслаждается плодами своего имущества, которое изъ малаго дѣлается обширнымъ, потому что сбереженные избытки употреблены на дѣло, на производительность, на приумноженіе доходовъ, на приращеніе помѣстья въ земляхъ, домашнихъ животныхъ и прочныхъ строеніяхъ. Бережливость не чуждается издержекъ полезныхъ и необходимыхъ. Она ненавидитъ только безполезныя траты. Она всегда соразмѣряетъ расходы съ доходами, не издерживаетъ никогда всего наличнаго запаса произведеній и денегъ, но оставляетъ нѣсколько на непредвидимыя нужды. Этого мало. Она не перестаетъ поддерживать всѣ отрасли хозяйства, и дѣйствуетъ третьимъ капиталомъ, такъ, чтобы онъ возрасталъ и совершенствовался непрерывно; заботится о приумноженіи земледобренія, о разработкѣ земель и угодій, о починкѣ и сооруженіи новыхъ хозяйственныхъ зданій, доставляющихъ доходъ, — пильныхъ и мукомольныхъ мельницъ, маслобоенъ, круподерокъ, толчей и машинъ, облегчающихъ трудъ чловѣка и животныхъ; не щадитъ издержекъ на заведеніе новыхъ усадебъ для хлѣбопашества, новыя отрасли хозяйства и прочая; на усовершенствованіе породъ скота. Безъ содѣйствія бережливости первый капиталъ сельскаго хозяйства, капиталъ недвижимый, остается мертвымъ: необсушенная луговая трясица, болото, неразработанная посячка лѣсная ничего не дадутъ владѣльцу. Второй капиталъ движимый, какъ-то: скоть, ремесленные и земледѣльческія орудія, збура, упряжь, одежда и самыя строенія, безъ своевременной поддержки и поправки приходятъ въ ветхость, дѣлаются негодными къ употребленію, и наконецъ требуютъ на свое возобновленіе большихъ издержекъ, которымъ хозяинъ иногда удовлетворить не въ состояніи.

Отъ искуснаго дѣйствія и распределенія капиталовъ, а не отъ насильственныхъ наборовъ, притѣсненія наемщиковъ недоплаты работникамъ, зачислѣть доходы и пріумноженіе ихъ въ помѣсть. Бережливость подаетъ средства; управленіе дѣйствуетъ этими средствами; наука показываетъ пути искуснаго управленія. Невѣжда отвергаетъ все это, скупецъ чуждается. Какъ скоро дѣло дойдетъ до познаній, искусства, усовершенствованій, первый вооружается противъ всякаго рода измѣненій, и противится всякъмъ улучшеніямъ: у него въ душѣ нѣтъ идеала совершенствъ; онъ смѣшиваетъ свѣтъ со тмою и вѣруетъ только въ привычный трудъ простонародный, въ обычаи и предразсудки старины, не отвоя в зоровъ отъ прошедшаго. Напротивъ того бережливый хозяинъ не пугается издержекъ и пожертвованій какъ скоро они приносятъ ему пользу или могутъ принести въ будущемъ. Въ его экономической книгѣ означены сроки и поддержки всякъмъ заведеніямъ. Хозяйственныя нужды удовлетворяетъ онъ немедленно, стараясь найти средства провзвестъ все съ меньшими издержками и съ большею прочностію; заготовляетъ все благовременно и въ дешевую пору, не расходуетъ ничего лишняго, пользуется всякъмъ съ умѣренностію. Онъ увеличиваетъ свой доходъ въ наличныхъ деньгахъ, искусно расчитавъ свои расходы, сокративъ траты, сдружившись съ умѣренностію и правильною жизнью, съ благоразумными и нравственными желаніями, съ этими неразлучными спутниками добродѣтели и здоровья. Уменьшеніе дворни, истребленіе псовой охоты, сокращеніе обширныхъ Англійскихъ садовъ, простая и скромная жизнь безъ шумныхъ пировъ, безконечно продолжительныхъ и нелѣпо роскошныхъ, все это подъ конецъ года сбережетъ разсудительному хозяину большіе денежные капиталы на дѣла благонамѣренныя и на цвѣтущее состояніе его хозяйства.

V. Домоводство.

Домоустройство вводитъ и поддерживаетъ домашній порядокъ. Эта область домоводства обыкновенно состоитъ въ вѣдѣніи прекраснаго пола. Кому, какъ не домовитой хозяйкѣ, мило и покойно устроить свой семейный пріютъ; кому какъ не ей заботиться о пищѣ, одеждѣ, здоровьѣ своихъ дѣ-

тей, мужа и домочадцев? Женщина по врожденному чувству прекраснаго, стремится сдѣлать все вокругъ себя изящнымъ, привлекательнымъ и удобнымъ. Украшеніе дома, опрятность, чистота и домашній порядокъ, благочестіе, целомудріе, кротость, милосердіе, истощающая любовь, заботливость, жалость обо всемъ, что живетъ, чувство приличія, стыдъ, покорность, — вотъ тѣ очаровательныя блага, которыя вступаютъ съ хорошею и образованною хозяйкою въ сельское заведеніе. Но усладить заботы жизни, разлить пріятность на сельскіе труды, дать каждому предмету видъ привлекательный, сберечь все, употребить избытки на довольствіе, спокойствіе и радости жизни, не истощая домашняго изобилія, словомъ, сдѣлать домъ полною и красивою чашею отрады, comfort, — дѣло не легкое, и потому во всѣхъ отношеніяхъ достойное похвалы и признательности. Умѣе найти всему свое мѣсто и приборъ, или хозяйственный порядокъ, расчетливость и соображенія въ своевременномъ заготовленіи и сохраненіи припасовъ; искусство придать имъ отличный видъ, вкусъ и свѣжесть; женскія рукодѣлія, — шитье, ткачество и пряденье; чистота бѣлья, скопы молочныя, все это составляетъ особенное министерство въ сельскомъ хозяйствѣ, особую систему дѣйствія, въ которой повторяются, въ своемъ родѣ, счетоводство, отчетность, сбытъ, бережливость, управленіе домочадцами, запасность и заведенія довѣрія; въ которой умъ и сердце могутъ найти очаровательное занятіе.

Приготовляетъ ли женщинъ къ этимъ почтеннымъ и полезнымъ трудамъ, къ этимъ святымъ обязанностямъ супруги, матери, госпожи и хозяйки нынѣшнее Европейское воспитаніе? Это вопросъ, о которомъ давно спорятъ и много пишутъ. Мы не можемъ входить здѣсь въ разборъ его. Но нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ съ особой точки зрѣнія, будутъ, конечно, выслушаны терпѣливо нашими читателями.

Мы живемъ въ вѣкъ, который можно опредѣлить двумя противоположностями: одна половина умовъ, и самая значительная, бѣшено стремится къ положительному, другая, немногочисленная, но бурная и страстная, предается всѣмъ сумасбродствамъ запоздалаго мечтательства. Слѣдствіемъ первого, есть то могущественное и повсемѣстное развитіе про-

мышлености и богатства, которое началось со времени всеобщаго мира и не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи человечества. Слѣдствіемъ втораго суть тѣ волненія и смуты, которыя во многихъ государствахъ почти каждый день нарушаютъ общественное спокойствіе и пугаютъ самую промышленность. Мечтатели враги ея, потому что она любитъ числа и теоріи оцѣниваетъ на деньги. Однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ, но тѣмъ не менѣе злыхъ, припадковъ политическаго помѣшательства этого класса умовъ, есть — женщина. Въ эту минуту вы найдете цѣлыя толпы Европейцевъ *больныхъ женщиною*. Они желали бы сдѣлать ее революціоннымъ орудіемъ. Они оплакиваютъ ея мнимыя страданія, возмущаютъ ее противъ общества и законовъ природы, всѣми силами стараются отвлечь ее отъ положительныхъ благъ жизни, чтобы превратить въ мечтательницу и Пнѣю переворотовъ, нравственныхъ и политическихъ. Такова цѣль сепсимонистовъ, Бальзаковъ, *Aimé Martin*’овъ и другихъ; и они уже произвели одну женщину своего фасона, — госпожу D’Udevant, или Жоржа Сауда. Оно, конечно, немного, за столько главпостей, которыя они написали о женщинѣ въ теченіи шести лѣтъ, но и этого уже довольно за ихъ труды. Всѣ эти люди, не понимая главнаго стремленія своего вѣка, жестоко препятствуютъ своимъ вздорнымъ болтовствомъ водворенію здравыхъ понятій о положеніи женщины въ нашъ періодъ и о обязанностяхъ, которыя онъ создалъ для ней, какъ сотрудницы мужчины. Стремленіе къ положительному должно взять, и уже взяло, верхъ надъ мечтательствомъ людей, составляющихъ несчастный хвостъ минувшаго столѣтія. Положительное подавить все прочее, потому что оно связано съ ближайшими и существенными пользами каждаго частнаго лица. Отнынѣ назначеніе Европы быть богатою: это ея страсть, и она всѣмъ пожертвуетъ для этой страсти. Революція будетъ потушена на долгое время въ Европѣ. Между-тѣмъ, какъ приготовлены мы всенитаніемъ къ этой новой роли Европейца, — къ роли промышленника и положительнаго чело-вѣка, который долженъ, посредствомъ трудовъ, расчетливости и познаній, сдѣлаться богачемъ? Мужское публичное воспитаніе до-сихъ-поръ въ бѣльшей части Европы — совершенно филологическое, литературное, приспособлен-

нос къ тому, чтобы образовывать пріятныхъ собесѣдниковъ въ гостиной, какъ было въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда люди жили для гостинныхъ, забавъ, жевцинь, долговъ и мірской суеты, между-тѣмъ какъ этому воспитанію слѣдовало бы быть *дѣловымъ*. Одна Россія, изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, постигла истинное направленіе въка; и постановленіе, которымъ недавно прибавлены по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ «реальные классы» для преподаванія Науки сельскаго хозяйства¹, Науки торговли, прикладной Химіи, бухгалтеріи, линейнаго черченія, и прочая, есть такая мѣра, предъ которою должна смириться мудрость всѣхъ старинныхъ образованностей. У насъ положено уже основаніе воспитанію, исключительно свойственному нынѣшней эпохѣ, между-тѣмъ какъ во всей остальной Европѣ молодежь продолжаетъ образоваться въ духѣ восемнадцатаго вѣка, — духѣ наружнаго блеска, праздности и пустой эрудиціи гостинныхъ.

Но если воспитаніе мужичинъ въ наше время¹ еще такъ ложно въ своимъ началахъ, еще такъ несообразно съ потребностями и стремленіемъ въка, что жъ сказать о воспитаніи женщинъ? Оно сохранилось, во всей исприкосновенности своихъ недостатковъ, какъ было въ прошломъ столѣтіи, когда женщину образовали единственно для потѣхи легкомысленнаго и празднаго мужичины; когда она была куклою гостиной, подъ именемъ царицы общества, когда все ея назначеніе состояло въ томъ чтобы забавлять и забавляться, производить впечатлѣніе въ свѣтъ и ничего не дѣлать. Таково ли должно быть теперь воспитаніе сотрудницъ мужичины положительнаго, промышленнаго, дѣятельнаго, занятаго предпріятія и усовершенствованія всѣхъ родовъ, опредѣленнаго въ потѣ чела снискивать себѣ богатство? Музыка, пѣніе, танцы, географія, исторія, мифологія, научаютъ ли быть хорошими хозяйками? А что можетъ быть полезнѣе и содѣйствовать болѣе счастью и благосостоянію семейному, какъ не женщина, искусная въ домоводствѣ? Въ пансіонахъ преподаются ли дѣвцамъ какія-нибудь свѣдѣнія о хозяйствѣ? Рукодѣлія, собственно принадлежащія прекрасному полу и полезныя въ домоводствѣ, составляютъ ли главный предметъ занятій воспитанницъ въ этихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ!

«Въ древности, въ эти, такъ называемыя, времена варварства и невежества, говоритъ Казò, известный противникъ Сея, думали о воспитаніи женщинъ иначе, — здравѣе, разсудительнѣе. Цѣлю воспитанія женщинъ у древнихъ было то, чего мы домогаемся. Руководя и домовитость уважались во всѣхъ сословіяхъ народа. Въ палатахъ царскихъ видѣли примѣры превосходнаго женскаго домоустройства. Воспитаніе такого рода неопцисно: оно стражъ добродѣтелей и нравственной чистоты, оно источникъ здоровья, домашняго изобилія и возможнаго благополучія человѣческаго. Праздность, чтеніе романовъ, богатые наряды, блистательные балы и праздники, какъ ничтожны въ сравненіи съ чистыми наслажденіями счастливой, семейной жизни, съ скромнымъ удовольствіемъ и радостью быть полезною въ нѣдрахъ своего семейства безпрерывнымъ занятіями о благосостояніи дорогихъ сердцу! Мы далеко отъ того чтобъ опровергать пріятность и изгонять изъ воспитанія женщинъ музыку, танцы и другія искусства, доставляющія еще болѣе привлекательности ихъ полу, если можетъ быть что-нибудь сильнѣе природнаго влеченія обоехъ половъ. Мы о томъ не думаемъ и отнюдь не пытаемъ такой нелюбви къ человечеству. Намъ хотѣлось бы только для общаго блага, чтобъ въ воспитаніи женскаго пола и въ самой жизни всегда блестящее подчинялось полезному; чтобъ развитіе пріятныхъ дарованій и наружныхъ совершенствъ, такъ скоро проходящихъ, были бы не основою, а второстепенною принадлежностью воспитанія женщинъ. Намъ хотѣлось бы видѣть во всѣхъ женщинахъ, какъ встрѣчаешь въ нѣкоторыхъ, тишину ума и поведенія, спутницу тысячи добродѣтелей, которыхъ достоинства не въ состояніи скрыть ни какая скромность и которыя всегда ощутительны для души благородной и чувствительной.»

При нынѣшней системѣ воспитанія, конечно, нельзя ожидать отъ Европейскихъ женщинъ той помощи въ дѣлахъ жизни, какую новыя потребности общества дѣлаютъ каждый день болѣе и болѣе необходимою; но если чувство нравиться есть врожденное и непобѣдимое въ женскомъ сердцѣ, пусть добрая хозяйка предпочитаетъ нравиться, избраннымъ друзьямъ и хорошимъ знакомымъ, гостепримствомъ внимательнымъ и изяществомъ, разборчивостью стола, въжливостью

и скромностью слугъ, спокойнымъ теченіемъ всего домашняго порядка, чѣмъ пышностью или подозрительными познаніями въ современной Французской литературѣ. Пусть въ ея домѣ все будетъ чисто какъ снѣгъ, стройно какъ гармонія, невинно и простодушно какъ радость. Англійскія и Пѣмецкія семейства бѣльшею частію представляютъ образцы превосходнаго домоустройства, а Голландскія, бромъ того, опрятности, доведенной даже до излишества.

Неужели и о томъ, какъ устроить домашній порядокъ есть наука? Неужели должно безпокоить себя женщины и съ молодыхъ лѣтъ учиться своему званію? Да! есть правила, какъ быть госпожей своихъ страстей, есть правила примѣрной жизни, есть цѣлый рядъ обязанностей хорошей супруги, матери и хозяйки, которыя составляютъ полную и глубокую науку. Къ несчастью, эта наука совершенно выпущена изъ виду въ воспитаніи дѣвицъ, отъ которыхъ скрываютъ нѣ будущее какъ грѣхъ. Право, стоило бы труда излагать въ пансіонахъ курсъ женской Нравственной Философіи, составленный умнымъ и глубокомысленнымъ отцомъ семейства, и не предоставлять дѣвушкамъ отыскивать самамъ эту философію въ романахъ, писанныхъ обыкновенно молодыми людьми безъ правилъ и безъ уваженія къ женщинамъ. Въ мужская Нравственная Философія преподается же юношамъ въ заведеніяхъ. Есть притомъ Наука женскаго сельскаго хозяйства, какъ есть Наука мужскаго. Есть теорія женскихъ сельскихъ ремеслъ, и теорія женской бухгалтеріи, и имъ-то можно было бы обучать дѣвицъ, какъ обучаютъ мальчиковъ Технологіи и коммерческой бухгалтеріи. Все это съ большою пользою могло бы замѣнить преподаваніе, напримѣръ, Греческой мнѳологіи.

Я не стану излагать здѣсь этихъ теорій ни обязанностей хозяйки, потому что дамы не читаютъ четвертаго отдѣленія Б. для Ч. Къ книгѣ, которую приготавливаю о сельскомъ хозяйствѣ, я приложу формы счетовъ и мѣсячныхъ ведомостей по домоустройству: быть-можетъ, который-нибудь мужъ сообщитъ и растолкуетъ ихъ своей почтенной сожительницѣ. Здѣсь скажу только, по личному наблюденію, что этого рода занятія могутъ превосходно согласоваться съ свѣтскимъ воспитаніемъ и нисколько не мѣшаютъ быть лю-

безною. Мнѣ случилось видѣть, между-прочимъ, примѣръ изумительнаго домоустройства у одной Русской помѣщицы, необыкновенно домовитой хозяйки и попечительной матери семейства. Она воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ, въ Петербургѣ, и въ молодости имѣла особенную склонность къ Математикѣ. Никто быстрее ея не считалъ на-память. Всѣхъ и мѣру знала она во всемъ. Она завела у себя домашнее отлично хорошее счетоводство. Имѣя пять дочерей, она приучала каждую къ тому жъ домоустройству, которымъ сама занималась съ такимъ успѣхомъ. Помѣсячно каждая дочь обязана была завѣдывать домашнимъ счетоводствомъ и находиться неотлучно при матери, вставать рано и ходить съ нею по всемъ хозяйственнымъ заведеніямъ. Плодомъ такого воспитанія было то, что всѣ дочери не долго сидѣли безъ замужства, осчастливили своихъ супруговъ и обогатили свои семейства. Нѣкогда это семейство жило въ Новоторжскомъ уездѣ. Память о дивной хозяйкѣ и послѣ ея кончины осталась въ томъ краю священнойю.

Хорошее домоустройство есть первая ступень къ хорошему сельскому хозяйству, которое и женщины не худо бы знали, исполнить, основательно, во всемъ его пространство, то есть, какъ науку. Христіанское законодательство даровало женщинамъ равныя права съ мужчинами, и въ обществѣ, и въ семейномъ быту, и въ приобрѣтеніи собственности, и въ управленіи своимъ имѣніемъ. Во всехъ христіанскихъ государствахъ дочь наследуетъ послѣ отца, матери и родственниковъ своихъ, движимое и недвижимое имѣніе, а у насъ въ дворянскомъ сословіи и помѣстьяхъ съ крестьянами. Владѣтельница вѣтрлется жребій подвластныхъ, счастье на землѣхъ себѣ подобныхъ. Для устройства чьего-нибудь счастья развѣ не нужны твердыя опоры систематическихъ познаній, а нѣкто и доставляютъ правила Науки сельскаго хозяйства. Скажу болѣе: эта наука, какъ предметъ преподаванія, у насъ въ Россіи, едва-ли не больше принесла бы пользы для женщинъ, нежели для мужчинъ, потому что большая часть имѣній, принадлежащихъ военно-служащимъ и весьма многія помѣстья гражданскихъ чиновниковъ управляются обыкновенно женщинами.

VI. УПРАВЛЕНИЕ ИМѢНІЕМЪ.

Эта отрасль домоводства самая живая и трудная по быстротѣ и измѣняемости своихъ дѣйствій. Она требуетъ особенныхъ дарованій. Мало того, чтобъ знать наизусть всѣ правила Науки сельскаго хозяйства, — надобно еще уметь дѣйствовать по ихъ руководству, уметь применять общія истины къ частнымъ случаямъ, ко времени, мѣсту, и людямъ; уметь приводить въ движеніе всю многосложную машинну, а иногда, подобно полководцу на полѣ сраженія, и распоряжаться вдругъ, безъ приготовленій, быстро, рѣшительно, чтобъ воспользоваться минутою и не упустить благоприятныхъ обстоятельствъ. Въ сѣнокосъ не дремлютъ, пропущенный часъ не наверстывается неделями, говоритъ Русская пословица. Эта живость въ распоряженіяхъ, эта быстрота соображенія не достаются даромъ. Они — плоды труда, ученія и опытности, болѣе или менѣе продолжительныхъ, судя по дарованіямъ, которыя всегда въ нашей волѣ развить съ успѣхомъ или подавить вовсе.

Въ управленіи имѣніемъ, труды текутъ непрерывно: эта область домоводства, также какъ самая жизнь, наполнена превратностями, удачными и тщетными покушеніями, счастьемъ и несчастіями. Въ ней открывается обширное поле для ума, воли и чувства. Каждое движеніе дотрогивается здѣсь до частей и до цѣлаго, отражаясь гдѣ-нибудь добромъ или зломъ. Постоянное свѣтило этой области есть идея, ясная и твердая, о совершенствѣ и полнотѣ сельскаго хозяйства, образуемая изъ глубокихъ свѣдѣній, теоретическихкихъ и практическихкихъ, приобретаемыхъ продолжительнымъ упражненіемъ въ дѣлѣ.

Говорятъ иные: «для сельскаго хозяина довольно одной неусыпной дѣятельности, а для прикащика еще честности; до всего доведетъ опытъ, всему откроетъ путь само дѣлопроизводство безъ наукъ». Опытъ и дѣлопроизводство открываютъ пути и доводятъ равно къ хорошему какъ и къ дурному. Человѣкъ съ неусыпною дѣятельностью можетъ еще слѣдовать, иногда съ успѣхомъ, за установленною, готовою, промышленностью, не отступая отъ системы, по которой нѣкогда образовались части и цѣлое. Но приходитъ время измѣненій, необходимость прибѣгнуть къ средствамъ

новымъ, пересоздать обрушивающееся зданіе прежней системы, исправить ея недостатки; тогда надобно же дѣйствовать по какимъ нибудь яснымъ понятіямъ, чтобы основать новое цѣлое и сладить всѣ его части. Теперь для человѣка образованнаго по Наукѣ сельскаго хозяйства, нѣтъ ничего легче, какъ завести прескрасное плодоперемѣнное полсводство: но прещоручите это дѣло номаду, у котораго въ душѣ мракъ и хаосъ, въ чьемъ умѣ не светишь ни одна лучъ науки, не рѣла ни одна искра искусства, что выйдеть? Изъ отчего эта благотворная система хлѣбопашества, которой Европа одолжена спасеніемъ отъ бѣдствій голода при своемъ малоземеліи и многочисленности и постоянными превосходными урожаями, не распространяется въ Россіи, не только между крестьянами, но даже въ помещичьихъ имѣніяхъ? Оттого, что въ народѣ еще не распространились ясныя понятія объ этой системѣ; оттого что въ иныхъ мѣстахъ для ней вовсе нѣтъ никакихъ указаній, ни теоретическихъ ни практическихъ, а въ другихъ есть, но одностороннія, съ пустыми затѣями, несообразными съ народнымъ бытомъ, которыя сокрушаются подъ собственною несообразностью или, поддерживаются только упорствомъ и большими капиталами. Поэтому и благородная ревность защитниковъ этой системы оканчивается у насъ одними словами. Какъ скоро дѣло коснется до введенія плодоперемѣннаго полсводства въ своихъ помѣстьяхъ, эти ревнители общей пользы обыкновенно первые уклоняются отъ того, чтобы подать первый примѣръ собою, ссылаясь на неудачу чужихъ опытовъ, или на «некогда» и на непреодолимая будто бы препятствія отъ предразсудковъ крестьянъ и прикащиковъ. А въ самомъ дѣлѣ ихъ ревность останавливается оттого что всякой страшится пуститься на-авось въ море труда невѣдомаго и плохо гостигнутаго; всякому хочется напередъ поглядѣть на другихъ, что они сдѣлають, что съ ними доспѣется отъ страшнаго плодоперемѣннаго полсводства, которымъ старообрядцы сельскаго хозяйства пугаютъ нововводителей. Многіе также хотять прежде подѣлать опытовъ; опытовъ, которые обыкновенно заводять все далѣе и далѣе въ лабиринтъ недоумѣній и занутываютъ еще болѣе дѣло неясно понимаемое. Это колебаніе опасеній и надежды, это такъ сказать плаваніе по

архипелагу безчисленныхъ попытокъ при непрерывныхъ кораблекрушеніяхъ, безъ кормила и компаса, можетъ продолжиться цѣлыя столѣтія и не только не улучшить, но вѣроятно разстроитъ народное сельское хозяйство недовѣрѣемъ къ хорошему, если не будетъ рѣшительнаго содѣйствія со стороны патріотизма.

О препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ у насъ повсемѣстное водвореніе плодopеремѣнной системы, мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ это не касается до доводства. Теперь предположимъ, что это полеводство введено въ помѣсть, что все сдѣлано, составлена библіотека изъ лучшихъ хозяйственныхъ сочиненій, умъ напѣтанъ нужными свѣдѣніями, будущій хозяинъ твердъ въ наукѣ и практикѣ усовершенствованнаго сельскаго хозяйства и можетъ править ходомъ всей машины. Наука показала ему что и какъ онъ долженъ дѣлать, опытность — чего избѣгать, собственное соображеніе — какъ все вести, согласно и въ порядкѣ къ лучшему. Но все здѣсь еще конецъ: принимающему въ свои руки управленіе имѣніемъ еще предстоитъ совершить трудъ окончательный, — извѣдать во всѣхъ отношеніяхъ свое помѣстье и обозрѣть его лично. Онъ долженъ *умственно* оцѣнить всѣ принадлежности помѣстья, то есть постигнуть ихъ настоящія свойства. Оцѣнку эту, говоритъ Теэръ, слѣдуетъ дѣлать *не механически*, но высшимъ хозяйственнымъ взглядомъ и съ предварительными познаніями во всемъ, что относится къ земледѣльческой промышленности.»

Предложимъ кратко главныя черты этой умственной оцѣнки имѣнія, которыя Теэръ подробно развилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ любопытно и полезно знать всѣ части его системы, хотя она больше примѣняется къ Нѣмецкимъ помѣстьямъ.

Главные предметы, на которые долженъ обратить вниманіе хозяинъ, вступающій въ управленіе имѣніемъ, суть слѣдующіе: онъ долженъ прежде всего узнать во всѣхъ отношеніяхъ мѣстность и источники доходовъ помѣстья; пространство дачи, качество и количество удобной земли, лѣсу, луговъ, водъ; путевыя сообщенія, мѣста сбыта; состояніе постройки, словомъ всѣ удобства и неудобства имѣ-

нія для своей промышленности. По нимъ-то долженъ онъ располагать и устроить свое хозяйство, а не по мечтательнымъ кабинетнымъ выкладкамъ, которыя всегда легки на бумагъ. Онъ долженъ выбирать родъ хозяйства, не по склонности своей къ той или другой системъ или отрасли, но по мѣстоположенію, удобству для нужныхъ заведеній и средствамъ помѣстья; и заботиться не о фантастическихъ преобразованіяхъ, но объ улучшеніяхъ возможныхъ и усовершенствованіяхъ того, что есть, и что можетъ открыть действительные источники хорошихъ доходовъ. Это обязанъ имѣть въ виду новый хозяинъ, если не хочетъ разстроить своего состоянія. Напрасно сталъ бы онъ издерживать капиталы, тратить время и трудъ самый ревностный на разведеніе бору хвойныхъ деревьевъ на черноземной почвѣ, гдѣ весело и пышно вырастаютъ дубравы и широколиственные деревья, любимые питомцы подобныхъ почвъ. Никакія деньги и усилія не помогутъ выгодному разведенію стадъ тонкошерстныхъ овецъ на мѣстахъ низкихъ, сырыхъ, съ иловато-глинистою почвою, ни прибыльному свекло-сахарному производству на тощихъ почвахъ. Настаивать на эти заведенія въ подобныхъ мѣстахъ значитъ — стремиться къ мечтѣ и пскать своего разоренія. Умственный взглядъ на все способы помѣстья рѣшаетъ дѣло о будущихъ доходахъ. Въ иномъ помѣстьѣ, лежащемъ близъ города, выгодно превосходное скотоводство и луговодство: доходъ отъ молока, сливокъ, мяса, сѣна, подъ городомъ значителенъ и прибыльнѣе, нежели отъ масла и сыра; въ другомъ помѣстьѣ съ обширными выгонами, сухими, гористыми, выгодно тонкошерстное овцеводство; въ иномъ доставляютъ большой доходъ огороды, сады, и сбытъ на овощи и плоды вѣренъ; въ иныхъ мельницы, маслобойни, распиловки лѣса, пивоварни, винокурни, сельскія ремесла, ткачество, пряденье, и прочая. Прибыльнымъ и возможнымъ заведеніямъ должно посвящать какъ можно болѣе времени и рукъ; къ нимъ надо преимущественно принаравливать свое хозяйство, не добиваясь наперекоръ природѣ невозможнаго, изъ одного тщеславія. Пусть иной до времени остается даже при трехъ-польномъ зерновомъ полеводствѣ, если поля его недавно образовались изъ нова съ плодородною почвою, и если зерновой хлѣбъ стѣнно цѣнится;

только пусть отнюдь не покидает поля своих без удобренія или скотоводства; пусть другой усиливает плантаціи пеньки, льну, табаку, красивыхъ растений, если сбытъ ихъ удобенъ и доходенъ. Но тотчасъ, безъ упрямства и пристрастія, пусть переменить онъ эту систему полеводства на другую, которая, по измѣнившимся обстоятельствамъ, обѣщаетъ высшую прибыль, сокращеніе труда и пользу для почвы. Въ этихъ переменахъ и приспособленіяхъ хлѣбопашества къ разнымъ отраслямъ хозяйства беретъ рѣшительное преимущество плодотворное полеводство передъ всеми другими. Оно истинный Протей земледѣія, — тотчасъ можетъ измѣниться и предложить хозяину обширныя выгонныя поля съ превосходными кормовыми травами, для его стада отличнаго скота, или усилить посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ, овощей, масляныхъ растений и тому подобнаго; и плодородіе почвы не только не уменьшится, но еще возрастетъ со-временемъ, и хозяйство достигнетъ высшей степени процвѣтанія.

Много есть примѣровъ разстройства и бездоходности имѣній отъ дурнаго управленія имѣніемъ. Были примѣры самые печальные незнанія правилъ оцѣнки. Нѣсколько молодыхъ наследниковъ получили нѣкогда во владѣніе болѣе десяти тысячъ душъ крестьянъ оброчнаго имѣнія съ обширными лѣсными дачами и всякаго рода угодыми. Все имѣніе было въ одномъ мѣстѣ. Городская привольная жизнь и занятія изящными искусствами препятствовали молодымъ людямъ заглянуть подчасъ въ свое огромное помѣстье и познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ. Они рѣшились предоставить раздѣлъ имѣнія между собою уму чужому, обѣщая большое денежное награжденіе за раздѣлъ справедливый и безпристрастный и за устройство каждаго участка для хлѣбопашества, потому что крестьяне худо стали платить оброкъ. Само собою разумѣется, что обѣщанное награжденіе привлекло къ наследникамъ толпы людей всякаго рода, и знающихъ нѣсколько и вовсе не понимающихъ дѣла, даже адвокатовъ и художниковъ, которые предлагали свои услуги для безпристрастнаго и справедливаго раздѣла имѣнія. Что до заведенія усадебъ съ хлѣбопашествомъ, то всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что это вещь послѣдняя, неумудренная и

известная всякому крестьянину. Бойкость на словах взяла наконецъ верхъ, и одинъ промотавшійся откупщикъ избранъ былъ въ дѣлители. Тотчасъ, въ столицѣ же, приступили къ раздѣлу по межевымъ планамъ и показаніямъ вызванныхъ нарочно изъ деревень старость и людей *добросовѣстныхъ*. Эти рыборные часто становились втупикъ, разногласили, не знали показать ли истинную правду или нѣсколько кое-чего небывалаго, кое-какихъ неудобствъ и недостатковъ въ каждомъ селеніи, въ предосторожность на всякій случай, если вздумается наследникамъ оставить отчины по-прежнему на оброкъ, чтобы господа не возвысили платы. Раздѣлъ скоро былъ оконченъ. Оставалось назначить мѣста для усадебъ съ господскою запашкой. Тутъ уже нельзя было добиться ни какаго толку отъ выборныхъ, перепугавшихся барщины. Тогда стали просто *округлять* деревни и назначать усадьбы по межевымъ книгамъ и *по здравому сужденію*: началась ломка имѣнія. Иныя деревни снесены и попали по планамъ вмѣсто чистаго мѣста въ низины, въ болота, въ густой и рослой лѣсъ; другія лишились своихъ удобренныхъ полей, отрѣзанныхъ къ господскимъ усадьбамъ, а сами потянулись съ своимъ хлѣбопашествомъ въ луга и пустоши. Все смѣшалось, и загремѣло разрушеніемъ. Обширные лѣса мали подъ топоромъ для обстройки господскихъ усадебъ и деревень переселявшихся на новыя мѣста, или на продажу. Выводу лѣсовъ помогли и сторожа при общемъ разгромѣ лѣсныхъ дачъ. Многіе луга и выгоны обратились по-необходимости въ пахатныя крестьянскія поля, а молодой лѣсъ подъ луга и выгоны; и такимъ образомъ въ огромномъ помѣстьѣ — какъ не бывало изобилія въ угодьяхъ. Подобная оцѣнка скоро принесла свой горькій плодъ, — общее и вознагражденное въ ками истребленіе основныхъ капиталовъ хозяйства. Пособило упадку имѣнія и родимое трехъ-польное полеводство, которое производилось по обычаю старины, то есть, господское хлѣбопашество — безъ скотоводства, которое подоспѣло на помощь уже поздно, когда ослабѣла, а въ другихъ мѣстахъ и вовсе исчезла, плодородная сила почвы. Это совершается въ домосковныхъ губерніяхъ обыкновенно въ шесть лѣтъ: послѣ четырехъ съемовъ сильныхъ колосовыхъ хлѣбовъ новъ хоть брось; она уже не вознагра-

дить урожаемъ трудовъ земледѣльца. Надобно впрочемъ признаться, что наследники съ менторомъ своимъ постигли имѣніе однажды лѣтомъ, осматривали живописныя мѣстоположенія, отдыхали въ молодыхъ чистыхъ рощицахъ, придумывали парки Англійскіе, слѣдили съ ружьемъ за извивистыми ручейками на цвѣтущихъ, роскошныхъ лугахъ своихъ, но все это не спасло богатѣйшаго имѣнія отъ разстройства.

Оцѣнка имѣнія въ Россіи обыкновенно производится по десятилѣтней сложности доходовъ съ имѣнія. Верна ли такая оцѣнка безъ письменнаго счетоводства и ясныхъ доказательствъ прихода и расхода, особливо при назначеніи имѣнія въ продажу съ публичнаго торга, когда помѣщику не хочѣтся разстаться съ своею собственностію и показать правды, легко всякой можетъ отгадать по состоянію Русскаго хозяйства. Справедливоли оцѣнивать имѣніе по доходамъ, не различая движимыхъ и недвижимыхъ капиталовъ хозяйства — вопросъ, на который основательно отвѣчаетъ Теэръ. Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о земледѣльческой промышленности, не должно смѣшивать между собою капиталовъ движимыхъ и недвижимыхъ, помѣстья и доходовъ, ими приносимыхъ. Если недвижимый капиталъ, — лѣса, поля, луга, должны дать четыре процента, то капиталъ движимый, — скотъ, постройка, машины земледѣльскія не менѣе шести, а надѣльный капиталъ (по-нашему труды крестьянъ) не менѣе двѣнадцати процентовъ. Такъ, въ Русскомъ хозяйствѣ, самый высшій доходъ могутъ доставить крестьяне своими трудами. Это приводитъ насъ къ особой и важной статьѣ дозводства, — управленію крестьянами, — которой нѣтъ въ заграничномъ сельскомъ хозяйствѣ. Мѣсто уже не позволяетъ намъ заняться ею въ нѣнѣшней книжкѣ. *Д. Шелеховъ.*

=

КРИТИКА.

ИСТОРИЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ, въ 1828 и 1829 годахъ, и проч.

Статья вторая*.

Когда воля Монарха и жребій войны указали графу Эриванскому походъ въ Азіятскую Турцію, предпологаемо было въ военныхъ планахъ — первое, движеніемъ Русскихъ войскъ отвлечь часть Турецкаго бойска и вниманіе Оттомановъ отъ Европы въ Азіійскія ихъ владѣнія; второе, овладѣть при этомъ случаѣ и удержатъ потомъ за собою тѣ мѣста, которыми на будущее время лучше укрѣпились бы владѣнія Русскія за Кавказомъ со стороны Турціи.

Такова была цѣль войны, которой исполненіе представлялось полной волею графа Эриванскаго, отдѣльно и самобытно дѣйствующаго. Если эта отдѣльность представляла нѣкоторыя выгоды его смѣлому военному гению, тѣмъ не менѣе отъ нея умножились затрудненія. Не говоря уже о томъ, что на раменахъ

* Въ первой статьѣ, на страницѣ 64, вкрался двѣ важныя опечатки, которыя мы спѣшимъ исправить. Въ началѣ страницы напечатано: «Здѣсь вы видите всего Паскевича..... съ его учеными и свѣтлыми *статистическими* (читай — *стратегическими*) соображеніями.» Въ концѣ страницы напечатано: «Только упрямое пристрастіе и неважность къ дарованію необыкновенному могутъ оспаривать *эту систему* (читай — *эту истину*).» Въ послѣдней строкѣ 81 страницы, также по ошибкѣ, напечатано — *милліоновъ*, вмѣсто — *рублей*, именно, должно быть 4,300,000 рублей, а не 4,500,000 милліоновъ.

вождя лежала такимъ образомъ вся отвѣтственность за успѣхъ и неудачу; что онъ долженъ былъ предпринять новые труды при столь важномъ и тяжеломъ званіи главноначальствующаго за Кавказомъ въ тогдашнее время, — ему надлежало еще опереться только на тѣ средства, какія были у него подъ рукою: мы уже видѣли, что мѣстность Закавказья лишаетъ въ подобномъ случаѣ всякой возможности на скорое пособіе изъ Россіи.

Присовокупимъ къ этому, что горскіе народы получили новыя силы, новую отвагу, слыша о войнѣ правовѣрнаго потомка Магомметова противъ «Невѣрныхъ», и внимая возгласамъ его: «Невѣрные хотятъ съ лица земли стереть мусульманъ и вѣру ихъ! Война нынѣшняя есть война за вѣру и судьбу нашу!» Между-тѣмъ война съ Персією была еще не кончена, хотя давно уже шли переговоры о мирѣ, и военныя дѣйствія были только временно прекращены противъ Персіянъ. Войска Русскія занимали завоеванныя Персидскія области. Война съ Персіянами, быстрая, горячая, истощила между-тѣмъ за Кавказомъ всякіе запасы, а Турція не думала робѣть и уступать. Дѣйствуя хитрою политикою на Персію, Закавказье и Горцевъ, она приступила сверхъ-того къ твердымъ мѣрамъ защиты.

Протяженіе границъ Турецкихъ отъ Чернаго Моря составляли тогда лежащіе рядомъ до Персидской границы, противъ Гуріи, Имеретіи, Грузіи и Эривани, пашалыки Ахалцыхскій и Карсскій. Они опирались съ тылу на пашалыки Требизондскій, Эрзерумскій, Баязетскій и Мушскій, что все заслоняло собою дальнѣйшее протяженіе земель Турецкихъ, на западъ и югъ. Въ Эрзерумѣ было пребываніе сераскира, управлявшаго не только шестью этими, но еще Ванскимъ, Мусульскимъ, Діарбекирскимъ, Сивасскимъ и Токатскимъ пашалыками. Это всегда былъ са-

мовластный правитель Турецкой Арменіи и Анатолии. Мѣсто его всегда казалось такъ важно, что великіе визири, лишась своихъ высокіхъ званій, не считали безчестіемъ званіа Эрзерумскаго сераскира. Теперь отправленъ былъ сюда славный Галибъ-Паша, бывший некогда посломъ Турецкимъ при Наполеонѣ, рейсъ-эфендіемъ при Бухарестскомъ мирѣ, временно великимъ визиремъ, и особенно споспѣшествовавшій истребленію Янычаръ. Ему придали въ помощь Кьосè-Мугаммеда-Пашу, знаменитаго воина, который сражался некогда въ Египтѣ противъ Наполеона, потомъ воевалъ съ Русскими, губилъ Сербію и Грецію. Новые начальники спѣшили исправить крѣпости, собрать деньги и войска, привезти артиллерію и запасы. Болѣе 60,000 войска было ими немедленно устроено и готово, не считая полудикихъ Курдовъ и Лазовъ. Предполагая нападеніе на Эриванъ и Имеретію, слыша, что графъ Эриванскій боленъ, что онъ притомъ совершенно обезсиленъ въ войнѣ съ Персією, и потому не начинаеть дѣйствій, хвастливо писалъ сераскиръ Карскому пашѣ: «Душа моя полна радостью; врагъ нашъ Паскевичъ на краю гроба! Да поразишь пророкъ холодомъ смерти, этого страшнаго глаура, досель въ войнѣ непобѣдимаго!» Съ радостью видѣлъ притомъ сераскиръ успѣхи пронсковъ своихъ между Горцами; онъ успѣлъ также отвлечь Персіянъ отъ мира, и даже произвестъ замѣшательства въ Гуріи.

Послѣ этого можно понять всю сомнительность и трудность положенія графа Эриванскаго и великость его обязанности, даже и потомъ, когда завоезаніе Анапы было отдѣлено отъ него и передано князю Меншикову, который осадилъ ее съ моря. Но Русскій вождь не унывалъ.

Прежде всего, графъ Эриванскій усилилъ мѣры къ

скорѣйшему примиренію съ Персією. Надобно было не унижить чести Россіи, не ободрить врага уступкою. Голось Русскаго вождя сдѣлался грозенъ. Напрасно Персіяне еще медлили и коварствовали. Января 5, данъ былъ имъ рѣшительный отвѣтъ, а января 6 1828 года, войско Русское двинулось впередъ, несмотря на зимнія затрудненія. Ардебиль былъ немедленно захваченъ, Адербаеджанъ готовъ возстать, Русскіе грозили Тегерану, и февраля 6 Аббасъ-Мирза прибѣжалъ мириться; февраля 10 заключенъ славный Туркменчайскій трактатъ; въ концѣ февраля двинулись изъ Персіи наши войска, оставивъ тамъ только охранный корпусъ.

Между-тѣмъ дѣятельно работалъ графъ Эриванскій. Заслонивъ поспѣшно, и сколько могъ, предѣлы отъ Турковъ, онъ успѣлъ прокламаціями успокоить умы, доказывалъ нелѣпость возгласовъ Султана, правоту Россіи, распорядилъ охраненіемъ Закавказья отъ Горцевъ и войною съ ними, велъ переговоры съ Гурією, собиралъ всѣ пособія воинскихъ запасовъ, и новымъ способомъ вольнонаемныхъ подводъ облегчилъ перевозку; принималъ мѣры къ учрежденію госпиталей и карантинъ и приводилъ въ порядокъ артиллерію. Въ маѣ все войско было у него готово: много ли однако жъ было этого войска? Его составляли 56,057 человекъ пѣхоты, 9,475 конницы и 164 пушки, — включая сюда всѣ казачіе и гарнизонные отряды. Для охраненія обширнаго Закавказья оставлено было 15,855 пѣхоты и 2,591 конницы, съ 42 пушками. Шесть отрядовъ, то есть, 15,625 пѣхоты, 5,644 конницы, и 52 пушки, прикрыли не отданныя еще Персіянамъ области, и растянулись по всей Турецкой границѣ до береговъ Черноморскихъ. Главнокомандующій могъ послѣ того распорядить для наступательной войны только 12,000 солдатъ то есть, 8,561 пѣхоты и 3,443 конницы, съ 70 пуш

ками. Этого было уже ему довольно. Онъ самъ былъ при нихъ.

Сообразно силамъ и мѣстности графъ Эриванскій составилъ свой превосходный планъ военныхъ дѣйствій. Онъ предположилъ оставить единственно въ оборонительномъ положеніи все протяженіе земель на сѣверо-южномъ горномъ проходѣ, въ Карсъ, взятіемъ котораго онъ становился въ центрѣ Ахалцыхскаго и Эрзерумскаго пашалыковъ, заслоняя единственный, болѣе другихъ свободный, проходъ Туркамъ на Тифлисъ и Эривань, и могъ взятіемъ Ахалцыха отнести далѣе покушенія Турокъ на наше Закавказье. И между-тѣмъ, какъ помощью корпуса со стороны Гуріи, и взятіемъ приморскихъ крѣпостей, совершенно охранялось наше Закавказье, Русскіе могли вломиться въ самое сердце Турецкой защиты, — Эрзерумъ; послѣ чего обстоятельства рѣшили бы, выгоднѣе ли будетъ дѣйствовать къ сѣверо-западу, или юго-западу, чтобы вполне потрясти силу Азійской опоры Оттомановъ. Но съ чѣмъ сражаться и что надобно было побѣдить для этого! Судите, когда одно изъ главнѣйшихъ первоначальныхъ дѣйствій повсюду въ этомъ походѣ состояло для Русскихъ въ прокладываніи и прочищеніи путей и военныхъ дорогъ, по которымъ можно-бъ было какъ-нибудь дойти до непріятельскихъ войскъ и крѣпостей. Потомъ уже можно было думать о томъ, какъ разбивать ихъ полки и брать крѣпости.

Такъ тихо, такъ осторожно, и даже скрытно отъ всѣхъ лазутчиковъ, дѣлались приготовленія, что Турецкіе пашаи теряли терпѣніе, не знали совершенно ничего, и рѣшились наконецъ послать шпиономъ своего чиновника, какъ-будто для объясненій. Посланнаго нарочно везли по мѣстамъ, заставленнымъ нашими войсками, ласкали его, напугали маневрами воинскими въ Тифлисъ, на которые смотря, онъ съ ужа-

сомъ воскликнулъ: «Такъ они возьмутъ Карсъ!», и отлучили наконецъ съ извѣстiемъ о близкомъ походѣ. Турки опомнились отъ бездѣйствiя. Паша Карскiй умолялъ о поспѣшной помощи. «Войско твое храбро, крѣпость Карсъ неодолима, а Русскихъ немного, отвѣчалъ ему Кьосѣ-Мугаммедъ: умѣй одушевить правовѣрныхъ; я не замедлю на помощь!» Дѣйствительно, Турки поняли въ это время, что не даромъ были проведены «страшныхъ гяуромъ» два мѣсяца со времени объявленiя и начала войны на Дунай. Но было уже поздно. Двѣнадцати собралась дѣйствующiя войска къ Гумрамъ; 14-го утромъ, отиѣтъ былъ молебень въ походной церкви, войско двинулось прямо на Карсъ, и переступило границу Россiи, Арпачай. Особенный распорядокъ въ движенiи и походѣ войскъ обезопасилъ Русскихъ. Съ ними было на сорокъ дней провiанта. Кромѣ обоза главной квартиры, войско вело за собою 2,000 штукъ рогатаго скота, 5,000 барановъ и 4,000 подводъ и выюковъ, составлявшихъ провiантскiе, госпитальныя, артиллерiйскiе и инженерныя транспорты. Подъ главнымъ начальствомъ графа Эриванскаго, начальникомъ штаба былъ генераль-маiоръ баронъ Остенъ-Сакенъ; оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Вольховскiй; дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ Лемаиъ; пѣхотными бригадами начальствовали генераль-маiоры Муравьевъ, Берхманъ и Корольковъ; кавалерiею полковникъ Раевскiй и генераль-маiоръ Завадовскiй; походнымъ атаманомъ былъ генераль-маiоръ Леоновъ; артиллерiею командовалъ генераль-маiоръ Гиллешмитъ. Замѣтимъ еще имена другихъ сподвижниковъ графа Эриванскаго, оставленныхъ для охраненiя предѣловъ и помощи въ случаѣ нужды: генераль Панкратьевъ, прикрывалъ области Персидскiя; Мерлинъ Пахичеванъ, князь Чавчевадзе Эриванъ, князь Вадбольскiй Грузiю; Поповъ Карталицию и Самхетию;

Гессе отдельно действовалъ въ Гурин, заслоняя Мингрелию и Имеретию.

Карсъ отстоитъ отъ Гумровъ въ 65 верстахъ. Юня 17, на третьемъ переходѣ, Турки въ первый разъ схватились съ Русскими, и были отбиты. Съ возвышенности при Мешко, графъ Эриванскій осмотрѣлъ мѣстоположеніе Карса. Узнали, что жители его рѣшились запереться отчаянно. Юня 19, Русскіе стали верстахъ въ трехъ отъ Карса; схватки съ неприятелемъ усилились.

Карсъ, некогда знаменитый городъ древней Арменіи, всегда почитался у Турковъ защитою Эрзерума, и крѣпость его, построенная въ XVI вѣкѣ, слыла непобѣдимую. Отсюда некогда со стыдомъ отступилъ грозный шахъ Надиръ, и Русскіе безуспѣшно бились здѣсь въ 1807 году. Полтораста пушекъ и 11,000 гарнизона защищали Карсъ. Темъ важнѣе былъ здѣсь успѣхъ, что онъ могъ рѣшить унылость или бодрость духа увѣренныхъ въ неизбѣжномъ предопредѣленіи магометанъ, можетъ-быть, на все окончаніе войны.

Графъ Эриванскій верно рассчиталъ силу и важность этого перваго удара. Онъ воспользовался оплошностью Турецкаго начальника, не умѣвшаго затруднить Русскимъ похода къ Карсу; но мѣстное обозрѣніе убѣдило его, что дѣло можетъ дойти до упорной осады: на приступъ не было возможности отваживаться безъ предварительныхъ приготовленій, а между-тѣмъ Кіосѣ-Мугаммедъ сдѣлалъ до обѣщанію на выручку; осажденные ждали его съ часу на часъ. Усиленная рекогносцировка крѣпости была произведена немедленно: 46 пушекъ и 7,500 человекъ войска пошли на крѣпость. Завязалась горячая битва съ Турецкими наводниками, и наведеніе ихъ на артиллерию Русскую рѣшило первый успѣхъ. Пальба съ крѣпости не помѣшала устроить батареи; 20 юня

успѣли выманить изъ города Турецкую пѣхоту и сильно отбить ее. Самъ главнокомандующій надзиралъ за работами ; утромъ 23, загремѣли Русскія пушки по стѣнамъ крѣпости. Великій для Россіи день 25 іюня назначался для рѣшительнаго дѣла, но битва мелкая вдругъ стала такъ упорна, была такъ сильна, что дѣло тотчасъ приняло видъ рѣшительный. Турки упорно отбивали свой отдѣльный лагерь и городское кладбище ; Русскіе быстро ворвались въ предмете. Сама собою указана была здѣсь вторая параллель наша. Страхъ овладѣлъ Турками.

«Успѣхомъ этимъ главнокомандующій не былъ ослѣпленъ. Подобныя рѣшительныя переходы въ бояхъ являются нерѣдко, и умѣть воспользоваться ими есть тайна ратнаго искусства. Не безъ намѣренія объ стороны оспаривали столь упорно позицію непріятельскаго лагеря и предмете : только съ этой стороны крѣпость могла уступить усиліямъ нашимъ. Мгновенное овладѣніе всеми зарѣчными частями города облегчало къ тому путь посредствомъ ближайшаго дѣйствія продольныхъ баттарей, и то, чего едва надѣялись достигнуть въ теченіе трехъ или четырехъ сутокъ, представлялось возможнымъ къ исполненію въ нѣсколько часовъ. Столь внезапный оборотъ сраженія, равно и особенное мужество, какимъ одушевлены были наши храбрыя войска, и ужасъ, долженствовавшій поразить непріятеля при неудачѣ, не скрылись отъ графа Эриванскаго. Разстройство непріятеля, поражаемаго неумолкавшимъ дѣйствіемъ орудій, придвинутыхъ на самое близкое разстояніе, обнаружилось еще болѣе съ появленіемъ Рускихъ колоннъ подъ стѣнами почти самой крѣпости. Небольшія толпы гарнизона, въ виду нашего, спѣшили пробраться на Карадагъ (горное укрѣпленіе), гдѣ выстрѣлы, по отдаленности, наносили имъ менѣе вреда. Минута эта вызвала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ.»

Мгновенно захвачены были приступомъ остальное предмете и Карадагъ.

Такимъ образомъ большая часть городскихъ жилищъ перешла въ руки наши, и непріятель лишился

внѣшнихъ укрѣпленій. Оборонительныя линіи его во многихъ мѣстахъ были повреждены, артиллерія на валахъ частію сбита, частію не смѣла уже состязаться съ страшнымъ и повсемѣстнымъ дѣйствіемъ атакующихъ баттарей; въ крѣпости, куда столпились всѣ обитатели предмѣстія, не было надежнаго убѣжища отъ бомбъ и ядеръ; гарнизонъ и жители, колеблемые страхомъ, спѣшили укрыться въ цитадели, а непріятельская конница уходила толпами въ поле: ее преслѣдовали, и не могли настигнуть по причинѣ гористаго мѣстоположенія, но стрѣлки, поддержанные общимъ движеніемъ колоннъ, смѣло устремились на крѣпость, пробрались по плоскимъ кровлямъ зданій подъ самыя стѣны, и мгновенно обхватили ихъ съ южной и западной стороны. Непріятель произвелъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, но наши воины перелѣзли во внутрь, отбили ворота, заваленныя камнями, и въ одну минуту ближнія башни съ 25 пушками были взяты. На западной сторонѣ сопротивленіе оказалось сильнѣе, но когда и тамъ ворота были отбиты, Турки обратились въ бѣгство, предоставивъ намъ полное обладаніе крѣпостью.

Уже не думали болѣе послѣ этого защищать цитадели, — просили милости и пощады: положить оружіе и сдаться въ плѣнъ — было условіемъ. Эмиръ-паша, начальникъ Карса, хотѣлъ медлить и выиграть время: со стороны Эрзерума патрули наши уже открывали приближавшіеся полки Кіосѣ-Мугаммеда-паши. Стараясь вполнѣ устрашить непріятеля, все войско наше двинулось къ цитадели, съ музыкою и пѣснями; ряды пушекъ грозно направились на нее. «Пощада повиннымъ, смерть непокорнымъ, часъ времени на размышленіе» — объявлено было запискою Русскаго вождя Турецкому пачальнику, и Карсъ смиренно покорился. «Взгляните, товарищи, на тотъ утесъ,» говорилъ въ приказѣ своемъ главнокомандующій, 25

іюня, когда отпралялось благодарственное молебствіе побѣдодавцу : «взгляните на то мѣсто, отъ котораго сильное войско Надирь-шаха, послѣ долговременной осады, отступило; вспомните о числѣ своемъ, и вознесите теплую молитву къ Господу силъ за дарованную вамъ знаменитую побѣду!» Кіосѣ - Мугаммедъ испугался взятія Карса, и поспѣшно бросился къ Аррагоцу, не зная, что предпринять.

Торжество побѣдителей омрачилось неожиданнымъ бѣдствіемъ. Несмотря на строгія мѣры предосторожности, на увѣренія жителей, что нѣтъ ни какой опасности, въ войскахъ оказалась чума; ее занесли въ Карсъ изъ Эрзерума, и нельзя было думать ни о чемъ болѣе какъ только объ уничтоженіи заразы. Лекарства не помогали, сколько ни разнообразили способъ леченія. Замѣчено только одно, «что крѣпкое сложеніе, въ соединеніи съ лекарствами, успѣшнѣе боролось съ болѣзною, тогда какъ слабый организмъ почти не переносилъ ея.» Вообще, изъ подвижнаго карантина, учрежденнаго при войскѣ, выздоровѣло дѣйствительно больныхъ и отпущено находившихся тамъ по сомнѣнію двѣсти шестьдесятъ три человека, и почти столько же погибло отъ заразы. Здѣсь особенно любопытно обратить вниманіе на одно мѣсто «Исторіи военныхъ дѣйствій» (I, 87), гдѣ авторъ говоритъ о вѣрномъ способѣ леченія чумы, которымъ обладаютъ Баязетскіе лекаря. Можно надѣяться, что ближайшія сношенія съ Баязетомъ послужатъ къ подтвержденію этого извѣстія, столь важнаго для всего человѣчества, и тогда Русское правительство, конечно не упуститъ изъ виду обстоятельства, на которое съ давняго времени тщетно устремлялись усилія Европейскихъ врачей.

Три недѣли протекло послѣ взятія Карса, пока успѣли обезопасить войско отъ бѣдствія, и это время казалось незамѣпимою посрею. Непрiатель могъ

между-тѣмъ опомниться отъ перваго, столь грознаго и блестящаго удара, могъ снова убѣдиться въ силу своей, и особливо могъ увѣрить себя, что самъ Богъ останавливаетъ болѣзнію враговъ исламизма. По возможности старались употребить въ пользу принужденное бездѣйствіе: укрѣпили Карсъ, получили новое подкрѣпленіе войсками, упрочили продовольствіе. Едва только открылась возможность, графъ Эриванскій поспѣшилъ исполнить планъ свой, предварительно и вѣрно разсчитанный. Надлежало теперь быстро ударить на Ахалцыхъ, и для этого предпочтена была изъ двухъ дорогъ дальнѣйшая, на Ахалкалахи, оставляя дорогу черезъ Арбиганъ влѣво, прикрываясь на походъ Чилдырскимъ озеромъ и сближаясь съ Грузіею. Еще въ концѣ іюня были произведены поиски по окрестностямъ, и 12 іюля, отвлекши вниманіе непріятеля фальшивымъ выходомъ на Эрзерумскую дорогу, войско поспѣшно вступило въ походъ на Ахалкалахи. Чѣмъ далѣе входили здѣсь въ гористыя области Ахалцыха, тѣмъ болѣе умножались трудности дороги; въ послѣдствіи, къ самому Ахалцыху, трудность эта до того возрасла, что, несмотря на разчистку путей, по двѣсти человекъ употреблялось въ пособіе при крутыхъ спускахъ на каждое осадное орудіе, а сзади артиллерійскихъ ящиковъ, повозокъ и арбъ, привязывали бревна, для уменьшенія напора, пока люди почти на рукахъ несли тяжести обозовъ.

Іюля 21, съ вершины Гюгъ-дага, высочайшей изъ горъ Чилдырскаго хребта, гдѣ лежалъ еще тогда снѣгъ, заблѣлись на отлогъ отдаленной горы, въ обширной долинѣ, стѣны Ахалкалахи. Это была небольшая крѣпость, гдѣ на смерть засѣли тысяча отчаянныхъ Турковъ. Они не выходили биться въ поле, и ждали приступа. «Мы не жители Карса, не жители Эривани», отвѣчали они на предложеніе

о сдачу «мы Ахалцыхцы; у насъ изстари пословица, что двое Карсскихъ не стоятъ одного нашего, а Эриванскихъ трехъ бьетъ нашъ одинъ; съ нами нѣтъ ни женъ, ни имѣнiя; умремъ, а даромъ не сдадимся!» Ночью, скрытно устроены были батареи на самомъ близкомъ разстоянiи къ крѣпости. Осажденные не спали, готовились на отбой, надѣли бѣлыя рубахи, какъ обреченные на гибель, и пѣнiемъ Корана готовились на смерть. Но приступа не было; открылся убійственный огонь батареями, и защитники, готовые умереть съ кинжалами въ битвѣ, не выдержали, бросились изъ крѣпости, и, стараясь ускорить бѣгство, спускались со стѣнъ по веревкамъ. Наши ударили на бѣгущихъ, и между-тѣмъ по веревкамъ, служившимъ для спасенiя осажденныхъ, поднялись въ крѣпость. Начальникъ ея палъ; спаслись немногiе. Черезъ два дня, отрядъ генерала Сакена овладѣлъ крѣпостцой Хертвисъ, на дорогѣ къ Ахалцыху, почти безъ сопротивленiя. Графа Эриванскаго порадовало здѣсь еще извѣстiе о взятiи Потти, въ Гурiи. Это важное приморское мѣсто сдалось генералу Гессе, послѣ семидневной осады, 15 iюля. Но теперь представлялъ важнѣйшiй подвигъ всей кампанiи, — взятiе Ахалцыха, гдѣ неминуемо слѣдовало встрѣтиться съ охранными войсками Кюсѣ-Мугаммеда.

Ахалцыхъ, главное мѣсто пашалыка того же имени, среди гористаго своего мѣстоположенiя, «представлялъ тогда настоящую картину разбойничьяго притона, основаннаго Кавказскими удалцами, на предѣлахъ богатыхъ, но беспильныхъ областей Грузiи.» Вообще вся эта область составляла исключенiе изъ другихъ Турецкихъ областей, и была болѣе вассаломъ нежели подданнымъ султана. Принадлежавъ некогда Грузiи, Ахалцыхъ отторгся отъ нея; въ XVI вѣкѣ онъ покорился Туркамъ и принялъ исламизмъ, но безпрестанно бунтовалъ, сражался съ своими повелителями,

и Порта угадала наконецъ пользу, какую могла извлечь изъ населенія Ахалцыха; которое составляло сбродъ народовъ, — Турки, Лазы, Курды, Грузины, Туркменцы, Аджары (древнiе Грузины), Карапапахцы (бѣглецы Татарскiе), и прочiе. Допуская притонъ и убѣжище всѣмъ разбойникамъ и бѣглецамъ, Порта терпѣла ихъ своевольство, до того что оставила неистребленными тамошнихъ янычаровъ, пользовалась доходами, и устремляла жителей въ войнахъ и набѣгахъ на Грузiю и Персiю. Ахалцыхъ, съ его грабительскимъ народомъ, былъ истинною язвою соседей. Тутъ нашла однако жъ себѣ мѣсто дѣятельная торговля: Армяне и жидаы поселились здѣсь, и богатыи, побуждая жителей къ грабежамъ и наглости.

Столица пашалыка достойна была своей области и громкаго имени, разбойническаго убѣжища, какое разносилось объ ней повсюду. Среди горъ и холмовъ, въ долину, разбросано было четыре тысячи домовъ, на пространствѣ 600 сажень поперечника и въ окружности около трехъ верстъ, такъ, что почти не было тутъ ни площадей, ни улицъ, и жилища городскiя, какъ-будто висѣвшiя одно надъ другимъ, едва раздѣлялись горными тропинками. Почти всѣ строенiя возвышались въ два яруса, были сложены частью изъ деревянныхъ срубовъ, частью изъ невыжженнаго кирпича, и толсто обмазаны снаружи глиною. Плоскiя крыши строенiй давали имъ видъ возвышенныхъ террасъ. Вообще, не имѣя заборовъ, они были снабжены наружными галереями. Хозяйственныя строенiя, въ особыхъ флигеляхъ, плотно смыкались съ каждымъ главнымъ строенiемъ, такъ, что всякое жилище, отдѣльно взятое, уподоблялось небольшому замку, въ которомъ могли упорно защищаться отъ двадцати до ста человекъ. Надъ всѣми городскими зданiями, возвышалась, замѣтная своею архитектурою и древностью, католическая Армянская

церковь; снаружи она представляла четырёхугольникъ, съ высокимъ и узкимъ куполомъ, а внутри ея было много разныхъ отдѣленій. Все это построение Ахалцыха окружалось укрѣпленіями, состоявшими изъ четырёхъ бастіоновъ и башни, съ рвами, выступами, палисадами, срубаміи. Крѣпость, выше города, представляла многоугольникъ, господствовавшій надъ всеми строеніями, а выше ея стояла цитадель, такъ, что защиту Ахалцыха составлялъ тройной огонь, — городскихскихъ укрѣпленій, крѣпости и цитадели, одинъ надъ другимъ; десять тысячъ отчаяннаго гарнизона, къ которому присовокупились жители, и даже вооруженныя женщины, поклялись умереть не сдаваясь. Ихъ подкрѣпляли извнѣ толпы наѣзтниковъ; и наконецъ здѣсь постигнута была причина, по которой Кіосè-Мугаммедъ такъ свободно давалъ разгулъ нашему войску: подъ Ахалцыхомъ ждалъ онъ Русскихъ; болѣе 50,000 войска его сосредоточились тамъ, и стали четырьмя лагерями окрестъ города. Такимъ образомъ, надобно было сражаться въ полѣ съ непріателемъ, въ нѣсколько разъ превосходнымъ по числу, и брать притомъ орлиное горное гнѣздо отчаянныхъ разбойниковъ.

Ужасая прежде всего быстротою удара, графъ Эриванскій выбралъ дорогу въ Ахалцыхъ, не на Ардаганъ, оставшійся влѣвъ, но почти втрое ближайшую черезъ горы Цхенисъ-Цхиле, въ шестидесяти верстахъ отъ Ахалкалахи. Непроходимою считалась дотоль эта горная дорога: Русскіе прошли ее, и черезъ четыре дня тяжелаго перехода передъ ними открылся Ахалцыхъ, съ лагерями вспомогательныхъ войскъ Кіосè-Мугаммеда.

Графъ Эриванскій видѣлъ опасность своего положенія и сложность дѣйствія, которое ему предлежало. Потому хотѣлъ онъ прежде всего утвердить крѣпкій лагерь на высотѣ, угрожавшей крѣпости. Войско

двинулось впередъ въ самый жаръ дня; непріятель высыпалъ изъ лагерей толпами; отъ него хладнокровно, тихо отстрѣливались, и, когда схлынула жарь, мнгомъ Русскія пушки вылетѣли впередъ, грянули картечью, смяли непріятеля; конница Русская заняла желаемое мѣсто, и пѣхота подкрѣпила ее. Непріятель поздно увидѣлъ выгоду занятой Русскими позиціи, и бросился въ отчаянную атаку; но картечи и кавалерійскія атаки заставили его бѣжать. Первый шагъ былъ выигранъ. Русскіе поставили свой крѣпкій лагерь. Это происходило 5 августа.

Тогда рѣшены были дальнѣйшія дѣйствія. Немедленно устроились батареи; бомбы и ядра начали разрушать городъ, а между-тѣмъ ночью на 9 число, часть войска скрытно отправилась на штурмъ лагеря: къ сожалѣнію, движеніе одного отряда войскъ было открыто Турками. Вся ихъ сила наперла на насъ съ Азіятекою яростью. Наши стали крѣпко; несмотря на опасное положеніе. Нѣсколько часовъ, среди палящаго зноя, горсть людей отбивала все усилія 50,000 человекъ при пособіи немолкавшей артиллеріи. Назды Турковъ были такъ быстры, что солдаты иногда не успѣвали заряжать ружей и бились прикладами. Но это усиліе, для котораго сосредоточились Турки, дало свободу исполнить обходное движеніе, и къ вечеру, когда пошелъ дождь и охладилъ воздухъ, двадцать пушекъ неожиданно выскочили на высоты съ другой стороны Турецкаго лагеря, и открыли убійственную пальбу. Минута была рѣшительна. Турки изумились, но хотѣли еще защищаться; отрядъ, сражавшійся съ ними, казалось, ожилъ, и двинулся на нихъ смѣло; начиналось кровопролитное дѣло: тутъ палъ генераль-маіоръ Корольковъ, когда, съ крикомъ — «Ура! на батарею!», онъ велъ ряды воиновъ. Общій переходъ изъ оборонительнаго къ наступательному положенію совершенно смялъ Турковъ,

и бѣгство ихъ было столько же поспѣшно, сколько велика была прежде отвага. Самъ Кіосѣ-Мугаммедъ укрылся въ крѣпость; другихъ преслѣдовали наши даже за двадцать версть отъ Ахалцыха.

Эта битва принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ блистательнымъ торжествамъ ученой тактики надъ матеріальною силою, потому что не сполна шесть съ половиною тысячъ Русскихъ сражалось здѣсь съ тридцатью тысячами непріятеля. Вѣрность удара въ тылъ, вѣрность настойчивой выдержки между-тѣмъ всѣхъ усилій непріятеля, пока этотъ ударъ не совершился, умѣнье занять, отвлечь вниманіе непріятеля, схватить мигъ общаго нападенія, и быстрота, съ какою не дали потомъ опомниться непріятелю, вотъ что дало вождю эту знаменитую побѣду послѣ четырнадцатип-часоваго сраженія. Три тысячи человекъ охраняли между-тѣмъ нашъ лагерь, а три тысячи остальныхъ стояли на осадныхъ баттареяхъ, успешно гремѣвшихъ цѣлый день по городу. Казалось, весь адъ извергся вокругъ Ахалцыха, и Русскіе удесятерились въ виду изумленныхъ враговъ. «Мы рубили прежде вашихъ казаковъ какъ капусту, но теперь, когда вы одѣли ихъ въ бѣлые балахоны, мы не сможемъ стоять противъ нихъ!» говорили потомъ пѣвныя: эти «казаки въ бѣлыхъ балахонахъ» были наши драгуны, сражавшіеся въ лѣтнихъ кителяхъ.

День девятого августа былъ ужасенъ; онъ являлъ Ахалцыхъ главной надежды на спасеніе, но тѣмъ сильнѣе одушевляло отчаяніе послѣ того осажденныхъ, и насталъ второй ужасный день, — пятнадцатое августа. Этотъ день былъ праздникъ Успенія, полковымъ праздникомъ въ Ширванскомъ полку. Этотъ храбрый полкъ и этотъ день избралъ главнокомандующій для побѣды, приготовленной ученымъ и вѣрнымъ соображеніемъ.

Неутомимо день и ночь занимаясь осадными рабо-

тами, въ присутствіи самого графа Эриванскаго, Русскіе успѣли въ теченіе пяти дней совершенно стѣснить городъ и изнурить непрерывною тревогою его защитниковъ. Еще отвергали пощаду, еще разъ отвѣчали на предложеніе сдачи — «Только сабля покорить насъ»; но непрерывное ожиданіе приступа, особливо по почамъ, совершенно истощило силы осажденныхъ. Наше положеніе было между-тѣмъ затруднительно. При тѣжкихъ занятіяхъ, у насъ оставалось только на недѣлю запасовъ. Графъ Эриванскій назначилъ штурмъ, но не ночью, какъ до-тѣхъ-поръ обыкновенно дѣлалось, и чего боялись Турки, а въ четыре часа по-полудни, когда осажденные привыкли къ отдыху. Полковнику Бородину, храброму и отличному офицеру, поручено было съ Ширванцами главное дѣло, — быстрая атака на городъ, которой центромъ указана была католическая церковь; за нимъ слѣдовали піонеры; и около сорока пушекъ защищали губительнымъ перекрестнымъ огнемъ эту атаку. Храбрость Русскихъ была возбуждена въ высокой степени; офицеры просились въ стрѣлковую цѣпь, и, въ четыре часа по полудни, усиленный громъ со всѣхъ баттарей и фальшивыя атаки на крѣпость пробудили защитниковъ Ахалцыха. Въ это время, съ музыкою и пѣснями, Ширванцы ринулись въ городъ, и въ четверть часа баттарей уже пронизывала картечью тѣсные дома. Съ ужасомъ услышали Турки, что непріятель уже въ городъ, и съ исповствомъ начали тогда рукопашный бой. Католическая церковь и кладбище подлѣ нея сдѣлались мѣстомъ отчаяннаго боя. Посреди града пуль, билась чѣмъ могли, рѣзались кинжалами. Бородинъ палъ: его мѣсто заступилъ храбрый полковникъ Бурцовъ; отбили наконецъ церковь и вставили на нее пушки, но тутъ каждый домъ сдѣлался новою крѣпостью. Наступала ночь; и главнокомандующій, видя непре-

одолимую ярость непрітеля, велѣлъ жечь городъ. Пламя мгновенно вспыхнуло и распространилось; и ночь освѣтилась пожаромъ, при громъ пушекъ. трескъ бомбъ, гранатъ. Остатки гарнизона поспѣшили укрыться въ цитадели; женщины, дѣти, христіанское духовенство съ крестами и иконами, выбѣгали изъ города и умоляли о спасеніи; побѣдители спасали враговъ своихъ, и наши солдаты, обогранные кровью, запыленные, несли дѣтей, выхваченныхъ изъ огня. Несмотря на ожесточеніе, произведенное упорною защитою, порядокъ сохранился удивительный; не было ни грабежей, ни неистовства. «Почная битва 15 августа», говоритъ авторъ, «представляла одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя на долго остаются въ памяти самыхъ опытныхъ воиновъ. Картина ужасовъ могла дать нѣкоторое понятіе о страшномъ уничтоженіи нашей Москвы въ 1812 году.» Пожаръ истребилъ треть города; улицы завалены были трупами.

Рано утромъ, изъ цитадели выслали съ предложеніемъ о сдачѣ, если позволятъ свободно выйти гарнизону. Обстоятельства не позволяли упорствовать. и въ восемь часовъ утра знамя Русское уже развѣвалось на твердыняхъ, которыя двѣсти пятьдесятъ лѣтъ освѣтила Турецкая луна, отъ которыхъ за восемьдесятъ лѣтъ прежде Русскіе отступили, и гдѣ безнаказанно гнѣздились дотолъ разбой и хищничество! Безмолвно вышли изъ Ахалциха Турки. Изъ числа четырехъ сотъ артиллеристовъ Турецкихъ осталось только пятьдесятъ; изъ тысячи восьми сотъ Лазовъ только пять сотъ; сто янычаровъ пали всѣ до одного: между трупами нашли болѣе ста переодѣтыхъ женщинъ, съ оружіемъ и съ лицами вымазанными черною краскою; даже нѣсколько жидовъ было захвачено съ оружіемъ въ рукахъ, и едва могли удержать непріятельскихъ солдатъ, которые, потерявъ надежду на спасеніе, шли на смерть,

стараясь зажечь порохъ, лежавшій въ католической церкви. Въ числѣ пушекъ взяты пять Русскихъ, потеряныя Котляревскимъ при Ахалкалахи, въ 1807 году, и Тормасовымъ при Ахалцыхъ въ 1810. Русская бомба сшибла съ купола главной мечети мѣдный позолоченный полумѣсяцъ. «Благодарю васъ, храбрые товарищи!» говорилъ главнокомандующій въ приказѣ 28 августа: «въ продолженіе двадцати двухъ-лѣтней боевой моей службы много видѣлъ я войскъ храбрыхъ, но болѣе васъ мужественныхъ въ сраженіи, болѣе васъ постоянныхъ въ трудахъ, не знаю».

Остальныя событія кампаніи 1828 года, не представляютъ уже ничего особеннаго, послѣ взятія Карса, Ахалкалахи и Ахалцыха. Отрядами князя Чевчевадзе и генераль-маіора Панкратьева сдѣлано было нападеніе на югъ отъ Карса; и покореніемъ Баязета, Топрахъ-кале и Дядина, завоеванъ весь Баязетскій пашалыкъ. Августа семнадцатаго сдѣлся Ацкуръ, двадцать втораго покорился Ардаганъ. Вездѣ разбиваемы были отряды Курдовъ, Лазовъ и Турковъ, разсѣявшихся послѣ Ахалцыхскаго дѣла и разбойничавшихъ гдѣ ни попаало. Отъ береговъ Чернаго Моря устроили путь для удобнѣйшаго провоза припасовъ; везли ихъ также изъ Грузіи доставляли по мѣстамъ; прекращали чуму и безпорядки; устанавливали правленіе. Наступала зима; войску были нужны отдыхъ и комплектованіе убыли. Главнокомандующій распорядился занять гарнизонами Ахалцыхъ, Ардаганъ, Ацкуръ, Ахалкалахи, Хертвисъ, Карсъ, Баязеть, Дядинъ, Топрахъ-кале и селеніе Караклизикъ, вновь укрѣпленные, и двинулъ всѣ остальные войска обратно. Сентября 28, отправился онъ самъ изъ Ардагана, а 5 октября прибылъ въ Тифлисъ.

Этимъ кончился походъ 1828 года, въ которомъ двѣнадцать тысячъ Русскихъ, въ четыре мѣсяца, разбили Турецкую тридцати-тысячную армию, взяли

шесть крепостей, и завоевали три области; триста тринадцать пушек, сто девяносто пять знамен, одиннадцать бунчуковъ, были нашими трофеями. Страхъ поколебалъ и уничтожилъ собранныя съ такимъ трудомъ средства защиты Оттомановъ, и успокоилъ волненіе умовъ въ Закавказьѣ. Къ счастливымъ событіямъ, послужившимъ особенно къ усмирению Горскихъ народовъ, должно еще причислить взятіе Анапы и удачныя экспедиціи въ Кавказскія Горы генераловъ Эммануэля и Безкровнаго. Горцы снова изъявляли покорность. Къ зимѣ Гурія была вполне занята нами. Наградами подвиговъ графа Эриванскаго было Высочайшее назначеніе его шефомъ Ширванскаго полка, подарокъ двухъ пушекъ изъ взятыхъ въ Карсъ, пожалованіе дочери во фрейлины Императорскаго двора; за Ахалцыхъ присланъ былъ ему орденъ Святаго Андрея Первозваннаго, и Ширванскій полкъ наименованъ по имени своего шефа. Все, казалось, было надежнымъ залогомъ новыхъ успѣховъ и побѣдъ на слѣдующую весну, но еще много испытаній слѣдовало перенести покорителю Карса и Ахалцыха. Отдыхъ другихъ не былъ для него отдыхомъ. Гораздо менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, оцѣниваются труды полководца, совершаемые въ эти промежутки между битвъ и побѣтъ, но которыми приготавлиются и битвы и побѣды. Но здѣсь къ заботамъ обыкновеннымъ и неизбѣжнымъ для всякаго полководца, и особенно для главнокомандующаго въ Грузіи, присоединились новыя и неожиданныя событія.

Между-тѣмъ какъ графъ Эриванскій усугублялъ дѣятельность, готовя войско и снаряды на будущій походъ, впечатлѣнія прошедшей кампаніи оказались во многомъ несоответственными ожиданію. Думали, что ужасъ, наведенный быстрыми побѣдами, лишитъ Порту всякой возможности противопоставить сильный отпоръ въ войнѣ 1829 года. Напротивъ, рѣши-

тельность султана успѣла одушевить умы и соединить разбитыя силы. Прежніе начальники Азійскихъ областей были смѣнены; мѣсто Галибъ-паши занялъ смѣлый, отважный старецъ, Гаджи-Салехъ, папа Мейданскій; мѣсто Кіосъ-Мугаммеда Гагкя, папа Сивасскій. Нѣскольکو милліоновъ піастровъ было дано имъ на всѣ расходы; велѣно было не только упорно защищать Эрзерумъ, но непременно отнять прежнія завоеванія Русскихъ. Угрожаемая въ Европѣ и Азіи, Турція никогда прежде не обнаруживала такой дѣятельности. Между-тѣмъ неожиданное событіе въ Персіи заставило насъ опасаться не только разрыва, но даже войны съ властителемъ Тегерана: это была несчастная смерть посланника нашего Грибовдова, ичѣвшая слѣдствіемъ самыхъ затруднительныхъ политическія отношенія между Россією и Персією.

Было явно, что убійство не было дѣломъ преднамѣреннымъ, но изъясняя всю горестъ о такомъ несчастномъ событіи, Персія трепетала ищенія Россіи и не знала какъ оправдаться, чѣмъ кончить дѣло. Она рѣшилась быть готовою къ войнѣ, и послѣшно собирала войско. Этимъ воспользовались Турки и представляли ей непримиримость Россіи, необходимость войны. Дѣятельныя сношенія открылись между Тегерапомъ и Эрзерумомъ. Англичане, «по неизбежному участию ихъ во всѣхъ дѣлахъ», обѣщали пособіе оружіемъ. Персія могла льститься нѣкоторою надеждою воротить свои потери. Съ другой стороны, Россіи нельзя было уступить оскорбленія имени Русскаго, особливо при всегдашней, скрытной неприязни Персіянъ. Голосъ Русскаго вождя необходимо долженъ былъ сдѣлаться смѣлымъ и грознымъ.

Въ такомъ сомнительномъ положеніи были дѣла Кавказомъ, когда услышали, что дѣятельность Турковъ не ограничивалась однимъ словами, и что, сверхъ всякаго чаянія, огромныя полчища собира-

нія ; изъ жителей христіанъ спаслось только семь сотъ семействъ , укрывшихся въ крѣпости : остальные погибли , а мусульмане разбѣжались. Марта 5, при Лимани , въ Гуріи , разбиты были войска Требизондскаго паша , въ дѣль весьма упорномъ . Но покушенія Турковъ этимъ не кончились ; мы принуждены были непрерывно сражаться съ ними . Жестокое нападеніе на Баязеть и защита этого , близкаго къ Эрзеруму и важнаго для насъ , мѣста стоили славной защиты Ахалцыха ; почти четвертая часть всего гарнизона Русскаго была перебита и переранена ; офицеры и генералы выходили снова на баттарен послѣ перевязки тяжелыхъ ранъ . Ахалцыхъ защищаль генераль-маіоръ Бебутовъ , Баязеть генераль-маіоры Панютинъ и Поповъ : они достойны памяти . Въ Баязеть , въ полторы сутки , было употреблено нами больше 120,000 патроновъ и сдѣлано до 1,500 пушечныхъ выстрѣловъ .

Русскіе отстоять свои завоеванія : эта надежда оправдалась , а только *отстоять* и надобно было ихъ въ теченіе смутнаго и тяжелаго времени . Обширный планъ уже готовъ былъ у Русскаго полководца ; въ успѣхъ его онъ вѣрилъ крѣпко , и зналъ , что тогда сами собою уничтожатся всѣ частныя усилія непріятеля . Графъ Эриванскій хотѣлъ ударить массою на Эрзерумъ , возставить Курдовъ , обратить ихъ на Діарбекиръ , взять Сивась , разрѣзать этимъ походомъ Азіятскую Турцію , пройти къ Токату и открыть такимъ образомъ сообщеніе съ Черноморскимъ флотомъ , приближась къ Самсунской гавани . При несоглашеніи Курдовъ , онъ хотѣлъ овладѣть , съ содѣйствіемъ флота Черноморскаго , Требизондомъ , хотя свирѣпыя Лазы , обитатели тамонняго пашалыка , и гористое положеніе , представляли такое дѣло затруднительнымъ . Графъ Эриванскій требовалъ подкрѣпленія изъ Россіи войсками . и для него назначено было от-

править въ Грузію 20,000 рекрутовъ. Удачные переговоры съ Мушскимъ шахомъ заставляли надеяться на его помощь; нѣсколько конныхъ полковъ собрано было изъ подвластныхъ намъ мусульманъ, и эти прежде всегдашніе враги Русскихъ, отличились потомъ удивительною храбростію и преданностію.

Графа Эриванскаго обрадовала наконецъ увѣренность въ желаніи Персіянъ сохранить миръ и готовности ихъ доставить Россіи всякое удовлетвореніе за оскорбленіе народной чести. Надобно было однако жъ предварительно растолковать Персіи невозможность и даже гибель успѣха, если бы она осмѣлилась поднять оружіе. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь письмо, которое въ апрѣль 1829 года было послано въ Тавризь къ Аббасъ-Мирзѣ, и можетъ дополнить картину тогдашнихъ событій.

«Ваше высочество, писалъ графъ Эриванскій, спрашиваете меня какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ предстоящаго разрыва съ Россіею. Разсмотрите внимательно, въ какомъ положеніи находитесь Вы и подвластные Вамъ провинціи».

«Высокоповелительному шаху угодно начать войну. Предположимъ, что, исполняя державную волю отца, и по тайнымъ проискамъ братьевъ, Вы откроете военныя дѣйствія. Съ цѣлаго государства Вы не можете собрать теперь болѣе 60,000 войска. Наши провинціи со стороны Персіи дѣйствительно въ настоящее время не имѣютъ достаточнаго прикрытія; войска тамъ остались только въ крѣпостяхъ. Въ июль мѣсяцъ Вы можете вторгнуться въ незащищенный край; можете разорить его; но крѣпостей не возьмете, ибо Вашему Высочеству извѣстно, что Русскіе крѣпостей не сдаютъ; а продовольствія у насъ достаточно. И такъ, успѣхи Ваши останутся не подалеку отъ границы; итти впередъ вы конечно не рѣшитесь, потому что не безопасно было бы оставлять у себя въ тылу непокоренныя крѣпости.

«Съ своей стороны я собираю между-тѣмъ 25,000 войска на границахъ Турецкихъ; иду противъ Турковъ, разбиваю ихъ на Саганлугъ, беру Эрзерумъ, и въ Октябрь мѣсяцъ, когда горы покроются снѣгомъ и ни какого сообщенія у Васъ съ сераскиромъ не будетъ, обращаюсь черезъ Баязеть на Хой въ Тавризь. Въ это время, то есть, осенью, войска шахскія и братьевъ Вашихъ расходятся по своимъ провинціямъ. Вы останетесь при собственныхъ Адербаеджанскихъ войскахъ. Я завоюю Адербаеджанъ, и онъ уже никогда вамъ не достанется, а безъ него Ваше Высочество не можете наследовать престола. Не пройдетъ года, и, можетъ-быть, династія Каджаровъ совершенно унитвожится. Чтò было въ послѣднюю войну — будетъ вновь. Не полагайтесь на обѣщанія Англичанъ и на увѣренія Турковъ. Султанъ — въ самомъ затруднительномъ положеніи: флотъ нашъ не допускаетъ къ нему жизненныхъ припасовъ; адмиралъ Кумани уже за Бургасомъ; Адрианополь ожидаетъ съ трепетомъ своего паденія; воля Государя исполняется повсюду единодушно, а исполненіе возложено на войска, которыхъ неустрашимость извѣстна Европѣ. Англичане Васъ не защитятъ, ибо ихъ политика относится только къ Остъ-Индскимъ владѣніямъ. Въ Азіи мы можемъ завоевать цѣлое государство, и никто ни слова не скажетъ: это не въ Европѣ, гдѣ за каждую сажень земли война кровопролитная можетъ загорѣться. Турція нужна для поддержанія политическаго равновѣсія Европы, но для державъ Европейскихъ всё равно, кто бы ни управлялъ Персією. Все Ваше политическое существованіе въ рукахъ нашихъ; вся надежда Ваша въ Россіи: она одна можетъ Васъ свергнуть, она одна можетъ Васъ поддержать.

«Если Ваше Высочество желаете знать мое мнѣніе, то со всею искренностію скажу, что путь другаго средства загладить плачевную утрату, какъ просить у Великаго Государя моего прощенія за несмысланный поступокъ Тегеранской черни. Лучшій способъ для того — прислать ко мнѣ въ Тифлисъ одного изъ вашихъ братьевъ, или сына, для отправленія посломъ въ С.-Петербургъ. Беру на себя подкрѣпить дѣло это моимъ ходатайствомъ передъ престоломъ Августѣйшаго Монарха. Для большаго доказательства приверженности Вашей къ

Россіи, какъ Вы всегда это утверждали, должно дать другое направленіе намѣреній шаха. — объявить войну Турціи, вторгнуться въ ея предѣлы, напасть на Ванъ; съ моей стороны обещаю вамъ пособія въ ружьяхъ и пушкахъ, и буду содѣйствовать войсками завоеванію. Этимъ ясно докажете, что всѣ происшествія не были ни въ Вашей, ни въ шахской волѣ. Объявите на какихъ условіяхъ вы захотите это предпринять; оно будетъ имѣть для Васъ неопыенныя выгоды. Ваше Высочество извѣстны, что я *никогда* не взмѣнялъ слову своему. Буду имѣть честь ожидать Вашего отзѣва.»

Отвѣтомъ на это была присылка въ Тифлисъ сына Аббасъ-Мирзы, извѣстнаго принца Хосрова. Здѣсь по волѣ графа Эриванскаго, юный принцъ принужденъ былъ согласиться на торжественное доказательство смиренія и покорности, — явленіе передъ престоломъ Русскаго Царя съ просьбою о прощеніи. Едва Хосровъ отправился въ Петербургъ, графъ Эриванскій поспѣшилъ въ походъ, не уважая болѣе угрозъ Шаха. Побѣды вскорѣ заставили Персію умолкнуть. Но здѣсь особенно любопытно узнать съ какими силами готовился Русскій полководецъ стать противъ двухъ сильныхъ державъ, особливо когда Турція оказывала необыкновенную дѣятельность и отвагу въ защитѣ и нападеніи: для охраненія Закавказья, со стороны Турціи было оставлено около 12,000, для защиты со стороны Персіи съ небольшимъ 12,000 Русскаго войска; въ завоеванныхъ у Турціи областяхъ находилось до 10,000. Главная квартира дѣйствующей арміи выступила 17 мая къ Ахалкалахи; 19 была близъ Ахалкалахи; 22 отправилась къ Ардагану. Слышно было, что непріятель загородилъ дорогу въ Эрзерумъ силою въ 50,000 человекъ и, отправивъ особенный корпусъ на Гурію и Баязеть, движеть еще болѣе 20,000 къ Ардагану. Мая 24, главнокомандующій прибылъ въ Ардаганъ. Онъ успѣлъ

уже развлечь вниманіе непріятеля, который совершенно растерялся въ движеніяхъ Русскихъ корпусовъ и отрядовъ. Ахалцыхъ, Ардаганъ и Карсъ мы успѣли уже оградить смѣлыми отпорами разныхъ отрядовъ, такъ, что Турки, оставляя всѣ частныя предпріятія, поспѣшно стали собираться на дорогъ Эрзерумской, когда дѣйствующія войска наши вполне соединились при Коранлы, на дорогъ изъ Карса въ Эрзерумъ, по ту сторону Ардагана. Здѣсь, іюня 10, графъ Эриванскій сдѣлалъ общій смотръ. Всѣхъ войскъ въ дѣйствующей его арміи оказалось съ небольшимъ 18,000: въ томъ числѣ были 4 новонабранные мусульманскіе полка, 2,000 человекъ; пушекъ было семьдесятъ. Довольно, — если 12,000 завоевали въ прошедшемъ году Карсъ и Ахалцыхъ; довольно для разгроменія силы Турецкой и взятія Эрзерума. Мы стояли теперь у Коранлы, на рубежѣ прошлогоднихъ завоеваній, въ 30 верстахъ отъ Саганлукскаго хребта.

Саганлукскій (то есть, Луковый) хребетъ перегородивалъ намъ дорогу: это одна изъ горныхъ цѣпей, ограничивающихъ Эрзерумскій пашалыкъ, и столь высокая, что снѣгъ не таетъ на ней въ августъ. Дорога отъ Коранлы здѣсь раздвояется, идя влѣво на Меджингертъ, вправо на Зевинъ. На первой изъ нихъ, при Милли-дюзъ, въ неприступныхъ оврагахъ Ханъ-сун, сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ Гагки-паша съ 50,000, какъ говорилъ, съ 20,000 какъ послѣ оказалось. Надобно было обойти его вправо, и предупредить соединеніе его съ самымъ сераскиромъ, спѣшившимъ по Зевинской дорогъ изъ Эрзерума. Немедленно заняли вниманіе Гагки-Паши, и онъ съ изумленіемъ услышалъ, что, пока бился онъ съ малыми отрядами, главное войско Русскихъ перешло Саганлукъ и отрѣзало его отъ сераскира. «Откуда взялось ваше войско? Съ неба упало, или изъ земли выросло?» въ изумленіи говорилъ одинъ плѣнный: такъ тихо пе-

редвинулись мы за Саганлукъ со всеми обозами и артиллеріею. Гагки-Паша спѣшилъ еще сильнѣе укрѣпиться, зная, что только съ тылу, по разбитіи сераскира, былъ возможенъ подступъ къ нему. Одинъ изъ отрядовъ его былъ разбитъ 16 числа, какъ скоро осмѣлился оставить лагерь. Между-тѣмъ сераскиръ близился, и 18-го всё войско Русское двинулось въ дѣло, по видимому, отчаянное. «Теперь, корпусъ мой похожъ на корабль; я отрубилъ якорь и пускаюсь въ море, не оставляя себѣ обратнаго пути!» сказалъ графъ Эриванскій. Гагки-Паша могъ ударить въ Закавказье, къ Карсу, въ тылъ Русскимъ, пока сераскиръ готовился раздавить насъ тяжестью силы. Увидимъ, какъ вѣрнѣе былъ при этомъ расчетъ графа Эриванскаго.

Гагки-Паша не трогался съ мѣста, выслалъ только новый отрядъ: его разбили утромъ 19 іюня, и вскорѣ явились полки сераскира съ одной, полки Гагки-Паши съ другой стороны; ихъ отбросили, и быстрымъ переходомъ ударили на главное войско сераскирово. Старикъ только-что-хотѣлъ было укрѣпиться, и готовилъ лагерь. «Я покажу ему, сказалъ графъ Эриванскій, услышавъ объ этомъ: что въ присутствіи Русскихъ войскъ это не такъ легко сдѣлать, особливо, когда у меня 5,000 кавалеріи.» Къ вечеру сераскиръ ждалъ еще 18,000 войска, но теперь имѣлъ онъ на лицо только 12,000. Страхъ, при неожиданномъ появленіи Русскихъ былъ такъ великъ, что войско сераскира представило мгновенно позоръ совершеннаго бѣгства; артиллерія Турецкая бѣжала не смѣя остановиться и выстрѣлить въ насъ пзъ заряженныхъ пушекъ. Лагерь, пушки, обозы, хлѣбъ, даже готовое тѣсто для хлѣба, достались намъ. Сераскиръ едва успѣлъ ускакать самъ-третей.

Здѣсь Богъ чудесно спасъ жизнь Русскаго полководца. Онъ и свита его стояли на крышѣ строенія въ Зевинѣ, не зная, что внизу хранится порохъ. Едва

успѣхъ отъѣхать отсюда графъ Эриванскій, строеніе взлетѣло на воздухъ.

Версть тринадцать разстояніемъ, уже въ тылу Гагки-Наши, стояли теперь Русскіе, и можно было предвидѣть неизбежное слѣдствіе славнаго дня 19 іюня, когда сорокъ версть пройдено усиленнымъ маршемъ и два раза въ одинъ день разбить непріятель. Утромъ на другой день наши колонны явились передъ лагеремъ Гагки-Наши; лагерь казался спокойнымъ, но вскорѣ, едва увидѣли Русскихъ, готовыхъ на битву, все бросилось бѣжать изъ него въ смертельномъ страхѣ. Бросились атаковать, гнать непріятеля; онъ просилъ пощады. «Безъ всякихъ условій положить оружіе» — было отвѣтомъ, и Гагки-Наша покорился неизбежной участи.

Повторимъ здѣсь слова автора:

«Немного найдется примѣровъ столь полнаго и совершеннаго успѣха, какой приобрѣли Русскія войска въ два дня, 19 и 20 іюня. Побѣды были тѣмъ важнѣе и драгоцѣннѣе, что были куплены за самое малое пролитіе крови. Потеря наша, убитыми, ранеными и оконтуженными, не превосходила 100 человекъ, между-тѣмъ какъ войска наши, совершивъ въ 25 часовъ около 60 версть, поразили Азіатско-Гурецкую армію, предводимую знаменитыми сановниками Порты; взяли въ плѣнъ одного изъ нихъ, вмѣстѣ съ двумя другими второстепенными пашами; завладѣли двумя лагерями, и въ числѣ ихъ однимъ укрѣпленнымъ; отняли всю бывшую при непріятельскихъ войскахъ артиллерію, состоявшую изъ 28 пушекъ и мортиръ; отбили около 2,000 плѣнныхъ, 19 знаменъ и до 3,000 палатокъ, со множествомъ продовольственныхъ и артиллерійскихъ запасовъ. Разбитый непріятель бѣгствовалъ въ безпорядкѣ; пѣхота и конница его, раздѣлившись на малыя толпы, искали только одного спасенія.»

Любопытны подробности о плѣнѣ Гагки-Наши.

«Околоодиннадцати часовъ, представили графу Эриванскому плѣннаго Гагки-Нашу. Присѣвъ на колѣни по обычаю

Восточному, онъ съ особенною вѣжливостію отдалъ свою саблю. «Судьба войны непостоянна,» сказалъ Турецкой военачальникъ: «за нѣсколько минутъ я повелѣвалъ 20,000: теперь, къ стыду моему, пльнникъ! Но между нами, христіанскій вождь, имя твое славится высокими качествами, и говорятъ, что ты умѣешь побѣждать и быть великодушнымъ: послѣдняго и для себя надѣюсь!» Свободный видъ и глубокое чувство, съ которыми были произнесены эти слова, тронули всѣхъ. Главнокомандующій поспѣшилъ обласкать Гагки-Пашу, и увѣрилъ его въ милосердіи Государя, обѣщая сохранить все вниманіе приличное его сану. Ему подали кофе и трубку. Успокоенный ласковымъ пріемомъ и чрезвычайною вѣжливостію со стороны всѣхъ офицеровъ, Гагки-Паша не уклонялся отъ разговоровъ. Разсуждая о несчастномъ для себя дѣлѣ, онъ между прочимъ говорилъ: «Я умѣлъ бы умереть на-мѣстѣ, но удержать буйныя толпы было не въ моей власти. Вы отрезали у насъ почти всѣ пути, и мнѣ оставалось свободное отступленіе только на Карсъ; но тамъ попалъ бы я опять между двухъ огней. Сераскиръ обманулъ меня, потому что обѣщаль соединиться со мною двумя днями ранѣе. Азіятская война мнѣ хорошо извѣстна, и другаго Гагки-Паша не найдутъ.» У него просили человѣка, для указанія намъ продовольственныхъ и прочихъ магазиновъ Милли-дюзскаго лагеря. «Избавьте меня отъ тягостнаго униженія», отвѣчалъ Паша: «вы сами ихъ найдете!»

«Товарищи!» говорилъ графъ Эриванскій въ приказъ своемъ, отъ 25 іюня, торжествуя день рожденія Государя Императора и побѣду, подъ стѣнами крепости Гасанъ-кале, древняго Феодосіополя, ключа Эрзерумскаго, которую захватили летучими отрядами: «товарищи! для васъ открытъ теперь путь въ нѣдра тѣхъ странъ Азій, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ живетъ слава побѣдъ великаго Рима. Идите туда радостно, достойные Римлянъ воины! Услышавъ приближеніе ваше, древняя слава станетъ вамъ во срѣтеніе, а позднее потомство, съ воспоминаніемъ Римскихъ побѣдъ въ Азій, соединитъ и ваше доблественное имя.»

Покореніе Эрзерума было уже теперь готово. Но никто въ Русскомъ лагерѣ не зналъ дальзійшихъ распоряженій, не зналъ, что Эрзерумъ уже сдается, что сераскирь потерялъ уже волю, и что только буйство нѣсколькихъ мусульманскихъ начальниковъ удерживаетъ столицу Азіятской Турціи отъ явной покорности. Сераскирь хотѣлъ бѣжать; но его не выпускали. «Дѣлайте что хотите, говорилъ несчастный старецъ, но я и паши мои не будемъ свидѣтелями вашего несчастія, и оставимъ городъ.» — «Нѣтъ!» отвѣчали ему: ты и паши твои, въ дни мира и спокойствія, были хранителями нашими, и теперь, въ минуты бѣдствія, должны вы раздѣлить нашъ жребій.» Подъ Ардосомъ, на пути къ Гасапъ-кале представили графу Эриванскому гонца отъ Ахмета-Паши, правителя Аджарскаго; онъ посланъ былъ къ Гагки-Пашѣ, съ извѣстіемъ, что Ахметъ еще разъ хочетъ напасть на Ахалцыхъ. Тотчасъ отправили этого курьера обратно, съ слѣдующимъ письмомъ графа:

«Ахметъ-Бекъ! Письмо ваше къ Гагки-Пашѣ получилъ я, по праву побѣдителя. Храбрый соотечественникъ вашъ—теперь Русскій лѣтчикъ. Избавляя его отъ непріятнаго чувства писать о своемъ положеніи, беру на себя трудъ извѣстить васъ, что 19 числа сераскирь, съ арміею изъ 30,000 человекъ, разбитъ нами и переброшенъ черезъ Саганлукскія горы, а 20 числа равномерно нанесено пораженіе 20,000 корпусу Гагки-Паши, который и самъ не избѣгнулъ плѣна. У нихъ обоихъ огнята вся артиллерія и все магазины. Побѣдоносныя войска наши идутъ къ Эрзеруму, искать подъ стѣнами его новой славы. Измѣрьте послѣ этого возможность вашихъ успѣховъ.»

Эрзерумъ покорился вечеромъ 27 іюня. «Азія древняя и Азія новая, говоритъ авторъ, сохранили величайшее сходство въ своемъ нравственномъ отношеніи. Читаемъли исторію завоеванія Римлянъ, слѣдуемъли

за побѣдами героя Македонскаго, вездѣ изумляетъ насъ одинаковое разительное вліяніе событій на умы и духъ народа, какое замѣчаемъ въ послѣдней кампаніи Русскихъ въ Азіятской Турціи. Всегда, какъ нынѣ, одна побѣда пролагала путь новымъ успѣхамъ и распространяла послѣдовательность завоеваній, укрѣпленія невѣроятнымъ образомъ владычество побѣдителей Востока. Только съ этимъ, при внимательномъ наблюденіи дѣлъ, исполинскіе шаги Александра Великаго и торжество оружія Римлянъ становятся для насъ понятными, не заключающими въ себѣ ничего сверхъестественнаго. И вотъ ключъ къ объясненію той значительной поверхности, какую умѣли стяжать Русскія знамена въ Арменіи и Анатоліи въ послѣднюю войну противъ Турковъ, при ограниченности способовъ, съ такою быстротою. Овладѣніе Эрзерумомъ безъ этого покажется чудеснымъ, по легкости и внезапности, какими сопровождалось покореніе этого знаменитаго города, центра управленія и могущества Порты въ той части ея пространной имперіи.»

Но нельзя не сознаться, что должно было соединить особенную ловкость дипломатіи съ военными распоряженіями, для покоренія Эрзерума, даже и послѣ счастливыхъ успѣховъ при Загинѣ и Милли-дюзь.

Построенный во времена Византійскихъ императоровъ, заключающій въ окружности шестъ верстъ, до 100,000 жителей, центръ управленія и торговли Азіятской Турціи, мѣсто сообщенія между Курдистаномъ, Персіею и Царьградомъ, укрѣпленный, защищаемый полтораста пушками, снабженный обильными магазинами и арсеналомъ, Эрзерумъ могъ еще дорого стоить намъ.

Пока вели тайно переговоры о сдачѣ Эрзерума, послѣ полудня 25 іюня въ Русскомъ лагерѣ, при Гасанъ-кале, все предавалось живому веселью и отдыху; генералы и высшіе офицеры об-

дали у главнокомандующаго; похода никто не предвидѣлъ. По окончаніи обѣденнаго стола, графъ Эриванскій, къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, объявилъ, что черезъ часъ все войско должно двинуться впередъ. Приказанія о порядкѣ марша тутъ же были отданы. Вскорѣ засуетился весь лагерь; палатки, мало-по-малу, начали рѣдѣть, и всеобщая заботливость заступила мѣсто тишины. Въ пять часовъ по полудни все войско тронулось съ мѣста, на-легкѣ, безъ палатокъ, съ четырех-дневнымъ запасомъ провіанта въ ранцахъ. Черезъ двадцать верстъ сдѣланъ былъ привалъ; на другой день, походъ начался въ семь часовъ утра; около полудня, Русскіе стали подлѣ Эрзерума.

Подробное описаніе сдачи и переговоровъ составляетъ прекрасную драматическую картину у нашего автора. Мы не имѣемъ возможности выписать ея, и означимъ только нѣкоторыя черты.

Среди буйнаго волненія и споровъ между жителями, князь Бековичъ-Черкасскій явился въ городъ; тутъ нѣкоторые хотѣли защищаться, другіе требовали покорности и спасенія; беспорядочная стрѣльба производилась съ укрѣпленій. Мы не отвѣчали на нее. Наступила ночь; рано утромъ нашъ посланный вручилъ письмо графа Эриванскаго сераскиру, сидѣвшему средь главныхъ своихъ чиновниковъ: милосердіе, по плѣпъ и покорность немедленная — составляли содержаніе письма. При столь неожиданномъ бѣдствіи, сераскиръ, почти шестидесяти-лѣтній старикъ, за нѣсколько дней повелитель сильной арміи и почти самовластный владѣтель Азіатской Турціи, заплакалъ, и могъ отвѣчать только несвязными словами. Еще колебались, и время проходило. Въ третьемъ часу по-полудни, — это былъ день Полтавской битвы, за сто двадцать лѣтъ уничтожившій славу Карла XII, — Русское войско съ музыкою и барабаннымъ боемъ заняло Топъ-дагъ, укрѣпленную высоту, откуда бѣжали

Турки, и которая владѣть городомъ, будучи вровень съ цитаделью и отстоя отъ нея на восемь сотъ сажень, а отъ предмѣстiя на триста. Нѣсколько выстрѣловъ заставили умолкнуть и разбѣжаться вольницу, стрѣлявшую въ Русскихъ. Громъ орудiй, музыка и барабаны, грозный видъ Русскихъ полковъ на высотахъ Топъ-дага, кончили переговоры. Въ пять часовъ вечеромъ Русскiе пошли въ городъ; избранные чиновники положили передъ Русскимъ вождемъ городскiе ключи на укрѣпленiяхъ Топъ-дага. Генераль-маiоръ Панкратьевъ велъ наши полки по извѣстнымъ улицамъ города. Жители всѣхъ возрастовъ и дѣти толпились съ любопытствомъ по сторонамъ; женщины, съ опущенными покрывалами, смотрѣли съ кровель домовъ и бросали цвѣты; изъ домовъ выносили и предлагали побѣдителямъ молоко, медъ, плоды и хлѣбъ. Въ половинѣ седьмого увидѣли съ Топъ-дага Русское знамя, развѣвающееся на стѣнахъ Эрзерумской цитадели. Генераль Панкратьевъ отправился потомъ въ жилище сераскира. Старикъ сѣдѣлъ въ глубокой горести; съ нимъ обошлись вѣжливо и уважительно, оставили караулъ при домѣ его, и объявили, что отцынъ оцъ долженъ повиноваться волѣ Россiйскаго главнокомандующаго. «Да будетъ такъ,» отвѣчалъ сераскиръ, «если это угодно року!» Онъ немедленно отдалъ свой сераскирскiй жезлъ, бунчуки, знамена. Июля 7, было отправлено, при громѣ пушекъ, торжественное молебствiе за побѣды, за славныя событiя. «Никогда еще Русское оружiе не достигало на Востокъ до столь отдаленной тѣчки, и со времени владычества мусульманъ въ Малой Азiи, Эрзерумъ въ первый разъ былъ покоренъ войсками христіанскими.

Здѣсь прекратимъ наши извлеченiя изъ «Исторiи военныхъ дѣйствiй въ Азiятской Турции», хотя остальное время до 1 октября, когда объявлено было Русскому воинству о мирѣ, заключенномъ въ

Адрианополь, ознаменовалось множеством любопытных событий, — новыми подвигами Русских, новыми трудами их вожда. Все эти события, заключающая в себя важныя для военной Исторіи и Топографіи подробности, не представляют уже такого общаго интереса, какъ громкія дѣла, подобныя взятію Карса и Ахалцыха, переходу черезъ Саганлукъ, разбитію Турковъ при Загинъ и Милли-дюзъ и покоренію Эрзерума. Дѣло въ томъ, что главнокомандовавшій, предвидя скорое окончаніе войны, не могъ и не хотѣлъ уже начинать новыхъ предпріятій. Цѣль войны была достигнута, и человѣческимъ силамъ положенъ предѣлъ. Распространивъ завоеванія до предѣловъ Требизонда, надобно было удержать за собою всю обширность покоренныхъ шести областей, съ малыми средствами, какіи были у графа Эриванскаго, что выходило гораздо труднѣе самыхъ побѣдъ и завоеваній. Покореніе Требизонда оказалось рѣшительно невозможнымъ, при непроходимыхъ гористыхъ мѣстахъ и отчаянной защитѣ полу-дикихъ Лазовъ, потому что эти орды, какъ и Курды, объявили себя непримѣрными врагами христіанъ и Русскихъ, и не шли ни на какой договоръ. Измѣна и фанатизмъ непрерывно возстановляли противъ насъ завоеванныя мѣста. Мы не могли шагу сдѣлать безъ особенной осторожности, и, уступавшіе непреодолимому стремленію общаго завоеванія, туземцы тѣмъ упорнѣе бились потомъ за каждый утесъ, за каждый камень, гдѣ могъ укрыться Курдистанскій или Турецкій стрѣлокъ или паѣздникъ. Черноморскій флотъ не могъ участвовать въ военныхъ операціяхъ въ Азіи, и этимъ было утрачено важное пособіе, входившее въ обширныя соображенія Русскаго полководца.

Четвертаго іюля покорилась Русскимъ крѣпость Хнисъ; отрядъ храбраго Бурцова занялъ Байбуртъ, гдѣ надобно было сосредоточить дѣйствія на Треби-

зондъ и на многочисленныя племена Лазовъ. Въ экспедиціи на селеніе Хартъ, Бурдовъ былъ смертельно раненъ и скончался отъ полученной раны. Самъ графъ Эриванскій двинулся мстить за смерть добраго помощника. Двѣнадцати-тысячный корпусъ непріятельскій заплатилъ уничтоженіемъ своимъ за дерзость сопротивленія. Между-тѣмъ, сражался съ Курдами близъ Хипса и Баязета, бились съ Аджарцами близъ Карса и Ардагана, заняли Мушъ, отстаивали мятежную Гурію. Отъ Байбурта перешли мы далѣе, къ Гюмишъ-Ханѣ, важному мѣсту на юго-западъ отъ Требизонда, гдѣ Греческій митрополитъ и духовенство встрѣтили Русскихъ со слезами радости. Движеніе къ Сивасу и Требизонду обезопасило Эрзерумъ. Мы оставили послѣ того Байбуртъ, взорвавъ тамошнюю крѣпость. Неудачныя экспедиціи въ сторону Гуріи опять возбуждали бодрость непріятеля. Новыя ополченія составились въ Байбуртъ. Тысячи Лазовъ и Курдовъ являлись туда отовсюду. Это было поводомъ вторичнаго похода на Байбуртъ, увѣнчанаго новымъ полнымъ успѣхомъ, и кончившагося истребленіемъ несчастнаго города. Новый сераскиръ имѣлъ уже въ это время извѣстія о мирѣ съ Россіею, но снѣвши еще разъ дать сраженіе. Новое пораженіе заставило его не скрывать болѣе мира. Главная квартира Турецкая была тогда въ Гюмишъ-Ханѣ, а наша въ селеніи Урушлы, въ 20 верстахъ за Байбуртомъ. Сюда привели вѣстия мира, штабъ-капитана Дюгамеля, пріѣхавшаго черезъ Токать и Сивасъ. Посланные на встрѣчу ему были приняты Турками торжественно. Сто однимъ выстрѣломъ возвѣщена была радость Русскому войску.

«Надобно было видѣть общій восторгъ! Черезъ четверть часа весь лагерь стоялъ въ рядахъ; офицеры снѣвши вренесгъ поздравленіе главнокомандующему, и привѣтствовали другъ друга, обнимаясь съ тѣмъ искреннимъ чувствомъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ быту общежитія. Гордыя

стажанною славою, войны, неукротимые въ бою, съ простодушнымъ усердіемъ радовались наступившему миру, которые такъ рѣдко пользуются войска нами въ отдаленныхъ предѣлахъ Кавказскихъ.»

Четвертаго октября графъ Эриванскій возвратился въ Эрзерумъ; пятаго, войска пошли въ обратный походъ; пятнадцатаго самъ главнокомандующій отправился въ Грузію. Въ Меджингерчѣ, гдѣ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, Саганлукъ огласился побѣдою, графъ Эриванскій получилъ награду Монарха, — званіе фельдмаршала. Въ день *Бородинской битвы*, героя Русскаго обрадовали уже награды за подвиги его на Саганлукъ и завосваніе Эрзерума, — орденъ Георгія первой степени и алмазные знаки ордена Святаго Андрея. Царь воздавалъ достойное достойному.

Вторая кампанія графа Эриванскаго представляла слѣдствія, не менѣ блестящія и славныя, чѣмъ первая, прошлогодная. Русскіе въ 1829 году перешли почти шесть сотъ верстъ отъ границы своей до Требизонда. Въ четыре мѣсяца уничтожена была многочисленная непріятельская армія, взято нѣсколько укрѣпленныхъ лагерей, четыре крѣпости и самая резиденція сераскира, полонешнаго вмѣстѣ съ знатнѣйшими сановниками. Намъ достались 262 пушки, 65 знаменъ, 10 бунчуковъ, жезлъ сераскира; пленныхъ не считали.

Надобно ли разсматривать выгоды, какія были слѣдствіемъ двухъ-лѣтнихъ подвиговъ и дѣлъ графа Эриванскаго за Кавказомъ? Конечно, если сообразить пріобрѣтенія наши *географически*, они не покажутся великими: мы взяли только мѣста Турецкихъ засадъ по берегамъ Черноморскимъ, да еще Ахалцыхъ, по эти пріобрѣтенія были важны по сущности своей: они крѣпко обезопасили насъ за Кавказомъ со стороны сосѣдовъ. Кто оспорить, что мы легко могли взять больше? Могли взять все, но не завоеваній искала великая душа Русскаго Царя. Здѣсь историкъ откроетъ

тайну, прибавитъ прекрасную черту къ жизнеописанію Николая: графъ Эриванскій представлялъ и настаивалъ на присоединеніе къ Россіи Карса, доказывая важность его для безопасности и удобствъ Закавказья. Государь Императоръ отказалъ въ этомъ предложеніи, «и,» прибавляетъ авторъ, «это не было слѣдствіемъ недальновидности, но чертою высокодушія Государя, чуждаго завоеваній.»

Если эта краткая выписка и ознакомила читателей нашихъ съ превосходнымъ сочиненіемъ, о которомъ мы говоримъ, всё еще многое найдутъ они читая самое сочиненіе. И наукъ и любопытству ихъ сохранилось еще множество матеріаловъ, которыми не могли мы воспользоваться.

Такъ, напримѣръ, мы укажемъ читателю на описанія Турецкихъ областей, бывшихъ въ нашей власти, — описанія подробныя и искусно составленныя; на военныя и стратегическія изслѣдованія о образѣ войны съ Турками; на планы сраженій и крѣпостей, отлично литографированныя, и составляющіе особый атласъ при книгѣ. Надобно имѣть ихъ передъ глазами, чтобы оцѣнить всё описанныя въ книгѣ диспозиціи и распоряженія вождя Русскихъ, при каждомъ дѣлѣ. Надобно еще вникнуть въ устройство управленія, какое введено было въ завоеванныхъ областяхъ, гдѣ сохранялись всё обычаи и законы, уважались даже народныя предразсудки, владычествовало правосудіе, но съ кротостію соединялась строгость и коварству противопоставлялась осторожность. Наконецъ, особеннаго вниманія стоить еще подробность отчетовъ графа Эриванскаго, о вспомогательныхъ средствахъ къ войнѣ и приготовленіяхъ къ побѣдамъ. Мы разумѣемъ здѣсь мѣры его касательно продовольствія войскъ, заготовленія и расположенія провіантскихъ, артиллерійскихъ, инженерныхъ и госпитальныхъ пособій. Все это подробно изложено въ

«Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи», — исторіи, которую мы уже назвали «честнымъ отчетомъ графа Эриванскаго передъ современниками».

Еще нѣсколько словъ объ этихъ блистательныхъ и ученыхъ кампаніяхъ, въ которыхъ съ такою силою развился военный геній Русскаго полководца.

Послѣ «благоразумной медленности», какую отличались прежде дѣла Русскаго оружія за Кавказомъ, какой быстрый переворотъ! Едва кончена, почти не кончена еще, война съ Персіею, уже графъ Эриванскій спѣшитъ въ Турцію. Съ двѣнадцатью, съ восемнадцатью тысячами, онъ входитъ въ глубь непріятельскихъ областей, бьетъ войска, беретъ крѣпости, защищаетъ слабыми гарнизонами завоеванія, готовъ воевать съ Персіею и съ Турціею, стремится къ Арзеруму, гонитъ Турецкое войско почти безъ бою, и, за шесть сотъ верстъ отъ границы собирается идти далѣе, идетъ, когда всѣ завоеванія его кипятъ еще мелкою войною, въ Эрзерумъ измѣна, тамъ чума, здѣсь Лазы и Курды, и всюду непроходимыя дороги. Скажутъ: это счастье, удача, если онъ спасся, и слава Богу, что миръ выручилъ его изъ неминуемой бѣды.

Счастіе! Но вникните въ сущность событій, какъ измѣнится все зрѣлище! Вы увидите геній истинно великаго полководца, и невольно назовете быстроту, отвагу, смѣлость движеній, глубокимъ расчетомъ ума и науки!

Онъ понималъ Русскаго солдата, Кавказскаго солдата особенно, увѣрился въ немъ и приобрѣлъ его вѣру. Смѣло могъ онъ послѣ того опереться на него, когда этотъ солдатъ всюду видѣлъ его съ собою, въ зной и холодъ, днемъ и ночью, на баттарей и въ шанцы, и зналъ, что графъ, какъ отецъ, заботится о томъ, чтобы ему было сытно и тепло. Солдаты славили его въ цѣспяхъ, и шли съ нимъ всюду бодро и смѣло: съ нимъ былъ графъ; и только тамъ являлась иногда неу-

дача, гдѣ его не было. Но какъ умѣлъ онъ поправлять каждую такую неудачу, не оставляя малѣйшаго преимущества непріятелю безъ расплаты, — «не любя баловать Турковъ», какъ говоритъ солдатская пѣсня на взятіе Ахалцыха! какъ пользовался онъ всѣмъ, что дѣйствуетъ на душу Русскую! Такъ, напримеръ, когда открылась чума въ Баязетѣ, изъ Эчмиадзина вѣрно было привезти смященное конье, и чума была прекращена имъ лучше всякихъ карантинныхъ. Вѣра спасаетъ.

Онъ превосходно узналъ и сообразилъ потомъ свойство народа и мѣстность края. Дѣйствуя на умы туземцевъ, онъ успѣвалъ пріобрѣтать любовь ихъ, и заставлялъ себя бояться. Неслыханный былъ примѣръ, что враги наши, непріязненные Азіяты, бились за насъ, и бились храбро и смѣло. Но, между-тѣмъ, ничего не было упущено для уничтоженія коварныхъ дѣйствій Азіятской политики. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны переговоры и дѣла при Туркменчайскомъ мирѣ, и потомъ послѣ смерти нашего посла въ Тегеранъ; переговоры въ Гуріи, сношенія съ Мушскимъ пашею, споръ при сдачѣ Эрзерума. Обратная поѣздка графа Эриванскаго изъ Эрзерума представляла трогательное зрѣлище: тысячи народа встрѣчали его со слезами, какъ отца, умоляя взять ихъ; и такимъ образомъ переселилось въ наши области до ста тысячъ человекъ. Эффектъ громоноснаго успѣха на умы туземцевъ былъ превосходно рассчитанъ графомъ Эриванскимъ, и если полки непріятельскіе бѣгали при одномъ появленіи его, развѣ это не было приготовлено умомъ и трудомъ предварительнымъ?

Ни одного шага не дѣлалъ Русскій полководецъ безъ вѣрнаго, положительнаго, ученаго расчета на успѣхъ. Въ обѣихъ кампаніяхъ графа Эриванскаго была главною цѣлію ударъ быстрый, громовый, —

Суворовскій *шпионскъ*, который сопровождало обширное обхваченіе областей; но съ этимъ соединилось всегда обезпеченіе продовольствій, власть геніа надъ препятствіями, заслоненіе путей на случай непріятельскихъ покушеній, охраненіе предѣла своего и средства къ отступленію. Все это кажется иногда переходящимъ въ излишнюю осторожность, когда вы читаете диспозиціи графа Эриванскаго. Но слѣдствія увѣряютъ васъ потомъ, что полководецъ при соображеніяхъ столь предусмотрительныхъ, нигдѣ не упустилъ воспользоваться мгновенною, и быстрою переменною обстоятельствомъ. Такъ, успѣхъ подъ Карсомъ и Ахалцыхомъ былъ приготовленъ быстрымъ переходомъ отъ Гумровъ, походомъ на Ахалкалахи, и движеніемъ черезъ Цхенисъ-Цхале, победы Загниская и Милли-дюзская одержаны, по словамъ маршала де-Сакса, «солдатскими ногами», и сдача Эрзерума рѣшена движеніемъ на этотъ городъ; но замѣйте, что Карсъ и Ахалцыхъ достались намъ также тѣсною и упорною осадю и мгновеннымъ превращеніемъ ея потомъ въ штурмъ, упрежденіемъ Кюсѣ-Мугаммеда при Карсѣ, отдѣльнымъ нападениемъ на него при Ахалцыхъ, и что Эрзерумъ удержанъ послѣ занятія его мелкою войною и многосложными дѣйствіями на Байбуртъ и Гюмишъ-Хане. Во всѣхъ этихъ подробностяхъ поучительно читать поясненія графа Эриванскаго на каждое его дѣйствіе. Въ этихъ изъясненіяхъ, «Исторія военныхъ дѣйствій», съ смѣлою надеждою, сравниваетъ многія его распоряженія съ дѣйствіями Наполеона, и судитъ безпристрастно, отдавая справедливость каждому. Искренно говоритъ она объ ошибкахъ непріятеля, воздастъ честь личной его храбрости, и указываетъ на то, чѣмъ могли воспользоваться непріятели при каждомъ случаѣ. Такое соединеніе отличныхъ сужденій съ великими дѣлами, этотъ взглядъ, поясняющій тайну побѣдъ, это смѣ-

иженіе положительнаго отчета съ лучами славы, составляетъ волшебство ума гениальнаго.

Есть еще волшебство цифръ: и мы найдемъ его въ книгѣ, о которой мы говоримъ. Таковъ, на примѣръ, итогъ потери, понесенный Русскою арміею во все продолженіе Турецкой войны за Кавказомъ. Можно ли повѣрить, что въ 1829 году убыль изъ войска состояла всего-на-все изъ 5,900 человекъ, и что въ этомъ числѣ полагается еще около 1000 человекъ умершихъ отъ чумы? Значительна была потеря въ начальникахъ и офицерахъ: ни одинъ изъ нихъ не былъ взятъ въ плѣнъ; «они умирали въ передовыхъ рядахъ», говоритъ историкъ. Почтимъ благоговѣніемъ память тѣхъ, которые не измѣнили надеждъ отчества и уже почтены искреннею скорбію достойнаго вождя своего. Русскіе всегда были, и всегда будутъ, такими. Графъ Эриванскій видѣлъ Русскихъ подъ Бородинымъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ, подъ Елсаветполемъ, и потому онъ такъ надежно велъ ихъ на Ахалцыхъ, на Саганлукъ, на стѣны Варшавы потомъ, — и куда еще поведетъ онъ ихъ?..... Куда бы то ни было, но вездѣ и всегда на побѣду, по первому слову Русскаго Царя.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, *Вильмена. Москва, 1836. Доль части.*

Нельзя безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, начать радоваться появленію этой книги въ Русскомъ переводѣ. Какаѣ самая первая, самая коренная потребность для насъ Русскихъ, въ настоящее время? Не запинаясь будемъ мы отвѣчать: *учиться*. Учиться, пріобрѣтать свѣдѣнія, заниматься наукою каждаго предмета дѣльно, основательно, по чистой совѣсти.

Разумѣется, объ исключеніяхъ мы не говоримъ. Могутъ и у насъ быть въ настоящее время свои Шеллинги, Гегели, Ипбуры, такъ какъ есть дюжинами доморощенные Тассы и Шекспиры. Наши слова относятся къ общности современнаго Русскаго образованія, которому именно недостаетъ ученія. Мы не говоримъ — учености, но — ученія. Объ учености поспѣ, ради Бога!

Для ученія всего болѣе нужно намъ, — потому что одно слѣдуетъ изъ другаго, — книгъ, по которымъ бы могли мы учиться.

Книги эти должны быть, — первое, учебныя, въ которыхъ бы мы почерпали вѣрныя, простыя, основныя понятія о знаніяхъ; второе, книги ученія, которыя бы давали намъ подробныя и положительныя понятія о предметахъ и вещахъ, снабжали фактами, доставляли намъ средства повторить и распространить наше ученіе; третье, ученія пособія, или книги таблицъ и реэстровъ, указанія на источники, съ критическою ихъ повѣркою; четвертое, источники, по всемъ родамъ челоуѣческаго знанія.

Все это намъ необходимо, не только нужно, и всего этого у насъ очень мало.

Для успѣховъ нашей образованности и нашего просвѣщенія, прежде всякихъ другихъ книгъ, мы желаемъ

Т. XVIII. — Отд. V.

ли бы видѣть въ рукахъ читателей, ищущихъ основательнаго ученія, книги этихъ четырехъ родовъ.

Предположимъ основательное образованіе историка и естествоиспытателя въ Россіи.

Для нихъ, послѣ учебниковъ, которые были бы составлены Русскими и для Русскихъ, мы пожелаемъ книгъ, одному Герена, Шлёцера, Робертсона, *Savigny*, другому *Cuvier*, *Brongniard'a*, Берзеліуса; потомъ одному Фабриція, Ассемани, Петавія, другому *Jourdain'a*, Эренберга, и прочая, съ лексиконами, флорами, реестрами, атласами по его части; наконецъ одному хорошихъ изданій и переводовъ Геродота, Фукидиды, Тита Ливія, Тацита, другому хорошихъ путешествій и мемуаровъ Европейскихъ Обществъ.

Мы не укажемъ ни тому, ни другому, ни на Вико, ни на Нибура, ни на Канта, ни на Гегеля, ни на Шюберта и Крейцера.

Не пускайтесь съ ними въ умозрительныя изслѣдованія состава природы и законовъ развитія человѣчества; но прежде растолкуйте имъ, что такое природа и человѣчество, да растолкуйте не кос-какъ, а подробно и основательно. Не набивая имъ головы грезами о тождествѣ свѣта и тяжести, объясните имъ, что такое электро-магнитность и скажите откровенно, что мы не знаемъ еще что такое свѣтъ, и что тяготѣніе есть только кажущійся феноменъ, котораго мы открыли разные законы, но не понимаемъ ни существа ни происхожденія. Безъ этого, вы подвергаетесь опасности не понять другъ друга, затмить умъ вашихъ учениковъ, выводами безъ доказательствъ, сдѣлать изъ нихъ пустыхъ верхоглядовъ и отвлечь ихъ отъ настоящаго ученія.

Такъ мы думаемъ объ ученомъ образованіи. Но есть у насъ, какъ и вездѣ, отдѣленіе общества, многочисленное, работающее, трудолюбивое, занятое, то есть, богатое свободнымъ временемъ для всякихъ э-

нѣтъ, которому некогда учиться вполне, или которое не хочет посвящать и имѣть право не посвящать себя настоящему ученью, и между-тѣмъ также желаетъ *знать*. Этому народу надобны книги обобщающія знаніе, надобно начинать ихъ для него, смотря по времени и мѣстности; ему надобны собранія положительныхъ свѣдѣній, лексиконы особаго рода, учебныя книжки, нарочно для него составленныя. Хорошій журналъ, начиная съ Penny Magazine до Foreign Quarterly Review, золотая книга для такого народа. И въ этомъ отношеніи, насъ радуютъ изданіе на Русскомъ языкѣ «Энциклопедическаго Лексикона», собранія «Путешествій Дюмонъ-Дюрвиля», всякіе листочки «Живописныхъ обозрѣній», и «Журналы общепользныхъ свѣдѣній», которыми все можно растолковать и пояснить, не заставляя сидѣть годы въ университетской аудиторіи, не толкуя ни объ субъектѣ, ни объ объектѣ, не пугая православныхъ толстыми томами. И въ ученіи такого рода, въ которомъ нуждается общая масса народа, купецъ, военный, мѣщанинъ, гражданскій чиновникъ, ремесленникъ, духовный, въ этомъ ученіи Англичане и подражатели ихъ Французы — удивительные мастера. Они умѣютъ разливать образованіе въ своихъ обществахъ, такъ, что оно, не мѣшая ни чѣму серіозному занятію, не сбивая съ толку ни чей лучше устроенной головы, становится простымъ и удобопонятнымъ для каждого. Нѣмцы дѣлаютъ этого вовсе не умѣютъ. Недавно имѣли мы случай замѣтить это, говоря о появленіи на Русскомъ языкѣ Океповой Естественной Исторіи «для всѣхъ званій». Между Англійскими и Французскими популярными книгами можно показать сотни, которыхъ простая, положительная, такъ сказать наличная, польза неоспорима. Должно ли ихъ переводить? Привнесутъ ли онѣ такую же пользу въ переводѣ какъ въ оригиналѣ? Вопросъ нѣсколько затруднителенъ. У другихъ наро-

довъ все переводятъ , но мы готовы отвѣчать на собственный нашъ вопросъ отрицательно. Мы думаемъ, что умъ , характеръ , исторія , мѣстность каждаго народа, должны полагать большую разницу въ книгахъ, издаваемыхъ для его общаго образованія. То что превосходно въ Англїи , не годится , въ Россїи , и даже полезное Англійское не принесетъ Французу и Нѣмцу полной желаемой пользы. Книжки популярныя должно сочинять а не переводить , или переводя передѣлывать и приспособлять ихъ къ своему народу. Употребимъ примѣръ самый простой : желая спросить о здоровьѣ вашего прїятеля, вы не переводите ни Англійскаго how do you do, ни Французскаго comment vous portez-vous. Смыслъ вопроса вездѣ одинъ, но каждый народъ выражаетъ его по-своему. Вы не покупаете чужаго кафтана, но по образцу его велите сшить себѣ новый кафтанъ, если хотите чтобы онъ не жалъ васъ и лежалъ плотно на вашихъ членахъ. Зачѣмъ вы, желая сдѣлать насъ умственными щеголями, даете намъ книжки, которыя сидятъ мѣшкомъ на Русскомъ умѣ?

По поводу одной Русской книги, которая ошибкою корректора типографїи , какъ мы слышали потомъ, названа «Исторїею Поэзїи», упомянули мы объ особомъ отдѣленїи Французскихъ ученыхъ книгъ. Это родъ книгъ, въ которыхъ сочинители хотятъ «учить забавляя», и пишутъ такъ, чтобы нескучно было учиться. Не споря о вѣрности идеи, скажемъ только, что страшная такихъ книгъ ведется во Францїи изстари. Простое разсмотрѣнїе ихъ показываетъ, что авторы имѣютъ между-тѣмъ притязанїя на высшую ученость, и что они не думаютъ писать для иногояродїя. Гостиная для Француза — необходимость. Если угодно, книги, о которыхъ мы говоримъ, суть гостиныя и будоары учености. Сочинитель, щегольски разодѣтый, является, кланяется въ три темна, и говоритъ, что онъ очень хорошо знаетъ, съ какими

просвѣщенными людьми имѣеть дѣло; потому онъ и не думаетъ «учить» своихъ просвѣщенныхъ слушателей, напротивъ, просить ихъ простить его слабость и недостатки. Тутъ начинается une conversation spirituelle, въ которой науку, или предметъ науки, гладятъ, лощатъ, выправляютъ, умываютъ, одѣваютъ, причесываютъ, смотря потому, съ какого рода слушателемъ бесѣдуетъ сочинитель или свѣтскій профессоръ. Попятно, что такія книги, которыя обобщаютъ популярно науку, не суть чисто ученія, а нарочно пишутся для извѣстнаго числа слушателей или читателей, случайны и временны. Берется чтѣ-нибудь, излагается пополамъ съ шуткою, запивая эпиграмму сахарною водою. Слушатели или читатели смѣются и рукоплещутъ; Французскій журналистъ, съ своей комическою важностью, восклицаетъ—c'est un livre de haute portée; а Русскій человекъ вѣрять буквально пустословію Парижскаго журналиста и подбираетъ съ удивленіемъ книгу, которая въ своемъ haute-portée, «высокомъ летѣ», тутъ же упала наземь въ Парижъ отъ первой насмѣшки какого-нибудь ученаго, болѣе уважаемаго въ обществѣ чѣмъ ея сочинитель.

Полезна ли всегда и вездѣ, напримѣръ въ Русскомъ переводѣ, такая случайная книга?

Для ученаго образованія, разумѣется, она бесполезна. Къ общенародному образованію можно еще приложить ее скорѣе; но тутъ вотъ какая неудобность угрожаетъ читателю: онъ можетъ худо понять предметъ и цѣль сочиненія; онъ можетъ принять эпиграмму за доказательство; онъ не въ состояніи будетъ повѣрить ложнаго вывода въ источникъ, и всячески легко ему сбиться на полупросвѣщеніе, — недостатокъ, которому вообще подвержено Французское общество. Явитесь въ это общество, — тамъ обо всемъ готовы съ вами болтать, causer; но вслушайтесь, и вы найдете, что отъ настоящаго просвѣщенія обще-

ство это такъ далеко, какъ небо отъ земли; что ему недостасть еще самыхъ основныхъ, положительныхъ свѣдѣній; что всѣ вопросы обсуждаются тамъ модными фразами, которыя сегодня всѣ повторяютъ, не заботясь объ ихъ смыслѣ и вѣрности. И въ этомъ перѣдко то именно бываетъ виновато, что общество наслушалось и почиталось какого-нибудь *Cousin'a*, *Guizot*, *Michelet*, *Saint-Marc-Girardin'a*, *Bory-de-Saint-Vincent'a*, когда ему еще неизвѣстна азбука того, о чемъ говорили ему въ литературномъ салонѣ, съ профессорской кафедры.

Книга Г. *Villemain'a*, его «Исторія литературы», не во гнѣвъ почтеннымъ переводчикамъ этой Исторіи, принадлежитъ къ разряду сочиненій, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Мы сказали некогда, объ ней— что она кажется намъ только ловкимъ средствомъ сдѣлать общими во Франціи нѣсколько идей, дотогдѣ тамъ неизвѣстныхъ; что украшенность и легкость дѣлаютъ ея сочинителя человекомъ временныхъ отношеній, а книгу его мимоletныхъ явленіемъ, замѣтнымъ лишь своему времени и своему народу. Мы прибавили, что въ свое время *Laharpe* былъ полезенъ, и что *Villemain'a* можно назвать *Laharpe*`омъ нашего времени, только въ новой и лучшей формѣ.

Villemain, — онъ родился въ 1792 году, — составляетъ, послѣ госпожи Сталь и ея товарищей, дѣлншій переходъ отъ прежней школы Французской образованности, этого галлицизма въ Европейскомъ просвѣщеніи, который изображали собою *Batteux* и *Laharpe*. Природа создала его говорунномъ превосходнымъ. Ему было лѣтъ двадцать, когда академія увѣнчала его *Eloge de Montaigne*. Онъ привѣтствовалъ въ Французскомъ институтѣ союзныхъ монарховъ, въ 1814 году, такъ ловко и умно, что его щедро наградили подарками, потомъ слѣдовали отъ него опять «похвалы» *Labruyère*`у, *Corneille*`ю, *Mortessquieu*, жур-

нальныя статьи, критики легкія, умныя, увлекательныя, въ родъ *Joffroy*, *Hofmann'a*, *Ducos*, *Auger*. Другъ его, Г. Sainte-Beuve, говоритъ объ немъ: «онъ узналъ, понялъ, присвоилъ себѣ свѣтскую сторону учености, остроуміе, манеру, ловкость прежняго скептицизма, взглядъ на дѣло быстрый, краткій, чистый, легкій, иногда слишкомъ легкій, но всегда умный на лету, насмѣшливый съ пріятностью; словомъ, съ самой ранней юности *Villemain* слышалъ какъ бесѣдуютъ и бесѣдовалъ. Въ немъ воскресло *Delille'*ево «умъне говорить». У Вильмена разумъ пчелиный: онъ прямо летитъ на благоухающій цвѣтокъ, извлекаетъ изъ него медь, и ловко дѣлится своимъ сотомъ. Онъ не ходитъ самъ, и не водитъ другихъ по тернямъ; любить дорожки обложенныя дерномъ и усыпанныя тонкимъ песочкомъ. Все, что представляется ему новаго, онъ умѣетъ обработать и высказать на свой прівычный манеръ, ясно и развязно, щегольски и коротко, какъ говаривалъ *Vaugelas* и какъ дѣлывалъ это Вольтеръ».

Лѣтъ десять тому образовалась во Франціи многочисленная школа, такъ называемыхъ доктринеровъ, которой послѣдователи разсѣялись по всемъ дорогамъ наукъ и политики. Это былъ народъ, желавшій держать во всемъ середину. Отвергая прежнюю ограниченность мнѣній, они равно противились и слѣпому безумству нововведеній. Люди эти искренно желали добра отечеству, и много добра сдѣлали. Въ Философіи стали они проповѣдывать эклектизмъ, какъ соединеніе умозрѣнія съ практикою; въ политикѣ миръ и союзъ партій; въ литературѣ разборъ и терпимость. Сюда принадлежали люди съ блестящими дарованіями, и имъ обязана новѣйшая литература Французская знакомствомъ съ словесностями Англійскою, Испанскою и Пѣмецкою, такъ, что національное самолюбіе публики не оскорблялось, новыя мнѣ-

нія принимались легко и быстро, кругъ уиственной дѣятельности расширялся безъ потрясеній. Пока одни изъ доктринеровъ издавали *Revue de Paris*, журналъ похожій на Англійскіе *magazines* хотя носилъ названіе *reviews*, *Varante* переводилъ имъ Шпллера, *Cousin* Шеллинга, *Guignot* Крейдера, *Quinet* Гердера, *Michelet* Вико, *Guizot* Шекспира, *Bory-de-Saint-Vincent* Окена. И все это шло тихо, мирно, складно. Но дѣйствія книгъ и журналовъ казалось имъ недостаточно, и доктринеры открыли въ Парижѣ лекціи для высшихъ званій и для образованныхъ слушателей. *Villemain*, съ своимъ умънемъ говорить, былъ кладъ для доктринёровъ: его приняли въ приходъ, и когда *Cousin* открылъ свои лекціи Философіи, *Guizot* лекціи Исторіи, онъ началъ чтенія о Словесности. Успѣхъ оказался необыкновеннымъ; слушатели стекались сотнями, экземпляры чтеній раскупались тысячами, и вотъ эти чтенія составили впоследствии пять томовъ, подъ названіемъ — *Cours de Littérature Française*.

Безспорно, что все изданное доктринерами, — мы говоримъ только объ ихъ литературныхъ трудахъ, — не носитъ уже на себѣ отпечатка близорукости *Bat-teux* и *Laharpe*'овъ; но вѣчное желаніе ихъ мирить старое съ новымъ, умышленная недомолвка, непобѣдимое природное стремленіе остаться, жить и умереть старинными Французами, только передѣланными на другой ладъ, открывали слабую сторону всего, что они ни дѣлали.

Лекціи *Villemain*'а, при этомъ основномъ недостаткѣ, имѣютъ еще всѣ недостатки особенной его говорливости. У него нѣтъ логики *Cousin*'а, нѣтъ знанія *Guizot*, который ошибается только съ умысломъ, для своей системы, но почти всегда знаетъ свой предметъ хорошо и изучалъ его основательно.

Villemain и не думалъ притомъ о правильности уче-

ной, о системѣ логической своихъ лекцій. Одинъ годъ говорилъ онъ съ своей кафедрѣ о Французской литературѣ восемнадцатаго вѣка; другой о западныхъ словесностяхъ среднихъ вѣремъ. Въ первомъ начинается онъ прямо сравненіемъ Англійской словесности съ Французскою. Слѣдуютъ отдѣльные разборы *Richardson*'а, какъ романиста, *Hume*'а, *Gibbon*'а, *Robertson*'а, какъ историковъ; потомъ литература Шотландская, — *Ossian* и *Macpherson*. Далѣе взглядъ на вліяніе Французской литературы въ Италиі, Германіи, — *Верри*, *Филанджери*, *Альфieri*, и прочіе; критика и эрудиція Французскія восемнадцатаго вѣка, — *Thomas*, *Barthélemy*, *Ducis*, *Bernardin de Saint-Pierre*; политическое краснорѣчіе; сравненіе его въ Англии и Франціи, — *Pitt*, *Chattam*, *Burke*, *Mirabeau*; характеръ Французской литературы въ революцію, — братья *Chénier*; и послѣ революціи, — госпожа *Сталь*, *de Maistre*; а за тѣмъ поклонъ слушателямъ.

Въ Курсѣ «Литературы среднихъ вѣремъ» гораздо болѣе порядка, но и здѣсь *Villemain* старался, не изложить предметъ, а только сдѣлать его удобопонятнымъ для своихъ слушателей, — ввести новую науку въ рамку ихъ старыхъ идей. Это было имъ достигнуто какъ-нельзя лучше. Французы терпѣливо слушали, когда *Villemain* говорилъ имъ о варварскихъ поэмахъ *Провансаловъ*; соглашались, что *Данте* великій человекъ; за новость рассказывали потомъ о *Нормандской поэзиі*, и наизусть выучивали романсы *Сиды* и пѣсни Англійскихъ министровъ въ *Villemain*'овыхъ переводахъ. Кто изъ нихъ осмѣлился бы послѣ этого возобновлять теоріи *Batteux* и судъ *Laharpe*'а? Слушатели горделиво шли съ лекцій, какъ Грекъ чувствовалъ себя на два вершка выше, прочитавши Гомера. *Villemain* былъ такимъ образомъ превосходенъ въ свои годы и на своемъ мѣстѣ. Само то обстоятельство, что онъ и доктринеры перестали говорить

послѣ 1830 года, когда, по вторженіи литературной анархіи, ими же подготовленной, уже не стали бы ихъ слушать, конечно, показываетъ ловкость ума, потому что замолчать кстати не менѣе трудно какъ и заговорить во-время.

Спрашиваемъ теперь безпристрастныхъ: не справедливо ли все то, что мы сказали прежде о *Villemain*'ѣ.

Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ отвѣтъ на другой — ведетъ ли къ цѣли, къ которой мы, Русскіе, должны стремиться теперь, то есть, къ основательному ученію, книга Г. *Villemain*'а?

Она не снабжаетъ читателей свѣдѣніями простыми и положительными; она не научаетъ ихъ и логической системѣ науки, и не обобщаетъ знаніе для массы народа; ее должель читать человекъ, имѣющій уже предварительныя свѣдѣнія, если желаетъ узнать послѣ того національный взглядъ Француза на иностранную литературу или свѣдать, какъ судить теперь Французъ о собственной своей словесности. Это — историческое, и главное, достоинство книги Г. *Villemain*'а. Для положительнаго ученія она не годится уже потому, что и въ самой системѣ доктринеровъ она составляла только часть, небольшой удѣль, доставшійся *Villemain*'у, когда другія части обрабатывали Lherminier, Cousin, Barante, Quinet, Michelet, Duchâtel, Guizot и десятки ихъ товарищей. Возьмемъ для примѣра что-нибудь: *Villemain* подробно разсуждаетъ о Провансальской поэзи, объ Испанскихъ романахъ, о Данте, потому что все это уже было извѣстно Французамъ изъ книгъ *Ginguené*, *Sismondi*, *Renouard*'а и *Artaud*, переводилось и издавалось. Ему надобно было только указать на предметъ вообще, и дать новую точку зрѣнія. Но все предшествовавшее *Villemain*'у, для Русскихъ читателей неизвѣстно. Они не знаютъ подлинниковъ, и не имѣютъ никакихъ пе-

реводовъ; но только съ чужаго голоса восхищаются Данте, какъ прежде было въ модѣ по слуху восхищаться Виргилиемъ. Не прибавить ли имъ лекція *Villemain'*а только пустой самонадьянности, будто они точно познакомились съ великимъ творцемъ «Божественной Комедіи»? Не должно ли опасаться, что какой-нибудь фразой *Villemain'*овской замѣнятъ они свое собственное сужденіе? Не надобно ли имъ прежде поучиться читать Данте, хоть въ хорошемъ переводѣ и приготовиться разумнѣю его чтеніемъ Итальянской исторіи среднихъ вѣковъ, познаниемъ вѣка Дантева, безъ чего все это будетъ имъ непоцятно?

Вотъ оговорка, нѣсколько длинная, но зато обстоятельная, безъ которой намъ совѣстно было начать вдругъ радоваться появленью книги Г. *Villemain'*а въ Русскомъ переводѣ. Оговоривъ дѣло надлежащимъ образомъ, и мы изъяснимъ нашу частицу радости, хотя, признаться, — такъ какъ вся оговорка касалась важнаго вопроса, какія книги должно предпочтительно переводить на Русскій языкъ, — мы съ бѣльшимъ привѣтомъ встрѣтили бы переводъ книги стараго Бутервека, книги скучнаго Шелля или книги холоднаго Сисмонди, гдѣ гораздо болѣе можетъ Русскій читатель выучиться чему-нибудь основательному.

Относительно нашей радости, — она тоже очень откровенна. Мы не почитаемъ перевода *Villemain'*овыхъ лекцій о литературѣ среднихъ вѣковъ книгою бесполезною для Русской публики, — для публики, которая уже давно перестала учиться и рѣшилась забавляться до конца жизни. Напротивъ.

Изъ числа доктринеровъ *Villemain'* меньше другихъ впадаетъ въ софизмы. Вотъ это уже важное дѣло. Притомъ онъ уменъ, образованъ, остеръ; онъ можетъ привлечь къ своему предмету, заохотить къ познанію болѣе полному. Всѣ слышавшіе его чтенія или, правильнѣе «бесѣды» *causeries*, съ восторгомъ вспоми-

нають объ его превосходномъ дарѣ слова. Это разумѣется, будетъ уже во многомъ не замѣтно въ книгѣ: бестѣды Г. *Villemain*'а были списаны стенографами, и онѣ теряютъ на бумагѣ большую часть своей прелести, именно оттого что не были назначены для книжнаго чтенія. Однако жъ, всё-еще остается въ нихъ умный человѣкъ и краснорѣчивый писатель, въ которомъ хоть и является по-временамъ Французъ говорунъ, всегда видѣнь изъ за Француза и говоруна литераторъ съ блестящимъ дарованіемъ. Все это не безъ пользы, если бы только устранить главное неудобство, котораго мы боимся, именно — чтобы, прочитавши книгу Г. *Villemain*'а иной не сталъ у насъ думать будто проглотилъ уже литературу Провансальскую, Испанскую, Португальскую, переварилъ въ умъ своемъ Данте, Петрарка, Боккаччіо, и въ состояннн обойтись безъ своего ума. Само собою разумѣется, что, послѣ всего еказаннаго, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что говорятъ о *Villemain*'ѣ его переводчики, которымъ ихъ авторъ кажется *pes plus ultra* человѣческаго мышленія и человѣческой науки. Напередъ можно угадать, что за это разсердятся многіе, видящіе въ *Villemain*'ѣ гениальнаго критика и писателя. Такъ и быть, сердитесь. Мы находимъ большое утѣшеніе въ сладостномъ воспоминаннн, какъ на насъ сердилась вся Французская Русь, когда мы возстали противъ «юной словесности»: скоро однако жъ то же самое негодованіе раздавалось во всѣхъ образованныхъ земляхъ Европы, и теперь не только Французы, но и почти всѣ Русскіе, согласны въ томъ съ нами, что наиримѣрь, *monsieur de Balzac* не умѣетъ писать. Надобно было быть дерзкимъ, чтобы сказать подобную вещь въ Россіи тому три года. Надобна въ-которая смѣлость, чтобы сказать теперь еще о *Villemain*'ѣ то, что мы сказали. Мы старались говорить умѣренно и хладнокровно, но не такъ поступаютъ

другіе. Сами Французы смѣются надъ тѣмъ забавнымъ восторгомъ, съ какимъ читаемъ мы, иностранцы, многія ихъ книги и безъ дальнихъ справокъ записывая въ геніи сочинителей, которымъ въ Парижѣ не даютъ диплома даже и на четверть генія. Старый Châteaubriand говорилъ недавно, въ новой своей книгѣ, гдѣ среди пустой болтовни и хвастовства, попадаются умныя замѣтки опытнаго литератора: «Смѣхъ да и только, какъ подумаешь; кого считаютъ нашими великими писателями въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, *Петербургѣ*, Мюнхенѣ, Лейпцигѣ, Кѣльнѣ, что тамъ читаютъ съ жадностью изъ Французскихъ произведеній, и чего не читаютъ!» Боже мой, что касается до Петербурга и до Москвы, кто это знаетъ лучше насъ, которые имѣемъ честь говорить съ вами! Довольно взглянуть на статьи, которыя поступаютъ къ намъ со всѣхъ сторонъ: въ нихъ часто премного дарованія, но еще болѣе Французскихъ эпиграфовъ, — и кто бы, вы подумали, суть оракулы нашихъ молодыхъ писателей? Срамъ сказать: Karr, Luchet, Sue, Gozlan, Scribe, Balzac, Arnaud, съ братіею и товарищи. Да! и Arnaud, клянусь вамъ. Каждый мальчикъ, который состряпаетъ одну книжонку, и котораго пріятели расхвалятъ въ Парижскихъ журналахъ, дѣлается для Петербурга и Москвы мудрецомъ, изъ котораго, какъ изъ Платона, всѣ наперерывъ выдергиваютъ сентенціи. Глядя на эту начитанность вздора, питающуюся одними мимолетными произведеніями поденной Французской литературы, и не видя малѣйшаго слѣда чтенія важнаго и основательнаго, смѣешься и скорбишь про себя. Тѣ, которые у насъ пишутъ, кажется, еще не понимаютъ того, что въ порядочныхъ литературахъ довольно одного эпиграфа, взятаго изъ подобныхъ авторовъ, чтобы уронить самую прочную репутацію, и что есть авторы, которыхъ можно читать, отъ нечего дѣлать,

но нельзя приводить въ литературномъ мѣрѣ: даже многіе ученые ихъ читаютъ, но не хвастаютъ тѣмъ, что ихъ читали и передъ людьми, изъ приличія, говорятъ, что ихъ не знаютъ, чтобы другой не подумалъ, что они тратятъ время на подобные пустяки: Прочь отъ насъ мысль ставить *Villemain*'а на одной чертѣ съ этими авторами, но сколько можно замѣтить, современное мнѣніе о *Villemain*'ѣ и въ Парижѣ весьма недалеко оттого, которое мы уже не разъ излагали здѣсь прежде по случаю книги Г. *Nisard*'а объ упадкѣ Римской словесности, теперь по поводу этой «Исторіи литературы среднихъ вѣковъ». Прочтите, между-тѣмъ, что пишетъ, объ немъ *Sainte-Beuve* въ своихъ *Critiques et portraits littéraires* *. Впрочемъ и здѣсь, какъ вездѣ нужны осторожность и собственное убѣжденіе. Легко можетъ статься, что черезъ годъ или два Французы низведутъ своего прежняго знаменитаго *Villemain*'а ниже настоящей его цѣны. Тогда опять не вѣрьте въ Французамъ, и останьтесь при своемъ мнѣніи. Слѣбно Русскому быть механическимъ отголоскомъ вертляваго Парижскаго ума: къ несчастію, недостатокъ въ основательномъ ученіи дѣлаетъ обыкновенно наше даровитое юношество игролищемъ этой непрерывной мистификаціи. *Châteaubriand*, кажется, очень хорошо описалъ нынѣшнее литературное положеніе Франціи, и мы еще разъ обратимся къ его книгѣ.

«Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, убивающая теперь у насъ всѣ извѣстности литературныя, это необузданность мнѣній, духъ уравненія и безвѣрія, ненависть къ превосходному, безначаліе политій, демократія, проникнувшая равно въ литературу какъ и во Французское общество. То, что благоприятствуетъ вообще страсти самолюбія и чувству зависти, въ сферѣ писательской дѣйствуетъ съ удвоенною си-

* Paris, 1836, tome III.

люю. Въ литературѣ не признають уже теперь никакихъ властителей, ни какой власти; не допускають ни какихъ правилъ, не требуютъ общихъ мнѣній. Свобольное изслѣдованіе считается въ словесности, какъ въ политикѣ и религіи, доказательствомъ успѣховъ общества. Всякой судить, и почитаетъ себя вправѣ судить по своему собственному образованію, своему вкусу, своей системѣ, своей любви и ненависти. Отъ этого являются толпы безсмертныхъ писателей въ каждомъ переулкѣ, толпы великихъ въ своей школѣ и въ своемъ пріятельскомъ кругу, вовсе неизвѣстныхъ или осмѣянныхъ на ближней улицѣ. Прежде истина могла пробиваться съ трудомъ, и ей не легко было перейти въ мнѣніе. Писатели составляли отдѣльный міръ, занимались другъ другомъ, почти невѣдомо публикѣ. Теперь журналы, унижающіе или возносящіе, бьютъ тревогу, барабаютъ побѣду, и надобно быть очень глупымъ, чтобы каждому изъ насъ за-живо не знать, чего онъ стоитъ. При нынѣшней ошибкѣ мнѣній, чѣмъ ранѣе начинается чья-нибудь слава, тѣмъ скорѣе она проходитъ; кто по-утру былъ орелъ, того ввечеру считаютъ корпункомъ. Такова вообще природа человѣческая, но во Франціи — особенно: если мы открыли какое нибудь дарованіе, мы спѣшимъ потомъ унижить его, возвысивши кого на верхъ чести, мы бросимъ его въ грязь, поднимаемъ изъ грязи, и презираемъ снова. Кто въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, не видалъ какъ мнѣнія наши объ одномъ и томъ же человѣкѣ переменялись двадцать разъ? Есть ли теперь что-нибудь для насъ достовѣрное и утвердительное на землѣ? не знаемъ мы во что вѣрить, колеблемся во всемъ, сомнѣваемся во всемъ; самыя живыя утреннія убѣжденія наши угасаютъ къ вечеру. Мы терпѣть не можемъ одобреній; намъ кажется, что то, чему удивляются въ другомъ, у насъ самихъ украдено; суетность наша страшится всякаго успѣха, — и чуть немного онъ продолжится, мы въ отчаяніи! Думая каждый о себѣ, мы не слишкомъ досадуемъ, если человѣкъ съ достоинствами умирать: однимъ соперникомъ меньше; говоръ объ немъ мѣшалъ говору о себѣ глупцовъ, и кваканію посредственности. Спѣшатъ завернуть знаменитаго покойника въ три, четыре журнальныя статьи, и потомъ перестаютъ говорить объ немъ, не раскрываютъ бо-

дѣе его твореній, накладываютъ свинцовый штемпель на его славу въ его книгахъ, и свинцомъ заливаютъ трупъ его въ гробъ, отправляя все это поскорѣе въ вѣчность, посредствомъ временности и смерти. Нынче все старѣетъ у насъ въ нѣскольکو часовъ; извѣстность литератора темнѣетъ и твореніе его пролетаетъ мгновенно. Поэзія нынѣшней одинъ жребій съ музыкою; голосъ ея, свѣжій на разсвѣтъ, хрипнетъ съ захожденіемъ солнца. Всѣ пишутъ, никто не читаетъ. Намъ скучно, если одно и тоже имя мы слышали уже три раза. Гдѣ тѣ знаменитые, которые проснувшись въ одно утро, нѣсколько лѣтъ тому, объявили, что ничего не существовало знаменитаго прежде нихъ, что они открыли невѣдомыя дотолѣ небеса и міры, и своимъ геніемъ покажутъ всю бѣдность образцовъ, которымъ такъ глупо люди до-сихъ-поръ удивлялись? Чтѣ называлось юностью въ 1830 году? — Гдѣ оно? — Вотъ пришли великіе люди 1835 года и смотрятъ на этихъ старыхъ великихъ людей 1830 года, какъ на что-то порядочное въ свое время, но теперь уже изношенное, прошедшее, оставшее. Да не бойтесь: тотчасъ спрыгнуть новыя юности съ своихъ люлекъ, и въ свой чередъ посмѣются надъ стариками 1835 года, надъ этими дряхлыми стариками въ шестнадцать лѣтъ, надъ десятыю тысячами этихъ поэтовъ и пятидесятыю тысячами прозаиковъ нынѣшняго года, которые блещутъ теперь славою по всемъ закоулкамъ Франціи. Нечего дѣлать! какъ быть? чѣмъ привлечь на себя хоть мнѣутное вниманіе публики? Стрѣляйтесь, да и тутъ сомнительно, чтобы кто-нибудь услышалъ вашъ послѣдній, насильственный вздохъ. Смерть отраднѣе при надеждѣ на бессмертіе, а вы сами отвергли его и здѣсь и за гробомъ. Правда, зато, въ наше пяти-лѣтіе одно пяти-лѣтіе стоитъ столѣтіе; общество вымираетъ и возобновляется каждыя десять лѣтъ. И прощай слава долговѣчная, слава всеобще признанная! Кто пишетъ теперь въ надеждѣ сберечь свое имя, тотъ жертвуетъ своею жизнью самому глупому, самому суетному обольщенію.»

Жалѣя объ этомъ обществѣ, котораго столь живую и рѣзкую картину выставилъ ветеранъ Французской литературы, мы будемъ справедливе Французовъ,

и если они слишком унизили теперь *Villemain'a*, мы останемся чуждыми его обиды. Мы всегда отдадимъ должную справедливость его уму и краснорѣчію. Въ доказательство, мы представимъ здѣсь нѣсколько страницъ изъ его книги: по этимъ выпискамъ читатели наши могутъ сами судить, какъ о способѣ изложенія автора, такъ и о Русскомъ переводѣ, который впрочемъ не передастъ живой, блестящей рѣчи подлинника. Однако жъ мы отнюдь не называемъ его дурнымъ. Онъ очень гладокъ, писанъ хорошимъ языкомъ и читается съ пріятностью. Притомъ мы уже почтительно кланяемся Русскому переводному сочиненію, когда у переводчика достало терпѣнья передать три, довольно большія книги не романа, не сказки, и удержать еще весь смыслъ подлинника, если не весь цвѣтъ его.

Изображая историческую сторону Провансальской словесности, авторъ подробно занимается стихотворными ея романсами, и обращается, для доказательства, къ установленіямъ рыцарства.

«Мы не стали бы такъ долго заниматься романическою литературою среднихъ вѣковъ, еслибъ, она не столько же изобиловала истиною, сколько вымыслами. Но, въ пелѣныхъ повѣствованіяхъ, въ несстественныхъ картинахъ, наполняющихъ стихотворные романы XII и XIII вѣка, скрывается, или лучше сказать, проглядываетъ явное отраженіе современной жизни. Нѣкоторые говорятъ, что рыцарство есть простой вымыселъ; ложный характеръ его назначенія, который ему приписывали въ новѣйшія времена заставлялъ даже многихъ сомнѣваться въ самоѹ его существованіи. Но несмотря на то, рыцарство есть дѣйствительный историческій фактъ, вслѣдствіе созданіе среднихъ вѣковъ. Его образъ отразился въ романахъ, наполненныхъ волшебниками и великанами. Всѣ нравы, подробности, одежды, обычаи, и даже приключенія во всемъ, что они имѣютъ естественнаго и человѣческаго, — все это есть вѣрное выраженіе того вре-

мени. Въ этомъ отношеніи рыцарскіе романы могутъ называться хроникою среднихъ вѣковъ, на ровнѣ съ летописью Сень-Дениса.

«Мы уже прежде говорили, что хотя слово поэтъ — значить творецъ и слово трубадуръ или труверъ — изобрѣтатель, однакожь ни какой поэтъ ничего не создаетъ и не выдумываетъ кромѣ идеаловъ происшествій и вѣрованій своего времени. Воображеніе есть только живѣйшее воспоминаніе; часто оно списываетъ происшествія. Ему удивляются, когда оно производитъ дѣйствительность.

«Что же такое рыцарство? Это жизнь среднихъ вѣковъ въ дѣйствіи, — защита феодальной чести. Мы не могли бы представить себѣ долговременной феодальной жизни безъ войнъ, се поддерживающихъ, безъ страстей, безъ чести, энтузіазма, которые придаютъ ей и живость и блескъ.

«Вотъ почему ученый Сень-Пале, желая опредѣлить характеръ рыцарства, какъ установленія военнаго и религіознаго, описывалъ его въ романахъ среднихъ вѣковъ; и это не есть заблужденіе или какая-нибудь система. Авторы рыцарскихъ романовъ присоединяли къ самымъ нелѣпнымъ вымысламъ вѣрное изображеніе всѣхъ рыцарскихъ обязанностей. И такъ, съ помощію этихъ свидѣтельствъ, посмотримъ, въ чемъ состояла жизнь рыцаря.

«Когда родился сынъ у дворянина, и былъ рѣзваго, веселаго характера, бралъ его семи лѣтъ изъ рукъ женщины и заставляли упражняться въ бѣганіи и борьбѣ. Вскорѣ послѣ того его дѣлали *дамоазелемъ*, *damoiseil varletomъ*, *varlet*, или *пажемъ*, *page*. Не было ни какого различія между этими достоинствами; ихъ смѣшивали и различали смотря по времени. Тогда мальчикъ почти всегда былъ удаленъ изъ дому отеческаго, и жилъ у какого-нибудь знаменитаго сосѣдняго владѣльца. Тутъ онъ служилъ господину, или госпожѣ замка, слѣдовалъ за ея лошадыю, носилъ ея письма, если она умѣла писать. Онъ также учился охотѣ и войнѣ; пускалъ сокола и призывалъ его; управлялъ копьемъ и мечемъ, и привыкалъ къ усталости въ самыхъ опасныхъ упражненіяхъ; во всего болѣе онъ занимался предпріятіями воинскими. Большая зала замка была школою, куда собирались оруженосцы и рыцари, и гдѣ образовались молодые пажи, слушая раз-

сказы, какъ говорить Фроассаръ, о подвигахъ военныхъ и любовныхъ.

«Въ этихъ занятіяхъ, болѣе занимательныхъ, нежели нашъ Греческій и Латинскій языкъ, мальчикъ достигалъ четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста. Тогда его дѣлали оруженосцемъ; оруженосцы же раздѣлялись на классы: одинъ былъ оруженосцемъ-хранителемъ особы или чести, который ѣздилъ верхомъ или слѣдовалъ за рыцаремъ или госпожею замка; другой оруженосцемъ — столбникомъ или кравчимъ, которые отправляли всю домашнюю службу. Вамъ извѣстно, что по обычаю, вышедшему изъ лѣсовъ Германскихъ, или можетъ-быть заимствованному изъ Восточной имперіи, нѣкоторыя домашнія службы считались благородными, были почетными титулами и степенями. Молодой человекъ, который дѣлался оруженосцемъ, долженъ былъ предстать передъ алтаремъ; и здѣсь-то въ рыцарствѣ начиналось участіе религіозныхъ церемоній, часто повторяемыхъ въ послѣдствіи, потому что рыцарство было соединеніемъ двухъ ступеней среднихъ вѣковъ, — религіи и войны. Сдѣлавшись оруженосцемъ, молодой человекъ ужъ преимущественно занимался бесѣдою и войною, а не однимъ ученіемъ, какъ прежде. Въ послѣдствіи онъ дѣлался стрѣлкомъ и самъ уже носилъ оружіе. Это была высшая степень суровости воспитанія, и оно дѣлало чудеса, превышающія всю гимнастику древнихъ. Молодой человекъ, закованный въ тяжелую броню, перепрыгивалъ черезъ рвы.

«Когда среди этихъ упражненій молодой дворянинъ достигалъ двадцати одного года, тогда наступало время сдѣлаться ему рыцаремъ. Притомъ не забудьте, что при тогдашнемъ образѣ мыслей, при смѣшеніи дикой свободы съ строгою набожностью, такая церемонія была особеннымъ обрядомъ. Вооруженный, онъ долженъ былъ нѣсколько ночей провести въ церкви. Желаящій посвятиться въ рыцари, былъ приводимъ къ алтарю своимъ отцемъ, или матерью, или отцемъ крестнымъ, которые должны были нести восковыя свѣчи. Священникъ, отслуживъ обѣдню, бралъ съ алтаря мечъ и поясъ, и препоясывалъ имъ юнаго рыцаря. Этимъ символическимъ обрядамъ предшествовало омовеніе, бѣлая льняная одежда, исповѣдь, часто произносимая вслухъ,

причащеніе, присяга объ исполненіи всѣхъ пожертвованій и всѣхъ добродѣтелей, налагаемыхъ на рыцаря. Наконецъ приводили коня къ дверямъ церкви; посвященный, въ себя отъ восторга, бросался на лошадь, быстро поворачивая ее, и всякой узнавалъ въ немъ добраго христіанина, достойнаго рыцаря.

«Эти факты отличаются отъ исторіи Тристана Леонова или Говена тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ чудеснаго. Впрочемъ и на нихъ остался его отпечатокъ, и въ нихъ равно смѣшивались, религія, война и любовь.

«Можно ли сомнѣваться въ томъ немомъ вліяніи, которое имѣло рыцарство на средніе вѣка. Нѣтъ, оно или служило опорой государямъ или давало независимость баронамъ; оно поддерживало великое зданіе феодализма. Оно даже на полѣ битвы сохраняло предразсудки своего назначенія. Такимъ образомъ, въ одномъ достопамятномъ сраженіи, когда возмущенные крестьяне вышли съ огромными дубинами и заступами, блестящія эскадры рыцарей, закованные въ желѣзо, почли постыднымъ защищаться и обнажать мечъ противъ невооруженныхъ бунтовщиковъ. Сервантесъ смѣялся надъ этимъ предразсудкомъ, огорчавшимъ Санчо-Пансу, прибитаго погонщиками и оставленнаго своимъ господиномъ, который не хотѣлъ унижить себя защитеніемъ его отъ такого нападенія. Эта карриатура рыцарской чести есть жестокая истина; что доказывается убійствомъ Гегенаускихъ рыцарей.

«Впрочемъ, чтобъ сократить историческія подробности, я вамъ представлю сказку, написанную въ XII столѣтіи, въ которой вы увидите вѣрное изображеніе рыцарства. Въ то самое время, когда политическое состояніе Европы содѣйствовало къ развитію рыцарства, священная война на Востокъ открывала ему пространнѣйшее поле дѣйствія и пытала воображеніе мечтами объ этой отдаленной и чудесной сторонѣ. Эти завоеванія королевствъ и имперій, которыми наполнены наши романы среднихъ вѣковъ, совершались дѣйствительно; ихъ герои были или маркизъ Монферратскій, сдѣлавшійся королемъ Фессалонійскимъ, или Бадунъ, императоръ Константинопольскій.

«Но возвратимся къ сказкѣ, которую мы принимаемъ за

историческое свидѣтельство. Въ ней Саладинъ представляется вооруженнымъ рыцаремъ. Этотъ фактъ поражаетъ насъ прежде всего; онъ намъ кажется однимъ изъ тѣхъ грубыхъ анахронизмовъ, которые такъ обыкновенны у писателей среднихъ вѣковъ. Саладинъ, герой исламизма, разрушитель христіанскаго королевства въ Іерусалимѣ, подчиняется всѣмъ религіознымъ обрядамъ рыцарства! Это совершенно непонятно. Впрочемъ Латинскія хроники говорятъ, что Саладинъ точно желалъ, чтобъ одинъ Французъ сдѣлалъ его вооруженнымъ рыцаремъ. Одинъ труверъ изложилъ намъ это въ повѣствованіи, котораго мы не выдаемъ за поэтическое произведеніе, но за вѣрный, точный рассказъ о посвященіи въ рыцари по установленнымъ правиламъ.

«Я хочу рассказать повѣсть объ одномъ могущественномъ и честномъ Сарацинѣ, который былъ царемъ въ землѣ языческой; его звали Саладиномъ. Онъ былъ жестокъ, и часто вредилъ нашему закону, и опустошалъ нашу землю. Одинъ государь, по имени Гюгъ-де-Табари, воевалъ съ нимъ; ему сопутствовало множество рыцарей Галилейскихъ; потому что онъ былъ владѣтелемъ этой страны. Они совершили много славныхъ подвиговъ въ этотъ день; но не угодно было Творцу, котораго называютъ Царемъ славы, дать нашимъ побѣду, потому что тогда Гюгъ-де-Табари взять былъ въ плѣнъ, и его повели по улицамъ и представили Саладину, который привѣтствовалъ его на языкѣ Латинскомъ, ему хорошо знакомомъ. «Гюгъ, клянусь Магометомъ, я очень радъ, что ты попался мнѣ въ руки; я позволяю тебѣ выбрать любое, или смерть, или большой выкупъ.» Гюгъ отвѣчалъ: «Я выбираю выкупъ, если буду въ состояніи заплатить его.» — Хорошо, сказалъ царь; ты мнѣ отсчитаешь сто тысячъ безановъ. — «Ахъ, государь! если мнѣ продать все свои владѣнія, то и тогда я не въ состояніи буду заплатить.» — Ты можешь это сдѣлать. — «Какимъ образомъ, государь?» — «Ты храбръ; имѣешь все рыцарскія достоинства, и никакой рыцарь не откажется дать за тебя выкупъ. Такимъ образомъ ты можешь расквитаться. — «Теперь скажи, какъ же мнѣ выйти отсюда?» Саладинъ отвѣчалъ ему: «Клянись своею честью, Гюгъ, что ты возвратишься, и по прошествіи двухъ

лѣтъ или дашь за себя выкупъ, или отдашь себя въ цѣпи; тогда ты можешь ѣхать. — «Благодарю тебя, государь, сказалъ онъ, я даю слово исполнить это.» Тогда онъ простился и хотѣлъ отправиться въ свою землю. Но царь взявъ его за руку, привелъ въ свою комнату и сказалъ ему: «Гюгъ, заклиная тебя вѣрою, которую ты имѣешь къ твоему Богу, скажи, какъ производить у васъ въ рыцари; мнѣ очень любопытно знать это.» — Государь, сказалъ Гюгъ, я не могу открыть вамъ этого, и скажу вамъ причину. Святой орденъ рыцарства неприличенъ для тебя; ты невѣрный, ты не крещенъ, не имѣешь вѣры; и съ моей стороны было бы очень глупо, если бъ я захотѣлъ покрыть навозную кучу шелковыми одѣяломъ. Я большую сдѣлалъ бы неосторожность, если бъ возложилъ на тебя этотъ орденъ; за такой поступокъ всѣ бы стали порицать меня. — «И такъ, Гюгъ, сказалъ онъ, ты не хочешь этого сдѣлать? ты долженъ исполнять мои желанія, потому что ты мой плѣнникъ.» — Если жъ такъ, то я готовъ исполнить твою волю. — Тогда онъ велѣлъ ему убрать волосы, бороду и умыть лице, какъ прилично новому рыцарю; потомъ отвели его въ баню. Когда Суданъ спросилъ, что это означаетъ, Гюгъ-Табари ему сказалъ: Эта баня, въ которой ты моешься, означаетъ, что ты, подобно младенцу, выходящему изъ купели безгрѣшнымъ, долженъ выйти оттуда очищеннымъ отъ всякой нечистоты духовной и омыться въ банѣ чести, учтивости и милости. «Клянусь великимъ Богомъ, сказалъ тогда царь, это очень хорошее начало.» Вышедши изъ бани, онъ легъ на прекрасно-убранную постель. «Гюгъ, скажи мнѣ откровенно, что означаетъ это ложе? — Это ложе государь, значитъ, что рыцарь долженъ завоевать себѣ въ раю мѣсто, которое Богъ готовитъ своимъ друзьямъ. Это есть ложе покоя; тотъ безразсудно поступитъ, кто на немъ не будетъ. — Полежавъ немного на постели, онъ одѣлся въ бѣлое льняное платье. Тогда Гюгъ сказалъ ему по-Латини: «Государь, не думай, чтобъ эта бѣлая одежда ничего не означала; она показываетъ, что рыцарь долженъ сохранять чистоту тѣла, если хочетъ достигнуть Бога.» Потомъ онъ надѣваетъ на него одежду багряную. Это весьма удивляетъ Саладина. «Гюгъ, сказалъ онъ, что означаетъ это платье?» Гюгъ-де-Табари ему въ отвѣтъ:

«Это платье, государь, даетъ знать, что ты долженъ проливать свою кровь для защищенія святой церкви, и истреблять ея враговъ, потому что рыцарь долженъ все это дѣлать, если хочетъ угодить Богу.» После того онъ надѣлъ на него башмаки изъ черной матеріи, и сказалъ ему: «Государь, эта черная обувь возвѣщаетъ тебѣ, что ты всегда долженъ имѣть передъ глазами смерть и землю, гдѣ ты будешь лежать, откуда пришелъ, и куда возвратишься. Глаза твои должны смотреть на нее, чтобы гордость не овладѣла тобою; рыцарю непристойна гордость, онъ долженъ всегда соблюдать простоту.» — Все это очень хорошо, сказалъ Саладинъ; мнѣ очень нравится. — Потомъ онъ всталъ и опоясался бѣлымъ поясомъ, и Гюгъ прикрѣпилъ къ его ногамъ двѣ шпоры, и сказалъ ему: «Государь эти шпоры, которыми ты понуждаешь лошадь къ бѣгу, означаютъ, что ты всегда долженъ имѣть въ душѣ ревность къ служенію Бога.» После того онъ опоясалъ его мечемъ, и прочая.»

«Я представляю только небольшой отрывокъ. Символическая церемонія всё еще продолжается; наконецъ Гюгъ говорить: «Теперь я твой другъ; и какъ другъ, имѣю право занимать у тебя: я занимаю у тебя столько денегъ, сколько нужно для моего выкупа.» Тутъ присутствовало пятьдесятъ эмировъ рыцарей; все они охотно платятъ за него. Гюгъ принимаетъ эти подарки и подноситъ ихъ Саладину, который вмѣстѣ съ себодою отдаетъ ихъ ему назадъ.

«Вотъ какимъ образомъ воспѣвали наши труверы обычай рыцарства и воспоминанія о крестовыхъ походахъ: здѣсь нѣтъ ни поэтическаго воображенія, ни гармоніи, ни таланта; здѣсь вы видите одну только личину, мелочныя подробности въ разсказѣ, къ которымъ они примѣшиваются, или чудеса, взятые изъ крестовыхъ походовъ, или какія-нибудь волшебства. Но много ли имѣла эта литература произведеній и была ли она разнообразна? Въ королевской библіотекѣ тысячами считаются манускрипты среднихъ вѣковъ. Тутъ вамъ представляется вся жизнь того времени. Нужно только терпѣніе, чтобы возсоздать изъ этихъ обломковъ полную статую прошедшаго. Но это дѣло Исторіи, и оно не имѣетъ мѣста въ нашемъ литературномъ обзорѣ.»

Краткій очеркъ жизни Данте можно почесть однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ книгѣ. Вотъ отрывокъ изъ этого очерка :

«Содѣйствовали ль обстоятельства жизни развитію его генія? И біографія, бесплодная, когда дѣло идетъ о писателѣ простомъ, о какомъ-нибудь писателѣ безыменномъ, не будетъ ли здѣсь поучительна? Она соединена со вторымъ великимъ происшествіемъ среднихъ вѣковъ. Крестовые походы были первымъ; вторымъ споръ между папами и императорами; вездѣ религія; религія, дѣйствующая вдали противъ магометанской Азіи; религія, дѣйствующая въ лонѣ Европы противъ могущества политическаго.

«Данту, который такъ превзошелъ своихъ современниковъ, предшествовало множество поэтовъ, изъ числа которыхъ многіе носили его имя. Вашъ умъ, утомленный нелѣпыми произведеніями среднихъ вѣковъ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ великаго имени Данта; онъ встрѣчаетъ его, и на этотъ разъ обмануть. Дѣло идетъ о Дантѣ, знаменитомъ писателѣ, рожденномъ также въ Тосканѣ, въ концѣ XIII вѣка. Сонеты его, говорятъ, пробудили геній молодой Сициліянки, первой женщины-поэта въ Итальянской литературѣ. Ей пріятно было называться *Нинюю Данта*, *Nina di Dante*.

«Но этотъ ложный Дантъ исчезаетъ. Великій поэтъ родился среди войны и мщениія, раздѣлявшихъ Гвельфовъ и Гибелиновъ. Онъ происходилъ отъ фамиліи Алигieri, принадлежащей къ партіи Гвельфовъ, которая возставала противъ императора Германскаго и подъ покровительствомъ папъ искала свободы Италіи. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ воевалъ съ послѣдователями противной партіи, и былъ на сраженіи при Кампальдино, гдѣ Флорентійскіе Гвельфы одержали верхъ надъ Гибелинами. Извѣстность его фамиліи, его возрастающій геній, все призывало его къ тѣмъ гражданскимъ почестямъ, которыя въ Италіи среднихъ вѣковъ возобновляли бѣдствія и честолюбіе Греціи и Рима. Онъ былъ прежде воиномъ, потомъ посланникомъ, и наконецъ пріоромъ, то есть, однимъ изъ шести главныхъ Флорентійскихъ судей. Изъ законовъ этого города можно объяснить

раннее развитіе Итальянскаго генія, Флоренція была собраніемъ людей, занимающихся науками и искусствами. Дантъ записанъ былъ въ спискахъ Флоренціи въ шестомъ классѣ, подъ названіемъ *Физика*, то есть *лекаря*. Вскорѣ онъ былъ возведенъ въ достоинство пріора, и съ этого времени начинаются его несчастія.

« Восторжествовавшая партія Гвельфовъ раздѣлилась между двумя могущественными семействами *Черки* и *Донати*. Всякая отдѣлившаяся партія даетъ помощь своимъ непріятелямъ. Слабость ея возбуждаетъ тѣхъ, которые воевали съ ней противъ ея угнѣтателей.

«Одно происшествіе, общее всемъ городамъ Италіи, увеличиваетъ беспорядки въ Флоренціи. Гвельфы изъ Пистой также раздѣлились на двѣ враждующія партіи. Послѣ продолжительной и кровопролитной борьбы, говоритъ Макіавель, начальники этихъ двухъ партій, желая кончить распри, или увеличить ихъ, поселились въ Флоренцію. Здѣсь они нашли себѣ сообщниковъ въ Черкахъ и Донатахъ; они возобновили и воспламенили ненависть, дали двумъ партіямъ названія *Бѣлыхъ* и *Черныхъ*, и ежедневно возбуждали между ними ссоры. Вездѣ, гдѣ они ни встрѣчались, на общественныхъ ли празднествахъ или на погребальныхъ шествіяхъ, вездѣ проливали кровь. Дантъ держалъ сторону Бѣлыхъ. Впрочемъ, какъ судья Флоренціи, онъ хотѣлъ возстановить спокойствіе, и изгналъ начальниковъ обѣихъ партій. Но Бѣлые были возвращены, а Черные подняли знамя бунта. На ихъ сторонѣ былъ маленькій папа, народъ, и Карль-де-Валоа, Французскій принцъ, призванный въ Флоренцію для возстановленія порядка. Черные объявили Данта Бѣлымъ, и разграбивъ его домъ, приговорили его на изгнаніе и на сожженіе, если онъ попадется имъ въ руки. Мы не будемъ подробно разсматривать этого процесса. Дантъ страстно любилъ свое отечество: это видно изъ тѣхъ проклятій, которыми онъ осыпаетъ его въ своемъ изгнаніи. Онъ не могъ забыть Флоренціи, которую защищалъ своимъ мечемъ, которой онъ служилъ въ совѣтахъ, и которую долженъ былъ прославить своимъ геніемъ. Но это была душа огненная, благородная, непримиримая. Гвельфъ, изгнанный Гвельфами, сдѣлался Гибелиномъ. Я не знаю, хорошо ли

это было съ его стороны; но пыкіе, возвышенныя умы, всегда переходятъ отъ одной крайности къ другой. Самое ихъ непостоянство происходитъ отъ ихъ энергіи. Не ищите въ нихъ спокойныхъ добродѣтелей, и безчувствія при обидѣ. И вотъ Дантъ Гибелинъ. Хотя эта партія и держалась стороны Императора, однако она давала мало пищи честолюбію. Изгнанный изъ своего города, Дантъ присоединился къ Гибелинамъ, въ одномъ безуспѣшномъ походѣ противъ Флоренціи; послѣ того онъ странствовалъ по Италіи, оставившаяся то у Губію, то у Скалигеровъ, — Веронскихъ принцевъ, въ Равеннѣ, въ Мантуѣ.

«Такимъ образомъ, гонимый несчастіемъ, не имѣя постоянного убѣжища, кончилъ онъ свое прекрасное твореніе. Это произведеніе было не однимъ поэтическимъ занятіемъ, но также оружіемъ его мести. Хозяинъ *Ада*, *Чистилища* и *Рая*, по праву поэта, онъ въ нихъ назначалъ мѣста и своимъ непріятелямъ и своимъ друзьямъ. Этотъ Флорентійскій изгнанникъ, которому вы опредѣлили смертную казнь, и который, не имѣя убѣжища, былъ принужденъ, какъ говорить самъ, всходить и сходить по чужимъ лѣстницамъ и чувствовать какъ горекъ хлѣбъ другихъ, былъ гораздо могущественнѣе васъ. Въ своемъ бѣгствѣ, въ своемъ изгнаніи, онъ мыслить, писалъ, наказывалъ своихъ враговъ. Три человека объявили себя его преслѣдователями: онъ ихъ не убивалъ, оставлялъ ихъ въ Флоренціи, но въ своихъ стихахъ говорилъ, что эти три человека умерли, что онъ видѣлъ ихъ въ аду, и что тѣла ихъ, одушевленные демонами, имѣютъ одинъ только призракъ жизни. Эти ужасныя повѣствованія заставляли всѣхъ Флорентинцевъ убѣгать живыхъ мертвецовъ, которые сами, можетъ-быть, не были увѣрены въ томъ, что живы, и не знали навѣрно, демоны ль они или нѣтъ.

«Вотъ какую ужасную власть имѣлъ этотъ геній надъ своими современниками. Его иѣсны были вездѣ повторяемы, и онъ приходилъ въ негодованіе, когда слышалъ кузнецовъ или погонщиковъ ословъ, которые искажали его стихи. Эта народная слава была соединена съ таинственнымъ страхомъ, которымъ окружено было имя и присутствіе поэта.

« Вамъ извѣстно какую радость ощущалъ Демосѣенъ , когда услышалъ что одна женщина говорила : « Видишь ли ты этого человѣка? это Демосѣенъ. » Дантъ часто собиралъ подобныя доказательства народнаго уваженія. Въ Веронѣ, проходя мимо воротъ одного дома , гдѣ сидѣло нѣсколько женщинъ, онъ услышалъ, что одна изъ нихъ говорила потихоньку : « Видишь ли этого человѣка : онъ можетъ ходить въ адъ, когда ему угодно ; и возвратившись оттуда , онъ приноситъ извѣстія о тѣхъ, которые тамъ находятся. » А другая отвѣчала : « Это должно быть справедливо, потому что, видишь , какая у него курчавая борода , и какой законгвальный цвѣтъ лица? Это отъ огня и дыму адскаго. » Онъ улыбнулся, продолжая свой путь и нисколько не былъ оскорбленъ этимъ легковѣрнымъ ужасомъ, который придавалъ болѣе вѣры его стихамъ. И такъ, вы можете себѣ представить этого гениальнаго человѣка, который, находясь между своими современниками, былъ далекъ отъ нихъ ; глубоко раненный имп, Гвельфъ по патриотизму, Гибелинъ по мщенію, этотъ человекъ столько же льстил императорамъ , сколько и щадилъ папъ , и по произволу складывалъ все власти въ это нмъ возжженное горнило. Недовѣрчивый и гордый, онъ безпрестанно мѣняетъ свои убѣжища ; ученые почитали его великимъ богословомъ.

Theologus Dantes, nullius dogmatis expert.

« Это первый стихъ изъ эпитафїи начертанной на надгробномъ его камнѣ въ Равеннѣ. Для народа онъ есть какое-то среднее существо между человѣкомъ и демономъ ; онъ знаетъ, что дѣлается въ адѣ, знаетъ имена осужденныхъ на мученіе ; онъ не кабинетный поэтъ ; въ немъ есть что-то этого *vates* древности, даже что-то еще высшее, потому что его пророчества не ограничиваются происшествіями земной жизни, — онъ пророчествуетъ о томъ , что происходитъ за границами времени и міра. Но этотъ изгнанникъ всегда обращалъ глаза свои къ Флоренціи. Его характеру не доставало бы одной черты , если бъ онъ женте сожалѣлъ о своемъ отечествѣ. Но когда отъ имени Флоренціи его вызывали въ отечество , надо было видѣть , съ какою твердостью онъ отказался отъ этого предложенія , и какъ онъ

отвергнулъ прощеніе слишкомъ обидное для него. Онъ написалъ отвѣтъ одному монаху этого города, который весьма заботился объ немъ :

« Изъ вашего письма, которое я получилъ съ чувствомъ истиннаго къ вамъ уваженія, я съ благодарностью узналъ, какое участіе вы принимаете въ моемъ возвращеніи. Я болѣе чувствую ваше благодѣяніе, потому что изгнанники рѣдко могутъ найти друзей. Теперь я буду отвѣчать на содержаніе вашего письма; и если мой отвѣтъ не будетъ соответствовать желанію нѣкоторыхъ малодушныхъ людей, я до окончательнаго рѣшенія предаю его на разсмотрѣніе вашего благоразумія. Вотъ, что я узналъ изъ писемъ вашего и моего племянника, и нѣкоторыхъ моихъ друзей. По указу, изданному во Флоренціи, касательно изгнанниковъ, я могъ бы возвратиться, заплативъ нѣкоторую сумму денегъ, и вручивъ за себя этотъ унизительный выкупъ; но я въ этомъ нахожу два весьма смѣшныя и неприличныя для меня предложенія. Я говорю, святой отецъ, о тѣхъ, которые мнѣ предлагали такія условія; потому что ваше письмо, написанное съ большею скромностью и благоразуміемъ, не заключало въ себѣ ничего подобнаго.

« Не ужели таково должно быть славное возвращеніе Данта Алиггеріи въ свое отечество, послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія? Этого ли заслуживала его невинность, известная всему свѣту? Это ли награжденіе за труды и неутомимость въ наукахъ? Да будетъ далека отъ меня, далека отъ человѣка, служителя Философін, эта низость сердца, которая меня самого, подобно одному полуученому и нѣкоторымъ безчестнымъ людямъ, покрыла бы стыдомъ. Да будетъ далека отъ человѣка, проповѣдывающаго справедливость, слабость, которая заставляетъ жертву несправедливости, давать деньги тѣмъ, которые поступали съ нимъ несправедливо, и почитать ихъ своими благотворителями.

« Не этимъ путемъ долженъ я возвратиться въ отечество, святой отецъ; но если, черезъ васъ или черезъ другихъ, найдется какая-нибудь другая дорога, не вредящая имени Данта и его чести, я тотчасъ предприму ее. Если для меня нѣтъ подобнаго пути, я никогда не войду во Флоренцію. И что жъ, развѣ не вездѣ могу я видѣть свѣтъ солнца и звѣздъ?

развѣ не вездѣ могу я созерцать подъ небомъ , истинны плѣнительныя и не сдѣлавшись безъ славы, или скорѣе съ безславіемъ , гражданиномъ Флоренціи ? Да притомъ я всегда найду себѣ кусокъ хлѣба. »

« Вотъ какова была душа этого чловѣка. Мы должны узнать ее прежде, нежели изучимъ геній поэта. Дантъ хотѣлъ сначала написать свое твореніе на языкѣ Латинскомъ : мы имѣемъ нѣсколько стиховъ этого перваго опыта :

*Ultima regna caenam, fluido contermina mondo,
Spiritus quæ lata patent.*

« Но успѣхъ поэзіи Итальянской , уваженіе , которое ему воздавали въ городахъ , гдѣ онъ проводилъ свои несчастные дни, показывая, какъ говоритъ онъ самъ, раны нанесенныя ему судьбой, — все привлекало его къ народному нарѣчію. Онъ хочетъ говорить съ народомъ.

« Современники удивлялись прежде тому, что онъ высокія мысли низвелъ до простонароднаго языка. Въ одной остроумной критикѣ на Данта, представленъ былъ анекдотъ, хорошо изображающій расположеніе умовъ въ средніе вѣка : одинъ пилигримъ вошелъ въ монастырь Корво, и молча стоялъ предъ монахами. Одинъ изъ нихъ спросилъ, что ему нужно, и чего онъ ищетъ : чужестранецъ , не отвѣчая, разсматривалъ своды и колонны монастыря. Монахъ спросилъ его снова, чего онъ ищетъ : тогда онъ тихо обратилъ голову, и посмотрѣвъ на монаха и на братій, сказалъ : Мира. Пораженный этимъ отвѣтомъ, монахъ отвелъ его въ сторону и узналъ изъ нѣсколькихъ словъ, что это былъ Дантъ. Дантъ вынулъ книгу изъ-за пазухи и, отдавъ, сказалъ съ улыбкою : Братъ, вотъ одна часть моего творенія, которое, можетъ-быть, тебѣ не извѣстно ; я оставляю ее тебѣ на память.

« Я взялъ эту книгу, прибавляетъ монахъ, прижалъ ее къ сердцу, и съ любовью устремилъ на нее свои взоры. Я не могъ скрыть своего удивленія, замѣтивъ, что она написана на языкѣ простонародномъ ; и онъ меня просилъ, чтобъ я объяснилъ ему причину своего удивленія. Я ему отвѣчалъ, что удивляюсь, зачѣмъ онъ писалъ на этомъ языкѣ, потому что мнѣ казалось невѣроятнымъ, или скорѣе неприличнымъ

столь глубокия мысли и столь высокую и достойную науку выразить языкомъ простонароднымъ. А онъ мнѣ на то: Твоя правда, я самъ прежде такъ думалъ. И тогда, какъ сѣмена этого творенія, можетъ-быть, брошенные самнѣ небомъ, начиннали произрастать въ моей груди, я избралъ самый благороднѣйшій языкъ, и уже сдѣлалъ на немъ опытъ. Но когда я разсмотрѣлъ состояніе нынѣшняго вѣка, когда я увидѣлъ презрѣніе, которое оказывали къ пѣснямъ знаменитыхъ поэтовъ, и когда я увидѣлъ, что высшій классъ, для котораго писались онѣ предоставляютъ (о горе!) небеланамъ упражненіе въ свободныхъ искусствахъ, тогда я кинулъ эту слабую лиру, которой прежде владѣлъ, и настроилъ другую, болѣе приспособленную къ слуху новыхъ людей, потому что черствый хлѣбъ слишкомъ грубъ для новорожденнаго. Послѣ этого, онъ прибавилъ еще нѣсколько словъ, наполненныхъ возвышеннаго чувства.»

«И такъ, характеръ сильный, пламенный; характеръ, который производитъ гениальность, даетъ ей свой образъ; жизнь безпокойная, странствующая, несчастная какую только воображеніе и теорія могутъ создать для нынѣшняго поэта, и которую такъ легко можно было встрѣтить въ переломатахъ среднихъ вѣковъ, — вотъ что представляетъ намъ прежде всего Дантъ.»

Такихъ мѣстъ много можно отыскать въ этой книгѣ. Жалѣемъ, что не вышелъ еще третій томъ Русскаго перевода; въ немъ должна быть двадцатая лекція, гдѣ авторъ рассказываетъ исторію начала драматическихъ сочиненій въ средніе вѣка. Этотъ рассказъ стоилъ бытъ выписаннымъ, потому что онъ едва-ли не лучшее мѣсто всего сочиненія.

==

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

АВГУСТЪ, 1836.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

ДЖУЛИО МОСТИ. *Драматическая фантазія, въ четырехъ частяхъ, съ интермедіей, въ стихахъ. Сочиненіе Н. К. Писани въ 1832 и 1833. Шп.-бургъ, въ тип. Праца, 1836, въ-8., стр. 252.*

Можетъ-быть, иные остаются въ недоумѣніи, что станетъ дѣлать и говорить Б. для Ч. при появленіи новаго творенія Г. Кукольника? Эти иные торжественно ругали се за то, что она превознесла первое твореніе этого поэта, его «Тасса», а потомъ не хотѣла одобрить его же «Роксоланы». Имъ кажется, что если критикъ похвалилъ одно твореніе какого-нибудь писателя, онъ уже продалъ ему этииъ въ вѣчное и потомственное владѣніе свой вкусъ и свое мнѣніе, и самъ себя противорѣчить, когда не хвалить втораго и третьяго. Такова ихъ логика. Они даже не постигаютъ, какимъ образомъ, то, что имъ нравится, можетъ не нравиться другому. «Какъ вы смѣете говорить, кричатъ они, что это вамъ не нравится? Это вамъ ужасно нравится, только вы не хотите сказать.» Таковы ихъ поводы къ брани. Б. для Ч. искренно любовалась Тассомъ, потому что, по ея сознанию, эта драма была и осталась лучшимъ созданіемъ нашего поэта, и также искренно сказала, и всегда скажетъ она, что «Роксолана» была и есть самымъ неудачнымъ его твореніемъ. Тутъ нѣтъ

бѣды поэту: «и Гомеръ дремалъ иногда», по Горациеву слову, которое извѣстно всѣмъ и каждому, и еще менѣе бѣды критику имѣть различное мнѣніе о двухъ разныхъ сочиненіяхъ одного и того же автора. Этимъ-то именно осуживается гордиться Б. для Ч., что для нея въ литературномъ мірѣ есть только вещи, а нѣтъ именъ, существуетъ твореніе, а объ авторѣ она и знать не хочетъ. Кромѣ множества другихъ примѣровъ, появленіе «Джуліо Мости» можетъ служить доказательствомъ сказаннаго, и доказательствомъ самымъ разительнымъ. Отдавая справедливость дарованію автора, когда онъ производитъ достойное своего дарованія, Б. для Ч. съ удовольствіемъ помѣстила у себя новую его фангазію, и этимъ уже сказала свое мнѣніе, что «Джуліо Мости» кажется ей прекраснымъ твореніемъ. Она можетъ ошибаться, но ей такъ кажется, и «Джуліо Мости» ей нравится, столько, сколько «Роксолана» не нравится, сколько не нравится еще кое-что изъ драмъ Г. Кукольника, съ сохраненіемъ права каждому думать объ нихъ иначе.

Нѣтъ уже надобности излагать содержаніе «Джуліо Мости» и выписывать примѣры. Скажемъ, вообще, что основная мысль автора кажется намъ истинно поэтической. Представить безсиліе дерзкой воли, которая, какъ Прометей, хочетъ похитить небесный огонь вдохновеній, чувствуетъ свое безсиліе, и въ отчаяніи стремится заглушить тревогу души бѣшенствомъ страстей, падаетъ въ преступленія и мститъ человѣчеству за свое паденіе. Такая исторія не нова, но она неистощима, и всегда дарованіе найдетъ въ ней новыя стороны, новыя краски для живописи, какія нашелъ Г. Кукольникъ, свѣжія и яркія. Основной характеръ драмы обставленъ у него характерами глупца мецената; беспечнаго импровизатора, которому легко далась поэзія и за эту легкость тяжело отомстилъ міръ; подлаго торгаша людьми и дарованіями, и наконецъ двумя характерами женщинъ, прекрасныхъ, очаровательныхъ, противоположныхъ. Общая рама драмы, вводные характеры Цампьеры и другихъ, и наконецъ толпа, волны безогчетныя, шумныя, дикія, кроткія, буйныя, и всегда безъ сознанія, всегда увлеченныя первымъ порывомъ, все это прекрасно, и все это ставитъ «Джуліо Мости» въ число изящныхъ и замѣчательныхъ произведеній

нашей словесности. Поэтъ является здѣсь зрѣлѣе. Конечно, можно упрекнуть его въ излишней плодовитости, въ длиннотѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, въ слабой связи частей, — общемъ недостаткѣ Русскихъ писателей; иногда въ систематической изысканности, съ какою онъ старается дать болѣе вѣсу тому или другому положенію, жертвуя для игры противоположностей естественностью и истинною. Иронія Г. Кукольника можетъ быть, невѣрна; его Цампіери не слишкомъ похожъ на настоящаго Доминикино; въ вѣкъ, который избранъ для дѣйствія драмы есть много небывалаго и невозможнаго; но человекъ вѣренъ съ немногими исключеніями, страсти хорошо развиты, вездѣ есть поэзія чувствъ, — и какъ много выкупаетъ еще поэта его стихъ, свободный, легкій, блестящій, напоминающій самые лучшіе опыты Г. Кукольника. Намъ особенно нравится онъ въ лирическихъ выходкахъ. Такъ, напримѣръ, импровизаціи Веррино отличаются неподдѣльнымъ вдохновеніемъ. Если бы поэтъ имѣлъ постоянную привычку убавлять по нѣскольку стиховъ изъ всего что напишетъ и болѣе жертвовалъ звуками для мысли, это бы придало болѣе твердости его стиху, и онъ сталъ бы тогда, какъ писатель, еще выше. Умѣть управляться съ своимъ воображеніемъ, быть порой безжалостнымъ губителемъ того, что безотчетно вылетаетъ изъ души, это — прекрасное качество, и весьма многіе теряютъ именно оттого, что имъ не обладаютъ.

Мы чуть не забыли посвященія драмы, а это было бы непростительно, потому что посвященіе прекрасно.

«Ты далеко, Леонора. Земля тамъ и нравы иные,
 Русскій языкъ невѣстенъ, Русскіе нравы въ опалѣ,
 Ты далеко; до тебя высоко, какъ до неба. Напрасно
 Легкимъ, минутнымъ видѣньемъ слетаешь къ земному страдалцу.
 Снамъ-ли безумно доверить сердечное, горькое горе!
 Нѣтъ! благороднымъ и честнымъ струнамъ страдальческой лиры
 Можно доверить тайну святаго страданья, и — только!
 Тайну расскажутъ искусныя струны. Кому? Неизвѣстно.
 Бѣгу, святымъ — во не людямъ. Люди, съ земнымъ любопытствомъ,
 Слухъ потясутъ безуслышно, утѣшатся ложной догадкой.
 Струны! святите безъ страха сердцемъ избранное имя,
 Трудъ мой украсьте именемъ ложно-правдивымъ,

Въ первый разъ міру громко скажите: люблю, и — затихнуть,
 Повѣсть любви и страданій мнѣ одному доскажите;
 Къ бѣдному сердцу, ласкаясь, та повѣсть прильнетъ и разбудитъ
 Пѣсни цѣлебныя, пѣсни надежды и вѣры въ могилу?

Излишнимъ почитаемъ прибавлять, что «Джуліо Мости» писанъ не для сцены. Это доказываютъ самое названіе пьесы и ея длина. Это замѣчаніе необходимо для нѣкоторыхъ критиковъ.

Бѣглець. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе А. Вельтмана. Изданіе второе, съ присовокупленіемъ пяти стихотвореній. Москва, въ тип. Семена, 1836, въ-12., стр. 74.

Этотъ «Бѣглець» былъ уже однажды подѣ уголовнымъ судомъ критики, которая его сослала въ вѣчное забвеніе; да онъ опять убѣжалъ, и скитается безъ паспорта подѣ предлогомъ втораго изданія. Издатель поступилъ неосторожно: если этого «Бѣглеца» поймаютъ критики, они поступятъ съ нимъ по всей строгости законовъ, и засудятъ его въ тюрьму, въ портфель автора, гдѣ содержатся и другіе преступники юности Г. Вельтмана, напроказничавшіе въ стихахъ и прозѣ. Да этотъ же «Бѣглець» еще и зачумленъ въ Галаць, гдѣ у него была цѣлая исторія съ какою-то Гречанкою, и кончилась тѣмъ, что —

«Онъ дѣву крѣпко обхватилъ
 И вздохъ послѣдній испустилъ!»

новѣйшій россійскій пѣсенникъ, или Собраніе новѣйшихъ Россійскихъ пѣсенъ и романсовъ, выбранныя изъ лучшихъ авторовъ. Посвящается любителямъ и любительницамъ пѣнія. Сп.-бургъ, въ тип. Крайя, 1836, въ-16., стр. 124 и IV.

Пѣсенъ *Россійскихъ, избранныя*, шестьдесятъ, напечатанныхъ, или *напечатанныя*, съ ошибками прстивъ всякаго смысла. Тутъ есть Пчелка золотая, Соловей, «Кудри» Дельвига и «У кого душевны силы», и наконецъ есть и вовсе не пѣсни. Всѣ равно. Можно пѣть и это, только бы добраться смысла.

МАЛОРОССІЙСКІЯ И ЧЕРВОНОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ДУМЫ И ПѢСНИ. С П.-бургъ, въ тип. Праца, 1836, въ-8., стр. 170.

Многимъ кажется непонятно появленіе въ наше время разныхъ книжекъ и книжечекъ на Малороссійскомъ нарѣчїи, даже опыты стихотвореній Малороссійскихъ, и особенно стараніе просвѣщенныхъ Малороссіянъ собирать старинныя думы и пѣсни своей провинціи. Но задача разрѣшается просто: въ Малороссіи постепенно изглаживаются всѣ отличія мѣстнаго быта отъ Русской Россіи. Казакъ — уже анахронизмъ. Малороссіанинъ можетъ по-прежнему брить бороду, курить люльку, жить въ хатѣ, ѣздить на волахъ, но онъ уже совершенно Русской, и ничѣмъ другимъ быть не можетъ. Оттого исчезаетъ такъ быстро всякая память о старинномъ казачествѣ, забывается гетманщина, не поется даже пѣсня о томъ, какъ что бывало *колысь*. Все это подтверждаетъ въ предисловіи своемъ новый издатель «Малороссійскихъ народныхъ думъ и пѣсней», котораго трудъ заслуживаетъ похвалу по своей тщательности, даже послѣ изданій князя Церетелева, Максимовича и Срезневскаго. Изъ забвенія народной старины естественно слѣдуетъ желаніе умныхъ людей сохранять всякіе слѣды мѣстной исторической славы: это сборъ словесныхъ медалей, живыхъ костюмовъ, древняго оружія предковъ, вышедшаго изъ употребленія. Такъ въ Шотландіи собираютъ старыя баллады горцевъ, а опыты новѣйшихъ стихотвореній Малороссійскихъ то же, что опыты ученыхъ Французовъ на Провансальскомъ языкѣ, выходящіе нынче во Франціи, — побѣжденная трудность, игрушка, блюдо стариннаго грубаго кушанья предковъ, подаваемое на роскошномъ столѣ, среди другихъ изящныхъ яствъ, для возбужденія уже притушеннаго аппетита.

Въ новомъ собраніи Малороссійскихъ пѣсней есть нѣсколько историческихъ думъ, донынѣ неизвѣстныхъ Русскимъ читателямъ; есть обрядныя и свадебныя пѣсни, коляды, щедровки, купалы; изъ числа ихъ особенно любопытнымъ показалось намъ народное заклинаніе отъ зубной боли:

Мѣсяцю, молодой княжцю,

Чи бувавъ ты у старого?

Чи пытавъ ты его, чи болѣвъ его зуби?

Щобъ у мене вѣкъ вѣкомъ
И судъ судомъ зубы не болѣли;
Защъ у поли, рыба у мори, мѣсяць на неби,
Коли будуть три брата и купи гуляти,
То тогда у мене будуть зубы болѣти.»

Мы не станемъ исчислять неподдѣльныхъ красотъ, какими обыкновенно блещутъ всѣ созданія народной, безыскусственной поэзии. Обратимъ лучше вниманіе на Червоно-Русскія думы и пѣсни, присоединенныя издателемъ къ Малороссійскимъ. Кажется, это совершенно новое явленіе въ Русской словесности, и многихъ, можетъ-быть, изумитъ, что донныя околю Лемберга, и другихъ передѣланныхъ въ Нѣмецкія названія городовъ, поется простолюдиномъ наша Русская пѣсня. Читатель видитъ тутъ Русь въ ея обрядныхъ, поминальныхъ пѣсняхъ, заживныхъ, свадебныхъ; узнаетъ неистребленное вѣками родное въ пѣсняхъ Карпатскихъ Опришковъ, Коломійцовъ (жителей Покурія или древней Бакотія). Издатель заимствовалъ все это изъ пѣсенника, изданнаго въ 1833 году въ Лембергѣ подъ названіемъ — *Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego*. Выпишемъ для примѣра одну пѣсню :

«Сидитъ казакъ на могилѣ, то-й думку думѣе,
На Украину поглядае, тяженько вздыхае,
А ни вѣтеръ ни віе, ни солнце ни грѣе,
Ево краемъ-край Дунаю трава зеленѣе.
Высока могила съ вѣтромъ говорила.
«Не вий, витре буйнесенькій, щобъ ме не чорнила :
Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла,
Що мене молодого въ чужій край занесла;
Бодай то-та рѣчка рыбокъ не сродила,
Що мене молодого съ милой разлучила!»

стихотворенія Алексѣя Мейснера. Москва, въ тип. Семена, 1836, въ-12., стр. VIII, 269 и IV.

Сколько дѣтскихъ сладостныхъ воспоминаній возбудило въ насъ имя этого поэта! Мейснеръ — Бальзакъ, Жанёнь, госпожа Жоржъ-Сандъ девяностыхъ годовъ! Повѣсти въ «Иппокренѣ, или утѣхахъ любословія», въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени»; переводы Сохацкаго, «Біанка-Камелло», переведенная Подшиваловымъ, — все

это славил Мейснера въ Россіи , какъ славилась тогда Дюкрэ-Дюмениль , Августъ Лафонтенъ , Августъ Коцебу: ма-до-ли кто тогда славился , и теперь славится , и еще будетъ потомъ славиться! О драгоценныя воспоминанія дѣтства ли-тературнаго! О сладкая память первыхъ впечатлѣній азбуки, перваго романа, прочитаннаго украдкою, первыхъ слезъ пролитыхъ при строго-классической трагедіи , подъ громкіе вопли Яковлева и декламировку Шушерина! О ты юность..... Нѣтъ; этого довольно. О вы , почтенный господинъ Мейснеръ II , тѣзка , славнаго Мейснера , новый поэтъ Русскій , что вы это вздумали ссориться съ своею музою? Надобно знать , что « Стихотворенія » Г. Мейснера начинаются жаркимъ разговоромъ поэта съ музою , которая просится въ свѣтъ. Такіе разговоры въ началѣ книгъ — въ большой силѣ у нашихъ поэтовъ съ тѣхъ-поръ какъ Пушкинъ поговорилъ съ книгопродавцемъ въ своемъ «Онѣгинѣ». Напрасно спрашивалъ поэтъ : «Куда ? Или я надобѣль тебѣ?»

«Иль ищешь новаго союза

Твой обольстительный(?) привѣтъ?»

Муза отвѣчала : «Пойду , взгляну на свѣтъ , представлю на судъ твой перелетный трудъ , мнѣ справедливость отдадутъ , и звуки лиры не умрутъ».

Поэтъ возражалъ —

Что въ этой славѣ: Гуль ничтожный

И чадъ губительный она!

Муза съ улыбкой замѣтила , что онъ притворяется , и , сказала , что если не славу , то хоть —

«Найдемъ конечное рѣшеніе

Чѣмъ заниматься намъ впередъ» ,

писать ли еще стихи , или ничего не дѣлать. Муза Г. Мейснера увѣрена , что крожъ стиховъ и дѣлать нечего на свѣтъ. Подите толкуйте! Справедливо говоритъ пословица , что у музъ «волосъ долсъ , но умъ коротокъ». —

Поэтъ согласился съ ея мнѣніемъ , и сказалъ :

«Вотъ это такъ ! Иди-же смѣло ,

Подруга дѣлственныхъ утѣхъ ,

Да увѣнчаетъ наше дѣло

Тобой желаемый успѣхъ?»

Муза собрала въ кучу всѣ вдохновенія поэта, романсы, пѣсни, сердце, любовь, полдень, ночь, къ Каалмычкѣ, къ Свѣтланѣ, къ Б—ву, къ Ш—ому и къ прочимъ; стихи въ альбомы, *стихи коровъ*, за которые поэту корова заплатила сливками и даже завѣщаніе поэта, и пошла въ свѣтъ. Все это она напечатала въ маленькой книжечкѣ, и побѣжала спрашивать: «Хороши-ли стихи?»

«Чѣмъ заниматься намъ впередъ?»

Чѣмъ угодно. Намъ что за дѣло? А касательно изданнаго опыта «Стихотвореній», такъ какъ авторъ назначилъ насъ въ «Завѣщаніи» своими духоприкащиками, мы непреминемъ —

«.....Просто, сдѣлать гробъ досчатый
Зарыть его, поставить крестъ,
Но не марать о лѣтахъ сказкой,
А написать поэту въ честь,
Погуще, масляною краской:
Достоинъ быть онъ тѣмъ, что есть!»

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОЗА ДС^{***}. Москва, въ тип. Се-
ливановскаго, 1836, въ-8., стр. 40.

Аполлонъ, извѣстный сынъ Юпитера и Летоны, братъ Дианы, президентъ академіи музъ, былъ большой волкята, наскѣпникъ, забіяка; сдиралъ кожи, приставлялъ ослиныя уши, переодѣвался, бродилъ вездѣ, былъ даже раза два вытолканъ съ неба батюшкой очень неучтиво. Куда ему дѣваться? Онъ ушелъ въ Москву, зная что тамъ крѣпко пишутъ стихи, — это по его части, — прибавилъ къ своему имени частицу *де*, чтобъ показать свое старинное благородное происхожденіе, и называется теперь Apollon de Moscou. Теперь онъ издалъ свои Московскія стихотворенія, съ своимъ гербомъ, вмѣсто вишѣтки, на которомъ изображенъ лавръ; на вѣтвяхъ виситъ лира; подъ лавромъ лежатъ посохъ и пастушескій кувшинъ. Это Аполлонъ! Аполлонъ, самъ Аполлонъ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ теперь въ Москвѣ, волочится за какою-нибудь Московскою Дафною, и напѣваетъ ей:

«Прошла пора, пора мечтаний.
Пора думъ сладкихъ и любви.
Когда рой пламенныхъ желаній
Тѣснился и кипѣлъ въ крови.» —

Да, почтеннѣйшій! прошла эта пора. Нынче вамъ и стихи не удаются!

1. Тяжба двухъ косыхъ, или не хвались шедши на судъ, а хвались вышедши изъ суда. Нравственно — сатирическая оригинальная повѣсть, заимствованная изъ преданія XVIII столѣтїя. Сочиненіе Павлова. Сп.-бургъ, въ тип. Крайна, 1836, въ-16., стр. 31.

2. умные, острые, забавные и смѣшные анекдоты Адамки Педрилло, бывшаго шуткомъ при дворѣ Императрицы Анны Иоанновны, во время регентства Бирона. Москва, въ тип. Эреста, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. 36 и 47, съ портретомъ.

Видите ли, какъ соревнованіе раждаетъ успѣхъ, а успѣхъ производитъ соревнованіе, по непремѣнному закону политической экономіи? Вѣроятно, спекуляція на анекдоты Балакирева удалась, принесла, можетъ-быть, сотни двѣ рублей; и вотъ для утѣхи той публички, которая раскупила Балакирева, являются «умные, острые, забавные и смѣшные» анекдоты о Педриллѣ, съ лубочнымъ портретомъ этого шута, съ эпиграфомъ; «Умень злодѣй!», и съ отмѣтливой: «изданіе книгопродавца Василья Алексѣева», въ двухъ частяхъ; замѣтьте — въ двухъ, и потому издатель смѣло ставитъ въ объявленіи о книгѣ — «четыре рубля», хоть каждая часть у него страницъ по сороку, и на тѣхъ строчки гоняются одна за другою, и цоймать не могутъ. На все это надобно умѣнье, знанье, спаровка: а безъ нихъ куда! Педрилло, шутъ, точно былъ въ Россіи, только издаваемые объ немъ анекдоты сущее шутовство: они набраны изъ писемовника и другихъ старыхъ сборниковъ анекдотовъ, а нѣкоторые, вѣроятно, выдуманы самимъ издателемъ.

«Тяжба косыхъ», напротивъ, шутка грубая, простолюдинская, но остроумная, въ томъ духѣ остроумія, какимъ отличаются наши простонародныя пѣсни и сказки, подобнымъ разсказу Кириши Данилова о дурнѣ, или пѣснѣ.

«Сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жепя въ пристяжкѣ была.»

РОССИЯНКА 1812 ГОДА, или любовь молодого офицера на дорогѣ въ армію. Романъ. Москва, въ тип. Кирилова, 1836, въ-8. Двѣ части, стр. 118 и 139.

Авторъ начинаетъ романъ стаканомъ крѣпкаго пуншу. Двое друзей сидятъ и пьютъ пуншъ.

« — Выпьемъ еще по стакану, и ты начнешь свою исторію.

— Пить! я болѣе не стану», возразилъ другой, сухо, и чело его нуще наморщилось.

«Хозяинъ не сталъ вновь подчивать своего гостя, и весело опорожнилъ другой стаканъ..... Лидинъ вздохнулъ (вѣроятно о томъ, что отказался отъ пуншу), и отерши холодный потъ съ лица, началъ говорить слѣдующимъ образомъ.»

То есть, Лидинъ рассказываетъ, какъ онъ изъ Кадетскаго Корпуса посланъ былъ въ армейскій полкъ, поѣхалъ, дорогой влюбился въ Наташу, дурачился, волочился, проигралъ казенное сукно, былъ написанъ въ солдаты, увезъ свою Наташу, женился, какъ пришли Французы, и вотъ онъ и Наташа начали бить Французовъ чѣмъ поало; чуть не убили самаго Наполеона. Наконецъ Наташу нечаянно убили, а Лидинъ гнался за Наполеономъ до самаго Парижа, и уже потомъ когда Наполеонъ убѣжалъ отъ него на островъ Эльбу, онъ вышелъ въ отставку, и рассказалъ другу, за стаканомъ пуншу свою исторію о «Россіянкѣ 1812 года, или любви молодого офицера на дорогѣ въ армію.»

«Лидинъ замолчалъ, и крупная слеза блеснула на густой его рѣсницѣ. Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе, и угрюмое лицо офицера покрылось мрачностью. Наконецъ ударило девять часовъ, и наши друзья разошлись въ безмолвіи по своимъ постелямъ.»

ЧЕРЕПЪ. Повѣсть. Сочиненіе Дмитрія Хрусталева. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. 209 — 161.

Всѣ безсмыслицы, вышедшія въ Русской литературѣ въ нынѣшнемъ 1836 году, преклонитесь передъ вашею начальницей, этою безсмыслицею! Вы рѣшительно уничтожены созданиемъ Г. Хрусталева! Это высокая, непостижимая галматія; до того непостижимая, что ни коимъ умомъ разрешить невозможно, какъ авторъ умѣлъ достигнуть до такой

высокой безсмыслицы! Вѣрно это пародія. Не можетъ быть, чтобы это не было написано на смѣхъ! Какъ бы разсказать вамъ о «черепѣ» въ немногихъ словахъ?

Какой-то графъ высватываетъ за кого-то какую-то Наталью у скупого опекуна, горькаго пьяницы. Вѣнчаютъ бѣднужку насильно. Прѣзжаетъ Ленскій, любовникъ Натальи, съ кинжаломъ въ рукѣ, и принуждаетъ ее бѣжать. Бѣгутъ. Опекунъ, съ Пролазовымъ, пьянымъ подъячымъ, и «Степкою», слугой своимъ, гонятся за ними. Дорогой мергвецки пьютъ. Степка пьетъ тоже и пьяный ложится съ барининомъ въ бричку. Баринъ очнулся. Начинается подражаніе слогу Г. Гоголя-Яновскаго:

«— Стой, стой! закричалъ ужаснымъ голосомъ Ржацкій. Бричка остановилась. «Ахъ, ты, *ананема!* Ахъ, ты, *шельма!*» кричалъ онъ, таская Степку за волосы, который еще спалъ.» Встань, *бестія!* Ахъ, ты, *мошеникъ!* Да, я тебя изувѣчу, *каналъ!* Я тебя изломаю какъ *чорта!*»

— Кто такой? Караулъ, караулъ! Быть, рѣжутъ! закричалъ въ просонкахъ Степка. — «Ахъ! ты, *разбойникъ!*» возразилъ Ржацкій, ударивъ Степку въ зубы сабельнымъ эфесомъ.

И такъ далѣе.

Среди такихъ милыхъ «возраженій», Ржацкій попадаетъ къ разбойникамъ; подъячій спасаетъ его; пьютъ. Между тѣмъ Наташа и Ленскій прѣехали въ домъ, гдѣ лѣтъ за двадцать атаманъ безжалостно зарѣзалъ свою любовницу, и пошелъ съ горя въ разбойники. Шайка его окружаетъ этотъ домъ. Ленскій дерется отчаянно. Ему помогаютъ какіе-то охотники. Разбойниковъ перебили, перерѣзали; остальныхъ захватываютъ въ лѣсу и также рѣжутъ. Но вотъ бѣда: Наташа куда-то пропала! Ленскаго перенесли въ домъ ближняго помѣщика, въ него влюбляется Софья, дочь помѣщика. Ленскій готовъ любить ее, но тѣнь Наташи мѣшаетъ ему, — и онъ бѣжитъ, а Софья отравляется ядомъ. Ржацкій, воротясь къ себѣ домой, пьетъ съ другомъ своимъ Пролазовымъ. Графъ опять выходитъ на сцену, и сватаетъ за Ржацкаго какую-то дѣвушку. Они говорили объ этомъ въ кабинетѣ. Пролазовъ предстанетъ туда, избитый, опухшій, въ лохмотьяхъ.

« — Вошь! закричать Ржацкій, топая ногами. Что за чертовщина! Всякая сволочь ко мнѣ въ кабинетъ!

«Пролозовъ, какъ вихрь выскочилъ изъ кабинета.

— Прошу покорно! сказала графъ.

— Я самъ виноватъ, графъ, что до крайности балую этого скота.

«Въ эту минуту побѣжалъ человекъ, и доложилъ Ржацкому, что Пролозовъ въ буфетъ и пьетъ водку.

«Ржацкій не говоря ни слова, побѣжалъ за человекомъ.

«Что ты, анаеема, тутъ командуешь? закричалъ онъ на Пролозова.

— Одну рюмочку водочки хочу выпить, ваше высококорodie!

«Степка, въ шею этого мерзавца! Эй, люди! Помогите вытолкать!»

Начинается драка. Пролозова вытолкали. Ржацкій договорился съ графомъ и они напидлись мертвецки, такъ что графа запертво унесли на рукахъ, а его собесѣдникъ упалъ въ луку, которая составила изъ шампанскаго. Наконецъ Ржацкій женится; къ нему прѣзжаетъ племянникъ, пьетъ, дерется съ нимъ, волочится за его женою. Между-тѣмъ Ленскій въ отчаяніи живетъ у одного пріятели. Тотъ знакомить его съ сосѣдомъ Пальмірскимъ, и Пальмірскій открываетъ Ленскому, что онъ былъ влюбленъ въ женщину, которая умерла, и съ которой онъ снялъ черепъ. Едва Ленскій увидѣлъ черепъ, онъ узналъ свою Натану по этому черепу (вогъ кранологъ какой!), увидѣлъ потомъ портретъ ея, схватилъ черепъ, и побѣжалъ топиться. Тутъ зашумѣла буря, загремятъ громъ и Пальмірскій бросился спасать Ленскаго. Они подрались въ водѣ за черепъ и утонули.

Если это не пародія на ужасы и безобразіе современныхъ Французскихъ романовъ, такъ что же это такое? А что подобныя вещи пишутся во Франціи не-шутя, возьмите любой романъ, новѣйшій, любую новѣйшую драму, и вы убѣдитесь въ этомъ. Позвольте, вотъ кстати вышла книженка:

повѣсти *Наполеона д'Абрантесъ*. Перевелъ съ Французскаго Н. С.ковъ, С. П.-бургъ, въ тип. Смирдина, Глазунова и Комп., 1836, въ-12. Двѣ части, стр. 189-136.

Не угодно ли прочесть эту безобразную смѣсь нелюбопытствъ? Вы увидите, что это точь-въ-точь «Черепъ», Русское

романическое издѣліе, о которомъ имѣли мы честь доклады-
вать. Правда, у Г. Наполеона д'Абрантеса, вмѣсто Ржацкихъ,
Пролазовыхъ, Степокъ, найдете вы имена Сержи, Лорвель,
Пизани; по сущность та же. Чтò жь такое — эти «повѣсти»
сына «маршала Франціи» и герцога, плодъ благовоспитан-
наго и свѣтскаго чловѣка, у котораго мать, герцогиня Аб-
рантесъ, считается милою женщиною и пріятною писатель-
ницею. Правда, что и маменька пописываетъ иногда ужасы.
Что онъ такое?

Баронъ Сержи, свѣтскій, богатый чловѣкъ, Мефистофель
во фракъ, богачъ, красавецъ, находить большое удовольствіе
въ томъ, чтобы мучить, терзать и безславить женщинъ. Онъ
рѣшается такимъ образомъ измучить и обезславить баронес-
су Лорвель, богатую, прелестную женщину, нѣжную мать
миленькой дѣвочки и добродѣтельную жену стараго полков-
ника. Соблазнить ему ничего не стоило; онъ увозить ее и
бѣжить съ нею въ Испанію. Мужъ — за ними, и успѣлъ
уговорить жену: они возвращаются въ Парижъ, какъ-будто
ничего не бывало. Сержи является въ Парижъ, терзаетъ ба-
ронессу, до того что она рѣшается наконецъ умертвить му-
жа, и умерщвляетъ его à la française, чадомъ угольнымъ. Ее
подозрѣваютъ, берутъ подъ стражу, судятъ; но адвокатъ ея
такъ краснорѣчиво защищалъ обвиненную, что присяж-
ные объявляютъ ее невинною, хотя председатель ихъ не-
премѣнно настаивалъ, что обвиненную должно казнить. Ба-
ронесса бѣжить къ своему любовнику, видитъ его холод-
ность, презрѣніе, падаетъ и умираетъ. Кто былъ предсѣда-
тель присяжныхъ? Какъ вы думаете? баронъ Сержи! Эта-
кой злодѣй и мерзавецъ.....

Хороша повѣсть. Выслушайте другую. Въ обществѣ кар-
бонаріевъ обвиняютъ одного юнаго товарища въ измѣнѣ, а
начальникъ общества, Пизани, рѣжетъ его, хотя измѣнникъ
былъ братъ его любовницы. Являются солдаты, дерутся, и
ловятъ этихъ негодлевъ. Пизани уходитъ изъ тюрьмы, — въ
романъ это очень легко, — является къ своей любовницѣ, и
сказываетъ ей, что онъ убилъ ея брата. Сестрица (имя ей
Біанка) объ этомъ не заботится, старается спасти милаго
друга, привозить къ нему мать, они прощаются, и удальца
отправляютъ въ Римъ. Пизани живетъ въ Римѣ, ходитъ какъ

мрачная тѣнь, обуреваемая высокими страстями, мечтаетъ, заставляетъ графиню Жюлиетту влюбиться, презираетъ ее, и получаетъ два страшные удара въ свою поэтическую грудь: первый, мать его пишетъ, передъ смертью, что онъ побочный сынъ герцога Сорія, что отецъ выпросилъ ему прощенье и хочетъ признать его своимъ сыномъ: Пизани отвергаетъ такую унижительную милость, хочетъ умереть изгнанникомъ, но раздается второй ударъ, — Біанка сбѣжалась развратною актрисою, и въ этомъ званіи пріѣхала въ Римъ. Напрасно грозитъ ей Пизани, напрасно убѣждаетъ ее, клянется убить: Біанка не слушаетъ и бѣжитъ отъ него въ Неаполь, Пизани, въ горести, старается отмстить ей, заводитъ связь съ Жюлиеттою, но это не утѣшаетъ его, и онъ съ неистовствомъ является въ Неаполь, приходитъ къ Біанкѣ, объявляетъ ей объ усыновленіи его герцогомъ, проситъ ея руки, да у Біанки, среди множества другихъ любовниковъ, главный любовникъ — отецъ Пизани! Она уговариваетъ старика жениться на ней, старикъ въ одинъ день пріобрѣтаетъ супругу и сына. Пизани бѣсится, рѣшается мстить, пробрается ночью въ садовый павильонъ къ Біанкѣ, съ кинжаломъ. Дѣло происходитъ на дачѣ, близъ Везувія. Напрасно Біанка предлагаетъ *всякія* условія: нѣтъ пощады! Тутъ, какъ въ Фенелѣ, за развязку принимается Везувій: страшное изверженіе: лавою заливаютъ павильонъ, и Пизани въ восторгѣ, что его залило лавою вмѣстѣ съ милою, хотя и преступною, Біанкою.

Признано уже всѣми, что современная Французская литература, вопреки старому повѣрью, совѣтѣмъ не'сколокъ съ современныхъ нравовъ Франціи. Литераторы выдумываютъ нарочно толпы негодлеви и развратныхъ женщинъ; и выводятъ ихъ на сцену въ романахъ и драмахъ, какъ некогда выдумывали мертвецовъ и кикоморовъ, для наслажденія читателей. Это мода, но не въ томъ дѣло. Скажите, не уродство ли — повѣсти Г. Наполеона Абраитеса? Не то ли самое онъ чтѣ «черепъ» Русскаго повѣстчика, хоть и въ другихъ формахъ? Тутъ нѣтъ ни истины, ни естественности, ни понятія объ идеи художческаго изящества. Отвратительный ужасъ, клевета на сердце человеческое, и только. Удивляемъ

ся одному — какъ авторъ не жалеть своего замѣчательнаго имени, и въ потѣхъ сердца пятнасть его такими вздорами; совѣтъ не удивляемся, что ихъ переводятъ на Русскій языкъ: здѣсь, мѣсто удивленія заступаетъ досада.

КАКЪ ЗНАТЬ, что случится! *Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Смирдина, Глазунова и Комп., 1836, въ 12. Четыре части, стр. 182 — 223 — 203 — 206.*

Мы никогда не выписываемъ содержанія романовъ Поль-де-Кока. Это завѣтныя тайны, которыя должны остаться между авторомъ и его читателями. А что Поль-де-Кокъ имѣетъ столько же читателей въ Россіи какъ и во Франціи, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

NB. Прочитавшіе этотъ романъ, пожалуйста, спрячьте его гдѣ-нибудь подъ тюфякомъ, чтобы онъ не лежалъ на виду въ той комнатѣ, черезъ которую проходятъ дамы.

ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОКЪ. *Повѣсть Л. Тика. Переводъ съ Нѣмецкаго Я. П. — СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1836, въ 8., стр. 120.*

Тикъ принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ, разнообразныхъ писателей Германскихъ; и какъ современникъ Гёте, Шиллера, Вернера, Жанъ-Поля, Гофманна, онъ пользуется въ Германіи славою не меньше, если еще не больше, ихъ: Это происходитъ оттого что онъ больше всѣхъ народенъ: онъ не только поэтъ, но еще поэтъ Германіи. Никто лучше его не умѣетъ рассказать потѣшной сказки простонародной, подѣлаться такъ ловко подъ фантазію, Witz и вкусъ Нѣмца. Но именно это качество Тика, столь драгоценное для Германцевъ, препятствуетъ его Европейской славы. Когда Гёте и Шиллера прославляютъ Россію, Франція, Англія, Тикъ извѣстенъ Англичанамъ только какъ переводчикъ и изъяснитель Шекспира, во Франціи его и вовсе не знаютъ. Мы должны напомнить читателямъ нашимъ прекрасную статью о Тикѣ, которая была заимствована изъ сочиненія мистрисъ Джемисонъ и напечатана въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ Б. для Ч. Репутація его иногда блѣднѣла, и потому

опять всё только и говорили что о Тикѣ. Кажется, что Тикъ рѣшительно падалъ, когда переставалъ быть Нѣмцемъ; а Гёте и Шиллеръ тогда-то и становились великими, когда забывали, что они Нѣмцы. Обо всемъ этомъ нѣсколько можно судить по небольшой повѣсти, которая теперь издана въ Русскомъ переводѣ. Нѣмцы восхищаются ею, а намъ и всякому другому покажется она болѣе странною, нежели остроумною и забавною. Тутъ не надо винить Тика: возьмите лучшую нашу народную сказку, — она будетъ также неопытна Нѣмцу, какъ лучшая Нѣмецкая сказка намъ Русскимъ. Такъ Раблѣ былъ писатель только своего народа и своего вѣка; трагедія Вернера хороша, когда вы знаете фантастическое направленіе Германіи; для басни Лафонтена надобно постигать характеръ Француза, для трагедіи Расина вѣкъ Людовика XIV, а для Русской пѣсни быть Русскаго простомыдина. Подобныя произведенія похожи на растенія, которыя блекнуть и выражаются съ пересадкой.

волшебныя сказки, изданныя Юркою Трипковенко въ 1225 году отъ сотворенія міра. Москва, въ тип. Эрнста, 1836, въ-16., стр. 47.

Двѣ очень порядочныя сказочки, только дурно переведенныя, а еще хуже напечатанныя.

1. двумужница, или зачьмъ пойдешь, то и найдешь. Романтическая драма въ двухъ частяхъ, въ пяти суткахъ, съ плясовыми, хороводными, подблюдными и разбойничьими пѣснями, плясками, хороводными и свѣточными играми. Соч. князя А. А. Шаховскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Воробьева, 1836, въ-8., стр. 207.

2. прокофій ляпуновъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сп.-бургъ, въ тип. Викгебера, 1836, въ-8., стр. 146.

3. колдунъ, или Ученыхъ учить, лишь портить. Комедія -- водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе П. А. Москва, въ тип. Смирнова. 1836, въ-12., стр. 130.

4. пожилой наследникъ, или Осмѣянная ревность. Комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Дмитрія

Компсарова. Москва, въ тип. Пономарева, 1836, въ-12., стр. 113.

5. МУЖЪ ОТЛИЧНАГО ПОВЕДЕНІЯ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сюжетъ заимствованъ изъ Французской повѣсти. Москва, въ тип. Эрста, 1836, въ-12., стр. 105.

6. БАБУШКИНЫ ВНУЧКИ, или Праздникъ въ сель Покровскомъ. Интермедія, составленная изъ Русскихъ пѣсень, поговорокъ и плясокъ. Сочиненіе П. Ланскаго. Москва, въ тип. Эрста, 1836, въ-12., стр. 52.

7. НАСТОЯЩІЙ РЕВИЗОРЪ. Комедія въ трехъ дняхъ или дѣйствіяхъ, служащая продолженіемъ комедіи «Ревизоръ», сочиненной Г. Гоголемъ. С.П.-бургъ, въ тип. Гинце, стр. 125.

8. ОПЕРЫ И ВОДЕВИЛИ, переводы съ Французскаго Дмитрія Ленскаго. Часть четвертая. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-8., стр. 347.

Одна романтическая драма, одна драма просто, одна комедія, одинъ водевиль, двѣ комедіи — водевили, одна интермедія, и въ заключеніе спектакля, цѣлый томъ водевилей. Какой богатый вънокъ для Русской Мельпомены и Русской Талии! А несмотря на то, у обѣихъ этихъ сестрицъ, если онѣ не надѣнутъ шляпокъ, ничего не будетъ на гоювъ.

«Двумужница», напомнила намъ анекдотъ, весьма старинный, о томъ, какъ хотѣли заставить кого-то читать. Ему подали двѣ книги. «Господа!» спросилъ онъ, показывая одну изъ книгъ: «знаете-ли эту книгу?» — Знаемъ. «Ну, такъ нечего и читать ея. А эту?» — Нѣтъ, не знаемъ. — «Ну, такъ лучше и не знать ея вамъ». Замѣтимъ однако жъ, что «Двумужница» доказываетъ, какой богатый матеріалъ хранится для нашей драмы въ простонародномъ и другомъ быту Русскомъ. Несмотря на всѣ ея недостатки, въ «Двумужницѣ» есть прекрасныя сценическія мѣста».

Ляпунова, кажется, избрали своимъ героемъ наши драматисты и романисты: и вотъ что значитъ ошибка одного замѣчательнаго писателя! Карамзинъ первый, а для чего, Богъ знаетъ, выставилъ Ляпунова въ яркомъ свѣтѣ какимъ-то Русскимъ Карломъ Мооромъ, «львообразнымъ стратигомъ», —

и другіе писатели, не думая справиться о вѣрности изображенія, пустились наперерывъ представлять въ томъ же блестящемъ видѣ, въ романахъ и драмахъ, одно изъ самыхъ отвратительныхъ лицъ несчастнаго времени Шуйскихъ и междоусобствія. При ложной причинѣ выходитъ ложное сльдствіе. Мы когда-нибудь поговоримъ объ историческомъ значеніи Ляпунова, лица дѣйствительно замѣчательнаго, но вовсе не героя и не стратига, а только самаго дерзкаго бунтовщика и самаго безстыднаго честолюбца. Въ новой драмѣ Ляпуновъ выведенъ совершеннымъ Катонемъ, Серторіемъ, Аристидомъ. Замѣчательно еще что въ этой драмѣ нѣтъ ни одной женщины. Что за мизогиня такой — авторъ, и за что нелюбовь къ прекрасному полу, безъ котораго досихъ-поръ никто не умѣлъ смастерить ни одной книги, не только драмы! Впрочемъ, женщины не будутъ сердиться на автора, если прочитають его драму; изгнанимъ изъ нея, онѣ избавлены отъ самаго скучнаго общества.

«Настоящій Ревизоръ» доказываетъ двѣ истины, первую ту, что у отцовъ весьма умныхъ бывають дѣти, далеко уступающіе въ умъ отцамъ, и вторую ту, что всякой шалости и шуткѣ есть предѣлы, за которыми то и другое становится вовсе несмѣшнымъ и не умнымъ.

«Мужъ отличнаго поведенія» годится для утѣхи райка: онъ довольно двусмысленъ, довольно неблагопристойенъ, наполненъ довольно пошлыми шутками.

Въ «Бабушкиныхъ внучкахъ» есть два Нѣмца, отецъ и сынъ, оба Иваны Ивановичи; есть князь, который женатъ; есть женихъ и невѣста, которыхъ женать. Одинъ изъ Ивановъ Ивановичей поетъ пьяный — «Саря утренняя всошла, вся утѣка пролетѣла», другіе поютъ: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», и встѣмъ имъ очень весело.

«Пожилой наследникъ»..... Да вотъ для обрашника куплетецъ изъ этого водевиля:

«Вотъ что: мой баринъ слишкомъ благъ:
 Меня вы въ слово не введите.
 Онъ, напрямѣръ, кричитъ: «Дуракъ!»
 Такъ вы лучше отвѣдите,
 И для меня, и для него»

Двѣ комнаты, гдѣ перберемъ;
 За благодарность-же того,
 Мы въ кабакъ съ тобой сочтемся.»

«Голдунъ».... Но можно ли печатать водевиля въ тридцать страницъ? Кто прочтеть его? Въдь это не то что въ театрѣ, гдѣ вы можете спать въ креслахъ, пока водевиль играютъ.

Въ четвертомъ томѣ «Оперъ и водевилей» Г. Ленскаго можно прочесть одинъ изъ лучшихъ водевилей Скриба, «Тсобальдъ, или Возвращеніе изъ Россіи». Онъ и переведенъ тщательнѣе другихъ.

ЧАТТЕРТОНЪ. *Драма графа Альфреда де-Виньи. Переводъ съ Французскаго Н. С. Восейкова. Москва, въ тип. Семена, 1836, въ-8., стр. 131.*

Объ этой драмѣ и о Чаттертонѣ мы говорили уже такъ многу, что боимся надоесть, говоря еще объ этой драмѣ и о Чаттертонѣ. Замѣтимъ только, Г. de Vigny вообще гораздо умнѣе, когда разсуждаетъ какъ должно писать, нежели когда пишетъ. Поэтому предисловіе его къ Чаттертону намъ показалось несравненно лучше самой драмы. Къ сожалѣнію предисловія-то и нѣтъ при Русскомъ переводѣ, который вообще довольно слабъ.

красавица и чудовище. *Волшебная, нравоучительная повѣсть. Переводъ съ Англійскаго. Москва, въ тип. Эрнста, 1836, въ-16., стр. 84.*

Кто не слыхалъ этой знаменитой повѣсти? Кто не читалъ ее въ «Дѣтскомъ училищѣ», госпожи Ле-Пренсъ-де-Бомонъ? Кто не знаетъ ее въ «Земирѣ и Азорѣ», оперѣ, которая надѣлала въ свое время столько шуму; для которой слова писалъ Мармонтель, музыку Гретри; которая плѣняла въ свое время не менѣе Діянна древа, Розаны и Любима, Русалки, Фрейшюца, Фенеллы, Роберта-Дьявола», и которая, увы, пролетѣла, какъ пролетѣли бѣдныя сестры ея, — Вавилонскія развалины, Весталка, Лодонска, и тысяча другихъ оперъ! Право, какъ подѣумаешь иногда о славѣ — вздоръ она, кимвальный звонъ, дымъ, прахъ: гроша не сто-

ить!..... Г. Мейсперъ совершенно правъ въ томъ, что онъ такъ глубоко ее презираетъ. Нѣтъ ничего пошлѣе славы. Прочитайте, если не вѣрите, повѣсть о «Красавицѣ и Чудовищѣ», и посмотрите, какой это вздоръ, и какъ онъ дурно писанъ по-Русски.

1. РУКОВОДСТВО КЪ ЛОГИКѢ, составленное Николаемъ Рождественскимъ. Изданіе второе, исправленное. Сп.-бургъ, въ тип. Крайя, 1836, въ-8, стр. V и 185.

2. НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1836, въ-8., стр. 100.

3. ТАБЛИЦЫ ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ, объемлющія весь части Всемирной Истории изъ года въ годъ, отъ сотворенія міра, до XIX столѣтія, на Англійскомъ языкъ изданія членомъ Королевскаго Лондонскаго Общества Жюномъ Блеромъ. Изданіе второе. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-4. Два тома и пол-листа.

4. ВСЕОБЩАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ВСѢХЪ СОСТОЯНІЙ. Сочиненіе Окена. Переводъ съ Нѣмецкаго. Томъ пятый. Зоологическая часть вторая. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ-8., стр. 80.

5. КРАТКАЯ БОТАНИКА въ теперешнемъ ея усовершенствованіи. Сочиненіе Джона Линдлея, профессора ботаники въ Лондонскомъ университетѣ. Переводъ Ивана Двигубскаго. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-12. стр. VII и 142, съ 4 рисунками.

6. АРИФМЕТИКА, составленная И. Коноваловымъ. Изданіе второе; пополненное и исправленное. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1836, въ-8., стр. IV и 159.

7. КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТОРГОВЛИ И СЧЕТОВОДСТВА, или Навѣщеніе приспособиться къ исправному счетоводству безъ руководства бухгалтера. Сочиненіе Ивана Буттера. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-8., стр. 32.

Шесть новыхъ учебныхъ книгъ..... Позвольте перебить сразу: какъ же это? Великій Океяъ написалъ учебную

книгу? Точно такъ; нельзя противиться духу времени, который требуетъ князь учено-простонародныхъ, и коптечныхъ наставленийъ въ наукѣ; онъ прокрадывается въ кабинеты самыхъ велемудрыхъ профессоровъ, въ образъ звонкаго таллера, — и вотъ великій Окенъ, самый непонятный изъ Нѣмецкихъ философовъ, самый систематическій, самый «тождественный», принимается писать учебную книжку. О звонкій духъ времени! о развращенный таллеръ! Творецъ «Изяды» пишетъ книгу «для всѣхъ состояній!» Великій *абсолютъ* сочиняетъ *условную* книгу (по условію съ книгопродавцемъ)! После этого, мы можемъ сочинять мадригалы.

Зато и вышла презабавная штука. Вообще, надобно признаться, простонародно-ученая и простонародно-учебная книги — не дѣло Нѣмцевъ, а еще болѣе не дѣло Нѣмецкихъ философовъ, которымъ опредѣлено добывать руду изъ самыхъ темныхъ нѣдръ природы и челоуѣка, и передавать ее оптомъ Французамъ и Англичанамъ, которые превосходно выдѣлываютъ изъ нея все необходимое на потребу общежитія. Поручите это дѣло Окену, и вы увидите, — хотя впрочемъ Окенъ пишетъ почти также хорошо какъ Г. Велланскій, — что значитъ для столь великаго мудреца писать такъ, чтобы его понимали! Приходите «въ состоянія» понимать книгу, которая написана нарочно для васъ, всѣхъ состояній; и если вы ее поймете, не только чтобы вы чему-нибудь изъ нея научились, я готовъ лишиться этой драгоценной книги!

Разумѣется, дѣло заключалось главнѣйше въ изложеніи фактовъ науки, съ возможнымъ удаленіемъ отъ учености, которая какъ теплотворъ въ природѣ, должна проникнуть всю книгу, но остаться невидимою и незамѣтною робкому читателю. Окенъ вовсе не понималъ этого, и кажется, не подозревалъ даже, чего отъ него требуютъ, и потому не имѣлъ ни какого плана для своей работы. Вотъ что говорить онъ самъ:

«Долго разсуждалъ я, начать ли Естественную Исторію *сверху*, съ совершеннѣйшаго организма, то есть съ челоуѣка, перейти отъ него къ животнымъ, а потомъ къ растениямъ, и кончить царствомъ ископаемыхъ, или на оборотъ. Въ первомъ случаѣ, мое сочиненіе уже въ первыхъ тетрадяхъ получило бы для моихъ читателей большую занимательность. потому, что челоуѣкъ и ближе подходящія къ нему жи-

вотныя вообще важнѣе и болѣе знакомы, и притомъ потому, что черезъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному облегчается и самое званіе. Но размысливъ, что человѣкъ есть существо многосложнѣе, которое не иначе познать возможно, какъ изучивъ напередъ животныхъ, растенія и минералы, и химическій составъ ихъ, и что потому выше предположенный порядокъ сочиненія велъ бы только къ обогащенію памяти, а не къ глубокому изслѣдованію предмета (смыслители?), рѣшился я пренебречь такими выводами, и начать снизу, то есть, съ минераловъ, подвергаясь опасности первыми тетрадами навлечь на себя неблагопріятный судъ, ибо минералы, по существу дѣла, составляютъ не столь *привлекательный предметъ для публики, какъ растенія и животныя* (?). Такимъ образомъ послѣ объявленія о моемъ сочиненіи, немедленно приступилъ я къ обработкѣ минералогіи; однако жъ во время моего этимъ занятія, я болѣе и болѣе убѣждался, сколь несравненно было бы лучше, если бы *нашлась возможность* начать съ животныхъ. Наконецъ, послѣ продолжительной верышности, *пришло мнѣ на умъ, какъ обыкновенно бываетъ то что всего намъ ближе*, начать съ изданія Естественной Исторіи животныхъ, и притомъ *начать снизу*. Вздумано — сдѣлано! Я отложилъ Минералогію въ сторону, и принялся за Зоологію.»

И изъ этого добродушнаго объясненія выходитъ, что принимаясь за дѣло, почтенный профессоръ самъ не умѣлъ отдать себѣ отчета въ его сущности, книга его содержитъ въ себѣ фактовъ всего менѣе, и вся цѣлкомъ ушла въ дѣленія, подраздѣленія и систематику. Надобно же было еще, къ большому несчастью, чтобъ онъ бросилъ свою старую систему, повелъ даже новую номенклатуру, и расписался до того, что его книга «для всѣхъ состояній», вѣроятно, составитъ маленькій Handbuch или Taschenbuch тысячъ въ пять свѣрыхъ страницъ Нѣмецкой печати.

Не знаемъ, доволенъ ли книгою Окена книгопродавецъ, который заказалъ ее, и понимаютъ ли ее Нѣмцы «всѣхъ состояній»; но намъ, Русскимъ, можно было обойтись и безъ этой книги. Къ удивленію, она нашла себѣ переводчиковъ, которые, не дожидаясь даже окончанія подлинника, снѣшать выпускаютъ ее, маленькими тетрадами, и «для пущей пользы» продаютъ эти маленькія тетрадки по два рубля. Во что же обойдется вся книга, когда она кончится? Рублей въ пять сотъ? Это не много дорого для «всѣхъ состояній.»

Впрочемъ, не наше дѣло расчеты издателей. Намъ остается

только сказать, что если напрасно взялись они переводить Окену книгу, то еще напраснѣе рѣшились измѣнять расположеніе подлинника и переводить съ Нѣмецкаго языка на языкъ Русско-Нѣмецкій, самый непріятный изъ всѣхъ Нѣмецкихъ языковъ.

Мы видѣли, что Окенъ думалъ, думалъ, начиналъ Минералогію, переходилъ къ Зоологіи, а Русскіе переводчики, въ свой чередъ думали, думали, и перевернули все еще разъ, отъ чего и началась у нихъ кнѣга, не первою тетрадюю тетрадко-части, какъ прилично всякой естественной исторіи, но второю частью пятаго тома, и вмѣсто человѣка червяками. Причина? «*Сей родъ животныхъ (червячки), столь мало у насъ знакомый, займетъ больше читателей нашихъ, нежели анатомія человѣка. Отсылая на конецъ общія сужденія, мы не только имѣемъ въ виду угодить читателямъ нашимъ, но съ тѣмъ, вмѣстѣ сохранить естественность методы изученія, ибо прежде надлежитъ познакомиться съ предметами, а послѣ составлять объ нихъ сужденія, или сообщать собранные факты.*»

Угодили! Съ первой тетрадки система Окенова полетѣла въ сторону, а въ ней-то все у него и заключалось:

Нѣсколько словъ о новой номенклатурѣ Окена. Въ слѣдствіе новой системы своей Окенъ утверждаетъ, что всѣ прежнія названія, — ракъ, рыба, птица, не годятся. Весь Зоологическій міръ дѣлитъ онъ на двѣ «области», а потомъ на «округи» и «классы», и въ этомъ безразумномъ царствѣ поселяетъ своихъ Eingeweidthiere, Gedärmthiere, Magenthiere, Dormthiere, Saugaderthiere, Aderthiere, Attemthiere, Fellthiere, Kieimenthiere, Drosselthiere, Knochenthiere, Muskelthiere, Nerventhiere, Sinnthiere, и прочая. Русскіе переводчики передѣляли систему Окена, но имъ очень понравилась, какъ видно, номенклатура; они старались передать ее, какъ только можно точнѣе по-Русско-Нѣмецки, и передали превосходно. Отнынѣ вы должны знать, что всѣ животныя раздѣляются на два рода, — *внутренниковъ* и *млсовиковъ*, а за тѣмъ, отбывнивъ всѣ старыя названія, благоволите чествовать наивочныхъ *желудочками*, *поляповъ кишковолками*, *черенокочныхъ жиловолками*, чер-

всей мягковьяками, раковъ жаберняками, насткочныгъ дыла-
ловьяками, рыбъ костовьяками, гадовъ мышцевьяками, птицъ
нервяками, млекопитающихъ чувствьяками, а все это пу-
стяками.

Какое богатство ума для «всѣхъ состояній»! Должно за-
титъ, что переводчики этой книги принадлежать къ классу
чувствьяковъ и что они мясовики.

Вы изволите видѣть, что по этой книгѣ весьма легко вы-
учиться Зоологiи, но по учебной книжкѣ Г. Буттера еще
легче выучиться торговлѣ и счетоводству, или, какъ гово-
рить авторъ, «приспособиться къ исправному счетовод-
ству». Книженка съ виду такая маленькая, такая неряха;
но вы узнаете изъ нея множество хорошаго, какъ напри-
мѣръ, что на свѣтѣ есть «товары» и «вещи»; что това-
ры есть «самородные» и «производные»; что капита-
лы есть «положительные» и «отрицательные»; что поло-
жительный капиталъ — «деньги», а отрицательный — «дол-
ги», — такихъ капиталистовъ, слава Богу, у насъ безд-
на, — что тотъ, у кого положительнаго капитала сорокъ ты-
сячъ рублей, а отрицательнаго капитала сорокъ пять ты-
сячъ, «имѣетъ меньше, нежели тотъ, у кого нѣтъ имѣнiя». Сказать мимоходомъ, что, при всемъ должномъ уваженiи къ
книжкѣ Г. Буттера, у насъ нѣтъ еще на Русскомъ языкѣ
хоть сколько-нибудь сноснаго руководства къ бухгалтерiи,
хотя ей учатъ во всѣхъ коммерческихъ училищахъ и купе-
ческихъ академiяхъ.

Но послѣ изданiя «Логики» Г. Рождественскаго, мы не
скажемъ ничего противъ Логики. Чудная наука! Такъ и учить
думать обо всемъ! Такъ легко все доказать по ней!.....
Вотъ такъ, кажется, все истины рукой схватишь! Стоить
только вытвердить *objectum probationis, fundamenta proba-
tionis, vim argumentationis, nervum probandi, argumenta
primaria, auxiliaria, coordinata*, и еще сотню такихъ же схо-
ластическихъ крючковъ, и можно вызвать лучшаго философа
на диспутъ и сбить его съ толку. Логика Г. Рождественска-
го состоитъ въ томъ, что *поелику* «первое изданiе» ся уже
все разошлось, *а потому* и потребовалось «второе». Это
fundamentum probationis. Можно позавидовать тѣмъ счаст-

ливымъ юношамъ, которые учились по книгѣ Г. Рождественскаго: то-то набрались они ума разума!

Вотъ еще «Начальныя основанія Древней Исторіи». Прелюбощная книжка! Вся Исторія на девяностъ страницъ, но вещи въ ней есть пресудныя. Напримѣръ что Китайцы и Индѣйцы суть народы «внѣ Исторіи»; что въ Греціи какой-то Гомеръ «написалъ *Илліаду* на взятіе Трои»; что Римляне «на поприщѣ образованія преимущественно любили Исторію»; что «лучшими Историками» считаются изъ Римлянъ Корнелій Непотъ, и какой-то *Салюстій*, а Плутархъ «знаменитѣ всѣхъ»; что у Римлянъ были еще математикъ *Архимедъ*, трагикъ *Плавтъ*, философъ *Луціанъ*, и прочая. По этому можете догадаться обо всемъ остальномъ.

Кто-то добрый человекъ вспомнилъ о старикѣ Жюль Блеръ, и его «Таблицы хронологическія, изъ года въ годъ отъ сотворенія міра до XIX столѣтія», напечатанныя на Русскомъ языкѣ, лѣтъ тридцать тому, съ дополненіемъ Русской Исторіи изъ Татищева и Синописа, явились вновь, слово въ слово, даже съ прежними опечатками и ошибками.

Мы отдохнули отъ новыхъ учебныхъ книгъ за «Арифметикою» Г. Коновалова, которая стояла втораго изданія за свое простое и ясное расположеніе; и за «Краткою ботаникою» Линдлея, которой переводомъ одолжены мы трудолюбію почтеннаго профессора П. А. Двигубскаго. Линдлей издалъ свою книжку для студентовъ Лондонскаго Университета, и, кажется, на Русскомъ языкѣ не было еще столь хорошаго учебника для первоначальнаго познанія ботаники; оно кратко, просто, безъ затѣй, и рѣшительно можетъ назваться произведеніемъ мастера своего дѣла. Такихъ книгъ должно желать побольше на Русскомъ языкѣ. Жаль только что прелестная наука о цвѣтахъ переведена по-Русски книжнымъ слогаемъ, который вовсе не прелестенъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Г. Подолинскій издаетъ собраніе своихъ стихотвореній, въ двухъ частяхъ. Значительная часть этихъ прелестныхъ шесць была напечатана въ альманахахъ и другихъ малозвѣстныхъ изданіяхъ, и потому возрожденіе ихъ въ видѣ особой книги не можетъ не принести удовольствія читающей публикѣ. Мы избрали изъ этого собранія нѣсколько стихотвореній для нынѣшней книжки Б. для Ч., отдавая преимущество тѣмъ изъ нихъ, которыя наиболѣе блестятъ поэзіею, хотя онѣ отчасти могутъ быть извѣстны нѣсколькимъ читателямъ альманаховъ.

— Третій томъ Дюрвилева «Всеобщаго путешествія», переводъ Н. А. Полеваго, вышелъ изъ печати: остальные три тома печатаются.

— Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца вышелъ въ Петербургъ красивый томикъ «Басень и сказокъ», Г. Цимбална, и романъ «Судьба красавицы», о которомъ было однажды упомянуто въ этомъ отдѣленіи.

— Повѣсть «Джуліо», напечатанная въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч., носитъ двѣ подписи. Это требуетъ нѣкотораго объясненія, по своей новости въ нашей литературѣ. Идея и планъ этой повѣсти составились въ дружеской бесѣдѣ двухъ ея сочинителей, изъ ихъ общихъ мыслей, и каждый изъ нихъ обдѣлялъ ту часть разсказа, и развилъ тѣ характеры и обстоятельства, какіе предложилъ самъ для включенія въ составъ цѣлаго. Вотъ почему они должны были оба выставить свои имена. Ежели этотъ плодъ сложнаго труда доставить кому пять минутъ удовольствія, они больше не желаютъ.

=

СЕНТЯВРЬ, 1836.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Басни и сказки Константина Цимбалюна. *Въ пяти книгахъ. СПб.-бургъ, въ тип. Праца, 1836, въ-16., стр. 198.*

«Я критикъ; мое ремесло критика, такъ какъ у другихъ есть ремесла — стряпчого, комисіонера, лекаря. У меня есть свои кліенты, которые препоручаютъ мнѣ дѣла, такъ какъ другимъ препоручаютъ тяжбы, покупки, продажи. У меня столько дѣла на рукахъ, что я едва успѣваю управлять-ся. Ремесло свое веду я по совѣсти, и считаю его своей обязанностью. Иногда шумъ въ моей мастерской надоедаетъ мнѣ, и я думаю тогда, подобно Цицерону, скучавшему въ Римскихъ судахъ, о сельскомъ убѣжищѣ, о досугѣ для музъ, о Тускуланскихъ бесѣдахъ друзей моихъ. — Дѣло! сказалъ мнѣ вчера одинъ знакомый философъ: но та бѣда, что на твои ремесленные занятія идетъ много самаго тебя; ты теряешь въ нихъ часть души твоей. Ово такъ, какъ говорилъ философъ, и можно еще прибавить, что ремесло мое едва-ли что-нибудь отъ этого выигрываетъ, — а я теряю навѣрное! Когда другіе создаютъ, я, критикъ, со своими замѣтками и сужденіями, похожъ на бѣднаго хирурга, который затворился въ больницѣ, пускаетъ кровь, перевязываетъ раны, рѣжетъ больнымъ руки и ноги, для ихъ спасенія. Имъ дѣлается добро: но что выигрываетъ самъ хирургъ?»

Это говорилъ некогда нечестивый Дидро.

«Состояніе критика, въ его ежедневной работѣ вѣчно подвижной и новой, похоже немного на состояніе человека, который безпрестанно странствуетъ по областямъ, городамъ, деревнямъ, и скачетъ безъ отдыха на почтовыхъ; еще немного похоже оно на состояніе кочующаго цыгана; и еще немного похоже оно на состояніе Вѣчнаго Жида, по разнообразію того, чѣмъ оно занято на пути своемъ. Сегодня исторія и географія, завтра поэзія, послѣ завтра страшный романъ,

Т. XVIII. — Отд. VI.

потомъ вдругъ поучительная беседа. И бѣдный критикъ говори обо всемъ , суди обо всемъ , соблюдай совесть , береги правила , подводи законы ! Только актеръ , перемѣвляющій безпрерывно свои роли , можетъ имѣть понятіе о состояніи критика ; и какую бы неизмѣнную точку зрѣнія для сужденій своихъ ни избралъ критикъ , всё-таки она не избавитъ его отъ скуки переѣздовъ и утомленія въ путешествіи . Не говорить о многомъ , — говорить о немногомъ — прекрасное и легкое правило : но тогда даетъ ли критика понятіе о современной литературѣ и литературной современности ? А безъ этого , для чего она ? Сравните произведенія литературы съ созданіями зодчества , разбросанными по какой-нибудь странѣ , положимъ по берегамъ Рейна . Критика должна быть рѣкою : а плывя по той рѣкѣ , вы можете обозрѣть все эти зданія . Прекрасно , покойно для васъ : но вспомните участь всѣхъ рѣкъ . Хорошо бы имъ протекать только среди живописныхъ и тучныхъ береговъ , и отражать въ волнахъ своихъ прелесть только этихъ береговъ ! Но имъ болѣею частію приходится дѣлать свои струи , пзвиваться среди грязныхъ селеній , вертѣть мельницы и толчеи , утучнять пломъ своимъ бесплодныя поля . И что имъ изъ всего этого ? Ихъ бранять , что тамъ-то онѣ смыли ветхій сарай , здѣсь перевернули глупую механику какого-нибудь фабриканта , въ иномъ мѣстѣ сломали уродливый мостикъ , а гдѣ-нибудь еще разлились на садикъ дурака , которому вздумалось разсадить цвѣты на низкомъ берегу . Тесн послѣ этого рѣка , омывая людскія глупости ! Что самой ей за выгода ? Кто услышитъ спасибо немногихъ , при согласномъ воплѣ просто-народія и черни литературной ?»

Это недавно говорилъ одинъ благочестивый критикъ .

Имя этого критика намъ не указъ , но , согласитесь что онъ говорилъ правду , какъ правду говоритъ Дидро . Не знаю , дурная ли осенняя погода дѣлаетъ надо мною такое грустное впечатлѣніе , только и я готовъ сравнить свой жребій со жребіемъ хирурга , скакуна на почтовыхъ , цыгана бродячаго и , пожалуй , даже Вѣчнаго Жида , — готовъ сравнить съ чѣмъ угодно , пусть только сравненіе будетъ самое печальное , самое грустное . Зато , позвольте мнѣ сравнить и литературу , какая бы она ни была , съ тѣми печальными обла-

стями, которыя «годятся только ко всему негодному, — for evil only good, — гдѣ умираетъ жизнь, гдѣ живетъ смерть, и природа чаще всего производитъ однихъ чудовищъ, какихъ и воображеніе ваше не можетъ себѣ представить», и гдѣ, путешествуя, вы видите только —

Rocks, caves, lakes, fens, bogs, dens, and shades of death?

Скалы, пещеры, озера, топи, болота, ямы и могильныя тѣни.» Я прибралъ это сравненіе для извиненія бѣдныхъ литературъ, Русской, Нѣмецкой, Французской, Афганской, и всякой, въ томъ, что онѣ производятъ такъ мало хорошаго и столько уродливостей. *Ла иллагъ илла Аллахъ!* Хорошо говорятъ Афганскіе поэты:

*Имаретъ не-серъ де ригъ реванъ канедъ,
Херчи канедъ имаретъ не да дюнья!*

Этого я не перевожу, такъ какъ читатели Б. для Ч. понимаютъ все что имъ ни скажешь по-Афгански. Но если вы понимаете по-Афгански, такъ погрузите же вѣсть со мною объ участіи и критиковъ, и литературъ. Знаете ли, что это ужасно располагаетъ меня къ снисходительности, къ жалости! *Анасыны, бабасыны!* клянусь вамъ своею бородою, что о первой книжкѣ, которая попадетъ мнѣ въ летопись нынѣшняго мѣсяца, я не скажу ни сло.....

— Стой! кто идетъ?

— «Басни» Константина Цимблина.

— Сколько васъ?

— Пять книгъ.

— А въ пяти книгахъ сколько?

— Семьдесятъ девять человекъ басенъ.

— Что-то много! Но такъ и быть; слово дано. Пропустить ихъ. Убирайтесь, сердечныя. Скажите вашему поэту, какъ я васъ хорошо принялъ, — не задержалъ, — не обидѣлъ, — пропустилъ съ честью и пожелалъ счастливаго пути. Сгупайте прямо, — всё прямо, — по этой дорогѣ проѣзжалъ некогда Крыловъ и пріѣхалъ къ безсмертію. Однако советую вамъ въ другой разъ не проѣзжать мимо меня. Ну, если бы попались ко мнѣ въ часъ нерасположенія моего къ снисходительности — *анасыны, бабасыны!*..... какъ сказалъ султанъ послѣ взятія Адриянополя: клянусь, я бы васъ всѣхъ!.....

Т. XVIII — Отд. VI.

Да я не поручусь, что вы не встрѣтите, на дорогѣ, читателей, которые обойдутся съ вами очень немилостиво. Утхали! Тѣмъ лучше. Басни! басни! постоитъ; скажите еще Г. Цимбалину, что, въ наше время — «соловья баснями не кормятъ.» Это Русская пословица, которая служить девизомъ нашему вѣку.

повѣсти о томъ, о сѣмъ, а больше ни объ чемъ. А. Т. Москва, въ тип. Семена, 1836, въ-8., стр. 228.

Когда я увижу, какую бы то ни было, книгу съ затѣйливымъ, изысканнымъ заглавіемъ, — назовите это странностью, предразсудкомъ, или какъ угодно, — книга не нравится мнѣ съ перваго взгляду; я готовъ не читать ея. И, повѣрите ли, я рѣдко ошибаюсь! Я всегда примѣчалъ, что если въ заглавіи есть остроуміе, въ книгѣ обыкновенно его не бываетъ. Такъ, если вы увидите челоуѣка съ претензіями на умъ, можете смѣло подумать, что его умъ ограничивается только этими претензіями. Истинно умный бываетъ простъ; хорошая книга называется просто, — Летописи Тацита, Огелло, Илиада, Фаустъ. Даже слово «или», въ заглавіи книги, почти не доказываетъ хорошей книги. А что подумать, если книга щеголяетъ названіемъ пестрыхъ, синихъ, черныхъ, голубыхъ повѣстей, повѣстей «о томъ о сѣмъ, а чаще ни объ чемъ»? Увѣренный въ себя писатель, конечно, можетъ смѣло приниматься за самую запутанную интригу, за самое сложное дѣло: онъ можетъ играть и названіемъ книги; но въ такомъ случаѣ онъ полагаетъ на себя двойную обязанность, — а горе ему, если онъ затѣйливымъ титуломъ даетъ разумѣть напередъ, что хочеть быть забавнымъ и остроумнымъ, а читатели не могутъ даже добиться у него толку! Зачѣмъ это? меньше обязательствъ, меньше и ответственности.

Впрочемъ, господинъ А. Т. постарался къ мудреному титулу приладить и повѣсти самыя мудренныя. Нельзя не сказать, чтобы усердіе у него не было на это большое. Въ одной изъ повѣстей, посудите сами, Русскій чиновникъ прокрадывается въ гаремъ султана и увозитъ оттуда невольницу! Каковы наши чиновники! Это повѣсть о сѣмъ. И только-что красавица явилась къ своему похитителю, котораго, разу-

мѣется, она ужасно любить, какъ тутъ же бросается въ море, и — поминай какъ звали. Въ другой повѣсти дѣвушка влюбляется въ кого-то; узнаетъ что онъ ужъ женатъ, и умираетъ съ горя. Это повѣсть *ни объ чемъ*. Въ третьей..... Да довольно съ васъ и двухъ.

СУДЬБА КРАСАВИЦЫ. Романъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1836, въ-12., стр. 252.

Вотъ мы наконецъ прочитали «Судьбу красавицы». Ну стоило ли дѣлать столько шуму изъ-за этой судьбы? Въ этой судьбѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго: пошлость какъ вся пошлости — и только. Красавица чуть не была увезена *кавалеристомъ*, и вышла замужъ за мальчишку, котораго слѣдовало вытѣчь розгами и посадить за ученье. При всей скромности и добродѣтели, красавица влюблена въ одного, въ мальчишку, а ѣздитъ гулять одна-одинехонька съ другимъ, съ *кавалеристомъ*, и даже заѣзжаетъ къ нему на квартиру. Мать красавицы, прячась отъ дождя, попадаетъ тоже въ квартиру къ *кавалеристу*, находитъ дочь свою съ *кавалеристомъ*, и не говоритъ ни слова, ни дочери, ни *кавалеристу*. Спрашиваю — чѣмъ же этотъ романъ плоше другихъ плохихъ романовъ, что объ немъ объявляли съ такою заботливостью? Правда, что всѣ дѣйствующія лица романа сами не знаютъ, что они говорятъ ни что дѣлаютъ; однако мы остаемся при прежнемъ нашемъ мнѣніи, что эта пошлость не пошлѣе другихъ пошлостей, которыхъ есть множество въ этомъ пошломъ мірѣ, хотя ихъ никто заранѣе не прославлялъ.

БРАКЪ въ царствованіе Петра I. Историческая повѣсть, начала XVIII столѣтія. Москва, въ тип. Курлова, 1836, въ-12., стр. 36.

Это анекдотъ о свадьбѣ Румянцева съ дочерью Матвѣева, записанный Голицынымъ, со словъ матери знаменитаго Задунайскаго героя. Теперь изъ этого анекдота кто-то сдѣлалъ маленькую плохую повѣсть, и далъ ей заглавіе по образцу известнаго романа — «Бракъ въ царствованіе Наполеона».

Вотъ какъ авторъ заставляетъ говорить Шафирова :

— Александръ! Посмотри на эту звездочку! Какъ она прелесть! Какъ ярко блещетъ она! То звезда моего счастья!

— Перестань мечтать, Шафировъ. О, другъ! Ты живешь болѣе въ мѣрѣ мечтательномъ, не земномъ: но къ чему себя обманывать? Мы прикованы къ землѣ; наша жизнь заключена въ ея оковахъ!

Это отвѣчаетъ Шафирову Румянцевъ! Когда вводятъ первъсту, Румянцевъ бросается къ Петру Великому и восклицаетъ: «Государь! это она, это мечта, олицетворенная, но созданная мною!»

Игра судьбы, или Отецъ по неволѣ. Сочиненіе А. Е-р-ва. Былъ не былъ, и почти что правда. Повесть нашихъ временъ. Москва въ тип. Степанова, 1836, въ 12. Двѣ части, стр. 153—167.

Какое различіе полагаете вы между Исторіею и романою? Различіе самое простое: Исторія — правда, а романъ — вранье.

Господинъ Е-р-въ держится именно этой теоріи. Ея слѣдуютъ и другіе наши романисты, которые сверхъ-того отвергають вмѣстѣ съ господиномъ Е-р-вымъ старинное классическое условіе — «врать, да мѣру знать!» Мы въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, неизмѣемъ времени входить въ разборъ ихъ ученія. «Игра судьбы» написана совершенно въ духѣ этой школы. Молодой приказный влюбился въ дочь богатаго чиновника; въ него влюбляется жена стараго подьячаго; дочь чиновника выходитъ за полковника, который былъ благодѣтель молодого приказнаго. Тутъ открывается, весьма къ стати, что жена полковника родная сестра молодому приказному. Не игра ли это судьбы? Что если бы онъ женился на своей сестрѣ!..... Зато, онъ женится на красивой и богатой дочери купца, у котораго нанималъ квартиру. Но кто же, тутъ «отецъ по - неволѣ?» Это тотъ самый старый подьячій, котораго жена влюбилась въ молодого приказнаго. Какъ она производила такія штуки не въ первый разъ, то у нея сыскивается дочь, которую оболъщаетъ двоюродный братъ богатаго чиновника, дѣлается потомъ пьяницей, картежникомъ, и наконецъ исправляется и становится честнымъ

человѣкомъ. Тутъ его женить на дѣвущкѣ, которую онъ обольстилъ, и на радости старый подьячій признаетъ ее своею законной дочерью, — и вотъ какимъ образомъ онъ «отецъ по-неволѣ» Въ заключеніе всѣ пьютъ и весьма счастливы.

ПАДЕНІЕ ШУЙСКИХЪ, или времена бѣдствій Россіи. Историческій романъ XVII вѣка. А. Кислова. Сп.-бургъ, въ тип. Греча, 1836, въ — 16, Три части. стр. 214 — 194 — 173.

На безводьѣ и ракъ — рыба. Этотъ романъ можно читать: онъ читается.

Весь романъ Г. Кислова, почти весь выписанъ изъ Исторіи; и, благодаря высокой занимательности предмета, книга вышла довольно занимательная. Любовная часть разсказа ведена почти хорошо. Герой и героиня являются на сцену очень рѣдко, но при каждомъ появленіи, они умѣютъ опечалить читателя зрѣлищемъ своихъ несчастій. Марія Катырева, невѣста молодаго Хованскаго, котораго она любитъ, возбудила страстную любовь къ себѣ въ Самозванцѣ; она дѣлается его жертвою, и умираетъ, давая жизнь плоду этой грубой любви. Хованскій, который лишился всего, въ томъ числѣ и Маріи, и за всѣ свои страданія, за всю привязанность, самоотверженіе, геройство, за свою невѣсту, пріобрѣтъ упомянутый плодъ, постригается въ монахи. Интрига, какъ вы видите, очень проста, и не много занимаетъ мѣста въ романѣ; однако она внушаетъ участіе, и книга, вообще, была бы пріятна, если бѣ авторъ оказалъ болѣе вкуса и не былъ такъ расточителенъ на черныя разговоры, — или на разговоры чернаго народа, — что всё равно.

Павъ Ягожинскій, отступникъ и мститель. Романъ, взятый изъ древнихъ Польскихъ преданій А. П-мъ. Москва, въ тип. Университетской. 1836, въ — 12. Три части, стр.; 79 — 94 — 94.

Что слова «взято изъ древнихъ Польскихъ преданій» — сущая клевета на всѣ возможные преданія, можно догадаться, не имѣя большой догадливости. Да если бы и въ самомъ

дѣль, гдѣ-нибудь были подобныя преданія, начто пятнать Русскую литературу такими нечестностями?

Панъ Ягожинскій, родъ трактирнаго Донъ-Жуана, пьетъ, мотаеъ, обольщаеъ женщинъ и беретъ у нихъ за свою любовь деньги. Наконецъ открываеъся, что панъ Ягожинскій женатъ. Всѣ женщины оставляютъ его, исключая пани Ягожинской, его жены. Панъ Ягожинскій, въ бѣдности, обманываеъ Жидовъ и разбойниковъ; наконецъ, боясь ихъ преслѣдованія, онъ отдаеъ душу чорту. Чортъ беретъ себѣ душу его, но жены его не беретъ: жена пана Ягожинскаго сходитъ съ ума. Всѣ три части этого романа стоить только пять рублей.

АНЕКДОТЫ КУЛЬКОВСКАГО, придворнаго шута императрицы Анны Иоанновны. Москва, въ тип. Эреста, 1836, въ — 16. Часть первая, стр. IX и 58.

Кто былъ Кульковскій, можете справиться у Манштейна. Этого пменно шута женили въ извѣстномъ Ледяномъ домѣ, въ 1739 году. И. И. Ложечниковъ, изображая ледяную свадьбу, перемѣнилъ настоящее имя героя на имя «Кульковскаго». Собраніе «Анекдотовъ» его — маленькая книжонка, принадлежащая по роду своему къ литературѣ толкучаго рынка, гдѣ какъ кажется, между «рядами» Русскихъ читателей шутовскія шутки пошли въ моду. Жаль только что шутки эти выбираются изъ письмовника Курганова. Можно было бы набрать чего-нибудь поновѣе.

МАРКИЗЪ ДЕ-ПОНТАНЖЪ. Сочиненіе Г-жи Жирарденъ, урожденной Дельфины Ге. Переводъ съ Французскаго, Е..... ты... Спб.-бургъ въ тип. Смирдина, И. Глазунова и комп., 1836, въ — 12. Двѣ части, стр., 264 — 272.

Мы догадываемся, что переводомъ этого «сочиненія женщины» одолжены мы досугу какой-нибудь милой нашей соотечественницы, которая передала намъ одно изъ самыхъ плѣнительныхъ произведеній своей литературной сестры.

Женщины пишутъ теперь въ Европѣ весьма много; онѣ ввели даже въ моду свои женскіе романы. Читая ихъ произведенія, можно иногда гнѣваться, что онѣ худо понимаютъ

насъ, мужчине, не умѣютъ цѣнить нашихъ добродѣтелей и описываютъ насъ какъ извѣтчиковъ и чудовищъ, но зато должно сознаться, что ни какой мужчина не откроетъ намъ столько тайнъ женскаго сердца, сколько открываютъ сами женщины и писательницы, которыя сверхъ-того рассказываютъ ихъ пріятно, добродушно, умно. Оттого я очень люблю читать книги женщинъ, — ихъ романы. Тутъ свой міръ, свои условія жизни, свой взглядъ на страсти, на людей, на мужчинъ, на свѣтъ; взглядъ особенный, оригинальный, нередко глубокомысленный, почти всегда милый, какъ сами женщины.

Госпожа Жирарденъ издала уже много небольшихъ, но прекрасныхъ романовъ, и «Маркизь де-Понтавжъ», кажется, едва-ли не лучший изъ нихъ. Не говоря о занимательности, которая такъ велика, что вы не отстанете отъ этой книги, не дочитавши ея до конца, самая мысль романа превосходна. Если угодно, эту самую мысль выразилъ Пушкинъ въ своей «Татьянѣ» и стало-быть она для насъ совсѣмъ не нова, но обстановка ея нова и мастерская. Женщина, жертвующая собою благодарности; потомъ въ борьбѣ съ ужасною страстью, которая для мужчины составляетъ шутку, а для женщины всю жизнь, по словамъ Байрона; и вотъ этотъ гордый мужчина наконецъ запутанъ въ своей шуткѣ, и женщина является во всемъ величій, какос Богъ далъ ей какъ челоуѣку; и гордый мужчина въ домѣ сумасшедшихъ, а женщина, которая на колѣняхъ выпрашивала у него сердца и любви, смотритъ на него съ улыбкой на устахъ, когда слезы катятся между-тѣмъ изъ глазъ ея. Это прекрасно и исполнено поэзіи; это летопись сердца, глубоко чувствующаго. Русская переводчица успѣла поддержать тощъ подлинника, несмотря на кой-какіе галлицизмы, которые въ устахъ женщины имѣютъ особенную прелесть.

МОН ТЕМНИЦЫ. *Записки Сильвіо Пеллико. Переводъ, дополненный краткою біографіею автора, сочиненною Г-мъ Де-Латуръ, и историческими замѣчаніями П. Марончелли. Издалъ Ев. С. Ш.-бургъ, въ тип. О. К. Внутренней Стражи, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. I и 221 — 203.*

Сильвіо Пеллико, Итальянскій стихотворецъ , былъ замѣшанъ въ одно политическое преступленіе , и осужденъ на пятнадцать лѣтъ заключенія въ крѣпости. Около девяти лѣтъ пробылъ онъ въ крѣпости, и былъ освобожденъ императоромъ Австрійскимъ, который сжался надъ его юностью и надъ кроткимъ смиреніемъ , съ какимъ этотъ молодой человекъ переносилъ заслуженное наказаніе. Пеллико возвратился на родину, и издалъ свои *Le mie prigioni*.

Такая книга должна была возбудить любопытство. Итальянскіе и Французскіе либералы думали, что въ ней проклятія, брань, крикъ, вопли, и странно обманулись. Пеллико откровенно сознается въ своихъ заблужденіяхъ, и говоритъ, что съ нимъ обходились строго, но не мучили и не терзали его, напротивъ, были съ нимъ чело­вѣко­любивы и кротки; что вся горячка его прошла, что онъ увѣрился въ необходимости повиновенія законамъ, подкрѣпился, средь страданий, христіанскимъ терпѣніемъ, и надѣется, что Богъ не оставитъ его въ истинномъ раскаяніи. Но этотъ вовсе неожиданный характеръ книги бывшаго либерала придалъ ей особенную занимательность въ глазахъ болѣе благонамѣренной и религіозной части Европейской публики, и записки Пеллико, вышедшія подъ заглавіемъ «Мои темницы», имѣли въ короткое время до двадцати изданій. Онѣ переведены на всѣ языки, и теперь являются по-Русски. Въ послѣднее время, конечно, ни одно твореніе не пользовалось такимъ всеобщимъ успѣхомъ. Любопытство Русскихъ читателей будетъ судить само о содержаніи этихъ записокъ.

ЕВРЕЙ. Картина Германскихъ правовъ въ первой половинѣ XV столѣтія. Сочиненіе Спиндлера. Перевелъ съ Нѣмецкаго Н — й П — ь. С П. -бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834 — 1836, въ-12. Четыре части, стр. 434 — 520 — 524 — 436.

Если отъ романа требовать только занимательности, только того чтобы читателю не хотѣлось бросить книгу, пока онъ не дочитаеть, то Спиндлеръ великій писатель, и мы думаемъ что «Еврей» его подтвердитъ это опредѣленіе. Немного найдемъ мы такихъ мастеровъ завязать, — мало это-

го, — запутать интригу и совершенно овладеть вниманіемъ читателей. Кажется, сочинитель не играетъ фразой, не шалитъ остроуміемъ, почти ничего не вставляетъ отъ себя: онъ только рассказываетъ, но рассказъ его — самая пестрая, цвѣгистая, разнообразная канва, по которой воображеніе читателя разбѣгается въ тысячѣ оттѣнковъ и цвѣговъ. Спиндлеръ принадлежитъ собственно къ школѣ романистовъ послѣдователей Вальтера Скотта; но это романистъ Нѣмецкій и достоинство его совѣтъ не въ томъ, что онъ перелагаетъ Исторію въ золоченныя рамки вымысла: — мы готовы даже назвать лишнимъ все историческое, что остается у него какъ у послѣдователя Абботфордскаго баронета. Въ «Еврей», если угодно, означены время и мѣсто дѣйствія романа: 1414 годъ, городъ Констанць, гдѣ собрался тогда соборъ на Гусса, и куда пріѣхали папа, императоръ Сигизмундъ, Австрійскій герцогъ, и другія историческія лица. Но не это составляетъ романъ Спиндлера: души этого романа — Дагобертъ, сынъ Франкфуртскаго бургомистра, или ратсгера, и Эсвирь, очаровательная жидовка, дочь Франкфуртскаго жиды, банкира и богача. Вокругъ этихъ лицъ являются сотни другихъ, — жиды, съ своей несчастною участью, предрасудками, капиталами и крѣпкою связью; рыцари съ своимъ удалствомъ, мотовствомъ, бѣдностью, развратомъ, суевѣріемъ; Итальянскіе прелаты, съ своимъ схоластическимъ невѣжествомъ, гордостью и роскошью; и на всемъ этомъ рѣзко обозначаются очерки Нѣмецкаго народа среднихъ вѣковъ, народа грубаго, суевѣрнаго, разгульнаго, добраго. Отдѣльные характеры Сигизмунда, Австрійскаго герцога, папы, Гусса, наемнаго бойца Герода, синьора Раноккіо, жиды Іохая, рыцаря фонъ-Росена, Вальрады, лѣснаго сторожа и сумасшедшей Юдони, мелькаютъ въ безконечномъ ряду картинъ, то Жидовскаго жилища, то разбойническаго притона, то монастырской тюрьмы, то застѣданій феже-герихта, то въ домъ богатаго жителя Франкфуртскаго, среди шумной масляницы, въ простонародной гостинницѣ, въ герцогскомъ дворцѣ. И вотъ «Еврей», произведеніе, гдѣ самыя подробности составляютъ очеркъ быта, а авторъ почти ничего не подсказываетъ отъ своего лица.

Можно было бы обвинить автора въ двухъ погрѣшно-

стяхъ, если угодно, въ трехъ. Оттого именно, что число дѣйствующихъ лицъ слишкомъ велико, читатель нередко сбивается въ лицахъ и ихъ дѣйствіяхъ. Это ведетъ къ другой погрѣшности, которою авторъ думаетъ искупить первый недостатокъ: необходимо обременять подробностями и слишкомъ мелко разрисовывать нѣкоторые лица, чтобы придать имъ болѣе выразительности, чтобы выдвинуть ихъ на передній планъ; и необходимо также, при запутанности нѣсколькихъ интригъ вдругъ, прибѣгать къ нечаяностямъ. Отсюда, въ «Евреѣ» напримѣръ, у Спиндлера рѣшительно испорченъ характеръ важнаго лица, — жидъ злодѣя, ослабляется характеръ главнаго героя, неестественнымъ выходитъ характеръ сестры его, злой Вальрады, и многое слишкомъ отзывается Испанскою сказкою, гдѣ главная интрига состоитъ въ подмѣнѣ дѣтей, узнаніи ихъ потомъ, похищеніяхъ цыганами, и прочая, и прочая. Въ Испанской сказкѣ эти приключенія берутъ свое начало въ особенныхъ обществахъ временъ Мавританскихъ и рыцарства Кастильскаго. Наше воображеніе слишкомъ лѣниво, нашего умѣнья далеко не достаетъ, чтобы угопяться за движеніемъ такой интриги, создаваемой южнымъ воображеніемъ. И главное — тамъ это истина, а здѣсь искусство, и притомъ большая несообразность, когда основаніе книги берется съ уложенія Вальтеръ-Скоттовскаго. Испанія и Англія, Исторія и такая сказка никогда не помирятся, какъ бы ни умень и ни ловокъ былъ писатель.

Но мы увѣрены, что «Еврей» чрезвычайно понравится нашей публикѣ. Онъ же притомъ, надобно прибавить, хорошо переведенъ и изданъ очень опрятно.

ЖЕНА КАВАЛЕРИСТА, комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Актера П. Григорьева. СП.-бургъ, въ тип. Д. Вильшиной Торговли, 1836, въ-8., стр. 80.

У стараго полковника Карскаго есть подагра и племянникъ. Подагра его мучитъ, племянникъ его обираетъ, и сверхъ-того, негодай, женится тайно на прелестной бѣдной дѣвушкѣ, тогда какъ дядя именно запретилъ ему жениться на вѣдхъ бѣдныхъ дѣвушкахъ, каковы бы онѣ ни были, прѣ-

лестны или гадки. Племянникъ, — онъ же и *кавалеристъ*, — жигстъ въ деревнѣ дядюшки съ своей потаенной супругою, женою *кавалериста*, какъ вдругъ пріѣзжаетъ Карскій. Куда спрятать новую племянницу, жену *кавалериста*? Придумали переименовать ее въ сиротку Машу и выдать за пріемную дочь управителя Наумыча. Мнимая Маша представлена старому полковнику, который находитъ ее очень умною, — полковникъ, кажется, не большой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, — очень милою, очень невинною; и, не теряя по-пустому времени, такъ какъ это продлило бы водевилъ Г. Григорьевъ, онъ предлагаетъ ей свое сердце и свою руку. Маша пользуется визапною страстью стараго полковника: она требуетъ, чтобъ полковникъ, по любви къ ней, заплатилъ долги племянника, *кавалериста*: полковникъ платитъ долги; она требуетъ, чтобы полковникъ простилъ ему женидбу на бѣдной дѣвушкѣ: полковникъ прощаетъ женидбу. Объ остальномъ вы догадываетесь. Но то, чего вы никогда отгадать не можете, это неумовѣренная масса остроумія, которую Г. Григорьевъ съ удивительнымъ искусствомъ нашелъ средство пролить въ четыре ничтожные стишка, служащія окончаніемъ его остроумному водевилю:

БЕЦКАЯ (къ публикѣ).

«И чтобы автору не дать
Услышать брани журналиста,
Такъ стоитъ только вамъ принять
Въ свой кругъ жену кавалериста.»

1. ÉDUCATION DOMESTIQUE, ou *Instructions morales de la première enfance des deux sexes, dédiées à toutes les mères et aux personnes destinées à les remplacer.* Moscou, impr. de l'Université, 1836, 12mo, pp. IV et 206.

2. подарокъ добрымъ дѣтямъ. *Cadeau pour de bons enfans, Geschenk für gute Kinder.* СПб.-бургъ въ тип. Крайя, 1836, въ-12. длин., стр. 36.

3. новѣйшая французская азбука, посвящаемая прилежнымъ дѣтямъ. *Новое изданіе.* Москва въ тип. Семена, 1836, въ-8., стр. 70.

4. ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ въ переводахъ съ Русскаго языка на Французскій, изданныя Фредоромъ Курте-

перомъ, для среднихъ классовъ Французскаго языка. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-8., стр. 148.

5. АРИМЕТИКА, служащая къ легчайшему обученію малоолтннато юношества, въ двухъ частяхъ, вновь разсмотрѣнная, исправленная и пополненная коллежскимъ ассессоромъ Петромъ Кумпнскимъ. Изданіе девятое. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-12. стр. 187.

6. МУЗЫКАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА, или новый и легчайшій способъ изучать правила музыки для игры на фортепіано. Сочиненіе П. Финагини. Москва въ тип. Евреинова, 1836, въ-8., стр. 61, съ нотами.

Взявъ итогъ всѣхъ произведеній, которыя составляютъ годовую сложность Русской литературы, нельзя не сказать, что отдѣленіе «детскихъ» книгъ, — говоря безъ каламбуровъ, — то есть, книгъ издаваемыхъ для ученія и образованія дѣтей, — довольно велико. Лѣтописи нашей, рѣдкою мѣсяцъ, не приходится записать въ приходъ полдюжины и дюжины книжекъ и книженокъ, назначаемыхъ «для дѣтей», и которыхъ предисловія начинаются обыкновенно словами: «По недостатку (иногда — по совершенному недостатку) у насъ въ книгахъ для юнаго возраста, рѣшился я.....», и прочая. И почти каждый мѣсяцъ, ей приходится жалеть о бѣдныхъ дѣтяхъ или спрашивать себя — вѣдаютъ ли тѣ, которые пишутъ у насъ дѣтскія книги, что такое они творять?

Вонистину, не вѣдаютъ, что творять; и въ добродушиемъ невѣдѣніи, а можетъ-быть и въ лукавомъ умыслѣ, не хотятъ замѣтить, что едва-ли не больше къ разученью, нежели къ наученью, годятся эти дѣтскія книги. Но вотъ на что мастера издателя дѣтскихъ книгъ — на названія! О, тутъ они великіе писатели!.....

«Подарокъ добрымъ дѣтямъ»! Что это такое? Просто, азбука, гдѣ собрано нѣсколько вокабуловъ и напечатаны буквы.

Чѣмъ отличается азбука «для прилежныхъ дѣтей»? Ничѣмъ. Опять та же азбука, къ которой приложено три, четыре разговора, что-то похожее на грамматику, и вокабулы.

А книга Г. Куртенера — почему она «практическая»? Вѣроятно, въ ней, — «для среднихъ классовъ», замѣте, —

приведены правила переводовъ съ Русскаго на Французскій: это дѣло практическое, только объ этомъ дѣлѣ у Г. Куртенера н рѣчи нѣтъ: книжка его собраніе басенъ и всякихъ мелкихъ піесокъ, писанныхъ дурнымъ Русскимъ языкомъ, а къ этому прибавлены вокабулы.

Видно что инымъ кажется, будто слово «грамматика» значить — первая основанія всякой науки и всякаго знанія. По-крайней-мѣрѣ, у насъ бывали — грамматика юридическая, грамматика философскихъ наукъ, и такъ далѣе. Вотъ и музыкальная грамматика, написанная «съ духомъ»: такъ сочинитель переводитъ музыкальный терминъ *spirituoso*. Увидѣвъ заглавіе — музыкальная грамматика, мы были увѣрены, что Г. Финагини переложилъ на музыку грамматику Н. И. Греча или чьюнибудь другую; что онъ по-крайней-мѣрѣ положилъ на ноты склоненія — *сей, сія, сіе, сего, сей, сего, — оный, оная, оное, онаго, оной, онаго*, придумалъ для этихъ склоненій музыкальный мотивъ, заунывный и трогательный, чтобы доставить ихъ любителямъ возможность склонять съ особенною прелестью или сдѣлать для *сего* и *онаго* пѣснь лебедя, которую бы они запѣли себѣ передъ своей кончиною; или наконецъ, что онъ сочинилъ шумный акомпаниментъ съ оркестромъ для всей грамматики, чтобы заглушить всѣ ея произвольныя отступленія отъ общаго употребленія, всѣ солесизмы, которыя она выдаетъ за правильности и красоты, всѣ несогласія съ настоящимъ Русскимъ языкомъ. Ничего этого нѣтъ! Такъ что жъ это за музыкальная грамматика? Изъ нея вы узнаете только, что такое педаль, дѣза, нота, а многого вовсе не узнаете, хотя авторъ и говоритъ о многомъ. Нѣтъ, надо признаться по совѣсти, что мы еще не имѣемъ настоящей музыкальной грамматики!

Но мы съ удовольствіемъ остановимъ вниманіе читателей на книжкѣ, изданной по-Французски «О домашнемъ воспитаніи» госпожею Годонъ, и пожелаемъ, чтобы сочинительница напечатала эту книжку и въ Русскомъ переводѣ. Посвятивъ всю жизнь практическому воспитанію дѣтей, госпожа Годонъ передаетъ сердцу матерей наставленія простыя, незатѣйливыя, но истинно полезныя. Выписываемъ содержаніе статей, на которыя дѣлится ея поучительное сочиненіе: Опасность пренебрегать нравственность въ первомъ воз-

расть. — Равнодушіе къ воспитанію перваго возраста. — Сбразованіе нравовъ новаго поколѣвія. — Чтò такое воспитаніе во время кормленія грудью? — Пороки, пріобрѣтаемы въ первоначальномъ воспитаніи. — Управление первымъ возрастомъ дѣтей, заставляя ихъ разсуждать. — Объ уваженіи къ дѣтямъ. — О различіи характеровъ дѣтскихъ и способахъ управлять ими. — О пріученіи дѣтей къ порядку. — Пзъясненіе нравственности дѣлами Божиими; религія и вопросы дѣтей о будущей жизни. — О лжи. — О наградахъ и ободреніи. — О худо-понимаемомъ самолюбіи, переходящемъ въ гордость. — Заключение. — Все это дышитъ чистымъ чувствомъ добра, христіанскою нравственностью и желаніемъ практической пользы; женщина говоритъ женщинамъ, опытная наставница добрымъ матерямъ; у нея есть своя система, которую онѣ хорошо поймутъ другъ у друга: это система сердца, исполненнаго чувствомъ совѣсти и религіи. Мы охотно извиняемъ неизящество языка книги, которой нельзя отказать въ желаніи добра и пользы общественной, и обрадуемся, когда она будетъ въ рукахъ всѣхъ матерей • наставницъ, которымъ мало нужды до слога, а большая нужда до мыслей сочинительницы.

руководство для родителей, желающихъ опредѣлить малолѣтнихъ дѣтей своихъ въ военно-учебныя заведенія, составленное по приказанію Его Императорскаго Высочества, Главнаго Начальника пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка, и изданное по Высочайшему соизволенію. Сп.-бургъ, въ тип. Прица, 1836, въ-8., стр. XXIII и 211.

Новотъ книга истинно полезная и которая будетъ имѣть читательницею всю Россію. Кто изъ Русскихъ не долженъ быть проникнуть самою пламенною признательностью къ Августѣйшему Дому, Котораго пріятнѣйшее занятіе, среди заботъ о великихъ судьбахъ Россіи, есть воспитаніе Русскаго юношества, — этой надежды и гордости отечества, и Который еще съ такою заботливостью облегчаетъ для всѣхъ сословій способомъ пользоваться Его Высокими благодѣяніями? Военно-учебныя заведенія, въ послѣдніе годы, сдѣлали не-

полюнскіе шаги къ образцовому благоустройству по всемъ частямъ : преподаваніе учебныхъ предметовъ въ нихъ вообще распространено и усилено; выборъ наставниковъ, основанный на болѣе строгихъ правилахъ и болѣе щедромъ вознагражденіи, доставилъ имъ отличныхъ преподавателей; надзоръ за успѣхами и нравственностью воспитанниковъ, и самое ихъ содержаніе, чрезвычайно улучшены. Новыя усовершенствованія каждый день упрочиваютъ еще то цвѣтущее состояніе, котораго эти заведенія уже достигли. Между тѣмъ, не всемъ родителямъ извѣстны правила, по которымъ малолѣтныя туда опредѣляются. Многіе, имѣя возможность воспитать дѣтей своихъ на счетъ Правительства, лишаются этого благодѣянія, потому что не знаютъ, во-первыхъ, гдѣ и какія заведенія существуютъ, во-вторыхъ, на какомъ основаніи, въ какое время, какимъ порядкомъ, принимаются дѣти въ каждое изъ этихъ многочисленныхъ заведеній, и къ кому должно обращаться съ просьбами о пріемѣ. Книга, изданная теперь подъ заглавіемъ «Руководство для родителей» и составленная съ большимъ тщаніемъ, объяснитъ имъ все эти подробности. Здѣсь найдутъ они общія и частныя правила всехъ военно-учебныхъ заведеній, съ объясненіемъ особенныхъ преимуществъ каждаго и порядка подачи просьбъ, съ программами предварительныхъ познаній, какія гдѣ требуются отъ воспитанниковъ при ихъ опредѣленіи, даже съ формами просьбъ, спискомъ лицъ, начальствующихъ надъ заведеніями и показаніемъ гдѣ эти лица имѣютъ жительство и гдѣ находятся самыя заведенія. Не возможно простерть далѣе внимательной заботливости объ удобствѣ ихъ, кому съ другой стороны столь великодушно предлагаютъ такую милость, какова воспитаніе ихъ потомства!

избранные листки изъ *Англійскаго Зрителя* и нѣкоторыхъ другихъ *періодическихъ изданій того же рода. Съ Англійскаго. Книжка шестая и послѣдняя, съ приложеніемъ пяти отрывковъ изъ Мильтонова Потеряннаго Рая, переведенныхъ стихами. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. 60, XII и 42.*

Уже нѣсколько лѣтъ издавались эти «листки» въ Москвѣ, сперва листками, потомъ тетрадками: вотъ послѣдняя. Пе-

реводчикъ выбиралъ, что казалось ему хорошимъ въ Аддисонъ, Стюартъ, и другихъ Англійскихъ моралистахъ. Мы уже нѣмнѣе случай говорить о переводѣ, и теперь разстались бы съ нимъ друзьями, если бѣ переводчикъ, въ заключеніе, не принялся за Мильтона и не сталъ писать стиховъ. Напрасно! Совѣтъ напрасно!

РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію, или *Этимологическій лексиконъ Русскаго языка*, и прочая. Составленный Филиппомъ Рейфомъ. СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1836, въ-8. Томъ второй, стр. отъ 611 до 1111. — алфавитный списокъ Русскимъ словамъ, содержащимся въ обихъ частяхъ сего словаря, и прочая; стр. 279. — прибавленіе, стр. 8.

Мы изложили довольно подробно мнѣніе наше объ этомъ огромномъ трудѣ Г. Рейфа, говоря о первой части его «Этимологическаго лексикона». Съ того времени ничего не перемѣнилось ни въ системѣ ни въ духѣ сочиненія, и примѣчанія наши остаются въ своей силѣ, примѣняясь равномерно къ обоимъ его томамъ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, *Вильмена*. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1836, въ-8. Части I и II, стр. IV и 297 — IV и 276.

Этому сочиненію мы посвятили, по недостатку мѣста въ нашей Летописи, статью болѣе обширную въ отдѣленіи Критики.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТАБЛИЦАХЪ *В. А. Жуковскаго*. Сочиненіе А. Краевскаго. Съ образцовою сокращенною таблицею для Древней исторіи. СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1836, въ-8., стр. 32.

Заглавіе этой брошюры, безъ-сомнѣнія, возбудитъ живѣйшее любознѣтельство въ публикѣ. «Какъ?» спроситъ каждый изъ насъ: «тотъ, — cui dedit Musa ore loqui rotundo, — которому небо дало увлекательную способность говорить звучными устами, сладчайшій изъ нашихъ поэтовъ, непод-

ражасмый художникъ Русскаго слова, подъ перомъ котораго нашъ языкъ, какъ камень подъ рѣзцомъ Кановы, принималъ формы самыя мягкія, округлости самыя пѣжныя и прозрачныя, — Василій Андреевичъ Жуковскій, посвятилъ себя труду мучительному, скучному, требующему безконечнаго соображенія мелкихъ подробностей, сухихъ фактовъ, безплодныхъ чиселъ, однимъ словомъ составленію историческихъ таблицъ?» Ну, да! Какъ ни удивительно, послѣ «Ундины» вдругъ увидѣтъ въ немъ наследника терпѣливыхъ Страссовъ, Лесажей, Ниссеновъ, Крузе, тѣмъ не менѣе всѣ, разсмотрѣвъ внимательно образчикъ новаго труда его, скажутъ, что В. А. Жуковскій *долженъ* былъ запыться составленіемъ подобныхъ таблицъ, и что надобно быть ему благодарнымъ за то, что онъ не счелъ ихъ занятіемъ недостойнымъ себя и своей славы. Каждый, кому впадетъ на умъ мысль счастливая и плодovitая, долженъ осуществить ее, для пользы общей. В. А. Жуковскій попалъ именно на такую мысль.

Скажемъ откровенно, что мы принялись разсматривать образцовую таблицу, приложенную къ этой брошюрѣ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не льстить В. А. Жуковскому, потому что самъ онъ, върогатно, желаетъ услышать мнѣніе людей независимыхъ о своемъ изобрѣтеніи, и что предметъ столь важный, каковъ — новая педагогическая методика, стоитъ чего нибудь лучшаго пошлюстей услужливаго панегирика. Сверхъ-того мы вообще не жалуемъ историческихъ таблицъ, и всякихъ средствъ способствованія къ лѣни ума и памяти, цѣня выше всего то, что пріобрѣтается трудомъ правильнымъ, совѣстливымъ, безъ уловокъ: комфортъ въ гостиной — вещь превосходная, но комфортъ въ наукѣ, по-нашему, нигуда не годится; это — разореніе просвѣщенія. Трудись, ройся; ищи, повѣрай все самъ — будешь знать! Только это правило считаемъ мы полезнымъ правиломъ для учащагося. При такихъ понятіяхъ о дѣлѣ, — и при несомнѣнномъ желаніи высказать очень ясно результатъ нашихъ размышленій надъ историческими таблицами, каковъ бы онъ ни былъ, — признаться, изобрѣтеніе В. А. Жуковскаго подвергалось опасному испытанію, и еще неудобству понасть подъ разборъ судей предубѣжденныхъ. Тѣмъ пріятнѣе для насъ ска-

зять, что оно съ торжествомъ выдержало это испытаніе. Мы впрямь съ историческими таблицами. Остроумное изобрѣтеніе это вполне устраняетъ тѣ недостатки, въ которыхъ мы упрекаемъ историческія таблицы, атласы, нынѣ извѣстные въ преподаваніи. Это — тѣ же историческія таблицы наоборотъ; и потому онѣ не только не покровительствуютъ лѣни ума и памяти, но напротивъ, напрягаютъ всѣ способности ума и памяти, способны упражнять ихъ съ очевидною пользою, уничтожаютъ механическое ученіе и ведутъ къ разсужденію.

Безъ помощи таблицы, которая приложена къ брошюрѣ Г. Краевского, невозможно дать нашимъ читателямъ точнаго понятія о подробностяхъ метода В. А. Жуковского; но мы опредѣлимъ характеръ этого прекраснаго изобрѣтенія другимъ образомъ. Г. Жуковскій сдѣлалъ для Исторіи то же самое, что уже сдѣлано для Географіи посредствомъ картъ, на которыхъ рисуются рѣки, горы и города, но не означаются границы государствъ и не пишется никакихъ названій, для того чтобы учащійся самъ проводилъ границы на картѣ и называлъ города, рѣки, горы, по относительному ихъ положенію. Польза такой методы при изученіи Географіи доказана опытомъ; и хотя къ верховному рѣшенію опыта слѣдовало бы отнестись и въ разсужденіи практической выгоды историческихъ таблицъ Г. Жуковского, однако мы не заслужимъ упрека въ легкомысленности, предсказывая имъ весь успѣхъ, какого ожидаетъ авторъ, и рекомендуя ихъ полному вниманію педагоговъ. Утвереніе въ величайшей ихъ пользѣ для успѣшнаго и *разсудительнаго* преподаванія Исторіи въ пансіонахъ, домашнемъ ученіи и гимназіяхъ, почерпаямъ мы именно изъ сходства идеи этихъ историческихъ таблицъ съ идеей географическихъ картъ безъ надписей. Это совершенно та же метода, весьма удачно примененная къ Исторіи. Не имѣя передъ глазами одной изъ таблицъ В. А. Жуковского, можно почесть парадоксомъ утвержденіе — что онъ составилъ *историческія ландкарты безъ надписей*; но дѣло легко объясняется, когда мы скажемъ, что изображеніямъ горъ, рѣкъ и городовъ, соответствовать здѣсь особенная система идеографическихъ знаковъ, представляющихъ эпохи, царствованія и событія, система

замысловатая и которую можно совершенствовать и разнообразить до бесконечности. Открытіе сдѣлано; время и опытъ покажутъ средства извлечь изъ него наибольшую пользу. Между тѣмъ честь и слава изобрѣтателю; принесемъ ему дань заслуженной признательности.

Главная черта, которая поразила насъ при разсматриваніи образцовой исторической таблицы или, точнѣе, исторической карты, состоитъ въ томъ несоизвѣстномъ преимуществѣ, что ученикъ и учитель принуждены объясняться безъ книги и оба предварительно приготовляться къ объясненію. Выгоды этого обстоятельства, для упражненія умственныхъ способностей ученика, и для рачительности учителя, неисчислимы. Читалъ потомъ брошюру Г. Краевского, которая, за исключеніемъ слога, показалась намъ очень хорошо написанною, мы нашли, что оно дѣйствительно входило въ планъ изобрѣтенія, и оценено надлежащимъ образомъ ея сочинителемъ. Изъ брошюры мы узнаемъ еще, что В. А. Жуковский, не ограничиваясь одною Исторіею, составилъ такія же таблицы и для другихъ наукъ, но что историческая часть выйдетъ прежде прочихъ.

святаго отца нашего іоанна златоустаго, *архіепископа Константинопольскаго, Слова о священствѣ. Перевелъ съ Греческаго языка Санктпетербургской Духовной Академіи бакалавръ, Морскаго Богоявленскаго-Николаевскаго Собора священникъ, магистръ Іоаннъ Кдюковъ. Сп.-бургъ, въ тип. Крыловскаго, 1836, въ-8., стр. VIII и 211.*

«Слова о священствѣ» суть одно изъ самыхъ назидательныхъ, глубокихъ и краснорѣчивыхъ сочиненій Іоанна Златоуста. Великій ораторъ христіанства старался показать въ немъ всю важность священническаго сана, всю его трудность, все величіе. Звучный потокъ словъ Златоустаго течетъ прямо въ сердце читателя, и наполняетъ его теплою любовію къ Богу, кротостью, смиреніемъ, чувствомъ высокихъ обязанностей христіанина. Какая пылительная Философія!..... Подобная книга, переведенная духовною особою, внушаетъ особенное уваженіе къ переводчику! онъ не мо-

жетъ не быть глубоко проникнутъ наставленіями, мыслями, красотами и чувствами творенія, съ которыми сроднился трудомъ долгимъ и не легкимъ. Кто читалъ когда-либо Юзана Златоустаго въ подлинникѣ, тотъ оцѣнитъ всю трудность передать его другимъ языкомъ. Мы съ удовольствіемъ скажемъ, что почтенный переводчикъ «Словъ о священствѣ» умѣлъ побѣдить ее. Переводъ его, за исключеніемъ некоторыхъ оборотовъ и словъ, менѣе изящныхъ или не столь употребительныхъ, вообще очень гладкій и плавный, живо напоминаетъ цѣль и движеніе фразы подлинника, — по крайней-мѣрѣ столько, сколько одинъ изъ новѣйшихъ языковъ можетъ напоминать собою Греческій, самый величественный и совершеннѣйшій изъ языковъ. Переводъ очень хороше, и приноситъ честь искусству отца Юзана Колоколова.

Нѣкоторыя изъ забавъ *отдохновенія*, или *бесѣда съ современниками и потомствомъ*, въ 1834 и 1835 годахъ, Николая Назаровича Муравьева, тайнаго совѣтника. *СП.-бургъ*, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1836. Часть одиннадцатая, въ-8., стр. 266.

Эта одиннадцатая часть «Забавъ отдохновенія» имѣетъ связь съ десятию прежними, счетъ статей продолжается въ ней отъ первой части: тамъ было ровно 100 статей; здѣсь вновь 10 статей; и того 110. Но десятая «Забавка» раздѣляется сама по себѣ на 165 статей, такъ что всѣхъ забавъ имѣется въ наличности, 264.

Извѣстно, что почтенный авторъ «Забавъ» отличается особенною оригинальностью, которая отъ мыслей простирается до самаго правописанія. Онъ пишетъ, наприимѣръ, *розборъ*, *розтаеваніе*, *честилюбіе*, *снзидныіе*, *пъснпльцы*, *снлпльшій*, *самалюбіе*, и прочая; и должно признаться, что это *сильно* умножаетъ забавность этихъ «Забавъ». Бесѣдуя «съ современниками 1834 года» и съ нхъ «потомствомъ 1835 года», авторъ принужденъ былъ употребить языкъ средній, который бы не принадлежалъ ни 1834 ни 1835 году, ни современникамъ ни потомству, но равно былъ

бы забавень для тѣхъ и для другихъ : Такимъ образомъ онъ вводитъ много словъ новыхъ , каковы *умпизъ*, *говорьба*, *питий-датель*, *миловзорая*, *вѣтросердая*, *мужебуи*, *краснодѣй*, *медоглагомивый*, и прочая. Наконецъ почтенный авторъ неистощимо разнообразенъ. Въ одиннадцатой части, онъ говоритъ о картинѣ Брюлова и навозѣ; о солнечномъ свѣтѣ, и о томъ, почему Русскій не умѣетъ носить Нѣмецкаго нижнаго платья, о торговлѣ и лунѣ, о грамматикѣ и удобреніи полей. Если есть люди, которымъ это еще не довольно забавно, такъ эти люди, право не умѣютъ забавляться!

«Предпріятіе издавать свои понятія печатію, говоритъ авторъ, не въ волю человека; онъ не можетъ желать, хотѣть себя скучнаго, непріятнаго, ибо *издавать книгу свою печатію*, есть дѣло отменно скучное, отменно непріятное, особенно когда самъ сочинитель видитъ несходство своихъ понятій съ понятіями общими въ текущее время между людьми преобладающими. Вотъ доводъ, что и изданіе книги, если не всегда, то нередко дѣлается также по волю Провидѣнія. Слѣдовательно, и изданіе одиннадцатой части моихъ Забавъ отдохновенія по той же волю. И мы просимъ на насъ не гнѣваться. Это не трудно просвѣщенному читателю. Прочихъ же мы просимъ *пройти мимо ихъ вниманіемъ мимо Забавы отдохновенія*. Онѣ, конечно, не будутъ отвѣчать ихъ ожиданіямъ.

Прежде этого, разсуждая самъ съ собою, авторъ говорить:

«Я зналъ, что современные плохо будутъ понимать и *содержаніе* и *цѣль* моихъ забавъ. Всему назначено время. Но не было въ мой волю не печатать ихъ.»

И такъ, по волю Провидѣнія, является одиннадцатая часть «Забавъ» Николая Пазаровича Муравьева. Самъ почтенный авторъ проситъ не читать ихъ, будучи напередъ увѣренъ, что ихъ не поймутъ. Кромѣ оригинальности дарованія, авторъ имѣетъ еще даръ никогда не ошибаться въ своихъ предсказаніяхъ. Удивительно! удивительно! Какимъ образомъ онъ предугадалъ, что мы «плохо» будемъ понимать *содержаніе* его «Забавъ отдохновенія» и *цѣль*, для которой онъ такъ забавляется, этого мы не можемъ постигнуть! Это такъ странно, что мы, въ недоумѣніи, согласно желанію автора тотчасъ «проходимъ всѣ его забавы вниманіемъ».

Энциклопедическій лексиконъ. *Томъ шестой.*
 БИН—БРА. С.П.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1836, въ-8.,
 стр. 551.

Во множествѣ любопытныхъ статей этого тома, изъ которыхъ каждая содержитъ въ себѣ извѣстіе полезное или занимательное, должно въ особенности отличить слѣдующія: Биричь — Бирка — Бироны — Блюхеръ — Богословскіе заводы — Бокка-ди-Каттаро — Боккачю — Боливія — Бомбей — Бонапарте (фамилія) — Бонифацин — Борджин — Борисовъ — Борисъ Годуновъ — Борисо — Боровицкіе пороги — Борятинскіе — Боснія — Бостонъ — Ботаника — Бошисманы — Болре — Бразилія — Браилловъ — Бранденбургъ — Бракъ, обширная статья, весьма интересная для супруговъ, и прочая, и прочая. Въ слогъ, какимъ вообще писаны статьи этого тома, примѣтно гораздо болѣе обдѣлки, и менѣе пестроты, противъ прежняго. Вообще, это обширное и важное для Русской образованности предпріятіе продолжаетъ болѣе и болѣе заслуживать довѣріе и одобреніе публики, которая такъ ревностно его поддерживаетъ.

ГЕОДЕЗІЯ, или Руководство къ изслѣдованію общаго вида Земли, построенію картъ, и производству тригонометрическихъ съемокъ и нивелировокъ. Составилъ А. Болотовъ, генеральнаго штаба подполковникъ. Часть первая. Сферическая Тригонометрія. Астрономическая Геодезія. Высшая Геодезія.

Г. подполковнику Болотову мы будемъ обязаны первымъ курсомъ Геодезіи на Русскомъ языкѣ. Труда его не должно принимать за переводъ или компіляцію иностранныхъ сочиненій о Геодезіи: Г. Болотовъ, пользовался трудами своихъ предшественниковъ только какъ матеріалами для составленія курса полнаго по методу, которая принадлежитъ ему и отличается примѣчательною ясностью; сверхъ-того, это Геодезія національная Русская, такъ какъ авторъ старается знакомить читателя между прочимъ не только со способами, которые преимущественно употребляются въ Россіи при измѣреніи и съемкѣ поверхности Земли и построеніи топо-

графической карты имперіи, — національнаго памятника, постепеннаго по ревностно совершаемаго нашими инженерами-географами, но и съ результатами геодезическихъ изслѣдованій нашихъ ученыхъ и офицеровъ. Мы сказали — полный курсъ: это требуетъ объясненія. Геодезическія дѣйствія, то есть, средства достигнуть съ одной стороны до точнаго опредѣленія общаго вида Земли какъ шарообразнаго тѣла и съ другой до опредѣленія частныхъ уклоненій въ каждой странѣ отъ формы, которую бы должна имѣть Земля, если бь она была совершенно правильнымъ шаромъ или совершенно правильнымъ эллипсоидомъ вращенія, — эти дѣйствія такъ тѣсно связаны со всеми началами Геометріи, Математики, Астрономіи, Физики и Высшей Механики, что, предполагая слушателя основательно знающимъ все эти начала, Геодезія могла бы ограничиться простыми правилами практическаго измѣренія, и наоборотъ, допустивъ, что начала эти ему неизвѣстны или худо извѣстны, ей пришлось бы включить въ свой кругъ все точныя науки. Отсюда объемъ курса Геодезіи различенъ у каждаго писателя, смотря по тому для какихъ слушателей курсъ составленъ. Г. Болотовъ, создавая его въ Россіи, естественно долженъ былъ сообразоваться со степенью приготовленія тѣхъ, кто будетъ употреблять его книгу, и придумалъ средство быть вполне яснымъ для начинающихъ, не обижая самолюбія знакомыхъ съ высшими науками. Его сочиненіе представляетъ непрерывную перемешку крупнаго и мелкаго шрифта: крупный будутъ читать близорукіе, а мелкій предназначенъ дальновиднымъ. Такимъ образомъ онъ начинаетъ первый томъ своей книги краткимъ повтореніемъ прямолинейной и сферической Тригонометріи, физической Географіи и теоріи оптическихъ стеколъ, а оканчиваетъ «способомъ наименьшихъ квадратовъ», который понятенъ только сильнымъ въ высшемъ анализѣ. Въ этомъ же томѣ изложенъ способъ генерала Шуберта, который употребляется при геодезическихъ дѣйствіяхъ въ Россіи и отличается отъ Французскаго, или Кассиніевскаго способа, тѣмъ, что генералъ Шубертъ принимаетъ за координаты два бока четвероугольника, диагонально противоположные данной точкѣ сѣти, тогда какъ во Франціи берутъ, выходя изъ этой точки, два бока слѣ-

дующіе одинъ за другимъ. Наконецъ Г. Болотовъ представляеть сдѣланное имъ вычисленіе сжатости земнаго шара въ сѣверозападной Россіи, которую онъ вывелъ по даннымъ Г. Струве и изъ неизданныхъ измѣреній меридіана генерала Теннера. Объ этомъ любопытномъ выводѣ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Если бы Земля была совершеннымъ шаромъ, само собою разумѣется, что всѣ градусы меридіана были бы равны между собою. Между-тѣмъ, давно уже замѣсно, что длина градусовъ возрастаетъ отъ экватора къ полюсамъ. Изъ этого слѣдовало заключить, что Земля должна быть овальный шаръ, на подобіе яйца, или эллипсоидъ, то есть, выпуклая посерединѣ, подъ экваторомъ, и сжатая по сторонамъ, въ направленіи къ полюсамъ. Эта овальность такъ незначительна, что вообще принимаютъ землю за шаръ, однако она иметъ вліяніе не только на длину градусовъ, но и на нѣкоторыя неровности въ теченіи Луны около Земли: одно неравенство этого спутника нашей планеты, зависящее именно отъ овальности Земли, показываетъ, что сжатость земнаго шара къ полюсамъ должна быть равна $\frac{1}{308}$. Теперь, если бы Земля была совершеннымъ эллипсоидомъ, градусы меридіана отъ экватора къ полюсамъ, по вычисленію, правильно возрастали бы двадцатью четырьмя метрами; но измѣренія дугъ меридіана въ разныхъ странахъ обнаружили и тутъ неровности: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ градусъ возрастаетъ гораздо сильнѣе, въ другихъ гораздо менѣе. Налобно думать, поэтому, что Земля не есть ни шаръ ни овалъ, а неправильное круглое тѣло, неправильный сфероидъ, составленный изъ обширныхъ горбовъ и углубленій, которые распространяются даже на поверхность океановъ, однако жъ весьма близкій къ эллипсоиду и дѣйствительно сжатый къ полюсамъ. Измѣренія Лакаля заставили даже предполагать, что южное полушаріе болѣе сжато чѣмъ сѣверное. Здѣсь, каждый постигнетъ, какъ любопытно было бы измѣрить всѣ меридіаны, чтобы наконецъ составить себѣ понятіе о точномъ видѣ планеты, на которой мы обитаемъ, тѣмъ болѣе, что безъ этого нельзя построить вѣрныхъ глобусовъ и картъ географическихъ. Самое значительное геодезическое измѣреніе дуги меридіана во Франціи, на простран-

ствѣ семи съ половиною градусовъ, отъ Дюнкирхена до Монжуи, по сравненіи съ измѣреніями дугъ въ Перу, Лапландіи, и прочая, дало такую среднюю длину градусовъ, какъ-будто сжатость земнаго шара была равна не $\frac{1}{303}$ а $\frac{1}{300}$; и эта сжатость принята за основаніе при составленіи большой карты Франціи. Генераль Шубертъ, опираясь на вычисленія Абовскаго профессора Вальбека, опредѣнилъ для большой карты Россіи среднюю сжатость земнаго шара въ $\frac{1}{302}$. Гёттингенскій профессоръ Г. Шмидтъ, соображая длины градусовъ, измѣренныхъ понынѣ въ разныхъ частяхъ свѣта, назначаетъ средней сжатости только $\frac{1}{297}$. Въ Россіи измѣрили дугу въ восемь градусовъ, слѣдственно болѣе чѣмъ во Франціи: Г. Струве производилъ эти измѣренія отъ острова Гохланда подъ 60° широты до Якобштата, а генераль Теннеръ продолжалъ ихъ отъ Якобштата черезъ Невъжъ до Бѣлинь, подъ 52° широты; и изъ этихъ-то данныхъ Г. Бомотовъ старался вывести частную сжатость земнаго шара для западной Россіи. Вычисленіе дало ему $\frac{1}{326}$, что составляетъ гораздо болѣе средней сжатости нашего полушарія.

Пожелаемъ чтобы авторъ продолжалъ прекрасный трудъ свой съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ онъ его началъ.

новооткрытый, многократно испробованный и физическими опытами доказанный способъ осушать безъ малѣйшихъ издержекъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всякое сырое дерево, такъ чтобы его можно было тотчасъ употребить въ дѣло, и на немъ послѣ не дѣлается ни какихъ трещинъ и щелей. Москва, въ тип. Шономарева, 1836, въ поллиста, 2 страницы.

2. *наставленіе какъ легкимъ и выгоднымъ способомъ гнать деготь, въ большомъ и маломъ количествѣ. Москва, въ тип. Кирилова, 1836, въ-12., стр. II.*

карманная книга для егерей и охотниковъ, или безцѣнный подарокъ любителямъ звѣриной ловли и птичьей стрѣльбы (слѣдуетъ еще сорокъ строкъ заглавія). Москва, въ тип. Еврешиова, 1836, въ-8., стр. 11 и 217.

Листокъ, на которомъ нѣкто Г. Самуэль Фридрихъ называетъ «пользоприятный, многократно испробованный и физическими опытами доказанный способъ сушить дерево», есть кажется, добросовѣстное обнаруженіе дѣла, важнаго для ремесленниковъ. Г. Фридрихъ могъ дѣйствительно сдѣлать открытіе, не зная, что оно давно уже сдѣлано: это впрочемъ не уменьшаетъ цѣны его искусства и благаго намѣренія. Какъ цѣль творенія Г. Фридриха по-видимому та, чтобы все знали его секретъ, то мы охотно пособимъ ему въ предпріятіи и скажемъ, что этотъ способъ состоитъ въ плотномъ закрытіи дерева отъ наружнаго воздуха и подверженія его въ этомъ видѣ постепенному жару: такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, можно довести самое сырое дерево до удивительной степени сухости. Мы советуемъ начальникамъ сельскихъ хозяйствъ прочесть листокъ Г. Фридриха, испытать способъ и распространить его между своими столярами и плотниками. Каждое водвореніе полезнаго производства есть патріотическій подвигъ.

Въ «Легкомъ и выгодномъ способѣ гнать деготь», мы узнаемъ только, что деготь добывается изъ березовой коры и собирается въ корчаги. Авторъ гораздо лучше бы сдѣлалъ, описавъ намъ несравненно выгоднѣйшій способъ — вовсе не гнать дегтю, не употреблять дегтю и не портить березы изъ деготь.

«Карманная книга для егерей «охотниковъ» сильно добирается до кармацовъ легковѣрныхъ егерей и охотниковъ, стараясь обольстить ихъ заглавіемъ, которое съ трудомъ помѣстилось, самыми мелкими буквами, на цѣлой осьмушкѣ. Такой шарлатанской книжонки мы давно не видавали въ Русской библиографіи. Не только «птичей стрѣльбѣ» и «звѣриной ловлѣ» беретса учить издатель карманной книжки, но онъ еще открываетъ секреты заговаривать ружья, лить пули на манеръ Фрейшюца, на-вѣрное попадающія въ цѣль, заколдовывать ружья, ловить воронъ руками, пріучать собаку къ отыскиванію украденныхъ вещей, и утѣряеть что олень получилъ главнѣйшія тайны отъ какого-то А. О. Храброва, который болѣе пятидесяти лѣтъ посвятилъ Егерской должности: и дополнилъ все это своими опытами и извлеченіями «изъ лучшихъ Нѣмецкихъ писателей, каковы Гердеръ, Веймаръ,

Истинъ, Гармонъ», и прочіе. Какой сельскій охотникъ не пошлетъ послѣ этого своего пса ря поскорѣе добыть эту драгоценную книгу у бородатаго продавца книжнаго товара, лишь-только увидитъ изъ Московскихъ вѣдомостей, что эта драгоценность, — «безцѣнный подарокъ», — появилась на свѣтъ!

нумерація домовъ, въ Санктпетербургѣ, съ алфавитными списками проспектамъ, улицамъ, площадямъ, набережнымъ, мостамъ, Невскимъ пристанямъ, городскимъ взвѣдамъ, соборнымъ и приходскимъ церквамъ, дворцамъ, монументамъ и владѣльцамъ домовъ. Составлена при канцеляріи Санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора. Сп.-бургъ, 1836, въ-8., стр. 418, 251 и 40, съ планомъ Петербурга.

Что можетъ быть удобнѣе, полезнѣе этой книги, вышедшей подъ скромнымъ названіемъ «Нумерація домовъ въ Санктпетербургѣ»? Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла, въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, она уже намъ оказала тысячу значительныхъ услугъ. Извѣстно, что, въ прошедшемъ году, всѣ дома въ Петербургѣ перемѣнили свои отличительные знаки: прежнія, бѣлые нумерныя доски исчезли; другія, желтыя, съ новыми нумерами, и подписями, заняли ихъ мѣсто. Но этотъ новый порядокъ, какъ всѣ новые порядки, требуетъ на первый случай объясненія и руководителя, пока къ нему привыкнуть; и потому нельзя не поблагодарить тѣхъ, которые приняли на себя трудъ издать это необходимое руководство. Теперь, чтобы написать письмо къ знакомцу или отыскать пріятеля, который живетъ въ Петербургѣ *нужно только знать: названіе улицы и новый номеръ дома*; вамъ нѣтъ нужды, кому этотъ домъ принадлежалъ или принадлежитъ; новый номеръ его и улица неизмѣняемы. Обратитесь къ книгѣ, о которой имѣемъ честь докладывать, и вы узнаете городскую часть, гдѣ находится улица, а прогивъ новаго номера дома и старый номеръ его. Читая интересныя объявленія въ газетахъ, гдѣ обыкновенно выставляютъ только названіе городской части, число квартала и номеръ дома, не вѣдаешь его настоящаго мѣста; нынѣ озна-

ченіе улицы и новаго номера дома, замѣнить всѣ прежніе указанія. Вы прибѣгаете къ благотѣльницѣ, и она объявляетъ вамъ гдѣ улица начинается и оканчивается; мало того, — она покажетъ вамъ эту улицу осязательно, на планѣ, потому что къ ней приложенъ прекрасный планъ Петербурга, въ который внесены всѣ повѣйшія измѣненія. Зная только имя владѣльца нужнаго вамъ дома, вы безъ труда отыскиваете въ ней не только часть и улицу, гдѣ этотъ домъ находится, но и его номеръ новый и старый, и другіе свѣдѣнія! Какъ не полюбить такой совѣтницы, которая *прямо и вѣрно ведетъ къ цѣли*. После календаря, мы не знаемъ книги полезнѣе «Нумераціи домовъ», и, въ свою очередь, совѣтуемъ каждому застаться ею. Прибавьте еще, ко всѣмъ ея превосходнымъ качествамъ, ту, столь рѣдкую въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ, нравственную добродѣтель, — что, несмотря на свою толщину, она, вся, и съ этимъ прекраснымъ планомъ Петербурга, стоить только семь рублей пять-десять копѣекъ.

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Россія, въ этомъ вѣтѣ сомнѣнія, дѣлаетъ быстрые, удивительные успѣхи на поприщѣ Пыльщныхъ Художествъ. Списокъ нашихъ художниковъ, уже украшенный нѣсколькими знаменитыми именами, и однимъ колоссальнымъ, каждое трехлѣтіе умножается новыми кандидатами на славу и на уваженіе со стороны соотечественниковъ. Пыльщная выставка можетъ назваться блестящею, и далеко превосходить прежнія выставки, которыя также превосходили всегда своихъ предшественницъ. Мститый президентъ дождался наконецъ той поры, когда, подь его управленіемъ, главное училище художествъ прибавило одинъ, свѣтлый и полный, лучъ къ значительному уже числу лучей, изъ которыхъ составленъ торжественный вѣнецъ, окружающій нѣя Россіи; лучъ, которымъ образованность Россіи будетъ гордиться. Мы легко воображаемъ его радость при видѣ этого множества моло-

дыхъ, но уже истинныхъ, талантовъ, которые, какъ пчелы весною, роятся подъ сводами академіи. Обѣжавъ дважды ея безконечныя залы, открытыя только вчера (28 сентября), и этотъ длинный рядъ картинъ, статуй и другихъ предметовъ Искусства, изготовленныхъ нашими художниками, мы были удивлены и числомъ дарованій, и ихъ силою, хотя, кромѣ Воробьева и Книренскаго, никто изъ «прославленныхъ» не выставилъ своихъ трудовъ. О, Русское художество далеко опередило Русскую литературу! И почему знать, можетъ-статься мы предназначены быть преимущественно народомъ художественнымъ, подобно Голландцамъ и Белгійцамъ, которымъ никогда не удавалось надѣть два вѣнка вмѣстѣ на голову своего гениа. Англичане, первый народъ послѣ древнихъ на поприщѣ словесности, несмотря ни на какія успія, не могутъ пріобрѣсть въ Европѣ художественной славы. Одни только Греки получили двойную пальму побѣды, и въ литературѣ, и въ искусствахъ. Видно, народы, также какъ и отдѣльныя лица, рождаются каждый подъ особенною звѣздою.

Бѣглое обозрѣніе этой выставки не даетъ намъ права дѣлать теперь много критическихъ замѣчаній: мы не довольно еще рассмотрѣли красоты каждаго произведенія, чтобы говорить рѣшительно объ его недостаткахъ. Ограничимся на этотъ разъ исчисленіемъ трудовъ, которые болѣе прочихъ поразили насъ своимъ достоинствомъ. Мы принялись за перо только для того чтобы устремить вниманіе столичныхъ читателей нашихъ на самыя примѣчательныя предметы выставки. Мы можемъ даже сдѣлать важные пропуски, и напередъ просимъ въ нихъ прощенія у всѣхъ самолюбій.

I. Историческая живопись. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ двѣ большія картины, *Спаситель въ вертоградѣ*, Г. Иванова, и *Фортуна и нищій*, Г. Маркова, обѣ присланныя изъ Италіи. Первая изъ нихъ есть твореніе истинно великаго таланта. Хвалить ее за чистоту и правильность рисунка значило бы обижать питомцевъ академіи, которая всегда славилась какъ превосходная школа рисовальщиковъ. Всего замѣчательнѣе въ этой картинѣ, состоящей изъ двухъ фигуръ, Спасителя и Маріи Магдалины, простота и вмѣстѣ смѣлость созданія. Какая сила выраженія въ этихъ

чистыхъ и почти прямыхъ линияхъ! Какъ это выполнено величественно, широко, вѣрно! Неземное благородство чертъ и положенія Спасителя; это дивное лице женщины, изломанное страстями и воспламененное огнемъ раскаянія, эта слеза, жгучая слеза, которая катится изъ горящаго, заплаканнаго глаза, все, все заслуживаетъ величайшей похвалы.

Картина Г. Маркова совершенно въ другомъ родѣ. Это аллегорія. Предметъ ея заимствованъ изъ одной басни Крылова, который и самъ лично присутствуетъ издали при осуществленіи своей идеи, опершись на перилы. Нужно было бы написать цѣлую страницу, чтобы изложить всю мысль этого ученаго творенія. Особеннымъ искусствомъ и граціею впечатлительно положеніе тѣла Фортуны, опускающейя на землю съ тяжестью, но вмѣстѣ съ тѣмъ легко, свободно, безъ потери своего воздушнаго начала; фигура нищаго также есть превосходный этюдъ. Если бѣ у насъ было мѣсто и время показать достоинства всѣхъ подробностей этой картины, мы сказали бѣ также нѣсколько словъ противъ ея колорита.

По части исторической, примѣчательна еще картина одного ученика, Г. Завялова, которая совсѣмъ выходитъ изъ ряда работъ ученическихъ и подаетъ собою прекрасныя надежды на будущіе подвиги юнаго художника. Это *Самсонъ ломающій храмы Филистимлянъ*, сочиненіе, исполненное жизни, жару, силы. Въ особенности достойна похвалы фигура Самсона. Она прекрасна; этотъ силачъ дѣйствительно движется и ломаетъ; и притомъ еще онъ отличается счастливымъ колоритомъ, чего вельзя сказать о другихъ фигурахъ, нѣсколько серебряныхъ, нѣсколько мраморныхъ, ни о *Семействѣ Нюбы*, Г. Шамшина, бравшаго себѣ краски съ палитры Кипренскаго, который разоряется на каменнѣ, крѣпко любя *couleur cerise*.

Между ученическими программами, которыхъ сюжетомъ назначено было «Построеніе ковчега Поемъ», должно преимущественно отличить трудъ молодаго Васильева, который обнаруживаетъ много таланта. Двѣ другія программы того же содержанія, написанныя учениками Молдавскимъ и Варнекомъ, приносятъ также честь ихъ успѣхамъ.

Двѣ историческія копіи, присланныя изъ Италіи, привлекутъ къ себѣ вниманіе всѣхъ посѣтителей, — Рафаэлева *Ма-*

доша Фоллианская, превосходно списанная Капевскимъ, художникомъ съ отличными дарованіями, и *День*, Корреджіо, кисти Г. Живаго.

II. Военныя картины. *Осада Варны*, Г. Заурвейда, и *Парадъ на Царицынѣмъ Лузу*, Французскаго художника Г. Ладюрнера, двѣ большія картины, и обѣ отлично хороши. Мы не знаемъ которой отдать преимущество, — столько обѣ онѣ вѣрны природѣ, и столько прочія достоинства ихъ разнородны, хотя та и другая принадлежать къ одной отрасли Искусства. «Осада Варны», какъ сочиненіе — цѣлый романъ: художникъ обнаружилъ въ ней много воображенія, большое умѣнье разнообразить однообразіе, большое искусство группировать и оживлять группы. Г. Ладюрнеръ, напротивъ, извлекъ изъ однообразія прекрасный, неподобный эффектъ. Во Франціи низкая зависть осыпала бранью Карла Брюллова: Русскіе будутъ безпристрастнѣе къ В. Ладюрнеру. Его картина превосходна. Массы эти движутся; эти группы, составленныя все изъ портретовъ, нарисованы умно, живо, искусно, освѣщены со вкусомъ и разнообразны съ сохраненіемъ единства. Г. Ладюрнеръ мастерски владѣетъ кистью. Гармонія въ цѣломъ и замысловатость подробностей идутъ у него обѣ руку. Всѣхъ этихъ достоинствъ не видно у Г. Заурвейда, и мы скажемъ откровенно, что Г. Чернецовъ, который трактовалъ тотъ самый предметъ, совсѣмъ погасъ съ своей картиною подлѣ Ладюрнеровой. Г. Ладюрнеръ выставилъ еще три маленькія картинки въ томъ же родѣ, — всѣ три отлично хорошія.

III. Пейзажи. Прежде всего преклоните колѣна передъ четырьмя видами Максима Пикифоровича Воробьева. Чудо! Мы готовы утверждать, что никогда Г. Воробьевъ не произвелъ ничего лучше *Вида Іерусалима*. Тутъ — четыре мастерскія произведенія, но «Видъ Іерусалима» выше всѣхъ похвалъ. Какъ превосходно схваченъ характеръ края, воздуха, неба! Какъ это тепло, прозрачно, далеко, какъ іудейски-вѣрно! Этотъ пейзажъ дѣйствительно переноситъ васъ въ знойную Палестину. *А Набережная академіи!* Перспектива, воздухъ, вода, общій эффектъ, все выполнено какъ-нельзя искуснѣе. Умно и ловко! Превосходно освѣщенные, и «сіи огромныя сфинксы» кажутся еще огромнѣе чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ,

хотя строгая соразмерность соблюдена вездѣ. *Внутренность Иерусалимскаго храма* не уступаетъ достоинствами своимъ двумъ предыдущимъ картинамъ, но виды внутренности зданій принадлежатъ собственно къ роду болѣе легкому. Мы беремъ Видъ Иерусалима!..... если Г. Воробьевъ отдастъ намъ его.

Г. Лебедевъ, еще ученикъ во время послѣдней выставки, правда, ученикъ отличный, въ нынѣшнюю явился уже мастеромъ своего дѣла. Его три масляные вида Италіи отъменно хороши, даже прекрасны; но болѣе всѣхъ прекрасенъ средній. Когда вы остановитесь передъ этими тремя пейзажами, посмотрите на лѣсъ, покрывающій гору на средней картинкѣ, и скажите искренно — есть ли лѣсъ лучше этого на свѣтѣ?

По части пейзажей не забудьте полюбоваться на сельскіе виды Воробьева (сына), Гайвазовскаго и Фрикке: увѣряю васъ, что всѣ трое — молодые люди съ дарованіемъ и что ихъ идилліи въ маслянныхъ краскахъ теперь уже лучше нашихъ идиллій въ водяныхъ стихахъ.

Сюда принадлежатъ также два прекрасные внутренние вида, одинъ — *Античной галлерей* въ Академіи Художествъ, Г. Мпхайлова (неоконченный), другой — *Круглой залы* въ Эрмитажѣ, Г. Тухаринова, и акварельные перспективы молодого Ухтомскаго, которые тоже весьма достойны примѣчанія.

Акварельныя работы Штерепберга, Райта и Гау не мѣшало этихъ доставятъ вамъ удовольствія.

IV. портретная живопись. Здѣсь рѣшительно царствуетъ молодой Плюшаръ. Ему принадлежитъ вѣнецъ, и на этой выставкѣ онъ не имѣетъ соперника. Мы не говоримъ, чтобы тутъ не было весьма хорошихъ портретовъ, писанныхъ другими художниками, но Плюшаръ такъ далеко оставилъ всѣхъ позади себя, что мы объ немъ только и говоримъ. Его люди всѣ живы, и говорятъ; они измѣняются въ лицахъ, мигаютъ и дѣлаютъ свои привычныя гримасы при видѣ своихъ знакомцевъ; они шевелятся въ рамкахъ, и, если бъ не были привязаны сзади веревками, я увѣренъ, всѣ они разошлись бы по своимъ домамъ. Есть тамъ одна Итальянка, Омората, — самая красивая

изъ всѣхъ, — съ классическими чертами, съ палящимъ взоромъ, съ Греческимъ носомъ, съ удивительнымъ ротикомъ: она рѣшительно улыбнулась и покраснѣла, когда Карлъ Павловичъ остановился передъ нею! Это я самъ видѣлъ Лица всѣхъ этихъ портретовъ, — я говорю предпочтительно о лицахъ, — нарисованы и выполнены отлично; колоритъ безподобный; кисть мягкая и нѣжная. Евгений Плюшаръ тоже — мастеръ своего дѣла!

Послѣ его портретовъ, три портрета Тыронова всего болѣе насъ поразили. Со времени серебрянныхъ пуговицъ графа Ш***, работы Кипренскаго, лучшихъ пуговицъ, я тщательнѣе вычищенныхъ, не бывало еще въ продажѣ. Серебряныя эполеты подлинно серебряны: тутъ нѣтъ ни какого обмана; или, лучше сказать, обманъ тутъ совершенный. Эти, и многія другія подробности, столь превосходно отдѣланныя, показываютъ, что Г. Тыроновъ одаренъ чрезвычайно зоркимъ глазомъ, что онъ *видитъ* вѣрно, что онъ съ перваго взгляду видитъ на предметахъ именно то, что прежде всего видно, — дѣло, клянусь вамъ этими пуговицами, весьма трудное, даръ необыкновенно рѣдкій! Такимъ образомъ Г. Тыроновъ прекрасно примѣтилъ, что металлъ въ первый моментъ является глазу твердымъ: онъ и написалъ его твердымъ, и металлъ самъ собою вышелъ блестящій, совершенно металлическій. Теперь остается ему только примѣтить, что лице, тѣло, прежде всего представляется зрѣнію мягкими, и лица на его портретахъ непременно будутъ мягки. Несправедливо было бы однако жъ лице этого почтеннаго купца, на одномъ изъ портретовъ Г. Тыронова, причислять къ совершенно твердымъ тѣламъ.

Съ Г. Тыроновымъ мы еще не прощаемся, и встрѣтимся съ нимъ далѣе, тамъ, гдѣ онъ явился полнымъ художникомъ.

Говорить ли здѣсь о двухъ портретахъ Г. Кипренскаго? Это скорѣе два *tableaux de genre*, двѣ картины частнаго рода. Вы спросите — какого же частнаго рода? Мы скажемъ — *еще* рода. Представлять на новой картинѣ старую картину — не значить ли это писать въ частномъ родѣ, въ которомъ почти никто не пишетъ? Намъ такой родъ вовсе не нравится. Въ литературѣ давно рѣшено дѣло Чаттертоновъ и Мекферсоновъ, которые также поддѣлывали старинную

наружность. Поддѣлка вездѣ называется поддѣлкою, па бумагѣ и на полотнѣ. Весь родъ человеческій въ томъ согласенъ, что поддѣлка есть вещь недостойная первокласснаго таланта: а Г. Кипренскій — талантъ первоклассный! Г. Кипренскій вздумалъ лишать время непреложныхъ правъ его: напрасное усиліе; время возьметъ свое и изъ новой старой картины сдѣлаетъ двойнѣ старую. Какая мнѣ надобность до того, что Г. Кипренскій пренекусно поддѣлался на этомъ портретѣ подѣ кусокъ стараго Тиціанова полотна! Я знаю, что это не Тиціанъ, и не стану судить какъ о памятникѣ Тиціанова-вѣка: я вижу, что тутъ не время сдѣлало изъ батиста парусину, но самъ художникъ, что не два столѣтія закоптили и исцарапали небо, но капризъ живописца, и упрекаю того, кто этому причиною. Напишите портретъ точно такъ, какъ написалъ бы Тиціанъ теперь, сегодня! Тогда только покажете вы настоящее искусство. И притомъ, совершенно ли съ цѣлію, съ существомъ портрета, переносить въ него историческую живопись? Выходитъ, что это не портретъ и не исторія, а такъ — *нѣчто въ слоемъ родѣ*. Мы отдаемъ полную справедливость отличному дарованію Г. Кипренскаго: конечно, оба эти портрета обнаруживаютъ руку художника, отличнаго художника, но, любя свыше всего естественность, не хотимъ одобрять ни какихъ натяжекъ; никому не совѣтуемъ подражать этому роду, и предоставляемъ всѣмъ и каждому судить о портретахъ князя Г*** и Торвальдсена по своему вкусу и разумнію. На портретъ Торвальдсена мы сіце готовы согласиться, потому что въ немъ менѣе поддѣлки: онъ прекрасенъ, тѣмъ болѣе, что, говорятъ, схожъ чрезвычайно; но другой!..... Не станемъ говорить о другомъ ни хорошо ни дурно.

Но если мы не хотимъ говорить о портретѣ кисти Кипренскаго, то само собою разумѣется, что на этотъ разъ не скажемъ ни слова ни о чьихъ другихъ портретахъ.

V. Морскіе виды. Прекрасная морская картина Французскаго художника Таниѣра извѣстна уже Петербургской публикѣ, и объ ней напрасно было бы распространяться. Но вотъ что примѣчательно: воспитанникъ академіи, Г. Гайвазовскій, который былъ весьма короткое время ученикомъ Г. Таниѣра, сдѣлалъ въ два или три мѣсяца та-

кіе успѣхи въ этомъ родѣ живописи, что стать не далеко отъ своего образца. Мы уже отмѣтили пейзажи Г. Гайвазовскаго: посмотрите теперь на его три морскіе вида, особенно на тотъ, въ которомъ виднѣнъ ясный горизонтъ, и дайте честь молодому дарованію, которое такъ быстро идетъ къ славѣ.

VI. Картины разныхъ родовъ. Въ большомъ числѣ картинъ, которыя мы отнесли къ этому разряду, отмѣтимъ три важныя украшенія выставки, — *Сивиллу*, Г. Кипренскаго, *Одалиску*, Г. Пяшара, и *Дѣвушку съ бубномъ*, Г. Тыронова. И прежде всего воздадимъ полную дань почтенія таланту Г. Кипренскаго, котораго портреты подверглись нашей критикѣ. Здѣсь нѣтъ поддѣлки, здѣсь Кипренскій — свой, съ своимъ чуднымъ родомъ, съ своимъ фантастическимъ глазомъ, съ своею природною кистью, — и картина прекрасна. Освѣщеніе, которое далъ онъ превосходно созданному лицу Сивиллы есть одно изъ самыхъ трудныхъ въ Искусствѣ, и со всемъ тѣмъ онъ выразилъ его на полотнѣ съ рѣдкою истинною и съ большимъ эффектомъ.

Одалиска — прелесть! Колоритъ, кисть, освѣщеніе, рисунокъ, все здѣсь прекрасно. Это, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ лучшихъ картинъ выставки. Художники особенно удивляются ея колориту, нѣжному, мягкому, естественному.

Мы опять передъ Г. Тыроновымъ, и въ этотъ разъ должны похвалить его безусловно. Головка эта удивительна. Дѣвочка, съ премиленькимъ личкомъ, съ дѣтскою улыбкою, въ красномъ платьѣ, держитъ поднятый бубенъ передъ окномъ; свѣтъ, обходя прозрачную кожу инструмента, падаетъ на алый рукавъ ея, и отъ рукава отражается на лицѣ, обливая его краснымъ полу-свѣтомъ. Всѣ эти переломленія лучей соображены превосходно, выражены нѣжно, со вкусомъ, съ расчѣтомъ, и цѣлое производитъ безподобный эффектъ. Мы думаемъ, что это должно быть послѣднее произведеніе Г. Тыронова, и что оно означаетъ ближайшую къ нынѣшнему времени степень его успѣха въ писаніи головъ. Г. Тыроновъ началъ свое поприще внутренними видами: мы помнимъ, какъ на прошедшей выставкѣ зеркала его были свѣтлы, паркетъ вылощенъ, какъ свѣтъ игралъ въ мебели, какъ иллюзія была совершена. Его портреты

суть, вѣрно, переходъ отъ внутреннихъ видовъ къ этой головѣ, которая въ свою очередь предсказываютъ новую степень совершенства въ искусствѣ соединять отлично выполненныя лица съ отличною игрою свѣта на блестящихъ поверхностяхъ, которою онъ такъ хорошо владѣетъ.

Мисаиль Архангель (икона), Г. Бассина, отличается нежностью и бойкостью кисти, неотъемлемыми принадлежностями этого художника.

Нельзя также не поименовать слѣдующихъ картинъ: *Спящая Венера*, *belle carnazione*, Г. Майкова; *Ворожея*, Г. Заболотскаго; *Охотникъ*, Г. Петрова; *Жена Волинскаго на могилъ мужа*, Г. Скотти; *Мироносицы въ Иерусалимъ*, Г. Рава, маленькая картина съ своей идеей и не безъ эффекта.

VII. Гравированіе, архитектура, скульптура. Мы уже устали, да и васъ не хотимъ задерживать. Идите на выставку, осмотрите всѣ эти полотна, блестящія красками и золотомъ, все, что издали уже льститъ глазу и производитъ впечатлѣніе, но не забудьте и скромныхъ бумагъ.

Передъ гравюрами Уткина и Райта вы постоите долгое время въ восхищеніи.

Прекрасные проэекты Тоновъ займутъ васъ пріятно, если вы охотники до построекъ.

Взгляните еще на медали Клемякова, Лялина, Герсана.

Разсмотрите со вниманіемъ архитектурныя и барельефныя программы будущихъ зодчихъ.

Вездѣ, вездѣ увидите вы талантъ, успѣхъ, прилежаніе.

Но вотъ двѣ статуи полу-колоссальной величины: одна изъ нихъ играетъ въ бабки, другая въ свайки. Этотъ *Бабочникъ* — пансіонера Пименова; этотъ *Сваящикъ* — пансіонера Логоновскаго. Какъ! неужели это работы учениковъ? Ученики лѣпятъ такія статуи? статуи, гдѣ столько жизни, выраженія, стили, силы отдѣлки? А этотъ грубый барельефъ, эти неуклюжія фигурки — это, говорятъ, программа какого-то нездѣшняго артиста на званіе академика или маэстра скульптуры?.... Да! я помню это имя; я встрѣчалъ его въ *L'Artiste* и другихъ Парижскихъ журналахъ, гдѣ ему таки не жалки похвалы. Подумайте жъ теперь, какъ бы загремѣла славой на всю Европу эта выставка, если бъ она явилась не здѣсь,

но въ Парижъ, несъ Русскими, но съ Французскими, имена-ми! Какой градъ высокопарныхъ фразъ посыпался бѣ на Божій свѣтъ! Какъ многіе поскакали бѣ отсюда въ Парижъ, чтобъ только взглянуть на чудеса этой выставки, возвратясь въ Петербургъ, рассказывать о Французскомъ бзбочникѣ и Французскомъ сваячникѣ! Такова сила пустословія и хвастовства. Мы, Русскіе, не хвастаемъ: да что проку! Лучше бы поменьше скромности, и побольше увѣренности въ собственныхъ своихъ силахъ. Когда есть дарованія, надобно гордиться ими, а не скромничать; надо признать ихъ торжественно, словомъ и *дѣломъ*. Слово одобряетъ, дѣло питаетъ. Безъ дѣла исчезнуть всѣ эти дарованія, и опять не будетъ художниковъ. Дайте имъ дѣло!

Болѣе пятисотъ произведеній выставлено въ залахъ академіи; болѣе ста мы здѣсь отличили какъ мастерскія, какъ прекрасныя или весьма хорошія, которыя не обезобразятъ ни какой стѣны, ни какой гостиной. О многихъ мы еще забыли; иныхъ даже не видѣли. Слѣдственно есть дарованія на Руси, есть много дарованій, и мы можемъ радоваться отъ чистаго сердца.

Все это очень хорошо! выставка блестяща; наши молодые художники съ честью исполнили долгъ свой къ публикѣ. Публика ожидала отъ нихъ любви къ Искусствамъ,—они представили ей любовь; публика ожидала трудолюбія,—они представили трудолюбіе; она ожидала талантовъ,—они представили таланты, они встрѣтили ее своими успѣхами, приветствовали доказательствами своихъ дарованій, угостили, насытили ея глаза зрѣлищемъ изящныхъ трудовъ своихъ: теперь начинается роль публики и патріотизма. Теперь публика обязана исполнить *свой* долгъ къ этимъ молодымъ людямъ. Они бѣдны, она богата. Мало—смотреть на картины: надо покупать ихъ. Выставка—ихъ праздникъ, праздникъ ихъ будущности; не одинъ изъ нихъ быть-можетъ лишалъ себя необходимаго, ложился спать безъ ужина, сберегалъ издержки своего завтрака, для того чтобы купить полотно и красокъ, чтобы принять вась съ честью въ этотъ день, и выставить вамъ картину, которою вы теперь наслаждаетесь, не спрашивая даже о хозяинѣ. Пожертвуйте же разъ въ три года пятьюстами рублей на его праздникъ, и купите эту картину. Пожерт-

вуйте даже тысячью, если тысяча не составляет для васъ счету. По неопытности нашей въ дѣлѣ, мы боимся обидѣть художника предложеніемъ ему на выставкѣ уступить намъ плодъ своей кисти. Ложная учтивость! Предложите только: увидите, какъ онъ будетъ вамъ благодаренъ. Эти ничтожныя деньги, которыя при первомъ случаѣ проиграете вы въ карты или бросите въ какой-нибудь магазинъ на безполезныя игрушки, поощряютъ его къ труду, доставятъ ему средства заниматься своимъ дѣломъ, дадутъ возможность совершенствовать свой талантъ, который составитъ быть-можетъ украшеніе льготнсей нашей славы. Подумайте объ этомъ и купите что-нибудь изъ патріотизма. Въ Англій, на плохихъ выставкахъ «Национальной Галлерей», увидите вы привѣщенные къ картинамъ значки, которые предваряютъ подходящихъ посѣтителей, что эти произведенія уже проданы; къ концу выставки почти все раскуплено, картины, картинки, картиночки, какъ бы плохи онѣ не были; и человекъ, пользующійся извѣстнымъ состояніемъ, не почитаетъ себя а perfect gentleman, совершенно порядочнымъ человекомъ, если послѣ закрытія залъ Национальной Галлерей не виситъ у него въ гостиной чего-нибудь изъ послѣдней выставки и его пріятели не видятъ доказательства, что онъ тоже заботится о поддержаніи Искусствъ въ отечествѣ. Вотъ какъ тамъ люди съ деньгами понимаютъ патріотизмъ! Мы можемъ, не краснѣя, подражать Англичанамъ въ этомъ благородномъ обыкновеніи. И, Боже мой! развѣ мы не видали, какъ Русскіе богачи наши покупали половину Парижской выставки и грузились ея соромъ изъ-за какой-нибудь статейки въ L'Artiste, гдѣ ихъ называли «просвѣщенными покровителями искусствъ»? Почему жъ бы не явиться столько же щедрыми и къ нашимъ художникамъ? Если дѣло стало за похвальнойю статейкою, у насъ есть «Художественная Газета», и въ честь щедрому покупателю тиснуть тамъ такую статейку, что любо для ней и въ конецъ разориться.

Покупайте только картины: статьи будутъ!

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІА.

— Окончивъ это поучительное слово о необходимости покупать картины на выставкахъ, которое по существу дѣла, относилось только къ столичнымъ читателямъ, мы стали размышлять, нѣтъ ли чего-нибудь очень милаго, очень красиваго, что бы можно было рекомендовать вниманію и щедрости многогородныхъ любителей изящнаго. Но что можетъ быть милѣе, что красивѣе, и въ особенности что занимательнѣе для тѣхъ, которые живутъ въ провинціи и не имѣютъ удовольствія смотреть съ утра до вечера на эту чудесную столицу, какъ виды Петербурга и его окрестностей, издаваемые Г. академикомъ Беггровымъ? Вотъ весьма кстати въ послѣдніе мѣсяцы вышло шесть новыхъ видовъ: теперь все собраніе состоитъ изъ сорока двухъ картинокъ, тщательно раскрашенныхъ и наклеенныхъ на дикой бумагѣ, и оно еще продолжается. Виды Г. Беггрова, по своему формату, чистотѣ и художественной отдѣлкѣ, могутъ быть украшеніемъ стѣны, портфеля, альбома или столика передъ диваномъ. Многіе изъ нихъ чрезвычайно красивы. Невозможно было бы описывать здѣсь всю эту галерею, всю эту выставку видовъ, и мы отсылаемъ читателей къ списку приложенному къ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч.

— *Благотворительная подписка.* Пожаромъ, бывшимъ 30 августа на Васильевскомъ Острове за Малымъ Проспектомъ въ девятой линіи, истребленъ въ числѣ прочихъ деревянный домъ, принадлежавшій одному благородному семейству, котораго главою есть одинъ заслуженный штабъ-офицеръ, отецъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, опора и надежда престарѣлой матери, увѣчной сестры и больной жены. Онъ съ лишеніемъ дома, мгновенно обхваченнаго пламенемъ, потерялъ все свое состояніе и имущество, изъ котораго къ счастію его, угодно было Провидѣнію оставить ему только что конченное изданіе «Географическаго Атласа Земнаго Шара», составленнаго по новѣйшимъ открытіямъ. Этотъ Атласъ состоитъ изъ десяти картъ и заключаетъ въ себѣ: Плоскошарія, Западное съ Восточнымъ и Сѣверное съ Юж-

нымъ. страны свѣта — Европу, Азію, Африку, Сѣверную и Южную Америку, Атлантическій Океанъ съ Индѣйскимъ Моремъ и Тихое море съ островами составляющими пятую часть свѣта. Карты выгравированы весьма чисто, отпечатки на веленовой бумагѣ, хорошо раскрашены; на частяхъ свѣта показана величина ихъ, число жителей, и въ каждомъ государствѣ означены всѣ примѣчательныя мѣста. Цѣна назначена умѣренная, — двадцать пять рублей. Любители просвѣщенія и благотворенія, желающіе пріобрѣсть весьма хорошее географическое пособіе и вмѣстѣ съ тѣмъ хоть нѣсколько облегчить горькій жребій почтеннаго семейства, которое вполне достойно состраданія, могутъ адресоваться для полученія этого атласа въ Продажную Военно-Топографическаго Депо, къ Гг. Смирдину и Глазунову, и къ Коммисіонеру Общества Поощренія Художниковъ, Г. Прово.

— Первый томъ «Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи», издаваемой В. Н. Семеновымъ и М. П. Калистратовымъ, поступитъ на дняхъ въ продажу. Въ немъ помѣщены четыре писателя; — Барбаро, Контарини, Кампензе и Ювій.

— А. В. Тимофеевъ приступаетъ къ изданію своихъ сочиненій, въ трехъ томахъ; въ одномъ томѣ будутъ стихотворенія, а въ двухъ остальныхъ проза. Больше половины этихъ сочиненій нигдѣ еще не было напечатано.

— Мы видѣли уже первую тетрадь перевода Вехлерова «Руководства къ исторіи Литературы», и считаемъ долгомъ своимъ отдать справедливость прекрасному труду переводчиковъ. Участіе публики, нѣтъ сомнѣнія, поддержитъ это полезное предпріятіе.

=

1/2

VII.

С М Ъ С Ъ.

КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Наблюденія надъ чувствами зрѣнія и слуха. Молодой врачъ, Г. Саpitaine, читалъ въ академіи любопытную записку о своихъ изслѣдованіяхъ законовъ слуха и зрѣнія.

Сильный ударъ, давленіе слабое, но достаточно поддержанное, наконецъ электрическая струя могутъ производить въ глазъ ощущеніе свѣта, безъ всякаго вліянія солнечныхъ лучей.

Если глазъ утомленъ смотрѣніемъ на бѣлую поверхность, сильно освѣщенную, и потомъ закроется, ощущеніе не уничтожается; нѣсколько времени все еще видишь образъ одинаковой формы съ бѣлою поверхностью; но онъ уже не бѣлаго цвѣта, а постепенно дѣлается желтымъ, потомъ зеленымъ, потомъ краснымъ, потомъ синимъ, и тутъ уже исчезаетъ. Это явленіе продолжается тѣмъ долѣе, чѣмъ болѣе глазъ былъ утомленъ. Сжатіе вѣкъ, которое давитъ нѣсколько яблоко глаза спереди назадъ, дѣлаетъ этотъ образъ болѣе яснымъ, и даже можетъ заставить его отступить на одинъ цвѣтъ; то есть, если образъ дошелъ до синяго, онъ можетъ снова сдѣлаться краснымъ. Это доказываетъ, что давленіе, какъ уже Эйлеръ замѣтилъ, увеличиваетъ чувствительность зрительнаго органа; но давленіе не приносило бы большой пользы, если бы его нельзя было производить иначе какъ сжиманіемъ вѣкъ. Природа отвратила это неудобство, снабдивъ глазъ мышцовымъ приборомъ, болѣе или менѣе сложнымъ: эти мускулы прислѣпляютъ и придавливаютъ глазъ къ дну костяной пустоты, въ которой онъ вставленъ. У всякаго животнаго, какой бы онъ ни былъ, въ глазу есть всегда

такая часть, которая позволяет этому давленію дѣйствовать на его внутренность.

Если смотришь на поверхность, не бѣлую, но окрашенную какимъ-либо цвѣтомъ, и потомъ закрываешь глаза, также видишь образъ; но онъ уже не представляетъ того измѣненія оттѣнковъ, о которомъ говорили выше; цвѣтъ его остается одинъ и тотъ же, пока не исчезнетъ. Въмѣсто того чтобы быть одинаковаго цвѣта съ поверхностью, на которую вы смотрите, онъ всегда бываетъ противоположнаго цвѣта, то есть, такого, который въ соединеніи съ цвѣтомъ поверхности произвелъ бы бѣлый цвѣтъ. Въ Физикѣ, подобные цвѣта называются «дополнительными.» Наблюдая главные цвѣты призмъ, мы находимъ, что красная поверхность производитъ образъ зеленый и на оборотъ; оранжевый производить темно-синій, желтый даетъ фіолетовый цвѣтъ (каждая изъ этихъ паръ, при смѣшеніи даетъ бѣлый цвѣтъ). Эти явленія и многія другія, говоритъ авторъ, можно объяснить себѣ слѣдующими законами:

Всякой разъ, когда чувствительность глаза раздражена, это раздраженіе порождаетъ въ немъ способность видѣть бѣлый цвѣтъ, — основной цвѣтъ зрѣнія.

Изъ этого выходитъ, что если глазъ пораженъ только однимъ цвѣтомъ, то есть, частью бѣлага цвѣта, тогда не вся чувствительность его изливается на этотъ цвѣтъ, а нѣкоторая часть ея остается въ бездѣйствіи; и чтобы возстановить нарушенное такимъ образомъ равновѣсіе, дополнительный цвѣтъ является самъ собою внутри зрительнаго органа. Когда зрѣніе поражается общимъ цвѣтомъ, то есть, бѣлымъ, всѣ силы этой чувствительности въ одно время утомляются; оттого подобное впечатлѣніе и пагубно для нашего глаза: въ странахъ, гдѣ природа и мода разточають бѣлый цвѣтъ, всегда много бываетъ слѣпыхъ.

При помощи этого закона легко можно объяснить себѣ и слѣдующее явленіе. Созерцаніе поверхности бѣлой и черной производитъ въ закрытомъ глазѣ образъ то же бѣлый и черный, но въ обратномъ порядкѣ: часть дна глаза, остававшаяся въ покоѣ, между-тѣмъ какъ другая часть подвергалась сильному ощущенію бѣлаго, сама собою возстановляетъ рав-

новѣсіе , потрясаясь подобно ей , такъ , что , когда видѣніе кончено , весь органъ одинаково утомленъ .

Мы видѣли важную роль , которую играетъ въ отиравленіи зрѣнія , отношеніе цвѣтовъ , называемыхъ дополнительными : эта важность обнаруживается еще и другимъ образомъ . Такъ , если мы хотимъ расположить на полотнѣ или бумагѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ , и придать имъ какъ можно болѣе блеску , сохраняя между-тѣмъ всю ихъ чистоту , надобно обращать вниманіе на это соотношеніе и соединить цвѣты согласно съ его законами . Такое расположеніе пріятно и неустойчиво для глаза , вѣроятно потому что переходя безпрестанно отъ одного цвѣта къ другому , онъ имѣетъ возможность , безъ потрясенія и безъ замѣтныхъ промежутковъ , вознаграждать расхочъ чувствительности , который раздраженіе влечетъ за собою .

Въ чувствѣ слуха мы напрасно стали бы искать явленій столь же рѣзкихъ и чистыхъ , потому что разность между относительною чувствительностью уха и глаза слишкомъ велика ; между-тѣмъ и въ области слуха есть нѣсколько фактовъ , которые позволяютъ сближать между собою законы двухъ этихъ органовъ .

Авторъ нашель , что основному элементу глаза , бѣлому цвѣту , соответствуетъ въ ухѣ , аккордъ самый простой , самый естественный , именно терція-маіоръ , который составляетъ первобытную форму ощущенія для слуха , какъ бѣлый цвѣтъ есть первобытная форма для зрѣнія . Онъ даже подвѣргъ вычисленію отношенія дополнительныхъ цвѣтовъ къ бѣлому , и музыкальныхъ аккордовъ къ терціи-маіоръ . По нашему мнѣнію , эти вычисленія , весьма замысловатыя , не заключаютъ въ себѣ ни какой важности потому что они основаны на гипотезѣ , которая къ сожалѣнію никогда не будетъ доказана , — гипотезѣ волнованія эѣира , жидкости , которая сама — не что иное какъ гипотеза . Впрочемъ изысканія Г. *Capitaine'a* , весьма занимательны .

2. *Новый инструментъ для литотритіи* . Одно изъ главныхъ возраженій противъ каменотренія состоитъ въ томъ , что инструменты могутъ изломаться въ пузырь , — что весьма непріятно , особенно для паціента .

Чтобы отвратить это неудобство, Г. Béniqué, **заклатый** литотритторъ, замѣняетъ дѣйствіе руки, при удареніи молоткомъ въ камень, силою, которую можно съ величайшею точностью соразмѣрять, — длинною часовою пружиною, заключенною въ футляръ; сила ударовъ измѣряется динамометромъ.

Въ новомъ инструментѣ, Г. Béniqué приводитъ пружину въ движеніе посредствомъ рукоятки, вертящейся кругообразно. При каждомъ ея оборотѣ, молотокъ ударяетъ два раза; такимъ образомъ, удары можно производить какъ хочешь скоро.

Отъ такого устройства инструмента должны происходить слѣдующія выгоды:

1. Прежде начатія операциі инструментомъ извѣстнаго діаметра, можно опредѣлить динамометромъ силу, которой удары молотка не должны превосходить; если камень не поддастся, операция можетъ быть тотчасъ остановлена. Такимъ образомъ опасность изломать инструментъ становится весьма незначительною, чтобы не сказать, ничтожною.

2. Какъ уже не операторъ бьетъ молоткомъ, то онъ и не теряетъ времени чтобы прицѣливаться и примѣриваться: отъ этого операция производится быстрѣе не только потому, что удары скорѣе одинъ за другимъ слѣдуютъ, но и потому что нисколько не теряютъ своей силы, всегда падая прямо.

Молотокъ вѣситъ три унціи; діаметръ его составляетъ въ основаніи одиннадцать линій; ударъ показываетъ на динамометрѣ двадцать два фунта: если молотокъ совратился съ прямой линіи удара и бьетъ не центромъ а окружностію, отъ этого теряется десять фунтовъ. Эта потеря бываетъ еще больше, если рукоятка молотка поворачивается, на примѣръ когда ее держать въ рукѣ.

3. Какъ быстрота ударовъ умножаетъ ихъ силу и много способствуетъ раздробленію камня, то посредствомъ этого способа можно уничтожить камни, которые всегда противились бы дѣйствию молотка, управляемаго рукою. Г. Béniqué разбиваетъ пещанникъ однимъ изъ своихъ инструментовъ въ три линіи съ половиною.

4. Наконецъ, производство операциі дѣлается весьма легкимъ, потому что стобитъ только найти и схватить камень.

Инструментъ, изобрѣтенный господиномъ Véniqué, по-видимому, уничтожаетъ нѣкоторія изъ неудобствъ литотри-тіи, но одинъ только опытъ можетъ показать настоящую его выгоду.

3. *Электричество прошлагоднее и нынѣшняго лѣта.* Г. Peltier производилъ наблюденія надъ атмосфернымъ электричествомъ. Въ прошломъ году, говоритъ онъ, почти все облака были наполнены электричествомъ, и большею частію электричествомъ положительнымъ. Въ нынѣшнемъ году, напротивъ того, въ большей части облаковъ нѣтъ ощутительнаго электричества, а если они бываютъ наэлектризованы, то всегда отрицательно. Г. Peltier присовокупляетъ, что вопроса, откуда происходитъ эта разность между облаками двухъ годовъ, и многихъ другихъ вопросовъ относительно атмосфернаго электричества, невозможно рѣшить, пока не будетъ произведено совокупныхъ наблюденій въ разныхъ высотахъ надъ разными слоями облаковъ.

4. *Видъ испаряющейся капли воды.* Г. Laurent наблюдалъ внимательно форму капли воды, брошенной въ тигель, раскаленный до-бѣла. Известно, что капля въ такомъ случаѣ испаряется медленно. Г. Laurent замѣтилъ, что она еще принимаетъ форму звѣзды съ разнымъ но всегда парнымъ числомъ зубцовъ; зубцовъ бываетъ четыре, шесть, восемь, десять, и никогда не замѣтно нечетнаго числа.

5. *Грибы, растущіе внутри животныхъ.* Особенный родъ болѣзни поражаетъ шелковичнаго червя, и производитъ ужасныя опустошенія между этими полезными насекомыми. Эта болѣзнь известна Французскимъ шелководамъ подъ именемъ мюскардины. Уже нѣсколько времени тому, какъ докторъ Bassy замѣтилъ, что мюскардина происходитъ отъ развитія крошечнаго гриба во внутренности шелковичнаго червя и при его жизни. Какъ ни странно это явленіе, оно ни сколько не подлежитъ сомнѣнію, и Г. Audouin, который продолжалъ наблюденія Г. Bassy, удостоверялся съ полной мѣрью, что дѣйствительно грибъ микроскопической величины вырастаетъ въ шелковичномъ червѣ. Онъ даже прививалъ его здоровымъ червямъ, собирая помощію иглаки бѣлую

плѣсень, которой покрывается тѣло червя, умершаго отъ мюскардины, и грибокъ выросталъ въ нихъ, только не тотчасъ, а черезъ шесть дней: до того времени черви были здоровы, ѣли и работали; но на шестой, все они чувствовали припадки болѣзни и гибли въ нѣсколько минутъ. Посмотрѣвши въ микроскопъ, Г. Audouin видѣлъ въ нихъ грибы, которые уже развились и пустили вѣтви во все стороны. Эти грибы, иногда въ одномъ и томъ же червѣ, имѣютъ такія разнообразныя формы и до того разрастаются, что ихъ можно принять за плодъ разныхъ семянъ. Г. Audouin прививалъ мюскардину и разнымъ другимъ насекомымъ, всегда съ *возможнымъ успѣхомъ*.

БИРМИНГГАМЪ И МАНУФАКТУРА СОНО. Какое великодушное и вѣстѣ любопытное зрѣлище представляютъ мануфактурныя города! эти средоточія непрерывной дѣятельности, эти неистощимыя источники богатства, которые безпрестанно пускаютъ въ обращеніе новыя произведенія, обновляютъ сокъ общественнаго тѣла, пораждаютъ новыя потребности, даютъ человѣку новыя занятія и тихо совершаютъ эти мирныя перевороты, которые несравненно полезнѣе блистательнѣйшихъ завоеваній! Тамъ живутъ люди дѣятельные тѣломъ, которые занимаютъ работами утомительными, имѣютъ только одинъ день въ недѣлѣ, когда могутъ поглядѣть на солнце, подышать чистымъ воздухомъ, стереть съ лица потъ, расправить члены, онемѣлые отъ движенія тягостнаго и всегда одинаковаго. Челнокъ, который самъ собою развертывается, шпули дѣйствующія какъ смысленныя руки, гораздо простѣйшія на видъ шестерни, кипятки, котораго паръ употребленъ въ пользу, — дѣятели по-видимому, простые и слабые, но огромные, могущественные въ своихъ послѣдствіяхъ, потому что они умножаютъ предметы до безконечности, создаютъ биліоны, превращаютъ села въ богатые города, пополняютъ убытки казначействъ, разоренныхъ войнами, покрываютъ моря кораблями и даруютъ государству перевѣсъ надъ его сосѣдями. Надобно видѣть Бирминггамъ, Манчестеръ, Больтонъ, Галлсфаксъ, Лидсъ, Ковентри, или Ноттингамъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что такое городъ, въ которомъ посвящалась человѣческая промышлене-

ность. Бирминггамъ особенно удивителенъ. Во всей Англии нѣтъ, можетъ-быть города, который болѣе этого заслуживалъ бы разсмотрѣніе.

Бирминггамъ занимаетъ небольшой мысъ на сѣверо-западной оконечности графства Варвикскаго. Каналь Fazeley (Фезли) приводитъ его въ сообщеніе съ Лондономъ, Hull емъ, Манчестеромъ и Ливерпулемъ, между-тѣмъ, какъ Старый-Каналь облегчаетъ доставку туда желѣзныхъ рудъ и каменнаго угля изъ Стаффордшейра. Благодаря этому удобному положенію, которое еще улучшено искусствомъ, Бирминггамъ соединяетъ въ себѣ самыя различныя отрасли металлургическихъ искусствъ. Здѣсь-то трудъ, вооруженный тысячами молотковъ, сражается съ потребностью, превращаетъ мѣдь, желѣзо, сталь въ тысячи разнообразныхъ вещей. Вотъ канаты, оси, наковальни; колеса свистать и вертятся, окруженные пѣною, и полируютъ металлъ; желѣзо, подъ давленіемъ огромныхъ цилиндровъ, то расплющивается въ ленты, то, проходя сквозь волокна различныхъ размѣровъ, наворачивается на шпули, тонкое и гибкое, какъ бумажная пряжа въ Манчестерѣ. Бирминггамъ можетъ поставить десять тысячъ ружейныхъ стволовъ въ мѣсяць и два билліона булавокъ въ недѣлю. Къ ружейному дѣлу присоединяются производства всѣхъ мелкихъ желѣзныхъ вещей, пуговицъ и пряжекъ, хлыстиковъ, сѣдельныхъ приборовъ, табакерокъ, дѣтскихъ игрушекъ, туалетныхъ вещей, накладныхъ издѣлій, жести, эмали, и проч. и проч. Невозможно представить номенклатуры всего, что выдѣлывается въ Бирминггамѣ; козла въ футлярѣ, карманные зонтики, подножки съ рессорами, кукольные глаза и множество дивныхъ изобрѣтеній для всѣхъ возможныхъ нуждъ и прихотей человѣческихъ. Бирминггамскіе фабриканты давно уже занимаются стеклянною работою, и нынче дѣлаютъ люстры, работы удивительной. Подражаніе Китайскимъ лакированнымъ вещамъ также составляетъ тамъ обширную отрасль торговли, съ тѣхъ поръ какъ Bakerville придумалъ изводить этотъ лакъ на вещи изъ бумажнаго тѣста.

Вещь, которая съ перваго взгляда кажется малозначущею, вошла съ нѣкотораго времени въ столь всеобщее употребле-

не, что составила весьма значительную отрасль промышленности: мы говоримъ о стальныхъ перьяхъ. Эти перья безпрестанно усовершенствуются, а цѣна ихъ понижается. Главный фабрикантъ стальныхъ перьевъ употребляетъ двѣсти пятьдесятъ работниковъ, и превращаетъ каждый годъ въ маленькое писчее орудіе сорокъ тоннъ листовой стали; изъ тонны выходитъ около десяти тысячъ пучковъ перьевъ. Полагая, что онъ дѣлаетъ половину всего количества Бирминггамскихъ стальныхъ перьевъ, мы получимъ итогъ 800,000 пучковъ или 115,000,000 перьевъ, изготовляемыхъ ежегодно въ Бирминггамъ, не говоря о тѣхъ, которые дѣлаются въ Шеффилдѣ и другихъ мѣстахъ.

Но это весьма неполное исчисленіе того, что производится въ Бирминггамѣ. Въ Шеффилдѣ занимаются въ особенности дѣланіемъ предметовъ общепользныхъ, земледѣльческихъ орудій и другихъ вещей. Въ Бирминггамѣ присоединяютъ къ этому безчисленное множество затѣй роскоши; каждая изъ нихъ, взятая отдѣльно, совсѣмъ незначительна, но въ суммѣ онѣ изображаютъ собою огромныя суммы. Полагаютъ, что металлургическія искусства въ Великобританіи доставляютъ ежегодно разныхъ издѣлій на 450,000,000 рублей, и что на 100,000,000 рублей вывозится ихъ за границу. Этимъ производствомъ занимаются триста шестьдесятъ тысячъ чело-вѣкъ: изъ нихъ пятьдесятъ тысячъ работаютъ въ Бирминггамѣ. Такимъ образомъ Бирминггамъ принялъ на себя слишкомъ шестую часть всего дѣла, и одинъ онъ изготовляетъ половину мелкихъ стальныхъ вещей, которыхъ вывозится на 40,000,000 рублей. Но взглянемъ на Исторію этого города.

Бирминггамъ лежитъ почти въ центрѣ древняго Саксонскаго королевства Мерсин. Основателемъ и первымъ владѣтелемъ этого королевства былъ Кридда, вѣнценосецъ изъ солдатъ, который въ 585 году отдалъ помѣстье Бирминггамъ одному изъ своихъ военачальниковъ, по имени Ulwine'у: это имя послѣ разныхъ измѣненій, превратилось въ фамилію *Allen* (Олень), которая нынче довольно многочисленна. *Allen*'ы владѣли Бирминггамомъ, который былъ тогда простымъ господскимъ замкомъ съ небольшимъ мѣстечкомъ, доколѣ Вильгельмъ-завоеватель не ввелъ въ Англію феодальнаго управ-

вленія и не присвоилъ себѣ верховнаго права надъ всеми помѣстьями. Раздѣливъ по собственному прозволу все государство на баронства, онъ отдалъ Бирминггамъ со всеми землями и принадлежащими къ нему доходами, Нормандскому воищу, *Fitz-Ausculph*'у. Бирминггамскіе *Allen*'ы принуждены были, подобно другимъ Англійскимъ помѣщикамъ, покориться Нормандскому игу и, забывъ наследственные права, которыми прежде пользовались, принять второстепенное вассальское подданство, то есть, владѣть дренскою своею собственностью какъ имѣніемъ принадлежащимъ старшему вассалу короля. Они продолжали жить въ своемъ Бирминггамскомъ помѣстьи, и стали рыцарями новыхъ господъ своихъ, бароновъ *Fitz-Ausculph*'овъ, которыхъ дворъ былъ въ Додлеѣ. После этого, фамилія *Allen*'овъ спокойно владѣла своимъ достояніемъ до царствованія Генриха VIII. Но въ 1537 году John Dudley, Lord L'Isle, которому Эдуардъ VI пожаловалъ званіе герцога Портмберленда, безстыдно отнялъ и Эдуарда *Allen*'а Бирминггамскаго его помѣстье и лишилъ его честнаго имени, посредствомъ гнуснаго, ложнаго обвиненія, которое едва не стоило ему жизни. Чтобы спасти жизнь свою, несчастный *Allen* принужденъ былъ подарить герцогу свое помѣстье и выговорилъ себѣ и жене только пенсіонъ въ 1,000 рублей. Впрочемъ Портмберлендъ не долго наслаждался плодами своего преступленія. Перваго мая 1553 года, онъ былъ казненъ за измену, имѣніе его конфисковано, и королева Марія, вмѣсто того чтобы возвратитъ Бирминггамское помѣстье тому, у кого оно было столь подлымъ образомъ отнято, отдала его одной дворянской фамиліи графства Варвикскаго, по имени *Maggow*, которая и владѣла имъ до осьмнадцатаго столѣтія. Мужеская линія этой фамиліи пресѣклась и помѣстье было продано Лондонскому епископу *Sherlock*'у, который перепродалъ его въ 1746 году *Thomas*'у *Archer*'у, обывателю графства Варвикскаго; а отъ него Бирминггамъ перешелъ къ лорду Андрею *Archer*'у, который умеръ въ 1778 году, оставивъ имѣніе свое въ наследство тремъ дочерямъ. Одна изъ нихъ вышла за мужъ за Христофора *Mulgrave*'а, Конюшаго, и получила на свою долю Бирминггамъ, которымъ владѣетъ и понынѣ; потому что этотъ прекрасный городъ по-сю-пору частное по-

мѣстье, хотя съ недавняго времени получилъ право посылать двухъ депутатовъ въ «императорскій парламентъ». Важнѣйшее изъ господскихъ правъ, сборъ рыночной пошлины, откуплено было въскольکو лѣтъ тому назадъ городомъ за 312,500 рублей; нынче этотъ сборъ приносить 1,125,000 рублей.

До одиннадцатаго столѣтiя въ мѣстекѣ Бирминггамъ было не болѣе трехъ тысячъ жителей а въ 1650 уже около пяти тысячъ; 1700 втрое болѣе. Въ 1781, когда начали принимать силу паровъ къ разнымъ работамъ, въ Бирминггамъ считалось до пятидесяти тысячъ душъ; а въ 1835 это число возвысилось до ста пятидесяти пяти тысячъ, и недвижимое имущество оцѣнено тамъ въ 250,000,000 рублей. Между-тѣмъ еще недавно въ Бирминггамъ не было казенной почтовой конторы.

До шестнадцатаго столѣтiя не было ни какого описанiя Бирминггама. Leland — первый писатель, который говоритъ объ немъ въскольکو подробнѣе. «Я въѣхалъ къ Bermingham по одной изъ самыхъ красивыхъ улицъ, какiя только когда-либо видѣлъ. Эту улицу зовутъ помнитса, *Dirtey* (нынче *Deritend*). Въ ней живутъ кузнецы и ножевщики, и она отдѣляется отъ *Bermingham*'а ручьемъ: это — село, зависящее отъ смѣжнаго съ нимъ прихода *Aston*. Въ концѣ *Dirtey* есть чистенькая часовня и пасторскiй домъ, у самаго ручья; въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда этотъ ручей впадаетъ съ праваго берега въ рѣку *Tame*. Пovyше *Dirtey* ручей раздѣляется на два рукава, которые снова соединяются по ниже моста. Говорятъ, что онъ вытекаетъ въ четырехъ или пяти миляхъ выше *Bermingham*'а изъ черныхъ горъ. *Bermingham* хорошiй торговый городъ, на самомъ краю графства Варвикскаго, и всего прекраснѣе въ немъ улица, которая на цѣлую милю идетъ въ гору, начиная съ лѣваго берегу ручья. Въ городѣ видѣлъ я только одну приходскую церковь. Тамъ много кузнецовъ, которые дѣлаютъ ножи и другiе острые инструменты, удпла и гвозди, такъ что большая часть города живетъ кузнечною работою, получая желѣзо и каменный уголь изъ Стаффорда.»

Сорокъ лѣтъ послѣ *Leland*'а, *Camden* писалъ: «*Bermingham* многолюденъ, и въ городѣ непрерывно раздается стукъ

мологовъ о цѣковальни; потому что большая часть жителей кузнецы. Нижняя часть города очень сыра; въ верхней много прекрасныхъ домовъ.»

Каждый, конечно, замѣтилъ, что оба эти автора неодинаково пишутъ имя знаменитаго города. Бирминггамскій антикварій, Г. *Hampre*, исчислялъ, что это имя было писано на сто сорокъ разныхъ манеровъ. Что касается до произношенія, то по самому обще-принятому выговору, слово *Birmingham* произносится въ Англіи Бремеджемъ; по многіе весьма ученые грамматикки, и между прочими самъ докторъ Раггу, утверждаютъ, что надобно произносить *Броммчамъ*. Послѣ этого извольте писать Англійскіе имена Русскими буквами! Лондонскіе франты, которые коверкаютъ свой языкъ и стараются ничего не говорить такъ какъ говорятъ люди, произносятъ это имя, съ страннымъ акцентомъ, почти такъ, какъ оно пишется, *Бирмиль-эмъ*.

Если вѣрить писателямъ, которые занимались изысканіями по части Англійскихъ древностей, то городъ Бирминггамъ имѣлъ опредѣленный торговый день еще до нашествія Римлянъ; этотъ день всегда былъ четвергокъ. Первый историкъ Бирминггама, *William Hutton*, описывая одинъ весьма древній горнъ, дѣйствовавшій еще въ 1780 году, замѣчаетъ, что подлѣ находится цѣлая гора шлаку, накопившагося отъ выплавки чугуна, и увѣряетъ, что рассчитывая количество шлаку, накопляющагося въ годъ, надобно думать, что эта гора образовалась не менѣе какъ въ десять вѣковъ. О первой эпохѣ промышленной жизни Бирминггама ничего болѣе не извѣстно.

Карль II и его дворъ, привыкшіе въ чужихъ краяхъ къ иностранной роскоши, распространили въ Англію вкусъ къ изящности въ домашнихъ утваряхъ. Тогда Бирминггамъ вдругъ сталъ въ первомъ ряду Англійскихъ мануфактурныхъ городовъ, по искусству и смѣтливости, съ какою жители принялись за производство разныхъ предметовъ, сообразныхъ съ новыми требованіями. Башмачныя пряжки скоро составили одну изъ самыхъ цвѣтущихъ Бирминггамскихъ фабрикацій. Пока онѣ были въ модѣ, ихъ дѣлали по 2,500,000 паръ въ годъ, и этимъ занимались пять тысячъ работни-

ковъ. Въ Англіи пряжки носили цвѣтъ вѣкъ. Первыя, какія вошли въ употребленіе, при Вильгельмѣ III, были величаною съ бобъ, но потожь, пройдя черезъ всевозможныя формы, онѣ сдѣлались такъ некрасивы и велики, что наконецъ ихъ совершенно оставили. Мѣсто мѣдныхъ и стальныхъ пряжекъ заняли на башмакахъ шнурки, и эта отрасль промышленности уничтожилась.

Выдѣлка пуговицъ, предмета болѣе надежной промышленности и почти необходимаго, не могла потерять той же участи: она и теперь составляетъ одну изъ главныхъ отраслей Бирминггамской промышленности, и простирается ежегодно на сумму 37,750,000 рублей. Производство пуговицъ подраздѣляется на шестьдесятъ разныхъ рѣсесъ, и многія изъ нихъ доставляютъ занятіе тысячамъ женщинъ и дѣтей. Фабрика покойнаго *Taylor'a* славилась пуговицами золочеными и серебряными; увѣряютъ, что соръ, выметаемый изъ мастерскихъ и содержащій въ себѣ частицы золота и серебра, терлющіяся при разныхъ производствахъ, продавали ежегодно за 25,000 рублей. Господа *Keaton's* производятъ ежегодно сорокъ тысячъ пуговичныхъ формъ, на 5,000,000 рублей. Все количество пуговичныхъ формъ, дѣлаемыхъ на Бирминггамскихъ фабрикахъ, простирается до шести сотъ милліоновъ.

Еще до завоеванія Англіи Нормандцами, жители Бирминггама занимались выдѣлкою копій и мечей; но, долгое время по изобрѣтеніи пороха, огнестрѣльное оружіе дѣлають только въ Лондонѣ. Въ царствованіе Карла II эта отрасль перешла и въ Бирминггамъ; однако жъ она тамъ не дѣлала большихъ успѣховъ, потому что еще въ первые годы царствованія Вильгельма III, Англійскія ружья мало уважались въ торговлѣ. Однажды король жаловался, что онъ принужденъ выписывать ружья съ большими затрудненіями и издержками изъ Голландіи, и одинъ изъ Варвикскихъ депутатовъ въ парламентѣ воспользовался этимъ чтобы обратить вниманіе монарха на Бирминггамъ, увѣряя, что тамошніе мастера очень въ состояніи помочь неудобству, если только имъ оказано будетъ необходимое покровительство. Вильгельмъ III тотчасъ заказалъ значительное количество

ружей, и съ тѣмъ поръ Бирминггамъ началъ отличать въ ружейномъ дѣлѣ не менѣе чѣмъ и въ другихъ. Съ 1805 по 1815 годахъ сделано тамъ, по заказу правительства, 3,079,120 ружейныхъ стволовъ и 2,935,787 замковъ. Въ теченіе того же времени Бирминггамскіе фабриканты поставили для Остъ-Индской Компаніи около миліона ружей, не считая ружей охотничьихъ и другихъ. По парламентскому узаконенію, учреждена проба ружейныхъ и пистолетныхъ стволовъ, выходящихъ изъ Бирминггамскихъ фабрикъ. Только тѣ стволы, которые выдержатъ весьма сильный зарядъ, означаются особымъ клеймомъ, за поддѣлку котораго опредѣляется ссылка, и поступаютъ въ торговлю; продажа неклеимыхъ стволовъ запрещена подъ опасеніемъ значительнаго штрафа.

Здѣсь кстати будетъ описать прекрасное зведеніе *Soho*. Оно лежитъ въ трехъ верстахъ отъ центра города. Склонъ холма, на которомъ расположены нынче зданія и сады *Soho*'скіе, былъ въ 1757 году пустымъ мѣстомъ, и тамъ жили нѣскольکو тысячъ кроликовъ, подъ надзоромъ егеря, котораго хижина стояла на вершинѣ холма. Въ томъ же году господъ *Ruston* и *Evans* взяли это мѣсто на аренду на девятисто девять лѣтъ, и построили тутъ домъ и плуцильную мельницу.

Въ 1762, Бирминггамскій фабрикантъ *Boulton* купилъ эту аренду, и началъ съ того, что перестроилъ и увеличилъ мельницу; потомъ онъ перевелъ туда всю свою фабрику; по какъ зданія были не довольно помѣстительны для огромныхъ предпріятій, въ которыя онъ хотѣлъ пуститься, то въ 1764 году онъ основалъ фабрику въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, и окончилъ ее въ слѣдующемъ году. Строенія эти состоятъ изъ четырехъ квадратныхъ зданій, соединенныхъ между собою рядами обширныхъ пакгаузовъ; въ которыхъ всегда работаетъ болѣе шести сотъ челоувѣкъ. Хозяинъ фабрики не щадилъ издержекъ чтобы сдѣлать архитектуру всѣхъ этихъ зданій однообразною, удобною и красивою; что касается до садовъ и парка, то они содержатся какъ нельзя-лучше и возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ. При первомъ заведеніи, эта мануфактура производила тѣ же самыя предметы какъ и прочія сосѣднія фабрики, — пуговицы, пряжки, часовыя цѣпочки, мелкія

туалетныя вещи, и прочая. Вскорѣ потомъ начали въ большомъ видѣ выдѣлывать накладную посуду, и когда успѣхъ этой отрасли, и нѣкоторыхъ другихъ упрочился, *Boulton*, вступивъ въ сообщество съ *Г. Fothergill* емъ, началъ дѣлать бронзовыя и позолоченныя вещи. Они завели чрезвычайно обширную корреспонденцію со всею Европою и предложили большія выгоды людямъ, которые могли бы помочь имъ. Они начали дѣлать вазы, канделябры, корпуса для часовъ и всякаго рода подобныя вещи. Эту новую въ Англіи фабрикацію сильно поощряли король и знатнѣйшія въ государствѣ лица; ввозъ подобныхъ произведеній значительно уменьшился, и государство пріобрѣло драгоценную отрасль торговли съ главными Европейскими городами. Успѣхъ этой попытки ободрялъ промышленныхъ владѣльцевъ *Soho* ской мануфактуры, и они приступили къ новымъ опытамъ. Первый предметъ, къ которому они потомъ обратились, было дѣланіе серебряной посуды. Они не безъ труда склонили правительство учредить въ Бирминггамѣ пробирную контору и, съ-тѣхъ-поръ, серебряная посуда составляетъ одно изъ важнѣйшихъ производствъ *Soho* ской фабрики. Количество серебра, употребляемаго для выдѣлки однихъ рейсфедеровъ, табакерокъ, цѣпочекъ и наперстковъ, простирается до 400 чудовъ въ годъ.

Но распространенію этого превосходнаго заведенія всего болѣе способствовало первоначальное и исключительное производство паровыхъ машинъ. Остановимся здѣсь на минуту, потому что это относится къ исторіи изобрѣтенія, которое должно преобразовать вселенную.

Докторъ *Roebuck*, товарищъ *Watt* а и половинный владѣлецъ привилегіи, данной послѣднему на дѣланіе паровыхъ машинъ, потерпѣлъ важные убытки отъ невыгоднаго разработыванія рудниковъ, и пришелъ въ несостояніе выполнять условіе, заключенное съ *Watt* омъ. *Boulton* былъ въ то время уже извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ и предпріимчивыхъ фабрикантовъ. *Roebuck* съ согласія *Watt* а, продалъ ему свою часть привилегіи. Это происходило въ 1773 году. *Watt* отправился въ Бирминггамъ. *Boulton* предоставилъ въ его распоряженіе часть зданій своей фабрики и такъ хоро-

но понялъ всю важность *Watt*'ова открытія, что не побоялся издержать 1,200,000 рублей, прежде нежели получилъ что-нибудь. Прошло довольно долгое время, пока эти машины начали входить въ употребленіе; мало-по-малу онъ однако же проникли сначала въ рудники, потомъ и на фабрики. Когда эта фабрикація начала успѣвать, *Watt* и *Boulton* построили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *Soho* чугунный заводъ. Онъ стоитъ на берегу одного изъ рукавовъ Бирминггамскаго Канала и слѣдственно получаетъ водою уголь, желѣзо, песокъ, всѣ нужные матеріалы, и тѣмъ же путемъ отправляетъ во всѣ части государства свои машины и другія произведенія.

Дѣлая паровыя машины для другихъ, *Soho*'ская мануфактура извлекла изъ нихъ и для себя всю возможную пользу. Теперь все тамъ производится силою паровъ. Машина чеканная, которую *Boulton* завелъ въ 1783 году и впоследствии усовершенствовалъ, начала чеканить монеты не только съ быстрою, но и съ чистотою, дотолѣ неизвѣстными. Съ-тѣхъ-поръ вся мѣдная монета, которая обращается въ Англіи, чеканится на *Soho*'скомъ монетномъ дворѣ. *Soho*'ская паровая машина приводитъ въ движеніе восемь монетныхъ машинъ. Каждая изъ нихъ можетъ вычеканить отъ 70 до 84 штукъ монеты въ минуту, то есть 4,000 или 5,000 въ часъ, а всѣ вмѣстѣ до 40,000. Вотъ что дѣлаютъ пары: они куяютъ глыбы мѣди въ листы; сплющиваютъ эти листы стальными цилиндрами; вырѣзываютъ кружки; трясутъ ихъ въ мѣшкахъ, чеканятъ обѣ стороны вдругъ, обравниваютъ бока и выталкиваютъ готовую монету, замѣняя ее новымъ кружкомъ. При помощи *Soho*'скихъ машинъ, нѣсколько мальчиковъ могутъ отчеканить въ шесть часовъ около двухъ сотъ тысячъ монетъ.

Плющильни представляютъ не менѣе удивительное зрѣлище. Тамъ нужна огромная сила, чтобы простымъ давленіемъ вытянуть металлическую полосу въ длинный и тонкій листъ. Дѣйствіе паровой машины, сообщающей движеніе всему заводу, быстрое движеніе огромнаго и тяжелаго коромысла; непрерывное обращеніе цилиндровъ, которые сжимаютъ между собою твердую массу, все подаетъ зрителю

высокое понятіе о дивномъ могуществѣ пара и безконечно разнообразныхъ употребленіяхъ, къ какимъ онъ способенъ. Въ мастерскихъ, гдѣ дѣлають гвозди, самая простая машина вырѣзываетъ ихъ изъ желѣзныхъ листовъ, съ быстротою, съ которою не можетъ сравниться самая привычная рука, рѣзущая бумагу ножницами. Гвозди такимъ образомъ вырѣзанные, получаютъ посредствомъ сильнаго давленія хорошо образованную головку, а между-тѣмъ счастливое примѣненіе химическихъ средствъ придаетъ имъ посредствомъ пересварки крѣпость, почти равную той, которую могли бы сообщить молотъ и наковальня. Въ Бирминггамѣ дѣлають также съ удивительною точностію винты, безъ помощи огня, посредствомъ разныхъ механическихъ пріемовъ, уничтожающихъ все что въ этой работѣ было тягостнаго. Машина дѣлающая колечки пуговицъ, тоже весьма замысловата. Одинъ оборотъ машины обрѣзываетъ мѣдную проволоку, сгибаетъ ее и сплюсчиваетъ концы, чтобы можно было прикрѣпить колечко къ шляпкѣ пуговицы. Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ машинамъ, и непрерывному ихъ улучшенію, надобно приписать постепенное пониженіе цѣны Бирминггамскихъ издѣлій, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Въ 1812.		Въ 1832.		Сбавка цѣны.
	р.	к.	р.	к.	
Наковальня и желѣзо въ дускахъ... квинталь	35	25.	17	50.	44 проц.
Ливерпульскіе шила..... 12 дюж.	4	35.	1	25.	71.
Желѣзные подсвѣчники гладкіе... —	4	95.	2	80.	41.
Тоже полосатые —	7	90.	4	65.	41.
Кроватные болты въ 6 дюйм. съ четырёх-гранною головкою... —	9	35.	5	60.	40.
Тоже съ круглою головкою..... —	10	60.	5	80.	45.
Скребищцы въ 6 рядовъ дюжина	6	5.	1	25.	75.
Тоже въ 8 — —	7	80.	1	75.	74.
Скребищцы па- } въ 6 рядовъ ... —	8	55.	1	75.	80.
тептованныя } въ 8 рядовъ ... —	10	60.	2.		79.
Каминныя рѣшетки съ желѣзными головками №. 1..... —	1	65.	70.		53.
Тоже №. 2..... —	4	85.	60.		53.
Тоже №. 3..... —	2	5.	90.		53.
Тоже №. 4..... —	2	25.	1	5.	53.
Доски у ружейныхъ замковъ штука	8	95.	2	20.	73.

Зажки съ четвертью латуш.....	—	30	3 10.	85.
Тоже въ 2½ и 3 дюйма.....	—	2 70.	95.	65.
Молотки, противники.....	12 дюж.	6 25.	2 50.	60.
Жестыяя ложки.....	—	28 10.	7 50.	69.
Стремяна съ накладнымъ оловомъ дюжина		8 79.	2 95.	61.
Железные цѣпи.....	квипталъ	58 40.	18 75.	68.

Такимъ образомъ цѣны бѣльшей части Бирминггамскихъ издѣлій понизились почти до половины въ теченіе двадцати лѣтъ, и еще понижаются, непрерывно улучшаясь въ добротѣ и изящности. Все это произвели огромныя фабрики *Soho*скія и многочисленныя паровыя машины, устроенныя въ городѣ. Пыльче считается въ Бирминггамѣ сто десять паровыхъ машинъ въ силу двухъ тысячъ лошадей; вокругъ этихъ машинъ живетъ безчисленное множество мелкихъ промышленниковъ, которымъ нужны экономическіе двигатели. Фабриканты поясовъ, шнурковъ, подтяжекъ, зонтичныхъ приборовъ, и прочіе, пользуются излишествомъ силы этихъ великомощныхъ машинъ. За умѣренную ежегодную плату, большая машина приводитъ въ движеніе и ихъ маленькіе веретена, станки, точильни, и благодаря этому новаго рода феодализму множество полезныхъ вещей дѣлаются доступными всѣмъ состояніямъ, а низкая цѣна издѣлій еще умножаетъ благосостояніе Бирминггама.

БЫЛЪ ЛИ НА СРѢТѢ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ, и стрѣлялъ ли онъ въ яблоко? Какъ не быть Теллю! Это всѣмъ извѣстно, изъ трагедіи Шиллера и исторіи Швейцаріи, что Вильгельмъ Телль былъ и стрѣлялъ въ яблоко, положенное на головѣ его сына, прекраснаго мальчика, котораго по этому, нѣтъ сомнѣнія, представляютъ самыя милыя актрисы. Но вотъ докторъ Правъ Иделеръ написалъ цѣлое сочиненіе о томъ, что этого никогда не бывало.

Однако жъ Г. Иделеръ, не первый, который сомнѣвается въ исторической истинѣ выстрѣла Швейцарскаго героя въ яблоко. Гримъ еще до него объявилъ и самаго Телля баснею, такъ что Г. Иделеръ не имѣлъ ни какой нужды считать свое мнѣніе слишкомъ отважнымъ и опаснымъ и оправдываться въ предисловіи. Почтенный докторъ даже такъ ис-

пугаясь своей великой смѣлости, что готовъ, подобно Іоанну Миллеру, признать Телля историческимъ лицомъ, лишь бы ему уступилъ яблоко. Сомнѣніе это, уже не новое, въ первый разъ встрѣчается въ 1667 году въ письмѣ Франца Вильмана къ Гольдасту. Въ 1760 году вышло въ Бернѣ сочиненіе подъ заглавіемъ «Tell, fable danoise, par Hisely», и Швейцарское правительство старалось истребить эту книжку, полагая, что безъ Телля и яблока ему нельзя жить на свѣтѣ.

Книжка Г. Иделера не столько интересна по своей критикѣ, сколько по тщательному сличенію доказательствъ и по богатству матеріаловъ, имѣющихъ связь съ Теллевой басней. Важнѣйшія мѣста Швейцарскихъ летописцевъ, Петермана Эгтермина, Стумфа, Чуди, помѣщены здѣсь сполна; кромѣ этихъ есть въ рукописяхъ еще древнѣйшія летописи, Эглофа Эттерлина, Вернгера Шоделера, Мельхиора Русса, которыя къ сожалѣнію автора, остались для него недоступными. Затѣмъ слѣдуетъ у него чрезвычайно сходное Датское повѣствованіе, гдѣ въ, у Саксона Грамматика, и далѣе у Олая Верміуса, у Кранца, у Эврмодія Торфеуса, находите вмѣсто Телля какого-то Токо, Тохю, или Пальна-Токе. Но здѣсь Г. Иделеръ еще не останавливается; онъ ведетъ насъ далѣе къ Исландской Вилькиновой сагѣ, въ которой дѣйствующія лица—король Нидунгъ и стрѣлокъ Эйгиль. Потомъ передаетъ онъ длинную древнюю Англійскую поэму, изъ известнаго собранія балладъ Перси: въ ней выстрѣлъ въ яблоко приписывается стрѣлку Адаму Беллю. Это уже очнь близко къ *Теллю*. Наконецъ авторъ заключаетъ свои сводки эпиграммою изъ Греческой антологіи и нѣсколькими стихами изъ Маннлія, Валерія Флакка и Сидонія Аполлиарія, изъ которыхъ видно, что подобный вымыселъ существовалъ уже въ поэтической древности. Въ Греческой эпиграммѣ Альконъ стрѣляетъ въ дракона, который обвиняетъ его сына и попадаетъ, ровно надъ головой своего дитяти, въ пасть звѣря: тутъ онъ клянется навсегда оставить лукъ. Авторъ отыскалъ еще преданіе о Теллѣ въ незамысловатой Латинской элегіи Іоанна Фабриція Монтануса, умершаго въ Хурѣ, 1566 года, и почти цѣлый актъ изъ посредственной Французской трагедіи Антона *Le Mierre's*.

Здѣсь ново и разительно только собраніе приключень изъ древнихъ писателей; все прочее было извѣстно ученымъ. И странно, что отъ удивительной начитанности автора ускользнуло одно изъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній, которое вышло въ свѣтъ еще до изданія его книжки, хотя и не задолго. Въ изданныхъ Люцернскимъ профессоромъ Коппомъ Alpkunden, заключается любопытное показаніе, что въ числѣ ландфохтовъ Кюсенахта не находится ни одного подъ именемъ Геслера. Коппъ, обвѣщая подробнѣйшее критическое изложеніе Швейцарской исторіи, ссылается на одинъ актъ изъ Швейцарскаго Архива: «впрочемъ, говоритъ онъ, волость Кюсенахта оставалась въ зависимости отъ рыцарскаго дома того же имени до его пресѣченія; потомъ перешла она къ Вальтеру Тоттилку и черезъ его дочь Юанну къ мужу ея Генриху Гунвиле; наконецъ отъ него досталась она 24 августа 1402 года землѣ Швицъ, не принадлежавъ никогда ни какому Геслеру.» Если Геслеръ не историческое лице, то можно почестъ и Телля лицемъ баснословнымъ, и это извѣстіе служить новымъ опроверженіемъ и безъ того уже сомнительныхъ доводовъ, которыми Г. Идлеръ, со страху, старается поддержать историческое существованіе Телля.

Сочинитель называетъ трудъ свой историко-критическимъ; мы не хотимъ рѣшать, таковъ ли онъ дѣйствительно, однако жъ скажемъ, что, гораздо приличнѣе было, при настоящемъ положеніи дѣла, предпринять трудъ поэтико-критическій, то есть, изслѣдовать путь, которымъ шло это преданіе о стрѣлкѣ отъ самыхъ отдаленныхъ временъ, и какимъ образомъ оно остановилось въ Швейцаріи.

Греческая эпиграмма, которой три Римскіе поэта, Манлій, Валерій Флаккъ и Сидоній только подражаютъ, первый очеркъ того прелестнаго преданія о стрѣлкѣ, которое впрочемъ пришло къ Грекамъ отъ Персовъ, потому что оно и понынѣ существуетъ въ сказкахъ Востока. Въ эпиграммѣ, оно является пока простымъ случаемъ, выстрѣломъ близъ головы дитяти, вынужденнымъ опасностью: это еще не та заданная тема, какую мы находимъ уже въ Вилькиновой сагѣ. Король Нидунгъ хотѣлъ однажды испытать, точно ли Эгиль такъ

стрѣляетъ какъ объ немъ говорятъ; онъ велѣлъ привести трехлѣтняго сына Эгилева и положить ему на голову яблоко, и приказалъ Эгилю стрѣлать.» Выстрѣлъ былъ счастливъ; король спрашиваетъ Эгиля, за чѣмъ онъ принесъ съ собою три стрѣлы, когда ему велѣно было только одинъ разъ выстрѣлать». Эгиль отвѣчаетъ: «Государь, не стану «передъ тобой лгать: если бы я убилъ стрѣлою ребенка, «объ эти были для тебя. Однако жъ король ласково принялъ «этогъ отвѣтъ, и всемъ казалось, что онъ горюилъ отъ чистаго сердца». Здѣсь уже искусный стрѣлокъ исполняетъ эту смѣлую задачу по прихоти своего властелина; и еще болѣе занимательности получаетъ Скандинавское преданіе отъ назначенія двухъ другихъ стрѣлъ; стрѣлокъ замышляетъ отчаянное мщеніе, которое достаточно оправдывалось жестокостью испытанія, какъ это призналъ и самъ король. Этимъ признаніемъ повелитель исправляетъ свою ошибку. Если сравнить съ сагою повѣствованіе Саксона Грамматика, сейчасъ видно дальнѣйшее развитіе. Здѣсь Токо, хвастовствомъ своимъ на пиршествѣ, что онъ на дальнемъ разстояніи можетъ подстрѣлить яблоко на шесть, подаетъ королю Гаральду поводъ и мысль къ той жестокой задачѣ; поэтическая иллюзія еще болѣе увеличивается, когда мы видимъ какъ естественно возбуждена эта мысль въ душѣ короля. Притомъ, здѣсь вмѣсто дитяти употребляется юноша, который самъ постигаетъ опасность. Токо увѣщаетъ его быть спокойнымъ и не дѣлать ни малѣйшаго движенія, держать уши ровно, голову прямо, и не пугаться свѣта стрѣлы. Черезъ это вымыселъ получаетъ еще болѣшую красоту; родительское сердце подвергнуто страшному испытанію, но и рѣшимость отца и послушаніе сына представлены уже въ истинно поэтическомъ свѣтѣ. Повѣсть Оая Ворміуса явно заимствована изъ Саксона и не содержитъ въ себѣ ничего новаго; напротивъ того у Крапца кое-что иначе, и притомъ лучше. Кажется, что онъ не зналъ ни Саксона, ни Вилькиновой саги, а только сходное преданіе народа. Разница состоитъ въ отвѣтѣ. Токо, на вопросъ короля, зачѣмъ онъ принесъ съ собою еще двѣ стрѣлы, — отвѣчаетъ: «Если бъ рука моя дрогнула, то вторая стрѣла была бы для твоего сердца, а третья для того, кто бы хотѣлъ мнѣ помѣ-

нять». Сходно съ Вилькиновой сагой, «твердый король оставляет безнаказанною печаль праведнаго мужа».

Токо, въ этомъ преданіи, не столько является знаменитымъ стрѣльцомъ, сколько смѣлымъ и дерзкимъ разбойникомъ. Повѣсть еще болѣе украшена, и сдѣлалась сложнѣе, потому что испытанію съ яблокомъ предшествовало другое. Гаральдъ сперва приказываетъ Токо взбѣжать на конькахъ на гору и только второю задачей для его удалства онъ назначаетъ выстрѣль въ яблоко.

Въ Швейцарскомъ преданіи, какъ оно рассказано Эттерлиномъ, развитіе принимаетъ новый характеръ. У него приведена другая причина, — неуваженіе Телля къ поставленной шпальтѣ. Геслеръ, который здѣсь изображенъ особенно жестокимъ, приказываетъ, изъ мщенія неучтивцу, принести его дѣтей; и, спросивши прежде, котораго онъ наиболее любитъ, приказываетъ стрѣлять. Телль сначала уклоняется отъ объясненія, зачѣмъ онъ принесъ лишнюю стрѣлу и пока Геслеръ не обезпечилъ ему жизни, онъ не отвѣчаетъ. Тогда только стрѣлокъ говоритъ: «Она была назначена тебѣ». Геслеръ не осмѣливается его убить; однакожь онъ приказываетъ связать Телля и бросить на корабль. Весьма удачно присоединена къ этому повѣсти о бурѣ, и то, какъ плователи должны были прибѣгнуть къ силѣ Телля и его искусству управлять рулемъ, какъ онъ потомъ съ своимъ оружіемъ соскочилъ на скалу, и какъ изъ ущелья близъ Кюсенахта тою же стрѣлой умертвилъ ландфохта за его звѣрскіе поступки. Весь вымысль обставленъ столькими подробностями, такъ обогащенъ обстоятельствами, что убійство Геслера Теллемъ носить на себѣ всѣ признаки истиннаго происшествія и могло быть принято за историческій фактъ, по своей наружной правдоподобности, если бы не имѣли Коппа съ его важными доказательствами и съ цѣлымъ архивомъ бумагъ въ подтвержденіе того, что такого ландфохта не было въ Швейцаріи. Следовательно ближе согласиться, что все это — только сплетеніе разныхъ преданій. Замѣчательно еще то, что у одного Датскаго писателя, который не упоминаетъ о выстрѣлѣ въ яблоко, пущенная Токо стрѣла оканчиваетъ жизнь Гаральда. Оттого все принимаетъ весьма баснословный

видь, и Коппъ, опираясь на свои акты, готовъ почестъ вымысломъ даже всю исторію борьбы за независимость Швейцаріи.

Повѣствованія Стужфа и Чуди согласны въ главныхъ обстоятельствахъ съ рассказомъ Эттерліана; Шиллеръ заимствовалъ у Чуди. Онъ не измѣнилъ ни одной поэтической чертъ, но прибавилъ еще одну, которая весьма удачна. Когда Геслеръ, послѣ нѣкотораго молчанія и уже намѣрившись жестоко испытать Телля, вспоминаетъ, что онъ славится какъ искусный стрѣлокъ, Валтеръ, Сынъ Телля, говоритъ: «*Und das muß wahr sein, Herr, einen Apfel schießt der Vater dir vom Baum auf hundert Schritte* — точно, ваша милость, отецъ на сто шаговъ попадаетъ въ яблоко на деревъ». Такимъ образомъ самъ ребенокъ подаетъ эту мысль Геслеру, который спрашиваетъ: «Это твой мальчикъ, Тель?» Однако жъ эта прелестная черта, которая несравненно лучше личнаго хвастовства Токо, не принадлежатъ Шиллеру, а есть мысль Гёте. Гёте; говоритъ (Эккерманъ гл. 196.) «Шиллеръ былъ смѣль и не любилъ выводить много причинъ. Я помню, сколько я имѣлъ труда уговорить его на счетъ Телля: онъ хотѣлъ заставить Геслера сорвать яблоко съ дерева и подстрѣлить плодъ на головѣ ребенка. Это было противно моимъ понятіямъ и я уговорилъ его, чтобы онъ по-крайней-мѣрѣ, основалъ эту жестокость на томъ, что ребенокъ Телля хвастаетъ передъ ландфохтомъ искусствомъ своего отца, говоря, что, онъ вѣрно на сто шаговъ попадаетъ въ яблоко на деревъ. Шиллеръ сначала не хотѣлъ на то согласиться, однако жъ уступилъ наконецъ моимъ настояніямъ и просьбамъ.» Гёте кажется, не чувствовалъ, что этимъ направленіемъ онъ довершилъ поэтической вымыселъ, надъ развитіемъ котораго народная поэзія трудилась съ самой древности.

САПОГИ КАПИТАНА КИДДА. Славный Англійскій морякъ, капитанъ Киддъ проходя однажды въ холодную декабрьскую ночь черезъ лѣсъ графства Нортонберлендскаго, набрелъ на замерзшій трупъ челоуѣка. Взглянувъ флегматически на мертвеца, и пошевеливъ его палкою, Киддъ хотѣлъ уже идти далѣе, какъ вдругъ замѣтилъ, что на покойникѣ были надѣ-

ты новые сапоги. — «Къ чему умершему сапоги! Онъ можетъ лежать спокойно и босикомъ, а у меня башмаки такъ худы, что въ нихъ не дойдешь до города, неизцарапавъ себѣ ногъ.» На этомъ логическомъ основаніи капитанъ Киддъ началъ снимать обувь съ покойника; но она противилась всемъ его усиліямъ, и не хотѣла перейти на живыя ноги. Киддъ потерявъ терпѣніе, схватилъ свой охотничій ножъ, и, безъ лишнихъ околичностей, отрубилъ обѣ ноги мертвецу, и положилъ ихъ въ свою дорожную сумку.

Застыгнутый на пути темною ночью, капитанъ постучался у одной бѣдной хижины, стоявшей у опушки лѣса. Горбатая старушка отперла дверь, и пригласила путника войти въ убогое жилище. Киддъ увидѣлъ передъ каминомъ спящаго старика, окруженнаго двумя Ньюфодлендскими собаками и парюю кошечку. Бросивъ свою сумку въ уголъ, капитанъ сѣлъ передъ каминомъ, чтобы погрѣться. — «Я усталъ отъ дороги, и хочу поужинать. Есть ли у васъ, добрые люди, чего-нибудь въ запасъ?» — Вотъ хлѣбъ и лѣсные яблоки, а болѣе мы ничего неимѣемъ, сказала старуха. — «Ладно, бабушка, примолвилъ Киддъ: голодный путникъ неразбираетъ кушанья; что Богъ послалъ, и на томъ спасибо.» — Старики между тѣмъ отправились спать на чердакъ, а для гостя постлали передъ каминомъ звѣриную кожу, извиняясь, что у нихъ не было лишней кровати. — Капитанъ спалъ, какъ убитый; но страшный сонъ тревожилъ его: ему пригрѣзилось, что изувѣченный мертвецъ схватилъ его за глотку, и грозно требовалъ у него отрубленныхъ ногъ своихъ, которыя между тѣмъ танцовали экоссеэ передъ капитаномъ, постукивая каблуками новыхъ сапоговъ. — «Да что за дьявольщина!» закричалъ въ просонкахъ капитанъ, и, размахнувшись обѣими руками, далъ оплеуху спящей кошкѣ, опрокинулъ на полъ зажженный ночникъ, собаки залаяли, а кошки млукая убѣжали на крышу.

Киддъ проснулся, и, протирая глаза вспомнилъ о замороженныхъ ногахъ мертвеца, съ которыхъ онъ вечеромъ не могъ стащить сапоговъ. Онъ поставилъ мѣшокъ передъ каминомъ, чтобы отогрѣть ноги и послѣ свободнѣе стащить съ нихъ сапоги, и снова заснулъ.

Киддъ пробудился уже довольно поздно. Необыкновенный сонъ такъ встревожилъ его воображеніе, что онъ въ разсѣянности ушелъ изъ хижины, забывъ свою ношу. Между тѣмъ въ мѣшкѣ отрубленныя ноги оттаяли, и приманили своимъ запахомъ собакъ и кошекъ, которыя съ жадностью бросились на мертвечину, и съѣли всё, — оставивъ на полу однѣ окровавленныя кости.

«Ахъ, Боже мой, какое несчастье! собаки съѣли нашего путешественника! закричала старуха, войдя по утру въ хижину!» — Что такое! съѣли живаго человѣка? спросилъ старикъ, являсь на мѣсто происшествія, безъ чулокъ, которые онъ забылъ надѣть въ испугъ. — Да; вотъ — однѣ голыя кости остались отъ нашего бѣднаго гостя!» Старики побѣжали въ ближнее мѣстечко, и объявили полиціи, что капитана Кидда съѣли собаки. На другой день этотъ несчастный случай напечатанъ былъ во всѣхъ Англійскихъ газетахъ, и, капитанъ Киддъ прочитавъ о себѣ эту басню, потребовалъ отъ издателей, чтобы они торжественно объявили о неосповательности своего извѣстія, сказавъ, что онъ живъ и здоровъ и никогда не думалъ потчивать собакъ своимъ тѣломъ. Издатели, опираясь на свидѣтельство полиціи, никакъ несоглашались на напечатаніе его отзыва, потому что это значило бы провозгласить себя лгунами. Завязался процессъ, и дѣло кончилось поединкомъ.

Изъ этого происшествія сдѣлали теперь въ Лондонѣ водевилль.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЗЕЛЕНАГО ГОРОХА. Молодой лордъ Б^{...}, утверждаетъ одинъ Англійскій журналъ, объѣздивъ въ Январѣ мѣсяцъ всѣ окрестности Лондона, и нигдѣ не могъ найти свѣжаго зеленого гороху. Наконецъ удалось ему отыскать у королевскаго садовника только два фунта этого лакомства, за которое требовали ужасную цѣну, — двадцать гиней! Это значитъ пять сотъ рублей. У насъ, въ Петербургѣ, еще весьма недавно продавался по семидесяти пяти и по сту рублей фунтъ зеленыхъ Турецкихъ бобовъ зимою; и были охотники, которые покупали бобы по этой цѣнѣ: теперь цѣна упала до двадцати

пяти рублей. — God dam! сказала молодой лордъ: двадцать гиней за два фунта! Да за эти деньги почти можно купить два фунта жемчугу. «Но такъ и быть; надобно услужить прелестной миссъ Г***, актриссъ Ковентгарденскаго театра, которая такъ деликатна, что на первый разъ, ничего не прійметъ въ подарокъ отъ новаго поклонника. Лордъ заплатилъ двадцать гиней, и, посылая свой подарокъ, велѣлъ намѣкнуть интересной актриссъ, какъ дорого лакомится зимою свѣжнмъ зеленымъ горохомъ. Закусная миссъ, болѣе кокетка нежели лакомка, сказала посланному: «Видно у твоего господина много денегъ, а мало ума!»

Мать актриссы, скупая старуха, не хотѣла кормить дочку такимъ дорогимъ блюдомъ, и дала порученіе торговкѣ продать горохъ за рѣдкость какому-нибудь вельможному объѣдалъ. Торговка отправилась съ горохомъ на кухню герцога Комберлендскаго, который давалъ обѣдъ Лондонской знати.

Между-тѣмъ другой обожатель актриссы, ловкій и любезный баронетъ К***, посѣтилъ послѣ обѣда прекрасную миссъ, которая въ разговорѣ случайно вспомнила о горохѣ, и удивлялась, что на столѣ не было этого блюда. Услужливый гость сибкнулъ, что миссъ очень желаетъ покушать гороху, и, не сказавъ ни слова, взявъ шляпу и отправился къ первому зеленьщику трехъ соединенныхъ королевствъ. Баронета увѣрили, что такой рѣдкости не найдетъ онъ ни въ одной лавкѣ, и что весьма малое количество свѣжаго гороху понесли сей-часъ къ герцогу Комберлендскому. Это извѣстіе очень обрадовало баронета и онъ былъ такъ счастливъ, что, у самыхъ воротъ герцогскаго дворца, настигъ торговку съ горохомъ. Онъ сторговалъ драгоценную покупку за тридцать гиней (семь сотъ пятьдесятъ рублей).

Торговка принесла вырученныя деньги матери актриссы, и объявила имя покупателя. Миссъ Г*** узнавъ случайно, что баронетъ купилъ рѣдкій горохъ, конечно для какой-нибудь ея соперницы, взбѣсилась отъ ревности. Она вспомнила внезапный уходъ своего любовника, и это еще болѣе возбудило ея подозрѣніе. Ревнивая миссъ сообщила свои опасенія одной короткой пріятельницѣ, и онѣ вмѣстѣ начали ругать всѣхъ мужчинъ. Въ это время вопиель къ нимъ слуга

баронета, и подалъ прекрасной миссъ полную корзину цвѣтовъ, на днѣ которой лежалъ нашъ старой знакомецъ, зеленый горохъ Милое личико актриссы прояснилось, и она начала съ подругою хохотать о своей неосновательной ревности.

— Не будемъ, другъ мой, напрасно обвинять мужчинъ въ непостоянствѣ, сказала миссъ Г***. — И въ знакъ искренняго примиренія съ ними, съѣдимъ этотъ горохъ, примолвила подруга. — Горохъ опять перешелъ въ руки старой скряги, которая, припрятавъ цѣлую половину на всякій случай, остатокъ сварила для дочери.

Старуха имѣла тяжбу, и вздумала подарить утасниую порцію гороху свосму стряпчсму, который едва не подражалъ съ любезною свосю супругою за лакомый подарокъ. Жена хотѣла сдѣлать изъ гороху соусъ, а мужъ политическій сюрпризъ одному изъ своихъ покровителей, Маркизу Ч***, который обѣщаль опредѣлить его на выгодное мѣсто. Баронетъ К*** зашелъ случайно къ маркизу, и увидѣлъ у него на столѣ проклятый горохъ, который онъ вмѣстѣ съ цвѣтами послалъ къ этой — кокеткѣ — плутовкѣ — вѣтренницѣ — миссъ Г***. Раздраженный такою измѣною, онъ извинился передъ маркизомъ, что по причинѣ внезапной болѣзни, долженъ отправиться домой, и стремглавъ пустился къ своей измѣнницѣ, которую нашелъ совершенно спокойною. На лицѣ ея не было замѣтно ни малѣйшаго смущенія; она поблагодарила его за превкусный горохъ, и баронетъ К*** еще болѣе озлобленный такимъ притворствомъ коварной кокетки, сказалъ съ язвительною насмѣшкою: «Вы, сударыня, спросили бы сперва у маркиза Ч***, какъ повдилось ему это кушанье?» Удивленная актрисса не поняла вопроса, и просила объясниться. Баронетъ разсказалъ, что видѣлъ свой горохъ въ кабинетѣ маркиза Ч***; но она божилась, что съѣла горохъ, и слѣдовательно онъ ни какъ не могъ попасть въ кабинетъ маркиза. Жаркій споръ продолжался, и не далеко было до совершеннаго разрыва между любовниками, какъ вдругъ загадочный горохъ опять является на сцену. Маркизъ Ч*** давно уже строилъ куры прелестной миссъ Г***, и въ знакъ особеннаго, сердечнаго къ ней расположенія, прислалъ въ

подарокъ фунтъ зеленого гороху. Баронетъ готовъ былъ стукнуться лбомъ объ стѣну, чтобы повѣсть это запутанное приключеніе, какъ вдругъ старая мать призналась въ своемъ подлогѣ, и объяснила загадку. Любовники рѣшили съѣсть до чиста горохъ маркиза Ч... для того чтобы это стручковое растеніе впредь не смущало ихъ блаженства, и предать дѣло вѣчному забвенію. Таково было послѣднее путешествіе зеленого гороха.

Но, говоря объ актриссахъ, такъ какъ это предметъ неисчерпаемый, нельзя не поразсказать и того, что сообщаетъ журналъ L'Entre-acte о приключеніи мамзель Noblet.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ МАМЗЕЛЬ НОВЛЕ. Извѣстная трагическая актрисса перваго Французскаго театра въ Парижѣ, мамзель Noblet, отправилась путешествовать по Франціи съ тѣмъ, чтобы въ нѣкоторыхъ городахъ собрать контрибуцію съ любителей Мельпомены. Она остановилась обѣдать въ одномъ городкѣ. Входя въ гостиницу подъ знакомъ Серебреннаго Колокольчика, встрѣтила она на лѣстницѣ жандарма, который требовалъ отъ нея паспорта. Госпожа Noblet, какъ театральная царица, не хотѣла подвергнуться тѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, которыя выдуманы для обыкновенныхъ людей, и, гордо улыбувшись, съ выразительнымъ жестомъ мишурной геронни, сказала: «Послушай, жандармъ, съ такими требованіями не адресуются къ особамъ моего званія!» Жандармъ, смущенный смѣлымъ отвѣтомъ незнакомки, имѣвшей въ лицѣ и пріемахъ что-то величественное и королевское, возразилъ съ низкимъ поклономъ; «Быть можетъ, милостивая государыня, что паспорта не для васъ ишшутся; но мнѣ приказано отъ господина мера, узнавать обо всѣхъ проѣзжихъ, безъ исключенія. Извольте только объявить свое имя, для отрапортованія господину меру; онъ уже рѣшить, можете ли вы путешествовать безъ надлежащаго вида.»

Актрисса, пародируя слова Маріа на развалинахъ Кароагена, сказала: «И такъ поди скажи меру, что ты видѣлъ Завру, сѣдящую на креслахъ Серебреннаго Колокольчика!»

Меръ смыслилъ также кое-что въ литературѣ, в траги-

ческое имя «Заира» наострило его уши и вниманіе. Онъ приказалъ чтобы привели къ нему незнакомую даму. Актрисса съ почитительнымъ книксеномъ явилась въ комнату градоначальника. «Это вы сударыня, путешествуете подъ именемъ Заиры?» сказалъ меръ, вперивъ на нее испытующій взглядъ судьи и знатока въ литературу: — Съ позволенія вашего! отвѣчала почитательно актрисса. — «Ммъ!..... та-а-аксъ!» примолвилъ меръ, запустивъ въ свой официальный носъ порядочную напойку табаку. «И вы думаете, что достаточно называться Заирой, чтобъ разгуливать бо бѣлу свѣту безъ паспорта. — Если вамъ мало Заиры, то я называюсь также Беренисою, Ифигенією, Андромахою. — Ага! понимаю; это значимъ, что вы.....» — Та, о комъ вы думаете; и поэтому надѣюсь на ваше снисхожденіе къ моей безпаспортной явкѣ, и увѣрена, что вы позволите мнѣ продолжать путь до Шалона, гдѣ меня ожидаютъ..... Я актрисса Театра Французскаго.

Меръ привсталъ съ кресель, вынулъ изъ кармана очки, и началъ пресеріозно разсматривать лице незнакомки. — «Правительство не такъ легко надуть какъ вы думаете», сказалъ онъ съ недовѣрчивою улыбкою. Да и притомъ у меня имѣется явная улика, которую вамъ трудно будетъ опровергнуть. Вы, кажется, выдаете себя за дѣвицу *Noblet*; а я въ прошедшемъ году самъ ѣздилъ въ Парижъ, и, какъ ревностный любитель литературы, бывалъ всякій вечеръ въ Театръ Французскій. Я имѣлъ честь нѣсколько разъ видѣть безподобную мамзель *Noblet* на блестящемъ поприщѣ драматической славы. И ваша увертка во-все бесполезна, потому что я очень хорошо знаю мамзель *Noblet*, на которую вы ни на волосъ не похожи». — Если я не мамзель *Noblet*, то вы не меръ этого города, а лгунъ! — «Нѣтъ, сударыня, нѣтъ; прошу не горячиться. Мамзель *Noblet* гораздо васъ красивѣе, свѣжѣе, бѣлѣе; да и притомъ десятью годами моложе.»

Актрисса покраснѣла отъ досады и за прибавку ей лишняго десятка лѣтъ такъ отдѣлала мера, что почтенный градоначальникъ принужденъ былъ позвать жандарма, чтобы арестовать самозванку.

Актрисса, увидѣвши вошедшаго жандарма, смягчила тонъ, и сказала довольно учтиво меру: «Хорошо что я имѣю легкое средство разсвѣтъ ваше сомнѣніе. Позвольте мнѣ на нѣсколько минутъ отсавить васъ, чтобы приготовить мои доказательства.» Актрисса ушла съ жандармомъ въ гостиницу, а меръ сѣлъ за столъ обѣдать.

Онъ ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, уже опорожнивалъ за десертомъ вторую бутылку шампанскаго, уже велѣлъ подать свѣчи, потому что начало смеркаться, какъ вдругъ явилась передъ нимъ Ифигенія!

Меръ остолбенѣлъ отъ такого казуса. Онъ увидѣлъ передъ собою, не скромную путешественницу въ мериносовомъ капотѣ и атласной шляпкѣ, но стройную и величавую Ифигенію, въ живописномъ костюмѣ древней царевны. Она начала декламировать прекрасные стихи Расина, и меръ закричалъ съ восторгомъ: «О Мельпомена, я узнаю дочь твою и наперсницу.» Меръ такъ восхищенъ былъ драматическимъ талантомъ Ифигеніи, что отъ радости дрожалъ, плакалъ, аплодировалъ и между-тѣмъ запивалъ дѣло шампанскимъ.

«Теперь я вижу что вы истинная мамзель Noblet!..... однимъ словомъ Ифигенія, Заира, Клитемнестра. Продолжай, великая художница, продолжай твое торжественное шествіе по Франціи, и никто уже не осмѣлится спрашивать у тебя паспорта. Для такого очаровательнаго таланта не существуетъ заставъ, шлагбаумовъ, ни рогатокъ. Я велю проводить васъ цѣлому отряду жандармовъ и ротѣ національной гвардіи.....»

Мамзель Noblet продолжала декламировать. Восхищенный меръ вскочилъ со стула, сталъ въ трагическую позицію и началъ дѣлать реплики Ифигеніи.

Послѣ этого явленія слѣдовало выйти на сцену Эрифилъ.

Меръ, въ припадкѣ сценическаго бѣснованія, схватилъ со стола скатерть, накинулъ ее себѣ на плечи съ живописною драпировкою греческой мантии, и началъ декламировать роль Эрифилы.

— Bravo, bravissimo, monsieur le maire! воскликнула актрисса: вы обворожительны въ роль Эрифилы!

— Ты, божественная Ифигенія, разбудила мой задремавший талант; ты воспламенила драматическую мою душу. Я чувствую что ты удѣлила мнѣ частицу своего гения, и сдѣлала изъ меня настоящаго артиста. О, теперь я повинмаю свое великое назначеніе! Я не только меръ, но и истинный Актеръ! Если вамъ угодно, прелестная мамзель Noblet, то я всюду послѣдую за вашею торжественною колесницею, и даже выйду съ вами на сцену. Вы идете въ Шалонъ? И я также. Мы оба явимся тамъ въ трагедіяхъ Расина и Вольтера.

Это предложеніе очень позабавило знаменитую актрису, и она рсточая меру самыхъ льстивыхъ похвалы, вполне одобрила его намѣреніе.

Меръ, разгоряченный похвалами и виномъ, съѣлъ съ актрисою въ почтовый портшезъ, и поскакалъ въ Шалонъ, оставивъ на произволъ судьбы управленіе своего города.

На другое утро меръ проснулся у заставы Шалона, обернутый въ скатерть Эрифилы.

— Господинъ меръ, я представляю васъ директору театра, и завтра мы оба появимся на сценѣ въ Ифигенія въ Авидѣ.

Но ночь прохлладила драматическій жаръ дебютанта, и бѣдный меръ, увидѣвъ себя въ странномъ нарядѣ, сидящаго въ экипажѣ съ такою соблазнительною соседкою, опомнился. Онъ началъ убѣдительно просить ее, чтобы она никому не рассказывала о приключеніи, которое привело его къ Шалонской заставѣ.

Можно ли было надвяться на скромность женщины, и еще актриссы? Конечно нѣтъ; въ противномъ случаѣ вы не читали бы этого разказа.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Mistress Siddons*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. *Leuven'a Lhérie*.

Прекрасная, честная, восхитительная женщина, мистриссъ *Siddons*, честь Англійскаго театра, родилась 5 іюля 1753 года въ деревенскомъ трактирѣ, подъ выѣскою Передней лопатки баранины. Мы говорили однажды объ этой женщинѣ по случаю выхода ея записокъ, изъ которыхъ сдѣлали изъ

влеченіе. Она была дочь бѣднаго провинціального актера и сестра трехъ *Kemble'*ей, знаменитыхъ Англійскихъ актеровъ; она и сама долгое время принадлежала къ состояннѣо кочующихъ актеровъ, самому жалкому изъ всѣхъ самыхъ жалкихъ состояній. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, она уже играла въ комедіяхъ, съ другими подобными ей дѣтьми. Сдѣлавшись въ послѣдствіи величайшею въ Англій трагическою актрисою, пользовалась уваженіемъ наравнѣ съ знатнѣйшими дамами, она любила воспоминать о своемъ дѣтствѣ, когда была вѣселою, смѣшливою двѣнадцатилѣтнею *Офелією*.

Какое многотрудное дѣтство! Шекспиръ завертывалъ ее въ свой плащъ и качалъ на своихъ дюжихъ рукахъ. Она была воспитанницею, питомцею Шекспира, и въ этой строгой школѣ научилась не только театральному искусству, но и честности. Она сдѣлалась въ одно время и великою трагическою актрисою и истинно добродѣтельною женщиною.

Двѣнадцати лѣтъ она уже кормила все свое семейство, была единственною подпорою отца, матери, сестеръ. Она получала полгинеи въ недѣлю. Въ день выдачи жалованья, бѣдная, голодная дѣвочка была совершенно счастлива. Въ этотъ день мать ея покупала говядины на всю семью. Въ другіе дни мяса она не видывала: развѣ только иногда на сценѣ ей приходилось сѣсть за столъ; тогда ей подавали жаренаго цыпленка и она, читая роль принцессы, глодала цыплячье крылышко своими прекрасными зубками, бѣлыми и крѣпкими, хоть бы сгрызть крѣпостную стѣну. Зрители аплодировали; видя съ какимъ аппетитомъ она ѣсть, они воображали себѣ, что этого требуетъ роль ея!

Но въ тотъ день, о которомъ я вамъ рассказываю, бѣдняжка была еще голоднѣе обыкновенчаю. Наканунъ ей подали на театрѣ цыпленка съ такимъ множествомъ перцу, что она заплакала съ горя. Она приближалась въ театръ, и добралась черезъ знакомый, узкій проходъ, до дыры, въ которой сидѣлъ старый кассиръ. Этотъ кассиръ, старый добрякъ, держалъ кассу свою въ карманѣ. Были деньги въ карманѣ, онъ платилъ, платилъ всѣмъ безъ разбора, не ведя ни книгъ ни счетовъ; не было денегъ — не платилъ, и дѣло съ концемъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Увидѣвъ бѣдную дѣвочку, которая за-

пыхавшись явилась за жалованьемъ, старикъ вынулъ изъ кармана гинею и далъ ее маленькой Оселин, которая убѣжала, трепеща отъ радости.

Она уже была внизу лѣстницы; чувствовала въ рукѣ эту полу-гинею, съ такимъ трудомъ выработанную, и вздунала ее посмотреть. Вообразите ея удивленіе! Это не полу-гинея! Вотъ она! у нея въ рукѣ! лежитъ и блещетъ на солнцѣ! Какая радость! Сколько благополучія заключается въ этомъ кусочкѣ золота! У нихъ цѣлыя двѣ недѣли, всякой Божій день будетъ за столомъ говядина! Сестрамъ ея покупать чулки и башмаки, чтобы онѣ могли сходить въ театръ. Гинея, цѣлая гинея!

Несмотря на это, милая дѣвочка, движимая внушеніемъ рѣдкой добродѣтели, принесла кассиру полъ-гиней сдачи. Тотъ взявъ это сокровище, и даже не замѣтилъ сладостной слезы, которая выкатилась изъ голубыхъ глазъ ребенка. Поступокъ былъ героическій. Мистриссъ *Siddons*, съ гордостью объ немъ рассказывала. Ей гораздо труднѣе было возвратитъ кассиру *Bah't*скаго театра эту полугинею, чѣмъ потомъ отослать къ королеви бланкъ Георга III, который, въ минуту страсти, онъ самъ всунулъ ей въ руку.

Подобный ребенокъ растетъ скоро. Славу она пріобрѣла точнехонько также какъ и добродѣтель. Вскорѣ вся Англія восхищалась этою женщиною, которую подарилъ ей Шекспиръ. Говорятъ, что въ роли леди Macbeth она сама себя превосходила. Живописецъ *Reynolds*, Англійскій *Van Dyck*, на публичныхъ лекціяхъ, представлялъ ее какъ превосходнѣйшій образецъ благородства. Лордъ Байронъ упоминаетъ объ ней съ искреннимъ энтузіазмомъ.

Когда прекрасная миссъ *O'Neil* вступила на театръ, Байронъ не захотѣлъ ее видѣть, чтобы не сдѣлаться невѣрнымъ мистриссъ *Siddons*.

Такова героиня небольшой драмы Гг. *Leuwen'a* и *Lhérie*. Авторы весьма напрасно преувеличили еще эту честность, и безъ того полную и великую. Въ драмѣ ихъ, мистриссъ *Siddons*, чтобы спасти пріятельницу свою леди *Névil*, позволяетъ лорду *Névil'ю* увести себя. Овладевъ имъ совершенно, мистриссъ *Siddons* разоряетъ, мучитъ его, дѣлаетъ

ему неприятности, насылаетъ на него своихъ кредиторовъ. Бѣдный *Névil* скоро начинаетъ жалѣть о законной женѣ своей, кроткой и доброй, и о своемъ домашнемъ бытѣ, спокойномъ и счастливомъ. Потомъ когда безразсудный мужъ соскучился въ свитѣ великой актриссы, мистриссъ *Siddons* возвращаетъ его исправленнаго въ жизнь обыкновенную, которая одна и есть жизнь счастливая. И этотъ поступокъ тѣмъ благороднѣе и великодушнѣе, что она всѣмъ сердцемъ любитъ *Névil*'я, хотя онъ этого и не знаетъ.

Въ этой драмѣ довольно много занимательности, хотя завязка ея совершенно невозможна.

2. *Le Spectre et l'Orphéline*, *Привидѣніе и сирота*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, Гг. *Anicet, Bourgeois* и *Francis'a*.

Это привидѣніе было некогда графомъ *Bois-Robert*'омъ. Бѣдный графъ былъ измѣнически отравленъ въ кубкѣ вина своимъ управителемъ. Съ тѣхъ поръ управитель умеръ, а графъ попалъ въ адъ: за что въ адъ, это неизвѣстно. Только чортъ, одинъ изъ чертей среднихъ вѣтковъ, почитая долгомъ совѣсти сдѣлать что-нибудь въ пользу такого знатнаго и несчастнаго молодого человѣка, отравленнаго своимъ мошенникомъ-управителемъ и неизвѣстно за что осужденнаго въ адъ, позволилъ ему возвратиться на землю, прожить тамъ три дня въ человѣческомъ образѣ и напроказничать, сколько душѣ угодно. Видно, чортъ былъ добрый малый. Графъ *Bois-Robert* выходитъ изъ могилы.

Теперь, какъ вы знаете, что мертвецъ вышелъ изъ могилы, возьмите свой умъ въ обѣ руки и ступайте за мною если смѣете, въ этотъ лабиринтъ безвыходный.

Графиня *Valmont*, купила замокъ графа *Bois-Robert*'а, несмотря на страшные слухи, которые объ немъ носились; объ немъ, то есть, о замкѣ. Замокъ дѣйствительно пользовался весьма незавидною славою; но графиня была изъ фамиліи *Bois-Robert*'овъ и мертвецовъ не боялась. Она преспокойно проживаетъ въ этомъ замкѣ съ старымъ, трусливымъ слугою, болтливою служанкою и десятками двумя дворянъ. Графиня ждетъ къ себѣ въ замокъ сына своего Артура. Артуръ пріѣзжаетъ. Онъ болсенъ, раненъ на войнѣ, упалъ съ лошади,

влюбленъ въ какую-то дѣвицу Матильду, которая живетъ въ монастырѣ; онъ печаленъ, задумчивъ, блѣденъ; однимъ словомъ онъ очень интересенъ.

Поздоровавшись съ матерью, Артуръ, какъ мамсыкинъ сынокъ, кричитъ, что онъ непременно хочетъ жениться на Матильдѣ; маменька говоритъ: «Женишься завтра». Избалованному Артуру и это кажется долго. Между-тѣмъ приходятъ сказать графиня, что двѣ путешественницы, вѣдущія изъ монастыря, утомившись отъ дороги, просятъ позволить переночевать въ замкѣ. Путешественницы входятъ. Это Клара и Матильда; да вы, конечно, и сами догадались, что одна изъ нихъ непременно Матильда. Но теперь мы устремимъ все свое вниманіе на мертвеца, который стоитъ тутъ, спрятавшись за колонну.

Я еще, кажется, не говорилъ вамъ, за чѣмъ мертвецъ отпросился въ отпускъ на землю. Онъ хочетъ отмстить бывшему своему управителю, который, какъ вы знаете, отравилъ его, своего сѣятельнаго господина. Управитель и самъ умеръ; управитель въ аду, и господинъ въ аду: слѣдственно оба они равны, и съ этой стороны дѣлать нечего; но управитель оставилъ на землѣ дочь, и эту-то невинную дочь хочетъ погубить мертвецъ графъ, чтобы отмстить мертвецу управителю. Забавно, да что дѣлать: такъ угодно господамъ *Anicet, Bourgeois, и Francis* у. Вотъ нашъ мертвецъ принимается искать дочь своего управителя.

Но кто же дочь управителя? Ихъ двѣ, — Клара и Матильда. Управитель, не довольствуясь одною дочерью, принялъ еще другую, тѣхъ же лѣтъ, того же росту и дородства; эти двѣ дѣвушки росли вмѣстѣ, гуляли, играли вмѣстѣ, и наконецъ дотого смѣшались и перепутались, что самъ чортъ не разобралъ бы, которая изъ нихъ дочь управителя. А гдѣ чортъ ногу сломить, тамъ у человѣка и обшмъ не сдобровать. Теперь, которую же прикажите мертвецу погубить? Къ счастью, въ его распоряженіи три дня и три удара. Последнюю загадку я объясню вамъ со-временемъ.

Извѣстно и вѣдомо вамъ да будетъ, что для бѣлой вѣрности въ мщеніи, мертвецъ графъ просилъ позволенія у чорта, который ни въ чемъ не можетъ отказать ему, облечся,

не въ прежую свою, довольно поношенную оболочку графа *Bois-Robert'a*, но въ еще теплую и совсѣмъ свѣжую форму графа *Castelnaud*, недавно убитаго на войнѣ, на глазахъ друга своего Артура. Артуръ сидитъ съ матерью, и вдругъ слуга докладываетъ имъ, что прїѣхалъ графъ *Castelnaud*.

Castelnaud входитъ. Артуръ глазамъ не вѣритъ. Какъ! *Castelnaud*, который при немъ былъ убитъ, является какъ живой? Артуръ осматриваетъ, общупываетъ его со всѣхъ сторонъ: нѣтъ сомнѣнїя, *Castelnaud*! Друзья обнимаются. Услышавъ, что Артуръ женился на Матильдѣ, мертвецъ *Castelnaud* спрашиваетъ: «Которая изъ нихъ дочь управителя, Матильда что ли?» — Не знаю; справся самъ, — да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ знать на комъ женишься!

Артуръ выходитъ. Мертвецъ, облыжно называющій себя графомъ *Castelnaud*, остается одинъ съ Кларою и Матильдою и начинаетъ производить поиски и развѣдки. Онъ старается узнать какія воспомнанїя сохранили онъ о своемъ дѣтствѣ. Но Клара и Матильда воспитаны вмѣстѣ: очень естественно, что у нихъ одни и тѣже воспомнанїя. Мертвецъ становится въ тупикъ. Вдругъ ему приходитъ въ голову хитрость. Онъ одергиваетъ черный занавѣсъ, за которымъ виситъ портретъ частоупоминаемаго мошенника-управителя. При видѣ этого портрета Матильда падаетъ въ обморокъ. — Мертвецъ съ радости щелкаетъ зубами, и говоритъ самъ себѣ: Ага! вотъ дочь моего управителя.

Вы, можетъ быть, спросите какимъ же образомъ въ замкѣ *Bois-Robert'a* виситъ портретъ его убійцы? Въ отвѣтъ, имѣю честь сообщить вамъ, что этотъ портретъ по сказанїю авторовъ, превосходное произведенїе знаменитаго живописца.

Отыскавъ наконецъ дочь управителя, мертвецъ *Castelnaud*, — *Bois-Robert* тожъ — думаетъ только о мщенїи. Прїятель его, чортъ, прощаясь съ нимъ на три дня, наговорилъ ему много хорошаго, и между-прочимъ сказалъ: Не убивай! Видно этотъ дїаволь не любилъ кровавыхъ грѣховъ. Но за то дїаволь сказалъ своему любезному мертвецу: «Но соблазненный сколько тебѣ угодно!» И то дѣло. Если Матильда меня полюбитъ, говоритъ мертвецъ, она погибла; а она меня по-

любить, слѣдственно и прочая. Силлогизмъ — логически-правильный и истинно дѣвольскій. Оно такъ и вышло. Мертвецъ не убиваетъ Матильды, но беретъ ее за руку, по наученію діавола, жметъ у нея палець, и она его любитъ; его любитъ, Артура ненавидитъ. Ай да діаволь! Хитеръ какъ бѣсъ. Чертовскую штуку придумалъ!

Какъ бы то ни было, только Артуръ ничуть не доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Онъ приходитъ со шпагою, и вызываетъ *Castelnau* на дуэль. Странно мертвецъ выходитъ на дуэль! Онъ учтиво отказывается, и даже смѣется надъ соединками вообще и надъ этимъ въ особенности. Но Артуръ шутить не любитъ. Онъ даетъ привидѣнію оплеуху. Тутъ кровь привидѣнія вскипаетъ. Мертвецъ обнажаетъ шпагу и они, то есть, человекъ и привидѣніе, дерутся. Вы помните, что діаволь сказалъ мертвецъ: «Не убивай!» Такимъ образомъ въ этой битвѣ между духомъ и плотью, если безсмертный не можетъ убить смертнаго, и развязки быть не можетъ. Однако жъ развязка выходитъ, и довольно неожиданная: человекъ убиваетъ привидѣніе, духъ умерщвляетъ плоть, тѣло Артура даетъ лихой ударъ шпагою душѣ *Bois-Robert'a*, или, если хотите, убитый *Bois-Robert* переубить. Ай да чортъ!

Артуръ уходитъ. Мертвецъ лежитъ и вспоминаетъ о трехъ ударахъ, о которыхъ говорили ему діаволь. «Если тебя убьютъ, сказалъ этотъ добрый чортъ, не унывай: до трехъ смертельныхъ ударовъ ты можешь драться безопасно.»

Переубивъ мнимаго *Castelnau*, Артуръ уходитъ въ свою комнату и сидитъ, подгорюнясь. Онъ убилъ своего друга. Любезная его оказалась дочерью убійцы, да и эта дочь убійцы его не любитъ. Вдругъ входитъ какой-то армейскій офицеръ. Мѣсяца три назадъ, подбирая на полѣ сраженія мертвья тѣла, этотъ офицеръ нашелъ графа *Castelnau*, который еще не умеръ. Онъ просилъ офицера отдать Артуру портфель, — который офицеръ и отдаетъ, — и *Castelnau* совсѣмъ ужъ умеръ. Офицеръ и похоронилъ его.

Принявъ все это въ соображеніе, Артуръ дѣлаетъ слѣдующее, весьма вѣроподобное разсужденіе: Если *Castelnau* умеръ назадъ тому три мѣсяца, такъ видно я его сегодня не

убилъ! Да, разумеется, не убилъ: вотъ онъ самъ снова является, живъ и здоровъ. Тутъ уже Артуръ рѣшительно не вѣрить глазамъ своимъ. Да и не безъ причины, ибо: 1.) онъ самъ видѣлъ, какъ мѣсяца три назадъ *Castelnau* умеръ на полѣ сраженія; 2.) онъ самъ сегодня убилъ его; 3.) онъ сейчасъ только говорилъ съ офицеромъ, который похоронилъ *Castelnau*; и 4.) онъ за минуту передъ тѣмъ оставилъ въ паркѣ мертвое тѣло *Castelnau*, а теперь *Castelnau* тутъ какъ тутъ. И Артуръ еще разъ обнажаетъ шпагу, желая чтобы *Castelnau* умеръ — въ тре-гій-разъ!

Но роковой часъ уже пробилъ. Чортъ, начальникъ строгій, отсрочки не даетъ, и зоветъ мертвеца своего домой. Да впрочемъ ему и нечего дѣлать, потому что Матильда, которую онъ долго считалъ за дочь управителя, совсѣмъ не дочь его; а настоящая его дочь Клара. Доказательство, что можно быть мертвецомъ, и между-тѣмъ осломъ.

Мертвецъ отпрапляется во-свойси. Артуръ женится на Матильдѣ.

Если бъ весь этотъ вздоръ былъ бы не такъ дурно написанъ, мелодрама бы хоть куда. Тутъ есть что-то очень похожее на воображеніе и изобрѣтеніе.

3. *Joseph, vendu par ses frères, Иосифъ, проданный братьями*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, Г. *Antonin*'а.

Это глупѣйшая изъ мелодрамъ, въ которыхъ лишняго ума вообще не бываетъ. Замѣчательнаго въ ней только то, что жены Путифара купаются на сценѣ, какъ жены вашего стариннаго пріятели и друга, султана Лашука, въ Возстаніи въ Сераѣ.

4. *Le chevalier de Canolle*, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Г. *Fontmichel*'а.

Кавалеръ *de Canolle* есть довольно извѣстная комедія, изъ которой одна дама вздумала сдѣлать оперу, и притомъ оперу очень миленькую. Въ положеніи главнаго дѣйствующаго лица много драматическаго. Когда издыхающая Фронда забилась въ Бордо, весь Парижъ очутился подъ стѣнами или за стѣнами этого города. То была забавная война! Обѣ партіи воевали припѣваячи и дрались съ хохотомъ; осыпали

другъ друга ядрами и эспиграми; на стѣны лезли со скрипками въ рукахъ и отбивались гобоями; дамы въ бальвошь платьѣ ходили на приступъ и стояли на бреши; и шитые мундиры сражались съ блондами. Въ одной изъ подобныхъ сшибокъ, кавалеръ de Canolle былъ взятъ въ плѣнь, и отдалъ свою шпагу герцогинѣ de Longueville, командовавшей въ Бордо. Герцогиня пригласила плѣннаго на балъ.

Между-тѣмъ приходитъ вѣсть, что одинъ изъ дворянъ Г. Lagochefoucauld взятъ въ плѣнь партиєю Мазарина и приговоренъ къ смертной казни. Бордосцы волнуются и требуютъ смерти *Canolle'*я — по праву войны. Кавалеръ въ это время танцовалъ менуэтъ, держа въ рукѣ нѣжненькую, блѣненькую ручку прекрасной герцогини de Longueville. Услышавъ на улицѣ шумъ, онъ высунулся изъ окна и спросилъ что тамъ такое. Ему закричали, что его хотятъ разстрѣлять; онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнью, ничего не можетъ быть справедливѣе, и только просилъ позволенія окончить менуэтъ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Одна умная дама, какъ мы уже говорили, придѣлала къ этой комедіи множество пѣсенъ и куплетовъ, а Г. Fontmichel музыку. Г. Fontmichel — отчаянный Россинистъ, и музыка его, какъ само собою разумѣется, принадлежитъ къ школѣ знаменитаго maestro. Одни журналы ее хвалятъ; другіе находятъ слишкомъ танцевальною и скучною. И дѣйствительно, это, говорятъ, настоящій хаосъ арій, романсовъ, тріо, квартетовъ, хоровъ, финаловъ, вальсовъ, кадрилией, галоповъ и даже мазурокъ, которыя нынче въ Парижѣ въ такой же модѣ, какъ и у насъ въ Петербургѣ, что очень утѣшительно. На-ша взяла! Французы танцуютъ мазурку.

5. Casanova au Fort Saint-André, *Казанова въ форть Св. Андреа*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. *Etienne'a Arago*, *Duverger* и *Varin'a*.

Кто не знаетъ бѣгства Казановы изъ Венеціанской тюрьмы? Нѣсколько лѣтъ назадъ въ нашихъ журналахъ напечатано было описаніе его побѣга, заимствованное изъ собственныхъ его записокъ. Это бѣгство, смѣлое и удачное, удивило всю Европу. И съ тѣхъ поръ Казанова сдѣлался моднымъ человекомъ, и снова началъ прежнюю жизнь свою, полную сума-

сбродными и нечистыми приключеніями, которыя онъ такъ дерзко и съ такими подробностями самъ рассказываетъ. Казанова былъ чловѣкъ безъ стыда и безъ совѣсти. Жизнь его была чистая грязь. Онъ былъ сынъ распутной женщины и отца не лучшаго чѣмъ она. Пятнадцати лѣтъ онъ превзошелъ и ту и другаго. Сколько непостижимыхъ приключеній! сколько страстей низкихъ и постыдныхъ! Этотъ чловѣкъ непрерывно влюблялся и былъ продаженъ. Онъ равно преданъ былъ любви и деньгамъ, и за одно добывалъ другое. Сверхъ-того онъ былъ игрокъ, и притомъ игрокъ нечистый. Женщинамъ нравился онъ прекраснѣйшимъ изъ качествъ, какимъ только можно имъ понравиться: онъ ихъ любилъ, любилъ всѣхъ до одной, всѣхъ безъ разбору, несмотря на родъ и племя, на богатство и званіе, любилъ и черныхъ и бѣлокурыхъ, и высокихъ и маленькихъ, и старыхъ и молодыхъ, любилъ даже цыганокъ и негрятенокъ. Однимъ словомъ Донъ Жуанъ, со своимъ баснословнымъ спискомъ любовницъ, далеко отсталъ отъ уличнаго Донъ Жуана, Казановы-де-Сингалта.

Казанова соединять въ себѣ одномъ множество знаменитостей, которыхъ въ то время очень уважали. Онъ былъ шарлатанъ какъ Калиостро, магнитизоръ какъ Месмеръ; былъ то мужчиной, то женщиной какъ кавалеръ Еон, былъ яллюминатомъ, былъ великимъ Кофтомъ, былъ всѣмъ, чѣмъ только можно было дурачить, обирать женщинъ, надувать мужчинъ, и между-гѣмъ вся жизнь его протекла спокойно; онъ даже неразъ былъ осыпаемъ почестями. Сдѣлавшись старымъ и хилымъ, онъ написалъ свои отвратительныя записки, и умеръ въ тюрьмѣ развратныхъ женщинъ, — мѣсть, достойномъ своей жизни.

Изъ всѣхъ этихъ гадостей, трос писателей сострипали довольно невинный водевиль. Водевильный Казанова сидитъ, не въ Венеціанской тюрьмѣ подъ свинцовою кровлей, а въ хорошенькой комнаткѣ; его стерегутъ уже не пусушные стражи Совета Десяти, а снисходительный и пьяный оперный тюремщикъ. Къ нему пріѣзжаютъ дамы, и для развлеченія онъ учитъ дочь тюремщика играть на гитарѣ. Все же ему было бы скучно, если бъ онъ не имѣлъ возможности по-вре-

начь освобождаться изъ тюрьмы, но ничего не можетъ быть легче въ водевилѣ. Стоять только вынуть изъ окна желѣзную перекладину и спуститься по лѣстницѣ изъ гитарныхъ струнъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, чтобы отправиться на балъ. На балѣ Казанова подъ маскою волочится за всѣми дамами, обгрыбавстъ всѣхъ игроковъ и запасшись золотомъ и поцѣлуями возвращается въ свою тюрьму.

6. *Le jeune père, Молодой отецъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. *Achille* и *Dartois* и *de St.-Georges*'а.

Жилъ былъ портной лѣтъ тридцати пяти и вдовецъ; у него была дочь, которая подъ часъ журила и бранила его за шалости. Чтобы избавиться отъ этихъ поученій, онъ придумалъ сложить на своего подмастерья всѣ проказы, которыми нятналъ онъ вдовство свое; и между прочимъ сложилъ связь свою съ одной танцоркою на лошади. Подмастерье соглашается принять на свой счетъ всѣ эти грѣхи, хотя и боится повредить себѣ во мнѣніи дочери портнаго, на которой ему желательно было бы жениться. Только, однажды вдовецъ портной даетъ у себя холодной завтракъ или, лучше сказать, попойку. Портной назвалъ къ себѣ «молодыхъ людей», — глупо, не людей, а просто портныхъ, потому что эти господа восхищаются *помаромъ*, *шамбертеномъ*, и другими винами, равно выпешшими изъ моды, которыми вывче никто изъ людей не восхищается. Шумъ и крикъ, и ржаніе танцорки на лошади, такъ велики, что дочь портнаго хочетъ рѣшительно поссориться съ любезнымъ своимъ подмастерьемъ, котораго она считаетъ виновникомъ всего этого. Настоящій виновникъ принужденъ открыться, и дочь прощаетъ отца съ условіемъ, чтобы онъ женился на одной изъ ея пріятельницъ.

Эта пьеса довольно пріятна и съ благоразумной умеренностью забавна.

7. *Les misères d'un timballier, Злоключеніа цимбалиста*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. *Lubise*'а и *Albitte*'а.

Цимбалистъ *Ratureau* — сынъ незвѣстной матери, которая покинула его на паперти одной церкви, какъ въ то время матери частенько дѣлывали. Тринадцати лѣтъ, *Ratureau*, ребенокъ найденный, былъ уже ребенкомъ погибшій; онъ тор-

говалъ контрмарками, былъ собачьимъ врачомъ, ученымъ медвѣдемъ, фокусникомъ, наконецъ сдѣлался цимбалистомъ, и наконецъ — о горе! о бѣда! — онъ влюбился; хотѣлъ застрѣлиться, пистолетъ осѣкся, онъ женился! Бѣдняжка!

Во всемъ этомъ нѣтъ ни ума, ни наблюдательности, и ничего на нихъ похожего. Но положили на этотъ водовилей, въ прошломъ мѣсяцѣ, было еще съ подложныи и мы благо-разумно объ нихъ умалчиваемъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Между книгами, писанными для пяти-минутной забавы, можно упомянуть новый романъ Г. *Gozlan*'а, вышедшій подъ заглавіемъ — *Le notaire de Chantilly*. Что касается до прочихъ романовъ нынѣшняго лета, которые мы читали, потому что они были расхвалены въ Французскихъ повременныхъ изданіяхъ..... Боже мой, какая дрянь! И какая мерзость, большею частію! Надо искренно сожалѣть о тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые не знаютъ, и не въ состояніи читать, ничего другаго кромѣ новыхъ Французскихъ книгъ.

— Изъ числа сочиненій важныхъ, рѣшительно нѣтъ ни одного, которое бы заслуживало упоминанія.

— Но знаменитый « Опытъ объ Англійской словесности, » господина виконта *Châteaubriand*'а? Передъ нимъ стали на колѣни всѣ Французскіе журналы, и, если вамъ угодно, вы можете тоже стать на колѣни, только книга не сдѣлается лучше отъ этого. Позвоительно думать, что, по старости лѣтъ своихъ — *monsieur le vicomte de Châteaubriand déraisonne*. Мы никогда не полагали Г. *Châteaubriand*'а способнымъ написать хорошее сочиненіе объ Англійской словесности, но и не думали, чтобы онъ могъ написать такое плохое какъ этотъ « Опытъ », который можно, безъ зазрѣнія совѣсти, назвать ребячествомъ. Ни въ какую эпоху своей жизни Г. *Châteaubriand* не былъ бы въ состояніи предпринять исторіи Англійской словесности. Родъ его ума и дарованія вовсе не сходствуютъ съ такимъ предметомъ. Онъ всегда былъ неспособенъ къ этому и умственно и тѣлесно; умственно, потому что предметъ, своимъ величіемъ, далеко превосходилъ высоту его понятій, подавленныхъ странными

литературными теоріями и тщеславіемъ; тѣсно, потому что этотъ предметъ требовалъ долгихъ и трудолюбивыхъ изысканій, прилежнаго изученія, тщательнаго обзора всѣхъ частей, что совершенно противно поверхностному образу его ученыхъ занятій. Но, въ лучшіе годы своего таланта, при томъ поэтическомъ чувствѣ, какимъ его одарила природа, онъ могъ бы представить по-крайней-мѣрѣ блестящую картину *воображаемой* Англійской словесности. Въ кангѣ, изданной въ дряхлыя лѣта, нѣтъ и этого. Впрочемъ, здѣсь почти нѣтъ и рѣчи объ Англійской словесности: она — только поводъ къ книгѣ, а не предметъ ея, и вы найдете въ этомъ «Опытѣ» толки «обо всѣхъ возможныхъ вещахъ, и о нѣкоторыхъ другихъ», исключая того, начто указано въ заглавіи. Г. *Chateaubriand* — самый несносный риторъ, какой только существовалъ когда-либо. Онъ принадлежитъ къ разряду писателей, которыхъ Нѣмцы называютъ «субъективными»: въ цѣлой вселенной только одно видѣтъ онъ положительное, — самого себя. Предметы вѣщней природы составляютъ для него простую подкладку, которою онъ подбиваетъ свои метафизическія идеи; это гвозди, на которыхъ развѣшивать онъ свой уместивный гардеробъ; и важность ихъ опредѣляется у него единственно ихъ связію съ его политическими и литературными теоріями, и даже съ его личными похождениями. Такъ напримѣръ и эту книгу гораздо приличнѣе можно назвать «Опытомъ объ Англійской словесности въ отношеніи ея къ Г. *Chateaubriand* у». Если онъ говоритъ о Байронѣ, то единственно для того чтобы сравнивать себя съ Байрономъ, и сравнивать такимъ образомъ, который отнюдь не показываетъ его скромности. Г. виконтъ хочетъ, по-видимому, сказать, что авторъ «Чайльдъ-Гарольда» укралъ у него всѣ свои идеи. Это ужъ слишкомъ! Если *мимоходомъ* случится ему упомянуть о другомъ Англійскомъ поэтѣ, вслѣдъ за этимъ вы получите тридцать сорокъ страницъ посторонняго разсужденія, клонящагося къ тому чтобы оправдать свои поступки или политическія мнѣнія. *Chaucer* у и всѣмъ его современникамъ уделены четыре странички, а выходка противъ Лютера занимаетъ тридцать пять страницъ. О *Spencer* вѣ сказано на трехъ страницахъ: о Яковѣ I на семидесяти, потому что

здѣсь былъ удобный случай пуститься въ политику и развить свое любимое ученіе. По поводу Стуратовъ, вы найдете безконечное разсужденіе объ Англійскихъ и Французскихъ революціяхъ, о Кромвеллѣ, о Наполеонѣ, и о задержаніи господина виконта *Châteaubriand*'а въ префектурѣ полиціи, между-тѣмъ какъ Tillotson, Temple, Burnet, Clarendon, Algernon Sidney, Dryden, Prior, Waller, Buckingham, Roscommon, Rochester, Shaftesbury и Butler, удостоились всѣ вмѣстѣ тридцати страницъ, Вальтеръ Скоттъ пяти, Байронъ одиннадцати, другимъ недосталось ничего. Авторъ, кажется, подъ названіемъ «Словесности» разумѣетъ одну только рѣчованную поэзію. Англійскихъ историковъ онъ осудилъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Что касается до Шекспира, то хотя, въ своемъ великодушіи, Г. *Châteaubriand*, признаетъ этого «неправильнаго писателя» поэтомъ, однако жъ онъ, очевидно, думаетъ, что Шекспиръ только тогда былъ бы настоящимъ поэтомъ, если бъ его передѣлать по образцу Расина. Таковъ этотъ знаменитый «Опытъ объ Англійской словесности», — безпорядочный наборъ разбухлыхъ фразъ, лопнувшихъ метафоръ, ложныхъ красокъ, софизмовъ всякаго рода, и сужденій, въ которыхъ вещи постоянно подмѣняются словами. Краснорѣчіе, — а не «краснорѣчіе», — Г. *Châteaubriand*'а служить ему только для того чтобы одѣть павлиньими перьями и погремушками какой-нибудь парадоксъ или прикрыть свои настоящіе цѣли. Этотъ «Опытъ объ Англійской словесности» не что иное какъ непрерывная мистификація. Мы еще возвратимся къ нему въ послѣдствіи.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Въ Англійской словесности такой же неурожай какъ и во Французской. Самымъ примѣчательнымъ событіемъ прошедшаго мѣсяца были два тома повѣстей, изданныхъ дѣвцами Beauclerk, которыхъ юность и красота въ соединеніи съ литературнымъ талантомъ возбуждали живѣйшее участіе въ Лондонской публикѣ. Но повѣсти очень посредственны, и это не могло быть иначе, не смотря на дарованіе. Какимъ познаніемъ челоуѣческаго сердца и страстей, какимъ наблюденіемъ, могутъ обладать дѣвушки, для которыхъ свѣтъ еще ограничивается гостиною, гдѣ онѣ выставлены какъ товаръ для сбыта?

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

- HISTOIRE** de Sainte Elisabeth de Hongrie, duchesse de Thuringe. 1207 — 1231. Par le comte de *Montalembert*. 1 vol.
- MÉMOIRES** tirés des papiers d'un homme d'état sur les causes secrètes, etc. Tomes X et XI.
- MÉMOIRES SECRETS** et inédits de la cour de France, sur la fin du règne de Louis XIV, par le marquis de *Souchers*, grand-prévôt de France. 2 vol.
- DE L'ESPAGNE.** Considérations sur son passé, son présent et son avenir, par le baron d'*Eckstein*. 1 vol.
- PERROQUETS DE LEVAILLANT**, collection de plus de cent-vingt espèces laissées inédites par cet auteur, ou récemment découvertes. Texte par M. *Bourjot-Saint-Hilaire*; planches dessinées par M. *Werner*. 3 vol. 4to.

- UNE COURONNE D'ÉPINES**, roman, par *Michel Masson*. 2 vol.
- ROME SOUTERRAINE**, roman, par M. *Didier*. 2 vol.
- THEROIGNE DE MÉRRIOURT**, la jolie Liégeoise, correspondance recueillie par le vicomte de *V—y*. 2 vol.
- LE MOINE BLANC**, roman. 1799 à 1827. Par *Hippolyte Bonnelier*. 2 vol.
- CHRONIQUES DU PALAIS ROYAL.** Le roi des balles. par l'auteur de *Madame de Parabère*. 2 vol.
- LA PETITE MAISON D'AUTEUIL.** roman, par M. *Mardeke*, auteur des Princes Norvégiens. de Gustave Wasa, etc. 4 vol.
- LE NOTAIRE DE CHANTILLY**, roman, par M. *Léon Gozlan*. 2 vol.

Английскія.

- ORIENTAL HISTORICAL MANUSCRIPTS**, translated from Famil. By *W. Taylor*, missionary. 2 vols.
- BRITANIA AFTER THE ROMANS.** An attempt to illustrate the religious and political revolutions of that province in the fifth and succeeding centuries. 1 vol. 4to.
- MADRID IN 1833.** Sketches of the metropolis of Spain and its inhabitants, and of society and manners in the Peninsula. By a resident officer. 2 vols.
- THE RAMBLER** in Mexico. By *J. C. Latrobe*. 1 vol.
- THE PATRIARCAL RELIGION** of Britain. or a Compleat manual of ancient Druidism. By the rev. *D. James*. 1 vol.
- REPORT** on the commerce of the port of New Russia, Moldavia and Wallachia. By *J. von Hagemcister*. Translated by *T. F. Triebner*. 1 vol.

THE PHYSIOLOGY of digestion. By *Andrew Combe*, M. D. 1 vol.
 AN ARCHITECTURAL TOUR in Normandy. By *H. G. Knight*. 1 vol.

LITERARY REMAINS of the late *William Hazlitt*, with a notice of his life. By his son. 2 vols.

THE ROMANCE OF NATURE, or the Flower-seasons illustrated. By *Louisa Anna Twamley*. 1 vol.

TALES of fashion and reality. By *Carolina Beaucherk* and *Henrietta Beaucherk*. 2 vols, first series.

М О Д Ы.

=

«Что касается до модъ, говоритъ одинъ Парижскій журналъ, то право не знаешь что сказать. Мы каждый день ждемъ переворога не только въ матеріяхъ но и въ покроѣ, но во второй половинѣ августа никакихъ модъ не бываетъ. только въ началѣ сентября явится нѣсколько лентъ, нѣсколько тканей. Купцы изъ отдаленныхъ государствъ тотчасъ прибѣгутъ въ Парижъ почерпнуть моды въ землѣ вкуса, но они увезутъ съ собою ничтожныя трапки, которыя, тамъ, въ ихъ сторонѣ, покажутся чудесными. Парижскія моды хранятся какъ святыня въ нѣсколькихъ заведеніяхъ, которыя ни за что не согласятся измѣнить Парижанкамъ и служить своимъ талантомъ дурному щегольству какихъ нибудь иностранныхъ земель, которыя столько же смыслятъ въ модахъ сколько ганцорка въ добродѣтели.»

«О бархатахъ мы будемъ разсуждать осенью. Нынче одинъ только махровый бархатъ имѣетъ право на отличіе, потому что онъ дорогъ. Гроденашли доканчиваютъ лѣто и блекнутъ вмѣстѣ съ солнцемъ.»

«Басты скончались.»

«Нѣсколько лѣтнихъ шляпокъ ждутъ еще теплыхъ дней и хорошей погоды.»

«Въ числѣ уборовъ, совершенно новыхъ, нельзя не упомянуть шляпокъ-капотовъ съ безчисленными кулисами, изъ синяго или темно зеленого пу-де-соа. Всѣ онѣ снабжены прекрасными вуалями изъ витятаго тюля, въ родѣ Англійскаго. Нѣкоторые щеголихи заказали себѣ атласныя шляпки-капоты, на кулисахъ и всё свѣтлыхъ цвѣтовъ, съ креновою тоже морщеною подкладкою, которая лучше идетъ къ лицу нежели шелковая. Крепъ долженъ быть подобранъ подъ цвѣтъ атласу.

«Между-тѣмъ бѣлая, кисея почти исключительно господствуетъ на вечернихъ платьяхъ.»

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. — Смерть Г. Ленца. — Экспедиція Эвксино-Каспійская. — Возвышеніе Павловска надъ Петербургомъ. — Последніе бюллетени Академіи посвящены преимущественно разбору пураны *Лалита-вистара*, о которомъ мы уже говорили, и ученой экспедиціи для опредѣленія относительной высоты Чернаго и Каспійскаго Моря.

Разборъ *Лалита-вистары* есть посмертный трудъ Г. адъюнкта Ленца, молодого оріенталиста, который подавалъ собою прекраснѣйшія надежды и похищенъ у наукъ преждевременною смертію 25 августа, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ мы говорили здѣсь объ его намѣреніи сообщить ученому свѣту переводъ этого Буддическаго творенія. Съ нимъ упразднилось при академіи мѣсто по части Савскритской литературы, которое было создано для него. Надобно надѣяться, что кто-нибудь изъ нашихъ молодыхъ оріенталистовъ постарается скоро вознаградить, своими успѣхами въ священномъ языкѣ Гиндусовъ, и своими трудами, ту потерю, каковую Восточныя науки понесли въ лицѣ Г. Ленца. Разборъ, печатаемый въ бюллетеняхъ Академіи, отличается яснымъ и занимательнымъ изложеніемъ предмета вообще очень любопытнаго, и тѣ, которые пишутъ у насъ «о религіи Калмыковъ» или о «Бурятской вѣрѣ», очень хорошо сдѣлаютъ, если, между прочимъ познакомятся черезъ него съ содержаніемъ *Лалита-вистара*.

Что касается до настоящей высоты Каспійскаго Моря, то это задача, любопытная не по одному только сомнѣнію, къ которому подали поводъ противорѣчащія измѣренія нѣсколькихъ ученыхъ экспедицій. Относительная высота морей и океановъ занимаетъ въ нынѣшнее время равно науки какъ и государства. До-сихъ-поръ обыкновенно полагали, что моря, соединенныя съ океаномъ проливами, имѣютъ одинаковый съ нимъ уровень; но есть важные поводы думать, что разныя причины сопряженныя съ неправильно-сфероидальнымъ видомъ или съ внутренними свойствами самой планеты, нарушаютъ этотъ уровень. Океаны по-видимому представляютъ значительныя неровности на своей жидкой площади, и воды морей, сообщающихся между-собою, не всегда находятся въ

совершенномъ равновѣсїи. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тщательными тригонометрическими нивелировками. Въ 1825 году предпринято было измѣреніе относительной высоты Средиземнаго Моря и Атлантическаго Океана. Въ 1828 пытались, помощію нивелировки Панаскаго перешейка, начатой подъ покровительствомъ Болливара, открыть разницу въ высотѣ двухъ смежныхъ океановъ, Атлантическаго и Тихаго. Недавно конгрессъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ опредѣлялъ произвести нивелировку отъ одного берега до другаго черезъ Флориду для той же цѣли. Въ нынѣшнемъ году, знаменитый астрономъ и геодезистъ Алтонскій, Г. Шузахеръ, предпринялъ подобный трудъ между берегами Балтики и Сѣвернаго Моря. Легко постигнуть, сколько эти согласныя усилія разныхъ народовъ придають занимательности и безъ того уже важной для наукъ экспедиціи, которая должна рѣшить соотношенія двухъ морей, Чернаго и Каспійскаго, не имѣющихъ видимаго сообщенія между собою. Дѣйствуя, подъ руководствомъ Г. Струве, по инструкціи данной академіею, эта экспедиція состоитъ изъ трехъ молодыхъ ученыхъ, Гг. Е. Фусса, Заблера и Савича, и одного механика. Она еще найдетъ мѣстныхъ помощниковъ въ директорѣ Таганрогскихъ училищъ, Г. Манне и Астраханскомъ аптекарѣ, Г. Оссе; и должно прибавить, — это уже семнадцатое ученое путешествіе со времени вступленія на престолъ нынѣ благополучнаго царствующаго Государя Императора, въ которомъ каждое изысканіе, способное расширить кругъ человѣческаго знанія и принести честь Россіи, находитъ всегда готоваго и щедрого покровителя.

Въ числѣ результатовъ, ожидаемыхъ отъ Эвксинско-Каспійской экспедиціи, которой труды будутъ продолжаться около полутора года, есть одно обстоятельство, чрезвычайно важное по своему практическому примѣненію къ разнымъ инженернымъ работамъ: оно относится къ опредѣленію степени довѣрія, какое должно имѣть къ выводамъ, получаемымъ изъ барометрическихъ наблюденій о высотѣ двухъ мѣстъ, довольно отдаленныхъ. Г. Профессоръ Парротъ прислалъ академіи по этому предмету записку, въ которой онъ весьма дѣльными замѣчаніями, старается оценить прешу-

щества двухъ методъ нивелированія, барометрической и тригонометрической. Обѣ онѣ, конечно, могутъ дать только приблизительные результаты, потому что ни въ какомъ дѣйствіи человѣческомъ нельзя быть нравственно убѣжденнымъ, что тутъ не случилось какой-нибудь погрѣшности; но дѣло идетъ о томъ, которая изъ двухъ методъ представляетъ болѣе поручительствъ въ вѣрности приблизительнаго результата. Г. Парротъ находитъ многія неудобства въ барометрическомъ способѣ: онъ доказываетъ, что для достиженія вѣроятной точности посредствомъ этого способа, наблюденія должны продолжаться по-крайней-мѣрѣ одинъ полный періодъ перемены температуръ и влажности, то есть, цѣлый годъ; но и этотъ періодъ времени считаетъ онъ недостаточнымъ, когда двѣ точки, которыхъ жаждутъ определить высоту, раздѣлены между собою большимъ разстояніемъ: можетъ-быть въ такомъ случаѣ и вовсе нельзя рѣшить задачи барометрами. Мы еще прежде осмыслились изъяснить то же самое мнѣніе. Въ заключеніе, ученый профессоръ приводитъ любопытныя наблюденія, которыя онъ въ прошломъ году дѣлалъ со всею возможною тщательностью въ Петербургѣ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, длитого чтобы определить высоту Павловска надъ Горнымъ Корпусомъ. Барометры, совершенно одинаковой постройкы, были свѣрены, и наблюденія производились четыре и пять разъ въ день одновременно. Результатъ представлялъ почти $100\frac{1}{2}$ футовъ, то есть, около четырнадцати съ половиною сажень. Между тѣмъ, тригонометрическая нивелировка Г. Герстнера, предпринятая въ пропшломъ году для желѣзной дороги, показываетъ, что Павловскъ выше Обухова Моста безъ малаго только двѣнадцатью съ половиною саженьми, что представляетъ ровно двѣ сажени разницы между двумя измѣреніями. Конечно, Горный Корпусъ ниже Обухова Моста, однако наводненіе 1824 года удостовѣряетъ, что между ними нѣтъ двухъ сажени разницы и что она простирается только на три или четыре фута. Недочетъ, во всякомъ случаѣ, будетъ въ четырехъ аршинахъ, на такомъ близкомъ разстояніи, каково между Павловскомъ и Горнымъ Корпусомъ, которые удалены другъ отъ друга, на тридцать семь верстъ. Изъ таблицы Г. Паррота видно, что, судя по средней высо-

тъ четырехъ или пяти дневныхъ стояній барометра, возвышеніе Павловска надъ Петербургомъ казалось пной дена почти въ два раза значительнѣе чѣмъ наканунѣ: высота эта, въ разные дни мѣсяца, измѣнялась отъ 61 до 119 футовъ. Г. Парротъ даетъ замѣтить, что, принимая даже средній результатъ цѣлаго мѣсяца, $100\frac{1}{2}$ футовъ, за самую вѣроятную барометрическую высоту Павловска, мы найдемъ, что по-временамъ онъ казался слишкомъ 30 футами то выше то ниже этой мѣры; что, если опредѣлить на погрѣшности наблюденія щедрою рукою 17 футовъ, и тогда еще, семь изъ двадцати двухъ даяей, средняя дневная высота Павловска уклонялась на столько же и болѣе средней мѣсячной высоты его; и что, слѣдственно, даже на весьма близкомъ разстояніи есть очевидныя неровности въ барометрическомъ давленіи.

КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Окаменѣлыя микроскопическія животныя. Истинно, послѣднее открытіе Г. Эренберга, который нашелъ, что одинъ родъ кремнистой скалы состоитъ весь изъ труповъ наливочныхъ животныхъ, которыхъ цѣлыя тысячи водятся въ капляхъ воды, есть самый странный и неожиданный фактъ, какового только мы, въ наше время, были свидѣтелями въ области наукъ!

Г. Гумбольдтъ сообщилъ академіи новыя подробности объ этомъ открытіи искуснаго Берлинскаго натуралиста. Набрали живыхъ наливочныхъ той же породы какъ и окаменѣлыя, изъ которыхъ составлена скала, и старались разложить химически верхніе черепы этихъ незримыхъ существъ: оказалось, что они состоятъ изъ одного кремняку. Такимъ образомъ и самое кремнистое вещество скалы, въ которомъ лежатъ ихъ окаменѣлыя трупы, есть повидимому произведеніе тѣхъ же наливочныхъ, а не минеральная масса. Г. Эренбергъ считалъ ихъ въ маленькомъ кускѣ скалы: нашлось, что кубическій дюймъ этого камня заключаетъ ихъ въ себѣ 41,000,000 штукъ. Это огромное количество не удивитъ никого, если вспомнить, что величина ихъ не превосходитъ трехъ-сотыхъ линіи.

Многимъ могъ представляться вопросъ — для какой цѣли созданы микроскопическія животныя и какая отъ нихъ польза

человѣку? Теперь эта польза очевидна: безъ нихъ не возможно было бы человѣку вѣсть хлѣба ни сварить себѣ щей. Странно подумать, что изъ бранныхъ остатковъ невидимыхъ существъ, живущихъ въ капляхъ воды, мы выскасемъ огонь и дѣлаемъ жернова!

2. Древнія Еврейскія надписи въ Сѣверной Америкѣ. Въ своемъ родѣ, это еще удивительнѣе окаменѣлыхъ наливочныхъ. Къ Г. *Warden*'у пишутъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, что тамъ нашли въ глыбѣ мрамора родъ барельефа, какъ-бы вылитого изъ стеклянной массы и на которомъ видны двѣ прекрасныя Еврейскія буквы. Это открытіе надѣлало много шума въ Соединенныхъ Штатахъ. Надо полагать, что какой-нибудь любитель мистификацій подшутилъ надъ соединенными Американскими гбрантами. Но они предлагаютъ прислать этотъ барельевъ на разсмотрѣніе Парижскимъ ученымъ. Академія просила Г. *Warden*'а освѣдомиться подробно о достовѣрности открытія.

3. Смерть Jussieu. Французскій институтъ лишился одного изъ своихъ главныхъ украшеній. *Antoine de Jussieu*, авторъ знаменитаго творенія *Genere plantarum* и преобразователь Ботаники скончался въ теченіе прошлаго мѣсяца. Ему обязана эта наука классификаціей растеній по «естественной методѣ», которой положилъ первое основаніе дядя его, *Bernard de Jussieu*. Онъ родился въ 1748 году въ Лионѣ и семнадцати лѣтъ отправился въ Парижъ къ дядѣ, который вскорѣ доставилъ ему мѣсто при Ботаническомъ саду. Здѣсь, среди любимыхъ растеній и полезныхъ трудовъ провелъ онъ шестьдесятъ шесть лѣтъ своей жизни. Сынъ его, *Adrien de Jussieu*, пользуется также извѣстностью отличнаго ботаника.

УГОРЬ-ПРОТЕЙ. Полюбовавшись романтическими озерами и высокими горами Сиріи, посѣтивъ Тирольскіе ледники, говоритъ сирь *Humphry Davy*, въ своихъ посмертныхъ запискахъ, мы остановились на нѣсколько дней въ великолѣпныхъ долинахъ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Сава. Мы видѣли, какъ она извергается изъ своихъ подземныхъ водохранилищъ, потомъ катится, прыгая по снѣжнымъ горамъ Терглау и Мангардтъ, стремится ужасными водопадами по

скаламъ и лѣсамъ, и наконецъ терлется въ голубыхъ и глубокихъ озерахъ Вохайнъ и Вурценъ. Тамъ, она снова начинается спокойно течь черезъ луга, покрытые стадами, деревьями и растеніями, которыя придаютъ этой странѣ видъ вѣчнаго сада. Почва этой части Австрійской имперіи состоитъ изъ известковыхъ слоевъ и наполнена подземными пещерами. Въ каждомъ склонѣ видишь широкія углубленія въ видѣ воронки, похожія на кратеры вулкановъ: въ нихъ поглощаются небесныя воды. Нѣтъ почти ни одного озера, ни одной рѣки, которая бы не имѣла подземнаго истока или прохода. Рѣка Лайбахъ два раза пробивается сквозь бока известковыхъ скалъ, и потомъ уже появляется въ послѣдній разъ и впадать въ Саву. Озеро, или иначе, море Циркницкое, принимаетъ и выпускаетъ воду не иначе какъ подземными проходами; но естественная его исторія, хотя весьма замѣчательная, не представляетъ ничего чудеснаго. Гротъ Магдалины въ Адельсбергъ болѣе обратилъ на себя мое вниманіе.

Я никогда не видывалъ подземелья, которое бы соединяло въ себѣ столько красоты и величія. Угловатость его стѣнъ, огромность изломанныхъ массъ, составляющихъ бока и какъ бы выдвинутыхъ въ безпорядкѣ изъ горы какииъ нибудь сотрясеніемъ земли, черный цвѣтъ ихъ, мрачный видъ ихъ тѣней, все это образуетъ удивительную противоположность съ симметриею и прелестью бѣлыхъ сталактитовъ, висящихъ со свода. Свѣтъ факеловъ, который проникалъ сквозь эти известковые алмазы, играя въ тысячѣ блестящихъ отблесковъ, возвышалъ еще великолѣпіе этой сцены. Постъ могъ бы помѣстить здѣсь садъ гномовъ. Въ небольшомъ озерѣ, гдѣ прекрасно отражался пламень нашихъ факеловъ, долженъ я былъ увидѣть наконецъ одно изъ тѣхъ дивныхъ существъ, которыя такъ долго составляли предметъ моего любопытства. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я увидѣлъ угря-протей, *proteus anguinus*, который скользилъ на поверхности воды.

Съ перваго взгляду это странное животное казалось ящерицею, но двигалось совершенно какъ рыба. Съ головы, нижней части тѣла и съ хвоста, оно очень походитъ на угря; во у него нѣтъ плавательныхъ перьевъ, и любопытные ор-

гаим, составляющие его дыхательные жабры, несколько не выходят на рыби: они являютъ видъ замѣчательнаго сосудистаго строенія вокругъ горла, и нѣтъ можно отнять, не причиняя смерти животному, потому что оно снабжено также другимъ дыхательнымъ орудіемъ, — легкими. Удивительная игра творческой силы! Тогда какъ все прочія животныя имѣютъ только одинъ снарядъ для дыханія, этому безвѣстному жителю мрачныхъ подземелій, съ безпримѣрною щедростію даны два, и одинъ изъ нихъ, наружный, прилеженъ какъ-бы изъ роскоши! Помощію этого двойнаго прибора, угорь-протей можетъ жить и іодъ водою и на ея поверхности. Переднія его ноги походятъ на лапки, однако онѣ имѣютъ только три разные пальца, и притомъ такъ слабы, что ими нельзя ни схватить что-нибудь, ни поддерживать тяжесть тѣла. На заднихъ лапкахъ только два рода пальцевъ, и даже у самыхъ большихъ угрей-протеевъ они образованы такъ несовершенно, что кажутся раздавленными. Благотѣлиіе зрѣнія не извѣстно этому животному: вмѣсто глазъ видны только двѣ точки, которыя помѣщены тутъ единственно для того, чтобы не нарушить единообразія природы. Въ обыкновенномъ состояніи угря-протей, тѣло его бѣловато и *прозрачно*, но когда онъ подвергнуть дѣйствію свѣта, его кожа постепенно чернѣетъ и наконецъ принимаетъ оливковый оттѣнокъ. Органы поздрей, по-видимому, довольно велики; зубовъ много, — изъ чего можно заключить, что угорь-протей — животное хищное! Однако онъ живетъ совсѣмъ уединенно, въ мѣстѣ, гдѣ не водятся ни какихъ рыбъ ни настькомыхъ, и никто не видывалъ, чтобы они когда-нибудь ѣли: его сохраняли живымъ по нѣскольку лѣтъ, не давая ему ѣсть и только перемѣняя по временамъ воду, въ которой его держали. Баронъ Цонсъ первый открылъ угря-протей въ Адельсбергскомъ гротѣ; но потомъ ихъ находили, хоть рѣдко, въ Ситтихѣ, миляхъ въ тридцати отсюда. Они были принесены водой, вытекающей изъ подземнаго прохода, и я слышалъ, что слѣды подобныхъ животныхъ замѣчены были въ известковыхъ слояхъ Сициліи.

Въ засуху, ихъ почти никогда не видно; но послѣ сильныхъ дождей они появляются во-множествѣ. По мнѣ, не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что они рождаются и живутъ

въ какомъ-нибудь подземномъ озерѣ, пространномъ и глубокомъ, откуда стремленіемъ воды сквозь разщелины скалъ переносить ихъ въ эти мѣста. Судя по устройству страпы, я даже полагаю, что угри-протей, находимые и въ Адельсбергѣ и въ Ситтихѣ происходятъ изъ одного большого водохранилища.

Я не могу полагать, чтобы они были личинками. Въ этомъ родѣ превращеній, сколько мнѣ извѣстно, въ природѣ нѣтъ примѣровъ, чтобы животное переходило отъ образованія болѣе совершеннаго къ другому менѣе совершенному. Головастики походятъ сначала на рыбу и потомъ уже дѣлается лягушкою; гусеницы пріобрѣтаютъ съ новымъ превращеніемъ не только болѣе силы, красоты и средствъ движенія, но сверхъ-того органы, которые даютъ имъ возможность жить въ другой стихіи. Смѣю утверждать, что это животное въ своемъ подземномъ отечествѣ бываетъ гораздо больше, чѣмъ какимъ мы его здѣсь видимъ. Притомъ сравнительная его анатомія никакъ не позволяетъ думать, чтобы оно было въ переходномъ состояніи. Угрей-протесевъ доставали различной величины, толщиной съ перо и толщиной съ палецъ, и всегда находили въ нихъ одно и то же устройство. Это, безъ всякаго сомнѣнія, полное животное. Существованіе его есть новый примѣръ распространенія жизни во всѣхъ частяхъ земнаго шара, даже тамъ, гдѣ, нельзя бы, кажется, и подозрѣвать присутствія органической природы. То же безконечное могущество, та же премудрость, которая создали верблюда и страуса для пустынь Африканскихъ; кита для полуночныхъ морей; тюленя и бѣлаго медвѣдя для льдовъ арктическихъ, поселили въ мрачныхъ и глубокихъ подземныхъ озерахъ Импіриі животныхъ, которымъ свѣтъ не нуженъ и которыя могутъ жить и въ водѣ и въ воздухѣ и на поверхности скалъ и въ глубинѣ тины.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ СВѢТЕНІЕМЪ ОРГАНИЧЕСКИХЪ ТѢЛЪ. Ученый Германскій физиологъ, Г. Тидеманнъ, издалъ недавно любопытныя наблюденія надъ этимъ примѣчательнымъ явленіемъ въ живой природѣ, которое обыкновенно, и весьма напрасно, называютъ «фосфорностью»: нѣтъ

никакихъ доказательствъ, чтобы этотъ таинственный блескъ былъ слѣдствіемъ фосфора.

Органическія тѣла могутъ свѣтяться при жизни и по смерти; но во всякомъ случаѣ они свѣтятся только при извѣстной теплотѣ: въ холодное время и въ сильный жаръ блескъ исчезаетъ. Въ деревъ особенно, въ корняхъ, которыхъ мерцаііе такъ часто насъ поражаетъ, когда они начинаютъ гнить при дѣйствіи умеренной теплоты, сырости и слабого воздуха, это свойство тотчасъ можно уничтожить высушеніемъ дерева или погруженіемъ его въ горячую воду. Г. Тидеманнъ полагаетъ, что при гніеніи дерева образуется чрезвычайно горючій органическій составъ углерода, водорода и кислорода, который, подобно фосфору, возгарается отъ обыкновенной теплоты и издастъ свѣтъ. Можетъ-быть нѣсколько участвуетъ въ этомъ и самый фосфоръ, потому что Г. Vuthen доказалъ, что зола нѣкоторыхъ породъ деревьевъ содержитъ въ себѣ фосфористую известь. Свѣтеніе еще болѣе бываетъ замѣтно въ трупахъ животныхъ, чѣмъ въ растительныхъ веществахъ, лишенныхъ жизни. Извѣстно, какъ часто является оно въ рыбахъ. Развиваться начинаетъ оно обыкновенно черезъ день или черезъ два дня послѣ смерти, если тѣло подвержено дѣйствію сырости въ воздухѣ или въ кислородѣ, при 12 до 18 градусахъ теплоты. Тогда на поверхности рыбы замѣчается вещество жидкое, прозрачное, клейкое, которое черезъ нѣсколько времени дымается твердымъ и свѣтящимся. Это вещество можно смыть водою, которая отъ него сама дымается свѣтящеюся.

Если рыбу положить въ стеклянный сосудъ съ водою, на поверхности влаги явится свѣтлый кругъ. При взболтаніи воды, она вся становится свѣтящеюся. Если вскипятить воду или удалить ее отъ прикосновенія съ воздухомъ, свѣтъ исчезаетъ но потомъ снова появляется, какъ скоро воздухъ достигнетъ до поверхности воды. Свѣтеніе прекращается когда начинается зловонное гніеніе тѣла.

Свѣтеніе замѣчается также и у живыхъ существъ обонхъ царствъ, растительнаго и животнаго. Многіе видѣли, что въ теплые и тихіе летніе вечера свѣтъ отдѣляется въ видѣ искръ отъ цвѣтовъ нѣкоторыхъ растений, крессъ-салата. Индійской гвоздики и зругихъ. Правда, что иные ученые

сомнѣвались въ точности этого наблюденія, и причина этой огненности цвѣтовъ до-селе неизвѣстна. Г. Тидеманъ приписываетъ ее отвлеченію какого-нибудь горючаго вещества, можетъ-быть, летучаго масла, которое отъ воздуха подвергается нѣкотораго рода горѣнію. Говорятъ, что въ жаркіе лѣтніе вечера, растеніе, названное подъ названіемъ *dictamnus albus*, разливаетъ вокругъ себя атмосферу, которая возгорается, если поднести къ ней зажженную свѣчу и дастъ прекрасное голубое пламя.

Явленія блеска замѣчаются во многихъ животныхъ, особенно изъ числа тѣхъ, которыя живутъ въ водѣ. Бóльшая часть морскихъ животнорастеній, многія ракообразныя, разныя улитки и рыбы издають свѣтъ. Имъ даже приписываютъ такъ называемое «фосфорическое» сіяніе моря. Многія изъ настькомыхъ живущихъ въ воздухѣ, также свѣтятся. Таковы нѣкоторые черви и настькомыя, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны извѣстные подъ названіемъ *Lampyrus postilusa*, свѣтляковъ, или свѣтящихся червячковъ.

Это настькомое издаетъ зеленовато-голубой свѣтъ, которымъ обито все его тѣло. Свѣтъ, издаваемый самцемъ, не такъ замѣтенъ, и весьма слабо голубоватъ. Свѣтъ самки свѣтляка приближается къ цвѣту топаза съ легкими зеленоватыми отгнѣнками. Онъ дѣлается явственнѣе только при 10° Реомюра: тогда, при этомъ свѣтѣ можно рассмотреть часы. Свѣтъ самца того же самага цвѣту какъ и самки. Въ Америкѣ есть нѣкоторыя породы свѣтляковъ, издающихъ столь сильный блескъ, что путешественники употребляютъ этихъ настькомыхъ вмѣсто фонарей. Китайскія литературныя преданія упоминають, — и это составляетъ востойнный анекдотъ дѣтскихъ книгъ этого народа, — что знаменитый философъ Мынь-дзы, будучи бѣденъ и не имѣя на что купить свѣчь, читалъ книги при сіяніи лѣснаго червячка: правда, что Китайскія буквы такъ дородны, что это еще не служитъ доказательствомъ чрезвычайно блестящихъ дарованій тамошнихъ свѣтляковъ; однако съ тѣхъ поръ они получили литературное значеніе въ Поднебесной Имперіи, такъ, что сказать по-Китайски о комъ-нибудь — *онъ читалъ при свѣтлякѣ*, значить — онъ превосходно образованъ и учился весьма

прилежно: мы въ такихъ случаяхъ говоримъ — *собака съмыз*. Свѣтящаяся муха представляетъ двѣ степени свѣта, иногда не столь сильный какъ у свѣтляка, но непрерывный; иногда ярко-голубой свѣтъ, но перемежающійся, похожій на блестящія, быстро потухающія искры. Это заставляетъ полагать, что на тѣлѣ свѣтящейся мухи есть перепонка, которая то открываетъ, то закрываетъ свѣтящій органъ.

Свѣщеніе обыкновенно начинается съ сумерками; тогда появляются свѣтящіяся точки, которыя постепенно умножаются. Если насекомыя, до захода солнца, заключены въ темномъ мѣстѣ, они начинаютъ свѣтиться за-долго до сумерекъ. Если ихъ, во время свѣщенія, выставляютъ на свѣтъ, сіяніе постепенно пропадаетъ, но въ темнотѣ опять появляется. Свѣтъ этихъ насекомыхъ пропадаетъ какъ скоро день занимается; только два мѣста на послѣднемъ кольцѣ тѣла еще нѣсколько времени испускаютъ легкій свѣтъ. Магартней замѣтилъ, что насекомыя не свѣтятся вечеромъ, если днемъ не испытали дѣйствія солнечныхъ лучей

Г. Тидеманнъ, разсмотрѣвъ съ величайшимъ вниманіемъ всѣ обстоятельства, при которыхъ свѣщеніе обнаруживается, приписываетъ этотъ феноменъ веществу, образуемому въ составѣ тѣла для потребностей жизни, и думаетъ что это вещество, по всей вѣроятности, отдѣляется особыми органами изъ мокротъ. Эта жидкость, безъ-сомнѣнія, содержитъ въ себѣ или фосфоръ, или другое подобное горючее вещество, которое соединяется съ кислородомъ воздуха или воды, и такимъ образомъ производитъ явленіе свѣта. Образование и отдѣленіе этого вещества принадлежитъ, конечно, къ жизненнымъ отправленіямъ, которыя измѣняются, усиливаются или ослабѣваютъ отъ наружныхъ вліяній, пзвивающихся и самую жизнь животныхъ. Но свѣщеніе само по себѣ не можетъ быть почитаемо жизненнымъ отправленіемъ, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно продолжается нѣсколько дней послѣ смерти животнаго. Впрочемъ, почти утвердительно можно сказать, что это свойствію должно содѣйствовать къ сохраненію жизни животныхъ, которыхъ надѣвила имъ расчетливая природа.

ЗНАМЕНИТОСТИ ЗООЛОГИЧЕСКАГО САДА ВЪ ЛОНДОНѢ. Естественная Исторія въ книгахъ — наука весьма приятная, но нѣтъ ничего занимательнѣе Естественной Исторіи въ натурѣ. Ботаническій садъ, въ которомъ, на маленькомъ клочкѣ земли, собраны и выставлены въ полной жизни, въ полномъ цвѣтѣ и блескѣ, всѣ сокровища растительнаго царства, есть уже цѣлая вселенная чудесъ и благодати природы. Что сдѣлано для растений, то же самое следовало сдѣлать и для животныхъ: и вотъ начало образцовыхъ звѣринцевъ или, какъ Англичане называютъ зоологическихъ садовъ. Buffon первый устроилъ такой звѣринецъ въ «Королевскомъ Саду» и это заведеніе, которое распространилъ Cuvier, существуетъ до-сихъ-порѣ въ Парижѣ, въ одномъ отдѣленіи ботаническаго сада, или Jardin des Plantes. Ему подражали въ разныхъ Европейскихъ столицахъ. Но самое богатое и любопытное собраніе животныхъ находится въ Лондонѣ, хотя оно основано весьма недавно. Правительство не дало ни одной копейки на учрежденіе Зоологическаго Сада: всѣ его зданія воздвигнуты, всѣ рѣдкости куплены и содержатся по подпискѣ, на деньги частныхъ любителей Естественной Исторіи, особенно членовъ Зоологическаго Общества. Здѣсь для удобства внимательнаго натуралиста, живутъ въ изобиліи пѣтлѣнные поколѣнія всѣхъ климатовъ, всѣхъ видовъ, всѣхъ возможныхъ свойствъ и характеровъ; прыгаюгъ, летаютъ, дѣвуть, мурлыкаюгъ, и не догадываются даже, скоты, что они составляютъ науку и ученое общество. Здѣсь въ этомъ безсловесномъ, но благоустроенномъ, государствѣ, надъ которымъ царствуетъ человекъ, свободно раскрываются характеры, способности и страсти каждой породы, подъ сѣнію строгихъ законовъ, ограждающихъ личную неприкосновенность всякаго: вы видите, какъ одно животное считаетъ себя умнѣе или благороднѣе другихъ, какъ осель надувается передъ медвѣдемъ, съ какимъ презрѣніемъ верблюду осматриваетъ черепаху, и какъ обезьяна считаетъ всѣхъ ихъ дураками и хочетъ вести дружбу только съ равнымъ себѣ, — директоромъ Зоологическаго Сада. Тутъ есть и мохнатые честолюбцы, и пернатые интриганты, и голые льстецы, которые всячески ищутъ устрашить другихъ животныхъ отъ милостей человека, и обратить вниманіе его исключительно

на себя. Есть своя толпа, о которой никто ни заботится, и есть свои безсловесныя знаменитости, на которыхъ всѣ прочія животныя, крылатыя, черепокожія, и четвероногія, смотрятъ съ уваженіемъ и любопытствомъ, считая вѣроятно ихъ геніями. Недостаетъ только романистовъ и газетчиковъ для того чтобы это было совершенное, и совершенно смѣшное, общество. Мы опишемъ нѣкоторые изъ его знаменитостей.

1. *Аистъ - секретарь*. Эта птица дѣйствительно имѣетъ въ себѣ что-то офиціальное и чиновное. Тоненькія ножки этого секретаря, его бархатные штаны, его осторожный видъ, вкрадчивая походка, важная, и притомъ хитрал и скромная, фізіономія, придаютъ ему нѣчто удивительно канцелярское и дѣловое. Не маркизь ли это древней Франціи? О, великій дипломатъ! о, хитрая птица! Если свойственна ему храбрость, то конечно хитрость въ сто разъ ему болѣе по праву. Впустите змѣю обыкновенной породы въ его обитель. Сначала, секретарь станетъ наблюдать за своимъ гостемъ, точно какъ настоящій секретарь за просителемъ, придумывая между тѣмъ средства какъ бы проглотить его. Дрожащій, разъяренный, онъ въ отдаленіи будетъ ждать: на что не обнаружить его внутренняго волненія. Онъ стоитъ неподвижно, высматриваетъ пламеннымъ взоромъ, и ждетъ благопріятной минуты; потомъ бросается на врага, тѣснитъ его безъ жалости, преслѣдуетъ неотступно, топчетъ ногами, и одерживаетъ побѣду, уклоняясь отъ всѣхъ ударовъ непріятеля. Скоро онъ наноситъ въ голову изнемогающаго врага ударъ ужасный, обыкновенно ударъ послѣдній. Но и тутъ предусмотрительность не покидаетъ его: онъ не сводитъ со змѣи неусыпнаго взора. При каждой наносимой ранѣ секретарь тщательно отворачивается, и этимъ крючкомъ избѣгаетъ мщениа противника. Наконецъ видя совершенную неподвижность змѣи, онъ успокоивается, безопасно садится за обѣдъ, и очень мило пожираетъ бездыханнаго непріятеля. Вотъ каковъ нравъ лукаваго секретаря! Этому осторожному и смертоносному инстинкту обязанъ онъ своимъ пропитаніемъ въ пустыняхъ Африки. Его высокій ростъ, длинная, непроницаемой чешуей покрытая, ноги, оборонительная

сила крыльевъ, даютъ ему возможность побѣждать опаснѣйшихъ пресмыкающихся Африки. На свободѣ, въ природныхъ ему климатахъ, вѣрѣдко случается видѣть, какъ онъ подымается на воздухъ со змѣею въ когтяхъ, роняетъ ее съ высоты, снова летитъ за нею, чтобы обезспилить ее вторичнымъ паденіемъ, и наконецъ наноситъ послѣдній ударъ огромнымъ клювомъ, которымъ свабдила его природа. Въ заключеніи, онъ терлетъ нравственныя силы, и героическія дѣянія степей чужды его однообразной Лондонской жизни.

Аистъ-марабуть, его сосѣдь, не храбръ, но не менѣе полезенъ; это первоклассный тунеядецъ. Smeathman видѣлъ въ Африкѣ столь дерзкаго аиста этой породы, что каждое воскресенье, когда хозяинъ ближняго дома принималъ гостей къ обѣденному столу, онъ слеталъ съ своего дерева, бѣгалъ за людьми, носившими кушанья, и всегда со стола уносилъ какую-нибудь дичину, несмотря на удары, которыми вѣрѣдко встрѣчали его служители. Въ одинъ поворотъ его жадной пасти, блюдо пропало въ его бездонномъ желудкѣ. Аистъ секретарь не очень его жалуетъ, и они теперь въ разладѣ между собою за одну лягушку, которую этотъ плуть укралъ у него.

2. Выдра. Взгляните на эту глуповидную выдру: это — sporting gentleman общества; точь-въ-точь одинъ изъ тѣхъ щеголей, которые садятся на берегу Темзы съ удой въ рукѣ и цѣлый день смотрятъ въ рѣку, презирая всѣхъ людей, неумѣющихъ удить. Съ какимъ сожалѣніемъ поглядываетъ она на тюленя, который вѣчно дремлетъ возлѣ нея, какі членъ академіи антикваріевъ.

Выдра занимается рыбною ловлею самымъ любопытнымъ образомъ. Она ныряетъ подъ водою; широкія, снабженныя перопонкой лапы служатъ ей вѣсто весель; вѣрѣдка необходимость подышать воздухомъ заставляетъ ее всплыть на поверхность воды. Тогда она очень мило обнимаетъ косвенную линію, вновь погружается въ волны, и продолжаетъ свое подводное путешествіе: глаза вытщены у ней на поверхности големы, и потому она не иначе можетъ увидѣть и схватить свою добычу, какъ подплыть подъ нее снизу. Пашаши несчастную рыбу, выдра бросается на нее, и уще-

каеть на беретъ. Въ избранномъ ею для обычной трапезы мѣсти, она тотчасъ раздавливаетъ въ зубахъ голову пойманной добычи, — простиительная жестокость, окаичивающая въ одинъ мигъ мученія бѣдной жертвы, и въ которой никто изъ людей не имѣетъ права упрекать выдру, вспомнивъ какъ мы поступаемъ съ раками: если сердце ваше никогда не стѣснялось при мысли о несчастномъ ракъ, котораго ужасныя мученія безконечно длятся на тихомъ огнѣ, то вы не можете называть выдры безчеловѣчною. Я видѣлъ какъ она нѣсколько разъ повторила свою занимательную ловлю, и за обѣдомъ пожирала около двадцати несчастныхъ рыбокъ. Это зрѣлище очень забавно.

3. *Слоны и носорогъ.* Для увеселенія праздныхъ и любопытныхъ своего времени, Юлій Цезарь велѣлъ пятистамъ воинамъ сражаться противъ двадцати слоновъ. Помпей, при посвященіи храма Побѣдоносной Венеры, вывелъ армию Гетуловъ противъ двадцати слоновъ, вѣроятно Африканскихъ. Въ этомъ случаѣ и суровое сердце Римлянъ смягчилось благородной жалостью: когда народъ увидѣлъ, что пять или шесть слоновъ безстрашно устремилась на копья варваровъ, чтобы освободить одного изъ своихъ, изнемогающаго подъ ударами; мужество, самоотверженіе, понятливость, обнаруженныя въ неровномъ бою царями четвероногихъ, тронули сердца царей вселенной. Весь амфитеатръ поднялся, проклявша консула и требуя, чтобы прекратили борьбу.

Римляне много занимались слонами: они учили ихъ плясать, одѣвали въ золото, сажали за столъ на великолѣпныхъ пирахъ своихъ. Кажется, что Азіатскому слону, который царствуетъ въ Зооогическомъ Саду, золотая одежда была бы менѣе по вкусу чѣмъ грязь, въ которой онъ сладострастно оканчиваетъ свой туалетъ. Съ какими удовольствіемъ погружаетъ онъ въ лужу свое огромное туловище! Какъ онъ показываетъ всѣми своими движеніями, что это купаніе ему — *very comfortable!* Помощію хобота онъ самъ себя откачиваетъ водою, и въ это время всегда испускаетъ крикъ, или радостный рожокъ, доказывающій успѣхъ его врачебной metody и счастье великаго извѣщника. При выходѣ изъ бассейна, служащаго ему купальней, онъ возвращается къ своей

любимой лужѣ, а съ восторгомъ въ ней валется. Потому, покрытый весь этою глинистою мазью, онъ сыплетъ на себя добромъ земаю, дервь и песокъ, до-тѣхъ-поръ, пока совершенно не запылится. У толстокожихъ животныхъ, кожа чрезвычайно чувствительна: она дупится и трескается отъ солнца, и эти трещины производятъ болзвенное чувство; отъ малѣйшаго ужаленія насѣкомыхъ, животное ощущаетъ несносную боль, и рана съ трудомъ заживаетъ. Достаточно легенькой плети, чтобы слона держать въ повиновеніи. И потому онъ и старается всеми средствами смягчать кожу, держать ее въ безпрестанной сырости и не допускать дотого, чтобы она совершенно засохла. Хотя Джекъ очень занимателенъ, однако дамамъ совѣтую не подходить къ нему слишкомъ близко. Его жиромъ напитанная кожа и фамилярныя ласки могутъ быть гибельны для вашихъ нарядовъ. Берснитесь его, особенно когда онъ принимаетъ видъ радушный, нѣжный и довольный. Бѣлыя перчатки пострадаютъ отъ прикосновенія къ его жирному тѣлу. По воскресеніямъ, когда отсутствіе пирожницы заставляетъ его соблюдать нсвольную діету, онъ въ особенности любезенъ. Страшитесь злодѣя, если вы украсили свою головку тоненькой шляпкой изъ Италіанской соломы съ букетомъ искусственныхъ цвѣтовъ, онъ сорветъ съ васъ и цвѣты и шляпку, чтобы доказать, что ваши уборы ему нравятся. Одна молоденькая и прекрасная дама недавно испытала это на себѣ: ея душистое платье, напитанное Португальской водой, произвело сильное впечатлѣніе надъ утонченнымъ обоняніемъ Джека, и онъ чуть не огладалъ ее, какъ косточку. Въ такихъ случаяхъ въ немъ пробуждаются воспоминанія благоуханнаго Востока; онъ думаетъ что стоитъ вблизи прекраснаго апельсиннаго дерева Индостанскихъ долинъ. Увлеченный столь пріятнымъ ощущеніемъ, слонъ съ любовью кладетъ свой хоботъ на шляпку, украшенную колосьями и васильками. Колосья и васильки исчезаютъ, кисейное платье покрыто черною, грязною влагой, и ни спазмы, ни вопли несчастной жертвы не смущаютъ слона гастронома.

Древніе умѣли угадать и цѣнить умственныхъ и нравственныхъ качества слона и они пользовались ими. Эти качества подлинно безцѣнны: его понятливость, его послушаніе, при-

верженность, кротость, благодарность, достойны удивленія. Плиній, Эліанъ, Сенека, Светоній, Діонъ Кассій много пишутъ объ этомъ примѣчательномъ животномъ, котораго въ ихъ времена заставляли плясать и ходить по канату; изъ котораго дѣлали артистовъ, актрисъ, и почитали болѣе чѣмъ Римскихъ истріоновъ. Вотъ одинъ изъ удивительнѣйшихъ слоновыхъ подвиговъ этой отдаленной эпохи: четверо этихъ огромныхъ артистовъ важно выступали по натянутому канату и несли въ носилкахъ пятаго слона, большого или притворившагося больнымъ.

Привязанность слона искренна, нѣжна и постоянна. Древніе писатели собрали объ этомъ множество анекдотовъ. Въ животномъ, которое такъ опасно по своей огромности и дикимъ обычаямъ, эта чувствительность сердца драгоценна. Но и мстительность, порокъ столь близкій благодарности, также имѣетъ мѣсто въ душѣ слона; даже предразсудки гнѣзятся часто подъ его обширнымъ черепомъ. Знаменитый слонъ Кьюни, котораго недавно показывали въ Парижѣ и Лондонѣ, служить тому яснымъ доказательствомъ. Сторожа боялся, — это было въ Лондонѣ, — чтобы онъ не сталъ ломать балокъ въ своемъ жилищѣ, и не беспокоилъ сосѣдей сильными потрясеніями, которыя могъ причинить хоботомъ. Для отвращенія опасности, они выучили маленькую черную собачку прохаживаться взадъ и впередъ по балкѣ, проведенной въ его комнату. Однимъ движеніемъ хобота Кьюни могъ бы избавиться отъ этого крошечнаго зрителя, но ему вдругъ стало страшно; онъ по-видимому принималъ его за домоваго, прятался въ углу своей квартиры, не дѣлалъ ни одного шагу, не трогался съ мѣста, пока хозяинъ не уведетъ собачки. Исторія Кьюни очень печальна. Бездѣльная царапина подъ лѣвымъ клыкомъ причинила ему долгое и тяжкое страданіе; зубная боль усилилась до того, что его сочли бѣшенымъ. Полиція вмѣшалась въ дѣло, и приказала разстрѣлать больнаго великана. Онъ окончилъ жизнь достойнымъ слона образомъ: кроткій и послушный до послѣдней минуты, онъ, посреди града пуль, принималъ всѣ положенія, какіе требовалъ отъ него корнакъ. По волѣ корнака, онъ сталъ на колѣни, и покрытый безчисленными ранами, трогательно представлялъ ударамъ убійцы самую вѣжную часть своего тѣла.

Природный врагъ слона — носорогъ, братъ ему по силѣ и массѣ, но неравный въ отношеніи къ умственнымъ способностямъ. Ихъ взаимная ненависть внушила восточнымъ писателямъ много занимательныхъ вымысловъ: въ особенности я люблю повѣсть Синдбада, описывающаго борьбу этихъ двухъ животныхъ, по окончаніи которой оба противника дѣлаются жертвами *Руха*, огромной химерической птицы.

Въ Зоологическомъ Саду эти два животныхъ, которыхъ директоры помѣстили рядомъ, живутъ такимъ образомъ: носорогъ прибылъ въ Лондонъ послѣдній; какъ новый гость онъ скоро овладѣлъ вниманіемъ публики, и сталъ исключительно пользоваться всеми ласками и подарками, которыми посѣтители изъявляютъ свою вѣжливость къ четвероногимъ хозяевамъ сада; лучшіе фрукты и пирожки градомъ падали на носорога; Фортуна, вездѣ слѣпая, даже и въ зѣврикѣ, осыпала его неожиданными и незаслуженными дарами. Слону стало это обидно: онъ съ завистью смотрѣлъ на славу, перешедшую отъ него къ его сопернику, и тщетно, терпѣливо, повторялъ всѣ искусныя продѣлки, которыя такъ часто заслуживали ему выгодныя одобренія толпы. Потерянная любовь публики невозвратна: слонъ былъ покинутъ. Съ той поры ненависть слона къ носорогу стала безмѣрна: и кто бы могъ не извинить въ колоссѣ этой слабости, свойственной даже самому крошечному человѣку! Имѣя такъ много преимуществъ передъ своимъ соперникомъ, могъ ли онъ не знать какъ ничтоженъ былъ сосѣдь его? Двое дверей, сосновая со стороны слона и дубовая со стороны носорога, отдѣляли ихъ другъ отъ друга. Разгнѣванный и завистливый слонъ сталъ ломать сосновую дверь, раздробилъ ее, потомъ приподнявъ дубовую и безъ дальнихъ околичностей вошелъ къ своему злодѣю. Латникъ пустился бѣжать, и искалъ убѣжища въ жилищѣ своего преслѣдователя. Слонъ пошелъ за нимъ, между-тѣмъ какъ его молодая супруга въ страхѣ покинула свою обитель и укрылась въ опустѣломъ сараѣ носорога. Преслѣдуя и побѣждая своего противника, слонъ однако жъ былъ въ затруднительномъ положеніи: ужасный рогъ носорога грозилъ ему смертію, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ хотя врагъ лежалъ простертыи у ногъ его: къ счастью, вошелъ смотритель, разнялъ борцовъ, и все снова пришло въ по-

рядокъ. Нѣсколько дней спустя, носорогъ, побѣжденный силою, былъ побѣжденъ еще и хитростью. Каждому изъ нихъ дана была подстилка изъ свѣжей соломы. Носорогъ, по глупости, сталъ валить эту солому на сторону слона. Съѣдъ, искусно пропуская хоботъ сквозь желѣзную рѣшетку, прибиралъ между тѣмъ солому и обогощалъ свою подстилку чужимъ добромъ. Тотъ, не замѣчая хитрости слона, преспокойно продолжалъ свое занятіе. Чѣмъ болѣе носорогъ валилъ въ тотъ уголъ соломы, тѣмъ скорѣе она исчезала. Пока недогадливая тварь дивилась этому чуду, маленькіе глаза колоссальнаго плута горѣли огнемъ радости и лукавства.

4. *Жираффы*. Оставимъ эти горы кожи, костей и мяса, и посмотримъ еще на красивыхъ жирафѣхъ, на ихъ лоснящуюся крапчатую одежду, прелестныя головки, тонкій станъ, большіе, блестящіе, нѣжные глаза, и странную походку. Это удивительныя и прелестныя творенія: ихъ горизонтъ огроменъ; взоръ ихъ въ одно время обнимаетъ все, что впереди, что вокругъ нихъ, что надъ ними, что у ногъ ихъ. Какъ безконечно природа умѣетъ разнообразить одинъ и тотъ же типъ животнаго организма! Жираффа и слонъ одарены одинаковымъ числомъ шейныхъ косточекъ. Изумленіе *Levaillant*'а, когда первая жираффа упала, сраженная къ его ногамъ, весьма понятно. Я люблю эту сильфиду царства четвероногихъ, которую долго почитали баснословной; я желалъ бы видѣть стадо этихъ прелестныхъ животныхъ, гложущее верхушки высокихъ мимозъ. Какъ нѣжно должны клониться ихъ длинныя и гибкія шеи, пока онѣ съ вершины деревъ срываютъ широкія листья, колеблемые знойнымъ вѣтромъ полудня!

Путешественникъ, котораго успешныя старанія доставили Англій четырехъ жирафѣхъ, заключенныхъ теперь въ Зоологическомъ Саду, описываетъ слѣдующимъ образомъ предосторожности, употребляемыя при ломѣ и вывозѣ этихъ нѣжныхъ твореній.

«Прибывъ въ Мальту, пишетъ Г. Tibault, я получилъ письма Зоологическаго Общества. Пятнадцатаго апрѣля 1834 я началъ свое плаваніе вверхъ по Нилу и, дошедши до вторыхъ пороговъ, пересѣлъ на верблюдовъ. Такимъ образомъ

достигъ я Деббата, въ Донголѣ. Оттуда я отправился въ Кордуфанъ. Бедуины, которые поклялись мнѣ въ дружбѣ и защитѣ, еще болѣе почувствовали ко мнѣ привязанности, когда я обѣщала щедро наградить ихъ. Они часто занимались ловлей жирафѣ для добыванія ихъ мяса, которое очень любятъ, и кожъ, изъ которыхъ они шьютъ сандалы. Пятнадцатаго августа, пробѣжавъ огромное разстояніе на лошадяхъ пылкихъ и быстрыхъ какъ молнія, и привычныхъ къ степнымъ подвигамъ, мы встрѣтили двухъ жирафѣ. Младшая пустилась бѣжать, старшая стала защищаться, и Бедуины принуждены были изрубить ее. Мясо мы изжарили на угляхъ: оно вкусно и пріятно.

«На другой день мы снова повѣхали на охоту, и стали преслѣдовать молодую жирафѣ сквозь безмолвную пустыню. Въ девять часовъ мы овладѣли ею. Одинъ изъ Арабовъ употребилъ три дня, стараясь пріучить ее, и все это время держалъ шлѣнницу на веревкѣ и кормилъ молокомъ. Этой жирафѣ было не болѣе полутора года.

Вообще очень трудно настигнуть жирафѣ, и только пустынные Арабскія лошади, свыкшіяся съ трудами и голодомъ, могутъ ее нагнать. Малѣйшій шумъ останавливаетъ жирафѣ въ ея побѣгъ; построеніе ея ногъ, похожихъ на козьи, даетъ ей возможность перескакивать черезъ горы и рвы, и съ необычайной легкостью носиться посреди пропастей. Жирафѣ предпочитаетъ мѣста лѣсистыя и луговыя, доставляющія ей пріятную пищу, и очень любитъ траву свѣжую и молодые почки деревь. Странное сложеніе шеи позволяетъ ей срывать листья самыхъ высокихъ произрастеній. Любопытно видѣть какъ столь легкое и слабое твореніе избираетъ себѣ настбищемъ вершину дуба и самымъ милымъ образомъ снимаетъ съ него листья, откидывая тѣ, которые кажутся ему слишкомъ жесткими или грубыми. Жирафѣ удивительно чистоплотна: ея чувствительность могла бы сдѣлать честь героинѣ романа; я видѣлъ одну изъ нихъ, которая пролила слезы, потому что сторожъ, ходившій за ней былъ въ отсутствіи. Она любитъ общество, кротка и благодарна.

«Я уже успѣлъ было поймать пять жирафѣ, но холодъ убилъ четырехъ изъ нихъ. Снова началъ свои поиски, об-

взжая пустыню во вѣсѣхъ направлєніяхъ, и пользуясь помощію Арабовъ. Наконецъ я досталъ еще трехъ жирафѣвъ, которыхъ мнѣ и удалось сохраить.»

Четыре жирафѣвы, три самца и одна самка, которыя находятся нынче въ Лондонскомъ Зоологическомъ Саду, доставлены господиномъ Tibault: тамъ онѣ окружены Пубійскими прислужниками и наслаждаются вождѣленнымъ здравіемъ. Арабы зовутъ ихъ *джарифе*: изъ этого слова взято наше — жирафа, *camelopardalus giraffa*. Первая, которая украсила собою триумфы Римлянъ, явилась во время диктаторства Цезаря. На древнихъ памятникахъ находятъ изображеніе жирафѣвы, водимой обезьяною, которая сидитъ у ней на шее. Десять жирафѣвъ содержались во дворцѣ третьяго Гордіана. Первые новѣйшіе натуралисты, открывая путь науки баснямъ, освятили нѣсколько весьма странныхъ басенъ объ этомъ животномъ. Puchaf, напримѣръ, увѣрялъ, что жирафа вмѣстѣ левъ, верблюдь, быкъ и заяць.

ХАРАКТЕРЪ ИСПАНЦЕВЪ И ИСПАНІИ. Французскій вице-адмиралъ Т. Grivel, который хорошо знаетъ Испанію, напечаталъ въ одномъ Парижскомъ журналѣ весьма дѣльные замѣчанія объ этомъ государствѣ и характерѣ его жителей. Мы извлечемъ изъ нея самыя замѣчательныя мѣста. «Испанія, говоритъ онъ, совсѣмъ не походитъ на другія страны. Объ ея народѣ или, лучше сказать, объ ея народахъ, невозможно сѣудить по другимъ націямъ Европы, которая сдѣлалась исключительно торговою и, кажется, заботится только объ одномъ, — о животномъ благополучіи. Въ Испаніи до этого еще не дошли. Люди тамъ ближе къ природѣ. Они вообще откровенны, честны, вѣрны своему слову; но зато надменны, упрямы и жестоки до звѣрства.

Невѣжество ихъ, да и лѣность тоже, обратились въ половицу; но не должно воображать себѣ, чтобы они были невѣжды и лѣнивцы, на манеръ напримѣръ Французскихъ невѣждъ и лѣнивцевъ. Правда, они очень мало заботятся о множествѣ житейскихъ мелочей и литературныхъ вздоровъ; но можно побиться объ закладъ, что если взять на-удачу по нѣскольку челоѣкъ изъ низшаго класса во Франціи и въ Испаніи, то превосходство, въ отношеніи къ первоначаль-

ному образованію, останется не на сторонѣ Французовъ. Весьма вѣроятно также, что людей, имѣющихъ понятіе объ отечественной исторіи, найдешь въ томъ же классѣ болѣе по ту, чѣмъ по эту сторону Пиренеевъ. Что касается до лѣности, то въ ней напрасно обвиняють Испанцевъ: они ничего не дѣлають для пріобрѣтенія затѣйливыхъ удобствъ *comfort'a*, за которыми все мы гоняемся, и вотъ Французы и Англичане говорятъ, что Испанцы безпечны и неспособны къ постояннымъ усиліямъ: но если имъ хорошо и безъ этихъ тысячи пріятностей жизни, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись, или если они презирають ихъ, то къ чему жъ бы они стали трудиться чтобы пріобрѣсти ихъ? Объ Испанцахъ вообще судять по жителямъ нѣкоторыхъ городовъ, въ которыхъ нѣтъ никакой промышленности и гдѣ лѣность такъ сказать водворена обильными милостынями монастырей: но какой народъ въ Европѣ воздержнѣе, промышленнѣе, дѣятельнѣе Каталанца, Бискайца, жителя Галиціи или Андалузскаго побережья?

Такимъ образомъ нельзя собственно сказать, чтобы Испанцы были невѣжи и лѣнтя; они только безпечны и мало заботятся о разныхъ прихотяхъ изнѣженной жизни, которыя у насъ считаются необходимостью: впрочемъ трудно рѣшить, на чьей сторонѣ въ этомъ случаѣ выгода. Конечно, можно допустить, что жизнь ихъ непріятна, наполнена лишений; но, признайтесь, что въ случаѣ набора солдатъ для защиты отечества, лучше имѣть дѣло съ людьми, привыкшими пренебрегать непогоды, спать на голой землѣ, ходить долго безъ башмаковъ и не получая во-время провіанта, чѣмъ съ жирными Французскими и Нѣмецкими мужиками, которые не могутъ жить безъ завтрака, обѣда и ужина.

Испанскій народъ измѣняется, смотря по климату и почвѣ провинцій, и схожъ самъ съ собою только общими чертами. Разница во внутреннемъ достоинствѣ между жителями сѣвера и юга весьма значительна. Такъ, четыре провинціи, лежащія по сю сторону Эбра, могутъ считаться отборными; однако же Старая Кастилія, Ла-Манча, и особенно Галиція и Астурія, не уступаютъ имъ ни въ умѣ ни въ мужествѣ. То же надобно сказать о горцахъ, которые обитають въ различныхъ *sieggas* и суть вообще народъ красивый и рѣшительный.

Одни Андалузцы считаются изнѣженными и болѣе способными къ торговлѣ, нежели къ войнѣ; но это можетъ относиться только къ жителямъ равнинъ, потому что обитатели Сьерры-да-Ронда неразъ доказывали свою храбрость и старые Французскіе солдаты, конечно, этого еще не забыли.

Долговременныя смуты полуострова и безпрерывныя опасенія, въ которыхъ жили Испанцы до совершеннаго изгнанія Мавровъ, принудили ихъ собраться въ города, обнесенныя стѣнами, или въ большія мѣстечки. Они не расселились свободно, гдѣ кому вздумается; и тамъ почти никогда не увидишь, не только деревушки, но даже сельца. Что касается до хуторовъ, отдѣльныхъ жилищъ, то тамъ ихъ рѣшительно нѣтъ, и оттого страна кажется печальною; но соединеніе жителей въ большія мѣстечки имѣетъ тоже свои выгоды. Во первыхъ, это способствуетъ успѣхамъ первоначальнаго образованія; во вторыхъ, привычныя ежедневныя сношенія различныхъ классовъ между собою полируютъ до нѣкоторой степени всѣхъ жителей. Оттого въ Испаніи рѣдко замѣтите вы ту бессмысленную грубость и ту безтолковость, которая такъ обыкновенна въ Французскихъ деревняхъ; можно также сказать, что Испанскіе поселяне несравненно менѣ коверкаютъ языкъ чѣмъ Французскіе, что у нихъ есть родъ въжливости, Французскимъ мужикамъ совершенно неизвѣстной, и что наконецъ чернь въ Испанскихъ городахъ не такъ низка, хоть можетъ быть болѣе жестока, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Зато, отъ сосредоточенія жителей, дороги не безопасны, и въ случаѣ несчастнаго происшествія помощи ожидать не откуда, — обстоятельство чрезвычайно выгодное для разбойниковъ: потому Испанія всегда была отчизною искателей приключеній. Притомъ тамошни, устроенныя между различными провинціями, образуютъ множество контрабандистовъ, которымъ всѣ мужики — друзья и которые, нестыдясь, явно отправляютъ ремесло свое. Отсюда происходитъ народное расположеніе къ *бандитамъ*, и чистосердечное уваженіе, внушаемое тѣми изъ разбойниковъ, которые прославились какимъ-нибудь отважнымъ подвигомъ. Въ Испаніи есть тысячи подобныхъ витязей; не найдете мѣста, гдѣ бы не было или не бывало своего героя изъ разбойниковъ.

Этимъ хорошо объясняется легкость, съ какою въ минуту образуются вооруженныя шайки, извѣстныя подъ названіемъ *гверильсовъ* и, вообще наклонность Испанцевъ къ Серторіанской войнѣ, въ которой они всегда отличались. По ихъ воздержности и малой привязанности къ удобствамъ жизни, ремесло партизана для нихъ несравненно легче чѣмъ для солдатъ другихъ странъ, а привычка къ ходьбѣ даетъ имъ возможность быстрѣе переноситься съ мѣста на мѣсто: притомъ въ Испаніи всякой воинъ хочетъ, чтобы его *самого* за что-нибудь величали храбрымъ, и потому они охотнѣе раздѣляются на мелкіе летучіе отряды, чѣмъ стоятъ въ шеренгахъ регулярной арміи, гдѣ нужны другаго рода добродѣтели, чтобы славно умереть въ безвѣстности. Надобно замѣтить эту любовь къ отличію, общую всемъ Испанцамъ, потому что она—рѣзкая черта ихъ характера: эта самая любовь одушевляетъ и торреадора, жертвующаго жизнью въ бою съ быкомъ, и героическаго защитника народной независимости. Конечно, мужество вездѣ снискиваетъ уваженіе, но я думаю, что ни одинъ народъ не восхищается имъ болѣе чѣмъ Испанцы, и что жители другихъ странъ не въ такой степени чувствуютъ потребность удивлять лично собою: это и увлекаетъ Испанцевъ въ разбойническіе подвиги, если они не могутъ болѣе благороднымъ средствомъ утолить жажды своей къ извѣстности и славѣ.

Топографія полуострова, чрезвычайно удобная къ засадамъ, также много содѣйствуетъ къ выбору любимаго рода войны, столь согласнаго съ характеромъ жителей. Въ Испаніи на каждомъ шагу встрѣчаешь превосходную военную позицію, и по этой именно причинѣ завоевать Испанію всегда будетъ чрезвычайно трудно. Это мѣстоположеніе производитъ еще другое слѣдствіе: оно дѣлаетъ сосредоточеніе административныхъ пружинъ въ столицѣ почти невозможнымъ. Собственно говоря, полуостровъ не имѣетъ центра, или лучше сказать тамъ ихъ нѣсколько. Мадридъ не довольно населенъ, не довольно богатъ, и не имѣетъ достаточнаго вліянія, чтобы примѣръ его увлекалъ все государство: если бѣ онъ къ тому стремился, многіе города поспорили бѣ съ нимъ объ этой чести; но дѣло въ томъ, что подобное вліяніе въ Испаніи рѣшительно невозможно, потому что сама при-

рода ему противятся. Испанія такъ создана, что должна быть землею отдѣльныхъ областей, союзомъ провинцій, которыя, правда, имѣютъ одинъ языкъ, одну религію, общіе нравы, но не могутъ отказаться отъ своей мѣстной пародности.

Нынче партіи оспариваютъ власть въ Испаніи: онѣ борются между собою и вредятъ одна другой чѣмъ только могутъ. Дисциплина въ арміи совершенно исчезла, и слѣдственно армія нѣтъ; гражданская власть въ болѣе части городовъ и даже мѣстечекъ совершенно безсильна; собственно говоря, признанной власти почти совсѣмъ нѣтъ и государственная связь готова расторгнуться. Есть только одно знамя, вокругъ котораго собираются вѣрные солдаты, — знамя принца Испанской крови, котораго либералы называютъ мятежникомъ. Отъ Пиреней до Кадикса правительства не видно нигдѣ, кромѣ главной квартиры донъ Карлоса: эту великую выгоду доставили ему враги его своими насильствами и беспорядками, и она приведетъ его скоро въ Мадридъ, если только онъ будетъ умѣть ею воспользоваться.

Надобно вспомнить первые успѣхи донъ Карлоса и то, какимъ образомъ появился онъ на полуостровѣ. Развѣ онъ вступилъ туда съ войскомъ, которое принуждаетъ къ повиновенію, или съ сокровищами, которыя доставляютъ войско? Ни сколько. Онъ пріѣхалъ одинъ, безъ всякихъ пособій, кромѣ своего имени, и это имя тотчасъ соединило Бискайцевъ и Наварцевъ и произвело величайшее впечатленіе надъ всеми провинціями по сю сторону Эбра: отчего? — оттого, что это имя есть символъ прошедшаго. И не должно заключать чтобы провинціи, о которыхъ идетъ рѣчь, были части государства отсталыя, запоздавшія: напротивъ, это самыя просвѣщенныя и самыя промышленныя части. Но именно поэтому онъ и держатся прошедшаго. Онъ очень хорошо предвидѣли послѣдствія Королевскаго Статута и чувствовали, что правленіе, основанное на новыхъ идеяхъ, можетъ принести имъ одни несчастія; ввести централизацию, которой онѣ боятся всего болѣе на свѣтъ, потому что онѣ занимаютъ мѣстоположеніе, чрезвычайно удобное для торговли и потому искренно привержены къ свободѣ торговли; онѣ

боятся гораздо болѣе Испанскихъ таможенъ, чѣмъ Испанскихъ войскъ.

Если эти провинція съ такою преданностью служатъ до-ну Карлосу, то именно потому что надѣются черезъ него избавиться отъ подданства Испаніи и сдѣлаться независимыми членами Испанскаго союза, какъ были некогда.

Это общее на полуостровѣ чувство независимости, необходимо должно наконецъ одержать верхъ. Весьма вѣроятно, что результатомъ нынѣшнихъ событій будетъ учрежденіе въ Испаніи федеративнаго правленія, столь сообразнаго съ топографіею земли и съ духомъ ея жителей, и что тогда только Испанія успокоится въ мирѣ».

БОГАТСТВО ИСПАНСКАГО ДУХОВЕНСТВА. Между-тѣмъ какъ жидъ, предводительствующій фалангою революціонеровъ, грабитъ Испанскія церкви и продаетъ съ молотка монастырскія имѣнія, любопытно бросить взглядъ на предметъ, который возбудилъ ихъ жадность. Испанское духовенство всегда считалось богатѣйшимъ въ Европѣ. Въ 1804 году доходъ съ его недвижимыхъ имѣній оценивали въ 98,000,000 рублей, а неопредѣленные приходы вдвое болѣе. Вотъ доходы нѣкоторыхъ изъ Испанскихъ прелатовъ:

Архіепископы получаютъ :

Толедскій	2,750,000	рублей.
Севильскій	1,000,000.	
Санъ-Ягскій.....	800,000.	
Валенскій	650,000.	
Сарагосскій.....	325,000.	
Гренадскій.....	287,500.	
Бургосскій	180,000.	
Таррагонскій.....	155,000.	

Епископы.

Хаэнскій.....	400,000.
Кордовскій.....	338,500.
Куэнскій	340,000.
Картахенскій.....	325,000.
Малагскій	306,500.
Осмскій.....	287,500.
Барселонскій	257,600.
Валладолидскій	150,000.

Церкви были убраны съ чрезвычайнымъ богатствомъ: золотыхъ, вызолоченныхъ и серебряныхъ сосудовъ, паникадилъ и другихъ утварей было вездѣ множество. Въ 1794 году, когда Испанія повсюду искала средствъ удовлетворить издержки войны съ Франціею, Государственный Советъ, въ засѣданіи 2 іюня, въ которомъ присутствовалъ и король Карль IV, удостовѣрился, что церкви полуострова и близлежащихъ острововъ имѣютъ до 43,000 арробъ (около 31,175 пудовъ) серебра, которое оцѣнивали въ 1,104,000,000 реаловъ велмоновъ (287,000,000 рублей). Съ того времени, война 1808 года, смуты 1815 и 1823, значительно уменьшили сокровища Испанскихъ церквей: у нихъ бѣльшею частію остались только колокола, да и тѣ собираются отнять. Вотъ исчисленія, недавно напечатанныя въ *Eco del Comercio*, главной газетъ Мадридской:

«Въ Испаніи считается нынѣ до 28,000 церквей, и въ нихъ до 84,000 колоколовъ, которыхъ весь не можетъ быть менте 3,660,000 арробъ (около 2,688,900 пудовъ).

Это количество металла раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

<i>Церкви.</i>	<i>Число колоколовъ.</i>	<i>Вѣсъ арробами.</i>
60 соборныхъ церквей	660.....	148,800.
83 коллегіяльныя.....	698.....	97.130.
19,000 приходскихъ	68,000.....	3,670,000.
3,000 пустынь.....	3,250.....	50,500.
2,000 часовень.....	2,000.....	25,000.
1,000 монастырей	9,500.....	670,000.
	Итого 84,108.....	3,661,430.

«Такимъ образомъ весь этотъ металлъ, считая по 70 реаловъ за арробъ, стоить 256,000,000 реаловъ (66,560,000 рублей). Для церквей достаточно было бы трети этихъ колоколовъ, и правительство, продавъ остальные, выручило бы по-крайней-мѣрѣ 40,000,000 рубль. Притомъ подобная мѣра доставила бы не одну эту выгоду: кварталы, сосѣдніе съ колокольнями были бы избавлены отъ безпрерывнаго звона и дома тамъ получили бы настоящую свою цѣну: извѣстно, что цѣна за наемъ въ домахъ, находящихся подлѣ церквей въ Испанскихъ городахъ, почти ничтожна. Полагаютъ, что уничтоженіе въ Мадридѣ 37 монастырей возвратило по-

крайней-жъръ 300 домамъ настоящую ихъ насмную цѣну. Тутъ нѣтъ никакого преувеличенія: епископъ Лоренсона, въ указѣ своемъ отъ 18 декабря 1782, о звонѣ колоколовъ въ Мадридѣ, дѣлаеть то же замѣчаніе. «Этотъ звонъ, говоритъ онъ, такъ тягостенъ и утомителенъ для жителей, что по одному этому квартиры въ домахъ, сосѣднихъ съ церквями чрезвычайно дешевы, между-тѣмъ какъ сосѣдство церквей должно бы возвышать ихъ цѣну.»

ДАНИЕЛЬ ШИ.—ЧАРЛЪЗЪ ВЕЛЬКИНСЪ. Въ нѣсколько дней смерть поразила двухъ человекъ, прославившихся своими трудами по части Восточной словесности, — *Daniel's Shea*, переводчика Мирхонда и профессора восточныхъ языковъ въ *Haylebury*'скомъ коллегіумѣ; и *Charles'a Wilkins'a*, который принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ ориенталистовъ нашего времени. Первый изъ нихъ умеръ 10, второй 13 мая нынѣшняго года.

Г. Shea родился въ Дублинѣ и въ весьма молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ Ирландскій Университетъ. По нѣкоторымъ политическимъ проискамъ, онъ принужденъ былъ оставить это заведеніе и отправился въ Англію. Тамъ, безъ денегъ, безъ друзей, послѣ долгихъ страданій, получилъ онъ наконецъ мѣсто въ частной школѣ. Потомъ его рекомендовали купцу, которому нуженъ былъ молодой человекъ, знающій Италіянскій языкъ, и тотъ отправилъ его въ Мальту въ качествѣ главнаго прикащика. Въ Мальтѣ Г. Shea съ такою ревностью занялся изученіемъ Арабскаго языка, что весьма скоро узналъ его въ совершенствѣ, и притомъ не одинъ классическій языкъ, но и главные его діалекты. Начальники торговаго дома, въ которомъ служилъ Г. Shea, намѣревались открыть контору на восточномъ берегу Чернаго моря и онъ занялся изученіемъ Персидскаго языка; но обстоятельства заставили этотъ домъ прекратить свою торговлю на Средиземномъ Морѣ и въ Левантѣ: тогда Г. Shea возвратился въ Англію и получилъ мѣсто учителя. Докторъ Adam Clarke, услышавъ о познаніяхъ господина Shea въ восточныхъ языкахъ, захотѣлъ съ нимъ познакомиться, и онъ то доставилъ ему мѣсто помощника профессора, въ *Haylebury* (Гелиебери). Съ этого времени начинается ученое поприще госпо-

дина Shea. Когда Азіятское общество собрало суммы, нужныя для печатанія восточныхъ твореній, Г. Shea назначенъ былъ членомъ комитета и самъ дѣятельно занялся переводомъ знаменитой исторіи Мирхонда: года два назадъ онъ издалъ этотъ переводъ, принятый съ большимъ одобреніемъ, не только Английскими, но и всеми оріенталистами. Впоследствии Г. Shea принялся за дѣло еще болѣе важное, именно за переводъ *Дабистана*, и перевелъ уже много, когда смерть остановила его. Увѣряютъ, что онъ поставилъ въ обязанность своимъ душеприказчикамъ истребить его рукописи: мы надѣемся однако же, что хоть въ пользу *Дабистана* сдѣлано будетъ исключеніе, потому что не у многихъ найдется столько мужества, терпѣнія и искусства, сколько нужно для перевода этого замѣательнаго, но весьма труднаго, творенія.

Сиръ Charles Wilkins родился въ 1750 году въ Сомерсетшейрѣ. Въ 1770 году онъ отправился въ Бенгалъ и былъ въ гражданской службѣ Остъ-Индской компаніи. Принимая дѣятельное участіе въ надзорѣ за конторами, учрежденными въ Мамлѣ, въ собственномъ Бенгалѣ, онъ рѣшился начать и съ успѣхомъ продолжалъ изученіе Санскритскаго языка, который въ то время не только былъ совершенно неизвѣстенъ, но даже считался недоступнымъ для Европейцевъ. Знаменитый его переводъ на Английскій языкъ *Бхагаватъ-Гиты* былъ отравленъ къ директорамъ компаніи генералъ-губернаторомъ *Warten'омъ Hastings'омъ*, который самъ написалъ диссертацию, напечатанную вначалѣ этой книги. Въ 1785 году директоры напечатали то и другое на свой счетъ. Это твореніе пріобрѣло величайшій успѣхъ. Потомъ Г. Wilkins собственными руками выгравировалъ и отлилъ первое собраніе Персидскихъ и Бенгальскихъ шрифтовъ, какое явилось въ Остъ-Индскихъ типографіяхъ. Этими литерами печатано красивое изданіе *Halhed'овой* Бенгальской грамматики и потомъ собраніе Персидскихъ образцовыхъ писемъ, извѣстное подъ названіемъ *Геркере* и изданное Г. *Belfour'омъ*; и тѣмъ же шрифтомъ доселѣ печатаются законы и постановленія Компаніи, переведенныя на Персидскій языкъ Г. *Edmonstone'омъ*.

Сиръ Charles Wilkins прожилъ въ Индіи около шест-

надцати лѣтъ; возвратясь въ 1786 году въ Англію, онъ поселился въ Батъ и вскорѣ потомъ издалъ свой переводъ *Gnomicides*. Въ 1800 году Совѣтъ директоровъ назначилъ его бібліотекаремъ своего богатаго собранія рукописей, которыхъ часть досталась во владѣніе компаніи при завоеваніи Серингапатама. Онъ занималъ это мѣсто до самой смерти. При учрежденіи *Hayleybury*'скаго Остъ-Индскаго коллегіума, *Wilkins* былъ назначенъ инспекторомъ и составилъ для употребленія въ коллегіумъ Санскритскую грамматику, которая издана въ 1808 году: это образецъ ясности и простоты, и она много содѣйствовала къ распространенію въ Европѣ познанія этого прославленнаго языка. Когда послѣднее изданіе *Richardson*'ова Арабско-Персидскаго словаря, истощилось, книгопродавцы просили *Wilkins*'а принять на себя надзоръ за новымъ изданіемъ, и онъ обогатилъ его нѣсколькими тысячами словъ. Онъ издалъ также въ 1815 году «Таблицу корней Санскритскаго языка». Во время пребыванія своего въ Бенгалѣ, *Wilkins* занимался переводомъ «Законовъ Ману»; но по просьбѣ *Jones*'а отдалъ ему свою еще недоконченную рукопись и уступилъ ему честь издать этотъ древній памятникъ. Извѣстность *Wilkins*'а не ограничивается одною Англією: нѣтъ ни одного ориенталиста въ Европѣ, который бы не произносилъ имени его съ почтеніемъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Французскій Институтъ принялъ его въ число своихъ корреспондентовъ; многія другія ученые сословія, туземныя и иностранныя, въ томъ числѣ Оксфордскій Университетъ также осыпали его почетными отличіями. Въ 1825 году королевское литературное общество присудило ему большую медаль съ титуломъ «Князь Санскритской литературы». Онъ былъ сверхъ-того, членомъ королевскаго общества ученыхъ и литературнаго клуба, основаннаго докторомъ *Johnson*'омъ. Достаточно и одного чернаго шара, чтобы не быть принятымъ въ это общество, которое обыкновенно состоитъ изъ людей самыхъ отличныхъ по всемъ отраслямъ наукъ и литературы.

ВОЛЛАСТОНОВЪ СПОСОБЪ ИМѢТЬ ВСЕГДА ДОВОЛЬНО ВРЕМЕНИ. Безпрерывно жалуется люди, что у нихъ другіе люди отнимаютъ время, и что оттого они не могутъ

сдѣлать ничего порядочнаго. Боже мой! дѣлайте такъ, какъ дѣлалъ знаменитый Волластонъ. Развѣ противъ такихъ людей нѣтъ ни какого средства? Волластонъ, которому свѣтъ обязанъ многими важными открытіями, давно открылъ это средство. Испытайте его, и вы увидите, что у васъ всегда будетъ довольно времени для полезныхъ занятій.

Но прежде чѣмъ говорить объ изобрѣтеніи, надо сказать нѣсколько словъ объ изобрѣтателѣ: тѣ, которые живутъ разбоемъ чужаго времени, готовы спросить насъ, кто таковъ, былъ Волластонъ. Волластонъ былъ великій человекъ! *William Hyde Wollaston* происходилъ изъ дворянской фамиліи, обитавшей въ графствѣ Страффордшейрскомъ, въ Англіи. Онъ былъ сынъ *Francis'a Wollaston'a*, Конюшаго и родился въ Лондонѣ 6 августа 1766. Послѣ приготовительнаго обученія, онъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ, занимаясь тамъ Медициною, и въ 1793 году получилъ степень доктора. Вступленіе его на ученое поприще было столь блестящее, что въ концѣ слѣдующаго года онъ уже поступилъ въ члены Королевскаго общества Ученыхъ и въ 1797 году читалъ тамъ первую свою записку о подагрѣ и каменной болѣзни. Тогда онъ занимался почти исключительно химическими изысканіями, но еще не хотѣлъ оставлять врачебнаго поприща. Не получивъ мѣста врача при госпиталѣ Святаго Георгія, онъ отказался отъ Медицины, посвятилъ себя Физикѣ и Химіи и вскорѣ обогатилъ ихъ множествомъ открытій.

Въ 1806 году онъ былъ наименованъ вторымъ секретаремъ Королевскаго Общества Ученыхъ и ревностно старался оправдать это назначеніе своими трудами. Каждый годъ *Philosophical Transactions* извѣщали о какомъ-нибудь новомъ наблюденіи или любопытномъ опытѣ *Wollaston'a*. Палладій открытъ имъ въ 1803 году; родій въ 1804; далѣе слѣдовали опыты съ кровію лицъ, подверженныхъ болѣзни *diabetes*, гдѣ онъ доказалъ что въ ихъ крови нѣтъ ни слѣда сахару, хотя мокроты ихъ чрезвычайно сладки; изысканія о первоначальныхъ кристаллахъ углекислой извести; изысканія о камеръ-обскурѣ и микроскопѣ; открытіе ковкости платины, за которое общество присудило ему большую медаль, и прочая. *Wollaston* изобрѣлъ также разные замысловатые

способы опредѣленія свойствъ и составныхъ началъ наименьшихъ частицъ матеріи. Для этого онъ построилъ весьма маленькіе приборы, посредствомъ которыхъ производилъ свои опыты съ величайшею точностію и съ большимъ сбереженіемъ издержекъ. Въ числѣ этихъ приборовъ былъ галваническій столбецъ, такой маленькой, что его можно было бы уложить въ наперстокъ. Распространяя кругъ науки своими изобрѣтеніями и открытіями, Wollaston въ то же время сочинялъ свою знаменитую «Синоптическую таблицу химическихъ соответствій», которая въ тѣсной рамкѣ показываетъ составъ огромнаго числа тѣлъ. Вскорѣ потомъ, продолжая свои опыты надъ платиною, онъ дошелъ до того, что началъ дѣлать изъ этого упрямаго металла проволоки, не только тонѣе волоса, но даже почти незамѣтныя для невооруженнаго глаза. Эти химическіе подвиги доставили ему громкую извѣстность и огромное состояніе: одно открытіе способа ковать платину, принесло ему, какъ говорятъ, болѣе 30,000 фунтовъ стерлинговъ (750,000 рублей).

Минералогіи много обязаны Wollaston'у за изобрѣтеніе свѣтлой камеры и гонеометра, который доставилъ кристаллографіи точность, до того неизвѣстную. Лабораторныя и кабинетныя работы истощили силы Wollaston'a: онъ скончался 20 декабря 1828, завѣщавъ Королевскому Обществу тысячу фунтовъ (25,000 рублей), съ тѣмъ, чтобы проценты этой суммы были ежегодно употреблены на опыты и поощренія по части науки, которою онъ съ такимъ успѣхомъ занимался.

Wollaston внушалъ невольное уваженіе своими прекрасными свойствами и дарованіями. Докторъ Fitten, председатель Геологическаго Общества, говорилъ объ немъ, что трудно найти человѣка, который бы въ такой высокой степени соединялъ въ себѣ качества насмѣливаго джентльмена и настоящаго естествоиспытателя. Wollaston былъ человѣкъ рѣдкой совѣстливости: онъ не выдавалъ за истину ни одной гипотезы, какъ бы замысловата ни была она, и былъ одинъ изъ самыхъ положительныхъ Англійскихъ ученыхъ.

Какъ же успѣлъ онъ открыть столько, изобрѣсть столько, изслѣдовать и описать такое множество предметовъ? Развѣ у него не было пріятелей? Неужели онъ одинъ въ мірѣ уцѣ-

дѣль отъ кабинетной саранчи, которая съ такою жадностью пожираетъ время людей полезныхъ? Здѣсь-то мѣсто отк-рыть его знаменитый способъ всегда имѣть время. Wollaston такъ дорожилъ своимъ временемъ, такъ хорошо зналъ его употребленіе, что величайшимъ несчастіемъ для него было появленіе въ его кабинетъ или лабораторіи одного изъ тѣхъ праздношатающихся, которые повсюду разносятъ свою скуку, нисколько не заботясь о томъ, что надобѣдаютъ друг-имъ. Вотъ какъ онъ принималъ ихъ: однажды, найди у себя въ лабораторіи одного изъ этихъ господъ, онъ дружески взявъ его за руку и, указывая на химическій горнъ, спро-силъ: «Видите ли вы эту печь? — Конечно. — Ну, такъ по-клонитесь же ей учтиво, потому что вы позволите видѣть ее въ первый и послѣдній разъ.»

4. ЛОНДОНСКІЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ СУДЫ. Отправле-ніе дѣль, подлежащихъ сужденію обыкновенной полиціи, весьма странно для насъ, жителей твердой земли, привык-шихъ къ безконечнымъ формамъ, но оно чрезвычайно про-сто, говоритъ Г. Раумеръ въ книгѣ своей объ Англій. Эти дѣла рѣшаются въ Лондонѣ однимъ судьей съ двумя секре-тарями. Истець самъ излагаетъ свою жалобу; судья допра-шиваетъ обѣ тяжущіяся стороны, выслушиваетъ оправданіе и произноситъ приговоръ, обыкновенно весьма лаконичес-кій. Вотъ образецъ этого судопроизводства, при которомъ я самъ однажды присутствовалъ. Сначала привели людей, задержанныхъ ночью на улицѣ. «Джекъ Блиндсъ! Онъ былъ до того пьянъ, что не могъ двинуться съ мѣста. — Сознается ли онъ въ этомъ? — Сознается. — Пять шеллин-говъ пени.» И дѣло рѣшено. «Джонетепъ Бредди! Онъ тоже былъ пьянъ, и прочая. — Сознается ли? — Нѣтъ. — Не было ли его платье замарано грязью спереди? — Было. — Пять шеллинговъ пени». И дѣло рѣшено. «Этотъ господинъ разбилъ стекло въ моемъ омнибусѣ. — Когда ты въ послѣд-ній разъ видѣлъ, что это стекло было еще цѣло? — Не знаю навѣрное. — А естли у тебя какія другія доказательства? — Нѣтъ, но этотъ господинъ былъ пьянъ. — Пять шеллинговъ пени». Опять дѣло повершенное. «Джонъ Флиппсъ, ваша честь! Его нашли пьянымъ, и это съ нимъ часто случается. —

Пять шеллинговъ пени; а если еще разъ найдутъ его пьянымъ, я отправлю его въ смиренный домъ». И дѣло съ концемъ. — «Ваша честь, мой мужъ..... это ужасно! — Что такое? Говорите, сударыня. — Я не могу произнести такой мерзости. — Такъ извольте убираться отсюда. — Но я требую правосудія! Опъ сдѣлалъ мнѣ невѣрность. — Мужъ: Невѣрность? Это невѣрность?..... Что я поцѣловалъ сосѣдку? — Поцѣловалъ! Пять шеллинговъ пени». — Жена. Притомъ же, ваша честь, онъ каждый день бываетъ пьянъ. — Мужъ: Каждый день? Какъ тебѣ не стыдно лгать такимъ образомъ? Не что, случится иногда..... разочекъ въ недѣлю..... да и то съ пріятелями. — Хорошо. Еще пять шеллинговъ пени». Я былъ чрезвычайно пораженъ двумя вещами: во-первыхъ, что люди въ лохмотьяхъ безъ всякаго затрудненія тотчасъ платили пять шеллинговъ; во-вторыхъ, что люди, порядочно одѣтые, являются на улицѣ въ пьяномъ видѣ.

Въ два часа времени очистили такимъ образомъ дѣлъ сорокъ или пятьдесятъ. У насъ, въ Пруссіи, исписали бы на это десять стопъ бумаги, и трехъ недѣль времени нужно было бы на одиѣ слѣдствія и справки.

Кстати о пьянствѣ, я скажу, какой результатъ имѣла отмена пошлины съ пива. Принятіемъ этой мѣры хотѣли избавить народъ отъ огромнаго налога, заставить его отказаться отъ крѣпкихъ напитковъ и уничтожить монополію главныхъ пивоваровъ. Потребленіе пива увеличилось; но потребленіе водки уменьшилось не по пропорціи; кабаки, въ которыхъ продаютъ пиво, умножились безъ мѣры, и большіе пивовары не лишились своей монополіи, потому что они имѣютъ возможность дѣлать пиво лучше, и продавать его дешевле, чѣмъ мелкіе пивовары. Въ 1834 году Г. Buckingham представилъ парламенту весьма любопытныя вычисленія. Онъ показывалъ, что въ четырнадцати главныхъ Лондонскихъ кабакахъ бываетъ въ недѣлю 142,453 человекъ мужчинъ, 108,593 женщины и 18,391 дѣтей, всего 269,437 человекъ, и утверждалъ, что женщины и дѣти ведутъ себя тамъ еще не пристойнѣе мужчинъ. Въ одномъ изъ Эдинбургскихъ кварталовъ считается по кабаку на пятнадцать семействъ; въ одномъ Ирландскомъ городкѣ, въ которомъ только 800

жителей, открыто 88 кабаковъ; въ округѣ Шеффилдскомъ, въ десять дней тринадцать человекъ лишились жизни или отъ того, что слишкомъ много пили, или отъ драки, причиненной пьянствомъ.

ПОЧТОВЫЕ ГОЛУБИ. Биржевые спекулянты производили доселѣ дѣла свои на землѣ и водѣ, а теперь очередь дошла и до воздуха. Нынче курсовыя спекуляціи поднимаются выше облаковъ, и широко рѣютъ по голубому своду неба. Обыкновенная почта, отправляемая каждыя сутки изъ Париза въ Лондонъ и обратно, немогла удовлетворить людей несытныыхъ къ деньгамъ и политическимъ новостямъ. Они выдумали гораздо скорѣйшій размѣнъ извѣстій, именно, голубиныя эстафеты. Голуби, возившіе некогда эфирную колесницу Венеры, прославленные во всѣхъ сладкихъ идилияхъ и приторныхъ эротическихъ поэмахъ, перешли нынче въ другое вѣдомство, и летаютъ, по найму у маклеровъ. Эти невинныя созданія, выгнанныя изъ теплыхъ гнѣздъ, должны по неволѣ плавать на крыльяхъ вѣтра, въ широкомъ воздухѣ съ бюллетенями генерала Кордовы, съ декретами королевы Христины и революціонными прокламаціями Испанскихъ хунтъ. Могутъ ли современные поэты усыплять еще нѣжныхъ читательницъ, конфетными описаніями неразрывной дружбы страстныхъ голубковъ? Нѣтъ! Поэзія голубей уже кончилась.

Въ Дуврѣ и Калѣ воздвигнуты двѣ высокія голубятни, и между ними проведенъ воздушный почтовый трактъ изъ Англій во Францію для пернатыхъ курьеровъ. Перелетайте съ быстротою молніи, интересные голубки, съ биржевыми цидулками на шеѣ: васъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ спекулянты на всѣхъ Европейскихъ биржахъ. Не давно въ дождливую и туманную погоду пущенъ былъ изъ Дувра въ Калѣ почтовый голубъ, съ извѣстіемъ о курсѣ Испанскихъ облигацій. Одинъ отчаянный спекулянтъ, взобравшись на Французскую голубятню, долго дожидался крылатаго вѣстника, и отъ нетерпѣнія искусалъ себя до крови губы и пальцы. Прошло уже два три часа, а воздушная почта не являлась на горизонтѣ Калѣ. Спекулянтъ, сходя съ голубятни, печально рассчитывалъ убытокъ, который онъ понесетъ, если обыкно-

венная почта на пароходъ придетъ скорѣе воздушной. Можно ли ему будетъ сдѣлать выгодный оборотъ, когда черезъ нѣсколько часовъ всякій прикащикъ узнаетъ такъ же хорошо какъ и онъ объ упадкѣ или возвышеніи Испанскаго курса!

Спекулянтъ пошелъ прогуляться по городу, и, приближаясь къ одной гостинницѣ, увидѣлъ на землѣ пухъ и голубиный перья. Тайное предчувствіе пронзило его сердце, и онъ съ безпокойствомъ спросилъ у хозяина гостинницы, откуда этотъ пухъ и перья; и какимъ образомъ попалъ ему въ руки голубь. — «Упалъ съ неба!» отвѣчалъ трактирщикъ. — Ст. облаковъ и прямо къ твоимъ ногамъ? вскричалъ испуганный спекулянтъ. — «Да!» — Это, вѣрно, былъ Англійскій голубь? — «Я съ нимъ неразговаривалъ; не знаю его родины. — «Что у него было на шеѣ или подъ крыльями?» — «Довольно жиру и мяса, для жаркаго. — Варваръ! и ты хладнокровно зарѣзалъ такого голубя?.... Что у него было въ клювѣ? — Ничего, но когда приготовить голубя къ обѣду, то разумѣется воткнуть ему въ носъ вѣтку петрушки.» — Какое безбожіе! Убить голубя! Но знаешь ли ты, что это милое созданіе стоило по-крайней-мѣрѣ сто тысячъ франковъ?

Трактирщикъ, конечно, не зналъ этого, а то бы не уступилъ его за такую бездѣлицу.

— Говори скорѣе, куда ты дѣвалъ голубя? — «Продалъ ѣхавшему въ Руанъ контрабандисту.» — Непотрошеннаго? — «Нѣтъ.» — Слава Богу! Вели скорѣе дать мнѣ почтовыхъ лошадей..... Я ѣду въ Руанъ.

Спекулянтъ въ двадцати пяти верстахъ отъ Калѣ настигъ контрабандиста, и объявилъ, что желаетъ у него купить голубя, котораго продалъ ему трактирщикъ. — «Опоздали, сударь! отвѣчалъ контрабандистъ — я подарилъ голубя таможенному стражу, который живетъ отсюда въ двухъ миляхъ, на обратномъ пути въ Калѣ.

— Вотъ разбойники! Для нихъ нѣтъ ничего святаго на свѣтѣ!

Спекулянтъ въ ту же минуту повернулъ лошадей, гналъ ихъ въ хвостъ и въ голову и, задыхаясь отъ жару и пыли, достигъ наконецъ жилища таможеннаго стража.

— Гдѣ голубь! Ты вѣрно съѣлъ его?

Досмотрщикъ вытаращилъ глаза на путешественника, и схвативъ себя за брюхо, закричалъ въ испугъ. — «Что такое?... Да развѣ голубь былъ отравленъ ядомъ?» — Нѣтъ, но у него было кое что въ желудкѣ. — «Неужели контрабанда?» — Уфъ! Я ожилъ! Вотъ тебѣ сто лундоровъ; подай мнѣ голубя. — Спекулянтъ схватилъ ножикъ и, разноровъ зобъ голубю, нашель въ немъ кусокъ пергамену. Предугадывая пріятное содержаніе записки, онъ упалъ на колѣни и возгласилъ съ восторгомъ: «Вѣрно генералъ Evans одержалъ знаменитую побѣду надъ карлистами!» — Но записка заключала въ себѣ слѣдующее: «Прошу моего корреспондента въ Калѣ увѣдомить миссъ Клару Пуфъ, что я здоровъ, и не страдаю мигренемъ.» Спекулянтъ бросился въ воду. Рѣка была близко!

КАЗНЬ ЖИДА ВЪ СИНАГОГѢ. Янычарскій сотникъ, — это случилось не задолго до истребленія янычаръ, стоялъ въ *ку.лукъ* (гауптвахтѣ), въ Перѣ, одномъ изъ предмѣстій Константинополя. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ куллука, находилась лавочка жида, торговавшего пирогами, до которыхъ Турецкая чернь большая охотница. Несносный запахъ стараго деревяннаго масла, въ которомъ жидъ поджаривалъ свои пироги, портилъ воздухъ всего квартала и очень досаждалъ янычарскому караулу. Офицеръ велѣлъ сказать жида, что бы онъ перешелъ на другое мѣсто съ своею кухнею, и даже предлагалъ ему за это нѣсколько шастровъ. Жидъ не хотѣлъ и слышать о такомъ предложеніи; отвѣчалъ, что онъ исправно платилъ *хараджъ* (подушное) султану, и ни кого не боится; что онъ ни за какія деньги не сойдетъ съ того мѣста, на которомъ такъ же и покойный его отецъ жарилъ и продавалъ пироги. Начальникъ куллука не настаивалъ на своемъ требованіи, но онъ конечно не воображалъ, что этотъ отказъ, который впрочемъ взбѣсилъ его, сдѣлается для бѣднаго жида причиною ужасной смерти.

На другой день, вечеромъ, пришелъ на янычарскую гауптвахту еврей, подозрительнаго вида, и требовалъ свиданія съ начальникомъ поста. Еврей подкрался на цыпочкахъ къ сотнику, и, озираясь кругомъ, чтобы его не подслушали, шепнулъ янычару: «Хочешь ли ты получить богатую наживу?

Подълишься ли со мною, и общаешь ли хранить тайну?» — Да! *башымъ устю!* Но въ чемъ дѣло? — «Поклянись, что не измѣнишь мнѣ.» — Клянусь Аллахомъ! сказалъ сотникъ — говори скорѣе, душа моя, жидъ.» — *Кулакъ туть!* держи ухо! Завтра поутру, повезутъ мимо твоего кулука, тѣю одного пзъ нашихъ, съ двумя только провожатыми. Вели караульному остановить этотъ поѣздъ и, на всѣ возраженія провожатыхъ, только отвѣчать: «Здѣсь никого пропускать не вѣльно.» Провожатые спросятъ караульнаго сотника. Ихъ приведутъ къ тебѣ; но ты будь совершенно равнодушенъ къ ихъ просьбамъ. На всѣ ихъ убѣжденія скажи хладнокровно: «Похороны остановлены по моему приказу.» Они тебѣ возражать, что хоронятъ своего собрата, которому хотятъ оказать послѣднюю почесть. «Что мнѣ за дѣло!» скажи ты съ нетерпѣніемъ: «я не могу пропустить покойника.» Провожатые перемигнутся между собою, и старшій изъ нихъ скажетъ тебѣ: «Если ты хочешь срыву, то назначь самъ, сколько піастровъ.» Ты отвѣчай: «Сколько піастровъ? Ахъ, вы проклятыя гауры! Мнѣ надобно сто кошелевъ, (двадцать тысячъ рублей), и это самая умѣренная взятка.» Еврен тотчасъ заплатятъ тебѣ эти деньги; потому что они на всякой случай возьмутъ съ собою золото. Получивъ деньги, ты можешь пропустить похороны. Послѣ этого я подойду къ тебѣ. Полагаюсь на твое слово и на сохраненіе этой тайны. — Будь спокоенъ», отвѣчалъ янычаръ. На другой день, въ назначенный часъ, явилась печальная процессія. Сотникъ остановилъ ее и получилъ за пропускъ сто кошелевъ.

Счастливымъ командиръ караула погрузился въ сладкія мечты послѣ такой полномѣсной взятки и ожидалъ только прихода жиды, которому онъ по условію, долженъ былъ заплатить половину наживы, за полезный совѣтъ. Онъ очень желалъ подробнѣе развѣдать о причинѣ такой необыкновенной щедрости племени Израилева, извѣстнаго вездѣ своимъ скряжничествомъ. Сотникъ занялся своимъ безмятежнымъ кейфомъ и спокойно закуривалъ трубку, какъ вдругъ явились къ нему знакомые жидки, хоронившіе своего сдиковѣрца. Онъ принялъ ихъ какъ старыхъ друзей, усадилъ на диванъ, и предложилъ трубки и кофе. По размѣнѣ

обыкновенныхъ учтивостей, старшій изъ жидовъ съ важнымъ видомъ спросилъ у янычарскаго командира: «Ага мой, ты надѣлалъ намъ большихъ убытковъ, но мы на это не жалуемся. Ты получилъ все, чего желалъ, и это уже конченное дѣло, о которомъ и не стоитъ упоминать. Мы пришли къ тебѣ съ предложеніемъ, на которое ты коротко скажи — да, или нѣтъ. Мы тебѣ сегодня утромъ дали сто кошелековъ, чтобы пропустить тѣло нашего жидка, а теперь дадимъ еще двѣсти за то, если ты укажешь намъ измѣнника, который продалъ тебѣ нашу тайну.»

Вообразите положеніе корыстолюбиваго янычара! Ему еще катились въ карманъ сорокъ тысячъ рублей! Однако нарушить клятву, выдать своего благодѣтеля и, пуще всего, замарать добрую славу своей орты, было для него непреодолимою преградой, и онъ не хотѣлъ назвать виновника убытковъ. Янычаръ долго переминался при неожиданномъ предложеніи жидовъ. Съ одной стороны алчность къ прибылямъ, а съ другой совѣсть возмущала его магометанскую душу. Блуждая мысленно между раемъ и адомъ, благочестивый сотникъ попалъ на среднюю тропинку. Онъ вспомнилъ о проклятомъ пирожникѣ, который обкуривалъ его своимъ вонючимъ масломъ, и рѣшился выдать его за предателя; полагая, что за такую продѣлку пирожникъ подвергнется только палочной экзекуціи. Жиды довольны были показаніемъ янычара, и заплатили ему обещанные двѣсти кошелековъ.

На слѣдующій день пирожникъ исчезъ съ своей съѣстной лавкой, и уже масляная атмосфера не беспокоила янычарскаго кулука. Тщетно ожидалъ сотникъ того жидка, которому онъ долженъ былъ вручить по условію пятьдесятъ кошелековъ: онъ не явился, такъ же какъ и пирожникъ. Караулъ смѣнился при наступленіи новолунія, и нашъ ага перешелъ въ другое предмѣстіе Константинополя.

Едва сотникъ вступилъ опять въ караулъ, какъ явился къ нему давно ожидаемый Еврей, и тотъ отдалъ ему деньги, по условію.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ сотникъ, что случилось съ этимъ пирожникомъ, который такъ беспокоилъ меня своимъ масломъ.

— Ахъ, ага! отвѣчалъ жидъ: онъ умеръ страшною смертію. Ты выдалъ его вмѣсто меня нашимъ раввинамъ, и я вѣчно буду тебѣ за то благодаренъ, потому что пирожникъ испустилъ свой духъ въ ужасныхъ истязаніяхъ. Его призвали въ главную синагогу, потомъ посадили въ погребъ, находящійся подъ нашею молебною, и, не смотря на всѣ его клятвы, что онъ невиненъ, осудили его къ смертной казни какъ измѣнника и предателя своихъ единовѣрцевъ. Растянувъ пирожника на длинномъ столѣ, раввины сперва содрали съ него кожу, и потомъ начали вырѣзывать изъ тѣла куски мяса, покуда смерть не освободила его изъ рукъ истязателей.

— А въ похоронахъ, которыя я остановилъ, какая заключалась мудрость? *не хикметъ варъ ыды?* спросилъ офицеръ, тронутый рассказомъ Еврея.

— Покойникъ, котораго взяли на кладбище, былъ сперва жидомъ, и потомъ принялъ магометанскій законъ. Онъ занималъ важныя казенныя должности, женился на турчанкѣ и имѣлъ отъ нея много дѣтей. Умирая, онъ раскаялся въ своемъ отступничествѣ и тайно обратился опять къ закону Моисея. Наши раввины почли святою обязанностью похоронить его сами, по нашему жидовскому обряду. Вотъ за что они дали такую богатую взятку! Если бы ты не взялъ денегъ и выдалъ нашихъ раввиновъ правительству, тогда бы, можетъ-быть, ни одного жидка не уцѣлѣло въ Константинополь; разъяренная чернь истребила бы насъ какъ гадювъ. При самомъ счастливомъ оборотѣ этого дѣла, мы бы, конечно, лишились своихъ правъ, и заплатили бы ужасную пеню правительству.»

Пронсшествіе это описано въ Нѣмецкихъ журналахъ однимъ путешественникомъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Christiern de Danemarck*, *Христіернъ, король Датскій*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Alboisc'a и Paul'я Fouché.

Этотъ Христіернъ, король Датскаго королевства, — котораго Христіернъ, ни мелодрама ни я не знаемъ: въ Датскомъ королевствѣ только и есть что Христіерны, — ведетъ

себя на престолъ не хуже Траяна, императора Римской имперіи. Свенонъ, сынъ его, совершенно напротивъ: шалунъ, игрокъ, гуляка; мало этого: отъ скуки онъ принялся похищать честныхъ дѣвицъ. Какъ ни обширна Данія, но онъ совершенно наполнилъ ее своими гнусными поступками и молвою объ излишествахъ, которымъ предавался безъ зазрѣнія ~~свѣсти~~. Христіернъ, король Датскаго королевства, въ отчаяніи отъ поведенія Свенона, королевича Датскаго королевства. Какъ исправить это зачерствѣлое сердце, эту развратную душу, эту неистовую природу? Мудрый Христіернъ не видитъ другаго средства, какъ притвориться умершимъ.

Король Христіернъ умеръ: да здравствуетъ король Свенонъ! Но едва Свенонъ сдѣлался королемъ, какъ является истиннымъ злодѣемъ. Если онъ будетъ продолжать такимъ образомъ, потомство, говоря о тиранахъ, оставитъ Нерона въ покои и станетъ приводить въ примѣръ Свенона, короля Датскаго королевства. Къ счастью, прежній король Христіернъ снова является въ своемъ Датскомъ королевствѣ. Изъ своей мнимой могилы онъ видѣлъ злодѣйства Свенона, и поспѣшилъ выйти изъ гроба, чтобы унять безпутнаго сына. Все Датское королевство дышетъ свободно: одинъ Свенонъ недоволенъ и изумленъ возвращеніемъ добраго короля Христіерна; но онъ скорѣе оправляется, и хочетъ опять заключить въ гробъ дерзкое привидѣніе, которое срываетъ съ головы его корону. Христіерну, королю Датскаго королевства, совсѣмъ не охота умирать вторично: онъ хочетъ, чтобы сынъ его сошелъ съ трона, а сынъ не хочетъ. Безподобный случай къ междусобной войнѣ! Свенонъ, со своими приверженцами, — они бывають и у Свеноновъ, — возмущается, и Христіернъ, Брутъ Датскаго королевства, чтобы разомъ окончить всѣ бѣдствія Даніи, приноситъ ей въ жертву голову сына.

Мелодрама интересна и ведена съ жаромъ.

2. *Tout ou rien, Все или ничего*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Paul de Kock'a.

Дѣлю идетъ о какомъ-то герцогѣ Ричмондѣ. Герцогъ женится на Эмъ Вольси. Эмма не любитъ мужа своего герцога, но любитъ Артура Вильмора, купческаго прикащика.

Однажды ночью, Г. Артуръ забирается въ спальню герцогини Ричмондъ. Герцогъ, найдя мужчину въ спальнѣ герцогини, женилъ ихъ, чтобы избавить отъ огорченія.

Проходитъ четыре года, Эмма, бывшая герцогиня Ричмондъ, а нынѣ госпожа Вильморъ, ничуть не счастливѣе чѣмъ была въ первомъ дѣйствіи. Вильморъ ревнивъ до крайности; онъ ревнуетъ жену къ герцогу Ричмонду, ревнуетъ и къ сыну герцога, ребенку семи лѣтъ. Герцогъ Ричмондъ пріѣзжаетъ посмотреть на своего сына; но странная вещь! Герцогъ Ричмондъ такъ хорошо принималъ Вильмора и даже до того что отдалъ ему собственную жену свою, Герцогиню; а онъ, Вильморъ, бьетъ хлыстикомъ сына его, герцога Ричмонда.

Черезъ полгода послѣ этого, госпожа Вильморъ, бывшая герцогиня Ричмондъ, проситъ бывшего своего мужа позволить ей взглянуть на своего сына, на ихъ сына, котораго онъ взялъ къ себѣ въ домъ. Герцогъ говоритъ, что если ей угодно пожаловать ночью къ нему въ садъ, она увидитъ тамъ своего сына. Она соглашается. Госпожа Вильморъ входитъ въ садъ черезъ калитку, а мужъ ея перелезаетъ черезъ стѣну. Ему все кажется, что бывшей герцогини Ричмондъ хочется, хотя ненадолго, сдѣлаться опять герцогиней Ричмондъ. Къ несчастію, герцогъ встрѣчается съ Вильморомъ, который вызываетъ его на дуэль за свою жену, — онъ могъ бы сказать за *нашу* жену; они дерутся, Вильморъ убить; госпожа Вильморъ въ отчаяніи. Герцогъ Ричмондъ, въ утѣшеніе, возвращаетъ ей сына: бѣдняжкѣ какъ видно этого мало; оттого-то, какъ кажется, происходитъ и замысловатое заглавіе водевиля, — « Все или ничего! » Нѣтъ ни толку ни слога.

3. Кеан, или *Распутство и Геній*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Александра Dumas.

«Великій», знаменитый, неподражасмый Кинъ, Англійскій трагическій актеръ, былъ человекъ распутный, пьяный, безъ стыда, безъ уваженія къ самому себѣ и къ другимъ, человекъ испорченный и развращенный успѣхомъ, который все портитъ. Лѣтъ десять тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ Парижъ съ Англійскою группою, и при первомъ представленіи одной изъ Шекспировой трагедій заставилъ

публику и герцогиню Беррійскую прождать себя цѣлыхъ полтора часа; онъ въ это время былъ чрезвычайно занятъ, — нилъ въ ближнемъ кофейномъ домѣ. Наконецъ явился на сцену, едва держась на ногахъ. Въ первыхъ явленіяхъ онъ былъ жалокъ, но мало-по-малу пришелъ въ себя, возвысился, одушевился своей ролью и изумилъ Парижанъ остатками своего таланта. Онъ былъ одаренъ примѣчательною силою выраженія, жёстокъ, рѣзокъ, мастеръ плакать и улыбаться; легко переходилъ отъ ироніи, въ которой былъ онъ неподражаемъ, къ бѣшенству и ярости, и достигалъ своей цѣли всеми путями, то однимъ скачкомъ какъ тигръ, то тихомолкомъ какъ кошка. Онъ былъ человѣкъ не высокаго роста, съ лицомъ пошлымъ, на которомъ водка и Португальское вино оставили яркіе слѣды. Кинъ всю жизнь сохранялъ грубыя привычки балаганнаго артиста, какими онъ былъ въ молодости. Кинъ, конечно, былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ; но, что бы ни говорилъ Г. Dumas, онъ никогда не бывалъ гениемъ; онъ — то есть, Кинъ; Г. Александра Dumas въ этомъ никто и не подозреваетъ. Въ то время какъ онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, мозгъ его уже помрачился пьянствомъ, и тогдашній Кинъ былъ только тѣнь прежняго, — душа засаженная низкими наслажденіями, трагическій актеръ снова сдѣлавшійся напцомъ, жалкій остатокъ таланта, который Шекспиръ долженъ былъ поддерживать всею силою своего генія, развратникъ такой же какъ прежде и еще старый развратникъ. И вотъ человѣкъ, котораго Г. Александръ Dumas вздумалъ *обоготворить* нижеслѣдующимъ образомъ:

Картина первая. — Кинъ, герой *Covent-Garden'a* (и не *Covent-Garden'a*, а *Drury-Lane'a*) приходитъ утромъ къ графинѣ Кефельдъ, супругѣ Датскаго посланника при Лондонскомъ дворѣ. Кинъ влюбскъ въ графиню Кефельдъ. Онъ смѣло является къ графинѣ Кефельдъ и находитъ тамъ лорда Мельвиля и принца Валлійскаго, *своего пріятели*, — пріятели Кина! Само собою разумѣется, что блестящій лордъ Мельвилъ и прекрасный, умный, любезный принцъ Валлійскій; отъ котораго всѣ женщины были безъ ума, тоже влюблены въ графиню Кефельдъ; но какъ они не гении то не имъ любовь графини. Вы увидите, что графиня предпочтетъ имъ

цьянаго актера, потому что, по правиламъ Г. Dumas, свѣтъ, со включеніемъ женщинъ, принадлежитъ однимъ геніямъ, какъ бы они пьяны ни были. А если пьяный геній — актеръ, то свѣтъ и его женщины принадлежать актеру. Актеръ передаетъ графинѣ записку, въ которой говоритъ, что если она хочетъ съ нимъ видѣться, то можетъ прийти въ театральную кассу. «Кассиръ совершенно мнѣ преданъ, пишетъ Кинъ: онъ проведетъ васъ потаенною дверью въ мою комнату, гдѣ я одѣваюсь передъ выходомъ на сцену.» Замысловато! Советовать посланницъ, знатной Англійской дамъ, итти самой въ театральную кассу! Да она постыдилась бы послать туда своего камердинера. Графиня Кефельдъ такъ рада этому предложенію, что и не думаетъ объ его несообразности. Кинъ уходитъ, совершенно счастливый тѣмъ, что ему удалось провести и графа Кефельда, и лорда Мельвиля и принца Валлійскаго.

Во второмъ дѣйствіи, Кинъ за сголомъ, или, правильнѣе, Кинъ подъ столомъ; онъ всю ночь пилъ со своимъ товарищами, Пистолемъ, Сольмономъ, Питеръ-Паттомъ и другими. Въ этой сценѣ много умпаго! Г. Dumas не удалялся здѣсь отъ истины, и картина ему удалась. Тутъ Кинъ не геній, нисколько, а просто пьяница посреди другихъ пьяницъ, — и сцена выходитъ прекрасная. Если бѣ драматическіе писатели знали какъ хороша и какъ выгодна истина! Есть еще и другая забавная сцена, та, въ которой маленькій Питеръ проситъ великаго Кина поучить его *пляскъ съ лицами*, которую великій Кинъ нѣкогда такъ мастерски плясывалъ, когда былъ паяцомъ. Все это весьма удачныя подробности и драма Г. Dumas была бы несравненно лучше, если бѣ не была надута пошлыми высокопарностями итальянской философіи.

Но нѣтъ; надобно непременно сдѣлать Кина героемъ, геніемъ, великимъ человекомъ; надо непременно, чтобы онъ оскорблялъ принцевъ и лордовъ. Надо однажды на всегда доказать, что важные люди на свѣтѣ одни только актеры и что всѣ общественныя отличія ничтожны передъ этою новаго рода аристократіею. Странная теза, да при томъ еще и не новая: съ тѣхъ поръ какъ безусые Парижскіе философы взялись учить сѣдые бороды уму, мы слышали уже, что пер-

вое лице въ обществѣ — поэтъ; другіе говорили, что — художникъ, третьи — что романистъ; четвертые — что газетчикъ. Проспавшись, Кинъ вылезаетъ изъ подъ стола и ему докладываютъ, что прѣехала молодая дѣвушка, прекрасная и богатая, Миссъ Анна Демби. Тутъ начинается исторія не хуже прежней. Миссъ Анна Демби говоритъ Кину, что она была больна, при смерти, но увидѣла Кинна въ «Гамлетѣ» и въ «Королѣ Лирѣ», и не рѣшилась умереть: что ее хотѣли выдать за-мужъ за лорда, да она не захотѣла за лорда, потому, что увидѣла Кина; она богата, знатна, занимаетъ почетную степень въ свѣтѣ, но что прикажете дѣлать! — Увидѣла Кинна, и ей страхъ хочется идти въ актрисы, изъ честолюбія, чтобы быть равною одному только Кинну. Можете ли вы представить себѣ такую глупость! Чтобы выразить удивленіе и любовь свою къ Кинну, миссъ Анна Демби говоритъ ему такіа гнусныя богохульства, какихъ ни одна женщина не въ состояніи произнести, тѣмъ болѣе Англичанка, и которыя могутъ притти въ голову только Французамъ, хвастающимъ своимъ отвратительнымъ неуваженіемъ къ святынямъ и помѣшаннымъ на самомъ грубомъ материализмѣ.

Кинъ, въ отвѣтъ миссъ Демби, принимается исчислять всѣ невыгоды актерскаго ремесла. — Готовы ли вы, миссъ, продавать любовь, чтобы наряжать тѣло? — Шелкъ, бархатъ и брилліанты обходятся не дешево! — Но вотъ другая невыгода. Миссъ Демби не подумала о журналистахъ. О, миссъ, берегитесь журналиста! Это коршунъ, который непрерывно носится надъ театромъ. Сграшится коршуна, невинныя закулисныя горлицы! Здѣсь Кинъ, разговорившись о журналистахъ, отдѣлываетъ порядкомъ Г. Jules Janin'a, за что Г. Jules Janin, разговорившись о Кинѣ въ Journal des Débats, отдѣлываетъ тѣмъ же порядкомъ Г. Александра Dumas. И чтобы не отстать отъ своего противника въ напыщенности и сумасбродствѣ, водевильный критикъ называетъ себя puissance qui marche l'égalé de toutes les autres, и признается, что у него «больше ума, слога и изобрѣтенія» чѣмъ у Г. Dumas. Теперь они квиты.

Какъ бы то ни было, Кинъ отвозитъ миссъ Демби къ ея теткѣ, не поживившись ни однимъ перышкомъ изъ крыла этой бѣлой голубки.

Третья картина. Вы видите Кина мертвецки пьяного, теперь вы видите Кина въ тавернѣ. Великій Кинъ вѣдѣ не бывалъ такъ великъ какъ въ кабакъ. Въ дни своей славы, когда у него бывали придворные и лорды, Кинъ, около полуночи исчезалъ: въ богатомъ своемъ экипажѣ, съ залитыми въ золото лакеями, онъ скакалъ по узкимъ и вонючимъ улицамъ въ свою любимую таверну. Тамъ-то, посреди густаго табачнаго дыма, посреди одуряющихъ испареній пива и водки, посреди воровскаго языка и неистовыхъ криковъ записныхъ мошенниковъ и шулеровъ, Кинъ проводилъ благополучнѣйшіе часы своей жизни. Въ тавернѣ, куда свелъ его Г. Dumas, Кинъ пьетъ шампанское и дерется на кулачки съ записнымъ бойцемъ; и все идетъ какъ нельзя лучше. Кинъ тутъ опять естественъ и сцена чрезвычайно забавна. Къ несчастію, человекъ скоро исчезаетъ и вмѣсто него является герой. Кинъ, прикидывающійся героемъ, несомнѣннѣйшій изъ людей вообще и изъ актеровъ въ особенности.

Случилось такъ, что лордъ Мельвилъ чуть было не похитилъ извѣстную вамъ миссъ Демби. Кинъ останавливаетъ его на дорогѣ и вызываетъ на дуэль. Но лордъ не хочетъ драться съ актеромъ. Кинъ осыпаетъ этого потомка Вильгельма-Завоевателя ругательствами и обходится съ нимъ такъ какъ порядочные люди не обходятся съ послѣднимъ балаганнымъ палцомъ. Сцена грубая, нелѣпая и неизвинительная. Но это было нужно, чтобы доказать, что актеръ благороднѣе всякаго лорда.

Наконецъ мы покидаемъ таверну, разбитыя и полныя бутылки. Мы опять въ уборной Кина. Кинъ входитъ; онъ чувствуетъ себя очень несчастнымъ. Онъ далъ вексель въ тысячу фунтовъ стерлинговъ: вексель протестованъ. Кинъ бѣсится. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за тиранство! Какъ можно требовать, чтобы Кинъ, великій Кинъ, платилъ долги свои! Возможно ли гению унижаться до подобныхъ мелочей! Между-тѣмъ потаенная дверь отворяется: это графиня Кефельдъ, которая *сама ходила въ кассу*. Она даетъ свой портретъ Кину и осыпаетъ его нѣжностями. Вдругъ стучатся въ двери. — Кто тамъ? — Принцъ Валлійскій и графъ Кефельдъ! Они пришли «съ визитомъ» къ господину Кину. Нельзя же не пустить принца Валлійскаго, регента, государя трехъ

Соединенныхъ королевствъ, не считая десяти королевствъ несоединенныхъ! Графиня съ трудомъ успѣла убѣжать, и забыла свой вѣреръ, осыпанный брилліантами. Графъ Кефельдъ беретъ этотъ вѣреръ, и уходитъ, говоря регенту: — *Вы знаете номеръ моей ложи.*

Тутъ начинается между принцемъ Валлійскимъ и актеромъ Киномъ разговоръ непостижимый. Кинъ умоляетъ принца не ухаживать болѣе за графинею Кефельдъ. — За это снѣ уступаетъ ему всѣхъ Англійскихъ женщинъ. Принцъ Валлійскій говоритъ Кину: — Признайтесь, что вы ея любовникъ, и я отъ нея отказываюсь. Кинъ считаетъ недостойнымъ себя признаться ему въ чемъ-либо. Принцъ уходитъ. Директоръ является и докладываетъ господину актеру, что публика давно уже ждетъ его и приходитъ въ нетерпѣніе. Кинъ одѣвается и, накладывая на голову парикъ, разглагольствуетъ о непріятностяхъ своего ремесла. Ремесло, знаете, ужасно тяжелое! Получать жалованья болѣе трехъ Англійскихъ прелатовъ вмѣстѣ и два раза въ неделю декламировать превосходныя сцены Шекспира. Право, это нестерпимо! Хоть кому — надобсть; даже и не генію.

Но вотъ нѣчто еще непостижимѣе всего, что мы доселѣ видали. Вы въ *Covent-Garden*'в, то есть, въ *Drury-Lane*'в: театръ представляетъ другой театръ, какъ въ «Гамлетъ»; Кинъ на этомъ театрѣ представляетъ Ромео. На сценѣ балконъ Джуліетты. Ночь. Всѣ вы знаете трогательный разговоръ Ромео и Джуліетты, сладкую пѣснь любви и блаженства. Г. Dumas перевелъ эту сцену довольно хорошими стихами, — какъ вдругъ Ромео, видитъ въ первой ложѣ, — не въ мнимой ложѣ изъ папки, а въ настоящей ложѣ, за рампомъ, гдѣ сидитъ публика, — видитъ графа Кефельда и принца Валлійскаго. Тутъ Ромео останавливается, перемѣняетъ и роль и видъ свой и начинаетъ разглагольствовать противъ принца Валлійскаго, оскорбляетъ его отъ имени Кинна, осыпаетъ ругательствами. Это ужъ настоящая фарса! Хорошо Г. Dumas понимаетъ Англійскіе нравы! Да еслибы великій Кинъ вздумалъ оскорбить кого-нибудь въ театрѣ, его бы тутъ же закидали стульями, несмотря ни на какое величіе; а осмѣлся онъ только напасть публично на принца Регента,

такъ его безъ церемоній повѣсили бѣ не далѣе какъ на другой день послѣ представленія Ромео и Джулиетты.

Разругавъ весь свѣтъ, Кинъ падаетъ въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ режиссеръ и говоритъ : «Милорды и господа, слава Англiи, великій Кинъ, помѣшался!» Занавѣсъ опускается.

П действительно, такъ долженъ былъ кончить Кинъ, и такъ онъ кончилъ жизнь свою. Этотъ нищій, этогъ кочующій комедiантъ, уличный паяцъ, потомъ бѣдный учитель фехтованья, вдругъ былъ постигнуть славою, и слава его ослѣпила. Съ тѣхъ-поръ его умъ, слабый и тщеславный, никогда уже не могъ прийти въ себя. Сегодня жить въ безвѣстности, а на завтра сдѣлаться знаменитымъ! шагнуть вдругъ отъ величайшей нищеты къ величайшему богатству! выйти изъ ничтожества. — и какого! — ничтожества балаганнаго паяца, и прозвѣсть совершенный переворотъ въ театрѣ; показать Англiйскому народу Шилока, Ричарда III, Отелло, Макбета, такими, какими создалъ ихъ самъ Шекспиръ; сначала не стоить и свистка, а послѣ быть превозносимымъ болѣе завосвателя Индiи! Противъ этого и кряккая голова не устояла бы. А надобно еще замѣтить, что Кинъ во всю жизнь носилъ слѣды своего дурнаго воспитанiя. Скинувъ съ себя нищету, онъ не умѣлъ скинуть ея пороковъ. Онъ былъ низокъ и развратенъ непозволительнымъ образомъ для чловѣка съ дарованiемъ. Онъ былъ и остался товарищемъ и другомъ самыхъ низкихъ, самыхъ глупыхъ негодяевъ въ Лондонѣ. Онъ, какъ дикарь, топилъ рассудокъ въ водкѣ; погрязъ въ долгахъ, распутствѣ. Домъ его былъ вмѣстѣ и домомъ соблазна и званiщемъ; тамъ бродили и львы и престлѣнницы. Послѣ вина, погубила его гордость. Онъ задумалъ подражать Байрону, и умъ его лопнулъ отъ усилiй. Онъ, бѣднякъ, не могъ или не умѣлъ уберечься ни отъ одной чумы, ни отъ чумы нищеты, ни отъ чумы чрезмѣрнаго богатства. Принужденный удалиться изъ Англiи, онъ бродилъ по сѣверной Америкѣ съ остатками таланта, еще довольно сильнаго. Возвратясь въ Лондонъ, онъ снова выступилъ на сцену, и явился въ *Ben Nazir*'ѣ, драмѣ Г. *Grattan'a*, сына извѣстнаго Ирландскаго оратора. Первые два дѣйствiя онъ сыгралъ порядочно. Третiй актъ начинался раз-

говоромъ: Кинъ увѣрялъ, что онъ выполнитъ его славно. Вдругъ онъ начинаетъ запинаться, останавливается, и цѣлыя двадцать минутъ испускаетъ ужаснѣйшія стenanія. — Кинъ помѣшался!

Послѣдній актъ пьесы Г. Dumas совершенно лишній; притомъ онъ ничтоженъ, и въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Вообще вся пьеса ложна, надута, безъ цѣли, безъ плана, и слишкомъ длинна. Смѣшно и безразсудно доказывать публикѣ, что великій актеръ равенъ вѣсімъ великимъ на землѣ. Но склентъ вмѣстѣ эти два слова — «Распутство и геній», стараться посредствомъ безконечной и бѣшеной діатрибы возвысить и облагодарить распутство геніемъ, это нелѣпо, или, какъ вскорѣ будутъ говорить въ Европѣ, это совершенно по-Французски. Нѣсколько простыхъ и хорошо написанныхъ сценъ, нѣсколько острыхъ шутокъ, непрерывное движеніе, которое какъ-будто замѣняетъ единство и дѣйствіе, безчисленное множество дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждому есть что сказать и сдѣлать, — вотъ все, что можно похвалить въ этой новой грудѣ нелѣпостей и грубостей.

4. *Diadesté, Диадесте, или Арабское пари*, комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова Гг. *Saint-Hilaire'a* и *Leclé*, музыка Г. *Godefroy*.

Диадесте, по увѣренію комической оперы, есть Арабское слово, родъ игры, или пари, которыя состоятъ въ томъ, чтобы цѣлыя сутки, а если хотите, пожалуй, и цѣлый годъ, говорить *диадесте* вмѣсто — покорнѣйше благодарю. Чтобы ни давалъ или ни предлагалъ тотъ, кто съ вами играетъ, вы должны отвѣчать — *диадесте*. — Хотите черстваго хлѣба? — *Диадесте!* — Хотите щелчокъ въ носъ? — *Диадесте!* — Не хотите ли посмотрѣть Амазампо? — *Диадесте! диадесте!*

Хотите или нѣтъ, а въ Венеціи, — вѣчно въ Венеціи, — жилъ былъ вертопрахъ, по имени Стено, человекъ до крайности самонадѣянный, по уши въ себя влюбленный. Этотъ водевильный Венеціанецъ обручился заочно, черезъ нотариуса, съ какою-то Италіянскою графинею, которой отроду не видывалъ. Во ожиданіи или, лучше сказать, не ожидая послѣдствій обрученія, онъ приволакивается за другою

сильною и твердо надѣется внести ее въ свой любовный списокъ, жалкую и блѣдную копию знаменитаго списка донъ Жуанова. Между-тѣмъ и эту повую красавицу Стено видѣлъ только издали, гуляя на площади Святаго Марка, и никогда съ ней не говорилъ. Во ожиданіи или не ожидая послѣдствій своего волокитства, онъ имъ хвастается, рассказываетъ объ этомъ графу Манфреди, и прибавляетъ, что у ней голубые глаза и что онъ надѣется скоро съ нею повѣдаться на площади Святаго Марка.

Этотъ графъ Манфреди, само собою разумѣется, жужъ Венеціанскій, — ревнивъ какъ Отсло, — да еще у его жены и глаза голубые: Стено и графиня любятъ другъ друга, — это ясно какъ у насъ и въ маѣ не бываетъ. Манфреди бѣсится и беснуется.

А надобно вамъ замѣтить, что графиня Манфреди женщина честная изъ честныхъ, добродѣтельная изъ добродѣтельныхъ, — хоть бы не въ Италіи. Другая графиня, невеста Стено, какъ нарочно — короткая пріятельница графини Манфреди. Для шутки онѣ уговариваются заказать Нарцисса или Паркиза Стено и этого ревнивца Манфреди. Онѣ мѣняются платьями и покрывалами, и графиня, невеста Стено, выходитъ изъ своего дому на площадь Святаго Марка въ платье графини, жены Манфреди. Манфреди, видя это, бѣсится противъ жены, которую считаетъ измѣнницей. Но вдругъ она является, бѣлая какъ снѣгъ и чистая какъ голубица. Мужъ винится, кается и, какъ водится, проситъ прощенія. Вы думаете, что и только? что *упомянутая* опера тѣмъ и кончилась? О, нѣтъ! вы ошибаетесь.

Вмѣсто одной оперы, щедрые авторы надѣляются васъ двумя операми подъ однимъ заглавіемъ. Послѣ этой, весьма достаточной, комической оперы, слѣдуетъ другая комическая опера: первую можно бы назвать «Манфреди, или ревливый Венеціанецъ»; вторая по справедливости должна быть названа и называется «Діадесте».

Комическая опера N° 2.

Манфреди, на колѣняхъ передъ женою, получаетъ прощеніе подъ условіемъ дать въ тотъ же самый вечеръ великолѣпный балъ. Графъ соглашается на балъ; но онъ скупъ, кромѣ того что ревнивъ, и ни за что въ свѣтъ не хочетъ

принять на свой счетъ издержекъ бала. Графиня предлагаетъ ему играть въ *диадесте* на пятьдесятъ червонецъ. Тотъ изъ нихъ, кто до самой полуночи будетъ говорить *диадесте*, ни разу не забывшись, получить пять сотъ червонецъ. Тутъ интрига Стено съ другою графиней возобновляется. Графъ почти застаётъ Стено у ногъ жены своей, и Стено прячется въ павильонъ. Манфреди видитъ, что его графиня смущена, взволнована, блѣднѣетъ и украдкою взглядываетъ на дверь павильона. — Кто тутъ? Кто спрятался, въ этомъ павильонѣ? кричитъ взбѣшенный ревнивецъ. — Мужчина, съ трепетомъ отвѣчаетъ графиня. — Ключъ, гдѣ ключъ, подайте мнѣ ключъ, сударыня! — Вотъ онъ. — Графъ схватываетъ ключъ и бѣжитъ къ павильону. Графиня хохочетъ: бѣдный графъ взялъ ключъ и не сказалъ ни *диадесте*, ни даже — покорнѣйше васъ благодарю! Стено выходитъ изъ павильона и подаетъ руку своей невѣстѣ, *Диадесте!*

5. *Les Hérétiques, Еретики*, драма, со вложеніемъ *Трехъ порцій мороженаго*; Гг. *Bayard'a* и *Comberousse'a*.

Предметъ этой драмы заимствованъ изъ какой-то Нѣмецкой сказки; мороженое для пролога взято у кондитера. Вотъ почему прологъ называется *Les trois glaces*, «Три порціи мороженаго»: въ какомъ-то замкѣ, въ Богеміи, являтся неизвѣстно откуда незнакомецъ пилигримъ, и съ нимъ два невидимыхъ голоса, которые повсюду его сопровождаютъ и съ нимъ бесѣдуютъ. Этотъ человекъ велитъ подать себѣ три стула и три порціи мороженаго. Незнакомецъ съ невидимыми товарищами разомъ съѣдаютъ всѣ три порціи, и я думаю, что мороженое имъ очень нужно, потому что врядъ ли они не отсюда, гдѣ злой богачъ тщетно проситъ капли воды у Лазаря. Но чтобы эти господа не простудились, начинается пожаръ; замокъ горитъ; и въ немъ юная и прекрасная Лидя. Трехголосный человекъ бросается въ пламя, съ которымъ онъ по-видимому старый знакомецъ, и спасаетъ Лиду отъ смерти. Его зовутъ Ромстеромъ. За эту услугу онъ поклялся приобрести себѣ любовь Лиды, во что бы то ни стало.

Во второмъ дѣйствіи пилигримъ Ромстеръ сдѣлался рыцаремъ Ромстеромъ. Прежде онъ спасъ Лиду отъ огня, а те-

перъ спасаетъ отъ бѣшеной лошади. Всегда и повсюду Лида встрѣчаетъ Ромстера: онъ ея рыцарь, ея путеводитель, услужникъ и защитникъ: притомъ онъ такъ нѣженъ и почтителенъ! Однажды, когда они сидѣли запершись вдвоемъ, вдругъ кто-то стучится въ двери. Благородный рыцарь Ромстеръ, чтобы не повредить доброму имени своей любезной, бросается изъ окна трехъ-этажной башни въ глубокую рѣку. И Лида оплакиваетъ своего благороднаго Ромстера.

Напрасно! Этотъ господинъ, какъ казенная аммуниція, въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ. Въ третьемъ дѣйствіи рыцарь Ромстеръ, вынырнувъ изъ рѣки, является уже врачомъ Ромстеромъ. Не человекъ, а дьяволъ! Онъ насмѣхается надъ всѣмъ на свѣтѣ,—любовью, дружбой, наукой и жизнью людей. Для забавы онъ отравляетъ дядю Лиды. Отравивъ дядю, онъ застрѣливаетъ кого-то изъ пистолета въ пятистахъ шагахъ разстоянія, только для того чтобы не отвыкнуть отъ стрѣльбы. Все что онъ дѣлаетъ, непостижимо; все что онъ говоритъ, странно. Ни дать ни взять — Мефистофель, который начитался Вольтера; и притомъ недопеченный Мефистофель, даромъ, что онъ, кажется, прамехонько изъ горна преисподней и что у Г. Bayard'a иногда бываетъ довольно остроумія для того, чтобы закарить чорта и безъ огня. Въ заключеніи всей этой злой исторіи, Ромстеръ честно признается Лидѣ, что онъ въ самомъ дѣлѣ дьяволъ, и подземное пламя, какъ водится, его пожираетъ. Пренесчастная сатира, Богъ знаетъ противъ кого и противъ чего!

6. Arriver à propos, *Поспѣть во-время*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. Etienne'a Arago и Lubise'a.

Предувѣдомляю васъ, что этотъ водевилъ очень милъ. На дачѣ, въ окрестностяхъ Париза, живутъ три дамы и всякой день толкуютъ между собою. О чемъ же онѣ толкуютъ? Одна изъ нихъ для любви слишкомъ стара, другая слишкомъ молода; но третья, госпожа Сервиеръ, вдова двадцати пяти лѣтъ, въ самой порѣ любви. Два жениха за нее сватаются; но одинъ слишкомъ старъ, другой слишкомъ молодъ: одинъ годился бы развѣ только для тетушки госпожи Сервиеръ, а другой со-временемъ будетъ годиться для меньшей сестрицы госпожи Сервиеръ. И бѣдная наша вдовушка въ большомъ затрудненіи между пятьюдесятью годами одного

и двадцатью годами другаго. Какъ же сѣ выбраться изъ этого затрудненія?

Между-тѣмъ садовникъ приводитъ господина, который безъ позволенія охотился въ роцѣ, принадлежащей къ этой дачѣ. Выходитъ, что этотъ господинъ не кто иной какъ полковникъ, владѣлецъ ближняго замка, который, замокъ, естественно и ежегодно приносить пятьдесятъ тысячъ чистаго дохода. Полковникъ отдаетъ свое оружіе: зато приглашаютъ его къ завтраку, и рассказываютъ ему свои любовныя бѣды. Полковникъ тотчасъ смѣкаетъ дѣломъ. Погубить своихъ соперниковъ въ глазахъ госпожи Сервіеръ, для него ничего не значить. Старика онъ уговариваетъ броситься на колѣни, а пылкаго юношу написать письмо: самъ онъ между-тѣмъ поставяетъ на видъ свои тридцать шесть лѣтъ и свои пятьдесятъ тысячъ доходу. Старикъ бросается на колѣна, и падаетъ наземь; юноша пишетъ глупое письмо, и оба они смѣшны. Полковникъ говоритъ одному: — Вамъ слишкомъ поздно! — другому: — А вамъ слишкомъ рано; одинъ я поспѣлъ во-время, и жевюсь. Сказано и сдѣлано.

7. Une Anglaise, *Англичанка*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Antier'a и Jaime'a.

Дѣйствіе происходитъ въ Діеппѣ. Въ рѣченную Англичанку влюбленъ Г. Эрнестъ, который такъ искусно стрѣляетъ изъ пистолета, что изъ десяти куколъ разбивать восемь. Въ ту же самую Англичанку влюбленъ ея кузенъ, котораго она терпѣть не можетъ. Она говоритъ Эрнесту: — Деритесь съ моимъ кузеномъ, краснымъ мундиромъ. — Дерутся, не на пистолетахъ, а на шпагахъ. Красный мундиръ проткнуть въ лѣвый рукавъ; а между-тѣмъ миссъ убѣжала съ какимъ-то господиномъ, за которымъ впрочемъ она за мужемъ. Счастливаго пути! Г. Эрнестъ остался въ дуракахъ. Вотъ вся исторія Англичанки.

8. D'Aubigné, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Ancelot и Paul Dupont'a.

Г. Ancelot давно уже покоился на лаврахъ; но вдругъ встрепенулся, вспомнивъ, что есть еще одно историческое имя, которое онъ не искажилъ и не унижилъ. Онъ взялъ самую остроумную, самую набожную, самую благотворительную женщину вѣка Людовика XIV, и показалъ ее въ самомъ

смѣшномъ видѣ, объ руку съ жалкимъ и презрѣннымъ циникомъ *Roquelaure*'омъ. Въ этомъ водевилѣ госпожа *Maintenon* очень заботится о своемъ бракосочетаніи съ королемъ, которое должно совершиться въ ту же самую ночь, если только нунцій Нерони на это согласится. Но нунцій Нерони влюбленъ въ госпожу *Lesdiguières*, которая со своей стороны влюблена въ *d'Aubigné*, роднаго брата госпожи *Maintenon*. Этотъ *d'Aubigné*, говоритъ исторія, былъ сумасбродъ, жадный и распутный, который никогда не могъ насытиться ни золотомъ ни женщинами. Водевилъ представляетъ его буйнымъ гусаромъ, который обходится съ сестрою, какъ порядочные люди не обходятся съ торговками. Въ эти два акта госпожу *Maintenon* оскорбляютъ одинъ за другимъ и всѣ вмѣстѣ, во-первыхъ, *Roquelaure*, который надѣваетъ ей чепцы и передразниваетъ ее; во-вторыхъ, *d'Aubigné*, который называетъ ее ханжою и лицемеркою; въ-третьихъ, госпожа *Lesdiguières*, которая назначаетъ нунцію любовное свиданіе, чтобы помѣшать браку короля. Такимъ образомъ, въ продолженіе пьесы, всѣ смѣются надъ бѣдною госпожею *Maintenon*, всѣ ее дурачатъ, и она прячется за окна, чтобы подслушивать чтó о ней говорятъ. Она беспокоится, хлопочетъ, суетится, и наконецъ кое-какъ выходитъ за-мужъ. Все это скучно, ложно, безвкусно, непристойно и неостроумно.

9. *Le Frère de Rigon*, *Братъ Пирона*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. *Lockroy* и *Arnould*.

Братъ Пирона былъ такъ глупъ, или по-крайней-мѣрѣ Пиронъ выдавалъ брата своего за такого глупца, что простота его обратилась въ пословицу, и Французы говорятъ — *le frère de Rigon*, вмѣсто — онъ дуракъ. Авторы предлагающаго водевиля пожаловали Пиронова брата въ Дижонскіе фабриканты горчицы.

Вотъ въ чемъ дѣло. Всесильный и беззаботный солдатъ Босомель, получивъ квартирный билетъ, является въ Дижонъ къ Пирону, горчичному фабриканту, человѣку честному и благонаравному, который упражняется только въ банкахъ и горчицѣ, и не слыхалъ даже о томъ, что его братецъ преданъ стихамъ въ Парижѣ и слыветъ во всей Франціи поэтомъ. Солдатъ весельчакъ, и знаетъ наизусгъ слова и музыку

всѣхъ веселыхъ, то есть, вольныхъ пѣсень. Пиронъ стихотворецъ — любимый его поэтъ: онъ только и поетъ пѣсни Пирона, которая хорошо пѣть солдату, но которыхъ иные солдаты не поютъ изъ скромности. Узнавъ, что хозяинъ его, называется Пировъ, Босомель въ восторгѣ. — Какъ! Пиронъ? — великій Пиронъ? — Босомель душитъ горчичнаго Пирона въ своихъ объятіяхъ, а тотъ не понимаетъ за что ему такая честь. Въ радости Босомель поетъ госпожѣ Пиронъ стихи своего любимаго поэта, и чуть-было не пропѣлъ ихъ дѣвицѣ Пиронъ. Этого мало: въ Дижонѣ есть «Академія Нравственности», и Пиронъ, честный горчичный фабрикантъ, записался въ ней кандидатомъ. Босомель узнать объ этомъ. Чтобы подкрѣпить права его на званіе члена академіи, Босомель спѣшитъ отпривать въ конференцію полное собраніе пѣсень Пирона. Вы можете вообразить какой соблазнъ это производить! Нравственная академія негодуетъ на безнравственность кандидата, госпожа Пиронъ удивляется, дѣвица Пиронъ не знаетъ что и думать.

Три первыя сцены очень хороши.

10. *L'Enfant perdu, vaudeville grivois, de M. Sauvage.*

Le Tailleur et le Voleur, портной и воръ, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, G. Dupin'a.

Мамзель Марсилли, старая модистка, имѣла въ молодости сынка, но потомъ потеряла его изъ виду; искала, искала и, вмѣсто сынка, нашла племянницу. Эта племянница познакомилась съ *нѣкимъ* Г. Фламаномъ. Узнавъ, что мамзель Марсилли, имѣетъ сына, Фламанъ выдаетъ себя за *Тити*, сынка нѣжной мамзель Марсилли. Сначала все идетъ хорошо; но потомъ все обличается, Фламанъ изгнанъ, настоящій сынокъ отыскивается и женится на комъ слѣдуетъ. Вотъ вамъ *vaudeville grivois!*

Еще исторія. Воръ встрѣчается съ портнымъ. Воръ обворовываетъ портнаго. Воръ беретъ новое платье портнаго, а портному оставляетъ свое, старое, воровское платье, украденное у одного скряги по ошибкѣ. Но портной находитъ миліонъ въ карманѣ вора. Такимъ образомъ, сначала воръ обворовалъ портнаго, а въ концѣ портной обворовалъ и самого вора. Понимаете?

11. La Fille du Danube, *Дунайская дѣва*, балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, Г-на Таліони, музыка Г. Adam'a.

Не ожидайте толку, ни изобрѣтенія, отъ знаменитаго Парижскаго хореографа : господинъ Таліони сочиняетъ балеты только для своей дочери, госпожи Таліони, и вся его забота о томъ, чтобы выказать ея легкія ножки. Тѣ, которые видѣли въ Петербургѣ госпожу Песаръ, пока госпожа Песаръ не дѣлала *salti mortali*, могутъ себѣ составить понятіе о танцѣ прославленной Парижской Терпсихоры : бѣдная Песаръ не уступала счастливой Таліони ни въ искусствѣ, ни въ методѣ, ни въ граціи ; родъ ихъ былъ одинъ и тотъ же ; вся разница между ихъ танцомъ состояла въ относительной красотѣ лицъ и главное превосходство Таліони передъ нею происходило отъ обычной напыщенности похвалъ Парижскихъ журналистовъ. Кто теперь протанцуетъ намъ « Дунайскую дѣву » !

Въ долинѣ Донекингенъ, неподалеку отъ горъ Ференбаракскихъ, близъ Нейдинга, тамъ гдѣ *Бугъ впадаетъ въ Дунай* (какая *танцующая* географія !), нашли однажды, на влажной зелени луга, плодъ цвѣтка водяной нимфы, маленькую дѣвочку, бѣленькую, съ голубыми глазками, съ черными волосками, такую хорошенькую, такую нѣжную, спокойную, легкую, что ее приняли за полугодовую фею. Притомъ бѣдняжка была нѣма. Ее подобрала или, лучше сказать, сорвала со стебелька, старая Нѣмка, Ирменгарда. Дѣвочку назвали *Feldblume*, « Полевой цвѣтокъ », по просту Незабудка. Она росла и распускалась въ долинѣ цвѣткомъ, и лѣтъ шестнадцати плясала иногда на берегу Дуная съ Рудольфомъ, прекраснымъ молодымъ пажемъ « несчастнаго барона Вилибальда ».

Этотъ несчастный баронъ, подлинно несчастный, имѣлъ несчастіе три раза жениться, и всѣ три его благородныя, богатыя жены, одна за другой померли. Баронъ наконецъ разсердился и *побелику* благородныя жены не долговѣчны, онъ рѣшился жениться на простой, хоть самой простой изъ простыхъ, лишь бы только она была самая цвинная изъ невинныхъ (по этому поводу, изъ простыхъ баронъ исключилъ золотошвеекъ) и самая хорошенькая изъ хорошихъ. Баронъ человѣкъ съ умомъ и со вкусомъ !

Теперь какъ вы это знаете, возвратимся въ долину цвѣтовъ, гдѣ прекрасная Незабудка цвѣтетъ и танцуетъ съ пажемъ вышеръченнаго несчастнаго барона. Танцы ея стихія: эту роль занимаетъ мамзель Таліони.

Старый Дунай смотритъ за этой дѣвочкой, какъ отецъ за дочерью. Рудольфъ говоритъ ногами Незабудкѣ: — Люблю тебя! Люблю тебя! — У невинной Незабудки покраснѣли пяты со стыда. И любовники отъ излишнихъ танцевъ, излишней любви, и особенно излишней невинности, засыпаютъ подъ тѣнью большаго дерева. Но Дунайская нимфа, ключница Стараго Дуная, выходитъ изъ хрустальнаго чертога водъ, надѣваетъ имъ обручальныя кольца, и они просыпаются.

Чу! труба! Герольды обходятъ долину, возвѣщая поселянамъ и поселянкамъ, чтобы они, и особенно онѣ, собрались на праздникъ, который несчастный баронъ Вилибальдъ даетъ въ своемъ замкѣ. При этой вѣсти сердца дѣвушекъ сильно бьются отъ радости; но пажъ Рудольфъ, любовникъ Незабудки, груститъ и печалится.

Праздникъ начинается: онѣ блеститъ отъ искоръ стальныхъ латъ и женскихъ взглядовъ, онѣ рисуется въ бархатныхъ плащахъ и газовыхъ платьяхъ. Начинаются пляски. Баронессы и поселянки, другъ передъ другомъ, стараются быть одна другой легче, одна другой прекраснѣе. Незабудка, скромный цвѣтокъ, не уступаетъ ни перламъ, ни алмазамъ; легкій газъ беретъ верхъ надъ блестящимъ атласомъ, и вамъ, нечего уже говорить, которая изъ этихъ красавицъ прекраснѣе всѣхъ прочихъ. Дѣйствительно, баронъ Вилибальдъ избираетъ себѣ въ баронессы Дунайскую дѣву. Но она отвергаетъ предложеніе. Вилибальдъ проситъ, умоляетъ ее, кладетъ къ ногамъ ея, свою знатность и баронство, и богатство, и гордость, и всѣ прелести своего ума и тѣла. Напрасно! Незабудка, чтобы избавиться отъ барона, бросается въ Дунай. Она исчезаетъ. Рудольфъ въ отчаяніи. Блаженство его погребено въ волнахъ сердитой рѣки. Онѣ хочетъ броситься туда же, — туда, гдѣ его милая, какъ вдругъ она появляется на поверхности воды. Но это только улыбающался тѣнь той, которой онѣ лишился. Тѣнь летаетъ, тѣнь

носитя вокругъ его, какъ легкая мечта въ сновидѣнн. Онъ видитъ ее, и не можетъ схватить. Она ползетъ ему ручку, но когда Рудольфъ хочетъ схватить ручку, ручка исчезаетъ: это не ручка, но только неосязаемый призракъ ручки, къ которой онъ нѣкогда прижимался устами. Мамзель Таліонн, какъ говорятъ, восхитительна въ этой тѣнн и танцуетъ мимолетною мечтою. Но вотъ является баронъ Видибальдъ со своею свитою, и видитъ что пажъ его сошелъ съ ума. Чтобы вылечить бѣднаго юношу отъ сумасшествія, начинается пляска, пляшутъ, пляшутъ, пляшутъ и доплясываютъ до четвертаго дѣйствія: никто ничего не понимаетъ, да, впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и никакой надобности.

Въ четвертомъ дѣйствіи, вы — на днѣ Дуная, въ подводномъ чертогѣ «Стараго Дуная», какъ говоритъ хорегграфъ въ своемъ libretto. Повсюду кораллы, топазы, кристаллы и блестящія раковины: какія раковины, — этого не опредѣлить ни одинъ естествоиспытатель, но онѣ составляютъ чудесную декорацию. Водныя Нимфы стараются выказать всю свою легкость и прелесть. На скамь изъ мху лежатъ въ обморокѣ Рудольфъ. Какъ же привести его въ чувство? Въ настоящемъ положеніи вещей, невозможно ни вынести его на воздухъ ни брызнуть ему въ лице водою. Не знаю, какъ они это сдѣлали, только привели Рудольфа въ чувство. Тутъ блестящая мысль падаетъ съ неба въ Старый Дунай. Прежде чѣмъ выдать дочь за мужъ, Старый Дунай хочетъ удостовѣриться, будетъ ли она счастлива: юныя нимфы, подъ покрывалами, окружаютъ Рудольфа, и будутъ осыпать его ласками и обольщеніями. Рудольфъ долженъ узнать Незабудку подъ покрываломъ: — если онъ узнаетъ, тогда Незабудка будетъ на вѣрное счастлива въ супружествѣ; тогда Незабудка — его.

Вотъ начинается подводное обольщеніе. Нимфы всѣ подъ покрывалами, танцуютъ, подносятъ ему разныя раковины. — Рудольфъ въ большомъ затрудненіи. Наконецъ онъ узнаетъ Незабудку несмотря на покрывало: это она! И онъ въ объятіяхъ своей любезной. Ихъ женятъ, чтобы поплясать на свадьбѣ. По этого мало, что они будутъ плясать въ водѣ, какъ ряпушки: надобно заставить и людей поплясать. Раковина Стараго Дуная поднимается на поверхность воды, нимфы

соскакиваютъ на берегъ, является Вилдбальдъ съ рыцарями и оруженосцами, поселянами и поселянками, и Старикъ Дунай задаетъ имъ такой балъ, какого и наша высокопочтенная Пева отроду не давала.

Танцы этого балета, которые Парижская публика слушала со вниманіемъ и которымъ она громко аплодировала, «начертаны съ большимъ искусствомъ; многіе изъ нихъ прелестны. «Галопъ перваго дѣйствія будетъ скоро галопомъ Европейскимъ. Смѣшанныя пляски баронессъ вѣстятъ съ поселянками, «чрезвычайно живописны; но танцы съ покрывалами, въ послѣднемъ дѣйствіи, нѣчто истинно поэтическое. Музыка Г. «*Adam*» написана весьма искусно: ѣтъ ей даже слишкомъ «много оригинальныхъ идей для балета. Она жива, умна, «блестяща и занимательна,» и прочая, и прочая.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Можно, право, назвать несчастнымъ того, кто по склонности или по незнанію другихъ языковъ, принужденъ пытаться нѣтъшнсю Французскою словесностью. Не говоря уже объ убійственной посредственности всего, что Парижскіе журналы превозносятъ какъ удивительное, въ концѣ лѣта, когда вы прочитали весь грузъ Парижскаго изящнаго, прибывшій на корабляхъ, вами овладѣваетъ такая тошнота, что всю осень боитесь коснуться рукою до Французской книги, какъ до зачумленной вещи. Что за идеи! какія понятія о человѣкѣ и обществѣ! какое отвратительное безвѣріе или неуваженіе ко всему священному или почитаемому народами! Читая незабвенныя творенія даже тѣхъ изъ нихъ, которые слывутъ благочестивыми, со страхомъ оборачиваешь страницу, чтобъ не встрѣтить на слѣдующей полосѣ какого-нибудь богохульства, неблагопристойности или миленькой шутки грубаго, скотскаго матеріализма. Когда эти господа хотятъ подняться на нравственность или благочестіе и предположить себя «цѣль похвальную», то пока достигнуть до похвальной цѣли, я тутъ они проведутъ васъ напередъ черезъ всѣ возможныя жерзости. Не знаю, право, не опаснѣ ли такія книги для молодыхъ умовъ, нежели тѣ, которыя откровенно ведутъ къ дурной цѣли и не думаютъ быть полезными. Напримѣръ *La république sociale* господина *Delécluze*'а! Придетъ же

человѣку въ голову быть полезнымъ съ этой стороны! Напримѣръ *Le chemin de traverse* господина *Jainin'a*, и цѣлая дюжина другихъ образчиковъ литературной благонаштрениости славнаго города Парижа!

— Кстати о *Chemin de traverse*. Въ Парижѣ вышло уже четвертое изданіе этого прославленнаго романа, который, вѣрно, вы уже всѣ читали. Видно, Французы изъ «легкомысленныхъ» въ нынѣшнемъ году попали въ «неутомимые», когда они до-сихъ-поръ не утомились еще этою утомительною, приторною, натлнутою посредственностью. Мы имѣли намѣреніе сократить этотъ романъ и представить лучшія мѣста изъ него въ видѣ статьи, но ужѣ давно отъ него отказались, удостовѣрившись въ невозможности выжать что-нибудь занимательное въ цѣлсмъ изъ этого «пѣнящагося моря пустословія и бушующаго океана длиннотъ и скуки», какъ сказалъ бы Персидскій поэтъ.

— Между новостями, вовсе нѣтъ ничего примѣчательнаго. Не угодно ли кому читать новый романъ *G. Brot'a* или *G. Souvestre'a*? Великіе писатели! Къ ноябрю мѣсяцу объявлено еще нѣсколько романовъ, между которыми будетъ одинъ романъ *G. Фредерика Soulié (Sathaniel)* и одинъ *G. Saintine'a (Picciola)*. Любители благонаправленныхъ романовъ съ прискорбіемъ узнаютъ, что *G. Paul de Kock*, проигравши процессъ съ книгопродавцемъ, изломалъ перо романиста и пустился въ мелодрамы. При столь удобномъ случаѣ непростительно было бы забыть странный циркуляръ, который мы получили при Англійскихъ газетахъ:

«Милостивый государь!

«По рѣшенію Парижскаго Гражданскаго Суда (*Cour Royale*), скучный и иждивительный процессъ, который выигравъ былъ *G. Paul-de-Kock*омъ въ первой инстанціи, неожиданно принялъ оборотъ не въ его пользу; и такимъ образомъ этотъ знаменитый писатель не только приретенъ теперь въ крайнюю бѣдность черезъ уплату убытковъ своему противнику и судебныхъ издержекъ приказамъ, но еще, лишась права издать полное собраніе своихъ многочисленныхъ твореній, тѣмъ самымъ лишень возможности вознаградить потерю посредствомъ своего труда и гения.

При столь жестокихъ и непредвидимыхъ обстоятельствахъ, и въ полномъ упованіи на великодушіе Англійской публики, равно какъ

на симпатію, которая соединяетъ любителей словесности обоихъ государствъ, открыта подписка у Гг. Rapinon'овъ, въ Pall-Mall-East, въ которой не угодно ли вамъ будетъ принять участіе.

«Съ полнымъ уваженіемъ имѣю честь быть,

«Милостивый государь,

«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

«Графъ А. D'ORSAY.»

— Самое примѣчательное событіе во Французской литературѣ, это новая компанія энциклопедистовъ. Люди отличнѣйшіе по всемъ частямъ между Французскими учеными, которыхъ мы столько же почитаемъ, сколько вообще чувствуемъ отвращенія къ Французскимъ литераторамъ, соединились для изданія «Энциклопедіи XIX вѣка», въ пятидесяти томахъ. Дѣло по-видимому не шуточное и мѣтитъ въ національные памятники: почти всѣ члены Института въ немъ участвуютъ. Будетъ ли эта энциклопедія девятнадцатаго вѣка очистительнымъ памятникомъ за тяжкій грѣхъ энциклопедіи осьмнадцатаго вѣка, или только ея отблескомъ? Это вопросъ, который, въ нынѣшнемъ положеніи наукъ, сильно касается чести Франціи. Между директорами и сотрудниками предпріятія стоятъ имена аббата *Receveur'a*, *Raoul-Rochette'a*, *Hennequin'a*, *Lamartine'a*, *Michaud* и другихъ людей религіозныхъ и христіанъ; но тутъ же есть и лзычникъ *Dubois* и нѣсколько человекъ отъявленныхъ матеріалистовъ Вольтеровской школы, которыхъ присутствіе не много обѣщаетъ относительно къ хорошему духу сочиненія, и которыхъ мы не хотимъ называть по имени изъ уваженія къ ихъ ученой знаменитости. Первый томъ этой энциклопедіи уже вышелъ въ Парижѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Вниманіе Англійской публики обращено было въ прошломъ мѣсяцѣ преимущественно на сѣздъ Великобританскаго ученаго свѣта въ Бристоль. Засѣданія этого блестящаго общества, въ которыхъ принимаютъ участіе и просвѣщенные вельможи и ученые по званію, были весьма занимательны, менѣе однако нежели въ прошломъ году. Литературныя журналы наполнены отчетами объ его совѣщаніяхъ, извлеченіями изъ читанныхъ разсужденій, и упреками. Несогласія, возникшіе между члена-

ми, отняли много времени у чтецій. Одно изъ этихъ непріятныхъ происшествій даже довольно замѣчательно. Баронъ Durin, гость общества, предложилъ въ «Статистическомъ Отдѣленіи», чтобы оно занялось приведеніемъ въ извѣстность народонаселенія Британской державы въ Остъ-Индіи, такъ какъ разныя полу-офіціальныя показанія по этому предмету чрезвычайно сбивчивы и разницы между итогами выходятъ иногда въ тридцать милліоновъ человекъ. Отдѣленіе приняло предложеніе Г. Durin'a и положило просить черезъ Совѣтъ правительство о нужномъ содѣйствіи, безъ котораго не возможно было бы пополнить столь важнаго пропуска въ общей Статистикѣ. Но совѣтъ, состоящій изъ *всѣхъ* ученыхъ Великобританіи, весьма удивился этому требованію, многіе члены обвинили Французскаго статистика въ скриваніи политическихъ видовъ, и послѣ большаго шума предложеніе было отринуто. Слѣдственно настоящее, число поданныхъ Англійскаго короля въ Индіи — секретъ? Странно, и непостижимо! Подумаешь, что этотъ ученый сѣзды имѣлъ засѣданія свои въ Панкинѣ или въ Нангасаки. Но Англичане и среди восторговъ любви къ наукамъ не забываютъ о своихъ народныхъ пользахъ.

— Въ послѣднемъ томѣ «Ларднеровой энциклопедіи» напечатана исторія Россійскаго государства. Къ сожалѣнію сочинитель ея, кажется, совершенно незнакомъ съ предметомъ: онъ даже не знаетъ Карамзина и его трудъ не стоитъ никакой критики.

— Изъ сочиненій, относящихся прямо къ Словесности, можно упомянуть только о новомъ романѣ неистощимаго капитана *Marryat*'а, подъ заглавіемъ — *Mr. Midshipman Easy*: завязка смѣлая и сильная, юморъ и занимательность отличаютъ равно этотъ романъ какъ и прочія сочиненія автора «Трехъ-сказочнаго паши», который, вѣроятно, разсмѣшилъ не одного изъ нашихъ читателей.

Списка новыхъ книгъ мы не помѣщаемъ здѣсь въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, потому что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной книги, заслуживающей упоминанія.

VII. СМЪСЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Королевская Академія Наукъ въ Парижѣ :	
1. Наблюденія надъ чувствами зрѣнія и слуха.....	1.
2. Новый инструментъ для литотритіи.....	3.
3. Электричество прошлагоднее и нынѣшняго лѣта	5.
4. Видъ испаряющейся капли воды	—
5. Грибы, растущіе внутри животныхъ.....	—
Бирминггамъ и мануфактура Soho	6.
Былъ ли на свѣтѣ Вильгельмъ Тель и стрѣлялъ ли онъ въ яблоко?	17.
Сапоги капитана Кидда... ..	22.
Путешествіе зеленого гороха.....	24.
Приключеніе съ мамзель Noblet	27.
Французскій театръ въ Парижѣ : Mistress Siddons, дра- ма. Le spectre et l'orpheline, мелодрама. Joseph, vendu par ses frères, мелодрама. Le chevalier de Canolle, ко- мическая опера. Casanova, водевиль. Le jeune père. Les misères d'un timbalier, etc.....	
	30.
Словесность во Франціи.....	41.
Словесность въ Англіи	43.
Новыя книги : Французскія. Амглійскія	44.
Моды : Парижскія. Петербургскія	46.

ОКТЯБРЬ.

Императорская Академія Наукъ въ Ст. Петербургѣ :	
Смерть Г. Ленца. — Экспедиція Эвксинно-Каспій- ская.—Возвышеніе Павловска надъ Петербургомъ.	47.
Королевская Академія Наукъ въ Парижѣ :	
1. Окаменѣлыя микроскопическія животныя	50.
2. Древнія Еврейскія надписи въ Сѣверной Америкѣ	51.
3. Смерть Jussieu	—
Угорь-Протей	—
Наблюденія надъ свѣщеніемъ органическихъ тѣлъ	54.
Знаменитости Зоологическаго Сада въ Лондонѣ :	
1. Аистъ-секретарь	59.
2. Выдра.....	60.

3. Слоны и Посоро:ъ.....	61.
4. Жирафы.....	65.
Характеръ Испанцевъ и Испаніи.....	67.
Богатство Испанскаго духовенства.....	72.
Смерть Давиела Ши и сирь Чарлза Вилькинса.....	74.
Вмластоновъ способъ имѣть всегда довольно времени...	76.
Лондонскіе исправительные суды.....	79.
Почтовые голуби.....	81.
Казнь жида въ синагогѣ.....	83.
Французскій театръ въ Парижѣ: <i>Christen de Dane-</i> <i>mark</i> , мелодрама. <i>Tout ou rien</i> , мелодрама Поль-де-	
Кока. Кенд, драма Александра Дюма. <i>Les hérétiques</i> ,	
драма Байра, <i>Djadesté</i> , комическая опера. — <i>Arriver à</i> <i>propos</i> , водевиль. <i>Une anglaise</i> , водевиль. <i>D'Aubigné</i> ,	
водевиль Ансело. <i>Le frère de Pigeon</i> . <i>L'enfant perdu</i> .	
<i>Le tailleur et le voleur</i> , <i>La fille du Danube</i> , балетъ. 86—104.	
Словесность во Франціи.....	105.
Словесность въ Англіи.....	107.
Моды: Парижскія. Петербургскія. Мужскія моды, (съ картинкою).....	109.

Вмластоновъ
 Кенд
 Ансело
 Байра

JUN 6 1940

Digitized by Google

